

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1888 годъ.

КНИГА ВТОРАЯ

СТО СОРОКЪ ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1888.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Волга, соч. Ш. Кеппена; переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсуевскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоановны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Исковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, Н. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

1888 годъ.

КНИГА ВТОРАЯ

СТО СОРОЕЪ ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1888

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1888 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

	Стран.
1. Атака Гданска фельдмаршаломъ граф. Минихомъ 1834 г.
Сборникъ реляцій графа Миниха, составленный полковникомъ Д. Ѳ. Масловскимъ..... .. I—XXVI	1—268

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

2. Подметныя письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1705 гг.)--Сообщилъ Дѣйст. Чл. С. А. Бѣлокуровъ.	1— 80

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

3. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). т. I.
П. А. Кулиша..... ..	1— 282

При сей книжкѣ прилагается „Указатель къ Чтеніямъ“ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1882—1887 года, составленный Сер. А. Бѣлокуровымъ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

АТАКА ГДАНСКА

ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ ГРАФОМЪ МИНИХОМЪ

1734 года.

СБОРНИКЪ РЕЛЯЦІЙ ГРАФА МИНИХА.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

полковника Д. Масловскаго.

Въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго Штаба (опись 192, книга 5-я) сохранилось дѣло главной квартиры Миниха, подъ заглавіемъ: „Атака Гданска“ 1734 г. Въ этомъ дѣлѣ есть нѣсколько копій съ рескриптовъ Императрицы Анны Миниху, переписка послѣдняго съ Люберасомъ, (имѣющая связь съ преданіемъ суду этого послѣдняго ¹⁾) и самое главное—копіи съ реляцій Миниха Императрицѣ изъ-подъ Гданска. Судя по числамъ и №№ на копіяхъ съ реляцій, мы думали, что имѣемъ копіи со всѣхъ донесеній Миниха, но оказалось, что въ „книгѣ копій“ нѣтъ весьма важныхъ изъ нихъ (на нѣмецкомъ языкѣ ²⁾), которыя нами отысканы въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ виду этого мы въ большинствѣ случаевъ воспользовались подлинниками; напечатаны же копіи только тѣхъ реляцій, которыхъ не оказалось въ дѣлахъ Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ.

Считаемъ нужнымъ высказать прежде всего тѣ причины, по которымъ мы вообще придаемъ важное значеніе реляціямъ ³⁾, приказамъ и журналамъ военныхъ дѣйствій.

Официальный ли характеръ реляцій или другія причины, но, какъ извѣстно, имъ не даютъ важнаго военно-историческаго значенія. Что же касается до журналовъ военныхъ дѣйствій, то они совершенно забыты. Достаточно сказать,

¹⁾ См. ниже документы LXXIII и LXXIV.

²⁾ Современный переводъ съ нихъ во всѣхъ случаяхъ приложенъ къ перепискѣ.

³⁾ Теперь названіе „реляція“ присвоено донесенію о сраженіи. Тоже было и прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ, до начала XIX стол., всѣ донесенія главнокомандующаго и другихъ лицъ монарху назывались также реляціями. Въ этомъ смыслѣ мы и обсуждаемъ ихъ значеніе.

что журналы кампаніи 1805, 1812, 1828—1829, 1830—1831, 1853—1856 гг. совсѣмъ не напечатаны; о нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя увѣренно сказать—сохранились ли они или нѣтъ ⁴⁾; даже самый вопросъ о напечатаніи ихъ въ цѣломъ видѣ не возбуждался.

Намъ кажется, что причина подобнаго невниманія къ указаннымъ нами первымъ военно-историческимъ источникамъ кроется едва ли не главнымъ образомъ въ томъ, что сравнительно до позднѣйшаго времени требованія отъ военно-историческихъ трудовъ были весьма снисходительны. Стратегическій очеркъ извѣстной кампаніи ограничивался сравнительно узкими рамками: болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ маршей-маневровъ, перечнемъ движеній, предшествующихъ бою; вся же сущность дѣла заключалась въ описаніи сраженія, боя, рѣдко стычки. Короче, методъ военно-историческихъ изслѣдованій, въ сущности, долго не шелъ далѣе перваго способа,—которымъ руководствовался и авторъ „Книги Марсовой“ ⁵⁾.

При этихъ условіяхъ военно-историческая наука могла дать относительно богатые данныя для выводовъ по тактикѣ, гораздо менѣе по стратегіи и тѣмъ болѣе по другимъ отдѣламъ военнаго искусства. Для цѣлей стратегіи приходилось сперва всецѣло возстановить значеніе *критико-историческаго метода изслѣдованій*. Если мы примемъ во вниманіе, что этотъ послѣдній получаетъ у насъ совершенно прочное развитіе благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ профессора генерала Леера, первыя статьи котораго появляются въ началѣ 1860-хъ годовъ ⁶⁾, то будетъ оче-

⁴⁾ См. Систематическій перечень сочиненій по разнымъ отраслямъ военныхъ знаній, подъ редакцію Станкевича. Военная бібліотека, т. XIV и II выпускъ каталога Военно-Ученаго Архива.

⁵⁾ *Книга Марсова* или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ Царскаго Величества Россійскихъ во взятіи преславныхъ фортификацій и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій, учивенныхъ надъ войски его королевскаго величества свѣйскаго, съ перваго Санктъ-Петербургскаго 1713 года изданія вторымъ тисненіемъ напечатанная 1766.

⁶⁾ „О значеніи критической военной исторіи въ изученіи тактики и стра-

виднымъ, что совершенно иное направленіе въ изслѣдованіяхъ по русской военной исторіи есть еще дѣло новое.

Разъ отъ военно-историческихъ трудовъ потребована строгая критическая оцѣнка фактовъ, то, понятно, изслѣдователь долженъ искать возможно большее число документовъ, дающихъ право сдѣлать извѣстный выводъ. Теперь онъ обязанъ прежде всего изучить состояніе военнаго искусства воюющихъ сторонъ разсматриваемой имъ войны и оцѣнить вліяніе его на операціи; узнать условія территоріальныя, состава населенія театра войны, изучить и другіе вопросы, предъявляемые военною статистикою; основательно ознакомиться со способомъ рѣшенія во время войны всѣхъ сложныхъ и скучныхъ задачъ военной администраціи. Наконецъ,—принять въ соображеніе бывшія политическія обстоятельства и дѣятельность дипломатіи не только фактически, но объяснить и вліяніе этой дѣятельности на стратегическія комбинаціи.

Такимъ образомъ, военно-историческій трудъ, при современныхъ условіяхъ, есть трудъ по исторіи военнаго искусства. Это есть тотъ арсеналь, гдѣ должны сохраниться обработанные факты, необходимые для каждаго изъ отдѣловъ военнаго искусства, не исключая, конечно, военной администраціи, которая до настоящаго времени если и пользовалась опытами минувшихъ войнъ, то въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ ⁷⁾).

Эти, сравнительно новыя, требованія, настоятельно предъявленные теперь военною наукою, застали военные архивы неподготовленными къ удовлетворенію спроса. Теперь и изслѣдователь, и военно-историческая критика не могутъ обойтись безъ того, чтобы не отыскать данныхъ для восстановленія не части обстановки, при которой совершился

тегіи“ (В. Сборникъ 1863 г. № 5). „О современномъ состояніи стратегіи“ (В. Сборникъ 1867 г.). „Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны“ г. Леера 1869 г.

⁷⁾ Федоръ Затлеръ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время, 1860 г., стр. VII и VIII.

извѣстный фактъ (какъ было прежде), а обязаны стремиться воспроизвести обстановку по возможности въ ея цѣломъ видѣ. Вотъ почему мы полагаемъ, что въ настоящее время ощущается существенная потребность въ этихъ забытыхъ документахъ, забытыхъ до того, что нужно прежде всего вспомнить значеніе важнѣйшихъ изъ нихъ.

Мы полагаемъ, что для военно-историческихъ изслѣдованій существенно важно имѣть прежде всего сжатый перечень возможно большаго числа фактовъ, кажущихся съ перваго взгляда даже мелочными. Такимъ первымъ и самымъ важнымъ источникомъ безспорно есть журналъ военныхъ дѣйствій, гдѣ по днямъ сдѣланы основныя записи всѣхъ важныхъ событій, бывшихъ въ теченіе дня, дальнѣйшее развитіе которыхъ надо искать въ другихъ документахъ.

Въ одинаковой степени существенно важно знать взглядъ на дѣло самого главнокомандующаго; реляціи и даютъ намъ это. Опасенъ ли для изслѣдователя извѣстный тонъ реляцій и стремленіе автора ихъ, (если оно было), либо обѣлить дѣло, либо чрезмѣрно возвысить обстоятельства и значеніе совершившагося факта. Мы должны отвѣтить на это отрицательно: дѣло военно-исторической критики и заключается въ разборѣ степени достовѣрности сказаннаго въ официальныхъ данныхъ путемъ сравненія и сопоставленія съ тѣмъ, что выясняется другими документами и источниками, а также очень часто самымъ ходомъ стратегической операци и боя. Гораздо опаснѣе, если нѣтъ этихъ официальныхъ документовъ,—если судъ исторіи вынужденъ постановить заочное рѣшеніе, не зная точно фактической части и показанія главнаго дѣйствующаго лица (главнокомандующаго). Пояснимъ это послѣднее примѣромъ.

Повидимому наибольшее искаженіе фактовъ нужно бы ожидать въ реляціяхъ о проигранныхъ сраженіяхъ. Въ настоящемъ сборникѣ реляцій Миниха, при всемъ желаніи, мы не могли найти реляціи о неудачномъ штурмѣ Гагельсберга 28-го апрѣля 1734 г., о которомъ Минихъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ донесеній (докум. XLII). Изъ дру-

гихъ данныхъ мы можемъ отчасти лишь возстановить фактическую часть этого штурма, но, не зная взгляда самого Миниха, мы рѣшительно не можемъ дать заключеніе о многихъ особенностяхъ боя 28-го апрѣля, да затруднительно всецѣло судить и о самомъ Минихѣ. Всѣ документы и другія данныя свидѣлствуютъ, что главною пружиною, вліявшею на важные успѣхи подъ Гданскомъ въ 1734 г., былъ фельдмаршалъ Лесси. Очевидно Миниху не приходилось выставлять этого, и едва ли можно искать на то прямого указанія въ его реляціяхъ. Минихъ, напримѣръ, гордо отзывается Бирону о довѣриіи къ нему русскихъ солдатъ (XXXV, стр. 68); но черезъ два дня онъ долженъ былъ горько разочароваться именно въ этомъ, ибо въ день Гательсбергскаго боя солдаты, какъ извѣстно, не послушались его, и изъ ровъ вывелъ ихъ Лесси. Важно знать, какъ это объясняетъ самъ Минихъ: скрылъ или представилъ онъ этотъ фактъ и заслугу Лесси? Въ журналѣ военныхъ дѣйствій объ этомъ нѣтъ ни слова (стр. 263).

Неофициальная переписка главнокомандующаго безспорно имѣетъ также капитальное значеніе.

Такимъ образомъ, мы позволяемъ себѣ заключить, что для изслѣдованій по исторіи военнаго искусства въ Россіи, для фундаментальной разработки отечественныхъ войнъ, при современныхъ требованіяхъ, прежде всего нужно собрать и напечатать въ цѣломъ видѣ, безъ всякихъ пропусковъ и кажущихся съ перваго взгляда мелочей: журналы военныхъ дѣйствій, приказы, ордера и реляціи главнокомандующихъ.

„Атака Гданска“ 1734 г. важна для исторіи военнаго искусства въ Россіи, между прочимъ, по слѣдующимъ главнымъ причинамъ:

1) Эта „осада“ есть типичный случай дѣйствія русскихъ противъ первоклассной крѣпости, гарнизонъ которой въ нѣсколько разъ былъ сильнѣе осаднаго корпуса, неимѣвшаго (или почти неимѣвшаго) въ самое важное время осадныхъ орудій.

2) Кампанія 1734 г. была первая—самостоятельно ве-

денная Минихомъ, гдѣ есть много фактовъ для оцѣнки его, какъ полководца.

3) Стратегическая и политическая обстановки отличаются чрезвычайною запутанностью, и дѣйствія главнокомандующаго при этихъ условіяхъ заслуживаютъ внимательнаго изученія.

4) Фельдмаршалъ Минихъ занимаетъ въ исторіи военнаго искусства въ Россіи совершенно особое мѣсто. Въ періодъ между Петромъ I и графомъ Румянцевымъ дѣятельность Миниха рѣшительно выдѣляется. Онъ заслоняетъ собою фельдмаршала Лесси ^{*)}, да, наконецъ, играетъ роль едва ли не равную фельдмаршалу графу Румянцеву. Для исторіи военнаго искусства въ Россіи весьма важно выяснить: въ чемъ же именно заключается главное вліяніе Миниха на развитіе у насъ военнаго дѣла? Какъ распорядился Минихъ наслѣдствомъ, оставленнымъ Петромъ I русской арміи, такъ бережливо сохраннымъ любимцемъ Петра—Лесси. Важно знать, были или не были приняты реформы Миниха—Апраксинымъ, Ферморомъ, Бутурлинымъ, графомъ П. Салтыковымъ и въ особенности графомъ П. Шуваловымъ, самыми важными дѣятелями до графа П. А. Румянцева. Продолжали ли они работу Миниха или шли иною дорогою?

Какъ ни бѣдны матеріалы для изученія исторіи военнаго искусства въ Россіи въ XVIII стол., но и при теперешней, крайне недостаточной, разработкѣ документовъ нашихъ военныхъ архивовъ съ увѣренностью можно сказать, что время между Петромъ I-мъ и Суворовымъ ни есть пустое мѣсто: это ни есть пропасть, въ которую попала русская армія, будто бы совсѣмъ заснувшая послѣ Миниха, которую разбудилъ графъ Румянцевъ и снова вывелъ на свѣтъ великій Суворовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ періодъ между Петромъ I и Суворовымъ нормальный ходъ развитія новорожденной русской регулярной арміи былъ чѣмъ-то нарушенъ, но чѣмъ именно, это вопросъ еще темный. Что-

^{*)} О дѣятельности Лесси см. нашу статью въ „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ.“

бы отвѣтить на него, необходимо самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать боевую и военно-административную дѣятельность помянутыхъ выше лицъ, бывшихъ, такъ сказать, опекунами наслѣдія, оставленнаго Петромъ I-мъ своей арміи, и прежде всего изучить боевую дѣятельность Миниха, который первый повліялъ на направленіе русскаго боевого дѣла послѣ Петра I-го.

Мы не пропускали случая касаться военно-административныхъ реформъ графа Миниха. Въ нашихъ трудахъ ⁹⁾, также есть ссылки на источники для изученія дѣятельности Миниха и по его специальности (инженерное и артиллерійское дѣло); въ настоящемъ же случаѣ мы печатаемъ въ цѣломъ видѣ важные матеріалы для оцѣнки первой боевой дѣятельности Миниха, какъ полководца.

Отдѣльнаго описанія дѣйствій русскихъ войскъ подъ Данцигомъ (Гданскомъ) въ 1734 г. нѣтъ. Политическія обстоятельства, предшествовавшія этой войнѣ, рассмотрѣны и разобраны до малѣйшихъ подробностей въ превосходномъ трудѣ профессора Герье ¹⁰⁾, но событія доведены до прибытія отряда фельдмаршала Лесси подъ Варшаву и до избранія Августа III королемъ польскимъ. Бутурлинъ ¹¹⁾ разсматриваетъ кампанію 1734 г. между прочими, передавая факты главнымъ образомъ со словъ Манштейна ¹²⁾. Почти тоже самое мы встрѣчаемъ и у Ласковскаго ¹³⁾, который въ своемъ стратегическомъ и тактическомъ обзорѣ этой войны не идетъ дальше извѣстнаго изъ записокъ Манштейна; для описанія же дѣйствій русскихъ войскъ подъ Данцигомъ специально въ инженерномъ отношеніи авторъ пользуется данными Инженернаго Архива.

⁹⁾ Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра I и Елисаветы и Русская армія въ Семилѣтнюю войну, см. Алфавитъ II т. „Минихъ“.

¹⁰⁾ Борьба за Польскій престолъ въ 1733 году. Москва 1862 г.

¹¹⁾ „Военная исторія походовъ россіянъ въ XVIII столѣтіи“. С.-Петербургъ 1819 года.

¹²⁾ Записки историческія, гражданскія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ..... Манштейна. Москва. 1823 г.

¹³⁾ Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, т. III.

Однако бѣдность этихъ послѣднихъ данныхъ была едва ли не отмѣчена и самимъ авторомъ. Въ концѣ концовъ г. Ласковскій не выясняетъ главнаго: подѣ какой видѣ извѣстныхъ дѣйствій противъ крѣпости надо подвести операціи русскихъ подѣ Данцигомъ. Хотя онъ разсматриваетъ ихъ въ числѣ осадѣ, веденныхъ русскими въ XVIII ст., но самъ авторъ признаетъ, что дѣйствія Миниха подѣ Данцигомъ не имѣли характера постепенной осады. Онъ находитъ, что „.....трудно рѣшить, какимъ путемъ хотѣлъ достигнуть Минихъ своей цѣли...“, высказывая, что его распоряженія представляли „.....какую-то смѣсь, въ которой трудно опредѣлить главнаго дѣятеля, вліянію котораго обыкновенно подчиняются всѣ частныя соображенія и дѣйствія“¹⁴⁾.

А между тѣмъ весьма важно выяснить способъ, принятый Минихомъ для взятія Гданска въ военно-историческомъ отношеніи.

Одинъ изъ иностранцевъ такъ характеризуетъ операціи русскихъ противъ крѣпостей въ половинѣ XVIII стол.: „Русскіе, говоритъ Тильке¹⁵⁾, при осадѣ крѣпостей отступаютъ отъ правилъ, принятыхъ другими народами; вмѣсто того, чтобы прежде всего вкопаться и тѣмъ прикрыть себя отъ дѣйствія непріятельскаго огня, снабдить батареи достаточной толщины брустверомъ и устроить батареи для мортиръ, они, напротивъ того, приближали свои орудія возможно ближе къ крѣпости безъ всякаго прикрытія, и такимъ образомъ, въ продолженіи 24 или 48 часовъ дѣйствовали по городу, послѣ чего приступили къ траншейнымъ работамъ и къ постройкѣ батарей. Этимъ путемъ русскіе (полагаетъ Тильке).... надѣялись застрашать непріятеля и тѣмъ ускорить сдачу крѣпости“. Атака Гданска, дѣйствія русскихъ подѣ Кюстринымъ (1758 г.) и Кольбергомъ (1758 г.)—весьма важные факты для выводовъ и для заключенія объ этомъ русскомъ способѣ дѣйствій противъ укрѣпленныхъ позицій и крѣпостей, во многомъ поясняющіе заключеніе

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 621—622.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 621.

Тильке.—Этотъ способъ, въ основаніи, присущъ русскому военному искусству и до послѣдняго времени.

Г. Скугаревскій, въ одной изъ своихъ послѣднихъ брошюръ ¹⁶⁾, сопоставляя съ германцами „наши войны, и не только послѣдняго времени, но и прежнія...“ „между прочимъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что, ... въ каждой войнѣ (за послѣднія 50 лѣтъ) у насъ—штурмы, штурмы и штурмы“. Не касаясь перечня фактовъ, крайне интересно какъ бы общее заключеніе автора, гдѣ сказано, что „.....пока на штурмъ водили: Суворовъ, Багратионъ, Граббе, Гурко, Гейманъ и Скобелевъ—удача сопутствовала насъ; но когда, желая подражать имъ, другіе пускали войска на укрѣпленія, тогда во всей неприглядной формѣ оказывалось, что для успѣха недостаточно только желанія, а надо еще умѣнье“. Мы полагаемъ, что въ этомъ смыслѣ „Атака Гданска“ имѣетъ свой интересъ, во 1) какъ первый типъ дѣйствія русскихъ противъ крѣпостей послѣ Петра I-го, а во 2) потому, что далеко не безъинтересно знать—даетъ ли эта атака право поставить безспорно храбраго и талантливаго Миниха во главѣ замѣчательныхъ русскихъ полководцевъ, для которыхъ было подъ силу то, что для обыкновенныхъ смертныхъ дозволяется не иначе, какъ съ особою осмотрительностью?

Иностранная военная литература еще бѣднѣ русской источниками для изученія кампаніи 1734 г. Однако и нѣмцы интересуются этою войною до настоящаго времени. Въ 1886 г., въ Берлинѣ, г. Генигъ издалъ отдѣльное небольшое сочиненіе ¹⁷⁾, гдѣ факты войны 1734 г. изложены главнымъ образомъ по архивнымъ даннымъ, но дѣйствія русскихъ не выясняются достаточно ясно и полно.

Въ настоящемъ предисловіи мы не можемъ, конечно, позволить себѣ даже поставить многихъ изъ вопросовъ, которые возбуждаются теперь, т.-е. когда намъ извѣстенъ одинъ

¹⁶⁾ „Атака укрѣпленій открытою сялою“. Спб. 1886 г.

¹⁷⁾ *Geschichte der Festung Weichselmünde bis zur preussischen Besitznahme 1793. Aus dem Kriegs-Archiv des Grossen Generalstabes; von Hoenig. Berlin 1886.*

изъ главныхъ источниковъ для изученія „Атаки Гданска“ 1734 г.; однако, нельзя не коснуться главнѣйшихъ изъ нихъ.

Мы находимъ, что напечатанные документы между прочимъ выясняютъ:

I. Къ какому роду операций слѣдуетъ отнести дѣйствія русскихъ войскъ подъ Данцигомъ 1734 г.

II. Отличительныя черты дѣятельности въ эту войну Миниха и Лесси.

III. Нѣкоторыя особенности, важныя для оцѣнки состоянія военнаго искусства въ Россіи въ первый годъ самостоятельной боевой дѣятельности Миниха.

IV. Основаніе для общаго вывода о томъ, какъ именно Минихъ разрѣшилъ свою задачу, въ смыслѣ согласованія стратегическихъ операций съ бывшею чрезвычайно сложною политическою обстановкою.

V. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что очень многія частности и отдѣльные эпизоды этой войны опредѣляются довольно точно. Этихъ частности мы не можемъ и затронуть.

Операциі русскихъ подъ Данцигомъ никакъ нельзя назвать „осадою“; это была именно „атака...“, совершенно своеобразная, смѣлая, важная для оцѣнки мужества и храбрости русскихъ войскъ, чего именно и не было у гарнизона Данцига. Какъ гданчане, такъ и польскія войска были чрезмерно самонадѣянны, не были дисциплинированы, падали духомъ (до полной паники) при первой, даже маловажной, неудачѣ, но едва получали малѣйшій шансъ на успѣхъ—самонадѣянность ихъ возрастала съ новою силою.

Правъ или неправъ капитанъ Генигъ, изучавшій эту войну, въ его похвальныхъ отзывахъ патриотическому чувству гданчанъ,—вопросъ для насъ мало интересный; но авторъ безусловно ошибается въ общемъ своемъ заключеніи, говоря, что будто бы „..... Данцигъ палъ и долженъ былъ пасть, но послѣ славнаго сопротивленія, когда онъ былъ измѣннически преданъ и оставленъ, когда исчезъ послѣдній лучъ надежды на поддержку гарнизона ¹⁸⁾....“ Мы никогда не

¹⁸⁾ Тамъ же, стр. 39.

можемъ признать дѣйствія гарнизона Данцига „славными“; напротивъ, осада была ведена образцово дурно, какъ по совершенной неспособности польскихъ магнатовъ и маркиза де-Монти къ возстановленію порядка въ сильномъ гарнизонѣ, такъ и по отсутствію даже стремленія къ подготовкѣ гарнизона (стр. 254). Ни о какой измѣнѣ Французовъ здѣсь рѣчи быть не можетъ. Болѣе чѣмъ 2500 десантъ французскихъ войскъ съ сильною вылазкою отъ 33,000 гарнизона въ маѣ мѣсяцѣ могли дѣйствовать, съ громадными шансами на успѣхъ, противъ 8,500 отряда Миниха, разбросаннаго вокругъ всего Данцига и разобщеннаго между собою р. Вислою и наводненіемъ. Для успѣха вылазокъ необходимо было, чтобы гданчане какъ-нибудь обучили свои войска, возстановили какое нибудь единство въ своихъ дѣйствіяхъ, не увлекались бы правами своего магистрата и шляхетства. Усиленная и толковая работа коменданта крѣпости Кольберга въ 1758 г. служить лучшимъ доказательствомъ тому, какъ можно быстро подготовить защитниковъ крѣпостныхъ валовъ изъ мѣстныхъ жителей, но при томъ непрѣмномъ условіи, чтобы они дѣйствительно были проникнуты тѣмъ патріотическимъ чувствомъ, которое заставляетъ забывать все прочее. Этого то и не было въ Данцигѣ.

Профессоръ Герье говоритъ, что Минихъ „..... желалъ войны, войны съ Польшею, войны съ Турціею. Онъ надѣялся съ помощью французскихъ субсидій совершить большіе успѣхи и для своей славы и для могущества Россіи“¹⁾. Нельзя не признать, что это заключеніе вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Разсматривая оперціи Миниха и Лесси подъ Данцигомъ, мы склонны добавить: 1) что своей славы Минихъ хотѣлъ достигнуть въ 1734 г. и достигъ главнѣйшимъ образомъ на счетъ безконечной храбрости русскаго солдата, отличной боевой дѣятельности Лесси, капитальныхъ недостатковъ польской арміи и въ особенности ихъ начальниковъ. Выдающагося

¹⁾ Борьба за польскій престолъ въ 1733 году, стр. 69.

искусства Миниха въ эту войну мы не видимъ. 2) Стремленіе доставить могущество Россіи было для Миниха вопросомъ далеко не первостепенной важности.

Минихъ въ 1734 г. ѣхалъ въ армию съ широкими уполномочіями относительно направленія операций (№ I). Онъ долженъ былъ появиться подъ стѣнами Данцига, какъ болѣе способный полководецъ, чѣмъ Лесси, который, казалось, медлилъ. Минихъ рассчитывалъ на словахъ—прійти, увидѣть и побѣдить; все время онъ поддерживалъ это ожиданіе императрицы Анны, съ перваго своего шага намекая на то, что едва ли ни одно присутствіе его подъ Данцигомъ рѣшить участь крѣпости (докум. II и III.)

Полная самонадѣянность Миниха видна почти въ каждой реляціи, а всѣ онѣ вмѣстѣ, намъ кажется, скорѣе всего донаказываютъ погоню его за своею славою.

Дѣло въ томъ, что Минихъ ѣхалъ въ армию безъ всякаго плана для дѣйствій. Онъ не уважилъ тѣхъ причинъ, по которымъ Лесси остановился и держалъ отрядъ сосредоточенно подъ Данцигомъ; онъ рассчитывалъ, что ему удастся справиться съ сильною, первокласною крѣпостью даже безъ мортиръ... „но токмо я и безъ оныхъ (мортиръ) уповаю Божьею помощію, *если токмо я скоро туда прибыть могу* и зима продолжится, желаемое отъ Вашего Величества исполнить....“ (стр. 2). Прибываетъ онъ дѣйствительно скоро, и что ни день, то доносить о побѣдахъ; но не проходитъ и мѣсяца со дня его пріѣзда, несмотря на ожидаемый подвозъ прежде назначенной осадной артиллеріи и случайно полученныхъ нѣкоторыхъ средствъ для атаки (XII, XVIII),—онъ требуетъ сильнаго осаднаго парка съ громадными запасами (XXIV), получаетъ ихъ по частямъ уже въ іюнѣ (стр. 128 и 156 пун. 7), когда крѣпость капитулировала вслѣдствіе недостаточной стойкости гарнизона. Самъ Минихъ считаетъ паденіе Данцига... „за немалое, незапное счастье...., (такъ какъ) токмо одними угрозами и страхомъ такую капитуляцію получилъ....“ (стр. 157-я). Его первый шагъ заключался именно въ угрозахъ (№ III), что однако едва ли было вѣрно. Народныя войска, обладающія свойствами, по-

добными данцигскому гарнизону и конфедератамъ, требуютъ рядъ ударовъ, хотя бы и второстепенныхъ по значенію, но непременно безъ промаха. Разъ если была неудача, да притомъ важная (подобно бою 28-го апрѣля 1734 г. при Гательсбергѣ), то дерзость и сопротивленіе, хотя безпорядочное, должны были возрасти.

Какъ это, такъ и вообще всю обстановку, очевидно, хорошо понималъ Лесси. Впечатлѣніе первыхъ донесеній Миниха на столько не въ пользу послѣдняго, что казалось бы извѣстная до сихъ поръ увѣренность, что Минихъ поправилъ наши дѣла подъ Данцигомъ въ 1734 г., имѣетъ свое основаніе. Именно съ этимъ мы и не можемъ согласиться послѣ изученія настоящихъ реляцій ²⁰⁾.

Фактъ, что Лесси и нѣкоторые генералы не соглашались съ мнѣніемъ Миниха атаковать горы и предмѣстье Шотландію (стр. 10) не подлежитъ сомнѣнію. Достоверно также и то, что едва вступилъ Минихъ въ командованіе арміею, какъ онъ беретъ гору Цыганкенбергъ (VIII), (положимъ никѣмъ не занятую), пунктъ чрезвычайно важный, еслибы была осадная артиллерія; захватываетъ ночнымъ штурмомъ предмѣстье Шотландію (VIII и IX), занимаетъ (тоже незанятый непріателемъ) Гданскій Гауптъ (X), прерывая тѣмъ сообщенія съ Эльбингомъ. Короче, что ни день, то одерживаетъ побѣды. Но, если мы ближе разсмотримъ дальнѣйшій ходъ „атаки“, выясняемый реляціями, то увидимъ, что это были эффектные побѣды, которыя не особенно испугали даже гданчанъ (XI). Несомнѣнно, что вся сущность дѣла была не во взятіи тѣхъ пунктовъ, которые сразу захватилъ Минихъ, (ихъ могъ свободно взять Лесси);—не въ перерывѣ сообщеній съ Эльбингомъ (Гданскій Гауптъ), а

²⁰⁾ Профессоръ Соловьевъ въ двухъ случаяхъ (Исторія Россіи т. 20, стр. 27 и 29; изд. 3-е) касается вопроса о медленности Лесси, но говоритъ объ этомъ очень осторожно. Онъ скорее даже оправдываетъ Лесси, который не могъ дѣйствовать въ виду разныхъ неблагопріятныхъ условій. Но дѣло въ томъ, что первыя побѣды Миниха были при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ и при Лесси.

въ готовности отразить сильныя вылазки, въ поражениі тѣхъ подкрѣпленій, которыя собирались на выручку Данцига (поляковъ и французскаго десанта), въ занятіи Вексельюнде, въ сосредоточеніи для того подъ Данцигомъ двойныхъ силъ, противу тѣхъ, которыя были первое время у Миниха (XXX и LXIX). Главнѣйшія изъ этихъ важныхъ дѣйствій исполняетъ Лесси (XVI, XVII XXVIII, XXIX, CXXXIII); взятіе же Вексельюнде (LXXXI) есть прямое слѣдствіе поражений наполеновыхъ армій непріятеля и въ особенности французскаго десанта (стр. 53, №№ LXXV, LXXVIII и LXX).

Неудача Миниха подъ Гагельсбергомъ (XLII и XLIX), какъ первая важная попытка къ штурму Данцига, — преувеличенное его донесеніе о значеніи занятія Зомершанца и другихъ пунктовъ вокругъ Данцига (XXXV) и мало выгодныя условія капитуляціи ближе всего доказываютъ, что побѣды первыхъ дней пребыванія Миниха подъ Данцигомъ не имѣли рѣшительнаго значенія. Лесси отказывался отъ этихъ побѣдъ до сосредоточенія арміи, очевидно ради сохраненія способности своего небольшого отряда парировать удары польскихъ войскъ, посланныхъ на выручку Данцига, и былъ вполнѣ правъ. Въ дѣйствительности отъ разброски Минихомъ слабыхъ силъ вышло слѣдующее: сильныя подкрѣпленія къ Данцигу были разбиты тѣмъ же Лесси, но съ большимъ рискомъ. Еслибы Минихъ не разбросалъ войскъ, то съ Тарло порѣшили-бы совсѣмъ у Швеца, и не было бы и Висичинскаго боя. Лесси всегда былъ противъ напраснаго пролитія крови, и дѣйствительно одинъ штурмъ Гагельсберга стоитъ болѣе 2000 даже по официальной реляціи (L). Вообще, мы находимъ, что разброска слабыхъ силъ по обѣ стороны устья Вислы, номинальная блокада и бомбардированіе (хотя бы съ командующей горы Цыганкенбергъ) изъ полковыхъ орудій не имѣли послѣдствій. При этихъ условіяхъ только облегчался гарнизону прорывъ линій, возвышался его духъ и затруднялось дѣйствіе противъ наполеновыхъ армій.

Наконецъ, что касается до сбора войскъ подъ Данцигомъ, что было указано Миниху (III), то и въ этомъ случаѣ, онъ, подобно Лессе, ровно ничего не сдѣлалъ съ марта до конца мая (LXXVIII).

Чтобы нѣсколько ближе оцѣнить дѣятельность Миниха подъ Данцигомъ, мы посмотримъ на ту обстановку, при которой Лессе и первое время Миниху приходилось дѣйствовать.

Силы Миниха опредѣляютъ разнo: Бутурлинъ ²¹⁾ 16000; Манштейнъ ²²⁾, а по его словамъ и Ласковскій ²³⁾,—12000. Генигъ ²⁴⁾ полагаетъ ихъ въ 15000 ²⁵⁾ Дѣло въ томъ, что историки не опредѣляютъ точно время, къ которому они исчисляють эти силы, а это вопросъ существенно важный. Изъ самаго подробнаго рапорта Миниха видно, что у него было подъ ружьемъ даже въ половинѣ апрѣля, (когда успѣли кое-что подтянуть), — всего 8500, а съ больными 10400 (№ XXX). Только въ концѣ мая, когда главная опасность миновала, русскіе усилились до 16000 (№ LXIX), имѣя до 6000 въ прочихъ мѣстахъ Великой Польши (LXX). Помощь русскимъ отъ саксонцевъ была всегда самая ничтожная, какъ свидѣлствуютъ всѣ реляціи Миниха, и въ са-

²¹⁾ „Истор. походовъ Россіяныъ....“ стр. 35.

²²⁾ „Записки.... т. I, стр. 110.

²³⁾ Матеріалы III...., стр. 451.

²⁴⁾ Geschichte..... стр. 42.

²⁵⁾ Профессоръ Герье (Борьба за Польскій престолъ; стр. 398) указываетъ, что въ 20 полкахъ Лессе было всего 32.000 регулярнаго войска, а кромѣ того было назначено до 15.000 казаковъ. Число регулярныхъ войскъ безусловно велико. Штатъ пѣхотнаго полка временъ Миниха былъ 1492, а драгунскаго 1185. (Нашъ трудъ Строевая и Полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы. Таблица 2). Слѣдовательно, если взять поровну число пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, (что почти и было LXIX, LXXX), то и тогда всего должно было быть 26870. Но такъ какъ войска конечно были не въ комплектъ,—а также и по естественной убыли,—вполнѣ понятно, всѣ русскія регулярныя войска, даже съ добавкою двухъ пѣхотныхъ полковъ (22 полка, а не 20) не превосходили въ маѣ 1734 г. 20800 ряд. Нарядъ же казаковъ въ числѣ 15.000 не состоялся.

мое нужное время не превосходила 3700 ч. (№ LXXVIII). Этимъ силамъ русской арміи было противопоставлено:

1) Гарнизонъ Данцига—33.500 чел. ²⁶⁾, какъ и предполагалъ Минихъ (док. № XVIII), и что почти и оправдалось въ дѣйствительности (СХХVII).

2) Коронная армія (18000), вмѣстѣ съ Литовскою (6000) доходила до 24000, ²⁷⁾ изъ числа которой въ Данцигѣ было незначительное число (док. № III и СХIII).

3) Отдѣльные корпуса конфедератовъ графа Тарло и Рудзинскаго (кастелана чирскаго) всего не менѣе 10000 (№№ XVI, XIX, XXV, XXIX) главная цѣль которыхъ состояла въ томъ „чтобы французскому и шведскому секурсу и выгрузкѣ вспоможеніе чинить“ (XXVIII).

4) Французскій десантъ, прибывшій къ Вексельмюнде на 11 корабляхъ (№ LV), который вмѣстѣ со шведами, образовалъ 2500 чел. (LXXXI и LXXXV), ожидая новыхъ подкрѣпленій (стр. 177).

Въ то время, когда гарнизонъ имѣлъ въ изобиліи артиллерійскія средства, когда только въ Вексельмюндѣ было 52 орудія большаго калибра съ громадными артиллерійскими запасами (LXXXVI), у Лесси и сперва у Миниха была

²⁶⁾ Тамъ же, стр. 41.

Генигъ считаетъ, что гарнизонъ Данцига состоялъ изъ:

1. Станиславскихъ поляковъ....	4000 чел.
2. Регулярныхъ городскихъ войскъ.....	8000 „
3. 4 полка изъ городскихъ бюргеровъ.....	8000 „
4. Купцовъ.	600 „
5. Ремесленниковъ.....	12000 „
6. Вольныхъ стрѣлковъ.....	700 „
7. Шведовъ	200 „
	<u>33500 чел.</u>

²⁷⁾ Г. Герье (стр. 74). Это подходит довольно близко и къ нашимъ изслѣдов. Русская армія въ Семилѣтнюю войну, выпускъ I, стр. 9 и прил., стр. 235.

только ничтожная полковая артиллерія, усиленная едва ли не столько же ничтожною, саксонскою артиллерію (XXV, XLIII, XLVI, LI, LVIII). Подвозъ трехъ мортиръ (цудовыхъ) по почтѣ, подъ видомъ багажа герцога Вейсенфельскаго, (XXXI), какъ равно самое незначительное число артиллеріи, взятой изъ Мариенбурга (XII), и первый транспортъ русской артиллеріи, поставленной на батареи вмѣстѣ съ мортирами, присланными по почтѣ, конечно значенія не имѣютъ. Эта слѣпшая доставка мортиръ и захватъ ничтожныхъ и по числу, и по калибру орудій въ Мариенбургѣ, скорѣе всего только свидѣтельствуютъ самое крайнее положеніе Миниха въ первое время вступленія его въ командованіе арміею.

Если принять въ соображеніе, что на выручку гарнизона, осажденнаго втрое слабѣйшимъ непріателемъ, слѣпили конфедераты, въ числѣ коихъ могла бы быть коронная армія, вдвое превосходящая числомъ силы Лесси—Миниха до мая, а также и десанты французскихъ войскъ, то очевидно, что талантливый, но обыкновенный смертный генераль не могъ принять на себя задачу—блокаду и штурмъ Гагельсберга: эта задача была бы подъ силу развѣ только Суворову, Румянцеву. Съ замѣчательною добросовѣстностію и правдивостію отказывается отъ этой задачи Лесси, и, напротивъ того, съ неимовѣрною самонадѣянностію принимаетъ на себя это Минихъ.

Послѣдствія вышли замѣчательныя. Минихъ безусловно не разрѣшилъ своей задачи, но счумѣлъ однако безвредно для Данцига стрѣльбою и рядомъ эффектныхъ, но несущественныхъ стычекъ упрочить свою славу, и сразу сталъ головою выше всѣхъ. Слава первыхъ его успѣховъ была такъ велика, что неудача перваго же весьма серьезнаго дѣла,—осталась мало замѣченною. Прошло безслѣдно также и то, что войска въ этомъ бою отказались повиноваться главнокомандующему, и что Минихъ въ эту войну выказалъ свои взгляды на основы военнаго дѣла, иногда

діаметрально противоположные главнымъ Суворовскимъ принципамъ.

Касаясь особенностей русскаго военнаго дѣла, нѣсколько выясняющихся послѣ напечатанія реляцій Миниха,—мы ограничимся нѣкоторыми главнѣйшими замѣчаніями.

1) Безспорно русскія войска того времени оказываются вполне подготовленными къ дѣйствіямъ при осадѣ крѣпостей.

2) Всѣ главныя атаки (штурмъ Шотландіи, Зомершанца и Гагельсберга) исполняются ночью, что и понятно въ виду слабыхъ силъ атакующаго сравнительно съ гарнизономъ. Это обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ также и то, что русскія войска того времени были способны исполнить трудное маневрированіе ночью.

3) Дѣйствія конницы Загряжскаго и бой подъ Висичинымъ, данный Ласси (XVI, XVII, XIX, XXVIII, XXIX, CXXXIII), заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ по оригинальной особености постановки задачъ для конницы драгунскаго типа, такъ и по ихъ исполненію. Изъ объясненія Загряжскаго видно (XXXIX), что онъ, разбивъ вдвое превосходныя силы непріятели, не рискнулъ тотчасъ на второй бой, какъ въ виду усталости коней при безкормицѣ, такъ и опасаясь за обозы, которые и тогда (какъ и позднѣе) составляли наше больное мѣсто.

4) Затронувъ вопросъ о разницѣ Миниховскихъ принциповъ съ Суворовскими, мы не можемъ не отмѣтить, что эта разница наглядно видна въ предварительныхъ распоряженіяхъ къ штурму Гагельсберга.

Обѣ диспозиціи Миниха (XXXVI) являются своего рода образцами. Эти распоряженія скорѣе всего обнаруживаютъ въ Минихѣ инженера-техника, слѣпо придерживавшагося бывшихъ порядковъ: его диспозиціи составлены по шаблону и сами въ себѣ носили всѣ признаки неудачи. Части войскъ въ ихъ цѣломъ составѣ совсѣмъ не участвуютъ въ штур-

мѣ: идутъ на приступъ рабочіе и солдаты въ извѣстномъ строго опредѣленномъ числѣ и порядкѣ, работа которыхъ расписана впередъ до подробностей, точное исполненіе которыхъ требовало бы конечно нѣсколькихъ репетицій, только по выстраиваніи штурмовыхъ колоннъ. Самое главное, что важнѣйшее изъ Суворовскихъ правилъ—равненіе въ бою заднихъ по переднимъ разрѣшается Минихомъ совершенно въ обратномъ смыслѣ: „одной (колоннѣ) передъ другою впередъ не выдаваться, дабы всѣ заднія могли примыкать“ (стр. 70). Одного этого достаточно, чтобы понять разницу между тактическими правилами Миниха и русскимъ боемъ.

б) Раздѣленіе частей войскъ допускается Минихомъ во всѣхъ почти полкахъ его арміи (LXIX и LXX), что всегда самымъ разрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на строевую организацію, а потому и на успѣхъ боевого дѣла.

Мы совсѣмъ не касаемся вопроса о замѣчательной храбрости русской арміи въ кампанію 1734 г. Въ этомъ случаѣ надо отдать полную справедливость Миниху, что онъ исполнѣ понималъ значеніе традиціонной доблести русскаго солдата, и, какъ видно, не пропускалъ рѣшительно ни одного случая, чтобы не засвидѣтельствовать этого Императорицѣ Аннѣ. Но это одна сторона дѣла. Другая—берегъ ли онъ солдата, т.-е. вызывались ли его рискованныя мѣры обстановкою и шансами на успѣхъ? Его атака Гданска даетъ основаніе отвѣтить на это отрицательно.

Ш. Полагаемъ, что въ кампанію 1734 г. Минихъ былъ занятъ политикою не менѣе, если не болѣе чѣмъ стратегією. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи его задача была не изъ легкихъ. Хотя при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ дипломатическаго характера, Минихъ былъ подчиненъ оберъ-штабмейстеру графу Левенвольду и косвенно Августу Третьему (№ I), но первый изъ нихъ прибылъ въ главную квартиру послѣ капитуляціи Данцига, а послѣдній рѣшительно дѣйствовалъ въ томъ направленіи, чтобы всю

тяжесть войны сложить на русскихъ. Мы думаемъ, что въ виду данныхъ Миниху широкихъ уполномочій по направленію операций и права доносить прямо Императрицѣ, — онъ могъ сдѣлать много для облегченія дѣйствія русскихъ подъ Данцигомъ.

Мы не касаемся правильности взглядовъ Миниха на современные ему политическіе вопросы. По мнѣнію профессора Герье въ началѣ переговоровъ, окончившихся войною 1734 г., „Минихъ лучше Остермана понималъ выгоды Россіи, и его политическій взглядъ болѣе сходенъ съ взглядомъ Петра Великаго“²⁶⁾. Принимая это за вполне вѣрное заключеніе, мы не можемъ однако обойти молчаніемъ того факта, что въ 1734 г. политическіе взгляды Миниха неблагоприятно повліяли на исходъ операций русской арміи. — Мы считаемъ необходимымъ высказать, что въ 1734 г. очень часто военныя обстоятельства и стратегическое положеніе русской арміи въ дѣйствительности не требовали того, на чемъ настаивалъ Минихъ, и, обратно, были случаи, когда чисто военныя соображенія обязывали бы Миниха дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ. Очевидно, это происходило изъ политическихъ видовъ.

Въ этомъ отношеніи мы остановимся: 1) на вопросѣ о пропускѣ русской осадной артиллеріи подъ Данцигъ черезъ Пруссію; 2) на сосредоточеніи войскъ подъ Данцигомъ; 3) на условіяхъ капитуляціи крѣпости и 4) на проектѣ Миниха о дальнѣйшихъ мѣрахъ для успокоенія Польши.

1) Очевидно, что осадную артиллерію подъ Данцигъ изъ Риги и Ревеля было неизмѣримо выгоднѣе доставить моремъ, нежели сухимъ путемъ. Это съ перваго же раза было замѣчено въ Петербургѣ (V). Въ дѣйствительности же Минихъ съ настойчивостью требуетъ обратнаго, указывая, наконецъ, что „слѣдовать“ артиллеріи подъ Данцигъ черезъ Пруссію „потребно для славы“ императрицы

²⁶⁾ Борьба за польскій престолъ стр. 68.

(стр. 45). Въ дѣйствительности артиллерія спокойно прибыла къ Миниху моремъ, и нисколько отъ этого не унасилась тогда слава Россіи. А между тѣмъ, если бы въ С.-Петербургѣ дѣйствовали иначе и поступили бы по совѣту Миниха, то „визитъ“ „Миниха съ російскою арміею въ Бранденбургію и въ Пруссію“ дѣлался бы неизбѣжнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія Россіи къ Пруссіи были тогда осложнены до крайности (№№ 52, 62, 65, 85 и др.), и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ (XXV, стр. 161-я) причиною тому были несоотвѣтственныя требованія изъ Берлина, то Минихъ болѣе чѣмъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы умягчить эти отношенія; напротивъ — онъ усложнялъ ихъ. А между тѣмъ, мы полагаемъ, что стратегическая обстановка требовала поддерживать возможно лучшія отношенія къ Пруссіи до тѣхъ поръ, пока не капитулируетъ Данцигъ, такъ какъ разбросаннымъ отрядамъ русскихъ войскъ приходилось и безъ осложненій съ Пруссіею разрѣшать задачи далеко несоотвѣтственныя ихъ слабымъ силамъ.

2) Вопросы о сосредоточеніи большей части арміи и содѣйствіи саксонскихъ войскъ, такъ вѣрно и опредѣленно предрѣшенныхъ Анною Іоановною (стр. 6-я), разрѣшаются Минихомъ, тоже самое, не совсѣмъ согласно съ военными обычаями, и тѣмъ болѣе обычаями смѣлаго и энергичнаго Миниха. Дѣло заключалось въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе притянуть отрядъ генерала Любераса изъ Варшавы подъ Данцигъ. Получивъ, въ половинѣ марта, подтвержденіе о сборѣ войскъ подъ Данцигомъ (XIV), Минихъ почти мѣсяцъ считаетъ себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что Люберасъ „ордеръ... его о томъ получилъ“ (стр. 45-я). Немного позднѣе онъ находитъ, что Люберасъ подлежитъ военному суду за нарушеніе его приказаній (стр. 51-я); 21 апрѣля (стр. 64-я) — ограничивается въ этомъ отношеніи полу-мѣрами, и только 29 апрѣля (стр. 82-я), т.-е. почти спустя два мѣсяца послѣ своего приѣзда, принимаетъ дѣйствительныя средства для того, чтобы сосредоточить войска. Благодаря этимъ полу-мѣрамъ, сосредоточеніе русскихъ силъ не

было окончено и въ концѣ мая (стр. 114-я). Люберасъ здѣсь не былъ виновенъ и нельзя думать, чтобы это не было извѣстно Миниху. Въ данномъ случаѣ одно изъ двухъ: если главнокомандующій считалъ Любераса дѣйствительно виновнымъ въ умышленномъ неисполненіи его приказанія, то едва ли бы онъ такъ легко отнесся къ освобожденію его изъ-подъ ареста и отъѣзду въ С.-Петербургъ (стр. 209-я); едва ли бы нужно было Миниху возбуждать на Любераса обвиненія, подобныя всей второй половинѣ слѣдственныхъ вопросовъ, которые не имѣютъ никакой связи съ кампаніею 1734 г. (LXXIV). Реляція отъ 4 іюня (LXXIII) скорѣе всего показываетъ, что и самъ Минихъ хорошо понималъ виновность въ этомъ дѣлѣ саксонскаго правительства. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и главное въ отношеніи настойчивости, чтобы саксонскія войска оказали содѣйствіе, Минихъ былъ крайне и крайне сдержанъ (стр. 182, 154; LI, LVIII, LXXVIII).

Мы не имѣемъ данныхъ утвердительно сказать, почему происходила подобная необычная для Миниха нерѣшительность. Потому-ли, что ему приходилось бы раздѣлять славу будущихъ побѣдъ съ кѣмъ либо, или по болѣе-ли тонкимъ личнымъ политическимъ соображеніямъ; но во всякомъ случаѣ это не вызывалось военными обстоятельствами: послѣднія требовали прежде всего энергическихъ мѣръ для понужденія саксонцевъ къ содѣйствію русскимъ, и эти мѣры, мы полагаемъ, были въ рукахъ Миниха. А именно, имѣя прямое повелѣніе сосредоточить русскую армію подъ Данцигомъ, онъ всегда могъ присоединить къ себѣ Любераса, не ограничиваясь бумажными ему приказаніями, посылаемыми по 10 разъ, а болѣе дѣйствительными мѣрами, принятыми поздно. Присоединеніе же отряда Любераса увеличивало его слабыя силы на 6,000 своего войска для дѣйствія подъ крѣпостью (при обезпеченномъ тылѣ), и, кромѣ того, волею или неволею, обязывало саксонцевъ занять пункты, оставленные нами въ Великой Польшѣ, что была уже сама по себѣ помощь съ ихъ стороны.

3) Условія капитуляцій (стр. 139 и 243) для насъ совершенно непонятны. Снисходительность Миниха въ этихъ случаяхъ была очевидна и для него самаго, такъ какъ въ пространной реляціи отъ 26 іюня (стр. 154—163) Минихъ указываетъ на тѣ причины, по которымъ онъ долженъ былъ согласиться на одну изъ нихъ. Однако нельзя признать объясненія Миниха уважительными. Неужели въ самомъ дѣлѣ положеніе русскихъ подѣ Данцигомъ въ концѣ іюня, когда осадный корпусъ увеличился вдвое и была доставлена большая часть осадной артиллеріи, было болѣе рискованно чѣмъ то, которое было въ началѣ осады (мартъ, апрѣль), и когда Минихъ готовъ былъ принять хотя бы ударъ Пруссіи? Мы съ этимъ безусловно не можемъ согласиться, а потому склонны думать, что невыгодныя для русской арміи условія капитуляцій объясняются политическими, а не стратегическими соображеніями Миниха.

Что же касается до производства слѣдствія о побѣгѣ Станислава Лещинскаго (СХХХІІ), то слишкомъ ясно, что все это была комедія, которая только указываетъ, что Минихъ совсѣмъ не былъ склоненъ къ какимъ либо рѣшительнымъ мѣрамъ противъ поляковъ. Нельзя допустить, чтобы побѣдитель подѣ Данцигомъ не могъ настоять даже на томъ, чтобы хотя одинъ изъ бургомистровъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ, какъ желала того Императрица Анна (СХХХVІІ).

Наконецъ 4), проектъ Миниха „какъ нынѣшнее замѣшаніе въ Польшѣ успокоить и скоро *постоянную* тишину возстановить можно“ (№ С), имѣетъ лишь косвенную связь съ операціями русской арміи. Этотъ проектъ даетъ только основаніе заключить къ чему сводилъ самъ Минихъ участіе русскихъ войскъ въ борьбѣ за польскій престолъ? Мало того что при удаленіи русской арміи изъ-подѣ Данцига не было никакой надежды получить отъ магистрата болѣе 300,000 талеровъ (стр. 230), но, по мнѣнію Миниха, было законнымъ и не вспоминать о русскихъ интересахъ (№ С). Послѣ всего этого понятно, что русскія войска по взятіи Данцига не только не возвратились домой, но и пош-

ли внутрь Польши для несенія службы исключительно въ интересахъ новаго польскаго короля, иногда съ подчиненіемъ частей русскихъ войскъ польскимъ начальникамъ (СХІХ, СХХ, СХХІ, СХХХ) ²⁹⁾.

Въ общемъ выводъ едва ли можно признать, что Минихъ въ кампанію 1734 г. разрѣшилъ стратега-политическія задачи удовлетворительно: при чемъ есть основаніе думать, что на подобное, не вполне удовлетворительное, рѣшеніе вліяло и то обстоятельство, что Минихъ во многомъ руководствовался не требованіями стратегіи, а политики, согласной съ его личными политическими взглядами.

Д. Масловскій.

²⁹⁾ Дополненіемъ къ настоящему сборнику реляцій служатъ документы, напечатанные въ „Чтеніи.....“ 1867 г., книга третья, стр. 27—100, статья подъ заглавіемъ: „О военныхъ дѣйствіяхъ подъ городомъ Гданскомъ“. Здѣсь есть переписка между маркизомъ де - Монти и бригадиромъ французскихъ войскъ ла-Мотту де-ла-Перузе, которая въ значительной степени способствуетъ возстановить въ подробностяхъ описаніе дѣйствій нашихъ войскъ противъ французовъ; въ этомъ случаѣ эти документы составляютъ важное дополненіе реляцій отъ № LIІ до LXXXIV настоящего сборника. Последній изъ этихъ документовъ имѣетъ одинаковое значеніе съ № II-мъ, напечатаннымъ въ Чтеніи... 1867, III; но есть однако и весьма интересная разница между ними. „Гданскій трактатъ“, тоже напечатанный въ „Чтеніи...“, подъ № 13, есть и у насъ, подъ № СХХХІ, съ тою только разницею, что „сепаратный артикулъ“ капитуляціи наши напечатаны въ современномъ тому переводѣ. Вообще этотъ документъ намъ былъ совершенно необходимъ для законченности нашего сборника.

Наковецъ интересна „Вѣдомость....“ артиллерійскихъ запасовъ дѣйствительно отирававшихся Миниху (Чтеніи... 1867 г., III, 87—96), сравнительно съ его требованіемъ, (настоящій сборникъ, документъ № XXIV). Д. М.

№ I *).

Указъ нашему генералъ-фельдмаршалу графу фонъ Миниху.

Понеже мы заблагоразсудили, будучи обнадежены о вашей ревности къ Нашей службѣ и военномъ вашемъ искусствѣ, вамъ главную команду надъ Нашимъ, въ Польшѣ обрѣтающимся войскѣ поручить, того ради повелѣваемъ вамъ немедленно ѣхать прямо отсюда на почтѣ къ стоящему подъ городомъ Гданскомъ корпусу Нашего войска и оный подъ свою команду принять и повелѣнные дѣйства, противъ онаго города и имѣющую въ Польшѣ непріятельскую сторону и станиславскихъ адгерентовъ, производить, со всякимъ радѣніемъ и прилежаніемъ, поступая во всемъ по тамошнимъ обстоятельствамъ и непріятельскимъ движеніямъ, какъ военный резонъ и военное искусство требуетъ; якоже Мы во всемъ томъ, такожь-де что до содержанія и пропитанія Нашего войска и до приведенія онаго въ лучшей порядокъ принадлежить, на ваше искусство и радѣніе полагаемъ и въ ваше распоряженіе оставляемъ и въ прочемъ ссылаемъ на прежніе Наши указы къ генералу Лессію, въ нынѣшнихъ конъюнктурахъ отправленные, которые вамъ отъ него всѣ сообщены быть имѣютъ. А при той своей командѣ имѣть вамъ прилежное сношеніе съ нашимъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ Левенвольдомъ и поступать по полученнымъ отъ него извѣстіямъ и по соглашенному съ его королевскимъ височествомъ Августомъ третьимъ о тамошнихъ дѣйствахъ плану. У подлиннаго подписано тако: Анна.

Санктъ-Петербургъ

10 февраля 1734 г.

№ II.

№ 146. Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

По Всемиловѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу прибылъ сего числа въ первомъ часу дня въ Ригу благополучно и, ежели-бъ отъ Нарвы до сихъ мѣстъ для провозу кирасировъ по поч-

*) Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба; опись 192; книга 5.

тамъ въ лошадахъ недостатку не было, то-бъ уповаль еще скорѣе сюда прибыть.

Сего часу посылаю я сюда адъютанта моего къ господину генераль-маіору фонъ Бисмарку и къ господину камергеру Голицыну для поставки черезъ Курляндію подводъ и эскорта, а я отправлюся сего числа въ Митаву, дабы, какъ скоро возможно, къ Данцигу прибыть и сей городъ вкупѣ съ тѣми, которые супротивники стороны Вашего Императорскаго Величества имѣются, къ надлежащему резону и послушанію привести.

Господинъ Салѣга привезенъ сюда изъ Митавы сей нощи и содержится у здѣшняго купца подъ арестомъ. Мортиры и съ принадлежащими бомбами и припасами, которые по указу Вашего Императорскаго Величества отправить велѣно, справляютъ санми и припряжею къ отпуску денно и ношно, и уповательно, что сего мѣсяца 18 числа отсюда отправятся; но токмо я и безъ оныхъ уповаю Божьею помощію, ежели токмо я скоро туда прибыть могу и зима продолжится, желаемое отъ Вашего Величества исполнить.

Выбранныхъ въ кирасиры солдатъ по нынѣ 556 человекъ Ригу миновали, а достальныхъ оставилъ я по здѣшнюю сторону Дерита, а новое ружье на кирасирскіе полки, которое изъ Тулы отправлено, было провезено здѣшнее мѣсто еще въ январѣ мѣсяцѣ.

Въ приводѣ рекрутъ на укомплектованіе Лифляндскихъ гарнизонновъ имѣется по нынѣ 870 человекъ, изъ которыхъ я уже подъ ружьемъ нѣкоторыхъ видѣлъ, и господину вице-губернатору Балку и коменданту Лукину накрѣпко приказалъ оныхъ непрестанно обучать.

Также объявилъ я оному вице-губернатору Вашего Императорскаго Величества изустно указъ, чтобъ по требованію господина генераль-маіора фонъ Бисмарка всѣ военные припасы безъ остановки отправлялъ; а какъ скоро больше рекрутъ въ приводѣ будетъ на Лифляндскіе форпосты изъ старыхъ солдатъ приумножить, а здѣшніе караулы убавить.

Адъютантъ мой, который для высылки Кегсгольмскаго (полку) пѣхотнаго полку въ назначенный по указу Вашего Императорскаго Величества походъ былъ посланъ, сего числа ко мнѣ прибылъ и рапортовалъ, что тотъ полкъ выступилъ въ маршъ 11-го дня сего мѣсяца.

Донесши о семъ, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше обнадеживаю и о прибытіи моемъ по высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ къ славному Вашего

Императорскаго Величества войску вскорѣ Вашего Императорскаго Величества рапортовать буду.

Февраля 14 дня 1734 г., Рига.

Вашего Императорскаго Величества
Всепреданнѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

№ III.

№ 234. Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая,
Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня *).

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что я вчерашняго числа вечеромъ въ Мемель прибылъ благополучно и за худою дорогою никакъ въ пути моемъ послѣздить не можно было, а нынѣ, черезъ посланнаго отъ меня напредъ, нанято здѣсь потребное число добрыхъ лошадей и отправляются отсюда сего числа, то есть въ пятницу рано, и уповаю въ воскресенье въ Кенигсбергъ прибыть.

И хотя я въ пути своемъ подъ именемъ артиллерійскаго полковника Беренса нахожусь, но, однакожь, черезъ письма изъ Санктъ-Петербурга и изъ Риги уже здѣсь до моего прибытія за нѣсколько дней объ моемъ характерѣ подлинно вѣдали, и то разсужденіе сообщилось, которое Ваше Императорское Величество при моемъ отправленіи Всемилоствѣйше имѣть соизволили; ибо здѣсь слухъ имѣется, что будто 50 пушекъ и 5000 бомбъ съ тяжелою артиллеріею и 20,000 войска за мною слѣдуетъ, которое ихъ мнѣніе я еще къ тому подтвердилъ и уповаю, что уже о томъ и во Гданскѣ вѣдаютъ.

А между тѣмъ писалъ я въ Ригу, чтобъ еще 500 бомбъ съ принадлежностями и съ конвоемъ въ путь изготовить, а ежели оныя хотя и не потребны будутъ, то черезъ такое приуготовленіе помянутый слухъ вѣроятнѣе быть можетъ.

Господину генераль-маіору фонъ Бисмарку и къ камергеру Голицыну писано жъ отъ меня, чтобъ отправленные изъ Риги мортиры

*) Въ дѣлахъ бывшаго кабинета (Гл. Архива Иностр. дѣлъ) 1734 г., связи 4, 5 и 6 хранятся подлинныя реляціи; изъ сравненія ихъ съ копіями, переплетенными въ одну книгу (М. О. Ар. Г. Ш.), видно, что копіи сняты замѣчательно вѣрно. Въ большинствѣ случаевъ мы пользуемся подлинниками. Д. М.

и бомбы другимъ травтомъ, а не тѣмъ, которыми я имъ давалъ, отправлены и лошади поставлены были; ибо чрезъ мѣстечки Оберъ-Ратау и Рудау за худыми дорогами ни по которымъ образомъ оныхъ провести не возможно.

При семъ же Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляю, не соизволите-ль Всемилостивѣйше указать еще двумъ полевымъ полкамъ изъ Выборга и изъ Санктъ-Петербурга въ Курляндію и въ Литву до мѣстечковъ Шода *) и Поланги **) маршировать, а генералъ-маіору Измайлову съ его командою въ рѣкѣ Вислѣ выступить, понеже при господинѣ генералъ-маіорѣ Лессіи какъ я черезъ его адъютанта увѣдомился, изъ двадцати девяти полковъ нынѣ токмо четырнадцать при немъ подъ Данцигомъ имѣется, а нѣкоторая часть полевой артиллеріи оставлена въ Варшавѣ, а мое намѣреніе отъ арміи Вашего Императорскаго Величества сколько возможно полковъ приумножить подъ Данцигъ, кромѣ саксонскаго войска; а инженерныхъ служителей вѣлно туда нѣсколько отправить изъ Риги.

Отъ флота Вашего Императорскаго Величества поручикъ Обретихъ, который съ галерами къ королю прусскому отправленъ и здѣсь обрѣтается, объявилъ мнѣ, что на прошедшей недѣлѣ, отъ великаго шторма шведскій галіотъ съ офицерами и съ ружьемъ, который уже третій во Гданску слѣдовалъ, мили за три отъ Кенигсберга на берегъ посадило, съ котораго уже король прусскій отъ провозу до надлежащаго мѣста одержалъ.

Ваше Императорское Величество вѣрно обнадеживаю, что я, по прибытіи моемъ въ армію, городъ Гданскъ такъ осадить черезъ Божью помощь уповаю, что изъ онаго и въ оный никто, кромѣ бомбъ и ядеръ, которыя со стороны Вашего Величества туда посылаться будутъ, попасть не можетъ; и съ магистратомъ такъ поступить, и городъ въ такое утѣсненіе привести, чтобъ полную сатисфакцію Вашему Величеству таковую и славу Вашего Величества войску, которая отъ того города принадлежитъ, получить, ежели-бъ только черезъ помощь Божью вскорѣ туда прибыть могъ. Заклуча сіе припадаю въ стопы Вашего Императорскаго Величества.

Всеподданнѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

22-го дня февраля 1734 г.

Изъ Мемеля.

*) Шодены, а иногда въ рукописяхъ это мѣстечко называютъ—Шкуды. Д. М.

**) Подангенъ.

№ IV *).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что я въ Кенигсбергъ прибылъ 24 дня сего февраля, послѣ полудни часу въ шестомъ, и отсюда отправлюсь завтрашняго числа въ Ризенбургъ, взявъ надлежащій конвой, куда уповаю прибыть черезъ три дня и тамъ ожидать конвоя отъ генерала и кавалера Лессія, къ которому я о присылкѣ онаго сего числа писалъ; и по прибытіи въ надлежащее мѣсто Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше рапортовать буду.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ Минихъ.

При Кенигсбергѣ
февраля 25 дня 1734 г.

№ V.

К о п і я **)

Божьею милостью мы Анна Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Высокорожденный, Намъ вѣрнолюбезный.

Мы надѣмся, что вы до получения сего къ Нашему войску подъ Гданскомъ счастливо прибыли и къ скорѣйшему покоренію того города въ надлежащее дѣйство вступили; о чемъ желаемыхъ вѣдомостей отъ васъ ожидать будемъ.

Между тѣмъ, получено здѣсь отъ онаго города письмо, съ котораго для вашего извѣстія при семъ копію посылаемъ.

Мы не заблагоразсудили на оное письмо отвѣтствовать, и можете вы оному городу именовъ нашимъ объявить, что оный многими явными непріятельскими своими поступками Нашего отвѣта себя недостойно учинилъ; а что, впрочемъ, для избавленія своего отъ крайней погибели, самъ способенъ въ своихъ рукахъ имѣть, то есть скорѣйшимъ

*) Взято изъ книги копій. Подлинника въ дѣлахъ Г. Ар. Иностранныхъ дѣлъ не оказалось Д. Ш.

**) М. Отд. Ар. Главнаго Штаба, опись 192; книга 5-я.

покореніемъ праведному и законнорожденному королю Августу и выгнатиємъ явныхъ Нашихъ и его непріятелей; а ежели сего не учинить, то вы съ городомъ безъ всякаго сожалѣнія непріятельски поступать и всѣ тѣ способы къ принужденію онаго употреблять не оставите, которые по военному обычаю къ тому потребны.

Понеже Намъ извѣстно учинилось о великой распутицѣ, которая въ Курляндіи и въ тамошнихъ краяхъ находится, и потому артиллерію, которую изъ Риги къ тамошнимъ дѣйствамъ отправить велѣно едва ли такъ скоро, какъ бы потребно было, къ вамъ довезено быть можетъ. Того ради разсудили, не возможно ли оную изъ Либавы къ вамъ водою отпустить и оную близъ Оливы, или при другомъ какомъ во близости лежащемъ мѣстѣ, по вашему тамошнему разсужденію, выгрузить? Мы къ князю Голицыну указъ послали о присканіи такихъ судовъ въ Либавѣ, съ котораго для вашего извѣстія копія посылается. И ежели удобныя къ тому транспорту суда въ Либавѣ найдены будутъ, и вы то заблагоразсудите, то надлежитъ вамъ немедленно отъ себя о томъ отписать къ нему, камергеру Голицыну, такожь-де и къ подполковнику Финку, и оному дать знать тако: куда тѣмъ кораблямъ итти и гдѣ пристать, дабы они про то вѣдали и по тому поступать могли со всякимъ надлежащимъ поспѣшеніемъ.

И понеже Наше войско въ коронѣ Польской по разнымъ ихъ мѣстамъ раздѣлено и весьма потребно видится, чтобъ оное въ одинъ корпусъ собрано быть могло для сильнѣйшаго ими дѣйствованія въ тамошнихъ вашихъ предвоспріятіяхъ. Того ради имѣете вы такожь де отъ себя прямо о томъ съ Нашимъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Левенвольдомъ и съ командирами саксонскаго войска, ежели возможно, корреспондовать, дабы тѣ мѣста саксонскимъ войскомъ заставлены, и отъ нихъ такожде съ надлежащею ревностью дѣйствовано было, и тако оныя Наши войска вмѣстѣ собраны быть могли; о чемъ отъ Насъ къ нему, оберъ-шталмейстеру, неоднократно писано и здѣсь польскимъ министрамъ подтверждено. Въ прочемъ будемъ отъ васъ ожидать частыхъ доношеній и пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

У подлиннаго подписано: Анна.

Санктъ-Петербургъ
февраля 22 дня 1734 г.

№ VI.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня *).

Вашего Императорскаго Величества Всемилоствѣйшее повелѣніе отъ 22-го февраля имѣлъ честь марта 4-го числа, пополудни въ 4-мъ часу, при Маріенвердерѣ, черезъ нарочнаго штафеткою со всеподданнѣйшимъ респектомъ получить и при томъ приложенныя копіи съ письма, отъ города Гданска къ Вашему Императорскому Величеству писаннаго, и съ подлиннаго указа отъ Вашего Величества къ камергеру князю Голицыну, по которому Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшему повелѣнію о исполненіи по крайней моей возможности стараніе прилагать буду. Того жъ часу, какъ оный штафетъ оное Всемилоствѣйшее отъ Вашего Величества повелѣніе мнѣ подаль, прибыла жъ сюда оставшая канцелярія и багажъ мой, съ которыми инженерные служители, кои за мною изъ Риги слѣдовали такожде прибыли; а вчерашняго вечера командированный отъ генерала Лессія конвой за полмили отсюда къ польской границѣ прибылъ. И тако я, по отправленіи сего моего всеподданнѣйшаго рапорта, немедленно отсюда отправлюсь и, переправясь черезъ рѣку Вислу, уповаю съ Божьею помощію завтра на вечеръ въ мѣстечко Прусть, въ которомъ до нынѣ гауптъ-квартира подъ Данцигомъ имѣлась,—прибыть.

И потому безъ всякаго упущенія, не пропуская единой минуты до высокаго интереса въ службѣ Вашего Императорскаго Величества воснуться можетъ, исполнять буду; къ чему съ искреннею ревностію и сердечнымъ желаніемъ и всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу Всемилоствѣйше повѣрить, что не въ моей возможности состояло за худыми дорогами и лошадьми, а въ иныхъ мѣстахъ и за потребнымъ конвоемъ, скорѣе путь мой окончить; причемъ еще Вашему Императорскому Величеству и о чиненномъ мнѣ отъ господъ прусскихъ офицеровъ, а особливо отъ генераль-маіора фонъ Вальдау, немаломъ въ пути вспоможеніи въ похвалу имъ донести оставить не могъ; ибо за опасностію безъ конвоя другіе бы Польшу пробѣхать не могли, и хотя въ Эрмляндскомъ, а въ нѣкоторыхъ и въ Прусскомъ владѣніяхъ, отъ польскихъ партій, кои такимъ образомъ и въ ночныя времена отъ десяти до тридцати челоѣкъ пробѣгаютъ, не безопасно; но

*) М. Отд. Ар. Глав. Штаба. Опись 192; книга 5 (книга копій).

однакожь мнѣ и свитѣ моеи никто не встрѣчался; при которомъ случаѣ я, переведенныхъ изъ Санктъ-Петербурга въ Кенигсбергъ, для отвозу къ арміи Вашего Величества, тринадцать тысячъ триста червонныхъ благополучно провезъ.

Такожь уповаю никакого препятствія въ провозѣ артиллеріи и амуниціи черезъ Пруссію впредь быть не можетъ, ибо въ полученномъ изъ Кенигсберга сего числа отъ господина президента фонъ-Лешевана письмѣ объявлено мнѣ, что все то, что къ арміи Вашего Величества отправляться имѣеть, черезъ Пруссію, Вашего Величества (отъ) короля Прусскаго безъ остановки пропущены быть могутъ.

А чтобъ ту артиллерію по указу Вашего Императорскаго Величества изъ Либавы водою отправить, то и по моему нижайшему мнѣнію зѣло есть полезно; токмо потребно, чтобъ указомъ Вашего Императорскаго Величества повелѣно было сверхъ оной изъ Санктъ-Петербурга или изъ Ревеля водою отправить нѣсколько артиллеріи, о чемъ отъ меня въ артиллерію уже писано. А гдѣ той артиллеріи пристать, при Оливѣ или въ прочихъ къ выгрузѣ способныхъ мѣстахъ, и сколько оной потребно, о томъ, по прибытіи моемъ, къ Вашему Императорскому Величеству рапортовано и къ кому надлежитъ для вѣдома писано будетъ.

Для безопаснаго проѣзду и въ содержанію коммуникаціи, отъ Санктъ-Петербурга до тѣхъ мѣстъ, гдѣ армія Вашего Величества подъ Данцигомъ стоитъ, потребно, чтобъ генераль-маіоръ фонъ-Бисмаркъ изъ своей команды въ мѣстечко Полонгъ, въ тамошній польской дистриктъ, изъ мѣстечка Шодена, надлежащія команды опредѣлилъ, а въ епископство Эрмляндское, изъ команды генераль-маіоровъ: Измайлова или Бисмарка, одинъ полкъ командировать, который расположитъ въ мѣстечкахъ Гейльсбургѣ и Браунсбергѣ, въ которыя, по моему нижайшему мнѣнію, надлежитъ отправить мой кирасирскій полкъ, который можетъ такимъ маршрутомъ итти, что прусское владѣніе отъ польской границы черезъ мѣстечко Солдау однимъ днемъ перейти и въ тѣхъ мѣстахъ добрыя рафреширъ квартиры имѣть.

А о собраніи Вашего Величества войска въ одинъ корпусъ и о вступленіи въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ оное обрѣтается саксонскому войску всевозможное стараніе и какъ съ господиномъ оберъ-штабмейстеромъ графомъ фонъ-Левенвольдомъ, такъ и съ господами командующими саксонскаго войска сношеніе имѣть буду, по силѣ Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указу.

И имѣю твердое упованіе на милость Божескую и на высокое Вашего Императорскаго Величества счастье отъ города Гданска не

ныхъ, но какъ только полезныхъ вѣдомостей Вашего Императорскаго Величества впредь доносить; ибо отъ онаго города не ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества отвѣта многими явными непріятельскими своими поступками не только войскою и артиллеріею своею но именуемыми шлаганами, которые ни подъ какими знаменами и штандартами не состоятъ и яко разбойники почтены быть могутъ, Вашего Императорскаго Величества войску непріятельскій вредъ чинить; и тѣми поступками оный городъ Вашего Императорскаго Величества милости недостойнымъ себя учинилъ и заслужилъ то, дабы ему крайне предать погибели и тѣмъ бы Вашему Императорскому Величеству сладкую сатисфакцію получить, о которой я неусыпное радѣніе полагать буду.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Марта 4-го дня 1743 г.
Изъ Мариенведера.

№ VII *).

352. Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, что я къ арміи Вашего Величества, которая подъ Данцигомъ стоить, въ мѣстечко Прусть сего марта 5 числа съ канцеляріею и съ малою свитою моею прибылъ, и притомъ на армію Вашего Величества тринадцать тысячъ триста червонныхъ благополучно провезъ.

Господицу генералу Лессію, посланной со мною Вашего Императорскаго Величества, указъ вручилъ и высокое намѣреніе Вашего Величества о скоромъ приведеніи ко окончанію предвоспріятію съ городомъ Гданскомъ того жъ числа объявилъ и о состояніи арміи и какъ наилучшимъ образомъ городъ Гданскъ атаковать разсужденіе имѣлъ и вчерашняго числа обрѣтающейся отъ здѣшняго мѣста не въ дальномъ разстояніи генералитетъ на консиліумъ призванъ былъ, токмо генераль-поручикъ Загряжскій и генераль-маіоръ Урусовъ обрѣтаются съ восьмью драгунскими полками и съ тысячею пятьюдесятью человеками казаками и калмыками за недостаткомъ здѣсь провіанта и фуража и ради одержанія непріятеля, отъ Пруста отъ 5 до 7 миль, въ Бернѣ

*) Кабинетныя дѣла. Г. Ар. Иностр. дѣл.; св. 4.

въ Мираховѣ и въ Старгардѣ, и затѣмъ притомъ консилиумъ они быть не могли.

Вчера по утру посланъ отъ меня былъ флигель-адъютантъ мой съ письмомъ, съ котораго при семь подъ № 1-мъ копія прилагается, въ городъ Гданскъ со объявленіемъ о прибытіи моемъ и о имѣннй повелѣніи отъ Вашего Императорскаго Величества, какъ со онымъ городомъ поступать; причемъ и отъ оныхъ требовалъ дабы отъ магистрата выбранныя вѣрные депутаты ко мнѣ посланы были, для объявленія онымъ Вашего Императорскаго Величества милостивой резолюціи, какъ со оными поступано будетъ, ежели упрямства своего не перемѣнятъ; ибо какъ не безызвѣстно, что обрѣтающійся тамъ французскій маркизъ де-Монтій проискиваетъ своими интригами и въ такихъ случаяхъ подлежить корреспонденцію отъ общаго извѣстія скромно содержать; который флигель-адъютантъ мой возвратился уже на вечеръ и объявилъ мнѣ, что его въ городъ не впустили, а одержали у перевозу караула отъ города въ дальномъ разстояніи, принявъ отъ него письмо и оставили его въ караульной, пока письменное отвѣтствіе отъ магистрата принесено было; а во ономъ письмѣ ничего иного не находится, кромѣ того что изыскиваютъ продолженія времени, какъ изъ приложеніи копіи подъ № 2 видно.

А понеже я ни единого часу пропустить не желаю оной городъ въ крайне утѣсненіе привести, и того для послалъ сего утра ко онымъ манифестъ при письмѣ, съ которыхъ подъ № 3 и 4 копіи прилагаются, и будучи какъ вѣрный рабъ Вашего Императорскаго Величества па-роль мой содержать.

Консилиумъ съ генералитетомъ, какъ выше показано, содержатъ былъ вчера вечеромъ; причемъ я воервыхъ отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій указъ, писанной февраля отъ 22 дня, и изустное высокое повелѣніе, чтобъ со онымъ городомъ въ противномъ случаѣ, не продолжая времени, безъ всякаго сожалѣнія неприятельски поступить, объявилъ и притомъ открылъ мое намѣреніе какою диспозиціею безъ упущенія времени лежащія горы передъ тѣмъ городомъ отъ непріятели взять; въ чему генераль-маіоръ фонъ-Биронъ склоненъ былъ, а господамъ генераль-маіоръ Волинской и генераль-лейтенантъ Барятинскій и генераль Лессій остались въ томъ мнѣннй, что обрѣтающимися нынѣ при здѣшней блокадѣ малыми людьми не безъ опасности тѣ горы атаковать, а ожидать большой артиллеріи жъ и полки изъ Варшавы или изъ другаго мѣста; между тѣмъ вкупѣ со мною довольно положенію мѣстъ осмотръ имѣть.

Господину генераль-маіору фонъ-Люберасу отъ господина гене-

рала Лессія хотя указъ уже и посланъ, чтобъ сюда съ полками и артиллерією маршировать, откуда водою, внизъ рѣкою Вислою, сюда въ недѣлю прибыть можно, однакожь получилъ ли онъ тотъ ордеръ рапорту не имѣется; а больше сомнительно, что онъ по указу его королевскаго величества польскаго короля, Августа третьяго, изъ Варшавы въ Краковъ выступилъ, понеже его королевское величество къ генералу Лессіи о томъ писалъ, котораго письма уже при семъ подъ № 5 копія прилагается.

Итакъ, я сего числа самъ съ генералитетомъ около города положеніе имѣсть и полки осматривалъ, а какіе по тому осмотру учинили диспозиціи при семъ, подъ № 6 *), прилагается копія. Господинъ генералъ Лессій уже около двухъ недѣль въ слабости находится, однакожь за помощью Божьею нынѣ имѣеть нѣкоторое облегченіе.

Нынѣшнее мое попеченіе въ томъ состоитъ, чтобъ армія недостатку въ провіантѣ и фуражѣ не имѣла; ибо здѣсь, въ близости, изъ мѣстечекъ и деревень, жители все въ городъ вывезли, а которыя мѣста по далѣ имѣются во оныхъ кастелянъ черскій и графъ Шливеръ все безъ остатку разорили; а въ обуви, въ башмакахъ и въ сапогахъ нужды не имѣли, и не потребно чтобъ изъ Россіи оныя впредь присыланы были; о чемъ я въ государственную Военную Коллегію обстоятельно писать буду.

Со артиллерією, которую водою изъ Либавы или Мемеля отправить надлежитъ, можно, по здѣшнимъ извѣстіямъ, при Цаповѣ предъ монастыремъ, называемымъ Олива, пристать и выгрузить; въ чему я приуготовленіе учиню и какъ оныя мѣста заподлинно осмотрѣны будутъ о томъ впредь кому надлежитъ немедленное извѣстіе дать не оставлю. Однакожь ежели оная артиллерія черезъ Курляндію до Мемеля доведена, то лучше и способнѣе оную сухимъ путемъ отправить, ибо въ Пруссіи фурманщикоувъ и лошадей довольно можно достать, ежели денегъ на то не жалѣтъ; о чемъ я и дѣйствительному статскому совѣтнику Гаршу, Кейзерлингу и артиллеріи жъ подполковнику Фоссу писалъ. При осматриваніи города былъ я въ Лангфортѣ бургомистра фонъ-Бумеля, у ранжерей, называемыхъ монплезиръ, которая близко отъ нихъ вновь сдѣланнаго редута и батарей имѣется; и при проѣздѣ наружныхъ вѣрностей толь онѣ счастливы были, что не палили, а окромѣ того ежели кого изъ города увидятъ, то довольно пушечной пальбы бываетъ. Тако видѣлся я съ аптомъ Оливскаго монастыря,

*) Изъ числа копій № VII, мы печатаемъ № 6, какъ наиболѣе для насъ интересную. Остальныя копіи есть въ дѣлахъ бывшаго кабинета; св. 4. Д. М.

который меня обнадеживалъ, что крѣпость Вексельмюнде такъ далеко отъ морского заливу состоитъ, что безопасно идти можно со артилеріею въ томъ заливѣ пристать и ее выгрузить; однакожь за подлинно въ томъ не увѣряюсь, и буду стараніе имѣть надежное извѣстіе получить: не имѣется ли другого такого жъ удобна мѣста; а по Вислѣ рѣкѣ, между городомъ и крѣпостью Вексельмюнде, видѣлъ я одинъ голландскій корабль, а по далѣ, на рейдѣ, три другіе корабля, и слухомъ здѣсь носится, будто городу Гданску черезъ двѣ недѣли уповаютъ секурсъ получить; однакожь я желаю на рейдѣ вскорѣ видѣть счастливо и російскую Вашего Императорскаго Величества эскадру и пребываю въ томъ мнѣніи и ожидаю Вашего Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія къ тѣмъ командирамъ, кои въ Курляндіи и въ Литвѣ при арміи Вашего Величества находятся, дабы вскорѣ изъ состоящихъ тамо одинъ полкъ въ епископство Эрмляндское отправился и квартиры занялись какъ для безопаснаго проѣзду, такъ и для того, чтобъ тѣ мѣста другіе квартиру себѣ занять не могли.

При заключеніи сего моего всеподданѣйшаго рапорта всенижайше Ваше Императорское Величество прошу о состояніи арміи и о ея недостаткахъ попеченія не имѣть, но всемилостивѣйше мнѣ повѣрить, какъ о довольствіи арміи, такъ и о заключеніи города, что въ челоувѣческой возможности состоитъ, мною упущено не будетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ *).

Марта 8 дня 1734 г. г. Лессію.

Изъ гауптъ-квартиры, при мѣстечкѣ Прусть.

№ VII (bis).

Высокородный и превосходительный генераль-губернаторъ и кавалеръ.

При сегодняшнемъ моемъ осмотрѣ между непріятельскимъ и нашими форпостами, вкупѣ съ генералитетомъ, а именно, съ генераль-лейтенантомъ княземъ Бяратинскимъ и генераль-маіорами: Волинскимъ и фонъ-Биропомъ, учинено съ общаго совѣта слѣдующее опредѣленіе:

*) Подпись и число въ подлинникѣ не сохранились; а потому и взяты изъ книги копій.

1) Отъ новаго редута, который снаружи Санктъ-Альбрехта *) къ городу по правую руку, до водянаго разлива, а по лѣвую руку черезъ рѣку Радуанъ даже до горъ сдѣлать линію, дабы по оной линіи нѣсколько редутовъ сдѣлать было можно.

2) Деревню Циганкербергъ засадить нашими людьми и снаружи оной къ городу сдѣлать одинъ редутъ до тридцати сажень величиною въ квадратѣ, и потому оную деревню ретраншаментами обвести, понеже сей постъ суть важной и можно весь городъ до онаго командовать. Чего для двory оной деревни не жечь и не разорять, а заборы вокругъ дворовъ и огородовъ употреблять въ нашу пользу и тѣмъ себя къ оборонѣ въ доброе состояніе привести. А пока оная деревня ретраншаментомъ обведена будетъ покамѣсть обставить оную рогатками, которыхъ сколько можно собрать и перенести туда по близости мѣсть.

3) Отъ батареи при Лангфурѣ, которая подлѣ двора президента фонъ-Бемельна сдѣлана, надлежитъ сдѣлать до самой рѣки Вислы контръ-валаціонную линію, дабы на томъ мѣстѣ по берегу или на долинѣ добрый редутъ и батарею сдѣлать можно было. И понеже непріятель на другой сторонѣ Вислы имѣеть батареи, того для надобно нашу линію вести ввызъ по рѣкѣ далѣ непріятельскихъ батарей, дабы въ спину со оныхъ стрѣлять по намъ не можно было; а двory, которые къ нашей линіи прихволены будутъ, содержать безъ разоренія, ибо оные нашимъ людямъ служить могутъ.

А какъ вышеписанныя работы исправить о томъ приказано отъ меня словесно инженеръ-маіору фонъ-Братке, а исправлять со всѣмъ возможнымъ послѣшеніемъ, къ которой на работу посылать людей толикое число, сколько собрать будетъ можно и начинать оную ночными временемъ, а додѣлывать днемъ.

При оной же работѣ надлежитъ въ резервѣ довольному числу людямъ въ близости быть, дабы во время непріятельскаго нападенія отпоръ учинить можно было. А достальнымъ людямъ, какъ драгунамъ и солдатамъ, такъ и казакамъ, которые при квартирахъ останутся, такожъ-де и по карауламъ несамонужнѣйшимъ стоять, въ то время, когда не на часахъ, велѣтъ дѣлать рогатки, фашины, колья и молотки такою пропорцію, какъ отъ инженеръ-маіора фонъ-Братке показано будетъ. Ежели отъ непріятели въ котѳромъ мѣстѣ при работахъ на-

*) Между предлѣтіями: Прусть (при впаденіи р. Радуана въ Вислу) и Оръ. Д. М.

паденіе будетъ, то чинить имъ храброе сопротивленіе, а лежащимъ по близости къ тѣмъ мѣстамъ командамъ надлежитъ тотчасъ на курсъ приходить и безъ крайней нужды отъ работъ не ретироваться; о чемъ ваше превосходительство извольте быть извѣстны и о исполненіи къ кому надлежитъ немедленно предложить.

Вашего превосходительства
 послушный слуга
 графъ фонъ-Минихъ.

Марта 7 дня 1734 года.

При Прустѣ.

№ VIII.

Переводъ съ доношенія генераль-фельдмаршала графа Миниха изъ Пруста подъ Гданскомъ отъ 9—20 марта 1734, полученный въ Санктъ-Петербургѣ въ „(?)“ день марта жъ 1734 г.*)

По титулѣ Ея Императорскаго Величества.

Вашему Императорскому Величеству всенижайше и съ великою радостію доношу, что всесильный Богъ славной Вашего Императорскаго Величества арміи счастье и побѣду даровалъ и Ваши непріатели посрамлены; ибо малый корпусъ, обрѣтающихся подъ моею командою храбрыхъ офицеровъ и солдатъ, предмѣстіе, сильными ретраншманентами, редутами и батареями снабденное здѣсь подъ Гданскомъ,**) именуемое Шотландія, сегодня рано, обнаженнымъ мечемъ, взялъ, непріателей, по жестокой баталіи, побилъ, пушки, пушечныя ядра и порохъ отобралъ и нынѣ въ помянутой Шотландіи стоитъ и на хлѣбѣ, отъ непріателей взятомъ, обѣдъ свой имѣеть, которою вторично побѣдою я Ваше Императорское Величество низжайше и отъ всего сердца поздравляю.

Вашему Императорскому Величеству я моимъ прежнимъ доношеніемъ покорнѣйше упоминалъ, что въ 5 день сего мѣсяца въ вечеру къ арміи я прибылъ и тотчасъ съ г. генераломъ Лессіемъ конференцію имѣлъ, что по силѣ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа противъ города Гданска, при продолжающемся оного упрямствѣ, сильно дѣйствовать долѣеть.

*) Есть только въ подлинныхъ дѣлахъ Главнаго Архива Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла бывшаго Кабинета; св. 4.

**) Для объясненія дѣйствій подъ Данцигомъ можетъ служить планъ, приложенный ко II выпуску нашего труда: „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ Д. М.

Въ 6 день имѣлъ я съ присутственными здѣсь генералами о томъ совѣтъ, и магистрату города Гданска заслуженную Вашего Императорскаго Величества немилость объявилъ; притомъ же и всемилоствивѣйшее прощеніе, ежели оной городъ безъ дальняго отлагательства своему истинному королю, Августу третьему, подвергнется и Вашему Императорскому Величеству справедливую сатисфавцію учинить, оружіе оставить (то) и къ договору о томъ со мною депутацию во мнѣ отправить.

Въ 7 день смотрѣлъ я здѣшніе полки; городъ какъ близко возможно осматривалъ и къ магистрату манифестъ, которымъ ему сутки, къ уваженію о своемъ благополучіи или пагубѣ, дано; въ ту ночь взялъ я у непріятелей выгодное мѣсто Циганьенбергъ и оное въ другую ночь добрыми редутами прикрылъ.

Въ 8 день, то-есть вчера, пошелъ я пополудни въ помянутымъ новымъ редутамъ, гдѣ около 700 работниковъ было; къ вечеру велѣлъ я непріятельскіе форпосты нашимъ гусарамъ прогнать и понеже непріятели зѣло тѣхъ себя тогда содержали (хотя днемъ изъ 37 пушекъ выстрѣлили и двѣ бомбы туда бросили), такожь-де зѣло мѣсячно было, то я съ генераль-лейтенантомъ княземъ Барятинскимъ и инженеромъ майоромъ Браткомъ Циганкенскую гору, почитай до самаго города, осматривали. И понеже непріятели не палили, хотя и другъ друга видѣть могли, то спрашивалъ я нашихъ солдатъ, которые уже сутки работали и въ ружье были,—хотятъ ли за славу Вашего Императорскаго Величества до смѣны своей работать? Ежели они всѣ съ радостію чинить засвидѣтельствовали, и я намѣрился на оной горѣ, которая всѣ городскія крѣпости прикрываетъ, два редута сдѣлать которые я, чтобъ довольно мѣста захвативъ, самъ распорядилъ и солдатъ, которые съ работы новыми людьми въ 10 часу смѣнены, паки приставилъ. И тако, въ 1-мъ часу полночи, оныя редуты обои въ готовности и рогатками ограждены были и такъ хорошо сдѣланы, и на крутыхъ горахъ толь выгодно заложены, что отъ 3 до 400 человекъ противъ многихъ тысячъ человекъ стоять и сопротивляться могутъ; непріятели же, правда, оныхъ бомбами и пушками обезпокоивать, но ничего взять не могутъ. И потому я въ состояніи нахожусь городъ бомбардировать, въ чему заутрее обѣими моими гаубицами начало учиню и пушками во всѣ дома стрѣлать можно, такъ что оный городъ вскорѣ палящія ядра увидить. Я Ваше Императорское Величество всенижайше могу увѣрить, что ежели бъ я тяжелую артиллерію имѣлъ, то онъ недѣли не устоялъ бы и конецъ оному былъ бы.

Понеже гданчани съ нѣсколького времени угрожались, что съ 5 до 6000 человекъ они вылазку на насъ учинить хотятъ—ибо они

Подполковника Поникау, который съ 300 человекъ первую атаку учинилъ, и о его поступкѣ и куражѣ я засвидѣтельствую Вашему Императорскому Величеству, покорно рекомендую, да соизволите его полковникомъ пожаловать; я же съ глубочайшею покорностію до гроба пребываю.

Вашего Императорскаго Величества
всепокорнѣйшій
графъ фонъ-Минихъ.

Изъ Пруста; главной квартиры, 9—20 Марта 1734 года.

№ IX.

Переводъ съ реляціи генераль-фельдмаршала графа фонъ Миниха *).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая и непобѣдимѣйшая Императрица и великая государыня.

Всемиластивѣйшая Императрица и Государыня!

Вашему Императорскому Величеству минушаго 9 числа сего мѣсяца чрезъ моего флигель-адъютанта капитана Юнгерна всепокорнѣйше доносилъ, что до того времени подъ Гданскомъ произошло и какимъ образомъ мы того числа по утру рано непріятельской ретраншанментъ при Шотландіи атаковали и съ четырьмя пушками взяли.

При сей атакѣ съ нашей стороны побито: полковникъ Ганманъ, которой отъ своей раны на другой день умре и одинъ прапорщикъ, именемъ Денисьевъ, Тобольскаго пѣхотнаго полка, да 46 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ, а 112 человекъ ранено; съ непріятельской же стороны, по сказкѣ нѣкоторыхъ прусскихъ офицеровъ, которые изъ Гданска пришли, 16 штабъ и оберъ-офицеровъ убито и зѣло много рядовыхъ побито и ранено; плѣнные же всѣ у насъ рядовые солдаты, изъ которыхъ одинъ третьяго дня нашелся, которой 3 дни въ соломѣ скрывся лежалъ; а въ городѣ великое стонанье и жалостный вопль происходятъ.

Наши люди въ сей Шотландіи, гдѣ многіе богатые менновисты **) и купцы жили, великую добычу получили: лошадами, скотомъ, хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, ячменемъ, солодомъ, виномъ, медомъ, пивомъ, водкою и всякими товарами и предмѣстіе вовсе выграблено, однакожъ

*) Въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла бывшаго казначея; св. 4.

**) Перекрещенцы.

не выжжено. Обыватели всё въ городъ ушли, такъ что пенсіонары *) тамо умножились, а въ мукъ недостатокъ имѣется, ибо хотя они въ ономъ хлѣба со изобиліемъ имѣють, то однакожь у нихъ въ мельницахъ оскудѣніе, потому что отведеніемъ рѣки Радуана ихъ водяныя мельницы отъ большей части безъ дѣйства стоятъ и двѣ большія вѣтряныя мельницы, которыя еще на Штольценбергѣ были, я, 9-го числа сего мѣсяца, во время моея атаки, авечъ велѣлъ. Сказываютъ, что въ городѣ болѣе 300,000 человекъ находится; итакъ имъ въ мукъ легко недостатокъ учиниться можетъ.

Баронъ Мардефельдъ во мнѣ того жъ дня писалъ, въ которой мы Шотландію взяли, что мой манифестъ великой ужасъ магистрату, а уронъ Шотландіи, великую тревогу между простымъ народомъ причинилъ, и что многіе изъ польскихъ вельможей самихъ начинаютъ колебаться, слѣдовательно же хвастовство вдругъ пресѣвилось; ибо они тѣмъ похвалялись, что они хотѣли Шотландію того жъ дня назадъ взять; однакожь нынѣ уже имъ то учинить трудно будетъ, они хотѣли той ночи, какъ я ихъ атаковалъ, вылазку учинить, въ чемъ я имъ препятствовалъ.

Вчера комендантъ, генераль-маіоръ Фитинггофъ, изъ города ко мнѣ постиліона съ письмомъ присылалъ, въ которомъ онъ просилъ чтобъ имъ позволено было своихъ мертвыхъ погребсти и чтобъ ихъ плѣнныхъ изрядно содержать; однакожь я на то коменданту не отвѣтствовалъ, но чрезъ постиліона ему сказать велѣлъ, что я указъ имѣю отъ Вашего Императорскаго Величества, по превмочайшей Вашей дозволенной милости и по даннымъ суткамъ на размышленіе, ни съ кѣмъ въ Гданскѣ корреспонденціи не производить и никакого договору не чинить, пока городъ не сдастся; къ вѣщему же увѣренію послалъ я къ нему манифестъ, ежели иногда магистратъ ему оной не сообщитъ. Ихъ мертвые погребены и ихъ плѣнные содержатся какъ обыкновенно, между которыми саксонскіе рудокопные люди и подданные короля Августа обрѣтаются, и оные городу и Станиславу служили, за что имъ плохая мзда будетъ.

Третьяго дня въ вечеру, то-есть 10 числа сего мѣсяца, какъ на редутѣ Циганкенбергѣ наши батареи съ двумя пушками и двумя гаубицами готовы были, то я началъ въ 6 часу пополудни городъ бомбардировать и по немъ изъ пушекъ палить; почему тотчасъ во всё колюво зазвонили и во всё барабаны въ городѣ забили, чаятельно для того, дабы войска собрать и бунтъ въ городѣ упредить.

*) На градокомъ ишдивитиіи содержѣются.

Вчерашній постиліонъ сказывалъ, что всѣ мои бомбы въ городъ падали и одна на дейхгаузъ упала, но понеже она только полупудовая, того ради она и не пробила. Одной дѣвкой бомбою руку оторвало и великой плачь въ городѣ; поляки жъ изъ домовъ своихъ не выходятъ и никто изъ оныхъ въ окно не выглядываетъ и не кажется. Пушки, изъ которыхъ я третьяго дня и вчера по нихъ палилъ, таковы и ядра—ихъ собственныя, которыя мы въ ретраншментѣ 8-ми фунтовыя ввѣли,—а они съ своихъ болверковъ по моей батарее на Циганкенбергѣ непрестанно изъ пушекъ палатъ и бомбы бросаютъ, но по вчерашней вечеръ еще никакого вреда не учинили. Сегодня велѣлъ я четыре изъ нашихъ полевыхъ пушекъ на батарею поставить, и начну горящими ядрами палить и смотрѣть какое оныя дѣйство и успѣхъ у гданскихъ ста человекъ, которыхъ маркизъ-де-Монти еще на своей сторонѣ имѣеть,—учинять. Сколько у меня бомбъ и ядеръ находится, столько оныхъ въ городъ бросается, и я нашимъ солдатамъ за каждое непріятельское ядро по алтыну даю, которыя всѣ ядра обратно возвращаются. Въ Мариенбургъ я послалъ—нѣкоторыя пушки и ядра тамъ забравъ сюда привезть; таковыя я въ Елбингъ команду отправилъ, дабы смотрѣть—поворотится ли оный городъ, и какъ я чаю то въ такомъ случаѣ получу я и отъ туда нѣсколько еще пушекъ и амуниціи, причемъ же чаятельно нѣсколько пушекъ и изъ Торуня; и когда иного способа не будетъ, то саксонская артиллерія тогда пригодится. Къ генералъ-маіору Любрасу я указъ отправилъ подъ жестокимъ штрафомъ не въ Краковъ, но съ своею командою, состоящею въ 5-ти пѣхотныхъ полкахъ, артиллерію и палатками, немедленно сюда итти и Грауденць паки заставить, гдѣ великое число провіанту имѣется.

Къ подполковнику Фуесу я указъ послалъ съ артиллеріею сухимъ путемъ сюда ѣхать и денегъ не жалѣть; я къ нему корнета Ливена куріеромъ на встрѣчу послалъ, чтобъ онъ одну мортиру и 120 бомбъ на почтѣ сюда привезъ. Сію артиллерію водою сюда везти велѣтъ для штормовъ, затрудненій при выгрузеніи и для непріятелей—опасно, ибо гданчана сами нѣсколько кораблей на устьѣ имѣютъ и третьяго дня въ вечеру 14 кораблей на ре(в)ду пришло, почемъ вчера разгласили, яко бы французы пришли; сіи корабли, въ жестокою погоду, еще далеко въ морѣ были, что ихъ познать не могли, однакожъ я уповаю сегодня чрезъ рыбака подлинную вѣдомость получить: оныя военныя ли корабли? Безсильныя же французы еще долгое время на морѣ забавятся и сверхъ того они меня отсюда не согонятъ; ибо я знаю, что Богъ съ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества пребываетъ и мнѣ онъ да поможетъ. Мнѣ фуражъ на адѣннюю армію, толико до травы

потребенъ; а въ провіантѣ никакого недостатка не имѣется, потому что Шотландія довольно въ томъ помогла. Я велѣлъ Загряжскому 1000 драгуновъ сюда прислать, а между тѣмъ и генераль-маіоръ Любрасъ чаятельно подойдетъ; никакой дороги болѣе вымыслить не можно, чрезъ которую бы я къ нему повторительныхъ указовъ не послалъ и не сомнѣваюсь, что онъ одинъ или другой получить. И тако я, съ помощію генерала-маіора Любраса и подполковника Фукса, надѣюсь въ состояніи быть Вашему Императорскому Величеству справедливѣйшую сатисфакцію отъ сего упрямаго города исходатайствовать. Генераль Ягушинскій ко мнѣ писалъ, что король прусскій по домогательству г. де-ла-Шетарди противной указъ послать хочетъ, чтобъ нашу артиллерію чрезъ Пруссію не пропускали; и понеже мнѣ король на мое первое письмо не отвѣтствовалъ, хотя онъ тогда указомъ повелѣлъ артиллерію пропустить, того ради мнѣ оное подозрительно видится. Однакожъ генераль-поручикъ Каттъ изъ Кенигсберга ко мнѣ пишетъ, что онъ нашу артиллерію всякими образы препроводить хочетъ; чего ради я паки къ королю писалъ, что Ваше Императорское Величество уповаетъ, что артиллерія безпрепятственно пропущена будетъ, въ чемъ королевской собственной интересъ обращается, дабы я безпокойства на его границахъ вскорѣ прекратилъ, а не въ его землю непріятели ретироваться принудить могъ. Такожъ изъ гданскихъ жюлавъ ни единого бѣглеца не является пока артиллерія Пруссію не пройдетъ, и такіа внушенія чаятельно успѣхъ получать. Въ башмакахъ и сапогахъ, такожъ и въ рубахахъ при арміи ни малого недостатка не имѣется, но здѣсь довольно оно ссыскивается и хотя немного дороже, какъ въ Россіи, однакожъ мундиръ гораздо въ носкѣ лучше ибо городъ Гдансь со излишествомъ заплатитъ; и потому я въ Военную Коллегію пишу, чтобъ комиссаріатъ о томъ весьма не старался.

Третьяго дня я отъ партіи кастелана черскаго письма перенялъ, въ которыхъ полковникъ Френейсе пишетъ, что генераль-маіоръ Штейнфлихтъ многое несогласіе, между поляками причинилъ, чего ради многіе отъ кастелана отступили и у нихъ множество лошадей больнымъ и дряхлымъ; почему никакого виду не имѣется, какъ сей кастеланъ, по содержанію писемъ барона Марделда (sic), предъ нѣкоторыми днями, гданчанамъ хвасталъ, что онъ меня позади, а они гданчана спереди атакуютъ, и такимъ образомъ россіянъ весьма подлинно выгонять. Сей кастеланъ будто нашихъ пойманныхъ казаковъ весьма тирански побить велѣлъ; за что онъ достоенъ за ребра повѣшенъ быть, и когда я съ Гданскомъ управляюся, то я можетъ быть и его поймаю.

Сказываютъ, что Станиславъ боленъ и королю французскому писалъ, что онъ хочетъ во Гданскѣ свою голову положить; а примасъ по вся пополудни пьянъ и маркизь де-Монти и Понятовскій все дѣлаютъ и производятъ. Бургомистръ Бениль свой чинъ сложилъ и чайтельно вкупѣ съ оними во Францію ретируется.

Я самъ сей ночи новыя редуты близь подѣ Бипофсберггомъ заложилъ, которые мою квартиру въ Шотландіи прикрываютъ, такъ что я сіе мѣсто защищаю и непріятель меня отъ туда не выгонитъ.

Въ Гданскіе вердеры и въ деревню Гоефтъ *) (sic) сильную команду послалъ и нынѣ всякими образами стараюсь городъ вовсе запереть и всякую коммуникацію пресѣчь.

При работѣ сей почти ни единой человѣкъ не пропалъ и изъ города почитай не стрѣлено; и я разсуждаю, что они во мнѣ сегодня кого нибудь пришлютъ или высажденіемъ французскаго секурса упражняются и для того они въ тиxости пребываютъ, ибо они вчера и третьяго дня безпрестанно палили.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше увѣрена быть изволите, что я здѣсь ничего не пренебрегу и я на непріятелей въ краткіе дни моего здѣсь присутствія такъ близко наступилъ, какъ оныя того и не чаяли, и ужасъ и несогласіе между ими подлинно умножается.

Припадаю въ столамъ Вашего Императорскаго Величества, пребываю съ глубочайшимъ респектомъ.

Вашего Императорскаго Величества
всенокорѣйшій рабъ
г. фонъ-Минихъ.

Изъ главной квартиры въ Прустѣ.

12—(23) марта 1734 года.

№ X.

Переводъ съ доношенія генераль-фельдмаршала Миниха изъ главной квартиры у Оры, отъ 15 марта 1734 года.

По титулѣ Его Императорскаго Величества.

Вашему Императорскому Величеству уже извѣстно, какъ чаю, что его величество король прусскій далъ себя уговорить отъ французскаго министра маркиза Шетарди, въ позволенномъ уже однажды пропускѣ изъ Риги отправленной артиллеріи отказать, какъ приложе-

*) Изъ документа X видно, что рѣчь идетъ о „Данцигскомъ гауптѣ“, гдѣ было укрѣпленіе на мысѣ при раздѣленіи Вислы на Эльбинскую и Данцигскую. Занятіемъ этого пункта прерывается сообщеніе Данцига съ Фришъ-Гафомъ. Д. Ш.

ше подъ № 1 явствуетъ. Господинъ графъ Мантейфель прислалъ для того ко мнѣ куріера, который при письмѣ графа Секендорфа *) приложенныя штуки, а именно приложенныя того Шетардія подъ № 2 и прусскаго министерства меморіаль къ графу Секендорфу подъ № 3 о семъ дѣлѣ въ самой конференціи третьяго дня съ собою привезъ.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше разсудить можете какъ мнѣ сіе короля прусскаго непостоянство, которымъ мнѣ здѣшнія мои мѣры пресѣчены, зѣло удивили, и для того я королю немедленно писалъ и прапорщика Гана вчера по указу куріеромъ въ Берлинъ отправилъ, и не сомѣваюсь, что мои представленія по приложенію № 4, у прусскаго (короля) успѣхъ получать, когда оныя отъ Вашего Императорскаго Величества сильно подтверждены будутъ. Я притомъ графу Секендорфу и Ягужинскому писалъ, чтобы всячески старились, чтобъ король оный его указъ уничтожилъ; графъ Секендорфъ въ двухъ письмахъ мнѣ гораздо совѣтывалъ для сего дѣла самому въ Берлинъ ѣхать, но я за полезно не нахожу, подъ какимъ претексомъ тобъ ни было, отсюда ѣхать, ибо непріятель того же часу оное свѣдаетъ. И стоимъ мы нынѣ близъ непріятели, понеже я вчера главную квартиру сюда въ Ору, близъ Шотландіи, полъ-мили ближе къ городу, перевелъ. И увѣренъ я, что король, не лаская его въ семъ дѣлѣ, Вашему Императорскому Величеству, когда бы постоянно того требовать будете, въ пропускѣ оной артиллеріи нынѣ и впредь не откажетъ; въ которой надеждѣ я чрезъ сего куріера къ подполковнику Фуксу указъ послалъ, съ артиллерією до Мемеля приближаться, тамо лошадей нанимать и все въ готовности держать, что когда королевскій указъ прибудетъ, тобъ онъ съ артиллерією сухимъ путемъ сюда шель, и лучшіе мортиры и 120 бомбъ напередъ прислалъ; ибо перевозъ оной артиллеріи водою изъ Лиавы или Мемеля за полезное не нахожу, и чаю, что 3 или 4 російскихъ фрегата безъ страха иную артиллерію въ Пуцко, 6 миль отъ сюда, привести могутъ, гдѣ у меня нынѣ команда стоитъ, которую я третьяго дня для заставы городка и гавани отправилъ; ибо мнѣ сказано, что французы тамо высакаютъ, чего я не вѣрю и о томъ подлинное извѣстіе сегодня ожидаю. Въ 13-е сего мѣсяца заставленъ Гуфтъ или Гданскій Гауптъ: 400 драгунами, 200 казаками и 600 человѣкъ пѣхоты, подъ командою полковника Леслія и Хрипунова. У непріятели тамо было 600 человѣкъ и 12 пушекъ. Сія застава отнимаетъ у непріятели коммуникацію отъ стороны Гафа, и весь провіантъ отъ туда достанется впредь нашимъ войскамъ. Полков-

*) Австрійскій посолъ въ Берлинѣ.

никъ Леслий нѣсколько казаковъ подѣ самый Гданскъ посылать, а между прочею добычею была карета съ 4-мя лошадьми.

Той же ночи я велѣлъ неприятельскую крѣпость атаковать, гдѣ шли къ нашимъ батареямъ подкопаться и палисады поставить хотѣли. Наши по огнѣ, который болѣе часу продолжался, неприятеля отбили и оную крѣпость и палисады вовсе срыли. Мы потеряли: кондуктора Риша и 18 ранено. Отъ неприятеля убито на мѣстѣ: 1 поручикъ, 6 солдатъ и 1 барабанчикъ; въ полонъ взято 2 человекъ, а ихъ мертвыхъ и раненыхъ еще неизвѣстно. Неприятель по той (атакѣ) оную крѣпость вовсе оставилъ. Она лежитъ между Штолценбергомъ и Галгенбергомъ. Подполковникъ Карауловъ и инженеръ майоръ Братке при томъ себя зѣло показали. Въ первой акціи въ 9-е сего мѣсяца бывшей и неприятельскихъ убито 200 человекъ, а въ полонъ взято, чего при отправленіи прежняго всепокорнаго рапорта я не вѣдалъ,—24 человекъ.

Въ 14 марта, когда мы то мѣсто у Гуфта такъ сильно заставили, отправленъ генераль-квартирмейстеръ-лейтенантъ Штофельнъ съ указомъ къ полковнику Леслию тѣ батареи, которыя съ неприятельской стороны между Гданскомъ и Вексельмюнде имѣютъ, ночью атаковать, взять, и тамо стать, и шанцы сдѣлать; а же съ одною редутую и линію, на другую ночь, по сей сторонѣ на оныя пойду. Ежели то, какъ на Бога уповаю, удастся, то у города коммуникація пресѣчена будетъ, и шведовъ и французовъ болѣе въ городъ не войдетъ.

Предъ двумя днями шведовъ еще 200 человекъ вышли и батареи ихъ шведами заставлены. Они бросаютъ каждые сутки на мои редуты отъ 60 до 70 бомбъ и около 200 выстрѣловъ изъ большихъ пушекъ. Однакожъ мы по нынѣ отъ того не потеряли какъ одного канонира, двухъ мушкетеровъ, а ранено 2 человекъ. Мои 60 малыхъ бомбъ всѣ въ городъ пали и болѣе страшатъ нежели вредятъ; при томъ же мы по возможности изъ 4-хъ пушекъ стрѣляемъ, но оныя малы, а взятая—только 7 фунтовая. Палящими ядрами вчера начало учинено.

Вчера полковникъ Бонъ съ Санктъ-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, нѣсколькими казаками и 200 человекъ пѣхоты къ Эльблангу командированъ. Я съ того города письменно требую, съ приложеніемъ манифеста, чтобъ оной съ гарнизономъ, Денгофскаго полка въ 450 человекъ состоящимъ, сдался. Полковникъ Рачинскій у Станислава деньги взялъ, прочіе жъ офицеры будто Августу склонны. Ежели намъ удастся, то надѣюсь тамо какую артиллерію получить.

Отъ его величества короля польскаго и генераль-майора Любраса я ничего не слышу, хотя на всякой почтѣ много писемъ въ Гданскъ

приходить. Я началъ почты удерживать и никакихъ кромѣ прусскихъ и къ господамъ резидентамъ не пропускалъ. Они о томъ жалуются, я же съ депутатами Генеральныхъ Штатовъ въ Брабандіи при многихъ осадахъ былъ съ которыми городами подданные республики голландской и въ купечествѣ были и когда какое мѣсто осажено было, то ни постыльоновъ, ни писемъ и ничего не пропускали. Итакъ, я не вѣдаю чего городъ Гданскъ передъ другими требуетъ, который съ непріятельскими войсками и всѣми Вашего Императорскаго Величества непріятелями корреспондуеть и все къ поношенію нашихъ войскъ пишетъ. Напротиву же того поляки никакихъ писемъ нашихъ съ одного корпуса до другаго и на почтѣ не пропускають и съ ними посланныхъ вѣшаютъ. И понеже Ваше Императорское Величество мнѣ всемилостивѣйше повелѣли оной городъ по военному обычаю атаковать, того ради мнѣ надлежитъ всѣ способы пресѣгать, чѣмъ маркизь де-Монти ослѣпленныхъ гданчанъ побуждаетъ. При семъ посылаю одно письмо отъ французскаго двора, отъ господина Жоли, въ которомъ онъ пишетъ, что поляки росіянъ на голову побили и такими ложными вѣдомостями всѣ письма наполнены. Господа резиденты могутъ ко мнѣ выѣзжать и письма ихъ у меня не утратятся.

Ваше Императорское Величество тако видѣть изволите, что при нынѣшнемъ времени, когда еще холодно и солдатамъ трудно въ апрошахъ стоять, а прочіе въ дальнихъ деревняхъ обрѣтаются все то дѣлается, что возможно. Сей ночи я къ нимъ паки приближуся и ежели бы я команду генераль-маіора Любраса здѣсь имѣлъ, то-бъ въ одной ночи могъ болѣе сдѣлать нежели нынѣ въ три или четыре. Между тѣмъ гданскіе солдаты въ такой страхъ отъ Вашего Императорскаго Величества войска уже приведены, что они фуража болѣе не имѣютъ на вылазку входить; кибиковъ половину оставили для того, что они на мои батареи итти не хотѣли. О бывшей въ ночи на 13-е число сего мѣсяца полезной акціи прилагаю къ сему всепокорный рапортъ, и, къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества припадая, въ глубокой покорности пребываю

М и н и х ъ.

№ XI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня и Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Помощью Божьею Вашего Императорскаго Величества храбрыми офицерами и солдатами при блокадѣ города Гданска, я, до сего числа, каждый день съ аванжемъ одинъ постъ за другимъ отъ непріятеля счастливо обладалъ и одного въ тѣсноту тѣмъ пригонялъ, и гдѣ оный стоялъ нынѣ нашими редутами и линіями мѣста заняты (и фузъ взяты). И между тѣмъ одинъ главный постъ, который Божескою помощью сей ночи съ 21 на 22 число марта на берегу рѣкѣ Вислы, между городомъ и крѣпостью Вексельмюнде, счастливо взяли и редуть съ крѣпкимъ эполементотъ, двумя рвами сдѣланъ и рогатками обставленъ, и въ семь часовъ такъ укрѣпленъ, что непріятель въ несостояніи насъ изъ одного выжить. И оный редуть нашъ имѣется между тремя непріятельскими редутами и батареями, и не сомлѣваюсь я, что непріятель сего числа своими прамами съ пушками предъ оной на водѣ станеть и цѣлыя сутки,—такъ какъ и на прочихъ постахъ чинено было, жестоко изъ пушекъ стрѣлять и бомбы бросать будетъ и по тому перестанеть. Сія суть непріятельская послѣдняя коммуникація и ворота ожидаемому секурсу были, и понеже рѣка Висла противъ того мѣста на пистолетной перестрѣлѣ шириною имѣется и того для ничего не можетъ въ городъ и изъ города пройти. Такожь ожидаю я важдаго момента рапорта отъ полковника Деслія, что съ другой стороны рѣки Вислы заняли оной по той же рѣкѣ, по другой сторонѣ, постъ, ибо вчерашняго утра оный съ непріателемъ дѣйство имѣлъ и многіе побитые съ непріятельской стороны въ городъ привезены.

Сего марта 15 дня командированъ полковникъ Санктъ-Петербургскаго драгунскаго полка Бонъ съ полкомъ своимъ, съ двумястами инфантеріи, пятьюдесятью человекъ казаками, давъ ему при инструкціи манифестъ въ городъ Эльбингъ, и велѣно оный съ имѣющимся тамъ гарнизономъ Дсповскаго короннаго пѣхотнаго полку, склонить къ сторонѣ его королевскаго Величества польскаго Августа третьяго; на что получилъ я покоренное письмо отъ полковника Рачинскаго, черезъ подполковника тогожь полка Вейтке и капитана, который до нынѣ при мнѣ яко аманатъ обрѣтается. Я уповаю, что полковникъ Бонъ съ полкомъ своимъ и съ двумястами инфантеріи и пятьюдесятью человекъ казаками уже туда прибылъ и городомъ овладѣлъ, котораго

я ординоваль, какъ магистратъ, такъ и оный полкъ королю Августу къ присягѣ привести; который городъ, уповательно мнѣ, какъ артиллерію, такъ и амуницію насъ снабдить можетъ. Чего ради немедленно посланъ отъ меня капитанъ отъ артиллеріи фонъ-Штроу, и вѣлно ему оную разобрать и годное сюда привести, а что изъ Мариенбурга уже привезено о нихъ прилагается при семъ извѣстіе подъ литерою А.

Станиславъ съ его адгерентами еще третьяго дня въ городѣ были, а уповательно что и нынѣ тамъ имѣются, понеже коммункація уже вся отрѣзана, развѣ затопленными мѣстами, въ пищескомъ или въ повскомъ платьѣ, изъ города выйти, кто изъ оныхъ можетъ, а къ гданчанамъ и ихъ гостямъ, яко въ тинахъ, сѣтью головы прикрыть. Которыми авантажами Ваше Императорское Величество всеподданѣйше поздравляю, ибо при нынѣшнихъ неспособныхъ плодахъ годового времени и что за умаленіемъ людей, которые въ апрошахъ и на работахъ безсмынно обрѣтаются, больше сего исполнить невозможно. А при сей осадѣ, въ мою здѣсь бытность, по приложенной вѣдомости, подъ литерою В, урону имѣлось только 77 человекъ и двѣсти два человекъ ранено, изъ которыхъ гренадеръ Ладожскаго полку, Демсчій Каудаковъ, который при штурмѣ ретраншаментъ въ руку раненъ, въ седмой день у меня и на караулѣ стоялъ; и тако многіе изъ раненыхъ выздоравливають.

Сей уронъ людей, который не зѣло великой, за что мы Бога благодарить должны, понеже изъ города отъ непріятеля на наши апроши въ редуты непрестанно пушечная пальба и бросаніе бомбъ бываеть и почти одного дня не минуло, чтобы тугъ да инде атаки не было. Какъ то 19 числа сего мѣсяца пополудни отъ непріятеля жестокою вылазкою пятьюстами человекъ конныхъ и пѣхоты на наши апроши, которыя того дня ночью сдѣланы были, съ ужасною пушечною пальбою и бомбами чинено было; при чемъ почти весь гарнизонъ и безсомнѣнно и нынѣшній ихъ яко губернаторъ, маркизь-де-Монтій, на валу стояли и храбро поступивъ тѣхъ, кои на вылазку высланы были, смотрѣли, которые хотя до нашихъ рогатокъ пристунили и въ одномъ мѣстѣ оныя было подмяли, но однако изъ апрошей нашихъ такъ встрѣчены были, что непріятель съ волнкою конфузією, оставя нѣкоторыхъ побитыхъ, отъ апрошей нашихъ такъ ретироваться принужденъ былъ. И все до нынѣ имѣющіеся здѣсь акція къ непріятельскому дисъавантажу, а къ великой славѣ Вашего Императорскаго Величества славнаго оружія совершались; о которыхъ при семъ журналъ, подъ литерою С, прилагается, такожъ и копии съ писемъ, какую я корреспонденцію со обрѣтающимися во Гданскѣ съ чужестранными министрами

имѣлъ. Что его королевское величество прусскій, о воспрещеніи въ провозѣ его землями отправленной изъ Риги, по указу Вашего Императорскаго Величества, артиллеріи чрезъ своего тайнаго совѣтника Валлерома (который мнѣ отъ короля кредитивъ предъявилъ) словесно объявить повелѣлъ и какими способами освободить проѣздъ оной я домогался—изволите Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изъ приложенныхъ подъ литерами Д, I, E копій усмотрѣть. Я не сомнѣваюсь, чтобъ Ваше Императорское Величество въ крѣпкомъ намѣреніи о провозѣ оной артиллеріи остатся и свободный пропускъ оной, какъ нынѣ такъ и впредь,—получить изволили.

Саксонская артиллерія обрѣтается при мѣстечкѣ Познапѣ, состоящая въ трехъ и чстырехъ фунтовыхъ пушкахъ, которая намъ ничего служить не можетъ.

Что же король въ Саксонію отправился уповаю Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстно, что всему польскому шляхетству не безъ противъ итти. Я сего числа къ его величеству писалъ и совѣтывалъ, чтобъ онъ наки въ Польшу возвратился. Его тайный военный совѣтникъ господипъ Симонисъ третьяго дня сюда пребылъ, а господинъ графъ Рудовскій вчерашняго—яко волонтеръ; а воевода Хелмскій—сего числа. Генераль Гоудицъ и принцъ фонъ-Вейсенфельсъ обрѣтаются въ маршѣ къ здѣшнему мѣсту, а сколь далеко о томъ извѣстія не имѣется, а уповають нѣкоторые, что близъ Торувн. Ихъ кавалерія здѣсь, за неимѣніемъ фуража, едва содержаться можетъ ли, а инфантеріи какъ слышно пемного съ оными слѣдуетъ, понеже зѣло много больныхъ имѣеть и въ одномъ Краковѣ двѣ тысячи семьсотъ человекъ оныхъ оставлено; чего для необходимо пужно дабы генерал-майора Любераса съ инфантеріею сюда взять, и хотя я отъ одного извѣстія не имѣю, но токмо безъ сомнѣнія уповаю, что онъ ордеръ мой получилъ и безъ замедленія въ маршъ сюда выступить. Понеже городъ Гданскъ съ великою упорностью до нынѣ обороняется, того для отправляемая изъ Риги артиллерія въ ихъ покоренію уповаю не довольна быть можетъ. Того ради не соизволите ли Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать воднымъ путемъ на фрегатахъ отъ сорока до пятидесяти пушекъ, тридцатишести и двадцати четырехъ фунтовыхъ и довольное число мортиръ и бомбъ съ принадлежащими лафетами, амуниціею и служителями сюда отправить. Оныя могутъ пристать и выгружены быть при Буцкugelле или и при Эльблнгѣ, и въ морѣ уповається онымъ пикакого опасенія быть не можетъ. Ради пристапія онаго транспорта въ Пуцкѣ опредѣлена команда, чтобъ отъ непріятеля оное мѣсто занято не было; а впредь въ Пуцкѣ, въ

Геллѣ и въ Черновицахъ имѣтся будетъ саксонское войско, чтобъ непріятельскій секурсъ одержать, и развѣ збѣло великою силою придуть, ежели насъ одолѣвать похотятъ, понеже наши посты добрыми шанцами укрѣплены.

Имѣющіеся здѣсь при полевой артиллеріи шестьдесятъ полупуховыхъ гранатъ изъ гаубицъ въ городъ до послѣдней брошены, которыя сначала не малый страхъ придали и заподлинно извѣстіе имѣется, что у бургомистра Бемеля одну бомбу на дворѣ разорвало и по нынѣ въ каждый день по двѣдцати по четыре каленыхъ ядеръ въ городъ посылается, токмо только калибръ оныхъ невеликъ и отъ того ядра простываютъ, зачѣмъ по нынѣ еще огъ оныхъ пожару не учинилось; а въ ожидаемой изъ города Эльбинга артиллеріи уповається пушки будутъ больше калибромъ.

Сапогами, башмаками, рубашками и провіантомъ здѣшніе полки довольно снабдены, а и фуражемъ уповаемъ до травы пробавиться. И того для не изволите Ваше Императорское Величество о семъ корпусѣ попеченіе имѣть, а понеже здѣсь лежація маестности разорены, что въ близости имѣлося въ городъ увезено, а что въ дальнемъ разстояніи, то поляками разстащено; отчего контрибуціи, а особливо патурою, малое число собирается, которой контрибуціи на раціи и порціи и на прибавочное, по силѣ Вашего Императорскаго Величества именнаго указа, жалованья не достанетъ и собрать не съ кого, и у здѣшняго комиссаріата не больше осьмидесяти тысячъ по нынѣшнее число денегъ имѣется, а прибавочного на весь здѣшній корпусъ жалованья не болѣе какъ только на одинъ мѣсяць, по прежнему Вашего Императорскаго Величества указу, заплачено. Того ради, Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу двѣсти тысячъ рублей: половину въ Кенигсбергъ, а другую въ Берлинъ всемилостивѣйше указать перевести, которые городъ Гданскъ въ казну Вашего Величества возвратитъ долженъ.

Наши больные нынѣ убавляются, понеже походъ часъ отъ часу пріятнѣе становится, и получасмъ здѣсь нѣкоторыхъ рскрутъ.

Я имѣю свос упованіе на Господа Бога, что и впредь Вашему Императорскому Величеству моими всенижайшими рапортами пріятныя вѣдомости сообщать. Сего момента получилъ я рапортъ, что вышеупоминаемый полковникъ Бошъ въ Эльбинъ прибылъ и все избобрѣлъ благополучно, и гарнизонъ свой въ томъ, городѣ засадилъ, и надлежащія посты учредилъ, и какъ магистратъ, такъ и Десовской полкъ находятся въ склонности, и отъ имѣющейся тамъ артиллеріи нѣкоторое

число пушекъ и сюда уже отправилъ, о чемъ Вашему Императорскому впродъ обстоятельно всеподданѣйше доносить буду. Припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Марта 22 дня
1734 г.

№ XII.

Рапортъ объ артиллеріи, которая изъ Маріенбурга во атакъ города Гданска привезена.

П у ш е к ъ.

Четыре фунтовыхъ.....	3
въ томъ числѣ двѣ чугуныхъ.....	
двухъ фунтовыхъ.....	2
полтора фунтовыхъ.....	2
	<hr/>
Всего.....	7

Съ принадлежащими лафетами, шуфлями, набойниками къ вышеписаннымъ пушкамъ.

Я д е р ь.....	1122
Картечь.....	29
ручныхъ ядеръ.....	950
пороху пудовъ.....	24
свинцу пудъ.....	2
сѣры горячей пудъ.....	4

Рапортъ коликое число съ прибытія генераль-фельдмаршала графа фонъ-Миниха въ Данцигу, съ 9 по 22 число, при бывшихъ атакахъ и дѣланіи шанцовъ и редутовъ изъ войска Ея Императорскаго Величества людей—побито, и ранено, и безвѣстно пропало.

П о б и т о.

Полковникъ.....	1
прапорщикъ.....	1
кондукторъ.....	1
капраловъ.....	2
гренадеръ.....	19
мушкетеровъ.....	50
барабанщиковъ.....	1

флейщикъ	1
фурлейтъ	1
Итого	77

Безвѣстно пропало, которые уповаются взяты въ полонъ. Гренадеръ	9
--	---

Р а н е н о.

Капитанъ	1
поручикъ	3
подпоручиковъ	2
прапорщиковъ	1
кондукторовъ	1
сержантовъ	1
каптенармусъ	1
фуріеръ	1
капраловъ	7
гренадеръ	49
мушкетеровъ	134
барабанщиковъ	1
Итого	202

Рапортъ коликое число съ прибытія генералъ-фельмаршала и кавалера графа фонъ-Минниха къ Данцигу, марта съ 9 по 21 число, имѣлось съ нашей стороны въ городъ Данцигъ и къ помѣшательству непріятельскихъ работъ и въ редуты ихъ, такожъ и отъ непріятели по нашимъ шанцамъ и редутамъ, бомбъ и имѣлось пушечныхъ выстрѣловъ.

Съ нашей стороны.

Брошено полуподовыхъ бомбъ	67
изъ осьми и шести фунтовыхъ пушекъ калеными ядрами выстрѣловъ	668

Отъ непріятели.

Брошено бомбъ	807
изъ пушекъ выстрѣловъ	1055

№ XIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества Всемиловѣйшій указъ изъ Санктъ-Петербурга отъ 2 сего марта о печиненіи его королевской милости, Якуба королевича польскаго, въ маестностяхъ, лежащихъ при жулавахъ гданскихъ и въ прочихъ мѣстахъ, войсками Вашего Величества въ близости, въ земляхъ королевства польскаго, никакихъ разореній и обидъ и о неиманіи контрибуціи, я всеподданѣйше получилъ 18 дня и по оному Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшему чинить долженствую и припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Марта 22 дня 1734 г.

№ XIV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ изъ Санктъ-Петербурга отъ 9-го сего марта я всеподданѣйше получилъ подъ Гданскомъ, въ гауптъ-квартирѣ, въ предмѣстьѣ Орѣ, 18 дня и съ приложеніями; изъ котораго о посылкѣ високаго Вашего Величества повелѣнія къ генераль-маіору Измайлову о бытіи ему ради тамошнихъ обращеній при прежнемъ мѣстѣ, извѣстенъ. Что же касается до совокупленія подъ городъ Данцигъ для атаки и взятія оного Вашего Величества и саксонскихъ войскъ и артиллеріи, какъ саксонской такъ и изъ Эльбинга, — какія къ скорѣйшему того города покоренію дѣйствія имѣются и какую корреспонденцію имѣлъ я, со обрѣтающимися въ Гданскѣ иностранными министрами, о томъ Ваше Императорское Величество соизволите всемиловѣйше усмотрѣть изъ особливаго моего всеподданѣйшаго рапорта, сего жъ числа отправленнаго. О прочемъ же, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшему

указу, по всеподданѣйшей моей должности и по крайней силѣ и возможности исполненіе чинить буду, и припадаю къ стопамъ
Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Марта 22-го дня 1734 г.

№ XV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня *).

Понемѣ обрѣтающійся здѣсь инженернаго корпуса майоръ фонъ-Братке имѣется всегда ради атаки города Гданска, при дѣланіи ретраншаментовъ, шанцовъ и редутовъ, безотлучно, и то порученное ему дѣло исправляетъ съ великою ревностью, не щадя, по присяжной должности, живота своего въ ежечасномъ чаяніи, при сильныхъ и жестокихъ отъ непріятеля пальбахъ, смерти, которую его ревностную службу и прилежаніе вида, я воспринялъ смѣлость его, майора фонъ-Братке, дабы болѣе другимъ придать куражу, повысить чиномъ въ подполковники; хотя оные по инженерному штату и въ полковничьихъ противъ армейскихъ ранговъ состоятъ, съ такимъ упованіемъ что Ваше Императорское Величество всемилоствѣйше оное принять по конфирмовать соизволите. Того ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу о томъ его, майора фонъ-Братке, произвожденіи о всемилоствѣйшей конфирмаціи.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Марта 27-го дня 1734 г.

№ XVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, имѣлось здѣсь извѣстіе яко маршалъ конфедераціи и кастелянъ чирскій **) сообщасъ со своимъ, любельскимъ и прочими (воеводамъ) имѣли

*) Есть только копія съ реляціи (М. О. Ар. Г. Ш. Опись 192; книга 5).

**) Рудзинскій.

наѣбрение итти на войска Вашего Величества и осадить Торунь и прочія мѣста, и насъ отсюда выжить. Чего ради, по полученіи тѣхъ извѣстій, предостерегая... Вашего Императорскаго Величества интересы, не упусти ни малаго времени, 16-го сего марта командовалъ, съ драгунскими полками и нѣсколькими нерегулярными войсками генераль-лейтенанта Загряжскаго, да генераль-маіоровъ фонъ-Бирона и князя Урусова для разогнанія и поиску надъ тѣми непріятелями до мѣстечка Швець, гдѣ опой непріятель сильное имѣеть собраніе. И велѣно то собраніе разогнать и учинить знатный поискъ, и ежели непріятель отъ туда будетъ ретироваться, то слѣдовать за нимъ, доколь возможно. А сего числа реченный генераль-поручикъ мнѣ рапортовалъ, что помянутый кастелянъ чирской съ войскомъ его съ знатнымъ поискомъ Божескою милостью и высокимъ Вашего Императорскаго Величества счастьемъ,—разбить и изъ мѣстечка Швець и изъ прочихъ мѣстъ выгнать; при которомъ разбитіи взято: литавры и хорунги, и нѣсколько человекъ въ полонъ, и не малое число побито, о которой счастливой акціи Вашего Императорскаго Величества довольно соизволите Всемилостивѣйше усмотрѣть изъ приложенной при семъ писма реченнаго генераль-поручика копии. А онъ кастелянъ чирскій со воѣмъ своимъ войскомъ ретировался подлѣ рѣки Вислы, въ которомъ для поиску командированъ генераль-маіоръ фонъ-Биронъ. И тако мнѣ всѣ магазины, которые въ Швець и въ Груденць имѣются, въ нашихъ рукахъ находятся и которые немалое удовольствіе арміи Вашего Величества быть можетъ. Что же реченный генераль-маіоръ фонъ-Биронъ, чрезъ милость Божескою и высокою Вашего Императорскаго Величества счастье, при поискѣ надъ онымъ непріятелемъ, учинить, о томъ имѣю честь впредь по его возвращеніи Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доносить. Заключая сіе припадаю въ стопы

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ фонъ-Минихъ.

Марта 27 дня 1734 г.

№ XVII.

Сіятельный графъ,

Высокоповелительный господинъ, господинъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ.

Мнѣ милостивый государь и патронъ.

Вашему высокографскому сіятельству всепокорно доношу. Вчерашняго числа въ вечеру, въ прибытіе мое въ село Ось, которое отъ мѣстечка Швець разстояніемъ 4 мили, тамошніе обыватели мнѣ объ-

явили, что въ селѣ Крапивницѣ, которое лежало на моемъ трактѣ, стоять отъ противныхъ польскихъ войскъ три хорунги *), чего для учиненія надъ ними поиску командированъ былъ съ четырьмястами регулярными и съ восьмьюстами казаками полковникъ г. де-Наталій, и какъ помянутый г. полковникъ со оною командою вчерашняго числа, по полудни въ 12-мъ часу, въ то село прибылъ (за которую я со всею командою слѣдовалъ), то означенныя хорунги атаковалъ и взято двѣ хоругви, да людей, товарищей, татаръ, драгунъ и хлопцевъ 26 человекъ; и сверхъ того нѣсколько, которые во дворахъ и стадолахъ запершись себѣ оборону чинили,—сожжено. Ибо для того, что они, запершись въ стадолы и избы, стрѣляли, принужденъ онъ г. полковникъ то село зажечь. Изъ тѣхъ же хорунгъ нѣсколько, какъ слышно, и ушло, ибо ночь была темная и потомъ какъ пошли по тракту въ Швецу уже стало свѣтать, тогда еще на пути намъ хорунги съ три явилось, за которыми посланы были всѣ казаки, которыхъ они потому жъ разбили, гдѣ нѣсколько человекъ побито и литавры мѣдныя взяты; а оставшія принуждены въ Швець бѣжать. И какъ я со всею командою прибылъ подъ Свець, то всѣ тѣ польскія войска въ мѣстечкѣ заперлися и мостъ, который лежитъ по нашему тракту, отъ предмѣстья до замку, чрезъ рѣку Бреду,—разломали; куда, спѣша, гренадеръ приказалъ привести, и хотя потомъ погренадерамъ изъ замка, какъ изъ мелкаго ружья, такъ и изъ пушекъ, и палили, однакожъ какъ наши пушки привезли и по нихъ стали палить, тогда Чирскій со всѣмъ своимъ войскомъ регулярнымъ и нерегулярнымъ, изъ мѣстечка вышелъ, пошелъ вверхъ подлѣ рѣки Вислы, и для того полковникъ г. де-Наталій, въ шести стахъ драгунахъ и семи стахъ казакахъ направо, на деревню Прахово, черезъ помянутую рѣку Бреду, для пресѣченія ихъ ретираты, командированъ. Только по прибытіи его въ то село, лежащій чрезъ оную рѣку мостъ разломанъ и поставлено было при ономъ, на той сторонѣ, нѣсколько непріятельскихъ хорунгъ и въ починкѣ того мосту и въ переправленіи на ту сторону чинили ему, г. полковнику, немалое препятствіе; однакожъ, какъ туда наши пушки привезены, то отъ той переправы непріятеля отбили и на ту сторону съ командою оный г. полковникъ перебрался и для пресѣченія помянутой ему, Чирскому, ретираты впередъ пошелъ; такожъ какъ при Свецѣ, разломанный мостъ гренадерами поправленъ, то перво оныя гренадеры пѣши перешли и пушку отбили, и четыре латы взяли.

*) Профессоръ Герье опредѣляетъ силу хорунги въ 100 всадниковъ. (Борьба за Польскій престолъ въ 1733 году; стр. 465).

А потомъ командированъ отъ меня полковникъ г. Аракчеевъ съ 1000 человекъ и при той командѣ генераль-маіоръ г. фонъ-Биронъ и чрезъ тотъ мостъ, что весьма былъ разломанъ, перебраться не скоро могли; а какъ, почина, перебрались, то за нимъ, Чирскимъ, пошли, и велѣно ему г. полковнику де-Натали съ нимъ, г. генераль-маіоромъ фонъ-Бирономъ, соединиться и за нимъ, Чирскимъ, итти. При помянутой же окази, черезъ защищеніе Всевышняго и высокое Ея Императорскаго Величества счастье, отъ нашей стороны никого не убито; тожмо ранено, и то не весьма тяжелыми раны, — калмыковъ и казаковъ 5 человекъ; а отъ непріятельской стороны, хотя за подлинно въ скорости справиться не могли, однакожь не меньше 200 человекъ побито и въ помянутомъ селѣ сожжено. За отправленіемъ же вышеписанныхъ командъ, я купно съ г. генераль-маіоромъ княземъ Урусовымъ и съ оставшимися при насъ въ мѣстечко Швець вступили и по силѣ даннаго мнѣ отъ его высокопревосходительства г. генерала, кавалера и Лифляндскаго губернатора Лессія ордера, во всемъ, такожь и во описи хлѣба, исполненіе чинить непрежѣнное долженъ; и что жъ по возвращеніи его, г. ген.-маіора фонъ-Бирона, получу, о томъ доносить вашему высокографскому сіятельству долженъ же; а для скорости, допроса изъ оныхъ полонниковъ одного, при семъ оный допросъ всепокорно прилагаю.

F. Minich *.

Вашего высокографскаго сіятельства, мнѣ милостиваго государя и патрона

всепокорный и низжайшій слуга
Артемій Загряжскій.

Марта 25 дня 1734 года.

Свецъ.

№ XVIII.

Переводъ съ доношенія генераль - фельдмаршала Миниха изъ главной квартиры Орь отъ 27 марта (7 апрѣля) 1734, полученнаго въ Санктъ-Петербургѣ 8 апрѣля жъ 1734 году.

По титулѣ Ея Императорскаго Величества.

Что я въ 14 и 17 день сего мѣсяца къ его величеству королю прусскому о пошедшей изъ Риги артиллеріи писалъ, о томъ Вашему Императорскому Величеству изъ моихъ прежнихъ (реляцій) чаятельно уже извѣстно. Вчерашняго вечера получилъ я въ апрѣль его королевскаго величества отвѣтъ на мое первое, подъ лит. А; на что сегодня, какъ

*) Копія сверѣплена самимъ Минихомъ.

приложеніе подъ лит. В, гласить, я отвѣтствовалъ, еже въ королю чрезъ подполковника Ридера отправилъ. Графъ Мантейфель пишетъ, что прусскій дворъ по тому въ немаломъ безпокойствѣ и мои представленія не безъ пользы быть могутъ, яко же приложеніе подъ лит. С показываетъ.

Ваше Императорское Величество изъ королевскихъ писемъ усмотрѣть изволите, что ему избраніе короля Августа и осаженіе города Гданска весьма противно; но я уповаю, что Ваше Императорское Величество отъ требованія свободнаго пропуска Вашей арміи и артиллеріи не отступите и оный подлинно получите, и тогда изъ Риги еще болѣе артиллеріи, ежели бъ упрямый городъ секурсъ получилъ, не умедля отправить поведите.

Ваше Императорское Величество изъ отправленнаго ко мнѣ отъ его величества короля Августа письма изъ Дрездена, вчера полученнаго, усмотрѣть же изволите, что онъ опасенъ, что воевода Кіевскій Краковъ возьметъ и Станислава тамо короновать станеть; и потому одной части Саксонской арміи, сюда быть надлежащей, наваздъ итти велѣно. Итакъ тако чаю, что токмо три полка пѣхоты останеться, которые сюда прійти могутъ, и тягость все еще на единой Вашего Императорскаго Величества арміи лежить. Королевское письмо и мой отвѣтъ при семъ подъ лит. Д и Е прилагаются. Ежели король паки въ королевство не возвратится, то онъ ни одного пріятеля не соблюдетъ. Саксонскія войска еще никакой аѣціи съ поляками не имѣли; графъ Рutowскій съ нѣсколькими офицерами и тайные военные совѣтники, Симонисъ и Улень, суть здѣсь мои волонтеры.

Понеже городъ весьма запертъ и я по одному кораблю, который мимо моихъ редутовъ изъ батарей вчера по утру не остановясь пройти хотѣлъ,—палить велѣлъ; то англійскіе и голландскіе купцы депутатовъ ко мнѣ съ прошеніемъ о паспортахъ ихъ кораблямъ и фамиліямъ отправили, которые я имъ даю; однакожь смотрѣть приказалъ, чтобъ никакихъ заповѣдныхъ людей между оными не было.

Подлинно есть, что маркизь де-Монтій въ Вейксельмюндѣ квартиры Станиславу смотрѣлъ; но ежели онъ сегодня изъ города не уѣхалъ, то уже ему выѣхать изъ онаго не можно.

Какимъ образомъ я по ту сторону Вислы утвердился, о томъ Ваше Императорское Величество изъ рапорта полковника Лесліа, подъ лит. Г при семъ приложеннаго, усмотрите; и по сю сторону такъ я у Вислы усилился, что непріятели ничего сдѣлать не могутъ. Сею ночью я между горами и предмѣстіемъ Шидлицемъ въ непріятели такъ приблизился, что они и сіе предмѣстіе оставить или вы-

жечь принуждены будутъ; въ ономъ до нынѣ были квартиры большей части гварнизонныхъ солдатъ. Генераль-маіоръ графъ Рutowскій, который зѣло изрядный офицеръ, сей ночи первый пикетъ управлялъ и цѣлый часъ со мною въ томъ редутѣ былъ, который непріатели оставили и мы взяли.

Что же я почту чрезъ Гдансѣ ходитъ не допущаю и множество богомерзкихъ писемъ перенялъ, оное не мало шуму причинило. Но я при семъ, подъ лит. Д, прилагаю копію съ своеручнаго Станиславова ордера, въ рукахъ у себя имѣющаго, что онъ прежде началъ всѣ подозрительныя письма задерживать.

Отъ генераль-маіора Любраса ни малой вѣдомости не имѣю; хотя я множество ордеровъ къ нему и отправилъ; итакъ мнѣ еще въ войскахъ недостатокъ есть. Я уповаю, что сегодня кастелянъ чирскій прогнанъ или разбитъ будетъ. Г. генераль-маіоръ фонъ-Биронъ, имѣють авангардію нашихъ драгунъ и казаковъ, которые насупротивъ онаго посланы.

Изъ Эльбинга и Мариенбурга получилъ я 200 пудъ добраго пороха, такожь де пулъ, но мало тяжелыхъ пушекъ.}

Вашего Императорскаго Величества армія, слава Богу, здѣсь ни въ чемъ недостатка не имѣетъ, и сіе дѣло Богомъ къ счастливому окончанію приведено будетъ.

Какое я предъ нѣсколькими часами немилостивое отъ его величества короля прусскаго писаніе о задержаніи почтъ получилъ и что на оное я отвѣтствовалъ, о томъ изъ приложенныхъ при семъ подъ лит. Н и У видно. Ваше Императорское Величество извольте быть благонадежны, что никакая держава въ свѣтѣ моя не удержитъ Вашему Императорскому Величеству съ вѣрностію служить и арміи Ваши, по лучшему моему разумѣнію и совѣсти, предводитель, и король прусскій въ томъ мнѣ ничего предписывать не имѣетъ.

А. Ф. Миннихъ.

Къ реляціи отъ 27 марта 1734 года.

Регистръ, что при взятіи мѣстечка Свѣца польскихъ войскъ людей, въ магазинахъ провіанта и фуража такожь и прочей воинской арматуры отъ непріателя взято.

Въ полонъ взято:

	Число.
Товарищей.....	7
Разныхъ чиновъ.....	28
	<hr/>
	35

Да нашихъ плѣнниковъ выручено изъ полона	2
Провіанта въ магазинахъ найдено четвертей	801
Фуража лошадямъ довольное число.	
Знаменъ	2
Литавръ паръ	3
Пушка	1
Лать и панцирей	9

Мелкаго оружія и конскихъ уборовъ также нѣсколько лошадей.

Христофоръ графъ Минихъ.

№ XIX.

Реляція изъ Ора отъ 28 марта (8 апрѣля) 1734 года.

Наибольшая часть перенятыхъ партій Станиславовой писемъ разглашаетъ о знатномъ секурсѣ, на который городъ Гданскъ надѣяться имѣеть и о малой опасности, которой сей городъ отъ россіянъ подверженъ; знатные же партизаны изъ Кеслина пишутъ, что для единого токмо остращенія города г. Минихъ напередъ слухъ о усиленіи войскъ и артиллеріи произвесь, ибо онъ не въ состояніи и не можетъ еще долгое время городу зло чинить; по симъ письмамъ вскорѣ усмотрятъ сущую правду, и весною столько храбрыхъ кавалеровъ на полѣ, сколько шляхтичей въ Польшѣ имѣется; тогда россіяне узрятъ себя взаимно осажденны, и ежели они отъ города со стыдомъ не отступятъ, то они тамо всѣ погибнуть и никто изъ нихъ на помощь къ цесарю въ Венгрію не пойдетъ, никто же и въ Россію не возвратится, потому, что Оливскій монастырь ихъ гробомъ будетъ. Саксонцы же, такъ какъ и россіяне, побѣждены, побиты и изъ Польши выгнаны быть имѣють. Вся сія сладкая надежда на храбрости поляковъ основана, хотя въ вышереченныхъ же письмахъ и упоминается, что г. Валленродъ, ѣдучи чрезъ Кеслинъ, обнадеживалъ, ежели о генеральномъ позволеніи всей польской націи домогаться стануть, дабы возможно было въ земли короля, его государя, приближище воспріять, то онъ чаеть, что оное, при принятомъ его величества намѣреніи, безъ кондиціи дозволено будетъ; на что принцъ Чарторійскій говорилъ, хорошо бы было, съ сильнымъ желаніемъ и съ доказательствомъ добрыхъ резоновъ королю о томъ дѣлѣ представлять; однакожь болѣе надежду полагають на великіе секурсы, ожидаемые отъ Франціи, Швеціи и на свирѣпыя вылазки гданчанъ, такожь и на ту армію, которую касте-

ланъ чирскій, г. Сололинскій, графъ Плибенъ и воевода люблинскій, сочиняють, съ помощію оной они, похваляясь, по меньшей мѣрѣ 30000 человекъ счисляють. По многимъ письмамъ сія господа намѣреніе приняли россиянь въ Торунѣ, Мевѣ, Маріенбургѣ и въ Диршау атаковать, городъ Элбингенъ удержать и на драгуновъ и казаковъ, обрѣтающихся въ Старгардѣ, Бернѣ и Мираховѣ напасть и, по учиненіи толкихъ преизрядныхъ храбростей, россиянь подѣ Гданскомъ, согласясь съ генераль-маіоромъ Фитингофомъ, атаковать, который при такомъ случаѣ, для избавленія города и Станислава, свирѣпыя вылазки учинить, дабы вдругъ комедию окончить. Получено $\frac{3}{4}$ марта извѣстіе, что нѣсколько хорунгей польскихъ для соединенія съ кастеланомъ чирскимъ чрезъ Вислу переправляются и что воевода люблинскій въ Свець маршируетъ, гдѣ кастеланъ знатной магазинъ приуготовилъ. И по сей вѣдомости генераль-поручику Загряжскому повелѣно корпусъ въ 2 тысячи драгунъ и въ 1000 казаковъ собрать и со всякимъ поспѣшеніемъ въ Свець итти, для лучшаго же приведенія въ ошлошность непріятелей, двѣ мили съ Гданской стороны пройти, яко бы онъ хотеть къ лагерю приблизиться и потомъ дено и ночью на непріятеля итти, имѣя въ каждомъ шквадронѣ нѣсколько заводныхъ лошадей для облегченія присталыхъ. Съ симъ корпусомъ еще генераль-маіоръ князь Урусовъ и баронъ Биронъ для авангардіи командированы, въ чемъ и успѣхъ полученъ. Сей деташаментъ, собрався при Старгардѣ и Кастуринѣ 22 марта (2 апрѣля) къ Свецу пошелъ. 24 марта (4 апрѣля) въ вечеру они до деревни Ошекъ, лежащей отъ Швеца за 4 мили, достигли, гдѣ они увѣдомились, что въ деревнѣ Краповицѣ, обрѣтающейся на ихъ пути три непріятельскія хорунги стоятъ; чего ради полковникъ Наталія съ 400 драгунами, 400 казаками отправленъ, который въ Краповицѣ о полуночи прибылъ, а деташаментъ за нимъ въ близости слѣдовалъ.

Полковникъ же сіи три хорунги атаковалъ, которыя въ уланскихъ татарахъ состояли, и чрезъ нѣсколько времени оборонялись; при чемъ онъ много побилъ, 26 человекъ въ полонъ взялъ и два знамя получилъ; во время акціи деревня зажжена и одна часть изъ оныхъ въ домахъ погибла, куда прежде они ретировались, а остатки, при случившейся зѣло темной ночи, спасся. 25 марта (5 апрѣля), на разсвѣтаніи дня деташаментъ въ Краповицѣ прибылъ и свой маршъ съ поспѣшеніемъ къ Свецу продолжалъ; на половинѣ дороги они еще три хорунги встрѣтили, на которыя казаки пущены и они ихъ прогнали, много побили и двое литавры отняли, а остальные къ Свецу ушли. Когда деташаментъ подѣ Свець пришелъ, тогда кастеланъ чир-

скій мость на рѣвѣ Бредѣ разбросать велѣлъ, а самъ въ городѣ и замкѣ заперся. Генераль-поручикъ отправилъ гренадерскую роту для прикрытія плотниковъ, починивающихъ мость, по которымъ непріатели изъ своихъ пушекъ и ружья палили, однакожь безъ всякаго вреда; чего ради нѣсколько пушекъ поставлено и по непріателямъ стрѣлаемо было, которые тотчасъ ретировались и по берегу Вислы въ бѣгъ обратились; почему немедленно полковникъ Наталій съ 600 драгуновъ и 700 казаковъ къ деревнѣ Праховъ, которая на правую руку была, отправленъ, дабы у непріателей дорогу въ ихъ бѣгъ пресѣчь, но онъ еще тамъ на разбросанный отъ непріателя мость нашель и по другую сторону онаго нѣсколько хорунгей остановилось; однакожь ихъ вскорѣ изъ пушекъ прогнали, при чемъ они 4 латы оставили. Потомъ въ самой скорости мость починенъ и генераль-маіоръ Биронъ да полковникъ Аракшевъ съ тысячею самой легкой конницы для прогнанія кастелана посланы; при ономъ случаѣ съ непріательской стороны болѣе 200 человекъ побито, кромѣ взятыхъ въ полонъ, а съ нашей ни единого человека не убито, но токмо 5 калмыковъ или казаковъ легко ранено. Генераль-поручикъ Загряжскій и генераль-маіоръ Урусовъ Свецъ и магазинъ съ провіантомъ, приуготовленнымъ тамъ отъ непріателей, взяли и не сомнѣваются, чтобъ генераль-маіоръ Биронъ, котораго предосторожность извѣстна, одну часть бѣгущихъ не нагналъ; плѣнники же сказываютъ, что войска кастелана въ 33-хъ хорунгахъ и около 2-хъ тысячъ человекъ отъ регулярныхъ войскъ состоятъ, а онъ, кастеланъ, всегда хотѣлъ россиянъ атаковать, но войска къ тому охоты не оказывали и что г. Соколинскій съ двумя тысячами человекъ при Шойлицѣ воевода Люблинскій при Салицѣ и Графъ Шлибень въ Вермландіи обрѣтаются, но какъ слышно, то будто воевода люблинскій для соединенія съ кастеланомъ маршируетъ, котораго уронъ толь наипаче важенъ, понеже извѣстно, что сей кастеланъ чирскій знатнѣйшій партизанъ Станиславовъ и Понятовскаго есть, на котораго всю свою надежду положили.

По полученнымъ рапортамъ по отъѣздѣ генераль-поручика Загряжскаго и генераль-маіора барона Бирона, сей того жъ дня 25 марта (5 апрѣля) непріателей 4 мили далѣе за Свецъ прогналъ и до того времени гвался, пока онъ уже изъ бѣгущихъ никого догнать не могъ, потому что они всѣ, двое или трое вкупѣ, порознь разбѣжались, и наши лошади, которыя въ сутки 12 миль объѣздили, уже пристали, при чемъ еще нѣсколько плѣнниковъ взяли, а остальные изъ бѣгущихъ, которыхъ нагнать можно было, погибли. Итакъ генераль-маіоръ Биронъ принужденъ остановиться и увидавъ что кастеланъ чирскій,

регентарь Соколинскій, генераль-маіоръ Штейнфлихтъ и Кампейгаузенъ уже за 7 миль отъ туда были и невозможно было за ними въ такомъ ихъ скоропостижномъ бѣгѣ слѣдовать, къ тому жъ они за собою всѣ мосты разбросали, паки на утрѣе 26 марта (6 апрѣля) съ деташаментомъ въ Свецѣ совокупилися.

По сказкѣ товарища Гербовскаго и другихъ плѣнниковъ, неприятелей было 34 хорунги, каждая въ 50-ти человекѣхъ и меньше состояла *), 300 драгуновъ маршалка Мелсинскаго, 250 кавалеровъ новаго набора, 80 человекъ пѣхоты и 4 пушки. Но понеже недовольные товарищи хотѣли уже давно по домамъ разойтись, то кастеланъ ихъ паки собрать не можетъ.

Мы при сей всей акціи, какъ выше сего упомянуто, ни единого драгуна не потеряли, но насупротивъ того двухъ изъ нашихъ плѣнниковъ выручили; а именно, одного драгуна да казака.

Взято у неприятеля магазинъ съ провіантомъ въ Свецѣ—801 бочка и довольное число фуража.

Плѣнниковъ.....	35	челов.
Знаменъ.....	2.	
Литавровъ.....	3	пары.
Изъ пушекъ.....	1.	
Латъ.....	9.	

нѣсколько лошадей съ сѣдлами и ружьемъ.

По семъ разбитіи кастелана, указы къ генераль-поручику Загряжскому отправлены Грауденцъ взять, гдѣ хлѣба предовольно имѣется, перенять всѣ барки, стоящія по рѣкѣ Вислѣ до Торуня, гдѣ наши войска обрѣтаются, послать деташаментъ въ епископство Вермядское, дабы отъ туда графа Шлибена выгнать, который туда недавно съ нѣкоторыми Станиславскими войсками вступилъ, таже что токмо приближеніе воеводы люблинскаго ожидаютъ, дабы ему взаимно дѣйства побѣдоноснаго російскаго оружія показать и помощію Божію отъ таковыхъ неприятелей армию Ея Императорскаго Величества подѣ Гданскомъ свободить.

Сія армія, по полученнымъ авантажамъ, болѣе ни въ чемъ недостатку не имѣетъ.

*) Фактъ интересный. Намъ уже указано, что въ 1733 г. предполагаютъ имѣть силою „хорунгу“ въ 100 ч.; какъ оказывается въ дѣйствительности ова была едва въ 50 чел.

Съ сей реляціи копія послана къ принцу Чарторійскому въ Кеслянь, которой тамъ должность почтъ-директора или комиссара при конторѣ отправляетъ.

Переводилъ Андрей Суровцовъ.

№ XX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 12-го минувшаго марта объ отправленіи сюда, сверхъ посланнаго съ подполковникомъ Фукомъ, артиллеріи, нѣсколько пушекъ и мортиръ съ принадлежащими артиллерійскими припасами и служителями изъ Ревеля и изъ Риги на адмиралтейскихъ судахъ, такожь на команду мою солдатской обуви и холста до Пиллау или далѣе по моему разсужденію,—я 30-го числа всеподданнѣйше получилъ. И понеже, по моему нижайшему мнѣнію, той артиллеріи обуви и холсту пристать и выгружаться за способіе и къ проходу безопасіе при городѣ Эльбингѣ, который нынѣ войскомъ Вашего Императорскаго Величества засажень, чего ради къ кому надлежитъ отъ меня знать дано будетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Апрѣля 2-го дня 1734 г.

№ XXI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 13-го минувшаго марта о приласканіи отъ противной стороны офицеровъ, кои присланы будутъ съ прошеніями, въ собранныхъ мѣстахъ съ пристойнымъ объявленіемъ и обнадеживаніемъ къ сторонѣ его величества короля польскаго Августа третьяго, я 30-го числа всеподданнѣйше получилъ, и по оному Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшему указу исполнять буду. Токмо въ прибытіи мое изъ

таковыхъ офицеровъ отъ войска кастелана чирского, которое нынѣ войсками Вашего Императорскаго Величества разбито, никого не явилось.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ фонъ-Минихъ.

Апрѣля 2-го дня 1734 г.

№ XXII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ отъ 16-го минувшаго марта и со вложеніями объ отправленіи сюда для войскъ Вашего Величества провіанта и вина изъ Риги до Пиллау или до другого мѣста и о пожалованіи маіора Виттена, которому велѣно быть съ подполковникомъ Фукомъ, для скорѣйшаго отправленія и препровожденія имѣющейсѣ при немъ артиллеріи, въ подполковники, на мѣсто умершаго подполковника Матвѣева, я 30-го числа всеподданѣйше получилъ; и понеже по моему нижайшему мнѣнію тому провіанту пристать и выгружаться за способіе и къ проходу безопаснѣе при Эльбингѣ, чего ради къ кому надлежитъ о томъ отъ меня знать дано будетъ; а подполковнику Виттенъ, по силѣ оного, Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшаго указа, по прибытіи въ полкъ — опредѣлится.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ фонъ-Минихъ.

Апрѣля 2-го дня 1734 г.

№ XXIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ и со оного дубликатъ съ приложеніями отъ 19-го дня минувшаго марта объ отправленіи сюда слѣдующей съ подполковникомъ Фукомъ артиллеріи водою изъ Либавы до Пиллау, такожъ изъ Санктъ-Петербур-

бурга по вскрытіи воды и о имѣніи мнѣ стараніе о саксонской артиллеріи и войскѣ, дабы далѣе, сюда, наискорѣйшимъ образомъ прибыть могли, и о присовокупленіи подъ Гданскъ войскъ Вашего Величества изъ Варшавы и изъ Торуня, и изъ прочихъ мѣстъ, по взятіи города Эльбинга, и что сюда нѣсколько тысячъ провіанта изъ Риги водою отправить велѣно—я всеподданѣйше получилъ, 30-го дня, изъ котораго извѣстенъ. И симъ всеподданѣйше доношу: 1) отправленной артиллеріи съ подполковникомъ Фуксомъ весьма потребно слѣдовать сюда, для славы Вашего Императорскаго Величества, черезъ Пруссію, сухимъ путемъ, не взирая на то, что французы и шведы чрезъ его землю итти имѣютъ; ибо король прусскій черезъ свою границу весьма долженъ оную артиллерію по своему первому обѣщанію пропустить безъ удержанія, ежели только Ваше Императорское Величество прежняго своего намѣренія отмѣнить не соизволите; понеже и польскія войска черезъ его границы нынѣ прошли безъ препятствія въ Эрмляндію. Которая артиллерія впредь отправлена будетъ, оной по моему нижайшему мнѣнію, способіе прислать къ городу Эльбингу, которой войсками Вашего Величества уже занятъ. 2) Сколько потребно къ скорѣйшему того города Гданска покоренію артиллеріи, такожь и о состояніи саксонской артиллеріи и о оборотахъ короля Августа и его войскъ и что городъ Эльбингъ войсками Вашего Величества уже занятъ,—Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволите усмотрѣть изъ отправленныхъ предъ симъ моихъ всеподданѣйшихъ рапортовъ. 3) О присовокупленіи сюда Вашего Императорскаго Величества войскъ изъ Варшавы и Торуня и изъ прочихъ мѣстъ всевозможное стараніе имѣю и уповаю изъ Варшавы генераль-маіоръ фонъ-Любераса съ своею командою сими числы уже въ пути обрѣтается, понеже я вчерашняго числа получилъ отъ него репортъ, что онъ ордеръ мой о томъ черезъ нарочнаго посланнаго отъ меня курьера получилъ. 4) Въ Эрмляндское владѣніе, для свободной коммуникаціи съ Кенитсбергомъ и для выгнанія имѣющагося тамъ непріятели, который, какъ по извѣстію, въ недавнихъ числахъ туда пошолъ, велѣно отправить пристойное число драгунъ и казаковъ; что же касается до изысканія лучшихъ способовъ къ произведенію Вашего Императорскаго Величества намѣренія, въ томъ, по моей всеподданѣйшей должности, столько моего старанія и прилежанія имѣю, сколько въ человѣческой возможности состоятъ, дабы наискорѣйшимъ образомъ все по высокимъ Вашего Величества повелѣніемъ исполнить и городъ Гданскъ покорить. Какія же дѣйствія здѣсь происходятъ и каковой черезъ милость Божескую и высокимъ Вашего Величества счастьемъ надъ непріятеlemъ авантажъ

имѣть, о томъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволите усмотрѣть изъ прежнихъ моихъ рапортовъ и изъ приложеннаго при семъ журнала. Только, для скорѣйшаго то противъ города Гданска воспріятіевъ окончанію всеподданѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу всемилостивѣйше повелѣть, по силѣ моего прежняго представленія и приложенной при семъ спецификаціи, потребную артиллерію и знатную эскадру, а особливо нѣсколько фрегатовъ для лучшаго неприятелю водныхъ путей препятствію и пресѣченію коммуникаціи, напередъ сюда отправить; ибо нынѣ уже только нужно, дабы оною артиллерією городъ Гданскъ довольно посѣщать и къ скорѣйшему покоренію оной привести, понеже всю коммуникацію къ тому городу сухимъ путемъ весьма пресѣчена, и шанцами и редутами тотъ городъ зѣло осаженъ, что все исполнялъ; не имѣю ни единого дня, который бы бездѣйствія былъ по крайней моей силѣ и возможности, что и впредь до прибытія артиллеріи и флота Вашего Императорскаго Величества содержаніи стараніе имѣть долженствую и донеся о семъ, припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Апрѣля 2-го дня 1734 г.

№ XXIV.

Спецификація артиллеріи съ ея амунициєю, которая во атакѣ города Гданска сверху той, которая съ подполковникомъ Фуксомъ изъ Риги и Ревеля отправлена, — потребна.

	Числопъ.
Пушевь мѣдныхъ, а по нуждѣ чугунныхъ.	
36-фунтовыхъ.....	20
24-фунтовыхъ.....	30

Мортиръ.

5-пудовыхъ.....	10
9-пудовыхъ.....	2

Къ пушкамъ ядеръ.

Къ 36-фунтовымъ.....	6,000
„ 24-фунтовымъ.....	15,000

Къ мортирамъ бомбъ.

Къ 5-пудовымъ.....	3,000
„ 9-пудовымъ.....	600

Каркасовъ.

Къ 9-пудовымъ.....	100
--------------------	-----

Къ вышеписаннымъ пушкамъ и мортирамъ съ такими со всѣми принадлежностями, съ роспусками и съ запасными станками для выгрузки и возки оныхъ довольное число разныхъ рукъ канатовъ.

Пороху.

Пушечнаго—7200 пуд., мушкетнаго, въ заряды мушкетные и въ нарядку бомбъ 2800 пуд.

Трубокъ нарядныхъ къ бомбамъ.

	Число.
Къ 5-пудовымъ.....	3,000
Къ 9-пудовымъ.....	600
3-хъ и 6-фунтовыхъ ручныхъ бомбъ.....	6,000

Фитили къ пушкамъ и мортирамъ 10,000 сажень.

Селитры литрованной на составы 20 пуд., сѣры горячей 10 пуд.

Къ вышеписанной артиллеріи штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, бомбардировъ, канонировъ и гвнтлангеровъ потребно надлежащее число и что отъ артиллерійскаго корпуса не достанеть, то можно отъ адмиралтейской артиллеріи прибавить.

Регистръ, что при взятіи мѣстечка Свець польскихъ войскъ въ полонъ людей, въ магазинѣ провіанта и фуража, такожъ и прочей воинской арматуры отъ непріятеля взято.

Въ полонъ взято.

Товарищей.....	7
Разныхъ чиновъ.....	28
Итого.....	35

Да нашихъ плѣнниковъ выручено изъ полону.... 2
Провіанту въ магазинахъ найдено..... 801 четверть.

Фуражу лошадямъ довольно число.

Знамень.....	2
Литавръ парь.....	3
Пушка.....	1
Лать и панцирей.....	9

Мелкаго оружія и конныхъ уборовъ, такожъ нѣсколько лошадей

№ XXV.

Переводъ съ доношенія генераль-фельдмаршала графа Миниха изъ Оры отъ 7—18 апрѣля 1734, полученное къ Санктъ-Петербургу „(?)“ апрѣля жъ 1734 года.

По титулѣ Ея Императорскаго Величества.

Съ какою немилостію его величество король прусскій по весьма ложному рапорту, яко бы я собственныхъ его и въ либеріи постиглоновъ заарестовать и (какъ графъ Секендорфъ пишетъ) почтовую коляску и лошадей конфисковать велѣлъ, ко мнѣ писалъ, и что прусское министерство весьма фальшиво на меня нарекаетъ, будто бы я сказывалъ, когда я со Гданскомъ управляю, то и бранденбургскимъ и прусскимъ землямъ визитъ отдать хочу, о томъ Ваше Императорское Величество изъ приложеній при семъ, подъ лит. А и В, всемилостивѣйше усмотрѣть изволите.

Г. графъ Секендорфъ въ началѣ разными своими письмами мнѣ совѣтовалъ, чтобъ я для домогательства о свободномъ пропускѣ Вашего Императорскаго Величества артиллеріи чрезъ Пруссію съ четырьмя великанами самъ въ Поцдамъ пріѣхалъ; нынѣ же онъ хочетъ, чтобъ мнѣ его величеству королю о томъ великое извиненіе учинить, что я о помянутомъ пропускѣ прямую правду и не по желанію прусскаго министерства писалъ.

Ежели бы я въ Поцдамъ поѣхалъ и никакого успѣха, какъ чать можно, не получилъ, то-бъ чину, которымъ Ваше Императорское Величество меня пожаловали, безчестно было, и такая поѣздка отъ Вашего Императорскаго Величества апробована не была бы.

Нынѣ королю на предъявленныя явныя неправды многія извинительныя и покорныя письма писать никакой причины я не обрѣтаю, ибо что до отмѣненнаго почтоваго ходу и задержанныхъ неприяТЕЛЬСКИХЪ писемъ касается и я въ томъ ничего не учинилъ, кромѣ того, что военное обыкновеніе и высокій Вашего Императорскаго Величества интересъ требуетъ, дабы Ваши арміи отъ непріятелей

нашихъ, которыми мы со всѣхъ сторонъ оступлены, охранить и злымъ непріятельскимъ совѣтамъ предупредить; для всякаго же случая я въ задержаніи всѣхъ подозрительныхъ писемъ токмо по данному отъ Станислава примѣру послѣдовалъ.

Мнѣ никакихъ прусскихъ или въ прусской либеріи поштилюновъ заарестовать было не можно, ибо здѣсь, въ польской землѣ, иныхъ кромѣ польскихъ, польское платье и польскій гербъ имѣющихъ, поштилюновъ не ѣздятъ, и сія почта публичная, а не прусская, и какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и короля Прусскаго войсками нынѣ препровождена быть могла.

Насупротивъ того, я почту около Гданска, какъ скоро почтмейстеровъ собрать было можно, наилучшимъ и безопаснѣйшимъ образомъ учредилъ, какъ приложеніе подъ лит. С явствуетъ; о конфискаціи же почтовой коляски и лошадей никому ничего неизвѣстно. И тако, оказанный короля прусскаго во мнѣ гнѣвъ толь паче по весьма иной причинѣ знатно произошелъ, понеже я прусскимъ почтмейстерамъ объявилъ, что ежели король отъ сего отмѣненнаго почтоваго ходу изъ своихъ доходовъ что-либо потеряетъ, то Ваше Императорское Величество оное охотно возвратитъ изволите.

А чтобы мнѣ съ російскою арміею въ Бранденбургіи и въ Пруссіи непріятельскій визитъ учинить, и я никогда о томъ не думалъ, толь же меньше говорилъ, но сіе единое токмо выдуманное оклеветаніе; хотя здѣсь разговоры и письма имѣются, по которымъ король прусскій съ войсками своими городу Гданску на помощь прійдетъ, яко же и самыя берлинскія письма свидѣтельствуютъ, что маркизъ де-ла-Шетардїй предлагалъ, дабы король городъ Гданскъ своими войсками оступилъ, и графъ Рутовскій меня увѣрялъ, что Понятовскій, именовъ Станиславовымъ, королю прусскому епискупство Варминское и Эльбингъ обѣщаль.

Прусскій тайный совѣтникъ Валленротъ еще въ Гданскѣ, а полковникъ Бохавъ здѣсь, имѣя отъ короля указъ туда жъ ѣхать, какъ приложеніе при семъ гласитъ; но оное мнѣ въ великой конфиденціи сообщено. Сюда же и медиаторъ между мною и городомъ быть имѣеть, ибо видится, что Валленротъ архивомъ своимъ себя у короля повреждалъ; а къ чему иному такая медиация клониться можетъ, кромѣ того, чтобъ Станиславу и адгерентамъ его совѣтовать къ доброхотствованію королю французскому, къ препятствованію Вашему Императорскому Величеству во взятіи отъ продерзостнаго города Гданска праведной сатисфакціи и къ учиненію, сколько возможно, премногихъ трудовъ, отъ арміи Вашего Императорскаго Величества при сей осадѣ имѣю-

щихъ,—безплодными. Но изъ сего, ежели Богъ изволить, ничего не будетъ, и я ни съ какимъ прусскимъ медиаторомъ въ дѣло не вступаю. Здѣшнія обстоятельства и безъ того такого состоянія суть, что не безъ опасенія и печали обходятся. Вашего Императорскаго Величества армія была предъ четырьмя недѣлями: безъ провіанта и фуража, безъ рубахъ, башмаковъ и сапоговъ, большая часть въ лазаретѣ, безъ потребныхъ докторовъ и лекарей, въ зимнее время тяжкую осаду противъ зѣло сильнаго гарнизона и великой непріятельской артиллеріи предпріяли, безъ инженеровъ, безъ артиллеристовъ, безъ артиллеріи, пороху и пуль, къ тому жъ она армія такъ разсѣяна, что и смѣнить было не можно. Отпущенная изъ Либавы артиллерія каперомъ на морѣ взята быть не безопасна, ибо здѣсь одинъ французскій фрегатъ есть и можетъ въ нѣсколько часовъ въ Пиллау пріити. Французскихъ и шведскихъ секурсовъ ежечасно чаять надлежитъ. Воевода люблинскій съ своимъ корпусомъ стоитъ въ нашихъ квартирахъ у Тухеля и Корига; генераль-лейтенантъ Загряжскій, вмѣсто съ онымъ баталіи, учинилъ безотвѣтственнымъ образомъ съ нимъ перемирье и явное имѣлъ съ онымъ свиданіе, и хотя непріатели и говорили, что лучше цыгана нежели нѣмчина королемъ себѣ желаютъ, то однакожъ они вмѣстѣ пили, и слышно, что сынъ Загряжскаго 50 червонныхъ подарку отъ Тарлы принялъ; чего ради принужденъ я былъ генерала Лессія вчера по утру еще съ 1000 человекъ изъ моего слабаго лагеря здѣшняго въ корпусу Загряжскаго отправить, дабы помянутаго Тарла, Божиимъ вспоможеніемъ, (какъ съ чирскимъ учинено), побить и созади въ безопасность себя привести, чтобъ мнѣ армію здѣсь вмѣстѣ совокупить, осаду продолжать и французскому и шведскому секурсамъ сопротивляться было можно; ибо въ сей экспедиціи Вашего Императорскаго Величества и арміи Вашей слава весьма обращается; а Тарлова намѣреніе есть, чтобъ Станислава избавить и отсутствіемъ короля Августа изъ королевства пользоваться. Оному Загряжскому надлежало бы всѣхъ оныхъ начальниковъ заарестовать, а потомъ бы на сарынь, по сказкѣ въ 8000 человекъ состоящую, итти, но сіе упущено; однакожъ я уповаю, что генераль Лессій, яко искусный человекъ, всевозможное чинить будетъ. А между тѣмъ я городъ такъ утѣсняю, что вчера и сегодня великая въ ономъ тревога была, и сами все около города выжигаютъ, и я уже къ тому привелъ, что маревъ де-ла-Шетардїи короля просилъ исходатайствовать, чтобъ городъ Гданскъ капитуляцію получить могъ, и благонадеженъ я, что ежели бъ Станиславъ и адгернты его выѣхали, то бы сей городъ сегодня покорился. Никто въ городѣ, ниже внѣ онаго, не чаялъ, что я въ со-

стояніи буду городъ такъ запереть и что де Станиславу къ выѣзду еще время довольно. Нынѣ никому изъ онаго, безъ опасенія въ полонъ попасться, мимо нашихъ форпостовъ проѣхать невозможно. Загряжскому довѣло бы нѣсколько сотъ человекъ въ Арминдію послать, но онъ того при перемирьѣ не учинилъ, и тако вторая команда изъ Эльбинга туда же отправленная, помощи не получа, пропасть можетъ.

Генераль-маіоръ Любрасъ по десятикратно повторительному ордеру сюда не идетъ, подъ претекстомъ, что къ оставленію 400 человекъ въ Варшавѣ недостаточны и затѣмъ пять полковъ его команды стоятъ тамо, при арміи же шатровъ нѣтъ. Итако, Загряжскій и Любрасъ подлежатъ военному суду. Волинскій взялъ вчера пашпортъ въ Петербурхъ для лѣченія своего. Князь Барятинскій лежитъ уже 4 недѣли боленъ, такожь-де и большая часть полковниковъ.

О саксонской арміи я ничего не слышу и не вижу; оная могла бы Тарло легко найти, побить и ему путь къ проходу его сюда пресѣчь. Король пишетъ ко мнѣ, что иждивеніе къ отправленію сюда изъ Саксоніи артиллеріи не потребно будетъ.

Саксонцы и поляки, здѣсь обрѣтающіеся, хотять въ учиненіи съ городомъ Гданскомъ договору честь имѣть, праведную сатисфакцію, Вашему Императорскому Величеству принадлежащую, за постороннее дѣло, которое король Августъ распорядить, поставляютъ, и у російской арміи, которая одна тягость несетъ, всякая честь отъемлется. Письмо отъ короннаго камергера Товванскаго къ саксонскому тайному военному совѣтнику Симонису не токмо о томъ показываетъ, но и я вчера жестокій споръ съ воеводою кульскимъ, г. Чапскимъ, въ томъ имѣлъ и склонилъ онаго письмо свое назадъ взять, которое онъ къ городу Гданску отправить хотѣлъ, ибо онъ въ немъ ничего не упомянулъ, дабы городъ Вашему Императорскому Величеству пристойную сатисфакцію учинилъ. И сей воевода отъ епископа Краковскаго инструкированъ и, какъ онъ мнѣ сказывалъ, съ королемъ самимъ о городѣ Гданскѣ корреспондуеть; яко же онъ смѣлъ мнѣ сказать, что 20 бомбъ довольно будетъ и городъ Ваше Императорское Величество деньгами удовольствовать можетъ, на что я ему отвѣтствовалъ, что правда, весьма справедливо, что городъ Гданскъ убытокъ и иждивеніе, которые онъ арміямъ Вашего Императорскаго Величества причинилъ, заплатитъ имѣеть, но ежели другія кондиціи капитуляціи предписывать и Вашему Императорскому Величеству чести въ томъ дать не хотять, то я благонадеженъ, что Вашему Величеству пріятнѣе будетъ, дабы оный городъ, (который уже съ 3000 бомбъ по насъ бросилъ и

призываніемъ чужестранныхъ помощныхъ войскъ явную войну противъ Вашего Императорскаго Величества ведетъ), до основанія разбить былъ, нежели бы полушку денегъ отъ него требовать, и паче я надѣюсь, что другіе за городъ вступаться ищущіе, намѣреніе свое чаятельно на добрые вексели распростирають.

И понеже я, какъ Ваше Императорское Величество сами всемилостивѣйше разсудите, не малое попеченіе о соблюденіи арміи Вашего Императорскаго Величества имѣю и стараюсь всѣхъ неприятелей сокращать и Станислава и городъ Гданскъ покорить, честь же въ томъ единой Вашему Императорскому Величеству и славному Вашему оружію принадлежитъ,—того ради надѣюсь, что Ваше Императорское Величество въ семь дѣлъ никакого медиатора не примете, а особливо отъ такого двора, гдѣ нынѣ министерство подлинно болѣе на французскую и станиславскую, нежели на російскую и августовскую сторону преклоняется; но да благоволите Ваше Императорское Величество, что до такой капитуляціи касается, во всемилостивѣйшей конфиденціи на меня положиться и благонадежны быть, что я ни въ чемъ Высочайшей Вашей славы и интересу не унушу; а въ затѣянномъ, оклеветаніи, якобы я прусскихъ поштиліоновъ заарестовалъ и на Пруссію напасть угрожался, всемилостивѣйше меня защитить, ибо я о здѣшней моей командѣ и поступкѣ никому на свѣтѣ, кромѣ Вашего Императорскаго Величества, отповѣди дать не долженъ; и якоже король прусскій, или паче министерство онаго, паки на меня злобствовать стануть, ежели я съ присланнымъ медиаторомъ въ дѣло не вступлю. И тако, отправилъ сіе съ нарочнымъ, требуя въ толи важномъ дѣлѣ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа. Мое всеподданнѣйшее и малое мнѣніе о городѣ Гданскѣ сіе, что ежели мѣщанство до приступа допустить не похочеть, хотя и говорятъ, что они лучше городъ сами зажгутъ, нежели русскимъ сдадутся, то кондиціи слѣдующія быть имѣють:

1) Городъ сдается на дискрецію, и гости и гарнизонъ онаго—военными плѣнниками.

2) Городу отправить депутатовъ изъ магистрата и чиновъ къ Вашему Императорскому Величеству просить публично и на колѣняхъ въ томъ прощенія.

3) Городъ заплатитъ наличными деньгами или добрыми векселями къ награжденію убытка російско-императорской арміи одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ или 4 милліона рублей; генералитету, артиллеріи и инженерному корпусу—75,000 фунтовъ стерлинговъ.

4) Городъ отмѣняетъ въ вѣчному воспоминанію о памяти гербъ свой.

5) Въ прочемъ городъ при всѣхъ своихъ, до нынѣ бывшихъ, привилегіяхъ соблюдается. О будущемъ же новомъ гарнизонѣ потребное съ его величествомъ королемъ польскимъ распорядить.

6) Сколько провіанта и прочаго отъ города взято будетъ, за оное и въ вышепоказаннаго капитала зачтется, но въ городѣ по тѣхъ мѣстъ російскимъ войскамъ быть, пока все заплачено или вексели въ Голландіи или Англии акцептованы не будутъ.

7) Вексельминде купно съ городомъ сдаться имѣть и пока нынѣшная война продолжится и французовъ, и шведовъ въ сихъ мѣстахъ чаать можно, во оной быть російскимъ войскамъ.

Ежели нашъ флотъ на Гданскую рейду придетъ, то я вѣрность Вексельминде легко взять могу и потомъ флотъ здѣсь болѣе не потребенъ; итакъ я оный съ великимъ желаніемъ ожидаю.

Въ прочемъ здѣсь, при арміи, слава Богу, все благополучно и ни въ чемъ оной недостатку нѣтъ. Атакованіе города всевозможнѣйше продолжается и непріатели нынѣ столько респекту имѣютъ, что они ничего противъ меня предпріять не смѣютъ; я же такъ близко у непріятельскихъ фортецій, что приступать могу, когда токмо болѣе людей и артиллеріи получу. Непріатели вчера 240 бомбъ на двѣ наши батареи, на которыхъ по три пушки стоятъ, бросили.

Какъ наши солдаты къ бомбамъ привыкли, о томъ слѣдующій примѣръ показываетъ. Непріятельская бомба упала близь одного солдата, который сидѣлъ на банкетѣ, и онъ отъ удара на сію горящую бомбу упалъ, а товарищъ его, подлѣ него сидѣвшій, поймавъ онаго за руку, въ сторону онаго отпихнулъ, между тѣмъ ту бомбу разорвало, и одинъ другаго спрашивалъ: здоровъ ли ты? И обои ничѣмъ не вредимы. За всякимъ почитай пушечнымъ ядромъ, которыми непріатели стрѣляютъ, солдаты бѣгая поднимаютъ, ибо на нашихъ батареяхъ за одно ядро по три копѣйки платится. Понезже отъ непріятельскихъ бомбъ премножество не разрываетъ, то мы порохъ, который зѣло хорошъ, изъ оныхъ вынимая, по нынѣ палимъ непріятельскими или отнятыми пушками, порохомъ и ядрами. Наши редуты посреди непріятельскихъ шанцовъ и Ваше Императорское Величество изъ приложенной при семъ табели усмотрите, какъ слаба здѣшная армія, по учиненнымъ на Вислѣ и по другимъ проходамъ, для нашего пропитанія, заставамъ; насупротивъ чего непріятельскій гарнизонъ, который на всѣхъ фортеціяхъ пушки и мортиры разставилъ, съ вооруженными мѣщанами, крестьянами и кививами еще до 30,000 человекъ счисляется.

И потому бывшую до нынѣ осаду истинно за Божіе благословеніе и милость почестъ и Ему за оное довольно возблагодарить не можно. Солдаты бодры и я тѣмъ, которые въ апрошахъ стоятъ, пока морозъ и вѣсть продолжаютъ, повсядневно по чаркѣ вина и по алтыну за работу давать вѣлю, и твердое надѣяніе имѣю, что Всещедрый Богъ Вашего Императорскаго Величества славному оружію и впредь, какъ донинѣ, побѣду и благословеніе даруетъ и я всегда добрыя вѣдомости, одну за другою, всеподданнѣйше доносить могу. И проч.

Р. S. Сего моменту получилъ я отъ его величества короля польскаго вѣдомость, что 6 мортиръ и 1,700 бомбъ изъ Дрездена отправлены.

Ф. Мивихъ.

№ XXVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловивѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшій указъ отъ 26-го минувшаго марта съ приложеніями чрезъ адъютанта моего я всеподданнѣйше получилъ 5-го сего апрѣля, изъ котораго о посылкѣ къ подполковнику отъ артиллеріи Фуксу о слѣдованіи ему съ артиллеріею для скорѣйшаго послѣщенія и не ожидая ревельской (артиллеріи) до Пиллау и о прочемъ извѣстенъ. И для предосторожности оной и способнѣйшаго и скорѣйшаго сюда препревожденія посланъ отъ меня въ Пиллау нарочный, что жъ сверхъ оной (отправленной изъ Ревеля и Риги) потребно до отправленія сюда и скорѣйшаго ради города Гданска покоревія и исполненія высокаго Вашего Величества повелѣнія артиллеріи и ея припасовъ и эскадры, о томъ предъ симъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ, на которыя мои представленіи прошу о всемиловивѣйшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніи, дабы наискорѣйшимъ образомъ все оное сюда прибыть могло; ибо нынѣ къ скорѣйшему города Гданска покоревію дѣйствія только артиллеріею производить надлежитъ, такожь водяной путь, Вашего Величества флотомъ, совершенно пресѣчь. А его величество король польскій и саксонскія войска и по нынѣ сюда не прибыли; а о скорѣйшемъ сюда войскъ Вашего Величества изъ Варшавы и изъ прочихъ мѣстъ прибытіи, я потому жъ неусыпное стараніе имѣю и о скорѣйшемъ города Гданска покоревіи и высокаго Вашего Величества повелѣнія исполнить стараніе мое имѣю по моей всепод-

даннической должности, по крайней моей силѣ и возможности, предостерегаю Вашего Императорскаго Величества высокіе интересы и что впредь чиниться будетъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше доносить буду, припадая къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Апрѣля 8-го числа 1734 г.

№ XXVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Изъ посланнаго къ Вашему Императорскому Величеству съ нарочнымъ курьеромъ подпоручикомъ Роденомъ всеподданнѣйшаго рапорта, уповаю, Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволили, конимъ образомъ отъ прусскаго двора, ради медиации въ пользу городу и Станиславской партіи, тайный совѣтникъ Брантъ ко мнѣ отправляется, и намѣреніе, какъ можно видѣть, къ тому склоняется, чтобъ съ непріятелемъ на нѣкоторое время примирить; а ежели того съ нашей стороны учинено не будетъ, то можетъ быть декларацію учинить станиславскую партію имѣть. Въ которомъ случаѣ я, не получа Вашего Императорскаго Величества къ тому повелѣнія, ни въ какіе трактаты вступать не буду. Ежели на краткое время оружіемъ другъ противъ друга не дѣйствовать,—какъ то непріятель нашъ съ генераль-поручикомъ Загряскимъ уже имѣлъ,—и съ того никакого аванжа намъ послѣдовать не можетъ, но токмо черезъ продолженіе времени непріятель можетъ французскій и шведскій секурсъ получить. И отправленнаго господина медиатера я со всякою честью приму и буду показывать ему на министровъ Вашего Императорскаго Величества, онымъ его пропозиціи чинить, а что не въ противность Вашего Императорскаго Величества славы и интереса отъ него представлено будетъ, о томъ для рапортованія къ Вашему Величеству принимать буду.

Апроши вокругъ города Гданска со всякимъ возможнымъ посѣщеніемъ производятся и пушечною пальбою часто городъ посѣщенъ бываетъ, денно и ношно, не по малому числу—на противъ чего отъ непріятели непрестанная пальба и бросаніе бомбъ бываетъ, токмо за помощью Божьею вреда намъ великаго не чинятъ.

Вчерашняго числа получилъ я изъ Берлина запечатанный отъ короля ордеръ къ Мемленскому коменданту, и какъ отъ генерала Борва словесно объявлено, что артиллерію нашу пропустить велѣно, токмо копіи съ онаго ордера по требованію посланнаго отъ меня подполковника Редера не сообщено. А сего утра получилъ я отъ адъютанта моего изъ Пиллау рапортъ, въ которомъ объявляетъ, что тамошній прусскій комендантъ ордеръ имѣетъ наши суда тамъ удержать, изъ чего ясно уничтоженіе посланнаго отъ короля въ Мемль ордера видѣть можно. При прусскомъ дворѣ уже давно извѣстно, что артиллерія наша изъ Полонга до Либавы возвращена и тамо грузится и не безъ опасности, чтобъ на морѣ отъ французскихъ капо-ровъ перехвачена не была, чего для отправленную изъ Ревеля надлежитъ добрымъ конвоемъ снабдить.

Воевода любельской, Тарло, со своими хорунгами пробрался подлѣ прусской границы и маршируетъ прямо къ Пуцку, какъ изъ приложеннаго рапорта Ваше Величество усмотрѣть изволите.

Генералъ Лессій, который къ нему на встрѣчу съ полками отправленъ, уповаю, его изъ рукъ не упустить; къ тому жъ отъ меня и команда къ помянутому Пуцку отправлена, и уповаю дня въ два все окажется, и какъ слухъ носится будто непріятеля изъ города по данному сигналу отъ помянутаго воеводы сильную вылазку учинить; токмо за помощью Божьею и нашихъ постовъ и редутовъ, которые довольно укрѣплены, уповаю, онаго такимъ образомъ встрѣтить, что принужденъ будетъ ретираты своей не безъ урону искать.

Сего жъ числа получилъ я рапортъ изъ Эльбинга отъ полковника Боя, что въ Эрмяндскомъ владѣніи, въ мѣстечкѣ Браунбургѣ, атаковалъ непріятель нашего капитана съ командированными, противъ котораго отъ нашихъ добрый отпоръ учиненъ, какъ изъ приложенныхъ копій явствуетъ; и понеже тая команда не довольная имѣется, того для посланъ туда секундъ изъ Гнева и изъ Эльбинга и уповательно, что непріятель отступить принужденъ будетъ, токмо Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу, по силѣ прежнихъ моихъ представленій, въ Эрмяндію для безопаснаго конвоеванія нашихъ курьеровъ и выгнанія непріятеля, за умаленіемъ здѣшной команды, всемилостивѣйше повелѣть командировать полкъ изъ командъ генераловъ-майоровъ Измайлова и Бисмарка.

Сего момента приведены ко мнѣ изъ войскъ воеводы любельскаго 6 человекъ плѣнныхъ, изъ которыхъ одинъ допрашиванъ, изъ

допросу его при семъ прилагаю копію о чемъ донести. О всемъ припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ *)-Минихъ.

Апрѣля 8-го дня 1734 г.

№ XXVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству сего апрѣля 8-го дня всеподданѣйше доносили, коимъ образомъ воевода любельской, Тарло, съ прочими, собрався съ своими хорунгами и пробрався подлѣ самой померанской границѣ, и въ городу Гданску маршировалъ съ такою надеждою, чтобъ французскому и шведскому секурсу и выгрузѣ споможеніе чинить, и то засвидѣтельствовать, какую ужасную изъ города Гданска на наши линіи и апроши вылазку учинить и атаку нашу къ отступленію принудить, а Станислава съ адгерентами изъ города принять, и въ тріумфъ по воеводствамъ возить, и въ Краковъ, его Станислава, короновать; который воевода искушалъ и меня пропозиціями своими, такъ какъ и генерал-лейтенанта Загряжскаго, на время примириться, дабы тѣмъ въ безопасности насъ найдти могъ. Противъ котораго, съ нѣкоторыми драгунскими полками и нѣсколько стами гренадеръ и мушкетеровъ, отъ меня генералъ Лессій былъ посланъ и приказано, не пропуская ни единого часу, онога атаковать. А вчерашняго числа, т. е. 9-го сего апрѣля (и точно минулъ мѣсяць, какъ счастливымъ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества предмѣстье взято), реченный воевода постановленіемъ порядочной баталіи, при деревнѣ Висечинѣ, за одну милю отъ померанской границѣ, атакованъ и по продолженію дву часовъ баталіи принужденъ былъ непріятель ретироваться, и Вашего Императорскаго Величества славная армія получила полную вивторію и гнали непріятеля за четверть мили отъ померанской границы, какъ о томъ изъ приложенной краткой реляціи всемилоствѣйше усмотрѣть соизволите; съ которою вивторією Ваше Императорское Величество всеподданѣйше поздравляю и уповаю на Божескую помощь и о таковой непріятельской побѣдѣ не сомнѣваясь о французскомъ и шведскомъ секурсѣ и при всѣхъ препятствіяхъ, которыя намъ чинятся, здѣшнее важное дѣло, по благополучному окон-

*) Въ „Книгѣ копій“ (М. О. Ар. Г. Ш.) вѣто подписи „графъ“.

чанію, привести; токмо дай Боже и славъ Вашего Императорскаго Величества російскій флотъ при здѣшнемъ рейдѣ ко общему нашему обрадованію вскорѣ видѣть.

Тайный совѣтникъ короля прусскаго господинъ Брантъ вчерашняго числа сюда прибылъ и можетъ о сей вѣдомости ко двору своему рапортовать, и ежели король его нашу артиллерію не задержалъ, то я бы уповалъ городскіе ключи города Гданска уже въ рукахъ своихъ имѣть. Помянутаго тайнаго совѣтника главная пропозиція, кагъ онъ мнѣ сей моментъ объявлялъ, въ томъ состоитъ, чтобъ егда по его по средствамъ городъ себѣ покоритъ, то бѣ Станислава со всѣми его адгеренты до послѣдняго человѣка, принявъ подъ прусскій конвой, проводить, куда онъ Станиславъ пожелаетъ. На что я ему, тайному совѣтнику, объявилъ, что Ваше Императорское Величество и сама войско имѣть изволиге его Станислава принять и куда надлежитъ проводить.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Изъ Оръ.

Апрѣля 10-го дня 1734 г.

№ XXIX.

Р е л я ц і я.

О имѣющейя апрѣля 9-го числа баталіи между войски Ея Императорскаго Величества, подъ командою генерала Лессія и польскаго войска, которое ко Гданску на секуръ слѣдовало съ графомъ Тарломъ, воєводою любельскимъ. Апрѣля 5-го дня, по полученному извѣстію и письма отъ воєводы любельскаго, графа Тарло, при рапортѣ отъ генераль-лейтенанта Загряжскаго усмотрѣно, что оный воевода со своею силой до мѣстечка Тухоля и Кониць приблизился и къ російскому генералитету, подъ видомъ чтобъ со обѣихъ сторонъ плѣнныхъ размѣнять, пріѣзжалъ и слѣдовалъ прямо къ городу Гданску. Командированъ апрѣля 6-го числа господинъ генераль Лессія къ командѣ генераль-поручика Загряжскаго, который состоялъ въ нѣкоторыхъ драгунскихъ полкахъ и нѣсколько стахъ пѣхоты, онаго воєводу съ его войскомъ сыскивать и дорогу ко Гданску опому войску пересѣчь.

7-го числа полученъ рапортъ отъ господина генерала Лессія, что оный къ командѣ прибылъ.

8-го числа на полученное извѣстіе, что воєвода любельской къ мѣстечку Пуцку слѣдуєтъ, командированы 100 человѣкъ гренадеровъ и 200 мушкетеровъ, въ добавокъ къ той командѣ, которая тамо обрѣ-

тается, для воспрещенія непріятельскимъ транспортамъ выгрузки, и велѣно онымъ вкушѣ помянутаго воеводу съ командою одерживать.

Того жъ числа присланъ къ генералу Лессію отъ онаго воеводы генераль-адъютантъ съ однимъ офицеромъ и двумя трубачами съ письмами ко мнѣ и Станиславу, который немедленно ко мнѣ отправленъ.

9-го числа прибылъ оный генераль-адъютантъ ко мнѣ и подалъ письмо отъ воеводы, котораго при семъ копія подъ литерою А прилагается, и чинилъ во ономъ пропозиціи о замиреніи на нѣсколько времени, и что со своею силою противъ нашего войска непріятельски поступать не будетъ. Посланный генераль-адъютантъ просилъ, чтобъ его въ городъ впустить для подавія къ Станиславу отъ воеводы присланнаго письма и для подлиннаго увѣдомленія (что) оный Станиславъ съ своимъ адгерентомъ во Гданскѣ-ль еще обрѣгается; ибо у нихъ извѣстіе было, что оны къ Вексельмюндѣ убрался для соединенія съ войскомъ воеводы любельскаго и со онымъ къ Кракову для Станиславскаго коронованія слѣдовать намѣреніе было. Котораго генераль-адъютанта я въ городъ пропустить велѣлъ, токмо съ такимъ уговоромъ черезъ шесть часовъ наки возвратиться, который то исполнилъ и привезъ въ отвѣтъ письмо отъ Станислава воеводѣ Любельскому, съ котораго копія подъ литерою В сообщается; а прежде того, какъ оный генераль-адъютантъ въ городъ отпавился, посланъ отъ меня вторичный ордеръ къ генералу Лессіи онаго воеводу съ войскомъ немедленно атаковать, съ котораго такожь копія прилагается.

10-го числа по утру въ 9 часу прибылъ капитанъ князь Барятинскій съ рапортомъ отъ господина генерала Лессіа, въ которомъ оный господинъ генераль доносить, по данному ему ордеру воеводу Любельскаго сего апрѣля 9-го числа пополудни въ 6 часу при деревнѣ Висичинѣ и за одну милю померанской границѣ напередъ построися съ обѣихъ сторонъ къ баталіи непріятели атаковалъ и черезъ два часа огонь продолжался; а потомъ непріятель побѣжденъ и принужденъ былъ ретироваться. Ея Императорскаго Величества славное войско, при отпускѣ того курьера получили полную викторію, непріятели прогнали, а въ числѣ непріятельскихъ побитыхъ найденъ полковникъ Буковскій и понеже съ нашей стороны малому числу квартира давана была, того для плѣнныхъ взято только до 30-ти человекъ, весь непріятельской обозъ, три пары литавръ и..... притомъ взято.

При воеводѣ Любельскомъ было 48 хорунгъ, 400 драгунъ и два регулярные полка, именуемые Буковскіе и фрейсъ кромѣ тѣхъ, которые съ вастеляномъ чирскимъ послѣ его разгоневіа пави собрались.

№ XXX.

Р а п о р т ь *)

О состояніи полковъ, которые дѣйствительно при атакѣ города Гданска обрѣтаются, изъ оныхъ больныхъ и здаровыхъ имѣется.

Ч и н о в ы е .	П о л к и .	П ѣ х о т н ы х ѣ .										
		Новотроицкаго и драгунскаго.	2-го Москов- скаго.	Кіевскаго.	Тобольскаго.	Дарюнскаго.	Нарвскаго.	Архангел- городскаго.	Углицкаго.	Троицкаго.	Новотроиц- скаго.	Итого.
З дар о в ы х ѣ .	Штабъ-офицеровъ.....	2	1	1	1	4	3	1	1	1	2	17
	Оберъ-офицеровъ.....	12	13	13	20	15	15	15	17	18	15	159
	Унтеръ-штаба.....	8	6	5	8	10	9	7	6	7	8	74
	Унтеръ-офицеровъ.....	19	19	12	28	16	17	17	17	21	10	178
	Капраловъ и рядовыхъ	447	614	653	750	616	592	635	519	567	594	5967
	Нестроровыхъ.....	123	120	101	96	115	74	94	83	85	85	976
	Итого.....	611	773	785	903	782	710	769	643	699	714	7399
Б о л ь н ы х ѣ .	Штабъ-офицеровъ.....	—	3	2	—	—	—	2	1	—	—	8
	Оберъ-офицеровъ.....	5	7	3	3	3	2	5	4	3	4	39
	Унтеръ-штаба.....	1	2	1	—	—	1	3	1	1	—	10
	Унтеръ-офицеровъ.....	1	7	11	4	5	8	13	5	2	5	56
	Капраловъ и рядовыхъ	41	182	165	173	125	224	215	174	123	118	1540
	Нестроровыхъ.....	8	5	7	4	7	25	16	11	5	6	94
	Итого.....	56	208	189	184	140	255	254	196	184	133	1747
Всего больныхъ и здаровыхъ.....		667	979	974	1087	922	965	1023	839	833	847	9136

Сверхъ же онаго.

З дар о в ы х ѣ . Б о л ь н ы х ѣ .

Нерегулярныхъ: Сербскаго отряда и Донскихъ казаковъ.....	250	48
Съ командою полковника Лессія у сдѣланныхъ редутовъ за рѣкою Вислою:		
Командированныхъ изъ драгунскихъ полковъ	467	14
Пѣхотнаго Великолуцкаго полка.....	436	74
Нерегулярныхъ Донскихъ казаковъ.....	278	20
Итого.....	1181	108

Да въ командѣ генералъ-лейтенанта Загряжскаго разстояніемъ отъ города Гданска въ 8-ми миляхъ имѣется 7 полковъ драгунскихъ.

Христофоръ графъ Миннихъ.

Апрѣля отъ 18-го дня.

*) Гл. архивъ иностранныхъ дѣлъ; бывшаго кабинета; свѣд. 4-я.

№ XXXI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 8-го сего апрѣля съ приложеніями я черезъ маіора Гегейма получилъ 18-го дня, и симъ всеподданѣйше доношу, которыя изъ Риги присланы мортиры, оныя сегодня на батареяхъ будутъ поставлены, такожь де и тѣ три пудовыя мортиры, которыя, по неоднократнымъ моимъ представленіямъ, изъ Дрездена присланы подъ образомъ багажа герцога Вейсенфельскаго черезъ бранденбургскую землю. А ревельскую артиллерию при Гѣфтѣ выгружать отъ меня приказано, и надѣюсь, что сего числа два въ вечеру начнемъ городъ бомбардировать.

Непріятель на наши квартиры въ предмѣстьѣ Орѣ и Шотландѣ, изъ половина картауловъ, ядра бросаетъ уже восемь депъ, и вчерась послѣ полудни, въ началѣ седьмаго, вылазка была, въ которое время съ Бишофсберга зѣло жестокая пушечная пальба была безъ остановки. Только мы на апрошъ, который атаковали, такъ скоро секурсъ послали, что непріятель не могъ и до апрошевѣ нашихъ дойти; причемъ стрѣльба съ полтора часа была, и въ великой конфузїи непріятеля назадъ отогнали; и съ нашей стороны въ то время убито пять, въ томъ числѣ капитанъ одинъ, да ранено двадцать два, между которыми одинъ маіоръ. А съ непріятельской стороны сколько побито и ранено, о томъ неизвѣстно.

Вчерашняго числа изъ двухъ одинъ корабль, — которые парусами въ городъ пройти хотѣли, — изъ нашихъ шанцовъ разбить и пять человекъ, которые на немъ были, убито и два жестоко ранены, и шесть въ полонъ взяты; на которомъ: порохъ, гранаты, ружья и мука взяты. И въкоторые въ полонъ взятые объявляли, что на прежнихъ корабляхъ, которые въ Данцигъ прошли, кромѣ пороха и воинской амуниціи и муки ничего не было и что ни одна знатная персона изъ Данцига ко мнѣ не вышла.

Я надѣюсь, что впредь, смотря на сіе, другіе корабли итти какъ въ городъ, такъ и изъ города не отважатся, а особливо чрезъ то, что Висла вскорѣ имѣетъ быть засорена.

16-го числа сего мѣсяца въ городъ извѣстіе далъ, что оный вскорѣ имѣетъ быть бомбардированъ и требовалъ, чтобъ иностранныхъ купцовъ съ ихъ вещами и фамиліями изъ города выпустили и имъ

три дня на то время давать, а гвинскимъ, голландскимъ, датскимъ и прусскимъ самъ писалъ; но магистратъ ихъ отпустить отказали, такъ какъ предъ нимъ и иностраннаго войска комерціи, которыя я свободно изъ города пропускъ при моихъ пашпортахъ давалъ; чего ради мы нынѣ въ томъ предъ Богомъ и передъ всѣмъ свѣтомъ безъ вины стоимъ, а какія обращенія и дѣйствія здѣсь происходятъ, о томъ Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ журнала.

О саксонскомъ войскѣ здѣсь извѣстія никакого не имѣю, токмо саксонскій дѣйствительный тайный совѣтникъ сего числа ко мнѣ прибудеть.

Хотя генераль-маіоръ Люберасъ съ полками изъ Варшавы еще по нынѣ и не прибылъ, и въ Эрмляндію отъ шести до семи сотъ челоувѣкъ послать я отсюда бывъ принужденъ, однакожъ я и оставшая здѣсь малолюдная команда всегда городъ атакую, токмо Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу и желаю, дабы по силѣ прежнихъ моихъ представленій достальную артиллерію получить и Вашего Величества флотъ на здѣшнемъ рейдѣ вскорѣ видѣть скорѣйшаго ради высокихъ Вашего Императорскаго Величества предвоспріятіевъ окончанія, и я между тѣмъ съ имѣющеюся здѣсь артиллерію городъ весьма буду утѣснять.

Прусскій медиаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ фоль-Брантъ, сказываетъ, что ежедневно къ своему двору пишетъ и штафетъ за штафетомъ посылаетъ, токмо я ни во что до указу Вашего Императорскаго Величества не вступаю.

Прусскіе офицеры, которые при здѣшнемъ лагерѣ были, всѣ къ полкамъ своимъ нынѣ отъѣхали, ибо по указу его величества короля прусскаго, велѣно полкамъ выступить въ походъ, токмо я на ихъ обороты прилежно смотрѣть буду. При здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи состоитъ все благополучно, о чемъ всеподданѣйше донося припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Апрѣля 19-го дня 1734 г.
Преддѣстье Орь.

№ XXXII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 8-го сего апрѣля объ опредѣленіи маіора Гегейма въ драгунскій команды моей полкъ, въ которомъ вакансія будетъ, по выдачѣ заслуженнаго его жалованья, такожъ за раціоны и на денщиковъ съ 732 года, за вычетомъ данныхъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ трехъ сотъ рублей, — я всеподданѣйше получилъ 19-го числа; и по оному Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшему указу, оный маіоръ Гегеймъ опредѣленъ въ Олонецкій драгунскій полкъ вмѣсто маіора Якобія, повышеннаго въ подполковники, и жалованье выдать ему велѣно.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

Апрѣля 19-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ; предшѣстье Орь.

№ XXXIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Послѣдній мой всеподданѣйшій рапортъ о здѣшнемъ обращеніи, отъ 19-го дня сего мѣсяца, уповаю Ваше Императорское Величество получить изволили.

Вчерашняго числа получилъ я черезъ нарочнаго шкипера отъ пребывающагося въ Копенгагенѣ Вашего Императорскаго Величества министра, барона Бракеля, подлинное извѣстіе, что французскій секуръ городу Гданску сюда отправился и слѣдуетъ съ поспѣшеніемъ; о чемъ Ваше Величество соизволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ отъ него особливаго письма изъ полученнаго мною копіи подъ № 6. А сего числа съ господиномъ генераломъ Лессіемъ учинена мною генеральная диспозиція, какиимъ образомъ при здѣшней обширной осадѣ противъ того секурса и города Гданска, такожъ и того непріятеля, который въ собраніи отъ польскихъ хорунгъ имѣется—нашими войсками сопротивленіе чинить надлежитъ.

А понеже, по разсужденію и упованію, французскій секурсъ на той сторонѣ рѣки Вислы приставать будетъ, гдѣ въ нашихъ постахъ полковникъ Леслій съ командою въ полторы тысячи человекъ обрѣтается, ибо за затопленіемъ здѣшнихъ жулавъ, намъ ту команду отсюда трудно секурсовать будетъ; того ради я самъ завтрашняго числа туда поѣду и какъ можно та команда людьми приумножена и довольный ретраншamentъ сдѣланъ будетъ.

О саксонскомъ войскѣ по нынѣ никакого извѣстія не имѣлъ, какъ только сего числа изъ полученнаго отъ короля польскаго, письма могъ усмотрѣть, что оное войско подъ командою герцога Вейсенфельскаго подъ Познанью, сего апрѣля 12-го дня, обрѣталось, которому, по указу Его Величества, велѣно маршировать сюда съ поспѣшеніемъ, котораго письма копія подъ № 2.

Отъ генераль-маіора Любраса вчерашняго числа я рапортъ получилъ, въ которомъ объявляетъ, что по многимъ моимъ ордерамъ сюда вскорѣ изъ Варшавы выступить; къ которому ордеръ посланъ, чтобы скорѣйшаго ради сюда прибытія командировалъ напередъ солдатъ двѣ тысячи человекъ безъ всякихъ тягостей въ совокупленіе здѣшнему корпусу. Какой кредитивъ саксонскій тайный совѣтникъ Биллау отъ Его Величества короля саксонскаго мнѣ вручилъ, съ онаго прилагаю копію подъ № 3; а притомъ много ничего не объявилъ, какъ только его величества интересы генерально рекомендовалъ.

Какое вчерашняго числа прусскій тайный совѣтникъ Брантъ прислалъ ко мнѣ представленіе о перемиріи съ городомъ Гданскомъ и о утишеніи Вашего Величества оружія, и что я къ нему на то отвѣтствовалъ, о томъ Ваше Императорское Величество соизволите всемилостивѣйше усмотрѣть изъ приложенныхъ при семъ копій подъ №№ 4, 5 и 6; котораго совѣта къ пользѣ непріятеля, а къ раззоренію Вашего Величества арміи, (которая черезъ великое затрудненіе тотъ авантажъ противъ города достала, въ чемъ нынѣ состоитъ) никто изъ непріятелей Вашего Величества подавать не можетъ; и не вѣдаю, какъ король прусскій того непріятеля, который въ рукахъ Вашего Величества и о имени Вашего Величества и слышать не хотятъ—свободить и въ своихъ рукахъ имѣть хочеть.

Отправленная изъ Либавы и изъ Ревеля артиллерія сюда счастливо прибыла и на Гефтѣ выгружена; ежели бь французскій флотъ прежде какъ за недѣлю сюда отправился, какъ о томъ здѣсь извѣстія были, то бь оную артиллерію сюда получить не безъ трудности было; а нынѣ три наши, да двѣ саксонскія мортиры уже на батареяхъ поставлены, и третьяго дня пополудни, въ 9-мъ часу, зачинали изъ оныхъ

городъ бомбардировать, а и достальныя мортиры и амуниція у меня сегодня привезены будутъ.

Ежели французскій секурсъ съ кораблей сойдетъ, а Вашего Величества флотъ сюда вскорѣ прибудетъ и ихъ эскадру отсюда отгонить, то уповаю ни единъ человекъ изъ того секурсу во Францію возвратиться не можетъ. И хотя непріателей съ разныхъ сторонъ и много кажется, а Вашего Императорскаго Величества, по послѣдней сего числа отъ генерала Лессія рапорту, только при атакѣ здѣшняго города и съ драгунскими полками всего съ девять тысячъ имѣется, — однакожь Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу не имѣть никакого о томъ сумлѣнія, ибо падѣюсь на милость Божескую и на высокое Вашего Величества счастье и оными желаніе Вашего Величества исполнить съ добрымъ, съ здѣшнимъ корпусомъ, авантажемъ. И нынѣ при арміи Вашего Величества солдатству и драгунству ни въ чемъ нужды не находится.

Прусскіе офицеры, которые въ здѣшнемъ лагерѣ были, всѣ къ полкамъ своимъ отѣхали, ибо имъ, по указу короля прусскаго, велѣно съ полками быть къ походу въ готовности.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Апрѣля 21-го дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ.

№ XXXIV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловитѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу въ бытность мою за рѣкою Вислою сего апрѣля противъ 26-го числа въ ночи, непріательскіе крѣпкіе называемые Зомершанцы, (отъ которыхъ сего прежде намъ не мало вреда чинено было, атакованы и черезъ помощь Всемогущаго Бога и Вашего Императорскаго Величества высокимъ счастьемъ благополучно штурмомъ взяты; а волико при томъ непріательскихъ людей, также прочаго взято при томъ дѣйствиі— происходили — реляцію, для скорости на нѣмецкомъ діалектѣ, — послалъ а Вашего Императорскаго Величества господину оберъ-камергеру и кавалеру графу фонъ-Бирону. Изъ даннаго отъ меня Олонецкаго драгунскаго полку полковнику Леслию ордера и диспозиціи, тако же изъ

полученнаго мною сего жъ апрѣля 25-го дня отъ гданскаго магистрата просительнаго письма и какое отъ меня въ отвѣтъ на то послано, копіи при семъ къ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше сообщая. Въ заключеніе сего припадаю къ стопамъ... сего часа отъѣзжая на ту сторону рѣки въ гауптъ-квартиру.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

Апрѣля 26-го дня 1734 г.

Гейбуде.

№ XXXV.

Переводъ.

Р е л я ц і я (Бирону).

Понеже при тѣхъ учрежденіяхъ по сей стороны Вислы рѣки для встрѣчи французскаго секурса весьма запотребно разсуждено непріятельскую такъ назывную Зомершанцу взять и при томъ лежащій прамъ къ отходу принудить. Того ради я уже давно на то письменный указъ далъ, но оная шанца на хорошемъ къ сопротивленію мѣстѣ лежитъ: съ трехъ сторонъ оную Висла рѣка и каналъ, Боцмайлахъ зовомый, обтекаеть, а съ 4-й стороны имѣется глубое (sic) болото, и тако едва жъ къ оной приступить можно; при томъ же въ немъ хорошій гарнизонъ, который изъ Минды смѣняли—три пушки и малой мортиры съ крѣпкими палисадами и во внутри добрыя казармы;—подъ пушками Минды и такъ названной Гереншанцы. И для того чаяя, что оную атаковать зѣло опасно. Но понеже отъ сей шанцы и прамы не токмо нашихъ заставъ у Вислы рѣки зѣло беспокоили, нашу работу въ барикадѣ рѣки гораздо остановили и лѣвое крыло нашихъ здѣшнихъ шанцовъ противу непріятельскаго секурса въ безопасности не было,—но оное, отъ помянутой Зомершанцы, сзади острѣливать могли. И того ради принялъ я намѣреніе, изъ Ревеля прибывшихъ, три мѣдныхъ пушки на сію шанць употребить. Онаы привезены изъ Гефта въ 24-е сего мѣсяца ко утру; батарея той же ночи готова была и по полудни поставлены на оной пушки. Около 7 часовъ ввечеру былъ я на той батарее и началъ на прамъ стрѣлять, который девятымъ выстрѣломъ насквозь пробить и великимъ крикомъ: „приходите на помощи“ и непрестаннымъ выливаньемъ воды изъ насосовъ, и на грелѣ якорь подняли и къ Миндѣ внизъ сошелъ.

Я прежде того своеручно писалъ капитану Фишеру, который команду въ шанць имѣлъ, чтобъ онъ сдался, съ представленіемъ что

ему довольно чести въ томъ, что батареи противъ его сдѣланы и тяжелыя пушки поставлены, и что такая шанца, въ такомъ случаѣ, противъ корпуса арміи, по военному обыкновенію, до крайности обороняться не должна, ибо тогда гарнизону квартиры не дается; итакъ ему на волю отдалъ: или до крайности атаки ожидать, или сдаться. И послалъ оное мое письмо тотъ капитанъ тотъ же часъ въ Минду, и посланнымъ барабанщикамъ велѣлъ, что онъ отъ команды зависить и просилъ времени часъ. Я онаго паки назадъ послалъ съ объявленіемъ, чтобы онъ немедленно свою резолюцію самъ принималъ. На сіе мнѣ сказалъ: „Я того учинить не могу, фельдмаршалъ какой де человекъ, что онъ ни малаго времени не даетъ“. Потомъ я началъ на оную шанцу стрѣлять и понеже время уже было къ ночи, того ради послалъ я тѣхъ 50 гренадеровъ къ Вислѣ для препятствованія, чтобъ изъ Минды секунрсу къ шанцу не пришло. Вчерашняго числа, а именно 25-го, стрѣлялъ я на оную шанцу весь день изъ оныхъ трехъ тяжелыхъ и нѣсколькихъ полевыхъ пушекъ, отчего палисады и казармы той шанцы гораздо повреждены были, и командировалъ я, по приложенному расположенію, съ полковникомъ Керманомъ: 100 гренадеръ, 300 драгунъ и солдатъ и 50 казаковъ, чтобъ оную шанцу штурмовать. Наши люди принуждены были чрезъ каналъ итти, чрезъ которой мы у нашей батареи, зовомый Винтеръ-шанцъ, мостъ сдѣлали и потомъ чрезъ трудное болото и они счастливо прошли, такъ что и непріятель ихъ не видѣлъ. Около 11 часовъ, когда мѣсяцъ зашелъ, началась атака такъ изрядно, храбро и счастливо, что я лучше того не видалъ; и гренадеры наши пришли къ палисадамъ, что токмо однажды изъ пушки и около 50 выстрѣловъ изъ мушкетовъ непріятелю учинилъ; гранаты наши всѣ брошены въ шанцу, зажгли часть непріятельскаго пороху, палисадовъ болѣе сломали нежели вырубили и оную шанцу взяли. Чають, что офицеры на боту спаслись; въ полонъ взято 30 человекъ, а достальныя 180 человекъ побиты; взято 3 пушки, малая мортира нарочитое число пороху и амуниці, хлѣба и много ветчины. Непріятель потомъ стрѣлялъ изъ пушекъ болѣе часа жестоко изъ Минды и Гереншанца, но за темною ночью безъ дѣйствія и вреда. Едва вѣрять и удивляться, и Бога благодарить надобно, что въ штурмѣ такой крѣпкой шанцы, когда непріятель о томъ уже вѣдалъ и по сказкѣ плѣнныхъ не спалъ, но въ ружьѣ на валу лежалъ,—съ нашей стороны никакого урону не было; токмо что у одного унтеръ-офицера отъ пороха верхнее платье сожжено, ни одинъ изъ рядовыхъ не убитъ, а ранено 29 человекъ. По (взятіи) сей шанце наше лѣвое крыло линіи нашей въ безопасности, и проходъ на Вислѣ, и на каналѣ, и тѣмъ Минда отъ

сухопутной стороны весьма заперта, такъ что когда бы флотъ нашъ вскорѣ пришелъ, то и Минду взять можно.

Я сего дня иду на другую сторону съ тремя ревелскими пушками для атаки города. Ея Величество, нашу Всемилостивѣйшую Императрицу, я имѣю паче поздравить храбростью нашихъ офицеровъ и солдатъ, нежели взятъемъ оной шанцы и одной изъ крѣпчайшихъ крѣпостей около города. Никогда такая атака израдѣе быть не могла, какъ сія; и могу я себя ласкать, что офицеры и рядовые великую надежду ко мнѣ имѣютъ, потому что съ Божьею помощію все удастся. Отъ сей шанцы я ожидалъ причины, ибо когда я сперва оную съ графомъ Рutowскимъ объѣзжалъ, то едва обѣ ноги у меня не отстрѣляли, ежели бы я на цяди далѣе пошелъ. Третьяго дня въ вечеру когда я съ генераль-квартирмейстеромъ-лейтенантомъ Штофелемъ работу у Вислы рѣки смотрѣлъ, разбили они мѣшокъ съ пескомъ, который предъ нашими глазами лежалъ, пушечнымъ ядромъ, такъ что землю въ глаза наши и лицо бросило, и когда я съ лошади сошелъ, то убили у меня самую лучшую лошадь, которую я въ службѣ имѣлъ и едва накі такую имѣть буду, пушечнымъ ядромъ и дерево отъ сѣдла на двое разбили. Когда бы подъ Гданскомъ всѣ ядры и бомбы попадали, то бы изъ насъ никто въ живыхъ не былъ; ибо около нашихъ батарей: ни шляпы положить не можно, гдѣ бомбъ не разрывается; и можно сказать, что Богъ за насъ стоитъ. Нынѣ очередь наша пришла, что и мы стрѣлять будемъ. Въ 29 человекъ раненыхъ имѣется 3 или 4 человекъ смертельно; а достальные ранены тоьмо легко. Въ Гебуденѣ 26-го апрѣля 1734 г.

Г. Минихъ.

№ XXXVI.

Предмѣстье Оръ; апрѣля 28-го дня 1734 года.

Сего числа въ апрошахъ и атакахъ нигдѣ работы не будетъ, такъ какъ въ прошлую ночь солдатамъ покой данъ былъ и смѣны нигдѣ не будетъ; напротивъ же того для славы и чести въ сей день коропаціи Ея Императорскаго Величества будетъ атака противъ наружныхъ города Гданска крѣпости, съ такимъ упованіемъ, что помощію Божьею и высокимъ Ея Императорскаго Величества счастьемъ и нынѣ, какъ напередъ сего, російское оружіе надъ своимъ непріателемъ побѣду получить; которая атака имѣетъ быть въ слѣдующей диспозиціи.

1) Командируется генераль-поручикъ князь Барятинскій, генераль-маіоръ Биронъ.

3 полковника.

3 подполковника.

3 преміеръ или секундъ-маіоровъ.

9 капитановъ.

27 оберъ-офицеровъ.

600 гренадеровъ.

2400 рядовыхъ, драгунъ и солдатъ.

2) Парадное мѣсто имѣеть при деревнѣ Цыганкенбергѣ, позади гдѣ наши ретраншаменты начались.

3) Пополудни, въ исходѣ седьмого часа, надлежитъ всѣмъ, которые командированы, на означенномъ парадномъ мѣстѣ быть неотмѣнно.

4) Всякому командиру надлежитъ къ тому парадному мѣсту съ командою скрытно и тихо маршировать, дабы никакъ непріятель усмотрѣть не могъ.

5) Означенные 300 человекъ раздѣляются на три колонны; а впереди всякой колонны по 200 гренадеръ; за ними по 800 мушкетеровъ. Каждый гренадеръ имѣеть при себѣ четыре гранаты и каждый гренадеръ и солдатъ имѣеть при себѣ по двадцати по четыре патрона.

6) Порядокъ всякой колонны слѣдующимъ образомъ.

1.

Одинъ оберъ-офицеръ съ 30-ю человекъ гренадерами, каждый несетъ одну фащину; между гренадеровъ слѣдуютъ 30 мушкетеровъ, которые маршируютъ обще съ тѣми гренадерами, — по рядамъ несутъ лѣстницы, при которыхъ одинъ оберъ-офицеръ.

2.

Два капитана съ 70 человекъ гренадеръ; каждый несетъ фащину; промежъ тѣми гренадерами идутъ 70 мушкетеровъ несутъ такимъ же образомъ лѣстницы.

При вышеписанныхъ 600 человекъ командируются: одинъ полковникъ, одинъ подполковникъ, одинъ маіоръ, 3 капитана, 9 оберъ-офицеровъ.

Оныя 600 человекъ имѣютъ при себѣ каждый по острому топору.

3.

Въ каждой колоннѣ имѣютъ 100 гренадеръ и 300 мушкетеровъ: гренадеры несутъ фашины, мушкетеры лѣстницы, сколько оныхъ въ готовности имѣются.

Вышеписанные 1200 человекъ подъ командою: одного полковника, одного подполковника, двухъ майоровъ, 3 капитановъ, 9 оберъ-офицеровъ.

4.

Въ каждой колоннѣ имѣютъ 400 человекъ, при которыхъ по одной хорошей лопаткѣ; при нихъ одинъ подполковникъ и достальные штабъ и оберъ-офицеры.

7) Маршъ имѣеть быть, какъ скоро темно будетъ, съ показаннаго параднаго мѣста въ правую руку Цыганкенбергскаго редута внизъ къ батарее, гдѣ мортиры наши стоятъ, безъ всякаго шума, тихимъ образомъ и тамъ всѣ колонги осмотрѣны имѣютъ быть: все ль у солдатъ исправно и порядочно.

8) Гранже въ трехъ мѣстахъ имѣютъ разрыты быть и для всякой колонги свободный проходъ учинится.

9) Впереди, передъ всякою колонгою, имѣютъ быть по три инженера, при которыхъ въ средней колонгѣ имѣеть быть инженеръ подполковникъ Братке съ двумя инженерами; на правой колонгѣ—капитанъ Ретшъ съ двумя инженерами; на лѣвой колонгѣ—капитанъ Штебинъ съ двумя инженерами.

10) Средняя колонга слѣдуетъ тою дорогою, которою поведеть подполковникъ Братке; достальные маршируютъ въ тридцати или сорока шагахъ по сторонамъ средней колонги. Передней шеренги каждой колонги надлежитъ ровно маршировать, не скоро, и чтобъ *одна передъ другую впередъ не выдавалась, дабы всѣ заднія могли примыкать* *).

11) Когда къ палисадамъ придуть, то фашины положить а лѣстницы переставлять за палисады и пособлять одинъ одному чрезъ палисады лѣсть, и тѣ палисады подрубить и какъ? скоро можно повалить.

12) Какъ скоро передовой плутонгъ можетъ перебраться за палисады надлежитъ тотчасъ построиться и каждому офицеру команду свою вмѣстѣ держать.

13) Когда которая колонга свободный путь себѣ сдѣлаеть сквозъ тѣ палисады, а прочія еще вѣтъ, то могутъ и другія колонги тѣмъ

*) Бурсыя нашъ.

мѣстомъ идти и означенной палисадъ порубивать и путь шире дѣлать и надлежащее каждой колонгѣ другой въ томъ давать содѣйствіе. Гранаты бросать не надлежитъ прежде того, какъ онымъ доброе дѣйствіе имѣть можно. Такожь де и стрѣлять не надлежитъ прежде пока на валъ взойдутъ или въ близости непріятеля увидятъ.

14) Когда сухой ровъ пройдутъ и станутъ быть подъ непріятельскими пушками и ружьями, тогда надлежитъ лѣстницы приставлять, что болѣе то лучшее, и какъ возможно разомъ штурмовать; ежели лѣстницы могутъ достать чрезъ посаженный подлѣ валу лѣсъ, то свободно могутъ перейти, а ежели нѣтъ, то надлежитъ каждой колонгѣ себѣ путь сдѣлать, означенной лѣсъ вырубить или выдрать.

15) Егда наружная крѣпость взята будетъ, то надлежитъ на лѣвую руку принимать и до самаго Гагельсберга штурмовать, и стараніе имѣть, чтобы со всѣми 3000 человекъ въ Гагельсбергъ войти.

16) Какъ скоро въ Гагельсбергъ войдутъ, ложатся гренадеры въ горжѣ крѣпости, а мушкетеры тамъ зарываются, такъ какъ возможно токмо ровъ дѣлать внутри крѣпости, а не въ городу.

17) На углахъ крѣпости не надлежитъ постовъ ставить, но далѣе отойти, дабы паче чаянія оныя не подорвали.

18) Коммуникацію отъ города и отъ другихъ мѣстъ до Гагельсберга надлежитъ тотчасъ пресѣчь, чтобы непріятель не могъ курсовать.

19) Въ нашихъ апропахъ можно людей убавить, что (бы) сей атакѣ помогать, а достальнымъ солдатамъ надлежитъ въ лагерѣ и квартирахъ при своихъ ружьяхъ быть.

20) Тѣ 3000 человекъ, которые для атаки командированы, не надлежитъ ничѣмъ—ни провіантомъ, ни ранцами и прочимъ отягощать, кромѣ того только—добрымъ ружьемъ снабдить. Маршъ и атака начинается когда генералитетъ прикажетъ; который генералитетъ обрѣтаться будетъ при томъ редутѣ съ палисадами, который отъ непріятеля напередъ всего взять.

Позади батарей, при Рудольфскомъ редутѣ, надлежитъ быть добрымъ лѣварямъ и фельдшарамъ.

Богъ дастъ счастье непріятеля нашего побѣдить.

F. d. Munnich.

Диспозиція о взятіи Зомершанца.

1) Идетъ оберъ-офицеръ и 25 гренадеръ.

2) Оберъ-офицеръ 1, рядовыхъ 30 съ топорами.

Вышеписанные 55 человекъ будутъ подъ команду капитана

Кенига, который при себѣ имѣеть барабанщика добраго, и идутъ по правую сторону шанца.

3) Оберъ-офицеръ 1 и 25 гренадеръ.

4) Оберъ-офицеръ 1, рядовыхъ 30 съ топорами; которые 55 человекъ, подъ командою одного капитана, идутъ на лѣвую сторону шанца.

5) Капитанъ и 50 человекъ гренадеръ и 100 человекъ солдатъ или драгунъ съ топорами приближаются къ шанцу, гдѣ ему пристойно покажется и особливо по четыремъ угламъ шанца, гдѣ отъ непріятеля огня меньше бываетъ.

6) Гренадерамъ надлежитъ, когда они ближе къ шанцамъ придутъ, безпрестанно въ шанцы гранаты бросать; для того довольно имѣть при каждомъ гранатъ; а солдатамъ и драгунамъ рубить палисады, а особливо на углахъ, съ поспѣшеніемъ, который палисадъ надлежитъ рубить не очень низко, на аршинъ отъ земли, для свободности солдатъ.

7) Штабъ-офицеръ слѣдуетъ съ прочею командою и сколь близко возможно, а которыя команды идутъ впередъ, несутъ съ собою доски короткія и фашины передъ собою для бросанія въ болотистыя или въ трудныя мѣста.

8) На лодкахъ—а именно, половина на Вислѣ, а другая на каналѣ,—сидутъ по 50 человекъ казаковъ и идутъ водою къ шанцу вмѣстѣ съ 50 человекъ авангарда, который подъ командою капитана Кенига, и какъ къ шанцу приблизятся, то и стрѣляютъ по повелѣнію капитана Кенига на брустверъ.

Атака зачинается въ 10-мъ часу послѣ полудни.

Всѣ команды идутъ къ шанцу тихимъ образомъ безъ всякаго шума. Когда непріятельскій часовой окликаеть верда, тогда капитанъ Кенигъ прикажетъ барабанщику бить апшелъ и капитанъ требуетъ съ командиромъ шанца видѣться и объявляетъ ему, что понеже онъ безнадежно отъ секурса и дабы по вчерашнему письму генераль-фельдмаршалу російскихъ войскъ отдался или просилъ капитуляцію, которая ему давана будетъ. А ежели станетъ противиться, то его де и гарнизонъ безъ всякой милости побить будетъ. Между тѣми разговорами надлежитъ нашимъ людямъ приступить къ шанцу въ близость и сколько можно съ поспѣшеніемъ.

Изъ нашихъ разныхъ батарей въ Зомершанцъ пальба будетъ безпрестанна, пока реченный нашъ барабанщикъ барабанъ будетъ бить; а потомъ съ батарей не надлежитъ, паки бѣ дабы людямъ вреда не учинить.

Для вышеписанной атаки надлежит сегодня и прибудущей ночи работу оставить, собравъ самыхъ лучшихъ людей.

Имѣть осторожность дабы въ Зомершанцѣ изъ города, изъ крѣпости Вексельмюнде людей не пустить. Ежели увидятъ, то всякимъ образомъ ихъ отбивать, и для того въ ночи поставить караулъ, человѣкъ 30, въ то мѣсто, гдѣ прошлой ночи поручикъ Лесли съ командою стоялъ.

Всѣмъ прочимъ командамъ, поставивши въ лагеряхъ людей, надлежитъ быть въ ружьѣ во всякой готовности, дабы ежели оны шанцы изъ города и крѣпости Вексельмюнде будутъ секурсовать, то должно ихъ съ поспѣшеніемъ придвинуть ближе.

F. d. Munich.

Р е е с т р ь,

что чего въ Зомершанцахъ взято.

А именно.

	Число.
Пушекъ съ чугунными станками.....	3
(?) Названіе орудій нельзя вѣрно разобрать.....	2
Мортира мѣдная, малая.....	1

Къ нимъ припасовъ.

На зарядъ ядеръ.....	240
Картечь зарядовъ.....	16
Дроби крупной и сѣченной.....	49
Пороху бочееъ.....	6
Фитилей сажень.....	20
Ящикъ на колесахъ съ пороховою кладью.....	1
Пороху въ мѣшкахъ зарядовъ.....	28
Патроновъ (вѣроятно въ фальконетамъ).....	40
Сума солдатская съ патронами.....	1
Фузейныхъ патроновъ—пучковъ.....	70
Гранатъ.....	230
Пуль фузейныхъ.....	100
Картечь мелкая.....	2000
Бирокъ.....	4
Лопатокъ желѣзныхъ.....	10

Да притомъ взято полонниками.

Унтеръ-офицеръ.....	1
Солдатъ.....	28
Съѣстные припасы.	

F. d. Munich.

№ XXXVII *).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 13-го сего апрѣля о рапортованіи къ Вашему Величеству обстоятельно ежели заподлинно при здѣшной арміи въ обувѣ и холстѣ и прочей амуниціи недостатокъ, — я получилъ 26-го дня сего апрѣля. И снѣмъ всеподданѣйше доношу, хотя отъ меня къ генераль-поручику Балку объ отправленіи обуви и холста и прочаго и писано было, но понеже онымъ всѣмъ здѣшняя Вашего Величества армія, — кромѣ въ нѣкоторыхъ полкахъ верхняго мундира и шляпъ, которое поветщало, черезъ зѣло великой по вступленіи въ Польшу путь — довольно снабдѣна, и нынѣ о добромъ оной содержаніи и о снабдѣніи верхнимъ мундировъ, крайнее попеченіе имѣю; чего ради имѣется въ Ригѣ, какъ обуви и холста, такъ и прочаго и провіанта отправлять сюда не надлежитъ, и Ваше Императорское Величество соизволите въ томъ бытъ безъ сумлѣнія, что оная армія чрезъ мое должное попеченіе ни въ чемъ недостатку не возымѣетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

№ XXXVIII *).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 19-го сего апрѣля: о неупотребленіи генераль-поручика Загряжскаго ни въ какіе особливые команды, или отправленіи, какъ только при

*) Взята изъ книги копій.

мѣ подѣ Гданскомѣ, до другаго отъ Вашего Величества опредѣленія, а какииъ образомъ съ воеводою Любельскимъ, графомъ Тарломъ и прочими отъ непріятельской стороны перемиріе учинено и что при свиданіи у нихъ происходило, о томъ съ присылкѣ обстоятельнаго отвѣта,—я всеподданѣйше получилъ 26-го дня. И по оному Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу исполненіе чинено будетъ. А какииъ образомъ то перемиріе учинено и что у нихъ при свиданіи происходило, до полученія онаго Вашего Величества указу, (по) посланнымъ отъ меня пунктамъ, отъ него, генераль-поручика, отвѣтъ полученъ, который при семъ всеподданѣйше прилагаю, и ожидаю на то Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

№ XXXIX **).

Вопросныя пункты, противъ которыхъ отвѣтствовать господину генераль-лейтенанту Загряжскому.

На оныя пункты отъ генераль-лейтенанта и кавалера Загряжскаго ***).

1.

Имѣли ль разговоръ съ графомъ Тарломъ и воеводою Любельскимъ и прочими отъ непріятельскихъ войскъ командирами?

На 1-е.

Съ графомъ Тарломъ и воеводою Любельскимъ прочими, состоящими подѣ его командою, командирами разговоръ я имѣлъ.

2.

Въ которомъ мѣстѣ и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ сіе чинилось?

На 2-е.

Тотъ разговоръ чинилъ: апрѣля 1 числа, отъ мѣстечка Свѣча не дошедъ мѣстечка Тухоля за пять или за шесть верстъ, при рѣкѣ Браге.

**.) Кабинетныя дѣла; связка 4.

***.) Всѣ показанія Загряжскій далъ собственноручно. Д. М.

3.

На 3-е.

Какихъ ради причинъ оный разговоръ имѣлъ, и не командированъ ли былъ онъ, господинъ генераль-лейтенантъ Загрязской, чтобъ воевода любельскаго и кастелана чирскаго прочихъ Ея Императорскаго Величества и его королевскаго величества польскаго, Августа Третьяго (атаковать)?

Тѣхъ ради причинъ оный разговоръ чинился: когда я съ полками, по разбитіи и высылкѣ, изъ помянутаго мѣстечка Свѣча, кастелана чирскаго съ войски и по отправленіи, по силѣ ордеровъ, надлежащаго провіанта, водою во Тшево, — слѣдовалъ къ своимъ квартирамъ на Тухоль, да не дошедъ означенной рѣки, версты за че-

тверть, присланъ былъ ко мнѣ отъ помянутаго воеводы староста Эмбицкій съ письмомъ, чтобы мнѣ взятыхъ отъ его войска, изъ подъ команды кастелана чирскаго, въ полонъ отдалъ, а они вмѣсто того напихъ отдать обѣщали; и при томъ означенный староста просьбу онаго воеводы представилъ, что онъ желаетъ со мною видѣться. На это я отвѣтствовалъ: полониковъ безъ воли своего главнаго отдать не смѣю, и чтобъ они о томъ писали къ его сіятельству генераль-фельдмаршалу графу и кавалеру фонъ-Миниху; а съ помянутымъ воеводою видѣться для того уповалъ я — не признаетъ ли онъ его королевское величество, польскаго Августа Третьяго, за законнаго своего государя. То свиданіе въ такой силѣ было. Какъ я къ помянутой рѣкѣ съ командою прибылъ, то черезъ оную лежащій мостъ съ четверть сажени разобранъ, ибо она рѣка шириною больше пятнадцати сажень и очень глубока; и той стороной у нихъ шанцы, сдѣланы не только пѣхотнаго регулярнаго войска приведено. Тогда воевода Бѣльскій, кастеланъ чирскій, съ прочими за паролемъ, по положеннымъ доскамъ, только было разобранное мѣсто, перешли, и кои по предложеніямъ моимъ не учинили, и, не имѣя больше разговора, паки назадъ отошли. И съ командированнымъ былъ для учиненія поиска надъ кастеланомъ чирскимъ, что какъ выше объявленно...; о чемъ пространно того же дня доносилъ генераль-фельдмаршалу и кавалеру графу фонъ-Миниху и генералу кавалеру Лессю, — Ея Императорскому Величеству и его королевскому величеству польскаго Августа Третьяго непріятеля атаковать и съ поля сбить хотя безъ предложенія долженъ, но, ради показанныхъ ниже, на осьмой пунктъ, причинъ, — атаки тогда оному воеводѣ съ войсками не учинено.

4.

Въ какой силѣ тотъ разговоръ у нихъ происходилъ, и какая польза изъ тѣхъ разговоровъ російскому войску отшла?

На 4-е.

При томъ свиданіи большей (sic) разговоровъ ни о чемъ не было; токмо я же представлялъ, чтобъ онъ, воевода, съ войсками его королевскаго величества польскаго, Августа Третьяго, за законнаго своего государя призналъ. И Ея Императорскаго Величества войску пользу отъ того чаема бы (если) они то признаніе учинили—разумѣлъ.

5.

Онъ господинъ генераль-лейтенантъ могъ ли тѣхъ непріятелей въ полонъ взять, для чего того не учинилъ?

На 5-е.

Въ половъ оный воевода и которые при немъ были не взыты за тѣмъ, что они на мой пароль чрезъ ту рѣку перешли, къ тому и взять было не можно; ибо, какъ оный воевода, тако и прочіе знатные ихъ войскъ командиры, съ мосту не сходили и стояли подлѣ самаго разломаннаго на мосту мѣста, почти на срединѣ рѣки.

6.

Онъ же господинъ генераль-лейтенантъ чинилъ ли съ непріателемъ перемиріе и на сколько времени и по чьему ордеру?

На 6-е.

Съ непріателемъ перемиріе никакихъ и не на сколько времени чинено не было; и хотя о томъ, чтобъ на три дня перемиріе учинить оной воевода Любельскій и просилъ, однако я того не сдѣлалъ, токмо ему говорилъ, чтобъ отъ помянутой рѣки отступить. И оное учинено для того, чтобъ чрезъ то о учиненіи атаки взять было можно мѣры. ибо при той рѣкѣ къ атакѣ вступить было, за разломаньемъ моста и не вѣдавъ о числѣ ихъ войска, не можно, ибо и въ данной мнѣ отъ его высокопревосходительства господина генерала и кавалера Лессія инструкціи на крѣпко подтверждено, чтобъ не зная о непріателѣ въ какой онъ силѣ, въ азартъ себя не отдавать.

7-е.

На 7-е.

Такожь де отъ нашихъ офицеровъ получилъ ли кто отъ воеводы или каштелана какіе деньгами подарки и былъ ли онъ господинъ генераль-лейтенантъ о томъ извѣстенъ?

просилъ, чтобъ къ означенному воеводѣ послать офицера и назначить мѣсто гдѣ видѣтся. Почему Пермскаго драгунскаго полку майоръ, господинъ Казадавлевъ, туда посланъ былъ, а по возвращеніи оттолъ объявилъ, что ему дано двадцать пять червонцевъ. Да когда помянутый воевода Любельской приблизился съ войсками къ нашимъ квартирамъ, а куда слѣдуетъ подлиннаго извѣстія получить не могли, и въ двоякомъ разсужденіи о томъ его слѣдоваши состояли: первое ко Гданску, второе—не хотѣлъ ли онъ насъ атаковать? Тогда посланъ былъ отъ меня къ помянутому воеводѣ съ письмомъ Тверскаго полка поручикъ Сомовъ, а въ томъ письмѣ писалъ, чтобъ онъ изъ нашихъ квартиръ выступилъ, а ему поручику секретный отъ меня приказъ былъ, чтобъ онъ какъ возможно войска ихъ, многоль числомъ, рѣзсмотрѣлъ и куда они заподлино слѣдуютъ вѣдомость взялъ. Которой поручикъ по возвращеніи оттуда подлинную вѣдомость, что они ко Гданску слѣдуютъ, привезъ (изъ чего какъ ниже на 9 пунктѣ объявлено,—о атакѣ его Любельскаго съ войсками мѣры взяты. Притомъ оной поручикъ объявилъ, что отъ означеннаго воеводы дано ему двадцать червонныхъ, да казакамъ, которые были при немъ, по одному червонцу. Да посыланъ былъ отъ его высокопревосходительства господина генерала и кавалера Петра Петровича Лессія ко оному воеводѣ съ письмомъ Каргопольскаго драгунскаго полка вахмистръ, который по возвращеніи же объявилъ, что ему отъ оного воеводы дано восемь червонцевъ, а бывшимъ при немъ казакамъ по одному. А больше того кто изъ нашихъ офицеровъ деньги отъ помянутаго воеводы получалъ ли или нѣтъ о томъ я неизвѣстенъ.

8.

На 8-й.

Могъ ли онъ, господинъ генераль-лейтенантъ, воеводу Любельскаго и каштелана чирскаго съ

Когда воевода Любельскій отъ вышепомянутой рѣки отступилъ и сталъ въ Хайницѣ (Юнацѣ), а я

войски до прибытія господина генерала и кавалера Лессія атаковать и для чего не атаковать.

съ полками 1 числа апрѣля прибылъ въ Тухель, тогда хотя по извѣстіямъ и находилось, что у него войска съ осмнадцать тысячъ, однако со общаго господина генераль-маіора князя Урусова и фонтъ-Бирона и полковниковъ совѣту положили его, Любельскаго, съ войски атаковать, и приказъ письменный при паролѣ 2 числа того апрѣля отданъ былъ, велѣно 3 числа, до свѣту за два часа, вышедъ полками изъ Тухоля собираться по тракту къ Хайницамъ, а втораго числа за утрудженіемъ лошадей и за великимъ дождемъ простояли. И потомъ какъ со оными господами генераль-маіорами обще разсуждали, что непріятель, какъ выше показано, находился силенъ, а у насъ противъ него маломощно, къ тому же лошади весьма въ ослабленіи были и полковые обовы (которые впереди непріятеля тогда состояли) оставлены безъ людей не въ крѣпкихъ мѣстахъ, чтобы вступя къ тому сильному непріятелю во атаку не могли съ утратою отойти (и потому тотъ непріятель на обзы нападеніе учинить не могъ). Того ради, со общаго жъ оныхъ генераль-маіоровъ совѣту, положе слѣдовали къ обозамъ, прибывъ въ близости, развѣдали, что непріятель остался въ Хайницахъ, а особливо въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ останавливаться было надобно, фуража весьма не было; къ тому же великія лѣса. Того ради полки распущены, то не по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они въ расположенію стояли, но въ тѣ, гдѣ были обозы совокуплены, къ задритію тѣхъ обововъ и довольствію лошадей; ибо лошади, какъ выше показано, весьма въ слабости (а нѣкоторыя и великой худобѣ находились).

9.

И во оное время до прибытія генерала и кавалера Лессія велѣно было нѣкоторымъ драгунскимъ полкамъ отступить къ квартирамъ. А по прибытія его генерала и кавалера господина Лессія предложено было онымъ полкамъ, чтобы они къ квартирамъ не отступали. Для чего онъ, господинъ генераль-лейтенантъ Загряжскій, воеводу Люблинскаго съ войсками пропустилъ, безъ всякаго препят-

На 9-е.

О роспускѣ войскъ по квартирамъ на осмой пунктъ показано. А когда о непріятелѣ дѣвѣстіе получилъ, что онъ слѣдуетъ позади нашихъ квартиръ къ Бранденбургу, а куда вскорѣ освѣдомиться не могли; тогда я предложилъ полкамъ въ самой скорости—къ Костерину; а потомъ какъ увѣдалъ, что тотъ непріятель слѣдуетъ ко Гданску и тѣ мѣста гдѣ я былъ намѣренъ его атаковать

ствія въ близость города Гданска
маршировать?

Уподлинно { Графъ фонъ Минихъ.
подписано { Секретарь Андрей Фе-
линъ.

сталь проходить, то я и предло-
жилъ слѣдовать и полкамъ къ Жу-
кову (sic) вляштору, который отъ
Гданска въ трехъ миляхъ, гдѣ хо-
тѣлъ, того неприятеля перешедъ
путь, атаковать, почему полки съ
квартиръ въ маршъ и вступили и
къ показанному мѣсту слѣдовать
начали; а потомъ прибылъ госпо-
динъ генераль и кавалеръ Лессій
и взялъ меня со онымъ полкомъ подъ
команду, перешедъ тому неприятелю
во Гданску путь, — разбили.

Артемія Загряжскій.

Апрѣля 22 дня 1734 года.

№ XL.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Импе-
ратрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ
13-го сего апрѣля о пожалованіи, посланнаго во дворъ Вашего Вели-
чества курьеромъ капитана Трейдена, въ маіоры я всеподданѣйше
получилъ сего мѣсяца 26-го числа и по оному Вашего Император-
скаго Величества всемилоствѣйшему указу, оный капитанъ Трейденъ
опредѣленъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

№ XLI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Импе-
ратрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ
12-го сего апрѣля съ приложениями объ отправленіи сюда артиллеріи
изъ Риги и Ревеля и что осадной артиллеріи и военной Вашего Ве-

личества эскадръ велѣно къ Гданску итти, какъ скоро вода скроется, и о прочемъ, объявленномъ въ томъ указѣ,—я получилъ 26-го дня. И симъ всеподданѣйше доношу, отправленная изъ Риги и Ревеля артиллерія сюда прибыла, о чемъ Вашему Величеству предъ симъ доносилъ; а сего числа и достальныя бомбы сюда привезены, и мортиры всѣ стоятъ на батареяхъ и изъ нихъ имѣется бомбардированіе денно и ночью, токмо желаю дабы Вашего Величества военная эскадра на здѣшній рейдъ и при ней осадная артиллерія, для скорѣйшаго города Гданска покоренія, вскорѣ прибыть могла; а о французскомъ, въ севурсь городу Гданску, флотъ сего момента получилъ извѣстіе, что три корабля противъ Вексельмюнде стоятъ на рейдѣ, а 10 противъ Гіля; а его величество король польской и его войско и понынѣ сюда не прибыло, и гдѣ то войско обрѣтается, никакого извѣстія кромѣ того, что оное при Познани, какъ писалъ ко мнѣ герцогъ Вейсенфельтскій, ожидая артиллеріи одиннадцать дней стояло,—не имѣется, и здѣшнія дѣйствія производятся токмо состоящимъ здѣсь однимъ Вашего Величества войскомъ съ немалымъ трудомъ, бывая на апрошахъ и атакахъ почти безсмѣнно.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ, предмете Орь. (Г. Ар. Ия. Дѣл. Дѣла бывш. каб.; св. 4-я).

№ XLII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 19-го сего апрѣля о приведеніи города Гданска къ скорѣйшему покоренію, какимъ бы образомъ то не учинилось, не пропуская никакихъ способовъ, которые къ тому служить могутъ и не чиня препятствія, хотя бъ онъ и королю Августу, а не войску Вашего Величества отдаться хотѣлъ, ради показанныхъ въ томъ указѣ обстоятельствъ и о прочемъ всемилоствѣйшемъ Вашему Величеству повелѣніи,—я получилъ 26-го дня и симъ всеподданѣйше доношу.

О скорѣйшемъ того города покореніи, только старанія моего имѣю, сколько въ крайней возможности состоитъ, не пропуская ни еднаго дни съ моего прибытія, въ которой бы атакѣ, и баталіи, и другихъ дѣйствъ не было; токмо отъ онаго города крайней склонности

въ томъ и о подданіи себя, хотя бъ и королю Августу, кромѣ какъ ссылались на прусскую медиацию, не видно, но состоятъ въ своей упорности; чего ради, дабы по силѣ высокихъ Вашего Императорскаго Величества повелѣній, тотъ городъ къ скорѣйшему привести покоренію, вчерашняго числа, то есть въ день коронаціи Вашего Императорскаго Величества, была отъ меня атака на наружныя крѣпости, имѣющіеся на Гагельсбургѣ; а какимъ образомъ та сильная и храбрая атака происходила и отъ непріятельской стороны оборона, о томъ Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть изъ приложенной при семъ реляціи.

Его величество король польскій еще донинѣ въ Дрезденѣ пребываетъ и о прибытіи его, такожь и гдѣ войска саксонскія имѣются, подлиннаго извѣстія не имѣется, хотя я къ его величеству и неоднократно о томъ писалъ.

Генераль-маіоръ Любрасъ съ своею командою еще и понинѣ сюда не прибылъ, хотя я къ нему о томъ многократно подтверждаю; однакожь я уповаю, что съ тою командою Псковскаго пѣхотнаго полка полковникъ фонъ-деръ-Гагенъ, которому оная поручена по ордеру моему, за арестованіемъ онаго генераль-маіора, уже въ пути обрѣтается; а до прибытія оныхъ войскъ городъ Гданскъ имѣетъ быть сильно бомбардированъ и пушечною пальбою посѣщаемъ, отъ котораго бомбардированія, какъ подлинно извѣстно, Станиславъ съ своими адгеренты изъ прежняго въ другое мѣсто перешелъ, называемое Лангартенъ, куда наши бомбы дѣйствовать не могутъ. О капитуляціи же съ тѣмъ городомъ, когда покорится и о медиации съ присланнымъ отъ двора прусскаго и о купцахъ аглицкихъ, голландскихъ и прочихъ, кои во Гданскѣ имѣются, имѣю поступать, какъ во ономъ Вашего Императорскаго Величества указѣ изображено, предостерегая высокіе Вашего Величества интересы.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ при предмѣстьи Орь (Г. Ар. Ия. дѣл. Дѣла бывш. каб.: св. 4).

№ XLIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 11-го дня сего апрѣля, которымъ соизволите всемилоствѣйше обя-

деживать меня, всеподданнѣйшаго своего раба, высокою своею, яко мать, отеческою милостью, съ повелѣніемъ о побужденіи саксонскаго войска, чтобъ оное прибытіемъ своимъ наискорѣйше сюда поспѣшало, дабы чрезъ то войско Вашего Величества легче въ одно мѣсто собрать было можно и дать ему покой, дабы уже не такой великій трудъ чувствовали, какъ предъ симъ имѣли,—я всеподданнѣйше получить удостоился 26-го дня сего апрѣля; за которую высокую Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ рабу милость и обнадеживаніе, всеподданнѣйше приношу рабское мое благодареніе; а о добромъ и счастливомъ высокихъ Вашего Императорскаго Величества намѣреніевъ окончаніи, я, какъ до сего, такъ и впредь, буду поступать, какъ вѣрному Вашего Величества рабу надлежить по моей всеподданнической должности, по крайней силѣ и возможности, не щадя живота моего, до послѣдней капли крови, съ желаніемъ дабы только черезъ милость Вышняго и высокимъ Вашего Величества счастьемъ, всѣ Вашего Величества добрыя намѣренія благополучно исполнить; о скорѣйшемъ же сюда прибытіи саксонскихъ войскъ, я сколько можно писалъ, токмо скорѣйшаго оногo сюда прибытія еще не видно. А по прибытіи о дачѣ войску Вашего Величества покоя исполненіе чинить буду, какъ оной Вашего Величества Всемилоствѣйшій указъ повелѣваетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всепокорнѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Апрѣля 29-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ; предмѣстье Орь (Г. Ар. И. дѣл. Дѣла бывш. каб., св. 4).

№ XLV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества премилостивѣйшее писаніе, собственно Вашего Величества высокою рукою писанное; отъ 22-го апрѣля, со объявленіемъ Вашей Императорской высокой ко мнѣ милости, я всеподданнѣйше, съ великою радостью и должнѣйшимъ цѣлованіемъ монаршей руки Вашего Величества, счастье имѣлъ получить черезъ генераль-адъютанта моего Фермора, и повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, исполнять долженъ, имѣя крѣпкую надежду, въ началѣ на Бога и на счастливое оружіе Вашего Величества, всѣхъ непріятелей къ стопамъ Вашего Императорскаго

Величества подвергнуть, въ чемъ крайнее стараніе имѣть ни единого моменту пропустить не оставлю; ибо ничего въ свѣтъ такъ не ищу, какъ высокую Вашего Императорскаго Величества носящую милость сохранить и повелѣнія Вашего Императорскаго Величества исполнить. И припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.
Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 3 дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ; предмѣстье Оръ. (Г. Ар. И. дѣлъ. Дѣла бывш. каб., св. 4-я).

№ XLVI

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ отъ 20-го числа минувшаго апрѣля объ отпускѣ маіора Казадавлева къ полку, по прежнему, дабы онъ служилъ при полку, а не при мнѣ, а 1-го числа сего мая получилъ, и по оному Вашего Императорскаго Величества указу исполненіе учинено будетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 3 дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ (Г. Ар. Ин. дѣлъ. Дѣла бывшего кабинета, св. 5).

№ XLVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ отъ 22-го дня минувшаго апрѣля я всеподданѣйше получилъ 3-го сего мая, черезъ генераль-адъютанта моего Фермора, и о поступкѣ съ присланнымъ отъ короля прусскаго для медиации мивистромъ имѣю непремѣнно исполнять, предостерегая высочіе Вашего Императорскаго Величества интересы по силѣ прежнихъ и сего Вашего Величества всемиловѣйшихъ указовъ.

Рижская и ревальская артиллерія сюда уже прибыла, о чемъ Вашему Величеству предъ симъ всеподданѣйше доносилъ, и городъ Гданскъ нынѣ бомбардируется.

Французская эскадра сюда прибыла и нѣкоторое число людей выгрузилось и вышли въ Вексельюнду. И для достовѣрнѣйшаго объ

оныхъ развѣдыванія посылалъ на берегъ морской, противъ Вексельмюнде, господина генерала и кавалера Лессія, который подалъ мнѣ объ ономъ рапортъ, съ которымъ при семь копія подъ № 1. И понеже французская эскадра выбирается при Вексельмюнде, почему уповаю что и сперва тамошніе наши посты атаковать будетъ; того ради отправленъ туда генераль-поручикъ князь Барятинской, и велѣно посты наши такъ укрѣпить дабы непріятель атаковать оныхъ не могъ. А команду тамошнюю велѣно приумножить тѣми полками, которые изъ Торунн и изъ Варшавы маршируютъ; ибо вчерашняго числа получилъ я извѣстіе, что Бѣлозерскій полкъ въ Тщевъ прибылъ, и уповаю сими числы уже къ симъ нашимъ постамъ пришелъ, а Кафорскій и Смоленскій 30 числа апрѣля въ Торунь прибыли; и надежно есть, что и иные вскорѣ придутъ, а съ достальными, бывшими въ Варшавѣ полками,—Псковскаго пѣхотнаго полка полковникъ фонъ-деръ Гагенъ маршируетъ сухимъ путемъ, съ которыхъ о томъ рапортъ при семь копій, подъ № 2 и 3-мъ; а для большей осторожности я на тѣ посты завтрашняго числа самъ поѣду.

На обороты прусскаго войска я прилежно смотрѣть и крѣпко наблюдать буду, предостерегая высокіе Вашего Императорскаго Величества интересы, и по обращеніи надлежація брать мѣры, а которые полки по близости здѣсь собраны, тамъ велѣно по указу маршемъ обождать. Его величество король польскій еще понынѣ сюда не прибылъ, и о войскѣ саксонскомъ подлиннаго извѣстія не имѣю; однакожь о скорѣйшемъ оного сюда прибытіи, я крѣпкое попеченіе имѣю и имѣть буду, чтобъ черезъ оное здѣшній корпусъ приумножить, о чемъ неоднократно къ саксонскому двору и къ герцогу Вейсенфельскому отъ меня писано.

О скорѣйшемъ же города Гданска покореніи, я неуспшное имѣю стараніе и попеченіе, и хотя оный городъ до прибытія французской эскадры весьма себя къ покоренію склоннымъ содержалъ, но нынѣ, по прибытіи флота, паки болѣе перваго упорнымъ себя показываетъ, какъ я изъ полученнаго сего числа отъ онаго города письма усмотрѣть могъ; чего ради, желая дабы флотъ Вашего Величества для скорѣйшаго того города поворенія, за помощью Божескою, на здѣшнемъ рейдѣ вскорѣ видѣть. При здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи обстоятъ за помощью Божескою все благополучно,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 3 дня 1734 г.

Предѣстье Оръ (Гл. Ар. Ин. Дѣлъ; св. 5).

XLVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Послѣднимъ моимъ рапортомъ я Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ объ моемъ отъѣздѣ за рѣку Вислу для осмотра и укрѣпленія нашихъ постовъ, дабы непріятель, котораго о прибытіи подлинное извѣстіе получено, атаковать оныхъ не могъ. А вчерашняго числа, по полуночи въ 10-мъ часу, я сюда прибылъ и сего утра оныя посты осматривалъ и нашелъ въ крѣпкомъ и твердомъ состояніи, такъ что по силѣ прибывшаго нынѣ непріятели никакой опасности быть не можетъ, но весьма крѣпкую и сильную оборону оному непріятелю учинить можно, да и нынѣ оныя наилучше укрѣпляются. А между тѣмъ сего числа получилъ я извѣстіе отъ генерала и кавалера господина Лессія, которымъ объявляетъ: по объявленію, пойманаго чрезъ нашихъ казаковъ, одного хлопца, который шелъ отъ Мюнде къ Гданску, (а жилъ онъ тамъ при отцѣ своемъ, который его отецъ отъ нашей стрѣльбы тамо убитъ, а во Гданскъ шелъ къ матери своей), что прибыло въ Минду предъ четырьмя днями, французовъ съ полторы тысячи, и стояли въ палаткахъ, въ покрытой дорогѣ въ Миндѣ три дня. А въ прошедшій четвертокъ получили извѣстіе яко бы Станиславъ умеръ, и 3 числа сего мѣсяца тѣ французы пошли въ море и сказывали, что пойдутъ назадъ во Францію, а какъ де они, французы, сажались на суда и въ море пошли, онъ, хлопецъ, самъ видѣлъ, и то де самая правда; котораго хлопца я самъ спрашивалъ, который паки то подтверждалъ, а сказываетъ себѣ отъ роду 20 лѣтъ, и горбатъ, и весьма изъ себя не глушь, и такъ обо всемъ акуратно сказывалъ, хотя бъ кто иной такъ могъ объявить; и сказывалъ, что конечно о смерти Станиславовой самъ слышалъ, а отбытіе французовъ въ море видѣлъ, ибо де отъ присланный (отъ штата *) къ Вексельмюдскому коменданту полковнику Штапельбергу, объявлялъ то при подаіи письма, при многихъ людяхъ, вслухъ, которые его, хлопцово, объявленіе для лучшаго Вашему Императорскому усмотрѣнію при семъ всеподданнѣйше прилагаю. И понеже подлинно здѣсь усмотрѣно, что вчерашняго числа отъ Вексельмюнде девять судовъ отошли въ море и такъ далеко, что только два судна изъ нихъ едва видны, а вновь прибыв-

*) Такъ въ оригиналѣ (Г. Ар. Ин. Дѣл. Дѣла быв. кабинета; св. 5); въ копіи же сказано. „отъ штаба“. Д. М.

шихъ не имѣется. Того ради вышеписанное, того хлопца, объявленіе едва ли не сходственно быть можетъ; однакожь я здѣсь крѣпкую имѣю осторожность, и наши посты надежно укрѣпляю, и уповаю оныя въ безопасность привести, токмо изъ непріятельскихъ шанцовъ и редутовъ и понынѣ стрѣльба чинится и отмянности никакой не видно и отъ нашей стороны городъ сильно бомбардируется; а сего числа имѣется здѣсь великій штурмъ, отъ котораго французамъ, кои на морѣ, не безъ великаго труда быть можетъ; а что впредь о вышеписанномъ услышано и чиниться будетъ, о томъ Вашему Императорскому Величеству имѣю по часту рапортовать.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 5 дня 1734 г. Гельбуде.

№ XLVІІІ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вчерашняго числа черезъ штафетъ всеподданѣйше рапортовалъ Вашему Императорскому Величеству о смерти Станислава Лещинскаго по извѣстію койманнаго хлопца, и что по сему извѣстію 1500 человекъ французовъ отошли изъ Вексельмюнде въ море, понеже я отъ вчерашняго числа донынѣ отъ непріятеля никакого плѣнника получить не могъ, и для того другого извѣстія о смерти Станиславовой не имѣю и воинскіе поступки и понынѣ отъ города и съ нашей стороны происходятъ; а для подлиннаго о отшествіи французскаго войска провѣдыванія сего числа посылалъ я ближе къ Вексельмюнде смотрѣть и тревогу сдѣлать, и нашихъ людей всѣхъ въ рентраншементъ поставилъ, подъ барабаннымъ боемъ, и ежели бъ французы были заподлинно въ Вексельмюнде, то бъ конечно себя они показали, и хотя изъ Вексельмюнде по насъ сильно изъ пушекъ палили, однако кромѣ синихъ вафтановъ и того малаго числа палатокъ въ контошкарпѣ не видѣть было. И понеже сегодня весьма хорошая погода была, того ради я черезъ прешпективу на море смотрѣлъ, и тридцать два корабля большихъ и малыхъ видѣлъ, всякій акуратно; токмо ни единого судна подъ французскимъ флагомъ видѣть не могъ, и видно, что сіи гости, не получа своего желанія, со стыдомъ едва ли отсюда не ушли, а куда, о томъ уповаю скорое извѣстіе получить. И понеже здѣшніе посты въ твердомъ и надежномъ состояніи находятся

и никакой опасности по вышеписаннымъ обстоятельствамъ не состоитъ, того ради я сего числа отправился въ гауптъ мою квартиру и по прибытіи для подлиннаго развѣдыванія пошлю въ море. И понеже сіи французы, которыхъ малое число было, никакой коммуникаціи съ городомъ не имѣли и войска Тарлова, съ которымъ думали соединиться, здѣсь не получили, то изрядно они вздумали, что отъ сихъ мѣстъ отошли. Однакожь, какъ я услышалъ о ихъ отбытіи, то думаю, что они получили отвѣтъ о нашемъ флотѣ, который сюда прійти имѣетъ, противъ котораго они, знатно видя себя въ несостояніи, то учинили; что же впредь получу о семъ извѣстіе Вашему Императорскому Величеству доносить буду.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 6 дня 1734 г.

Гелбуде (Г. Ар. Ин. дѣлъ; связ. 5).

№ XLIX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій указъ, отъ 19-го дня минувшаго апрѣля, я получилъ 6-го дня сего мая, на который симъ всеподданѣйше доношу.

1) Тарло съ войски своими уже по послѣднимъ извѣстіямъ имѣется за Торунью и состоитъ въ такой слабости, что отъ него нынѣ никакой опасности нѣтъ.

2) Французскій секурсъ, какъ я вчерашняго числа Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доносилъ, не изыскалъ никакого въ соединенію съ польскимъ войскомъ и чтобъ войти въ городъ способъ,—отошелъ въ море, а хотя два дни намѣреніе имѣли, чтобъ наши посты, состоящіе на берегу рѣки Вислы, атаковать, токмо того не учинили, видя наши посты въ такомъ крѣпкомъ состояніи, что хотя бъ и вдвое того ихъ было, какъ по извѣстію нынѣ имѣлось, то бъ никакой опасности быть не могло; а изъ ихъ ретирады я рассуждаю, что ихъ большой флотъ еще далече имѣется, и въ скорѣйшемъ онаго сюда прибытіи слабая ихъ надежда; и мы нынѣ никакого опасенія, кромѣ сильной изъ города вылазки, не имѣемъ. И понеже вчерашняго числа занять нашъ постъ въ Штольценбергѣ, чего ради сего числа былъ у меня патерь Брукенталь, который доннынѣ никогда у меня не бывалъ, и объявлялъ, по слуху, яко бы на насъ сильная изъ города вылазка

будеть; чего ради я нынѣ въ крѣпкой осторожности состою и о томъ надлежаще аншталты здѣлалъ.

3) Войска Вашего Императорскаго Величества ко усиленію здѣшняго корпуса собрали изъ разныхъ мѣстъ сколько возможно, оставя въ лежащихъ по Вислѣ мѣстахъ, для больныхъ и магазиновъ, самое малое число, а изъ полковъ команды генераль-маіора Любераса одинъ полкъ прибылъ и на той сторонѣ при нашихъ постахъ въ лагерь поставленъ; а два уже во Тщевъ прибыли, изъ которыхъ одинъ катеръ на тѣ посты отправить велѣно, а другому сюда маршировать, съ которыми съ сего времени атаки наши лучшее свое дѣйствіе имѣть могутъ.

4) О скорѣйшемъ прибытіи саксонскаго войска, хотя я къ генералу Вейсенфельскому, (какъ) изъ приложенной при семъ копіи Ваше Величество усмотрѣть изволите, часто и строго писалъ и пребывающимъ здѣсь министрамъ неоднократно предлагалъ,—слѣдуютъ сюда весьма тихо, и нынѣ обрѣтаются, по нынѣшнему извѣтію, въ Шнейдемюле, а его величество король польскій въ Лейбцигѣ пребываетъ, а прусскіе полки, кои по близости здѣсь, въ своихъ мѣстахъ состоятъ во всякой готовности, токмо о маршѣ ихъ указу еще не имѣютъ и стоятъ тихо.

5) Въ городѣ, послѣ великаго штурма, всѣ въ великомъ страхѣ находятся, и писали ко мнѣ съ прошеніемъ о показаніи къ нимъ высшей Вашего Величества милости; о чемъ и на имя Вашего Величества просительное о томъ письмо прислали. Я изъ онаго письма могъ усмотрѣть, что ничего о покореніи того города Вашему Величеству и о признаніи его величества короля Августа за истиннаго своего государя, по выгнаніи Станислава съ его адгеренты не упоминается; того ради оное обратно къ нимъ отослалъ, съ такимъ объявленіемъ, что я таковаго письма къ Вашему Величеству послать не смѣю, съ которыхъ ихъ и моего писемъ при семъ копіи всеподданѣйше прилагаю. А монеше о смерти Станиславовой подлиннаго извѣстія не имѣется, того ради я сего числа вѣрнаго человѣка въ городъ послалъ, котораго уповаю, дни черезъ два или три, подлинное о семъ извѣстіе получить.

6) О удержаніи курьера и писемъ, который яко бы посланъ былъ изъ Гданска отъ шведскаго резидента ко двору его съ тѣми письмами,—разглашено не справедливо, ибо не только курьеровъ, но и писемъ никакихъ здѣсь задержано не было, въ чемъ извольте Ваше Императорское Величество мнѣ, всеподданѣйшему своему рабу, повѣрить а хотя до учиненія другой о почтахъ диспозиціи нѣкоторыя письма и

удерживались и распечатывались,—изъ Гданска и во Гданскѣ шли только партикулярныя, въ которыхъ находились всякія непристойныя разглашенія и пакости о нашемъ войскѣ, а нынѣ и того, по пресѣченіи съ городомъ коммуникаціи, не чинится.

Понинѣ въ городѣ 1500 бомбъ уже брошено, и хотя всякъ не думалъ, чтобъ они такое большое разореніе терпѣли, а уковали, что отъ малаго числа въ повореніе принти могутъ, токмо отъ нихъ никакой склонности не видно, и я еще на 10 дней бомбъ имѣю и между тѣмъ уповаю: не прибудеть ли саксонская или наша осадная артиллерія; того ради, по прибытіи оной и саксонскаго войска, буду оный городъ найкрѣпчайшимъ образомъ атаковать, дабы къ скорѣйшему покоренію оной привести, и понеже донинѣ во всѣхъ зѣло многотрудныхъ трудахъ одно войско Вашего Величества обрѣтается, того ради, по прибытіи саксонскаго, имѣю ко всему оное, обще съ нашими, употреблять, дабы черезъ то войско Вашего Величества отдохновение возымѣло; и имѣю надежду, что Вашего Величества флотъ прежде французскаго на здѣшнемъ рейдѣ увидѣть. Прусскій тайный совѣтникъ фонъ-Брантъ понинѣ здѣсь, а понеже я изъ-за рѣки Вислы только сей ночи возвратился, чего ради его еще не видалъ, а какъ слышно, что онъ намѣренъ къ своему двору возвратиться.

Сколько при послѣдней атакѣ отъ войскъ Вашего Величества людей побито и ранено, при семъ прилагаю вѣдомость; а хотя я о семъ упадѣвъ весьма сожалѣю, только при атакѣ такого крѣпко противашагося города, и имѣющагося довольный гарнизонъ и сильную артиллерію, безъ того пребыть никакъ не возможно; къ тому же и солдаты притомъ поступали весьма храбро. О прочемъ же имѣю всеподданѣйше исполнять по оному Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Мая 7-го дня 1734 г.

№ I.

Р а п о р т ь *).

Коликое число сего апрѣля противъ 29-го числа при атакѣ неприятельскихъ при Гогельбергѣ шанецъ — побито и ранено какихъ чиновъ людей значитъ ниже сего.

*) Взято изъ книги копій.

Ч и н ы.	Ч и с л о л ю д е й.		
	Побито.	Ранено.	Итого.
Штабъ-офицеровъ.....	1	8	9
Оберъ-офицеровъ	17	19	36
Урядниковъ и капраловъ.....	28	78	106
Рядовыхъ и прочихъ чиновъ.....	627	1313	1940
Итого.....	673	1418	2091

№ LI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловитѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе всеподданѣйше доношу: во-первыхъ, о французахъ, которые изъ Вексельмюнде на судахъ въ море отошли, извѣстія никакого не имѣется; во вторыхъ, воевода Тарло до куявской провинціи уже ретировался и въ спину намъ отъ непріятеля опасенія не имѣется; третіе, изъ Варшавы и Торуня команда, состоящая въ трехъ полкахъ, сюда прибыла, изъ которыхъ—два къ Вексельмюнде отправлены, а одинъ здѣсь въ лагерь поставленъ; сверхъ того, нѣкоторое число разныхъ полковъ: больные, которые выздоровѣли и командированные изъ разныхъ мѣстъ—къ полкамъ прибыли; при томъ же привезено четыре осьми фунтовые пушки со всѣми принадлежностями и служителями, которыя пушки немедля на батарею поставятся и противъ Шотландіи по городу, въ которыхъ дворахъ донныѣ поврежденія еще не учинено, пальба производится будетъ.

Полковникъ фонъ-дерь-Гагенъ изъ Варшавы съ достальною командою слѣдуетъ сюда сухимъ путемъ, и уповательно, что чрезъ 10 дней прибыть можетъ.

Саксонское войско прибыло въ мѣстечко Тухель, состоящее въ 15 миляхъ отъ здѣшняго мѣста и такожь де вскорѣ сюда прибудетъ; и тако соберется такая армія, которая въ здѣшнихъ нашихъ крѣпкихъ ретраншаментахъ ни французскаго секурса, ниже польскихъ хорунгъ или вылазовъ изъ города опасаться не будетъ; а между непрестанно бомбы и ядра въ городъ посылаемъ, и атака по возможности съ успѣхомъ производится.

Прошедшей ночи была отъ непріятеля при Штольценбергѣ на нашу работу вылазка, которую наши гренадеры такъ встрѣтили, что

на мѣстѣ четыре человека убиты остались, а нѣкоторыхъ убитыхъ и раненыхъ непріятель какъ ретировался, съ собою утащилъ; а нашего урона никакого притомъ не было.

Саксонская артиллерія, которая изъ Дрездена по неоднократно моимъ представленіямъ отправлена была, состоящая въ шести мортирахъ и тысячи двухъ стаяхъ бомбахъ, оставлена при Познаки; а мнѣ при здѣшней атакѣ во оной не малая нужда будетъ, понеже, какъ саксонскіе министры меня заподлинно обнадеживали, что фуриящики подрадились оную въ телѣгахъ въ три недѣли изъ Дрездена сюда привести, то я учинилъ диспозицію, чтобъ до 15-го числа сего мѣсяца наши тяжелыя бомбы всѣ въ городъ брошены были; отчего я принужденъ нахожуся бомбардированіе и пушечную стрѣльбу убавить, пока Богъ дастъ впредь флотъ Вашего Императорскаго Величества сюда прибудеть; токмо на перевозахъ и выгрузкѣ, и къ провозу къ здѣшнему мѣсту немалое время требуется. Итакъ черезъ такіа незапныя препятствія немалое помѣшательство въ атакѣ моей чинится, а что я о семъ къ его свѣтлости герцогу Вейсенфельскому, который, съ саксонскою артиллеріею сюда слѣдуетъ, писалъ, о томъ изволяете Ваше Императорское Величество изъ приложенной копии при семъ всемилюстивѣше усмотрѣть. О смерти Станиславовой никакого извѣстія послѣ того, когда Ваше Императорское Величество рапортовалъ, не имѣю, а ожидаю, чрезъ посланнаго отъ меня въ городъ, когда оной возвратится. Между тѣмъ, по высокому соизволенію Вашего Императорскаго Величества, о выпускѣ изъ города чужестранныхъ купцовъ и о скорѣйшемъ того города покореніи, писано отъ меня было къ магистрату съ объявленіемъ, ежели вскорѣ того не учинять и не поворятся, то ихъ крайняя погибель послѣдуетъ, и на то письмо вчерашняго числа получилъ я отвѣтъ, котораго при семъ копія прилагается. И можно видѣть, что городъ свое несчастіе признаваетъ, токмо по упущеніи времени и что были яко господа, а нынѣ—французскіе рабы стали, и что генералъ Понятовскій и маркизъ де-Монти донныѣ надъ военнымъ чиномъ власть имѣютъ; и токмо ради того, чтобъ российскаго и саксонскаго войскъ противъ французъ къ цезарю въ помощь не допустить, приводятъ городъ къ крайней погибели, къ тому жъ, чтобъ польскіе гости изъ онаго въ наши руки не достались,—препятствуютъ имъ резолюцію воспріять, чрезъ чтобъ избавленіе свое получить; и можетъ статья, что отъ такого тяжкаго бомбардированія по ихъ приносящей жалобѣ къ общему совѣту всѣ собраться и къ лучшей ихъ пользѣ полезную резолюцію учинить не могутъ.

О крѣпкомъ смотрѣніи дабы, какъ изъ города, такъ и въ городъ

пропущенъ никто не былъ—жестокими ордерами въ команды отъ меня предложено, а особливо къ Мише и къ потопленнымъ мѣстамъ отъ жулавъ—посты разставлены и моими адъютантами осматриваются.

А чтобъ городъ впредь такую отговорку не имѣлъ, будто имъ для собранія и совѣту о выпускѣ чужестранныхъ купцовъ и о ихъ пользѣ время не дано, былъ у меня съ здѣшнимъ генералитетомъ консилиумъ, о учиненіи съ ними на двои сутки оружію умоленію; на что послѣдовало по общему согласію, хотя городъ своимъ упрямствомъ того и не достоинъ, однако, оказывая всему свѣту Вашего Императорскаго Величества природную высокую милость и великодушіе, въ выщему доказательству и чтобъ имъ никакой отговорки больше не осталось, а чужестраннымъ купцамъ изъ того польза послѣдовала, при отпускѣ сего, то позволено; и сего момента паки письмо съ низайшимъ прошеніемъ отъ города прислано, съ котораго при семъ копія прилагается. А что впредь послѣдуетъ, о томъ на предбудущей почтѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше рапортовать буду.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 10-го дня 1734 г.

Предмѣстье Орь. (Г. Ар. Ин. дѣль; св. 5).

P. S. При запечатаніи сего, возвратился посланный отъ меня въ городъ со извѣстіемъ, что Станиславъ имѣется еще въ городѣ безъ всякой болѣзни.

№ I. П.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйше подписанную собственною Вашего Величества рукою на всеподданѣйшемъ моемъ докладѣ о пожалованіи инженеръ-маіора фонъ-Братке въ подполковники, высокую апробацію я 13-го числа сего мая всеподданѣйше получилъ; по которой Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйше апробаціи надлежащее исполненіе мною учинено.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Мая 14-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ; предмѣстье Орь (Г. Ар. И. дѣль; св. 5).

№ LIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшее писаніе собственною Вашего Величества рукою сего мая отъ 6-го и притомъ отпавленный изъ кабинета именной Вашего Императорскаго Величества указъ чрезъ курьера Маврина сего мая 12-го числа со всеподданнѣйшимъ почтеньемъ счастье имѣлъ получить, и пространно о высокихъ намѣреніяхъ Вашего Императорскаго Величества, какъ по нынѣшнимъ здѣшнимъ обращеніямъ мнѣ поступать — усмотрѣлъ, по которому непремѣнное исполненіе чинится. О собраніи войска въ прежнихъ рапортахъ Вашему Императорскому Величеству отъ меня донесено, что изъ Варшавы и Торуня четыре полка и часть артиллеріи уже сюда прибыли, а и достальныхъ изъ Варшавы, подъ командою полковника фонъ-деръ-Гагена, на сихъ дняхъ ожидаю; а савсонское войско, подъ командою герцога Вейсенфельскаго, состоящее въ кавалеріи и инфантеріи, отъ пяти до шести тысячъ человекъ, за три мили отсюда прибыло, и начнеть вступать въ показанныя квартиры съ сего числа; а по вступленіи, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указа, оное войско при всѣхъ случаяхъ въ равное исправленіе употребляться будетъ. И тако нынѣ при Данцигѣ сберется такая армія, что въ воспріятіяхъ нашихъ противъ города и прибывшаго французскаго секурса, уповаю, за Божьею помощію, никакого опасенія быть не можетъ.

О посылкѣ въ Пиллау для извѣстія адмиралу Горлону о французскихъ корабляхъ и гдѣ съ нашею артиллеріею пристать и выгрузиться можно, — надлежащее исполненіе учинено будетъ.

А о здѣшнихъ обращеніяхъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу. Вчерашняго числа при здѣшнемъ рейдѣ показались одиннадцать французскихъ кораблей, которые третьяго дни при Путцке и Геле, получа отъ рыбаковъ извѣстіе, что въ поманутыхъ мѣстахъ Вашего Величества войско имѣется, прибыли, добрымъ вѣтромъ, къ Вексельмюнде, и такимъ же образомъ какъ прежніе на берегъ вышли, чего имъ никакъ воспретить было невозможно, ибо отъ крѣпости Мюнде имѣются два канала, съ которыхъ отъ непріятельской стороны батареями путь очищаетъ. Сей транспортъ состоитъ въ пяти военныхъ и въ шести транспортныхъ корабляхъ; имѣютъ

на оныхъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ посажены быть. И понеже тѣмъ часомъ, какъ оныя на берегъ выходили, осматривалъ я наши драгунскіе полки, которымъ приказалъ маршировагъ, какъ драгунамъ, такъ и казакамъ, къ морскому берегу противъ крѣпости Мюнде, которыми по морскому берегу и великій парадъ учиненъ былъ, а непріятель хотя по насъ изъ пушекъ и стрѣлялъ, токмо вреда не учинилъ.

Того жъ часу отправилъ я нарочнаго курьера дабы саксонское войско безъ замедленія сюда слѣдовало, который паки сего момента возвратился съ извѣстіемъ, что оное войско во второмъ часу по полудни изъ мѣстечка Шенека въ походъ выступило и сего вечера часть онаго въ Ланфуръ прибудетъ. За рѣку Вислу, къ Гейбуде, въ лагерь командированы отъ меня три драгунскіе полка, которые уповаю сегодня или завтра туда прибудутъ, и понеже непріятелю другаго способа къ городу пройти не имѣется, какъ при Гейбуде, того для, я, по учиненіи съ герцогомъ Вейсенфельскимъ диспозиціи, самъ завтра туда отправляюсь.

Изъ города происходило чрезъ три дня прилежное прошеніе о учиненіи съ нимъ тишины оружію, представляя, что тѣмъ временемъ учинить собраніе всѣхъ чиновъ и для лучшей пользы городу совѣтъ, что имъ, по общему согласію съ здѣшнимъ генералитетомъ, паче же ради прошенія саксонскихъ министровъ, дабы городъ отъ совершенной погибели избавитися могъ и чтобъ чужестранные купцы изъ онаго выѣхать могли,—поволено было на два дня тишинѣ оружію быть; къ тому жъ бомбы и ядра у насъ уже на исходѣ были, и могла бы оная тишина, что до большой артиллеріи касается, отъ себя послѣдовать.

Но, однакожъ, какъ выше показано, французскій секурсъ сюда пришелъ и города Гданска тиравы новую надежду увидѣли, то отвѣтствовали мнѣ изъ города дерзновеннымъ письмомъ, съ котораго при семъ копію прилагаю, потомъ начались непріятельскіе поступки по прежнему; при чемъ съ нашей стороны съ новой батареею изъ четырехъ 8-ми фунтовыхъ пушекъ, привезенныхъ изъ Варшавы,—съ той стороны, съ которой городъ потопленъ водою; и въ, которые дома отъ бросанія нашихъ бомбъ люди ретировались, по онымъ пушечная пальба происходитъ, напротивъ чего съ непріятельской стороны, со всѣхъ сторонъ, пушки на наши батареи приведены были и противъ одного выстрѣла съ ихъ сторонъ—до пятидесяти чинены были, и тѣмъ намъ ядеръ, въ которыхъ не безъ нужды, приумножили. И понеже отъ города ни на что, по требованію нашему, при объявленіи Вашего Императорскаго Величества высокой милости,—послѣдовало и несмотря на тяжкое бомбардированіе, которымъ донынѣ съ двѣ тысячи триста бомбъ бро-

шено, никакой склонности къ сдачѣ города не оказали; того ради никакого милосердія оной возмутительный городъ не достоинъ.

Сего числа вѣтеръ нашему флоту зѣло способный, а неприятельскому противный, продолжи Господи оный и дай нашъ флотъ и артиллерію вскорѣ видѣть; а между тѣмъ буду я по возможности противъ неприятеля противленія чинить и атаки наши всякими мѣры противъ неприятельской вылазки укрѣплять буду, а имѣющуюся по Вислѣ рѣкѣ мѣстечки никакъ безъ нашей осады оставить не возможно, ибо изъ тѣхъ мѣстъ армія наша содержаніе въ пропитаніи имѣеть, въ чемъ, благодаримъ Бога, до нынѣ нужды не имѣется; и велѣно каждому полку на мѣсяцъ сухарей въ запасѣ имѣть, къ тому жъ и польскія противныя партіи тѣмъ отъ тѣхъ мѣстъ удерживаются. Воевода любельскій, какъ слышно нынѣ, въ Эрмляндское владѣніе намѣренъ вступить, а я, при нынѣшнихъ обращеніяхъ, отсюда нашего войска туда для secours приумножить не могу. Его королевское величество польскій пишетъ ко мнѣ изъ Дрездена, что саксонская артиллерія за его войскомъ сюда слѣдовать будетъ, которая зѣло нужна здѣсь была, ибо я въ томъ упованіи, что она, по моимъ неоднократнымъ требованіямъ, неотмѣнно сюда будетъ, такую диспозицію учинилъ; такожъ министрамъ саксонскимъ отъ меня съ ревностью о томъ требованіе происходило.

Его королевскаго Величества прусскаго канцлеръ Грумкау нѣсколько времени здѣсь обрѣтался и какъ уповаю поступки тайнаго совѣтника Бранта присматривалъ, а во время тишины оружія, ѣдили они оба въ городъ и господинъ Грумкау Станислава тамо видѣлъ здороваго, а въ городѣ, какъ объявилъ, что зѣло много отъ бомбъ нашихъ разоренія находится. При окончаніи сего припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

F. d. Munnich.

Мая 14-го дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ. (Г. Ар. Ин. дѣлъ; св. 5).

№ LIV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Сего числа первый славный день, въ который Вашего Императорскаго Величества счастливымъ оружіемъ славная побѣда надъ французами учинена слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхаль я сюда сей ночи въ десятомъ часу, а сего числа по утру, въ десятомъ же часу, французы изъ Мюнде атаковали наши ре-

траншаменты сильно, и въ то время выступило изъ города оволо двухъ тысячъ съ пушками на насъ съ лѣваго крыла; а сколько французовъ было подлинно—извѣстится не можно, понеже они ту атаку учинили въ густомъ лѣсу, и переступили было уже черезъ нашу засѣку до самаго ретраншамента, гдѣ ихъ командиръ убитъ, у котораго и кавалерія взята и при семъ, всеподданѣйше припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, оную прилагаю; а съ нашей стороны побито малое число, и изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, сколько помнѣ извѣстенъ, никого не убито, а у французовъ въ лѣсу побитыхъ немалое число. И какъ они выступили, то по нихъ изъ нашихъ ретраншаментовъ гнали до самой крѣпости Вексельмюнде, и не дали имъ квартиру. Олонецкаго драгунскаго полка полковникъ Лесли, который команду имѣлъ за генераль-маіора, весьма храбро при томъ поступилъ, и самъ раненъ легко, а лошадь подъ нимъ въ шею прострѣлена,—и весьма достоинъ дабы Вашего Императорскаго Величества высокою милостію пожалованъ былъ настоящимъ генераль-маіоромъ. А отъ непріятельской стороны по нынѣ непреставная пушечная пальба происходитъ, и понеже ретраншаментъ нашъ весьма довольно укрѣпленъ по своему новому манеру, и отъ взятаго отъ непріятеля Зомершанца довольно оборона, почему и впродъ сіе важное мѣсто безопасно можемъ содержать. И я всеподданѣйше Ваше Императорское Величество поздравляю съ полученною нынѣ надъ французами побѣдою, и рекомендуя посланнаго въ симъ поручика Генингайзена, который при семъ и при прочихъ акціяхъ какъ надлежитъ доброму и храброму офицеру поступалъ,—Вашего Величества высокою милостію. И припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Мая 16-го 1734 г.

Гельбуде (Г. Ар. И. Дѣл. Дѣла быв. каб.; св. 5).

Р. С. Который изъ города секурсь выходилъ, по оному изъ нашихъ пушекъ жестоко стрѣляли, отчего тотъ секурсь, какъ я сей моментъ извѣстіе получилъ, навѣ въ городъ вступилъ.

№ LV.

Переводъ.

Изъ Оры 18—29 мая 1734-го.

Реляція.

Богда въ 12—23 день мая у Пудкова нѣкоторые французскіе корабли пакы явились, то въ ночи на 13—24 день мая, на зарѣ, при-

шло 11 кораблей на рейду, между которыми по разсужденію были 6 военные, а остальные транспортные.

Поутру рано съ тѣхъ кораблей учинено 19 выстрѣловъ изъ пушекъ, на которые изъ Минды отвѣтствовано изъ пушекъ же. Ночью, какъ изъ Минды, такъ и изъ города, пустили нѣсколько ракетъ, какъ чаять можно для подаванія извѣстія о прибытіи сего французскаго сейкурса.

Вѣтръ непріятелю способенъ будучи, — съ тѣхъ кораблей, со всякимъ поспѣшеніемъ, какъ прежде, войска у Вейксельминде высажены.

Когда же тотъ день поутру російской кавалеріи смотръ былъ, и генералы по берегу къ Минде ѣздили, то изъ оной, не смотря на то, что того дня съ непріателемъ еще перемирье было, часто на насъ изъ пушекъ стрѣляли.

Кавалерія по берегу маршировала и тамо стояла нѣсколько часовъ въ виду непріятеля.

И понеже чаяли, что оный французскій сейкурсъ не по сей сторонѣ, а именно Олива, но паче по той сторонѣ Нерунта подымется, того ради отправлены туда три полка драгунскіе подъ командою г. генераль-маіора князя Урусова, и подано извѣстіе его свѣтлости герцогу Вейсенфельскому, который съ саксонскими войсками у Шенека, въ 4-хъ до 5 миль, стоялъ, чтобъ помянутыя войска какъ нашему лагерю какъ наискорѣе шли.

Вечеру, когда срокъ перемирья прошелъ, то начались пакы съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйства, что атака на нашъ ретраншаментъ учинена всѣми тремя помянутыми полками, кромѣ тѣхъ людей, которые въ лагерѣ остались и въ готовности были съ багажемъ прямо въ городъ итти, и что ихъ обнадежили, что когда они насъ принудятъ отъ осады отступить, то многія тысячи поляковъ въ Прусію вступятъ и намъ проходъ заставятъ. Мнѣніе, что французскій министръ маркизь де-Плело при сей атакѣ можетъ быть убитъ состоитъ въ слѣдующихъ извѣстіяхъ: что онъ на здѣшнюю рейду съ французскимъ флотомъ прибылъ, въ Вейксельминду вышелъ; и послѣ его прибытія тамо никакое судно къ городу не проходило. Будто всѣ офицеры, которые при сей атакѣ были, полковые знаки на себѣ имѣли, а нашлось тѣло, на которомъ оливнаго цвѣту гродетурной, богато серебромъ вышитый, камзолъ былъ.

Французы зѣло желаютъ возвращенія своихъ убитыхъ или плѣнныхъ, и для того присланный барабанщикъ токмо навѣдывается о капитанѣ Плело, на которомъ желтый шелковый, серебромъ вышитый, камзолъ былъ и имѣетъ токмо сіе его имя съ описаніемъ его платья

на цидулкѣ при себѣ, и для того чають, что французскому министру сіе несчастіе при той авціи приключилось.

Изъ пришедшихъ сюда 11-ти кораблей 4 пошли паки на море и крейсуютъ, и какъ отъ непріятели перешедшій шведъ сказываетъ, то на тѣхъ корабляхъ, и которые еще на рейдѣ стоятъ, кромѣ матросовъ никакихъ людей нѣтъ.

№ LVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ изъ Санктъ Петербурга отъ 10-го сего мая о поступаніи мнѣ въ здѣшнихъ дѣлахъ по силѣ прежде отправленнаго ко мнѣ Вашего Величества указа и о прочемъ, я сего числа, чрезъ капитана Мазанія, получилъ, на который симъ всеподданѣйше доношу.

Войскъ Вашего Величества собралъ сюда сколько и откуда можно было, а изъ Эльбинга и изъ Эрмляндскаго владѣнія, по состоянію тамошнихъ опасностей, взять сюда невозможно; а для исполненія высочихъ Вашего Величества повелѣній, я такіа мѣры имѣю, какъ по здѣшнему состоянію къ лучшему Вашего Величества интересовъ успѣху и предосторожности надлежитъ; и Ваше Величество изволите пребыть безъ сомнѣнія, что здѣшнія войска ни до какаго разоренія допущены не будутъ, а имѣю крѣпкое попеченіе о лучшемъ оного содержаніи.

Изъ пріобретенныхъ экстрактовъ о французскомъ секурсѣ и о прочемъ я извѣстенъ, и послѣднее о томъ секурсѣ извѣстіе отъ полномочнаго министра князя Кантемира суть сходственно съ тѣмъ, котора я отъ него получилъ.

Къ адмиралу Гордану о французской эскадрѣ и о объявленіи командующимъ на отправленныхъ отъ него галіютахъ, по силѣ прежняго Вашего Величества указа, отъ меня писано и нарочно въ Пиллау для того адъютантъ мой отправленъ; однакожь и нынѣ въ подтвержденіе о томъ писано жъ.

Послѣдняя варшавская команда повинѣ еще сюда не прибыла, однакожь ожидаю оной вскорѣ; а саксонскія войска сюда уже прибыли, а бывшему подъ Краковымъ корпусу, по указу его величества короля польскаго, какъ Ваше Величество изъ особливо на сей почтѣ отправ-

деннаго моего всеподданѣйшаго рапорта, всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите,—велѣно маршировать въ Саксонію, будто для того, чтобъ оное употребить, по силѣ заключеннаго трактата, его цесарскому величеству, какъ я о томъ сейчасъ увѣстился чрезъ объявленіе Его Величества тайнаго совѣтника Симониса, съ такимъ отъ его величества общаніемъ, что вмѣсто онаго, другой изъ Саксоніи корпусъ сюда отправить можно, въ которомъ я весьма не надеженъ.

Присланный капитанъ Мазаніи имѣеть быть опредѣленъ въ полкъ, въ которомъ онъ числится, по тому жъ и маіору Казадавлевъ, по прежнему Вашего Величества указу, отъ меня отпущенъ и въ полкъ опредѣленъ, и нынѣ обрѣтается при командѣ, и при мнѣ его не обрѣтается, съ того времени, какъ первый Вашего Величества указъ я получилъ. Въ прочемъ же ссылаюсь на особливо отправленный отъ меня сего числа—припадаю къ стопамъ.

Какой авантажъ марширующіе изъ Варшавы наши полки имѣли противъ маршала Малшинскаго, при семъ прилагаю экстрактъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 19 дня 1734 г.

Предмѣстье Орь.

№ LVII *).

Переводъ.

Экстрактъ изъ рапорта російско-императорскаго полковника Либера изъ Контрадеца 13—24 мая, 1734, о привлечившейся подъ деревнею Самаринъ авціи между одной російской и команды польскихъ войскъ.

8-го сего маія Новотроицкаго полка лейтенантъ Бестужевъ-Рюминъ съ однимъ прапорщикомъ, 90 драгунами и 100 казаками командированъ, дабы камергера и чрезвычайнаго посланника графа Левенвольда отъ городка Плонска до прусскихъ границъ проводить. Но какъ сей лейтенантъ г. графа Левенвольда до Пруссіи препроводилъ и съ своею командою назадъ маршировалъ, то отъ одного корпуса польскихъ войскъ конфедератнаго маршала Малшинскаго и графа Шливена 11-го маія, въ 5-мъ часу пополудни, недалеко отъ прусскихъ границъ, въ деревнѣ Самаринъ,—атакованъ; но какъ лейтенантъ во-

*) №№ LV, LVI и LVII въ 5-й связкѣ дѣлъ бывшаго кабинета (Гл. Ар. Ии. дѣлъ).

манду свою изъ деревни вывелъ, то непріятель на оную пошелъ, а по учиненному отъ нашихъ залпу непріятель въ бѣгъ обратиться принужденъ былъ. Между же тѣмъ вся російская команда изъ деревни выступила и для лучшей встрѣчи непріятелю на двѣ части раздѣлилась, изъ которыхъ одну лейтенантъ, а другую прапорщикъ Буревъ командировалъ и непріятеля прогнали, который въ лѣсъ ретировался.

Однакожъ непріятель тамо пави остановился, но въ другой (разъ) побить, и драгуны и казаки напасть на него прогнали, и гнавъ за нимъ многихъ пиками и штыками перекололи.

По сказкѣ же взятыхъ въ полонъ и по рапорту лейтенантову съ непріятельской стороны побито: 1 капитанъ, 60 человекъ польскихъ рейтаръ и много переранено, которыхъ непріятель съ собою утащилъ, а прочіе разогнаны.

Команда лейтенантова и присовокупившаяся къ оной, подъ командою С.Петербургскаго пѣхотнаго полка полковника князя Барятинскаго—у непріятеля въ полонъ взяли: два рейтара, 1 товарищъ и одинъ похолокъ, которые сказываютъ, что при той акціи съ непріятельской стороны маршалъ Малшинскій, кастеланъ репинскій, кастеланецъ репинскій—Терновскій и маіоръ Макровскій тою командою командовали, которая изъ 5-ти шевандроновъ и 3-хъ польскихъ хорунгъ состояла; съ нашей стороны одинъ казакъ убитъ да одинъ драгунъ легко раненъ.

№ LVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, вчерашняго числа получилъ я извѣстіе, что по указу его королевскаго величества польскаго, Августа Третьяго, саксонскому корпусу, который подъ Краковымъ стоялъ, подъ командою генераль-лейтенанта ди-Маре и генераль-маіора барона фонъ Левендаля, и надлежало было оный сюда маршировать,—велѣно слѣдовать не сюда, но въ Саксонію; такожъ мортиры и бомбы, на которыя я здѣсь надежду имѣлъ, и понынѣ при Познани состоятъ, а большая артиллерія и изъ Саксоніи не отправлена; чего ради тогожъ числа содержана мною съ герцогомъ Вейсенфельскимъ и генераломъ Лесіемъ о томъ генеральная консилія, и что къ его величеству отъ меня и отъ герцога Вейвенфельтскаго о семъ писано—Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть изъ приложенныхъ при семъ копій.

Изъ прибывшихъ въ секурсъ городу Гданску французскихъ кораблей, нѣкоторые отошли въ море, а другіе остались на рейдѣ, а какъ слышно для предосторожности нашего флота; и понеже какъ извѣстно жъ, что на тѣхъ корабляхъ никакихъ людей, кромѣ малаго числа матросовъ, не имѣется, того ради ежели бъ Божіею помощію нашъ флотъ вскорѣ сюда поспѣшилъ, то не только оныя корабли атаковать, но и взять бы могъ. А что послѣ отправленнаго отъ меня курьера здѣсь происходило, о томъ обстоятельную реляцію при семъ всеподданѣйше прилагаю.

Вышедшій изъ Мюнде французскій солдатъ, который шведской націи, допросомъ своимъ подтверждалъ, что французскій посолъ графъ Пелло, о которомъ извѣстіе было, что при атакѣ нашихъ постовъ убитъ, конечно при французскомъ секурсѣ изъ Копенгагена сюда прибылъ, какъ Ваше Величество изъ приложеннаго при семъ его допросу усмотрѣть соизволите.

Вашего Императорскаго Величества генераль-маіоръ Незабытовскій объявилъ мнѣ, что бискупъ краковскій писалъ изъ Дрездена къ пребывающему здѣсь воеводѣ Чернеховскому, что его величество король польскій намѣренія не имѣетъ прибыть въ Польшу прежде того, какъ совершенная тишина возстановлена во всей Польшѣ будетъ; которое его намѣреніе весьма по здѣшнимъ обращеніямъ есть не полезно; о чемъ обо всемъ къ господину оберъ-штабмейстеру графу фонъ Левенвольду отъ меня писано будетъ.

Нынѣ саксонское войско, по учиненной отъ меня съ герцогомъ Вейсенфельскимъ рапортиціи, уже нѣкоторые наши корабли и шанцы отъ нашихъ войскъ приняло, сего мая 17 дня; чрезъ что уповаю наши посты довольно укрѣпить и для коммуникаціи черезъ рѣку Вислу мостъ сдѣлать, и войску Вашего Величества хотя малое отдохновеніе дать.

Англійскій посланникъ лордъ Форвестъ, въ то время какъ я былъ за Вислою, 17 дня сего мѣсяца чрезъ здѣшнее мѣсто въ Англію прѣхалъ.

При здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи состоитъ благополучно и отъ непріятеля доннынѣ никакой опасности не видимъ; а хотя пребывающій въ Берлинѣ французскій посланникъ маркизъ де-ла-Шатарди и разглашаетъ, якобы сюда еще большой секурсъ въ 22-хъ батальонахъ прибудетъ, тако жъ и шведскіе корабли на морѣ будутъ, однакожъ я за истину того не уповаю, а надѣюсь на милость Божью флотъ Вашего Величества и артиллерію здѣсь вскорѣ и прежде оныхъ видѣть.

Изъ привезенныхъ сюда бомбъ уже только девяносто понывъ осталось, чего ради нынѣ болѣе безъ пушекъ и непріятельскими ядрами по городу стрѣляемъ; чего ради весьма нужно есть, дабы подалъ Богъ осадную артиллерію вскорѣ сюда получить, а городъ и понывъ въ прежней своей упорности состоитъ и никакой склонности, хотя уже и въ великомъ разореніи и въ форштатахъ люди съ голоду умирають,—не видно. О семъ донесли, припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 19 дня 1734 г.

Предѣстье Оръ (Г. Ар. Ин. дѣль; св. 5).

№ LIX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 15-го мая, объ отправленіи сюда Вашего Величества флота и осадной артиллеріи и о прочемъ, я получилъ сего числа черезъ курьера Головина, на который всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу. О прибытіи сюда французскаго секурса и какую оной весьма сильную на наши ретраншаменты, состоящіе на той сторонѣ рѣки Вислы, чинилъ атаку и мы помощью Всевышняго и высокимъ Вашего Величества счастьемъ передъ французами имѣли авантажъ, о томъ Ваше Величество соизволите всемилоствѣйше усмотрѣть изъ отправленныхъ предъ симъ моихъ всеподданѣйшихъ рапортовъ. А хотя при здѣшнемъ рейдѣ третьяго дня нѣкоторые французскіе корабли вновь и показались, я по рапорту генераль-поручика князя Барятинскаго на оныхъ многое число людей видѣть можно, и стоятъ оныя далеко въ морѣ, имѣя на малыхъ судахъ къ Вексельюнде разѣзды; однако же разсуждается, что оныя корабли не вновь прибывшіе, но тѣ, которые въ Пиллау крусовали и смотрѣли нашего флота; о которыхъ, ради скорѣйшаго извѣстія, командированы отсель, до Пиллау и до Мемля по морскому берегу, нарочные, которымъ велѣно прибывшихъ напередъ на галіотахъ, какъ о числѣ французскаго флота, такъ и о выгрузкѣ при Пиллау артиллеріи, командирамъ обстоятельно дать знать; и къ адмиралу Гордану о томъ отъ меня писано. И какъ для того объявленія, такъ и для приуготовленія ради провозу нашей артиллеріи обрѣтается въ Пиллау адъютантъ мой и приуготовленія такіе

учинены, что по прибытіи въ выгрузкѣ и въ провозѣ оной никакой остановки быть не можетъ, а выгружаться оной кромѣ Пиллау другого способнаго мѣста не нахожу; а хотя, какъ и писалъ ко мнѣ Вашего Величества министръ, пребывающій въ Гагѣ, графъ Головинъ, еще въ секурсѣ городу Гданску отправляется изъ Кея, французскихъ два полка, однакожь наши посты, кои на той сторонѣ рѣки Вислы, и имъ прежде всего атаковать и черезъ оныя проходить надлежить, такъ надежно укрѣплены, что никакой опасности, хотя бѣ и тѣ два полка прибыли, не состоятъ, и могутъ они такихъ здѣсь солдатъ найти, которые, уповаю на милость Божескую и высокое Вашего Величества счастье, такой крѣпкой отпоръ имъ дать и съ такимъ же авантажемъ, какъ предъ симъ намъ Богъ подалъ; а то французское войско, которое при Мюнде въ лагерѣ стоитъ, дѣлаютъ себѣ для прикрытія, ретраншаментъ, и не дерзали послѣ первой атаки насъ въ другой разъ атаковать, а проходъ онымъ къ городу съ здѣшней стороны также пресѣкается, какъ и на той сторонѣ учинено; и о сдѣланномъ ретраншаментѣ Ваше Величество изъ приложеннаго при семъ чертежа *) Все-милостивѣйше усмотрѣть соизволите.

Объ отправленномъ сюда Вашего Величества флотѣ и артиллеріи я весьма радуюсь съ желаніемъ дабы подалъ Богъ вскорѣ оный на здѣшнемъ рейдѣ видѣть, и ежели за помощью Божескою нашъ флотъ счастливымъ прибытіемъ пріускоритъ французскаго второго секурса и за противнымъ вѣтромъ французскіе первые корабли изъ Пуцка за Оливу отъ здѣшняго рейда удариться не могутъ, то, по моему размышленію, могутъ тѣ ихъ корабли и люди, которые изъ нихъ на сухой путь транспортированы, — утратиться.

Отъ поляковъ здѣсь все въ покоѣ состоитъ и отъ имѣющихъ нашихъ развѣздовъ непрестанныя извѣстія получаютъ о ихъ обращеніи, дабы онымъ, ежели у нихъ охота будетъ къ намъ приближаться, можно было заблаговременно встрѣчу учинить.

Бомбардированіемъ и пушечною пальбою могу еще нѣсколько дней городъ посѣщать, пока осадная артиллерія на флотѣ прибудетъ; между тѣмъ атаки въ городу апрошами такъ близко производится, какъ до учиненію бреша потребно, и бываетъ за то съ непріятелемъ частыя акціи, какъ то третьяго дни и вчера непріятельскія вылазки на наши апроши чинились; токмо оныя съ немалымъ урономъ назадъ прогнаны, и за помощью Божескою донинѣ мы непріятелей нашихъ въ такомъ рещиетѣ имѣемъ, что ни съ котораго поста насъ выжить

*) Чертежа не сохранилось Д. М.

не могутъ, и потому надѣюсь по прибытіи осадной артиллеріи дѣлу нашему лучшее окончаніе получить.

Послѣднія изъ Варшавы Вашего Величества войска, подѣ командою полковника фонъ-деръ-Гагена, прибыли уже въ Торунь, откуда вскорѣ прибытія ихъ сюда ожидаю.

При здѣшнемъ Вашего Величества войскѣ состоитъ все благополучно, а прибывшій курьеръ Головинъ одержавъ будетъ здѣсь до прибытія Вашего Величества флота; а о здѣшнемъ обращеніи Ваше Величество соизволите усмотрѣть изъ приобщеннаго при семъ журнала. И донеся о семъ припадаю къ столамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 24 дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ. (Гл. Ар. Ин. дѣлъ; быв. кабин.; связ. 5).

№ LX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Понеже уповаю, что нѣкоторые при арміи Вашего Императорскаго Величества изъ генераль-маіоровъ такіе находятся, которые, за слабымъ ихъ здоровьемъ, настоящей своей службы исправлять не могутъ, а отъ кавалеріи, полку Олонецкаго, полковникъ Лессій, о которомъ я предъ симъ Вашему Величеству всеподданѣйше представлялъ по моей рабской должности, за добрые его и храбрые поступки въ томъ рангѣ, такой весьма суть человекъ достойный, какого при кавалеріи Вашего Величества здѣсь я не нашель; а при здѣшнемъ Вашего Императорскаго Величества войскѣ въ генералитетѣ обстоитъ крайняя нужда. Того ради, по моей рабской должности, всеподданѣйше Вашего Величества прошу, дабы оный полковникъ Лессій, по его этому достоинству, всемилоствѣйше отъ Вашего Императорскаго Величества во оный генераль-маіорскій рангъ былъ пожалованъ; на что ожидаю Вашего Величества всемилоствѣйшаго указа, припадаю къ столамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 24 дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ. (Гл. Ар. Ин. дѣлъ; быв. каб.; св. 5).

№ LXI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей указъ отъ 19-го дня сего мая, въ которомъ изволите всемиловѣйше повелѣвать по представленію прусскаго министра барона Мардефельта, какимъ образомъ съ городомъ Гданскомъ въ извѣстной медиации мнѣ поступать, я вчерашняго числа, черезъ нарочнаго штафета, получилъ; на который симъ всеподданѣйше доношу, какъ я въ семь дѣлѣ, по силѣ Вашего Императорскаго Величества прежнихъ указовъ и до получения оного рескрипта, всякое исполненіе чинилъ и городу Гданску всякіе способы подавалъ королю, Августу Третьему, покориться, и чтобы того города магистратъ саксонскимъ министрамъ адресовались, и черезъ позволеніе тишины оружію, (въ которое время прусскіе министры, господа канцлеръ фонъ Грумкау и тайный совѣтникъ фонъ Брантъ, въ городъ пропущены были), тому магистрату всѣ отговорки пресѣчь, что не они сами причиною состоятъ, и отъ ихъ упрямства умышленно крайнее разореніе ихъ городу такими поступками чинить; потому жъ, тако и впредь, по силѣ Вашего Императорскаго Величества высокаго намѣренія, всевозможные способы и какъ путь къ высокой Вашего Императорскаго Величества милости, такъ и правильному наказанію по обстоятельству конюктуровъ—оному городу безъ препятствія оставлю. Изволили Ваше Императорское Величество всемиловѣйше изъ прежнихъ моихъ всеподданѣйшихъ рапортовъ пространно усмотрѣть, что всѣ покоренныя оного города письма донныѣ подъ видомъ пронырства были; а именно, 1) представленную медиацию короля Августа министровъ—въ смѣхъ поворотили, и въ отвѣтъ своемъ, какъ изъ приложенной копіи усмотрѣть соизволите, ни однимъ словомъ объ оной не упомянули. 2) Дабы депутатовъ изъ города выслать для пропозиціи Вашего Императорскаго Величества и его королевскаго величества Августа Третьяго милостиваго намѣренія въ пользу ихъ безчасному городу—выслать и въ трактаты вступить отказали. 3) Купецкихъ людей и чужестранныхъ націй, которые ни чьей партіи не держатъ на имя Вашего Императорскаго Величества при той тишинѣ оружія учиненныя представленія—оныхъ изъ города выпустить не склонились. 4) Станиславской стороны держаться не отрицались, но болѣе правильное его избраніе признавали; 5) и нагло требовали, дабы армія

Вашего Императорскаго Величества, оставя осаду онаго города, прочь маршировали; а во время оной тишины оружія—исправляли работу около ихъ наружныхъ крѣпостей и палили изъ пушекъ по нашему генералитету; къ тому жъ французскій секурсъ въ Вевсельмюнде въ тожъ время приняли и какъ мнѣ на другой день по выходѣ изъ города прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ фонъ Брантомъ объявлено, что ему черезъ депутатовъ отъ магистрата декларовано было, что они другаго короля, кромѣ Станислава, не признавають, хотя и до крайнаго раззоренія доступятъ. Изъ чего Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, что отъ такого города милосерднымъ путемъ, котораго волность уже продана, ничего получить не можно, какъ то новою пробюю черезъ три дня окажется, ибо конфедерации маршалкъ со обрѣтающимися здѣшними совѣтники Рѣчи Посполитой паки учиня манифестъ послали въ городъ, котораго копія при семъ прилагается.

Представленіе барона фонъ Мардефельта Вашему Императорскому Величеству на какомъ вѣрномъ основаніи состоятъ легко разсудить можно, ибо прусскому двору довольно извѣстно, что Станиславъ съ своими адгерентами понинѣ въ Гданскѣ обрѣтается и безъ смертельнаго страха или плѣнства изъ города выйти не можетъ. А письма и курьеры между Вевсельмюнде, Лейбеномъ, Кестлиномъ и Берлиномъ ходять непрестанно въ оба пути, о чемъ господинъ баронъ фонъ Кейзерлингъ засвидѣтельствовать можетъ, и господа графы—фонъ-Секедорфъ и Ягушинскій довольно ко мнѣ о томъ же писали; а хотя бѣ вседневно изъ города въ Мюнде они письма не получали (которыя почнымъ временемъ съвозъ болота мимо ихъ шанцовъ или на малыхъ лодкахъ Вислою внизъ провозятся), то однако они сигналами между собою знаки даютъ. А прусскому двору довольно извѣстно, что магистратъ Гданскій нынѣ—яко рабы въ городѣ, а Понятовскій и маркизъ де Монтиа господами имѣются, которые королю французскому больше того услуги оказать и къ его пользѣ лучшей диверсіи учинить не могутъ, яко здѣшнее дѣло продолжить и Вашего Императорскаго Величества и саксонскія войска сколько можно удержать и тѣмъ себѣ похвалу нажить, чтобъ городъ до послѣдней погибели удержать; а ежели бѣ они съ Станиславомъ изъ города выѣхать могли, то бѣ городъ безъ всякой медиации себа уже поддалъ. Способы которыми Станиславской партіи въ городѣ кредитъ получили суть слѣдующіе, о которыхъ, отъ времени до времени довольно извѣстія получено: 1) обнадѣживали они, что Голландія и Англія допустить не можетъ оный городъ осадить и бомбардировать. 2) Помощью, которую сначала

отъ шведовъ получали и приближающимъ чирскаго и любельскаго секурсовъ, сподѣваясь россійскому войску, которое сначала въ не великомъ числѣ было, отпоръ учинить и оное искоренить безъ остатку, какъ то изъ многихъ польскихъ писемъ явствуетъ; къ тому жъ не безъ извѣстно, что простой народъ во Гданскѣ о числѣ россійскаго войска зѣло непристойно разсуждалъ. 3) Имѣя надежду на собственную свою силу, которую въ городѣ имѣютъ и на добрыя свои крѣпости и множественное число артиллеріи, тѣмъ уповали неприятелю надежный отпоръ учинить и опасались токмо одного бомбардированія, отъ котораго учиненный убытокъ король французскій имъ напередъ заплату учинилъ. 4) Что будто саксонская армія сюда не будетъ, а велѣно ей маршировать назадъ, понеже французовъ будто сорокъ тысячъ въ Саксонию вступать; которыя рѣчи Станиславъ самъ господину фонъ Грумбаху, какъ оный при утишеніи оружія въ городѣ ходилъ—сказывалъ. 5) Что сильный французскій секурсъ Станислава съ его адгерентами отъ осады избавить и вкупѣ съ марширующимъ во Гданску съ польскимъ войскомъ изъ города подъ конвоемъ провожденъ быть можетъ. 6) Понеже де будто вся Польша и Литва въ пользу Станиславову на кони сѣла, а малая часть, которая короля Августа партію держала, принуждена была и за отсутствіемъ онаго изъ Польши, отъ времени, до времени, меньше становится,—не въ состояніи находится Станиславской партіи противиться. Итако, 7) намѣреніе ихъ не инако, какъ Вашему Императорскому Величеству уже извѣстно, чтобъ Станислава до Кракова довести и тамъ короновать и на польскомъ престолѣ утвердить.

И симъ упованіемъ они до нынѣ себя утѣшаютъ, отъ котораго ихъ намѣренія ничто удерживаетъ, какъ только Ваше Императорское Величество войско, изъ чего безсомнѣнно послѣдуетъ, что оный городъ меньше саксонамъ, нежели войску Вашего Императорскаго Величества покорятся, развѣ къ тому совершенною погибелью принужденъ будетъ. И я, по своему низайшему мнѣнію, Мардерфельтово представленіе не инако признаваю, какъ желаю только извѣдать совершенное намѣреніе Вашего Императорскаго Величества, но однакожъ я не оставляю съ герцогомъ Вейсенфельскимъ, съ генераломъ Лессіемъ и съ прочимъ генералитетомъ прилежную консилію имѣть, какимъ бы наилучшимъ образомъ къ пользѣ Вашего Императорскаго Величества и интересовъ и дабы Вашего Величества армію въ другомъ мѣстѣ употребить можно, къ которому окончанію привести, и какъ донныя, такъ и впредь, денно и мощно, стараться по моей должности буду; и какъ то, не смотря на многія препятствія, мои главныя два намѣренія были и за помощью

Божьею не упущены; а именно, первое, чтобъ Станиславъ съ своими адгерентами изъ города уйти не могъ; второе, что всѣ приближающіеся къ городу секурсы счастливыми акціями одерживаны, городъ же въ скорой сдачѣ, времени до времени, въ такое утѣснѣніе приведенъ и сильнымъ бомбардированіемъ уповательно, что по прибытіи Вашего Императорскаго Величества флота всему дѣлу вскорѣ желательное окончаніе получить можно будетъ.

Что же Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволите склоненіе свое оказывать, ежели отъ города миллионъ ефимковъ арміи Вашего Величества дано будетъ, и то долженъ признать будетъ природное великодарство Вашего Величества; ибо при такихъ немалыхъ убыткахъ, которые донинѣ армія имѣла и впредь оной на исправленіе потребно будетъ, одинъ миллионъ зѣло мало, къ тому жъ городъ Гданскъ, какъ извѣстно, отъ Франціи гораздо болѣе того одними деньгами получилъ и напередъ какъ слышно карта бланжу, королевскою рукою подписанную, у себя имѣеть, всѣ убытки и разоренія оному городу заплатить.

Понеже саксонское войско сюда не въ великомъ числѣ прибыло и изъ тѣхъ которые со онымъ изъ Познани здаровыми отправились немалое число нынѣ въ болѣзни впали, отчего и отправление при атакахъ болѣе въ тягость Вашего Императорскаго Величества войску, того ради всеподданѣйше представляю: не соизволите ли всемилостивѣйше наискрѣпчайшимъ подтвержденіемъ требовать, дабы его королевское величество польской, еще полковъ своихъ сюда приумножилъ и тяжелую артиллерию свою приказалъ немедленно привести. Впрочемъ сего числа доносилъ мнѣ тайный совѣтникъ Симонисъ, что экипажъ его королевскаго величества сюда слѣдовать указъ имѣеть.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 26-го дня 1734 г.

Предѣстье Оръ. (Г. Арх. Ин. дѣлъ. Дѣла быв. кабин; связка 5).

№ LXII.

Ея Императорскаго Величества всеподданѣйшій докладъ.

Кирасирскаго полку о корнетѣ Бауманѣ, который будучи въ Гамбургѣ для привоу на кирасирскіе поля лошадей, при командѣ подполковника фонъ-Милгейма, безъ позволенія отъ команды отлучился въ городъ Бреславль, изъ котораго онъ родомъ, гдѣ содержится и по-

нынѣ подѣ карауломъ; а присланною ко мнѣ оттуда челобитною просить всеподданѣйше, для многолѣтнаго Вашего Императорскаго Величества здравія, о прощеніи вины своей, со обѣщаніемъ, чтобъ взятое съ собою незаслуженное денежное жалованье и полученные кормовые деньги въ тотъ полкъ возвратить по прежнему. Я поданнымъ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйшимъ докладомъ просилъ о свободѣ онаго корнета Баумана изъ подѣ ареста, когда взятыя онымъ деньги въ полкъ возвращены будутъ, и о увольненіи его безъ абшита изъ службы Вашего Императорскаго Величества, о всемилостивѣйшемъ указѣ. Токмо оный корнетъ и понынѣ содержится въ томъ городѣ и непрестанно просить о высокой Вашего Императорскаго Величества къ нему милости. Того ради нынѣ всеподданѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу о свободѣ онаго корнета Баумана изъ подѣ ареста, по увольненіи за вину его изъ службы Вашего Величества безъ абшита, о всемилостивѣйшемъ Вашему Императорскому Величеству указѣ.

Мая 27 дня 1734 г.

Изъ книги копій (М. От. Ар. Гл. Штаба; опись 192; книга 5).

№ LXIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Сего числа его королевскаго величества польскаго, тайный военный совѣтникъ Симонисъ, по указу его королевскаго величества подаль мнѣ сообщеніе, кажимъ образомъ, отправленный отъ его величества ко двору порты аттаманской, эмиссаріусъ, по прибытіи на границу, по указу порты оттоманской, благополучно принять, и отъ границы къ Ниссову пропущенъ; по которой благосклонности такое упованіе имѣется, что порта оттоманская его величества за законнаго избраннаго короля признаетъ и во всемъ склонна себя окажетъ; каковы сообщенія при семъ къ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше прилагаю и припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Münnich.

Мая 27 дня 1734 г.

Орь.

№ LXIV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Его королевскаго величества прусскаго черезъ министровъ ко мнѣ представлено: понеже де и въ нынѣшнее время всякіе и здѣшніе купцы имѣютъ свободный торгъ въ Ригѣ и въ Митавѣ, а изъ великаго княжества литовскаго нагруженные суда, именуемая витины, съ товаромъ отъ войскъ Вашего Императорскаго Величества командующими офицерами къ Кенигсбергу пропущены не бывають, отчего въ сборѣ пошлыны и коммерціи прусскимъ купцамъ великій недостатокъ чинится, о чемъ де черезъ министровъ ко двору Вашего Императорскаго Величества представленія учинены, и требовали дабы оныя суда пропускаемы были безъ задержанія. Почему писано отъ меня къ генераль-маіорамъ—Измайлову и Бисмарку, дабы обывателямъ въ ихъ коммерціи, кромѣ того что до содержанія войска Вашего Величества въ сборѣ по тарифу надлежить,—никакого помѣшательства чинено не было, и всѣ суда, именуемая витины, были пропускаемы безъ удержанія, ежели въ томъ Вашего Величества именнымъ указомъ, имѣющимся у нихъ ордерамъ—не противно. Того ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу о пропускѣ показанныхъ судовъ съ товаромъ изъ великаго княжества литовскаго до Кенигсберга и прочихъ мѣстъ о всемиловѣйшемъ указѣ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Мая 27-го дня 1734 г.
Предмѣстье Орь.

№ LXV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

При семъ къ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше прилагаю рапорты о состояніи Вашего Величества регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ при атакѣ города Гданска и прочихъ мѣстахъ, и коликое число изъ того здоровыхъ, больныхъ и раненыхъ; а котя, по силѣ Вашего Императорскаго Величества именныхъ указовъ, о при-

совокупленіи войскъ изъ Варшавы и Торуня, какъ для атаки города Гданска и Вексельмюнде, такъ и удержанія французовъ, которые почти особливою атакой требуютъ,—стараніе имѣлъ; токмо изъ Варшавы и Торуня и изъ прочихъ мѣстъ, оставя безъ гарнизоновъ оныя мѣста саксонскими войсками,—отъ меня не приняты; и герцогъ Вейсенфельскій, и бискупъ познанскій, и саксонскіе министры мнѣ съ прошеніемъ представляли, дабы Варшава и Торунь безъ нашихъ войскъ оставлены не были, чтобъ наши непріатели всуе ихъ не разорили, какъ то и самая есть правда; а изъ Эльбинга, изъ Тщева и изъ Гнева оставшихъ нашихъ тамъ командъ взять и оныя мѣста оставить, какъ для коммуниваціи, такъ и для больныхъ и полученію оттуда на наше войско провіанта и прочихъ припасовъ,—не возможно; а марширующая изъ Варшавы послѣдняя команда, у которой будетъ около двухъ тысячъ, уже Торунь миновала, и уповаю скорого оной сюда прибытія. Въ прочемъ же при здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи состоитъ благополучно.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Münnich.

Мая 28 дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ.

Съ № LXIII—№ LXV изъ 5 связки дѣлъ большаго кабинета Гл. Ар. Ин. дѣлъ.

№ LXVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше и съ великою радостью доношу, сего момента получилъ я изъ Пиллау извѣстіе, что сего числа, по полуночи въ 9-мъ часу, за помощью Божьею, флотъ Вашего Императорскаго Величества къ Пиллау прибылъ благополучно и стануть осадную артиллерію на мелкіе суда выгружать со всякимъ возможнымъ послѣженіемъ; которою, зѣло важною и радостною, возможностью Вашего Величества всенижайше поздравляю и чрѣтомъ доношу: понеже вѣтеръ стоитъ зѣло благополучный нашему флоту до здѣшняго рейда слѣдовать, того ради писалъ я господину адмиралу Гордану, дабы оный, оставя для прикрытія тѣхъ флейтовъ, на которыхъ артиллерія погружена, нѣсколько судовъ, по его разсмотрѣнію, и

слѣдовать сюда безъ замедленія, ибо французскаго флота военныхъ кораблей не болѣе пяти, или шести здѣсь имѣется, да транспортныхъ толкое жъ число, и ежели они съ здѣшняго рейда не отдалятся, то можно оныя, пока еще оныхъ не приумножится, безуспѣшно атаковать, и за помощью Божьею уповать викторію получить. О чемъ донесли припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Мая 28 дня 1734 г. (Книга копій. М. От. Ар. Г. Штаба, опись 149; № 5.)

№ LXVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Обрѣтающійся здѣсь графъ Огинскій, воевода Троцкій, подалъ мнѣ письмо отъ его королевскаго величества польскаго, котораго копію при семъ всеподданѣйше прилагаю; и притомъ имѣлъ разсужденіе, яко бы войски Вашего Величества, состоящія въ Литвѣ, ко искорененію противной партіи не имѣли совершеннаго попеченія и добраго поиску; на что я оному воеводѣ отвѣтствовалъ, что Ваше Императорское Величество изволите имѣть въ Литвѣ при войскахъ искусныхъ генераловъ, которые, по силѣ Вашего Величества указовъ, изъ высокаго намеренія о общемъ покоѣ въ Польшѣ, паче же въ Литвѣ, которая на самой Вашего Величества границѣ имѣется,—всѣ способы употреблять не оставятъ и по крайней возможности непріятеля разганивать. Поже помянутымъ письмомъ его величество требовать изволилъ о приумноженіи команды князя Вишневецкаго, того ради я на сіе отвѣтствовалъ, что то приумноженіе состоитъ въ высочомъ соизволеніи Вашего Императорскаго Величества, а къ генераль-маіорамъ Измайлову и фонъ-Бисмарку писалъ съ такимъ предложеніемъ, дабы они во искорененіе тамошнихъ нашихъ противныхъ партій, изыскивая всѣ къ тому возможные способы, поступали по имѣющимся у нихъ Вашего Императорскаго Величества указамъ и инструкціямъ неотмѣнно, какъ надлежитъ искусному генералитету; а Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданѣйше о томъ рапортую и предаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Мая 28 дня 1734 г. Предмѣстье Оръ. (Г. Ар. Ин. дѣлъ; св. 5.)

Р. S. Сего часу былъ у меня помянутый графъ Огивскій съ маршаломъ конфедераціи Понинскимъ, которымъ я рапортъ генералъ маіора Бисмарка о бывшемъ въ Вильнѣ трибуналѣ объявлялъ, чѣмъ они весьма довольны и Вашему Величеству всеповорное приносятъ благодареніе.

№ LXXVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

При семъ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше прилагаю рапортъ о состояніи Вашего Величества регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ при атакѣ города Гданска и во прочихъ мѣстахъ, изъ того здоровыхъ больныхъ и раненныхъ. А хотя по силѣ Вашего Императорскаго Величества именныхъ указовъ о присовокупленіи войскъ, какъ для атаки города Гданска и Минды, такъ и для удержанія французовъ, которые почти особливою атакіи требуютъ,—изъ Варшавы и Торуня и изъ прочихъ мѣстъ, оставя оныя безъ гарнизоновъ стараніе имѣлъ, токмо оныя мѣста саксонскими войсками отъ меня не приняты. И герцогъ Вейсенфельскій, и бискупъ познанскій, и саксонскіе министры съ прошеніемъ мнѣ представляли дабы Варшава и Торунь безъ нашихъ войскъ оставлены не были, чтобъ наши непріатели во всемъ не разорили, какъ то и самая есть правда. А изъ Эльбинга, изъ Тщевы, изъ Гнѣва нашихъ тѣмъ командъ взять и оныя мѣста оставить, какъ для коммуникаціи, такъ и для больныхъ и полученія оттуда на наше войско провіанта и прочихъ припасовъ—невозможно. А марширующая изъ Варшавы послѣдняя команда, въ которой будетъ около дву тысячъ, уже Торунь миновала и уповаю скорого оной сюда прибытія. Въ прочемъ же при здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи состоятъ благополучно. Донесши о семъ, припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.

F. d. Munnich.

Мая 28 дня 1734 года.

Предмѣстье Оръ. (Г. Ар. Ин дѣлъ, св. 5).

О состоянии именованных, обратившихся при атаке города Гданска: драгуновских и пехотных полков, и нерегулярных войск за дальними отлучками.

Р а н г и .	П о л о ж е н и я .										З а В а с л о в ы в р е д у т а х и п р о - т и в ы В е н с е л ь м ю н д е .														
	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы	В о л о к н я н ы					
Штабъ-оенцеровъ.....	1	1	2	3	1	3	2	2	3	2	1	3	2	1	37										
Оберъ-оенцеровъ.....	8	10	16	13	14	18	14	18	12	17	16	20	8	13	12	18	11	9	18	4	11	15	11	299	
Унтеръ-штабъ.....	15	10	18	24	19	14	16	4	7	17	7	14	18	18	11	21	8	1	18	4	18	7	17	308	
Унтеръ-оенцеровъ.....	16	8	16	22	20	22	16	15	21	13	29	21	18	15	38	20	16	6	18	6	18	26	21	430	
Капр. и рядовыхъ.....	311	278	408	498	433	596	498	465	554	552	670	747	481	644	529	510	300	362	400	200	529	701	677	11286	
Нестровыхъ.....	81	36	54	99	38	68	88	79	92	77	112	113	79	65	81	47	69	28	128	9	59	108	24	1594	
Итого.....	381	348	507	661	511	715	636	595	679	675	781	918	603	761	657	622	407	439	568	219	637	859	751	18835	
Штабъ-оенцеровъ.....	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	
Оберъ-оенцеровъ.....	—	—	1	—	2	5	2	5	6	2	5	6	5	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	49	
Унтеръ-штабъ.....	—	3	—	—	1	—	2	1	—	1	2	—	3	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	17	
Унтеръ-оенцеровъ.....	—	1	6	—	2	2	6	8	5	3	3	2	2	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	49	
Капр. и рядовыхъ.....	11	43	35	49	28	68	100	134	188	71	114	54	179	58	116	14	8	4	44	—	31	45	27	1468	
Нестровыхъ.....	—	6	2	9	4	10	5	4	11	11	4	6	9	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95	
Итого.....	11	53	44	58	37	101	116	152	161	88	128	66	196	61	131	17	8	5	48	—	34	53	27	1687	
Всего здоровыхъ и больныхъ.....	392	396	551	719	548	819	752	747	840	768	869	984	799	822	788	689	415	444	616	219	671	912	778	15562	
Н е с е р е г у л я р н ы е .																									
Гусаровъ.....																									
Калиновъ.....																									
Казановъ { Донскихъ.....																									
{ Малороссийскихъ.....																									
Слободскихъ.....																									
Итого.....																									
Всего регулярныхъ и нерегулярныхъ.....																									

Христовооръ граеъ Мшнихъ.

Колкое число нижесланныхъ полковъ и командъ въ Варшавѣ, въ Торунѣ, въ Эльбингѣ, въ Гшевѣ и въ Гневѣ и въ прочихъ мѣстностяхъ обрѣтается людей здоровыхъ и больныхъ.

Всеподлиннѣйшій рапортъ.

УЧЕТЪ.

Д р а г у н о в ы х ъ П ѣ х о т н ы х ъ

Р а н г и .

Полки.	Владимирскій.	Тверской.	Пермскій.	Ингерманландскій.	Каргопольскій.	Тобольскій.	Новгородскій.	Рижскій.	Олонезскій.	С.Петербургскій.	У-й Московскій.	Кіевскій.	Троицкій.	Новгородскій.	Смоленскій.	Великолукскій.	Архангелогородскій.	Нарскій.	Тобольскій.	Углицкій.	Копорскій.	Ладожскій.	ИТОГО.
--------	---------------	-----------	-----------	-------------------	----------------	-------------	---------------	----------	-------------	------------------	-----------------	-----------	-----------	---------------	-------------	----------------	---------------------	----------	-------------	-----------	------------	------------	--------

Здоровыхъ.	Штабъ-офицеровъ.....	1	5	1	1	1	2	2	4	1	3	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	6
	Оберъ-офицеровъ.....	11	5	5	5	1	2	2	2	2	13	3	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	58
	Унт.-штабъ.....	4	—	7	5	3	5	1	6	—	24	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	62
	Унтерь-офицеровъ.....	14	11	4	4	3	2	5	1	4	1	28	3	1	3	3	—	1	1	1	1	1	91
	Капрал. и рядовыхъ.....	284	169	168	182	62	176	53	142	20	357	8	4	17	8	10	20	11	2	2	19	1612	
	Нестроевыхъ.....	68	34	12	19	27	68	2	39	—	32	15	10	3	8	1	8	15	7	10	10	—	894
	Итого.....	332	219	187	161	96	261	59	195	21	457	27	16	7	31	10	20	36	22	15	14	22	2218

Больныхъ.	Штабъ-офицеровъ.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Оберъ-офицеровъ.....	2	—	1	3	3	1	—	1	—	3	1	—	2	—	1	2	1	—	1	—	1	11
	Унт.-штабъ.....	—	4	4	3	3	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
	Унтерь-офицеровъ.....	2	—	1	3	2	2	—	3	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
	Капрал. и рядовыхъ.....	54	39	44	37	62	26	1	58	—	79	149	151	68	88	26	101	178	82	159	68	85	54
	Нестроевыхъ.....	5	10	5	3	15	5	—	15	—	—	2	2	—	1	—	1	6	2	5	1	4	95
	Итого.....	63	58	55	51	89	35	1	82	—	82	158	158	68	91	26	111	191	87	171	69	48	140

Всего здоровыхъ и больныхъ.....	395	272	242	212	185	286	60	277	21	543	185	174	75	122	36	131	227	109	186	83	65	161	4046
Итого.....	63	58	55	51	89	35	1	82	—	82	158	158	68	91	26	111	191	87	171	69	48	140	1826

Кадетовъ.....	6	8	14
Донскихъ.....	376	166	532
Слободскихъ.....	150	20	170
Магдоросійскихъ.....	56	11	67

Итого.....	588	195	783
Всего р е г у л я р н ы х ъ п о л к о в ѣ р е г у л я р н ы х ъ	2806	2023	4829

Да оставлено для гарнизона командированныхъ отъ разныхъ полковъ: въ Варшавѣ 800, въ Торунѣ—400. Итого 1200. Всего регулярныхъ и нерегулярныхъ здоровыхъ и больныхъ 6020.

Христофоръ графъ Минихъ.

№ LXXI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу—осадная артиллерія съ ея амунициею при Пиллау на малыхъ судахъ почти уже вся перегружена, и я уповаю, что она сегодня въ Гельфъ прибудетъ, въ которомъ мѣстѣ во отвозу оной сухимъ путемъ всякія приуготовленія учинены и подводы въ готовности имѣются.

Господину адмиралу Гордану каждаго дня отъ меня писано, чтобъ по выгрузкѣ артиллеріи французскую эскадру атаковать, а потомъ, ежели помощью Божьею она побѣждена или отогнана будетъ на здѣшній рейдъ стать, чтобъ прибывши передъ французскій секурсъ одержать могъ. На что сего числа изъ Пиллау извѣстіе получилъ, что вчерашняго числа пополудни благополучнымъ вѣтромъ оный флотъ нашъ къ здѣшнему рейду пошелъ, котораго всякій часъ здѣсь видѣть ожидаю. По полученію перваго извѣстія о прибытіи Вашего Императорскаго Величества флота въ Пиллау учиненъ здѣсь былъ консилиумъ, а что по общему согласію за лучшее предвоспріятію признано, то явствуетъ изъ приложенной при семъ копіи. Вчерашняго числа паки о томъ же собраніе было и положено по согласію Вексельмюнде безъ упущенія времени и съ ревностью атаковать. А причины тому склоненію суть слѣдующія: 1) понеже флотъ нашъ не въ маломъ опасеніи на здѣшнемъ рейдѣ, или въ Пуцкомъ заливѣ, быть можетъ, пока помянутая Минда въ непріятельскихъ рукахъ состоятъ будетъ, а напротивъ того ежели нами возмется, то можетъ оной въ морѣ, гдѣ къ лучшему авантажу мѣсто изыщеть находится; 2) съ морской стороны вся надежда новому секурсу пресѣчется; 3) чрезъ оное взятіе могутъ съ нашей стороны около пяти тысячъ человекъ, которые донныѣ отъ російскихъ и савсонскихъ войскъ для удержанія непріятельскаго секурса и блокады Вексельмюнде при морскомъ берегѣ имѣется противъ города употреблены быть; 4) Станиславъ съ своими адгерентами ни на какомъ фрегатѣ или прамѣ пройти не можетъ; 5) отчего на послѣдокъ городъ съ имѣющимъ во ономъ станиславскими адгерентами сколько не сдержався, отдаться принужденъ будетъ.

Вчера отъ непріятеля великій прамъ и галіотъ съ пушками отъ Вексельмюнде въ нашимъ Зомершанцамъ пошелъ, и хотя вѣтеръ онымъ зѣло способенъ былъ, но однакожъ нашею пушечною пальбою

изъ помянутыхъ шанцовъ близко подойти оныхъ не допустили, а приуждены были явори бросить и съ самаго утра до вечера непрестанно по нашимъ шанцамъ пальба происходила, и болѣе четырехъ сотъ выстрѣловъ большихъ калибровъ было, однакожь нашихъ пушекъ и дѣйствию не повредили. И тою большою пушечною пальбою съ нашей стороны убитъ—одинъ драгунъ, да ранено трое; и разсужденіе имѣлось, что при такой жестокой пальбѣ отъ непріятеля нашъ Зомершанецъ атакованъ будетъ, однако того не послѣдовало и сего числа пальбы больше не имѣется, изъ чего явно, что и сіе французское намѣреніе исполнится не могло, а напротивъ того какъ посланный отъ меня генераль-адъютантъ мой Ферморъ, (который въ томъ Зомершанецѣ вчерашняго дня обрѣтался), рапортовалъ, что отъ нашей пушечной пальбы непріятельскому галіоту и праму немалыя поврежденія учинены и рѣдкое ядро мимо оныхъ миновало.

По вѣдомостямъ изъ Саксоніи обнадеживаютъ, что „1200“ пѣхоты и „500“ легкихъ драгуновъ сюда маршировать будутъ для приумноженія ихъ здѣшняго войска, а о королевскомъ прибытіи сюда пока тихо стало; въ войскѣ же ихъ много больныхъ имѣется, а наши, за помощью Божьею, какъ раненые, такъ и больные, паки въ здоровьѣ приходятъ, и нѣкоторые изъ раненыхъ оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ уже службу отправляютъ; и вышеписанными мы войско свое приумножимъ противъ поляковъ противленіе учинить, въ тому жъ немалая слава намъ быть можетъ, ежели французовъ атаковать будемъ.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ сіе, по общему согласію положенное, намѣреніе Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше апробовать не изволили, и въ той надеждѣ всѣ къ тому приуготовленія чинятся, и какъ скоро флотъ Вашего Величества на здѣшній рейдъ прибудетъ, то я самъ въ Гейбуду, для бытія при главной атакѣ, за Вислу, отправлюсь и непріятеля сильнѣйшимъ образомъ атаковать буду, во время той атаки городъ Гданскъ со всѣхъ сторонъ бомбандировать по возможности и можетъ послѣдовать, что отъ великого страху, оный звукъ съ Миндою сдаться принуждетъ будетъ, ибо нынѣ въ ономъ, какъ слышно, отъ болѣзни многіе помираютъ.

На посланное письмо въ городъ Гданскъ отъ маршала конфедерации Понинскаго, отвѣтъ при семъ прилагается, изъ котораго асно можно видѣть, что городъ погибели своей отвратить власти не имѣетъ. Третьяго дни при нашихъ Винтершанцахъ протануть черезъ Вислу рѣку вмѣсто цѣпей—бревна, связанныя канатами, чрезъ которыя, уповаю, ходящія изъ Минды въ городъ и изъ города суда, впредь возможность совершатся, могутъ удерживаны быть; а при Гейбуде Висла рѣ-

а чрезъ нѣсколько дней судами, которые затапливаются—вовсѣ засорится.

Въ прочимъ же при здѣшнемъ Вашего Величества войска состоитъ все благополучно о чемъ объявляю припадаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Мая 31 дня 1734 г.

Предѣстье Оръ (Г. Ар. Ин. дѣлъ; коб. дѣла; св. 5).

№ LXXII *).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Изъ всемилоствѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа и приложеннаго экстракта, усмотрѣль я въ какой силѣ отъ шведскаго двора жалоба на меня произошла, и коимъ образомъ пребывающій шведскій посланникъ при Дворѣ Вашего Величества министрамъ представленіе чинилъ, и какъ мнѣ впредь противъ шведскаго народа и плѣнниковъ ихъ поступать, и по возможности того убѣгать, чтобъ къ тайнымъ нареканіямъ и жалобамъ причины не подать. И по силѣ оного, Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшаго указа, особливо же что до шведскихъ плѣнниковъ касается, ежели Богъ намъ впредь оныхъ поручитъ, всенижайше исполнять буду.

При семъ же Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше донести долженъ нахожусь, какъ о томъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что на пути моемъ во Гданску, въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ, извѣстился, коимъ образомъ Станиславъ и городъ Гданскъ одинъ шведскій транспортъ за другимъ получали, а по прибытіи моемъ отсюда такую вѣдомость изъ разныхъ польскихъ, шведскихъ и гданскихъ писемъ за истинную правду изобрѣлъ; причемъ же обнадеживаніе онымъ чинено, что въ Швеціи по пяти человекъ изъ роты, ради того изъ службы уволены, дабы къ Станиславу во Гданскъ послать

*) Съ № LXVII до LXXII взято изъ дѣлъ бывшаго кабинета; связка 5-я (Г. Ар. Ин. Дѣлъ).

оныхъ можно было, и чтобъ оныя вкупѣ съ желающими, большими людьми, которые въ Швеціи ради станиславской службы публично вербованы были, до пяти тысячъ, въ секурсъ набрать.

Въ нѣкоторыхъ же письмахъ упоминается, что многіе шведы желали къ Станиславу въ службу перейти, ежели бѣ тѣмъ одержаны не были, что извѣстіе получили, коимъ образомъ Гданскъ армією Вашего Императорскаго Величества зѣло крѣпко осаженъ, а польская армія, которую ожидали, — побита и отогнана; изъ чего оныя шведы себѣ мало авантажу уповали и тѣмъ удержались.

А большая часть помянутыхъ писемъ (которыя почти всѣ въ городъ посланы) наполнены были многими непристойными поношеніями о арміи Вашего Императорскаго Величества.

По силѣ приложеннаго обличенія, подѣ литерою А, явствуетъ, что шведскій министръ графъ Корнъ, отходящимъ офицерамъ изъ ихъ службы приговаривалъ въ станиславскую службу вступить, а изъ приложеннаго оригинальнаго письма къ Руденшильту дознаться можно, что онъ тайно корреспонденцію въ пользу станиславской партіи, а въ противность Вашего Императорскаго Величества интересу имѣлъ; итакъ я помянутаго Руденшильта не иначе, какъ за такого шведа признаваю, который къ явнымъ непріятелямъ Вашего Императорскаго Величества склонность имѣетъ, и ежели бѣ онъ, такъ какъ прочіе обрѣтающіеся въ Гданскѣ, ни къ которой партіи, касающіеся пуйсандовъ министры - резиденты и консулы учинили, чтобъ изъ города ко мнѣ выѣхалъ, и о чемъ надлежало бѣ своей націи касающейся корреспонденціи учрежденіе учинилъ, то бѣ онъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ и прочіе, во всемъ удовольствованъ былъ; а письма, которыя на первыхъ одержанныхъ почтахъ къ нему были, оныя по желанію его посланы; что же онъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ упоминалъ, что Вашего Императорскаго Величества министрамъ въ Стокгольмѣ того никогда не учинено, что ему послѣдовало и то больше указываетъ безъ основанія бытъ; ибо онъ, Руденшильтъ, не при Дворѣ Вашего Императорскаго Величества обрѣтается, но въ городѣ Гданскѣ, у Вашего Императорскаго Величества непріятели, и какъ не сомнѣваюсь, что ко онымъ и окредитованъ, и по всѣмъ военнымъ резонамъ изъ осаженнаго города никакой корреспонденціи имѣтъ не позволяется, а Вашего Императорскаго Величества при шведскомъ дворѣ министръ въ тайной корреспонденціи въ препятствіе шведскаго интереса, по примѣру онаго Руденшильта, никогда не имѣетъ.

А какъ я обличительныя пробы въ рукахъ имѣлъ, что онъ Руденшильтъ станиславской партіи и Вашего Императорскаго Величе-

ства непріателемъ подлинно склоненъ и какъ мнѣ тогда извѣстно было, что онъ въ томъ великую жалобу приносилъ, что чужихъ купцовъ письма мною удержаны были, то я извѣстные письма къ нему послалъ, изъ которыхъ бы онъ видѣть могъ, что и въ самой Франціи о Станиславѣ разсуждали. А кромѣ сего и прежнихъ шведскихъ писемъ, о которыхъ я Вашему Императорскому Величеству уже доносилъ, до сего времени никакія другія до рукъ моихъ не доходили, понеже оныя другою тайною дорогою принашивались; а понеже мнѣ особливо извѣстно оказанныя отъ Вашего Императорскаго Величества славныхъ предковъ неисчисленнымъ знатнымъ шведскимъ фамиліямъ невзреченныя милости, но однако же шведскаго народа войска въ Гданскѣ противъ Вашего Императорскаго Величества служить, и съ чужестранными людьми не позволительную въ противность Вашего Императорскаго Величества высокой славы интересу корреспонденцію содержать, между которыми Руденшильтъ самъ причтенъ быть можетъ.

Того ради я обнадеженъ пребываю, что Ваше Императорское Величество за поступки мои противъ онаго Руденшильта гнѣва не возымѣете, а его величество король шведской, напротивъ того, за благо не приметъ, что онъ, Руденшильтъ, съ непріателемъ Вашего Величества корреспонденцію имѣлъ. О чемъ донесли, припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 4-го дня 1734 г.

Изъ предмѣстья Оръ. (Г. Арх. Ин. дѣлъ; дѣла быв. кабин.; св. 5).

№ LXXIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловитѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше при семъ прилагаю присланное письмо до Вашего Величества отъ его королевскаго величества польскаго Августа Третьяго, въ которомъ приносятъ Вашему Императорскому Величеству о генераль-маіорѣ Люберасѣ прошеніе; также всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе доношу, что его жъ величество и генераль графъ Секемдорфъ, да бискупъ познанскій, Хосіусъ, ко мнѣ объ немъ же писали, дабы я его, генераль-маіора, изъ-подъ аресту свободилъ, въ тавой силѣ,

что онъ, генераль-маіоръ, изъ Варшавы сюда скоро не маршировалъ, яко бы показывая ревность его величеству королю Августу, которое его королевскаго величества подлинное ко мнѣ письмо и на оное соотвѣтствія моего копію при семъ же всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству представляю. А понеже по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу велѣно было мнѣ команду свою здѣсь приумножить и собрать полки и команды въ одно мѣсто, что по здѣшнимъ конейктурамъ весьма было потребно, чего ради я, по силѣ онаго Вашего Величества всемилостивѣйшаго указу многократно строгими къ нему, генераль-маіору, ордерами предлагалъ, дабы онъ команды своей съ бывшими въ Варшавѣ, Тиботинѣ и въ Пулковскѣ полками и командами маршировалъ сюда со всякимъ поспѣшеніемъ и нѣскольکو тысячъ къ намъ для секурсу впередъ отправилъ; но токмо онъ, генераль-маіоръ, хотя къ нему о немедленномъ въ маршу приуготовленіи до моего предложенія и отъ генерала Лессія посланы были неоднократные ордера, не толико съ продолженіемъ остался, но ту команду, также артиллерію и ея служители и инженеровъ, въ коихъ здѣсь крайняя находилась нужда, и изъ здѣшнихъ полковъ палатокъ, противно моихъ ордеровъ, сюда не отправилъ; что я видя, не изыскавъ другаго способа, чтобъ та команда могла сюда неотмѣнно въ маршъ выступить,—приказалъ команду принять надъ тѣми полками старшему полковнику фонъ-дерь-Гагену, а его, генераль-маіора, отрѣшить и арестовать. Сверхъ же того, оный генераль-маіоръ, по силѣ своей должности, въ прочихъ случаяхъ непорядочно себя содержалъ, какъ изъ приложенныхъ при семъ пунктовъ, по которымъ онъ допрашиванъ будетъ,—явствуетъ.

А я долженствую всѣхъ состоящихъ подъ моею командою къ службѣ Вашего Императорскаго Величества принуждать и всѣ интересы охранять; того ради какъ скоро онъ, генераль-маіоръ, сюда прибудетъ опредѣлено отъ меня черезъ генеральной кригсрехтъ, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ, о томъ порядочно изслѣдовать и къ надлежащему окончанію привести; а по изслѣдованіи объ немъ кригсрехтъ для учиненія высокаго указу къ Вашему Императорскому Величеству немедленно сообщено будетъ.

Послѣдніе варшавской команды полки, которые оттуда за немѣнѣемъ судовъ сухимъ путемъ маршировали, нынѣ прибыли сюда въ лагерь и при нихъ показанный генераль-маіоръ Люберасъ, который долженъ былъ просить о своемъ погрѣшеніи всемилостивѣйшаго у Вашего Императорскаго Величества прощенія и о томъ представить чрезъ своего надъ нимъ командующаго генералитета, но токмо

онъ то презря, какъ кажется, искалъ себѣ способа у чужестранныхъ дворовъ и министровъ, какъ изъ вышеписанныхъ писемъ разсудить можно.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Мивихъ.

Юня 4-го дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ. (Г. Ар. И. дѣлъ. Дѣла бывш. каб., св. 5-я).

№ LXXIV.

Пункты, по которымъ генераль-маіора фонъ-Любераса допрашивать надлежитъ и ему на оныя отвѣтствовать.

1.

Съ котораго по которое число онъ команду имѣлъ въ Варшавѣ.

2.

Какая ему инструкція дана и отъ кого.

3.

О состояніи той своей команды колико онъ рапортовалъ и кому.

4.

Получилъ ли онъ отъ генерала и кавалера Лессія ордеръ, дабы ему съ командою къ маршу изъ Варшавы въ готовности быть и надлежащія суда къ той на рѣкѣ Вислѣ приуготовить, и которыхъ чиселъ тѣ ордеры получалъ.

5.

Имѣлъ ли стараніе въ приуготовленіи тѣхъ судовъ и кому о томъ приказывалъ.

6.

Ежели тѣхъ потребныхъ судовъ не пріискалъ, чего ради не могъ приказывать сдѣлать такихъ плотовъ, дабы съ командою и тягостию свободно могъ по рѣкѣ Вислѣ водою маршировать.

7.

Имѣлъ ли стараніе, чтобъ изыскавъ способъ о командѣ своей рапортовать къ своему генералитету.

8.

Не было ль на его команду непріятельскаго нападенія и не учинилось ли какого упадку, а особливо казавамъ.

9.

Которыхъ чиселъ, какъ часто и чрезъ кого получалъ онъ отъ генераль-фельдмаршала и графа фонъ-Миниха ордера о немедленномъ маршированіи съ командою своею ко Гданску, оставя нѣсколько сотъ человекъ въ Варшавѣ.

10.

Чего ради по силѣ тѣхъ подтвердительныхъ ордеровъ не отправилъ команды напередъ, ибо ему предложено дабы не ожидавъ прибытія изъ Тивотина и Пултуска полковъ.

11.

Вѣдалъ ли онъ, что сначала марта мѣсяца городу Гданску атака чинилась и въ людяхъ, артиллеріи и амуниціи, и артиллерійскихъ, и инженерныхъ служителяхъ не малая нужда находилась.

12.

Для чего къ той атакѣ города Гданска артиллеріи съ ея амуниціею, такожъ и служителей артиллерійскихъ и инженерныхъ напередъ не отправилъ и у себя напрасно держалъ.

13.

Понеже онъ, генераль-маіоръ, по штату не при арміи, но при инженерномъ корпусѣ состоитъ, и по именному Ея Императорскаго Величества указу командированъ изъ Санктъ-Петербурга къ арміи къ правленію генераль-квартирмейстерской должности, которую генераль-квартирмейстера и инженерную должность могъ при арміи наипаче подъ Гданскомъ исправлять; чего ради къ тому желанія и склонности

не имѣлъ, и генералитету не представлялъ, дабы командированъ былъ въ такой важной должности, ибо и кромѣ его могъ бы изъ армейскихъ полковниковъ тою командою въ Варшавѣ командовать.

14.

Имѣлись ли палатки и прочія тягости, изъ которыхъ стоящихъ подъ Гданскомъ полковъ при его командѣ въ Варшавѣ и чего ради не отправилъ въ тѣмъ полкамъ.

15.

Удовольствоваль ли той своей команды полки всѣмъ чѣмъ надлежить а особливо обувью, ибо явились здѣсь, прибывшіе изъ Варшавы, солдаты въ худой обуви.

16.

Какіе полки провіантъ, фуражъ и прочее все исправно получили, и имѣется ли о томъ надлежащій счетъ, какъ по силѣ Ея Императорскаго Величества указу надлежить.

17.

Въ бытность его при кадетскомъ корпусѣ—не издержано ль нѣсколько тысячъ денежной казны безъ письменныхъ ордеровъ и безъ квитанцій.

18.

При ономъ же корпусѣ не опредѣлили ли онъ излишнихъ сверхъ штата какихъ служителей.

19.

Для чего въ бытность его при томъ же корпусѣ кадетскомъ о расходѣ денежной казны не сочинено, по силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ,—надлежащихъ счетовъ.

20.

Получалъ ли онъ отъ генералъ-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Минниха о тѣхъ непорядкахъ нѣсколько ордеровъ и въ которыхъ числахъ, и чего ради на оныя не отвѣтствовалъ и исполненій по онымъ не чинилъ.

21.

Чего ради инженеръ-поручику Мальдеману какимъ образомъ ему при строеніи Нарвской крѣпости поступать не надлежащую инструкцію далъ, и затѣмъ при брешѣ и бастіонѣ Гоноре, въ прошедшемъ годѣ, никакой работы не было, и тотъ брешъ понынѣ не задѣланъ, о которомъ строеніи отъ генерала фельдмаршала часто и строго ему предлагаемо было.

22.

По посланнымъ изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи указовъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, для чего никакого исполненія не учинилъ и безъ всякой экспедиціи оставилъ.

23.

Чего ради о нынѣшнемъ своемъ порѣшеніи прощенія не приносилъ.

№ LXXV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, по выгрузкѣ артиллеріи на флотъ Вашего Величества на Пиллаванскомъ рейдѣ, о воспріятіи оному обратнаго пути къ Наргину острову,—былъ консилиумъ содержанъ; а въ какой силѣ кончился, соизволите Ваше Императорское Величество изъ приложенныхъ подъ номеромъ 1-мъ Всемиловѣйше усмотрѣть; а по моимъ неоднократнымъ письмамъ къ господину адмиралу Гордану послѣдовало, чтобъ оный флотъ къ здѣшнему рейду путь возымѣлъ, и прошедшей пятницы въ вечеру благополучно на здѣшій рейдъ прибылъ.

И послѣдовала изъ того польза, что французская эскадра отсюда отдалилась и какъ слышно прямо къ Зунту и уповательно паки во Францію путь свой взяла; а французскій фрегатъ о 30 пушкахъ, который при Вексельюнде оставался, принужденъ ретироваться и сѣлъ на мель и избавленіе оному получить трудно будетъ. А сего іюня 2-го числа, ради консилиума съ господами флагманами, ѣздилъ я самъ на флотъ и какъ общее ихъ мнѣніе вразумѣлъ, что со флотомъ при здѣшнемъ рейдѣ стоять не можно, сообщены были отъ меня пункты, съ

которыхъ, такожь де и съ ихъ отвѣту, копія при семъ, подь номеромъ 2-мъ, прилагается. И понеже весьма то нужда скрытно содержать, того ради, между тѣмъ временемъ, пока оный одержанъ быть можетъ, начали сегодня бомбардиръ—галіотомъ Вексельмюнде и французскій лагерь бомбардировать, а французскій фрегатъ, сколько возможность допустить, будемъ разорять, между тѣмъ флотъ дровами и прѣсною водою въ запасъ снабждать, и потомъ съ здѣшняго рейда, подь видомъ яко бы французскую эскадру сыскивать, оной въ море отпустится; а ежели жъ впредь въ морѣ долъ пробыть не можетъ, то общають отпустить нѣсколько артиллеріи, а изъ Либавы до Пиллау рекрутъ привести и воспріять путь свой обратно.

А отпраленные напередъ наши три галіота въ непріятельскія французскія руки попались, и какъ изъ приложеннаго подь № 3-мъ отъ примаса письма видно, что они тѣмъ зѣло хвастають, и вмѣсто трехъ галіотовъ, пять російскихъ военныхъ кораблей, со всѣми привезенными бомбами будто взяли,—именуютъ. Изъ того жъ письма видѣть можно: во-первыхъ, что сидящіе въ городѣ Гданскѣ о помощи своей великую заботу имѣють; 2) что они токмо на поляковъ надѣются, 3) а поляки надѣются на французовъ; 4) чтобъ впредь болѣе секунсу къ нимъ прибыло—худую надежду имѣють; 5) что бѣ Станиславъ и никто, изъ его генераловъ изъ города еще не отлучились, 6) и что они въ великомъ утишеніи пребываютъ, понеже послѣ того какъ цѣпь черезъ Вислу рѣку отъ насъ протянута, никто болѣе изъ города и въ городъ ни подь какиимъ видомъ пройти не могъ.

Вчерашняго числа прибылъ сюда господинъ графъ Сурковскій который у его величества короля польскаго въ великой милости находится и за его величество рукою кредитивъ ~~финъ~~ вручилъ, и въ генеральныхъ терминахъ обнадеживалъ, что его королевское величество всевозможные способы употребить не оставитъ здѣшнія дѣла къ скорому окончанію привести, и на вопросы мои о прибытіи сюда его королевскаго величества о приумноженіи, его войска и артиллеріи отвѣтствовалъ мнѣ, оной графъ, что то зависить до свободнаго проѣзду черезъ прусскія земли.

У атаки города и Минды имѣло препятствіе доннѣ съ саксонской стороны, какъ изъ приложенія видно; а понеже я болѣе напрасно время пропустить не желаю, того для вчерашняго числа послалъ отъ меня за рѣку Вислу напередъ инженеры, а завтра или по крайней мѣрѣ послѣ завтра и самъ туда жъ отпращиваюсь, и будемъ, съ помощью Божьею, Минду и французовъ атаковать. При адѣшнемъ саксонскомъ войскѣ немоцствуютъ многіе солдаты лихорадкама, которыхъ

осматривать, съ позволенія герцога Вейсенфельскаго, посылалъ я нашего доктора Нитша, который возвратясь меня рапортовалъ, что у нихъ не довольно докторовъ и лекарей имѣется и совѣтовалъ ихъ генералитету, чтобъ по примѣру нашему сверхъ штата нѣкоторое число оныхъ принято было. А герцогъ Вейсенфельскій о томъ зѣло попеченіе имѣть и здоровое войско свое, которыхъ не болѣе трехъ тысячъ семисотъ человекъ дѣйствительныхъ къ службѣ имѣется,—жалѣть оныхъ къ нуждѣ предать; а коликое число здѣсь польскихъ министровъ и генералитета, прилагается при семь регистеръ.

Привезенная на флотъ Вашего Величества артиллерія вся благополучно выгружена, и третьяго дни вечеромъ городъ пакы начать бомбардировать, а съ бомбордиръ—галіотовъ нынѣ Минда и французскій лагерь уже дѣйствительно бомбардируется, какъ о томъ, изъ приложенной при семь съ письма адмирала Гордана коши, Ваше Величество усмотрѣть соизволите; отъ котораго бомбардированія, не терпя страху онаго, не малое число обывателей изъ Вексельмюнде вышло въ саксонскій лагерь; а сего числа наша бомба въ городѣ въ великой пороховой магазинѣ попала, чѣмъ зѣло великій пожаръ учинился такожъ перебило.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 4-го 1734 г.

Предѣстье Оръ (Г. Ар. Ин. дѣлъ; св. 5. Дѣла бывшего кабинета).

№ LXXVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій указъ отъ 25 мая, я сего іюня 1-го дня получилъ, на которой симъ всеподданѣйше доношу.

О скорѣйшемъ взятіе города Гданска я поступаю, по моей рабской должности, по крайней силѣ и возможности; и флотъ Вашего Величества прибылъ, о чемъ пространно ссылаюсь на особливо отправленные на сей почтѣ мой всеподданѣйшіе рапорты.

О состояніи здѣшней команды обстоятельный рапортъ я Вашему Императорскому Величеству сообщу на предбудущей почтѣ, а нынѣ,

за прибытіемъ сего числа тѣхъ полковъ, кои изъ Варшавы отправлены, отъ коихъ такихъ рапортовъ въ скоромъ времени собрать было невозможно, отправленіемъ онаго ускорить не успѣлъ. О удержаніи писемъ, отправленныхъ яко бы изъ Гданска во Швецію,—суть неправда; о чемъ Ваше Величество соизволите усмотрѣть изъ особливаго моего всеподданнѣйшаго рапорта.

О пожалованіи Оловецкаго драгунскаго полка полковника Леслія въ генераль-маіоры, а поручика Генингаузена въ капитаны—извѣстенъ, и за таковую высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость рабское мое приношу благодареніе; который генераль-маіоръ Леслій службу свою полковникомъ добропорядочно продолжалъ съ 718 года. Въ прочемъ же при здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи состоитъ благополучно; а коликое число прибывшихъ здѣсь разныхъ атакахъ и вылазкахъ штабъ и оберъ-офицеровъ побито и отъ ранъ померло, о томъ Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ регистра.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 4-го дня 1734 г.

Предѣстье Оръ. (Гл. Ар. Ин. дѣлъ; св. 5; дѣла бывшаго кабинета).

№ LXXVII.

Р е г и с т р ъ.

О убитыхъ и отъ ранъ умершихъ при разныхъ атакахъ и вылазкахъ города Гданска. А именно:

П о б и т о.

Тобольскаго полка полковникъ Ганманъ.
Кіевскаго—премьеръ-маіоръ Иванъ Нелюбохтинъ.

К а п и т а н ы.

Углицкаго—Егоръ Высоцкой.
Тобольскаго—Германъ Яганъ фонъ-Графинъ.
Ладожскаго—Осипъ Кудавъ.
Второго Московскаго—Федоръ Бондыревъ.

П о р у ч и к и.

Углицкаго—Петръ Козловъ.
 Ладожскаго—Матвѣй Кармалинъ.
 Кіевскаго—Василій Аржевитиновъ.
 Новгородскаго—Захаръ Щукинъ.
 Того-жъ—Софронъ Давыдовъ.
 Второго Московскаго—Петръ Дашковъ.
 Архангелогородскаго—Федоръ Апочининъ.

П о д п о р у ч и к и.

Новгородскаго—Иванъ Лобановъ.
 Троицкаго—Шапочниковъ.
 Второго Московскаго—Василій Соболевъ.
 Того-жъ—Петръ Важеневъ.
 Мѣлозерскаго—Пасынковъ.
 Углицкаго—Петръ Марининъ.

П р а п о р щ и к и.

Второго Московскаго—Иванъ Аничковъ.
 Углицкаго пѣхотнаго—Никита Лаптевъ.
 Тобольскаго пѣхотнаго—Андрей Денисьевъ.
 Пермскаго драгунскаго—Пальмъ.

И того побито. { штабъ-офицеровъ 2.
 { оберъ-офицеровъ 21.

П о м е р л о о т ъ р а н ѣ.

Новгородскаго полка премьеръ-маіоръ Иванъ Ртищевъ.

К а п и т а н ы.

Кіевскаго—Ульянъ Макаровъ.
 Архангелогородскаго—Осипъ Ушаковъ.

П о р у ч и к и.

Углицкаго—Андрей Зубовъ.
 Тобольскаго—прапорщикъ фонъ Гафштейнъ.
 И того умерло { штабъ-офицеровъ 1.
 отъ ранъ. { оберъ-офицеровъ 4.
 Всего побито и отъ ранъ померло 28 человекъ.

Христофоръ графъ Миннихъ.

Г. Ар. Ин. Дѣлъ; св. 5; дѣла быв. кабинета.

№ LXXVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу. По выгрузкѣ артиллеріи на флотѣ Вашего Величества на Пиллавскомъ рейдѣ, о воспріятіи оному обратнаго пути въ Нартину острову, былъ консилиумъ содержанъ, а въ какой силѣ кончился, соизволите Ваше Императорское Величество изъ приложенія, подъ № 7, всемилоствѣйше усмотрѣть; а по моимъ неоднократнымъ письмамъ къ г. адмиралу Гордану послѣдовало, что оный флотъ въ здѣшнему рейду путь возымѣлъ и прошедшей пятницѣ, ввечеру, благополучно на здѣшній рейдъ прибылъ.

И послѣдовала изъ того польза, что французская эскадра отсюда отдалилась и, какъ слышно, къ Зуйту, и, уповательно, паки во Францію путь свой взяла; а французскій фрегатъ о 30-ти пушкахъ, который при Вексельминдѣ оставался, принужденъ ретироваться и сѣлъ на мель, и избавленіе оному получить трудно будетъ.

А сего іюня 2 числа, ради консилиума съ господами флагманами, ѣздилъ я самъ на флотъ и какъ общее ихъ мнѣніе выразумѣлъ, что со флотомъ при здѣшнемъ рейдѣ стоять не можно, сообщены были отъ меня пункты, съ которыхъ, такожь-де и съ ихъ отвѣту, копія при семъ, подъ № 2, прилагается. И понеже весьма то нужно скрытно содержать, того ради, между тѣмъ временемъ, пока оный одержанъ быть можетъ, начали сегодня бомбардиръ-галіотомъ Вексельминде и французскій лагерь бомбардировать, а французскій фрегатъ, сколько возможность допустить, будемъ разорять. Между же тѣмъ флотъ дровами и прѣсною водою въ запасъ снабдѣвать и потомъ съ здѣшняго рейда, подъ видомъ яко бы французскую эскадру сыскивать, оный въ море отпустится, а ежели жъ впредь въ морѣ долѣ пребыть не можетъ, то обѣщаю отпустить нѣсколько артиллеріи, а изъ Либавы до Пиллау рекрутъ привезти и воспріять путь свой возвратно.

А отправленные напередъ наши три галіота въ неприятельскія французскія руки попались, и какъ изъ приложеннаго, подъ № 3-мъ, отъ примаса письма видно, что они тѣмъ зѣло хвастаютъ, и, вмѣсто трехъ галіотовъ, пять россійскихъ военныхъ кораблей со всѣми привезенными бомбами будто взяли—именуютъ; изъ того же письма видѣть можно, во первыхъ, что сидящіе въ городѣ Гданскѣ о помощи своей великую заботу имѣютъ; 2) что они только на поляковъ надѣются; 3)

а поляки надѣются на Французовъ, чтобъ впредь болѣе секунсу къ нимъ прибыло худую надежду имѣютъ; б) что Станиславъ и нѣкто изъ его адгерентовъ изъ города еще не отлучились; в) и что они въ великомъ утѣсненіи пребываютъ, понеже послѣ того, какъ цѣпь чрезъ Вислу рѣку отъ насъ протянута, нѣкто болѣе изъ города и въ городъ ни подъ какимъ видомъ пройти не могъ.

Вчерашняго числа прибылъ сюда г. графъ Сурковскій, который у его величества короля польскаго въ великой милости находится, и за его величества рукою кредитовъ мнѣ вручилъ и въ генеральныхъ терминахъ обнадеживалъ, что его королевское величество всевозможные способы употребить не оставитъ здѣшнія дѣла къ скорому окончанію привести; а на вопросы мои: о прибытіи сюда его королевскаго величества, о приумноженіи его войска и артиллеріи,—отвѣтствовалъ мнѣ оный графъ, что то зависитъ до свободнаго проѣзда чрезъ прусскія земли.

У атаки города или Минды имѣлось препятствіе донимѣ съ саксонской стороны, какъ изъ приложенія видно; а понеже я болѣе напрасно времени пропустить не желаю, того для вчерашняго числа посланы отъ меня за рѣку Вислу напередъ инженеры, а завтра или по крайней мѣрѣ послѣ завтра и самъ туда жъ отправлюсь, и будемъ съ помощію Божіею, Минду и французовъ атаковать. При здѣшнемъ саксонскомъ войсѣ не моществуютъ многіе солдаты лихорадками, которыхъ осматривать, съ позволенія герцога Вейсенфельскаго, послалъ я нашего доктора Нитша, который, возвратясь, меня рапортовалъ, что у нихъ недовольно докторовъ и лѣкарей имѣется, и совѣтывалъ я ихъ генералитету, чтобъ, по примѣру нашему, сверхъ штата нѣкоторое число оныхъ принято было, а герцогъ Вейсенфельскій о томъ зѣло попеченіе имѣетъ и здоровое войско свое, которыхъ не болѣе 3700 человекъ дѣйствительно къ службѣ имѣется, жалѣетъ оныхъ къ нуждѣ предать; а коликое число здѣсь польскихъ министровъ и генералитета обрѣтается, прилагается при семъ регистръ.

Привезенная на флотъ Вашего Величества артиллерія вся благополучно выгружена, и третьяго дня вечеромъ городъ паки начать бомбардировать, а бомбардиръ—галіотомъ нынѣ Минда и французской лагерь уже дѣйствительно бомбардируются, какъ о томъ изъ приложенной при семъ съ письма адмирала Гордона копіи Ваше Величества усмотрѣть соизволите; отъ котораго бомбардированія, не терпя страха онаго,—немалое число обывателей изъ Вексельминде вышло въ саксонской лагерь; а сего числа наша бомба въ городъ въ вели-

кій пороховой магазинъ попала, чѣмъ зѣло великій пожаръ учинился, такожъ и тревога.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Юня 5 дня 1734 г.

Предиѣстье Оръ. (Г. Ар. Ин. дѣлъ; св. 5; дѣла бывш. Кабинета).

№ LXXIX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Понеже по именному Вашего Императорскаго Величества указу прибылъ сюда генераль-маіоръ Бахметьевъ, да по всемилоствѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу жъ пожалованъ генераль-маіоръ Лессій; итакъ и при здѣшней Вашего Императорскаго Величества арміи нынѣ обрѣтается генералитета: генераль полный—одинъ, генераль-лейтенантовъ—два, генераль-маіоровъ—четыре, которыми я весьма доволенъ; о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше о семъ рапортую.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ

Христофоръ фонъ-Минихъ.

Юня 11-го дня 1734 г.

М. От. Ар. Гл. Штаба. Книга коній; опись 192; книга 5.

№ LXXX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше чрезъ сіе имѣю честь донести, при самомъ отправленіи сего курьера, присланъ ко мнѣ изъ Минды, отъ тамошняго коменданта, офицеръ съ прошеніемъ, дабы позволено было выслать имъ сюда дву(хъ) офицеровъ для учиненія капитуляціи о сдачѣ оной Минды, что имъ и позволено, и уповаю, Божьею помощію и высокимъ Вашего Величества счастьемъ, оною вскорѣ овладѣть; и понеже сіе мѣсто всю городу Гданску къ полученію

секурса надежду отыметь, то уповаю и оный городъ, за помощьюъ Божескою, къ скорѣйшему покоренію привести. Что же учинится, о томъ Вашему Императорскому Величеству тотчасъ всеподданнѣйше доносить буду. А сію капитуляцію оную Минду принудило чинить то, что французы и шведы оную оставили; о чемъ донеся, припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго. Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Юня 12-го дня 1734 г.

М. От. Ар. Г. Штаба, опись 192; книга 5. Книга коній.

№ LXXXI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствивѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу. По зачатію дѣлать противъ Вексельмюнде апрошъ, производилась та работа такъ благополучно, что ни единого человѣка не утратилось; потомъ посылалъ я въ оную Минду во французскому бригадиру де-ла-Моту и полковнику Штапельбергу, которые оною крѣпостью командуютъ, тако жъ и капитану Пацеру, который тамо комендантомъ имѣется, и требовалъ письменно о сдачѣ оной крѣпости, съ объявленіемъ ежели въ трии сутки не сдадутъ, то никакой капитуляціи дано не будетъ, какъ изъ приложенія подъ литерою А всемилоствивѣйше усмотрѣть соизволите. На что вышепоманутыя персоны письменно ко мнѣ отвѣтствовали и просили позволенія нѣкоторыхъ офицеровъ въ городъ впустить, на учиненныя мои предложенія отъ Станислава и прочихъ ихъ командировъ,—резолуцію получить, и чтобъ ради того на трии сутки быть тишинѣ оружію, что имъ отъ меня и позволено было, а паче тѣхъ резоновъ ради, что у насъ ни одной батареи въ готовности еще не было, а артиллерія токмо на сухой берегъ выгружалась, чего для по непріятелю пальбы производить не можно было, онъ же, напротивъ того, могъ бы великую вреду и въ работѣ помѣшательство чинить, чего мы тою тишиною оружію въ работахъ нашихъ, которыя въ то время производить выговорено было,—миновали и съ великимъ успѣхомъ тѣмъ временемъ, денно и ночью, производили батареи, изготовили мортиры и пушки, дѣйствительно на оныя поставили, безъ всякаго упадку и опасности отъ непріятельской пальбы.

Впущенные въ городъ офицеры сего іюня 10-го числа изъ города обратно возвратились и надежно объявляли мнѣ, что Станиславъ и марки де-Монтій въ томъ намѣреніи обрѣтаются—до послѣдняго человека обороняться, и уповали, что Вексельмюнде можетъ по крайней мѣрѣ четыре недѣли держаться; а между тѣмъ прибудетъ сильный французскій секурсъ и ежели де Минда прямо будетъ обороняться, то наша вся инфантерія можетъ утратиться; на что я имъ отвѣтствовалъ, что имѣется отъ нашихъ министровъ, изъ Голландіи и Англіи, извѣстія, по которымъ ни малой надежды нѣту французскому секурсу сюда быть; а они тѣмъ, что нашъ флотъ на здѣшнемъ рейдѣ обрѣтается, отъ всей помощи безнадежны находятся, и ежели до окончанія времени вышепомянутой тишины оружію не сдадутся—онимъ никакой капитуляціи, ниже квартиры, дано будетъ.

На что вчерашняго числа по утру присланы были ко мнѣ изъ французскаго лагеря четыре человека депутатовъ, а съ часть послѣ того прибылъ полковникъ Штапельбергъ и заключена съ ними капитуляція, какъ съ оной копія при семъ явствуетъ, чѣмъ Ваше Императорское Величество всеподданѣйше поздравляю, ибо сколь скоро французы на нашъ флотъ посажены будутъ, то здѣшнія дѣла вскорѣ въ другое состояніе и къ славѣ Вашего Императорскаго Величества окончаніе свое получить могутъ.

А французы вчера ввечеру дѣйствительно изъ Минды выбрались и оную оставили.

А о войскѣ томъ французскомъ и шведскомъ, которое при Миндѣ обрѣталось, хотя безсомнѣнно уповать можно было, чтобъ они нашего плѣнства со временемъ избавиться не могли, но однако какъ ихъ съ минденскимъ гарнизономъ не меньше дву тысячи человекъ обрѣталось, къ тому жъ, какъ мнѣ полковникъ Штапельбергъ заподлинно объявлялъ, что въ запасѣ провіанту на 6000 человекъ на полгода и довольное число амуниціи и артиллеріи во оной имѣется, изъ чего бы послѣдовало ежели бы ихъ къ тому принудить—немалое время къ покоренію прошло, а людямъ не безъ великаго урону было.

Флотъ же Вашего Императорскаго Величества,—который нынѣ съ немалою славою съ французами возвратится,—здѣсь великимъ коштомъ держаться принужденъ былъ: амуниціи же, бомбамъ, ядрамъ, пороху и свинцу, при взятіи Минды, немалый расходъ учиненъ быть могъ, котораго всего минуемъ, ибо уповательно, что чрезъ нѣскольво дней Минда наша, и секурсъ городу Гданску вовсе тѣмъ пресѣченъ будетъ, а Вашего Императорскаго Величества войску немалая слава, что французы въ городъ попасть не могли. А при атакѣ нашихъ ретран-

шаментовъ побиты и ко учиненію капитуляціи на послѣдокъ при-
нуждены; особливо же—къ великой славѣ Вашего Императорскаго Ве-
личества и къ природному великодушію Вашего Величества во всемъ
свѣтѣ причтено будетъ, что погибающему непріятелю такія высоко-
милостивыя кондиціи даны; а провіантъ, который имъ данъ будетъ, въ
десять мѣръ въ Миндѣ уповаемъ получить.

Нынѣ мое единое попеченіе въ томъ состоитъ, чтобъ въскорѣ Мин-
дою овладѣть, что за помощью Божьею безсумнѣнно уповаю; а мин-
денскій комендантъ, капитанъ Пацеръ, вчера вечеромъ паки офицера
ко мнѣ прислалъ съ неотступнымъ прошеніемъ, дабы еще одного офи-
цера въ городъ впустить для полученія послѣдней резолюціи, также
чтобъ мы работою нашею во время тишины оружію, которая еще на
двои сутки продолжна, къ крѣпости не приближались, въ чемъ ему
отказано; и хотя онъ на то объявлялъ, что по работѣ нашей палить
будутъ, однакожь той смѣлости до сего часу не имѣли. А работою
нашею мы уже къ самымъ палисадамъ приблизились безъ воспреще-
нія, и повелѣно ежели они начнутъ то бѣ, того жъ часу, отъ насъ
бомбардированіе производить.

По окончанію дѣла съ Миндою намѣреніе мое—съ здѣшней сто-
роны городъ бомбардировать по Станиславской квартирѣ и облегающее
около оной мѣсто, именуется Лангартъ, куда большая часть его адге-
рентовъ и обывателей ретировалась.

О польскихъ партіяхъ Вашему Императорскому Величеству все-
подданнѣйше доношу, что Шливенъ и Молжинскій собираются къ То-
рунѣ, а Тарло и Чирскій—около мѣстечка Ховинць; токмо оны
главнаго дѣла воспретить намъ не въ состояніи; а на встрѣчу онымъ,
съ тысячею человекъ драгунъ, командированъ полковникъ Кропотовъ,
къ тому жъ имѣются непрестанные разъѣзды для полученія объ нихъ
подлиннаго извѣстія.

Привезенная осадная артиллерія и амуниція вся счастливо вы-
гружена, и изъ оной никакой траты не учинилось. Въ прочемъ со-
стоитъ при арміи Вашего Императорскаго Величества все благополучно.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 12 дня 1734 г.

Въ Гельбудѣ.

Гл. Ар. Ин. дѣл. Дѣла быв. кабинета; св. 5.

№ LXXXII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ 6-го сего іюня я вчерашняго числа, чрезъ нарочнаго, присланнаго курьера Маврина, получилъ, и симъ всеподданѣйше доношу.

Что до скорѣйшей редукиці города Гданска и окончанія здѣшнихъ дѣлъ касается, то я въ томъ, по моей всеподданической должности, только старанія моего имѣю, сколько въ человѣческой возможности состоитъ; и какимъ образомъ обрѣтающіеся здѣсь французы и шведы меня просили о дачѣ имъ капитуляціи и о выпускѣ изъ здѣшнихъ мѣстъ и какая отъ меня на то имъ учинена резолюція и совершенная капитуляція—Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть пространно изъ особливаго моего всеподданѣйшаго рапорта и приложенныхъ при томъ копій; и понеже мы нынѣ, отъ оныхъ неприятелей, свободныя руки имѣть будемъ; то о скорѣйшемъ города повореніи, а особливо Минды, всякихъ способовъ употреблять не оставлю, сколько мнѣ Богъ да поможетъ; и уповаю на милость Божескую, Минду вскорѣ въ своихъ рукахъ видѣть, а и городъ надѣюсь упрямства своего не преминили.

Что до французскаго флота касается, оный, какъ только получилъ извѣстіе, залопдлинно, о прибытіи Вашего Величества флота, то немедленно ретировался; изъ котораго нѣкоторая часть, какъ по извѣстіямъ находится, въ Копенгагенъ прибыли; а только застали здѣсь одинъ фрегатъ, который сѣлъ на мель, и изъ него все французами выгружено и на легкихъ судахъ увезено, а онъ и понинѣ на той мели стоитъ и отъ флота Вашего Величества не мало поврежденъ, и нынѣ оный въ нашихъ рукахъ.

Отправленная на флотъ Вашего Величества артиллерія почти вся уже выгружена, и довольное число для атаки Вексельмюнде, таковъ и противъ города, въ нашихъ батареяхъ поставлена въ дѣйствию въ готовности, а достальную уповаю вскорѣ выгрузить и на мѣсто поставить и дѣйствія оюко производить. Объ отпускѣ жъ, въ добавку оной, со флота Вашего Величества потребнаго числа къ адмиралу и кавалеру Гордану, я, по силѣ оного Вашего Величества именнаго указу, писалъ.

Послѣдняя варшавская команда сюда уже прибыла, а въ какой силѣ по прибытіи оной здѣшняго Вашего Императорскаго Величества армія состоитъ въ числѣ людей, о томъ, по силѣ полученнаго предъ симъ Вашего Величества именнаго указа, при семъ всеподданѣйше прилагаю, съ показаніемъ расходовъ, обстоятельный рапортъ. Адресованный Вашего Величества къ оберъ-штаб-мейстеру графу фонъ-Левенвольду указъ, о пропускѣ чрезъ прусскую землю, отправляемыхъ въ здѣшній корпусъ, рекрутъ, я вчерашняго числа чрезъ штафетъ, по полученіи, тотчасъ отправилъ.

О корнетѣ Бауманѣ, по силѣ онаго Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, исполненіе учинено будетъ.

По силѣ, сообщенной при ономъ Вашего Величества именномъ указѣ, съ посланнаго къ адмиралу Гордану указу, копіи, объ отдачѣ въ комплектъ здѣшняго корпуса со флота рекрутъ и солдатъ, — къ нему, адмиралу Гордану, отъ меня писано.

Въ прочемъ же при здѣшней Вашего Величества арміи состоять благополучно; о чемъ, донося, — ссылаюсь на особливой мой всеподданѣйшій рапортъ. Припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Графъ Христофоръ фонъ Минихъ.

Іюня 12 дня 1734 г.

Гегьбуда.

Гл. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла бывш. кабли.; св. 5.

№ LXXXIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вчерашняго числа Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доносилъ коимъ образомъ изъ Минды присланы были ко мнѣ офицеры съ прошеніемъ о учиненіи съ ними о сдачѣ оной Минды, капитуляціи; а сего числа, за помощью Божескою и высокімъ Вашего Императорскаго Величества счастіемъ, оная капитуляція, къ высокой Вашего Императорскаго Величества славы, заключена, и оная Минда нынѣ въ нашихъ рукахъ находится; которымъ высокімъ счастіемъ Ваше Величество, всемилостивѣйшую нашу Государыню,

всеподданѣйше поздравляю, и съ симъ, пріятнымъ Вашему Величеству, извѣстіемъ, отправленъ отъ меня флигель-адъютантъ мой Польтевъ. И понеже сія Мида нынѣ въ рукахъ нашихъ находится, то за помощью Божескою уповаю городъ Гданскъ предъ прежнимъ его суровствомъ отмѣнно учинить, и надѣюсь оной вскорѣ въ рукахъ своихъ имѣть; которымъ пріятнымъ Вашего Величества извѣстіемъ дай Боже вскорѣ имѣть честь мнѣ всеподданѣйше поздравленіе принести. Нынѣ же припадаю къ стопамъ. А въ какой силѣ оная капитуляція сочинена—со оной при семъ сообщаю копію.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.
Христофоръ графъ Минихъ.

Юня 13-го дня 1734 г.

Изъ Гельбуды.

Гл. Ар. Ин дѣлъ; дѣла быв. кабинета; св. 5.

№ LXXXIV.

Капитуловацные пункты.

Которыхъ, стоящее, французское войско, въ лагерѣ при фарватерѣ подъ Вексельмюндю, требовало и какая на то резолюція послѣдовала.

Резолюція.

по „1^а“-му.

Позволяется.

По „2^а“.

Позволяется, токмо съ такимъ договоромъ, что работы наши при атакѣ производить оставлены не будутъ.

Требованіе.

1.

Требуется, чтобъ тишину оружію еще на два дни продолжить, считая отъ того времени, какъ позволительная трехъ суточная тишина оружію окончится.

„2^а“.

Требуется, чтобъ никакихъ неприятельскихъ поступковъ противъ Вексельмюнде и Вестершанцовъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, не воспріимать, пока больные и раненные офицеры и солдаты съ ихъ: сварбомъ, лѣкарями, надзи-

рателями, тако жъ де хлѣбники и мастеровые люди, не выключая, какъ на сей сторонѣ, такъ и за Вислюю,—выведены не будутъ.

По „3“.

Сей пунктъ во всемъ позволяется, токмо съ тѣмъ толкованіемъ, чтобъ Вексельмюнде, во время вновь позволеннаго на двои сутки тишины оружію времени—сдалась; а французскому войску садеться по ротно на корабли, и какъ придутъ въ борту—отдавать свое оружіе подъ охраненіе нашему войску; когда жъ къ тѣмъ портамъ придутъ, гдѣ оныхъ на берегъ выпускать позво-лится, отдастся оружіе имъ и всегда онымъ всякую благопріязнь показывать обѣщается.

„3“.

Требуется, чтобъ обыкновенные военные знаки чести при нихъ оставить; яко то, съ распущенными знаменами, съ музыкою, со всѣмъ оружіемъ багажемъ изъ лагеря выступить, обратно во Францію отойти позволить, включая въ то офицерскій и рядовыхъ багажъ, маршанты и служители, солдатскія жены и дѣти; и дабы багажъ ихъ не осматривать и никто бъ, какого званія не былъ, обижень не былъ.

По „4“.

Позволяется.

„4“.

Чтобъ гардемариновъ, штюма-новъ и матросовъ съ ихъ багажемъ противъ вышечисанныхъ же отпустить, какъ то въ третьемъ пунктѣ показано.

По „5“.

Позволяется.

„5“.

Чтобъ отъ французскихъ канониръ 15 человекъ, которые вкупѣ съ чужестраннымъ войскомъ сюда пришли,—потому жъ отпущены были.

По „6“.

Позволяется.

„6“.

Чтобъ комиссару-ординатору, который при томъ войскѣ обрѣталъ

ся, потому же позволено было съ его служителями и багажемъ возвратиться.

По „7“.

Позволяется такимъ образомъ, что французское войско съ вышеписанными къ тому принадлежащими людьми къ одному порту Балтійскаго моря перевезены быть имѣють, гдѣ онымъ на французскую эскадру или на купеческіе корабли сѣсть; сверхъ же того о той гавани гдѣ со оными пристать обѣщается—разсужденіе имѣть съ адмираломъ російскаго флота.

По „8“.

Позволяется проиводить оное безповоротно.

По „9“

Позволяется со обѣщаніемъ о больныхъ и раненыхъ возможное вспоможеніе учинить.

„7“.

Требуется, чтобъ довольное число кораблей, ради транспорту до Копенгагена, какъ ихъ войска, такъ и экипажа, опредѣлено было, съ потребнымъ пропитаніемъ, пока они на морѣ будутъ.

„8“.

Чтобъ офицерамъ, солдатамъ и прочимъ, которые при томъ войскѣ имѣются, съ того времени какъ сія капитуляція подписана будетъ и пока на суда сядутъ—пропитаніе давано было.

„9“.

Требуется, чтобъ больныхъ и раненыхъ офицеровъ и рядовыхъ потребными медикаментами снабдить; а которые за болѣзнями и ранами транспортированы быть не могутъ, тѣхъ въ удобное мѣсто; съ ихъ багажемъ и служителями, отвести, и пока въ прежнее здорověе не придутъ и въ состояніи не будутъ ѣхать во Францію, оныхъ пицею и медикаментами довольствовать; а къ ихъ возвращенію вспоможеніе деньгами учинено будетъ.

По „10“.

Позволяется подь тѣмъ догово-
ромъ, что ежели російскаго или
саксонскаго войскъ дезертиры во
французскомъ лагерѣ найдутся,
оныхъ ниже держать ни пропита-
ніе давать.

У подлиннаго подписано:

Графъ Христофоръ фонъ-Минихъ.

„10“.

Французскимъ солдатамъ быть
въ показанныхъ мѣстахъ, гдѣ
впредь назначены будутъ и изъ
нихъ не отлучаться; напротивъ
того въ російской и саксонской
арміи запретить, чтобъ никто съ
ними обхожденія не имѣлъ и изъ
службы ихъ не подговаривалъ,
такоежъ де имъ нивакихъ обидъ
чинено не было, чего бѣ для поз-
волено было съ обѣихъ сторонъ
караулы имѣть и ихъ въ добромъ
сохраненіи содержать.

Что его превосходительство господинъ генераль-фельдмаршалъ
графъ фонъ Минихъ въ отвѣтъ своемъ въ третьемъ пунктѣ написать
соизволялъ, чтобъ Вексельминде во двои сутки и до окончанія ти-
шины оружію сдалась, на то въ отвѣтъ сообщаемъ, что мы, полно-
мочные, ниже подписавшіеся, не въ состояніи то учинить находимся,
ибо помянутая Вексельминде имѣеть особливаго коменданта.

У подлиннаго подписано:

Подполковникъ Вальянтъ.

Капитанъ дю-Эзе.

Капитанъ де-Белеть.

Комиссаръ Ордекоптэ-Сезанъ.

Өенинь.

На сіе позволяется, и ожидаю
отъ господина фонъ Штакельбер-
га шведскимъ офицерамъ именной
списокъ которымъ въ 24 часа
пашпорты даны будутъ, въ такой
надеждѣ, что въ томъ числѣ рос-
сійскіе и саксонскіе дезертиры
включены не будутъ.

Генераль-фельдмаршалъ фонъ
Минихъ.Главный Арх. Иностран. дѣла. Дѣла
быв. кабинета; св. 5.

Понеже его высотографское
сіятельство, російскаго импера-
торскаго Величества генераль-
фельдмаршалъ, графъ фонъ-Ми-
нихъ чрезъ письмо свое объявить
соизволялъ, что ежели пожелаю
съ обрѣтающимися при мнѣ швед-
скими офицерами, въ Швецію воз-
вратиться, его сіятельство насъ
обще-равномѣрно, какъ то фран-
цузскому войску чрезъ капитуля-
цію учинено, во Францію возвра-

тятся, и обѣщаль насъ снабдить пашпортами; чего ради вкупѣ съ шведской, націи со обрѣтающимися офицерами въ Вексельминде, — поже французы въ своей капитуляціи насъ не влючили, хотя мы въ службѣ короля французскаго обрѣтались и я нижеименованный особливо имѣлъ комиссію заготовленія въ магазинѣ, для содержанія французскаго войска, которое чрезъ возвратъ оныхъ окончилось, и того для такое обѣщаніе принялъ, — прошу вкупѣ съ прочими офицерами, чтобъ его высокографское сіятельство насъ пашпортами снабдить милостиво повелѣлъ.

Данъ въ Гельбуде 11—22 дня іюня 1734 г.

Полковникъ фонъ Штакельбергъ.

Секретарь Андрей Фенингъ.

№ LXXXV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе всеподданѣйше доношу, что вчерашней ночи французское войско, которое на сейкуръ къ городу Гданску приходило, на флотъ Вашего Величества погружены и въ море такъ далеко путь свой возымѣли, что сего числа изъ виду вышли; и обнадеженъ, что оной флотъ о томъ не сожалѣетъ, что здѣсь до тѣхъ поръ мною удержанъ былъ, пока Вексельминде ваята была.

Сія крѣпость Вексельминде и лежащая на противъ нея за Вислою крѣпость же, именуемая Вестершанцъ, приняты, — сего іюня 14-го дня и саксонскимъ войскомъ засажены, и притомъ случаѣ поставленъ былъ того дни російскій штандартъ и чинена была изъ всѣхъ пушекъ, которыя во оной имѣются, — пальба, въ присутствіи въ великомъ числѣ: російскаго, польскаго и прусскаго генералитета и министровъ; потому выведенъ былъ изъ оной крѣпости имѣющійся гданскій гарни-

зонъ съ ихъ оружіемъ, знаменами и двумя малыми пушками; а имѣлось онаго гарнизону около четырехъ сотъ человекъ.

15-го числа приведенъ былъ помянутый гарнизонъ къ присягѣ его королевскому величеству польскому, и употребляется оный нынѣ къ работамъ для разрушенія сдѣланныхъ апрошъ. Что во оной крѣпости: артиллеріи, военныхъ припасовъ и провіанта нами взято, прилагается, подъ литерою, А регистръ.

По отбытіи изъ оной крѣпости того же числа былъ я во французскомъ лагерѣ, который крѣпкимъ ретраншаментомъ обведенъ. а три полка ихъ, французскіе, стояли въ ружьѣ и бригадиръ де-ла-Мотъ передъ онымъ; и встрѣтили меня съ распущенными знаменами, съ музыкою и барабаннымъ боемъ, и въ проходѣ моемъ чинили офицеры салютации, а рядовые держали ружье на караулъ; и присмотрѣно мною что людъ изрядный и какъ слышно мало больныхъ имѣеть.

На обратномъ пути моемъ приступилъ помянутый бригадиръ де-ла-Мотъ и офицеры ко мнѣ съ прошеніемъ, чтобъ оныхъ на суда не грузить, а позволить бы остаться въ томъ лагерѣ, или въ прускую землю выступить, пока они отъ французскаго министра де-ла-Шетардіи (который при прусскомъ дворѣ обрѣтается), извѣстіе получаютъ, какимъ образомъ онымъ на французской эскадрѣ сѣсть можно, представляя, что они сомнѣніе имѣють, что россійскій флотъ оныхъ до шведскихъ финскихъ гаваней на сухой нуть не высаждать, и тѣмъ имъ зѣло дальній обратный путь учинится можетъ. И такая новая ихъ пропозиція учинена мнѣ не безъ сомнѣнія; однакожь при томъ обнадеживалъ я ихъ, что, по силѣ учиненной съ ними капитуляціи, со стороны нашей непрѣменно все свято содержано будетъ.

При Вексельминдскомъ фарватерѣ, или въ каналѣ, изобрѣлъ я французскій фрегатъ, который отъ російскаго флота ретировался и на мель посаженъ, на которомъ тридцать пушекъ имѣлось, да одинъ гуваръ, который марки де-Монти отъ шведовъ купилъ, имѣется на немъ четырнадцать пушекъ, да гданскій прамъ, на которомъ 8-мъ пушекъ, таковъ же взятые французами три россійскіе галіота въ добромъ состояніи; а со оныхъ галіотовъ одинъ мичманъ токмо здѣсь оставленъ былъ, а достальныя, отъ 80-ти до 90 человекъ,—съ французскою эскадрою увезены.

И какъ я всякими мѣрами о немедленномъ отправленіи оныхъ французовъ старался, которые уже совсѣмъ и убрались, получилъ на другой день отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда извѣстіе, что новый французскій секурсъ, состоящій въ восьми баталіонахъ на осьми военныхъ корабляхъ въ Балтическое морѣ про-

шелъ, чего ради я немедленно господину адмиралу Гордану о томъ сообщилъ съ требованіемъ, дабы французовъ немедленно на корабли принять и обратно съ флотомъ къ російскимъ гаванямъ слѣдовать; чего для, въ добавку осадной артиллеріи, ко атакѣ города Гданска, со-рока пушекъ и девятисотъ рекрутъ выгрузить не успѣли, и разсудилъ я лучше безъ оныхъ быть, нежели флотъ болѣе здѣсь удержать.

Я состою въ своемъ низжайшемъ мнѣніи и прошу Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше, чтобъ французамъ учиненную капитуляцію нерушимо содержать, изъ Бронштата вблизи лежащую шведскую гавань оныхъ транспортировать, ибо содержаніе оной капитуляціи причтется къ высокой славѣ Вашего Императорскаго Величества, а хотя французы фрегатъ Митаву и взяли, безъ объявленія войны между государствами, и услали во Францію, однакожъ я, при заключеніи той капитуляціи, о томъ извѣстепъ не былъ, и хотя до отдачи обратно онаго фрегата, его экипажа, такожъ де и плѣнныхъ какъ со онаго, такъ и съ трехъ галіотовъ, отомщеніе учинить и то-ликое число, изъ посаженныхъ французовъ на флотъ Вашего Величества, оставить можно; но однакожъ я и кромѣ того упованіе имѣю не чрезъ долгое время во Гданскѣ столько французскихъ плѣниковъ получить, что взятыхъ нашихъ на фрегатѣ размѣнить довольно будетъ.

Господъ шведовъ, которые въ Миндѣ и въ французскомъ лагерѣ обрѣтались, отпустилъ я съ паспортами, и было оныхъ, вкупѣ съ мипденскимъ гарнизономъ и съ французами, около дву тысячъ пяти сотъ человекъ, которые съ имѣющимся—провіантомъ, артиллерією и военными припасами безъ нужды, недѣли три, во оной крѣпости обороняться и съ нашей стороны немалого урону людей учинить могли. И понеже сія крѣпость ради того что двойные глубокіе рвы имѣеть, къ тому жъ французскій ретраншаментъ построенъ былъ, за крѣпкую причтена быть можетъ.

По окончаніи сей зѣло счастливой экспедиціи, начаты сего іюня 15-го дня, по ту сторону рѣки Вислы, новые апроши противъ Лангартена, ради бомбардированія Станиславской квартиры, о чемъ и въ городѣ знать дано; и потомъ прибылъ я пакы на сію сторону Вислы въ гауптъ-квартиру мою, и состоить въ томъ мое желаніе, чтобъ французскій новый секурсъ, который отъ пяти до шести тысячъ почитается, и при Вексельминдѣ больше выгрузиться не можетъ,—сюда прибылъ и потомъ безъ всякаго дѣйствія отойти принужденъ былъ.

Сего числа отдаемъ Богу благодареніе для взятія Вексельминде и отбытія нашего непріятеля, и по окончанію божественныя литургіи чинена будетъ пальба.

Сего іюня 12-го дня прислано отъ города Гданска прошеніе о учиненіи тишины оружію и о капитуляціи, въ чемъ я оному отказалъ, и требовалъ, чтобъ выслана была депутація, которая вчерашняго числа и прислана была. И о представленіяхъ ихъ долженъ бы я былъ Вашему Императорскому Величеству пространно донести, ежели бъ при отправленіи сего рапорта изъ города не высланы были коронной гвардіи полковникъ Барделебенъ, да маіоръ фонъ-Редебергъ именемъ отъ Станислава и отъ его адгерентовъ съ деклараціею, что они въ милости Вашего Императорскаго Величества праведному оружію и его величеству королю Августу Третьему себя подвергаютъ, и къ тѣмъ кондиціямъ, которые Вашему Императорскому Величеству угодны будутъ—добровольно склоняются и милости просятъ. И понеже я вышеписанныхъ Вашему Императорскому Величеству заподлинно яко военныхъ плѣнниковъ достать могу и сіе великое важное дѣло въ славному окончанію привести уповаю, при томъ же изъ многихъ рекрутъ и не бывалыхъ солдатъ противъ непріятелей храбрыми и искусными солдатами чрезъ сію счастливую экспедицію учинилъ, къ тому жъ и воспріятіе атаки противъ Вексельминде—въ противность совѣту общаго саксонскаго генералитета, и токмо одинъ господинъ генералъ Лессій въ томъ со мною согласенъ былъ,—къ счастливой послѣдствію воспріятъ, чѣмъ Ваше Императорское Величество всеподданѣйшее поздравляю, и припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 17-го дня 1734 г.

Предмѣстье Оръ.

Глав. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла быв. кабинета; св. 5.

№ LXXXVI.

При взятіи крѣпости Вексельмюнде сего іюня 14-го дня получено.

А именно.

- 1) Французскій фрегатъ съ 30-ю пушками, который, отъ російскаго флота ретируясь, сѣлъ на мель.
- 2) Гукаръ, который марки де-Монти отъ шведовъ купилъ, на которомъ 14 пушекъ.
- 3) Паромъ, строенный въ Гданскѣ, на которомъ 8 пушекъ.

Итого 52 пушки.

4) Три россійскіе галіота, которые французскою эскадрою въ полонъ взяты были.

Мѣдныхъ пушекъ.

4-хъ фунтовыхъ.....	5
3-хъ ".....	3
Итого.....	8

Чугунныхъ.

12-ти фунтовыхъ.....	4
9-ти ".....	2
6-ти ".....	17
5-ти ".....	16
4-хъ ".....	2
3-хъ ".....	2
Итого.....	43
Всего пушекъ.....	103

Мѣдныхъ мортиръ.

48 фунтовыхъ.....	2
Ручныхъ мортиръ.....	3
Дупельгаковъ.....	8
Фейерроровъ.....	50
Бомбъ.....	200

При вышеписанномъ имѣются лафеты и всѣ принадлежности въ добромъ состояніи.

Ядеръ.

12-ти фунтовыхъ.....	2052
9-ти ".....	18
6-ти ".....	3479
5-ти ".....	1028
4-хъ ".....	212
3-хъ ".....	480
Итого.....	7269

Картечь.

12-ти фунтовыхъ	227
9-ти „	235
6-ти „	203
5-ти „	340
4-хъ „	254
3-хъ „	44
Итого	<u>1303</u>

Готовыхъ картузовъ къ пушкамъ.

12-ти фунтовыхъ	42
9-ти „	52
6-ти „	137
5-ти „	101
4-хъ „	189
3-хъ „	100
Итого	<u>576</u>
Всего ядеръ, картечи и картузовъ	<u>9148</u>

Пороху.

Во всѣхъ магазинахъ найдено 451½ центнера, а пудами 1130.

Свинцу.

Въ большихъ ступахъ 150, а пудами 375.

5 ящиковъ съ патронами.

5 бочекъ съ патронами жъ.

2042 патрона.

Нѣсколько тысячъ ручныхъ гранатъ.

Ящикъ съ амунициею.

Ящикъ со скорострѣльными снарядами.

Свѣтлыхъ ядеръ и штурмъ-кранцовъ 54.

Двѣ бочки съ маршлагами.

14½ центнеровъ, или 36 пудовъ 10 фунтовъ, — селитры и сѣры.

99 мѣдныхъ ручныхъ гранатъ.

206 фузей и карабиновъ.

74 пистолы.

33 шпаги.

9 сабель.

15 штилетовъ.

И прочихъ разныхъ званій матеріаловъ къ лабораторіи принадлежащихъ.

Въ провіантскихъ магазинахъ найдено слѣдующее:

776 мѣшковъ муки.

6 ластовъ ржи.

30 карцовъ гороху.

8 мѣшковъ овсяныхъ и ячменныхъ крупъ.

7 мѣшковъ хмелю.

40 карцовъ крупъ.

3 1/2 бочки соли.

2 связки сухой рыбы трески.

1 1/2 бочки табачныхъ трубокъ.

11 мѣшковъ пшеничныхъ сухарей.

22 бочки ржаныхъ сухарей.

67 полтей ветчины.

45 штукъ копченаго мяса.

3 1/2 бочки водки.

15 штукъ аглицкихъ сыровъ.

1/2 ящика свѣчей.

3 1/2 бочки коровьяго масла.

3 1/2 бочки мяса.

2 1/2 бочки селдсей.

1 бочка сливъ.

Minnich.

Г. Ар. И. дѣль. Дѣла бывш. каб., св. 5-я.

№ LXXXVII.

Всересвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Хотя я вчерашняго числа чрезъ нарочнаго штафета Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ, коимъ образомъ присланы были ко мнѣ отъ города депутаты съ прошеніемъ о учиненіи съ тѣмъ городомъ капитуляціи, такожъ и отъ Станислава Лещинскаго коронной его гвардіи дву штабъ-офицерахъ, съ такимъ предложеніемъ, что онъ Станиславъ и его адгеренты склоняютъ себя

отдаться подь славное Вашего Величества оружіе; а сего числа, пополучи во 2-мъ часу, присланъ ко мнѣ отъ тамошняго магистрата парочный офицеръ съ письмомъ, чрезъ которое объявляютъ, яко бы главная персона изъ ихъ города вчерашняго числа, пополудни въ 4-мъ часу, отдалилась, котораго не иного, какъ Станислава Лещинскаго разумѣють. Токмо я сему извѣстію весьма не вѣроятенъ, ибо оный городъ нашими постами такъ окруженъ, что безъ смертнаго страха ему изъ города выйти не безъ труда и о крѣпкомъ онго смотрѣніи посланы отъ меня неоднократно строгіе ордера подь прещеніемъ смертной казни, а надѣюсь сіе ихъ разглашеніе подь такимъ видомъ, дабы онаго въ городѣ тайно содержать, до тѣхъ поръ пока свободный изъ города и въ городъ пропускъ учиненъ будетъ, и потомъ его изъ города выпустить, а себѣ чрезъ то лучшую капитуляцію получить;—съ котораго полученнаго ихъ письма при семъ копію прилагаю. И хотя наши посты для опаго непропуску крѣпко учреждены и за нѣсколько дней предъ симъ извѣстіемъ людьми приумножены, однако же и нынѣ паки на оныя о прилежномъ того смотрѣніи недреманнымъ окомъ, съ немалымъ прещеніемъ смертной казни, подтверждено, дабы никакимъ образомъ и ниже подь какимъ видомъ чрезъ оныя пропущено ни единого человѣка не было. А для сыску онаго посланы разныя партіи по всѣмъ дорогамъ; а городъ Гданскъ чрезъ сильную пушечную пальбу и бросаніемъ бомбъ и чрезъ атаки до толь буду утѣснять, пока оставшихъ станиславскихъ адгерентовъ, магистратъ, яко плѣнниковъ мнѣ выдадутъ и по силѣ высокаго Вашего Величества соизволенія капитуляцію учинять.

И понеже помянутые, присланные отъ Станислава, офицеры именемъ его меня обнадѣживали вѣрно, что онъ и его адгеренты до учиненія съ ними резолюціи имѣють пребыть въ городѣ и ни подь какимъ образомъ изъ онаго не отлучаться, токмо по вышечисанному извѣстію онъ, Станиславъ, того своего пароля не содержалъ, и, какъ слышно, отбылъ чрезъ споможеніе марки де-Монти съ однимъ генералъ - маіоромъ Штейнфлихтомъ и однимъ лѣкаремъ, а марки де-Монти еще и поныпѣ въ городѣ имѣется; того ради, по моему всеподданпѣйшему мнѣнію, я учиненной со французами, которые на флотъ Вашего Величества отправлены отъ меня,—капитуляціи содержать не надлежитъ, а можно ихъ до окопачія сего дѣла и до возвращенія нашихъ, взятыхъ со флота французами, плѣнныхъ и фрегата въ рукахъ Вашего Величества имѣть. А въ какой силѣ примасъ Помятовскій, Шитурнскій и всѣ прочіе, пребывающіе еще въ городѣ, Станиславовы адгеренты, сего числа чрезъ письма свои подвергають

себя его величеству королю польскому, Августу Третьему, со оныхъ, для усмотрѣнія, Вашему Величеству при семъ прилагаю копію. А по полученіи оныхъ писемъ, былъ у насъ консиліумъ съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельсвимъ и съ ихъ министры и съ генераломъ и кавалеромъ господиномъ Лессіемъ, въ которомъ положили имъ объявить, что на ихъ прошеніе резолюціи дотоль не будетъ, доколь объявятъ истину: заподлинно ль Станиславъ изъ города отбылъ и какимъ образомъ, а что на то отъ нихъ отвѣту получу—Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доносить буду. А нынѣ, донесши о всемъ, припадаю въ стопы. А сколько кратъ о непропускѣ предлагаемо ордеровъ—при семъ прилагаю экстрактъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Іюня 18 дня 1734 г. Предмѣстье Оръ.

Гл. Ар. Ни. Дѣл.: дѣла быв. кабинета; св. 5.

№ LXXXVIII.

Экстрактъ.

Сколько кратъ въ генералитету о прилежномъ, на опредѣленныхъ, постахъ о непропускѣ въ городъ и изъ города смотрѣніи предлагаемо было ордерами; а именно марта 6-го всеѣмъ обывателямъ, кои около города Гданска и прочихъ мѣстахъ и деревняхъ жительство имѣютъ, универсалами публиковано, дабы никто въ городъ Гданскъ ходить и ни подъ какимъ видомъ и болотными и прочими мѣстами отнюдь не дерзали, а ежели кто пойдетъ въ городъ и изъ города и будутъ пойманы, или о тѣхъ кои въ городъ итти похотятъ не объявятъ, то преданы будутъ смертной казни и сожженіемъ ихъ жилищъ; а напротивъ того для пресѣченія того проходу учреждены, въ надлежащихъ мѣстахъ, довольные посты и опредѣленнымъ на оныхъ офицерамъ и прочимъ чинамъ велѣно наврѣпко подтвердить, дабы они, будучи на тѣхъ постахъ, содержали себя въ крѣпкой осторожности и смотрѣли со всякимъ прилежаніемъ, чтобъ изъ города Гданска и въ городъ никого, ни подъ какимъ видомъ, ни мужеска, ни женска полу, хотя бъ кто и въ нищенскомъ платьѣ, какъ сухимъ, такъ и воднымъ путемъ, — отнюдь пропущено не было, кромѣ дезертировъ, подъ опасеніемъ смертной казни; также, протявъ Гейбуды рѣку Вислу велѣно: судами, бочками,

насыпавъ землю, рогатками, каменьями и прочимъ всякимъ дряггомъ засорить, дабы по оной не токмо судномъ ниже малою лодкою проѣзду не было, дабы чрезъ то Станиславъ тѣмъ путемъ уѣхать изъ города не могъ. Въ той же силѣ и крѣпчайшимъ подтвержденіемъ къ генералитету ордерами нижеписанныхъ чиселъ подтверждаемо было; а именно:

Марта мѣсяца: 11, 12, 13, 16, 22 и 25 чиселъ.

Апрѣля мѣсяца: 2, 6, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20 и 27 чиселъ.

Мая мѣсяца: 2, 7, 8, 11, 12, 13, 26, 27 и 29 чиселъ.

Іюня мѣсяца: 3, 6, 10, 13 и 18 чиселъ.

F. d. Munnich.

№ LXXXIX.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе всеподданѣйше имѣю честь допести, что примасъ Регіи, который всему въ Польшѣ злomu замѣпанію есть пачальникъ, по выѣздѣ изъ города,—подъ крѣпкимъ карауломъ у меня содержится; а куда впредь онаго отправить, о томъ буду ожидать отъ Вашего Величества всемилоствѣйшаго повелѣнія. Князь Черторискій, воевода рускій, и графъ Понятовскій, воевода мазовецкій, здѣсь при мнѣ обрѣтаются, прочіе же господа, по даннымъ отъ меня папшортамъ, сего и завтрашняго чиселъ сюда изъ Гданска выѣдутъ, и всѣ оные поддались его величеству королю Августу Третьему и въ высокое Вашего Императорскаго Величества милосердіе. И помянутые графъ Понятовскій и князь Черторискій крѣпко обнадеживаютъ, что они чрезъ свои письма всю Польшу въ такое состояніе могутъ привести, какъ высокое Вашего Величества намѣреніе есть и польское оружіе такъ утишать, что уже оное никакъ возставать не будетъ, и совершенная тишина во всей Польшѣ возстановится въ скоромъ времени; въ чемъ и я твердое имѣю упованіе на Бога, что всѣ донинѣ происшедшія беспокойства, по волѣ Вашего Величества, въ мирѣ и тишинѣ будутъ. А пребывающіе здѣсь, присланные отъ города, депутаты во всемъ полагаются въ высокую Вашего Императорскаго Величества милость, и для послѣдняго согласія послали отъ себя въ городъ, съ которыми уповаю завтрашняго числа и капитуляція окончится. И тако всѣ здѣшнія дѣла, чрезъ Божескую милость и высокое Вашего Величества счастье, въ такой тишинѣ находятся, какъ Ваше Величество высокое свое намѣреніе имѣть соизволили,

чѣмъ Ваше Величество всеподданѣйше поздравляю, съ желаніемъ дабы о послѣднемъ оныхъ дѣлѣ благополучномъ окончаніи имѣть честь скорѣ таковыя же пріятныя извѣстія Вашему Величеству донести; что жъ касается до ушествія Станиславова, то хотя бѣ онъ хотя въ городѣ скрытъ или въ жулазахъ, или въ Польшѣ былъ, то уже болѣе никакой его партіи быть не можетъ, но принужденъ будетъ паки во Францію возвратиться. О поступкахъ моихъ съ шведскимъ народомъ изволите Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изъ приложеніемъ и допросу шведскаго капитана, который яко шпионъ въ городѣ письма провозилъ,—усмотрѣть. Въ прочемъ же состоитъ здѣсь все суть благополучно; а о вышеписанномъ примасѣ и о помянутыхъ господахъ польскихъ, что съ ними впредь чинить,—ожидаю Вашего Величества всемилостивѣйшаго указа, припадаю къ стопамъ. Сей моментъ прибылъ сюда господинъ камергеръ графъ Левенвольдъ и проситъ вашего Величества всеподданѣйше рапортовать, что онъ секретаря своего съ письмами въ Санктъ-Петербургъ отправилъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Іюня 21-го 1734 г.

М. О. Ар. Г. Ш. Опись 192; св. 5-я. Книга копій.

№ LC.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій указъ отъ 13-го сего іюня съ приложеніями я 21-го дня получилъ, на который всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу.

Крѣпость Вексельминде уже въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества имѣется, о чемъ всемилостивѣйше соизволите усмотрѣть изъ прежде отправленныхъ отъ меня всенижайшихъ рапортовъ; а о дѣлѣ съ здѣшнимъ городомъ—соизволите Ваше Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изъ особливаго моего всеподданѣйшаго рапорта.

Флотъ Вашего Величества, по посаженіи французовъ, уже изъ здѣшняго рейда въ путь свой отправился, а артиллеріи и рекрутъ со онаго флота тогда взять не успѣли за опасностью, по полученному извѣстію, о новомъ французскомъ городу Гданску секурсу; и уповаю

онный флотъ сими числы уже къ своему порту прибылъ, чего ради, присланный къ адмиралу Гордану, Вашего Величества именной указъ при семъ всеподданѣйше прилагаю.

О немедленномъ его королевскаго величества польскаго сюда прибытіи и о присылкѣ прибавочнаго войска и тяжелой артиллеріи я неоднократно, какъ его величеству писалъ, такъ и прибывшимъ здѣсь господамъ министрамъ безпрестанно предлагалъ и нынѣ предлагать буду; токмо оныя министры нескорое его величества сюда прибытіе представляютъ за имѣющимся въ Саксоніи сеймомъ; что же касается до артиллеріи и прибавочныхъ войскъ, то по нынѣшнимъ конъюнктурамъ ко окончанію здѣшнихъ дѣлъ—оного уже болѣе сюда и не потребно; о чемъ я помянутымъ господамъ министрамъ сообщу.

Маршированіе къ Гродно и въ Эрмляндію генераль-маіору Измайлову съ командою по нынѣшнимъ здѣсь коненкурамъ, по моему всеподданѣйшему мнѣнію, можно оставить, ибо нужда въ томъ, по успокоенію здѣшнихъ дѣлъ, не находится, и за потребно разсуждается быть ему въ прежнемъ своемъ мѣстѣ и смотрѣть на тамошніе обороты, о чемъ къ нему, генераль-маіору, и отъ себя ордеромъ предложилъ.

О князѣ Радивилѣ, воеводѣ новгородскомъ, я, по силѣ оного Вашего Императорскаго Величества именного указа, о учиненіи его виленскимъ воеводою, пребывающимъ здѣсь его королевскаго величества польскаго, господамъ министрамъ—усильно представлять буду. Полковника Салтыкова во Псковскій пѣхотный полкъ опредѣлить велѣно. Въ прочемъ же ссылаюсь на особливый мой всеподданѣйшій рапортъ. Припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ-Минихъ.

Іюня 24 дня 1734 г.
Предиѣстье Оръ. Г. Ар. Ин. дѣлъ. Дѣла быв. кабинета; св. 5.

№ LC.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшій рескриптъ сего іюня отъ 17-го числа, чрезъ курьера Волжинскаго, 23-го числа счастье имѣлъ получить, и что до исполненія онаго касается—всеподданѣйшею моею ревностью чинить буду. О здѣшнемъ обращеніи Ва-

шему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, что сего юня 24-го съ депутатами города Гданска, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ указовъ, вкупѣ съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ и господиномъ генераломъ Лесциемъ (капитуляцію съ которой при семъ, вкупѣ и съ конвенціею Вексельминды кошію, прилагаю),—совершенно ко окончанію приведены, которая оригинальна, съ подпискою, впредь Вашему Императорскому Величеству вскорѣ прислана будетъ. А исполненіи оной капитуляціи послѣдуютъ неотмѣнно,—а особливо выступленіе изъ города военныхъ плѣнниковъ,—чинено будетъ вскорѣ, и уповаю что оныхъ болѣе двѣ тысячи будетъ, которыми—фрегатъ Митаву и нашихъ плѣнниковъ размѣнить уповательно достанетъ ежели то трѣя французскими батальонами, которые на нашемъ флотѣ посажены, и марки де-Монтіемъ замѣнить повелѣно не будетъ.

При заключеніи капитуляціи съ бригадиромъ де-ла-Мотомъ ради слѣдующихъ резоновъ, безъ великаго азарду, болѣе умедлить не могъ, а именно:

1) Понеже флотъ нашъ, опасаясь французовъ, отъ Пиллау къ здѣшнему мѣсту итти не хотѣлъ, пока имъ отъ меня, взявъ то на свой азардъ, ордеръ посланъ не былъ, а намѣрены были отъ Пиллау обратно къ своимъ гаванямъ слѣдовать.

2) По прибытію Вашего Императорскаго Величества флота на здѣшній рейдъ, положили было немедленно обратный путь возымѣть, ежели бъ я того одинъ на свой азардъ не принялъ, какъ изъ приложенныхъ копій всемилостивѣйше усмотрѣть изволите.

3) Съ саксонской стороны чинены были противныя регмюштраціи къ осадѣ Вексельминде и атакѣ французовъ: какую пропорцію людей къ той атакѣ отъ каждой арміи опредѣлить надлежало, какъ изъ протокола при содержанномъ двукратномъ консиліумѣ приложеніи—явствуетъ.

4) И при такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, не упуская ни малаго времени, (хотя непрестанно избобрѣсти на ожидаемой эскадрѣ о новомъ секурсѣ вѣдомости были, а господа флагмапы флота Вашего Императорскаго Величества озардовать опасны были), однакожъ воспріялъ я резолюцію Вексельминде и французовъ атаковать, которое воспріятіе наибольше тѣмъ смѣло было, что наша инфантерія при всѣхъ вылазкахъ многимъ числомъ людьми была содержана, а его свѣтлости герцогу Вейсенфельскому для атаки Вексельминде на помощь его требованію—дано было „1200“ человекъ.

5) А съ непріятельской стороны въ осадѣ Вексельминде, такожъ

французовъ и шведовъ, было около дву тысячъ пяти сотъ человекъ довольною амунициею и провіантомъ снабдѣны, а французскій лагерь, подъ закрытіемъ пушекъ изъ Вексельминде, — ретраншаментомъ укрѣпленъ; сверхъ того, отъ моря, а отъ сухого берега — каналами и нашею инфантеріею ни какъ до оного достигнуть не можно было, а бомбардированіемъ съ нашихъ кораблей французамъ невеликій вредъ чинился, отчего имъ опасаться не для чего, а напротивъ того о новомъ секурсѣ упованіе имѣли; а мнѣ довольно извѣстно было, что нашимъ флотомъ оный одержанъ не будетъ, а опасность имѣлась, чтобъ больше кораблей не потерять.

6) Хотя жъ и Вексельминде жильемъ зѣло тѣсна имѣется, однако крѣпкую оборону имѣеть, и вмѣсто оной тѣсноты довольное мѣсто во французскомъ лагерѣ имѣлось.

7) За день до капитуляціи писано во оную Вексельминде, чтобъ до послѣдняго человека оборонялись, а того вечера, какъ капитуляція заключена, получилъ я извѣстіе отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда, что будто при Копенгагенѣ восемь французскихъ кораблей и 8-ми баталіоновъ съ прежними соединились итти на секурсъ подъ Гданскъ, по которому извѣстію нашъ флотъ обратно свой путь такъ скоро возымѣлъ, что по силѣ Вашего Императорскаго Величества указу — ни артиллеріи, ни рекрутъ со оного взять некогда было.

8) Съ польской стороны Монжинскій и графъ Шливеръ приходили подъ Торунь, и предмѣстье оной выжгли и разграбили. Съ саксонской стороны было мнѣ знать дано, что отъ Познани многія тысячи поляковъ къ намъ идутъ, которое оригинальное извѣстіе господину тайному кабинетъ министру графу фонъ-Остерману отъ меня сообщено.

И по вышеписанному, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, не токмо флотъ нашъ, но и армія, которая отъ 6-ти до 7 миль для удержанія непріятеля разставлена была, не въ безопасности находилась; къ тому жъ, какъ всѣ искусные въ воинскихъ дѣлахъ особы разсуждаютъ, что при атацѣ Вексельминде около бѣ двухъ тысячъ побитыхъ и раненыхъ быть могло, а ежели бѣ къ тому новой французскій секурсъ прибылъ, тобъ и болѣе опасности послѣдовать могло, ибо съ городской стороны ничего добраго, кромѣ вылазки уповать не можно; а порохъ и ядра наши большею частью могли противъ оной Минды и Вестершанца употреблены быть, а съ флота и отъ саксоновъ болѣе получить упованіе невелико имѣлось.

9) А по силѣ полученныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ однократныхъ указовъ и отъ господина оберъ-штабмейстера графа фонъ-Левенвольда писемъ, долженъ я былъ стараться какъ наискорѣе здѣшнее дѣло ко окончанію привести, къ тому жъ при саксонскомъ войскѣ, отъ времени до времени, приумножалось многое число больныхъ, и тѣмъ немалое препятствіе въ воспріятіи чинили.

10) Такожъ претендовали французы ежели прямо до Копенгагена оныхъ на нашихъ корабляхъ мы не доведемъ, тобъ оставить оныхъ въ ихъ лагерѣ, пока вновь ордеръ отъ министра, который въ Берлинѣ обрѣтается, получать или пропустить ихъ сквозь Брандебургъ, а другимъ образомъ капитуляціи чинить не хотѣли.

И отъ такихъ продолжительныхъ намѣреній, въ которыхъ бы оные отъ противныхъ партій наивяще подговорены быть могли, всякими мѣрами проискивалъ болѣе онымъ здѣсь продолжиться,—отвратить, а флагманы наши, (представляли), что нѣкоторые корабли течь имѣли, тому жъ и въ не искусство офицеровъ и вновь набранныхъ рекрутъ, неспособность къ морскому дѣлу,—словесно мнѣ представляли, и нивто оныхъ не изъ совѣтывалъ такой азардъ далѣе на себѣ имѣть.

Итакъ я за немалое незапно счастье причиталъ, за которое Богу благодареніе долженъ, что токмо одними угрозами и страхомъ такую капитуляцію получилъ; по которой во-первыхъ, російскій флотъ больше двухъ тысячъ невооруженныхъ французовъ на бортъ получилъ и съ великою славою возвратился; во-вторыхъ, взятые непріателемъ наши три галіота, французскій фрегатъ съ тридцатью пушками, одинъ гукваръ съ четырнадцатью пушками и гданской прамъ съ восьмью пушками въ добычу получены; въ-третьихъ, шведовъ принудили, что они подданному королю противъ Россіи служить не будутъ; въ-четвертыхъ, крѣпость Вексельминде и Вестершанцы, яко ключи города Гданска, безъ пролитія крови получили, отъ чего послѣдовала сдача города и робость многихъ польскихъ магнатовъ, а французы не токмо дали свой пароль, что въ нынѣшней кампаніи противъ Вашего Императорскаго Величества оружія и Вашего Величества союзниковъ служить не будутъ, но и тѣмъ довольны будутъ—на которую шведскую гавань нашему флоту способнѣе будетъ оныхъ довести и высадить и тѣмъ намъ такой авантажъ имѣлся, что нашъ флотъ могъ безъ всякаго страха прямо къ російскимъ гаванямъ слѣдовать и Вашего Императорскаго Величества повелѣніе получить, въ которую гавань, по согласію съ шведами, на купеческихъ корабляхъ, оныхъ по нѣскольку числу отвозить, ибо по капитуляціи ни указаго времени, ни мѣста не назначе-

но, какъ я о томъ господину адмиралу Гордану, чрезъ его адъютанта Полянскаго, довольно знать даль, что онъ безъ всякой остановки путь свой прямо до Кронштата возымѣлъ, что безсумнѣнно уповаю онымъ учинено.

А извѣстiе о взятiи непрiателемъ фрегата Митавы получилъ я на вечеръ того дня какъ капитуляцiя заключена была, чего никакъ премѣнить не можно было, но уповалъ, что (за помощью Божьею и послѣдовало) при взятiи города, то обратно получить; сверхъ же того немедленно писалъ къ помянутому господину адмиралу, чтобъ онъ, ради того фрегата, нѣсколько сотъ французовъ удержалъ, какъ изъ приложенiя видѣть можно. По такимъ своропостижнымъ и зѣло важнымъ случаямъ, склонился я, при такихъ счастливыхъ конюнетурахъ подъ политвкою на два дня онымъ провiанта обѣщать, пока всѣ на суда посажены будутъ, какъ то и всѣмъ плѣннымъ обыкновенно дается; а пока оныя на нашихъ корабляхъ пробудутъ, то, по силѣ учиненной капитуляцiи, мы не должны оныхъ пищею снабдить, а вмѣсто того (ежели бъ онѣ долѣе продержались и провiанта употребляли) найдено нами, въ Вексельминдѣ болѣе провiанта.

И по моему всенижайшему мнѣнiю Вашему Императорскому Величеству къ наивящей славѣ послѣдовать бы могло, ежели бъ учиненную капитуляцiю нерушимо содержать; но понеже Станиславъ Лещинскiй чрезъ полковника Барделеби и маiора фонъ-Ридберга данный пароль не содержалъ и по обѣщанiю не покорился и по интригамъ французскаго министра марки де-Монти отлучился, какъ изъ приложеннаго аттестата усмотрѣть соизволите, того ради можно не токмо Вашему Императорскому Величеству надъ помянутымъ марки де-Монтиемъ того взыскивать, но и французскаго войска удержать, а взятый фрегатъ Митава обратно требовать, ибо оный безъ объявленiя войны между государствами и безъ всякаго сопротивленiя отъ непрiателя взятъ. Сверхъ же того взяты будутъ нами отъ двухъ до трехъ тысячъ плѣнныхъ изъ города, между которыми Станиславскiй драгунскiй полкъ, который марки де-Монти во Гданскѣ набиралъ и плату чинилъ; которыми поступками особливо министерской свой чинъ оставилъ, а въ письмѣ своемъ, котораго копия прилагается, укрываетъ всѣ тѣ поступки чиномъ своимъ публичнаго министра. И хотя мое всендневное, непрестанное, попеченiе было, дабы никто изъ Гданска, подъ опасенiемъ смертной казни, выпущенъ не былъ, какъ изъ приложеннаго экстракта и изъ полученнаго отъ генераль-маiора Бахметева и отъ прочихъ рапортовъ, — усмотрѣть можно, но однако все то Станислава не удержало, и причитаю я, что Божеской воли на то не было,

въ руки наши его подать, ибо какъ магистратъ первую депутацію 16-го числа іюня ко мнѣ выслалъ, я въ выдачу онаго отъ нихъ требовалъ, по которому требованію они, по возвращеніи, въ городъ, то ему объявили; на что послѣдовало у польскихъ магнатовъ собраніе, и при томъ собраніи воевода россійскій Станиславу говорилъ, что они своими персонами никакой помощи учинить ему не могутъ, но принуждены королю Августу подвергнуться, чему де и время наступило, почему Станиславъ о спасеніи своей персоны думать долженъ; на что примасъ и марки де-Монти его, Станислава, увѣщевали постоянно во Гданскѣ остаться, и того жъ дни обѣдалъ оный у примаса, а на вечеръ пошелъ къ марки де-Монти и вскорѣ послѣ того отбытіе его разгласилось.

А въ городѣ ли оный нынѣ пребываетъ или въ жулавахъ, въ тѣхъ домахъ, которые водою потопило, или въ крестьянскомъ платьѣ, какъ гласятъ будто съ генераль-маіоромъ Штейнфлихтомъ, съвозъ наши посты ушелъ,—Богу вѣдомо; а о поимѣ онаго поискъ всякимъ образомъ чиненъ, какъ изъ приложеннаго экстракта видѣть можно и впредь чиниться будетъ.

А въ то время какъ я къ польскому корпусу прибылъ, тогда польскимъ магнатомъ дороги открыты и могли бѣ вседневно въ Пруссію и къ Стральзунту на корабляхъ, по своему изволенію, уйтить; нынѣ же примасъ и всѣ польскія знатныя персоны и марки де-Монти въ моихъ рукахъ, а Станиславъ принужденъ бѣжать, и въ Польшѣ оному партіи болѣе быть не уповаются, и Ваше Императорское Величество соизволите обнадешены быть, хотя Станиславъ гдѣ не будетъ, а дѣла здѣшнія вскорѣ окончатся и прежній покой въ Польшѣ возобновленъ будетъ. Понеже кастелянъ Чирскій, кріатуръ Понятовскаго, отъ котораго я въ знакъ его вѣрности къ Вашему Императорскому Величеству и къ его величеству королю Августу Третьему требовалъ, чтобъ онъ къ Чирскому писалъ и въ покореніе привелъ, что онъ мнѣ и общалъ, и никто столько кредиту въ Польшѣ не имѣетъ какъ помянутый Понятовскій, отъ котораго, такожъ де и отъ воеводы россійскаго и отъ бискупа плоцкаго,—поворительныя письма къ Вашему Императорскому Величеству прилагаются, при особливомъ рапортѣ. Ежели поступки мои со оными отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйше апробованы будутъ, то уповаю я оными людьми все къ покою привести. И войска Вашего Императорскаго Величества болѣе сюда не потребно, которымъ нынѣ отдохновеніе имѣть можно и приводить въ совершенное доброе состояніе.

При семъ же Вашему Императорскому Величеству доношу, что

за помощью Божьею и славнымъ оружіемъ Вашего Величества изъ привозной тяжелой артиллеріи противъ города Гданска употребляемы были токмо три пушки и три мортиры; и сначала сей блокады, отъ пяти до шести тысячью человѣками, разстояніемъ на семь миль вокругъ городъ осаженъ и непріятельскіе ретраншаменты и шанцы штурмами безъ артиллеріи взяты, всѣ коммуникаціи городу отрѣзаны и такіе апроши ведены, что сильными вылазками изъ города, въ которомъ довольно гарнизонъ имѣлся, намъ ничего учинить не могли, а польскіе секурсы отогнаны, и такіе ретраншаменты сдѣланы были, отъ которыхъ французы съ немалымъ упадкомъ ретироваться принуждены; и можно сущую правду донести, что отъ онаго французы и въ страхъ приведены капитуляціею учинить, ибо имъ ни съ которую сторону опасности не было; при томъ же Вашего Императорскаго Величества солдаты, офицеры и инженеры самымъ дѣломъ искусились и могутъ впредь надежны въ потребныхъ случаяхъ употребляемы быть. И какъ то все съ великою трудностью и неусыпными трудами, за помощью Божьею, исполнялось, то уповаю на Вашего Императорскаго Величества высокія милости, что въ томъ гнѣву на меня имѣтъ не изволите, что я съ побѣдимымъ непріателемъ склонилъ, а съ упорными безъ всякаго милосердія поступаю, и капитуляціи, ради высокой славы и великодушія Вашего Императорскаго Величества и во образъ высокой милости, заключаю, которые, съ нашими непріятелями, поступки имѣютъ свои такія пользы, что Ваше Императорское Величество изволите высокія намѣренія непременно исполнить и вскорѣ непріятеля у ногъ Вашего Величества видѣть. Съ саксонскимъ генераломъ, его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ, буду я стараться всегда въ добромъ согласіи быть, ибо онъ пріятный и храбрый князь, съ которымъ я въ касельской службѣ въ одномъ полку служилъ; однако же, что до службы и интересу Вашего Величества касается, въ томъ мнѣ никакъ молчаніемъ обойти не можно, ибо слѣдующія суть причины, которыхъ по должности моей я напоминать оставить не могъ, что при Познани саксонское войско три недѣли отдохновеніе имѣли, артиллерію, въ которой крайняя нужда была тамъ оставили и по неоднократнымъ моимъ требованіямъ изъ Саксоніи другой не привезли, Варшаву, Торунь, Пуць и Гили—по многимъ напоминаніямъ своимъ войскомъ и понынѣ не засадили, Минду атаковать не хотѣли, а другой никакой операціи мѣсто того не представляли, въ однихъ разсужденіяхъ три недѣли время пропустили, отъ французовъ аманатовъ требовали, все что съ Миндою, какъ амуницію, такъ и провіантъ отъ непріятельской стороны взято, на одно саксонское войско пре-

тендовали; а нынѣ, какъ съ городомъ уже капитуляцію заключать надобно было, медлили три дня, затѣмъ чтобъ подъ ихъ караулъ одни городскія ворота, Бустерминъ, отданы были, и будто его свѣтлости и министрамъ, которые здѣсь обрѣтаются, отъ его королевскаго величества инструкціи не дапо—что съ ихъ стороны въ капитуляцію съ городомъ включить; чего для требовали, дабы городъ обѣщаль то учинить, что его королевское величество отъ нихъ впредь требовать будетъ. При такихъ обстоятельствахъ, я, по моей должности, принужденъ былъ съ своей стороны представленіе учинить, и не уповаю, чтобъ то въ несогласіе причтено было, ибо къ тому причина съ ихъ стороны подана была.

Нѣкоторые шведскіе офицеры во Гданскѣ имѣли зѣло непристойныя разговоры, и не достойны Вашего Императорскаго Величества милости, ибо суть такіе, таскающіе люди, которые въ Швецію хлѣба не имѣли, чего для при всякихъ случаяхъ паки противъ Вашего Императорскаго Величества оружію служить будутъ.

Имена тѣхъ депутатовъ, которые отъ магистрата къ Вашему Императорскому Величеству посланы будутъ, прилагается при семъ реестръ ко всемилостивѣйшей апробаціи; и которые, по силѣ учиненной капитуляціи, отъ Вашего Императорскаго Величества назначены, оныя ожидать будутъ пашпортовъ, и понеже между тѣмъ спискомъ бургомистровъ не находится, того ради требовалъ я, чтобъ одинъ бургомистръ, а именно фонъ Бемель, самъ посланъ былъ; тоемо, какъ тѣ высланные депутаты, такъ и посторонніе, представляютъ, что за старостью и дряхлостью ѣхать ему не возможно.

Королевскій прусскій тайный статскій совѣтникъ фонъ-Брантъ паки ко мнѣ приходилъ и именемъ короля своего пропозицію чинилъ: 1) чтобъ до окончанія польской войны во Гданскѣ прусскому гарнизону быть; 2) примасу позволить, чтобъ онъ подъ королевскою гарантіею въ Прусахъ пребывать могъ. Я на то оному господину Бранту отвѣтствовалъ, что о примасѣ ожидаю я повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а въ городъ Гданскъ никакого другого гарнизона опредѣлено не будетъ, кромѣ того, который подъ магистромъ состоитъ и прежде войны въ томъ городѣ имѣлся.

Нѣкоторыя законныя причины, по которымъ марки де-Монти не какъ публичнаго министра почитать можно, при семъ прилагаются; оныя же и въ Лейбцигъ посланы будутъ для лучшаго разсмотрѣнія и поправленія, а между, я отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія ожидать буду, какъ со онымъ маркизомъ

поступать; а нынѣ оный содержится въ Прущѣ подъ добрымъ каруломъ, и при немъ обрѣтается племянникъ его, маркизь же де-Монти.

При заключеніи сего моего всеподданѣйшаго рапорта явился здѣшній мужикъ и объявляетъ, что онъ прошедшей субботы, сего іюня 22-го числа, видѣлъ Станислава въ Маріенвердерѣ въ мужичьемъ платьѣ и, сколько ему извѣстно было, сказывалъ, что оный одинъ туда пришелъ, и описываетъ акуратно его персону. А понеже Маріенвердеръ ближе другихъ прусскихъ мѣстечекъ отсюда имѣется, того для посланъ отъ меня надежный офицеръ, въ особливомъ платьѣ, для подлиннаго извѣдыванія, и ежели въ эрмляндскомъ владѣніи онаго настигнетъ, съ помощью нашихъ людей той команды, которая тамъ обрѣтается, велѣно его поймать, или съ нимъ то учинить, чему онъ достоинъ. Въ прочемъ ссылаюсь на мой всеподданѣйшій рапортъ, который съ симъ же курьеромъ посылается, ибо, за несклонностью капитуляціи отъ саксонской стороны, симъ рапортомъ около двухъ сутокъ замедлил къ Вашему Императорскому Величеству отправить. И ожидая со всеповорностью моею на всѣ мои представленія съ первымъ курьеромъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа, припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Іюня 26-го дня 1734 г.

Подъ Данцигомъ; предметъ Орь.

Г. Ар. Ни. дѣлъ; дѣла быв. каб.; св. 5.

Р. С. О Станиславѣ Лещинскомъ получено надежное извѣстіе, что оный отъ прошедшей субботы до вторника, то есть, до 25-го числа іюня, въ Маріенвердерѣ пробылъ, и въ замкѣ тамъ, Буденброкскаго полка кирасирами, подъ крѣпкимъ смотрѣніемъ содержался, и адъютантъ того полка денно и ночью при немъ былъ, пока оный, въ помянутый вторникъ съ генераль-маіоромъ Штейнфлихтомъ въ Ризенбургъ отбылъ; а будто вчерашняго числа намѣренъ былъ отъѣхать, а куда именно никто о томъ увѣдомиться не могъ. А какъ сказываютъ обрѣтался зѣло въ слабомъ состояніи, и самъ объявлялъ, что онъ не человѣческою мудростью, но Божескимъ поведеніемъ прошолъ, ибо между Данцигомъ и Маріенвердеромъ обрѣтался семь дней на дорогѣ и по цѣлой милѣ въ водѣ до пояса, сквозь болотныя мѣста пробираться принужденъ былъ и ночнымъ временемъ у нѣкоторыхъ російскихъ постовъ окликиванъ былъ, въ которыхъ случаяхъ онъ не иначе по-

мышлялъ въ полонъ попасть, или убитому быть, и спасался токмо тѣмъ, что укрывался и пролеживалъ въ болотахъ и въ хвощѣ, пока опять отъ стоящаго караула тихо было; и такимъ мизернымъ образомъ оный прошолъ; французскій орденъ Святаго Духа имѣлъ онъ на груди скрыто подъ платьемъ, а по прибытіи въ Маріенвердеръ прусскимъ офицерамъ оный объявилъ, и притомъ удивлялся какъ его Богъ провелъ, понеже де Россійскіе посты такъ часто разставлены, что токмо темныя ночи, мизерное мужичье одѣяніе и что пѣшу шелъ—въ томъ его уходѣ пособили.

F. d. Minnich.

№ XCII.

Экстрактъ.

По полученному изъ Гданска извѣстію о ушествіи Станислава Лещинскаго для осмотра нашихъ постовъ, учрежденныхъ для непропуску изъ города и въ городъ и пріуможения людьми и сыску одного Лещинскаго посланы были генераль-маіоръ Бахметевъ и офицеры, и о томъ же данъ крѣпкій ордеръ генералитету. А въ рапортахъ отъ оныхъ показано. А именно, отъ генераль-маіора Бахметева.

Юня 18-го числа онъ въ жулавы ѣздилъ, и въ первыхъ главный постъ изобрѣтенъ имъ въ Мокромъ Дворѣ, въ которомъ, такожъ и въ прочихъ лежащихъ въ жулавахъ, отъ одного Мокраго Двора даже до рѣки Вислы, такожъ и по сю сторону одного Мокраго Двора, въ разныхъ мѣстахъ, учрежденные посты пріумножилъ и обрѣтающимся на оныхъ оберъ и унтеръ-офицерамъ подтвердилъ о крѣпкомъ того смотрѣніи и непропускѣ крѣпкими ордерами.

Отъ поручика Красовскаго.

Ѣздилъ онъ для изслѣдованія о ушествіи Станислава Лещинскаго на учрежденные посты; а именно, зачавъ отъ Ланфура чрезъ рѣку Вислу и на всемъ Гефтѣ, въ жулавахъ, и внизъ по рѣкѣ Вислѣ, за Щевъ до Нерова, а отъ Нерова до предмѣстья Ора; и стоящихъ на сихъ постахъ офицеровъ и прочихъ чиновъ спрашивалъ съ подтвержденіемъ: не прошелъ ли кто изъ города сухимъ путемъ или водою? Напротивъ чего ему объявили, что „16“ и „17“ чиселъ сего юня мѣсяца (въ которое время, по разглашенію, яко бы онъ Станиславъ ушелъ) изъ города Гданска никто, ни подъ какимъ видомъ, не прохаживалъ; при чемъ о томъ, опрѣленнымъ на постахъ, накрѣпко ордеромъ моимъ подтвердилъ, дабы впредь никто, ни подъ какимъ видомъ, ниже въ пасторскомъ видѣ, ниже въ нищенскомъ или въ какомъ другомъ платьѣ—пропущенъ не былъ подъ смертною казнью.

Генераль-лейтенантъ и кавалеръ Бяратинскій.

По рапорту, посланнаго отъ него для изслѣдованія по рѣкѣ Вислѣ на постахъ, подполковника Шишкина, что по слѣдствію его и по взятыхъ сказкамъ, подъ жестокимъ обязательствомъ отъ обрѣтающихся на перевозѣ Гефтѣ рѣки Вислы, на Большой корчмѣ, Кульзагское повиска, погорѣлой деревни Крикросной киркѣ, въ Гейбудѣ, при рѣкѣ Вислѣ,—оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, имѣющихъ команду,—въ то число изъ Гданска никакихъ людей ни подъ какимъ видомъ не проходило.

№ ХСІІІ.

Именная роспись.

Отправляющейся отъ города Гданска къ Ея Императорскому Величеству депутаціи, которая состоитъ въ слѣдующихъ персонахъ.

А именно:

Ратманы перваго чина.

Иоганъ Валъ.

Карль Готлибъ Елеръ.

Второго чина.

Фридрихъ Речеръ.

Константипъ Боворштъ.

Третьяго чина. Купцы.

Индрихъ Мартенсъ.

Иоганъ-Людвигъ Шендель.

Депутаціи секретарь Давісль Япцель.

Досументъ ХСІІІ взятъ изъ дѣлъ М.-О. Ар. Г. Ш.; опись 192; книга 5-я.

№ ХСІV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемплостивѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, сего числа поутру съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ и съ магистратомъ города Гданска согласіе о сдачѣ оного учинено и

капитуляція заключена; а въ каковой силѣ, о томъ при семъ прилагается экземпляръ; а оригинальная капитуляція, за большою городскою печатью, къ Вашему Величеству отправится завтра конечно. Которымъ, чрезъ помощь Божескую и высокімъ Вашего Величества счастьемъ, благополучнымъ окончаніемъ Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйшую Государыню, всеподданѣйше поздравляю, и уповаю на милость Божескую польскія дѣла, за симъ благополучіемъ, вскорѣ окончаніе свое получать и тишина возстановится, ежели только его величество король польскій сюда вскорѣ прибудеть, (чего не малый интересъ требуетъ), и здѣшними господами благосклонно поступать позволить; ибо изъ оныхъ князь Чарторижскій, воевода русскій и графъ Понятовскій, воевода мозовскій—звѣло суть знатные; а паче графъ Понятовскій, такожъ и бискупъ плецкій великій кредитъ имѣють, и какъ они мнѣ обѣщали противную сторону склонить его величеству королю польскому чрезъ свои письма безъ всякаго затрудненія и во всей Польшѣ тишину возстановить, что ихъ кредиту и заподлинно быть уповаю; буде же съ оными господами сурово поступлено будетъ, то уповаю не столь скоро оныя успокоятся. Однакожъ все сіе состоитъ въ высокой волѣ Вашего Императорскаго Величества, и какъ съ ними, такожъ и съ примасомъ Ревіемъ и съ французскимъ амбасадеромъ маркизомъ де-Монти поступать,—ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу. А по учиненной капитуляціи я исполнить имѣю непремѣнно, какъ во оной постановлено. Итакъ, донесши о семъ, припадаю къ стопамъ; а отъ вышеписанныхъ господъ покорнѣйшія я письма или прошенія при семъ прилагаю.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ Минихъ

Іюня 26 числа.

М. О. Ар. Г. Ш.; опись 192; книга 5.

№ XCV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшее повелѣніе отъ 26-го іюня, каковымъ образомъ со Станиславомъ ежели еще онъ въ городѣ обрѣтается и съ его адгерентами мнѣ поступать и подѣ

какимъ вѣрѣкимъ смотрѣніемъ содержать, я сего числа получилъ; и снмъ всеподданѣйше доношу, что до Станислава и его адгерентовъ и до прочаго здѣшняго обстоятельства касается о томъ я обстоятельно числа вчерашняго Вашему Императорскому Величеству, чрезъ курьера Крика, всеподданѣйше доносилъ. А нынѣ получено извѣстіе яко бы Станиславъ изъ Ризенбурга взялъ свою ретираду въ нѣкоторую маестность, лежащую не вдалекѣ отъ Кенигсберга, и уповательно не будетъ ли онъ пробираться къ войску въ Литву. Того ради для предосторожности его посланы отъ меня въ тѣ мѣста сего числа нарочныя партіи и писано о томъ же къ генераль-маіорамъ Измайлову и фонъ-Бисмарку, и уповаю, что ежели онъ въ тамошнихъ мѣстахъ будетъ, то оный всѣми мѣрами, чрезъ оныя, партіи, и чрезъ тамошнее войско предостерегаться будетъ. Въ прочемъ же, ссылаясь на вчерашній мой рапортъ, припадаю къ стопамъ (собственноручно Минихомъ): однако же имѣю надежду, что онъ въ Польшу вромѣ Франціи не возвратится.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Юля 2-го дня 1734 г. Оръ.

Гл. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла быв. кабинета; св. 6.

№ ХСѢІ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, что сего числа оригинальная капитуляція съ городомъ Гданскомъ размѣнена, а послѣ обѣда имѣющееся отъ Станислава вербованное войско изъ города къ нимъ выведено, а именно: 1) Станиславскій драгунскій полкъ, который маркизъ де-Монти набиралъ, и состоитъ почти сплошь въ шведскихъ и французскихъ офицерахъ; 2) именуемая коронная гвардія, состоящая въ двухъ баталіонахъ; 3) нѣкоторое число французскаго войска; 4) нѣсколько примасовой гвардіи Оельдарскаго и воеводы Любельскаго, о которыхъ списовъ и оригинальную капитуляцію завтрашняго числа съ нарочнымъ курьеромъ къ Вашему Императорскому Величеству отправлю.

Сіе войско маршировало изъ города съ обыкновенною церемонією, и при нашемъ лагерѣ, между гауптъ-квартирою и Санктъ-Альбрехта,

гдѣ войска Вашего Императорскаго Величества, восемь полковъ, подъ командою господина генерала Лессія стояли, постановлены были, въ присутствіи всего російскаго и саксонскаго генералитета. Оныя, выведенныя изъ города, положи верхнее и нижнее ружье и амуницію свою, къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и его королевскаго величества короля Августа, и отдалися яко военно-плѣнники въ руки наши; чѣмъ Ваше Императорское Величество всеподданѣйше поздравляю.

О Станиславѣ, гдѣ оный нынѣ находится, изволите Ваше Императорское Величество изъ приложенія при семъ усмотрѣть; а господинъ генераль-маіоръ фонъ Биронъ за нимъ въ погоню отправился, токмо трудно до него достигнуть будетъ; а ежели бъ его королевское величество прусскій Вашему Императорскому Величеству и цесарскому величеству римскому желалъ склонность оказать, тобъ позволилъ мнѣ токмо его Станислава изъ своего владѣнія достать. Довыиѣ подлинно еще увѣдомиться не можно, въ которомъ мѣстѣ онъ наши форпосты прошолъ; однакожъ виновныхъ уповаю сыскать, а о пребываніи его впредь время покажетъ: возметъ ли онъ свой ретирадъ во Францію, ибо въ Польшѣ ему постоянного мѣста быть не можетъ. О скоромъ сюда прибытіи его величества короля Августа здѣшніе министры обнадеживаютъ. О чемъ донесли, припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Іюня 28-го дня 1734 г. Предвѣстье Оръ.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла бывшаго кабинета; св. 5.

№ ХСVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ, писанный минувшаго іюня 23-го, которымъ повелѣвать изволите, тобѣ Станислава, вримаса, Понятовскаго и Шатуринаскаго марки де-Монти и прочихъ бывшихъ въ городѣ Гданскѣ Станиславскихъ адгерентовъ, вкупѣ съ генераль-маіоромъ Штейнфлихтомъ, подъ крѣпкимъ карауломъ содержать и одного, до другаго не допускать, дабы ни подъ какимъ

видомъ уйти не могли и вести бы оныхъ съ марширующею арміею, которой по окончанію здѣшняго дѣла, оставя нѣкоторые полки во услугѣ его королевскому величеству польскому, къ курляндскимъ границамъ маршировать повелѣвается, дабы тѣмъ здѣшніе дѣла къ счастливому окончанію привести,—я чрезъ курьера Друкорта, шестымъ днемъ, исправно получилъ. На что всеподданѣйше Вашему Императорскому Величеству доношу, что къ польской викторіи Вашего Величества славнаго оружія не имѣется только одного Станислава Лещинскаго съ Штеффлихтомъ въ нашихъ рукахъ; прочіе же, какъ-то французскій марки де-Монти третьяго дня самъ признавалъ, и заподлинно то есть,—что взятіемъ города Гданска главнѣйшіе Станиславскіе адгеренты къ стопамъ его королевскаго величества польскаго подвергнуты и партію его величества приняли; а тѣмъ, которые во Гданскѣ не были, вся надежда къ новому секурсу и отъ Франціи помощи получить пресѣклась, и тѣмъ вся Польша стала нашею стороны и его королевскаго величества Августа Третьяго.

А какъ Вашего Императорскаго Величества высокое намѣреніе чрезъ неоднократныя повелѣнія мнѣ довольно извѣстно, чтобъ польскіи дѣла къ скорому и счастливому окончанію приводить, и къ тому мое неуспѣшное стараніе и что въ человѣческой возможности состояло, со всякою ревностью, способенъ сыскивалъ, какъ бы то наискорѣе исполнить, дабы непріатели Вашего Величества, чрезъ полученную викторію, ясно увидѣть могли, что Ваше Императорское Величество праведное намѣреніе имѣли и отъ Бога къ тому счастье получили.

И такое полезное, славное и счастливое намѣреніе можетъ безсумнѣнно исполниться, ежели Ваше Императорское Величество при нынѣшнемъ важномъ случаѣ, по природному Вашему Величества великодушію и милосердію, къ нѣкоторымъ милость показать соизволите, чрезъ что Вашему Императорскому Величеству болѣе партій въ Польшѣ и Литвѣ приумножится, и тѣмъ на предбудущемъ сеймѣ праведныя претензіи отъ Вашего Императорскаго Величества безспорно ко удовольствію Вашего Величества рѣшены быть могутъ. И понеже я о полезныхъ способахъ, какъ наилучшимъ образомъ до того достигнуть, не токмо ежечасно домогался, но и вседневно съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ и съ польскими и съ саксонскими министрами конференцію имѣю, а съ господиномъ оберъ-штальмейстеромъ графомъ фонъ-Левенвольдомъ въ крайней корреспонденціи состою,—и обнадеженъ нахожусь, что нынѣ ушедшій Станиславъ, который, укрываясь въ лѣсахъ, чрезъ шесть дней однимъ сухимъ хлѣбомъ и водою питался и подъ прусскою запятою въ Ризенбургъ намѣренъ былъ

пробыть, пока во Францію уйти можетъ; и уповательно, что нынѣ оный польской короны, по симъ ему неспокойствамъ, не желательно искать будетъ, чего для и опасности отъ него имѣть кажется не для чего. А хотя назадъ дни за два посланъ отъ меня былъ шведскій офицеръ до Ризенбурга, но однако ни подь какимъ видомъ до Станислава допущенъ быть не могъ, ибо не токмо чтобъ о томъ явно было, но отнюдь никому и говорить запрещено, а онъ имѣется въ плосѣ, подь крѣпкимъ смотрѣніемъ, и для лучшей его впредь ретирадѣ сдѣлано ему прусское платье, чего ради безъсумнѣнно оного дале увезуть. А господинъ генераль-маіоръ фонъ-Биронъ, который до прусской границы оного сыскивалъ, прибылъ вчерашняго числа назадъ со объявленіемъ, что Станиславъ самъ нѣкоторымъ рассказывалъ, когда де оный жулавами шелъ и у одного мужика наверху въ соломѣ лежалъ, пришли туда пять нашихъ казаковъ и видѣли его спящаго, разсуждая, между собой, что простой человекъ; въ которое время Станиславъ смерть свою въ глазахъ видѣлъ и причестъ можно Божеское предсмотрѣніе, что онъ, къ безславію Франціи, такъ мизерно бѣжать принужденъ былъ. Итакъ, что до его персоны касается сатисфакціи довольно; а Штейфлихта при семъ въ Ризенбургѣ не имѣется.

Изъ знатныхъ плѣнниковъ, которыхъ, ежели повелѣно будетъ къ повелѣнному мѣсту напередъ отправить, — имѣется нынѣ; а именно, во-первыхъ примасъ съ нѣсколькими персонами его фамиліи, его адгерентами, по приложенному при семъ списку, подь № 1.

2) Марки де-Монти съ его племянникомъ, секретаремъ и съ однимъ офицеромъ, и при немъ разные служители, по приложенному списку, подь № 2.

3) Коронный шацъ-мейстеръ графъ Осолинскій, у котораго, взятые изъ Кракова, королевскіе атрибуты, яко: корона и скипетръ, на рукахъ имѣлись, а оныя и понинѣ, подь видомъ что будто въ Варшавѣ отставлены, — у себя скрываетъ.

4) Аптъ Сираковскій, у котораго государственная печать на рукахъ была.

5) Рачевскій, Станиславскій влекціолсъ-маршалъ, которому дипломъ надлежитъ отыскать.

6) Вдова маршала Потоцкаго съ ея племянникомъ и служителями, по приложенному списку, подь № 3 и прочіе, которые подозрительны явятся. А прочіе всѣ Потоцкой фамиліи и другіе, которые ежели противъ воли Вашего Императорскаго Величества погрѣшили, — принуждены къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества подвергнутся. А тѣ магнаты, которые нынѣ Вашему Императорскому Ве-

личеству поворились и къ сторонѣ его величества короля Августа перешли, суть главные: епископъ Плоцкій,—Залуѣйскій, воевода русскій,—Чарторижскій, воевода мазовскій,—Понятовскій, воевода брестскій,—Домскій, воевода маріенбургскій,—Бревендовскій, воевода померанскій,—Чапскій, воевода лифляндскій,—Морстейнъ, гофъ-маршалъ Былинскій и прочіе каштеланы и старосты, которые всѣ вкупѣ къ высокой протекціи и волѣ Вашего Императорскаго Величества отдались и въ томъ письменно и словесно пароль свой дали въ вѣчномъ союзствѣ съ Россією пребывать предо мною обѣщались; ежели жъ то разсуждать, что они Станиславской партіи были, то напротивъ того, они же сущіе тѣ, чрезъ которыхъ прежній покой въ государствѣ утвердить можно, какъ то они и обѣщаютъ и не токмо способны къ тому показываютъ, но и сущимъ дѣломъ отнынѣ поступають; а именно, Понятовскій отправилъ отъ себя къ воеводѣ Любельскому и каштелану чирскому съ письмомъ нарочнаго, и обнадеживаетъ, что по полученію онаго, помянутые воевода и каштеланъ Вашему Императорскому Величеству покорятся, ежели обнадежены будутъ Вашего Величества природнымъ милосердіемъ и генеральной амнистіей, къ чему и я всенижайшее мое мнѣніе болѣе ради того представляю, понеже оныя все свое упованіе къ природной милости Вашего Императорскаго Величества полагають, и партія ихъ по тому жъ обнадежена; а ежели напротивъ же того подъ арестомъ къ вышепоказаннымъ мѣстамъ повести, тѣмъ прочихъ навѣяще къ огорченію а ихъ немалый кредитъ повредить можно и безпокойства продолжаться можетъ, который саксонскимъ войскомъ воспретить трудно будетъ; ибо уже понинѣ, отъ времени до времени, явно отъ приключающихся болѣзней убавляются, отъ чего послѣдственно Вашего Императорскаго Величества арміи, при такомъ пространномъ государствѣ, разсѣяннаго непріятели не безъ трудности прекратить будетъ.

Къ тому жъ придаетъ вѣщее безобнадеживаніе, что неимовѣреніе, которое поляки къ его величества короля польскаго министрамъ и къ саксонскому войску имѣють, никакъ пресѣчь не можно будетъ, пока саксонское войско изъ Польши паки не возвратится и изъ здѣшнихъ магнатовъ нѣкоторые при его величествѣ обрѣтаться не будутъ.

Вексельминде и Оливскія ворота, которыя нынѣ саксонскимъ войскомъ содержатся, приумножаютъ вышепомянутое неимовѣреніе, напротивъ же того приростаеть здѣсь Вашего Императорскаго Величества милостивое обнадеживаніе, что стороны нашего войска никого въ упомянутыхъ не имѣется. Отъ саксонскаго двора и тѣмъ еще не довольны, но требуютъ чтобъ до пацификаціоннаго сейма ихъ гарнизонъ

во Гданскѣ пробыль, какъ о томъ вчерашняго числа съ сообщеннаго приложенія копія явствуетъ подъ № 4.; о чемъ съ требованіемъ къ Вашему Императорскому Величеству нарочный отъ нихъ курьеръ отправленъ. Господинъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ, Вашего Величества посланникъ, былъ при той же конференціи, токмо по своему благо-разсужденію и, зная Вашего Величества интересъ, той резолюціи не подписалъ; и я о томъ имѣю ожидать Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей и скорѣйшей резолюціи, ибо заподлинно признать можно, что городъ Гданскъ лучше еще другую осаду вытер-пипшъ, нежели на тѣ кондиціи склонится, какъ съ саксонской сторо-ны отъ онаго всякимъ образомъ понинѣ претендовали; а вредить сто-роны Вашего Императорскаго Величества, что высокое намѣреніе безъ взысканія интереса Вашего Величества безмѣрно процвѣтаетъ и въ другую мысль многихъ приводитъ, какъ то невѣденіемъ нѣкоторые разсуждали. Чего для я декларовалъ, что Ваше Императорское Вели-чество того допустить не изволите, чтобъ саксонскому гарнизону во Гданскѣ до учипеннаго общаго мирнаго сейма пробыть, ибо чрезъ такой случай, которымъ внѣ и внутри польскаго государства, зависть приумножить, общій покой во всемъ государствѣ продолжить можетъ и окончаніе здѣшнихъ дѣлъ отъ морскихъ пруссансовъ депендовать будетъ. А Вашего Императорскаго Величества высокое намѣреніе тре-буетъ всѣ дѣла въ Польшѣ въ покой и въ прежнее состояніе вскорѣ привести и каждаго при своемъ древнемъ преимуществѣ оставить, а его королевскому величеству лучшая-бъ польза послѣдовать могла и при началіи сего владѣнія каждаго королевскою милостію къ себѣ склонить и сумнѣнія не приумножить, ибо то и Вашего Император-скаго Величества славѣ и интересу противно, на что ожидаю, паче-же какъ съ польскими магнатами поступать, — Вашего Императорскаго Ве-личества высокоповелительнаго указу; при чемъ имѣю на всемогуща-го Бога упованіе, ежели Ваше Императорское Величество въ моихъ ревнительныхъ и неинтересныхъ поступкахъ всемилостивѣйше удоволь-ствіе имѣтъ соизволите, то прежній покой въ Польшѣ конечно въ ны-нѣшнемъ году возобновленъ быть можетъ, и Вашего Императорскаго Величества славнѣйшее намѣреніе счастливо исполнено и ко оконча-нію приведено будетъ, въ которомъ миѣніи его свѣтлость герцогъ Вейсенфельскій и саксонскіе министры господинъ фонъ Билау и Симонисъ согласны, токмо ко двору своему того объявить не дер-заютъ.

Что до города касается, то я отъ онаго, по силѣ Вашего Импе-раторскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія, болѣе милліона

не требовалъ; однако городъ долженъ, по силѣ капитуляціи, которая оригинально при семъ къ вашему Императорскому Величеству посылается, ради Станиславскаго отбытія другой миллионъ заплатить.

Понеже Ваше Императорское Величество при отправленіи моемъ всемилостивѣйше повелѣвать и позволить изволили, чтобъ мнѣ нечто за труды мои отъ города получить; того ради, по военнымъ обыкновениямъ, за то, что во время осады въ городѣ въ колокола звонили на весь генералитетъ, артиллерію и инженерный корпусъ—шестьдесятъ тысячъ талеровъ заплатить въ капитуляціи включено, о чемъ рапортицію не умедря къ высокой опробаціи Вашему Императорскому Величеству сообщить не оставлю и ожидать буду повелѣнія.

Пашпортовъ депутатамъ, которые отъ города къ Вашему Императорскому Величеству ѣхать должны, всеповорно ожидаю, и по полученію оныхъ немедленно та депутація отправлена будетъ.

Вчерашняго числа присутствовалъ я въ первый разъ въ городѣ въ службѣ Божьей, купи съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ и со всѣмъ генералитетомъ, при чемъ молебень всенародно, и потомъ съ города три раза изо всѣхъ пушекъ пальба чинена была; при въѣздѣ моемъ въ городъ встрѣтилъ меня, въ наружныхъ воротахъ, комендантъ и отъ всѣхъ карауловъ чинены были надлежащія салютаціи.

О выступленіи въ маршъ Вашего Императорскаго Величества войска и объ отвозѣ осадной артиллеріи присланъ отъ меня будетъ неумедля всеподданѣйшій прожектъ, а вскорѣ выступить еще будетъ не можно, ибо съ саксонской стороны не весьма обнадежены пока въ великой Польшѣ и въ Прусахъ все спокойно не будетъ; къ тому жъ не зѣло можно будетъ въ маршъ выступить пока хлѣбъ съ поля не снимутъ, понеже стараго хлѣба нигдѣ не имѣется; а въ то время можно тѣмъ трактомъ итти, гдѣ еще непріятель имѣется, а на послѣдокъ къ полковымъ вѣчнымъ квартирамъ; а не безъ пользы бы быть могло ежели-бъ всемилостивѣйшее Ваше Императорское Величество позволили нѣкоторое отдохновеніе полками возымѣть. Господину генераль-маіору Измайлову, чтобъ онъ въ пристойномъ мѣстѣ съ командою своею остановился, такожь де и генераль-маіору фонъ Бисмарку дабы онъ рекрутъ у себя держалъ—отъ меня писано.

Отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ Левенвольда имѣется обнадеживаніе, что оный вскорѣ сюда прибудетъ, съ которымъ купѣ къ лучшему интересу Вашего Императорскаго Величества разсужденіе имѣть и согласно во всѣхъ дѣлахъ поступать буду.

О его императорскаго величества польскаго скоромъ прибытіи обнадеживаніе имѣется. Господину барону фонъ Бракелю писано отъ меня, чтобъ російскихъ плѣнниковъ при Копенгагенѣ удержалъ, пока французами оныя размѣнены будутъ; а понеже здѣсь французскаго войска толикаго числа сколько нашихъ плѣнныхъ не имѣется, того ради—не соизволите ли Ваше Императорское Величество до того времени здѣсь и шведскихъ плѣнныхъ удержать. Я нынѣ безсумнѣнно пребываю, что флотъ Вашего Величества счастливо и съ не малою славою къ гаванямъ російскимъ уже прибылъ и всякій причитаеть къ славѣ (что) російскій оный флотъ „2000“ французовъ на бортѣ имѣется. И припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Юля 1-го 1734 г. Оръ.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла быв. кабинета; св. 6.

№ ХСVIII.

Всепресвѣтлѣйшал, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству изъ моего всеподданѣйшаго журнала не безъизвѣстно, коимъ образомъ второго Московскаго полку подполковникъ Карауловъ, при взятіи непріятельскаго редута, котораго штурмъ продолжился чрезъ нѣсколько часовъ, съ командированными двумястами человекъ, весьма въ службѣ Вашего Величества ревнительно и отважно поступалъ; въ которомъ редутѣ было непріятеля въ 400 человекъ, по его искуснымъ приводомъ, оный редутъ взятъ и непріятели выбиты съ немалымъ урономъ; потому жъ оный подполковникъ Карауловъ во всѣхъ военныхъ случаяхъ, а особливо при атакѣ Гагельсберга, весьма себя храбро оказывалъ, гдѣ и раненъ, и по моему всеподданѣйшему мнѣнію достоинъ оный, по высокой Вашего Императорскаго Величества милости, быть полковникомъ; а ваканція имѣется полковничья въ Новгородскомъ пѣхотномъ полку, обрѣтающагося въ Низовомъ корпусѣ, полковника Янгора. Всеподданѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу, дабы оный подполковникъ Карауловъ, по его къ тому достоинству, всемиловѣйше отъ Вашего Императорскаго Величества пожалованъ былъ въ пол-

ковники въ помянутый Новгородскій полкъ, или хотя до первойъ плацъ-ваканціи при здѣшней арміи; о чемъ, ожидая отъ Вашего Величества всемилостивѣйшаго указу,—припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

F. d. Munnich.

Юля 2-го дня 1734 г. Оръ.

Гл. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла бывш. кабин.; св. 6.

№ XCIX.

Всересвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству сообщаю при семъ начало нѣкоторыхъ примѣчаніевъ, которыя, по моему низжайшему разсмотрѣнію, зѣло нужны суть, ибо я при нѣсколькихъ уже сеймахъ въ Польшѣ и въ Литвѣ, а особливо при мирномъ сеймѣ въ 717 году и происходящихъ трактатахъ въ Люблинѣ,—обрѣтался, и въ то время у его королевскаго величества блаженныя памяти у фельдмаршала Флеминга и графа Мантейфеля, въ такомъ кредитѣ состоялъ, что деликатные поступки съ нынѣшнимъ воеводою новгородскимъ, княземъ Радвиломъ,—который и въ то время королевскую партію навяще прочихъ и съ своимъ тестемъ Завишемъ, особливо чрезъ дамскихъ персонъ, содержалъ,—мнѣ поручены были; при чемъ я счастье имѣлъ полезныя намѣренія ко окончанію привести.

Нынѣ я тожъ, чрезъ всеневныя конференціи, столько извѣстенъ и видѣтъ могу, какъ обѣихъ партій въ надеждѣ состоятъ, а особливо тѣ, которыя вновь Вашему Императорскому Величеству покорились; и то во мнѣ возбудило помянутое примѣчаніе сочинить, которымъ впредь продолжать и всемилостивѣйшаго отъ Вашего Императорскаго Величества повелѣнія ожидать буду, понеже я безсумнѣнно уповаю, ежели на то Вашего Императорскаго Величества апробація, по природному Вашего Величества милосердію, послѣдуетъ, то можетъ полезное намѣреніе Вашего Величества о покоѣ въ Польшѣ въ самой скорости исполнится и прочія Вашего Величества претензіи къ Рѣчи Посполитой польской прекратить не трудно будетъ.

Его величества короля Августа ожидаютъ сюда около 8 и 9 числа сего мѣсяца, и будетъ его величество пребываніе свое въ Оливскомъ монастырѣ имѣть; при его жъ величествѣ уповаю господиномъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ, такожь де изъ Берлина господиномъ оберъ-

штадмейстеръ графъ фонъ-Левенвольдъ сюда жъ придутъ и потомъ дѣло о общемъ примирѣніи въ Польшѣ съ добрымъ успѣхомъ начато будетъ. Польскіе магнаты, которые вновь покорились, просили о позволеніи у брандебургской границѣ, подъ конвоемъ нашимъ, его королевскаго величества встрѣтить и къ его величества стопамъ покориться; а понеже о томъ, можетъ ли то его величеству на пути быть угодно—имъ на то позволить не могъ, и отговорилъ чтобъ не ѣхали; и по мнѣнію моему лучше ежели они его королевскому величеству, по прибытіи его сюда, получа на то изволеніе, съ пристойною церемоніею то учинять, дабы тѣмъ, которые сначала партіи его величества состояли къ зависти меньше поводу подать.

Епископъ полоцкій и господа воеводы Чартурижскій и Понятовскій стараются со всякою ревностію своихъ пріятелей къ сторонѣ Вашего Императорскаго Величества привести, какъ то письмами своими къ воеводѣ Тарлу и кастеляну чирскому чинено было, а нынѣ отправили письмо въ Литву, съ котораго при семъ копія подъ № 1 прилагается.

Помянутый епископъ плоцкій имѣетъ безмѣрную любовь и почтеніе въ народѣ, и по природѣ своей склонность къ миру и, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изъ приложенной копіи подъ № 2, который оригиналь я въ рукахъ своихъ имѣлъ, усмотрѣть изволите, что оному бискупу отъ умершаго короля Августа чинъ великаго канцлера обѣщанъ былъ.

О воеводѣ русскомъ, Шатуринскомъ, Вашему Императорскому Величеству доношу, что оный изъ всей ихъ фамиліи добродѣтелями наполненъ и не интересантъ, и весьма совѣсти доброй, хотя и великое вжидвеніе и кредитъ въ народѣ имѣетъ.

О достоинствѣ зятя его, Понятовскаго, довольно жъ извѣстно, что никто такого кредита при польской арміи не имѣетъ, какъ онъ; и сіи три главныя персоны, конечно съ истиннымъ намѣреніемъ стороны Вашего Императорскаго Величества, и желаютъ достовѣрно общаго покою въ Польшѣ и могутъ оная партію Вашего Величества такъ приумножить, какъ оной потребно, для утверженія на престолѣ его величества короля Августа, и конечно что возможности ихъ будетъ, въ знакъ вѣрности Вашему Императорскому Величеству, оказывать будетъ, ибо они о праведномъ и безъ всякаго интереса Вашего Императорскаго Величества высокимъ намѣреніямъ въ совѣсти своей обличены и состояніе сихъ трехъ фамилій собственнымъ ихъ интересамъ зависятъ, чтобъ непремѣнно стороны Вашего Императорскаго Величества удержаться; и какъ уже вышепоказанный кредитъ ихъ въ

Польшѣ зѣло великъ, того ради обнадеженъ я, что и партія ихъ въ Польшѣ больше всѣхъ и стороны нашей надежнѣе быть можетъ, какъ уповательно свита нынѣшней негодіаціи отъ времени до времени больше наружу окажетъ. Какъ примасть, такъ и маркизъ де-Монти съ своими свитами, маршалкова Потоцкая съ племянниками и родственниками, также плѣнные французы и шведы, — всѣ подъ добрымъ карауломъ въ Эльбингъ отправлены, и будутъ тамо обрѣтаться пока отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшее повелѣніе, что со оными впредь чинить велѣно будетъ; а маркизъ де-Монти, который съ своимъ племянникомъ безъ всякаго озлобленія при своихъ шпагахъ содержаны были, — весьма за обиду принялъ, какъ у служителей его, которыхъ не малое число при немъ обрѣталось, оружіе и шпаги отобраны были, какъ то изъ приложенной вопіи подъ № 3 всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите, и какъ видно, что онъ самъ того желаетъ, дабы ему озлобленіе учинено было.

Я дерзаю Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше донести, что необходимо принужденъ при здѣшнемъ моемъ постѣ великіе расходы имѣть, ибо за скорой посылкой моею на почтѣ — ни людей, ни экипажа при себѣ не имѣлъ, и принужденъ здѣсь вновь всѣмъ себя снабдить и, ради пріѣзжающихъ польскихъ магнатовъ и чужестранныхъ министровъ и прусскихъ офицеровъ, всегда столь открытый имѣю; и того для за здѣшнею дороговизною, какъ то временемъ случается, что и за деньги нѣкоторыхъ вещей достать не можно, чего для на такіе расходы жалованья моего не достаетъ; а понеже по учиненной съ городомъ Гданскомъ капитуляціи выговорено за колокола, — генералитету, артиллерійскому и инженерному корпуса, — нѣкоторая сумма изъ которой кому какое награжденіе учинить при семъ къ высокой Вашего Императорскаго Величества апробаціи рапортиція прилагается; а о достальныхъ всеподданѣйше прошу дабы на содержаніе моего стола, по чести чина моего, опредѣлено было.

О офицерахъ, унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ, которые къ награжденію отъ меня написаны, доношу Вашему Императорскому Величеству, что при здѣшней осадѣ всѣ ободрались и по должностямъ своимъ немалый трудъ имѣли, и достойны Вашего Императорскаго Величества милостиваго награжденія.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ Минихъ.

Іюля 5-го дня 1734 г.

Орѣ. Г. Архивъ Ин. дѣлъ; дѣла бывшаго кабинета; св. 6.

№ С.

Переводъ.

Проектъ какъ нынѣшнее замѣшаніе въ Польшѣ успокоить и скоро постоянную тишину возстановить можно.

1. Понеже великодушіе, любовь къ справедливости и щедрота Ея Императорскаго Величества, Императрицы Всероссійской, во всемъ свѣтѣ, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, такъ прославились, что оныя въ Польшѣ никому не неизвѣстны быть не могутъ. Того ради и злосчастію, которое то королевство такъ жестоко отягощаетъ, довольно удивляться не можно, что большая часть оной націи, чрезъ печальныя слѣдствія разныхъ, а не общихъ интересовъ, (которые и нынѣ оную республику въ замѣшаніе привелъ),—къ ослѣпленію и незнанію Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссійской безъ похлѣбственнаго намѣренія приведена быть могла—будто время совершеннаго о пресѣченіи ихъ вольности приблизилось и Ея Императорскаго Величества войско для того въ Польшу вступило.

2. Дабы сіе мнѣніе, которое такъ великодушному и удивленію достойному намѣренію Ея Императорскому Величеству всемѣрно противно, совершенно отнять, то потребно будетъ оной націи, чрезъ публичныя деклараціи и сходные тѣмъ поступки, удобные и подлинныя опыты подать, что Ея Императорское Величество, Императрица Всероссійская, когда во время елекцій своимъ войскамъ въ то королевство вступить повелѣла, подлиннаго никакого намѣренія не имѣла, какъ токмо препятствовать, чтобъ Станиславъ на престолъ возведенъ не былъ; ибо на его не инако, какъ на своего непріятеля, и въ возведеніи его на престолъ, какъ тишинѣ Ея имперіи и общему миру въ Европѣ—весьма противное почитать можно.

Нынѣ, когда Богъ Ея оружію побѣду даровалъ, у Станислава вся надежда на корону отнята и всѣ тѣ, которые при немъ были, Августа Третьяго за своего праведнаго короля признали,—Ея Императорское Величество никакое намѣреніе не осталось, какъ скорое возстановленіе тишины и неотмѣнное содержаніе вольностей, правъ и преимуществъ республики.

3. Не приморазсудительные и незнающіе люди—презираемъ, прощеніемъ, милостью и милосердіемъ лучше на путь приводятся. Сія качества имѣются въ природныхъ и никогда довольно неухвалемыхъ добродѣтеляхъ Ея Императорскаго Величества, и потому соблаговолеть они тѣмъ дѣйство того сказать: которые партію Станислава

держали и отъ худой ревности къ факціямъ происходящія преступленія всемилостивѣйшему забвенію преданы и каждому въ возстановленіи и содержаніи въ его: чести, достоинствахъ, чинахъ и преимуществахъ (какъ оны каждый при смерти короля Августа Второго имѣлъ) сильно охранять.

Примѣръ тѣмъ, когорымъ сія милость учиниться, подлинно и всѣмъ прочимъ, которыя еще балавцируютъ, привлечеть, и сумнѣваться не надобно, что когда такимъ образомъ всякое сумнѣніе, пощеченіе и страхъ отъ нихъ отнимется, то они, яко главнѣйшіе члены республики, со всякою ревностью исвать будутъ шляхетство во всѣхъ провинціяхъ и воеводствахъ вскорѣ соединить, ибо они того шляхетства удостовѣряютъ, что они счастье свое лучше производить не могутъ, какъ воле и милостивымъ намѣреніямъ Ея Императорскаго Величества слѣдовать.

4. Дабы скорѣе въ томъ намѣреніи и до способа генеральной пацификаціи пріинти, то потребно будетъ нѣкоторое число людей назначить, и которыхъ честность и исполнить доброе намѣреніе такъ удостовѣрены, чтобъ при оной пацификаціи, интересованныя державы на тѣхъ людей надѣется и то, что они къ полученію желаемого намѣренія учинять апробовать и ихъ въ томъ сохранить могли.

5. На возставшее шляхетство и войска, которыя въ Польшѣ и Литвѣ еще въ ружьѣ паходятся, вышеозначенные люди наперво смотрѣтъ имѣютъ, яко на такое зло, которое прежде всѣхъ пресѣчено быть имѣеть, и когда въ планѣ пацификаціи соглашено будетъ, то и съ нынѣшними доброжелательными вельможами способы легко изысканы быть могутъ, какъ и въ каждой партіи особливо склонить и на правый путь привесть; при томъ еслико до войскъ касается слѣдующее разсужденіе обойти не можно. Что понеже оное королевство уже гораздо разорено и все въ такомъ (состояніи), что жалованье онымъ порядочно заплачено быть не можетъ и слѣдовательно тяжело будетъ когда инья войска въ должность свою уже и приведены, оныхъ въ томъ мостоянно и въ надлежащемъ послушаніи содержать. Того ради его величеству королю, по учиненному отъ него обязательству, надлежитъ тѣ деньги давать, чтобъ оными войска до сейма пацификаціи содержать, на которомъ о платежѣ и впрעדъ постановлено будетъ.

6. При томъ, чтобы войска удовольствовать потребно о томъ еще стараться, дабы подвигу и злобу шляхетства въ провинціяхъ утишить. Мало воеводъ или провинцій, гдѣ такихъ персонъ не обрѣтается, которыя или бы своими знатными имѣніями или разумомъ, заслугами и добрымъ обходительствомъ, равно яко бы дирекціи или правительства

надъ шляхетствомъ не имѣли. И тако весьма легко будетъ сихъ начальниковъ или предводителей намѣренія, интересъ и ихъ обязательство вѣдать, оныхъ на прямой путь преклонить, особливо же соблюденіемъ ихъ чиновъ успокоить.

7. Понеже потребныя распоряженія учинены къ удовольствію войскъ и шляхетства въ воеводствахъ, то довлѣтъ генеральное собраніе созвать и напередъ какъ о времени и мѣстѣ, такъ и о формѣ, которыя интересованныя державы сему собранію расположить заудобное найдутъ пресовѣтовать: что онымъ—подъ однимъ ли именемъ сейма пацификацій или же сейму подѣ генеральною конфедераціею, въ особливыхъ каждаго воеводства конфедераціяхъ состоящею,—отправленнымъ быть надлежитъ?

8. Чаятельно, что важность, предъявляемыхъ о томъ резоновъ интересованныхъ державъ легко къ тому склонить можетъ, дабы сеймъ подѣ именемъ генеральной конфедераціи требовать, не вступая о томъ въ подробности, которыя безконечной дальности быть могутъ. А между тѣмъ, однакожь, потребно одну изъ главныхъ причинъ здѣсь предъявить, что повеже въ собранныхъ подѣ именемъ сейма безпредѣльная вольность прекословія въ совершенной своей силѣ бываетъ, то какой либо своровольный или закупленный земскій посоль наиболѣзвѣйшія къ поспѣшествованію общаго благополучія принятыя мѣры отвергнуть и уничтожить можетъ. Насупротивъ чего при сеймѣ подѣ обязаніемъ генеральной конфедераціи оное отъ множества голосовъ зависить и слѣдовательно безопасныя и вѣрныя мѣры къ утверженію мира и тишины принять можно; въ чемъ истинно большая часть, а именно всѣ доброжелательныя въ республики участіе примуть.

9. Когда созваніе сейма подѣ обязаніемъ генеральной конфедераціи заключено будетъ, то въ важнѣйшее разсужденіе принять довлѣтъ—квалитеты, искусства и заслуги, которыя въ персонѣ маршалка конфедераціи потребны, ибо безъ всякой господину Понинскому, нынѣшнему маршалку, обиды сказать не можно, чтобы онъ (который былъ іезуитомъ и разведенную жену въ супружество понялъ (sic) въ чести, власти и почтеніи недостатокъ имѣлъ, которыя необходимы отъ сей націи требуется, дабы толь многихъ разныхъ персонъ соединить, и таковое важное дѣло управлять.

Въ королевствѣ въ заступленію сего важнѣйшаго мѣста въ персонѣхъ недостатка нѣтъ, и симъ премѣнемъ маршалка уже часто при разныхъ случаяхъ въ республикѣ учинилось (какъ и послѣдняя Тарноградская конфедерація весьма новый примѣръ тому подаетъ), ничего что подѣ дигерскіею перваго маршалка происходило не отмѣнится.

10) Интересуюція при сей пацификаціи державы благополучное воспослѣдованіе сей великой негодіаціи толь наипаче удостовѣряють, когда отъ нихъ къ тому персоны изъ сей націи, которыхъ они кон-фиденцію своею почесть хотятъ, просвѣщенныхъ, безъ похлѣбствен-ныхъ и благозаслуженныхъ министровъ изберутся, которые властью своею по характеру ихъ имѣющею всѣ затрудненія, которыя на всякъ часть оказываются пресѣчь и тѣмъ дѣломъ скорѣе къ превысочайшему удовольствію Ея Россійскаго Императорскаго Величества, его вели-чества короля Августа Третьяго и къ успокоенію и счастливости рес-публики къ желанному окончанію привести могутъ.

Б. ф. Минихъ.

Гл. Ар. Ин. дѣлъ Дѣла быв. кабин.; св. 6.

№ СІ.

Вѣдомость по коликому числу надлежитъ генералитету съ ихъ штабомъ, также артиллерійскимъ и инженернымъ служителямъ уч-нить денежнаго награжденія.

	Рубли.
Генералу и кавалеру Лессію.....	5000
Генераль-лейтенанту князю Барятинскому.....	2500
Генераль-лейтенанту Загряжскому.....	2500
Генераль-маіору князю Урусову..	1800
Генераль-маіору фонъ Бирону.....	1800
Генераль-маіору Бахметеву.....	1800
Генераль-маіору Лессію.....	1800

Генералитетскому штабу.

При генераль-фельдмаршалѣ графѣ фонъ Минихѣ.	
2-мъ генераль-адъютантамъ.....	800
4-мъ флигель-адъютантамъ.....	800

При генераль Лессіи

Генераль-адъютанту.....	300
Флигель-адъютанту.....	200

При двухъ генераль-лейтенантахъ.

2-мъ адъютантамъ.....	400
Флигель-адъютанту.....	80

При генераль-маіорахъ.

4-мъ флигель-адъютантамъ.....	400
<u>Итого на генералитеть съ штабомъ. . .</u>	<u>20180</u>

Артиллерійскимъ служителямъ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка бомбардирской роты.

1-му Подпоручику.....	200
1-му сержанту.....	80
2-мъ капраламъ каждому по 50-ти. Итого.....	100
21-му бомбардиру каждому по 10-ти, итого.....	210
17-ти кадетамъ, каждому по 5 итого.....	85
<u>Итого....</u>	<u>675</u>

Артиллерійскимъ служителямъ

Подполковнику.....	600
2-мъ маіорамъ.....	800
5-ти капитанамъ, каждому по 300; итого.....	1500
3-мъ поручикамъ, 1-му квартирмейстеру и 1-му цейбъ-вартеру; каждому по 150-ти; итого.....	750
5-ти подпоручикамъ, каждому по 100.....	500
8-ми штыкъ-юнкерамъ и 2-мъ провіанмейстерамъ, каждому по 80-ти, итого.....	800
11-ти сержантамъ каждому, по 50-ти итого.....	550
10-ти каптенармусамъ и фуріерамъ каждому по 25 итого.....	250
13-ти капраламъ, каждому по 18.....	234
27-ми бомбардирамъ каждому по 6-ти' итого.....	162
87-ми канонирамъ, каждому по 5-ти.....	435
60-ти гантлангерамъ, каждому по 3-ри.....	180
24-мъ фузалерамъ, каждому по 2.....	484

Фурманскаго правленія.

2-мъ поручикамъ по 50; итого.....	100
8-ми фурмейстерамъ и унтеръ-фурмейстерамъ по 5 руб. итого.....	40
290 фуркнехтамъ по 1-му каждому.....	290
Мастеровымъ людямъ на всю команду.....	300
<u>Итого артиллерійстамъ....</u>	<u>7975</u>

Инженернымъ служителямъ.

Генераль-квартирмейстеру лейтенанту.....	800
Подполковнику.....	600
3-мъ капитанамъ, каждому по 300.....	900
1-му капитану поручику.....	200
1-му поручику.....	150
Прапорщикамъ 3-мъ по 100, да 3-мъ же по 80 ка- ждому; итого.....	540
Кондукторамъ 2-мъ—по 50, 1-му—40, да ученику— 15; итого.....	155
Бывшимъ при инженерной работѣ офицерамъ:	
Поручику.....	150
Подпоручику.....	150
5 прапорщикамъ по 80 каждому, итого.....	400
Унтеръ-офицерамъ одному 30; тремъ по 25-ти каж- дому, итого.....	105
Капралу.....	20
Офицерамъ, которые у генераль-фельдмаршала на ординаріи обрѣтались и во все время адъютантскую должность отправляли.....	500
<hr/>	
Итого на инженерныхъ...	4670

Всего на генералитетъ, съ ихъ штабомъ на артил-
лерійскій и инженерный корпусъ..... 33500

Христофоръ графъ Миннихъ.

№ СП.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня импе-
ратрица:

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу.
Вчерашняго числа былъ у меня прусскій тайный совѣтникъ фонъ
Брантъ и объявилъ, что по отбытіи его королевскаго величества
прусскаго къ арміи присланъ къ нему изъ тайнаго совѣту рескриптъ,
который предо мною онъ и читалъ и состоялъ въ слѣдующихъ гене-
ральныхъ терминахъ.

Будто господинъ оберъ-италмейстеръ графъ фонъ Левенвольдъ
нѣкоторымъ прусскимъ министрамъ въ разговорахъ о сысканіи Ста-
нислава знать далъ; изъ чего они разсудить могли, что Стани-

слава, хотя въ прусской землѣ нападеніемъ, взять повелѣно отъ него; а хотя при томъ дворѣ признавали, что такія рѣчи ни отъ чего другого послѣдовали, какъ отъ бывшей болѣзни и отъ неблагонаправнаго часу, помянутаго господина графа, но однакожь оному Бранту предложено было королевскимъ именемъ отъ меня увѣдомиться: даваны ли были такіе ордера, и буде въ такихъ случаяхъ ежелибъ по тому исполненіе воспослѣдовало, его королевскому величеству чувственная обида тѣмъ учинена была, и она не инако, какъ разрушеніе миру признано было, и послѣдовать могло, что король прусскій, противъ французовъ, его величеству цесарю римскому ни которымъ образомъ помощи чинить не будетъ, но войско свое накі возвратитъ. И просилъ оный господинъ фонъ-Брантъ, чтобъ я ему подлинную декларацію на то учинилъ, (а въ томъ рескриптѣ его величество король Августъ токмо курфюрстомъ саксонскимъ, а Лещинскій королемъ Станиславомъ титулованы были).

На что я оного господина фонъ Бранта просилъ о сообщеніи мнѣ со оного рескрипта копіи, дабы на каждый пунктъ, лучшей отвѣтъ учинить можно было, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ. Чего ради я ему отвѣтствовалъ, что я изъ полученныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества о Станиславѣ повелѣніевъ другаго видѣть не могу, какъ что Ваше Императорское Величество и его величество цесарь римскій по всеѣмъ пробаѣмъ, которыя его величеству королю прусскому для вѣрнаго дружелюбія оказываны были, и того для въ крѣпкой надеждѣ уповаю, что его величество Станислава, яко явнаго непріятеля, въ своихъ земляхъ защищать не иволятъ; такожь де и въ гнѣвъ того не поставитъ ежели съ нашей стороны мы оного и въ его земляхъ сыскивать станемъ, ибо каждому не воспрещается своего непріятеля гдѣ бы найдти не могъ сыскивать. Я въ томъ отрицаться не могу, понеже Тарло и прочія польскія войска чрезъ прусскія земли для атакванія насъ маршировали, чего для, для сысканія оного Станислава и прочихъ нашихъ непріятелей, ежели случай сыщутъ, и въ прусскихъ владеніяхъ сыскивать и атаковать не оставлю, ибо такіе примѣры и въ прежнихъ войнахъ между цесарскимъ и французскимъ войсками бывали; сверхъ же того знать не могу, что отъ стоящаго нашего войска въ Эрмляндіи и въ Литвѣ Станиславу приключиться можетъ, съ чемъ оного господина фонъ Бранта и отправилъ. И мнится быть по сему, что его величество король прусскій Станиславу не мочную протевцію дастъ, однакожь ретираду свою ему взять не воспрещаетъ, и учиненныя представленія отъ господина фонъ Бранта не иного ради резону были, какъ токмо съ прусской стороны оказать, что французскому

государству и Станиславу въ пользу, что могли, то учинили. Ибо ежели они Станислава въ свою протекцію точно взять намѣрены были, тобъ онъ въ крѣпости, или въ городѣ подъ надежнымъ охраненіемъ а не въ уѣздѣ, въ деревни содержанъ былъ. Я ожидаю каждый часъ извѣстія отъ посланныхъ моихъ, ежели Станислава изобрѣсти могутъ, что надъ оними сдѣлается.

При семъ же Вашему Императорскому Величеству доношу, что отъ его свѣтлости герцога Вейсенфельскаго и тайнаго совѣтника господина фонъ-Биллау, полученныя изъ Дрездена резолюціи, бывшей конференціи, вчерашняго числа словесно мнѣ объявлены, а какъ скоро письменно мнѣ сообщено будетъ, то съ онаго копію къ Вашему Императорскому Величеству прислать не оставлю; а состояли оныя резолюціи, наприимѣръ, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Чтобъ воеводу русскаго, Шатуриновскаго, склонять команду коронной гвардіи упустить.

2) Отъ города Гданска требовать два милліона талеровъ и двѣсти тысячъ червонныхъ на артиллерію и прочее, не подлинно назначенное, требовать.

3) Изъ гданскаго магистрата нѣкоторымъ персонамъ, въ магистратскомъ одѣяніи, депутатами его королевскаго величества на границѣ встрѣтить.

4) Саксонскій гарнизонъ до генеральнаго мирнаго сейма во Гданскѣ содержать.

5) Чтобъ городской гарнизонъ его королевскому величеству присягу учинилъ, и тотъ гарнизонъ съ ихъ офицерами подъ командою саксонскаго генералитета состоялъ.

6) При въѣздѣ его королевскаго величества, чтобъ городскіе мѣщане безъ оружія по улицамъ поставлены были.

7) Чтобъ примаса принуждать дабы онъ къ папѣ римскому писалъ о признаніи своего погрѣшенія.

8) Воеводу мазовскаго, Понятовскаго, съ прочими, вновь покоренными, принуждать, чтобъ они къ Станиславскимъ адгерентамъ писали и къ сторонѣ его величества ихъ склоняли, потому жъ и къ татарскому хану и къ королевскому имисарію, который при Оттоманской Портѣ обрѣтается о потребномъ писали жъ и извѣстіе давали.

А объ отдачѣ Вексельминде и Оливскихъ воротъ по прежнему городу, (которое какъ въ городѣ, такъ у польскихъ магнатовъ и при прусскомъ дворѣ немалую зависть притворяетъ), и которою честию его королевское величество доволенъ быть могъ,—ничего не упоминается; ибо каждый разсуждаетъ, ежели Ваше Императорское Вели-

частво миръ и покой въ Польшѣ по прежнему всемилостивѣйше утвердить изводите, то общаются они его королевскаго величества Августа Третьяго партію содержать и на польскомъ престолѣ утвердить; а наироживъ того каждый членъ республики требуетъ, чтобъ при ихъ вѣднестяхъ оставлены и крѣпчайшимъ образомъ защищены были, дабы тѣмъ всѣ пути къ нѣкоторому разрушенію пресѣчены были.

Что же во-первыхъ до команды надъ коронной гвардіей принадлежитъ, то разсуждаютъ поляки, что король никого безъ суда чина своего лишить не можетъ; ежели со онымъ его королевскому величеству начало тому учинить, то разсуждается и прочее тому жъ послѣдовать могутъ, что генеральной амнистїи противность будетъ, а тѣмъ, которые еще не покорились, немалое сумнѣніе къ праведному пути привести. А воевода русскій обрѣтался ужъ напредъ сего въ цесарской римской службѣ -- былъ и знаки своего достоинства довольно оказывалъ, чего ради достоинъ паче другихъ надъ коронною гвардіею команду имѣть.

Но однако его королевское величество, какъ изъ выше писанной резолюціи видно, къ тому не склоненъ, ради графа Центлера, который нигдѣ не служилъ, при его прежнему чинѣ оставить.

Во-вторыхъ, чтобъ городу два милліона въ краткомъ времени заплатить, кажется ни которымъ образомъ не возможно отъ нихъ того требовать, и безъ фундамента къ великому аларму поводъ подать, ибо какъ всѣмъ явно, что саксонскими войсками противъ города никакихъ работъ не исправлялось. Чтожъ до двадцати тысячъ червонныхъ на артиллерію касается, то хотя и невеликое бы дѣло оное заплатить, но однако городомъ отвѣтствовали, что еще до прибытія саксонскаго войска въ колокола звонить перестали.

На четвертое и пятое, чтобъ саксонскій гарнизонъ во Гданскѣ расположить, городскому гарнизону королю присягу учинить и саксонскому командиру оныхъ подчинить -- можетъ отъ того внѣ и внутри города такое дѣйствіе послѣдовать, что генеральная нацификація токмо продолжится; а лучше бѣ его королевскому величеству своею милостію къ народу поступать, нежели самодержавнымъ владѣніемъ начало своей державы примѣръ оказывать, паче же въ такомъ случаѣ, котораго пользы видѣть не можно; а Вашего Императорскаго Величества кредитъ и высокій интересъ зависить, чтобъ обѣщанное по капитуляціи все исполнить, ибо ежели дѣла въ Польшѣ продолжатся, то саксонскому войску отъ того, что въ Гданскѣ и въ Миндѣ гарнизоны имѣть будутъ -- Торунь, Варшаву и Краковъ съ прочими нужными мѣстами засадить и недоброжелательнымъ противиться не вѣмъ будетъ на-

противъ того, останется Вашего Императорскаго Величества арміи всѣ разбѣянные мѣста содержать, отчего солдатство и порядковъ и отъ времени до времени полки въ несостояніе прийти могутъ.

Что жъ до моего кредиту принадлежить, то ежели капитуляція съ городомъ, (которая за помощью Божьею великимъ трудомъ и чрезъ счастливое оружіе Вашего Императорскаго Величества получена) не содержать, то впредь никто моему паролю вѣрить не будетъ, которой обиды, я, при такой важной и зѣло трудной экспедиціи, не заслужилъ; и въ томъ ожидаю Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго о ненарушимомъ содержаніи сильнаго защищенія.

На шестое, чтобъ городскимъ обывателямъ, которые уже покорились и капитуловали, безъ оружія по городу разставить,—такого примѣру еще не слыхиваль.

На седьмое. Какъ примасу къ папѣ римскому и къ прочимъ по желанію ихъ писать и можно ли, подъ карауломъ содержащагося, примаса къ тому принудить,—о томъ просилъ я времени дать, пока господинъ оберъ-шталмейстеръ графъ фонъ-Левенвольдъ и баронъ фонъ-Кейзерлингъ сюда придутъ.

На осьмое. Воевода мазовскій, Понятовскій, и прочіе, вновь покоренные, со всякою ревностью желаютъ генеральную пацификацію со обнадеживаніемъ, что имъ и отсутствующимъ ихъ пріятеляхъ отъ короля и ихъ министровъ генеральную амнистію получить; и ради того возымѣли свое прибѣжище и надежду къ Вашему Императорскаго Величества природному милосердію, уповавъ, что еще до окончанія сего году генеральное примирѣніе послѣдуетъ. Ежели жъ, напротивъ того, они оскорблены будутъ,—покою скоро послѣдовать не можетъ; а за Потоцкою фамилію и за маркизъ де-Монти никто изъ нихъ не вступается, признавая, что они во всемъ виною состоятъ, и французскій кредитъ въ польской республикѣ нынѣ зѣло въ паденіе пришелъ. Повеже Вашего Императорскаго Величества министры еще сюда не прибыли, того ради я свое нижайшее мнѣніе, при здѣшнихъ оборотахъ, по должности моей, объявить оставить не могъ, хотя я безъ сумнѣнно пребываю, что по прибытіи его королевскаго величества, котораго на сихъ дняхъ ожидаютъ, много отмѣниться можетъ и изъ моихъ представленіевъ пѣкоторые за благо приняты будутъ. Однакожъ всеподданѣйше прошу о всемилостивѣйшемъ указѣ: какъ Вашего Императорскаго Величества армію собрать и къ предбудущимъ винтеръ-квартирамъ движеніе возымѣтъ повелѣно будетъ; дабы впредь, ежели онѣй, какъ донныѣ, въ пространномъ расположеніи всю тягость однимъ нести, а саксонскому войску, напротивъ того, въ одномъ мѣстѣ пре-

бывать,—того бѣ намъ не выискалось, ибо еще сегодня изъ Варшавы получено извѣстіе, что оставленная команда въ Варшавѣ въ содержаніи имѣетъ нужду, а ежели оную оттуда взять, то его королевскому величеству и епископу познанскому не безъ озлобленія будетъ.

Но, однакожь, по прибытіи его королевскаго величества, мое первое прошеніе будетъ, чтобъ войско наше изъ мѣстечекъ, которыя по Вислѣ рѣкѣ имѣются, саксонскимъ войскомъ смѣнены были, дабы намъ всѣмъ совокупаясь къ винтеръ-квартирамъ маршировать можно было.

При Эльбингѣ потребно одинъ полкъ оставить, пока объ отвозѣ осадной артиллеріи опредѣленіе учинено будетъ; такожъ и въ Эрмляндіи остаться надобно одному полку, пока генеральная пацификація послѣдуетъ.

Сей минуты получилъ я извѣстіе, что его королевскаго величества, Августа Третьяго, ожидаютъ сей ночи въ Оливу.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Іюля 7-го дня 1734 г. Орѣ.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла бывш. кабинета; св. 6.

№ СІІ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Сего іюля 6-го дня генераль-маіоръ Измайловъ присланнымъ бо мнѣ письмомъ изъ мѣстечка Пуни, минувшаго іюня отъ 27-го дня, представлялъ, что, по силѣ Вашего Императорскаго всемиловѣйшаго указу, команды его полки въ маршъ въ Эрмляндію выступили и переправляться начали чрезъ рѣку Нѣманъ; и хотя де отпращенная денежная казна на его команду и не привезена, однакожь оной дожидаться не будетъ, маршировать—съ поспѣшеніемъ, а лошади драгунскія въ комплектъ полевыхъ его команды, по извѣстію 518, прибыли въ Ковну, и для привоуду оныхъ отпращена отъ него знатная команда, которой (ежели вскорѣ не будетъ) приказано отъ него маршировать за нимъ денно и ночью съ поспѣшеніемъ. По объявленію де князю Вишневецкому Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшаго

указу, объявилъ ему, что онъ съ нимъ въ Эрмляндію не пойдетъ для того—егда-бъ онъ изъ Литвы пошелъ, то бы доброжелательнымъ вся надежда упала; и того ради имѣеть приблизиться къ корпусу генераль-маіора фонъ-Бисмарка; а князь Радзивиль, воевода новгородскій, въ надеждѣ, что по счастливомъ окончаніи подъ Гданскимъ тотъ корпусъ паки въ Литву возвратится,—съ нимъ ѣдетъ. А понеже, по-мощью Божескою и высокимъ Вашего Императорскаго Величества счастьемъ, дѣло съ городомъ Гданскимъ ко окончанію приведено, чего ради, по посланнымъ отъ меня къ нему, генераль-маіору, двоекратнымъ, до полученія сего письма,—минушаго іюня 26, 29 и сего числа третичнымъ ордеромъ,—велѣно ему съ командою остановиться и быть гдѣ по его разсмотрѣнію надлежитъ въ прежнемъ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бѣ въ провіантѣ и прочемъ лучшее удовольствіе быть могло и гдѣ наши непріатели находятся, дабы чрезъ непокореніе явившагося непріателя, ежели имѣется въ тамошнихъ мѣстахъ тишина, возстановлена быть могла; командированныхъ же на лагеряхъ отъ Ладожскаго и Углицкаго полковъ и прочихъ здѣшней команды велѣно отправить сюда немедленно. Командированныхъ же драгунскихъ лошадей велѣно вести съ надлежащимъ отдыхомъ, дабы имъ ни малой въ пути нужды не понесли и въ худобу не прійти. О чемъ Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе всеподданнѣйше рапортую во извѣстіе.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Іюля 7-го дня.

Г. Ар. Ин. Дѣлъ; дѣла быв. кабинета; св. 6.

№ CIV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что его королевское величество король Августъ Третій прошедшей ночи, въ 10-мъ часу, въ Оливскій монастырь благополучно прибылъ, котораго мы, какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и савонскимъ генералитетомъ, за двѣ миля встрѣтили; а по прибытію къ намъ его величество изъ коляски вышелъ и къ ругѣ насъ всѣхъ пожаловалъ; потомъ позволилъ до озваченнаго монастыря верхомъ слѣдовать;

по правую руку слѣдовалъ—его свѣтлость герцогъ Вейсенфельскій, а по лѣвую былъ я при его величествѣ; въ которомъ пути соизволилъ его величество со мною разные разговоры имѣть и такъ милостиво себя оказывалъ, что ежели со всѣми такіе поступки чинены будутъ, то всѣ сердца къ его величеству обратятся.

Его величества первые вопросы состояли въ слѣдующемъ: имѣю ли я о дражайшемъ Вашего Императорскаго Величества здравіи извѣстіе? И какъ я на то, по должности моей, отвѣтствовалъ и доносилъ, что Вашему Императорскому Величеству о счастливомъ прибытіи его величества пріятно слышать будетъ, и что я ради того нарочнаго курьера отправлю, изволилъ его королевское величество мнѣ отвѣтствовать, что онъ за сильную и мощную защиту Вашему Императорскому Величеству безконечно благодарить долженъ, а моими вѣрными услугами весьма доволенъ.

Потомъ его королевское величество изволилъ увѣдомляться о Станиславѣ, о примасѣ, о марки де-Монти и о прочихъ покоренныхъ магнатахъ и не имѣется ли изъ оныхъ на встрѣчу въ Оливскомъ монастырѣ. На что я его величеству отвѣтствовалъ, что безъ позволенія его никто дерзать не будетъ къ его величеству являться, но ожидаютъ повелѣнія когда его величества позволеніе будетъ онымъ къ стопамъ его покориться. На что изволилъ его величество отвѣтствовать, что подъканцлеръ Шатурнскій въ Кеслинѣ къ нему пріѣзжалъ и до очей его допущенъ былъ, которому онъ всякую милость оказалъ; на что я объявлялъ, что его королевское величество своимъ высочимъ присутствіемъ и мудрыми поступками можетъ во всей Польшѣ желаемый покой возстановить. На что его величество отвѣтствовалъ, что въ томъ намѣреніи состоитъ. Изволилъ его величество о воеводѣ Тардо и кіевскомъ и о прочемъ отъ меня увѣдомляться, какъ неменьше о конюнктурахъ въ Литвѣ.

На встрѣчу его величеству посланы были саксонскіе драбанты, а съ нашей стороны донскіе казаки и калмыки; и какъ его величество нашихъ казаковъ и калмыковъ увидѣлъ, соизволилъ приказать коляска съ собой остановиться, а имъ мимо маршировать.

За четверть мили отъ Оливскаго монастыря встрѣтилъ его королевскаго величества конфедераціи маршалъ господинъ Понинскій съ прочими польскими господами, а предъ монастыремъ встрѣтили его величества всѣ духовнаго чина особы въ ихъ одѣяніи и съ факелами яроваго воску, и подъ богатымъ балдахиномъ его величество въ костель провожденъ былъ.

На приходѣ онаго костела, аббатъ онаго монастыря на латин-

свомъ языкѣ чинилъ краснорѣчное поздравленіе, которому вѣратцѣ отвѣтствовали епископъ краковскій. Между десятого и одиннадцатаго часу во ономъ вѣнцѣ отпиралась служба Божья съ благодареніемъ Господа Бога, и потомъ его величество изволилъ до своихъ покоевъ шествовать, въ которые я и герцогъ Вейсенфельскій съ господиномъ генераломъ Лессіемъ впущены были, и при отдаваніи намъ пароля „Святая Анна“—милостиво насъ отпустить изволилъ.

Однимъ словомъ заключить, его королевское величество такъ милостиво къ намъ поступать изволилъ, что ежели во всѣмъ такъ обращаться будетъ, то къ счастливому послѣдованію никакого сумнѣнія имѣть не можно.

Господинъ графъ фонъ-Левенвольдъ и баронъ фонъ-Кейзерлингъ ожидаютъ сюда немедленно.

Покоренныя письма отъ гданскаго магистрата къ Вашему Императорскому Величеству при семъ прилагаются, и ожидаютъ объ отправленіи ихъ депутаціи милостиваго пашпорта. И донесши о семъ припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданѣйшій рабъ

Христофоръ графъ-Минихъ.

Юля 9-го дня 1734 г.

Орѣ. Г. Ар. Ин. дѣл. Дѣла быв. кабинета; св. 6-я.

№ CV.

Всеревѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Понже чрезъ Божескую милость и высокимъ Вашего Императорскаго Величества счастьемъ съ городомъ Гданскомъ дѣло нынѣ окончено, и въ привозной сюда осадной артиллеріи нынѣ здѣсь нужды болѣе не находится, которую отсюда въ надлежащія мѣста нынѣшнимъ временемъ всемѣрно надлежитъ перевѣсть; токмо оную, кромѣ водяного, сухимъ путемъ отсюда отправить ни по которому образу не возможно, чего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу всемиловѣйше повелѣть ко отправленію оной осадной артиллеріи прислать сюда потребное число транспортныхъ судовъ, подъ конвоемъ надлежащаго числа военныхъ кораблей. И понеже здѣсь при Вексельминдѣ, въ Гданскомъ каналѣ, отъ флота Вашего Импера-

торскаго Величества оставлено два бомбардирскихъ корабля, да взято въ полонъ французскихъ одинъ фрегатъ, да гукоръ, на которые требуется отъ морскихъ офицеровъ надлежащихъ матеріаловъ, того ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу для отправленія тѣхъ кораблей отсюда при флотѣ Вашего Императорскаго Величества къ російскимъ гаванямъ, потребные къ нимъ, по приобщенному при семъ регистру, матеріалы, которыхъ, ежели за излишествомъ на томъ флотѣ имѣться не будетъ, всемилостивѣйше повелѣть отправить на оныхъ корабляхъ, дабы за отвозомъ ихъ отсюда въ тѣхъ матеріалахъ остановки не учинилось; а тѣ транспортныя суда и конвой надлежитъ тогда послать, когда получено будетъ извѣстіе изъ Копенгагена о отбытіи во Францію бывшихъ тамъ французскихъ кораблей.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
F. d. Munnich.

Юля 9-го дня 1734 г.

Преддѣлье Оръ.

Гл. Ар. Ив. Дѣлъ: дѣла быв. кабинета; св. 6-я.

№ OVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

По всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу присланы къ здѣшней командѣ отъ артиллеріею лейбъ-гвардіи бомбардирской роты служителя. А понеже за благополучнымъ нынѣ, чрезъ Божескую милость и высокимъ Вашего Императорскаго Величества счастіемъ, съ городомъ Гданскомъ дѣла окончаніемъ, въ тѣхъ служителяхъ здѣсь нужды не находится, чего ради съ тѣми служителями подпоручикъ Золотиловъ отправленъ по прежнему въ Санктъ-Петербургъ. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше рапортуя во извѣстіе.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.
Христофоръ фонъ-Минихъ.

Юля 9-го дня 1734 г.

М. О. Ар. Г. Ш. Опись 192; книга 5-я.

№ CVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

По всемилоствѣйшему Вашего Императорскаго Величества именному указу велѣно, обрѣтающагося здѣсь, артиллеріи майора князя Дадіана, съ его высочествомъ гравинскимъ царемъ и съ сыномъ его, царевичемъ Акаромъ, артиллеріи госводиноиъ генераль-лейтенантомъ, въ новозавоеванныя персидскія провинціи отправить; по которому Вашего Императорскаго Величества указу; оный майоръ Дадіанъ отсюда въ Санктъ-Петербургъ отправленъ. А понеже о вступленіи Вашего Императорскаго Величества арміи въ польскій корпусъ и начала атаки города Гдавска оный, майоръ Дадіанъ, обрѣтался при артиллеріи и поступалъ противъ непріятели какъ вѣрному Вашего Величества рабу и искусному артиллеристу надлежитъ во всемъ исправно, за которые его прилежные поступки достоинъ оный, Дадіанъ, всякія Вашего Императорскаго Величества высокія милости. О чемъ донесши припадаю къ стопамъ.

Вашему Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ.

Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Іюля 18-го дня 1734 г.

М. От. Ар. Гл.: опись 192; книга 5.

№ CVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшіе указы отъ „1“ и „6“ сего іюля, я получилъ—9-го и 11-го чиселъ, изъ которыхъ усмотря превысочайшую Вашего Величества, за мои при здѣшнихъ дѣлахъ вѣрные всеподданнѣйшей службы, милость, рабское, припадая къ стопамъ Вашего Величества, благодареніе приношу, по которой Вашего Величества высочайшей милости при здѣшнихъ дѣлахъ какъ, донныѣ по крайней моей силѣ и возможности, изыскивая всякіе способы о исполненіи высокіхъ Вашего Величества намѣреніевъ, ревнительно

поступалъ, тако и впредь, до конца моего живота, поступать долженъ; что жъ касается до исполненія по онимъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ указовъ, о томъ всеподданѣйше доношу. Примасъ Регни съ племянники, марки де-Монти и бывший при прокламаціи станиславскій маршалкъ Раджевскій, и Яганъ Гараимъ, и коштеляничъ Солтвизъ съ матерью, и вдова маршалкова Потоцкая съ племянники, — содержится подъ крѣпкимъ карауломъ въ Эльбингѣ; такожъ воевода Мазовскій, Повятовскій и подскарбій Осолинскій и вгумень Сираковскій, у котораго были королевскіе атрибуты, да староста нешовскій — Могленицкій и стольникъ рещицкій — Спаловскій, которые были при Станиславѣ секретарями, съ полученія сихъ двухъ указовъ, — подъ арестомъ содержатся въ здѣшнихъ мѣстахъ; а прочіе всѣ отосланы въ городъ подъ такимъ арестомъ и круглой порукой, чтобъ никто изъ нихъ изъ города безъ позволенія его королевскаго величества и моего (кромѣ того, что развѣ когда востребуется кто къ его величеству) никуда выѣхать не могъ; о чемъ и на караулѣ наши, учрежденные около города, дабы оныя выпущены не были подтверждено. И сверхъ того ко онимъ магнатамъ, а особливо къ Чарторыйскому, приставлены офицеры; а въ другія мѣста оныя не отправлены затѣмъ, что старшій князь Чарторыйскій, кастелянъ вилненскій и князь Чарторыйскій, воевода русскій, весьма боленъ, къ тому жъ, по полученіи сихъ двухъ указовъ, его королевское величество сюда прибыть изволилъ и желаютъ, какъ его величество, такъ и бискупъ Краковскій и всѣ господа польскіе и саксонскіе министры, дабы оныя магнаты, кромѣ маршалка Раджевскаго, въ другія мѣста никто отсюда отлучены не были, за такимъ резономъ, что по прибытіи сюда господъ министровъ: графа Владислава, графа фонъ-Левенвольда и барона фонъ-Кейзерлинга намѣрены учинить консилию: какимъ образомъ со оними магнаты поступать надлежитъ; что я, будучи снабженъ на высочайшую Вашего Величества милость, что за то гнѣву на меня имѣть не соизволите, — и учинилъ. А понеже тѣ господа министры, кромѣ графа фонъ-Левенвольда, котораго завтрашняго числа ожидаемъ, — сюда прибыли. Того ради, по учиненіи той консилии, имѣю я поступать по высочайшему Вашего Величества соизволенія и по ихъ на то имѣнію; а ежели Вашего Величества высокое намѣреніе есть, чтобъ изъ оныхъ магнатовъ, сверхъ примаса и де-Монти, еще другихъ, нѣкоторыхъ, въ Россію взять, то ожидаю на то всемилостивѣйшаго Вашего Величества указу, который по полученію и исполню въ самой скорости, не взирая ни на какія представленія. А между тѣмъ всѣ оныя, какъ выше сего объявлено, имѣютъ содержаться подъ добрымъ карау-

ломъ и я, съ того времени, какъ сіи указы получены, нивакихъ съ ними разговоръ не имѣлъ. Что жь до сего оныя магнаты не всѣ такъ крѣпко были содержавы, то, обнадѣясь на высочайшую Вашего Величества милость и по силѣ полученнаго мною Вашего Величества всемилостивѣйшаго указа, отпущеннаго отъ „19“ числа мая, въ которомъ изображено, ежели въ городѣ еще ивогда обрѣтающіеся станиславскіе адгеренты съ городомъ судьбы ожидать покорятся и королю Августу присягать имѣютъ и тогда прощеніе получить могутъ, — являя къ нимъ и сперва высочайшую Вашего Величества милость ни для какого моего интереса, но по сущей моей совѣсти и ревности къ скорѣйшему окончанію высокихъ Вашего Величества намѣреніевъ по успокоенію чрезъ оныхъ магнатовъ здѣшнихъ дѣлъ и приводу въ склонность противныхъ партій, которою, Вашего Величества высокою милостью, будучи они обнадежены, во знакъ ихъ вѣрности, и писали къ воеводѣ Любельскому и къ кастеляну черскому и къ прочимъ о ихъ Вашему Величеству и его королевскому величеству польскому покоренію, отъ которыхъ уповаютъ и отвѣтъ вскорѣ получить и покой дѣйствительно возстановятъ и ежели генеральная амнистія будетъ, въ чемъ и нынѣ оныя вѣрно состоятъ. А для лучшей безопасности, какъ во всемъ томъ, такъ и за ихъ персоны, можно отъ нихъ взять ко двору Вашего Величества, а особливо отъ Понятовскаго, дѣтей, которыя Чарторыйскому племянники родные, — въ аманаты, чѣмъ болѣе всего вѣрность ихъ содержана быть можетъ. Однакожь я, какъ вѣрный Вашего Величества слуга, всегда въ томъ мнѣніи состою, ежели онымъ магнатамъ и господамъ нынѣ всякой милости оказано не будетъ, то совершенная въ Польшѣ тишина никакъ вскорѣ не возстановится; ибо другіе, кои нынѣ суть противны, видя страхъ, поддадутъ себя не похотятъ, къ которому показанію высочайшей милости и его королевское величество весьма склоннымъ себя оказывать изводить. А графъ Центнеръ, которому его величество хотѣлъ команду надъ коронною гвардіею дать, вчерашняго числа умеръ. Коликое число изъ выведенныхъ изъ Гданска полковъ оставлено при арміи Вашего Величества и отдано саксонамъ, о томъ при семъ прилагаю всеподданнѣйшіе рапорты; токмо оныя плѣнные довольствуются при войскѣ Вашего Величества токмо однимъ провіантомъ, а другаго ничего не производится, отчего претерпѣваютъ не малую нужду, понеже въ солдатскомъ мѣсячномъ провіантѣ только состоитъ хлѣбъ и крупа. Того ради Ваше Императорское Величество не соизволите-ль указать онымъ плѣннымъ, сверхъ того провіанта, на харчъ производить на день по три копѣйки изъ имѣющихся при здѣшнемъ комиссаріатѣ денегъ, да-

бы они въ своемъ пропитаніи не имѣли крайней нужды, а до полученія на сіе Вашего Величества всемилостивѣйшаго указу велѣлъ я, по необходимой нуждѣ, оную дачу имъ производить.

Что касается до безопасности во исправномъ отъ города платежей, положеннаго по капитуляціи милліона, о томъ я, по силѣ сего Вашего Величества повелѣнія, отъ магистрата вѣрнаго обязательства требовать буду; однакожь, по моему всеподданнѣйшему мнѣнію, можно оныя такимъ образомъ получить, чтобъ тѣхъ депутатовъ, которые отсюда отправятся удержатъ при дворѣ Вашего Величества дотоль, пока оныя уплочены будутъ; а ежели, паче чаянія, и отъ того будетъ какое затрудненіе, то всегда можно послать для сбора того экзекуцію въ здѣшніе жулавы отъ войскъ Вашего Величества, пока оныя въ Польшѣ пробудутъ, гдѣ уповаю ту сумму собрать можно; а триста тысячъ изъ того милліона нынѣ уже принимаются.

Инквизиція и слѣдованіе о уходѣ Станислава наикрѣпчайшимъ образомъ производится чрезъ нашего и саксонскаго генераль-аудиторовъ—лейтенантовъ, и уповаю подлинно слѣдъ сыскаться можетъ; а что его Станислава въ городѣ уже нѣтъ, то самая правда, о чемъ я Вашему Величеству и предъ симъ всеподданнѣйше доносилъ, которого для сыску отправлены отъ меня нарочныя офицеры, а какое о томъ отъ нихъ извѣстіе я получилъ со онаго копію при семъ прилагаю.

Чтобъ примасъ Регни надлежащими универсалами ко всѣмъ противнымъ партіямъ о добровольномъ покореніи и о прочемъ объявилъ, о томъ я съ господами министрами: графомъ Левенвольдомъ и барономъ фонъ-Кейзерлингомъ—конференцію имѣть буду, и потомъ поступать по силѣ онаго Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу, и имѣю стараніе по крайпей моей возможности о скорѣйшемъ здѣшнихъ дѣлѣ успокоеніи.

•Чтобъ отъ города депутатами отправлены были одинъ изъ первыхъ бургомистровъ я отъ магистрата требовать буду, и ожидаю онымъ депутатамъ отъ Вашего Императорскаго Величества пашпортовъ.

Поневже, по прежнимъ Вашего Императорскаго Величества указамъ, велѣно: ежели при здѣшнемъ мѣстѣ имѣть кто взятъ яко плѣнники изъ шведовъ, оныхъ, для показанія пріязни, со объявленіемъ, что со Швецією у Вашего Величества состоитъ миръ,—отпустить въ ихъ отечество; а понеже между отведенными изъ города находится немалое число шведовъ, того ради Вашего Величества всеподданнѣйше прошу,—что съ ними чинить,—о всемилостивѣйшемъ указѣ.

О прибытіи сюда сего королевскаго величества я Вашему Величеству предъ симъ всеподданнѣйше доносилъ; а вчерашняго числа его

величество изволилъ смотрѣть здѣшнюю Вашего Величества армию, такожь и свою, причемъ, за счастливое съ городомъ Гданскомъ дѣла окончаніе и прибытіе его величества, была пушечная и бѣглымъ огнемъ пальба и учинено его величеству поздравленіе, чѣмъ всѣмъ изволилъ быть весьма доволенъ и весь здѣшній генералитетъ, по просьбѣ его величества, былъ при его столѣ, и притомъ его величество изволилъ мнѣ презентовать шпагу и трость съ брилліантами, и потомъ его величество изволилъ насъ отпустить съ великою милостью; а его величества тайный совѣтникъ Брюль вчерашняго жъ числа мнѣ объявилъ, что его величество намѣреніе имѣеть на нѣсколько дней отбыть для исправленія тамошнихъ нуждъ въ Саксонію. Въ прочемъ же при здѣшней Вашего Величества армии состоитъ благополучно.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Юля 12-го дня 1734 г. Ора.

Гл. Ар. Ин. дѣлъ; дѣла бывшаго кабиета; св. 6.

№ OVIII.

В ѣ д о м о с т ь .

Коликое число изъ выведенныхъ изъ Гданска Станислава Лещинскаго нижеписанныхъ полковъ отдано въ Саксонское войско разныхъ чиновъ людей—значить ниже.

Ч и н ы .	П ѣ х о т н ы х ъ .					Итого.
	Полк.	Драгунскаго.	Старой ко- ронной гвар- діи.	Кроузъ-при- цова.	Флианкова.	
Оберъ-офицеровъ.....	—	—	7	—	—	7
Унтеръ-офицеровъ.....	17	15	1	17	—	50
Капраловъ.....	—	—	35	—	—	35
Гренадеровъ.....	—	—	115	—	—	115
Мушкатеровъ.....	203	276	17	200	—	696
Барабанщиковъ {	полковыхъ.....	—	1	—	—	1
	ротныхъ.....	1	8	—	—	9
Плотниковъ.....	—	—	5	—	—	5
Итого.....	221	462	18	217	—	936

Знаменъ	2
Барабановъ	16
Лошадей	85

F. d. Munnich.

Г. Ар. И. Дѣлъ; кабинетныя дѣла св. 6.

№ СІХ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всеимлостивѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе съ нарочно посланнымъ курьеромъ донести нахожу, что господинъ оберъ-штабмейстеръ графъ фонъ-Левенвольдъ сего іюля 13-го дня сюда прибылъ и квартиру свою занялъ у Оливскаго монастыря; а господинъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ имѣетъ квартиру въ слободѣ, именуемой Стрижъ не въ дальномъ же отъ того монастыря разстояніи; и могутъ все потребныя мѣры въ здѣшнихъ дѣлахъ взяты быть, ибо общіе господа министры въ близости при дворѣ его королевскаго величества находятся и уповательно краткое время, которое его величество здѣсь пробудеть намѣренъ, въ пользу употребить не оставитъ.

13-го числа сего мѣсяца по желанію господина графа фонъ-Вратислава была первая публичная конференція отъ 10 предъ полуднемъ до 3 часу пополудни, при которой реченный господинъ фонъ-Вратиславъ предъявилъ въ началѣ рескриптъ отъ его цесарскаго величества римскаго, въ которомъ его величество за благо принимаетъ, чтобъ подъ его и Вашего Императорскаго Величества гарантіею саксонскій гарнизонъ до генеральной пацификаціи въ городъ Гданскъ расположить. На что резолюція воспослѣдовало, что для разныхъ причинъ, а особливо что саксонское войско здѣсь не въ большомъ числѣ находится и еще въ прочихъ мѣстахъ нужда во ономъ быть можетъ, чтобъ его королевское величество, при вшествіи въ городъ и пока во ономъ пробудеть изволить, такой зватный караулъ при себѣ имѣлъ, какъ то къ безопасности его высокой персоны потребно разсудится; въ прочемъ же содержать въ Вексельминде саксонскій гарнизонъ такъ долго пока, по силѣ учиненной конвенціи съ дворовъ Вашего Императорскаго Величества, сношеніе учинено будетъ или до пацификаціи онаго сейма; а между тѣмъ собственно гданскій гарнизонъ привудитъ въ такомъ числѣ быть, какъ до атаки онаго города имѣлся, такожь французское и прочее привозное ружье отъ нихъ обобратъ. Вторая

резолуція при той конференціи послѣдовала, чтобъ всѣхъ станиславскихъ адгерентовъ, которые подъ карауломъ имѣлись, по именному списку разсмотрѣть и доложить его королевскому величеству: не соизволить-ли, во знакъ своей милости, нѣкоторыхъ на поруки свободить и употребить оныхъ къ пользѣ генеральной пацификаціи, а другихъ, яко аманатовъ, подъ смотрѣніемъ содержать, нѣкоторыхъ же, за ихъ продерзости, подъ карауломъ имѣть, какъ изъ приложеннаго именнаго списка усмотрѣть соизволите. И какъ я на то представлялъ, что, по силѣ присланныхъ ко мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ указовъ, велѣно мнѣ станиславскихъ адгерентовъ подъ карауломъ содержать, что я и чинить долженъ и безъ указу никого освободить не могу, на что весь консиліумъ, именемъ его королевскаго величества, меня обнадсживалъ, что о тѣхъ персонахъ, которыя ради покоренія предъ его королевское величество допущены будутъ, его величество у Вашего Императорскаго Величества заступитъ и всемилостивѣйшую на то апробацію получить обѣщастъ.

Къ доступленію предъ его величества престолъ помянутыхъ польскихъ магнатовъ назначено было вчерашняго числа, яко, по нѣмецкому календарю, на высокое тезоименитство Вашего Императорскаго Величества; причемъ славное торжествованіе (было) въ присутствіи всѣхъ иностранныхъ министровъ, польскихъ магнатовъ обѣихъ армій, всего генералитета и штабъ-офицеровъ: драгунскихъ, пѣхотныхъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ; а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ Вашего Императорскаго Величества арміи по приказу его величества двадцать тысячъ ефимковъ роздано было.

А депутаты отъ магистрата изъ города Гданска имѣли 14-го числа предъ полднемъ у его королевскаго величества аудіенцію, при чемъ его величество въ шляпѣ на тронѣ сидѣлъ, а городской синдикусъ Розенбрегъ отправлялъ на нѣмецкомъ языкѣ покорную орацію, которую, именемъ города, не токмо ихъ прегрѣшеніе предъ его королевскимъ величествомъ признавалъ и покаянiе приносилъ, но и съ крѣпкимъ обѣщаніемъ обнадсживалъ, что оный городъ отнынѣ его королевскому величеству такіе знаки ихъ вѣрности впредъ оказывать будетъ, что всѣ другіе города и подданные оныхъ гданчанъ яко за образецъ совершенно вѣрныхъ людей признавать будутъ, которому епископъ краковскій на латинскомъ языкѣ въ кратцѣ отвѣтствовалъ.

14-го числа учинено съ господиномъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ-Лсвенвольдомъ опредѣленіе въ какой силѣ польскимъ господамъ, которые къ милости его королевскаго величества приняты будутъ, реверсъ подписать, и какое обнародованіе къ сторонѣ Вашего Императорскаго Величества отъ нихъ требовать.

А вчерашняго дня, т.-е. 15-го числа, были призваны оные господа въ квартиру мою, которымъ я, порознь каждому, его королевскаго величества милостивое намѣреніе знать далъ и притомъ формуляръ присягѣ, которую напередъ онымъ подписать должно было, пока до его королевскаго величества допущены быть могли; которымъ формуляромъ они сплошь довольны не были, представляя, что нѣкоторыя рѣчи изображены были, по которымъ яко бы они одни въ государствѣ послѣдующія беспокойствія учинили и потому вышему истязанію достойны были и виновны себя сами признали, чѣмъ бы они не токмо противъ своей совѣсти и дѣйствія въ противность учинили, но и тѣмъ весь кредитъ у всего народа потеряли и въ несостояніи были его королевскому величеству въ исполненіе генеральной пацификаціи услуги свои оказать.

И того жъ утра поѣхали всѣ со мною къ Оливскому монастырю, а по прибытіи туда вначалѣ препятствіе о вышепомянутой присягѣ учинилось. Его королевское величество зѣло чувственно сіе принялъ и приказалъ имъ декларовать, что ежели они предложенной присяги не подпишутъ, то его королевское величество никого предъ себя допустить не изволитъ, но паки въ квартиры и по прежнему подъ караулъ проведены будутъ. И по многомъ разсужденіи со обѣихъ сторонъ, посредствіемъ господина графа фонъ-Левенвольда, тѣ рѣчи перемѣнены, и потомъ оные обще подписались, кромѣ старосты мерецкаго-Сапѣги и судьи изъ Фраунштата—Раголинскаго, которые, по учиненіи протестаціи, обратно поѣхали и подъ караулъ приняты; и хотя они безмѣрное обнадеживаніе о вѣрности къ его королевскому величеству объявляли, но однако отговаривались, что вышепомянутую присягу подписать не могутъ; особливо оный староста доносилъ, ежели такую присягу подписать, то онъ въ Литву ѣхать не смѣетъ, но опасается, что его немедленно тамъ смерти придадутъ; а прочіе господа, по подпискѣ, допущены были до престола и руки его королевскаго величества. Епископъ плочкій чинилъ на французскомъ языкѣ покорную орацію, на которую бискупъ краковскій по латынѣ отвѣтствовалъ, и потомъ, стоя на колѣняхъ, чинили они присягу, которую помянутый бискупъ вслухъ читалъ. По окончаніи того слѣдовали всѣ съ его королевскимъ величествомъ къ столу, и чинена была пушечная пальба, и въ началѣ за здравіе Вашего Императорскаго Величества его королевское величество, стоя, вина бокалъ выкупать изволилъ; а потомъ кушалъ за здравіе его величества цесаря римскаго и скорого совершеннаго покая Рѣчи Посполитой.

Въ вышеупоминаемой конференціи твердо положено, что его

его королевское величество, по прибытію обратно въ Саксонію, прямо къ Варшавѣ путь свой возьмѣть и токмо здѣсь какъ скоро возможно консиліи о генеральной пацификаціи оканчивать намѣрены, а прожекта тому требовать отъ вновь покоренныхъ магнатовъ, которые лучше вѣдаютъ, какъ отсутствующихъ ихъ пріятелей къ покоренію привести можно будетъ и какимъ образомъ для шествія его королевскаго величества до Варшавы нѣкоторое число войскъ туда и до границы расположить и отсюда подняться надобно. Также объявлено въ той конференціи, чтобъ я съ его свѣтлостью герцогомъ Вейсенфельскимъ о обѣихъ войскъ расположеніе учинилъ, дабы его королевскому величеству и генеральной конфедерации безопасно быть могло, а великая Польша отъ непріятеля прикрыта была, что я съ его свѣтлостью герцогомъ письменно учинить не оставлю. А его свѣтлость на то отвѣтствовалъ, что при нынѣшнихъ многихъ больныхъ и потребныхъ командахъ, которыхъ здѣсь оставить надобно, останутся къ маршалу зѣло мало, и ради того потребно ихъ войску отдохнуть; а пять или шесть добрые російскіе драгунскіе полки лучшую въ томъ услугу оказать могутъ; къ чему я, ежели подлинная резолюція послѣдуетъ, безъ препятствія склониться могу, понеже господинъ оберъ-штабмейстеръ графъ фонъ-Левенвольдъ мнѣ объявилъ, что его величество цесарь римскій не токмо отъ саксоновъ помощнаго войска требуетъ, но, по силѣ учиненныхъ трактатовъ, и отъ арміи Вашего Императорскаго Величества помощи прилежно требуетъ. Итакъ здѣсь, въ Польшѣ, навяще на російскую армію надежду полагаютъ, токмо зѣло потребно прежде совершенный покой здѣсь возстановить; къ тому жъ обстоитъ нужда армію Вашего Императорскаго Величества напередъ здѣсь мушкетерами снабдить, чего ради я всеподданѣйше ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества повелѣнія—повелѣно ль будетъ: сукна, подкладку, шляпы и прочее здѣсь въ Пруссакъ, въ Шлезіи или въ Польшѣ, гдѣ наилучше мною изобрѣтено будетъ, покупкою, не ожидая присылки изъ Россіи, приготовить, понеже сукны изъ Пруссовъ подражаются и пакы въ Пруссію привезены будутъ.

А для отвозу осадной артиллеріи, которая здѣсь при Вексельминдѣ, подъ прикрытіемъ нѣкоторой команды, оставлена будетъ. ожидаю, какъ скоро французскіе корабли изъ Зунда отыдутъ, потребныхъ флейтовъ и двухъ фрегатовъ, которыя вкупѣ съ оставшими здѣсь бомбардирскими кораблями со взятымъ французскимъ фрегатомъ и гукомъ, погрузя пушки и взятое во Гданскѣ и въ Миндѣ французское оружіе и прочее,—къ Кронштату отвести могутъ; такожь де имѣется при здѣшней арміи старыхъ и дряхлыхъ и къ полевой службѣ не

способныхъ ундеръ-офицеровъ, драгунъ и солдатъ нѣкоторое число, которые вкупѣ на тѣхъ же судахъ способно съ артиллеріею въ Россію водянымъ путемъ назадъ отправлены быть могутъ. А команда гвардіи Вашего Императорскаго Величества бомбардирской роты, въ которой здѣсь нужды не находится, немедленно сухимъ путемъ отправлена будетъ.

Его королевское величество соизволилъ, при самомъ отпускѣ сего, старосту мерецкаго Сапѣгу и фраунштатскаго судью Раголинскаго, хотя оныя, какъ выше о томъ явствуетъ, не хотѣли присягу подписать, однакожъ изволилъ приказать безъ караулу на свободѣ оныхъ оставить, дабы никто впредь сказать не могъ, что въ той подпискѣ принуждены были.

Города Гданска Оливскія ворота его королевское величество изволилъ приказать паки подъ городской караулъ отдать, а своего войска караулъ свести, чѣмъ его величество городскимъ жителямъ великую милость оказалъ и сердца ихъ успокоилъ, отъ чего, уповательно, несумнѣнная любовь подданныхъ и прочія добрыя пользы послѣдуютъ; а послѣ завтра изволить его королевское величество въ городъ публично слѣдовать.

Сей публичный вѣздъ не исполнится затѣмъ, что городъ по требованію стороны его королевскаго величества семьсотъ тысячъ талеровъ дать не обѣщался, представляя, что за великимъ оскуденіемъ болѣе двухъ сотъ тысячъ талеровъ уплатить въ состояніи не находится; въ которомъ дѣлѣ разные способы представлены, и уповательно, что отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда Вашему Императорскому Величеству донесено.

Я нынѣ зѣло доволенъ нахожусь, что съ польскими магнатами и господами, которые противныя стороны были и нынѣ въ нашихъ рукахъ обрѣтаются, по изобрѣтенію вышеупомянутаго Вашего Императорскаго Величества оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда, поступлено быть можетъ; а изъ оныхъ бискупъ плоцкій, Целюскій, отправляются нынѣ въ Дрезденъ, и хотя епископъ краковскій зѣло достойный человекъ, но токмо уповательно, что оный труды по должности великаго канцлера помянутому бискупу плоцкому уступить.

Вчерашняго числа его королевское величество чинъ региментаря на время, вмѣсто Понятовскаго, поручить изволилъ крайсниву коронному Ржегульскому (sic.); и по общему совѣту положено, чтобъ оному двѣ тысячи драгунъ и нѣсколько инфантеріи войска Вашего Императорскаго Величества придать и со оными въ великую Польшу вступить, токмо

противной партіи помышляютъ, что оный Ржегульскій не довольно кредитъ имѣеть всю польскую армію въ склонность себѣ привести.

Сего іюля 17-го дня содержанъ былъ сенатусъ консилиумъ, а вчерашняго числа послѣдовала резолюція: ежели кто въ шесть недѣль его королевскому величеству не покорится, того иждивеніе конфисковано будетъ. Потомъ изволилъ его королевское величество въ 12 часу пополудни отсюда паки въ Саксонію отъѣхать, и болѣе его величества ни по которому образу удержать здѣсь было не возможно; и какъ рѣчь носилась, то намѣреніе его величество имѣеть въ исходѣ сентября мѣсяца въ Варшаву прибыть, а при отъѣздѣ своемъ изволилъ господину генералу Лессію орденъ Бѣлаго Орла и портретъ свой съ алмазами, такожь де алмазный перстень, а сына его, (который при цесарскомъ войскѣ имѣется), капитаномъ и во двору своему камеръ-юнкеромъ пожаловать; а генераль-поручиковъ князя Барятинскаго и Загряжскаго одарилъ по алмазному перстню. И провозженъ былъ его величество всѣмъ генералитетомъ и штабъ-офицерами за Оливскій монастырь.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Іюля 20-го дня 1734 г.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; кабин. дѣла; св. 6.

№ СХ.

Именная роспись

Польскимъ магнатамъ и господамъ, которые сего Іюля 15 дня его королевскому величеству присягали, и на свободѣ имѣющіе:

1. Епископъ плоцкій Залуйскій.
2. Коронный подскарбій графъ Осолинскій.
3. Коронный гофмаршалъ графъ Былинскій.
4. Воевода мазовскій графъ Понятовскій.
5. Князь Станиславъ Чертурийскій.
6. Воевода брестскій Домскій.
7. Воевода маріенбургскій Бревендовскій.
8. Воевода померанскій Чапскій.
9. Воевода лифляндскій Морштейнъ.
10. Каштелянъ рѣгочинскій Розрошевскій.
11. Каштелянъ варшавскій графъ Вессель.

12. Староста вискій Ростовскій.
 13. Каноникъ криковскій Свилговскій.
 14. Кантеръ познанскій Александръ Мясковскій.
 15. Староста бобровскій Нарчимскій.
 16. Староста островскій графъ Вессель.
 17. Цывинскій.
 18. Рахель Кчевскій.
 19. }
20. } Два брата Домае.
 21. Станиславъ Мясковскій.
 22. Стрибинскій.
 23. Сикорскій.
 24. Тримбецкій.
 25. Планковскій.
 26. Канцеляристъ гнѣзенскій игумень Лясъ.
 27. Староста уланскій Юлобицкій.
 28. Каптелянъ брестъ-куявскій Мощенскій.
 29. Староста Стружинскій.
 30. Каптелянъ кчивинскій Влостовскій.
 31. Кавнецкій.
 32. Щиковскій, адъютантъ воеводы Любельскаго.
- Слѣдующіе оны не приняли присягу за болѣзнію:
33. Каптелянъ вилнскій (sic.) князь Сартурійскій.
 34. Воевода русскій, Чертурійскій.
 35. Литовскій подванцлеръ князь Чертурійскій, не подписалъ за отлученіемъ.

Слѣдующіе оную присягу подписать не хотѣли:

1. Староста мерецкій Сапѣга.
2. Фрауштатскій судья Раголинскій.

Христофоръ графъ Миннихъ.

Г. Ар. Ин. Дѣлъ; дѣла быв. каб.; св. 6.

№ СХІ.

Именная роспись польскимъ магнатамъ и господамъ, которые подъ карауломъ въ Эльбингъ отосланы и въ прочихъ мѣстахъ содержатся:

1. Примазь Потоцкій.
2. Племянникъ его, староста львовскій,—Потоцкій.
3. Гофмаршала графиня Потоцкая съ двумя дѣтьми воеводы Бѣльскаго.

4. Кастелянина Солтцова.
5. Кастеляницъ Солтвъ.
6. Елекціонъ-маршалъ Риджевскій, подкаморжій познанскій.
7. Сурогаторъ вилинскій Жакъ Гораимъ.
8. Моглицкій } секретари Станиславовы.
9. Спиловскій }
10. Подкарморжій сухачевскій Адамъ Вилковскій.
11. Стритувскій, секретарь Станиславскій.
12. Харчевскій.
13. Староста таутурскій Рушичъ.
14. Міяковскій.
15. Блендовскій.
16. Крущишинскій.

Христофоръ графъ Минихъ.

Гл. Ар. Ин. Дѣлъ; каб. дѣла; св. 6.

№ СХІІ.

Копія.

Именная роспись польскимъ магнатамъ и господамъ, вторые аманаты подъ надежнымъ смотрѣніемъ содержатся, и для того предъ его королевское величество допущены не были, и содержатся подъ россійскимъ карауломъ.

1. Игумень плочкій, князь Черторыйскій, яко аманатъ за Черторыйскую фамилію.
2. Графа Понятовскаго старшій сынъ, яко аманатъ за отца.
3. Коронный секретарь Цалюски.
4. Коронный мушкетеръ графъ Билинскій, яко аманатъ, пока коронный хорунжій, графъ Броницкій, изъ плѣна освобожденъ будетъ.
5. Староста вилковскій Салъга, яко аманатъ за старосту вилковскаго, Менчинскаго.
6. Староста лудскій Яблоновскій.
7. Староста мозырскій Оскирки, (по нѣкоторымъ важнымъ до него причинамъ).
8. Кастелянъ воски Устрицкій, яко аманатъ за отца.
9. Староста Соллогубъ, яко аманатъ за отца.
10. Воеводецъ минскій Цаба, яко аманатъ за отца.
11. Кастелянъ познанскій Куревскій, яко аманатъ за брата.
12. Крашинскій.
13. Кастелянъ гнѣзенскій Гартинскій, яко аманатъ за отца.

№ СХІІІ.

Вѣдомость выведенныхъ изъ города Гданска плѣнникамъ, а штабъ и оберъ-офицерамъ кто именно*), а урядникамъ, капраламъ, рядовымъ и прочимъ чинамъ сколько оныхъ на лицо и какихъ націй слѣдуетъ подъ симъ.

Чины націй.	Цесарской.	Французской.	Шведской.	Датской.	Прусской.	Саксонской.	Польской.	Бранденбургской.	Голштейнской.	Шлезвигской.	Мекленбургской.	Померанской.	Дармштатской.	Курляндской.	Лифляндской.	Изъ Гданск. жителей.	Гамбургской.	Нѣмецкой.	И Т О Г О.	
Полковниковъ.....	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Подполковниковъ ..	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Маіоровъ премьеръ	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
" секундъ .	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Баштановъ	—	4	20	—	2	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	32
Поручиковъ	—	2	22	—	—	—	20	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	50
Подпоручиковъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Адъютантовъ	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Аудиторъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Корнетовъ и пра-	—	1	28	—	1	1	27	2	1	—	2	1	—	—	1	—	1	—	—	69
порщиковъ.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Капраловъ и ефрей-	3	—	5	—	1	1	13	5	—	—	1	—	—	—	—	—	4	—	—	83
торовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Урядниковъ	1	1	19	—	5	—	—	2	—	—	1	—	1	—	—	—	2	—	2	34
Рядовыхъ	14	28	56	1	43	9	585	64	2	—	3	6	1	—	1	111	—	8	—	982
Барабанщиковъ....	—	1	—	—	4	—	8	1	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	20
Флейтчиковъ	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Фельдшеровъ	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Гобюстовъ	2	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Плотниковъ	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего....	21	30	153	1	57	14	668	77	5	2	3	10	2	3	2	123	1	15	—	1197

Гл. Ар. Ин. Дѣль; дѣла быв. каб., св. 6.

№ СХІV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйше рескриптъ отъ 16-го іюля чрезъ курьера Головина, отъ 20, чрезъ штафета, со всеподданѣйшимъ респектомъ, получивъ, и по силѣ оныхъ всякими возможными мѣрами исполненіе чинить буду. Изъ оныхъ же съ вели-

*) Списки въ дѣлѣ.

вѣмъ моимъ обрадованіемъ усмотрѣлъ, что Вашему Императорскому Величеству мой, всеподданѣйшія учиненныя, представленія о поступкахъ въ покореннымъ вновь польскимъ магнатамъ не противны.

Нынѣ оныя магнаты, кромѣ старосты мерецкаго, Сапѣги, и фраунстатскаго судьи, Раголинскаго, присягу его королевскому величеству—частію самому, а прочіе предъ епископомъ краковскимъ, и вседневно, предъ конфедераціи маршалкомъ Понинскимъ, чинятъ, и подписываются, другъ по другѣ письменно поручаются и реверсы, въ надеждѣ Вашего Императорскаго Величества общанной милости, охотно подписываютъ; и безсумнѣнно надѣяться можно, что оныя магнаты и господа, ради ихъ собственнаго интереса, стороны его королевскаго величества держаться будутъ, а главнѣйшіе изъ оныхъ навяще Вашему Императорскому Величеству въ вѣрности пребывать одолжены, видя ту надежду, что Ваше Императорское Величество заподлинно другаго намѣренія имѣть не изволите, какъ одинъ покой въ республикѣ возстановить и каждого при своей вольности оставить, въ чемъ они обличены, что Ваше Императорское Величество, какъ въ Минду, такъ и въ Гданскѣ, Вашего Величества войска опредѣлить не изволили, но городъ Гданскъ при его древнихъ привилегіяхъ оставить и защищать изволите. А и староста мерецкій съ Раголинскимъ обязуются крѣпчайшимъ образомъ, хотя присягу для содержанія въ Литвѣ ихъ кредиту и не подписали, но, однако, его королевскому величеству и Вашему Императорскому Величеству знаки ихъ вѣрности оказать, какъ вышеписанно; въ чемъ ссылаюсь на то, что пространнѣе Вашему Императорскому Величеству отъ господъ министровъ, оберъ-штаалмейстера графа фонъ-Левенвольда и барона фонъ-Кейзерлинга, донесено, ибо мы въ нашихъ нижайшихъ мнѣніяхъ весьма согласно состоимъ.

Конференціи донинѣ ежедневно бывають, и что о расположеніи объ ихъ арміи общимъ согласіемъ положено со онаго Вашему Императорскому Величеству всенижайше копію прилагаю. И каждый здѣсь въ томъ мнѣніи состоитъ, ежели бѣ графу Понятовскому вмѣсто вороннаго крайсника Ржеускаго (sic) дѣло поручено было, польскіе хорунги къ сторонѣ нашей склонить, то бѣ дѣло чрезъ его, Понятовскаго, кредитъ безъ продолженія къ концу приведено было; и понеже то исправленіе помощью Вашего Величества войска чиниться будетъ и поступки его російскимъ генераломъ примѣчаемы быть могли, чего для някаваго азарту быть не могло, то, напротивъ того, вышеупоминаемый Ржеускій такого кредита не имѣеть и послѣдовательно болѣе силою и російскимъ войскомъ оныхъ принуждать будетъ; а ежели бѣ у онаго довольные векселя, которыми онъ едва снабденъ, имѣлись, то бѣ больше

кредиту получилъ и легче намѣреніе свое исполнить могъ. Между тѣмъ его королевское величество и его министры, а третьяго дни и епископъ краковскій, —откуда отъѣхали и въ отсутствіи въ намѣреніяхъ ихъ не какъ въ присутствіи склонять можно, того ради чинится въ такихъ зѣло важныхъ и скорѣйшихъ предвоспріятіяхъ помѣшательство, ибо надлежитъ наипаче отъ полученныхъ авантажевъ пользу изъ рукъ не упустить. Итакъ Вашему Императорскому Величеству заподлинно доношу, что не Станиславъ, но зависть поляковъ между собою въ полученіи скорѣйшаго покоя во всей Польшѣ причиною состоитъ, а особливо, что состоящій у его королевскаго величества въ великой милости графъ Сулковскій таланта не имѣетъ полякамъ угождать, чтобъ они любовь къ нему имѣли. Ежели Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше его королевскому величеству присовѣтовать изволите, чтобъ команду надъ коронной, для отданія помянутому Сулковскому, у воеводы русскаго не отнимать, то не безъ пользы быть можетъ, понеже Понятовская и Шатуринская фамиліи навяще тѣмъ Вашему Императорскому Величеству и великодушіемъ Вашего Величества обязаны будутъ, и лучше тѣмъ великодушіе оказывать, которые навяще кредитъ въ республикѣ имѣютъ. И сожалительно, что оный Понятовскій не при арміи или не въ Дрезденѣ; а оный въ оба мѣста, такожь де и къ сочиненію плана, ежели востребуется, и съ королевской стороны нѣкоторыя особы притомъ были, —готовымъ быть общается.

Посланные отъ меня для сысканія Станислава Лещинскаго офицеры паки возвратились и рапортовали, что прошедшаго понедѣльника въ прусскомъ мѣстечкѣ, именуемомъ Ангербургъ, оного оставили, и никакой надежды не было, чтобъ онъ оттуда куда отъѣхалъ; и такъ крѣпко прусскимъ нараумомъ защищенъ имѣется, что ниже одного человѣка съ ружьемъ или при шпагѣ сквозь городскія ворота не пропускають, но все то напередъ отбирается, и когда паки изъ города выходить, —отдается, и посему явно, что его величество король прусскій Станислава отъ насъ защищаетъ. А отъ его тайнаго совѣтника фонъ-Бранта мнѣ, королевскимъ именемъ, декларовано, что ежели мы въ прусскихъ земляхъ онаго Станислава домогаться будемъ, то со стороны прусской за разрушеніе мира принято будетъ. Итакъ нынѣ, по моему низжайшему мнѣнію, съ нашей стороны при прусскомъ дворѣ декларацію учинить можно, что съ російской и римско-цесарской стороны защищеніе Станиславское, яко такового человѣка, который войны причиною состоитъ, ежели оной въ Польшу выпущенъ будетъ, за разрушеніе мира признавается жъ; а часто помянутый господинъ фонъ-Брантъ обнадеживалъ меня именемъ королевскимъ, что Стани-

слава во Францію проводить хотѣли, и на нынѣшней недѣлѣ, получа свой рапсель, поѣхалъ отсюда паки въ Берлинъ.

А между тѣмъ писано отъ меня къ генераль-маіорамъ: Бисмарку и Измайлову, чтобъ они на границѣ посты имѣли и Станислава на крѣпко смотрѣли, такожь де кто изъ поляковъ къ нему поѣдетъ подъ караулъ брали.

Отъ примаса получаю я вседневно покорныя письма, изъ которыхъ одно при семъ къ Вашему Императорскому Величеству прилагается, и притомъ Вашему Величеству покорно доношу, что Потоцкая фамилія у республики зѣло ненавидна и возвышеніе оной, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, доброй пользы учинить не можетъ; кому жъ потребно, чтобъ и прочіе всѣ той фамиліи напередъ Вашему Императорскому Величеству покорились и въ неблагодаренныя ихъ покаяніе принесли.

Марки де-Монти бываетъ временемъ нетерпѣливъ и по мнѣнію своему правъ быть желаетъ; но, однако, французскій дворъ самъ уповательно признаваетъ, что онъ въ страхѣ состоитъ, понеже съ российскимъ и римскимъ цесарскими министрами при Варшавѣ непріятельски поступлено; итакъ марки де-Монти за то потерпѣть должно.

И ежели армія Вашего Императорскаго Величества маршъ отсюда возымѣетъ, то за лучше признавается, чтобъ примаса и де-Монти съ ихъ свитами съ собою взять, понеже изъ Эльбинга чрезъ Пруссы безъ того не зѣло способно провести.

Городъ Гданскъ представляетъ непрестанно свои недостатки и скудность и что съ великимъ трудомъ собрать могутъ первые 100,000 талеровъ, которые нынѣ уже и принимаются, заплатитъ; а на достальные даютъ вексель, что частью и за правду принять можно, ибо кредитъ ихъ повредился, а наличныя деньги въ расходъ употребились, и пока Минде имъ отдана не будетъ, то публичный кредитъ не можетъ паки возстановленъ быть. Плѣнные, которые при арміи Вашего Величества имѣются, по силѣ Вашего Величества указу, по три копѣйки на день получать будутъ; а шведскаго народа, взявъ со оныхъ реверсъ, до Стокгольма водою отпущены будутъ; польскаго же народа, по моему низжайшему мнѣнію, надлежало бы оставить, пока всѣ наши плѣнные выручены будутъ, о которыхъ бискупъ краковскій, куда надлежитъ, самъ писалъ; а нѣмецкаго народовъ развѣ въ мастеровыхъ людяхъ польза была, а прочіе, которые службы принять не желаютъ, больше тягость имѣется. А герцогъ Вейсенфельскій непрестанно объ нихъ проситъ о приумноженіи оными коронную гвардію, и ежели Вашего Императорскаго Величества милостивый указъ

на то будетъ, то изволите королевское величество тѣмъ одолжить, ибо онъ при нынѣшнихъ счастливыхъ конютурахъ два полка приумножилъ; а именно, коронной гвардіи, да королевскій принцовъ полкъ при Эльбингѣ.

За осадную артиллерію можно, по моему низайшему мнѣнію, въ безопасности сюда прислать, понеже французскіе корабли въ Зунтѣ въ немаломъ страхѣ имѣются и ожидаютъ съ нетерпѣливостью указа о отбытіи ихъ пакы во Францію, и пока ихъ три батальона въ Копорѣ пребудутъ, то они противъ насъ никакихъ воспріятіевъ чинить не будутъ. Здѣсь являются англійскіе шкиперы, которые берутся изъ денежной платы артиллерію нашу отвести, съ которыми я договариваться приказалъ, и не сумнѣваюсь, чтобъ то отъ Вашего Императорскаго Величества милостиво апробовано было.

По силѣ полученнаго Вашего Императорскаго Величества указу генералъ-маіоръ Любрасъ изъ-подъ аресту освобожденъ и объявлено ему, чтобъ немедленно въ Санктъ-Петербургъ ѣхалъ.

О представленіяхъ резидента Эртмана, по силѣ Вашего Императорскаго Величества именнаго указу, надлежащее исполненіе чинить буду; токмо при здѣшнихъ дѣлахъ отъ поляковъ, которыхъ зѣло много, и каждый съ доуками претензіи имѣють и отъ утра, да до вечера безвыходно бываютъ; и отъ ихъ пространныхъ разговоровъ много время проходитъ, чрезъ что почти время не остается на исправленіе важной моей корреспонденціи.

Посланный отъ меня рапортиціи о раздѣленіи на генералитетъ и артиллерійскій и инженерный корпусъ взятыхъ отъ города Гданска за звоненіе въ колокола денегъ ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей апробаціи и припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ-Минихъ.

Юля 27-го 1734 г.

Изъ подъ Гданска.

Гл. Ар. Ин. дѣль; дѣла быв. каб.; св. 6.

№ СХV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству я всеподданѣйше предъ симъ доносилъ, что къ перевозу осадной артилеріи отсюда явля-

ются англійскіе шкиперы, съ которыми договариваться приказалъ; а понеже оную артиллерію, по моему всеподданѣйшему мнѣнію, конечно надлежитъ отсюда отправить на такихъ наемныхъ судахъ, подъ конвоеваніемъ нѣкоторыхъ военныхъ кораблей, для того что на оныя нынѣ заблаговременно та артиллерія грузиться будетъ и до прибытія конвоя будетъ въ готовности, а по прибытію онаго конвоя, по нагрузкѣ въ тѣ суда, безъ всякаго остановки въ путь свой отправится; а ежели оной здѣсь ожидать прибытія транспортныхъ и конвойныхъ судовъ и грузиться въ то время когда придеть, то, чрезъ такое продолженіе, можетъ немалое время пройти, и того ради, я нынѣ приказалъ всемѣрно во Гданскѣ охочихъ людей къ перевозкѣ той артиллеріи прискивать и договариваться, какъ уже нѣкоторые англійскіе шкиперы, явась ко мнѣ, просятъ за отвозъ оной артиллеріи 14500 пудъ шестисотъ рублей, а съ 11960 пудъ — пятисотъ рублей; и уповаю, что и другіе не выше той цѣны взять пожелаютъ, чего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу о наймѣ для перевозки той артиллеріи судовъ и о присылкѣ для конвоеванія оной нѣкоторыхъ военныхъ кораблей о всемилостивѣйшемъ указѣ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ фонъ-Миннихъ.

Юля 29-го дня 1734 г.

М. От. Ар. Гл. Штаба; опись 192; книга 5.

№ СХVI.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня!

По всемилоствѣйшему Вашего Императорскаго Величества именному указу, состоявшемуся за подписаніемъ собственнаго Вашего Величества руки, минувшаго мая 25 дня, Олонецкаго драгунскаго полка полковникъ Георгій Леслий, за его добрые и храбрые здѣсь поступки, пожалованъ въ генераль-маіоры, который при здѣшней командѣ и публикованъ. И по требованію его надлежащій по оному, генераль-маіорскому, рангу штабъ уже опредѣленъ. А денежнаго и прочаго жалованья здѣшняго генеральнаго кригсъ-комиссаріата походная комиссія, не имѣя объ немъ, чтобъ ему жалованье получать противъ его

рангу точнаго указа, какъ ему, такъ и штабу его нынѣ не производить. А понеже ему, генераль-маіору Леслию, въ бытность при здѣшнемъ корпусѣ, надлежитъ себя экипажемъ и прочимъ содержать, противъ прочаго такого генералитета, во всякой исправности, въ тому жъ имѣеть онъ въ бытность здѣсь обращаться въ походахъ, и для того, по моему всеподданѣйшему мнѣнію, надлежитъ ему то жалованье производить по настоящему его рангу. Того ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше прошу о произвожденіи помянутому генераль-маіору Леслию денежнаго жалованья и прочаго, что надлежитъ, для вышеобъявленныхъ обстоятельныхъ по настоящему его рангу о всемилостивѣйшемъ указѣ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Августа 6-го дня 1734 г.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; каб. дѣла; св. 6.

№ СХVII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилогивѣйшая Государыня.

По именному Вашего Императорскаго Величества указу велѣно генерала-маіора фонъ-Любераса, отпущая его вину и освободя изъ-подъ ареста, отпустить въ Санктъ-Петербургъ, которому ѣхать со всякимъ поспѣшеніемъ не останавливаясь нигдѣ въ пути. По силѣ котораго Вашего Императорскаго Величества указа, оный генераль-маіоръ изъ подъ ареста свободенъ, и сего числа августа, въ путь свой отправился, и велѣно ему въ бытность въ пути поспѣшать, по силѣ онаго Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, о чемъ Вашему Величеству всеподданѣйше чрезъ сіе доношу.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ.

Христофоръ графъ Минихъ.

Августа 7-го дня 1734 г.

Г. Арх. Ин. дѣлъ; св. 6.

№ СХVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица.

Всемилогивѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшіе рескрипты первый отъ 27-го іюля чрезъ штафеть, а второй отъ 23 числа на

почтѣ, который третьяго дни здѣсь, со всеподданѣйшимъ моимъ респектомъ получить; въ которомъ всемилостивѣйше повелѣвать изво-лите, какъ скоро я всепотребныя опредѣленія о арміи Вашего Величества учиню, то позволяется мнѣ въ Санктъ-Петербургъ возвратиться и къ стоамъ Вашего Императорскаго Величества мой всеподданѣй-шій рапортъ о здѣшнихъ обращеніяхъ положить, и обо всемъ прост-раннѣе словесно донести. За что всенижайше благодарствую и доношу, что съ господиномъ оберъ-штаймейстеромъ графомъ фонъ-Левенвольдомъ всякими мѣрами стараюсь, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ именныхъ указовъ и что къ лучшей пользѣ Вашего Величества высокаго интересу, по здѣшнимъ обстоя-тельствамъ, учинить можно, въ томъ, безъ всякаго унущенія, опредѣленія чинятся и надѣмся чрезъ нѣсколько дней ко окончанію привести. А именно, во первыхъ, по бытію многихъ конференцій о маршѣ россій-скихъ и королевскихъ польскихъ саксонскихъ войскъ опредѣленіе учинено, какъ изъ приложенія подъ № 1-мъ усмотрѣть соизволите; а трактъ онымъ такъ показанъ, что одна колонга другой въ походѣ по-мѣшательства чинить не можетъ и въ Великую Польшу прикрываетъ, непріятеля отъ насъ отгоняетъ и постирунги отъ Вартенбурга до Варшавы, къ безопасному проѣзду его королевскаго величества, содер-жать могутъ. Въ началѣ сентября мѣсяца несомнѣнно уповаются, что марширующіе въ Варшаву саксонской арміи полки туда прибыть мо-гутъ, ибо отсюда уже выступили; а именно: гаръ де-боръ, Кеаверскій пѣхотный полкъ, да коронная старая и новая набранная гвардія, ко-торыхъ всѣхъ съ три тысячи человекъ наберется; и учинена большею частью изъ Гданскихъ плѣнниковъ. А достальная саксонская армія, кромѣ Рутовскаго баталіона, который накі въ Саксонію отправленъ, немедленно маршировать будетъ по правую руку къ померанскимъ и шлезенскимъ границамъ, въ Великую Польшу.

Къ помянутой коронной гвардіи отдано съ нашей стороны, съ согласія господина оберъ-штаймейстера графа фонъ-Левенвольда, боль-шая часть нашихъ плѣнниковъ, кромѣ тѣхъ которые разнымъ худо-жествамъ обучены, понеже оныя при коронной гвардіи въ Гданскѣ служили и при нашемъ войскѣ быть не способны, и въ походѣ вели-кая тягость, а въ содержаніи великія кошты послѣдовать могли; сверхъ же того много изъ оныхъ въ болѣзни впадаютъ и уходятъ, а его ве-личеству королю Августу знатный полкъ тѣмъ приумножили. И понеже что наилучшіе офицеры, которые при республике имѣются, при одной гвардіи состояли, того для, ко общей пользѣ, оныя при той коронной гвардіи служить могутъ.

И пребываю въ той надеждѣ, что Вашему Императорскому Величеству сія отдача противна не будетъ, а о достальныхъ плѣнникахъ именной списокъ къ Вашему Императорскому Величеству сообщень будетъ немедленно.

О первой нашей колонгѣ доношу Вашему Императорскому Величеству, что она, подѣ командою генераль-маіора Бахметева, по правую сторону Вислы маршировать будетъ, и пѣхота уже вчерашняго числа въ маршъ выступила, а драгуны и казаки завтра слѣдовать будутъ. А какимъ образомъ помянутому генераль-маіору поступать предлагается при семъ съ данной ему инструкціей копія подѣ № 2 и 3 *), а вторая колонга, которая къ Ловичу, Петеркову и къ Равѣ ведена быть имѣеть, подѣ командою генераль-поручика Загряжскаго; а третья и послѣдняя колонги, подѣ командою генерала Лессія по ту сторону Вислы къ Подляхамъ и Литвѣ слѣдовать будутъ.

2) Что же до содержанія войска касается, доношу Вашему Императорскому Величеству, что всѣ войска по май мѣсяцъ сего года жалованье получили; а пяти полкамъ, которые съ первой колонгой отправляются и тысячи казакамъ съ калмыками, отпущено на жалованье и прочіе расходы—по 735 годъ, января по 1-е число; а о достальныхъ попеченіе имѣется, чтобъ ону по тому жъ снабдены были; токмо ко удовольствію оныхъ потребны будутъ изъ города Гданска по капитуляціи нѣоторыя деньги, отъ которыхъ намъ урону не имѣется, какъ отъ перевезенной изъ Санкт-Петербурга російской монетѣ; ибо, какъ офицерамъ, такъ и рядовымъ, отъ того, что російская монета съ великимъ упадкомъ въ расходъ употребляется, великій убытокъ послѣдуетъ.

Провіанта и сухарей вся армія Вашего Императорскаго Величества имѣеть въ запасъ сентября по 1-е число, и доннынѣ никакой нужды въ томъ не имѣла; и хотя частію за деньги оный покупался, токмо къ тому контрибуціонныя деньги употреблялись; а нынѣ вскорѣ новая рожь приспѣеть, и уповательно, что войска Вашего Императорскаго Величества, какъ въ маршѣ, такъ и на винтеръ-квартирахъ, ежели поданнымъ инструкціямъ съ попеченіемъ поступлено будетъ, нужды претерпѣть не можетъ.

А въ конференціяхъ съ польскими министрами магнатами о довольствіи арміи отъ меня довольныя представленія учинены, на что и резолюція послѣдовала, что какъ въ пріятельскихъ, такъ и въ неприятельскихъ маестностяхъ по тарифу 1676 году собирать надлежить;

*) См. ниже документы №№ СХІХ, СХХ и СХХІ.

только тѣхъ, которые стороны нашей обрѣтаются—квартирами и фуражемъ сколько возможно будетъ.

3) О безопасности отъ непріятеля будетъ генералитетъ у каждой колонги по силѣ данной инструкціи осторожность имѣть, а главное дѣло въ томъ заключается, чтобъ малыхъ партій не посылать, ибо опредѣленные колонги наши отъ непріятеля страху никакого не имѣютъ, понеже регулярные уже довольно огня видѣли, развѣ что казаки не всегда довольноую предосторожность имѣютъ.

4) Что до отдохновенія войскъ Вашего Величества принадлежить, то уже оныя болѣе мѣсяца въ покоѣ состояли и обучались токмо экзерциціи; а при нынѣшнемъ способномъ годовомъ времени могутъ безъ отягощенія назначенный маршъ исполнить. И предбудущей квартиры невозможно точно назначить, ибо то зависитъ отъ непріятеля, котораго сила, слыша о нашемъ маршѣ, отъ времени до времени, убавляется, и какъ извѣстіе имѣется, что въ мазурскомъ воеводствѣ собранная шляхта почти всѣ по домамъ разѣхались и у кастеляна черскаго почти людей уже нѣтъ. А присланный указъ отъ Вашего Императорскаго Величества отъ 31 іюля, съ приложенною копіею съ указа генераль-маіору фонъ-Бисмарку, о удержаніи и поимкѣ Станислава, чрезъ штафетъ, я сего момента получилъ и по силѣ онаго исполнять долженъ; по послѣднимъ же надежнымъ вѣдомостямъ, которыя здѣсь имѣются, то помянутой Станиславъ еще въ Ангербургѣ былъ, а за нѣсколько дней генераль-поручикъ Катъ, по полученіи штафета, въ маетность свою, неподалеку отъ Ангербурга, изъ Кенигсберга отѣзжалъ и въ ночи паки возвратился, и потомъ въ Кенигсбергѣ запрещено было въ народъ про Станислава не говорить; почему увѣряться можно едва ль онъ, Станиславъ, на Кенигсбергскомъ замкѣ или у помянутаго генерала-поручика Ката въ маетности содержится; и вѣроятно кажется, что король прусскій, безъ учиненія кондицій, въ свою пользу изъ рукъ его не упустить паче же въ Польшу, ибо ежели со стороны Вашего Императорскаго Величества напередъ дано будетъ ему знать, что Вашему справедливому намѣренію сіе противно будетъ, ибо какъ безсумнѣнно и заподлинно извѣстно, что Станиславъ въ Польшѣ быть не желаетъ и происходяція дѣла чинятся въ французскихъ интригахъ, чтобъ нашу армию удержать при здѣшнихъ мѣстахъ, не допуская до другихъ воспріятіевъ,—то, навъаще, того не послѣдуетъ.

Что до здѣшнихъ польскихъ магнатовъ принадлежить въ томъ ссылаюсь на реляцію господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Ле-

венвольда, ибо я въ семь дѣлъ его диспозицію надежно послѣдую, понеже слѣдствие польскихъ дѣлъ ему наилучше извѣстно.

О снабденіи мундиромъ Вашего Императорскаго Величества арміи, доношу, что, какъ кавалерія, такъ и инфантерія, обувью и бѣльемъ со излишествомъ снабдена, и не вдавне изъ Риги водою сюда великое число полотна и полевая аптека привезена, а верхнимъ мундиромъ, епанчами и шляпами надлежитъ вновь снабдить, къ которому подряду изъ Пруссіи купцы выписаны, съ которыми, вкупе съ господиномъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ-Левенвольдомъ и прочимъ генералитетомъ, къ лучшей пользѣ разсужденіе имѣть будемъ; и нѣкоторые полки, которые къ Литвѣ пойдутъ, изъ рижскаго магазейна мундировать намѣреніе имѣется, дабы тѣмъ сколько можно казну Вашего Императорскаго Величества сберечь. Отъ Станиславскаго драгунскаго полка, котораго здѣсь полонили, получено нѣсколько сотъ новыхъ добрыхъ сѣделъ, и оными снабденъ одинъ драгунскій полкъ, отчего хотя не большее приуспореніе казнѣ имѣется.

Для отвозу водою осадной артиллеріи въ Кронштатъ съ англійскими купцами договоръ учиненъ, съ котораго копія при семъ прилагается подь № 415. Англійскій консулъ Кейвортенъ, который зѣло надежный человекъ, обявался въ томъ, что шкипера добрыя люди, а суда оныхъ надежны, изъ которыхъ два вскорѣ уповаю нагрузить и не болѣе пяти судовъ потребно будетъ всю артиллерію погрузить, и не больше трехъ тысячъ рублей превзойдетъ за провозъ оной заплатить; токмо я для лучшей безопасности въ томъ еще стою, чтобъ на ихъ асекуранцію отдать, хотя больше казнѣ убытку будетъ, токмо страху никакого имѣть не будемъ, къ чему они не безклонны находятся. И посему не требуется, чтобъ ради отвозу или провожанія осадной артиллеріи изъ флота Вашего Императорскаго Величества корабли присланы были.

А полевая и полковыя артиллеріи снабждаются всѣмъ нужнымъ достаточно, частью тѣмъ, что отъ непріятели получили.

На вчерашней почтѣ получилъ я письмо изъ Копенгагена отъ Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника, господина Бравеля въ которомъ объявляетъ, что обрѣтающіеся въ Зунтѣ французскіе корабли давно желаемый ордеръ о возвращеніи во Францію получили и ожидаютъ къ ихъ пути способнаго вѣтру; и посему въ Балтійскомъ морѣ отъ нихъ опасности имѣться не будетъ.

Комиссія о уходѣ Станиславскомъ содержана была съ нашей и савсонской стороны: генераль-аудиторъ - лейтенантами и слѣдовано крѣпчайшимъ образомъ, какъ изъ приложеннаго экстракта подь

№ 6 (см. ниже) Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите; и тѣмъ больше не можно магистратъ обличить, что всѣ интриги чрезъ одного марки де-Монтія происходили.

А пожитковъ оный Станиславъ почти ничего при себѣ не имѣлъ, и какъ бѣденъ въ Польшу вшолъ, толь, наискудася, изъ города ушелъ, и марки де-Монти его, какъ въ пищѣ, такъ и прочимъ, содержалъ; потому жъ донинѣ и французскихъ денегъ въ Гданскѣ при слѣдствіи сыскать не могли, а съ помянутымъ де-Монтиемъ, такожь де и съ примасомъ, немалые обозы, которые не осматриваны, въ Эльбингъ подъ карауломъ провезены.

А мнѣніе состоитъ въ томъ, что многого числа денегъ при нихъ быть не могло, но роздано все на жалованье и содержаніе войска, и заподлинно здѣсь сказываютъ при концѣ осады города, графъ Сапѣга, староста вилковскій, жаловался, что въ пропитаніи нужду великую имѣеть; на что марки де-Монтии ему сто червонныхъ послалъ, которые онъ, однако, не принялъ, и послалъ съ выговоромъ назадъ; изъ чего разсуждается, что лишняго богатства въ деньгахъ не имѣлось, но, однако, всякими мѣрами домогаться будемъ извѣстіе объ оныхъ получить.

Торжественная депутація отъ магистрата къ Вашему Императорскому Величеству сего мѣсяца 14 числа конечно на почтѣ отправится и понеже ихъ три старые бурмистры, какъ представляется, стары и дряхлы, и за тѣмъ ѣхать не могутъ; о чемъ отъ господина оберъ-шталмейстера, графа фонъ-Левенвольда, пространнѣе Вашему Императорскому Величеству донесено будетъ, а пашпорты отъ меня имъ даны; а это именно депутаты, о томъ именная роспись прилагается.

Отставныхъ и въ полевой службѣ неспособныхъ штабъ, оберъ и ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ стараюсь я немедленно водянымъ путемъ къ нашимъ гаванямъ отправить.

А изъ шведскихъ плѣнныхъ офицеровъ большая часть, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указу, чтобъ впредь противъ Россіи и Вашего Величества союзниковъ не служить, реверсы подписали и водою немедленно отправятся; а нѣкоторые изъ оныхъ сумнѣваются тотъ реверсъ подписать и толкуютъ токмо, что въ томъ обязатся при нынѣшнихъ польскихъ замѣшаніяхъ противъ войскъ Вашего Величества неслужить; на что Вашего Императорскаго Величества указу ожидать имѣютъ.

Понеже нынѣ при выступленіи въ маршъ по колонгамъ, какъ генералитетъ, такъ артиллерійскіе и инженерные служители, разными трактами въ путь отправляются, а многіе изъ нихъ отъ здѣшней

дороговизны такъ великую нужду въ деньгахъ имѣли, что и поднятъ-ся было не чѣмъ, къ тому жъ почти всѣ офицеры себѣ здѣсь новый мундиръ подѣлали; чего ради я, съ согласія господина оберъ-шталмейстера, графа фонъ Левенвольда, тѣмъ, которые просили, по посланной рапортиціи къ высокой апробаціи Вашему Императорскому Величеству, полученныя отъ города за колокола деньги, приказалъ выдавать, и ожидаю всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества на то указу. И припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Миннихъ.

Августа 7-го дня 1734 г.

Предм. Орь. Г. Ар. Ин. Дѣлг; дѣла быв. к. св. 6.

№ СХІХ.

№ 3. Извѣстіе. Россійское войско изъ подъ Данцига въ маршъ выступить слѣдующимъ образомъ.

1. Подъ командою генераль-маіора Бахметева.

Драгунскихъ полковъ..... 3

Пѣхотныхъ..... 2

Итого..... 5

Казаковъ..... 1000

2. Подъ командою генераль-лейтенанта Загражскаго и генерал-маіора Леслія.

Драгунскихъ 5

Пѣхотныхъ..... 4

Итого..... 9

Казаковъ..... 500

3. Подъ командою генерала Лессія, генераль-лейтенанта князя Барятинскаго, генераль-маіоровъ: князя Урусова и Бирона.

Драгунскихъ 2

Пѣхотныхъ..... 9

Итого..... 11

И негулярные всѣ досталные

Всего драгунскихъ..... 10

Пѣхотныхъ..... 15

4. Въ Эльбингѣ остается Санктъ-Петербургскій пѣхотный батальонъ, пока больные выздоравлиють.

№ СХХ.

№ 2. Трактъ марширующимъ въ четырехъ колонгахъ россійской и польской саксонскимъ арміямъ.

1. Колонга.

Состоящей въ корпусѣ королевской польской и саксонской арміи и слѣдуетъ по правую руку

Черезъ Шене
 „ Карчевъ
 „ Тухоль
 „ Слуховъ
 „ Накель
 Чарниковъ

и по рѣкѣ Нецѣ, гдѣ посты ихъ начинаются, и по рѣкѣ Вартѣ до мѣстечка Варта, Видова, Кемпень, и до шлезинской границѣ, и до Вартенберга разставлены и содержаны будутъ.

2. Колонга.

Россійской арміи подъ командою генераль-лейтенанта Загряжскаго путь возымѣть отъ Гданска къ мѣстечкамъ Раве и Ловичамъ.

А именно:	Мили
Отъ Данцига до Голомбива.....	3
До Старгарда.....	3
„ Швеца (подлѣ Вислы).....	8
„ Бромберга подлѣ рѣки Бро.....	5
„ Иноелокчъ подлѣ озера Гепло и Нечка.....	6
„ Рачева.....	4
„ Любранецъ.....	3
„ Клодово.....	3
„ Ленчица.....	4
„ Пиктеля.....	2
„ Скирневича.....	6
„ Равы.....	3
<hr/>	
(Итогъ только въ копіи).....	50

А ежели на Иноелочь то—до Брестъ-Куявской.....	7
до Бутна.....	7
до Ловича.....	5
до Скирневичъ.....	3
и до Равы.....	3
Итого.....	25

3 колонга.

Подъ командою генераль-маіора Бахметева слѣдуетъ
подлѣ Вислы.

Отъ Данцига мимо Тщева.....	5
до Гнева.....	3
до Нейбурга.....	3
до Свеца подлѣ Вислы.....	5
до Фардуна.....	4
до Сулецъ.....	3
мимо Торуня.....	3
до Нищева.....	4
до Слюдева.....	4
до Брацловекъ.....	3
до Кавала.....	3
до Гостинина.....	3
до Гонбина.....	3
до Сохачева по рѣкѣ Бзурѣ.....	4
Итого.....	50

И далѣе, оставя Блоницъ въ лѣвой сторонѣ, до Вискит-
ки, или куда крайсникъ воронный Ржеускій поведеть.

4 колонга.

Подъ командою господина генерала Лессія, генерала
поручика Барятинскаго и генераль-маіоровъ: Уресо-
ва и Бирона.

Отъ Данцига до Розенберга.....	2
до Либисцо.....	3 ½
до Рудни.....	3
до Нейбурга до Вислы..	4 ½
до Грауденца черезъ Вислу.....	2

Черезъ Энгельсбургъ, Раденъ и Страсбургъ.....	7
до Себса.....	6
до Новаго Мѣста.....	6
до Пултовска.....	8
Итого.....	42

Данная инструкція генераль-маіору Бахметеву записана въ журналѣ генеральномъ августа 2 числа (напечатана ниже).

№ ОХХІ.

№ 1. Диспозиція:

о предбудущемъ маршѣ и о предбудущихъ операціяхъ и постановленіи на постахъ російскаго и королевскаго польскаго-саксонскаго войскъ, которые нынѣ подъ Данцигомъ состоятъ.

1) Въ Вексельмюндѣ останутся королевскаго польскаго-саксонскаго войска 400 человекъ инфантеріи, пока между Ея Императорскимъ Величествомъ и его королевскимъ величествомъ о томъ сношеніе учинено будетъ.

2) Російской осадной артиллеріи остается при Вексельмюндѣ, при Вентеръ-каналѣ или фарватерѣ, и при оной артиллерійскіе служители той осадной артиллеріи и командированныхъ 300 человекъ солдатъ, которымъ быть тамъ, пока оную артиллерію въ суда погрузятъ, а потомъ тѣмъ тремъ стамъ человекамъ маршировать въ Эрмляндію или къ ихъ полкамъ.

3. Въ мѣстечкахъ Пудѣ и Геле и на померанской границѣ, до рѣки Нецы, никого не останется; понеже посты по рѣкѣ Нетцѣ польскую Пруссію покрываютъ.

4. По рѣкѣ Нетцѣ учреждены быть имѣютъ посты; а именно, въ Филанахъ, въ Чариковѣ, въ Шнейдемилѣ, въ Утшѣ, въ Навелѣ и до Лабухина, такожъ де и въ Торунѣ—его королевскаго величества польскаго-саксонскимъ войскомъ.

5. Въ Эльбингѣ имѣютъ быть, ради больныхъ, російскаго войска и половина полка, именуемаго королевскій-принцовъ; а понеже въ Эльбингѣ для содержанія всѣхъ больныхъ и командированныхъ не безъ утѣсненія быть можетъ, того для содержано будетъ російскимъ же войскомъ и епископство Эрмляндское, въ которомъ потребныя посты онымъ содержать.

6. Маренбургъ съ экономіею содержать саксонскому войску и вто-

рой половинѣ полка, именуемый королевскій-принцовъ; потому жъ Тщевѣ и Гневѣ останутся ради саксонскихъ больныхъ.

7. Грауденцъ, ежели потребно будетъ, содержать саксонскимъ войскомъ, а въ Гелмѣ и Свецѣ никакого войска имѣться не будетъ.

8. Познань и рѣка Варта чрезъ Шримъ, Пистри, Калишъ, мѣстечко Варта и далѣе до Витавы, по Варшавской почтовой дорогѣ, постановлены быть имѣютъ посты королевскаго польскаго-саксонскаго войска; потому жъ и по шлезинской границѣ—отъ Корга чрезъ Фраунштатъ, Лиса и до Вартенберга.

9. Посты отъ Витавы до Варшавы содержаны будутъ российскимъ войскомъ, а городъ Варшава королевскимъ саксонскимъ, коронною гвардіею, войскомъ. А содержаніе пищею российскому войску имѣть изъ воеводствъ: Куявина, Плоцкаго, дистриктовъ: Добрчинъ, Сухачевъ, Ловичъ и Равы; сіе российское войско, ежели оскудѣніе въ томъ имѣть будетъ, можетъ подвинуться, какъ скоро его величество король польскій въ Варшаву пріѣхать изволятъ, къ Велико-Польши и къ Сендомиру. Королевскимъ саксонскимъ и короннымъ войскамъ, которыя въ Варшавѣ будутъ, содержаніе въ пищѣ получать имѣютъ съ дистриктовъ: Варшавскаго, Ческаго, Сокрочинскаго, Слова, Кумса, Висна, Чеханова, Росена и Висограда, а российское войско, которое донинѣ въ Варшавѣ и въ Торунѣ имѣется, выступитъ изъ оныхъ мѣстъ, какъ скоро королевское саксонское войско туда прибудетъ.

10. Рѣка Висла отъ Торуня до Варшавы, такожь Пулковскъ, въ потребномъ случаѣ, содержаны будутъ изъ Варшавы королевскимъ польскимъ-саксонскимъ войскомъ; а болѣе вышечисанныхъ мѣстъ королевскимъ саксонскимъ войскамъ содержать не могутъ.

11. Достальныя поля российскаго войска маршъ возымѣютъ: частью къ Литвѣ, частью же къ Кракову и къ Ленбургу.

12. Ежели непріятельскія войска или партіи явятся, въ томъ генералитету обѣихъ армій сношеніе имѣть, какъ наилучшимъ образомъ въ обществѣ оныхъ смысливать и противъ оныхъ дѣйствовать.

13. Съ господиномъ короннымъ крайсникомъ Ржеускимъ немедленно въ маршъ отправятся: 2000 драгунъ, 2000 пѣхоты, 1000 казаковъ, подъ командою генерала-маіора Бахметева российскаго войска.

14. О выступленіи въ походъ обѣихъ войскъ и которыми трактами маршировать, дабы въ пути другъ другу помѣшательства не чинили, во общемъ согласіи опредѣленіе учинено будетъ.

№ СХХІІ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій указъ отъ „2“ дня сего августа о высылкѣ изъ Польши и Литвы россійскихъ бѣглецовъ силою, по возвращеніи Вашего Величества войскъ, я всеподданѣйше получилъ 8-го дня; и о исполненіи по оному Вашего Императорскаго Величества указу и о содержаніи оного въ секретѣ предложено отъ меня и со оного указу сообщена копія къ генералу и кавалеру господину Лессію.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Августа 10-го дня 1734 г.

М. О. Ар. Г. Ш. Опись 192; книга 5.

№ СХХІІІ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшіе указы отъ 2-го и 4-го чиселъ сего августа мѣсяца я, съ моимъ подданѣйшимъ респектомъ, получилъ, и по силѣ оныхъ о смыслѣ и провѣдываніи Станислава, ежели оный изъ прусскаго мѣстечка Ангенсбурга и движеніе куда возымѣетъ, всякими мѣрами примѣчать и въ томъ осторожность имѣть надлежащія опредѣленія учинены. И ради того въ Кенигсбергѣ капитанъ Генигсъ-Гаузенъ, а въ Пиллауѣ придворный совѣтникъ Белкъ обрѣтаются; а изъ Эльбинга и Эрмляндскаго владѣнія переѣзжаютъ Пруссією нарочные офицеры и непрестанно о томъ провѣдываютъ. И нынѣ получено чрезъ посланнаго въ Ангенсбургъ нарочнаго саксонскаго унтеръ-офицера извѣстіе, что Станиславъ будто проѣхалъ въ Польшу или въ Литву, а изъ Кенигсберга извѣстіе имѣется, якобы генераль-поручикъ Катъ онаго Станислава подъ конвоемъ изъ Ангенсбурга въ Кенигсбергъ проводилъ, въ которомъ мнѣніи господинъ камергеръ графъ фонъ-Левенвольдъ, который на сихъ дняхъ изъ Кенигс-

берга прибыль,—состоять, что онъ, Станиславъ, въ Кенигсбергскомъ замкѣ содержится, и было разглашено, что караульнымъ солдатамъ патроны съ пулями раздаваны были; а подлинное о томъ извѣстие уповаю скорѣ получить, и ежели онъ въ Литву въ конфедератамъ ретировался, то надлежитъ его такимъ образомъ сыскивать и партіи его разгивать, чтобъ онъ нигдѣ мѣста сыскать не могъ. О поступкѣ короля прусскаго въ такомъ случаѣ причестъ можно за явную недружбу, что онъ нагло непріятеля Вашего Императорскаго Величества защищаетъ и войну тѣмъ продолжаетъ; а ежели они далѣе въ Пруссіи продержатъ, то отъ того никакого добра послѣдовать не можетъ, ибо стороны его конфедерации, имѣя его Станислава вблизи, отъ упорности своей легко отстать не могутъ, а болѣе приумножаться будутъ; а ежели онимъ дворомъ его, Станислава, такъ какъ меня министръ ихъ господинъ фонъ-Брантъ королевскимъ именемъ обнадеживалъ,—во Францію отѣхать склонять то лучше всего было; токмо надлежитъ тому скоро послѣдовать, ибо выдачи оногo уповать не можно, развѣ бы его королевское величество польскій сначала великорослыхъ людей Рутовскій батальонъ королю прусскому обѣщать изволилъ, тобъ безсумнѣнно съ прусской стороны такъ за него вступаться не стали, особливо въ то время, когда господинъ генераль-маіоръ фонъ-Биронъ съ командою до Гнева посланъ былъ и нѣкоторые наши офицеры до Маріенвердера и Ризенбурга вслѣдъ за нимъ гнались; нынѣ же оногo Станислава изъ прусскихъ рукъ достать толь менше можно, ибо онъ подъ крѣпкимъ карауломъ и въ крайнемъ охраненіи у нихъ содержится, и ежели хотя малая команда наша къ ихъ границамъ покажется, то имъ сумнительно и крѣпчайше онаго охраняютъ. Однако въ семь дѣлъ съ господиномъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ-Левенволдомъ и господиномъ генераломъ Лессіемъ всѣ потребныя мѣры взять не оставлю; а онъ, Станиславъ, не въ давномъ времени чрезъ нѣкотораго, именемъ Веречакъ, графу Понятовскому изъ Ангенсбурга къ терлабнію и вѣрности напомнить приказывалъ; о чемъ онъ, Понятовскій, яко вѣрный мужъ стороны Вашего Императорскаго Величества, не умедя объявилъ; въ чемъ на то, что отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенволда Вашему Императорскому Величеству пространно донесено—ссылаюся.

Поляки, которые отсюда отбыли, суть слѣдующіе: 1) Джули, 2) полковникъ Скретускій, 3) староста Виски, Ростковскій, которыхъ воевода Понятовскій съ письмами съ позволенія послалъ и поручился по нимъ крѣпкимъ обязательствомъ. А тайно отбыли: 1) Блесдовскій, староста Буски, Яблоновскій; о первомъ, который молодой шляхтичъ

былъ, извѣстiе имѣется, что во Францію уѣхалъ, понеже онъ у кардинала Флери въ немалой милости обрѣтался и при самой осадѣ города сюда прибылъ; а второй пребывалъ при коронномъ шпаль-мейстерѣ графѣ Осолинскомъ и какъ съ женою его, Осолинскаго, такъ и съ Станиславомъ, въ свойствѣ имѣется; о причинѣ его уходу объясняютъ, что великіе долги во Гданскѣ имѣлъ и отъ того къ Станиславу ушелъ. И зависать въ обоихъ невеликое дѣло; а ушли еще въ то время, какъ его королевское величество польскій изволил здѣсь быть.

3) Жянь Гораймъ ушелъ изъ-подъ нашего караулу, за что какъ офицеры, такъ и солдаты сидятъ подъ карауломъ, и велѣно надъ оными кригсрехтъ содержать. А по уходѣ своемъ оставилъ письмо, въ которомъ представляеть скудость жены и дѣтей своихъ и обивуется никакого зла не учинить, которое письмо при семъ къ Вашему Императорскому Величеству прилагается. А съ достальными станиславскими адгерентами поступаю здѣсь по изобрѣтенію господина оберъ-италмейстера графа фонъ-Левенвольда; а примасъ маркизъ де-Монтии и всѣ, которые въ Эльбингѣ подъ карауломъ содержатся, ради того, что армія наша маршъ отсюда возымѣеть, отвезены быть имѣють въ Торунь.

Шведскихъ плѣнныхъ: офицеровъ „68“, рядовыхъ „58“ посажены на судно и ожидаютъ способнаго вѣтра, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу, въ Швецію отпущены будутъ; нѣкоторые офицеры изъ оныхъ, а именно 5 человекъ, реверсъ не подписали и содержатся ради того подъ карауломъ, и что со оными чинить повелѣно будетъ, ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества указу; а о достальныхъ плѣнныхъ, которые за отдачею его королевскому величеству Августу Третьему для комплектованія поронной гвардіи имѣются, по нижайшему мнѣнію господина оберъ-италмейстера, генерала Лессія и моему, лучше ежели оной, по учиненіи присяги его королевскому величеству съ подписаніемъ реверса, на волю распустить, ибо оные содержанія немалого кошту требуетъ, ктому жъ изъ оныхъ многіе въ болѣзняхъ и непрестанно мрутъ, и требуютъ въ маршѣ немалого смотрѣнія и караулу; и въ здѣшнихъ польскихъ обращеніяхъ зѣло трудно вездѣ съ собою таскать, а въ Россію сослать,—пользы мало быть можетъ, ибо не мало уплаты за транспортъ потребно; а какъ послѣдуетъ генеральная пацификація, то надлежитъ оныхъ паки выдать, или по своимъ домамъ распустить. И ради такихъ резонновъ, кромѣ тѣхъ, которые при нашихъ полкахъ охотно служить пожелають, и нѣкоторыхъ мастеровыхъ людей, которые водою въ Россіи отправляются, оной отпускъ мнится учинить имъ можно. Которою милосердною поступкою Вашего Императорскаго Величества великодушіе вновь

здѣшнему народу оказано будетъ, а по исполненію того всѣмъ тѣмъ, которые присягу подпишутъ, именной списокъ сообщенъ будетъ.

Осадная и полевая артиллерія на нынѣшнихъ дняхъ на англійскія суда вся погружена будетъ; а лошадей полевой артиллеріи велѣно раздать по драгунскимъ полкамъ; а при полкахъ артиллерія всей амуницией довольно снабдена, такожь де и вся армія удовольствована свинцомъ, который при Миндѣ найденъ былъ, и отъ аглицкихъ купцовъ, которые оному хозяевами явились, посредственно цѣною купленъ. Для отвозу нашихъ инвалидовъ суда наняты и первымъ способнымъ вѣтромъ къ Кронштату отправятся, а французскій плѣнный фрегатъ, гданскій гуворъ и галіоты російскіе исправляются съ возможнымъ поспѣшеніемъ, и будутъ за аглицкими судами, которые нашею артиллеріею нагружены, въ конвоѣ слѣдовать. А для провѣдыванія французскаго корабля, который 52 пушки имѣетъ, именуемаго „Бриліантъ“, посланъ отсюда на легкомъ суднѣ штурманъ Мясновъ, которому до Копенгагена ѣхать повелѣно, а о прочихъ французскихъ корабляхъ извѣстіе имѣется, что они изъ Балтійскаго моря во Францію путь свой возымѣли, чего для уповательно, что отправленное отсюда все, за помощью Божьею, благополучно къ гаванямъ нашимъ прибудетъ.

Вторая колонга, подъ командою генераль-лейтенанта Загряжскаго, и генераль-маіора Лессія, состоящая въ 4-хъ пѣхотныхъ и въ 5-ти драгунскихъ полкахъ и нѣсколько казакахъ, вчерашняго и сегодняшняго числа въ маршъ выступили, и путь имѣть будутъ къ Ловичу, къ Равѣ и къ Петеркову; потомъ велѣно онимъ такъ расположиться, чтобъ отъ Варшавы къ Вартенбергу къ свободному проѣзду его королевскаго величества постирунги надежно прикрыты были.

А третья колонга, съ которою господинъ генераль Лессій по ту сторону Вислы, маршировать будетъ какъ скоро всю артиллерію погрузятъ и больныхъ инвалидовъ отсюда отправятъ, что не въ продолжительномъ времени послѣдовать можетъ.

Полки, которые въ маршъ выступили и впредь выступать будутъ, получаютъ денежное жалованье по 735 годъ генваря по „1“ число, и тако нужды впредь не могутъ, ибо изъ такого мѣста, въ которомъ отъ малолюдства великая дороговизна, съ удовольствіемъ выступать и на походѣ, при нынѣшнемъ времени, въ Польшѣ почти вездѣ хлѣбъ въ поляхъ зрѣлый застанутъ и тѣмъ безъ нужды пробавиться могутъ. Нижнимъ мундиромъ армія Вашего Императорскаго Величества довольно снабдена, а о верхнемъ надлежащія опредѣленія учинены будутъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ. Объ отъѣздѣ моемъ отсюда Вашему Императорскому Величеству, точно котораго числа, донести не

могу, а особливо ради того, въ чемъ можетъ господинъ оберъ-шталмейстеръ, графъ фонъ-Левенвольдъ, засвидѣтельствовать, что денежная заплата отъ города съ не малою трудностью происходитъ, понеже первыя сто тысячъ битыхъ таллеровъ по прошествіи шести недѣль съ немалымъ принужденіемъ уплачены, а другія сто тысячъ начинаютъ нынѣ уплачивать, ибо въ томъ за истину Вашему Императорскому Величеству донести могу, что магистратъ гданскій ни въ одной тысячи таллеровъ кредитъ не имѣетъ, понеже, англійскихъ, прусскихъ и прочихъ купцовъ я призывалъ и требовалъ отъ нихъ чтобъ данные отъ города векселя приняли или чрезъ маклеровъ, таковыхъ купцовъ прислали, которые-бъ тѣ перевели; но, однако, ни кого не явилось, и Голландія, по прошенію городскому, видя что у нихъ голыхъ денегъ не имѣется,—ихъ не ссудили, но отвѣтствовали, что будутъ о томъ прежде разсужденіе имѣть. И я оставить не могъ оному городу объявить, что экзекуція послана будетъ и городскія ворота паки затворены будутъ ежели заплата денегъ не послѣдуетъ; отъ такого медленнаго платежа не безъ остановки выступленіе въ маршъ послѣднихъ полковъ и моего отсюда отъѣзду, ибо я еще при себѣ желаю все по возможности порядочно во окончаніе привести.

О планѣ, который надлежитъ воеводѣ мазовскому, Понятовскому, сочинить, донесено будетъ Вашему Императорскому Величеству отъ господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда; а онъ, Понятовскій, съ женою своею старается чрезъ письма вседневно въ Польшѣ и въ Литвѣ противныхъ партій склонить, и какъ объ его такъ и Шатуранскихъ и бискупа Плоцкаго вѣрныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ безсумнѣнно надѣяться можно, а какъ они суть такіе люди, которые во всей Польшѣ у шляхетства наивящей кредитъ имѣетъ, того для можно ихъ съ пользою употребить и въ преимуществѣ ихъ оставить. И сверхъ того, по прибытіи моемъ, пространнѣе Вашему Императорскому Величеству объ нихъ донести могу. А его, Понятовскаго, планъ генерально къ тому склоняется, чтобъ противнымъ конфедераціямъ, какъ въ 716 и 717 годахъ чинено было, типины оружію назначить; сверхъ того о конфедераціяхъ и склонныхъ трактатахъ пропозицію учинить, а между тѣмъ, какъ вседневно чинится, къ сторонѣ нашей партіи приумножить, ибо заподлинно повѣрить можно, что силою здѣшнія дѣла въ такомъ пространномъ государствѣ, въ которомъ крѣпостей не имѣется, и поляки отъ регулярнаго войска отступаютъ, въ нѣсколько лѣтъ во окончанію приведено быть не можетъ; напротивъ же того, ежели тѣхъ людей употребить, которые кредитъ имѣютъ, и саксонскіе господа министры, по прибытію

его королевскаго величества въ Польшу, надлежащія мѣры возымѣютъ, то о генеральной пацификаціи, хотя французскія интриги и будутъ, сумнѣваться не для чего; токмо не надобно время упустить и съ вачею ревностью сіе дѣло производить. Даруй Богъ господину оберъ-штаб-мейстеру графу фонъ-Левенвольду лучшее здоровье, нежели понынѣ, понеже ему всѣ польскія дѣла наилучше извѣстны, а безпокойства и досады здѣшнія безконечныя, при такомъ безпокойномъ народѣ. Письмо отъ Вашего Императорскаго Величества къ восводителю русской княгини Чертурийской отъ меня вручено, за которое всеподданѣйше благодарствуетъ; а мужъ ея и понынѣ въ болѣзни обрѣтается.

Торжественная депутація отъ города Гданска къ Вашему Императорскому Величеству третьяго дня отсюда на почтѣ отправилась, и уповаю, что не умедля туда прибыть можетъ. Припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Августа 16-го дня 1734 г. Пр. Оръ.
Гл. Ар. Ин. дѣлъ; кабин. дѣла; св. 6.

№ СХХІV.

Ея Императорскому Величеству
всеподданѣйшій репортъ.

Генералъ и кавалеръ господинъ Лессій, поданнымъ мнѣ доношеніемъ объявлялъ, что по именному Вашего Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ прошломъ 733 году, августа 25-го дня, велѣно ему, генералу и кавалеру, на его собственные, здѣшніе, излишніе расходы со вступленія въ настоящій походъ, изъ отпущенныхъ на излишніе расходы, пятидесяти тысячъ рублевъ, брать ему по пяти сотъ рублевъ на мѣсяцъ; и по оному Вашего Императорскаго Величества указу получилъ онъ то прибавочное жалованье апрѣля по 1 число сего году, а съ того числа и понынѣ, за употребленіемъ всей той суммы въ расходъ, не получалъ; и просилъ о произвожденіи оныхъ хотя изъ собранной съ Эрмянскаго владѣнія контрибуцной суммы. И потому его господина генерала и кавалера прошенію, по силѣ вышеспомянутого Вашего Императорскаго Величества именного указа, то прибавочное жалованье сентября по 7 число изъ реченной контрибуцной сум-

мы ему произвести и велѣно; о чемъ Вашему Императорскому Величеству чрезъ сіе всеподданѣйше репортую.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
F. d. Munnich. *)

Августа 18-го дня 1734 г.

Г. Ар. Ин. Дѣлъ; каб. дѣла; св. 6.

№ СХХV.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемилоствѣйшій рескриптъ, писанный сего августа 13-го дня, чрезъ курьера Маврина, а 19-го числа здѣсь, еще при Данцигѣ, со всеподданѣйшимъ респектомъ получая, и увѣдомился я, что французскихъ кораблей при Копенгагенѣ болѣе не имѣется; а чрезъ министра Вашего Императорскаго Величества господина Бракеля въ послѣднихъ его письмахъ дано мнѣ знать, что при Копенгагенѣ еще одинъ корабль, именуемый „Бриллиантъ“, имѣется, о чемъ и пріѣзжающіе вседневно шкипера тоже сказываютъ; чего для отправленъ, на наемномъ легкомъ суднѣ, штурманъ Мясной до Копенгагена, и велѣно ему движніе помянутаго корабля „Бриллианта“ примѣчать, потомъ за благовременно знать давать, понеже, либо паче чаянія, ко исполненію нѣкоторыхъ намѣреній—не пойдетъ ли оный корабль къ Кенигсбергу. О осадной и полевой артиллеріи Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше довошу, что она на наемныя английскія суда, кромѣ пороку и нѣкоторой амуниціи, вся погружена и одно изъ оныхъ судно, именуемое „Санктъ-Петербургъ“, на которомъ близъ третей нашей артиллеріи имѣется въ готовности имѣется первымъ способнымъ вѣтромъ отойти, а взятый французскій фрегатъ, гукоръ и два російскіе галіоты на сихъ дняхъ всѣмъ исправлены и къ походу въ готовности имѣются будутъ; и ежели-бъ, по силѣ Вашего

*) Въ нѣкоторыхъ подписяхъ Минихъ на нѣмецкомъ языкѣ у насъ опечатки происшедшія потому, что сперва нельзя было свободно разобрать его руку. Настоящая подпись правильна; однако въ первыхъ двухъ буквахъ мы не вполне увѣрены.

Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу, два корабля и два фрегата вскорѣ сюда прибыть могли, тобѣ особливо въ помощь бомбардирскимъ кораблямъ (понеже они въ мореходному плаванію не такъ какъ другіе корабли способны и безъ буксированія не безъ тягости онымъ дати можно) потребны были, а въ флейтахъ, ежели оныя не отправились, нужды не находится, ибо съ наемными судами акорды заключены и во оныя большая часть уже всего погружена.

Въ городъ Эльбингъ, взятая отъ нихъ артиллерія и амуниція, еще до полученія отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу, вся возвращена и оной городъ удовольствованъ, и вмѣсто тѣхъ пушекъ, которыя на нашихъ батареяхъ повреждены, двѣ чугунныя пушки, изъ взятыхъ отъ непріятеля, отданы; а въ Торунь, Мариенбургъ и въ Пуцъъ взятая отъ нихъ артиллерія и амуниція возвращена жъ, ибо въ Гданскѣ отъ ставиславскихъ полковъ около 400 пудъ пороху сыскано, который въ уплату въ вышеписанныя мѣста употребленъ.

Французскіе плѣнники и наши инвалиды изъ Эльбинга сюда прибыли, и посажены будутъ на суда, и немедленно отправятся, при чемъ такожъ де мастеровые люди которые господиномъ оберъ-шталмейстеромъ графомъ фонъ Левенвольдомъ изъ плѣнныхъ выбраны, до Риги отправятся.

А шведскіе плѣнники, офицеры и рядовые, на одномъ судиѣ предъ нѣсколькими днями въ Стокгольмъ отправились, кромѣ тѣхъ которымъ за тяжкими болѣзнями ѣхать нельзя было. А за наемъ судовъ и на содержаніе оныхъ въ пути даны, посланному съ ними подполковнику Кейзерлингу—деньги; большая часть изъ оныхъ не охотно въ Швецію отправились, ибо оныя здѣсь чрезъ два чина перемѣнились, и не уповаютъ въ Швецію въ такихъ же чинахъ упалыя мѣста себѣ получить.

Обрѣтающихся войскъ Вашего Императорскаго Величества третія и послѣдняя колонги выступаютъ послѣ завтра въ маршъ подъ командою генерала-лейтенанта князя Барятинскаго и генераль-маіора князя Урусова; а генераль Лессій съ генераломъ-маіоромъ фонъ Биرونъ съ послѣдними полками будутъ за оной слѣдовать, какъ скоро все ко артиллеріи касающееся на суда нагружено будетъ; а полки сей третей колонги на жалованную дачу по сентябрь мѣсяць деньги получили, и уповать можно, что съ полученными отъ города Гданска и которыя изъ Кенигсберга отъ купца Кадія въ число 200000 рублей переведены будутъ, вся армія, которая при здѣшней операціи была по генварь мѣсяць 735 году жалованьемъ удовольствована быть можетъ; а въ провіантѣ никакой нужды полки не имѣли, нижнею жъ обувью до новаго году безъ всякаго недостатку снабдены, а о верхнемъ

мундирѣ и сѣдлахъ лучшее опредѣленіе учинить можно будетъ по прибытіи моемъ въ Санктъ-Петербургъ, и когда точно извѣстіе о полкахъ гдѣ они впредь обрѣтаться извѣстно будетъ, дабы назначить мѣста гдѣ способности оныя вещи по границѣ становить. А лошадьми бывшіе здѣсь полки около 1000 не укомплектованы, и хотя отъ времени до времени не безъ упадку, но, однако, на противъ того, здѣсь, въ Польшѣ, знатное число во всѣхъ полкахъ лошадей покупали.

Генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ велѣно отъ меня раціоны и порціоны выдать за вычетомъ того, что натурою получили; а въ томъ кто что получили велѣно при выдачѣ брать реверсы подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа; и по удовольствіи тѣмъ прибавочнаго жалованья онымъ не потребно, а будутъ тою Вашего Императорскаго Величества высокою милостію зѣло довольны и нынѣ почти всѣ вновь мундированы.

Я уповаю, что господинъ оберъ-шталмейстеръ графъ фонъ Левенвольдъ Вашему Императорскому Величеству уже доносилъ сколько по требованію его изъ принятыхъ отъ годора Гданска денегъ отпущено, и нынѣ отъ того города, по силѣ капитуляціи, 30000 битыхъ таллеровъ (хотя не безъ труда) сполна получены.

О польскихъ магнатахъ и господахъ которые здѣсь подъ надсмотрѣніемъ обрѣтались Вашему Императорскому Величеству всенжайше доношу, что по позволенію господина оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда, по подпискѣ реверсовъ, изъ подъ ареста освобождены, а потомъ помянутый господинъ оберъ-шталмейстеръ вчерашняго числа, чрезъ Эльбингъ и Кенигсбергъ, въ путь отправился, а я уповаю на предбудущей недѣлѣ, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, отсюда отѣхать и какъ скоро возможно въ пути буду поспѣшать, дабы скорѣ того счастья достигнуть—къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества преклониться.

Примасъ маркизъ де-Монтіи и прочія польскія особы, подъ карауломъ содержащіяся, подъ добрымъ конвоемъ изъ Эльбинга во Тщевъ привезены и будутъ впредь до указа въ Торунѣ содержаны. Изъ оныхъ маркизъ де-Монтіи готовится въ своемъ мнѣніи въ Санктъ-Петербургъ отвезенъ быть, а примасъ уповаешь скорѣ свободу получить.

Сеймики или лантаги при Старгардѣ и Кавалевѣ состоялись, и требуетъ шляхетство освобожденіе о примаса, потому жъ и ландтагъ при Шродахъ Великой Польшѣ состоялся же, при которомъ съ 2000 человекъ шляхетства въ собраніи было—и доброжелательныя стороны нашей главнѣйшей противной партіи, партіи: Енгера, Барташевича, который для разрушенія ландтагара подѣзжалъ,—въ полонъ взяли, и

безсумнѣнно упованіе имѣется, что генеральной лантагъ въ Пруссакъ состоится же. Сообщенный отъ Вашего Императорскаго Величества станиславскій манифестъ, который въ Литвѣ явился уповаю, въ Ангенсбургѣ сочиненъ, а здѣсь изъ Великой Польши о томъ извѣстіе не имѣлось и публикованъ не былъ; на противъ того съ великимъ желаніемъ новаго манифеста отъ стороны Вашего Императорскаго Величества ожидаютъ со обнадеживаніемъ, что по полученію генеральной пацификаціи армія Вашего Величества изъ Польшѣ назадъ выступила и палатинаты, которые вступаютъ въ нашу партію, отъ всей контрибуціи уволены были.

О Станиславѣ Вашему Императорскому Величеству доношу—еще въ кенигсбергскомъ замкѣ подъ охраненіемъ содержится и хотя многія уповали, что оной на галерахъ въ Штетинъ отвезенъ, но, однако, имѣется извѣстіе, что оныя галеры изъ Пиллау въ путь свой отправились и никого, кромѣ тѣхъ которые на оныя принадлежали, не имѣли.

Депутація отъ города Гданска, какъ слышно, Кенигсбергъ проѣхала и генераль поручикъ Катъ просилъ оныхъ у себя отобѣдать, но токмо оныя за тѣмъ къ нему не поѣхали, что онъ въ шлоссѣ квартиру свою имѣетъ. Онаго города магистратъ зѣло скучаетъ что Вексельминда паки не отдана, представляя якобы кредитъ ихъ въ томъ зависить, а какъ слышно что саксоны въ оной Минде многочисленно въ болѣзни впадаютъ и ежели оное продолжится, то чрезъ годъ другой гарнизонъ потребенъ будетъ; а мнится, что лучше бѣ было оную Минду паки отдать и гарнизонъ тотъ въ Польшѣ въ другомъ мѣстѣ съ пользою употребить.

По увѣдомленію что князь Гессенъ-Гамбургскій счастливымъ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества мѣстечки Бротъ и Збарашъ отъ непріятеля взялъ къ Станиславу *) идетъ и къ намъ приближается. Посланы отъ меня къ командирамъ отъ колонгъ ордеры всякими мѣрами стараться непріятеля въ срединѣ захватить, и понеже нынѣ отсюда съ 20000 войска въ маршъ выступаетъ, которымъ безсумнѣнно непріятеля утѣснить можно, и потребно только, чтобъ съ стороны Его королевскаго величества польскаго полезныя мѣры взяты были: милостію и добродѣтелями правы поляковъ къ сторонѣ своей склонить и перупимо содержать.

Чтобъ подполковника Гаусена его фамилію и всѣ его иждивенія со стороны нашей сохранить, о томъ потребныя салвогвардіи отъ

*) Рѣчь идетъ о городѣ Станиславовѣ.

меня куда надлежитъ посланы и къ резиденту въ Варшаву, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указу, писано; о чемъ донесши припадаю къ стопамъ. При отпускѣ сего, Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 16 дня чрезъ курьера Бахистева получилъ, и по оному надлежащее исполненіе по должности моей чинено будетъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ-Миннихъ.

Августа 23-го дня 1734 г.

Г. Ар. Ин. дѣлъ, каб. дѣла; св. 6.

№ СХХVI.

Всеподданѣйшее извѣстіе.

Куда изъ принятой отъ города суммы изъ трехъ сотъ тысячъ талеровъ сколько въ расходѣ употреблено значились ниже.

Отдано въ комиссаріатскаго здѣшняго корпуса комиссію для удовольствія арміи жалованьемъ и на прочіе расходы 139473 талера 13 шестаковъ; его сіятельству господину шталмейстеру и графу фонъ-Левенвольду—50000 талеровъ. Взяты вексель отъ графа фонъ-Дона на 110526 талеровъ на 6 шестаковъ.

Итого 300000 талеровъ.

Христофоръ графъ Миннихъ.

Г. Ар. Ин. дѣлъ; каб. дѣла; св. 6.

№ СХХVII.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемилоствѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу, что по выступленіи, тому уже осьмой день, генераль-поручика князя Бяртинскаго и генераль-маіора князя Урусова съ четырьмя полками въ маршѣ, генераль и кавалеръ господинъ Лессій съ генераль-маіоромъ фонъ Бировомъ остались токмо съ четырьмя пѣхотными и однимъ драгунскимъ полками и нѣкоторою частью казаковъ; а при Данцигѣ полки всѣ удовольствованы денежною суммою генваря по 1 число будущаго 735 году. Артиллерія и амуниція почти вся погружена была и со оною четыре судна: три до Кронштата и одно до Риги дѣйствиительно въ пути. А шведскіе плѣнники до Стокгольма водою отправле-

ны были, и нашихъ больныхъ и о прочемъ потребныя аншталты такъ учинены, что генераль Лессій съ достальною командою въ походъ выступить можетъ, какъ скоро гданскій магистратъ, по учиненной капи-туляціи, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу, къ должному исполненію дѣйствительныя мѣры возьметъ. Отправился я, по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу, минувшаго августа 28 дня, въ путь свой, и поручилъ команду надъ арміею Вашего Величества господину генералу Лессію. И благодарю Господа Бога, что (Онъ) въ сей кампаніи славнымъ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества и храбрыми російскими солдатами, какъ надъ французами, такъ и шведами, поляками и гданчанами побѣду мнѣ даровалъ, которой побѣдѣ знаки въ вѣчной славѣ російскаго народа къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества представить могу.

А опредѣленія марширующихъ войскъ Вашего Императорскаго Величества такъ учинены, что провинція прусская и Великая Польша оными прикрыты, и понеже по возможности вновь покореннымъ всякія склоненія со стороны нашей оказываны были, того ради оныя сеймики счастливо состоялись, а конфедераціи въ пользу Станислава уничтожены, въ чемъ наиглавнѣйшая зависить польза. А хотя наша армія нѣкоторымъ числомъ провіантомъ и фуражемъ въ тамошнихъ мѣстахъ довольствовалась, однакожъ никакой жалобы отъ оныхъ сеймиковъ не происходило, и подлинно впредь уповать можно, что все счастливо къ генеральной пацификаціи приведено будетъ, ежели его королевское величество въ Польшу въ скоромъ времени возвратится и вновь покореннымъ больше милостиваго склоненія, яко несумнѣнно вѣрноподаннымъ, какъ донинѣ оказывать изволить, а которые еще не покорились, тѣхъ, чрезъ порядочныя трактаты и обѣщанія во учиненіи всякаго милосердія, къ сторонѣ нашей склонять.

А я, при здѣшной бытности, со всѣми, благодаря Бога, согласіе имѣлъ, и хотя отъ поляковъ многія затрудненія въ ихъ прошеніяхъ происходили, отчего на послѣдоекъ здоровье мое зѣло слабо стало, такъ что уже съ недѣлю феброю немощствую, и хотя чрезъ пользу докторскую дѣйствительно оная не оказалась, токмо принужденъ сей день на пути остановиться для моего пользованія; а уповаю завтрашняго числа отсюда отѣхать, но, однако, не такъ скоро путь свой могу продолжать, какъ желалъ счастья въ стопамъ Вашего Императорскаго Величества преклониться.

Съ магистратомъ гданскимъ кромѣ препятствіевъ и досадъ не имѣлъ и мало что во окончанію привести могъ, чего для по отбытіи

моемъ дана письменная инструкція господину генералу Лессію, съ которой при семъ копія прилагается; а магистратъ съсбиваетъ каждаго дня отговорки и чрезъ то время продолжаетъ и поступаетъ не справедливо, особливо со объявленія городского гарнизона; и въ полученіи французскихъ денегъ и прочаго, — ссылаюсь на посланную къ Вашему Императорскому Величеству депутацію. А одного изъ бургомистровъ, по силѣ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, какъ изъ приложенной копіи съ ихъ отвѣта всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, вслѣдъ за депутацію послать не намѣрены, а хотя имѣющіеся три бургомистра въ старыхъ лѣтахъ, токмо не такъ слабы, чтобъ имъ весьма ѣхать не можно было; а на четвертаго мѣсто никто не опредѣленъ. А имѣть по старшинству четвертымъ бургомистромъ быть городской синдикусъ Розенбергъ, который, какъ предъ его величествомъ королемъ Августомъ, такъ и предъ Станиславомъ, равною ревностію ораціи отправлялъ и, какъ слышно, такія рѣчи имѣлъ, лучше де бургомистромъ не быть, нежели въ Санктъ-Петербургу ѣхать; а понеже бургомистръ Бемель, когда съ депутацію во Францію посланъ былъ, имѣлъ чинъ синдикуса, а не бургомистра, того для ради высокой славы Вашего Императорскаго Величества надлежитъ по малой мѣрѣ въ такомъ же знатномъ числѣ персонъ депутаціи быть, какъ прежде во Францію отправляема была; и ежели ни которыми мѣрами одному бургомистру ѣхать не можно будетъ, то бѣ на его мѣсто городской синдикусъ Розенбергъ, который еще человекъ молодой, отправленъ былъ. А отправленная депутація пока оной прибудетъ и все по волѣ Вашего Императорскаго Величества не исполнится, до Вашего Величества допущена не была.

О гданскомъ войскѣ Вашему Императорскому Величеству доношу, что оное состояло въ одномъ полку изъ двѣнадцати ротъ пѣхоты, 200 человекъ артиллеристовъ и въ 40 рейтаровъ; а во время осады каждая рота приумножилась отъ 400 до 500 человекъ, и почитался оный полкъ отъ пяти до шести тысячъ человекъ, а артиллерійскіе служители приумножены были шведами; сверхъ же того имѣлось мѣщанъ до 30000 съ собственнымъ ихъ ружьемъ и безъ денежнаго жалованья, изъ которыхъ, изъ стрѣльцовъ и молодыхъ людей, до 12000 по городскому валу распределены были; а станиславскіе два полка въ наружныхъ крѣпостяхъ и на горахъ посты свои имѣли; а пинаганы предъ наружными крѣпостями и въ жулавахъ раздѣлены были. Нынѣ же изъ вышеписанныхъ приумноженныхъ всѣ распущены, и состоятъ токмо пѣхотный полкъ отъ 3-хъ до 4000, артиллеристовъ — 200 человекъ и 40 рейтаровъ, а какъ скоро Минде

паки городу отдана будетъ и генераль Лессій съ командою въ маршъ выступить, то намѣреніе имѣеть еще распустить и оставить токмо 2500 человекъ.

О всемъ вышеписанномъ магистратъ зѣло скрываетъ, и не могъ я отъ онаго прямо увѣдомиться, ежели бъ то стороною извѣстіе получено не было. И хотѣли оныя мнѣ презентовать 3000 червонныхъ, на которые уже и вексель въ квартиру мою привезенъ былъ, но однако я, ради ихъ великой упорности, не принялъ, и угрожалъ оныхъ въ неисполненіи капитуляціи экзекуцію прислать, и какъ я мню болѣе полагаются на иностранныхъ пусансовъ, не разсудя, что за сіе дѣло токмо Вашему Императорскому Величеству и не другому благодареніе и честь и сатисфакція принадлежитъ, и въ уходѣ Станислава никакихъ предосторожныхъ мѣръ не взяли, хотя отъ того часу, какъ имъ выдача онаго объявлена, чинить должно было; и ежели бъ при выходѣ его королевскаго величества въ городъ учинены были нѣкоторыя увеселеніи и нѣкоторымъ подлымъ людямъ удовольствіе, тобъ чрезъ оное и вседневныя доступленія и конференціи отъ польскихъ магнатовъ съ его величествомъ, склонностью всего народа лучшее обнадеживаніе его величество имѣть могъ, а нынѣ многіе въ немаломъ неудовольствію обрѣтаются, какъ то всегда въ Польшѣ, видѣ бытіе ихъ короля въ государствѣ, чинится, и только болѣе имѣютъ надежду на Ваше Императорское Величество; а при такихъ обстоятельствахъ російская армія вскорѣ изъ Польши взята быть не можетъ, и того ради зѣло нужно не отступно къ тому его величество склонять, а между тѣмъ противныхъ партій, чрезъ полезныя трактаты обнадеживая генеральною амнистіею, и сколько можно къ сторонѣ нашей склонять и требовать отъ нихъ деншатовъ.

О принятыхъ 300000-хъ битыхъ талерахъ отъ города Гданска, куда оныя употреблены, Вашему Императорскому Величеству при семъ вѣдомость прилагаю и припадаю къ стопамъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ Минихъ.

Сентября 1-го дня 1734 г.

Эльбингъ.

Г. А. Ин. Дѣлъ; каб. дѣла; св. 6.

№ СХХVIII.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица.

Всемиловѣйшая Государыня.

Я уповаю, что Вашему Императорскому Величеству чрезъ оберъ-шталмейстера графа фонъ-Левенвольда уже донесено, что здѣсь по прошенію кенигсбергскихъ купцовъ: Фаренгейта и Груббе стороны его королевскаго величества польскаго, литовскій трибульный маршалъ Воловичъ отъ королевскаго прусскаго регирунга для иѣкотораго стариннаго долгу, въ семи тысячахъ битыхъ ефимковъ, такожъ самогитскій депутатъ полковникъ Сиицкій, въ таковыхъ же долгахъ, арестованъ, и немалое время здѣсь одержаны въ ихъ провинціямъ, къ порученному имъ дѣлу, отправиться.

А чрезъ удержаніе и небытіе оного Воловича, литовскій новгородскій трибуналь вновь зачатъ и продолженъ быть не можетъ, а и реляціонныя засѣданія безъ оныхъ быть не могутъ, но учрежденные термны напрасно проходятъ, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и продолжаемыхъ станиславскихъ интригахъ по общей пользѣ и покою немалый вредъ чинится.

Чего ради изволилъ реченный господинъ оберъ-шталмейстеръ ко мнѣ писать и желалъ, чтобъ въ моемъ проѣздѣ оное разсмотрѣть и какъ можно привести ко окончанію, дабы выше показанныхъ, безъ опущенія времени, могли въ Литву отправиться; на что я, по прибытіи моемъ въ Кенигсбергъ, оныхъ господъ Воловича и Сиицкаго къ себѣ призывалъ и по полученію отъ нихъ обстоятельнаго извѣстія съ здѣшнимъ королевскимъ регирунгомъ въ конференцію вступилъ, въ которой отъ регирунга экскузація была тѣмъ, будто оные, Воловичъ и Сиицкій, подъ другимъ именемъ въ Кенигсбергъ вѣхали, и ради того оныхъ публичныхъ характерахъ оной регирунгъ извѣстенъ не былъ, когда оные арестованы были; а по неоднократнымъ моимъ представленіямъ получено оному дѣлу рѣшеніе и просители склонились къ тому, чтобъ оный Воловичъ три тысячи ефимковъ нынѣ имъ уплатилъ, а на достальныя четыре тысячи ефимковъ добрыхъ порукъ далъ.

А помянутый трибунальскій маршалъ Воловичъ представлялъ мнѣ, что хотя на достальныя четыре тысячи поруки далъ, однакожь на уплату трехъ тысячъ ниже денегъ кредиту здѣсь не имѣетъ и заплатить ему нечѣмъ, и, уповая на высочайшую Вашего Императорскаго

Величества милость, просилъ меня, чтобъ его изъ того аресту свободить и въ уплатѣ учинить вспоможеніе изъ казны Вашего Императорскаго Величества; того ради, для общей пользы и ради того, что королевскаго величества польскаго Августа третьяго партіи отъ того интересъ и кредитъ зависятъ, другаго способу не изыскавъ, какъ оныя деньги, чрезъ купца Кадія, должникамъ его здѣсь заплатить, а отъ оного Воловича взять облигацію чрезъ шесть мѣсяцевъ оныя деньги въ казну Вашего Императорскаго Величества заплатить.

И хотя помянутые 3000 таллеровъне безъ труда отъ него Воловича, возвратитъ будетъ, но, однако, уповаю, что его королевское величество польскій, ради того дабы не безъ зазрѣнія было, егда-бъ ихъ далѣе подъ арестомъ оставить, уплатить можетъ, и пребываю въ той надеждѣ, что Вашему Императорскому Величеству сіе противно не будетъ, но всемилостивѣйше апробовать соизволите. Ктому жъ онъ представлялъ, что отъ его величества, чрезъ придворнаго шацмейстера Мущинскаго, на проѣздъ свой токмо триста червонныхъ получилъ; напротивъ того здѣсь ему съ станиславской стороны, ежели-бъ онъ его партію принялъ, обѣщано было оной его долгъ заплатить, къ чѣму однакожъ онъ, Воловичъ, не склонился, и по заплатѣ оныхъ денегъ вкупе со мною до Мемля и оттуда въ Литву съ нашимъ конвоемъ отправится.

А между тѣмъ сіе дѣло продолжило моему отъѣзду наче моего желанія, и завтрашняго числа отсюда въ путь свой отправлюсь, и уповаю 16-го числа прибыть въ Мемель.

Что же на бывшемъ въ Пруссіи генеральномъ сеймикѣ происходило, о томъ изъ приобщеніевъ при семъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите.

О Станиславѣ Вашему Императорскому Величеству доношу, что оный еще здѣсь тайно содержится, и отъ того что со мною конвой и немалое число людей привело нѣкоторыхъ поляковъ въ безповойствіе, и затѣмъ другіе отсюда отѣхали, между которыми графъ Шли-венъ и Молжинскій; а ушедшіе изъ подъ караула Жанъ Гараймъ и Яблоновскій пребываютъ здѣсь, скрываясь отъ насъ, и, по многимъ посылкамъ, я оныхъ видѣть получить не могъ.

Сверхъ вышенисанныхъ изъ знатныхъ поляковъ никого не имѣется, кромѣ литовскаго шацмейстера Соллогуба, который немалое время уже на смертной постелѣ лежитъ.

О полученномъ авантажѣ команды генераль-маіора Измайлова надъ Потеемъ и что сеймики въ Пруссіяхъ состоялись, станиславскихъ

адгерентовъ въ немалую констернацію приводить. О чемъ донесши припадаю къ стопамъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Христофоръ графъ-Минихъ.

Сентября 12-го дня 1734 г.

Кенигсбергъ. Гл. Ар. Ин. дѣлъ; кабин.; дѣла; св. 6.

№ СХХІХ.

Именной списокъ *)

штабъ и оберъ-офицерамъ, которые имѣются на караулахъ, съ пристойнымъ числомъ людей, у слѣдующихъ персонъ:

Въ Елбингъ:

У прамаса съ его племянникомъ.	Подполковникъ Рыдеръ.
У марки де-Монтія съ его племянникомъ.	Премьеръ майоръ Фредеріцій.
У графини Потоцкой.	За присмотромъ вышеписаннаго майора Фредеріція, — поручикъ князь Вяземскій.

При Гдансѣ:

У князя Шартарійскаго (sic), ка-стеляна виленскаго.	Ладожскаго полка поручикъ Протасовъ.
У сына его князя же Шатарійскаго, воеводы русскаго.	Того жъ полка поручикъ Философовъ.
У графа Понятовскаго, воеводы мазовскаго.	Капитанъ фонъ-Залцъ да поручикъ Ладожскаго полку Давыдовъ.
У короннаго подскарбія графа Осолинскаго и кустуша Сираковскаго.	Поручикъ Скуратовъ да одинъ прапорщикъ при немъ.

Да у прочихъ имѣются добрые унтеръ-офицеры за присмотромъ одного капитана.

Фонъ-Минихъ.

*) Приложение къ реляціи отъ 9-го іюля 1734.

№ СХХХ.

Копія.

И н с т р у к ц і я

генераль-маіору господину Бахметеву.

Понеже, по учиненной здѣсь за господами министрами и генералитетомъ консиліи, опредѣлено для искорененія противныхъ партій и прочихъ общихъ Ея Императорскаго Величества и его королевскаго величества польскаго, Августа Третьяго, ради успокоенія здѣшнихъ дѣлъ и интересовъ, командировать въ Великую Польшу нѣсколько полковъ и нерегулярнаго войска съ короннымъ крайсникомъ г. Ржеускимъ, которые и командированы, а именно драгунскіе: Володимірской, Тверской и Ингерманландской, пѣхотные: Второй Московскій и Новгородскій, въ команду вашего превосходительства, съ коими изволите отсюда во оныя мѣста маршировать и въ бытность притомъ чинить слѣдующее:

1.

Съ порученною вашею командою маршировать туда, куда г. коронный крайсникъ Ржеускій востребуетъ, только того смотрѣть, дабы малыя партіи нигде командированы не были, дабы чрезъ то людей не растерять; а ежели гдѣ услышите о непріятелѣ, въ такомъ случаѣ, по общему съ нимъ, г. Ржеускимъ, согласію чинить надлежащій посылъ по воинскимъ регуламъ и указамъ, какъ надлежитъ доброму и искусному генералитету; только смотрѣть, дабы себя въ азартъ не отдавать, и содержать команду во всякой крѣпкой осторожности, и съ нимъ, г. Ржеускимъ, имѣть частыя обо всемъ, что до пользы общихъ интересовъ касается, конференціи, допуская до того, ежели зѣло суть важное,— и штабъ-офицеровъ; только смотрѣть, чтобъ онъ, г. Ржеускій, кромѣ военныхъ операцій въ команду при напихъ войскахъ не вступалъ; чего ради пароль и лозунгъ, и привазы имѣете въ команду свою отдавать вы сами. А въ пути маршировать надлежитъ съ такимъ раздѣломъ, чтобъ ни людямъ, ни лошадямъ дальняго труда не было.

2.

Во всякую провинціальную городскую канцелярію, называемую гродъ, посылать напередъ офицеровъ съ пристойною въ драгунахъ и казакахъ командою, со объявленіемъ, на чтобъ марширующее войско заготовлено было по тракту провіанта и фуража по тарифу 1676 года.

3.

А понеже во время маршу не уповательно, что вскорѣ тотъ тарифъ можно было сыскать, того ради, что не было нужды—провіантъ и фуражъ брать отъ обывателей съ добрымъ порядкомъ, а съ коего мѣста, коликое число и на которые полки когда взято будетъ, имѣть вѣрную записку и давать квитанцію; о чемъ надлежитъ заблаговременно чинить публикацію чрезъ универсалы, по согласію съ г. Ржеускимъ, крайсникомъ короннымъ, которые универсалы публикуются всегда чрезъ канцелярію, называемыя гродъ, и пасторовъ и шляхетство; чего ради и въ тѣхъ универсалахъ упоминается именно, чтобы одинъ другому о томъ объявлялъ.

4.

Ежели паче чаянія чрезъ опубликованные универсалы и по тарифу поставлено будетъ провіанту и фуражу на всю команду не довольно, въ такомъ случаѣ падлежитъ неизмолоченнаго хлѣба солдату обмолочивать самимъ, и молоть, дабы нужды и недостатку не было; только и въ томъ надлежитъ давать квитанціи, и сіе чинить безъ всякаго обывателемъ разоренія и обидъ.

5.

Гдѣ полкамъ велѣно будетъ на нѣсколько времени въ квартирахъ пробыть, то надлежитъ тотчасъ въ томъ мѣстѣ магазинъ сдѣлать, и во оной провіантъ и фуражъ, по тарифу надлежащій, собирать, дабы чрезъ то былъ тотъ сборъ и оному расходу порядочнѣе; и для того универсалами, тотчасъ по прибытіи, объявить, ежели которые обыватели онаго провіанта и фуража натурою и въ надлежащее время привозить не будутъ, съ тѣхъ чрезъ экзекуцію взято будетъ деньгами втрое, что надлежитъ и дѣйствительно исполнять.

6.

А сколько во всякую порцію и рацію надлежитъ чего натурою и деньгами получить, о томъ при семъ извѣстіе прилагается.

7.

Ежели когда оная команда съ котораго мѣста отходитъ станетъ, а въ магазинахъ провіанта и фуража столько будетъ, что забрать

оного всего невозможно, такожъ и команды оставить опасно, въ такомъ случаѣ оное все отдавать въ ближайшіе города возвратно съ разпискою.

8

Егда г. крайсникъ Ржеускій будетъ требовать отъ нашихъ войскъ караулу себѣ, то отдавать одного оберъ и унтеръ-офицеровъ и отъ 30 до 40 человекъ рядовыхъ, такожъ когда маршалъ конфедераціи, Понинскій, который при саксонскихъ войскахъ, отправится къ нашимъ войскамъ, прибудетъ, то и ему, по его требованію, оный карауль давать надлежитъ; только того смотрѣть, дабы оный нашъ карауль отъ нашихъ войскъ далече отведенъ не былъ, ради настоящей въ томъ опасности.

9.

Съ командирами нашихъ и саксонскихъ войскъ, которыя имѣютъ итти еще тремя колонгами, егда будутъ въ близости, имѣть обо всемъ частое сношеніе; которыя войскъ имѣютъ итти слѣдующими тракты; а именно, саксонское—по правую руку, по померанской и пленской границѣ, а поставлено будетъ въ квартирахъ по рѣкѣ Не цѣ даже до Торуня; а наша первая колонга, подъ командою генерала-лейтенанта, идетъ до Ловичъ, и квартиры будетъ имѣть отъ Варшавы чрезъ Раву, Петроковъ до Видавы, а послѣдняя наша колонга идетъ по той сторонѣ Вислы, чрезъ Хельмское воеводство и Пултовскъ, и Подляхи до литовской границы.

10.

Генераль-лейтенантъ князь Гессенъ-Гомбургской и генераль-маіоръ Кейтъ квартиры будутъ имѣть около Кракова и Сендомира, съ которыми потому жъ въ потребномъ случаѣ имѣть сношеніе.

11.

Когда Варшаву и Торунь заступитъ саксонское войско, въ то время, обрѣтающіяся наши тамъ команды, кои не полковъ команды вашей, взять къ командѣ вашей, а кои другихъ полковъ, тѣмъ велѣть ожидать тамъ нашей другой колонги; да въ подполковнику Ингермоландскаго драгунскаго полка Даревскому, который съ командою обрѣтается нынѣ въ Спискомъ староствѣ, посылается ордеръ, чтобъ онъ оттуда маршировалъ и потому жъ соединился съ вами и съ другими нашими командами; а ежели Пиской (sic) староста, князь Любо-

мирскій, станеть представлять, что, по взятіи команды подполковника Даревскаго съ командою его, земля останется безъ прикрытія отъ непріятели, въ такомъ случаѣ на смѣну оной команды командированы будутъ человекѣ до 500 изъ команды генераль-лейтенанта князя Гесенъ-Гомбургскаго; а оной, Даревскаго, командѣ конечно надлежитъ быть при полкахъ вашего корпуса по то время, какъ безопасно къ полкамъ своимъ прибыть могутъ.

12.

Чтобъ нашихъ войскъ офицеры и солдаты съ саксонами и поляками, кои нашей стороны, имѣли во всемъ доброе согласіе и отнюдь бы никакихъ ссоръ и дракъ не происходило, подъ опасеніемъ штрафа.

13.

Егда случится командированіе отъ нашихъ и саксонскихъ и польскихъ регулярныхъ войскъ въ одно мѣсто и будутъ командиры равныхъ ранговъ, тогда имѣть надъ оными команду, хотябъ и молодшему командиру — отъ нашихъ войскъ; буде же саксонскихъ и польскихъ регулярныхъ командъ командиры будутъ рангомъ выше нашихъ, въ такомъ случаѣ имѣютъ наши командированные, подъ командою ихъ командира состоять; а буде отъ нашихъ войскъ командиръ будетъ выше рангомъ саксонскихъ и польскихъ, то и паче онымъ надлежитъ подъ его главною состоять командою.

14.

Надъ командою добрый и крѣпкій ордеръ содержать, чтобъ обыватели до обидъ и разореній весьма допущены не были; о чемъ особливими ордера, подъ смертною казнію, въ команду предложить; а паче маекности польскихъ господъ, кои наши пріятели, обранять и отъ противныхъ защищать, напротиву же того попечительное имѣть стараніе, чтобъ люди и лошади ни до какихъ нуждъ и недостатку допущены небыли, а особливо въ провіантѣ и фуражѣ ни мало не терпѣли голоду; а гдѣ на какомъ довольствіи ихъ содержать и откудова на людей провіантѣ, а на лошадей фуражъ получать, о томъ требовать совѣту у помянутаго г. Ржеускаго; а во время нужды поступать вамъ въ томъ по вышесказанному и по своему разсмотрѣнію, не допуская до нужды.

15.

Всемирно имѣть стараніе, чтобъ состоящіе въ вѣдѣніи вашемъ полки лошадьми взятые по разморѣнію и совѣту г. Ржеускаго изъ противныхъ маестностей и покупкою такъ удовольствованы были, чтобъ пѣшихъ драгунъ ни одного человѣка не было, а подь больныхъ брать подводы отъ ночлегу до ночлегу обывательскія и по церемоніи (sic) отдавать возвратъ исправно.

16.

Понеже нынѣ при полкахъ сухарей имѣется въ запасъ на мѣсяцъ, того ради имѣть стараніе, ежели можно подводами управиться дабы и во время походу всегда на оное время, а покрайней мѣрѣ на 2 недѣли, сухарей въ запасъ имѣлось.

17.

Ежели случится о чемъ тайности подлежащемъ писать ко мнѣ и къ прочему генералитету, то имѣете писать по приложеннымъ при семъ цифрамъ.

Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго въ партибулярныхъ письмахъ отнюдь ни къ кому не писать, но поступать въ томъ во всемъ по генеральному о семъ пункту.

По пунктамъ скрѣпа: съ подлиннымъ отпускомъ свидѣтельствовалъ секретарь Андрей Оенинъ.

Августа 2-го дня 1734 г.

Г. Ар. Ия. дѣлъ; кабинет. дѣла св. 6.

№ СХХХІ.

№ 1. Копія съ перевода капитуляціи города Гдавска, списанная въ кабинетъ іюля 13 дня 1734 года.

Пункты капитуляціи между его сіятельствомъ господиномъ графомъ и кавалеромъ Бурхардомъ Христофоромъ фонъ-Минихомъ, командующимъ генералъ-фельдмаршаломъ російско-императорскою арміею и проч. и проч., такожъ де его высококняжескою свѣтлостью господиномъ Яганомъ Адольфомъ герцогомъ Саксенъ Вейсенфельскимъ яко командующимъ генераломъ королевско-польскими и курфирсто-саксон-

скими войсками и проч. и проч. со одной и городомъ Гданскомъ съ другой стороны.

№ 1.

Городъ признаеть его королевское величество польское и курфирстскую свѣтлость саксонское Августа Третьяго за своего истиннаго всемилостивѣйшаго короля и государя и обѣщается его величеству всякую должную вѣрность и послушаніе такъ, какъ сущимъ подданнымъ подобаетъ показывать и немедленно къ высочайше помянутому его королевскому величеству кого-либо изъ города съ нижайшею покорительною грамотою отправить; въ городѣ же признаніе его королевскаго величества со всѣми обыкновенными церемоніями публикуеть, присягу, когда она обыкновеннымъ образомъ отъ него принята будетъ, учинить и высочайшую его королевскаго величества особу при его, дай Боже, скоромъ и благополучномъ приближеніи, со всякими нижайшими чести оказательствами, а особливо, что до имѣющаго его королевскаго величества при себѣ караула касается, какъ оный прежде сего по прибытіи и въздѣ пресвѣтлѣйшихъ королей польскихъ въ Гданскъ обыкновенно былъ,—въ городъ призоветъ и приметъ.

№ 2.

Высочайше упомянутое его королевское величество дипломъ, въ которомъ городу всѣ права, вольности и привилегіи въ духовныхъ и мирскихъ дѣлахъ обыкновеннымъ образомъ подтверждены будутъ, по примѣру славы достойнѣйшихъ предковъ своихъ, пресвѣтлѣйшихъ королей польскихъ, всемилостивѣйше пожалуетъ.

№ 3.

Понеже городъ Гданскъ просилъ, дабы какъ Ея Россійско-Императорское, такъ и его королевско-польское величества генеральную амнистію въ томъ, что до нынѣ происходило, въ чемъ бы оное ни состояло, особливими о томъ постановляемыми инструментами дозволить благоволили; такъ чтобы городу, мѣщанамъ и обывателямъ онаго, какого бы чина они не были, во всемъ прежде бывшемъ, особливо не нарекать, но каждому изъ оныхъ совершенною безопасностью пользоваться и ни по какой причинѣ или претексту за все прошедшее въ опасеніи не быть, такожъ возвращенія убытка, которой одной и другой участіе въ томъ имѣющей сторонѣ, по такому случаю причинится могъ, не требовать; о чемъ и при будущихъ, дай Боже, ско-

рыхъ генеральныхъ мирныхъ договорахъ гварантію городу исходатайствовать упрощено. Того ради его высокографское сіятельство російско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ такую амнистію со стороны Ея Россійско-Императорскаго Величества городу Гданску объявилъ и всемилостивѣйшіи императорскій дипломъ о томъ исходатайствовать обѣщался. Его высококняжеская свѣтлость господинъ герцогъ Саксенъ Вейсенфельскій такожь о семъ прошеніи его королевскому величеству польскому и курфирстской свѣтлости Саксонскому наилучшимъ образомъ представить и труды свои къ удовольствованію оной городъ въ томъ удобнѣйше прилагать обнадеживалъ, въ чемъ и его высокографское сіятельство російско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ рекомендаціею своею вспомогать себя изъяснилъ.

№ 4.

Обои полки, которые городу предъ осадою присягали, такожь все прочіе военные люди во время осады военную службу, не имѣя отъ города жалованья, отправлявшіе, каковой бы націи они не были, равнымъ образомъ и тѣ, которые на французской эскадрѣ въ Вексельминду прибыли и въ городъ прошли на другой день по ратификаціи отъ города капитуляціи въ Петерггскія ворота со всякою военною честью выступя отъ російско-императорскаго генералитета за военныхъ плѣнниковъ приняты будутъ. Ежели же російско-императорскій генералитетъ изъ сихъ войскъ какихъ-либо здѣшной земли обывателей освободить, то городу вольно наки оныхъ въ службу свою принять.

№ 5.

Въ день по выходѣ вышешюмянутыхъ войскъ изъ города слѣдующей его высокографскому сіятельству російско-императорскому господину генераль-фельдмаршалу Зоммеръ и Винтерскіе шанцы, купно съ обрѣтенною при взятіи оныхъ артиллеріею, такожь сдѣланные при Борсмансъ-ларке редуты городскому гварнизону очистить.

№ 6.

Въ сей же день, по выходѣ вышереченныхъ войскъ изъ города, городъ къ показанію дѣйствительнаго опыта о всевижайшей своей конфиденціи къ его королевскому величеству Августу Третьему, всемилостивѣйшему своему королю и государю, Олавскія ворота королевско-польскому и курфирсто-саксонскому войску на гарнизонъ двустамъ

человѣкамъ пѣхоты съ принадлежащими къ тому оберъ-офицерами очистить и рубезжъ, коль далеко валу у тамошнихъ воротъ отъ помянутого числа войскъ оступлену быть, напередъ офицерами вышереченныхъ войскъ и городского гарнизона назначенъ будетъ.

Симъ двустамъ человѣкамъ королевско-польскаго и курфирстосаксонскаго войска собственными деньгами себя содержать и юрисдикціи надъ тамошними обывателями ни въ чемъ не требовать. Самыя же ворота, когда его королевское величество польское и курфирстская свѣтлость саксонскій, по своему, дай Боже, скоромъ и счастливомъ прибытіи низжайше о томъ упрошенъ будетъ паки городскому гарнизону очистить.

№ 7.

Подъ гварантією его королевскаго величества польскаго и курфирстской свѣтлости саксонскаго, городъ Гданскъ симъ увѣраетъ, что онъ непріателей Ея Россійско-Императорскаго Величества никогда болѣе въ оной принимать, имъ никакого вспоможенія чинить не станетъ. Къ Ея же превысочайше упомянутому Россійско-Императорскому Величеству съ ващимъ респектомъ нежели донынѣ чинено себя оказывать и съ удобовымышленнымъ прилежаніемъ стараться будетъ дабы дрожайшая Ея Россійско-Императорскаго Величества милость къ сему городу неотмѣнно соблюдена была.

№ 8.

Изъ трехъ чиновъ города Гданска торжественную депутацію въ двухъ персонахъ каждаго чина и такихъ, которыхъ Ея Россійско-Императорское Величество сама всемилостивѣйше назначить въ Санктъ-Петербургъ какъ наискорѣе отправить гдѣ сія депутація о должномъ прощениіи просить имѣеть*). Насупротивъ чего оныя чины надежны быть могутъ, что никто изъ нихъ никакимъ образомъ оскорбленъ быть не имѣеть.

№ 9.

Понеже его высокографское сіятельство россійско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ о высокомъ Ея Россійско-Императорскаго Величества соизволениіи далъ знать, что превысочайше упомянутому Ея Императорскому Величеству употребленныя на одну Гданскую осаду сухимъ путемъ и водою превеликія иждивенія нѣкоторымъ образомъ милліономъ еемковъ возвращены будутъ, того ради общается городъ еще прежде выступленія россійско-императорской арміи, а именно въ три недѣли триста тысячъ еемковъ или достоинство

*) Смотр. выше роляцію отъ 1 сентября.

онихъ иною монетою заплатить. Первому слѣдующему сроку быть черезъ шесть мѣсяцевъ, потомъ же все такимъ образомъ распоряжено будетъ, чтобы всю сумму въ одинъ годъ, отъ перваго срока счисляя, заплатить.

А между тѣмъ городъ въ Ея Россійско-Императорскаго Величества въ свѣтъ славному великодушію всеніяжайшее надѣяніе имѣеть, что Ея Величество къ весьма истощенному состоянію сего города всемилостивѣйшее сожалѣніе явить и всепедрую свою резолюцію къ облегченію бѣднаго города всемилостивѣйше принять и оный тѣмъ порадовать изволить.

№ 10.

Понеже его высокографское сіятельство россійско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ городу Гданску объявилъ, что колокола, ибо въ оныя во время осады въ противность всякому военному обыкновенію, звонили, тѣмъ въ опалѣ, того ради помянутому городу россійско-императорскому генералитету, артиллерійскому и инженерному корпусу тридцать тысячъ червонныхъ заплатить.

№ 11.

Хотя съ Россійско-Императорской стороны весьма никакихъ иныхъ войскъ кромѣ токмо тѣхъ, которыя отъ города зависятъ, ни въ оной, ниже въ крѣпости онаго разставить не довлѣеть, однако же, пока россійско-императорская армія еще нынѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ обрѣтаться будетъ, въ воли россійско-императорскаго генералитета состоитъ, что когда оной въ городъ пріѣхать хочетъ, то россійскій караулъ, всего отъ тридцати до сорока человекъ съ надлежащими оберъ и унтеръ-офицерами, въ городъ съ собою взять можетъ, которому караулу, по возвращеніи высокопомянутаго генералитета паки изъ города назадъ выходить; которымъ образомъ и съ королевско-польскимъ и курфирсто-саксонскимъ карауломъ; ежели въ вышереченное время королевско-польской и курфирсто-саксонской генералитетъ въ городъ пріѣзжать изволить; — поступать же.

№ 12.

Рѣки и дороги въ городъ и отъ города, тотчасъ по учиненной ратификаціи на сію капитуляцію, отворить и городу свободу въ привозъ и комерціи такожъ совершенную диспозицію надъ морскою гаванью и храненіе всѣхъ правъ и обыкновеній, которыя о навигаціи донывѣ соблюдены, весьма перепустить. Такожъ крѣпость Вексельмюнде купно

съ Вестерскими панцами въ такомъ состоянїи, въ какомъ оныя въ то время обрѣтались, когда они отъ городскаго гварнизона сданы со всѣми принадлежностями, какъ его королевское величество польское и курфиртская свѣтлость саксонскій по своему, дай Боже, скоромъ и благополучномъ сюда прибытіи низайше о томъ упрощенъ будетъ, городу паки очистить.

№ 13.

Городъ обѣщается какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ, которые въ крѣпости Вексельмюнде и въ палисадахъ, такожъ въ лежащихъ за Вислою Вестерскихъ и Зоммерскихъ панцахъ въ гварнизонѣ были и оныя сдали безъ розыску, паки въ свою службу по прежнему основанію, какъ они предъ осадю, принять.

№ 14.

Когда капитуляція отъ города ратификована будетъ, то россійско-императорскимъ и королевско-польскими курфирсто-саксонскимъ войскамъ съ земли городской и всѣхъ оной обывателей кромѣ травы ничего, какого бъ званія то ни было, не требовать.

№ 15.

Понеже его высокографское сіятельство россійско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ за ушествіе Станислава Лещинскаго, который прежде окончанія сейма элекціи въ городъ Гданскъ принять, потомъ же въ самое то время, какъ выдачи онаго отъ вышеупомянутаго его высокографскаго сіятельства господина генераль-фельдмаршала требовано, уѣхалъ, милліонъ ефимковъ Ея Россійско-Императорскому Величеству отъ города заплатитъ претендовалъ, которая сумма однакожъ городу упущена быть имѣеть, ежели онъ его отъ сего числа въ четыре недѣли поставитъ, то городъ въ несомнѣнномъ надѣянїи пребываетъ, что когда чинимымъ о томъ розыскомъ и точнымъ обыскомъ окажется, что городъ въ уществїи вышепомянутой персоны невиновенъ и участія не имѣеть, то чаятельно и онъ отъ всякаго мщенія Ея Россійско-Императорскаго Величества всемилостивѣйше пощажень будетъ.

№ 16.

Понеже его высокографское сіятельство россійско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ требовалъ, дабы городъ Гданскъ, чтобы ему впредь отговорится не можно было, что онъ требованную отъ него денежную сумму одинъ отъ себя заплатилъ, всѣ въ городѣ

обрѣтающіяся французскія имѣнія и какъ городу, такъ и партикулярнымъ людямъ данныя деньги точнѣйше явилъ, толь наипаче, ибо гласится, что Франція всѣ убытки городу возвратитъ декларовала,—того ради магистратъ сего города иманемъ всѣхъ чиновъ объявляетъ, что имъ неизвѣстно, чтобъ кромѣ того, что въ милостыню, тако же къ облегченію бѣдныхъ людей при мѣщанскихъ караулахъ на квартиры обоямъ передъ осадю впущеннымъ полкамъ и малаго подарки гварнизону и прочихъ мелкихъ дачъ роздано, какія партикулярныя персона французскими деньгами или другими французскими подарками къ похлѣбству преклонены были. А то еже городу въ награжденіе за чрезвычайно великія донинѣ учиненныя иждивенія дано ко исправленію онаго гораздо недостаточно было. Къ тому жъ никакого письменнаго обязательства не имѣется, что городу отъ Франціи всѣ убытки награждены будутъ. Правда, словесно отъ маркиза де-Монти надежда подана, что вредъ отъ бомбардированія причинящейся всякому партикулярному, награжденъ быть имѣеть. Впрочемъ все возможное разсмотрѣніе отъ города о томъ учинено и что найдется вѣрно, явлено быть имѣеть.

17.

Яко же магистратъ города Гданска обстоятельства, какъ ушествіе Станислава Лещинскаго учинилось, уже чрезъ свою братью разсматривать началъ и тако оное разсмотрѣніе и съ приглашеніемъ генераль-аудитора лейтенанта съ російско-императорской стороны и генераль-аудитора-лейтенанта съ королевско-польской и курфирсто-саксонской стороны, прилѣжнѣйше продолжено, особливо же люди изъ того двора, гдѣ Станиславъ жилъ, къ розыску приведены быть имѣють, пока вышепозазанное разсмотрѣніе надлежаще къ окончанію не приведется,—то посланные изъ города для сей капитуляціи господа депутаты аманатами въ російскомъ лагерѣ пребудутъ.

18.

Всѣ крестьяне, которые на нижней сторонѣ города, гдѣ земля затоплена, въ то время, когда Станиславъ будто ушелъ, были или еще пребываютъ, къ тому розыску привлечены быть имѣють.

19.

Ежели городъ Гданскъ какимъ иностраннымъ купцамъ въ вольностяхъ и правахъ ихъ обиду или ущербъ учинилъ, о чемъ оному,

однако жъ, неизвѣстно, то оное прекращено и дѣло въ прежнее состояніе приведено быть имѣеть.

20.

Всѣ дезертиры и плѣнники какова б чину и званія они не были, купно съ ихъ ружьемъ, мундиромъ и барабанами безденежно выдать, и никто ни подъ какимъ претекстомъ удержанъ быть не имѣеть.

21.

Сія капитуляція какъ отъ его высокографскаго сіятельства російско-императорскаго господина генераль-фельдмаршала, такъ и отъ его высококняжеской свѣтлости господина герцога Ягана Адольфа Саксенъ-Вейсенфельскаго равнымъ образомъ отъ депутатовъ города Гданска своеручно подписана, припечатана, и сколько до города Гданска касается отъ магистрата онаго именемъ всѣхъ чиновъ ратификована. И такая ратификація ежели не прежде, то наидолжайше въ двои сутки за городскою печатью сюда прислана быть имѣеть.

Учинено въ главной квартирѣ російско-императорскаго лагеря Орее въ 26 іюня (7 іюля) 1734 года.

Подписано:	Бурхардъ Христофоръ графъ Минихъ.
Мѣста печатей:	Яганъ Адольфъ герцогъ Саксонскій. Яганъ Вааль ратманъ и депутатъ города Гданска. Натанаель Готфридъ Ферберъ ратманъ и депутатъ города Гданска.

А р т и к у л ь с е п а р а т н ы й.

Хотя пунктъ 4 вышеизображенной капитуляціи такого содержания: что обои полки, которые городу прежде осады онаго присягали, такожъ всѣ прочіе военные люди во время осады военную службу, не имѣя отъ города жалованья, отправлявшіе, какой бы націи они не были, равнымъ образомъ и тѣ, которые на французской эскадрѣ въ Вексельминду прибыли и въ городъ прошли, на другой день по ратификаціи отъ города капитуляціи въ Петергагскія ворота со всякою военною честью выступя отъ російско-императорскаго генералитета за военныхъ плѣнниковъ приняты быть имѣютъ и прочее, — то однакожъ сей пунктъ между его высокографскимъ сіятельствомъ російско-императорскимъ господиномъ генераль-фельдмаршаломъ графомъ фонъ-

Минихомъ и его высококняжескою свѣтлостью герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ, хотя они обои о раздѣленіи военныхъ плѣнниковъ инструкціи не имѣютъ, такимъ образомъ изъясненъ и расположенъ: чтобъ его высококняжеской свѣтлости герцогу то войско съ штабъ, оберъ и унтеръ-офицерами и рядовыми при старой польской коронной гвардіи обрѣтавшееся и дѣйствительно въ томъ же числѣ бывшее и предъ осадю въ городъ Гданскъ вступившее, такожь и тѣхъ, которые изъ Саксоніи родомъ или въ саксонской военной службѣ были, отъ военныхъ плѣнниковъ паки къ себѣ взять и на себя перенять. Для ващаго же увѣренія сей изъяснительный пунктъ отъ его высокографскаго сіятельства російско-императорскаго господина генераль-фельдмаршала графа фонъ-Миниха и его высококняжеской свѣтлости герцога Саксенъ-Вейсенфельскаго своеручно подписанъ, припечатанъ и при томъ договорѣ, что оный такъ дѣйствителенъ быть имѣеть, якобы отъ слова до слова въ самой капитуляціи изображенъ былъ.

Дагумъ тогожь 26 іюня (7 іюля) 1734 года.

Мѣсто печатей: Бурхардъ Христофоръ графъ Минихъ.
Яганъ Адольфъ герцогъ Саксонскій.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; дѣла имперскихъ городовъ, картонъ 15, д. № 14.

№ СХХХІІ.

*Переводъ *)*

Вспокорнѣйшее доношеніе о изслѣдованіи о уходѣ Станислава Лещинскаго изъ Гданска.

Понеже Станиславъ Лещинскій, в самое то время, какъ російско-императорскій господинъ генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ у Гданскаго магистрата выдачи онаго требовалъ, въ ночи между 16 (27) и 17 (28) числами іюня сего года, изъ города ушелъ и потомъ во учиненной со стороны російско-императорской и королевской польской да курфирстской саксонской съ городомъ Данцигомъ капитуляціи въ 17 пунктѣ договореносъ и постановлено начатое отъ Гданскаго магистрата изслѣдованіе, какимъ способомъ Станиславъ Лещинскій оттуда ушелъ, въ присутствіи двухъ, а именно одного російско-императорскаго и одного жъ королевскаго польскаго и курфирстскаго саксонскаго генераль-аудиторъ-лейтенантовъ накрѣпко продолжать и для того отъ его превосходительства російско-императорскаго генераль-фельдмаршала, я ге-

*) Моск. Гл. Ар. Мин. Ин. дѣлъ; дѣла бывшаго кабинета; св. 6.

нераль-аудиторъ-лейтенантъ, да отъ его свѣтлости герцога Иогана Адольфа Вейсенфельскаго я, королевской польской и курфирской саксонской генераль-аудиторъ-лейтенантъ, 25 іюня (6 іюля) сего жъ года съ данною намъ инструкціею къ тому опредѣлены. Того ради мы ниже-подписавшіеся обои генераль-аудиторъ-лейтенанты еще того же числа въ городъ пошли, магистрату явились и каковымъ образомъ оное изслѣдованіе способнѣйше предпринять съ опредѣленнымъ отъ магистрата къ тому депутатомъ господиномъ Карломъ Готлибомъ Элерна и Валентина Шлифена согласилися. Почему на другой день между нами засѣданія и начаты и по 25 іюля (5 августа) продолжались, въ которыхъ по прилежномъ изслѣдованіи, какъ въ дѣлѣ обстоятельно изображено, сыскалось, что Станиславъ Лещинскій отъ жестокаго по городу бомбардированія свою близъ ратуши, подлѣ Лангенъ-Маркта, имѣвшую квартиру оставилъ и въ домъ короннаго подскарбія господина Осолинскаго подлѣ кенигсбергскаго постоялаго двора, на предмѣстѣ Лангъгартене стоящаго, перешелъ и при себѣ именуемаго лейбъ-гвардіи Станиславской драгунскаго полка одного унтеръ-офицеръ и 12 человекъ рядовыхъ, да сверхъ того в началѣ одного офицера на ордонавціи имѣлъ, которые, однако же, по присяжной сказкѣ бывшаго при помянутомъ полку адъютанта Карла Густава фонъ-Строншильда, послѣ учиненной на Гагелъбергъ россійской атаки съ того караула сведены, но вмѣсто оныхъ потомъ столько же человекъ отъ городской инфантеріи съ однимъ унтеръ-офицеромъ и однимъ надъ оными командующимъ оберъ-офицеромъ къ нему опредѣлено было.

14—25 и 15—26 іюня по сказкѣ Станиславскаго служителя Лоренца Клейна, была въ Станислаевой квартирѣ въ присутствіи примаса, маркиза де-Монти, короннаго подскарбія Осолинскаго, князя Чарторійскаго, воеводы Понятовскаго, епископа Плоцкаго и иныхъ польскихъ господъ конференція и великій совѣтъ. По семъ Станиславъ 16—27 іюня у примаса обѣдалъ, при которомъ обѣдѣ примасовыя два лакея, а именно Крестьянъ Боровскій, да Антонъ Крозновскій ему за столомъ служить не допущены, но отосланы съ приказомъ, чтобъ послѣ обѣда, часу въ 3, паки пришли; и они по пришествіи своемъ его, Станислава, въ квартиру проводили, изъ которой онъ, по присяжной сказкѣ поручика Данила Генриха Бокельмана да лакея Крестьяна Боровскаго, пополудни о половинѣ 9 часа, въ своемъ польскомъ платьѣ съ короннымъ подскарбіемъ Осолинскимъ, кавалерами Дандало и Солтыкомъ, такожь и съ нѣкоторыми шведскими офицерами безъ караула (ибо онымъ того приказано не было, ниже они собою за нимъ пошли) задними дверьми вышелъ въ садъ, (который гданско-

му бюргеру землием торгующему Беньямину Манки принадлежит), гдѣ маркизь де-Монти недавно предѣлъ изъ сосновыхъ досокъ и столбовъ состроенный и легкою черепицею покрытый домъ поставилъ, въ который Станиславъ за пять дней прежде своего ухода и перешелъ. А во оной домъ были два входа: одинъ изъ помянутаго сада, а другой съ рейтарской улицы, которою по лѣвой рукѣ на большой валъ ходять, а задними дверьми малыми шагами въ другой Маевой садъ ходить можно, при которомъ оный торговый человекъ самъ домъ свой имѣеть. Оный садъ обведенъ каналомъ, чрезъ который сдѣланъ подземный мостокъ къ большому ж валу и тотъ мостокъ весьма легко поднимать и опускать можно; оный же недавно предъ тѣмъ по требованію (приказу) маркиза де-Монти починенъ.

Близъ онаго мостика нашли мы сдѣланную изъ легкихъ досокъ лѣстницу на большой валъ и по лѣвой сторонѣ шаговъ съ 200 оттуда, въ углу кортины между бастіонами, деръ-Оксе и Роггенъ нареченными, старый прорѣзь или проломъ въ фосебрею, да изъ оной проходъ чрезъ палисады въ городскому рву. И усмотрѣли, что градскій ровъ почитай водою наполненъ былъ и что оттуда черезъ ровъ (который у контръ-скарпы имѣется) малымъ судномъ способно въ потопленный вердеръ перебраться можно было, о чемъ приложенный при семь абрисъ обстоятельно явствуетъ; еже намъ поводъ подало того слѣда со всякимъ прилежаніемъ осматривать и понеже намъ весьма вѣроятно показалось, что Станиславъ изъ квартиры маркизь де-Монти тѣмъ проходитъ изъ города на лодкѣ чрезъ потопленную землю или вердеръ ушелъ, ибо всѣ, какъ оберъ и унтеръ-офицеры, такъ и нѣкоторые изъ рядовыхъ подъ присягою сказали, что Лангартенскія и Клипабскія ворота, яко которыми токмо одними ординарно въ потопленной вердеръ выходить можно, 16—27 іюня ввечеру около 8-го часу заперты и только по утру другаго дня о 6 часе отперты были, а Станислава выше помянутомъ отъ маркиза де-Монти в саду, купца Маевки построенномъ домѣ, тогожъ вечера въ послѣдніе въ его обыкновенномъ платьѣ видѣли; его-же домашніе отъ него въ то время отлучены и въ оный садъ не пущены были и марки де-Монти не токмо того же вечера Станиславову камердинеру Генриху Бахусу, какъ онъ объ немъ спрашивалъ, но такожъ и на утрѣ приходяимъ людямъ, тихо похаживая передъ дверьми тоя свѣтлицы въ которой Станиславъ якобы спалъ знать далъ, такожъ и словесно объявилъ, что Станиславъ спить. Еще же онъ, маркизь де-Монти, какъ по взятіи крѣпости Вексельминде и по полученіи иныхъ авантажъ русскіе о побѣдѣ стрѣляли бывшему тогда у него въ томъ же садѣ канонику Рікурту (который о томъ въ допросѣ на 108 листу сказалъ)

во мнѣніи, что Станислаевоу уходъ открылся и что онъ отъ русскихъ уже пойманъ въ великомъ сердечномъ смущеніи отозвался, коимъ образомъ онъ, усмотря, что городъ Станислава охранить не возмозетъ, оногo выпроводить принужденъ былъ, яко же онъ, де-Монти, въ посланномъ къ его превосходительству російско-императорскому генераль-фельдмаршалу графу фопъ Миниху свидѣльствѣ Станислаевоу выпускъ самъ себя причитаеть, такожь де домашніе его люди сказали, что Станиславъ въ рыбацкѣ или крестьянскомъ платьѣ ушолъ. Того ради по такимъ обстоятельствамъ, дабы о уходѣ онаго и какимъ образомъ оной уходъ въ дѣйство произведенъ правду изыскать за потребно усмотрѣно до тѣхъ добираться, которые въ той ночи при вышереченномъ въ куртинѣ старомъ проломе на караулѣ стояли. Хотя оное за усмотрѣнными между бюргерскими въ военнoй службѣ караульными великими непорядками и весьма плохoу исправностью невозможно показалось для того, что бюргерскій капитанъ Генрихъ Готлибъ Бексъ, который въ той ночи на обоихъ, той куртинѣ, бастіонахъ команду имѣлъ ни числа людей, ни мѣсть гдѣ оныя стояли ниже именъ оныхъ объявить не мочъ. Къ тому же многіе бюргеры или мѣщане, которые на караулы наряжены, не всегда сами ходять, но или иныхъ людей, которыхъ имена не записываны же, или для карауловъ наемныхъ, за наличныя деньги, людей посылають, то однакожь мы по многихъ допросахъ и тайныхъ вывѣдываніяхъ нашли, что Мартинъ Варнеръ, бывшей предъ симъ простой крестьянинъ, въ 60 лѣтъ, въ той ночи у того пролома при куртинѣ, отъ 9 до 10 часу, на караулѣ стоялъ; и какъ 10 пробило отъ бюргера Генриха Шмитта которому 55 лѣтъ, смѣиенъ, а при той смѣиѣ ему, Шмитту, по содержанію его на 83 листу допросной рѣчи подъ присягою учиненною, сказывалъ, что одинъ офицеръ въ бѣломъ и завязанномъ перуке къ нему верхомъ пріѣхалъ и о паролѣ, такожь де о главномъ обхожемъ карауле спрашивалъ — прошелъ ли оной, а потѣмъ лошадь свою за поводомъ внизъ въ фосебрею повелъ и, положиа поводъ на палисады, въ ней оныхъ на правую руку пѣшкомъ пошелъ, но, побывъ тамо съ четверть часа или меньше, возвратясь лошадь свою накі за поводомъ оттуда вывелъ и къ Рейтарской улицѣ обратился. При которомъ случаѣ Генрихъ Шмитъ его смѣнилъ, которому онъ того офицера, который лошадь на рукѣ велъ, еще указалъ; но оный Шмитъ въ томъ заперся, объявляя, что Мартинъ Варнеръ ему о томъ не сказывалъ и что онъ той лошади не видалъ.

Напротивъ того Генрихъ Шмитъ, листъ 76, подъ присягою объявилъ, что одинъ офицеръ въ синемъ кафтанѣ изъ-за нижняго вала вышелъ и

на вопросъ его: „добрый другъ“—отвѣтствовалъ; потомъ на Рейтарскую улицу пошелъ и остановился. При томъ отвѣтчику показалось яко бы помянутый офицеръ не зналъ, что ему дѣлать; сѣмо и овамо ходилъ и потомъ въ нижней валъ пошелъ, въ краткомъ же времени паки оттуда вышелъ и на Рейтарскую улицу ходилъ; а вскорѣ потомъ съ двумя другими персонами, которыя за нимъ шли, туда пришелъ; изъ оныхъ же одинъ темнаго, а другой бѣлаго цвѣта камзолы и оба шапки имѣли, и по его мнѣнію таковаго вида и въ такихъ длинныхъ камзолахъ были, какъ вердерскіе крестьяне бываютъ. Никтоже изъ нихъ, по его двоекратному вопросу, не отвѣтствовалъ, но съ поспѣшеніемъ и весьма скоро за нижній валъ пошли. И при томъ отвѣтчикъ объявлялъ, что какъ онъ ихъ другой разъ громко спросилъ, то они къ нему близко подошли, и средняго роста, въ камзолѣ темнаго цвѣта, къ нему скоро обратился и ему злобный и страшный видъ учинилъ, что ему не инако показалось, какъ, что онъ того отвѣтчика за волосы поймать хотѣлъ, чего онъ весьма испугался; и понеже онъ ихъ удержать не смогъ, то ихъ пропустилъ. Почему они на правую сторону за нижнимъ валомъ пошли, а офицеръ вскорѣ потомъ одинъ назадъ возвратился и путь свой на Рейтарскую улицу, гдѣ отъ маркиза де-Монти построенной домъ былъ, воспріялъ. Онъ же отвѣтчикъ, ибо онъ того вечера не весьма здоровъ былъ, и то что ему на караулѣ случилось позабылъ, по возвращеніи своемъ въ караулне объявилъ. И яко по сему удобовѣримо явилось, что средній изъ сихъ 3-хъ персонъ, въ камзолѣ темнаго цвѣта, генераль-маоръ Стейнъ-Олихтъ, а третій, въ бѣломъ камзолѣ, Станиславъ Лещинскій были, и сіи оба послѣдніе одною лодкою, которая изъ главнаго городского рва черезъ контрескарпъ въ потопленное мѣсто съ малымъ трудомъ перетащена быть могла, или другою въ томъ потопленномъ мѣстѣ стоящею лодкою, — спаслися, то сіе удобовѣримое мнѣніе симъ наипаче подтвердилось. Что коронной гвардіи кадетъ Леонгардъ Скурчевскій подъ присягою предъ комиссіею, листъ 40 и слѣд., сказалъ, что онъ еще 17—28 іюня по утру, въ 4-мъ часу, отъ нѣкоторыхъ кивиковъ, которыхъ онъ именами назвать не можетъ и ихъ не знаетъ, въ Книпаевскихъ воротахъ слышалъ, якобы Станиславъ той ночи ушелъ, ибо три персоны въ одной лодкѣ подле Книпаевскихъ воротъ проѣхали, на валъ вышли, чрезъ оной перешли и паки въ одну лодку сѣли, въ которой ихъ два кивика далѣе, черезъ ровъ водою затопленнаго вердера проводили. Къ чему тѣ кивики присовокупили, что три персоны по-германски одѣты были, которыхъ ландмилиція, на послѣднемъ валу караулъ имѣющая, пропустить не хотѣла, по между тѣмъ коронной гвардіи офицеръ пришелъ и приказалъ тѣхъ трехъ персонъ пропу-

ститъ. При семъ примѣтить надлежитъ, что, не взирая на всѣ употребленные труды, какъ бывшихъ на томъ мѣстѣ караульныхъ, такъ и того офицера, который такой приказъ отдалъ, сыскать было невозможно. Яко подполковникъ Луи-Шарль-де-Марвиль, отъ котораго сіи заставы зависѣли, и Карлъ Густавъ Стромшилдь, адъютантъ гвардіи коннаго полка, какъ 46 и 149 листы показываютъ, присягою утвердили, что они того и кто на тѣхъ заставахъ были—не знаютъ. Не меньше же того изъ допроса крестьянина Бартель Сидлерса, который на затопленной землѣ живаль и правды сперва сказать не хотѣлъ, что Станиславъ Лещинскій отъ двухъ кивиковъ въ бѣломъ кафтанѣ или балахонѣ съ шведскимъ генераль-маіоромъ Штейнелихтомъ въ лодкѣ черезъ потопленной вердеръ ушелъ, — является, который на послѣдокъ, какъ 124 и слѣдующіе листы гласятъ, показалъ, что одинъ кивикъ, именованъ Енглерь, балахонъ или долгій крестьянскій кафтанъ изъ сѣраго сукна у него занималь, токмо онъ Сидлернъ не зналъ, къ чему оный ему Енглеру потребенъ былъ. И какъ онъ ему тотъ балахонъ возвратитъ, то по 18 прусскихъ грошей за оной понедѣльно ему заплатить; а ежели оный не возвратитъ, то ему за оный 4 талера заплатить имѣеть. По прошествіи около 8 дней онъ, Енглерь, съ другимъ кивикомъ называемомъ Гофманъ ко двору его Сидлерсову на лодкѣ приѣхаль и объявилъ, что они Станислава въ Маріенвердеръ препроводили, и какъ онъ Сидлеръ своего балахона спросилъ, то Енглерь сказалъ, что оный пропалъ и при томъ ему надежду подаль, что за оный хорошую плату получить.

Чего ради мы (листъ 141) заарестованія тѣхъ кивиковъ требовали и магистратъ о томъ потребное учрежденіе учинилъ, и за Енглеромъ канцеляріи отъ строенія служителя, а за Гофманомъ Неринскаго рейтара послалъ; но номянутой канцеляріи отъ строенія служитель объявилъ, что онъ Енглера въ дому не засталъ, а въ сосѣдствѣ добрымъ своимъ друзьямъ приказалъ, что его жилища стерегли, и какъ скоро онъ тамъ покажется, тобъ ему служителю о томъ знать дали. Якоже его Енглерсова жена въ допросѣ, листъ 139, сказала, что мужъ ее въ городокъ Меве корову купить поѣхаль. Напротивъ того Неринскій рейтаръ Матіасъ Клазенъ и Шарпанскій лѣсной рейтаръ Михаелъ Стремеръ, такожъ староста надъ Шенбаумерскими лугами Стефанъ Вингольдъ подъ присягою, какъ 150 и слѣдующіе листы гласятъ, сказали, что понеже два кивика были, которые Гофманы назывались, и они указъ имѣли обоихъ въ ратушу въ Гданскъ подъ караулъ прислать. Того ради оба рейтара: Клазенъ и Стремеръ, для поимки Іоганна Гофмана, 4 чело-вѣка крестьянъ послали, еже Іоганнъ Гофманъ, увидя, побѣжалъ въ

ровъ потопленнаго вердера прямо вскочилъ и оттуда въ лѣсъ ушелъ, за которымъ имъ болѣе гнаться невозможно было, ибо никто тамо на лошади проѣхать не можетъ. Яко же и другой вольный стрѣлокъ, Яковъ Гофманъ, который въ побѣгѣ Станиславу помогаль, увидя, что показанный Вингольдъ съ тремя человекѣми его поймать хотѣлъ, въ заднія ворота и въ лѣсъ ушелъ. По полученіи же сихъ вѣдомостей мы чрезъ Гданскій магистратъ немедленно къ Мевескому совѣту сыскныя письма о Енглериѣ послали, только оный (листъ 155) отвѣтствовалъ, что его тамо сыскать не могли.

И того ради такоже всѣ комиссары сего дѣла усмотрѣли, что всѣ сіи труды къ поиманію тѣхъ людей напрасно и безплодны были,—согласно постановили: покуситься невозможно ли оныхъ охранными листами назадъ возвратить, и такимъ образомъ ихъ допросы къ дѣлу достать, но и сей способъ по нынѣшнее число недѣйствителенъ былъ; такъ что, не имѣя вѣщихъ доказательствъ въ семъ сыскомъ дѣлѣ, оного продолжать не возможно было, но на то учрежденная коммисія принуждена находилась, яко изъ 157 листа является, съ симъ извѣтіемъ оное рѣшить, что ежели помянутые вольные стрѣлки въ всякомъ случаѣ сыщутся или впредь новое къ сему дѣлу принадлежащее важное обстоятельство объявится, то со стороны магистрата о томъ какъ его сіятельству россійско-императорскому господину генераль-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху, такъ и его высочокняжеской свѣтлости герцогу Іоанну Адольфу Вейсенфельскому вѣдомость дать, и часто упомянутые вольные стрѣлки въ присутствіи одного изъ насъ или обоихъ нашихъ генераль-аудиторовъ лейтенантовъ допрошены быть имѣютъ.

Но понеже главное намѣреніе въ сыскѣ Станиславова побѣгакъ тому клонится, дабы знать было возможно: не имѣетъ ли въ томъ магистратъ или городъ Гданскъ какого участія, а по доказательствамъ имѣющимся въ семъ дѣлѣ, никакого слѣда или основательнаго подозрѣнія къ тому не является, то шляхетный магистратъ опредѣленнымъ къ сей коммисіи депутатомъ Енглери и Шляену при заключеніи сей коммисіи и дѣла припомнули, что какъ они съ ихъ стороны прилежанія труда и способствованія въ семъ сыскомъ дѣлѣ оказывать не преминули и изъ учиненныхъ со всякою предосторожностію и прилежаніемъ слѣдствій не сыскалось, чтобъ со стороны шляхетнаго магистрата или чиновъ города Гданска къ выпуску Станиславова ниже дѣломъ, ниже оплошностію вспоможеніе учинено не было, то они отъ его сіятельства россійско-императорскаго господина генераль-фельдмаршала отъ его высочокняжеской свѣтлости герцога Іоагана Адольфа Вейсенфельскаго покорнѣйше уповають и ихъ нижайше просяуть у Ея Россійско-Императорскаго Величества и

его королевскаго величества польскаго и курфирской свѣтлости ихъ высокимъ посредствомъ высочайшую милость исходатайствовать дабы ухוךъ Станиславова, какъ шляхетному магистрату, такъ и бѣдному городу Гданску, какого отягощенія не причинилъ, яко же по учиненному предложенію къ доказательству присовокуплено было, котораго числа, въ которомъ часу и въ какихъ терминахъ или изъясненіяхъ его сіятельство господинъ генераль-фельдмаршалъ графъ Миннихъ у господъ депутатовъ шляхетнаго магистрата выдачу Станислава Лещинскаго требовалъ, въ которомъ часу депутаты шляхетному магистрату сіе требованіе донесли и какое потомъ опредѣленіе, дабы требованію о выдачѣ Станиславовой персоны удовольствіе показать и въ которое время отъ шляхетнаго магистрата учинено. Почему показанный магистратъ, черезъ своего секретаря Іанцена, письменный отвѣтъ прислалъ, что какъ высокопомянутое графское сіятельство объявилъ, что депутатовъ шляхетнаго магистрата 16—27 іюня мѣсяца въ главную квартиру въ Ору, въ 11 часу, къ себѣ допустить соизволяетъ, и они въ назначенное время тамо явились и его высокографскому сіятельству покорнѣйшую рѣчь именемъ города говорили, то высокопомянутое его сіятельство въ отвѣтъ своемъ между другими сіи изъясненія, какъ господа депутаты помнать могли, употребилъ, чтобы городъ Ея Россійско-Императорскаго Величества и королевскаго величества польскаго непріятели выдалъ. И какъ на сіе депутаты, содержаніе ихъ тогдашней инструкціи, сколько въ оной о семь пунктѣ показано было, такимъ образомъ объявили, чтобы городъ, всѣмъ въ тогдашнее время въ стѣнахъ его находящимся и городскимъ жителямъ не принадлежащимъ персонамъ, которыя его королевскому величеству Августу III можетъ быть не склонны будутъ, какого бы она чина и націи не были, вольный выѣздъ, куда они похотятъ, дать могъ, и о томъ просили; а его высокографское сіятельство объявилъ, что онъ имъ вольнаго выѣзда далѣе Оры доволить не можетъ, и при томъ обнадеживаніе учинилъ, что они со всякимъ великодушіемъ содержаны быть имѣють.

Того ради вышепомянутые депутаты въ такой силѣ отозвались, что они всю негоціацію на доношеніе принять принуждены, и притомъ представляли, что сіе дѣло отъ благошляхетнаго магистрата прочимъ чинамъ города предложено быть имѣеть, которые безъ сумнѣнія будущаго поведѣльника въ свой совѣтъ вступать, такъ что рѣшеніе того дѣла прежде будущаго вторника его высокографскому сіятельству принесено быть не можетъ. Чего ради его высокографскаго сіятельства депутаты отъ магистрата, какъ прежде, такъ и послѣ стола, наиприлежнѣйше просили дабы упатіе оружія, которымъ го-

родъ тогда пользовался по малой мѣрѣ еще на два слѣдующія дни продолжить, еже однакожь его сіятельство тогда не инаво какъ подѣ кондичіями, ко принятію которыхъ депутаты уполномочены не были, дозволить хотѣлъ. Почемъ депутаты въ 5 часу вечера изъ російско-Императорской главной квартиры паки въ городъ поѣхали, и тотчасъ о своемъ возвращеніи и въ какомъ состояніи дѣла нынѣ находятца, господина президента увѣдомили, который немедленно благошляхетный магистратъ созвать велѣлъ. И въ семъ собраніи, какъ скоро оное въ достаточномъ числѣ обрѣталось (еже въ 7-мъ часу вечера было), депутаты о имѣвшемся доннынѣ успѣхѣ своей комисіи и что до требованія его высокографскаго сіятельства о вышепомянутой выдачѣ касаетца, въ такой же силѣ какъ выше изображено было, рапортовали. Почемъ благошляхетный магистратъ какъ во время собранія сего пребывающіе тогда въ Гданскѣ польскіе господа вельможи о томъ, что у господина генераль-фельдмаршала графа фопъ-Минниха произошло извѣстія требовали, еще того же вечера около 9 часовъ, господину епископу плецкому, господину воеводѣ русскому и господину воеводѣ мазурскому, которые всѣ вкупе были, между другимъ и о требованой вышереченной выдачѣ чрезъ депутатоцію вѣдомость сообщилъ; при которомъ случаѣ помянутые господа депутатовъ спрашивали: какое благошляхетный магистратъ о томъ намѣреніе принялъ? И на то имъ отвѣтствовало, что благошляхетный магистратъ сіе дѣло чинамъ предложить. Яко же магистратъ вскорѣ по учиненному рапорту депутатовъ намѣреніе положилъ, чтобъ о семъ дѣлѣ прочимъ чинамъ города представлено было, о чемъ и предложеніе сочинено. И помянутые чины, которые того же воскресенья отчасти, понеже уже поздно было, потому что магистратъ до 10 часа ночи въ собраніи засѣдалъ, отчасти же понеже пушечная стрѣльба и бомбардированіе (еже тотчасъ по возвращеніи гг. депутатовъ паки городъ въ началось) зѣло жестоко продолжались, — собраны быть не могли, слѣдующаго понедѣльника созваны, въ которой день они о состоявшемся предложеніи совѣтывали, и во время совѣта въ 4 часу пополудни отъ господина маркиза де-Монти нечаянную вѣдомость, что Станиславъ Лещинскій изъ города ушелъ получили; о чемъ господину генераль-фельдмаршалу объявить — тотчасъ намѣреніе принято.

И понеже мы сіе учиненное отправленныхъ комиссаровъ отъ магистрата предложеніе на милостивѣйшее нашихъ высшихъ принципаловъ разсужденіе покорно предали, того ради мы въ сему еще униженно присовокупляемъ, что Станиславовъ духовникъ Лудвигъ Ріокуръ на другой день по удаленіи онаго Станиславскіе уборы и вещи еъ себѣ забралъ и какъ объ нихъ спрашивали, то въ его свазсѣ, на 109 листѣ,

о томъ предъявлено, что извѣстно, коимъ образомъ Станиславъ мало имѣнья при себѣ имѣлъ, якоже оное токмо въ 24 рубахахъ нѣсколькихъ салфеткахъ, платьѣ и тому подобныхъ малыхъ вещахъ состояло, которое все маркизъ де-Монти -- понеже онъ, Риокуръ, по своему чину и за свои труды ничего не получалъ, — ему, духовнику Риокуру, подарилъ; изъ чего онъ особливо платьѣ за 70 червонныхъ продалъ; къ тому жъ онъ еще присовокупилъ, что въ понедѣльникъ пополудни примасъ Регия польскихъ господъ въ Станиславскую квартиру созвать велѣлъ, которымъ коронный писарь Залусскій письмо, будто отъ Станислава оставленное, прочелъ такого содержания, что понеже Божеская судьба требуетъ, что онъ Станиславъ сіе мѣсто оставить принужденъ, того ради онъ черезъ сіе съ ними прощается и за показанную ему всякую вѣрность благодарствуетъ, которое оригинальное письмо коронный писарь Залусскій, какъ ему извѣстно, у себя удержалъ.

Причемъ же мы, на послѣди и о томъ, что Бартель Сидлеръ еще подъ арестомъ держитца и зѣло прилежно о свободѣ своей просить покорно. Которое доносимъ, и при сей нашей униженной реляціи еще экстрактъ тѣхъ персонъ, (которые при семъ слѣдствіи, выключая только такихъ, которые ничего сказать не знали подъ присягою допрашиваны) съ имѣющимися актами всепокорно предлагаемъ; изъ чего довольно явствуетъ, что мы прилежно о изслѣдованіи правды по силѣ нашей инструкціи и вѣрной присяжной должности стараніе прилагать не преминули, и въ милостивѣйшее разсужденіе російско-императорскаго господина генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха и его высококняжеской свѣтлости герцога Ягана Вейсенфельскаго предаемъ: соизволятъ ли, чтобы заарестованный Сидлеръ, который здѣшней житель, подъ надежною и присяжною порукою, дабы по всякому востребованію предъ комиссіею стать, и что противъ его рѣшено будетъ претерпѣвать или исполнять изъ-подъ ареста уволенъ былъ учинить повелѣть.

Подписано въ Орѣ и Лангенуртѣ 13 августа 1734 г. Яганъ Георгій Кислингъ російско-императорскій генералъ-аудиторъ-лейтенантъ. Венеаминъ Аволуть королевско-польской курфистко саксонской генералъ-аудиторъ-лейтенантъ.

№ СХХХІІІ.

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій. (Главный Архивъ Иностр. дѣлъ; дѣла бывшаго кабинета; св. 5).

8-го числа апрѣля. Я только 4 мили до Кельна перешелъ, ибо лошади отъ скорого черезъ два дня марша за плохими дорогами и за

недостаткомъ фуража итти не могли. На дорогѣ встрѣтилъ я генераль-адъютанта воеводы Люблинскаго съ прапорщикомъ и 12 товарищами, которые отъ помянутаго воеводы съ письмами къ его превосходительству господину генераль-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху и къ Станиславу въ Гданскъ отправлены. И они меня просили, чтобы я далѣе не шель, потому что какъ воевода Люблинскій, такъ и республика непріятельства не имѣютъ, но паче доброе согласіе возстановить хотятъ. При чемъ генераль-адъютантъ обнадеживалъ, что какъ скоро онъ только туда прибудетъ, то я указъ получу мой маршъ далѣе не продолжать и ихъ не атаковать. Но что я себѣ въ такой силѣ изъяснилъ, что онъ совершенно увѣренъ быть можетъ, что я моимъ походомъ продолжать и воеводу люблинскаго, если онъ не покорится, подлинно на другой день атаковать буду. Таковъ же требовалъ отъ меня, что понеже ему его командиръ приказалъ двухъ товарищей назадъ прислать, того ради бѣ я оныхъ отпустилъ; въ чемъ ему и отказано.

9-го числа. Въ 8 часовъ поутру изъ Кельна поднялся я и $\frac{1}{2}$ мили до Шенвальда маршировалъ, куда я въ 10-мъ часу прибылъ. И оное мѣсто на половинѣ дороги до непріятельскаго лагеря было. Потомъ я гусарскаго капитана Витковича съ нѣсколькими гусарами командировалъ дабы непріятельскіе форпосты осмотрѣть, который на четверти мили, въ Отдаймирѣ, полковника съ 300 человекъ встрѣтилъ. И понеже онъ ихъ атаковать при себѣ мало войска имѣлъ, то онъ капитанъ о томъ мнѣ знать далъ. Чего ради я тотчасъ ему на помощь казаковъ отправилъ, потомъ у помянутаго полковника 20 человекъ убито, 11 въ полонъ взято и остатокъ въ превеликой конфузій до поль мила къ лагерю преслѣдованъ. Причемъ я съ обрѣтающимися при мнѣ полками до Имазина шель, которое мѣсто на поль четверти дороги отъ непріятельской арміи было. И понеже вначалѣ, какъ я, такъ и непріятель на высокихъ мѣстахъ стояли и другъ друга видѣть могли, то я тотчасъ въ ордеръ баталіи построился и приходъ осмотрѣлъ: гдѣ лучше и способнѣе по плохому положенію мѣста, которое на нашей сторонѣ было,—атаку учинить; причемъ я не только непріятеля зѣло выгодно стоящаго, но и въ ордеръ де баталіи обрѣтающагося усмотрѣлъ и оной числомъ насъ гораздо вдвое было. Къ тому же между непріятелемъ и мною двѣ трудныя долины находились, которыя мнѣ переходить надлежало. Того ради я за полезное разсудилъ: 2 полка спѣшить, лошадей сомкнуть и въ долину къ непріятелю,—чтобъ онъ всего сего ни мало примѣчать не могъ,—итти велѣть. И дабы онъ чаялъ, что при мнѣ и пѣхота есть, то я приказалъ въ наступленіи на непріятеля маршъ пѣхоты бить. А между тѣмъ я командировалъ ка-

завоувъ непріятеля изъ первой долины выжить, еже съ добрымъ успѣхомъ учинилось. Потомъ приказаль я шести драгунскимъ полкамъ напередъ маршировать, за которыми сочиненная инфантерія слѣдовала. Какъ я къ послѣдней долины пришелъ, то оный паки корпусъ де баталіи поставленъ былъ, и казаки паки черезъ долину переходить приуждены. Почемъ бы непріятель своимъ правымъ крыломъ, которое воевода люблинскій пересонально верхомъ приводилъ, (а оное регулярными войсками и прочими польскими хорунгвами наполнено было), такимъ образомъ на нихъ наступалъ и казаковъ атаковалъ, которые вначалѣ хотя немного и отступить принуждены были, однако потомъ велѣлъ я чрезъ долину: во первыхъ тремъ гренадерскимъ ротамъ верхами ѣхать, за которыми Тобольскій, Ингерманландскій, Володимірскій и Пермскіе полки подъ командою господина генераль-поручика Загряжскаго, слѣдовали; причемъ Рижскій и Каргопольскій пѣшкомъ шли, а прочіе два, Тверской и Олопецкій, въ запасъ оставлены, и вскорѣ потомъ такожъ чрезъ долину перешли. Въ то время какъ сичинилось по приближавшемуся на правую руку непріятелю по малу 6 разъ изъ пушекъ выстрѣлено. Не взирая жъ на трудный проходъ долины и крутыхъ горъ, которыя въ атакѣ великое затрудненіе причиняли, однакожъ храбростью нашихъ людей тѣмъ не удержано оное все превзойти, непріятеля, въ началѣ тако бодро оборонявшагося, со всею силою, не уклоняся, въ непрестанномъ огнѣ, который цѣлый часъ продолжался,—атаковать и онаго вовсе прогнать. Наши войска почтай за одну милю преслѣдовали, и хотя онъ двоекратно останавливаться сопротивлялся, однакожъ онъ на послѣди принужденъ поле очистить отъ сей непріятельской арміи. Воевода люблинскій, графъ Тарло, корпусомъ де баталіи, кастеланъ чирскій правымъ, а кастеланъ люблинскій, Салтыкъ, лѣвымъ крыломъ командывали.

При такомъ случаѣ господа генералы, а именно: господинъ генераль-поручикъ Загряжскій, господинъ генераль-маіоръ Урусовъ зѣло храбро поступили, и штабъ и оберъ-офицеры своей должности не пренебрегли. По словамъ всѣхъ плѣнниковъ и столько какъ мы признавать можемъ, непріятельская сила отъ 7 до 8000 человекъ была, а мы по первому плану токмо 2300 человекъ регулярнаго войска и 600 казаковъ съ собою имѣли. Сколько же какъ у насъ, такъ и у непріятеля побито и ранено, такожъ что отъ непріятеля въ добычу въ полонъ взято, о томъ впредь извѣстіе прийдетъ.

П. Лессій.

Его превосходительство господинъ генераль-аншефъ отъ 22 числа сего мѣсяца рапортовалъ, что по сказкамъ высланной отъ него команды и тамошнихъ обывателей поляки, потому какъ они 9 числа сего мѣсяца при Висигенѣ побиты—разбрелись и разбѣжались, а знатнѣйшіе въ Бранденбургскую область ретировались.

И хотя онъ, господинъ генераль Лессій, въ своемъ первомъ рапортѣ упомянулъ, что чаятельно, что съ непріятельской стороны въ баталіи и въ погонѣ съ 300 человекъ побито и ранено, однакожъ поляки сами въ Бранденбургіи сказывали, что у нихъ до 1000 человекъ побито и ранено, пбо за ними гусары, калмыки и казаки въ лѣсахъ и въ деревняхъ до самыхъ прусскихъ границъ разными мѣстами въ слѣдъ гнались, и зѣло много порубили и переранили. Такожъ пмовѣрная вѣдомость получена, что непріятельская сила не въ 48 хорунгахъ какъ сначала чаяли, но дѣйствительно въ 130 хорунгахъ кромѣ регулярныхъ войскъ и остатка отъ черскаго корпуса состояла.

Изъ Висичина $\frac{1}{2}$ миль отъ прусской границы 11—22 числа апрѣля 1734 г.

Переводилъ Андрей Суровцовъ.

№ XLIV *).

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій. (Главный Архивъ Иностр. дѣлъ. Дѣла бывш. кабин.; связка 5).

Въ 28 апрѣля—9 мая. Командированы генераль-поручикъ Бартинскій и генераль Биронъ, 3 полковника, 3 подполковника, 3 маіора, 9 капитановъ, 27 оберъ-офицеровъ, 600 гренадеръ и 2400 рядовыхъ на штурмъ подъ Гегельнсбергъ. При нихъ были штурмовыя лѣстницы, фашины, топоры и прочее. Атака началась ночью около 11 часовъ, въ три ряда, въ 30 до 40 шаговъ другъ, отъ друга, въ одно время, и люди наши прошли не только непріятельскіе шанцы, но и взяли одну батарею, на которой было 5 пушекъ и двѣ мортиры. Но понеже сначала штабъ-офицеры и многіе оберъ-офицеры ранены, ибо огонь съ обѣихъ сторонъ болѣе 4 часовъ до свѣту продолжался и непріятелю изъ города много помогали, того ради наши принуждены были паки отступить. При ономъ штурмѣ съ нашей стороны ранено: 8 штабъ-

*) Реляція о взятіи Гегельнсберга, о которой сказано въ № XLII—нигдѣ не оказалась; а потому подъ № XLIV мы печатаемъ выписку изъ журнала воен. дѣйствій.

офицеровъ, 19 оберъ-офицеровъ, 78 унтеръ-офицеровъ и капраловъ и 1313 рядовыхъ. Убиты: 1 маіоръ, 17 офицеровъ, 28 унтеръ-офицеровъ и капраловъ и 627 рядовыхъ.

Между тѣмъ сей штурмъ въ городѣ такой страхъ подалъ, что магистратъ покорное письмо къ Ея Императорскому Величеству и къ господину генералъ-фельдмаршалу прислалъ. Но понеже магистратъ себя не декларовалъ, что оной его величеству королю Августу покорится, того ради господинъ генералъ-фельдмаршалъ то письмо назадъ послалъ.

Мы продолжаемъ городъ бомбардировать и на оной изъ пушекъ стрѣлять и съ непріятельской стороны уже меньше стрѣляютъ. Привезены тѣ три мѣдныя большія пушки, которыя у Зомершанцы употреблены, по сю сторону въ лагерь и поставлены на наши уже готовые батареи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.....	II—XXVI
I. Копія съ указа графу Миниху 10 февраля 1734 г.	1
II. Реляція Миниха отъ 14 февраля 1734.....	1
III. Тоже 22 февраля	3
IV. Тоже 25 февраля.....	5
V. Копія съ рескрипта Миниху отъ 22 февраля.....	5
VI. Реляція Миниха отъ 4 марта.....	7
VII. Тоже	9
VII. bis Письмо Миниху къ Лесси.....	12
VIII. Переводъ съ донесенія Миниха отъ 9 марта.....	14
IX. Переводъ съ реляціи Миниха отъ 12 марта	18
X. Переводъ съ донесенія его же 15 марта	22
XI. Реляція его же отъ 22 марта.....	26
XII. Свѣдѣнія: о количествѣ артиллеріи, доставленной подъ Данцигъ изъ Мариенбурга, о убыли нижнихъ чиновъ съ 9 по 12 мар- та и расходъ снарядовъ	30
XIII. Копія съ реляціи Миниха отъ 22 марта.....	32
XIV. Тоже.....	32
XV. Тоже отъ 27 марта.....	33
XVI. Тоже.....	—
XVII. Письмо генерала Загряжскаго послѣ сраженія при Свѣчѣ отъ 25 марта.....	34
XVIII. Переводъ съ донесенія Миниха о томъ же отъ 27 марта.....	36
XIX. Переводъ съ реляціи Миниха отъ 28 марта.....	39
XX. Копія съ реляціи Миниха отъ 2 апрѣля	43
XXI.)	—
XXII.) Тоже.....	44
XXIII.)	—
XXIV. Перечень дополнительныхъ артиллерійскихъ средствъ, необходи- мыхъ по заключенію Миниха для осады Данцига.....	46
XXV. Переводъ съ реляціи Миниха отъ 7 апрѣля.....	48
XXVI. Реляція его же отъ 8 апрѣля	54
XXVII. Тоже	55
XXVIII. Тоже отъ 10 апрѣля.....	57
XXIX. Реляція Висшчинскаго боя	58

XXX.	Рапортъ о состояніи русскихъ войскъ къ 18 апрѣля.....	60
XXXI.	Реляція Миниха отъ 19 апрѣля.....	61
XXXII.	Тоже.....	63
XXXIII.	Тоже отъ 21 апрѣля.....	—
XXXIV.	Тоже отъ 26.....	65
XXXV.	Реляція Миниха Бирону.....	66
XXXVI.	Диспозиція для штурма Гательсберга и Зомершанца.....	68
XXXVII.	Копія съ реляціи Миниха отъ 29 апрѣля.....	75
XXXVIII.	Тоже.....	—
XXXIX.	„Вопросные пункты“ генералу Загряжскому.....	75
XL.	Копія съ реляціи Миниха 29 апрѣля.....	80
XLI.	Реляція его же отъ 29 того же числа.....	—
XLII.	Тоже.....	81
XLIII.	Тоже.....	82
XLIV.	Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій за 28 апрѣля.....	263
XLV.	Реляція Миниха отъ 3 мая.....	83
XLVI.	Тоже.....	84
XLVII.	Тоже отъ 5 мая.....	86
XLVIII.	Тоже 6.....	87
XLIX.	Тоже 7 мая.....	88
L.	Потеря при штурмѣ Гательсберга.....	90
LI.	Реляція Миниха отъ 10 мая.....	91
LII.	Тоже 14.....	93
LIII.	Тоже.....	94
LIV.	Тоже 16.....	96
LV.	Переводъ съ реляціи объ отраженіи французскаго десанта 18 мая.....	97
LVI.	Реляція Миниха отъ 19.....	99
LVII.	Переводъ съ реляціи полковника Либера.....	100
LVIII.	Реляція Миниха отъ 19 мая.....	101
LIX.	Тоже 24.....	103
LX.	Тоже 24.....	105
LXI.	Тоже 26.....	106
LXII.	Докладъ о корнетѣ Баушанѣ.....	109
LXIII.	Реляція Миниха отъ 27 мая.....	110
LXIV.	Тоже.....	111
LXV.	Тоже 28.....	—
LXVI.	Копія съ реляціи Миниха отъ 28.....	112
LXVII.	Реляція его же отъ того же числа.....	113
LXVIII.	Тоже.....	114
LXIX.	Рапортъ о состояніи русскихъ подъ Данцигомъ къ 28 мая.....	115
LXX.	Тоже въ другихъ мѣстахъ Великой Польши.....	116
LXXI.	Реляція Миниха отъ 31 мая.....	117
LXXII.	Тоже 4 іюня.....	119

LXXIII. Тоже	121
LXXIV. „Пункты, по которымъ генераль Любераса допрашивать...“	123
LXXV. Реляція Миниха отъ 4 іюня	126
LXXVI. Тоже	128
LXXVII. Списокъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ къ 1 іюня	129
LXXVIII. Реляція Миниха отъ 5 іюня	131
LXXIX. Тоже копія отъ 11	133
LXXX. Тоже 12	—
LXXXI. Реляція Миниха отъ 12 іюня	134
LXXXII. Тоже	137
LXXXIII. Тоже 13	138
LXXXIV. Условія капитуляціи французскихъ войскъ	139
LXXXV. Реляція Миниха отъ 17 іюня	143
LXXXVI. Трофей и запасы взятые въ кр. Вексеминдѣ	146
LXXXVII. Реляція Миниха отъ 18 іюня	149
LXXXVIII. „Экстрактъ“ приказаній Миниха сторожевымъ постамъ	151
LXXXIX. Реляція Миниха отъ 21 іюня	153
XC. Тоже 24	—
XCI. Тоже * 26	154
XCII. „Экстрактъ“ допроса начальникамъ передовыхъ постовъ, послѣ побѣга Станислава Лещинскаго	163
XCIII. „Именная роспись“ депутатовъ г. Гданска, отправленныхъ въ С.-Петербургъ	164
XCIV. Реляція Миниха отъ 26 іюня	—
XCV. Тоже отъ 2 іюля	166
XCVI. Тоже 28 іюня	—
XCVII. Тоже 1 іюля	167
XCVIII. Тоже 2	173
XCIX. Тоже 5	174
С. Проектъ Миниха „.....какъ нынѣшнее замѣшаніе въ Польшѣ успокоить...“	177
CI. Вѣдомость съ распредѣленіемъ наградныхъ денегъ генералитету и прочимъ чинамъ	180
CII. Реляція Миниха отъ 7 іюля	182
CIII. Тоже	187
CIV. Тоже 9	188
CV. Тоже	190
CVI. Копія реляціи Миниха отъ 9 іюля	191
CVII. Тоже 18	192
CVIII. Реляція его-же отъ 12	—

*) На стр. 154 напечатано LC слѣдуетъ XC и XCI.

CVIII. (bis) Вѣдомость плѣнныхъ.....	196
CIX. Реляція Миниха отъ 20 июля.....	197
CX. Списокъ польскимъ магнатамъ, присягнувшимъ Августу III . . .	202
CXI. Тоже содержащимся подъ арестомъ.....	203
CXII. Тоже аманатамъ.....	204
CXIII. Вѣдомость плѣнныхъ съ распредѣленіемъ по ихъ національности	205
CXIV. Реляція Миниха отъ 27 июля.....	205
CXV. Тоже 29.....	209
CXVI. Тоже 6 августа.....	210
CXVII. Тоже 7.....	211
CXVIII. Тоже.....	—
CXIX. Распредѣленіе арміи Миниха по колоннамъ при выступленіи изъ- подъ Данцига.....	217
CXX. Маршрутъ для каждой изъ колоннъ.....	218
CXXI. „Диспозиція“ Миниха по арміи передъ выступленіемъ.....	220
CXXII. Реляція Миниха отъ 10 августа.....	222
CXXIII. Тоже 16.....	—
CXXIV. Репортъ Миниха Императрицѣ отъ 18 августа.....	227
CXXV. Реляція Миниха отъ 23 августа.....	228
CXXVI. „Извѣстіе...“ о распредѣленіи 300.000 талеровъ контрибуціи, взятой съ Данцига.....	232
CXXVII. Реляція Миниха отъ 1 сентября.....	—
CXXVIII. Тоже 12.....	236
CXXIX. Списокъ офицеровъ, бывшихъ при арестованныхъ польскихъ магнатахъ.....	238
CXXX. Инструкція Миниха генералу Бахметьеву.....	239
CXXXI. Копія съ перевода капитуляціи города Гданска.....	243
CXXXII. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о побѣгѣ Станислава Лещин- скаго изъ Гданска.....	251
CXXXIII. Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій отъ 8 апрѣля (Висчи- чинскій бой).....	260

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ПОДМЕТНЫЯ ПИСЬМА
ГОЛОСОВА, ПОСОШКОВА И ДР.
(1700—1705 гг.)

Въ ряду матеріаловъ для исторіи времени Петра I, которое, несмотря на множество появившихся о немъ изслѣдованій, все еще представляетъ не мало неясныхъ и даже совершенно темныхъ сторонъ, настоящія подметныя письма, относящіяся къ первымъ годамъ дѣятельности Петра и принадлежащія дѣятелямъ того времени Голосову, Посопшкову и другимъ, должны занять не послѣднее мѣсто по своему значенію для выясненія различныхъ сторонъ энергичной дѣятельности царя-работника ¹⁾. Изъ всѣхъ этихъ писемъ (13) особенно интересными и важными несомнѣнно должны быть признаны три письма, именно — помѣщенные ниже подъ №№ 1, 2 и 7, хотя и другія, какъ увидимъ, имѣютъ также немаловажное значеніе.

Первое изъ этихъ писемъ (№ 1), судя по современной отмѣткѣ, сдѣланной на немъ, принадлежащее Льву Голосову, состоитъ изъ пяти статей, каковое названіе „подметныхъ статей“ и усвоено за письмомъ въ той же отмѣткѣ. Кромѣ этой отмѣтки нѣтъ въ письмѣ никакихъ другихъ признаковъ принадлежности его Голосову: авторъ нигдѣ не проговаривается о себѣ и во всѣхъ случаяхъ когда рѣчь касается его, всегда употребляется множественное число („Государю нашему.... доносимъ“ и пр.). Но нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ истинности этой отмѣтки; несомнѣнно, что лице, сдѣлавшее ее, лице официальное, имѣло основаніе утверждать принадлежность этого письма Голосову. „Подметныя статьи“ Голосова занимаютъ первое мѣсто изъ печатаемыхъ подметныхъ писемъ—по времени своего происхожденія: они

¹⁾ Они всѣ хранятся въ Москов. Гл. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Осуществованіи ихъ ничего не говорятъ ни Соловьевъ, ни Устряновъ.

„даны“—21 мая 1700 года. Основная мысль, которая проходит через нихъ таже, что и нѣкоторыхъ другихъ изъ слѣдующихъ далѣе подметныхъ писемъ—указать откуда государство могло бы извлечь себѣ прибыль, увеличить доходы, какія бы могло учредить новыя подати, вообще указать новыя средства для обогащенія истощенной государственной казны.—Первая изъ пяти статей, изъ которыхъ состоитъ письмо, касается вопроса о пустовыхъ церковныхъ земляхъ, которыми въ значительномъ количествѣ завладѣли монастыри и разные люди. Голосовъ недоволенъ этимъ, такъ какъ завладѣвшіе платятъ оброкъ въ Патріаршій Казенный Приказъ „самой малой“ благодаря услугамъ подъячихъ, вслѣдствіе чего только они съ подъячими и обогащаются. Онъ недоволенъ также и тѣмъ фактомъ, что другими такими же церковными землями, которыя „писцы прописали“, завладѣли различныя лица на правахъ собственниковъ, поселили на нихъ крестьянъ и отдають земли отъ себя въ оброкъ. По мнѣнію Голосова слѣдуетъ вновь переписать эти пустыя церковныя земли, вновь переоброчить ихъ и „дать торгъ о тѣхъ земляхъ тамъ, гдѣ они находятся, а не въ Патріаршемъ приказѣ“; вслѣдствіе этого, по его мнѣнію, доходъ отъ этихъ земель увеличится втрое.—Той же заботѣ „о премногомъ числѣ въ зборѣ Государевой казны“ обязана своимъ появленіемъ и вторая статья. Голосовъ предлагаетъ собирать поголовныя пошлины съ „рядныхъ и поступныхъ записей и новыхъ дачъ, хотя въ полы или по 6 алтынъ, по 4 денги зъ двора“; отчего „сія прибыль, говоритъ онъ, при иныхъ многихъ будетъ настоящая“.—Третьей статьёй Голосовъ проектируетъ издать указъ о томъ, чтобы „вдовъ и дѣвокъ отдавать замужъ въ указные лѣта: вдову, будетъ похочеть, въ годъ, а дѣвку, кончая въ 16 лѣтъ“. Мотивомъ подобнаго распоряженія онъ выставляетъ то обстоятельство, что „всякихъ чиновъ люди задерживаютъ у себя вдовъ и дѣвокъ для работъ и взятыя за нихъ болшаго вывода“; вслѣдствіе этого тѣ впадаютъ въ душепагубный грѣхъ, отчего и господамъ ихъ (отъ побѣговъ и сносовъ) „чинитца разоренье многое“. Этимъ указомъ, по мнѣнію Голосова, можно достичь тройкой цѣли: 1) всякихъ чиновъ люди будутъ лишены болшаго разоренія;

2) „Государева ко всему народу явная въ томъ душеспасительная милость“ будетъ и 3) въ то же время предвидится увеличеніе доходовъ, такъ какъ Голосовъ предлагаетъ брать съ выводныхъ денегъ въ пользу Государевой казны съ рубля по 5 алтынъ. На случай если хозяева будутъ выдавать замужъ утайкою или удерживать или уменьшать въ записяхъ сумму выводныхъ денегъ или вдова и дѣвка родятъ незаконно, — слѣдуетъ установить, по мнѣнію Голосова, пеню въ пользу Государевой казны въ 20 рублей и въ 5 рублей въ пользу извѣстившаго объ этомъ.—Предпоследняя статья Голосова касается тѣхъ поборовъ, которые незаконно брали стольникъ С. Дурново съ товарищами, когда они окладывали церковныя земли, на что „от твоихъ Государевыхъ богомольцовъ і ото всего церковнаго чина происходитъ жалоба“. Онъ предлагаетъ произвести объ этомъ розыскъ и „денегъ де окажется в полы того, что собрали на Государя“.—Въ послѣдней статьѣ Голосовъ ведетъ рѣчь по поводу умножившагося числа подьячихъ въ приказахъ. Тѣхъ подьячихъ, которые укрываются Государевой службы и перемогаются въ нужныхъ случаяхъ, онъ предлагаетъ послать писарями въ полки; а богатыхъ подьячихъ, не бывшихъ на Государевыхъ службахъ, обложить противъ городскихъ, смотря по пожиткамъ; вслѣдствіе чего опять де будетъ „въ зборе денегъ доволное число“. Этимъ заканчиваетъ свои подметныя статьи Левъ Голосовъ.

Еще бѣльшимъ количествомъ и разнообразіемъ, входящихъ въ составъ письма, статей отличается слѣдующее второе подметное письмо, относящееся къ іюню мѣсяцу того же 1700 года. Авторъ его нигдѣ не называетъ себя по имени и не сообщаетъ о себѣ какихъ-либо свѣдѣній; нѣтъ также никакихъ отмѣтокъ на письмѣ, изъ которыхъ было бы видно, кому оно принадлежитъ. Все письмо въ его настоящемъ видѣ состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ письма къ Меншикову, въ которомъ его просятъ приложенное „писаніе“ донести Государю и 2) изъ самаго „писанія“. Въ письмѣ къ Меншикову рѣчь, когда касается автора, идетъ всегда, какъ и въ предыдущемъ письмѣ, во множественномъ числѣ: „призри насъ убогихъ и сирыхъ“, „буди намъ“, „донеси сіе писаніе наше“,

„нашего писанія“, „учнемъ бить“ и пр... Самое „писаніе“ начинается прямо безъ какихъ-либо вступительныхъ обращеній статьей „о св. *иконахъ и иконописцахъ*“. Авторъ протестуетъ противъ очень распространеннаго письма иконъ по городамъ и селамъ, такъ какъ иконы пишутся „самымъ худымъ мастерствомъ“, тогда какъ де ихъ слѣдуетъ писать „прямымъ мастерствомъ“. Онъ проектируетъ всѣмъ живописцамъ быть за свидѣтельствомъ записныхъ живописцевъ Оружейной Палаты, „дать достойнымъ мастерамъ изъ Оружейной Палаты указы, а иконописцовъ безъ свидѣствованнаго письма присылать въ Оружейный Приказъ“, и со всѣхъ вообще лицъ, промышленяющихъ этимъ мастерствомъ, брать оброкъ. Авторъ возстаётъ далѣе и противъ золоченія и серебренія *иконостасовъ*; это де напрасная трата денегъ: „то дѣло не прочно, въ малые годы чернѣетъ“. По его мнѣнію достаточно иконостасы красить красками; а мастера должны быть также записные и съ нихъ также должно брать положенный оброкъ, „якоже і въ иноземцахъ“. Переходя къ печатанію *книгъ*, авторъ протестуетъ противъ возвышенія цѣны на книгу чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея выхода и противъ перемѣнъ рѣчей въ книгахъ. Онъ предлагаетъ установить, чтобы „цѣна книгамъ вѣчно была одна“, также не перемѣнять въ книгахъ рѣчей, и дозволить печатать кромѣ Печатнаго Двора еще въ 2—3-хъ монастыряхъ столько книгъ, сколько монастырямъ будетъ возможно. Коснувшись *монастырей*, авторъ проектируетъ и тутъ различныя улучшенія. Такъ, онъ предлагаетъ старцевъ и старицъ, которыя бродятъ „по Москвѣ и во градѣхъ“ и среди которыхъ встрѣчаются „старцы пьяные і валяюща по кабакамъ і по улицамъ“, разсылать въ тѣ монастыри, гдѣ они были пострижены, съ тѣмъ, чтобы ихъ не отпускать оттуда; если же они послѣ этого опять „лявца в бродягахъ, паче же на кабакахъ во пьянствѣ“, то брать за нихъ пеню съ тѣхъ монастырей, въ которыхъ они были пострижены. Авторъ возстаётъ также и противъ умножившагося въ монастыряхъ числа служекъ, которые, по его мнѣнію, „даромъ хлѣбъ ѣдятъ и творятъ убытокъ многой“. Онъ предлагаетъ установить, сколько въ каждомъ монастырѣ должно быть служекъ,

лишнихъ поверстать въ служивый чинъ и устроить землями или куда пристойно; и въ томъ случаѣ, если окажется послѣ этого въ монастырѣ излишнее число служекъ, брать съ монастыря положенную пеню. Авторъ возстаетъ также противъ роскоши въ *платьи*, которое де прежде носили скромнѣе, чѣмъ носятъ теперъ, когда „многіе нижняго чина люди носятъ на себѣ, а паче же на женахъ отъ многихъ драгихъ вещей“. Онъ предлагаетъ „розобрать по чиномъ“ кому какое платье носить и учинить объ этомъ заказъ крѣпкій; а въ случаѣ ослушанія опять „имать положенная пеня“. Заботясь объ обогащеніи государственной казны, авторъ обратилъ вниманіе и на употребляемая русскимъ народомъ *напитки*. Жалѣя *хлѣбъ* и *лѣсъ*, исходящій во множествѣ при винномъ куреніи, авторъ предлагаетъ устроить царскіе винокурни, съ которыхъ и отпускать помѣщикамъ вино въ обмѣнъ на рожь („по опыту сколько ведръ станетъ выходить изъ чети“) и съ приплатою за лѣсъ и за мастерство; а нижняго чина людямъ продавать вино поволною указною цѣною. Онъ также предлагаетъ дѣлать напитки не изъ одного хлѣба, но и изъ овощей, „какъ и въ иныхъ государствахъ дѣлаютъ“. Благодаря этому будетъ сбереженъ хлѣбъ, который въ урожайные годы можно будетъ продавать „въ иные государства“. Онъ предлагаетъ далѣе въ селѣ Преображенскомъ, которое де „устроено въ изрядномъ красномъ мѣсте, однакожь отъ церковей удалѣло“,—построить каменную церковь и подъ ней лавки, съ которыхъ станетъ сходить немалой наемъ, такъ что „церковь окупитца малыми лѣтами“,—а межъ селъ Преображенскаго, Семеновскаго и Покровскаго учредить отдаточный питейной дворъ: „продажи и питейной прибыли будетъ не малое число“. Ренскихъ и иныхъ заморскихъ винъ должно, по его мнѣнію, вывозить уреченное число и притомъ держать ихъ только „въ извѣстныхъ чинѣхъ“; а нижніе чины могутъ де удовольствоваться и русскими напитками. Какъ бы въ вознагражденіе за лѣсъ, котораго также не мало выходитъ на желѣзныхъ и кирпичныхъ заводахъ, авторъ проектируетъ установить съ продавцовъ пошлину — именно по 10 денегъ съ рубля за проданное желѣзо или кирпичъ. Авторъ касается и пошлинъ съ *торговъ*,

происходящихъ по городамъ и селамъ Московскаго государства. Онъ недоволенъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ не въ давнихъ лѣтахъ велѣно собирать пошлину съ торговъ въ пользу вотчинниковъ и проектируетъ вмѣсто этой льготы пожаловать ихъ чѣмъ-либо инымъ, а пошлину съ торговъ вездѣ собирать на Государя и посылать для сбора пошлинъ изъ таможенъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ уѣздахъ есть такіе торги. Авторъ далѣе обращаетъ вниманіе и на умножившееся число *нищихъ*, здоровыхъ мужиковъ, женъ, робятъ и дѣвокъ, облѣнившихся работать. Онъ предлагаетъ разобрать и здоровыхъ отдавать тѣмъ, кому они принадлежатъ, запрещая имъ заниматься впредь собираніемъ милостыни, а старыхъ и больныхъ, неспособныхъ къ работѣ, устроить по богадѣльнямъ при приходскихъ церквяхъ. Авторъ простираетъ свою заботу и на московскія *улицы и мостовыя*. Онъ недоволенъ тѣмъ, что при мощеніи вновь—не вынимаютъ прежнихъ подкладовъ и не вычищаютъ грязи, отчего улицы слишкомъ поднялись сравнительно съ домами; недоволенъ, что долго не помащиваютъ недомоски и что много бревенъ воруютъ изъ мостовыхъ въ скудные дома. По его мнѣнію подьячимъ одного приказа и невозможно за всѣмъ этимъ усмотрѣть. Поэтому онъ проектируетъ каждому противъ своего двора мостить мостовыя, починивать и счищать грязь; въ случаѣ тяжести этого дѣла для какого-либо двора слѣдуетъ де въ помощь къ нему приписать другіе дворы изъ постороннихъ улицъ. Онъ предлагаетъ далѣе остроумную мѣру—скоро и дешево устроить *каменныя* мостовыя: для этого слѣдуетъ объявить, чтобы пріѣзжающіе въ Москву съ овсомъ, сѣномъ и пр. привозили на возу по одному камню,—котораго де много около Москвы на поляхъ и безъ котораго не пускать въ городъ,—и оставляли бы его у карауленъ у Землянаго города; этого камня въ непродолжительное время набралось бы совершенно достаточное количество для устройства каменныхъ мостовыхъ. Авторъ проектировалъ по всѣмъ улицамъ учинить трубы, водяные стоки; перемѣрить улицы, часть которыхъ заняли различныя строенія, съ цѣлью снести эти незаконныя строенія; также запретить кидать на улицы пометъ и различ-

ную мертвечину: собакъ, куръ и кошекъ, отъ которыхъ „лѣтомъ бываетъ всякой духъ и черви родятца“, происходятъ болѣзни, „паче же зазоръ отъ иноземцовъ“. Но этимъ еще не ограничиваются *ria desideria* автора. Указывая на то обстоятельство, что на Денежномъ Дворѣ не успѣваютъ дѣлать изъ еѳимковъ *деньги*, онъ предлагаетъ построить палаты на томъ же дворѣ „на меншихъ полатахъ и среди Двора“; и также дѣлать деньги и въ старыхъ палатахъ „на старомъ Денежномъ Дворѣ, что возлѣ дворца“, или взять для денежнаго дѣла Земской Приказъ. Вслѣдствіе такой усиленной дѣятельности можетъ быть новая прибыль 300—500 тысячъ въ годъ. На деньгахъ вмѣсто персоны Государской на конѣ слѣдуетъ, по его мнѣнію, печатать гербъ орель, а на другой сторонѣ одно имя царское крупнымъ письмомъ. Если же будутъ печатать персону, то надобно, говоритъ авторъ, печатать противъ иныхъ государствъ лицо царское съ подписью, а коня печатать не по что. И люди низшихъ сословій не избѣгли заботъ автора. Онъ предлагаетъ переписать *мастеровыхъ* и—платящихъ тягло оставить безъ новаго оброка, а не платящихъ тягла въ слободы—записать и вѣдать въ Золотой, Серебряной и Оружейной Палатахъ и наложить на нихъ оброкъ. Кромѣ того онъ предлагалъ также выбрать имъ своихъ старостъ. Авторъ недоволенъ также, что въ Московскомъ государствѣ во всякихъ домахъ держатъ много людей, тогда какъ у иноземцевъ *людей* немного, хлѣба даромъ не теряютъ. Онъ проектируетъ разобрать по чинамъ: кому сколько слѣдуетъ держать людей и съ тѣхъ лицъ, которые будутъ держать сверхъ должнаго—брать пеню. Авторъ заботится также и о просвѣщеніи народа и предлагаетъ по примѣру Польши и Малороссійскихъ городовъ, гдѣ при церквахъ существуютъ школы, — учредить *школы* и въ Москвѣ и по городамъ, „хотябъ не при всякой церкви“, заимствуя въ первое время средства на содержаніе учителей отъ монастырей. Примѣръ Польши побуждаетъ автора еще къ одному пожеланію. Изъ Польши, говоритъ авторъ, во всѣ страны посылаютъ *миссіонеровъ*, а „въ Московскомъ государствѣ избираютъ митрополитовъ изъ старцевъ, ктѣбъ умѣлъ въ монастырехъ быть властелиномъ. А межъ градовъ по селамъ,

гдѣ есть священнаго чина люди неученые, немного умѣютъ по печати читать, а науки никакой не знаютъ и учительныхъ людей не посылаютъ и крестьянство отъ ненаученія закона входитъ въ капитонство, а инде поютъ лады и иные грѣхотворные дѣла и игрища чинятъ; а въ дальнихъ странахъ напр. на Дону въ казачьихъ городкахъ и въ Сибирскихъ странахъ люди живутъ и совсѣмъ безъ науки закона Божія“. Съ цѣлью устраненія этого недостатка, по мнѣнію автора, слѣдуетъ посылать изъ всѣхъ епархій во всѣ страны для проповѣди слова Божія избранныхъ и учительныхъ людей священнаго чина ³⁾. Въ концѣ письма авторъ касается „поздняго ночнаго хожденія“ и мѣръ противъ частыхъ пожаровъ въ Москвѣ. Указывая на то, что многіе часто изъ гостей возвращаются поздно, вслѣдствіе чего на улицахъ происходятъ драки и ссоры, онъ съ цѣлью уничтожить это *позднее ночное хожденіе* или по крайней мѣрѣ сократить его—проектируетъ ворота Бѣлаго города заперать и отперать по набату; если же кто пожелаетъ пройти чрезъ ворота послѣ набата, то брать съ него „уложенное хотя по 2 денги съ человѣка, а з женъ вдвое“. Распоряженіе, сдѣланное съ цѣлью уменьшить пожары, строить въ Москвѣ *каменные* строенія, по мнѣнію автора, не достигаетъ цѣли потому, что строятъ зданія „какъ кто соизволить“, тогда какъ „чтобы отъ пожаровъ была защита“ слѣдуетъ каменное строеніе строить стѣнами на улицу. Таковы тѣ предметы, о которыхъ авторъ считалъ нужнымъ донести Государю.

И то и другое письмо, и письмо Годосова и письмо неизвѣстнаго лица, были доставлены Петру I, какъ видно изъ сохранившихся на нихъ отмѣтокъ; но какое послѣдова-

³⁾ Мнѣніе Петра I по этому вопросу см. у Соловьева Исторіи Россіи т. XV, с. 116. Въ Московск. Гл. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ есть „пункты Его Царскому пресвѣтлому Величеству ко свѣдѣнію предлагаются, яже ко безпренятной проповѣди слова Божія, зѣло благопотребны суть“. Писаны Малороссіаниномъ послѣ 1708 г., потому что упоминаются губернаторы. Авторъ между прочимъ проситъ, чтобы Рязанскій архіерей далъ ему власть разрѣшать всякіе случаи и вся тайны вѣрнымъ совершать и чтобы ему не препятствовали свободно дѣйствовать, въ какой бы епархій онъ не былъ.

ло по нимъ исполненіе—неизвѣстно. Мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, чтобы утверждать, что предлагаемыя въ письмахъ мѣры были приняты всѣ или частью, но не можемъ не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени послѣ появленія настоящихъ подметныхъ писемъ были приведены въ исполненіе. Такъ въ 1701 году велѣно было дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ; и если новые откупщики стануть давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ ³⁾; въ 1702 году оброкъ съ пустошей монастырскихъ и архіерейскихъ и съ пустыхъ церковныхъ земель велѣно брать вдвое и втрое противъ прежняго (П. С. З. № 1897); указы о переоброцкѣ этихъ земель встрѣчаемъ также и въ 1704 г. (П. С. З. № 1959, 1961). За недостаткомъ средствъ на военныя издержки въ 1708 году, какъ извѣстно, собирали деньги на жалованіе ратнымъ людямъ съ дьяковъ и подьячихъ московскихъ и городовыхъ ⁴⁾. Но какъ мы видѣли и о переоброцкѣ пустовыхъ церковныхъ земель и о налогѣ на подьячихъ предлагалъ Голосовъ въ 1700 г.—Точно также и изъ мѣръ, предложенныхъ во второмъ подметномъ письмѣ, мы видимъ нѣкоторыя осуществленными впоследствии. Въ томъ же 1700 году, къ которому относится письмо, былъ изданъ указъ: тарханы, съ кого пошлинь не имано, всѣ отставить и брать пошлины всякаго чина со всѣхъ по торговому уставу и по новоуказнымъ статьямъ равныя ⁵⁾. 18 іюня 1700 г. Государь указалъ писать къ Кіевскому митрополиту о присылкѣ изъ малороссійскихъ монастырей архимандрита или игумена „для утвержденія и приумноженія въ православную христіанскую вѣру и проповѣди св. евангелія въ идолопоклон-

³⁾ *Соловьева* Исторія Россіи т. XV, с. 122.—Разница между указомъ и письмомъ Голосова только въ томъ, что Голосовъ предлагалъ переоброцить „пустовыя церковныя земля“, а указъ говоритъ о переоброцкѣ вотчинъ монастырскихъ и архіерейскихъ; но мысль въ томъ и другомъ одна и та же. Указъ въ П. С. З. № 1839. См. также № 1834.

⁴⁾ *Ibidem.* т. XVI, с. 14.

⁵⁾ *Ibidem.* т. XV с. 90—П. С. З. № 1799.

ныхъ народахъ“, живущихъ близь Тобольска и иныхъ Сибирскихъ городовъ. (П. С. З. № 1800).—Около тогоже 1700 года велѣно золотые червонцы чеканить съ портретомъ Государя на одной сторонѣ и государственнымъ гербомъ на другой ⁶⁾). Въ 1701 г. и слѣд. послѣдовали распоряженія о прекращеніи бродяжничества монаховъ и о сокращеніи въ монастыряхъ числа служекъ ⁷⁾. И въ послѣдующіе годы встрѣчаемъ въ числѣ мѣръ правительства мѣры, которыя предлагались во второмъ подметномъ письмѣ, напр. относительно стройки каменныхъ домовъ стѣнами на улицу (въ 1704—5 г.) ⁸⁾; относительно нищихъ (1705, 1717—1718 и др.) ⁹⁾; относительно устройства каменныхъ мостовыхъ, чистоты улицъ и частью наблюденія за нею (1705 и 1709 гг.) ¹⁰⁾, причемъ въ числѣ мѣръ для устройства каменной мостовой встрѣчаемъ и ту остроумную мѣру, которую предлагалъ авторъ втораго подметнаго письма.—Конечно, было бы смѣло приписывать появленіе этихъ мѣръ настоящимъ письмамъ; но можно думать, что и эти письма оказали извѣстное дѣйствіе на ихъ появленіе. Быть можетъ также и другія изъ предложенныхъ авторами писемъ мѣръ были впоследствии осуществлены, какъ и перечисленные, о чемъ только мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.—Обращаетъ на себя вниманіе также и то обстоятельство, что второе подметное письмо сходно съ книгой Ив. Посошкова „о скудости и о богатствѣ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь касается общихъ тому и другому сочиненію предметовъ. Такъ и Посошковъ и авторъ подметнаго письма возстаютъ противъ роскоши въ одеждѣ, особенно со стороны людей низшихъ сословій и предлагаютъ носить одежду по чинамъ,—вполнѣ согласно разсуждаютъ о воспрещеніи употреблять иностранныя вина и о приказаніи употреблять исключительно русскія, о надзорѣ надъ иконописцами и вообще о лучшемъ писаніи иконъ, о нищихъ ¹¹⁾

⁶⁾ Ibidem. с. 91.

⁷⁾ Ibidem. с. 121—122. См. также с. 116.—П. С. З. № 1834.

⁸⁾ Ibidem. с. 114—П. С. З. №№ 1825, 1963, 2051.

⁹⁾ Ibidem с. 16, 275—276.

¹⁰⁾ Ibidem т. XVI, с. 15.—П. С. З. №№ 2052, 2072.

¹¹⁾ Сочиненія Посошкова, изд. Погодинымъ ч. I, с. 128—132, 135—136, 142, 146—148, 26.—Заботится о сохраненіи! лѣса—210—215.

и др. Это удивительное согласіе авторовъ обоихъ сочиненій наводитъ на мысль, не принадлежитъ ли настоящее второе подметное письмо Посошкову, не есть ли онъ авторъ его? Изъ сочиненій Посошкова видно, что имъ были написаны, кромѣ сохранившихся до насъ его сочиненій, еще нѣкоторыя, которыя намъ пока извѣстны только по названію. Такъ въ 1718 году имъ подано доношеніе „о новоначинающихся деньгахъ, въ которомъ Посошковъ изъявиль, что деньги велми къ воровству способны“; а гораздо ранѣ сего именно около 1700 года имъ было подано особое „денежное письмо“, которое, судя по тому немногому, что говоритъ о немъ Посошковъ, кажется, содержитъ указанія объ одномъ только денежномъ дѣлѣ въ тѣсномъ смыслѣ—о дѣланіи денегъ. Кромѣ того имъ было что то писано о пошлинахъ, которыя можно бы было ввести вновь, „которыхъ („пошлиннаго збора“) можно бы было собрать на каждый годъ не меньше денежнаго числа доходовъ и которыя въ то же время были бы міру не тягостны“¹²⁾. И наше подметное письмо въ существѣ дѣла имѣетъ ту же цѣль, какую имѣютъ и эти недошедшіе до насъ сочиненія Посошкова,—увеличить государственные доходы. Не есть ли оно такимъ образомъ какое-либо изъ неизвѣстныхъ намъ писемъ Посошкова, существованія котораго мы и не предполагали?

Третьимъ выдающимся, болѣе важнымъ подметнымъ письмомъ мы назвали напечатанное подъ № 7. Дѣйствительно, это весьма любопытное письмо — челобитная, относящаяся приблизительно къ тому же 1700 году, замѣчательная и по своему внѣшнему характеру и по своему содержанию. Она написана русскими и латинскими буквами вмѣстѣ, хотя рѣчь вездѣ русская, довольно правильная въ стилистическомъ отношеніи. Кажется, нѣтъ ни одного слова, *въ* буквы котораго были бы русскія или латинскія. Гласныя буквы всѣ русскія. Изъ согласныхъ буквъ употребляются латинскія: w (всегда для обозначенія звука „в“), l, m, d, r, z (з) p, t; остальные согласныя буквы—всѣ русскія¹³⁾. Своимъ со-

¹²⁾ Сочиненія Посошкова ч. I, с. 291.

¹³⁾ Я встрѣчалъ въ рукописяхъ XVII вѣка не разъ русскія слова и цѣлыя фразы, написанныя сполна латинскими или греческими буквами;

держаніемъ эта челобитная еще болѣе интересна. Прежде всего—она принадлежитъ „людямъ барскимъ“, какъ читаемъ въ подлинникѣ, или „людямъ боярскимъ“, какъ стоитъ въ современномъ спискѣ ея, имѣвшемъ назначеніе такъ сказать дешифровать эту не для всѣхъ ясно написанную челобитную. Дешифрованіе челобитной произведено несовсѣмъ правильно и указанная разница—не единственный случай невѣрнаго чтенія текста челобитной настоящимъ спискомъ ея: въ немъ не разъ и въ другихъ мѣстахъ мы находимъ подобныя же ошибки въ чтеніи отдѣльныхъ словъ, которыя могли произойти или вслѣдствіе неопытности или вслѣдствіе спѣшности разбиравшаго ее. „Люди барскіе“ въ одномъ мѣстѣ своей челобитной называютъ ее „гласомъ плача усерднаго“, вѣроятно желая этимъ болѣе выставить ее, обратить на нее болѣе вниманіе. Въ главной части челобитной, въ которой мы привыкли читать изложеніе дѣла, мы находимъ почти одинъ только наборъ текстовъ изъ евангелія ап. Матѳея безъ какой-либо посредствующей мысли, даже не связанныхъ между собою никакими соединительными словами, не предваренныхъ какою-либо фразою, которая бы поясняла ихъ появленіе. Тексты эти содержатъ или рассказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Господомъ надъ различными больными, прибѣгавшими къ Нему за помощью и просившими ея или изреченія о прошеніи. Наборомъ этихъ текстовъ изъ евангелія Матѳея „люди барскіе“, кажется, хотѣли выразить мысль о томъ, что Спасителемъ были осуществляемы всѣ прошенія, съ какими ни обращались къ Нему различныя лица; и отсюда понятный выводъ по отношенію къ парю земному. Эти тексты, какъ мы сказали, составляютъ главную часть челобитной.—И только изъ второй половины ея, заключительной части, мы узнаемъ о предметѣ просьбы „людей барскихъ“. Они просятъ неизреченной милости услышать этотъ ихъ „гласъ плача усерднаго“, просятъ, молятъ и умильно вопіютъ „о сво-

но въ первый разъ вижу подобное смѣшанное письмо. См. напр. написи на тѣхъ изъ рукописей бібліотекъ Московской духовной Академіи и Троице-Сергіевой лавры, которыя принадлежали Арсенію Суханову; или письмо Лефорта къ Петру I въ I томѣ „писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“. Спб. 1887 г. с. 686.

бодствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было“. Они предвидятъ, что многіе будутъ возражать противъ ихъ челобитной и потому заранѣе говорятъ объ этомъ и объясняютъ причины его, причемъ не жалѣютъ словъ для изображенія тѣхъ мученій, которыя они претерпѣваютъ. „По семь нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому Государю, сановніи твои бояра и князи тебѣ, великому Государю, станутъ возбранять, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучитися, яко лвы зубы челюсти своими пожирають и якоже змій ехидный разсвирѣпися напрасно попирають и якоже волцы свирепи,—біють насъ, яко немилостивыя Пилаты“.—Таково содержаніе этой замѣчательной челобитной людей барскихъ о свободствѣ. На челобитной какъ вообще нѣтъ какихъ-либо помѣтъ, такъ въ частности нѣтъ помѣты и относительно исполненія по ней, такъ что неизвѣстно какое послѣдовало по ней рѣшеніе. Но не имѣетъ ли она какого-либо отношенія къ указу, состоявшемуся въ февралѣ 1700 года, о томъ, что „кто хочеть людей и крестьянъ своихъ отпустить на волю, и тѣмъ людямъ и крестьянамъ давать отпускныя, и съ тѣми отпускными приводить ихъ въ Приказъ Холопья Суда, а изъ того приказу такихъ отпущенныхъ и вольныхъ людей и крестьянъ, и которымъ людямъ отпускныя довелось дать, изъ Приказу Холопья Суда отсылать въ Преображенское; и которые изъ нихъ годятся въ службу и тѣхъ писать въ солдаты, и которые въ солдаты не годятся и на тѣхъ людей и крестьянъ указаль великій государь по прежнимъ своимъ указамъ давать изъ Приказу Холопья Суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они иди похотятъ?“¹⁴⁾—Челобитная барскихъ людей дошла до насъ въ двухъ видахъ: и въ подлинникѣ и въ современномъ офиціальному спискѣ. Мы напечатали ее и по подлиннику—какъ несомнѣнно болѣе вѣрному источнику и по списку, какъ болѣе удобному для чтенія, помѣстивъ въ одномъ столбцѣ одинъ текстъ, а въ другомъ другой и отмѣтивъ въ примѣчаніяхъ тѣ мѣста списка, въ которыхъ челобитная неправильно читается¹⁵⁾.

¹⁴⁾ *Соловьева* Исторія Россіи т. XV, с. 96. См. также П. С. З. № 1820-

¹⁵⁾ Челобитная писана на орленой бумагѣ.

Происходившей въ началѣ XVIII столѣтія войнѣ Россіи съ Швеціей обязана своимъ появленіемъ бѣольшая часть настоящихъ подметныхъ писемъ—6, относящихся къ періоду времени съ 1700 г. по 1705 г. (№№ 3—6, 11, 12). Изъ нихъ два письма говорятъ о причинахъ пораженія русскихъ войскъ подъ Ругодивомъ, объ измѣнѣ полковниковъ и иностранцевъ (отъ 21 декабря 1700 г. №№ 4 и 5); три письма (отъ 5 сентября 1700 г., 20 мая 1704 и 1705 гг.; №№ 3, 11, 12) трактуютъ объ удобнѣйшихъ способахъ собрать въ короткое время извѣстное число войска и найти средства для содержанія его ¹⁶). Этой же войнѣ обязано своимъ появленіемъ и хранящееся вмѣстѣ съ подметными письмами „письмо, которое взято у свѣйскихъ лазутчиковъ и тѣ лазутчики пытаны и спрашиваны: что въ томъ письмѣ написано? И они сказали, что не знаютъ. А переводчикъ Петръ Шаэировъ не могъ перевести; а сказалъ, что то письмо писано де заставною тайною азбукою“ ¹⁷).—Сюда же также должно присоединить и доношеніе Ив. Посошкова боярину Ѡ. А. Головину „о ратномъ поведеніи“, печатаемое нами (№ 6) съ подлинника, писаннаго самимъ Посошковымъ. Это доношеніе было напечатано г. Розановымъ еще въ 1793 году по списку, принадлежавшему ему, и перепечатано Погодинымъ по его списку въ I томѣ „сочиненій Ивана Посошкова“ (с. 265—292). Но списки Розанова и Погодина оказались плохаго качества. Мы сличали напечатанное доношеніе съ найденнымъ подлинникомъ его и рѣд-

¹⁶) Впрочемъ авторъ послѣдняго письма (№ 12) есаулъ Василій заявляетъ только, что онъ имѣетъ что-то сообщить „царю бѣлому“ о солдатахъ и новыхъ пошлинахъ, но боится явиться въ Семеновскую Канцелярію къ боярамъ и князямъ и потому проситъ именнаго указа, чтобы ему не было опасно явиться къ Государю.—Одно изъ писемъ послано изъ Азова. А въ Азовъ въ 1697 г. были сосланы: Вубновъ, Кренивъ и Рудневъ, соучастники монаха Авраамія, подавшаго царю извѣстныя тетради.—Настоящее письмо не принадлежитъ ли кому-либо изъ нихъ? Авторъ этого письма не въ первый разъ доноситъ Государю. Въ одномъ мѣстѣ настоящаго письма читаемъ: «что годъ, то тебѣ Государю, доношу истинну».

¹⁷) На оборотѣ: Тимоѣй Кудрявцевъ.—Не напечатано здѣсь потому, что нѣтъ дешифрованнаго списка его.

ко находили строчку, напечатанную безъ ошибокъ. Перемяна окончаній словъ, замѣна цѣлыхъ словъ и выраженій другими, довольно значительные пропуски и вставки — обычное явленіе. Но и еще есть особенность въ найденномъ подлинникѣ доношенія Посошкова сравнительно съ напечатаннымъ спискомъ его: подлинникъ доношенія представляетъ новую, отличную отъ напечатанной, редакцію доношенія. Онъ значительно короче списковъ Розанова и Погодина на цѣлыхъ 17 печатныхъ страницъ, такъ что имѣетъ только то, что напечатано у Погодина на первыхъ десяти страницахъ (с. 265—274) до словъ: „Такъ бы вѣсти никакія не разносились“ и еще заключительное отдѣленіе „прошу твою преблагу и всещедрую милость...“, которымъ оканчивается доношеніе и у Погодина (с. 291). Можно бы было думать, что этотъ пропускъ произошелъ отъ потери нѣсколькихъ столбцовъ подлинника; но это предположеніе оказывается невѣрнымъ. Послѣдній столбецъ подлинника содержитъ часть того, что мы читаемъ у Погодина на с. 274 и далѣе заключительное отдѣленіе доношенія (с. 291—292); послѣ словъ: „такъ бы вѣсти никакія не разносились“ (с. 274) въ подлинникѣ нѣтъ склейки. Такимъ образомъ никакой потери столбцовъ не могло быть и слѣд. подлинникъ доношенія Посошкова дошелъ до насъ въ полномъ составѣ и представляетъ редакцію отличную отъ напечатанной у Погодина. Содержаніе доношенія извѣстно и потому я считаю излишнимъ передавать его.

Изъ остальныхъ трехъ подметныхъ писемъ одно (отъ 1703 г. № 10) трактуетъ по поводу доносовъ на князя Ив. Гагарина и Качалова, бывшихъ въ Сибири воеводами и у которыхъ были отобраны имѣнія; авторъ другаго (отъ апрѣля 1702 г. № 8), предложившій ранѣ собирать съ крестьянскихъ дворовъ вмѣсто гривенныхъ денегъ пенькою и которому велѣно быть въ Вязьмѣ „у того пенешнего збора“, проситъ указа быть ему по прежнему, чтобы ему „в пріемѣ пенки и соли службу свою и радѣніе объявить“; ¹⁹⁾ а третьимъ письмомъ (ок. 1703 г. № 9) объявляется митрополиту Стефану проклятіе „отъ всѣхъ пра-

¹⁹⁾ Не гость Иванъ Исасевъ? См П. С. З. № 1880.

вославныхъ христіанъ за то, что онъ не стоитъ за православную вѣру, за бритоборотье и бусурманское платье“.—Подметныя письма оканчиваются отрывкомъ любопытнаго обличенія неизвѣстнаго лица противъ „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“ (№ 13).—Къ сожалѣнію сохранившійся отрывокъ не великъ и представляетъ собою кажется окончаніе обличенія („что же еще объявлю“?...).—Авторъ обрушивается съ энергическими словами на патріарха Зотова, передаетъ о хожденіи собора по домамъ, о славленіи имъ въ праздникъ Рождества Христова, когда члены собора бывають и у патріарха и у митрополитовъ, которые „ничто ему не возбраняху и дары имъ воздаваху и с ними пяху и веселяхуса“. Заканчиваетъ свое обличеніе авторъ такими словами: „о мерзости проклятая! Како вамъ стерпѣ милостивый Творецъ? Како васъ земля не пожре, якоже прежде Дафана и Авирона“?

Сергей Влокуровъ.

12 апрѣля 1888 г.

І. „Подметныя статьи Льва Голосова“. 1700 г. мая 21 д.

Премилостивѣйшу і великому Государю нашему его царскому пресветлѣйшему величеству по нижеобъявленнымъ статьямъ, о чемъ явствуется сего ниже, доносимъ.

1.

В твоёмъ государствѣ Московскомъ в разныхъ городѣхъ и уѣздехъ есть пустовыхъ церковныхъ земель множество, которыми завладѣли, по отдаче ис патриарша Казенного Приказу, всякихъ чиновъ люди и монастыри многое число. А с тѣхъ земель оброкъ они, всякихъ чиновъ люди, платятъ в тотъ Приказъ самой малой, потому что торгъ имъ в Москвѣ в патриарше Казенномъ Приказе, а не в тѣхъ мѣстехъ, гдѣ они есть; отчего они, всякихъ чиновъ люди, того Приказу с подьячими получаютъ себѣ корысть не малую. А иными такими ж многими землями, которые прописали писцы, завладѣли монастыри, также помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди и поселили крестьянъ, а иные за удовольствием своимъ отдаютъ от себя в оброкъ инымъ і оттого получаютъ себѣ корысть многую жъ. И с тѣхъ вышеобъявленныхъ земель денежному збору надлежитъ быть на тебя, Государя, і по се число такой зборъ не збиранъ напрасно, потому что за помѣщики и вотчинники опричь тѣхъ земель есть помѣстья и вотчины, а которые из нихъ бывають на твоихъ государевыхъ службахъ, также и монастыри,—опредѣлны твоимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. А кому из нихъ такие земли для излишняго изобильства і понадобятся, і имъ должно отдавать в оброкъ с торгу в тѣхъ мѣстехъ, гдѣ они есть, а не в приказе. И ежели от тебя, великого Государя, повелено будетъ такіе пустовые церковные земли переписать, а переписавъ, переоброчить вновь і торгъ о тѣхъ земляхъ дать всякихъ чиновъ людямъ в тѣхъ мѣстехъ, гдѣ они есть, і с тѣхъ земель оброчныхъ денегъ в зборе будетъ при прежнемъ втрое.

2.

Всякого чина люди выдаютъ вдовъ и дѣвок всякого жъ чина за людей, а в рядныхъ, такъ же и поступныхъ записяхъ за ними пишутъ села і деревни, а в нихъ дворы; а что во дворахъ мужеска полу, того они, отбывая от платежа поголовныхъ, не пишутъ. Да и со всякихъ новыхъ дачъ поголовные или з двора пошлины имать надлежить же; і такие поголовные пошлины на тебя, великого Государя, по се число не збираны напрасно. А имъ всякихъ чиновъ людямъ в обиду того ставить не для чего, потому что всякіе дачи обновляются за нихъ справою и отказомъ в приказахъ. Да и для того имъ всякихъ чиновъ людямъ в обиду себѣ того ставить и тягость вменять не для чего: когда имъ и прямые их старинные люди и крестьяня из-за кого отдаются из бѣговъ и за тѣхъ по твоему Государеву древнему указу поголовные пошлины с нихъ емлютца же. И ежели ат тебя, великого Государя, имъ всякихъ чиновъ людямъ повелено будетъ такие рядные писать и с тѣхъ рядныхъ и поступныхъ записей и новыхъ дачъ поголовные пошлины збирать, хотя в полы или по 6 алтынъ, по 4 денги з двора, и той твоей Государевы казны в зборе будетъ премоное же число і сия прибыль прі вныхъ многихъ будетъ настоящая.

3.

Всякихъ чиновъ люди задерживаютъ у себя вдовъ и дѣвокъ для работъ и взятыя за нихъ болшого выводу многіе годы; а когда ихъ замуж и отдають, з жениховъ берутъ выводы болшия от одного до десяти рублей и болши. І за такимъ ихъ задержаніемъ тѣ вдовы і дѣвки впадаютъ в душепагубной грѣхъ, да и господамъ ихъ от побѣговъ ихъ и сновозъ чинитца разореніе многое. И ежели от тебя, великого Государя, имъ всякихъ чиновъ повелено будетъ вдовъ и дѣвокъ отдавать замуж в указные лѣта: вдову, будет похочеть, в год, а дѣвку кончая въ шеснатцать лѣтъ; да и самимъ имъ всякихъ чиновъ людямъ будетъ в том полза велия, потому что лишены они будутъ болшаго от нихъ разорения, а твоя Государева ко всему народу явная в томъ душеспасительная милость. А что они всякихъ чиновъ люди з жениховъ выводныхъ денегъ имать будутъ, надлежить имъ в отписяхъ писать иманно и с того имать на тебя Государя пошлинъ с рубля по пяти алтын. І тѣхъ пошлинъ в зборе будетъ доволное ж число. А в тягость имъ всякихъ чиновъ людямъ вменить себѣ того ж не для чего ж, потому что отпускаютъ они вдовъ и дѣвокъ на волю

безвозвратно и денги за нихъ берутъ і то надлежитъ вмѣнить вмѣсто продажи. А будутъ они всякихъ чиновъ люди за такимъ твоимъ Государевымъ указомъ вдовъ и дѣвокъ замуж отдавать для пошлннъ утайкою или для своихъ прихотей и корыстей учнутъ удерживат у себя с вышеозначенныхъ лѣтъ или за выводъ иматъ будутъ болше, а в отписяхъ для утайки пошлннъ писать учнутъ менше, или которая вдова и дѣвка родитъ незаконно, а о томъ будетъ вѣдомо, и на такихъ надлежитъ править пѣни по 20 рублевъ, да тому 5 рублевъ чрезъ кого о томъ будетъ свѣдомо;—или ты, великій Государь, почему укажешъ.

4.

Еще тебѣ, премилостивѣйшему і великому Государю, доносимъ: от твоихъ Государевыхъ богомолцовъ і ото всего церковнаго чина происходитъ жалоба на столниковъ и дворянъ, а имянно на Семена Дурнова съ товарищи, которые по твоему Государеву указу окладывали (денежнымъ окладомъ), в томъ, что они имали с нихъ денегъ многое число, а отписи давали имъ в малыхъ денгахъ і всячески нападками своими учинили имъ многое разореніе, а иныхъ многихъ увѣчили без вины напрасно, чего имъ не повелено. И естли ты, великій Государь, милосердую о нихъ богомольцахъ своихъ укажешъ про то розыскать подлинно і тѣхъ денегъ, которые они сверхъ настоящаго окладу и указнаго себѣ наглостію с нихъ побрали нападками, явитца в зборе многое жъ число, а имянно едва не в полы того, что на тебя, Государя, они столники і дворяня с нихъ церковниковъ собрали;—а имъ столникомъ і дворяномъ за такое ихъ грабительство и разореніе, что ты, великій Государь, укажешъ по розыску.

5.

Всякого чина служилыхъ людей дѣти помѣстные, укрываясь от твоей Государевы службы, сидятъ въ приказехъ в подъячихъ доволное число і богатятца; а когда бываетъ имъ нарядъ на твою Государеву службу и они перемогаютца, а на ихъ мѣста нужные посылаютца, а в приказехъ от нихъ излишняя ябеда простираетца. И такимъ надлежитъ быть на твоей Государеве службѣ у полков в писаряхъ, а они тому дѣлу будутъ заобычны і с такое ихъ дѣло станеть.—Подъячихъ же в Москвѣ доволное число богатыхъ, которые от приказовъ обогатились, а на твоихъ Государевыхъ службахъ при иныхъ доволно не бывали; і таковыхъ надлежитъ обложить противъ городовыхъ, смотря по пожиткомъ; і тѣхъ денегъ в зборе будетъ с нихъ доволное число.

При семь милость Божія да поспѣшествуетъ во всемъ. Аминь.

Подлинное письмо на 6-ти восьмушкахъ, сшитыхъ тетрадью, писано шифромъ. На немъ современная помята: „статьи подметные Льва Голосова“. Ни дешифрованномъ спискѣ его помята: нужны, что даны маія въ 21 день.

2. Письмо, подкинутое къ Александру Данил. Меншикову для доставленія Государю. 1700 г. іюня 1 д.

Государю Александру Даниловичю. Здравствовать тебѣ, государю, желаем на множество лѣтъ. Пожалуй, милосердый, насъ убогихъ і сирыхъ, призри и застав за свое здравье вѣчно Бога молить, буди намъ помощникъ і заступникъ, даinesi сие писаніе наше, которое в сей твоей грамотке запечатано, самому великому Государю; есть ли ты, государь, не дапесешъ сего нашего писанія ему великому Государю, учнемъ бит челомъ на твою милость. Умилился, государь, надъ нами сиратами убогими. А есть ли се наше писаніе ему великому Государю угодно будетъ і мы спроты явимся у тебя государя в домъ. Писано 1700 іюня въ 1 де.

На оборотъ: Государю моему Александру Даниловичю.—Подметное что х Александру іюня въ 4 де.

О святыхъ іконахъ и о иконописцахъ.¹⁹⁾

По городомъ и по селамъ іконописцы пишутъ святыя іконы самымъ худымъ мастерствомъ і отдають на малую цену і меняють на яйца; а надобно, чтобъ святыя іконы писатъ прямымъ мастерствомъ. И для того надобно иконописцамъ быть всего Московского государства за свидѣтельствомъ записныхъ Оружейные Полаты іконописцовъ; и вси мастера по свидѣтельству достойны іконному писанію—даютъ имъ указы изъ Оружейные Полаты за дьячьею приписью. А с того ихъ мастерства иматъ оброкъ, смотря по мастерству. О томъ на Москвѣ учинитъ заказъ, а в города послатъ грамоты: буде гдѣ явитца іконописецъ безъ свидѣствованнаго писма и тѣхъ имая приводитъ, а изъ городовъ присылатъ, в Оружейной Приказъ.

О иконостасѣхъ.

Иконостасы по дереву золотятъ и серебрятъ, пропадаетъ того золота и серебра напрасно многое число, для того что то дѣло не прочно, в малые годы чернѣетъ. И буде кому надобно дѣлать к свя-

¹⁹⁾ См. объ этомъ также другое письмо ниже (№ 14).

тым иконамъ в церквахъ украшеніе, — достойно украшать по золоту золотомъ, а по серебру серебромъ, а по дереву красит красками. І тому мастерству достойно быть с иконописцами жъ записнымъ, а с нихъ имать положенной оброкъ, яко же і в иноземцахъ.

О книгахъ.

Печатають книги в одномъ мѣсте на Печатномъ Дворѣ, в них же і рѣчи перемеваютъ, справщики являютъ умъ свой, а незнающимъ людямъ соблазнить; а в зборъ Государевы казны с тѣхъ книгъ ничего не собираетца. И когда книги которые выдутъ ис печати, тогда настоящею ценою отдаютъ; а после того лѣтъ въ 5 или в 10 из ряду продают со многою прибылою ценою і оттого убогимъ купцомъ бываетъ удержание. Возможно уставит книгамъ одну цену с положеннымъ прибыткомъ, чтобъ вѣчно книгамъ была одна цена і рѣчи не перемывать. А указат тѣ книги печатат по прежнему на Печатномъ Дворѣ, сколько возможно; а к тому в дву или в трех монастырехъ книги по две или по пяти или по сколку возможно на монастырь с прибыткомъ же в Государеву казну і в монастыри, паче жъ чтобъ рѣчей не перемывать чиновнымъ людямъ; і денежной дачи того дѣла убудетъ і то дѣло вѣчно будетъ состоятельно.

О монастырехъ.

Монастырей в Москвѣ і по городомъ много, а старцы і старицы по Москвѣ і во градѣхъ бродятъ, в нихъ же есть старцы пьяные і валяютца по кабакомъ і по улицамъ. Надобно тѣхъ старцовъ і старицъ иматъ и, роспрося гдѣ кто постриженъ, в тѣ монастыри отсылат. І впряд о томъ заказ учинит, чтобъ из монастырей старцовъ не отпускают; а естли кто от старцовъ і старицъ явитца в бродягахъ, паче жъ на кабакахъ во пьянствѣ,—иматъ за тѣхъ старцовъ пеню с монастырей, кто в которомъ монастыре постриженъ, за то: для чего того монастыря власти, пострихши старцовъ или старицъ, выпускають изъ монастырей?— В монастырехъ же умножилось служекъ, живутъ безданно і без служебъ, даромъ хлѣбъ ядятъ, убытокъ многой творят. Надобно рассмотрение учинит, гдѣ сколько в монастырехъ слухкамъ быть; а лишнихъ поверстать в служивой чинъ и устроитъ землями или куда пристойно. А есть ли в которомъ монастырѣ власти похотятъ для себя излишнихъ служекъ держать сверхъ указу і на тѣхъ властяхъ иматъ положенную пеню, чтобъ в монастырехъ слухками не было лишнего издержания.

О платьѣ.

Отласов золотныхъ і обьярей і камок и иныхъ дорогихъ вещей и жемчюгу, паче ж соболей, ісходитъ многое число, убытокъ государственной многой, для того многие нижняго чину люди носятъ на себѣ, а паче же на женахъ—от многихъ драгихъ вещей; а соболи не токмо на треухахъ,—в исподахъ и на опушкахъ. А преж сего носили мужеска кавтаны, а жеяска подопашни и одпорятки сувоныне, а шапки бобровые—лѣтъ по десяти і болши; лутчею женскую шапку покупали по 10 или по 12 рублевъ, а мужскую шапку по рублю или по 2 рубли. А ныне владутъ на треухи соболи по 50 і по 100 рублев, а носятъ по малому времени; а мужеские шапки соболи по 5 і по 10 рублев. Надобно розобратъ по чиномъ кому какое мужеска и женска полу і какие портіща носитъ і учинитъ заказъ крѣпкой, — і оттого будетъ вѣчная государственная прибыль; а есть ли кто станетъ носитъ платье не по указу,—имать на тѣхъ людехъ положенная пеня.

О питьяхъ.

Милостию Божиею в Московскомъ государстве много всякихъ овощей и меда. Возможно учинитъ водки и иные разные пиягья овощми Московского государства. Добро бѣ, чтобъ ренскихъ и иныхъ заморихъ питей вывозить уреченнос. І о тѣхъ заморскихъ пиягьяхъ учинитъ рассмотрение в коихъ чинѣхъ держать; а о нижнихъ чинѣхъ надобно удержание учинитъ: мочно удоволитца рускими напитки. І оттого будетъ государственная прибыль, потому что росііские лутчие товары, за которые товары мочно имать еемки, меняютъ на пиягья; а иные люди пиягья и на денги купятъ.

О нищихъ.

Умножилось нищихъ, здоровые мужики і женки і робята і дѣвки бродятъ по улицамъ і кормятца милостынею; а работатъ обленились, хлѣбъ ядятъ даромъ, убытокъ напрасной. Надобно нищихъ розобратъ. А по розбору здоровыхъ к дѣлу і отдаватъ тѣхъ людей чей кто скажетца і впередъ здоровымъ людемъ для милостыни ходитъ не велѣтъ, а велѣтъ кормитъ а работою, наниматца в работу поденшиною; а старыхъ і немощныхъ по розбору, кому работатъ невозможно, устроитъ по прихоцкимъ церквамъ богадѣлни, смотря по приходу, і кормитъ, а для присмотру к нимъ выбратъ церковныхъ старость. Всеконечно прямыхъ нищихъ в богадѣлнахъ у церквей прокормитъ мочно.

О мостахъ.

Мостовые улицы мостят, не вынимая прежнихъ подкладовъ і не вычищая грязи, і оттого мостами поднялись, а церкви і приказы и ряды и дворы обнзизились; по тѣмъ же мостамъ недомоски многие, которые мостовины вскоре избыютца, долгу не помащиваютъ; а много жъ ізъ мостовъ в скудные дома крадутъ бревна. І оттого в проѣздахъ от недомосковъ і от грязей великое мучение не токмо лошади і люди бьютца и мучатца, для того одного приказу подъячими всего государства всѣхъ мостовъ вдругъ не уместить и не усмотрѣтъ. Возможно о мостахъ учинить непремѣнно потому: противъ которыхъ дворовъ мосты— велѣтъ іс тѣхъ дворовъ мосты мостятъ і начинивать і грязь счищать всякому противъ своего двора, чтобъ никогда недомосковъ і грязи не было. А будетъ по которымъ улицамъ іс тѣхъ дворовъ мосты мостить і помащиватъ і грязь счищатъ тяжко,—приписатъ в нимъ иные дворы іс постороннихъ улицъ в помочъ; однакожъ гдѣ будутъ недомоски, спрашиватъ того на дворѣхъ, противъ котораго двора будутъ недомоски. Имъ же по всѣмъ улицамъ учинитъ трубы, водяные стоки. І о томъ учинитъ заказъ с великимъ подтверженіемъ. А мостовыхъ денегъ не збиратъ, толко улицы, переписавъ, надсматриватъ.

Впредь аще царское величество ізволитъ быти каменнымъ мостамъ, возможно учинитъ безубыточно. Много около Москвы на поляхъ диваго мѣлкого камени. Наложить: которые приѣзжаютъ въ Москву с лѣсомъ, с сѣномъ, з дровами і с инымъ съестнымъ харчемъ,—велѣтъ имъ привозить по камышку на возу і тѣ камушки метатъ у Земляного города у карауленъ; а бес камышка в городъ не пропусчатъ; а по нужде кто, невѣдая указу, приедетъ бес камышка,—иматъ с нихъ по денешке. Не во многие годы много будетъ камню. О томъ учинить заказъ.

О устроении улицъ.

По улицамъ ізо многихъ дворовъ строятъ ізбы і всякое дворовоѣ строеніе; а тѣмъ строеніемъ выдаютьца на улицы і оттого улицы зѣле істеснились. Надобно по писцовымъ книгамъ тѣхъ улицъ досмотрѣтъ і учинить заказъ крѣпкой, чтобъ строеніемъ никто улицъ не теснили.—Изъ дворовъ мечють по улицамъ всякой скаредной пометъ и собаки і куры і кошки и іную мертвечину, і от того помѣту лѣтомъ бываетъ всякой духъ і черви родятца, оттого болѣзни, паче жъ зазоръ от иноземцовъ. Учинить о томъ заказъ крѣпкой: есть ли противъ котораго двора явитца такой скаредной і мертвечинной пометъ,—иматъ с тѣхъ дворовъ великую заповѣдъ і чинить наказанье.

О хлѣбѣ.

Хлѣба ржи і овса зѣло много ісходитъ в винноѣ куренье; чаю, столко ж ізойдетъ или і болши, сколко на ѣжу. Да в тож винное куренье ісходит много лесов. А прибытокъ в казну великого Государя не великой, потому что многая винная продажа в куреняхъ есть же і в домовъ дають вино за мастерство і церковного і приказного чину людемъ безденежно, для того что велено вино курить свободно в помѣщичьихъ вотчинахъ і до нижняго служивого чину. І от того винного куренья многой хлѣбной и лесной убытокъ, а в казну великого Государя малой прибытокъ. Однако жъ без вина пробыть нельзя. І есть ли великіи Государь ізволить учинит во всемъ государстве по градомъ одни свои великого Государя винокурни в пристойныхъ і хлѣбныхъ лесныхъ мѣстахъ і приставитъ в тѣмъ винокурнямъ выборныхъ людей за крестнымъ целованиемъ;—а сколко кому помѣщикомъ і вотченикомъ надобно вина в болшия дома, отдаватъ с тѣхъ учиненныхъ винокурень по разсмотрению или по крестьянскимъ дворамъ указное число; а за то вино помѣщикомъ велѣтъ привозитъ на тѣ винакурни хлѣбомъ і за тот хлѣбъ виномъ даватъ по опыту, по скольку вѣдръ станетъ выходить із чети, а за дрова і за котлы и за работниковъ иматъ уложенную цену, а нижнего чину людемъ с кабаковъ продаватъ поволною указною ценою. І току бережь хлѣба і лесовъ станетъ ісходитъ менши, а прибыли будетъ болши і корчма удержитца, і оттого что корчма удержитца, будетъ прибыли тысячъ по 100 или по 200 на год. І помѣщикомъ і вотченикомъ от того будетъ прибылъ, потому по вотчинамъ ихъ прикащики и люди ихъ і крестьяне і попы і церковники і монастырскіе слушки, безъ вѣдома вотчениковъ, зѣло много вина курятъ із ихъ же хлѣба утайкою; а хотя кто куритъ із своего хлѣба і от того убытокъ же, что они пропиваютца полно. И того, кто похочетъ в праздникъ пивца бражки сваритъ, і то обьявляся; а вина б отнюдъ не куритъ.—Для хлѣбной же бережи, чтобъ напитки держатъ не ис хлѣба, велѣтъ повсюду по градомъ учинить пчелники и сады и іныя овощи; у кого сколко есть, чтобъ разводитъ со многою прибавкою.—А у которыхъ людей такова строенія нѣтъ, велѣтъ чинить неволею или иматъ нѣкакую с нихъ заповѣдь, чтобъ напитки держатъ із овощей,—какъ і в иныхъ государствахъ дѣлають питья із овощей, а не ис хлѣба,—для того нынѣ учинился хлѣбной недородъ, паче жъ і впрѣдъ опасно хлѣбного недороду.

А будетъ в которые годы хлѣба родитца много, возможно хлѣбъ продаватъ в иныхъ государствахъ.

Село Преображенское устроено во иврядномъ красномъ мѣсте, однакожъ отъ церквей удалѣло. И есть ли царское величество изволитъ в томъ селѣ здѣлатъ церковь каменную, а подъ церковью лавки, і с тѣхъ лавокъ станетъ сходить не малой наемъ і та церковь окупитца малыми дѣты;—а к тому есть ли Государскимъ изволениемъ будетъ учинить межъ селъ Преображенского и Семеновского і Покровского отдаточной питейной дворъ, чаю, продажи і питейной прибыли будетъ не малое число.

О лесахъ.

На желѣзныхъ заводахъ і по градомъ, гдѣ есть руда желѣзная і дѣлають желѣзо в маленькихъ і в большихъ домнахъ, і на то желѣзное дѣло ісходитъ много лѣсу; также і на кирпичное дѣло ісходитъ лѣсу много же. А пошлинъ с руды і с лесовъ платятъ немного, а индѣ і не платятъ. Лѣсъ в государстве надобная вещь; однакожъ безъ желѣза і безъ кирпича пробытъ невозможно. Возможно с продажи з желѣза і с кирпича пошлина имать с продавцовъ по 10 де с рубля.

О пошлинахъ.

Повсюду по градомъ и по селамъ всего государства велено с торговъ пошлина имать на великого Государя. Есть же торги в боярскихъ і в монастырскихъ вотчинахъ,—не в давныхъ лѣтахъ велено пошлина збирать на вотчинниковъ. Лутче в то мѣсто пожаловатъ инымъ чемъ, а пошлины имать вездѣ на Государя.—Посылать в тѣ мѣста для збору тѣхъ пошлинъ іс таможенъ тѣхъ градовъ, в которыхъ уѣздехъ такіе торги есть.

О еемкахъ.

В Московскоѣ государство привозять еемковъ не малое число; однимъ Денежнымъ Дворомъ не успѣвають деньги дѣлать. Надобно вновь здѣлать на томъ же Денежномъ Дворѣ на меншихъ полатахъ і о среди двора полаты; такъ же на старомъ Денежномъ Дворѣ, что возле Дворца, в старыхъ полатахъ возможно деньги дѣлатъ или Земской Приказъ взятъ для денежного дѣла. І к тому денежному дѣлу набрать мастеровъ столько ж, сколько нынѣ или і вдвое того, потому что серебра в привозѣ много; а в тому мочно подредить серебро слитками или волюю вывозитъ. І от того многова дѣнежнава дѣла будетъ многая новая прибылъ тысячъ не триста или по пяти сот на годъ.

А еемки печатають в немецкихъ государствахъ іс кованого серебра і в тѣ еемки для угару примѣшиваютъ мѣди, да к тому ж ста-

вится на еѣимокъ денегъ по 10 или і малое по алтыну; а в Московскомъ государстве для денежнаго передѣлу тѣ еѣимки сливаютъ в слиткижи куютъ і волочат і от того убытокъ великой і серебру утгарь. Возможно учинить указомъ великого Государя іли чрезъ торговыхъ людей уговоромъ, чтобъ возили серебро волокою, каково надобно в денежной передѣл, за досмотромъ вѣрныхъ і знающихъ людей. І от того будеть прибыль многая.

О печатанье денегъ.

Печатають на деньгахъ персону Государскую на конѣ, а на другой сторонѣ імя, многа рѣчи мѣлкимъ писмомъ; а тѣ деньги бывають в землѣ і ржавеють і в иныхъ негодныхъ мѣстахъ, яво бы нечестно. Надобно Государскую персону хранить; а на деньгахъ вмѣсто персоны печатать гербъ орель, а на другой сторонѣ одно імя царское крупнымъ писмомъ, чтобъ зрачиво было прочестъ.—А будеть печатат персону, чаю, надобно печатат противъ иныхъ государствъ лицо царское с подписью, а коня печатать не почто.

О мастерствѣ.

У иноземцовъ всякому мастерству бывають старосты; а в Московскомъ государстве і по градомъ золотого і серебряного дѣла і алмазники, столары, рещики, корѣтники, колесники, плотники, обручники, кузнецы, переплетчики і иныхъ мастерствъ живутъ по дворамъ і по поткльѣтомъ, а иные в надворничествѣ промышляють и кормятца безоброчно.—Добро б тѣ чины переписат і будеть которые живут по слободамъ і платятъ тягло, быть безоброчно; а которые живут і промышляють мастерствомъ своимъ, а в слободы никакого тягла не платят,—записат і вѣдать ихъ в Золотой і в Серебряной і в Оружейной Полатах і наложит на нихъ оброкъ, потому что в тѣхъ приказахъ мастера вѣдомы; і выбрать старость.

О людехъ.

У иноземцовъ в полныхъ домехъ держатъ людей немного, хлѣба даромъ не теряють; а в Московскомъ государстве не токмо в великихъ домехъ і въ нижнихъ чинахъ в домехъ людей держатъ много. Велики надобно разобрать по чиномъ, кому сколько в домехъ людей держатъ; а будеть кто станеть держатъ людей за указомъ, платитъ положенную часть.

О учениі.

В Полше, в Києве і во всѣхъ Малороссиіскихъ городѣхъ і селѣхъ у церквей учинены для молодыхъ людей школы; в тѣ ж школы і скуднымъ людямъ прибѣжище—первое для науки, второе для питанія: ходять тѣ скудные ученики по дворам и что зберуть, приносят в школы и учителей кормятъ; а сановитыхъ людей дѣти напакѣ учителей питають. Однакожъ учение всѣмъ. Надобно в Москвѣ і по градомъ быт школамъ, хотя б не у всякой церкви, і в тому дѣлу избрать учителей людей; послать о томъ указы ко властямъ, чтобъ окончательно завестъ учение, а сначала мочно тѣхъ учителей кормить монастырями.

О учителяхъ.

Слышно іс Полши повсюду в дальне і незнаемыя страны для проповеди слова Божия ходятъ езуиты безо мзды и приводятъ іновѣрцовъ в православную вѣру,—яко же і прежде апостоли. А в Московскомъ государстве учинены митрополиты и ихъ епархіи многіе; а избирають и із старцовъ, чтобъ умѣл в монастырехъ бытъ властелиномъ. А межъ градовъ по селамъ, гдѣ есть священного чину люди неученыя, немало умѣють по печати читать, а науки никакой не знаютъ і учительныхъ людей не посылають и крестьянство от ненаученія Закона входят в капитанство, а инѣде поють лады и иныя грѣхотворныя дѣла и ігрища чинять.—А в дальнихъ мѣстахъ, гдѣ ныне есть видимо, по Дону в казачьихъ городкахъ, паче же в Сибирскихъ странахъ конечно люди живутъ безъ науки Закона Божия. Надобно ізо всѣхъ епархіи посылать во всѣ страны избранныхъ и учительныхъ людей священного чину для проповеди слова Божия і даватъ имъ жалованье неоскудное іс тѣхъ епархіи. О томъ послать ко властямъ указы, чтобъ о томъ Государское повелѣніе к нимъ было.

О поздномъ ночномъ хожденіи.

Многие люди іс приказного и іс купецкаго і всякаго чину, у кого случитца імянинной і праздничной іли какой іной радостной день, зовутъ на обѣдъ і в тѣхъ случаяхъ засиживаютьца в ночныя часы; і от того в позныхъ проѣздахъ бывають драки і всякіе ссоры.—Надобно Бѣлого города ворота зацѣпять і отцѣпять по набату, чтобъ кромѣ самой нужды менши по ночамъ ѣздили; а будетъ кто приедеть к воротамъ после набату і с нихъ за пропускъ иматъ караулнымъ салдатомъ уложенъ

ное—почему, хотя по 2 де с челоуѣка, а з женъ вдвое. I оттого будетъ людямъ воздержание.

О каменномъ строеніи.

Каменного строения множитца, а от пожаровъ мало в нихъ сохранения, потому что каменное строение строятъ, какъ кто съзволитъ. Угодно быть каменному строению стенами по улицамъ, чтоб от пожаровъ была защита.

О приказномъ чину.

Приказного чину людей умножилос, государевъ казнѣ і челобитчикомъ не безубыточно.—Аще ізволитъ великій Государь разобрать і того чину убавит, а вмѣсто того таможенной і слободкой судъ прибавить.

3. „Писаніе“, подкинутое въ боярину Тих. Ник. Стрешневу и доставленное царю „у устья Ладожского на р. Свирѣ“ 1700 г. сентября 5 д.

Державнейшій царь Государь! Аз із последних твоихъ сирот дернул тебе, Государю, донести: ізволениемъ Божиимъ, а твоею Государевою мыслею, ізволил ты, Государь наш, шведовъ воеват і разорат грады ихъ малыми людьми; а мне многогрешному чрезъ Светаго Духа во сне виденія, дабы ты, Государь, ізволил в предбудущее лето, собравъ многое свое войско, сам пойтить великимъ собраніемъ, да приклонятца тебе вси языцы. А для полности и для прибыли войска многое число мочно набрать стрелцовъ із городовъ пехоту, а съ посадовъ, где трой мужиковъ в одномъ дворе, тут одново должно взять и подмогу с тех же посадовъ должно имъ собрат и запасы также і подводы и с волостей потому ж і тягла твоего не убавитца. А з бояр и з ближнихъ людей, которымъ служить нѣльзя и которыя у дел, и с воеводъ даточныхъ конныхъ з десяти дворовъ даточной и кормъ имъ и подъемъ с нихъ же и чтоб они давали самыхъ лутчихъ людей и із деревенъ бы с приказовъ всѣхъ брали; а чтобъ были конны и одежны і оружны, а имъ мощно то управит. А москвичемъ, которыя служатъ полковую службу, всемъ же безъ выбору и велеть имъ за сабою людей братъ потому ж з дворовъ конныхъ и в обозѣхъ; также і которыя взяты были изъ московскихъ чиновъ в началныя люди и к пехоте, за которыми есть помѣстья, и тѣмъ бы всѣмъ служить полковую конную службу и люди б за ними были потому ж конныя і в обозѣхъ; а за которыми нѣтъ помѣстья и

тѣ б служили в началныхъ людехъ з жалованья, также и кормовья. А ис подьячихъ в прапорщики, а с отставныхъ потому жъ даточныя конныя и запасъ с нихъ же, какъ было имъ самимъ служить. А калмыки и татары и казаки и драгуны толко з жалованья. То твоего Государева войска зѣло много прибавитьца, а жалованья убавитца; а войска многое множество прибавитца из людей боярскихъ конныхъ і всехъ і зѣло прибылна: ни жалованья имъ, ни лошадей, ни ружья не давать, у всякова своему будетъ. Да прикажи, Государь, из своей государевой казны по дорогамъ вездѣ держать всякия харчи и построить кабачки также, что у шведовъ, і в томъ великая жъ будетъ прибыль. А впродъ тебѣ, Государю, великую прибыль учиню. Нижайшій твой рабъ ис послѣднихъ твоихъ сиротъ.

А людемъ в болшихъ домѣхъ служилымъ должно списокозъ учинить и пересмотрѣтъ; а ис подьячихъ в прапорщики должна і в порутчики, а в приказахъ оставить должно малое число; да і ис церковниковъ иныхъ мочно выбрать і в городѣхъ и по селомъ.

На оборотъ: сие писанія донести боярину Тихону Никитичю Стрешневу, а ему донести сие письмо благочестивому государю самому для того, что писана в семъ письме самая нужда. *На бумагахъ конвертъ:* письмо подмѣтное, присланное с Москвы, принято у устья Ладожского на рѣке Свирѣ сентября 5-го дня.—Переписано.

Въ списки съ подлиннаго письма въ началъ написано: В подмѣтномъ письмѣ, присланномъ с Москвы сентября 5-го дня с почты, написано.

4 и 5. Письма, подкинутыя къ А. Д. Меншикову для передачи царю (гл. обр. объ измѣнѣ начальниковъ русскихъ войскъ подъ Ругодевымъ).—1700 декабря 21 д.

Списки с подмѣтныхъ писемъ, которые подняты у двора Александра Меншикова декабря въ 21-м числѣ прошлаго 1700-го году.

Въ 1-м.

Великіи Государь царь! Изволь самъ всехъ полковъ началныхъ людей допросить и скаски у нихъ взять, а потомъ у рядовыхъ солдатъ у новыхъ полковъ і у драгунскихъ также: какъ ся стало подъ Ругодевымъ и какъ измѣнили всѣ полковники, поноровку держали? „Пусде лутче поскоряетъ замрится со Швецкимъ королемъ, а мы де в покое и в роскоше будемъ и от короля пожалованы будемъ“. А генералы измѣнили для того, что имъ король посулилъ „много казны де

я вамъ дамъ“, да учествовалъ ихъ питиемъ такъ: „буто де вѣсь в полонъ взяли мое салдаты, а царь де про васъ не сведаетъ“. А если ты, великиі Государь, однехъ начальныхъ людей допросишь і оне красные слова тебе скажутъ, задобрены у немцов и руские начальники; а салдаты руские у полковников и у капитановъ в великомъ загоне, не смѣют и молвить ничего. Надобно, Государь, салдату дат гроза да і воля тожъ дать. Естли какъ бы і Преображенские салдаты начальниковъ своихъ послушали да и ружье с себя отдали, то бы оне ни единой живь не ушелъ: всехъ бы побили. Надобе, Государь: естли полковникъ или капитанъ в чужие таборы поидет, то уже изменникъ,— надобно ево из мункета убить. А то перво Швецкой наискалъ с похвалою грамоты в Стекалну і в ыные королевства, что „я де с малою силою Рускова царя великую ево силу разбил и всѣхъ въ полонъ взял и с ружьемъ и с казною и царевича его и генералов и умилостивилъ де я ради нищетства ихъ и слезъ салдатовъ ево отпуская и самъ де царь насилу ушелъ“.—Надобно тебѣ, Государь, ету насмешку отсмеять королю и поди, Государь, с силою на ихъ города, а генаралов новыхъ пожалуй; бояриномъ надо всюю силою лутче всѣхъ Борисъ Петровичъ, онъ управить. А мы сие нисмо писали яко Богу, тако и тебѣ, великому Государю, радѣя.

Позади того писма написано:

А на службе, Государь, надобно салдатомъ—какъ бываетъ выласка, а з города б или с поля какая сила подойдет и імъ салдатомъ надобно скаски сказать х бою, такъ оне изготовятся ісповедью. Да великиі Государь царь какъ-бы ты ізволил хошь Преображенскому полку на груди до пояса напереди желѣзные доски здѣлать салдатомъ, какъ и у латъ бываетъ, для ратного дѣла; такъ и шпагой не проколетъ, ни пулкою не прошибетъ брюха; такъ и одинъ пелкъ стоитъ десяти полковъ х бою. А Швецкие нѣмцы тебя, великого Государя, бранятъ всячески; какъ тебе, Государь, Богъ ихъ подастъ, такъ не пускай живыхъ ихъ ни единово.

На томъ же писмѣ на згибе написано:

Вручить сие писмо Александру Даниловичю. А ты отдай великому Государю.

Въ 2-м писмѣ написано:

Предпокорне прошу вашего царского пресветлаго величества со усердием. Зазрительно есть сие, еже царю ходити за мертвыми иноземцами. Не лепо есть и за природными бояры ходит за мертвыми, а не токмо что за иноземцами. А нынѣ ваше царское величество

изволи и былъ под городом Ругодевым и измены ради і прочь ото-
шол, а все снѣ измена от иноземцов от полковников, а сверхъ сего
і от генералов: от Автамона Михайловича і от иныхъ, Государь, ради
того, что они люди богатые и имъ службы чтобы никакой не было,
что имъ хочется всегда в покое быть, а не на службе великого Го-
сударя. Да ради того измену над салдатами учинили, чтобы впредь
какъ станут де волницу всяких чинов кликат і боярских і оне де
лучше не пойдут от бояръ в салдаты, убоятся де службы, для того
что оне измену чинятъ і того ради что много побии. Лепее, великии
Государь, из мелких чиновъ людей над салдатами начальниками пожа-
ловат хоша из рядовых іс Преображенскихъ салдаты, не токмо хошъ
і в полковники годятся. Помози имъ Богъ! Какъ оне под Ругодевымъ
постояли противъ дичманов. Кабы имъ да не измена, оне бы і одне
одбили одинъ Преображенской полкъ да Семеновской і снаряду бы
ни одной пушки не отдали бы. Генерал Автамонъ Михайловичъ хо-
тель было і с нихъ ружье снять і кричалъ на нихъ, чтобы отдали с
себя ружье і грозил: „я де вас перевешаю всѣхъ за это“. А доведет-
ся, великии Государь, салдату за измену і полковника убить, хошъ и
генерала. Вотъ генералъ изменилъ пьяной да будто де меня в полон
взяли. А нынѣ, великии Государь, немцы рускимъ насмехаютца, что
наши де швецкие всѣхъ русскихъ розбили і в полонъ взяли і самъ
бы де кейзеръ не ушелъ, кабы де тутъ был. І надобно тебѣ, Госу-
дарь, имъ шведам отплатит, чтоб не насмѣхалис. Прежде подобаетъ
тебѣ, Государю, в соборной церкви молебная совершити і на войну
итти, какъ иногда Александръ Макидонскій імя Бога Саваога в по-
мощь призывав і на главе носил.

Въ лице того писма на поле написано:

И не оставливай службы, Государь, не откладывай на иной годъ;
в Божию помощь поди и уговори, Государь, салдаты, что естли
полковникъ в немецкие табары поидеть і оне бы ево били из ру-
жья.

Позади того писма написано:

А об Вомском велии и мы соболезуем, что напрасно пропало,
такъ же і о снаряде і пушках. В Золотой Полате клерка Александръ
именуется, что я де не в честь Государево жалованье беру і не бью
де челомъ ему; да он же говорил: „нечего де у Швецкого короля вы-
торговать“.

Да полковники же под Ругодевым над новыми салдатами чинили:
обравъ у нихъ ружье і велели имъ на колени стать и головы нахло-
пнуть, руки поджавъ, і палашами над ними махали со Швецкими нѣм-

цямі; і мало погода сказала: Богъ да и король вас прощает в вашей вине. И все тутъ полковники изменили. Мочно, Государь, етехъ всѣхъ выйдат вонъ кромѣ Чаморса, а то оне и опять изменят.

На том же писме на згибе написано:

Вручить сие писмо великому Государю, не мешкая.

В. Доношеніе Ивана Посошкова боярину Фед. Ал. Головину. 1700 г.

А.

(Эта буква стоитъ въ подлинникѣ. Не означаетъ ли она, что это письмо первое и что къ нему было присоединено Посошковымъ еще другое (В)?

Въ Троицѣ славимаго Бога прошу о подаванні вразумленія, твою же честность государя боярина Феодора Алексѣевича прошу о прощеніи въ моихъ погрѣшеніихъ, понеже дерзнухъ писати о великихъ дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ.—Елико ми Богъ въ мысль вложилъ, тояко и написахъ; умолчати же не могахъ, аще и не моего чина сіе дѣло, потому что и писаніе возвѣщаетъ о семъ, яко Богъ изводитъ честное і отъ недостойнаго, якоже и древле бысть: отъ челюсти сверные изведе Богъ Сампсону въ жажду его источникъ чистые воды. И сему прижвняющеса дерзнух и азъ, аще и худши есмь ослиа челюсти, обаче на волю Божію надѣющеса, дерзнухъ нечто изнести о воинскомъ дѣле, понеже есть жажда великому Государю о воинскихъ дѣлахъ. И якоже Сампсону Богъ чрезъ ослиа челюсть утолилъ жажду, и нынѣ той же Богъ негли чрезъ мое низкобытіе учинить ему великому Государю нечто полезное, якоже и Сампсону чрезъ сухую кость, понеже ратному дѣлу азъ неискусенъ и нетоя природа, но земледѣлецъ есмь. И сего ради елико могахъ, тояко и написахъ; токмо ты, государь, не оскорбись на мое неразуміе. Аще что обращаши къ ратному дѣлу пригодно, то пожалуй прими тое малую каплю, истекшую отъ сухаго моего ума, яко отъ сухіе кости и великому Государю донеси ю, да негли отъ малыя тоя капли ощутить великій Государь некакую охладу, а его царская высокая рука за благодатію Божією возраститъ въ велико, понеже вся ему возможна суть: можетъ отъ отъ единныя моея капли своею отъ Бога дарованною всехрабростною премудростію сотворить море. А еже отъ недознанія писахъ, то пожалуй отставь и въ винѣ моей недознанной прости. Истинно, государь, отъ самаго желанія писахъ и благоразумію твоему дерзнухъ донести. Доношеніе ж мое сицѣвое.

Московская, государь, пехота прежде бывшая и отъ малаго учения устойчивою своею во всё государство была славна. А за что? Точію за крѣпкое ихъ стояніе и за дерзновенное ихъ ручное обороненіе; еже паче огненнаго стрѣлянiя, копіями и бердышами и ножами славы себѣ доставали; а огненнымъ ружьемъ и не хвалились, понеже стрѣлять изъ него въ цѣль не умѣли. А нынѣшняя пехота тщаніемъ и раченіемъ великаго Государя многократно лучши прежніе пехоты изучена всякому шеревожному строю и скорообращательному бою; и та вышенисанная прежніе пехоты похвала по нашему простому разумѣнію малая похвала; но то бы самая рыцерская похвала, еже бѣ непріятеля, не допуская до рукъ своихъ, поражали.

И естли бы, государь, научить хотя одинъ полкъ Преображенской или Семеновской или паче нововыборной полкъ собрать изъ стариковъ изъ всѣхъ полковъ и изъ новиковъ тысячъ пять, шесть или и десять собрать и научить ихъ такимъ твердымъ стрѣлянiемъ, чтобъ ни одинъ пули даромъ не потерялъ, но по чему бы ни похотѣлъ стрѣлнить, по тому бѣ и попалъ; а напорнаго ради непріятеля нужда есть и до копей, а потомъ и до бердышей или до обоюдниковъ, а потомъ нужда надлежитъ и до ножей. И естли воля великаго Государя радѣніемъ твоимъ на сицѣвое дѣло произыдетъ, то ружье ужъ надобно доброе, чтобы въ немъ оборона была, а неизмѣна; такожде и порохъ надобно доброй же, чтобы онъ былъ чистъ и едрень и ружья бы не замястилъ; пищали бѣ были всѣ цѣльные, чтобъ трудъ воинской туне не погибалъ и чтобъ пуля въ послушаніи у салдаты была, ъуды бѣ похотѣлъ ее воинъ послать, туды бѣ она и шла такожде и копіи были бѣ острые, яко ножи добрые, чтобъ никакое густое платье не одержало ихъ; и древки бѣ у нихъ были тверды и присадка бы у нихъ была твердая жъ, чтобъ въ присаде копьи съ древокъ не ломались; такожде бердыши и обоюдники были бѣ острые, а не яко преждебывшіе; такожде и ножи были бѣ самые острые и узвоконечные и въ черенахъ бы они были твердые, чтобъ во время нужды они не сламовались; и черенье бы у нихъ было толстое отъ лезива съ препятіемъ, чтобъ во время потребное руки у себя не обрѣзать.

Худъ тотъ холопъ, кой воли господина своего не творить, но еще и измѣну чинить; подобне худо то и ружье, въ коемъ обороны нѣтъ, а къ тому естли еще и препятіе въ дѣле содѣловаеть. По нашему зритца въ воинскомъ дѣле то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, а къ ружью ужъ надобно и воинъ доброй; а естли ружье не действительно, то воинну храбростію своею нечего дѣлать; а естли и

ружье добро, да воинъ не умѣетъ имъ владѣть, то такожде худо: надобно обоя въкупѣ.

Сіе, государь, всѣмъ явно, что Преображенскіе и Семеновскіе салдаты, аще ружьемъ и добро владѣютъ и всѣ науки строевыя прошли, а въ цѣль стрѣлять не научены. И въ нынѣшнемъ Ругодевскомъ походе что успѣло? Сказываютъ, что зарядовъ по 20 и болши выстрѣляли, а побитыхъ Шведовъ мало явилось; хотябъ у нихъ дватцатая пуля въ человѣка пришла, то бы всѣхъ побили на голову и слава бѣ побѣда была.—А то, Богъ вѣсть, работы и истраты много было, а дѣла потребнаго мало. И по нашему мнѣнію естли бы всякой салдаты пули даромъ не терялъ, но все бы въ людей сажалъ, то бѣ нашимъ салдатамъ полно и по одному бѣ заряду выстрѣлить и непріятель бы не узналъ куды бѣжать. Я, государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ разумъ свой въмѣстить не могу: что въ томъ за полза, что огня много, а убою мало? Лише свинцу и пороху истеря даровая, а салдатамъ лишняя работа. По моему, государь, мнѣнію дружная стрелба толко что красно смотреть, а непріятелю не страшна она; а цѣльная стрелба, хотя стрелбою і не красива, толко непріятелю страшна будетъ и казнѣ великаго Государя спора бѣ была, а салдатамъ покойна.

И естли, государь, сіе мое изреченіе великому Государю будетъ угодно и быть сему соизволить, то мнитца мнѣ что и жалованье умѣющимъ салдатамъ учинить различное: кой умѣтъ будутъ съ руки стрѣлять по стоящей цѣли штивершковой и никогда въ скоростномъ стреляніи не погрѣшить,—и такому естли великій Государь укажетъ при прежнемъ жалованье рубля два, три прибавить, то желательно стануть къ стрѣляльному ученію раченіе имѣть; а кой будетъ бить по таковой же цѣли движущейся и никогда жѣ не грѣшить,—и такому естли прибавка жѣ излишняя будетъ; а кой будетъ по малой двувершковой стоящей цели необлыжно бить, и тому наипаче вѣщшее жалованіе учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую движущуюся цѣль будетъ бить безизмѣнно,—и такому, естли наивѣщшее жалованіе великій Государь учинить, и на то зря будутъ другъ передъ другомъ тчатися о ученіи стрѣляльномъ и не то что Государевымъ порохомъ, но и своимъ покупаючи будутъ учиться и тчатися, чтобъ передъ своею братією не остатися. А кой научитися не возможетъ, тотъ и пеняť ни на кого не будетъ, что въ маломъ окладе будетъ лежать. И началнымъ людямъ по дружбе нельзя будетъ никого въ большой окладъ оправить; всякому будетъ достойное жалованіе.—И естли, государь, довольное жалованіе добрымъ мастерамъ учинено

будеть, то чаю многіе удалые стрелцы изо всякихъ чиновъ въ сицѣвую службу пойдутъ.

И естли, государь, такихъ удалыхъ стрелцовъ тысячъ десятокъ наберетца и научатся строевымъ поступкамъ и скорообращателному бою, то чаю, что та 10,000 лучши прежнихъ пятидесять тысячъ будетъ. — То бѣ нашему великому Государю самая достохвалная слава и радостная война, что малыми людьми многихъ побѣждать.

Дружное, государь, стрѣляніе, хотя и красно зритца, а какъ строй непріятель сомнеть, то и умѣніе дружные стрѣлбы бросить; а цѣльнаго стрѣлянія никогда непріятель отнять не можетъ, потому что, хотя человекъ пять, шесть гдѣ отлучать, и тѣхъ даромъ не возмутъ. А вонъ въ цѣль стрѣлять не умѣютъ и тѣмъ лучши владѣть копьями и иныи студенымъ ружьемъ; кто чему гораздъ, тому хорошо тѣмъ и владѣть.

Такожде естли бы великій Государь изволилъ и конницу учинить огнестрѣльную такую, чтобъ скачючи на конѣ прыткостію изъ длиннаго ружья саженахъ въ дватцати по цѣли били, а изъ пистолей въ пяти бѣ саженахъ. И естли великій Государь укажетъ наградить доволнымъ жалованіемъ по разсмотренію коегождо умѣнія, якоже о пехоте выше реклося, то многіе изъ домовъ боярскихъ и сытые люди пойдутъ и изъ иныхъ изо всякихъ чиновъ въ таковыя драгуны тцати-ся будутъ.

И естли, государь, такихъ удалцовъ собрать хотя одна тысяча, чтобъ ни единъ изъ длиннаго ружья и изъ пистолей някогда не грѣшилъ,—а у насъ въ Руси обрѣтаются такіе стрѣлцы въ низовыхъ городехъ и въ Сибирскихъ странахъ, что скачючи на кони изъ длиннаго ружья въ цѣль бьютъ, толко пистолнаго стрѣлянія не знаютъ,—и естли, государь, такихъ стрѣлцовъ конныхъ научить и пистолной стрелбе и шеренажнаго строю,—я такая бѣ тысяча заменила паче десяти тысячъ.

И естли бы, государь, всеилный Богъ изволилъ и великій Государь соизволилъ съ сицѣвымъ умѣніемъ пехотные и конные полки построить и вся порядочно управить, то, Богъ вѣсть, кто бѣ на поле противъ ево великаго Государя стоять могъ. Да къ тому естли бы научились пушкари и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль же, что бѣ по чему замѣрять, по тому бѣ и убилъ безъ погрѣшенія,—то бѣ наипаче страшны Рускіе вонъ всѣмъ окрестнымъ государствамъ были. А буде, государь, въ Руси такова человекъ не изыщетца, кой бы могъ пушечную стрѣлбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, инъ хотя бѣ великою цѣною изъ тѣхъ земель ученыхъ мастеровъ добыть, въ конхъ

такое умѣніе обрѣтается, что по стоящему колу убиваютъ и непріятельской пушке въ дуло попадають. Да къ тому естли бѣ великій Государь изволилъ рогатки подѣлать на колесахъ съ огненнымъ боемъ, чтобъ мочно съ ними наступать и отводомъ итти безъ трудности, и естли, государь, рогаточную стрѣлбу управити по достоинію, то чаялъ бы я за помощію Божіею защите и обороне великой въ нихъ быть, естли ихъ по слову великаго Государя въ три запала постронть, якоже ми прошлаго 205 году изъ усть своихъ царскихъ изрекъ, и чтобъ на нихъ устроить по затинной пищали, обращающеюся на всѣ стороны; и по тому его государьскому словеси нынѣ для примѣру, елико ми Богъ даровалъ уразумѣть, здѣлалъ обращикъ маленькой, каковымъ образцомъ доведетца ихъ здѣлать. И буде, государь, изволишь тотъ обращикъ великому Государю объявить и естли онъ, великій Государь, повелитъ тѣмъ образцомъ рогатки, хотя двѣ, три здѣлать совершенные, какъ имъ доведетца быть, и на тѣ рогатки зря, мочно всю силу въ нихъ совершенно познать: коль они своропоспѣшны къ стрѣлбѣ и коль тяжелы на ходу и что за ними дѣла, то все будетъ явно. Дѣло же, государь, въ тѣхъ рогаткахъ будетъ сидѣвое: заправить стволы пулами свинцовыми или жеребьями желѣзными въсѣ три ряда, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстехъ и устроить ихъ, чтобъ стрѣлба изъ нихъ была въ груди человѣку, а запалить одинъ рядъ верхней въ то время, какъ непріятель будетъ въ тритцати или въ сороке саженьяхъ, чтобъ ружье взяло проломною силою, чтобъ и латы на непріятеле непостояли и чтобъ пули даромъ не пропали. И буде непріятель будетъ напоренъ и черезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливатца и подаватца ближе, и въ то время запалить другой рядъ. И буде заупрамятца и начнутъ еще справливатца и, черезъ другой побой перешодъ, станутъ подаватца ближе, и тогда запалить изъ третьего ряду; а въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить и къ стрѣлбе уготовить. И буде еще непріятель будетъ наглитца, то хотя до десяти разовъ или и болши, мочно одною рогаточною стрѣлкою непріятеля отослать отъ обозу. А буде непріятелю рогаточная стрѣлба прикра покажетца и поворотитъ прочь, и въ то время надобно изъ затинныхъ пищалей въ погоню за ними пули посылать. А тѣ затинные пищали надобно, государь, здѣлать самыя цѣльныя съ ложами и съ замками, и пуля бѣ была и меньшее дѣло что въ четверть оунта, а иные здѣлать хотя и въ полеоунта; и чтобъ и стрѣлцы у нихъ были самыя добрыя, чтобъ могли саженьяхъ во стѣ или и болши человѣка бѣжащаго убить, и естли полководецъ похочеть и прежде рогаточныя стрѣлбы непріятеля повстрѣтити изъ тѣхъ за-

тинныхъ пищалей и чтобъ владѣющія тѣми пищалами стрѣльцы могли у непріятеля начальныхъ людей убить.

И есть ли бы, государь, вся сія тако устроишася, да къ тому есть ли бы Богъ способъ даль доброй, то бѣ дивная война была и на весь свѣтъ Русь бы прославилася, пачежъ великаго Государя нашего ния вознеслося паче окрестныхъ Царей.

Еще же и сіе хошу изрѣчи: егда, государь, лучитца на приступе подь городомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что тогда поможетъ? Дружное стрѣляніе, а не цѣльное, потому что градскихъ стѣнъ мелворужейнымъ стрѣляніемъ ничесо не подѣлаецца, но въ шанцахъ нужда до самаго умѣнія стрѣляльнаго надлежить; такіе надобно умѣльцы, чтобъ человекъ лише бы въ окошко поглянулъ или межъ зубцовъ мелконулъ, анъ бы его и убилъ. Мнѣ, государь, мнитца кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, того въ шанцы и посылать не для чего. За что въ шанцахъ выласками непріятель много въ шанцахъ побиваетъ? Явѣ за то, что шанцовые сидѣльцы стрѣлять цѣльно не умѣютъ и хотя и много стрѣляютъ, да мало убиваютъ; а естлибы да были такіе умѣльцы, чтобъ всякая пуля въ человека посажена была, а на вѣтеръ никто бѣ не стрѣлялъ, то какъ бы выласкою въ шанцахъ людей побить они близъ себя не допустили?

Еще же и сего нужнѣе умѣніе стрѣляльное на водяномъ бою, потому корабль на море покойно стоять никогда не можетъ, но всегда онъ шатается; такожде и мѣлкіе суды за колебаніе морское стояти покойно не могутъ же. И сего ради въ морскомъ воеваніи что успѣетъ нецѣльная стрѣла? А великому Государю велми нужно морской бой; надобенъ потому: естли Богъ надъ родомъ христіанскимъ умлооердитца и великому Государю поможетъ ругателя своего Шведа паразить, то какъ безъ морского бою пробить? И того ради велми нужно умѣніе стрѣляльное. Я, государь, сіе отчасти разумѣю, что на море надобно самыя удалыя стрѣльцы, чтобъ могли съ руки въ подвижную цѣль бить безоблыжно; а естли, государь, не таъ, то не какъ на море воевать. Я истинно, государь, не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что связываются немцы люди мудрыя и правдивыя, а учатъ насъ все неправдою. Я, государь, велми сумняюся о иноземцахъ, а праведноль я сумняюся или блазнюсь, про то Богъ вѣсть; только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышленяютъ компанствами единодушно и во всякихъ дѣлахъ себя и свою братью они хранятъ и имя свое возносятъ, а насъ Русскихъ людей ни во что вѣмѣняютъ и за слотъ почитаютъ. И я зря ихъ поступки велми о семъ помышляю, что не компанствами ль

же они и войну чинять и будто намъ помогаютъ, а все блазнять насъ? А самую истинною чаю, что ради тому, ижебы мы никогда славны не были, но толко бѣ ихъ слава разпространялась и рука бѣ ихъ' природныхъ земель висока была, а мы бѣ всегда ихъ за господъ себѣ имѣли. И естли, государь, война правитца компанствами жѣ ихъ, то надобно велми ихъ бояться, дабы горши нынѣшняго впрעדъ чего не здѣлали. Вѣрить имъ велми опасно: не прямые намъ они доброхоты, наймит то есть. И самъ Господь усты своими святыми изрекъ, что наемникъ не радить о пастве своей; природный же всячески тцится ово чести ради своея, ово же и о природе и отчизне своей печется. И немцы никогда намъ такъ не пораждютъ, какъ о природныхъ своихъ; и въ прежней Ризской походѣ немчинъ же измѣнилъ и бомбы и гранаты всѣ пожегъ. Я, государь, мню, что и учать они насъ воинскому дѣлу не отъ самыя истинны, того ради, чтобъ мы совершенно воинскаго дѣла не познали и чтобъ ихъ не оплевали и чтобъ отечество ихъ не разорили; и хотять въ насъ тому бытъ, чтобъ намъ всегда дураками слыть. А за помощію Божіею моглибъ и наши люди всякое воинское дѣло знать, толко что не навыкли и ученія, ни школъ воинскихъ у насъ въ Руси нѣтъ; а безъ науки всякое дѣло трудно достигать, потому что Богъ насъ не избидѣлъ, но надѣлилъ всякими художными разумѣніи и остроюю разума, да лишь одной науки въ насъ нѣтъ. А истинно, государь, довелось бы построить школы и учителей добыть самыхъ добрыхъ и свидѣтельствованныхъ, чтобъ научили насъ землемѣрію и подкопному дѣлу и инымъ инженерскимъ и всякимъ воинскимъ ухищреніямъ и поступкамъ, то я чаалъ бы на весь свѣтъ славные мы воины были я вымышленики, потому что Богъ благословилъ. Много есть у великаго Государя остроумныхъ людей, да знатное дѣло, что воля Божія на сіе дѣло не пришла еще.

Да они жѣ иноземцы пожаловали прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли дыру и зрятъ в ню вся, въ Россійскомъ государствѣ дѣющаяся, царственная и торговая и иные всякіе дѣла. Дыра же есть сія: здѣлали почту будто для прибыли великому Государю и будто для полезнаго слышанія вѣстописменныхъ курантовъ, что въ коей землѣ дѣлаетца; а естли посмотреть правымъ зрѣніемъ: естли великому Государю какая отъ почты полза до остереганія отъ непріятели или до какихъ прибытковъ,—про то Богъ вѣсть. А про то всѣмъ зримо, что всегосударственной гибели отъ той почты чинитца многое число. Одни иноземцы отъ нее богатятся, въ Руси живучи, и свои земли природные богатятъ, а насъ всѣхъ въ нищіе гонять, потому товары, которые у насъ въ Руси готовятца къ городу и по-

купаютца всякими розными цѣнами, и здѣшніе иноземцы непрестанно о томъ и пишутъ, по каковой цѣнѣ товары кои когда купятца и каковы товары и коихъ залишкомъ и коихъ скудно; такожде пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобались, и коихъ залишкомъ. И онѣ по тѣмъ вѣстямъ такъ и чинятъ, то и везуть, на кой товаръ цѣна поднялась, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ. А наши бѣдные Рускіе люди къ городу прїѣдутъ, ничего не знаютъ, коихъ товаровъ у иноземцовъ залишкомъ и коихъ немного, и торгуютъ все наугадъ; а прїѣзжіе иноземцы цѣну нашимъ таварамъ всю знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колко есть—о всемъ подлинно знаютъ и лишку нашимъ ни у какаго товару не передадутъ, потому ужъ и торгуетъ, что знаютъ по чему тѣ Рускіе товары у города легли. А если бы почтовой вѣсти изъ Руси не было, то потому жъ бы торговали и иноземцы наугадъ. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Рускіе люди жили изрываючи; а если бы, государь, почты торговой иноземческой не было, то бы и торгъ у города былъ безъ обиды. Я, государь, слышелъ, что отъ почты великому Государю идетъ на годъ по сту рублей и то почитаютъ великому Государю будто въ прибыль; а въ то мѣсто отъ почты изъяну чинитца на многіе тысячи, наипаче жъ того, что чаю всякіе вѣсти выносятся на весь свѣтъ. И если, государь, совершенно вѣсти всякіе кромѣ торговыхъ во всѣ земли розносятца, не то что по 100 рублей на годъ брать, но ни по 100,000 рублей на годъ за почту брать не возможно. Мнѣ, государь, мнитца, что лучшибы та дыра загородить накрѣпно, а крѣпче того нельзя, что почта буде мочно отставить вовсе; а не худо бъ чаю, чтобы и ѣздокамъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобы грамотокъ въ иные земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакіе не розносились и торги бъ Рускимъ людямъ поправились.

Еще же прошу твою преблагую и всещедрую милость, государь Феодоръ Алексѣевичъ: Господа ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и рассмотреть и буде что узришь великому Государю угодно, то пожалуй объяви отъ своего лица, о мнѣ жъ пожалуй умолчи. А что написахъ отъ незнанія своего или въ чемъ погрѣшихъ, то пожалуй отставь. Истинно, государь, не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе.

Писавый Івашко Посошковъ главу свою подъ ноги твоя подносить

И о всѣхъ погрешеніяхъ незнанныхъ и сумнительныхъ прощенія просить

И желаетъ подѣ кровомъ твоимъ прикровенно жити
И за тое благодвореніе твое вѣчно тя блажити.

7. „Гласъ плача усерднаго“ „людей барскихъ“ „о свобод-
ствѣ“. Ок. 1700 г.

Списокъ с писма.

Великому Гдгю цю и велико-
му князю Петру Алексѣевичю, всеа
великия и малыя и бѣлыя Росіи
самодержцу, бьют челомъ сироты
твои люди барские. Се же глаголь
Божій гече: *еже аще просите, бу-
детъ отъ отца моего, иже нѣбсхъ
дати книгу распустьную и отпусъ-
титу ю. Глаголетъ бо: единому от
меншихъ братій моихъ сотворите
убо мнѣ сотворите*²¹⁾. Азъ же со-
творю ему веселія Едемскій рай;
и просящему у мене молить и
аз дам ти. Но такожде, от тебя
великого Гдга мѣти неизгеченныя
прося, не отчаеваются, яко же бо
гече: не отчаевайся царствія мо-
его, яко бо шгтъ. *Блажени мѣти-
ви, яко ти помиловани*²²⁾. И про-
сящему у тебе дай²³⁾. Аминь гла-
голю вамъ, яко восприимутьъ тзду
свою. *Просите и дасться вамъ.
Всякъ бо прося приимлетъ и ищяй
обретаetz и толкущему отъверзетъ-
ся. И Отецъ Небесный даetz блага
просящимъ у него. Вся убо, елика
аще хотите, да творатъ вамъ
человѣцы, тако и вы творите имъ*²⁴⁾.

Великому Государю царю і ве-
ликому князю Петру Алексѣевичю,
всеа великия и малыя и бѣлыя
Росіи самодержцу, бьютъ челомъ си-
роты твои, люди боярскіе²⁰⁾. Се же
глаголь Божій рече: *аще*²⁰⁾ *проси-
те, будетъ отъ отца моего, иже
на небесхъ, дати книгу распусть-
ную і отпустити ю. Глаголетъ
бо: единому отъ меншихъ братій
моихъ сотворите, убо мнѣ сотво-
рите. Азъ же сотворю ему веселія
Едемскій рай; і просящему у ме-
не молить и аз дам ти. Но та-
кожде, от тебя великого Государя
милости невзреченныя прося, не
отчаеваемся, якоже бо рече: не от-
чаевайся царствія моего, яко бо
милосердъ. Блажени милостивыи
яко ти помиловани. И просящему у
тебя дай. Аминь глаголю вамъ, яко
восприимутьъ мзду свою. Просите и
дасться вамъ. Всякъ бо прося при-
емлетъ, ищяй²⁰⁾ обрѣтаetz и тол-
кущему отъверзается. І Отецъ Не-
бесный даetz блага просящимъ у
него. Вся убо, елика аще хотите
да творятъ вамъ человѣцы, яко*²⁰⁾ і

²⁰⁾ Неправильное чтеніе.

²¹⁾ Мѡ. XVIII, 19.—XIX, 7. XXV. 40.

²²⁾ Мѡ. V, 7.

²³⁾ Мѡ. V, 42.

²⁴⁾ Мѡ. VII, 7, 8, 11, 12.

Исходящую Иисусу отъ Иерихона и се два слерца при пути слышавше, яко Иисусъ мимо ходитъ, возориста, глаголюще: помилуй ны, Сыне Давидовъ. Наротъ же запрети има, да умолчита. Онаже рече вопиюще глаголюще: помилуй ны Гди, Сыне Давидовъ. И ставъ Иисусъ возлаци я и рече: что хочете, да сотворю вамъ? Глаголаста: да отъверзотася наю очи наши. Милосердовавъ же Иисусъ прикоснуся очи има: прозреста и по немъ идоста²³⁾. А мы, сироты твои, слери і уззвены есмь, яко же голубъ в отторгъ или в паленицу и яко в сеть увязоша ногами и яко в пропасть ввалихся, во вѣки гибнемъ. Аминь глаголю вамъ, не мимо идетъ родъ сей, дондеже ися сия будутъ. Небо и земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идетъ²⁴⁾. Бъ бо яко власти иму²⁵⁾.—Но яко же ты просящи у тебе благорасмотрителнаго указу великаго Гдга, тако и сви просящи у Бога. Но даде имъ.—Моля Господа Бога сотникъ в Капернаумѣ о дѣтище своемъ, дабы от болевани исцѣлилъ. Авъ пришедъ... И в домъ его пришедъ, исцеле отрокъ его в той часъ²⁶⁾. И се ослабени жилими просяще. И видѣвъ Иисусъ въпру ихъ, рече ослабленному: дерзай, чадо, воз-

вы творите имъ. Исходящую Иисусу отъ Иерихона і се два слѣнца при пути слышавше, яко Иисусъ мимо ходитъ, возориста глаголющи: помилуй ны, Сыне Давидовъ. Народъ же запрети има, да умолчита. Она же рече вопиюща²⁷⁾: помилуй ны, Господи, Сыне Давидовъ. И ставый Иисусъ возлаци я, рече: что хотите, да сотворю вамъ? Глаголаста: да отъверзостася²⁸⁾ наю очи ваши²⁹⁾.—Милосердовавъ же Иисусъ прикоснуся очи има: прозреста и по немъ идоста. А мы, сироты твои, слѣпи і уззвены есмь, якоже голубъ в отторгъ или в паленицу и яко в сѣть и увязоша ногами, яко в пропасть ввалихся, во вѣки гибнемъ. Аминь глаголю вамъ, не мимо идетъ родъ сей, дондеже вся сия будутъ. Небо і земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идет. Бъ бо яко власти иму. Но якоже мы просящи у тебя благорасмотрителнаго указу великаго государя і яко³⁰⁾ испросящи у Бога. Но даде имъ. Моля Господа Бога сотникъ в Капернаумѣ о дѣтище своемъ, дабы от болезни исцѣлилъ. Авъ пришед. І в домъ его пришедъ, исцѣле отрокъ его в той часъ. — І се ослабени жилими просяще. И видѣвъ Иисусъ въпру ихъ, рече ослабленному: дерзай, чадо, возьми одръ свой. І ста, возьмъ

²³⁾ Мѡ. XX, 29—34.

²⁴⁾ Мѡ. XXIV, 34, 35.

²⁵⁾ Мѡ. VII, 29.

²⁶⁾ Ср. Мѡ. VIII, 5—13.

ти одръ свой. И ставъ земъ одръ своей и иде в домъ свой. Видевъ же народи чудишася таковой милости Божией и милосердию, колико есть милосердъ. И росемъ идоста Иисусу. — А ро немъ идоста два слерца, зашуца и глаголюща: помилуй ны, Сыне Давидовъ. Тогда прикоснуса очию ихъ, и отъверзостася очи има²⁹⁾. — И се приведоша ко Иисусу челоушка нѣма. И изнана бѣсу пролагола нѣма; и дивишася народи таковой милости³¹⁾. — И се челоушкъ руку имъ суху и просиша его глаголюща — исцелити. Тогда глагола Иисусъ челоушкы: процру руку твою. И процреть и утверися чѣла, яко другая. — Идоша ро Иисусе народи мнози и исцели ихъ всѣхъ. Тогда приведоша бѣснующася слѣпа и нѣма: и исцели его. И дивляхуса вси народи³²⁾. И вся, елико аще вспросите в молитве, вѣрующе, приимете. — Млрдый великий Гедръ цагъ и великий князь Петръ Алексѣвичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росии самодержецъ! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, услыши гласъ плача усерднаго! И Богъ не презре стѣнянию: внялъ есть. Просишь и помилитъ и умильно вопиешъ: да та на милость преклони... о своботствѣ, дабы намъ изъ Содому и Го-

одръ свой и иде в домъ свой. Видевъ же народи чудишася таковой милости Божией и милосердию, колико есть милосердъ. И росемъ идоста Иисусу. А по Немъ идоста два слѣпца, зовуща и глаголюща: помилуй мя²⁹⁾, Сыне Давидовъ. Тогда прикоснуса очию ихъ, и отъверзостася очи има. И се приведоша ко Иисусу челоушка нѣма. И изнана бѣсу пролагола нѣма; и дивишася народи таковой милости. И се челоушкъ руку имъ сухую и просиши его, глаголюща исцелити. И когда³⁰⁾ глагола Иисусъ челоушкы: процру руку твою. И процреть и утверися чѣла, яко другая. Идоша ро Иисусъ народи мнози и исцели ихъ всѣхъ. Тогда приведоша бѣснующася слѣпа и нѣма: и исцели его. И дивляхуса вси народи. И вся, елико аще вспросите в молитвѣ вѣрующе, приимете милость. — Великий Государь, царь и великий князь Петръ Алексѣвичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росии самодержецъ! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, услыши гласъ плача усерднаго. И Богъ не презрѣ в стѣнанію в насъ³⁰⁾ есть. Просимъ и молимъ и умильно вопиемъ: да та на милость преклонимъ о своботствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. Дажь намъ новый свой даръ, еяже ми тебѣ

²⁹⁾ Мѣ. IX, 2, 6—8.

³⁰⁾ Мѣ. IX, 27—30.

³¹⁾ Мѣ. IX, 32, 33.

³²⁾ Мѣ. XII, 10, 13, 15, 22, 23.

могу отъграднее было. Дажь намъ новый свой даръ, ея же мы тебѣ желаемъ, мѣсти твоей рогучаем. И Царь Небесный земнаго на сие умудрилъ есть в правослаwnныхъ ти сущу. Ты даждь мѣсто у себе новому дару. Азь раби царя силъ и твои здѣ молимъ о тебѣ: да многая ти лѣта изволить подати здравіе, мудрость, славу, враги побѣждати. Юнъ Давидъ Голияфа силнаго преможе; даждь ти юну силнаго турка збити, Боже; вси убо врази твои скоро да врататся и смущени сердца си зѣло да сраматся. По семъ нашемъ риношени к тебѣ, великому Гдрю, сановни твои боляга и князи тебѣ, великому Гдрю, стануть возбранять, чѣобы намъ у нихъ, яко в Содомѣ и Гоморѣ мучитися, яко льви зубы челюсти своими рожигаютъ и яко же змий ехидный рассвигерися награсно роригаютъ и яко же волцы свигерии биютъ насъ, яко немилостивыя Пилаты. Великий Государь, смилуйся пожалуй!

На оборотъ на клейкъ: загерлена.

8. Письмо предложившаго сборъ пенъкою съ крестьянскихъ дворовъ—объ оставленіи его при приѣмѣ пенъки и соли. Апрель 1702 г.

Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій! В нынѣшнем, Государь, 1702-м году доносил я Федору Матвѣевичю Опраксину о зборе пенки, что ты, Государь, указал взятъ вмѣсто гривенныхъ денегъ с Вяземскаго, Смоленскаго, в Дорогобужскаго, с Серпейскаго, в Белскаго, с Рословскаго, со Брянскаго, с Колускаго и с иныхъ городов, в которыхъ пенка есть, хотя тебѣ, Государю, в томъ прибыли учинит, чѣобъ с тѣхъ крестьянскихъ дворовъ тѣхъ уѣздовъ брать пенкою. И по тому

желаемъ, милости твоей поручаемъ. И Царь Небесный земнаго на сие умудрилъ есть въ православныхъ ти сущу. И ²⁰⁾ даждь мѣсто у себѣ новому дару. Азь раби царя силъ и твои здѣ молимъ о тебѣ: да многая ти лѣта изволить подати здравіе, мудрость, славу, враги побѣждати, яко ²⁰⁾ Давидъ Голияфа силнаго преможе. Дажь ти юну силнаго турка збити, Боже. Вси убо врази твои скоро да врататся смущени сердца ²⁰⁾ си зѣло да сраматся.— По семъ нашемъ приношеніи к тебѣ, великому Государю, сановни твои боляга и князи тебѣ, великому Государю, стануть возбранять, чѣобы намъ у нихъ, яко в Содомѣ и Гоморе мучитися, яко льви зубы челюсти своими пожирають и яко же змий ехидный рассвигерися награсно попирають и яко же волцы свирѣпни, биютъ насъ, яко немилостивыя Пилаты. Великий Государь, смилуйся, пожалуй!

моему доношению он Федор Матвѣевич докладывал тебѣ, Государю, о том і по тому докладу указ о той пенке твой Государевъ состоялся и с тѣх городов с уѣздов, которые написаны, вмѣсто гривенныхъ денегъ велѣно брать пенкою: с патриарших и с архиерейских і с монастырских и церковныхъ крестьян з двора по пуду, а с помѣщичьихъ і с вотчинниковыхъ крестьян з двора без четверти по пуду. І у того пенешнего збору в Вязмѣ велѣно быть мяѣ, для того что то, Государь, новое дѣло і зборъ пенешной начинаетца быть по моему жѣ доношению. И я донес для того, что в том хотя тебѣ, Государю, великую прибыль х корабѣльнымъ припасомъ учинит на всякие карабѣльные припасы, чтобъ тѣ твои, Государь, х корабѣльному дѣлу припасы управлены были бѣзъ подряду, усмотря в томъ напрасную утрату казне твоей Государевой в подряде пушной пенки подрятчиковъ в Обириалтескомъ приказе х корабельнымъ припасомъ, хотя тебѣ, Государю, службу свою объявит, вѣрно тебѣ, Государю своему, служит, какъ тебѣ, Государю, крестъ целовал. А растворенно и явно тебѣ, Государю, приношу почему тебѣ, Государю, в томъ какие были казне убытки і что в нынѣшнемъ пенковомъ зборе тебѣ, Государю, будетъ прибыль. А казиѣ твоей чинилось, Государь, напрасная утрата для того, что подрятчики ставили прежде сего х корабѣльному дѣлу пенку пушную плохую і нечистую и брали за нѣе цену великую: за берковецъ брали по четыре рубли и свыше пяти рублей, какъ корабѣльное дѣло началос, и нынѣ берут по три рубли и свыше трехъ рублей; естли изволиш, Государь, приказатъ выписатъ і то все извесно тебѣ, Государю, будетъ. І я видя твою, Государь, неизреченную милость і повышенне и награждение всемъ, кто тебѣ, Государю, что прибыль какую объявил, дерзнулъ донести; а паче всего тебѣ, Государю, хочю службишку свою и радѣние объявит и елико знаю и какъ могу, прося милости в томъ великого Бога, чтобъ тебѣ, Государю, учинитъ что угодно. И видя в малыхъ своихъ такихъ пенковыхъ заводишкахъ прибыль, не могу скрыти и утаитъ у тебя, Государя своего, объявитъ Федору Матвѣевичю; и нынѣ тебѣ, Государю, объявляю, что в нынѣшнемъ зборе прибыли тебѣ, Государю, будетъ, что возмется вмѣсто гривны з двора пенки пуд и у того у всякого пуда будетъ тебѣ, Государю, прибыли по ценѣ по гривнѣ; а берковецъ в приеме станетъ ставитца по рублю. А с которыхъ дворовъ доведетца взятъ по тридцети еунтовъ з двора и у того приему у тридцети еунтовъ по ценѣ будетъ прибыли по полугривнѣ; а берковца будетъ ставитца по тому жѣ по рублю. А в продажу на мѣсте ту пушную пенку, естли изволишь, Государь, отдать, станутъ брать по два и по полтретья рубли и болши. А естли воля твоя, Государь, будетъ,

чтоб тое пенку здѣлать чистою на рискъ бракъ і в томъ и паче великая прибыль тебѣ, Государь, будетъ, для того что пушной пенки отдать в дѣло сто бѣрковцовъ і из нее сойдѣтъ пакиля треплого сто пуд, а ножевого паколя сойдетъ пятьдесят пуд, итого будетъ треплого и ножевого пакуля пятнатцат берковцов. І от того чисто будетъ пенки восемьдесят пять берковцов. И тае чистую пенку, будетъ что за обиходом объявитца, изволишь, Государь, приказат продават і та чистая пенка идет ценою на мѣсте продать по три рубли з десятию алтыны і з четырма гривнами і с полтиною; а пакиля ножевая идет берковецъ по полтине, а трепловое по десяти алтын. І в том зборе пенковом будетъ тебѣ, Государь, прибыли в берковце у всякого пуда, если ту чистую пенку брат берковецъ з десятию по три рубли, итого у всякого пуда сверхъ гривны по семи алтын, по четыре денги; а если с четырма гривнами, итого будетъ в пуду прибыли по осми алтын; а если, Государь, та чистая пенка будетъ отдана с полтиною, итого будетъ у пуда за гривною прибыли по полуполтинѣ. И о семь ни о чемъ тебѣ, Государь, неизвесно. А пакулные денги будутъ кроме тѣх прибыльных денегъ особ збиратся за ножевое и за трепловое пакуле. Да я ж тебѣ, Государь, как Богу приношу самую истину со всяким усердным прилѣжаніем. Если нынѣ по своему, Государь, указу прикажеш миѣ по прежнему своему Государеву указу принят сольдесят тысячъ пуд, которая ныне велѣно было принять у іменитого человекѣ у Григорья Дмитрѣевича Строганова, чтоб тое соль нынешняго лѣта променят на пенку; і в том тебѣ, Государь, прибыл бы была милостию Божнею не малая. Что за тое сол твоей Государевы казны ему заплачено будет и те б денги за всякими б расходами, что изойдет, в возвращеніи были в прибыл столько ж. Всемилостивѣйшіи Государь! Прошу ваше Царское Величество миѣ у того своего Государева дѣла быт по прежнему своему Государеву указу, чтоб миѣ в том своем доносителном дѣле тебѣ, Государю, всякую службу свою и радѣние в приеме пенки и соли объявит і прибыл тебѣ, Государю, в том начинающем деле со всяким усердным принесть. Вашего Величества нижайшіи раб ниѣкъ апрѣля въ нынешняго 1702-го году.

9. Проклятiе митр. Стефану. Ок. 1703 г.

Соборныя апостолскія церквѣи митрополиту Стефану. Что ты не стоишь за православную хрисіянскую верю, за проклатое бритоборотке и за бусурманское платіе? А от всех хрисіянъ буди ты проклятъ.

(Писано очень крупнымъ почеркомъ на одной сторонѣ четвертки).

10. По доносу на кн. Гагарина, бывшаго воеводою въ Сибири. Ож. 1703 г.

(Начала нѣтъ).

...умилостивится и явить своя щедротъ заступление, чтоб великиі Государь указал за бѣзвинно взятыя въ его великого Государя казну князь Ивановскія пожитки выдать женѣ князь Ивановой и сыну ево деньги на князь Ивана Гагарина доводчиковъ три человекъ. И тѣ самыя порочныя люди ссыльны, сосланныя за бунтовое воровство с Москвы і во многихъ городѣхъ Сибирскихъ, і въ Якуцку при разныхъ воеводахъ и при князь Иванѣ Гагаринѣ тѣ доводчики биты кнутомъ прежде своего доводу за воровства ихъ разные; и мстя тое злобу, на него князь Ивана доводили перѣмене великаго Государя казны. Писалъ во отпискахъ своихъ тѣ ихъ і свои доводы Федор Качаловъ к великому Государю к Москвѣ; судѣйскимъ розсмотрениемъ поверено тѣмъ доводамъ безо всякова свидѣтельства; князь Ивана Гагарина, не допустя до Москвы, велѣно обратъ. — Прежде того обору князь Иван Гагаринъ умре. После ево смерти жена ево и сынъ обрана всеми пожитками бѣз остатку. І нынѣ тѣ пожитки по повелѣнію судѣйскому проданы. Да на выпискѣ помѣчено: всехъ техъ проданныхъ животовъ доправитъ велѣно на техъ, кому достались князь Ивановы деревни і животы, — семнатцатъ тысячъ за недоборной ясакъ. А недоборъ ясашной великого Государя казнѣ учинился оттого, что волею Божию многое число ясашныхъ людей при бытности князь Ивановой померло отъ воспы і оттого, что амонаты, ваторые были взяты въ Якуцкой, отъ воспы померли; а иноземцы ясашныя все после смерти тѣхъ амонатовъ изменили і посланныхъ людей, ваторыхъ посылалъ князь Иван Гагаринъ для збору ясашной казны, і ясашныя люди, не пропуская к себѣ, боясь воспы, для того что воспа началась въ городѣ, болши ста человекъ побили. И о томъ о всемъ князь Иван Гагаринъ писалъ к великому Государю к Москвѣ в Сибирской приказъ. І князь Иван Гагаринъ, служа великому Государю, чрезъ многіе посланки и бои у ясашныхъ людей омонатовъ побралъ і темъ ихъ принудилъ паки въ ясашной платежъ. На Федора Качалова доводили многія разныхъ чиновъ лутчія Якуцкія граждана і иноземскія князи і многія иноземцы в краже і в переменѣ великого Государя ясашной казны, в волшебстве, в торговле картъ и табака і во многихъ иныхъ такихъ великихъ дѣлахъ; и для истязанія і очныхъ ставокъ съ князь Иваномъ Гагаринымъ і знакомцы і съ людьми князь Ивановыми посланъ былъ Федор Качаловъ к сыпцику к думному дьяку Данилѣ Леонтьевичу Полянскому. И Федор Качаловъ самовольно поворотился

з дороги к Москвѣ и чрез тѣ все причины, уравнениемъ правосудства думнова дьяка Андрѣя Андрѣевича Виниуса, Федор Качалов без всякова истязанія отпущенъ в Сибирь въ Илимской воеводу.

II. О способѣ собрать въ короткое время 10,000 конницы.
Изъ Азова. 1704 г. мая 20.

В нынешнемъ 1704-м году мая въ 20 де въ началѣ 3-го часа дня в Азове губернатору Ивану Андрѣевичу Толстому с товарищи городничей Борис Логухин подалъ писмо, запечатаное в трех мѣстех красным сургучемъ; в печати изображено: суд царя Соломона. — А сказалъ он Борис: то де писмо взял онъ Предтечева монастыря святыхъ ворот в калиточномъ проходе, к стенѣ привѣшено на гвозде в бумаге; а на бумаге подписано: кто сие писмо присмотрит, немедленно объяви губернатору Ивану Андрѣевичу, а самъ его не трогай. А на запечатаном писмѣ подписано: господину губернатору Ивану Андрѣевичу. Послать сие нужное писмо в нынешней почте к великому Государю к Москве. Не распечатывай и не смотри. А будетъ сие писмо не дошлеть до него Государя, донесено будетъ мимо тебя инымъ обыкновениемъ. Писана самая нужда к нему Государю, а его государево дѣло великое.

Возревновахъ азъ убогій и недостойный за святую соборную і апостольскую церковь и за твое государское многолѣтнее здоровье в семь вѣце умереть, а в будуще желаю царствія небесное получить. А ныне нища твоей государской премногой милости к себе и со усердиемъ желаю тебе, Государю, службу свою объявить.

Будеть тебѣ, Государю, угодно и поволишь собрать силы тысячъ десять, а тое силу устроить конницею и чтобъ они в воинскомъ дѣлѣ умѣли промыслъ чинить над конницею и над пехотою, и будетъ, Государь, такъ поволишь учинить, и я желаю тебѣ, Государю, собрать ту силу десять тысяч и таковымъ промысломъ из навичныхъ устроить. А тое силу зберу не в долгих числѣхъ. А когда та сила въ зборе будет и тое силу когда ни поволишь і просить, в воинскому дѣлу всегда будетъ без смены готова. А на подъемъ и в ходу велики лехку устрои.

А что годъ, то тебе, Государю, доношу истинну. Той силы прибавлять промысломъ своимъ со всякимъ усердиемъ стану. А когда той силе дѣла не буде воинского нигде и тогда могу под твою государскую руку многия неверныя суды теми людьми промысломъ своимъ подводить і иныхъ государствъ; и чтобъ они потому жъ твоего государ-

скаго повелѣнія в послушаніи были и ни чем бы отговору не чинили. И будетъ, Государь, поволити тако учинить и сие дело тебе, Государю, угодно и я истинно со усердиемъ сие дѣло желаю устроить; а тебе, Государю, в такомъ деле со усердиемъ служить и работать рать. А что имъ служилымъ людямъ твоей государской милости жалованья изволишь пожаловать,—и о томъ Господь Богъ в праведное твое сердце да вперить. А когда меня Господь Богъ да прилучитъ твои государские праведные очи видять, и я милости твоей донесу подлинно; такожъ милости твоей донесу и об иныхъ многихъ делехъ и что ныне твоя Государская казна многая напрасно пропадаетъ. Да будетъ поволити таковымъ обычаемъ устроить, то истинно твои государские города Азовъ и Троицкой, что на Таганомъ рогу, будутъ крылаты.

А сие дѣло, что писано выше сего, вѣдомо есть одному твоей Государской милости; и будетъ тебѣ, Государю, угодно такое дѣло, донесу милости твоей на писме иманно. А я убоги ныне предъ тобою, Государемъ, явитца не смею, опасенъ твоего Государского праведнаго гнева. И о томъ какъ тебе, Государю, Господь Богъ в праведную твою мысль положить. А естли сие дѣло милости твоей будетъ угодно, меня убогова не оставь и не дай в обиду и в поруганіе.

12. Письмо есаула Василія 1705 года.

Велики цар беды всеа земли северныя і западны, ся же о востока і до полудни обладателю і скипетру Петру Алексеевичю. Враце возвещаю тебѣ, великому Государю, царю белому, низайши раб твой зовомый Василей, я же твое великого царя белого указ целымъ іменемъ писатися, а прозваніемъ(?) есаулъ—в начале от божества вкраще і до Адама і до Ноевыхъ детей, о титуле твоемъ великого царя белого і кто по тебѣ царемъ будетъ і о людехъ боярскихъ і поверские земли... і есть... і о великомъ собрани христолюбивого воинства і о многихъ незбираемыхъ пошлинахъ. Токмо не смею азъ многогрѣшныи явитца в Семеновскую концылярію: хощу азъ многогрѣшныи всячески послужитъ і порадетъ во всякомъ возвѣщаніи моемъ со всякимъ радениемъ. І есть у меня у низайшаго раба твоего писма, а азъ многогрѣшныи не смею податъ в Семеновскую концылярію бояромъ і княземъ; токмо надежду імею податъ тебѣ самому великому Государю или хотъ Александру Даниловичю. А что в чемъ пророчихъ слово іди недоразумехъ то положилъ или что недоразумехъ і не по мере что положихъ или что не разумомъ написахъ противне, о томъ, вели Государь, буди милосердъ, яко же милостивыи Богъ, Творецъ небу і земли. А азъ желаю всячески порадетъ тебѣ, великому

Государю, о управленіи твоёмъ великого Государя царя белого о христоролюбивомъ воинстве во всякомъ управленіи і доволстве. Извол ты, великии Государь, свой великого Государя імяной указ учинит і напишет за красною печатью, чтоб не было опасно звица тебѣ, великому Государю, і Александру Даниловичю іли где ты, великии Государь, уважеш; а того опасен, чтоб с писмами допустили до тебя, великого Государя. Никайши раб твой великого царя белого повествует тебѣ, великому Государю, со всякимъ радением і скорблѹ о томъ, чтоб і тебя великого царя белого в собрании было христоролюбивого воинсва многіе полки на победу і на устрашение неприятельскихъ странъ і что во всякомъ доволстве і жалованье, яже пишею і о жалованье христоролюбивого воинсва і того ради положих пошльины никогда не збираемы. А никайши раб твой к ответу не боится і наречне поворотлив і не смел; сего ради написах все четвертое сие письмо положих девном. 1705-го году.

Тю же рукою на оборотъ: Подать сие письмо самому великому Государю імено безо всякого опасения, не отлагая низа чемъ... Четвертое письмо написахъ, чтоб великому государю подали и указ бы был імяной посемъ грацимъ воротемъ.

Другую рукою: Подметное.

13. Отрывокъ обличенія на возмутѣйшій соборъ. Ок. 1705 г.

....Что же еще объявлю? Прежде сего времени отступническихъ ево дѣлъ—какіе творил поруганія святой церкви? Избралъ себѣ такова же врага Божія, мужика, плута, блядина сына, называетъ ево учителемъ себѣ, Никиту Зотова; и учинилъ его ложнымъ патріархомъ с постановленіемъ, яко бы поставляются патріархи. Таже и митрополитовъ вмѣсто Кіевскаго и Новгородскаго и прочихъ и все одѣваніе архіерейское исподѣлано. Мнѣ же извѣстися вѣры отъ достойнаго человѣка отъ сивклитическаго сану,—како у него живетъ имъ поставленіе. Вземъ с чиновной книги образъ, в противъ в поруганіе Божіе и отрицаніе и общаются всю вѣру імя называетъ нѣкоего Бага вѣровать. И ѣзда по боярскимъ дворамъ всѣмъ тайнствомъ церковнымъ ругаются, масло і воду святятъ и прочая тайнствамъ поругаются и многая поруганія творятъ святой церкви. В праздники жъ Рожества Христова не дѣли двѣ или три, собрався со всѣмъ сонмомъ своимъ бѣсовскимъ, яко бы славятъ Христа, но ругаются ему.—Той плутъ, блядинъ сынъ, Никита, ученикъ діаволь, Іудина сѣмя, носитъ въ поруганіе животворящаго креста крестъ липовой; и тако бѣсятся и поругаются самому Христу Богу нашему.

И ходят к патриарху и к митрополитом і во всякіе дома; они же ничто ему не возбраняху и дары имъ воздаваху и с ними піяху і веселяхуся. О мерзосте проклятая! Како вам стерпѣ милостивый Творецъ? Како вас земля не пожре, яко же прежде Дафана и Авирона?

Помыщаемъ дальше тѣ подметныя письма, которыя были найдены по напечатаніи предыдущихъ, о которыхъ следовательно въ предисловіи мы ничего не могли сказать.

14. О клейменіи иконъ свидѣтельствованными мастерами и о сборѣ за это въ казну пошлинъ. Декабрь 1701 г. („Духовныя Россійскія дѣла“ М. Г. А. М. И. Д. в. VII.).

О воображеніи святыхъ иконъ и опредѣленіи чиномъ в художествѣ иконописателей и свидѣтельствѣ іконъ и о клеймахъ удобного ради познанія разнства мастерствъ, во отраженіе же злодерзнутія грубыхъ и неискусныхъ писателей и в пополненію в собраніи великого Государя казны.

Благочестивый и милосердый великій Государь царь і великий князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ.

Вашея великого Государя царскія державы в царствующемъ градѣ Москвѣ и в городѣхъ мнози челоуѣцы простіи небрегуще о истинномъ начертаніи святыхъ иконъ и пишущіи не хотяще сего иконного воображенія добрѣ навыкнути, дабы елико возможно челоуѣку на хвалу и прославленіе в Троицѣ славимаго Бога и его угодниковъ о украшеніи иконнаго истинного начертанія тѣпаніе и труды предложить. Друзи же, весьма невѣжди суще, ниже букварь учаще, ниже мало оному художеству коснушася, ни красокъ различіе вѣдуще, точію оными святыми иконами купоторгствующе и цѣну взимающе многовратну. Ини же по заглупнымъ уѣзднымъ мѣстамъ по торшкамъ и по деревнямъ тѣя образы возами развозятъ безо всякия чести, на все елико могутъ промѣнъ творять, зазора никакова в томъ себѣ имуще, понеже ни единъ есть оныхъ подобообразія назиратель. И сего же ради неискусни дерзающе оныя святыя вещи прости безо всякого подобошарного украшения і истиннаго начертанія писати; іностранни же, то зряще, зазирають и уворителныя словеса произносятъ. А правопишущіи и на сие благое дѣло тѣщащіяся, достойныя милости и чести не сподобляеми, сие дѣло оставляють; друзи же, зряще на то, во учению иконнаго писанія не простираютца. Днесъ же вашимъ

всемилоствѣйшаго великаго Государя, истиннаго православна сципетродержателя в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ и всему православному Російскому народу множеству всеполезного желающе устроения о многоразличныхъ вещехъ, утвердительныя указы писати повелѣно есть; а золотыхъ и серебряныхъ дѣл о мастеровыхъ и торговыхъ людехъ Серебрянаго ряду со опаснымъ свидѣтельствомъ и до малѣйшия вещи клеймити указъ имянной положенъ. И о семъ началнѣйшемъ премудромъ художествѣ святыхъ иконъ воображеніи вапимъ царскаго пресвѣтлаго величества утвердительнымъ повелѣніемъ да будетъ не оставлено, еже призрѣти окомъ милосердія своего на святыя иконы и на иконописатели: утвердительнымъ повелѣніемъ во всей своей великаго Государя державѣ призрѣніе учинити в лутчему того дѣла устроению, святой Божіи церкви ко употребительнѣйшему пріятію и в дома благочестивыхъ ко исправленію і умноженію добрыхъ художниковъ і изъясненію истины во иконописаніи³³⁾, ко обличенію же и исправленію невключимыхъ лжеобразія писателей и всякому ухищренію иконопродавцемъ и злодерзскимъ подрядчиномъ, да не в тому зломудрїи обогатели лукавымъ своимъ прелщениемъ и цвѣтомъ красокъ точію уловляютъ невѣдущихъ вещи во иконописаніи.

І разсмотреніемъ вашія царскія державы отыметса понос о неистовыхъ образѣхъ, да не будетъ сопротивно—ови творяще образно, ови же необразно первообразному, но будетъ вся исполнена благочинія, да честныя і святыя иконы Божія и пречистыя его Богоматере і святыхъ Силъ Небесныхъ и всѣхъ угодниковъ Божіихъ по преданію святыхъ восточныхъ церкви благолѣпнѣ писаны будут, во еже бы всякаго возраста вѣрнымъ благоговѣйна очеса своя на ня возводящимъ в сокрушенію сердца, ко слезамъ покаянія, к любви Божіи і святыхъ его угодниковъ, к подражанію житія ихъ возбуждаться. Всякое же нелѣпие и неприличіе к тому да не вообразятса, по со всякимъ тщаніемъ правое хранимо да будетъ. Праведно бо есть—праведнаго Бога и праведныхъ его угодниковъ праведными художества мѣрами и украшеніи образы начертавати, да не виною неискуснаго начертанія образъ лица воего либо святаго достойнаго своего отщетится почитанія.

Неудобно же иконописателемъ по качеству мастерствъ всѣмъ во единъ степень изравнитися. О семъ и в грамоте святѣйшихъ вселенскихъ трехъ патриарховъ, какова дана иконописцемъ за ихъ рукама и

³³⁾ Истиннаго иконописанія.

печатни, написано: шестерочастну чина сего художником засвидѣствованнымъ быти, началство же возимѣютъ и настоятельствуютъ иконописатель; дерзающіи же безъ свидѣтельства иконописцевъ благоговѣйныхъ—запрещенми да будутъ наказани. Уподобителнѣ же о семь при державѣ блаженныя памяти отца твоего Государева великого Государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, лутчіе иконописцы собираны были со всѣхъ градовъ и разобраны на шесть же статей; такъ и кормовыя денги имъ даваны.

А о клеймахъ, ими же разнствіе мастерствъ иконописцевъ познавати удобно всякому и како клеймити иконы, о томъ писано ниже сего сицевымъ образомъ ²⁴⁾: значено различна именованія гречески числомъ шесть; отъ нихъ же два точию первыя именованія вкругъ литерами изображено, а в срединѣ степеня; в прочихъ же именованія и степеня достоинство коегождо явственно описуеть. И ²⁵⁾ числимыя литеры при всѣхъ степенехъ ²⁶⁾ указуетъ же и цѣну клеймамъ меншиими литеры.

А свидѣствованнымъ мастеромъ на иконы степеня ихъ печатныя раздавати сицевымъ образомъ:

Клеймо — кружокъ съ трехкопѣечную монету. Кругомъ надпись: архидидаскаль зографій; въ срединѣ: „1701 степеня 1—5 ко“.

Клеймо — кружокъ съ двухкопѣечную монету. Кругомъ надпись: дидаскаль зографій; въ срединѣ: „1701 степеня 2—4 коп.“.

Клеймо—такойже кружокъ съ надписью въ срединѣ: „1701 зографъ степеня 3—3 ко“.

Клеймо—такойже кружокъ съ надписью въ срединѣ: „1701 иконографъ степеня 4—2 ко“.

А к тѣмъ степенемъ, что в клеймахъ, імяна свои и прослутія писатъ имъ на иконахъ сице:

архидидаскаль зографій имръкъ.

дидаскаль зографій имръкъ.

зографъ имръкъ.

иконографъ имръкъ.

²⁴⁾ Последнихъ двухъ словъ нѣтъ въ спискѣ.

²⁵⁾ Къ сему же и числимыя.

²⁶⁾ Степенехъ порядно.

Клеймо — такойже кружокъ съ иконникъ имркъ.
надписью въ срединѣ: „1701 икон-
никъ степени 5 — 1 ко“.

Клеймо — кружокъ величиною маентись имркъ ³⁷⁾.
въ копѣнку съ надписью въ сре-
динѣ: „1701 маентись степени
6 — 1 ден.“.

А наклевать их в лицѣ на нижнем полѣ или на земляных прежде олиоленья всякой иконѣ.

Маентис, то есть ученикъ, степени же шестыя, аще и послѣднее имянованіе имат и едино, но по качеству же учения мастерствъ в художествѣ степенію не равни суть. И ажоже учителяе их, тако и они въ хитродѣліи своем превосходяще единъ другаго, ибо изящнѣйшихъ художников прилѣжнѣйшии ученицы — ови убо искусни уже, ови же навыкающіи в рукодѣліи и придерживащеся мастеромъ. Сего ради назирателемъ смотрително к тѣм же степенемъ соприсчляти их, коегождо по достоинству художества и писма; даватиж им к тому, да усерднѣйше бывает всякъ в ремеслѣ своемъ. Имена же своя і имѣ на на иконахъ писати сице: 1701-го писалъ снѣ образъ [архидидаскола или дидаскала зограеніи или прочихъ степеней] маентись имркъ.

А им же приказано будет назирательство в художницѣх сих, не неизвѣстнымъ же во всем сего художества достоитъ быти, яко же речеся и свидѣтелствуется.

В началѣ великого Государя указомъ да повелятъ всѣмъ иконописцомъ приходити, гдѣ указано будет собиратися, в записке на указное число ³⁸⁾. Зватися же иматъ приказ той [приказ или стол или палата] „дидаскалія иконописныхъ дѣлъ“. И переписавъ ихъ имяна, брать у нихъ скаски за руками, чтобъ имъ написавъ коемуждо своего мастерства иконы і приносили б на свидѣтельство в вышереченный приказ. Долженствуетъ же имъ назирателемъ, да потщатся всѣхъ иконописцовъ праведно противъ достоинства мастерствъ степенями разобрати московскихъ и городовыхъ. И по свидѣтельствѣ ихъ кто которой статьи мастерствомъ иматъ быти степенію, такія и писма имъ за рукою назирателей давати и в книгу записывать противъ того же. И да

³⁷⁾ Далѣе въ спискѣ: А къ всѣмъ степенемъ, что в клеймахъ имяна свои всякому і прослутію писать на иконахъ; и тѣ клейма наклевать в лицѣ на нижнемъ полѣ у всякой иконы прежде олиоленья. А имъ же приказано будетъ назирательство в художницѣхъ сихъ, первѣе великого Государя указомъ....

³⁸⁾ Число. И переписавъ.

вѣсть всякъ свою степень и достоинство, той такія и клейма печатныя да беретъ себѣ, или же наклеивать на иконахъ каждо своего письма. А за тѣ клейма всѣмъ пишущимъ святыя иконы денги платитъ в казну великого Государя по указной цѣнѣ, что и на самыхъ тѣхъ клеймахъ значено будетъ. И которыя иконописцы своимъ трудолюбнымъ тщательствомъ в мастерствѣ вперед преуспѣвати имуть на лучшая и тѣмъ мастеромъ степенное повышение творити по разсужденію назирателей же³⁹⁾. И которыя не противъ своей степени на иконахъ или гдѣ в подрядахъ церковныхъ иконописныхъ дѣл в записяхъ писати имяна свои учнутъ собою в повышение степеней, а з даыми имъ письмами за рукою назирателей и с книгою записною не сходно будетъ, такожде кто по свидѣтельствѣ имени своего на иконахъ писати не учнетъ или которыя и писати имутъ имяна свои на иконахъ, а свидѣтельства не приемше и у записки не явися⁴⁰⁾ і с такими иконами или записми в привазъ приведени будутъ,—и тѣ написанныя иконы имать у нихъ безденежно на великого Государя, а имъ за такое непокорство чинити наказаніе. Аще же вторицею сотворятъ тако⁴¹⁾ і в приведеніи же явятся, тяжелоноснѣ да наказани будутъ⁴²⁾. И да ниже една святая икона достойная ко приятию и къ чести первообразнымъ лишена будетъ свидѣтельства и клеймованія. А нелѣпного письма иконъ не клеймити; не клеймованныхъ же иконъ во святыя Божія церкви и в монастыри настоятелемъ, иконного {же ряду торговымъ людемъ в лавки і всякихъ чиновъ людемъ, впередъ не вымѣнивать і в дома къ себѣ никому не принимати⁴³⁾. А меншихъ степеней иконописцомъ московскимъ и приѣзжимъ з городовъ клеймити иконы ихъ письма в полате, коя устроена будетъ на тое дѣло особо близъ иконного ряду, что древнее обыкновеніе имъ всѣмъ торговымъ покупать иконы себѣ в лавки неолиленные, таковымъ пишущимъ клеймъ въ дома не давати, но назирателемъ тамо тѣ иконы свидѣтельствовавъ і противъ записки

³⁹⁾ Назирателей же. А нелѣпныхъ писемъ иконъ не клеймити. А которыя иконописцы не противъ своей степени на иконахъ писати имяна...

⁴⁰⁾ Неявися і во всемъ снѣ не послушни явятца і с такими иконами взяты будутъ и тѣ написанныя...

⁴¹⁾ Тако и взяты же будутъ, тяжелоноснѣ.

⁴²⁾ А неклеимованныхъ иконъ иконного ряду торговымъ свидѣтелемъ в лавки.

⁴³⁾ Этимъ оканчивается списокъ. На оборотѣ послѣдняго столбца: докладъ о изображеніи иконъ.

по достоинству и влейма имъ давати тут же, а денги за них имат в казну великого Государя по указу.

На оборотъ: „к подметным“.

Современный списокъ письма начинается словами: в докладъ и допускаетъ некоторыя измѣненія, которыя отмѣчены въ примѣчаніяхъ.

15. Письмо на имя царевича Алексѣя Петровича, найденное у церкви иконы Возшеіи Матери Владимирской 22 февраля 1700 г. („Розыскныя дѣла“ М. Г. А. М. И. Д. к. 2).

(Все письмо состоитъ изъ отрывочныхъ, часто неясныхъ, предложеній).

1700-го февраля въ 22 де в Преображенской приказъ стеного караулу второво выборново полку маеоръ Андрѣй Лампъ с сержантомъ с Иваном Лисовским прислалъ от Николаевскихъ воротъ, что в Китае, церкви Владимирские Богородицы свѣчново старца; а сказал: того де старца с тѣми писмамі се число от той церкви караулный салдаты Аверка Лукьянов привелъ на стеной караул к нему маеору, для того онъ того салдата і старца і писма въ Преображенской приказъ и послалъ.

А салдаты Аверка Лукьянов сказал: сего де числа на 1-м часу дни товарищъ ево, их же полку салдаты Степанъ Серебряковъ, призвавъ ево Аверка в той церкви і говорил: вот де, братъ, писмо объявилось у той церкви на окнѣ; а сказалъ де ему про то писмо тотъ старецъ. І он де Аверкей, взяв того старца і писмо, отвелъ на стеной караулъ. А хто де то писмо і гдѣ взял, про то скажут тотъ салдаты Степанъ і старецъ.

А старецъ Іона сказалъ: сего де числа на 1-мъ часу дни онъ Іона ту церковь отперъ і вошелъ въ трапезу, сталъ открывать у оконъ затворы і от Андрѣева де двора Измаилова с улицы тѣ писма лежали от входныхъ дверей на первомъ окнѣ. И он де Іона, увидѣвъ тѣ писма, велѣл той церкви нищему Кирюшке кликнуть караулныхъ салдаты; і по званью де того нищего, пришедъ к тому окну караулной салдаты Степанъ Серебряковъ, тѣ писма съ того окна, по ево Ионину указыванью, снял і товарищу своему тому Аверке про то сказалъ. А хто де тѣ писма на то окно положилъ і въ которое время, про то онъ не вѣдаетъ і чье то писмо не знаетъ і самъ грамотѣ не умѣетъ.

А Степанъ Серебряковъ сказалъ: сего де числа на 1-м часу тотъ старецъ Іона пришедъ церков отперъ; і по велѣнью де ево Ионину тотъ нищей привелъ ево той церкви в трапезнымъ заднимъ

окнамъ і то приносное писмо велѣл с того окна снять. И он де по указыванью того старца то писмо взял і с тем старцомъ отослалъ на Красное крылцо. А какое то писмо и кто его положил,—не знаетъ.

А в тѣх писмахъ написано: на четверти листа, въ которомъ тѣ письма были обернуты, написано творевымъ румянцомъ:

И Сїсомъ что Духъ святыи преподасуемъ. А венецъ кини около венца, что попы безкуеиные не носятъ. Облеклися въ священныи чинъ, беснуютца, чтобы царь взял ихъ хвалить; подкобы копаютъ, чину своею не знаютъ.

А всѣ в мирѣ і в тишинѣ пребываютъ.

Хотя смрадность какая пойдетъ; любо от дьяволсково навѣта, не бойсь.

Да не бранитесь матерны.

Заклинаю всякую бесовскую срамосць, что от привидения и от нечистыхъ духовъ, от дьяволовъ приходитъ, Господемъ Саваоомъ і Сїномъ Божиимъ і Духомъ Святымъ пресвятыя Троицы.

А безъ царя не распечатывай, Царевичъ. Только милость Божія. А тому, кто сперва возьметъ, сувно дайте да камку; а за меня Бога молитте, а я за васъ.

Отдайте сие писмо самому царю Петру Алексѣевичю всеа Русіи.

А в сем писмѣ никакому чину от великихъ чинов—от малыхъ гоненія нѣтъ.

А подлинное писмо писано на листу на обе стороны.

В лицѣ того писма на одной сторонѣ написано:

Во имя Отца Господа Саваоа, во имя Сына Божія Исуса Христа, в плоть пришедшаго і поправшаго силу дьяволу і давшаго крестъ святыи на прогнание супостатомъ—врагомъ нѣмцомъ і нѣмкамъ і прочимъ.

Ободстали царя Петра Алексѣевича, в костелную вѣру привести хотѣли, ізо всѣхъ те царствъ, ізо всѣхъ те земель волхвовъ те привозили, чтобы костелной вѣре быть. И кормежемъ де і питьемъ і воздуху нечистые те духи насылади. Эта вѣра всѣхъ вѣръ боле, вѣръ да шумъ с воздуху.

Да царемъ те Петромъ трясутъ, въ ноги те вступятъ, ломаютъ.

А табака трава от святыхъ отецъ проклята. Только божья моя

табачком те опохмелилас еданова і стала здорова быт; а якъ положиць для цыпки на зубы, хлѣб не сталъ дорожатца. Дворишко згорѣл, животишко іс полаты всѣ унесли и посуденку не однѣ влалис.

Да у людишекъ моихъ теперече отдано в салдаты; хлѣба не куплено: блюдус, чтобы лѣто не розбило или огонь Господь с небесъ не послалъ бы, что покупали промеж себя, высили цѣну. Много домовъ разорилос, на всякіе грѣхи поступили, все государство...

А о табаки много пострадал і ото всякого нечестия. Нѣмцы ото дѣлаете затѣи. Будеш князь, а все бросит.

Таеыи людишка носили, табака пили, торжили, въ Кокуй ѣздили, неистовно жили, жал хот царю отданы.

Мечъ ізострился с высоты славы Божія і открылся гнѣвъ Божіи на сыны противления.

Полша, Литва въ державу царевне Наталье Алексѣевне, а Крымъ Екатерине Алексѣевне. Да замуж царю Петру дават царевны.

Нѣмцов напередъ въ службѣ каков то ихъ Богъ силен.

Да, царь, на три версты, на две, на версту в кругъ кораблей да башенки дерновые, хотя і бревнами, а вдал на семь верстѣ, а бойницы до скамьи убей, а в нихъ воилоки мокрые, а сверху потолокъ накатной да и дерномъ завали.

На томъ же листу межъ строкъ тѣми ж чернилами написано:

Подъ Воронежъ приступитъ сила любо Турецкая і Крымцы.

Отъ кораблей на семь верстѣ. Тамъ то знатно ныне черезъ валъ пойдутъ Турки—пехота і конница. Малая ж часть іс печурокъ выбегайте да рубите нещадно. А пушвари, которые пушки в валахъ в башенкахъ і в воде пушекъ выбьют, валъ розобьют, ту пушку въ башенку своловите. Мѣста для удачи оставте; а не бейте на вѣтрѣ, будто ізмѣняйте, хотя воогмешные снаряды станутъ бросат, вы не стреляйте. А ружье все бы заряжено, приманите къ рукамъ да вдругъ черкните. А пушки поберите, а своѣ дробомъ зарядите, по нихъ же бейте; а сами Исусову молитву творите: *Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй нас.* Въ бояхъ і отъ неприязни, отъ привидѣнія бесовскаго силна сия молитва.

Станутъ приступат, здѣлай межъ городомъ і валомъ струбы да на всѣ стороны впусти в землю стѣны, выруби только уголки, остав ради крѣпости, хотя подставки подстав, не какъ бы кровлю надѣлают, обвалитца да не выходящому, какъ іс погребовъ на всѣмъ мѣсте / сто-

роны. А тамъ бочки на всякую сторону какъ бы незьянно да рогожами огороди, чтобы і русские не знали, какъ станешъ копатъ.

На той же странице на краяхъ по листу написано:

А гдѣ человѣку то сѣдѣтъ, вкрюкъ здѣлайте, какъ въ набат ударат, чтобъ въ землѣ то слышатъ. Масенко и огарачикъ поставилъ да порошку подсыпал, тѣмъ по трицяти крестьяниновъ.

Да по поваренному подъ потолокъ столъ бы подъ переклады те, что бы не на смѣхъ; да землю ту і вали. Земля та на ближнихъ, а камень то на дальнихъ.

На другой сторонѣ того листа написано:

А подъ Азовъ сила пойдетъ, чтобы пушки заряжены; а заряды, чтобъ порохъ въ пузыряхъ, а ядра въ трепичкахъ, чтобы въ пушкахъ не катались.

А въ заряды у пушкаря на сторонѣ селитра, а селитрою заливайте. Татары пугливы; увидятъ, что болно слыхнеть, всѣ и разбѣжатца. И мѣльное ружье заряжено жъ бы было, а на полки пороху не кладите, а пули слабенко кладите, чтобы не залежалос. А говорите: *во имя Отца і Сына і Святаго Духа*, иной Богородицу, иной небесныхъ, иной всѣхъ святыхъ поимянно—Андрѣя или преподобной Маріи.

Въ каюнахъ запѣвы всякому святому імя поминаютъ.

90 лѣтъ на молитвѣ стояла, покровы не имѣла. Ленились, чтобы імя еѣ не помянуло. Силою заставляють молитца. Для того не ханки въ поробощение сюдѣ. Потому препечатали імя преподобные Маріи. А Крым солгали і много воровства, что и отъ Польши.

Да пушки запечатай, пузыри накладные вдѣлай. С Воронежа и до Азова не стреляй, буде Богъ пронесетъ. А пузыри, хотя і раздеретъ, мочно і опятъ шитъ.

А мѣльное ружье—телѣшки коробкомъ; а власть искоси вверхъ, а на полки пороху не клади. А покрывай то ружье сабачьими кожей отъ дождя, хотя в дѣло, хотя такъ спиватъ.

А дорогою не теряйте пороху: у князь Семена Пожарского не стало пороху да хлѣба, стали было ѣсть да невѣтно.

А хлѣба сухари толченые. Будетъ какова статья осадатъ, заступы б были, лопаты; а хлѣба вдвое на человѣка.

Будетъ силу великую услышите, окапывайтесь. А сѣно витое і мятое в ступахъ.

А самъ царь не ходи: отдадутъ головою. Вѣтъ і такъ а Петръ

поп у всего Божества і много говорит. И на Воронеж поди с великимъ опасениемъ, для тово что всяко помышляютъ.

А у черкасъ і всѣхъ городѣхъ с товож переводу.

Опасно сказалъ бы—і всю силу ꙗку вакъ потчиват, не много бы осталос; авос велить Богъ и тамо жит.

А се і грѣхъ создание Божіе, авос і всѣ крестятца и мы хороши, горшее и бусурмапъ, толко Богъ терпит, не сверстаеть з бусурманы.

Какъ первая Азовская служба силы здвое тово будетъ. І Богъ свѣсть вороны силы. Да волею Божию не залагутъ в долахъ или на море, сами увидите.

Хочетца имъ Москвы смотреть; толко скажите ему, чтобы и Царя-града не взялъ.

А царь Петръ не сходи с Москвы. Своя голова дороже. Сила Божия не допуститъ в городам і в Москве. Тово для в соборы ходи в обѣдне.

Болваномъ нѣмцамъ не кланайся ты веть отменить.

На той же сторонѣ межъ строкъ написано:

Подразнивайте з городу із десяти или іс пяти черезъ нихъ малую часть, чтобы не догадалис.

Ней царевичъ, ней царицы, ней царевны, ней от бояръ, от турсково то полковника научилъ правую ногу назадъ.

Стань в Москве тыломъ и нуж смеятца в чужихъ полатахъ руское лутчи добра смыслить. Какъ бы не Богъ да не Рус, та гдѣ бы ты былъ? Ученье то всему государству на смѣхъ, руской такъ научиль.

На той же странице на краехъ написано:

А подкопщиковъ, чтобы в полон не взяли въ городъ і возми, чтобы не переключился къ турскому, чтобы на бояхъ ихъ не было.

А шестой доли нѣтъ всякие премудрости; хотя надъ городомъ те каменные своды, я городъ той возму. А учение все Духа пресвятаго да пресвятая Богородицы.

Бога никто же нигдѣ же видѣ. А пемцомъ і впередъ воровать.

Сказали бутто і царь Петръ немчинъ. Эдакие они пси.

Воли нѣмцамъ ни в чемъ не давай. Веть кабы не стрелцы—Азовъ опять за Турецкимъ былъ бы.

Милосердие Божіе в начале. Се тебя в стѣняхъ стрелцы да солдаты не дали.

Да на 2 лучинкахъ, в которыхъ тотъ листъ былъ завязан, написано:

На первой: царю сей листъ высмотри і всѣмъ казать.

На другой: но не всякому, ближнимъ людям не в пронос.

16. „Возвѣщеніе“ архимандрита Гавріила Домецкаго о новыхъ прибыляхъ въ Госуд. казну чрезъ устройство царскихъ бань.—1701 г. („Духовныя Россійскія дѣла“ М. Г. А. М. И. Д.).

Великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣвичю, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу твой великого Государя богомолецъ Іовъ митрополитъ великаго Нова-града, Бога моля, челом бью. В нынѣшнем 1701-м году мая въ 23 де в твоей великаго Государя царя і великого князя Петра Алексѣвича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержца, грамоте ко миѣ богомолцу твоему писано, велѣно допроситъ бывшаго архимандрита Гавріила Домецкаго втайнѣ о (нѣ)какихъ секретныхъ прибыляхъ і тѣ ево допросныя рѣчи прислать к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ. И по тому твоему великого Государя указу и грамоте я, богомолецъ твой, ево архимандрита Гавріила Домецкаго втайнѣ допрашивалъ; а что онъ в допросе сказалъ и тѣ ево допросныя рѣчи за ево рукою, подклея под сею отпискою, послалъ к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ сего ж мая въ де і велѣлъ подать въ Новгородскомъ приказе боярину Федору Алексѣвичю Головину с товарищи.

На оборотъ: в. Г. ц. и в. к. Петру Алексѣвичю, всеа в. и м. и б. Р. самодержцу.

По указу великого Государя царя і великого князя Петра Алексѣвича, всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по грамоте из Новгородского приказа пред преосвященнымъ Іовомъ митрополитомъ великого Новаграда і великихъ Лукъ бывшей архимандритъ Симонова монастыря Гавріиль Домецкой в допросѣ о прибыляхъ в казнѣ великого Государя сказал:

Нынѣшняго 1701-го году марта мѣсяца писалъ я архимандритъ Гавріиль къ преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому келейне; и в томъ келейном писмѣ послалъ я къ великому Государю челобитную, рукою моею писаную, о переводѣ из Юрьева монастыря въ Змиевской монастырь; тут же и письмо на листѣ, писанное моею жь рукою, в которомъ исписалъ очищеніе и истинное

оправданіе въ безвинном моем страданіи. Да в томъ же моем велейном писмѣ къ преосвященному митрополиту Степану вложилъ я архимандритъ Гавріилъ особое писмо моей руки и запечатовалъ накрѣпко краснымъ сургучомъ, валежащее до рукъ самаго великаго Государя; а что в томъ моем писмѣ писано и о томъ я преосвященному митрополиту Степану не объявилъ, толко писалъ къ нему, чтоб он толко то мое писмо запечатанное донес ему, великому Государю, в цѣлости. А в томъ писмѣ не писалъ я о секретныхъ прибыляхъ и къ Москвѣ не просился. Писалъ я точно секретное извѣщеніе желанія моего къ нему, великому Государю, въ приношеніи моем желательномъ о прибыляхъ на всякъ годъ в денежной казнѣ неизмѣнно. А секретными прибылями я въ моем писмѣ не называлъ. А тщался я о томъ, что то мое писмо секретнымъ образомъ шло, чтобы про то толко одному ему, великому Государю, было извѣстно, если воля его царская будет то мое желательное приношеніе принять. И если бы он, великій Государь, изволил то мое желательное приношеніе принять о прибыли денежныхъ казны,—и та бы прибыль была не секретная, но всѣмъ явна и приятна и безгрѣшна. А понеже то мое желательное возвѣщеніе учинилось не тайно: уже не от самого ево, великаго Государя, с Воронежа присланъ ево, великаго Государя, указъ къ преосвященному митрополиту Іову, что меня Гавріила допросит в той прибыли, но из Новгородскаго приказу прислана ево великаго Государя грамота о томъ; знатное дѣло, что то мое писмо запечатанное къ нему, великому Государю, не донесено и распечатано. И нынѣ я архимандритъ Гавріилъ по тому ево великаго Государя указу, которой присланъ из Новгородскаго приказу, предъ преосвященнымъ митрополитомъ Іовомъ о заводѣ, с котораго иматъ быти прибыль неизмѣнная и непрестанная, изъявилъ велейне и тайне сице: чтоб великіи Государь указалъ завести на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бани своѣ царскіе, дабы никто не смѣлъ бани у себя в дому держат. Если тѣ бани устроены будутъ вымысленіемъ чиннымъ, то всѣмъ людямъ будетъ приятно и прибыльно. А во первыхъ храненіе от огня будет, если в домѣхъ у всякого бань не будет.—Второе: что в дому у себя дорожея баня станет, если в смѣту положить работу, воду, вѣнники, посуду, дрова; а дровъ возъ торговой сѣченой менши гривны не купят и тѣмъ возомъ врядъ баню истопят.—А то дѣло не бещестное—всякому чину мыться въ устроенныхъ его Государя баняхъ, если чинно устроены будут. А въ Римѣ за древнихъ цесарей за честное дѣло почитали, что в царскихъ баняхъ мылся всякого чину люди и самыя высочайшіе сенаторы приѣзжали в бани и з женами и з дѣтми и с рабы своими. А какимъ образомъ

тѣ бани строит на разныя чины и что в нихъ какова заводу и от куду вымыслит то банное строеніе и всякой в немъ завод и какому уряду в тѣхъ баняхъ быт и от какова лица почему имат, того всего мнѣ на письмѣ никоимъ образомъ писат не возможно, потому что такой превеликой завод требует многократного и многовременнаго розговору и смѣты и без самого ево великого Государя отпюдь невозможно и самого его великого Государя в семъ дѣле наипаче совѣтъ многошотребеш есть.

А сие извѣщеніе я архимандрит Гавріилъ писалъ своею рукою.

17. Дѣло о „воровскихъ и заговорныхъ письмахъ“ дьячеа Степана Дементьева 1699 декабря 27 — 15 ноября 1701 г. („Приказныя дѣла“ М. Г. А. М. И. Д. 1700 г. марта 9. — К. 687).

(Къ сожалѣнію самыя письма не сохранились: изъ, какъ видно изъ дѣла, вѣрно было сжечь).

Великому господину преосвященному Иову митрополиту великого Новаграда і великихъ Лукъ бьетъ челомъ и извѣщаетъ сирота великого Государя столника князь Михаила Михайловича Голицына челоуѣкъ ево Андрюшка Федореккой. В нынешнемъ въ 208-м году декабря въ 25 де Воцкие пятины, Дмитрисевского Городенъежого погоста выставки, Чюпровой горы, священникъ Нивифор Даниловъ да дьячекъ Степан Дементьевъ да пономарь Григорей Семеновъ были у меня сироты в гостяхъ обѣдали; и после обѣда ввечеру поздно декабря к двадцать шестому числу в ночи, невѣдомо по чьему наученію или своимъ воровскимъ недобримъ вымысломъ, он дьячекъ вызвавъ меня сироту вонъ и далъ мнѣ тетрат невѣдомо какова заговорного письма; а на той тетраты подпис и та тетратъ письма руки ево дьячковой. И я сирота, видя то ево дьячково воровство и недоброй вымыселъ, тое тетратъ объявилъ, вшед в избу, священнику и стороннимъ людемъ, которые в то число у меня сироты были; и для обличения того ево дьячкова воровского вымыслу тое тетратъ ныне привес я, сирота, въ великий Новгород. А что в той тетраты у него дьячва писано и какая подпись и то явно свидѣтельствууетъ та тетратъ письма руки ево дьячковой. Милостивый великий господинъ преосвященный Иовъ митрополитъ великого Новаграда и великихъ Лукъ! Пожалуй меня, сироту Государева, вели, Государь, челобитье мое и извѣтъ записать и тое тетратъ у меня сироты принят и свой святителской милостивой указъ учинит, чтобъ государю моему столнику князь Михаилу Михайловичю и мнѣ сиротѣ

от таких ево дьячковых веровских писемъ напрасно в разореніи не быти. Великии господинъ, смилуйся.

На оборотъ: Андрюшка Федорецкой руку приложилъ.

Юмента: 208-го декабря въ 27 день. Послать пристава.

І того ж числа против сего челобитья послан с наказною памятью в выставку Чюпрову гору по дьяча Степашка Дементиева недельщикъ Івашко Силинъ, — велено, поймав с понятыми, привести ево дьяча в великии Новгород с собою вмѣсте скована на ево подводе. Припис у памяти приказного Савы Еоимовича Боровитинова.

Лѣта 7208-го декабря въ 29 де. По указу великого господина преосвященнаго Иова митрополита великого Новаграда і великих Лукъ приезжал в Вотцкую пятину, в Полуужскую половину, в Дмитриевской в Городенкой погостъ выставу Чюпрову гору, недельщикъ Івашко Силин по дьяча Степашка Дементиева с понятыми людьми Хрепелского погоста Успенской поп Иван Федосѣев да Пятницей поп Никиеоръ Данилов да понамарь Гришва Семев. И приехав с теми понятыми людьми в выставку, в Чюпрову гору того дьяча в домѣ не въехал; а съехал тот дьячек к Москве на другой ден Рождества Христова князю Михайлы Михайловичю Голицыну для ради своей нужды. А доестъ писал Хрепелской дьячекъ Гераска Лунин.

На оборотъ: в сему доезду Хрепелского погоста Успенской поп Иван Федосѣев руку приложилъ.

К сему доезду Пятницей поп Никиеор Даниловъ руку приложилъ.

Пятницей понамарекъ Гришъка Семеновъ руку приложилъ.

1700-го февраля въ 5 день великому господину преосвященному Іову митрополиту великого Новаграда і великих Лукъ выставки Чюпровы горы дьячков сынъ Ігнашко Степанов бил челом словесно о свободе на поруки отца своего; і в том своем словесном челобитьѣ сказал: писма де заговорные, которые подал в митрополиче Розряде столника князь Михайла Голицына человекъ ево Андрюшка Федорецкой руки отца ево дьяча Степашка; а выпросил де онъ Андрюшка тѣ заговорные писма у отца іво господину своему князь Михайлу Голицыну. А сказывал ему Ігнашву про то, приѣхавъ с Москвы, отецъ іво Степашко; а до того де времени про тѣ писма он Ігнашко от него Степашка не слышал і сам их не видалъ і за таким дѣломъ не ходитъ.

К сему допросу Ігнашко Степановъ руку приложилъ.

А отецъ ево Ігнашков дьячекъ Степашко Дементиевъ, досмотря тѣх заговорных писемъ, в допросе оказалъ: тѣ де заговорныя писма

руки ево Степашковой, а списывал он дьячокъ в доме своемъ у Заепѣжанина работного человѣка у Васки Иванова тому ныне лѣтъ с пять, для того что ныне время настойтъ служивое и хотѣлъ тѣ письма, хто у него попросит, отдать; а тѣ де письма заговорныя от огненного бою. І в прошломъ 205-м году был онъ дьячокъ в доме у вышписанного человѣка Андрюшки Федорицкого и будучи в ростоворе о службе сказалъ он дьячокъ ему Андрюшке про тѣ письма; и онъ де Андрюшка тѣх писемъ просил у него дьячка посмотрѣтъ господину своему столнику князь Михайлу Голицыну. И он де дьячекъ ему Андрюшке тѣ письма отдалъ; а тѣ де письма он Андрюшка князь Михайлу Голицыну объявлял ли, про то он Степашко не вѣдаетъ. А жосле де того он Андрюшка учал ему дьячку налоги чинить и по жене ево дьячковой, а по их отпускной крестьянской дочери Февроньцы, хотѣл ево на крестьянской участокъ поселить и с церковной земли хлѣб ево свестъ. И он де от той ево налоги ходил на него бить челом в Москвѣ к вышписанному столнику князь Михайлу Голицыну. И он Андрюшка, за то раяся на него дьячка, тѣ ево письма в митрополиче Розряде подал. А иных заговорных писемъ кромѣ того у него дьячка нѣтъ и не бывало и ни у кого не видал и не учивался. Къ сему допросу. дьячекъ Степашко Дементиевъ руку приложилъ.

Лѣта 1700-го еевраля въ де. По указу великого Государа царя і великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, ближнему боярину і воеводе князю Ивану Юрьевичу Трубецкому с товарищи. В прошломъ 1699-м году декабря въ 27 де билъ челомъ великому господину преосвященному Іову митрополиту великого Новаграда і великихъ Лукъ столника князь Михаила Михайлова сына Голицына человѣкъ ево Андрюшка Федоренкой і подал челобитную Вотцкие пятинны, выставки Чюпровы горы на дьячка Степашка Дементиева в заговорных руки ево писмах и тѣ письма он Андрюшка в митрополиче Розряде подал; и против того челобитья он дьячекъ о тѣх заговорных писмах допрашиванъ і в допросе от них не отпирался.—И по указу преосвященного митрополита те челобитья и заговорные письма и он дьячок посланы в Приказную Полату к тебѣ ближнему боярину і воеводе ко князю Ивану Юрьевичу Трубецкому с товарищи с симъ писмомъ.

И еевраля въ 19 де по приказу ближнего боярина і воеводи князя Ивана Юрьевича Трубѣцкого с товарищи и по вышписанному писму и дѣлу выставки Чюпровы горы дьячекъ Степашко Дементиевъ принят в Приказную Полату и про заговорные письма роспрашиванъ. А в роспросе сказал: заговорные письма, которые с вышписаннымъ дѣ-

лом и писмом приеланы ис Софійскаго Дому в Приказную Полату, писал он Степашко в домъ своемъ в прошлых годѣхъ тому лѣтъ с пять; а тѣ письма сказывал ему і велѣл писать по ево прошению заонѣжанинъ Васка Ивановъ, а которого погосту и деревни и чей крестьянинъ, того он Степашко не вѣдаетъ, а был у него Степашко тотъ заонѣжанинъ для работы в домѣ. И написавъ тѣ письма были у него Степашка до 207-го году; а в томъ 207-мъ году какъ онъ был в усадбѣ столника князь Михаила Голицына у приказнаго ево человека у Андрѣя Федорецкаго и межъ себя он Степашко с ним Андрѣемъ про тѣ письма ровговорились и тѣ письма по ево Андрѣеву прошению он Степашка отдал ему Андрѣю, а просилъ де он тѣхъ писемъ у него Степашка именовъ столника князь Михаила Голицына, что де ему тѣхъ писемъ велѣлі просить у него Степашка онъ князь Михаила для воинскаго времени. И тѣ де письма с того 206-го году по ево отдаче были у него Андрѣя до нынѣшние объявки; и тѣ заговорные письма онъ Андрѣй столнику князь Михаилу Голицыну показывал ли, того он Степашко не вѣдаетъ. А с тѣхъ заговорныхъ писемъ списковъ своей руки и списывать никому инымъ онъ Степашко не даывал и никто у него про тѣ письма не вѣдал и болши де того у него заговорныхъ никакихъ писемъ нѣтъ і в писмѣ тѣхъ заговорныхъ писемъ над ним Степашкомъ воленъ великій Государь.—Къ сему роспису дьячекъ Степашко Дементьевъ руку приложилъ.

И оеврала въ 22 де передъ ближнимъ бояриномъ і воеводою передъ вказемъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубѣцкимъ с товарищи дьячекъ Степашко Дементьевъ в застенке у пытки роспирашиванъ и пытанъ накрѣпко. Было ему 18 ударовъ.

А в росписе и с пытки он Степашко сказалъ прежние свои рѣчи, что у него сказано выше сего в росписе своемъ, а опроче писма вышеозначенныхъ заговорныхъ писемъ в писмѣ і в даче иныхъ такихъ же заговорныхъ писемъ не винилса; а что де в тѣхъ заговорныхъ писмахъ писаны потъ титлами слова и те де слова хъ какому складу или числу написаны, того онъ Степашко не вѣдаетъ.

Великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Мишка Голицынъ. В нынѣшнемъ, Государь, 1700-мъ году писалъ ко мнѣ, холоду твоему, из Новогороцкой моей деревнишки приивазной человекенцо Андрюшка Федорецкой: в нынѣшнемъ году об Рожестве Христове были у него в гостяхъ тогожъ Новогороцкова уѣзду от прихонцкой церкви цопъ Никвеоръ да дьячекъ Степѣка да понамарь Гришка; і в то де число тотъ вышепомянутой дьячекъ Степѣка

отдал тому моему челоуѣченецъ.. заговорную невѣдомо какую тетрадь и тотъ мой челоуѣченецъ тое тетрадь принес в Новгородѣ на митрополей двор. И я, холопъ. . . . послалъ по тово своего челоуѣченца людшекъ своих и людшки мои того моего челоуѣченца привезли к Москвѣ. Милосердый великій Государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержецъ. Пожалуй холопа своего, вели, Государь, того моего челоуѣченца Андриюшку принять в Новгородской приказ и про тое тетрадь ропросить и по ропросу (что) ты великій Государь уважешъ. Великій Государь см. . .

Помѣта: 1700-го марта въ 9 де. По указу великого Государя бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ приказал: того челоуѣца в Новгородской Приказъ принять и против сего челобитья о всемъ ево ропросить подлинно и до указу держать ево в приказе скована за крѣпким караулом, чтоб онъ не ушел.

И против сей помѣты тот челоуѣкъ в Новгородской Приказъ принять и допрашиванъ. А в допросе сказал: зовут де ево Андриюшкоу, Петровъ сынъ, Ѳедорецкой, креносной дворовой челоуѣтъ столника князя Михаила Михайловича Голицына. І в прошломъ де 204-м году по указу господина своего он Андриюшка посланъ в вотчину ево столника князя Михаила Голицына в Новгородской уѣздъ, в Воцкую пятину, Дмитриевского Городенского погоста в деревню Русыню з деревнями на приказ. И с того де вышеписанного году в той вотчине былъ на приказе. А за воровством не за каким не ходил и ни каким дурномъ не промышлялъ. И декабря де въ 25-м числѣ 208-го году Новгородского уѣзду, Воцеме патины, Дмитриевского Городенского погоста выставочного, Чюпровой горы, Пятницкой попь Миклеоръ Даниловъ да дьячекъ Стенка Дементьевъ да понамарь Гришка Семеновъ приезжали к нему Андриюшке Христа славить. И он де Андриюшка унял их у себя обѣдать. Да в тожь де время были у него в доме отставной дьячекъ Дружинка Андрѣев, уроженецъ великого Новаграда, да выборной крестьянин господина ево столника князя Михаила Голицына Лучка Иванов да Аеонка Иванов.—И после де обѣда ввечеру декабря противъ 26-го числа вышеписанной Пятницкой дьячек Стенка Дементьевъ вызвалъ ево Андриюшку из горницы в сѣни и дал ему Андриюшке невѣдомо какую воровскую заговорную тетрадь, а на той де тетради потпись, а та де тетрадь писма руки ево дьячковы; а что де в той тетради писано и какаа на ней подпись и то подлинно свидѣтельствуе та тетрат. Толок де какъ онъ Андриюшка, вшед в горницу, объявилъ тое тетрат тому попу Миклеору и понамарю Гришке і в той де тетратѣ написано слова дурные и они де тое тетрати и

честь не стали. А тот де дьячекъ Стенка Дементьевъ з двора ушел и после того онъ Андрюшка ево Стенки нигдѣ не видал. И узнавъ де он Андрюшка в том дѣле вымыслъ и подмет ево дьячковъ Стенкинъ воровской, в великомъ Новѣгородѣ билъ челомъ преосвященному Иову митрополиту Новгородскому и Велико-Луцкому и подалъ челобитную и то ево дьячкову воровскую тетрадь подалъ ему же преосвященному митрополиту самому. И по указу де преосвященного Иова митрополита по того вора Стенку посланы приставы. И тот де воръ Стенка, вѣдая ево Андрюшкино на себя челобитье и извѣтъ, в то число былъ в бегахъ и вмѣсто ево взятъ былъ сынъ ево Игнашка и сидѣлъ на митрополье дворѣ многое время. И о том де ево Стенкине воровствѣ и подметной воровской тетради писалъ онъ к Москвѣ къ господину своему, князю Михаилу Голицыну, для того что по указу великого Государя велено о такихъ ворахъ и о воровскихъ писмахъ извѣщать; и он де Андрюшка про такое ево дьячково Стенкино воровство и подметную воровскую тетрадь преосвященному Иову митрополиту и извѣщалъ и то е тетрадь подалъ. А самъ онъ Андрюшка по той воровской подметной тетради не учился и не прочиталъ; да и честь де ему такихъ воровскихъ подметныхъ писемъ нѣ-для-чего, для того что онъ за росколомъ ни за какии не ходитъ и с воровскими ни с какии людьми не знаетца. А есть ли б де он Андрюшка какии воровскихъ писемъ читать желалъ и он бы де о томъ подметномъ воровскомъ писмѣ и тетради преосвященному митрополиту и не извѣстилъ. И чтобъ великий Государь пожаловалъ ево Андрюшку, велѣлъ то ево челобитье и извѣтъ изъ великого Новгорода изъ митрополья Приказу или исъ Приказныя Палаты, буде взято въ розыскъ, для подлиннаго ево дьячка Стенкина воровства и обличенню взять въ Москвѣ въ Новгородской Приказъ и то ево воровскую подметную тетрадь и все подлинное о томъ дѣло, а ево Андрюшку до присылки того дѣла и до своего великого Государя указу и къ приказу свободить и о взятѣи того дѣла послать въ великий Новгородъ въ преосвященному Иову митрополиту и въ боярину и воеводе ко князю Ивану Юрьевичу Трубецкому послать свои великого Государя грамоты.

Помѣта: 1700-го марта въ 10 де. По указу великого Государя бояринъ Феодоръ Алексѣевичъ Головинъ с товарищи, слышавъ вышеписанныхъ допросныхъ речей столника князя Михаила Человѣка Голицына Андрюшки Феодорецкого, приказалъ въ великий Новгородъ къ преосвященному митрополиту и въ боярину и воеводе послать грамоты, велѣть тѣ вышеписанные дела и челобитье ево Андрюшкино и извѣтъ изъ великого Новгорода прислать къ Москвѣ, а ево Андрюшку до указу великого Государя и показѣста по тѣмъ деламъ розсмотрено будетъ дать въ статьѣ на добрые поруки.

И противъ сей помѣты приставу Андрѣю Башмакову перечень дан марта въ 11 де.

1700-го марта въ 11 де. Память приставу Андрѣю Башмакову собрати ему поручную записъ столника князя Михаила, князь Михайлова сына Голицына по человѣке ево Андрюшке Петрове сыне Федорецкомъ в том, что ставитца ему в Новгородскомъ приказе противъ допросныхъ своихъ рѣчей и доколе противъ допросныхъ его речей изъ великого Новагорода извѣтное ево челобитье и по тому челобитью дѣло прислано будетъ къ Москвѣ в Новгородской Приказъ и по тому присланному челобитью и по дѣлу извѣтному ево великого Государя указъ учиненъ будетъ, по вся дни и безъ указу великого Государя с Москвы не съѣхать. А буде онъ Андрюшка за тою ихъ порукою до вершенья того своего присланного извѣтного дѣла в Новгородскомъ приказе ставитца не учнетъ или с Москвы безъ указу съѣдетъ и на нихъ поручникахъ великого Государя пена и наказанье; а пени и наказанья что великий Государь укажетъ.

И марта въ 16 де приставъ Павелъ Григорьевъ в Новгородскомъ приказе боярину Федору Алексѣвичю Головину с товарищи подал поручную записъ. *На поручной записи помѣта:*

1700-го марта въ 16 де. Буде ся поручная записъ собрана по указу, взять къ дѣлу и записать.

Грамата въ Новгородъ къ Трубецкому отъ 14 марта 1700 году повторають извѣстное и написана согласно помѣть.

Благовѣрному и благородному і христоролюбивому великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣвичю, всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу, твой великаго Государя богомолецъ Іовъ митрополитъ великаго Новаграда Бога молю і челомъ бію. В нынешнемъ 1700-мъ году апрѣля въ 19 де в твой великого Государя царя і великаго князя Петра Алексѣвича, всеа великія і малыя і бѣлыя Россіи самодержца, грамоте из Новгородского приказу ко мнѣ богомолцу твоему писано противъ допросныхъ рѣчей столника князя Михаила, князь Михайлова сына, Голицына человѣка ево Андрюшки Федорецкого, а велено извѣтное ево Андрюшкино челобитье, каково у него подано было мнѣ, богомолцу твоему, Вотцкія пятіны, Городенского погоста выставки, Чюпровой горы, на дьячка Стенку Дементьева о заговорныхъ руки ево дьячковой писмахъ і о томъ дѣла, буде в моемъ богомолца твоего приказе есть, прислать къ тебѣ, великому Государю, к Москвѣ в Новгородской приказъ тотчасъ. І по моему богомолца твоего приказу то ево извѣтное челобитье Андрюшки Федорецкого на дьячка Стенку і заговорные руки ево дьячковой писма, каковы у

него Андрюшки подаши в москъ богомолца твоего приказе, і онъ дьячекъ Стенка до присылки твоей великого Государя грамоты посланы в приказную Полату к ближнему боярину і воеводе ко князю Ивану Юрьевичю Трубецкому съ товарищы нынешняго 1700-го году февраля въ 8 де.

На оборотъ: Благовѣрному і благородному христоролюбивому великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великія і малыя і бѣлыя Россіи самодержцу.

1700-го мая въ 2 де подал Новгородцкогo митрополита подъячей Григорей Богдановъ.

Помята: 1700-го мая въ 2 де. Взять к отпуску і выписать.

Великому Государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, холопъ твой Ивашко Трубецкой с товарищы челомъ бьетъ. В нынешнемъ 1700-м году апрѣля въ 19 де в твоей великого Государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, грамоте из Новгородцкогo приказа ко мнѣ, холопу твоему, аа приписью дѣака Бориса Михайлова писано, велено челобитье и ізвѣтъ столника князь Михаила княж Михайлова сына Голицына человѣка ево Андрюшки Ѳедорецкогo и роспрошеные рѣчи Новгородцкогo уѣзду, Воцкие пятинны, Дмитриевскогo Городенскогo погоста выставочного Чюпровой горы, Пятницкогo дьячка Стенка Дементьева о заговорныхъ воровскихъ писмахъ руки ево дьячковой прислать к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ. И по тому твоему великого Государя указу вышенисанное ізвѣтное челобитье столника князь Михайлова человѣка Голицына Андрюшки Ѳедорецкогo, которое прислано из митрополия приказу, и роспрошеные и пыточные рѣчи дьячка Стенки Дементьева и воровские заговорные писма к тебѣ, великому Государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, к Москвѣ послалъ я, холопъ твой, Новгородцкие приказные полаты с приставом Левкою Тарасьевымъ мая. 11 де и велѣлъ ему явитца и вышепомянутае дѣло и воровские заговорные писма подат в Новгородцком приказе боярину Ѳедору Алексѣевичю Головину с товарищы, адьячка Стенка Дементьева до твоего великого Государя указу велѣлъ я, холопъ твой, держать в тюрьмѣ.

На оборотъ: великому Государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу.

1700-го мая въ 19 де подал отписку Новгородцкой приставъ Левка Тарасовъ.

Помята: взять к отпуску і выписать тотчасъ.

Великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичу, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ сирота твой столпика князя Михаила Михайловича Голицына человѣкъ сво Андрюшка Федорецкой. Въ прошломъ, Государь, 208-м году в Рождество Христово приходил ко мне славить попъ Микиеоръ і дьячекъ і понамарь; і позно вечера декабря противъ 26-го числа дьячекъ вор Стенка Демѣтьевъ, не знамо ради какого воровского умыслу, вызвалъ меня вон в сени і дал мнѣ тетратъ воровскую заговорного письма. І тое тетратъ, вшедъ в горницу, объявилъ священнику Микиеору і которые в то число были люди с ним с попом; і такое ево дьячково воровство видя і воровской ево вымысль, в великом Новеграде вскоре преосвященному Юву митрополиту билъ челомъ на него вора дьячка і тое тетратъ ево воровскую заговорную самому архиерею подал. І по тому моему челобитью послан был по него вора дьячка пристав і он вор дьячекъ Стенка, хотя от того моего челобитья отбыть, ведая за собою воровство, ушел і вмѣсто ево Стенки взять былъ сынъ ево Игнашка. І я, сирота твой, про то ево дьячково воровство и вымысль послѣ своего челобитья писал в отписке государю своему князю Михаилу Михайловичю. І государь мой князь Михаилу Михайловичъ бил челом тебѣ, великому Государю, для обличенія евож вора Стенки дьячка, чтобъ меня в Новгородцкомъ приказе допросить. І я, сирота твой, тоже ево дьячково воровство въ своемъ допросе обличалъ же. І із великого Новаграда нынѣ то дело взято к Москве, а в том деле написано имянно мое сироты твоего челобитье і явная улика ево дьячкову воровству свидетелство заговорная тетратъ письма руки ево; і тот воръ дьячекъ Стенка в Новеграде у розыску боярина князя Ивана Юрьевича Трубѣтцова пытан і в том своемъ воровстве виновился, что ту тетратъ писал он воръ Стенка і у кого он учился сказал і про то имянно писано въ ево пыташнихъ речахъ. А на мѣня, сироту твоею, солгалъ бутто я у него просил і бутто я у себя держал полтора года, хотя меня видеть въ великомъ розореніи напрасно, потому Государь мстя мнѣ, что я на него в такомъ воровстве билъ челомъ і обличалъ ево ж явное ж воровство писмомъ руки ево і заговорные воровские тетраты. А в твоёмъ великого Государя указе і в соборномъ Уложеньи напечатано, также і в новоуказныхъ статьяхъ написано о нихъ ворахъ именно, что такимъ воровомъ в поклепныхъ ихъ словахъ не верить. І нынѣ я, сирота твой, брожу и роззоряюсь напрасно и ему вору Стенке дьячку за такое воровство по се число указу не учинено. Милосердый великий Государь царь і великий князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержецъ! Пожалуй меня, сироту

своево, вели, Государь, іс своего великого Государя указу і с соборного Уложения і із новоуказных статей выписать і по своему великого Государя указу і по соборному Уложению і по новоуказным статьямъ і по вышеписанному делу свой милостивой указ учинить і мною сиротою твоимъ не вели, Государь, образца учинить, чтобъ мнѣ по тому своему правому челобитью от него вора Стенки въ великомъ роззореніе не быть. Великии Государь, смилуйся. Андрюшка Ѳедорецкой руку приложилъ.

І в Новгородцкомъ приказе выписано: в нынешнемъ 1700-мъ году марта въ 9-мъ числѣ бил челомъ великому Государю... (*Голлицынъ... см. выше*) ... про тое тетрадь роспросить. И по тому ево челобитью тотъ приводной человекъ допрашиванъ; а в допросе сказал: (*дальше слѣдуетъ изложеніе его показанія, которое помѣщено выше*).

И по помѣте на тѣхъ допросныхъ речахъ дьяка Бориса Михайлова то дѣло из великого Новгорода взято к Москве в Новгородцкой приказ.

И іс того дѣла выписано: в нынешнемъ 1700-мъ году в февралѣ мѣсяце в великомъ Новѣгородѣ из митрополичья приказу в Приказную Полату прислано челобитье столника князя Михаила Голицына человекъ ево Андрюшки Ѳедорецкого і все подлинное дѣло. А в томъ дѣле написано: декабря въ 27-мъ числѣ 208-го году бил челомъ преосвященному Іову митрополиту Новгородцкому і Великолуцкому столника князя Михаила Голицына человекъ ево Андрюшка Ѳедорецкой: в нынешнемъ де 208-мъ году... (*слѣдуетъ буквальная передача этой челобитной, помѣщенной выше*)... в разореніи не быть. І в нынешнемъ же 1700-мъ году февраля въ 5-мъ числѣ бил челомъ словесно преосвященному Іову митрополиту выставки Чюпровы горы дьячковъ сынъ Игнашка Степановъ.. (*тоже*)... дѣломъ не ходит. А отецъ ево Игнашковъ дьячекъ Стенка Дементьевъ, досмотря тѣхъ заговорныхъ писемъ, в допросе сказал: ... (*тоже*) ... и не учивался. Да он же Стенка в Приказной Полате роспрашиван. А в роспросе сказал... (*см. выше*)... и никакихъ писемъ нѣтъ. И февраля въ 22 де перед бояриномъ і воеводою княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ с товарищи..... (*см. выше*)... не вѣдасть.—И ныне великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичу, всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцу, бьет челомъ столника князя Михаила Михайлова сына Голицына человекъ ево Андрюшка Ѳедорецкой: в прошломъ де 208 мъ году..... (*см. выше*)..... в великомъ разореніи не быть.

Помѣта: Выписать великого Государя из указу, из Уложения и із новоуказныхъ статей.

И против сей помѣты выписано: в Уложении въ 21-й главѣ 8-я статья напечатано: которые люди приведуть в избу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнут на тѣх людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьянъ, которые ихъ в губу приведуть, говорити разбой или татбу или иное какое воровство и тому не вѣрить для того, чтобы всякимъ людемъ безстрашно было, воровъ имая, в губу приводить. А в новоуказныхъ статьяхъ прошлаго 175-го году въ 7-й статьѣ написано: которые люди приведуть в губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьян, которые ихъ в губу приведуть, говорить разбой или татбу или иное какое воровство и тому не вѣрить для того, чтобы всякимъ людемъ безстрашно было, воровъ имая, в избу приводить.

Да октября въ 3 де вынешняго 1701-го году к великому Государю писали из великого Новагорода генерал-маеоръ Яковъ Брюсъ с товарищи и прислал дьячка Стенку Дементьева, а в ней пишеть:

Великому Государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, холопъ твой Якушко Брюсъ с товарищи челомъ бьеть. В прошлом 1700-м году апрѣля въ 19 де в твоей великого Государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, грамоте из Новгородцкогo приказа к ближнему боярину і воеводе ко князю Ивану Юрьевичю Трубецкому за приписью дьяка Бориса Михайлова писано, велено челобитье и извѣтъ столника князь Михаила, княж Михайлова сына, Голицына человѣка ево Андрюшки Федорецкого и роспросные рѣчи Новгородцкогo уѣзду, Воцкие пятинны, Дмитровскогo Городенскогo погоста выстовочного, Чюпровой горы, Пятницкогo дьячка Стенки Дементиева о заговорныхъ воровскихъ писмахъ руки ево дьячковой прислать к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ. И по твоему великого Государя указу вышеписанное извѣтное челобитье столника князь Михайлова человѣка Голицына Андрюшки Федорецкого, которое прислано из митрополича приказу, и роспросные и пыточные рѣчи дьячка Стенке Дементиева и воровские заговорные писма к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ в Новгородцкой Приказъ Новгородцкіе приказные Полаты с приставомъ с Левкою Тарасьевымъ послано мая 11-го числа прошлаго ж 1700-го году; а дьячекъ Стенка до твоего великого Государя указу задержанъ в великомъ Новѣгородѣ в тюрьмѣ. И августа въ 5-м числѣ прошлаго ж 1700-го к тебѣ, великому Государю, к Москвѣ в Новгородцкой приказъ о томъ дьячке писано, что ему дьячку какой твой великого Государя указъ учинитъ? И твоего великого Государя указу в великий Новгородъ октября по 21 число вынешняго 1701-го

году не прислано и того дьячка Стенку к тебѣ, великому Государю, царю и великому князю Петру Алексѣвичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, в Москвѣ послалъ я, холопъ твой, с провожатыми Семеновского полку с салдаты с Васильем Бабининым с товарищем с сею отпискою октября въ 20 де и велѣл имъ провожатымъ явитца и отписку подать и ево Стенку объявить в Новгородцкомъ приказе боярину Ѳедору Алексѣвичю Головину с товарищи.

На оборотѣ: великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣвичю, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу.

1701-го ноября въ 3 де подал отписку Семеновского полку салдат Митюшка Розмослов.

Помѣта: взять в столпъ и присылного дьячка принять и выписать в доклад.

Написано в доклад: . . . *(сѣдуетъ далье а) докладъ во всемъ сходный съ помѣщенной выше выпиской Новгородскаго приказа, которая здѣсь немного сокращена. Въ одномъ мѣстѣ читаемъ новое: а у тѣх воровскихъ заговорныхъ тетрадей по листамъ написано: государю князю Михаилу Михайловичю вашей Государской вотчины Пятницкой дьячекъ Стенка Дементьевъ тебѣ, Государю, гостинечками челомъ бую); б) изложение содержания отписки Брюса, и в) выписка помѣстныхъ выше статей).*

Помѣта: 1701-го ноября въ 12 де. По указу великого Государя царя и великого князя Петра Алексѣвича, всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержца, бояринъ Ѳедоръ Алексѣвичъ Головинъ с товарищи, слушавъ сей выписки, приказали: дьячку Стенке Дементьеву за ево воровство, что онъ писалъ воровскіе заговорные письма, учинить ему жестокое наказанье бить кнутомъ на козлѣ нещадно, а учиня ему наказанье отослать ево спамятью в Монастырской Приказъ и велѣтъ ево не того приказу сослать в монастырь, в которой пристойно, и до указу великого Государя держать скована в тюрьме; а воровскіе письма зжечь.

Грамата въ Монастырскій Приказъ послана 15 ноября 1701г.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ сторонъ настоящихъ подметныхъ писемъ помѣщаемъ далье а) выписку о прописныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, б) отписку Кеврольскихъ бурмистровъ о сборѣ десятой денги и в) донесеніе митр. Рязанскаго Стефана о подметномъ письмѣ.

18. О прописныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ.
(Приказныя дѣла М. Г. А. М. И. Д. 1700 года 16 іюля. К. 689).

Лѣта 1700-го іюля въ 16 день. По указу великого Государя царя і великого князя Петра Алексѣвича, всеа великия и малыя и

бѣлыя Росіи самодержца, боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину с товарищи. В указе великого Государя царя і великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержца, из государственного Посолского приказа в Помѣсной приказъ к думному дьяку к Аетамону Ивановичу Иванову с товарищи за приписью дьяка Василья Посникова написано:—велѣно в Помѣсном приказе из имянного своего великого Государя указу и из докладной выписки 159-го году о прописныхъ вотчинныхъ и помѣсныхъ земляхъ выписать: которые вотчинные і помѣсные і четвертные пашенные земли въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ за кѣмъ написаны в даче і во владѣнье имянно, а которые писцы посланы в города для писма во 194-м году в писцовыхъ своихъ книгахъ тѣ земли прописали, и о такихъ прописныхъ земляхъ в Помѣсномъ приказе в томъ ево великого Государя имянномъ указе что написано? Да то ево выписку за дьячьею приписью прислать ис Помѣсного приказа в государственной Посолской приказъ к тебѣ боярину Ѳедору Алексѣевичу с товарищи.—И в Помѣсномъ приказе выписано: в указе великого Государя і в статьяхъ прошлого 190-го году апрѣля въ 9 де за помѣтою думного дьяка Давида Полянского написано: которые церковные пустыя погосты в прежнихъ писцовыхъ книгахъ прописаны, а в патриаршихъ домовыхъ оброчныхъ книгахъ тѣ погосты написаны, а не в помѣщичьихъ і не в вотчинниковыхъ земляхъ и спору об нихъ от помѣщиковъ и от вотчинниковъ не будет,—и тѣ пустыя погосты с пашнею и с угоды, измѣрявъ противъ указныхъ статей, смотря по землѣ, гдѣ будетъ к тѣмъ погостомъ земли много,—писать противъ первой статьи; а гдѣ будетъ земли мало і к тѣмъ погостамъ писать противъ другіе и послѣдніе статьи. И обмежевавъ писать в церковные земли; а что сверхъ указныхъ статей будетъ пашни и всякихъ угодей и тѣ четверти со всѣми угоды, измѣрявъ и обмежевавъ, писать в порожіе земли особъ статью. Также которые погосты в прежнихъ писцовыхъ и патриаршихъ домовыхъ оброчныхъ книгахъ не написаны, а нынѣ по наѣзду писцовъ объявятца пустыя погосты і к тѣмъ погостамъ старожилы укажутъ пашню и угоды, а в помѣстьяхъ і в вотчины тѣ погосты никому не отданы и ни к какимъ землямъ не приписаны и не в помѣщичьихъ и не в вотчинниковыхъ земляхъ и не владѣть ими никто,—и тѣ погосты потому жъ, смотря по землѣ, с мѣрою по указнымъ статьямъ обмежевавъ, писать в церковные земли; а что сверхъ того пашни і всякого угоды объявятца по мѣре и тѣ четверти с угоды, потому жъ обмежевавъ, писать в порожіе земли.—Да во 191-м году июня въ 20 де великие Государя цари і великие князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ

Алексѣевичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы, слушавъ сей выписки в комнатѣ указали и бояре приговорили: за патріархом и за митрополиты і за архиепископы і епископы і за монастыри прописныя вотчинныя земли, кои объявятца в писцовых ихъ межах и гранях, а иные за межами і за гранми, и тѣ земли в писцовых книгах написаны в порозжихъ землях, а они на тѣ земли положат старыя крепости,—и такие земли справливать за ними по крепостямъ, будет тѣ земли до указу великихъ Государей 190-го году апрѣля до 7-го числа челобитчикомъ в помѣстье не даны і в вотчину не проданы; а буде те земли до того указу кому в помѣстье отданы или в вотчину проданы и тѣмъ землямъ быть за тѣми людьми, кому они до того указу в помѣстье даны і в вотчину проданы. А которыхъ земель в писцовых книгах в порозжихъ землях не написано, а по розыску тѣ земли объявятца в писцовыхъ межах і граняхъ патріаршихъ и митрополичьихъ и архиепископныхъ и епископныхъ и монастырскихъ вотчинъ, а крепостей на тѣ земли они не положат—и тѣмъ землямъ быть в тѣхъ писцовыхъ межахъ и граняхъ патріаршихъ і митрополичьихъ и архиепископныхъ и епископныхъ и монастырскихъ вотчинъ і писать земли в писцовыя и межевыя книги за ними. А которые земли объявятца за межами и за гранми патріаршихъ и митрополичьихъ и архиепископныхъ і епископныхъ и монастырскихъ вотчинъ і владѣютъ они ими ізстари в тѣмъ вотчинамъ і в писцовых книгах тѣ земли не написаны, а патріархъ і митрополиты и архиепископы и епископы и монастыри на тѣ земли крепостей не положат и учнутъ бить челомъ, что тѣ земли ихъ прописныя и истари тѣми землями они владѣютъ, а челобитчики в тѣхъ землях учнутъ бить челомъ ис порозжихъ обводныхъ земель,—и про такие земли розыскиватъ. И будетъ по розыску тѣ земли объявятца в патріаршихъ и митрополичьихъ і во архиепископныхъ и епископныхъ і в монастырскихъ вотчинныхъ землях и съ ихъ землями смежны и ничьи земли ихъ не разошли и истари тѣми землями они владѣютъ, и такихъ земель безъ имянного великихъ Государей указу челобитчикомъ в помѣстье не отдавать.—И с сего великихъ Государей указу для вѣдома в приказъ Большаго Дворца і в Казанской Дворецъ послать памяти, а в города из Помѣсного приказу великихъ Государей грамоты к воеводамъ. Докладную выписку і великихъ Государей указъ закрѣпилъ думной дѣякъ Василей Семеновъ.— Да в указе жъ великихъ Государей і в новоуказныхъ статьяхъ 191-го году написано: в Помѣсномъ приказе по деламъ за монастыри прописныя земли по крепостямъ, хотя и челобитчиковъ челобитье прежде справливаны, а челобитчикомъ по первому ихъ челобитью отказывано, для того на тѣ земли в мо-

настырехъ объявились крепости; а на которые земли крепостей не объявилось и тѣ отдаваны челобитчикомъ. А на иныхъ делахъ помѣчено: такие обводные земли, на которыхъ крепостей в монастыре нѣтъ, владѣть имъ до писцовъ.

19. Отписка Кеврольскихъ бурмистровъ о десятой деньгѣ.
(„Приказныя дѣла“ М. Г. А. М. И. Д. 1702 г. марта 17. К. 700 д. № 97.).

Великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцу, сироты твои Кеврольскіе и Мезенскіе земскихъ дѣл бурмистры Михаило Кыркаловъ, Троеим Молчанов челом бьют. В нынешнем, Государь, 1702-м году марта въ 17 де по твоему великого Государя царя і великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержца, указу и по памяти изъ Золотой палаты за приписью дьяка Артемья Волкова в Кевролу и на Мезень к намъ, сиротам твоим, писано,—велено на нынешней 1702-й год десятыя денги против оклада 203-го году с Кевролы і с Мезени с торговых і с промышленныхъ людей и съ ихъ торгов і промыслов 102 рубли, 21 алтынъ собрать, а на ослушникахъ доправить, и прислать к тебѣ, великому Государю, в Москвѣ в Золотую палату на срокъ еевраля къ 21-му числу нынѣшняго 702-го году. И по тому твоему великого Государя указу и по нашей сирот твоихъ посылке Кеврольцы свое повытье противъ прежняго 29 рублевъ, 23 алтына, 2 денги, да Мезенцы—Окладниковы слободы 6 рублевъ, 18 алтынъ, Кузнецовы слободки 10 рублевъ, 18 алтынъ, 4 денги, Лапшоженской слободки и со всего Лапшоженского приходу 16 рублевъ, 23 алтына, Козмогороцкаго і Кимженского приходовъ 9 рублевъ, 18 алтынъ—свое повытье противъ прошлыхъ лѣтъ заплатили. А Мезенцы ж, Государь, Юромской, Азаполской, Устьяжской волостей кромѣ Терентья Башловкина, Ероея Базарева, Андрѣя Рашмакова, Тимоея Халтурина, Анисима Дороеѣва, Стевана Артемьева, Евтихей Задорина торговые и промышленные люди по первой посылке дали скаски, что будто у нихъ торговыхъ і промышленныхъ людей нѣтъ; а буде есть и тѣ написаны въ таможенныхъ книгахъ. А по справкѣ, Государь, с таможенными книгами і росписми тѣхъ Юромской и Азаполской и Устьяжской волостей промышленные люди явилися многие. И мы, сироты твои, в тѣ волости по тѣхъ промышленныхъ людей по темъ росписемъ для оклада і платежу той десятой денги противъ прош-

лых лѣтъ посылали приставов. И соцкие и крестьяне тѣх волостей дали по себѣ поручные записи, что имъ быть ис тѣх волостей для окладу и исправы той десятой денги в Окладникову слободу; и по тем своим поручным записем они не бывали многое время. И мы, сироты твои, по тем поручным записем по них і по поручников их посылали приставов сверхъ прежних посылокъ дважды і они учинились твоему великому Государю указу і нашим посылкам учинились послушны: в слободу для окладу і платежу той десятой денги не ѣдут. И мы, сироты твои, в том опасны твоего великого Государя гнѣву, что за их ослушанием тое десятой денги долгое время не выслано. И о томъ что ты великій Государь царь і великіи князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержецъ, намъ, сиротам своим, укажешь? А отписку, Государь, мы, сироты твои, велѣли подать у Архангелскаго города боярину і адмиралу Феодору Алексѣевичю Головину. Бурмистръ Михайло Кыркалов. Бурмистръ Троимъ Молчановъ.

На оборотъ: великому Государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу.

20 Донесеніе царю Петру митр. Рязанскаго Стефана о подметномъ письмѣ и пр. 1702 г. („Приказныя дѣла“ М. Г. А. М. И. Д. 1702 г. № 16).

Великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, богомолецъ твой Государевъ Стефанъ митрополитъ Рязанскій, Бога моля, челомъ бьетъ. Прошлого, Государь, 1701-го году по твоему великого Государя указу против моего богомолца твоего к тебѣ, великому Государю, доношенія Тиунской полате на площади быть не велено, а учинена и очищена полата в Дому святѣйшаго патріарха против Духовнаго Приказу; и тое полаты дѣла приказано вѣдать судіе монаху Іосифу, а для збору денежной казны старостам поповским. И по записным книгамъ вресцовскіе и годовых служеб попы і дьяконы по допросомъ і по свидѣтельству розобраны и росписаны по десяткамъ; и к служенію отпускъ бываетъ имъ з запискою, а за служеніе учинена имъ попом і дьякономъ указная дача и даны имъ о томъ благочиніи церковнаго служенія указы. І в тойже полате для писма у тѣхъ дѣл приказано быть по прежнему патріаршимъ пѣвчимъ; о томъ о всемъ подлинно указ записанъ в Духовномъ приказе з благочинными статьями. — И в нынѣш-

нем, Государь, 1702-м году апрѣля въ 22 де во 2-м часу дня в патриарше Духовном Приказе в той вышеписанной полате в столѣ, в которомъ судіа і старосты поповскія и пѣвчія сидятъ, подкинута воровское подметное письмо. І тогож числа и часа о том подметномъ писмѣ возвѣщено от тѣхъ пѣвчихъ судіи, потому что в тот часъ ево судіи в приказе не было. И судіа, пришедъ в приказъ, велѣлъ приказные двери запереть и всѣмъ прилучившимся всякого чина людемъ, которые в той полате были, подписать для свидѣтельства того подметного письма імяна руками своими в тетрадь; и кто в том приказе імяны в то число прилучились, писали імяна своими руками в тетрадь.—И то подметное письмо і тое тетрадь онъ судіа прислалъ ко мнѣ, богомолцу твоему; а какимъ случаемъ то письмо в том столѣ поднято и кто імяны в то число в той полатѣ прилучились я руки приложили, і то в той тетрате написано імянно. И засвидѣтельствовавъ то подметное письмо і тетрадь, послал я, богомолецъ твой Государевъ, к тебѣ, великому Государю, в походъ, запечатавъ в листь. И о том, что ты великій Государь укажешь?

На оборотъ: великому Государю царю і великому князю Петру Алексѣвичю, всеа великія і малыя и бѣлыя Росіи самодержцу.

Помѣта: Резанского митрополита подметное письмо, что прислал.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

П. А. Булишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

ПОЛЬШИ

(1340 — 1654).

~~~~~

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Глава I.

Соединеніе Малоруссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ. — Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ. — Расположенность Поляковъ къ русскому элементу. — Какъ завладѣли іезуиты общественнымъ воспитаніемъ въ Польшѣ. — Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью. — Церковныя братства и церковная унія.

Обширную этнографическую область малорусскаго языка и малорусскаго обычая дѣлятъ издавна на Малую Россію, на Бѣлую, Черную и Червонную Русь (иначе Галичину), на Донщину и Черноморщину. Все вмѣстѣ называютъ обыкновенно Южнымъ Краемъ, или Южною Русью, а по языку и характеру народа — Украинною Кіевскою, Слободскою, Волынскою, Подольскою, —землею Донскою, Черноморскою, Галицкою.

Эта область болѣе или менѣе цѣльнаго малорусскаго языка и обычая заключаетъ въ себѣ плодородныя пространства чернозема и песчанна, дающія скудный урожай междолѣсья; мѣстами переходитъ она изъ однообразной равнины въ холмистыя и байрачистыя раздолья, — изъ высокихъ степныхъ краевъ въ болотистыя низины, изъ безводныхъ степей въ лѣсистыя и водянистыя *нетры* *); нерѣдко изобилуетъ лѣсами и на сухихъ пространствахъ. Что касается языка и обычая, то въ этой разнообразной области находимъ всюду того же самаго Русина, отличеннаго болѣе или менѣе скрещеніемъ съ инородцами и долговременнымъ пребываніемъ подъ вліяніемъ ихъ культуры.

Древнѣйшая, дотатарская, или варяжская Русь, на которой основалась малорусская, какъ и великорусская, народность, дѣлилась на самоуправляющіяся княжескія республики съ вольными вѣчами и соединялась въ одинъ союзъ, или федерацію, только династією Рюриковичей, которые, по общественному призыву, княжили въ первой русской столицѣ, Кіевѣ, и въ подначальныхъ велчюму князю кіевскому

---

*) Непроходимыя трупцы.

городахъ: Черниговѣ, Переяславѣ, Туровѣ, Полотскѣ, Владиміръ-Волынскомѣ, Перемышлѣ, Галичѣ и Тмутаракани.

Въ XIII столѣтіи нашъ Малорусскій край покорилъ внукъ завоевательнаго монгола Чингисхана—Батый, а въ началѣ XIV-го изъ рукъ монголотатарскихъ перешелъ онъ въ руки литовскія. Только часть великаго южнорусскаго займища, такъ называемая Галицкая, или Червоная Русь (иначе Карпатское Подгорье) продолжала отстаивать свою независимость—съ одной стороны отъ Татаръ, а съ другой отъ Поляковъ; но въ 1340 году завоевалъ ее польскій король Казимиръ Великій, а подъ конецъ XIV столѣтія Литва соединилась съ Польшею, по волѣ своего самодержавнаго князя Ягелла или Ягайла, котораго Поляки женили на принцессѣ Ядвига, дочери и наслѣдницѣ своего короля Людовика Венгерскаго и провозгласили своимъ королемъ.

Завоеваніе Червоной Руси и призваніе на польскій престолъ Ягайла привели нашихъ предковъ къ соединенію съ Поляками подъ одной верховной властью. Отъ этого соединенія мы утратили не одну такую черту, которая свидѣтельствовала о нашемъ родствѣ съ Велико-руссами, и въ то же время сдѣлались кой въ чемъ похожи на Поляковъ. Впрочемъ корни нашей народной жизни тѣ самыя, что и у Руси Сѣверной, впоследствии прозванной Московскою. Сходство съ Поляками ограничивается у насъ только нѣкоторою примѣсью со стороны языка и обычая.

Въ завоеванной Прикарпатской Руси и въ соединенной съ Польшею Руси Литовской Поляки нашли достаточно боевой силы, во первыхъ, для одолѣнія своего страшнаго супостата—ордена нѣмецкихъ рыцарей Крестоносцевъ, по польски Крыжаковъ, вовторыхъ, для удаленія отъ своихъ предѣловъ Москвы и, втретьихъ, для запугиванья остатка Золотой Орды, Крымскихъ Татаръ. Но эта боевая сила не сознавала достоинства своей національности въ такой степени, чтобы, какъ это свойственно народу культурному, видѣть въ своемъ родномъ элементѣ драгоцѣнный завѣтъ предковъ, не подчиняясь чуждому языку и обычаю. Червоную Русь, или Галичину, поборила Польша превосходствомъ военнаго искусства и государственности; Литва же сама по себѣ, какъ нація, была до такой степени груба въ своей первобытности, что не имѣла даже собственной, литовской письменности, а если обнаруживала нѣкоторую образованность въ своемъ домашнемъ быту и вѣрѣ, то этимъ заимствовала она сперва у тѣхъ Русичей, которые проникали въ ея лѣсистыя и болотистыя тущобы ради торговли или уходили сюда во время татарскаго Ли-

хотѣтъ, а потомъ у тѣхъ, которыхъ великій князь литовскій Гедиминъ привлекъ подъ свою власть или политикою, или оружіемъ.

Съ того времени, когда Литва превозмогла татарскую силу въ Кіевщинѣ и неопредѣленной границами Подолія до самаго Чернаго моря, литовское дворянство пополнялось людьми Русскими, сравнительно съ Литвою—образованными. Государственные акты въ Литвѣ писались по-русски. Литовскіе князья и родственники ихъ женились на дочеряхъ обездоленныхъ нашихъ князей, потомковъ Рюрика. Языкомъ литовскаго двора, языкомъ высшихъ сановниковъ былъ нашъ южнорусскій языкъ. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что и самое идолопоклонство литовское отошло на второй планъ передъ русскимъ христіанствомъ. Въ грекославянскую вѣру крестились не только знатные Литвины, но и члены великокняжескаго дома. Литва была самобытная нація однимъ только именемъ своимъ. Огромное большинство литовскихъ подданныхъ, людей Русскихъ, превосходство русскаго быта надъ литовскимъ и необозримое пространство литворусской земли, ознаменованной преданіями христіанской церкви и славянской государственности,—все это вмѣстѣ дѣлало такъ называемую въ Москвѣ „Литовскую Сторону“, по существу своему, славянорусскою.

И при всемъ томъ русскій элементъ, въ глазахъ верховныхъ представителей Литовскаго племени, не выдерживалъ сравненія съ элементомъ польскимъ.

Въ эпоху, прозванную Татарскимъ Лихолѣтьемъ, малорусская церковь отособилась отъ греческой, и перестала заимствоваться отъ нея просвѣщеніемъ. Осталась она, среди городскихъ развалинъ и опустѣлыхъ селищъ, безъ книгохранилищъ, безъ просвѣщенныхъ и богатыхъ ктиторовъ. Она проповѣдывала свою науку въ ободранныхъ и полуразрушенныхъ святилищахъ, проповѣдывала устами нищаго духовенства, среди жалкихъ остатковъ побитыхъ и разогнанныхъ прихожанъ. Малорусская церковь не въ состояніи была давать о себѣ высокое понятіе даже и тѣмъ Литвинамъ, которые обратились въ христіанство; а между тѣмъ въ сосѣднемъ краѣ, въ Польшѣ, передъ язычниками и неофитами открылось католичество во всемъ внѣшнемъ величіи своемъ.

Эта другая вѣра въ того же христіанскаго Бога пришла къ недавнимъ врагамъ Литвы не изъ Царьграда, который уже и въ Ягайлово время тѣснили Турки, а изъ „Вѣчнаго Города“, царствовавшего тогда надъ всей Европой, изъ столицы наукъ, искусствъ и высшей гражданственности. Русская незначительная образованность развила въ литовскихъ труппахъ умы воинственныхъ дикарей не больше,

какъ настолько, чтобы, сравнивая наше православіе съ польскимъ католичествомъ, блестящую вѣру полновластнаго римскаго папы предпочитать потускнѣвшей передъ нею вѣрѣ константинопольскаго патріарха. Самъ Ягайло, воспитанный въ православной обрядности среди своего русскаго двора, воцарившись въ Польшѣ, оставилъ эту обрядность, крестился въ католичество и заставилъ многихъ себѣ подобныхъ принять римское крещеніе.

Превращеніе русскаго элемента въ польскій было у насъ въ началѣ явленіемъ естественнымъ. Что происходило съ литовскимъ языкомъ и обычаемъ, когда слилась Литва съ растоптанною, заповоленной, разбѣжавшеюся куда попало Русью, то самое началò дѣлаться съ языкомъ и обычаемъ литворусскимъ, когда соединилась Литва съ Польшею подъ одной короною.

Между тѣмъ не весьма давно еще было такое время, что русскій нашъ элементъ стоялъ выше польскаго.

Днѣпровская и Днѣстровская Русь, яко земля, была и богаче, и разнообразнѣе Польши. Раскинулась она, въ смыслѣ области, шире, нежели вся древняя Польша съ своими Прусами. Боевала и торговала она съ Византією, которая во времена оны не до конца еще утратила культурное наслѣдство свое послѣ древнихъ Римлянъ. Все вмѣстѣ поднимало въ ней народный духъ высоко, такъ что и въ письменахъ, и въ пѣснопѣвнѣяхъ своихъ, и въ самомъ быту своемъ съ его ремеслами и торговлею первобытный Русинъ превосходилъ первобытнаго Ляха.

Когда пойдуть бывало Рюриковичи войною въ Польскую землю, то возвращаются домой только съ плѣнниками, чтобы населять чужимъ, а не своимъ народомъ дикія поля свои въ виду кочующихъ Половцевъ и Печенѣговъ. Когда же вторгались къ намъ убогіе въ своей воинственной грубости Ляхи, то навъючивали своихъ коней дивными для нихъ издѣльями нашихъ ремесленниковъ; а наша столица, Кіевъ, такъ ослѣпляла ихъ невѣдомыми еще удобствами жизни, что они не хотѣли возвращаться въ свое убогое отечество.

До XVI столѣтія въ Польшѣ не было написано ни одной книги по польски. Мертвая латынь пересыпалась, точно сухой горохъ, въ головахъ польскихъ грамотеевъ, не давая живыхъ ростковъ; а торговля и война съ „Руснаками“ вселяли между тѣмъ среди Поляковъ русскіе нравы, русскій вкусъ, шпиговали русскимъ языкомъ и польскую рѣчь, которая, по своей первоначальной формации, далеко не такъ благозвучна и богата, какъ наша русская. Можно сказать, что древніе Ляхи, въ своей завоснѣлой грубости, воспитывались на русскомъ

элементъ, подобно тому, какъ младшіе братья, сидя въ домашнемъ захолустѣ, воспитываются сообществомъ старшихъ братьевъ, возмужавшихъ въ широкой бывалости.

Когда господствовало еще въ Польской землѣ идолопоклонство, христіанская вѣра пришла туда прежде всего изъ Моравіи; священное писаніе преподано Ляхамъ первоначально на томъ славянскомъ языкѣ, который приняли уже въ своей церкви Русичи, и въ началѣ Поляки крестились по обряду церкви греческой. Даже облатинивши въ послѣдствіи свои храмы, Ляхи звали ихъ до XV столѣтія по-русски церквами (cerkwie). Въ одномъ изъ краковскихъ костеловъ богослуженіе совершалось попольски еще въ началѣ XVI вѣка; а фрески святыхъ со славянскими надписями на стѣнахъ окатоличенныхъ церквей въ Краковѣ и Казимиржѣ оставались не замалеванными до послѣдняго времени.

Религіозное единство съ нами Поляковъ открывало имъ тотъ самый, что и намъ, путь исторической жизни. Но вслѣдъ за славянскими апостолами вѣры пришли къ надвислянамъ апостолы латинскіе, пренебрегли проповѣданное уже на Вислѣ христіанство, уничили его вторичнымъ крещеніемъ и началамъ умственного развитія Ляховъ дали направленіе римское.

Разлившись бурно и широко, монголо-татарская сила остановилась въ Краковѣ. Потрясла она и Польшу, но Польша устояла на своемъ основаніи; и между тѣмъ какъ на Днѣпрѣ погибли плоды до-татарской культуры, край Привислянскій развивался безъ остановки, подъ вліяніемъ западныхъ націй. Близкое знакомство съ этими націями дало Польшѣ великій перевѣсъ надъ присоединенною къ ней двоякимъ способомъ Русью. Обладатели Русекой земли, сатрапы, неграмотнаго деспота, Литвина, до того закоснѣли подъ его властью, что когда великій князь литовскій сдѣлался польскимъ королемъ и свелъ ихъ съ новыми своими подданными, польскіе „дуки“ показались имъ недостижимо бывалыми, въ общежитіи дивно искусными, въ грамотности зѣло премудрыми. Скрещенные съ Литвинами Русичи, въ свою очередь, стали тогда смотрѣть на Ляховъ, какъ смотрять изъ роднаго захолустя меньшіе братья на старшихъ. Начали они уподобляться вельможнымъ польскимъ людямъ въ ихъ быту и поступкахъ. Шлифуясь въ обществѣ именитыхъ Ляховъ, теряли свою шероховатость, и естественно чувствовали благодарность къ сосѣдямъ за ласковое руководство во всемъ, что тѣ перенимали у народовъ цивилизованныхъ. Они съ Поляками дружились почтительно, а скрещиваясь родовой кровью, смотрѣли на свое родство и свойство съ польскими

домами, какъ на высочую честь, гордились иноземными взглядами на вещи, какъ отличіемъ отъ людей отсталыхъ, невѣжественныхъ. Во времена оны представители польской общественности брали себѣ за образецъ отшлифованнаго по-византійски Русича съ его сравнительно уточненнымъ языкомъ и обычаемъ. Теперь потомки этого Русича подчинялись просвѣщенному по-римски Ляху въ своемъ единеніи съ нимъ по государственнымъ, общественнымъ и домашнимъ дѣламъ. Такимъ образомъ нашъ гражданскій и домашній бытъ, наши воззрѣнія, вкусы и симпатіи были уже издавна въ высшихъ кругахъ тѣ самыя, чтò и у Поляковъ.

Подобно тому, какъ, въ отдаленную эпоху восточной проповѣди христіанства на берегахъ Вислы, Ляхамъ, по всеѣмъ видимостямъ, предстояло идти тою же историческою дорогою, что и кіевскимъ Полянамъ, съ ихъ русскими родичами,—потомкамъ кіевскихъ Полянъ, а съ ними и всеѣмъ польско-литовскимъ Русичамъ, открылся теперь путь вѣчнаго единства ихъ судебъ съ судьбами племени Польскаго. Но вышло иначе, и именно по той причинѣ, что паны Ляхи черезчуръ уже близко привлекли къ себѣ сановныхъ представителей нашей Руси. Не помогло тутъ панамъ Ляхамъ единство вѣры, обычаевъ и фамиліальной политики съ панами Русичами,—напротивъ, оно имъ повредило. Польща потому и не устояла на русской почвѣ, что разлучила нашихъ малорусскихъ пановъ съ малорусскимъ простонародьемъ, — разлучила просвѣщенныхъ представителей націи съ темною массою націи.

Главнымъ двигателемъ несчастнаго для обѣихъ сторонъ единенія нашихъ пановъ съ панами Ляхами была завоевательная политика римской церкви.

Папскіе нунціи, или духовные послы, резидуя одинъ за другимъ въ Польшѣ при королевскомъ дворѣ, постоянно заботились о томъ, какъ бы въ польско-литовской Руси водворить латинство. Но въ теченіе трехъ столѣтій, отъ Владислава Ягайла до Сигизмунда Вазы, ревнители католичества обратили въ свою вѣру однихъ нашихъ магнатовъ съ ихъ служилою шляхтою, и то далеко не всеѣхъ. Низшіе классы въ Малороссіи были какъ-то недоступны для латинской проповѣди, кромѣ тѣхъ виленскихъ, львовскихъ и люблинскихъ мѣщанъ, вторые перенимали отъ шляхты панскіе обычаи и поддавались внушеніямъ вельможныхъ людей ради своихъ торговыхъ интересовъ *).

*) О городельскомъ декретѣ 1413 года, воспрещавшемъ православнымъ занимать высшія государственныя и общественныя должности и о послѣдствіяхъ этого декрета не для чего распространяться, такъ какъ онъ оставался мертвою буйвою уже и при Базмирѣ Ягайловичѣ.

Такую медленность въ работѣ, которою только и дышала Римская Курія, объясняютъ намъ, во первыхъ, извѣстныя политическія дѣйствія московскаго самодержца Іоанна III, относительно Литвы Польши, а во вторыхъ, два страшныя для папистовъ явленія въ Западной Европѣ.

Съ начала XV столѣтія Чехи провозгласили свободу религиозной совѣсти устами Гуса, а съ начала XVI-го—Нѣмцы обновили науку чешскихъ гуситовъ отъ имени Лютера. Хотя паписты сожгли Гуса живымъ, а послѣдователей его науки придавили военною силою, но высказанная Гусомъ всенародно правда не переставала обнаруживать неправду римской церкви, и пробралась изъ ученой Германіи даже въ сравнительно невѣжественную Польшу. Опасно стало тогда римскимъ агентамъ возбуждать противъ себя негодованіе русскихъ людей въ Польшѣ: боялись поддержать этимъ гуситскую проповѣдь въ средѣ самихъ католиковъ. Поэтому всѣ принужденія, прикрытыя королевскимъ и державнымъ панскимъ правомъ, были отложены до удобнѣйшаго времени. Распространяли католичество только домашнею проповѣдью, заохочивая можновладниковъ къ иновѣрству королевскими милостями. То же самое должны были дѣлать и послѣ того, когда чешское свободомысліе обновили нѣмецкіе богословы. Перестали дѣлать покушенія на церковныя имущества православниковъ; боялись утратить пріобрѣтенія и католической церкви въ Польшѣ. Протестанты множились тутъ очень быстро и подавали руку православникамъ для совмѣстной борьбы противъ приверженцевъ римскаго папы. Взаимное отрицаніе старой и новой вѣры въ Бога привело Поляковъ даже къ безбожію. При Сигизмундѣ Старомъ, одинъ благочестивый католикъ доносилъ въ Римъ о польскихъ протестантахъ такъ: „Нашъ дворъ чтитъ Бога настолько, насколько это не обижаетъ діавола. Здѣсь отверженіе Христа—похвальное дѣло“. Польскіе сеймики собирались тогда обыкновенно въ костелахъ и церквахъ, гдѣ, по словамъ того же католика, шумъ, брань и кровопролитіе были явленіями заурядными.

При такихъ обстоятельствахъ мудро было римскому католичеству распространяться въ Польшѣ на счетъ греческаго православія. Но всего больше останавливало латинскую проповѣдь среди нашей Руси то, что Поляки не слишкомъ сильно заботились о завоевательной политикѣ римской церкви. Въ нравахъ и обычаяхъ польской шляхты столько было чувства личной свободы, что она, въ своей общности, взирала съ негодованіемъ на всяческія принужденія къ католичеству, которыя агенты Римской Куріи обыкновенно внушали

королямъ и сенаторамъ. Пропаганда католичества въ малорусскомъ населеніи Польши велась только путемъ просвѣщенія, которое сосредоточивалось тогда въ представителяхъ римской церкви, и естественно привлекало къ ней тѣхъ Русичей, которыхъ воспитывало духовенство католическое.

Что же до Поляковъ, то они сами по себѣ, какъ Поляки, и въ томъ числѣ даже церковные сановники, близкіе родичи вельможныхъ домовъ, не имѣли преднамѣренныхъ стремленій къ подавленію русской народности, опиравшейся на предковскую вѣру. Напротивъ, очутились игрою случайностей среди чистой *Русины*, коренной Ляхъ, кто бы ни былъ онъ, скоро начиналъ самъ русѣть, привыкалъ къ малорусскому языку и православному обычаю, поддавался поэзіи нашего слова, нашей пѣсни, нашей русской природѣ. Даже католическіе бискупы, живя въ Кіевщинѣ, уже во время обнародованія церковной уніи (1596), не имѣли ничего общаго съ іезуитскими замыслами, и, спустя десятилѣтіе послѣ этого событія, еще молились чудотворному образу въ Кіевопечерской лаврѣ о своихъ личныхъ нуждахъ, среди богомольцевъ православныхъ.

Не должно забывать давнишней вражды Русина съ Ляхомъ, о которой цистеріанскій монахъ Кадлубекъ, въ XI вѣкѣ, писалъ, что эту „закоренѣлую“ вражду Русинъ погашалъ въ себѣ только польскою кровью. Но, зная себя, каковы мы теперь, и помня, каковы были наши малорусскіе предки въ дотатарское и въ послѣтатарское время, мы должны признать, что эта закоренѣлая вражда получала свое начало больше въ русскомъ, нежели въ польскомъ сердцѣ.

И въ любви, и въ ненависти мы, по своей природѣ, были глубже Ляха. Это свидѣлствуютъ намъ съ одинаковою выразительностью и наши монахи-аскеты, и наши козаки разбойники. Аскетизма не было вовсе въ польскомъ характерѣ, а въ разбойныхъ своихъ подвигахъ никогда Поляки не доходили до такого кроваваго энтузіазма, какъ наши малорусскіе предки. Любя Бога и ближняго, мы дѣлались молчаливниками, пещерными затворниками, добровольными мучениками, а любя Бога и ненавидя своего врага, мы окунались въ человѣческую кровь по шею, мы не знали границъ своей лютой.

Не такъ щедро, какъ насъ, Малороссовъ, одарила природа нашего сосѣда, Ляха, и поэтому въ польскихъ монастыряхъ не было аскетовъ, а польскіе разбойники, сравнительно съ нашими, были, можно сказать, только забіяки. Что же касается ляшескихъ злодѣйствъ, описанныхъ въ нашихъ вымышленныхъ сказаніяхъ, то здѣсь мы творили мнимыхъ и дѣйствительныхъ враговъ своихъ по внутреннему своему образу и по подобію. На горе намъ и родственнымъ съ нами по пле-

мени сосѣдамъ, наши малорусскія сердца дышали жаждою правды; но наше невѣжество, наша варварская логика относительно посягательства на чужое, наша беспорядочная, дикая свобода, которой мы домогались, не имѣя въ виду никакого лучшаго счастья,—дѣлали насъ геніями зла, которые ужасали своихъ несчастныхъ современниковъ и пзумляютъ свое мыслящее потомство. Свирѣпая наша мстительность, не знавшая ни мѣры, ни пощады, не отличавшая малой неправды отъ великой, мнимой обиды отъ дѣйствительной, успокоивалась только тогда, когда исчезалъ на землѣ и самый слѣдъ обидчика.

Совсѣмъ иной былъ складъ и ума и сердца польскаго. По своей природѣ, Полякъ, не скрещенный съ представителями Руся, былъ такъ мягокъ въ сравненіи съ угрюмымъ и жестокимъ Русиномъ, что его можно было бы принять за незлобнаго въ своей неопытности отрока. Въ характерѣ Поляка было много, такъ сказать, женскаго легковѣрія. Веселый и довѣрчивый, онъ часто забывалъ не только тяжкія обиды, но и такія злодѣяства, отъ которыхъ оставались кровавые слѣды на порогѣ его дома. Не одинъ случай подобнаго забвенія мы знаемъ документально, и по такимъ случаямъ заключаемъ, какъ польское сердце билось въ отдаленную старину, о которой воспоминаетъ лѣтописецъ Кадлубекъ. Не было нашей глубины у златовласаго, свѣтлоокаго нашего сосѣда, Лаха. Не было у него даже и той бездушнѣй глубины, которую выработали себѣ вѣками господства просвѣтители Польши, Римляне, эти жестокосердые соперники поэтическихъ Грековъ, эти беспощадные порабитители классическаго міра, которыхъ ни великій наплывъ завоевательныхъ варваровъ, ни великая революція религіи и философіи не остановили въ ихъ наслѣдственномъ стремленіи къ порабощенію вселенной. Полякъ, пожалуй, покорялся своимъ латинскимъ пастырямъ, когда они твердили ему о пожертвованіи имуществомъ на „увеличеніе хвалы Господней“, или накладывали на него покаинное искушеніе. Но ясная, созданная для тихаго счастья, душа его съ трудомъ поддавалась шепоту фанатизма, который насилуваніе чужой совѣсти представлялъ наибольшою заслугой передъ Богомъ. Только при королевскомъ дворѣ иногда существовала ненасытимая владычествомъ римская факція. Только темныя креатуры вліятельныхъ римскихъ проходимцевъ труждались въ Польшѣ по примѣру тѣхъ, которые, тѣсна до самаго края свободу мысли и совѣсти, довели Европу до многолѣтнихъ войнъ подъ знаменами вѣры. Но ни одного громкаго польскаго имени не вписала исторія въ число вождей порабитительной политики папы, ни одинъ геніальный Полякъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ не подалъ голоса за религіозную нетерпимость. Лаха, достойнаго

стоять въ ряду героевъ человѣчности, можно было запутать въ политическія мрежи Римской Куріи, но онъ тотчасъ возвращался къ своимъ природнымъ чувствамъ, лишь только эти мрежи рвались отъ собственной своей ловитвы. Безхитростный Славянинъ, любитель домашнихъ заботъ и мирной жизни, привязанный къ своему уголку, къ своему родному полю, онъ рѣдко повидалъ наслѣдственный плугъ для боевой жизни. Но и воюя съ сосѣдями, не чуждался Полякъ дружескихъ связей съ ними, по старопольскому обычаю. Таковы были его войны съ Нѣмцами, Литвою, Москвою и даже съ Турками. Наша-звзятая Русь не вселяла въ польскую душу непримиримой вражды и тогда, когда воспитала на своемъ дикомъ лонѣ такихъ рыцарей, которые знали одну только форму и одну только цѣль борьбы—истребленіе Ляхвы „до ноги“. Благоволеніе къ иностранцамъ было слабостью и блажью у польской шляхты, а шляхетское чувство свободы развилось у Поляка до такого великодушія, что, будучи самъ искреннимъ католикомъ, нерѣдко стоялъ онъ грудью за иновѣрцевъ, которыхъ католики тѣснили во имя своей церкви.

Въ XVI столѣтіи, до Люблинской гражданской уніи, коренные Поляки не имѣли права приобрѣтать землю въ Литовской Руси. Но часто случалось, что польскій пришлецъ женился на маестной Русинкѣ, и этимъ способомъ дѣлался землевладѣльцемъ среди туземцевъ. Такие люди, воспитанные въ католичествѣ, не только не завоевывали у насъ ничего для своей церкви, но и сами крестили дѣтей своихъ у русскихъ нашихъ поповъ, дѣлая такимъ образомъ свой польскій родъ православнымъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, католичество таяло само собою, тогда какъ вблизи Вислы, на примѣръ въ Люблинской Холмщинѣ, такъ точно таяло православіе; только здѣсь наши попы были равнодушны къ тому, чтобы привлечь Ляха къ своей вѣрѣ, а тамъ попы латинскіе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы домъ русскій обратить въ польскій, то есть въ католическій. Помогало латинскимъ попамъ и королевское правительство. Но то правительство, которое, независимо отъ короля, составлялось изъ „земскихъ пословъ“, не только не хотѣло знать церковной римской политики, но и само возставало противъ католическаго своего духовенства за увеличеніе церковныхъ имуществъ посредствомъ духовныхъ завѣщаній и другихъ записей.

Когда же наконецъ, въ 1569 году, состоялась въ Люблинѣ гражданская унія, и земскія права у обоихъ народовъ сдѣлались одинаковы, коренные Полонусы начали переселяться къ намъ на хозяйство, яко въ страну плодородную, но малолюдную. Казалось бы, съ этого времени католики, какъ люди, ознакомленные съ просвѣщенною Евро-

пою, должны были подавить у насъ православіе, державшееся, безъ наукъ, одними обрядами да преданіями. Нѣтъ, переселенцы не принесли къ намъ той систематической пропаганды латинства, которою католическое духовенство отличалось и въ Холмщинѣ и всюду въ малорусскихъ областяхъ, гдѣ оно уже вкоренилось. Это были люди воинственные, но вовсе не богословы. Беззаботность ихъ относительно соперничества двухъ вѣроисповѣданій была такова, что даже начала было тревожить церковныя власти въ католической Польшѣ. Чтобы защитить господствующее вѣроисповѣданіе отъ неумышленного вторженія въ него нашего православія, королевскія власти прибѣгли наконецъ къ репрессіи, и король Стефанъ Баторій, по просьбѣ примаса, универсаломъ своимъ повелѣлъ, чтобы наше духовенство не крестило дѣтей въ католическихъ домахъ на Волыни, подъ страхомъ весьма значительной денежной пени.

Дѣло стояло такъ: наша простая, первобытная общественность не привлекала къ намъ католическаго духовенства, воспитывавшагося въ краяхъ цивилизованныхъ и привычнаго къ общенію съ людьми культурными. Католическія епископіи, основанныя Римскою Куріею въ нашей Руси, существовали, можно сказать, только по имени, а хоть знатные паны-католики и держали при себѣ капеляновъ, то этимъ капелянамъ, при тогдашнемъ бездорожьѣ и раскиданности населенныхъ мѣстъ въ Малороссіи, трудно было ѣздить для крещенія дѣтей, хотя бы ихъ о томъ и просили. Королевскій универсалъ не перемѣнилъ ни природы вещей, ни обстоятельствъ, и поэтому въ нашей пустынной странѣ православіе распространялось въ семьяхъ католическихъ, а не католичество—въ православныхъ.

Только съ того времени, когда въ Польшѣ водворились іезуиты, католичество изъ центровъ польщизны начало растекаться по русскимъ воеводствамъ послѣдовательно и поступательно. Только съэтого же времени и со стороны нашей Руси выступили силы, остановившія завоевательную римскую политику.

Полумонашескій и полусвѣтскій орденъ іезуитовъ утвердился въ Польшѣ при второмъ избирательномъ королѣ, Стефанѣ Баторіи. Онъ былъ посланъ сюда Римскою Куріею для противодѣйствія церковной реформаціи, и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ протестанты, подъ покровомъ шляхетской свободы, начали присоединять къ своимъ „зборамъ“ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ людей въ Польшѣ, іезуиты, пользуясь той же свободой, принялись отстаивать древнее пріобрѣтеніе Римской Куріи противъ новаторовъ.

Новаторами по предмету вѣроученія были въ Польшѣ и въ поль-

ской Руси члены великихъ панскихъ домовъ, воспитанные за границею. Тамъ они видали, какъ съ одной стороны паписты подавляли свободу совѣсти, и какъ съ другой стороны люди вольные, никогда ни къ чему не принуждаемые, отдавали всѣ свои симпатіи церковнымъ либераламъ. Слѣдуя примѣру послѣднихъ, горячо проповѣдывали они новую науку вѣры со словъ Лютера и Кальвина, а будучи въ дѣдичныхъ владѣніяхъ своихъ такими же государями, каковымъ Стефанъ Баторій былъ въ коронныхъ и литовскихъ королевщинахъ, обращали въ молитвенные дома, называвшіеся зборами, не одни католическіе костелы, но и православныя церкви. Іезуиты, прійдя къ намъ сперва въ Бѣлую и Червоную Русь по слѣдамъ протестантовъ, старались предвосхитить у нихъ русскую паству, какъ бы церковный ясырь и нашли себѣ могущественнаго помощника въ особѣ самого короля.

Родной край Стефана Баторія, Седмиградъ, или Трансильванія, былъ самымъ безопаснымъ убѣжищемъ религіознаго вольнодумства, встревожившаго всѣ западныя правительства въ XVI вѣкѣ. По своему воспитанію, Баторій пренебрегалъ католическимъ догматизмомъ; но, сдѣлавшись королемъ польскимъ, долженъ былъ приравниваться къ религіозному взгляду „шляхетскаго народа“. Не возставая противъ разновѣрія, онъ все-таки стоялъ на сторонѣ господствующей въ Польшѣ вѣры и, въ ея интересахъ, содѣйствовалъ всякому законному предпріятію своихъ подданныхъ. Согласно съ такою политикою, помогалъ онъ и іезуитамъ распространять латинскую проповѣдь, не только къ ущербу нѣмецкаго нововѣрства, но и ко вреду древней греческой религіи, которая водворилась было въ Польшѣ раньше латинства. Этимъ способомъ наша малорусская церковь, надруйнованная уже папистами, подверглась новому руйнованію, какъ со стороны фанатическихъ пионеровъ нововѣрства, такъ и со стороны энергическихъ его противниковъ.

И разумъ, и совѣсть оправдывали короля Стефана въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ іезуитамъ во вредъ православію. Не говоря уже о государственной политикѣ, которая велѣла ему сообразоваться съ видами римскаго папы,—на латинство смотрѣлъ онъ, какъ на такую вѣру, которая распространяетъ въ народѣ просвѣщеніе, тогда какъ вѣроученіе греческое было въ его глазахъ проповѣдью закоснѣлости, вмѣстѣ и безплодной, и вредной для умственной дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, среди нашихъ православниковъ рѣдко встрѣчался тогда человекъ образованный, между тѣмъ какъ польскорусскіе паписты своею бывалостью и ученостью стояли иногда наравнѣ съ просвѣщенными Нѣмцами, Французами, даже Итальянцами. Іезуиты

же именно тѣмъ и славились, что „хорошо“ воспитывали молодежь, и начали свою работу въ Польшѣ основаніемъ нѣсколькихъ образцовыхъ школъ.

Тогда было еще рано уразумѣть, что іезуитская наука стремилась не къ тому, чтобы возбуждать человѣческій духъ къ свободной дѣятельности, а къ тому, чтобы въ области знанія поддерживать авторитетъ римской церкви. Притомъ же іезуиты усыпили осторожность лучшихъ людей въ Польшѣ и въ польской Руси кажушимся безкорыстіемъ своего ордена, который подвизался для общественной пользы, довольствуясь одною щедростію своихъ покровителей и приверженцевъ. Іезуитскія collegiі, или гимназіи высшихъ наукъ, вмѣсто плодотворной образованности, давали своимъ питомцамъ обольстительную, но бесполезную умственную роскошь, а между тѣмъ формировали ихъ способности такъ, что, выйдя въ свѣтъ, блестящіе молодые люди не имѣли силы первенствовать въ своемъ обществѣ, и дѣлались орудіями коноводовъ его, іезуитовъ. Баторію некогда было углубляться въ методъ и направленіе іезуитской педагогики. Въ теченіе десятилѣтняго царствованія своего (1576—1586) онъ слишкомъ сильно былъ озабоченъ военными и политическими дѣлами. Онъ сдѣлалъ, или лучше сказать—помогъ сдѣлать польскому обществу ошибку, вредоносныя послѣдствія которой проявились только въ третьемъ поколѣніи его подданныхъ.

На бѣду шляхетскому народу, прославленный Баторіемъ престолъ тридцать шесть лѣтъ занималъ такой король, который не имѣлъ ни его ума, ни его твердаго характера. То былъ Сигизмундъ III, слѣпой приверженецъ римскаго папы, бессмысленный покровитель и слуга іезуитовъ.

Баторій отдалъ іезуитамъ почти все имущество Полотскаго владѣчества, или епископіи, основываясь на томъ, что Полотскую землю самъ онъ отвоевалъ у Москвы, поэтому-то и право „подаванья хлѣбовъ духовныхъ“ (*jus patronatus*) принадлежало не кому иному, какъ завоевателю. Но, передавая церкви и монастыри изъ православныхъ рувъ въ католическія, онъ объявилъ панамъ полочанамъ, что отречется отъ права подаванья, если они документами докажутъ, что церкви или монастыри основаны и уфундованы ихъ предками. Сигизмундъ орудовалъ подаваньемъ духовнаго хлѣба, не обращая вниманія и на самые документы, а такъ какъ фундушевыя записи погибали въ домашнихъ усобицахъ, пожарахъ и т. п., то іезуиты пользовались такими случаями, подобно судебнымъ клаузникамъ,—изобрѣтали казусы къ тяжбамъ, подучивали латинцевъ въ захвату церковныхъ имуществъ

и, имѣя на своей сторонѣ короля съ его грамотами, умножали имущество католической церкви на счетъ православной.

Да и безъ казуистики, безъ передачи достоинства малорусской церкви въ руки служителей польской, Сигизмундъ III подрывалъ весьма чувствительно „древнее русское благочестіе“, какъ величали мы свою вѣру относительно протестантовъ съ одной стороны и папистовъ съ другой. Титулуясь верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ, онъ весьма часто раздавалъ православныя владычества и архимандріи людямъ свѣтскимъ; а эти люди, принявши духовный санъ, жили въ монастыряхъ панами и смотрѣли на подвластныхъ поповъ и чернецовъ такъ, какъ смотрѣлъ мытникъ на мытницу, торговецъ на „кранную комору“, арендаторъ на аренду.

Подъ патронатомъ чужеземныхъ королей церковь наша теряла свое достоинство со временъ Ягайла. Въ царствованіе Сигизмунда III подаваніе духовныхъ столицъ и хлѣбовъ рукою подвупною и іезуитски лукавою довело ее до послѣдняго упадка. На апостольскихъ сѣдалищахъ возсѣдали въ ней не только книжники и фариसेи, но даже неграмотные мытари и грѣшники.

Между тѣмъ энергическіе строители единой, какъ говорили паписты, спасающей, истинно вселенской церкви, іезуиты, втирались въ наши папскіе дома въ видѣ врачей, юристовъ, наставниковъ молодежи и пріятныхъ собесѣдниковъ. Не любя никого внѣ интересовъ католичества, и не видя ничего достойнаго уваженія ни въ какой вѣрѣ, кромѣ римской, эти религиозные пройдохи умѣли внушать въ себѣ привязанность и уваженіе даже въ такихъ малорусскихъ кружкахъ, которые называли римскаго папу антихристомъ.

Появились они въ русскихъ провинціяхъ Польши, какъ уже сказано, вслѣдъ за тѣмъ, когда Лютерова и Кальвинова наука вѣры, путемъ шляхетской вольности, пришла къ намъ изъ Германіи вмѣстѣ съ молодыми людьми, которые искали за-границею не только самаго просвѣщенія, но и искусства общежитія. Іезуиты были не что иное, какъ отлично дисциплинированныя фаланги, которые папа посылалъ въ Польшу вытѣснять церковное вольнодумство изъ его позицій и учить общество католической нравственности. Товарищи (braciszki) Іисуса, „ангелы и духи“ Христова намѣстника, іезуиты приспособлялись ко всякому порядку и беспорядку панской жизни. Они дружились одинаково и съ самыми веселыми, и съ самыми мрачными характерами. Даже тамъ, гдѣ іезуиты открыто презирали, не отказывался онъ отъ своей преданности магнату. Прикрываясь личною христіанскаго смиренія, терпѣлъ товарищъ Іисуса сарказмы знатныхъ и незнатныхъ лю-

дей, лишь бы не лишиться своего мѣста между панскими собесѣдниками. Когда же притворная покорность не останавливала инаго яраго послѣдователя Лютера, Кальвина и самого Арія, іезуитъ лучше всѣхъ умѣлъ принять на себя спокойный видъ умственнаго превосходства. Передъ глазами у отцовъ - вошунниковъ, смиренные и вмѣстѣ высокоумѣрные тунеядцы приобрѣтали себѣ почитателей между ихъ дѣтьми. Знали они, какъ бьется неопытное сердце, когда передъ нимъ оскорбляютъ высокую добродѣтель вмѣстѣ съ глубокою ученостью, и тайно отъ свѣта уловляли впечатлительныя души не только въ полуграмотныхъ православныхъ семьяхъ, но и въ протестантскихъ, вооруженныхъ заграничнымъ просвѣщеніемъ.

Іезуиты рассчитывали разомъ и на высшія и на низшія свойства человѣческой природы. Къ строгости христіанскихъ правилъ присоединяли они яко бы христіанскую снисходительность къ слабостямъ ближняго. Они налагали на молодыхъ своихъ питомцевъ иго слѣпаго послушанія высшимъ вельнѣямъ церкви, и услаждали это иго потачками тайнымъ удовольствіямъ. Съ лицемѣрною кротостію мудрости разрѣшали они своихъ юныхъ друзей не только отъ старопольскаго цѣломудрія, но и отъ рыцарской честности. Этимъ путемъ дальновидные наставники входили въ тѣсныя съ ними связи, дѣлались ихъ товарищами въ предосудительныхъ поступкахъ, ихъ руководителями на поприщѣ житейской политики, и навсегда обезпечивали себя помощниками въ влєрикальныхъ интригахъ.

Если этимъ способомъ удавалось іезуитамъ привлечь на лоно римской церкви наследника древняго русскаго дома, то подѣихъ дружескимъ руководствомъ, онъ радѣлъ этой церкви въ своихъ маєтностяхъ такъ точно, какъ Сигизмундъ Ваза—въ своихъ королевщинахъ. Плѣненный въ послушаніе спасающей вѣры, вельможный панъ естественно подавалъ духовные хлѣбы своего патроната или римскимъ католикамъ, или такимъ православнымъ людямъ, которые не были способны поддерживать нашу церковь, напротивъ, своимъ безпутствомъ помогали разорять ее.

Низшая шляхта, панскіе мѣщане и мужики, кто добровольно, а кто и по принужденію, приставали къ вѣрѣ своего пана. Бывали такіа парафіи и архимандріи, въ которыхъ наследственное вѣтторство, именуемое патронатомъ, принадлежало не одному, а нѣсколькимъ дѣдичамъ. Тутъ іезуиты, или ихъ орудія, мѣстные всендзы, старались обратить въ русскую вѣру тѣхъ патроновъ, чьи предки больше другихъ участвовали въ фундаціи, а успѣвши въ этомъ, подавали ихъ руками королю просьбу, и король, „снисходя къ благочестивому же-

лвнію достойнѣйшихъ представителей вѣры“, отдавалъ церковь или монастырь съ ихъ имуществами подъ власть католическаго бискупа.

Это была старинная, еще доіезуитская практика римской пропанды. Іезуиты только обновили и подкрѣпили крестовые походы своего папы противъ Руси, которые остановили было чешскіе и нѣмецкіе нововѣрцы. Но они не дѣлали ничего кривляваго, слишкомъ уже громко вопіющаго и кроваваго. Наибольшее насиліе, которое дозволяли себѣ эти апостолы Христова намѣстника, заключалось въ насъиваньи школьничковъ и поджиганьи городскихъ „гультаевъ“ къ поруганію иновѣрнаго духовества, къ осмѣянію иновѣрныхъ процессій и обрядовъ, къ грабежу „еретическихъ“ и „схизматическихъ“ святыхъ лицъ. Но то были случаи особенные. Они шли въ тонъ съ обычнымъ въ тѣ времена буйствомъ не только между двумя враждебными вѣрами, но и между единовѣрцами. Вообще, дѣло іезуитской проповѣди велось такъ тихо, и вожаки церковнаго завоеванія держали себя такъ миролюбиво, что на поверхностный взглядъ казалось, будто въ Польшѣ нѣтъ никакого наступанія на малорусскую церковь, и какъ будто польская Русь католичится сама собою.

Что касается Сигизмунда III, то онъ всего больше помогаль іезуитской работѣ тѣмъ, что панамъ не католикамъ не давалъ, за рѣдкими исключеніями, никакихъ дигнитарствъ, которыхъ у него въ рукахъ, вмѣстѣ съ церковными бенефиціями, было больше двадцати тысячъ. Какъ ни ограничи паны королевскую власть въ своей Рѣчи Посполитой; но это былъ двигатель могущественный: ибо русскопольскіе магнаты, говоря о нихъ вообще, безъ королевскихъ милостей, не могли обставлять свои дома такъ, какъ того требовала политика ихъ обществённости. Королевскіе наперсники, клерикалы, рассчитывали тутъ безошибочно. Сигизмундъ Ваза, заставши въ числѣ литовскихъ, то есть малорусскихъ, сенаторовъ только двухъ или трехъ католиковъ, подъ конецъ своего царствованія имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ сенаторскія „лавицы“ занимали тамъ католики, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, на которыхъ сидѣли иновѣрцы. То же самое надобно разумѣть и о прочихъ дигнитарствахъ.

Такимъ образомъ наши малорусскіе дома, посредствомъ перемѣны вѣры, превращались въ польскіе; право наслѣдственнаго патроната, вмѣсто православнаго духовенства, распространяли они на католическое; оставляя ветхія церкви безъ починки, воздвигали великолѣпные костелы, и въ тѣ костелы переводили фундуши, пожертвованныя ихъ предками „на хвалу Божію по греческому обряду“. Все это дѣйствовало губительно на наше духовенство. Утрачивая со временъ Ягайла

одно церковное имущество за другимъ, и пополняя персоналъ іерарховъ не пастырями душъ, а мытарями и грѣшниками, малорусская церковь клонилась теперь къ паденію быстрѣе, нежели когда-либо. Къ убожеству духовенства естественно присоединилось невѣжество, а вмѣстѣ съ невѣжествомъ вкоренялись грубые нравы и привычки. Этотъ нравственный упадокъ, въ свою очередь, отвращалъ знатныхъ людей отъ отеческой вѣры, и тѣмъ скорѣе привлекалъ ихъ къ переходу на лоно римской церкви, или же направлялъ къ нововѣрству; а нововѣрство, выработанное жизнью чуждою, не поднимало въ насъ чувства русской національности изъ его упадка.

Одинъ только Киевопечерскій монастырь, который мы справедливо титуловали царствующею Лаврою, былъ у насъ крупною хозяйственною единицею среди обрѣзанныхъ или утраченныхъ церковныхъ имуществъ. Чѣмъ больше древнихъ малорусскихъ домовъ отпадало—то въ католичество, то въ протестантство,—тѣмъ малочисленнѣе и скуднѣе становились наши церковныя имущества, сравнительно съ иновѣрческими; а между тѣмъ въ личный составъ церковной іерархіи влѣдрялось такое зло, которое соотвѣтствовало отступничеству малорусскихъ пановъ и невѣжеству тѣхъ, кому предоставлялась роль охранителей родной національности.

Наши владычества и архимандріи, какъ это видно уже изъ предыдущаго повѣствованія, доставались не тѣмъ, кто сумѣлъ бы лучше строить въ малорусской церкви, а тѣмъ, за кого было больше ходатаевъ передъ иновѣрнымъ королемъ, верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ. Покупка у короля церковныхъ дигнитарствъ вошла въ обычай со временъ Ягайла. Сохранились даже письменныя обязательства уплатить королю условленную цѣну владычества деньгами и волами. Этимъ способомъ, еще при жизни митрополита, владыкъ и архимандритовъ, мѣста ихъ продавались въ Краковъ и въ Варшавѣ, точно на рынкѣ. Покупали духовныя столицы и духовныя хлѣбы почти исключительно сановники свѣтскіе, вовсе не приготовленные къ исполненію новыхъ обязанностей. Управляя церковными дѣлами, покупщики долго титуловались *нареченными* владыками или архимандритами: принять иночество обязывались они только для вида; но, покамѣстъ, жили въ монастыряхъ съ женами и дѣтьми, со слугами, охотничьими собаками и всѣми панскими забавами, а въ случаѣ ссоры съ сосѣдями за село или за угоды, хаживали на своихъ противниковъ попанскіи войною, если же противникъ былъ чловѣкъ духовный, то владыка ходилъ войною на владыку, архимандритъ бралъ приступомъ церковь и монастырь у архимандрита. Не останав-

ливало ихъ ни въ чемъ общество, отуманенное въ разумѣніи церкви и вѣры, если не латинствомъ, то протестанствомъ и злоупотребленіями, какъ продавцовъ, такъ и покупателей духовнаго сана. Въ виду поруганныхъ святилищъ, владѣльцы ихъ распутничали, святотатствовали и разбойничали безнаказанно; на подначальное имъ низшее духовенство смотрѣли, какъ откупщики, имѣющіе въ виду одни доходы, и естественно были беззаботны относительно просвѣщенія этого духовенства, относительно достоинства жизни его.

Въ такомъ замѣшательствѣ малорусской церкви, городскіе и сельскіе попы все меньше и меньше дѣлались тѣмъ, чѣмъ надлежало имъ быть, обращали спасительное дѣло церкви въ простое ремесло, а невѣжество ихъ было таково, что иногда они читали въ церквахъ подсунутую имъ книгу свѣтскаго новатора, какъ твореніе святыхъ отцовъ, часто бывали неграмотны вовсе, а еще чаще дѣлались постоянными посѣтителями кабаковъ, забывая о церкви.

Купля и продажа хлѣбовъ духовныхъ начались у насъ, по всей вѣроятности, еще во времена татарскаго владычества. При Сигизмундѣ III онѣ принесли свои вредные плоды. Верховная власть константинопольскаго патріарха надъ нашею церковью существовала только по имени. Подавленные своими іерархическими смутами подъ мусульманскимъ верховенствомъ, восточные патріархи не появлялись въ нашемъ пустынномъ краѣ лично, затруднялись даже присылать къ намъ своихъ уполномоченныхъ. Некому было входить въ положеніе церковныхъ дѣлъ, не къ кому было обращаться съ жалобами на повсемѣстныя злоупотребленія духовнымъ саномъ. Наше малорусское православіе, наше „древнее русское благочестіе“ въ Польшѣ представляло опустошенныя, падающія въ развалины церкви, возмутительный бытъ духовенства высшаго, невѣжество, убожество и беззаботность о церкви низшаго, наконецъ, какъ это естественно, упадокъ доброй нравственности у мірянъ всякаго состоянія, отъ магната до хлѣбороба. Въ народной массѣ водворился развратъ, которому изумлялись даже иноземные наблюдатели. Хранительныя узы родства, семьи и женской стыдливости до того ослабѣли тогда въ нашемъ простонародѣ, что, казалось, будто бы въ немъ исчезла всякая совѣсть.

Лучшіе между нами люди, видя, что такъ называемое благочестіе не заключало въ себѣ ничего спасительнаго, начали искать спасенія общественной нравственности за предѣлами восточнаго патріархата, и раздѣлились въ своихъ замыслахъ на двѣ партіи. Одни, наслушавшись нѣмецкихъ нововѣрцевъ, склонялись къ тому, чтобъ отречься преданій родной старины церковной, а другіе, видя сравнительно по-

рядочную жизнь католиковъ, готовы были признать главенство римскаго папы и соединить національную церковь съ латинскою. Греческая вѣра, казалось, падала въ Малороссіи сама собою, яко несостоятельная. Нѣкоторые надѣялись еще, что ее поддержитъ въ ея упадѣхъ богатый, славный и приверженный въ православію домъ князей Острожскихъ. Но могущественные паны Острожскіе одной рукой поддерживали предковскую церковь, а другою подрывали.

Они были потомки Изяслава, и происходили отъ туровско-пинскихъ Рюриковичей. Новые послѣ Татаръ обладатели нашей Русской земли, Литвины оставили за Острожскими, какъ и за другими князьями, нѣкоторыя изъ ихъ древнихъ правъ, и приниженымъ Рюриковичамъ было такъ хорошо подъ Гедиминовичами, что они больше коренной Литвы противились Ягайловскому соединенію Великаго Литовскаго Княжества съ Польскою Короною. Когда Ягайло сидѣлъ уже на королевскомъ престолѣ, и тогда еще они, заодно съ его братьями, пытались отдѣлить отъ Польши Литву. По смерти Ягайла, князь Василій Ѳеодоровичъ Острожскій отговаривалъ литовскаго великаго князя Казимира Ягайловича принимать отцовскую корону, а когда это ему не удалось, онъ вступился за литовское право и домогался, чтобы Польша считала Литву не подначальною, а равною себѣ державою, и возвратила бы ей Лопатинъ, Бельзъ, Подолію и другія земли, которыя при Ягайлѣ захватила подъ свою юрисдикцію.

Знаменемъ спора литовскихъ патріотовъ съ польскими обыкновенно выставлялась русская церковь, у которой Римская курія отнимала постоянно одинъ духовный хлѣбъ за другимъ. Чѣмъ больше латинская церковь выманивала у короля русскихъ бенефицій, тѣмъ громче приверженцы Литвы отзывались за обиженную церковь малорусскую. Папскіе нунціи старались между тѣмъ разъединить православныхъ русскихъ вельможъ. По смерти князя Василя Ѳеодоровича, имъ удалось раздвоить и самый домъ Острожскихъ. Младшая линія этого дома, титуловавшаяся князьями Заславскими, искусилась какими-то личными интересами, и перешла въ католичество. Но зато старшая, которой представителемъ былъ князь Константинъ Ивановичъ, еще больше возревновала о русскомъ благочестіи предковъ своихъ. Напрасны были всѣ проски римскихъ политиковъ, направляемыхъ легатомъ Пизономъ. Не отклонялся Константинъ Ивановичъ ни въ какомъ обрядѣ отъ родной вѣры, созидалъ храмы, поддерживалъ древніе монастыри и защищалъ всѣхъ, кого тѣснили паписты. Папскій легатъ Пизонъ всю надежду свою окатоличить Малороссію возлагалъ на при-

влеченіе князя Константина къ римской вѣрѣ, но его чаяніе было напраснымъ.

И въ самомъ дѣлѣ стойкость Константина Ивановича Острожскаго значила много для нашей Руси, уже поколебленной въ своей національности. Будучи обладателемъ громаднѣйшей, явился онъ и великимъ воиномъ. Отъ конца XV столѣтія до 30-хъ годовъ XVI-го, князь Константинъ, титулуясь литовскимъ гетманомъ, охранялъ границы королевства отъ Москвы, Татаръ и Волоховъ такъ могущественно, что король Сигизмундъ I устраивалъ ему триумфальныя вѣзды въ Вильно и въ Кіевъ, чего никогда еще не бывало. Подъ его начальствомъ и руководствомъ образовалось первое извѣстное въ исторіи днѣпровское казачество, заслужившее у современниковъ славу „великихъ и безупречныхъ Геркулесовъ“,—казачество шляхетское, въ которомъ гетманили герон паны и князья, какъ объ этомъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Онъ оставилъ по себѣ наилучшую память въ обществѣ польскихъ и русскихъ рыцарей. Былъ онъ храбрѣйшимъ между своими сподвижниками и справедливѣйшимъ въ дѣлѣхъ военной добычи. Съ плѣнниками обходился по-христіански; давалъ къ себѣ доступъ самому мелкому просителю, и награждалъ заслуги своихъ соратниковъ такъ щедро, какъ никто.

И было у него довольно средствъ для такой щедрости. Наслѣдственныя владѣнія свои увеличилъ онъ брачнымъ союзомъ съ двумя древними малорусскими домами. Онъ былъ женатъ сперва на Татьянѣ, единственной дочери Симеона Омельковича, князя Ольшанскаго, и Настасіи, княгини Збаражской, а въ другой—на Александрѣ, дочери Симеона, князя Слуцкаго. Сигизмундъ I пожаловалъ ему староства Брацлавское, Винницкое и Луцкое, каштелянство Виленское, восводство Троцкое. Кромѣ того, онъ былъ маршаломъ земли Волинской, а за оборону литовскихъ границъ получилъ отъ Сигизмундова предшественника короля Александра, замокъ Дубно.

По смерти Константина Ивановича (1533), два сына его, Илья и Константинъ-Василій, однимъ тѣмъ, что назывались князьями Острожскими, поднимали національный духъ Южной Руси. Ихъ домъ былъ устоемъ и средоточіемъ того, что уцѣлѣло отъ религіознаго и племеннаго нашего единства съ Русью Сѣвѣрною, со времени татарскаго владычества. Но недолго жилъ послѣ отца старшій братъ, Илья. Представителемъ широко прославленнаго дома остался одинъ только князь Острожскій, Константинъ II, иначе князь Василій, и было ему тогда всего шестнадцать лѣтъ.

Не удивительно, что молодой магнатъ внималъ и давалъ вѣру не столько тому, кто говорилъ правдиво, сколько тому, кто говорилъ убѣдительно. Распространившаяся тогда мода нововѣрства не миновала довѣрчиваго юноши. Но противникамъ новаторовъ, Римлянамъ, не трудно было дискредитировать у него такъ называемую нѣмецкую науку вѣры въ пользу грандіозной церкви, которой первосвященникомъ былъ не патріархъ, подвластный невѣрному Турку, а государь государей, земной намѣстникъ небеснаго царя. Вообще, кто разъ отпадалъ у насъ на Руся отъ древней греческой церкви, тотъ уже не возвращался къ ней искренно, потому что католики, опровергая нововѣрство, тѣмъ самымъ обнаруживали мракъ, лежавшій надъ восточнымъ вѣроученіемъ, и „грубіанство“, отличавшее нашихъ духовныхъ. Такъ было и съ юнымъ княземъ Острожскимъ. Въ 1550 году женили его на дочери католика, короннаго гетмана Тарновскаго, и этимъ актомъ сдѣлали то, что домъ Острожскихъ, который былъ для Римской куріи „вратами адовыми“, сдѣлался для нея вратами райскими. Въ эти ворота, отворенныя, какъ увидимъ, черезъ полвѣка съ небольшимъ настезь, всѣ владѣнія и кліенты князей Острожскихъ, такъ точно какъ и Заславскихъ, изъ-подъ власти православныхъ перешли подъ власть католиковъ.

Князь Константинъ-Василій Константиновичъ, котораго напи историки изображаютъ „святопамятнымъ“, какъ и современные панегиристы, былъ именно тотъ, кто отворилъ настезь католичеству наши послѣднія оборонныя ворота на гибель Польши и его собственнаго дома съ нею. Первородный сынъ его, Янушъ, унаслѣдовавшій всѣ его владѣнія, по новѣйшимъ польскимъ изслѣдованіямъ, spolszszal, jeszczе w kolebce *), такъ какъ вмѣстѣ съ католичкою Тарновскою, въ православный домъ князя Василія перешелъ и духовникъ ея, вѣстный апостоль католичества въ Малороссіи, іезуитъ Петръ Скарга. Между тѣмъ православникамъ казалось, что сынъ знаменитаго литовскаго гетмана стоитъ на стражѣ древнерусской церкви и не такою закала была эта личность.

Славный отецъ приготовилъ князю Василію вліятельное положеніе среди можновладниковъ, но онъ пользовался своими преимуществами, какъ эгоистъ. Еще при Сигизмундѣ Августѣ сочеталъ онъ, изъ корыстныхъ видовъ, насильственнымъ бракомъ съ княземъ Сангушкомъ сироту и наслѣдницу своего брата Ильи, опекуномъ которой былъ самъ король. Князь Василій былъ такъ могущественъ, что его не рѣ-

*) Ополячился еще въ колыбели.

шились даже попрекнуть самовольствомъ; но для обороны своего зятя, погибшаго смертью баянѣ отъ руки своихъ враговъ, не сдѣлалъ онъ ни малѣйшаго шага. Стефанъ Баторій титуловалъ его *ясно велиможнымъ*, что значило много въ старой Польшѣ, тогда какъ прочихъ князей, родственниковъ его, звалъ попросту *твоя стѣрность*, но начальникъ православія не проронилъ слова въ защиту православныхъ церквей и монастырей, которые король отдавалъ иезуитамъ. „Повага“ князя Василя выросла въ Польшѣ до такой степени, что нунцій Спаноччи въ ряду кандидатовъ на корону Стефана, на первомъ мѣстѣ поставилъ князя Василя, а на второмъ—его сына Януша, —и могущественный изъ можновладчиковъ довольствовался только удовлетвореніемъ семейной гордости въ своемъ политическомъ значеніи.

Современные историки прославляютъ отца его за тридцать три побѣды надъ Москалями, Волохами и Татарами, но молчатъ про его собственные подвиги, хотя всѣ грамотеи въ тѣ времена были присяжными панскими льстецами. Въмѣсто того, широко распространялись они о его богатствѣ и не находили лучшей похвалы его величію, какъ тотъ фавтъ, что онъ какому-то высокому сановнику платилъ 70,000 злотыхъ *) за то, чтобъ онъ два раза въ годъ стоялъ у него за спиной во время торжественнаго обѣда. Пишутъ еще, что у него въ домѣ толпилось безчисленное множество гостей, но не упоминаютъ, какая вѣра или національность была здѣсь наилучше представляема. Толкались у него и монахи аеонцы, апостольствовали въ его сборищахъ и иезуиты, находили щедрое гостепримство и протестанты всѣхъ сектъ, не исключая и аріанской. Въ XVI вѣкѣ вошло въ обычай, сдѣлалось модою и страстью вести религіозные диспуты. Поэтому знатные паня наклоняли ухо ко всякой ораціи, слушали диспуты, точно концерты; а проповѣдники старыхъ и новыхъ вѣроученій стекались къ нашему малорусскому магнату, въ надеждѣ привлечь его къ своей вѣрѣ. Между тѣмъ люди глубокаго ума или великаго энтузіазма, собираясь въ богатомъ домѣ для разумной бесѣды, не находили въ самомъ меценатѣ подготовки для пониманія своего выработаннаго долгимъ трудомъ слова, и забавляли его, какъ ребенка, не научая ничему. У князя Константина II Острожскаго можно было видѣть и строгія лица нѣмецкихъ реформаторовъ, которыхъ, за предѣлами свободной Польши, сожигали на вострахъ, и рядомъ съ ними повседневныя фигуры панскихъ потѣшниковъ, которые зарабатывали свой насущный хлѣбъ смѣхотворствомъ. Тутъ проживали изгнанные папистами ректоры итальянскихъ

*) Злотый стоялъ тогда разъ въ двадцать больше нынѣшняго.

университетовъ, и тутъ же важную роль игралъ знаменитый Богданъ Обжора, который съѣдалъ за десятерыхъ, пилъ, какъ верблюдъ, и никогда не напивался допьяна.

Князь Василій, какъ его называли въ Москвѣ и въ Турціи, пользовался широкою славою своего отца на Руси, но поддерживалъ ее только тѣмъ, что былъ доступенъ для каждаго ревнителя древняго благочестія и давалъ его поборникамъ подачки на печатную прю съ его прѣтѣснителями. Но и представители другихъ вѣръ находили въ немъ такую помощь, что одни ревнители католичества посвящали ему свои сочиненія, а другіе объявляли его, если не схизматикомъ, то еретикомъ и даже атеистомъ. Это потому, что въ дѣлахъ вѣры и церкви князь Василій безпрестанно переходилъ изъ одного лагеря въ другой, и никто не зналъ, которому лагерю онъ усердствуетъ наиболѣе. Титулуясь по наслѣдству протекторомъ русской церкви, онъ въ свой славный древнимъ благочестіемъ домъ ввелъ, какъ мы видѣли, жену папистку съ ея католическимъ почтомъ, и своего первенца дозволилъ іезуиту окрестить по обряду римской церкви; а потомъ выдалъ любимую дочь свою, Катерину, за предводителя литовскихъ протестантовъ, князя Криштофа Радзивила (по-польски Радзивила), прозваннаго Перуномъ, когда же онъ овдовѣлъ, немедленно выдалъ за него и другую дочь, Елизавету. Но, чтобы не оттолкнуть отъ своего дома православниковъ, сына своего Александра держалъ онъ въ той вѣрѣ, отъ которой не отривался и самъ. Между тѣмъ Сигизмунду III, „ярому католику“, онъ угождалъ такъ много, что тотъ князя Януша сдѣлалъ краковскимъ каштеляномъ, а князя Александра—волынскимъ воеводою. Самъ же князь Василій давно уже былъ воеводою кіевскимъ и маршаломъ Земли Воынской. Такъ всѣ три релігіозныя партіи, сохранившія въ Польшѣ политическое равновѣсіе свое, считали князя Василія принадлежащимъ къ своему лагерю, и каждая должна была заискивать его благосклонности, боясь перевѣса стороны враждебной. Какъ онъ старался, чтобы его всѣ называли протекторомъ русской церкви въ Польшѣ, показываетъ намъ хвала его имени, которую монахи и попы разносили всюду, отъ Острога до Кіева, отъ Кіева до Москвы, отъ Москвы до Царьграда и Аѳона. А какъ онъ былъ неспособенъ въ своей величавой роли, это мы видимъ изъ того, что онъ, представляя изъ себя непоколебимаго православника, держался за полу литовскихъ протестантовъ.

Когда съ новой христіанской науки сошла первая пѣна, многіе послѣдователи Лютера и Кальвина увидѣли, что, уничтожая древніе обычаи и святилища, не распространяли они въ народѣ реформиро-

ваннаго христіанства, а дѣлали изъ этого народа только языческую толпу передъ покинутыми христіанскими храмами. Ученые и наблюдательные нововѣрцы, такіе какъ Радивиль Черный, пришли къ тому убѣжденію, что народъ нашъ можно вывести на добрый путь лишь улучшеніемъ его нравственности посредствомъ научныхъ знаній. Радивиль Черный первый изъ Литво-Русичей основалъ у себя типографію, и въ 1563 году напечаталъ первый польскій переводъ Библіи. Онъ первый началъ заводить въ своихъ городахъ и селахъ школы, а домъ свой сдѣлалъ подобіемъ академіи, составленной изъ ученыхъ Поляковъ, „Руснаковъ“ и чужеземныхъ выходцевъ. Князь Василій тѣмъ же порядкомъ заводитъ у себя, въ городѣ Острогѣ, школу, типографію, даетъ въ своемъ домѣ пристанище грекославянскимъ библистамъ и печатаетъ Библию церковнославянскую. „Оттого, что у насъ нѣтъ наукъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“, пишетъ онъ съ голоса протестантовъ, и приближенные къ нему люди, вмѣсто того, чтобы поддерживать русское православіе, каково бы оно ни было тогда въ нашемъ обществѣ, поддерживаютъ въ мѣщанскихъ муниципаліяхъ духъ протестантскій.

Мѣщанскія муниципаліи появились у насъ въ Южной Руси подъ руководствомъ Нѣмцевъ. Бытовой механизмъ этихъ мѣщанскихъ республикъ выработался по общинному праву города Магдебурга. Но, до появленія въ Польшѣ іезуитовъ, муниципальное нѣмецкое право дѣйствовало въ Малороссіи вяло. Мало кто и обращался къ нему въ мѣщанскихъ республикахъ. Оживила его и поставила на ноги протестантская проповѣдь, въ борьбѣ съ іезуитскою. Подъ вліяніемъ германскихъ воспитанниковъ, польскорусскихъ пановъ, мѣщанскія *братства* или *цехи*, заговорили языкомъ магдебургскаго самоуправленія.

Братства и цехи существовали у насъ издавна, какъ союзы ремесленниковъ и купцовъ въ родѣ нѣмецкихъ *брудершафтовъ*. Теперь смѣшались они съ давнишними братствами церковными, и поставили церковные интересы свои подъ знамя вѣры. Церковныя братства, заботившіяся прежде о поддержкѣ храмовъ и вспоможеніи убогихъ людей по древнему христіанскому преданію, вводили теперь у себя церковный самосудъ и составляли себѣ права по образцу нѣмецкихъ муниципальных общинъ. Мало было уже для нихъ церковнаго благолѣпія да милосердія къ бѣднымъ: по примѣру протестантовъ, они вмѣшиваются въ дѣла своего духовенства и въ управленіе самой іерархіи. Были и прежде такіе случаи, что мѣщане жаловались королю на своихъ архіересвъ за обдиранье поповъ и притѣсненье прихожанъ. Но въ тѣ времена они еще мало внимали Нѣмцамъ, которые безпре-

станно переселялись въ Польшу и въ польскую Русь, угрожаемые терроромъ со стороны латинскаго духовенства, и вносили въ польско-русскую среду свой реформаціонный взглядъ на пастырство человѣческихъ душъ. Теперь нѣмецкій протестантскій образъ мыслей распространялся у насъ во всѣхъ церковныхъ братствахъ, которыя ничѣмъ уже не отособлялись отъ ремесленныхъ цеховъ и купческихъ корпорацій. Насколько малорусская церковь походила своими вѣрованіями и обрядами на римскую, настолько надобно было ждать въ ней и реформы, постигшей римскую церковь вездѣ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ самой Польшѣ. Мѣщане перестали видѣть въ своемъ духовенствѣ руководителей въ разумнѣнн Свещеннаго Писанія, перестали вѣровать въ благодать рукоположенія и смѣло заявляли опеку церковнаго братства надъ рукоположенными.

Такая реформація понятій о церкви выразительнѣе всего проявилась въ Львовѣ, многолюднѣйшемъ городѣ послѣ Вильны, столицы южнорусскаго протестантства. Подъ конецъ XVI столѣтія, восточные патріархи утратили уже у Турокъ терпимость, которую относительно христіанъ ввелъ было среди нихъ мудрый завоеватель Константинополя, Магометъ II. Подкупаясь одинъ подъ другого, верховные наши первосвященники сами учили мусульманъ увеличивать все больше и больше наложенную на христіанскія патріаршества дань. Начали Турки тѣснить ихъ въ церковныхъ имуществвахъ и нерѣдко обращали христіанскіе храмы въ магометанскія мечети. Претерпѣвая такое поруганіе, восточные патріархи не могли держать себя такъ строго относительно подвластныхъ имъ въ церковномъ управленіи народовъ, какъ держалъ себя первосвященникъ римскій. Тѣснила ихъ нужда; подкупались подъ нихъ пройдохи; теряли они, въ борьбѣ за свой санъ, чувство архипастырскаго достоинства. Поэтому подписывали бывало подаваемыя имъ отъ нашихъ церковныхъ братчиковъ грамоты, не зная даже, что въ нихъ написано. И вотъ, одною изъ такихъ покупныхъ грамотъ предоставили они львовскому братству наблюденіе за благочестіемъ и порядкомъ всей русской церкви въ Польшѣ, съ тѣмъ что, еслибы епископъ въ чемъ-либо поступалъ недостойно, то братство должно было смотрѣть на него, какъ на врага истины и противиться его распоряженіямъ. Въ другихъ патріаршихъ грамотахъ говорилось прямо, что названное братство на вѣчныя времена не обязано было подчиняться никакому духовенству, — ни митрополичьему, ни владычьему, ни иному духовному начальству, суду и благословенію, кромѣ патріаршей константинопольской кааедры. За нарушеніе такой привилегіи патріархъ

посылалъ нашимъ архіереямъ строгіе выговоры, похожіе на папскіе breve, и не обинуясь угрожалъ имъ отлученіемъ отъ церкви.

Между тѣмъ протестанты такъ усердно заботились о нашихъ братствахъ, что снабжали ихъ школы собственными наставниками, а малорусскія типографіи учеными распорядителями. Отсюда произошло удивительное, но не замѣченное нашею исторіографіею явленіе: что тогдашняя малорусская полемика выставляла на всенародное негодованіе имена вельможныхъ пановъ, совратившихся въ католичество, и совершенно игнорировала такихъ людей, какъ Радивилы, Ходкевичи, Вишневецкіе, Дорогостайскіе, Немиричи, Пузины и т. д., которые пренебрегли вѣрою православныхъ предковъ своихъ и подѣлались лютеранами, кальвинистами, аріянами и другими нововѣрными сектантами. Протестанты прикрывались въ этомъ дѣлѣ „повагою“ князя Василія и напечатали для нашего употребленія столько неортодоксальныхъ книгъ, что, спустя много лѣтъ по смерти престарѣлаго Острожскаго, съ одной стороны митрополитъ Петръ Могила очищалъ православныя церкви отъ книгъ, подготовлявшихъ насъ въ новаторству, а съ другой прозелиты римскаго католичества вырывали такія книги изъ рукъ у невѣжественныхъ малорусскихъ поповъ.

Въ самый разгаръ борьбы православниковъ съ церковною униєю, изъ острожской типографіи вышла написанная протестантомъ отъ имени „людей древней русской религіи“ книга „Апокрисисъ“. Въ этой книгѣ проповѣдывалось: что „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище состоящее изъ однихъ епископовъ“; что „между мірянами много бываетъ благочестивыхъ людей, которые одною своею простотою могутъ дѣлать многое“; что между ними „много бываетъ ученыхъ, которые гораздо умнѣе епископовъ“; что „простому мірянину и безъ посвященныхъ, лишь бы только онъ зналъ Писаніе, надобно больше вѣрить въ поученія, нежели самому папѣ“, и тому подобное.

Предводители малорусскаго протестантства, соединенные съ княземъ Васиіемъ узами дружбы и родства, видѣли, можетъ быть, въ немъ новаго Фридриха Саксонскаго, который, не выступая открыто за реформацію, отъ всего сердца покровительствовалъ ученію Лютера. Но политическій и церковный эквилибристъ, князь Васиіій, обманулъ ихъ надежды, такъ точно какъ и надежды православниковъ.

Еще въ 1577 году, ему, какъ высшему авторитету малорусской вѣры, посвятилъ іезуитъ Скарга книгу, которая доказываетъ: будто Греки отступили отъ единства Божіей церкви; будто русская церковь, подначальная восточнымъ патріархамъ, не имѣетъ будущности, и будто передъ нею одинъ только путь—соединиться съ церковью римскою.

Съ того времени іезуиты не переставали долбить мертвый умъ такъ называемаго Начальника Русскаго Православія, какъ водяная капля долбить камень, и, подобно протестантамъ, окружали князя Василя своими людьми.

Въ числѣ избранныхъ особъ, съ которыми князь Василій бесѣдовалъ наединѣ, были два агента іезуитской факціи, Кирилль Терлецкій и Ипатій Потѣй. Каждый изъ нихъ происходилъ изъ знатнаго панскаго дома, и оба считались „головами не малыми“ среди православниковъ. Терлецкій былъ сперва протопопомъ въ Пинскѣ, а съ 1585 года, по протекціи князя Василя, король сдѣлалъ его владыкою луцкимъ и острожскимъ; а Потѣй, будучи родственникомъ князю по женѣ, получилъ мѣсто брестскаго каштеляна, а въ 1593 году сдѣлалъ его владимірскимъ владыкою. Они пользовались свободнымъ доступомъ къ „верховному хранителю и защитнику православной церкви“, какъ величали князя Василя духовные панегиристы, и при всякомъ удобномъ случаѣ преподавали ему, точно катихизисъ, тѣ мысли, которыя іезуитъ Скарга высказалъ въ посвященной ему книгѣ. Могущественный князь не оспаривалъ того, что церковная унія дѣло спасительное, а собесѣдники распространяли благосклонныя слова его въ обществѣ и настраивали общественное мнѣніе такъ, какъ того желали католическіе клерикалы. Но, зная, какъ зыбокъ Начальникъ Русскаго Православія въ своихъ намѣреніяхъ, и видя его тѣсную дружбу съ протестантами, не смѣли открывать ему всѣхъ своихъ замысловъ, а вели дѣло такъ, чтобы поставить его въ невозможность противодѣйствовать имъ. Король Сигизмундъ III поощрялъ тайкомъ обоихъ епископовъ своими милостями и обезпечивалъ своею властью. Въ заговорѣ съ ними былъ и Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, воспитанный въ іезуитской школѣ высшихъ наукъ и приготовленный къ предстоявшей ему роли заблаговременно. Но этотъ не высказывался вовсе, и держалъ себя неопредѣленно между папистами и православными, какъ и самъ князь Василій. Прочихъ малорусскихъ архіереевъ приготовляли іезуиты къ отступничеству обѣщаніемъ королевскихъ пожалованій. Но православныхъ іерарховъ, сравнительно съ католическими убогихъ, не столько прельщали бенефиціи и даже обѣщанное имъ засѣданіе въ „сенаторской лавицѣ“, какъ то, что соединеніе съ католиками подъ верховною властью римскаго папы освободитъ ихъ отъ вмѣшательства въ духовныя дѣла свѣтскихъ пановъ, которые, въ качествѣ патроновъ, держали высшее духовенство, какъ и низшее, въ полной отъ себя зависимости и, вписываясь въ братства подъ именемъ старшихъ братчиковъ, передавали письменно свой автори-

тетъ братчикамъ младшимъ, а младшіе братчики, будучи торгашами, чеботарями, воскобойниками и т. п., верховодили въ церковной іерархіи на основаніи купленныхъ у константинопольскаго патріарха грамотъ.

Терлецкій и Шотфй не разъ писали въ князю Василию, совѣтуясь, какъ бы великое и спасительное дѣло церковной униі довести до конца безъ особенной тревоги въ обществѣ, наконецъ повернули круто, и въ 1595 году, получивъ отъ короля субсидію, отправились въ Римъ просить папу отъ имени „всѣхъ христіанъ“ простереть свое главенство и на Русь. Этотъ поступокъ оскорбилъ князя Василія смертельно. Возненавидѣвъ унию, которую до сихъ поръ лелѣялъ, какъ практикъ-эквилибристъ, онъ отправилъ посла на протестантскій съѣздъ въ Торнѣ, и въ инструкціи послу написалъ такія угрозы королю и католической шляхтѣ, какъ будто готовился идти на нихъ войною. Инструкція какимъ-то случаемъ очутилась въ рукахъ у короля. Вельможный защитникъ православія испугался своей смѣлости, и даль королевской партіи тѣмъ легче довести дѣло церковной униі до конца.

Въ октябрѣ 1596 года, въ городѣ Берестѣ, или Брестѣ, который въ Москвѣ называли Литовскою Брестью, собрался синодъ изъ представителей греческой и римской вѣры. Много было говору и крику между православниками и въ самомъ Берестѣ, и по всей польской Руси. Думали, что князь Василій, обладавшій милліонами наличныхъ денегъ, являвшійся на варшавскій сеймъ съ артиллерією и многочисленнымъ войскомъ, имѣвшій возможность призвать къ оружію десятки тысячъ своихъ подданныхъ и вассаловъ, думали, что онъ и совершить въ самомъ дѣлѣ что-то чрезвычайное на защиту вѣры знаменитыхъ предковъ своихъ. Но „верховный хранитель и защитникъ православной церкви“ не въ силахъ былъ оборонить даже берестовскихъ поповъ и мѣщанъ, которые, въ упованіи на его могущество, выступили противъ королевской партіи съ такими смѣлыми рѣчами, что ихъ посажали въ тюрьму и объявили банитами. Еще больше посрамилъ себя „святошаматный“ тѣмъ, что, пригласивъ на соборъ протопотарія константинопольскаго патріаршаго престола, Никифора, допустилъ противной партіи сдѣлать изъ него турецкаго шпіона и посадить въ маріенбургскую крѣпость, гдѣ онъ и скончался. Титулъ протектора русской церкви послалъ Острожскій изъ одной панской гордости да для острастки своихъ политическихъ противниковъ. Но, когда они показали, что не боятся той Руси, которую онъ якобы представлялъ въ своей особѣ, тогда онъ сдѣлался настолько смиреннымъ и безсильнымъ, насколько прежде казался гордымъ и могу-

щественнымъ. Борясь до упадка съ утвержденною уже и обнародованною королею унією, львовскіе мѣщане спрашивали у него, что же имъ наконецъ дѣлать? и князь Василій отписалъ имъ: „Терпѣть, терпѣть и терпѣть“.

Такъ исчезла надежда православниковъ на поддержку со стороны дома Острожскихъ. Такъ низко пало знаменитое начальство этого древняго княжескаго рода надъ нашею церковью. Спустя десятилѣтіе по обнародованіи церковной уніи, въ числѣ православныхъ пановъ не осталось ни одного Острожскаго. Съ другой стороны, протестантское движеніе ознаменовало себя у насъ только тѣмъ, что испуганные церковными братствами іерархи должны были искать у римскаго папы защиты отъ грубаго вмѣшательства мѣщанъ въ церковныя дѣла. Между тѣмъ наши паны, сдѣлавшись протестантами, перестали быть въ глазахъ Русскаго народа Русью, такъ точно, какъ и тѣ, которые совратились въ католичество. Озлобленное папистами духовенство стало указывать на отступниковъ, какъ на своихъ гонителей, и безразлично называло *Ляхами* всѣхъ исполнителей правительственныхъ распоряженій, такъ что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у насъ на Руси синонимами*). Земскіе послы, законодательствовавшіе вмѣстѣ съ королевскими сенаторами на дворянскихъ сеймахъ или вѣчахъ; земскіе и замковые судьи, охранявшіе общественное право; коронныя ополченія, на вербованныя свободно не только въ католическомъ, но и въ православномъ населеніи Польши для отраженія Татаръ и Турокъ, для войны со Шведами и Москвою, все это были у насъ Ляхи. Съ другой стороны, раздраженные русскою закоренѣлостью проповѣдники болѣе человѣчной, какъ они думали, вѣры прозвали православіе религією волчьею, и потѣпали себя выходками противъ нея школьниковъ своихъ. Но клерикальное дѣленіе нашихъ предковъ на Ляховъ и Русиновъ не осталось достояніемъ одного кельскаго фанатизма. Изъ устъ поповскихъ оно перешло въ сердца мірянъ, и повело къ такимъ комбинаціямъ, въ силу которыхъ задача религіознаго единенія Польши должна была разрѣшиться ся социальнымъ раздвоеніемъ.

Подъ вліяніемъ іезуитски религіозно проповѣдуемаго единства, идея русской народности до того была наконецъ подавлена въ Малороссіи, что уже князь Василій, отправляя сына въ заграничное путе-

---

*) Въ тогдашнемъ языкѣ слово *Ляхъ* означали у насъ Русина, отпавшаго отъ православія; исконныхъ же католиковъ называли мы *Поляками*. Поэтому и въ современной московской письменности встрѣчаемъ поставленные рядомъ слова *Ляхи* и *Поляки*, какъ названія не однозначачія.

шествіе, напутствовалъ его словами: „Помни, что ты Полякъ“. При его наслѣдникахъ, на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ водворилась Польша, или то, что народъ называлъ Ляхвѣю, и вскорѣ іезуиты раскинули свои преобразовательныя училища отъ Полотска до Переяслава, отъ Ярослава Галицкаго до Новагорода Сѣверскаго. Ни наука, ни литература, ни высшее общежитіе, ни даже богатство не представляли въ себѣ русскаго элемента. Онъ держался только тамъ, гдѣ, по невѣжеству, не умѣли говорить и писать по-польски, или гдѣ церковная обрядность не допускала польщизны и латыни. Но именно этимъ отособленіемъ господствующей части Малоруссовъ отъ подчиненной, которое составляло главную заботу іезуитской педагогій, правительство Рѣчи Посполитой Польской выдвинуло на сцену дѣйствія тѣ силы, которыя обратили въ ничто и темныя интриги Римской куріи въ Польшѣ, и подвига неучастныхъ къ нимъ, представителей польской народности въ Малороссіи.

Глава II.

Польскіе мѣщане и вольская шляхта.—Земледѣліе и городская промышленность.—
Польскорусскіе крестьяне.—Столицовеніе европейскаго хозяйства съ азіатскимъ.—
Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ.—Соперничества между мѣщанами и
шляхтою.—Колонизація малорусскихъ пустынь.—Украинные города.—Зарожденіе
козачества.—Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству.—Мысль
объ уничтоженіи козачества.

Въ то время, когда іезуиты трудились надъ созданіемъ единой
вѣры и единой національности въ составѣ польскаго дворянства, это
дворянство обратило свою хозяйственную дѣятельность на извлечение
доходовъ изъ роскошныхъ пустынь Малорусскаго края, не тронутыхъ
плугомъ со временъ Татарскаго Лихолѣтя.

Экономическая сторона польскорусской исторіи сама по себѣ
интересна. Въ связи съ событіями, къ которымъ привела польскихъ
и нашихъ малорусскихъ пановъ хозяйственная дѣятельность, интересъ
ея дѣлается трагическимъ.

Коренная или старая Польша *) дѣлилась весьма выразительно
на городскую и сельскую. Городская принадлежала почти исключи-
тельно выходцамъ изъ другихъ, болѣе цивилизованныхъ или болѣе
безпокойныхъ странъ. Сельская составляла почти исключительную
собственность туземцевъ. По наслѣдственнымъ рыцарскимъ понятіямъ,
для шляхтича было унижительно заниматься мѣщанскими промыслами
и торговлею. Только война да земледѣліе были ему приличны. Съ
другой стороны, польскій мужикъ былъ такъ простъ и патріархаленъ,
что въ городскомъ быту не могъ выдерживать соперничества съ при-
шельцами. Остальное состояніе обоихъ этихъ сословій, сравнительно
съ обитателями европейскаго Запада и Юга, соединяло нравственные

---

*) По ея образу и подобію сформировалась Новая Польша, какъ называли
современные польскіе политики нашу Малороссію.

и вещественныя силы ихъ въ нераздѣльную, вольную и невольную предприимчивость. Панъ, въ качествѣ землевладѣльца, долженъ былъ увеличивать рабочія средства мужика. Мужикъ въ качествѣ звѣролова и номада, интересовался привольемъ и обширностью панскихъ угодій. Свидѣтельствомъ взаимнаго согласія этихъ двухъ состояній, или естественнаго сродства ихъ до временъ Ягайла, служить намъ необыкновенно густое населеніе Краковской, Сендомирской, Мазовецкой, Великопольской и Малопольской земель, почти не увеличившихъ количества своихъ силъ съ XII и XIII столѣтій до XVIII-го.

Это согласіе, имѣвшее, конечно, свои печальныя исключенія, начало нарушаться разными обстоятельствами, вытекавшими изъ той личной свободы, которой искони домогались, которою всего больше дорожила и гордилась польская шляхта. Оттягавъ у своихъ государей существенную часть древняго княжескаго права (*jus ducale*), но не развивъ общественности въ соотвѣтственной степени, сарматскіе землевладѣльцы не умѣли водворить миръ и порядокъ въ своемъ привилегированномъ сословіи, дѣлали взаимныя захваты земли, полевыхъ урожаевъ и всякаго иного имущества, а съѣзжаясь на свои сеймы, или вѣча, превращали ихъ въ такія побойща, какими отличалось вѣчевое время нашихъ удѣльныхъ князей и ихъ дружинниковъ. Отсюда у „визшей шляхты“, или мелкихъ дворянъ, возникъ обычай „отдавать себя подъ панскій щитъ“, то есть собираться вокругъ воинственнаго землевладѣльца и общими силами домогаться боеваго правосудія, а у людей побогаче или позавзятѣе—выставлять свой щитовой гербъ, называвшійся *проклямоу*, иначе *лазывомъ*, и обязывавшій всѣхъ родныхъ и всѣхъ принявшихъ тотъ же гербъ въ знакъ союза, или „клеивотничества“, являться на кличъ своего предводителя. Обычай этотъ имѣлъ то практическое значеніе, что воинственные и предприимчивые шляхтичи, съ помощію своихъ вассаловъ, увеличивали наследственныя имѣнія свои или фактическимъ захватомъ, или перевѣсомъ вооруженной силы на судебномъ вѣчѣ. Наконецъ, и безо всякихъ неправдъ, люди съ характеромъ гордымъ должны были заботиться о крупности своего землевладѣнія и увеличеніи доходовъ своихъ для того, чтобы не сдѣлаться игралищемъ заgreбистаго сосѣда. Имѣнія и доходы увеличивались, какъ исходатайствованіемъ у короля пожалованій и особыхъ привилегій, такъ и повулкою земли у мелкихъ владѣльцевъ, которые предпочитали продать свои ланы и лѣса одному шляхетному „дукъ“, нежели видѣть ихъ присвоенными другимъ.

Такъ, въ отдаленныя времена, было положено начало польскому *можновладству*, или вельможеству, которое, въ видахъ сохраненія меж-

ду панами политическаго равновѣсія, образовало въ Польшѣ нѣсколько десятковъ удѣльныхъ княжествъ, подъ названіемъ панскихъ добръ, ключей, волостей, и подѣлило шляхту на нѣсколько вассальствующихъ партій. По свидѣтельству Длугоша, уже въ XII вѣкѣ было въ Польшѣ семьдесятъ такихъ панскихъ домовъ, которые „поднимали щить“ отъ собственнаго имени и, пренебрегая, въ сознаніи силы своей, именемъ *шляхтичей*, называли себя *панами*.

Перевѣсъ на ту или другую сторону боевой силы и достатковъ борющихся землевладѣльцевъ побуждалъ крестьянъ перебѣгать въ тому пану, у котораго было имъ побезопаснѣе и попривольнѣе. Такъ какъ было бы напрасно требовать отъ сосѣдей, чтобъ они не принимали къ себѣ перебѣжчиковъ, то шляхта уже въ концѣ XIV столѣтія пришла къ необходимости налечь законодательными правами своими на крестьянъ, и добилась того, что вольнымъ до тѣхъ поръ *кметямъ* было запрещено переходить съ мѣста на мѣсто. Въ польскихъ займищахъ происходило такимъ образомъ нѣчто подобное верхнему и нижнему теченію воздуха. Требованія жизни и быта велѣли крупнымъ землевладѣльцамъ расширять свои имущества на счетъ мелкихъ, и тѣ же требованія побуждали крестьянъ изъ имѣній мелкихъ стремиться туда, гдѣ было попривольнѣе.

Подобное же движеніе происходило въ Польшѣ и относительно сосѣднихъ племенъ. Смѣшанное населеніе Нѣмецкой Имперіи, томимое феодальными смутами и сознававшее превосходство въ промыслахъ надъ отсталымъ Полякомъ, постоянно выселялось въ полудикую Сарматію, какъ въ старину сравнительно тихую и обѣщавшую больше прибыли. Здѣсь, какъ и въ дотатарской Малороссіи, хлопотали издавна о заселеніи городовъ нѣмецкими выходцами, и представляли Нѣмцамъ (какъ называли и нѣмецкихъ Славянъ) сохранять законы и обычаи роднаго ихъ края. Но сельское населеніе смотрѣло на пришельцевъ, какъ на людей нечестивыхъ. Въ праздничные дни Нѣмцы устраивали у церкви торги съ кабаками, музыкой, пѣснями, которыя нарушали чинъ богослуженія и отвлекали молодежь отъ молитвы. При этомъ ремесленные цехи, всегда враждебные другъ другу, заводили обыкновенно драки, въ которыя влѣшивали и подпоенныхъ мужиковъ. Если же послѣ дракъ запивали мировую, то общее согласіе цеховъ было еще вреднѣе для сельскихъ жителей, чѣмъ ихъ раздоры. Пользуясь коммерческой организаціей своею, мѣщанскіе цехи устанавливали произвольныя цѣны привозимымъ на рынки товарамъ. Напрасно мѣстные воеводы и старосты публиковали собственный тарифъ; оборона отъ нѣмецкихъ торгашей была не по силамъ для отсталыхъ въ культурномъ пройдошествѣ поселянъ.

Чувство отвращенія сельской Польши къ городской увеличивало еще распущенность семейнаго и общественнаго быта, не виданная ни въ панскихъ домахъ, ни въ селахъ. Было извѣстно, что Нѣмцы, независимо отъ церковныхъ браковъ, заключали новые браки посредствомъ *обливанья*, то есть попойки, и что этимъ способомъ держали по нѣскольку женъ. Было также извѣстно, что городскіе цехи, называвшіеся братствами, собирались въ свои частныя засѣданія не для разбора дѣлъ, а для безобразнаго бражничанья, которое называлось *Vguderbier*. При этомъ, какъ и во время ремесленныхъ работъ, Нѣмцы одѣвались въ такія короткія и странныя одежды, что даже смотрѣть на нихъ считалось непристойностью. Празднуемый же Нѣмцами понедѣльникъ отличался крайнимъ буйствомъ и распутствомъ, точно языческая вакханалія.

Все это было возмутительно уже само по себѣ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для степенныхъ крестьянъ. Но города, наполненные и организованные Нѣмцами, досаждали Полякамъ еще больше тѣмъ, что заманивали къ себѣ на заработки сельскую молодежь обоихъ половъ, которая, заразившись привычками разгульной жизни, норовила оставить сельскій бытъ навсегда. Каждый дурной членъ сельскаго общества, совершая свои проказы, имѣлъ въ виду укрывательство среди мѣщанъ, подъ ихъ одеждой, дѣлавшей бѣглеца неузнаваемымъ. А хотя бы перебѣжчикъ и былъ узнавъ въ городѣ, то польскіе Нѣмцы имѣли обычай не выдавать пришельца; въ случаѣ же крайности, спроваживали его въ другой городъ и даже за-границу. По мѣрѣ того, какъ заграничные города извергали изъ себя все имъ ненужное, тягостное или вредное въ сельскую Славянщину (ибо не лучшіе, а можно сказать, одни худшіе Нѣмцы переселялись въ Польшу), они изъ сельской Славянщины привлекали молодыхъ людей, поставленныхъ въ необходимость работать имъ за кусокъ хлѣба, то въ видѣ безпріютныхъ бродягъ, то въ видѣ ремесленныхъ учениковъ. Кромѣ того, передъ началомъ каждой жатвы, заграничные Нѣмцы, чрезъ посредство польскихъ гражданъ, вербовали въ Польшу сельскихъ работниковъ, и подрывали такимъ образомъ сельское хозяйство польское.

Убыль рабочей силы отъ сосѣдства полуиѣмецкихъ городовъ и отъ вербовки крестьянъ для заграничныхъ заработковъ заставляла землевладѣльцевъ принимать противодѣйственныя мѣры. На шляхетскихъ сѣздахъ выработался наконецъ законъ, дозволявшій отлучаться въ города и за-границу только тѣмъ членамъ крестьянскихъ семействъ, которые составляли въ нихъ какъ бы излишекъ. Положеніе сельскаго мужика затруднялось, но затруднялось въ соразмѣрности съ тѣмъ, какъ

нарушалъ онъ обязательства своего подданства, первоначально добровольнаго. За невозможностью въ томъ вѣвѣ принять мѣры болѣе чelовѣчныя, одно зло нейтрализовалось другимъ. Оба, соединенныя нуждой, сословія искали выхода изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, и каждое находило его въ томъ, что зависѣло отъ него. Недовольный паномъ мужикъ бѣжалъ къ его сосѣду, или въ городскіе цехи. Обманутый мужикомъ панъ ограждалъ свое хозяйство строгими мѣрами закона.

Когда экономическія дѣла находились въ такомъ натянутомъ положеніи, оба хозяйственные класса, эти, можно сказать, двѣ руки одного и того же промышленнаго тѣла, напали на такой изъ него выходъ, который обѣщаль имъ возстановленіе согласія, нарушеннаго соблазнами грубой свободы. Этимъ выходомъ было заселеніе малорусскихъ пустынь, отрывшихся передъ нами послѣ соединенія Литвы съ Польшею, или гражданской уніи, совершившейся въ Люблинѣ 1569 года. Но здѣсь и паны и ихъ подданные встрѣчали новыя препятствія къ экономическому благоденствію.

Землевладѣльцамъ Польской короны въ ея соединеніи съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ открылся просторъ для сбыта сельскихъ произведеній въ портѣ Балтійскаго моря и для устройства землевладѣльческихъ хозяйствъ на обширныхъ пространствахъ, бывшихъ до тѣхъ поръ ареною пограничныхъ наѣздовъ и спилокъ съ литовскою Русью. Въ бѣдственную для Польши эпоху, когда Литва была еще свирѣпой зычницей, Поляки, содѣйствуя распространенію христіанства и желая развить силы хищныхъ сосѣдей, уступили свое балтійское поморье тевтонскимъ рыцарямъ, яко воинамъ Св. Креста. Тевтоны, или Крыжаки, отплатили за это Полякамъ войнами, заставившими ихъ искать союза съ той же, уже полуправославною Литвою. Результатомъ соединенія двухъ племенъ въ одно государство было подчиненіе Крыжаковъ польскому владчеству и открытіе свободнаго доступа водою въ Балтійское море. Это море, почти ненужное Польшѣ во времена оны, теперь, съ развитіемъ ея экономическаго быта, вернулось къ ней, словно доходное имѣніе послѣ убогихъ въ своемъ невѣжествѣ предковъ. Панскія добра, облегченныя отъ общественныхъ тягостей привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выросли при однѣхъ и тѣхъ же рабочихъ силахъ; а избытокъ денежныхъ средствъ далъ новое движеніе экономической предпримчивости. Тогда-то пригодились польскимъ панамъ нетронутыя плугомъ пустыни сосѣдней Литвы, вѣрнѣе сказать—Литовской Руси, едѣлавшейся Русью Польскою.

Но не вдругъ оправдались надежды польскихъ экономистовъ. Турки давно уже грозили Европѣ завоеваніемъ, и это требовало отъ нея чрезвычайныхъ усилій самосохраненія. Какъ передовой постъ европейской культуры, Польша больше другихъ странъ подвергалась опасности. Уже сынъ Ягайла, Владиславъ III, палъ въ бою съ Алурагомъ II подъ Варною (1444). При его преемникѣ, Казимирѣ IV, подвластные турецкому султану Крымцы уничтожили на Черномъ морѣ принадлежавшій Польшѣ, чрезъ посредство литовской Руси, портъ Кочубей (нынѣ Одесса), который, во времена существованія Византійской имперіи, снабжалъ Царьградъ и Греческіе острова нодольскою пшеницею. Литворусскія займища въ устьяхъ Днѣпра и Днѣстра сдѣлались турко-татарскими. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заполонилъ пограничный польско-литовскій городъ, столицу до-татарской Руси, Кіевъ. Черезъ десять лѣтъ отстроены Крымцами, по распоряженію Турокъ, Очаковъ, стоящій на польско-русской землѣ, а потомъ и Тегиль (въ старину, какъ и нынѣ, Бендеры), которую литовскіе государи, въ спорахъ съ ханами, называли своею отчиною. Черноморская торговля русскимъ и польскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто татарской торговлѣ русскими и польскими плѣнниками. Напрасно король Личъ Альбертъ пытался отнять у Турокъ Волошину или Молдавію, которая, будучи леннымъ владѣніемъ Польской Короны, закрывала Подолію и Червонную Русь, „какъ щитомъ“. Войско его, заведенное предательски въ такъ-называемыя Буковины (непроходимыя лѣса горной Молдавіи), было побито до остатка (1498), и отерло Туркамъ, Татарамъ и перемѣчивымъ Волохамъ дорогу въ Подолію, откуда пожары и полонъ разлились до самаго Львова. Только чрезвычайно морозная зима того года, истребившая десятки тысячъ наѣздниковъ, спасла Польшу отъ азіатскаго завоеванія.

При такихъ обстоятельствахъ подвигаться съ хозяйственными займищами къ востоку было дѣломъ не одного экономическаго расчета, но и рыцарскаго геройства. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія Татаръ видали не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Вислы, у Сендомира и Опатова. Небезопасенъ былъ отъ нихъ даже Пацановъ, и въ самомъ Краковѣ не разъ бывалъ переполохъ отъ ихъ близости; а въ 1578 году Орда окружила было свадебную компанію князя Василя, праздновавшаго бракъ старшей дочери своей съ Радивиломъ Черуномъ.

Въ эти времена борьбы съ азіатцами за безопасность папскаго плуга, экономическій бытъ польско-русской республики, называемой Рѣчью Посполитою Польскою, представлялъ замѣчательное противо-

рѣчіе между юридическимъ гнетомъ чернорабочаго, пахарскаго класса крестьянъ и фактическимъ согласіемъ его съ органами законодательной власти, землевладѣльцами. Мы читаемъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ древновскіе законы о панскихъ подданныхъ, а подъ тѣми же годами находимъ постановленія объ учрежденіи новыхъ повѣтовъ и новыхъ воеводствъ въ украинной Польшѣ, „по причинѣ сгущенія рыцарской людности“ на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ до Нарева и отъ Днѣстра до Случи. Рыцарская людность, то-есть шляхетчина, на пограничье, выставленное противъ азіятскихъ добычниковъ, шла не одна: ее сопровождали тѣ самые кмети, крестьяне, или подданные, противъ которыхъ на шляхетскихъ сѣздахъ придумывались все болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры.

Это движеніе происходило въ силу давленія możновладцевъ на мелкопомѣстную шляхту, которая, вмѣстѣ съ своими подданными, приходила въ упадокъ по мѣрѣ того, какъ землевладѣльцы крупныя, путемъ получаемыхъ отъ короля привилегій, захвата и подкупа, увеличивали имущества свои. Объединѣные, или тѣсными шляхтичи, вмѣсто того, чтобы дѣлаться слугами и вассалами собратій своихъ, хотѣли въ новыхъ займищахъ, въ дешевыхъ пріобрѣтеніяхъ и на заслуженныхъ у короля, или у магната, пустопорожныхъ мѣстахъ, доказать справедливость гордой пословицы: „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ“. Составляя аванпосты польско-русской колонизаціи пустынь отъ Вислы къ Днѣпру, они вели съ собой крестьянъ, лишенныхъ всякой свободы и даже собственности по буквѣ панскаго законодательства, но вели не насильственно. Эти крестьяне были частію бѣглецы изъ сосѣднихъ имѣній, рассчитывавшіе на пустынную пограничную края, недоступную для сыщиковъ, но частію и такіе подданные, которые смотрѣли на побѣги сельской молодежи и сельскихъ негодяевъ глазами своего пана. Въ обоихъ случаяхъ сближеніе ихъ съ землевладѣльцемъ было не только естественное, но и необходимое. Праздность въ новозанятыхъ пустыняхъ показывалась голодомъ, а недостатокъ повиновенія — набѣгами Крымцевъ, Ногайцевъ и самихъ Волоховъ, которые съ подчиненіемъ азіятскому господству сдѣлались для Полякоруссовъ такими же хищниками, какъ и Татары. Пограничный землевладѣлецъ былъ глава хозяйственной ассоціаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ — предводитель боевой дружины. По существу факта, онъ былъ не столько дѣдичъ новозаселеннаго займища, сколько его завоеватель.

Посредствомъ выселенія шляхты въ украинныя земли, къ старому, или сравнительно старому, краю приросталъ новый, основанный на

томъ же началъ шляхетской вольности, но безъ ея произвольныхъ и вынужденныхъ обстоятельствами злоупотребленій,—край, обѣщавшій быть настолькоъ лучше стараго, насколько колоніи всегда бывають лучше метрополій своихъ. Но Турки, стремясь занять славянскую почву Европы, въ авангардѣ своего движенія къ западу посылали безпощадныхъ опустошителей, Татаръ, которые, зарабатывая свой насущный хлѣбъ грабежомъ и ясыромъ, выжигали опустѣлыя села и покинутую разбѣжавшимися пахарями жатву изъ любви къ дикому простору. Все, что могли предпринять противъ азіатскихъ набѣговъ мелкіе владѣльцы въ своихъ колоніяхъ, оказывалось недостаточнымъ. Свободолюбивые шляхтичи, бредившіе равенствомъ съ магнатами, сами были готовы молить вельможныхъ притѣснителей о принятіи ихъ подъ свой могущественный щитъ. Но шляхетскіе дуки, въ свою очередь, страдали отъ можновладства, которымъ подавляли низшую шляхту. Изнурясь въ борьбѣ съ людьми болѣе сильными, или же искусными въ придворныхъ проискахъ, они искали поприща для своихъ талантовъ на окраинахъ польско-русской республики, въ странѣ, которую молва сравнивала съ Индією и Новымъ Свѣтомъ. Они выпрашивали себѣ у короля пожалованіе такъ называемыхъ пустынь, подъ условіемъ защиты ихъ отъ азіатцевъ, а не то—покупали эти пустыни у владѣльцевъ бездѣйственныхъ, или же захватывали по праву сильнаго; высылали въ опасныя мѣста осадчихъ съ компанією вооруженныхъ людей и съ огненнымъ боемъ; иногда являлись лично въ видѣ королевскаго старосты пограничнаго городка, на примѣръ Канева или Черкасъ, въ видѣ воеводы таковаго разореннаго города, какимъ былъ Кіевъ послѣ 1482 года; и этимъ способомъ среди вольной, равноправной шляхты, съ ея свободными подданными, возникало то же самое можновладство, которое томило шляхту въ ея стародавнихъ, исконныхъ осадахъ.

Такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ низшаго порядка полезное постоянно преобладаетъ надъ истиннымъ, а умственное надъ нравственнымъ, то энергію заселенія малорусскихъ пустынь мы должны приписать въ меньшей пропорціи такимъ щедрымъ и милосерднымъ людямъ, какимъ былъ отецъ князя Василія, а въ большей такимъ, каковы должны были быть потомки домашняго наѣвдника, извѣстнаго въ Польшѣ XIV столѣтія подъ характернымъ прозвищемъ Кроваваго Дьявола изъ Венеціи. И вообще, едва ли мы ошибемся, если поразительные успѣхи экономическаго развитія Польши въ XV-мъ и XVI вѣкахъ будемъ объяснять себѣ не столько умственнымъ превосход-

ствомъ культиваторовъ, сколько ихъ жадностью къ захвату чужаго имущества, дерзостью силы и талантливостью въ дѣлахъ домашняго разбоя.

Мы знаемъ напримѣръ, что современный гетману Острожскому, князю Константину I, кievскій воевода, Юрій Монтовтовичъ, поступалъ съ Печерскимъ монастыремъ не лучше татарскаго баскака. Мы знаемъ, что и ставленникъ тогдашнихъ придворныхъ пановъ, архимандритъ печерскій, Вассіанъ, былъ не лучше обыкновеннаго Жлда арендатора, а добродѣтельный по своему вѣку князь Константинъ I Острожскій, при своемъ всемогущемъ значеніи у короля, терпѣлъ Монтовтовича на его важномъ посту и покровительствовалъ Вассіану, не взирая на вторженіе въ монастырь одного и церковное обдирательство другаго. Совокупность подобныхъ явленій заставляетъ думать, что тогдашнему экономисту, достигавшему предположенной цѣли наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, была извѣстна только правда сильнаго надъ слабымъ; что другой правды въ экономическомъ быту тогдашней Малороссіи не знали, а если она иногда и встрѣчалась, то не уважали. И вотъ эта-то грубая первобытная правда управляла польскимъ и нашимъ роднымъ плугомъ въ малорусскихъ пустыняхъ. Она вела впередъ хозяйство, промыслы, торговлю трудными, непроторенными, опасными путями, и насколько умѣла пользоваться ею наша сбродная Русь, настолько приняла участія въ добычѣ земледѣлія, которое было и самымъ выгоднымъ, и самымъ общимъ занятіемъ колонистовъ.

Видя и зная всѣ эти обстоятельства, надобно согласиться, что можновладство, эта антипатичная нашему вѣку и опровергнутая политической экономіей система землевладѣнія, было въ тотъ вѣкъ для шляхетскаго народа единственно возможною хозяйственною системою, которая двигала впередъ колонизацію пустыннаго края, составлявшую необходимость не только для независимой, самодѣятельной, талаптливой части польскорусскаго шляхетства, но и для всего составнаго государства. Оно привело Рѣчь Посполитую къ несчастному концу, превращая украинную шляхту, если не въ вассальную, то прямо въ служилую силу, и выработывая въ этой убогой и завязтой шляхтѣ—или преданныхъ магнатамъ людей, или такихъ, которые были способны воспользоваться первымъ случаемъ, для уничтоженія своихъ вельможныхъ повелителей; но оно исполнило дѣло свое, защищая столько времени культивированныя области и цѣлыя государства европейскія отъ разлива азіатчины.

Какъ панскіе вассалы, владѣвшіе сравнительно малыми вотчинами, такъ и панскіе „рукодайные слуги“, распорядившіеся землями крупныхъ помѣщиковъ, несмотря на всѣ постигавшія ихъ бѣдствія,

шли впередъ мужественно и неуклонно по трудному пути колонизаціи малорусскихъ пустынь. Играя смѣлую роль начальниковъ магнатскихъ аванпостовъ, они, въ свою очередь, окружали себя служилою боевою силою низшаго разряда. Врожденное высокомѣріе этихъ *наместниковъ* и *офиціалитовъ*, этихъ *осадчицъ* и *губернаторовъ* не уступало панскому. Ихъ идеаль свободной свободы былъ никакъ не ниже панскаго. Гордась личными подвигами меча и плуга, они такъ точно рвались на волю и просторъ въ украинныя земли, какъ и тѣ гордые заслугами предковъ магнаты, которые не хотѣли уступить первенства королевскимъ избранникамъ. Воспитанные въ правилъ и обычаевъ гражданственной соподчиненности, они были готовы свергнуть съ себя всякую зависимость отъ благосклонности и власти людей, предвосхитившихъ въ Рѣчи Посполитой поземельную собственность и высокія дигнитарства. Но впереди у нихъ кочевала Орда, слишкомъ сильная для того, чтобъ имъ было возможно не отдавать себя подъ панскій щитъ, не идти къ панамъ въ рукодайнныя слуги, не обезпечивать судьбы своихъ семействъ покровительствомъ челоуѣка знатнаго и могущественнаго. Напоръ азіатской дичи консолидировалъ ихъ съ магнатами, наперекоръ древнимъ преданіямъ о шлякетскомъ равенствѣ, нарупенномъ вельможествомъ, и люди, бывшіе притѣснителями мелкопомѣстной шляхты въ одномъ случаѣ, дѣлались ея прибѣжищемъ въ другомъ. Такъ развивалась въ „Новой Польшѣ“ шляхетчина, заключающая въ себѣ задатки революціи противъ Польши старой.

Что касается панскихъ и королевскихъ подданныхъ, то, каково бы ни было ихъ положеніе въ глубинѣ польско-русскаго края, они не были и не могли быть угнетаемы въ новыхъ слободахъ и хозяйствахъ среди украинныхъ пустынь. Основывая слободу за чертой старопольской и старорусской осѣлости, паны, или ихъ осадчіе, прежде всего объявляли, что поселенцы будутъ пользоваться въ ней 10 лѣтнею, 20 лѣтнею, 30-лѣтнею, а мѣстами и 40-лѣтнею *волею* или *слободою* отъ всѣхъ повинностей и платежей. Пока не истекалъ условленный между панами и ихъ свободными подданными срокъ, господствующему и подчиненному классамъ было необходимо сблизиться на такихъ пунктахъ взаимной услуги или одолженія, которые, съ одной стороны, не допускали суровости землевладѣльческаго панованья, а съ другой, не слишкомъ низко нагибали шею подданнаго передъ его, какъ называли здѣсь „пана“, *добродѣмь*. Невѣрный обѣщаніямъ землевладѣлецъ обзвѣдался тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя осады, бои, слободы (все это синонимы) основывались безпрестанно въ сосѣднихъ имѣніяхъ; что каждый недовольный могъ туда перебѣжать, а вернуть перебѣж-

чика изъ чужаго имѣнія—значило бы то же самое, что взять его въ плѣвъ путемъ войны съ сосѣдомъ. Война пановъ съ панами и безъ того шла безпрестанно за взаимныя вторженія въ чужіе предѣлы, и она была мѣриломъ умѣнья землевладѣльца привязать къ себѣ подданныхъ. Отъ ихъ численности, отъ ихъ усердія, отъ совпаденія ихъ выгодъ съ выгодами помѣщика зависѣлъ успѣхъ не только хозяйства, но и тѣхъ вѣчныхъ дракъ, которыми сопровождалось опредѣленіе границъ каждаго новаго займища. Поэтому-то, чѣмъ дальше было въ глубь малорусскихъ пустынь отъ центровъ старой шляхетчины, тѣмъ больше измѣнялся характеръ помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній, тѣмъ меньше зависѣло убожество быта отъ подчиненности крестьянина волѣ помѣщика, тѣмъ проще и независимѣе держалъ себя подданный въ присутствіи своего пана.

Разница между внутренними, издавна зажитыми частями государства и его пустынными окраинами увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ центровъ польско-русской осѣдлости на ея окраины выходили не одни безпутные, но и самые порядочные, самые даровитые, энергическіе представители чернорабочаго класса. Оставшіеся на древнемъ пепелищѣ, подъ гнетомъ хозяйственной рутины, утрачивали даже идею лучшаго общественнаго положенія, лучшихъ отношеній мужицкой личности къ панской; смирялись молчаливо передъ суровою судьбой своей; корились безнадежно передъ шляхетскимъ произволомъ, и производили на сторонняго наблюдателя самое тягостное впечатлѣніе.

Не такъ было въ странѣ, носившей неопредѣленное названіе Украины, странѣ колонизируемой съ сѣверо-запада предприимчивыми хозяевами и угрожаемой съ юго-востока чужездными номадами. Здѣсь панскій подданный видалъ „великаго пана“ рѣдко. Съ мелкимъ же землевладѣльцемъ сближали его общія для шляхтича и для крестьянина опасности пограничной жизни, а на панскихъ намѣстниковъ, или слугъ, называвшихся въ королевщинахъ, то-есть помѣстныхъ владѣніяхъ, подвоеводіями и подстаростіями, смотрѣли почти, какъ равный на равнаго и вольный на вольнаго. Отъ этого малѣйшая прижимка со стороны официалистовъ и арендаторовъ чувствовалась въ Украинѣ, или по-польски *на крѣсахъ*, сильно. По свидѣтельству лучшей изъ мѣстныхъ лѣтописей, здѣшній крестьянинъ, живя въ довольствѣ на просторѣ панскихъ земель и угодій, не пожалѣлъ бы ничего для своего пана, но быстрое обогащеніе панскихъ кліентовъ раздражало его. При обширности экономическихъ заведеній, разбросанныхъ на большихъ разстояніяхъ, такъ называемые великіе паны не имѣли средствъ регу-

лиловать поведеніе своихъ рукодаинныхъ слугъ и арендаторовъ, которые, вмѣстѣ съ державою или арендою, получали всѣ права помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣльцевъ надъ подданными. Вотъ почему у малорусскаго поселенина на сердцѣ множество такихъ досадъ и кривдъ, которыя во внутреннихъ, издавна зажитыхъ частяхъ королевства не оставляли по себѣ никакого злопамятства.

Но каковы бы ни были отношенія украинскаго крестьянина къ помѣщику, или его намѣстнику, домовитость пограничнаго быта отражалась на его характерѣ далеко не такъ рѣзко, какъ его бездомовность. Татарскіе набѣги, превращавшіе обширныя пространства заселенной земли въ безплодную пустыню, весьма часто дѣлали здѣсь челоуѣка богатаго убогимъ, семянистаго одинокимъ, осѣдлаго бродячимъ, среди наплыва новыхъ и новыхъ поселенцевъ. Безъ крова, безъ семьи и безо всего, чѣмъ жить и веселится пахарь,—чужой для всѣхъ *нетліа*, наравнѣ съ безпутными *цультаями*; бродилъ изъ одной слободы въ другую, ища возврата къ тому быту, изъ котораго вышла его беспощадная судьба, и съ каждымъ годомъ утрачивалъ къ нему способность. Наконецъ попадалъ онъ въ какой-нибудь пограничный городъ, смѣшивался съ мѣщанскою челядью, составлявшею мутный осадокъ не весьма свѣтлой городской жизни, и увеличивалъ массу народа бѣднаго, пьянаго и готоваго на самыя отчаянныя предпріятія.

Въ противоположность украиннымъ селамъ, въ которыхъ властвовали руководители панскаго плуга, украинскіе города были сѣдалищемъ власти королевской. Но они подлежали польскому праву только со стороны *зѣмка*, иначе *гродда*, который представлялъ точку опоры сельскохозяйственнымъ колонизаторамъ края. Со стороны *мѣста*, находившагося въ распоряженіи мѣстичей, или мѣщанъ, города наши подчинялись праву нѣмецкому.

Зѣмокъ, или гродъ, былъ резиденціею королевскихъ чиновниковъ, съ ихъ вооруженною командою. Онъ посылалъ въ поле сторожевыя разѣзды для наблюденія за Татарами. Онъ судилъ и рядилъ *подзамчѣнз*, людей *замковаго присуду*, жителей королевскихъ пригородовъ, которые доставляли ему съѣстные припасы и отбывали урочныя повинности. Онъ взималъ пошлыны, по тогдашнему *мыто* и *прдыто**) съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Въ извѣстные сроки, называвшіеся *рочками*, въ немъ засѣдали *гродскій* (уголовный) и *земскій*

*) Промытомъ назывался штрафъ за уклоненіе отъ платежа мыта.

(гражданскій) суды. Въ немъ же собирались и повѣтовые сеймики для выбора земскихъ пословъ на центральный сеймъ.

Совершенно независимо отъ *замковаго уряда* дѣйствовало представительство мѣщанской муниципалитетной власти. Главное завѣдываніе городомъ возлагалось въ немъ на *бургомистра*, избираваемаго ежемѣсячно изъ годовыхъ *раимановъ*, или *райцевъ*, а судебная власть предоставлялась *воіту* и *лаоникамъ*, избиравшимся на всю жизнь.

Такое самоуправленіе существовало даже въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые не имѣли привилегіи на *магдебургію* и находились подъ вѣдомствомъ королевскаго старосты или панскаго губернатора. Оно было введено у насъ нѣмцами выходцами и составляло противовѣсъ праву *княжескому* (*jus ducale*), иначе *польскому* (*jus polonicum*). Захожіе въ Новую Польшу Нѣмцы, какъ и тѣ, которые водворялись въ старой, чрезъ два-три поколѣнія теряли свою народность и ославянивались, въ силу непобѣдимаго господства мѣстнаго элемента. Но ихъ обычаи въ дѣлахъ торговли, ремесла и городской жизни, ихъ отношенія къ сосѣдней шляхтѣ и поселянамъ оставались тѣже самыя, что и въ городахъ старопольскихъ. Та же самая была здѣсь и непріязнь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, выражавшаяся безпрестаннымъ тяганьемъ шляхты съ мѣщанами за присвоиваемыя взаимно земли и права. То же самое соперничество существовало между городской и сельскою промышленностью. Такъ же точно города всасывали въ себя и рабочія силы панскихъ селъ, при посредствѣ своихъ цеховъ, шиньовъ и площадныхъ увеселеній. Тѣмъ же самымъ порядкомъ и сельскія власти, вмѣстѣ съ отцами порядочныхъ семействъ, удерживали молодежь свою отъ бѣгства въ мѣщанскія общины.

Города старой, или Привислянской, Польши были первыми сѣдлащиками иноземщины среди Сѣверныхъ Славянъ и первыми вольницами, противодѣйственными интересамъ сельскаго плуга. Города Новой, или Приднѣпровской, Польши, по характеру своего образованія, сохранили фамиліальное сходство съ городами старопольскими. Но цеховая вольница украинскихъ городовъ, пользуясь анархическимъ состояніемъ новозаселенныхъ ваймищъ, развивалась въ своеобразную форму, преобразовалась въ добычное товарищество, раздѣлила мѣщанъ на *послушныхъ* и *непослушныхъ*, то-есть на подчинявшихся повинностямъ и на такихъ, которые, называя себя *вольными людьми*, примыкали къ мѣщанскимъ муниципалитетамъ въ видѣ кочевниковъ; наконецъ сдѣлалась извѣстна подъ общимъ именемъ козачества.

Козацкій промыселъ существовалъ на Руси со временъ Свято-

славовскихъ, принимая по временамъ характеръ защиты Русской земли отъ хищниковъ и представляя въ себѣ постоянное домашнее хищничество. Онъ былъ у насъ въ ходу во всѣ эпохи колонизаціи опустошеннаго Ватъемъ края, и наконецъ, въ борьбѣ остатковъ Руси съ остатками Кипчакской Орды, позучилъ названіе татарское. *Козакими* у Татаръ назывались воюющіе самовольно добычники, терпимые Ордой по невозможности съ ними справиться. Слово *козакъ* въ переводѣ съ татарскаго значить *воръ*. Это не очень лестное названіе было присвоено и добычикамъ русскимъ, занимавшимъ въ русской общественной средѣ соответственное, болѣе или менѣе воровское, положеніе. Насколько Москва, Литва и Ляхва имѣли общаго съ ордынскимъ бытомъ на окраинахъ своихъ владѣній, настолько у нихъ развилось и полуазіатское козачество. Это было скопище людей непокорныхъ никакой власти, ни даже отцовской и материнской,—товарищество бѣглецовъ, угрожаемыхъ карою за преступления, или же такихъ личностей, которыя, вслѣдствіе разныхъ случайностей, были слишкомъ убоги для жизни осѣдлой и слишкомъ строптивы для подчиненія себя людямъ домовитымъ.

Есть основаніе думать, что городъ Черкасы названъ по имени первыхъ его осадниковъ Черкасъ, называемыхъ нынѣ Черкесами, и что эти осадники, давая у себя пріютъ разбойному сброду туземцевъ (которыхъ еще Дитмаръ зналъ съ этой стороны), распространили подъ своимъ именемъ козачество вверхъ и внизъ по Днѣпру. Иначе—Великоруссы, имѣвшіе собственныхъ *козаковъ*, не стали бы называть *Черкасами* козаковъ днѣпровскихъ. Они дѣлали это, очевидно, по старой памяти о томъ времени, когда колонисты Черкасы не слились еще съ туземцами. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, до начала козако-шляхетскихъ усобицъ, днѣпровскихъ и даже днѣстровскихъ козаковъ не смѣшивали въ Польшѣ съ Русскимъ народомъ, какъ и прочихъ кочевниковъ степнаго междурѣчья. Врачъ царя Алексѣя Михайловича, Самуилъ Колинисъ, называетъ Черкасъ (безъ сомнѣнія, по московскому преданію) племенемъ татарскимъ, а древнѣйшая русская лѣтопись имя Торковъ смѣшиваетъ безразлично съ именемъ Черкасъ. Писавшій по-латыни польскій историкъ Сарницкій, передавая молву о братьяхъ Струсяхъ, удостоенныхъ за свою воинственность пѣснопѣній, *quae dumae russi vocant* *), въ то же самое время говорить о козакахъ, какъ о племени инопордномъ. Въ качествѣ посла

*) Которыя Русскіе называютъ думами.

въ мусульманскимъ государямъ, Сарницкій проѣзжалъ не разъ мѣста козацкихъ подвиговъ, дивился козацкой отвагѣ, слушалъ козацкіе рассказы объ опасностяхъ добычнаго промысла на торговомъ турецкомъ трактѣ, и однакожь написалъ озадачившія позднѣйшихъ читателей слова, что козаки исповѣдуютъ вѣру турецкую. Все это вмѣстѣ составляетъ предполагать, что только сильный приливъ русскаго элемента въ притоны первобытныхъ днѣпровскихъ козаковъ переродилъ ихъ въ русскихъ людей, подобно тому, какъ исключительно нѣмцыя въ началѣ общины такихъ городовъ, какъ Познань, Гнѣзно и Краковъ, переродились въ общины польскія.

Относительно колонизаціи малорусскихъ пустынь, козаки играли роль, напоминающую тѣхъ подднѣпровскихъ номадовъ, которыхъ князья Варягоруссы — то прогоняли въ глубину безлюдныхъ степей, то вербовали въ свои ополченія. Подобно Торкамъ и Берендеямъ, Чернымъ Клобукамъ до-татарскаго періода русской исторіи, днѣпровскіе козаки иногда составляли гарнизоны въ королевскихъ пограничныхъ городахъ, а иногда занимались въ королевскія ополченія только на время, за одно съ козаками нагайскими и бѣлгородскими. Самые предѣлы первоначальнаго ихъ кочевья между рѣкой Россью и днѣпровскими порогами совпадаютъ съ мѣстами, на которыхъ исторія находитъ подобныхъ имъ номадовъ до Батыева нашествія. Въ эти предѣлы манили къ себѣ козаки все однородное съ ними по задаткамъ жизни со всего Польско-Литовскаго края, и отсюда производили свои операціи, которыя надѣляли говора въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, по которыхъ основою была задача дикая — существовать продуктами чужаго труда, не заботясь объ участи трудящихся.

Пограничные города, всасывавшіе въ себя все свосправное изъ селъ и дававшіе пристанище каждому бродягѣ изъ пужды въ рабочихъ рукахъ, извергали изъ себя, въ свою очередь, непригодную для цеховой практики голоту. Эта голота была приневоливасма къ правильному труду въ цеховыхъ заведеніяхъ только голодомъ да холодомъ; но когда ее согрѣвало весеннее солнышко, она норовила бѣжать изъ общества, сравнительно благоустроеннаго, и предавалась, до новой змыи и бѣды, своимъ независимымъ промысламъ.

Устройство козацкой общины, съ ея первоначальнымъ дѣленіемъ на сотни и десятки, было не чтд иное, какъ подражаніе общинѣ мѣщанской, приспособленное къ жизни кочевой и добычной. Даже козацкій самосудъ былъ повтореніемъ самосуда цеховаго, или магдебургскаго. Но городскіе бѣглецы и отверженные, очутивъ на свободѣ отъ ненавистныхъ имъ порядковъ, питали такое же непріязненное

чувство къ мѣщанамъ, кокимъ всѣ вообще козаки были пронивнуты къ тѣмъ обществамъ, изъ которыхъ они бѣжали въ подобныя ватаги.

Днѣпровскіе козаки, наравнѣ съ Татарами, дали себя знать Кіеву еще въ то время, когда онъ былъ удѣльнымъ владѣніемъ князей Олельковичей. Ихъ постоянныя вторженія въ область землевладѣльческаго хозяйства заставили вдову князя Симеона Владиміровича Олельковича отказаться отъ гробовища предковъ своихъ, и на плодородныя кіевскія земли вымѣнять у короля Александра Казимировича болотистыя окрестности Цинска, Кобрина и Рогачева. Сдѣлавшись, въ силу такого обмѣна, изъ княжеско-удѣльнаго городомъ королевско-воеводскимъ, Кіевъ, какъ уже сказано, палъ безлюдными развалинами передъ Ордой Менгли-Гирея. Но козацкіе притоны, Каневъ и Черкасы, продолжали стоять среди окрестныхъ пустынь, какъ острова, недоступныя для Татаръ по воинственности своихъ обитателей, не стоившіе набѣга по ихъ убожеству, а, можетъ быть, и потому, что находились въ пзвѣстной связи съ ордынскими ватагами. Заселенное новыми искателями счастья, кіевское пещелище ограждаетъ себя актомъ 1499 года отъ козаковъ, которые привозили сюда съ верху и съ низу Днѣпра на продажу рыбу и предавались, вмѣстѣ съ мѣщанскими гультаями, грубому разврату. Козаки слывуть по всему днѣпровскому и черноморскому краю прямыми разбойниками. Торговые пути отъ нихъ не безопасны. Они не даютъ спуска даже королевскимъ посланцѣмъ. Но, не составляя народа ни въ какомъ смыслѣ и не представляя собой никакого общества и сословія, безпрестанно дѣлятся на закорепѣлыхъ въ помадной жизни добычниковъ и на измѣнниковъ и интересамъ помаднаго быта въ пользу общества сравнительно культурнаго, подобно тому, какъ это дѣлали нѣкогда подднѣпровскіе Торки, Берендеи, Черпые Клобуки. Большинство козацкой орды безразлично бросается во всѣ мѣста, гдѣ пахнетъ грабежомъ безъ особенной опасности; но нѣкоторая часть козаковъ, повинаясь инстинкту семейности, или нуждаясь въ предметахъ болѣе прочнаго быта, входитъ въ условія съ польскими королями и пограничными магнатами, получаетъ отъ нихъ подарки сукномъ, каразіемъ, кожухами, деньгами, дорожить позволеніемъ гнѣздиться съ женами и дѣтьми на королевскихъ займищахъ, наконецъ, въ видѣ особенной покорности правительству, принимаетъ отъ него предводителей, которыхъ называетъ своими гетманами, и, подъ ихъ начальствомъ, отпугивасть прочь не только Орду, но и номадныхъ козаковъ, своихъ прежнихъ товарищей.

Со времянь Сигизмунда-Августа (1548—1572), козацкими предводителями у короля были князья и папы, ушедшіе недалеко отъ ко-

зацѣхъ возрѣній на войну и добычу, и выселившіеся въ Украину, то-есть на кресы, въ видѣ королевскихъ старость, по невозможности играть видную роль въ странѣ цивилизованной. Впрочемъ рыцарскій вѣкъ нерѣдко вызывалъ на мусульманское пограничье Польши знаменитыхъ воиновъ, которые, въ видѣ религіознаго обѣта, посвящали свою жизнь на борьбу съ „врагами св. креста“ среди отважныхъ и свирѣпыхъ Берендеевъ. Этимъ набожнымъ и суровымъ воинамъ была по душѣ мысль очеловѣчить безнравственную толпу добычниковъ лучшими правилами жизни и обратить ихъ ремесло на истребленіе мусульманъ. Въ царствованіе Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, двѣ-три такія личности промелькнули среди козацкихъ скопищъ. Онѣ прибавили къ исторіи крестоноснаго воинства нѣсколько новыхъ отголосковъ боевой славы и придали козацкому быту нѣкоторый блескъ, подобно яроецвѣтному плащу, накинутому на лохмотья бродяги, но разбойнаго характера козачества не перемѣнили. Вскорѣ воспоминанія о такихъ козакахъ-дворянахъ, какіе прославили себя подъ предводительствомъ князя Константина I Острожскаго, совсѣмъ исчезли, и козацкая вольница получила характеръ номадно-демократическій.

Козаки основали за Порогами, подъ именемъ Сѣчи, военный форпостъ, противившійся многократнымъ нападеніямъ Татаръ и Турокъ. Козаки служили христіанскимъ государямъ, защищая ихъ владѣнія отъ мусульманъ, и тѣ же козаки, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Вишневецкаго, одно время состояли на службѣ у турецкаго султана; спустя 30 лѣтъ, подъ предводительствомъ банита-магната, Самуила Зборовскаго, принявшаго на себя почетное званіе ханскаго сына, готовы были идти съ Татарами въ Персію, а въ промежуткѣ между этими событіями водили на волошское господарство то одного, то другаго самозванца, лишь бы пограбить мѣстныхъ жителей одного съ ними вѣроисповѣданія Наконецъ, запорожскіе добычники начали становиться опасными и для самого короля. На двѣпровскомъ Низу, въ перемежку съ рыцарями безъ страха и упрека, мечтавшими о „вѣчной славѣ козацкаго имени“, появлялись и такіе, которые готовы были низпровергнуть ненавистныхъ имъ правителей Польскаго государства, хотя бы даже и посредствомъ цареубійства. Умыселъ на жизнь Стефана Баторія исторія положительно знаетъ за Самуиломъ Зборовскимъ, который, гетмана низовцами, втягивалъ ихъ въ воровую интригу своего дома. Король снялъ ему съ плечъ голову, какъ баниту, дерзко появившемуся въ публичныхъ мѣстахъ съ ватагою буйныхъ шляхтичей; но прямой цѣлью казни было уничтоженіе задуманнаго имъ переворота. Не щадилъ Баторій и другихъ козацкихъ вождей. Кромѣ

претендента на молдавское господарство, известнаго подъ именемъ гетмана Подковы, королевскій мечъ, въ то время не напрасно называвшійся *длиннымъ*, снялъ головы еще нѣсколькимъ десяткамъ подобныхъ ему авантюристовъ, ссорившихъ Польшу съ турецкимъ султаномъ въ трудное для нея время войны съ царемъ Иваномъ Грознымъ. Наконецъ, Баторій рѣшился прогнать козаковъ совсѣмъ съ Днѣпра, и устроилъ противъ нихъ русско-татарскую лигу, — именно: князь Константинъ II Острожскій заключилъ съ крымскимъ ханомъ договоръ, чтобы наступить на козаковъ одновременно и съ верху и съ низу Днѣпра. Тогда днѣпровскіе казаки бѣжали къ донскимъ. Но домовитѣйшіе изъ нихъ покорились королевскимъ старостамъ, съ тѣмъ чтобы, подъ ихъ начальствомъ, отбывать сторожевую службу, а во время похода присоединяться къ коронному войску.

Стефанъ Баторій, не давая козакамъ гнѣздиться за Порогами, предоставилъ имъ городокъ Терехтемировъ, или Трахтомировъ, лежащій надъ Днѣпромъ выше Канева, для покрытія доходами съ него войсковыхъ нуждъ, а находившійся въ немъ монастырь — для содержанія козацкихъ инвалидовъ. Это было сдѣлано на томъ основаніи, на какомъ мѣстечко Межигорье и Межигорскій монастырь были приписаны, въ числѣ прочихъ королевскихъ, къ кievскому замку для содержанія его гарнизона. Но дисциплинированныя такимъ способомъ козаки, усиленные новымъ притокомъ вольницы изъ украинныхъ городовъ, стали опять ходить на Низъ для разбойнаго промысла, и въ свой притонъ среди днѣпровскихъ камышей и плавней, известный подъ именемъ Запорожской Сѣчи, привлекли донскихъ сподвижниковъ своихъ. Посланнаго къ нимъ съ угрозами королевскаго дворянина, Глыбоцкаго, (по имени Малорусса), утопили въ Днѣпрѣ, и, въ свою очередь, стали угрожать королю, въ лицѣ пограничныхъ представителей власти его. Когда предводитель послушныхъ правительству городовыхъ козаковъ, князь Рожинскій, схватилъ десятокъ запорожцевъ, обвиняемыхъ въ умерщвленіи Глыбоцкаго, начальникъ замковой команды, кievскій подвостодій, князь Вороницкій, отказался помѣстить ихъ въ замкѣ, избѣгая ссоры съ низовцами, а представители кievской магдебургии, съ своей стороны, отказывались принять убійцъ королевскаго посла въ магистратскую тюрьму, говоря, что „они и сами не безобасны въ своихъ домахъ отъ казаковъ, яко на Украинѣ“.

Баторій вскорѣ послѣ того умеръ, и не напрасно сохранилось преданіе о высказанномъ имъ на смертномъ одрѣ сожалѣніи, что не уничтожилъ козаковъ. Лишь только онъ сошелъ со сцены дѣйствія, козачество приняло размѣры небывалые.

Въ трудное для Рѣчи Посполитой время междуцарствія передъ избраніемъ на престолъ Сигизмунда III, когда паны спорили между собой въ пользу различныхъ искателей польской короны, днѣпровскіе добычники разорили Очаковъ, и открыли передъ ними перспективу турецкой войны. Война съ Турціей ужасала панскую республику. По словамъ одного изъ сеймовыхъ ораторовъ, первая проигранная битва погубила бы Польшу, тогда какъ Турокъ выдержалъ бы и пятнадцать несчастныхъ битвъ. Но обуздать козаковъ не было на ту пору никакой возможности. Шляхта раздѣлилась на два лагеря: одни желали возвести на польскій престолъ шведскаго принца, другіе — австрійскаго. Эти послѣдніе вели уже эрцгерцога Максимилиана съ его нѣмецкимъ войскомъ въ Краковъ, и только искусные маневры предводителя шведской партіи, коронаго гетмана Яна Замойскаго, спасли Польшу отъ австрійскаго господства. Въ 1588 году произошла подъ Бичиною рѣшительная битва, въ которой Замойскій взялъ Максимилиана въ плѣтъ и подавилъ шляхетское междоусобіе. Часть новыхъ Торковъ и Берендеевъ, съ атаманомъ своимъ Голубкомъ, помогала Замойскому въ этомъ важномъ дѣлѣ, но прочіе низовцы продолжали навлекать на Польшу грозу турецкой войны. Толпы украинскихъ добычниковъ разграбляли въ Крыму невольничій рынокъ Козлевъ, а на Днѣстрѣ сожгли Течиню, Бѣлгородъ и еще нѣсколько пограничныхъ турецкихъ колоній. Война съ Турціей сдѣлалась неизбежною. Въ государственномъ скарбѣ не было между тѣмъ денегъ. Хотѣли сдѣлать заемъ въ Германіи, или въ Италиі; но и тамъ экономическія дѣла были разстроены то католико-протестантскими войнами, то войнами христіанъ съ магометанами. Пока земскіе послы изыскивали на сеймѣ средства для отраженія Турокъ, предвѣстники турецкаго нашествія, Татары, вторгнулись въ Подолію и въ Галицкую Русь, набрали ясыру, и увели въ неволю нѣсколько знатныхъ людей, въ томъ числѣ князя Збарскаго съ его княгинею. Только потомокъ воспѣтыхъ думами братьевъ Струсей, отстоялъ окруженную Татарами въ Баваровѣ сестру коронаго гетмана, хотя и палъ, изрубленный въ куски, почти со всею дружиною своею. Козакамъ панскія бѣдствія были на руку: они залегли въ степи на обремененныхъ добычею Татаръ, вломились ночью въ одинъ изъ ихъ таборовъ, и награбленное у пановъ добро сдѣлалось добычею козацкою.

Гроза между тѣмъ приближалась. Турки обѣщали пощадить Польшу только подъ условіемъ платежа ежегодной дани во сто коней, навьюченныхъ серебромъ, или же — принятія магометанской вѣры. Польскаго посла въ Стамбулѣ называли песомъ и грозили половину его

свиты повѣсить на желѣзныхъ крючьяхъ, а другую посадить гребцами на галеры. Коронный гетманъ, приготовивъ наскоро къ задержкѣ турецкаго вторженія пограничныя крѣпости Львовъ и Подольскій Камянецъ, на колѣняхъ умолялъ сеймовое собраніе спасти отечество, и первый приносилъ въ жертву все свое состояніе. Назначенъ былъ поголовный налогъ, не исключившій ни духовенства, ни королевскихъ дворянъ, ни даже людей безземельныхъ. Но воеводства Кіевское, Волынское, Подольское и Брацлавское до того были опустошены крупными и мелкими татарскими набѣгами, что ихъ отъ поголовнаго налога освободили совершенно. Страшная опасность миновала, однакожъ, благодаря интригамъ султанскаго сераля, въ которомъ одинъ беглербекъ подкопался подъ другаго и далъ себя купить въ пользу мира.

Но миръ былъ заключенъ подъ условіемъ уничтоженія козаковъ.

Уничтожить козаковъ значило—организовать колонизацію украинскихъ пустынь такимъ образомъ, чтобы среди народа работающаго и торговаго не было мѣста людямъ не признающимъ никакой власти, кромѣ присуда своего добычнаго круга и избраннаго имъ предводителя.

Мы видѣли, что польско-руссіе паны давно уже прилагали старанія, чтобы Украина, или Новая Польша, съ одной стороны, не оставалась бесплодною залежью, а съ другой, чтобы она заслоняла отъ азіатцевъ колоніи старинныя, то-есть старую Казимировскую Польшу. Но то были политико-экономическія мѣры отдѣльныхъ личностей, искавшихъ въ малорусскихъ пустыняхъ независимости отъ магнатовъ, сильныхъ придворными происками. Теперь колонизація этихъ пустынь, простиравшаяся за черту древнихъ Ярославовскихъ осадъ по рѣкѣ Роси и за черту рѣки Сулы, отдѣлявшей Варажскую Русь отъ земли Половецкой, сдѣлалась предиріятіемъ польскаго правительства, и соединилась въ одно дѣло съ обузданіемъ козацкаго своевольтва, вазывавшагося офиціально своевольтвомъ украинскимъ (*swawola ukraïnka*) въ томъ смыслѣ, что козаки составляли только часть того „розгардіаша“, который царствовалъ на кресахъ или юго-восточныхъ окраинахъ польскихъ владѣній. Въ слѣдствіе рѣшенія варшавскаго сейма 1590 года обнародованы были Сигизмундомъ III два постановленія, которыя могли бы спасти Польшу отъ роковаго разъединенія нашего съ Русью, когда бы Польша не была разъединена сама въ себѣ доведенною до крайности шляхетскою свободою.

Первое изъ этихъ постановленій гласило слѣдующее:

„Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впускѣ нашихъ владѣній

на украинскомъ пограничѣ за Бѣлою Церквою. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью Посполитою“.

Второе постановленіе возлагало на короннаго гетмана обязанность—образовать изъ людей, проживающихъ въ низовьяхъ Днѣпра и за порогами, или какихъ-нибудь другихъ, пограничное войско, послушное правительству и подчиненное главному начальству и сотникамъ изъ шляхты, имѣющей въ Украинѣ недвижимую собственность, съ тѣмъ:

чтобы это войско ни водою, ни сухимъ путемъ въ сосѣднія государства не вторгалось;

чтобы оно проходящихъ тамошними мѣстами купцовъ и всякихъ людей не полонило и не грабило;

чтобы не только осужденныхъ на смерть или лишенныхъ чести, но и всякихъ иныхъ людей къ себѣ не принимало;

чтобы въ украинскихъ мѣстечкахъ стѣстные припасы, порохъ, селитра и другія надобности продавались только тѣмъ низовцамъ, которые предъявятъ отъ своего начальства свидѣтельство, а безъ свидѣтельства чтобы ни одного изъ нихъ въ мѣстечки не пускали;

чтобы въ королевскихъ и панскихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были поставлены присяжные бурмистры, войты и ватаманы, которые бы, подъ смертною казнью, никого не пускали на низъ, ни въ поле за добычею, а тѣмъ паче—за рубежь сосѣднихъ государствъ; кто же пришелъ бы съ добычею изъ другихъ мѣстъ, у того бы добычу отнимали, самого добычника карали и покупать добычи никому не позволяли;

наконецъ, чтобы пограничные королевскіе чиновники и паны карали смертью своевольныхъ людей, проживающихъ въ украинскихъ поселеніяхъ, или имѣющихъ тамъ какіе-либо склады, а равно и тѣхъ присяжныхъ урядниковъ, которые бы отважились имъ потворствовать.

Но правительство сознавало, что „пропустило время“ для прекращенія „пограничной неурядицы и своевольства“, вовлекшаго все польско-русское общество въ столь опасное положеніе. Мало того, правительство знало, что даже въ личномъ составѣ своемъ, въ средѣ сеймовыхъ представителей малорусской шляхты разныхъ вѣроисповѣданій, оно содержитъ не только козацкихъ потаповниковъ, дѣлящихся съ полудикими наѣздниками ихъ добычею, но и козацкихъ пособни-

ковъ, предпринимающихъ вторженія въ турецкія области совмѣстно съ такъ называемыми низовцами.

Еще Стефанъ Баторій упрекалъ пограничныхъ пановъ старость въ томъ, что они дѣйствовали заодно съ низовыми добычниками, давали ихъ атаманамъ у себя пристанище въ такихъ городахъ, какъ Немировъ и Кіевъ, помогали имъ людьми и снарядами для походовъ, навлекавшихъ на окраины государства опустошительные татарскіе набѣги. Сигизмундъ III, въ заключеніе своего декрета, счелъ необходимымъ грозить карою de gravissimis тѣмъ панамъ, князьямъ, старостамъ, державцамъ и шляхтѣ, которые бы осмѣлились ходить въ поле мимо вѣдома короннаго гетмана, набѣзжать на соеднія государства, или прятать у себя козацкую добычу. До такой степени добычный бытъ преобладалъ тогда въ Украинѣ надъ хозяйственнымъ. До такой степени паны-колонизаторы дичали въ удаленіи отъ центральной гражданственности и обозначивались въ исключительныхъ видахъ личной выгоды. Задача уничтоженія козаковъ была задачею перебора шляхетскаго общества и подавленія въ немъ разбойныхъ элементовъ. Лучшие люди должны были вооружиться силою обычая, закона и меча противъ худшихъ, разумное меньшинство—противъ неразмышляющаго большинства, строителя государства—противъ разрушителей.

Съ своей стороны козаки видѣли, что панское господство надъ пограничниками держится людьми бездомными, такъ называемыми панскими „слугами“, то-есть обѣднѣвшею шляхтою, которая не съ добра дѣлалась магнатскими осадчими, экономами, дворецкими, предводителями надворныхъ козаковъ, даже подстаростіями и подвоеводіями. Всѣ они въ своемъ положеніи на креслахъ имѣли болѣе общаго съ низовыми кочевниками, къ которымъ зачастую и переходили изъ панской службы, нежели съ землевладѣльцами, которыхъ родственныя и пріятельскія связи были слишкомъ выше ихъ служилого уровня. Видѣли также козаки, что великіе панскіе дома, составлявшіе на Руси какъ бы удѣльныя княжества, раздѣлены между собою ссорю то за вѣру, то за дигнитарства, то за границы новыхъ займищъ, то за призыванье чужихъ подданныхъ въ украинныя воли. Но недавнему набѣгу Татаръ они знали, что кресовые можновладники скорѣе дадутъ уничтожить свои замки смѣлымъ людямъ каждый порознь, нежели повабудутъ сосѣдскія ссоры изъ-за нѣсколькихъ пановъ отхваченной граничниками земли, а тѣмъ болѣе изъ-за оскорбленной гордости. Особенно ободряло козацкихъ ватажковъ соперничество между домомъ Замойскихъ, первенствовавшимъ въ Червонной Руси, и домомъ князей Острожскихъ, игравшихъ первую роль на Волыни, въ Галиороссіи и

въ Киевской землѣ. Зная, что коронный гетманъ, которому они недавно сослужили службу подъ Бычиною, не шевельнетъ пальцемъ для защиты своего соперника, князя Василя, козакъ рѣшились отомстить Острожскому за его недавнюю лигу съ крымскимъ ханомъ и завести смуты въ предѣлахъ его владѣнія.

Всѣ украинныя наны, колонизуя сосѣднія пустыни, волей и неволей способствовали развитію козачества. Такъ называемые официально *непослушные мѣщане* въ ихъ вотчинныхъ городахъ и мѣстечкахъ, равно какъ и въ королевщинахъ, были *вольные люди*, ходившіе на Татаръ подъ начальствомъ панскимъ слугъ и самихъ пановъ*). И никто изъ украинскихъ землевладѣльцевъ не пользовался такою популярностью въ кочующемъ или козацкомъ населеніи Украины, какъ Острожскіе. Въ качествѣ киевскаго воеводы, князь Василій колонизовалъ древнее Переяславское городище, дозволивъ ютиться въ Переяславѣ всякаго рода преступникамъ безъ сына и суда, какъ это было въ обычаѣ у колонизаторовъ малорусскихъ пустынь. Не наследовавъ отъ знаменитаго отца своего таланта полководца, онъ тѣмъ не менѣе нуждался въ боевомъ народѣ для охраненія своихъ владѣній, и въ самомъ городѣ Острогѣ содержалъ дружину „вольныхъ людей“ подъ начальствомъ прославившагося въ послѣдствіи Наливайка. Но двуличный и измѣнчивый во всемъ, князь Василій игралъ двойную роль въ сношеніяхъ своихъ съ козаками. Сперва онъ имъ потворствовалъ, какъ никто другой въ Украинѣ; покрывалъ широкой своей властью козацкіе наѣзды на сосѣднихъ пановъ; въ молодости, какъ его упрекали передъ королевскимъ судомъ, даже лично участвовалъ въ такихъ наѣздахъ; потомъ, въ угоду королю Стефану, готовъ былъ истреблять ихъ совместно съ крымскимъ ханомъ. Козаки давно уже были имъ недовольны, и когда грозное сеймовое постановленіе 1590 года было объявлено на ярмаркахъ, прибито къ дверямъ мѣщанскихъ ратушъ, городскихъ и земскихъ судовъ, церквей и кабаковъ, досада ихъ сдѣлалась общеою. Шляхетные добычники, водившіе козацкую орду на добычный промыселъ сухимъ путемъ и водою, составили за

---

*) Происхожденіе вольныхъ людей въ нашей Руси относится ко временамъ первобытнымъ. Вязьки и другіе дѣдичи перезывали на свои земли или мѣщанъ, или иноземныхъ колонистовъ. Отношенія между этими поселенцами и землевладѣльцами регулировались державными контрактами, которые возобновлялись черезъ каждыя 12 лѣтъ. Въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ донынѣ существуетъ классъ поселянъ, называющихся на административномъ языкѣ „вольными людьми“.

Порогами зловѣщій планъ уничтожить колонизацію украинскихъ пустынь, превратить всю Украину въ неподвластное никому кочевіще. Элементы дикой анархіи встали противъ только-что установившейся здѣсь гражданственности.

Запорожская вольница прежде всего напала на воеводскій городъ Кіевъ. Укрѣпленія этого важнаго пограничнаго пункта, подъ эгонистическимъ управленіемъ князя Василія, находились въ такомъ состояніи, что сеймовые депутаты, земскіе послы, еще въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія упрекали въ небрежности пана кіевскаго воеводу, который, по ихъ выраженію, имѣлъ безстыдство оправдываться своею несостоятельностью, и просилъ у шляхетскаго правительства субсидіи для приведенія Кіева въ оборонительное положеніе. Козаки, подъ предводительствомъ своего войсковаго писаря, Гренковича, вломились въ кіевскій замокъ, съ тѣмъ чтобы овладѣть приписанными къ замку имуществами. Къ числу такихъ имуществъ, какъ хозяйственная единица, принадлежалъ Межигорскій монастырь. Въ качествѣ завоевателей, козаки не уважили ни православнаго монашества, ни самой церкви. Подъ предлогомъ, что въ монастырѣ скрывается какой-то воръ, обокравшій Гренковича, козаки связали игумена и избили до кровавыхъ ранъ. Межигорскимъ игуменомъ былъ то время Іосифъ Бобриковичъ-Кдиотъ, извѣстный въ послѣдствіи борьбою противъ церковной уніи, въ санѣ мстиславскаго епископа. Возникъ генераль Кіевскаго воеводства, составившій судебный актъ о козацкомъ разбоѣ, писалъ въ немъ, что козаки, „змучивши и змордовавши игумена“, кинулись по монастырскимъ коморамъ, а потомъ, „впадши до церкви, яко одни Татарове“, разбили ларецъ съ монастырскими деньгами и документами на монастырскія имущества, деньги забрали, а документы уничтожили. Особенно вадѣвались они, по произведенному возникъ генераломъ слѣдствію, надъ королевскими грамотами; отрывали „вслыя“ печати, рвали пергаментъ въ куски, бросали въ грязь и топтали ногами.

Таково было начало козацкихъ бунтовъ, которые наши историки представляютъ войною за вѣру.

Глава III.

Свобода вѣры и совѣсти въ козачествѣ.—Первая козако-панская усобица.—Три характеристическія черты козацкихъ бунтовъ.—Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Кіевомъ.—Признаки разложенія Польши.—Вторая козако-панская усобица.

Ни запорожскимъ дикарямъ, сдѣланнымъ отчасти ручными, ни замковымъ жолнерамъ, дичавшимъ на кіевскомъ пустынномъ пограничѣ, не было дѣла до религіозной стороны монастырей, находившихся въ ихъ распоряженіи и „подаваньи“ (*jus patronatus*). Даже кіевскіе мѣщане, люди осѣдлые, домовитые и естественно расположенные больше козаковъ и жолнеровъ въ благочестію, относились къ мѣстнымъ святилищамъ не лучше, какъ воевода кіевскій къ укрѣпленіямъ. По свидѣтельству кіевского католическаго епископа въ началѣ царствованія Сигизмунда III, начальники кіевского гарнизона держали въ католической замковой капличкѣ своихъ лошадей, а кіевскіе мѣщане запирали скотъ въ развалинахъ Софійской церкви, и ни самъ князь Острожскій, ни его православный подвоеводій, князь Вороницкій, не хотѣли ничего знать о подобныхъ безчинствахъ, возмущавшихъ душу просвѣщеннаго бискупа. Но въ козацкихъ нападеніяхъ на православные монастыри, въ козацкихъ разбояхъ по городамъ и селамъ, принадлежавшимъ вѣчно или доживотно православнымъ панамъ, въ козацкихъ набѣгахъ на православныя области Турціи и на самое Царство Московское, добычный промыселъ малорусскаго козачества не подчинялся нисколько чувству единовѣрія. Мы знаемъ, что одинъ изъ предводителей нашего козачества, въ первой половинѣ XVI вѣка, отписалъ Никольскому монастырю родовое сельцо свое, а другой, въ концѣ того же столѣтія, устроилъ въ Кіевѣ шпиталь. Намъ извѣстно, что за Порогами подвизались нерѣдко рыцари, выдавшіе широкій христіанскій и мусульманскій свѣтъ, одушевленные религіознымъ энтузіазмомъ и мечтавшіе о вѣчной славѣ козацкаго имени. Но козацкая масса представляла такое смѣшеніе вѣроисповѣданій, нравовъ

и обычаевъ, что ученому дипломату Сарняцкому, въ царствованіе Стефана Баторія, казаки казались исповѣдывающими вѣру турецкую.

По формациі запорожской вольницы, принимавшей къ себѣ всѣхъ и каждого безъ опроса, кто онъ и зачѣмъ бѣжалъ въ низовыя кочевья, эта вольница необходимо должна была состоять изъ представителей всѣхъ вѣръ, такъ точно, какъ она состояла изъ представителей всѣхъ племенъ, сословіи и состояній. Мы знаемъ, что когда шляхетное общество вытѣсняло изъ своей среды крайнихъ протестантовъ, называемыхъ аріянами, эти протестанты въ кочевомъ товариществѣ, отрицавшемъ вообще законы людей гражданственныхъ, находили себѣ такой же невозбранный пріютъ, какой обрѣтали въ немъ убійцы, воры и всякаго рода злодѣи. Предоставляя въ своемъ кругу каждому свободу совѣсти относительно злодѣйскихъ поступковъ съ отцомъ, матерью, родствомъ и со всѣмъ обществомъ, казаки естественно допускали и свободу совѣсти религіозной.

Козацкое скопище было, во-первыхъ, продуктомъ Азіи, насколько Азія была безсильна притянуть къ своимъ порабительнымъ центрамъ передовыя полчища своихъ набѣговъ. Во-вторыхъ, оно было продуктомъ Европы, насколько господствовавшее въ ней кулачное право было безсильно пріучить общество къ уваженію чужаго труда и чужой собственности. Чтò касается польскаго общества, то его феодализмъ, извѣстный подъ именемъ шляхетской вольности, еще больше, чѣмъ дикая Татарщина временъ Менгли-Гирея и полудикая Московщина временъ Ивана Грознаго, способствовала развитію въ козакахъ разбойной терпимости, которая набрасывала покровъ забвенія на самыя ужасныя злодѣйства ихъ пріемышей. До какой степени эта терпимость была необходима въ образованіи сброднаго козацкаго товарищества, видно изъ того, какъ заводились въ Малороссіи питомники низовой вольницы, старостинскія и вотчинныя осады и слободы.

Колонизаторы малорусскихъ пустынь, заохочивая народъ къ заселенію займищъ своихъ, всего больше разсчитывали на тѣхъ, которымъ угрожала кара за проступки и преступленія, сдѣланные ими въ королевскихъ городахъ, или въ имѣніяхъ другихъ колонизаторовъ. Стремленіе къ основанію новыхъ и новыхъ осадъ на русско-татарскомъ пограничьи было такою сильною потребностью строителей польско-русской республики, что не только люди грубые, но даже и такіе, какъ ученый коронный канцлеръ Янъ Замойскій, не считали для себя унизительнымъ прибѣгать къ этому способу заселенія своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ „экзорбитанцій, учиненныхъ Яномъ Замойскимъ“, 36-ою экзорби-

тавцію помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по сосѣднимъ мѣстечкамъ, „населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодаямъ (сказано въ протестѣ), которые убивали отца, мать, роднаго брата, или пана, давалъ онъ у себя пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать этихъ преступниковъ законами“.

Порожденіе разбойной вольности, оправдываемой вольностью шляхетскою, казаки, состоявшіе большею частью изъ обѣднѣвшихъ шляхтичей да изъ такъ называемыхъ вольныхъ людей, уносили изъ отцовскихъ и панскихъ домовъ за Пороги религиозную терпимость, или индифферентизмъ, отличавшіе „шляхетскій народъ“ отъ всѣхъ народовъ сосѣднихъ. Одни изъ казаковъ, для покрытія тяжкихъ грѣховъ своихъ, жертвовали добычное серебро на украшеніе церковныхъ образовъ, называя себя оброчниками, или давали обѣтъ работать по нѣскольку недѣль на своихъ богомольцевъ, монаховъ; зато другіе, по словамъ народной пѣсни, не умѣли отличить церкви отъ свирды сѣна, а были и такіе, что не хотѣли произнести никакой молитвы и, вставъ отъ обѣда въ своемъ бурлацкомъ куренѣ, благодарили Бога жощунственнымъ подражаніемъ обычному благодаренію: „Спасибі Бдгу и козиному рѣгу, и козиній голдвці, и вамъ, пандве молѣдці“. Что касается того, какъ мало военное ремесло располагало ихъ въ выполненію религиозныхъ обрядовъ, видно изъ интереснаго факта: что иезуитскіе миссіонеры даже въ составѣ квартанаго войска находили, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, множество Поляковъ и Руснаковъ, не бывавшихъ по многу лѣтъ у исповѣди и св. причащенія.

Церковъ и вѣра, принятыя въ основаніе козацкаго товарищества, какъ представляетъ наша исторіографія, не прибавили бы ничего къ козацкимъ заработкамъ; напротивъ, стѣсняли бы свободу козацкаго промысла, чего мы не видимъ ни въ одномъ изъ козацкихъ набѣговъ на единовѣрныя земли. Въ предпріятомъ теперь казаками нападеніи на владѣнія кіевскаго воеводы казаки должны были бы уважать распространное въ малорусскомъ духовенствѣ мнѣніе, что князь Василій есть „начальникъ православія, столпъ и утвержденіе вѣры“. Но интересы малорусскаго духовенства расходились діаметрально съ интересами козацкими. Ни духовные и свѣтскіе авторитеты православія, славословившіе князя Василя, какъ ревнителя отеческой вѣры, ни покровительствуемая имъ церковныя братства, ни такія изданія, какъ славянская Библія, напечатанная въ Острогѣ отъ его имени, — ничто не остановило днѣпровскихъ добычниковъ на пути къ разоренію родовыхъ и дигнитарскихъ владѣній дома Острожскихъ. Ограбивши въ

1591 году Кіевъ и его окрестности, подъ предводительствомъ шляхтича Криштофа Косинскаго, бывшаго рукодайнаго слуги князя Василія, они составляютъ въ Кіевскомъ и Волинскомъ воеводствахъ шайки набѣдниковъ, нападають на дома предавной Острожскимъ шляхты, грабятъ, убиваютъ, безчинствуютъ и приводятъ наконецъ край въ такое положеніе, что мѣстное дворянство прекращаетъ производство всѣхъ судебныхъ и общественныхъ дѣлъ, какъ это случилось прежде только во время татарскаго набѣга „великою ордою“. Со стороны князей Острожскихъ, кіевскаго и волинскаго воеводъ, принимаются мѣры къ соединенію дворянства въ правильныя ополченія. Но усилія магнатовъ, подрѣзанныхъ королевскими универсалами, парализуются мелкими землевладѣльцами, которые смотрятъ на козаковъ, какъ на своихъ защитниковъ и мстителей за претерпѣнныя ими отъ людей сильныхъ обиды. Многіе помогаютъ козакамъ тайкомъ, а нѣкоторые открыто выпрашиваютъ у Косинскаго хорошо вооруженные, опытные въ набѣгахъ отряды запорожцевъ, и ходятъ съ ними на своихъ супостатовъ. Видя, что вѣтеръ дуетъ въ ея паруса, вольница Косинскаго овладѣла пограничными старостинскими городами, всѣ находимыя у подстаростіевъ бумаги истребляла, какъ и въ Межигорскомъ монастырѣ, наконецъ стала принуждать не только мужиковъ, но и самихъ шляхтичей землевладѣльцевъ, къ присягѣ на послушаніе Запорожскому войску. Мятежъ Косинскаго былъ опасенъ всего болѣе съ этой стороны. Едва сложившееся на пограничѣ общество готово было превратиться въ безсудную, беспощадную, саморазрушительную орду.

Однимъ изъ мотивовъ бунта послужила Косинскому недоплата жалованья. Сохранилось его воззваніе къ „ласковымъ панамъ-товарищамъ“, писанное изъ Цикова по-польски*). Въ немъ говорится: „Узнали мы (предавныя вамъ товарищи, Криштофъ Косинскій и все рыцарство), что панъ староста (Претвичъ) не снѣшитъ къ намъ съ тѣми деньгами, и потому, ничего не ожидая, прибывайте къ намъ. А слугѣ пана Претвича скажите именемъ войска, что больше ждать его мосци не будутъ, и должны сами о себѣ промыслять.—Видно, додержать насъ до зимы, какъ прошлый годъ еще на св. Ивана имѣли намъ дать, а теперь уже осень наступила“.

---

*) Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, спустя года четыре, коронный полевой гетманъ, усмиряя козаковъ, просилъ у короннаго канцлера универсаловъ и позвовъ, писанныхъ *Ruskim pismem, według zwyczaju tej ziemi*, и что судопроизводство надъ козаками въ гродскихъ судахъ совершалось на языкѣ русскомъ.

Пограничное общество было спасено отъ козаковъ Косинскаго чрезвычайными мѣрами, въ которыхъ прибѣгнулъ богатый домъ Острожскихъ. Старшій сынъ князя Василя, князь Янушь, бросился въ Тарновъ, родственную мѣстность по католичѣй матери, и навербовалъ тамъ людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ козаками, а въ поддержку выписалъ нѣсколько ротъ пѣхоты изъ Венгрии. Къ этому войску присоединилъ онъ наемныхъ козаковъ своего отца (которыхъ современники называли „вольными людьми“), подъ предводительствомъ Северина Наливайка, да призвалъ на помощь князя Александра Вишневецкаго, черкаскаго, ваневскаго и любечскаго старосту, съ нѣкоторыми волынскими панами, и въ началѣ февраля 1593 года разбилъ Косинскаго за Чудновымъ, подъ мѣстечкомъ Пяткомъ, недалеко отъ Тарнополя. 26 пушекъ и почти всѣ козацкія хоругви достались побѣдителямъ. Козаковъ убито, какъ была молва, до 3.000. Бѣжавшаго въ Пятокъ Косинскаго можно было принудить къ сдачѣ съ остальными бунтовщиками. Но Острожскіе, видя себя изолированными въ борьбѣ съ козачествомъ, не хотѣли довести дѣло до крайности. Они предоставили Косинскому свободу, а низовцевъ обязали письменнымъ договоромъ избрать немедленно другаго „атамана“, быть въ послушаніи королю, находиться за Порогами, на указанныхъ правительствомъ мѣстахъ, не имѣть никакихъ *лежъ* (квартиръ), ни *приставствъ* (реквизицій) въ имѣніяхъ самого пана кievскаго воеводы, и другихъ пановъ, которые находились подъ Пяткомъ при князьяхъ Острожскихъ, выдать и впредь не задерживать у себя служилыхъ шляхтичей, измѣнившихъ князьямъ Острожскимъ, возвратитъ награбленное въ панскихъ имѣніяхъ огнестрѣльное оружіе, коней, скоть и другую движимость, а челядь обоюго пола, которая находилась при козакахъ, отъ себя отослать. Договоръ подписали, по просьбѣ побѣжденныхъ, и всѣ паны, помогавшіе князьямъ Острожскимъ, а именно: Якубъ Претвиць (Претвиць) изъ Кгавронъ, каштелянъ ваменецкій *); князь Александръ Вишневецкій, черкасскій, ваневскій, корсунскій, любечскій, лоевскій староста; Янъ Кгульскій (Гойскій), войскій трембовельскій; Вацлавъ Боговтинъ, хорунжій земли Волынской; Василій Гулевичъ, войскій володимерскій **).

*) Въ документахъ онъ ошибочно названъ галицкимъ.

***) Исчисленные въ этомъ порядкѣ въ текстахъ документа, писаннаго по-русски, паны, кромѣ Гулевича, подписались по-польски; Косинскій — также по-польски, но войсковой писарь, Иваиъ Кгречковичъ, „именемъ всего войска“, по-русски. Янъ Кгульскій вовсе не подписался.

Всего замѣчательнѣе въ этомъ событіи то обстоятельство, что козаки, прежде чѣмъ вооружиться противъ князя Острожскаго и его партіи, вошли въ переговоры съ Крымскими Татарами съ одной стороны и съ Москвою съ другой. Въ самомъ зародышѣ козацкихъ бунтовъ замѣтно уже сознаніе, что украинская орда не совпадаетъ съ панамъ безъ Крымцевъ, и что только „подъ высокою рукою“ Московскаго царя найдеть себѣ убѣжище въ случаѣ крайности. Последнюю мысль восприняли козаки, можетъ быть, отъ самой же шляхты, которая, въ лицѣ своихъ отверженцевъ и преступниковъ, руководила тогда запорожскою вольницею. Уже между гетманствомъ двухъ первыхъ возмутителей козацкихъ, Косинскаго и Наливайка, посоль императора Рудольфа II замѣтилъ во время своего пребыванія у запорожцевъ, что они не считали себя подданными Рѣчи Посполитой, а скорѣе—слугами московскаго самодержца, и оправдывался передъ своимъ государемъ тѣмъ, что московскій великій князь могъ бы обидѣться за козаковъ, когда-бъ онъ прервалъ съ ними сношенія; а черкасскій, каневскій и любечскій староста доносилъ королю, что московскій великій князь, въ своемъ листѣ къ козакамъ, титулуетъ себя царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ. Безъ сомнѣнія, царская грамота столь неправдоподобнаго содержанія была вымышлена первыми козацкими бунтовщиками, какъ и „Золотая Грамота царицы Катерины“—последними. Для историка важно здѣсь убѣжденіе, возникшее въ козакахъ до начала ихъ бунтовъ. Оно могло принадлежать и самому Косинскому. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что польская шляхта, по пресѣченіи наследственной линіи королей своихъ, боялась измельчать и обратиться въ магнатскихъ мужиковъ. На избирательныхъ сеймикахъ раздавались въ ней такіе голоса: „Ни отъ одного государя не можно ожидать такой помощи нашему шляхетскому чину, какъ отъ московскаго. Только подъ рукою московскаго самодержца прекратились эти насилія, наѣзды, кровопролитія, убійства, блудодѣянія и разныя другія беззаконія. Только у него нашли бы мы быстрое, немедленное удовлетвореніе справедливости“.

Другая характеристическая черта первой козако-панской усобицы состояла въ томъ, что Криштофъ Косинскій въ концѣ XVI столѣтія предполагалъ сдѣлать съ Польшею то, чѣмъ ей грозилъ въ половинѣ XVII-го Богданъ Хмельницкій. Князь Александръ Вишневецкій доносилъ объ этомъ коронному великому гетману Яну Замойскому, отъ 23 мая 1593 года, изъ Черкасъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Измѣнникъ Косинскій не удовольствовался тѣмъ, что все время до сихъ поръ не проливалъ кровь людскую во владѣніяхъ его королевской милости,

совершая безпрестанныя жестокости, мучительства, наѣзды, насилія, но еще и до основанія все пограничье хотѣлъ низпровергнуть (*wy-wrócić*), всѣхъ насъ вырубить, и присягнуть со всѣмъ войскомъ своимъ опустошать съ турецкими и татарскими войсками вѣрныя владѣнія и помочь языческимъ псамъ завоевать самую корону. Въ самомъ дѣлѣ крымскій царь готовился послать съ нимъ войска, а онъ ему присягнулъ воевать владѣнія его королевской милости“.

Не менѣе характеристично въ первой козакопанской усобицѣ и то, что козацкія обѣщанія и клятвы были дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ у козаковъ, пока козаки сознавали себя безсильными. Такъ у нихъ было и въ послѣдующихъ бунтахъ. Самые предводители ихъ, милуемые великими панами иногда даже на эшафотѣ, не считали себя связанными никакими обѣщаніями, лишь только на мѣсто побитыхъ товарищей окружали ихъ новые.

Въ настоящемъ случаѣ, гнѣздившіеся въ Кіевщинѣ козаки вмѣнили ни во что клятвенный договоръ, заключенный подъ Пяткомъ „сотниками, отаманами и рыцарствомъ Запорожскаго Войска“ вмѣстѣ съ ихъ „гетманомъ“, какъ именовалъ себя Косинскій. Они провозгласили того же Косинскаго вновь своимъ гетманомъ и, оставая князей Острожскихъ въ покоѣ, бросились вмѣстѣ съ нимъ на Черкасы, чтобъ отомстить Александру Вишневецкому за его вмѣшательство въ дѣло, которое, по ихъ удѣльно-вѣчевому возрѣнію, вовсе до него не касалось, нужды нѣтъ, что подъ Пяткомъ сражалось множество своевольныхъ людей изъ его украинскихъ старостъ. Но тутъ „Панъ Косинскій“, какъ титуловали его въ договорномъ актѣ побѣдителя, загулялъ съ козаками по-запорожски. Старостинскіе люди напали на пьяныхъ руинниковъ, убили ихъ предводителя, разогнали пьяную орду и положили конецъ возобновленному разбою.

Побитые въ Черкасахъ козаки заключили съ княземъ Вишневецкимъ такую же мировую, какъ и съ княземъ Острожскимъ. Но, по смерти князя Вишневецкаго, наслѣдникъ его сдѣлалъ имъ какую-то „кравду“. Козаки отправили къ кіевскому „замковому уряду“ двухъ пословъ съ просьбою—дать имъ вознагражденія для составленія обвинительнаго акта. Но этотъ урядъ состоялъ, какъ видно, изъ людей, расположенныхъ больше всего къ самоуправству. Вымещая на козацкихъ послахъ претерпѣнныя въ миновавшую усобицу обиды свои, замковые чиновники одного изъ нихъ убили, другаго до полусмерти замучили, и все имущество ихъ товарищей разграбили. Въ этомъ самоуправствѣ, какъ видно изъ теченія дѣла, участвовали и кіевскіе мѣщане. Озлобленные запорожцы, въ числѣ 4.000 человекъ, двинулись къ Кіеву

„съ арматою“, то-есть со всѣми принадлежностями войны и козацкаго самоуправленія.

Между колонизаторами Украины игралъ въ то время важную роль кievскій католическій бискупъ, Іосифъ Верещинскій, осадившій на древнемъ городищѣ Хвастовъ, который онъ, по своему родовому гнѣзду въ люблинской холмщинѣ, назвалъ Новымъ Верещиномъ. Осадить на безлюдѣ городъ значить—защищать его не только отъ татарской, но и отъ мѣстной орды. Одну надобно было отражать, другую привлекать къ себѣ разными уступками и подарками. То и другое для Верещинскаго было тѣмъ возможнѣе, что духовный санъ его не мѣшалъ ему водить лично противъ Татаръ боевыя дружины. Эти дружины состояли обыкновенно на половину изъ низовыхъ козаковъ. Въ нихъ участвовали знаменитѣйшіе запорожскіе рыцари разныхъ національностей. Козаки знали и любили щедрого, толерантнаго, справедливаго и благочестиваго въ своемъ католичествѣ бискупа. Походъ ихъ на Кіевъ былъ предпринятъ въ ту пору, когда сюда съѣхались окрестныя землевладѣльцы на судебныя *рочки*. Имъ угрожала въ Кіевѣ немалая опасность, и они всѣмъ обществомъ своимъ упросили Верещинскаго вмѣстѣ съ другимъ популярнымъ въ Запорожскомъ Войскѣ лицомъ, княземъ Кирикомъ Рожинскимъ, умиротворить козаковъ. Шляхетскіе депутаты, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, подъ которыми надобно разумѣть служилую шляхту, выступили навстрѣчу козакамъ и ждали ихъ надъ Днѣпромъ, верстахъ въ десяти отъ Кіева, на урочищѣ Лыбедь.

„На этомъ урочищѣ“, доносилъ Русинъ по происхожденію, Верещинскій, такому же Русину, полевому коронному гетману, Жовковскому (по-польски Жулевъскому *), „въ концѣ сентября 1593 года, едва не поплатились мы жизнью, потому что козаки, свѣдавъ о насъ отъ своихъ *калаузовъ* (проводниковъ) и принявъ насъ за кievскую (полевую) сторожу, хотѣли на насъ ударить. Замѣтивъ это, я, по дивному Божію промыслу, вмѣсто *vin vi illis retinendo* **), велѣлъ музыкантамъ играть на *шаломаяхъ* ***) псаломъ Давидовъ *Cantabo Domino in vitā meā* ****), дабы козаки узнали меня по этому шаламайному *гаслу* (сигналу). Господь Богъ сохранилъ мою жизнь для своей славы и къ большому еще умноженію хвалы своей. Съ помощію Божією,

*) *Żółkiewski*.

**) Вмѣсто отраженія силу силою.

***) Нѣмецкое *Schallmeien*. Покозацки—жолошійкі.

****) Восхваляю Господа въ животѣ моемъ.

шаломайная мелодія спасла меня съ вняземъ Кирикомъ Рожинскимъ и съ моими слугами отъ страшной опасности. Когда, на другой день, приплыло Запорожское Войско, воздало оно Господу честь и хвалу, что его сторожа не обагрила своего оружія нашей неповинною кровью. По окончаніи церемоніи, стали мы убѣждать козаковъ, чтобъ они, не вступая въ Кіевъ, съ такимъ отрядомъ, искали справедливости въ меньшемъ числѣ; но они на то не согласились, говоря, что небольшому ихъ отряду стало бы то же самое, что ихъ посламъ. И когда козаки подходили къ Кіеву Днѣпромъ и сушей, съѣхавшаяся туда шляхта, не желая съ замковымъ урядомъ пить этого пива, котораго онъ наварилъ, разѣхалась по своимъ домамъ, а замковой и мѣщанскій урядъ заперся въ замкѣ. Много стояло намъ труда и не мало опасности примиреніе козаковъ съ замковымъ и мѣщанскимъ урядомъ. Козаки, за свои труды и потерп, за тиранію надъ однимъ посломъ и за грабежъ надъ ихъ товарищами, согласились наконецъ получить двѣнадцать сотъ золотыхъ польскаго счету, и учинили между собой на бумагѣ вѣчный миръ, безъ присяги, охраняя знаменитую столицу Кіевскаго отечества, чтобъ она не понесла на себѣ никакой обиды. Въ самомъ дѣлѣ выѣхали они изъ Кіева безъ стрѣльбы и безъ обоюднаго пролитія крови, не сдѣлавъ никакого вреда въ людяхъ, кромѣ живности, которую хорошо обзапаслись“.

Въ заключеніе, Верещинскій просилъ Жовковскаго—сообща со всѣмъ сенатомъ сдѣлать замковому уряду хорошую нотацію, чтобъ онъ впередъ, безъ королевской инструкціи, или безъ совѣта своего бискупа, или же кіевскаго воеводы, ничего подобнаго не дѣлалъ. „За такіе глупые поступки—писалъ онъ—слѣдовало бы взыскать съ замковаго уряда всѣ убытки, понесенные мѣщанами отъ казаковъ, чтобы на будущее время они были умнѣе: иначе—надобно бояться, чтобы Кіевъ не сдѣлался пустками“.

Но дѣла сложились уже такимъ образомъ, что пограничной шляхты нельзя было развести съ козаками. Съ той и съ другой стороны накопилось множество кровавыхъ обидъ. Съ той и съ другой стороны набралось множество людей, для которыхъ не существовало никакого права, кромѣ права сильного. У того самаго князя Василія, который первый вооружился противъ днѣпровской вольницы, состоялъ на жаловань преемникъ отважнаго Косинскаго, уроженецъ мѣстечка Гусятина, Северинъ Наливайко, прозванный впоследствии полушутя и полусерьезно Царемъ Наливаемъ. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и алкивіадовскою красотою своею, и дикою энергіею своей дѣятельности. По чувству рыцарской чести, унаслѣдо-

ванной козаками отъ знаменитыхъ предводителей своихъ, не могъ онъ отказать „своему пану“ въ повиновеніи, когда тотъ посылалъ его противъ его собратій по оружію; но лишь только срокъ его службъ миновалъ, и онъ слѣлался по-старому; вольнымъ добычникомъ,—низовые козаки, у себя въ Сѣчи, получили отъ него посольство, характеризующее козака со стороны его рыцарства.

Наливайко оправдывался передъ запорожцами долгомъ чести въ томъ, что воевалъ противъ нихъ подъ знаменами князя Острожскаго, и предлагалъ имъ навсегда дружбу и братство свое. Въ доказательство своей искренности, дарилъ онъ отъ 1500 до 1600 лучшихъ коней изъ военной добычи, взятой недавно въ Волощинѣ. Но, такъ какъ честное рыцарство (говорили послы Наливайка) не довѣряетъ ему, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ раду положить въ ея кругъ свою саблю и оправдаться во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ,—съ тѣмъ, что, еслибы рыцарская рада не уважила его представленій, то онъ склонитъ передъ нею голову подъ собственный мечъ свой. Низовцы были довольны обращеніемъ Наливайка изъ панской службы къ добычному промыслу, и поладили съ вольными людьми, изъ которыхъ состояла Наливайкова дружина.

Примиренію вольнонаемныхъ Торковъ съ Торками и Берендеями кочующими въ дикой свободѣ помогло то обстоятельство, что Турки въ это время сильно тѣснили Венгрію, и нѣмецкій императоръ Рудольфъ II прислалъ въ Запорожскую Сѣчь своего посла, силезца Эриха Ласоту, съ значительною суммою денегъ, заохочивая козацкое войско къ нападеніямъ на турецкія владѣнія. Съ другой стороны, агенты римскаго папы подстрекали шляхту къ набѣгамъ на турецкое Поддѣстріе. По случаю мира съ Москвою, много народу, кормившагося войною на сѣверѣ, отхлынуло теперь къ югу. Бывшіе слуги, или дворяне, Стефана Баторія, тѣснившаго козаковъ для успокоенія Турокъ, интриговали въ пользу турецкой войны всюду, гдѣ шляхетскій бытъ приближался къ быту козацкому; а множество боевой шляхты, не получивъ за Московскую войну жалованья и навлекши на себя кару закона обычнымъ въ такомъ случаѣ грабежомъ королевскихъ и панскихъ имуществъ, „пристало въ козаки“ рыцарскимъ путемъ Наливайка. Своевольный элементъ выдѣлился изъ польскаго общества рѣзко, и фізіономія козачества получила зловѣщую выразительность. Козацкіе сотники стали играть даже роли агентовъ по сношеніямъ придунайскихъ господарей и седмиградскаго князя съ нѣмецкимъ императоромъ, во вредъ мусульманамъ. Козаки служили Рудольфу II въ самой Венгріи цѣлымъ войскомъ своимъ, въ которомъ насчитывали 6,000 ста-

ринныхъ козаковъ, людей отборныхъ, не влючая тѣхъ, которые проживали въ поселеніяхъ пограничныхъ и хаживали съ опытными козаками на добычный промыселъ въ смыслѣ новіціата. Правда, днѣпровскіе рыцари оказались весьма убыточными защитниками венгерскихъ христіанъ отъ мусульманскихъ вторженій, и были выпровожены изъ Венгріи, какъ противодіе, болѣе вредное, чѣмъ самый ядъ; но тѣмъ не менѣе у нихъ завелись пушки съ именемъ императора и знамена съ его императорскими знавами, а сознаніе своей самобытности возросло въ Запорожскомъ войскѣ до того, что власть короннаго гетмана потеряла для него всякое значеніе.

По признанію польской историографіи, „въ краѣ чувствовалось уже нѣкоторое разложеніе. Украинныя области—говорить она—были для насъ Ахиллесовой пятою. Безправіе и неурядица дошли въ нихъ до высочайшей степени. Правительство взваливало бремя обороны границъ на старость, и дѣло шло еще довольно хорошо, пока непріятель дѣлалъ нашествіе со стороны Дикихъ Полей; но когда поднялся оный домашній врагъ, извѣстный подъ именемъ Низовцевъ или Своевольныхъ Кушъ,—затрудненія увеличились: ибо старостинскія роты состояли изъ земляковъ и товарищей взбунтовавшихся грабителей. Наконецъ то, что въ другихъ странахъ называлось грабежомъ и разбоемъ, здѣсь представлялось легкимъ своевольствомъ. И пришельды, и туземцы, воспитанные въ школѣ борьбы съ татарскою дичею, часто теряли чувство справедливости. Наше прекрасное законодательство не дѣлало своего дѣла даже по *уродамъ*. Ограничивались протестаціями, и то въ весьма скромной формѣ. Никто не преслѣдовалъ виновнаго. Судопроизводство тянулось до тѣхъ поръ, пока набѣгъ татарскихъ ордъ не полагалъ ему конца, такъ какъ и истецъ и отвѣтчикъ являлись весьма скорыми въ отраженіи набѣга, и часто сражались вмѣстѣ, отбивая бѣдный народъ изъ ясыра, и скотъ, гонимый подъ Бѣлгородъ или еще дальше. Такимъ образомъ своевольство господствовало (*swawola więcroz wielmożniała się*), и Рѣчь Посполитая тогда только задумывала поступить съ нею строго, когда оно вызывало гнѣвъ дивана и угрозы татарскаго хана“.

Въ этихъ словахъ Поляка и шляхтича мы читаемъ признаніе, что буйство козацкое получило свое начало въ буйствѣ шляхетскомъ. Біографія самого Наливайки, какъ увидимъ изъ его оправданія передъ королемъ, представляетъ разительный тому примѣръ.

Послѣ Косинскаго, въ запорожскомъ скопищѣ прославился Лобода. И при Косинскомъ счумѣлъ онъ овладѣть Кіевомъ, а когда панъ Криштофъ погибъ въ отважномъ покушеніи на Черкасы, онъ, осенью

того же года, бросился въ задніѣстровскія степи, напалъ на богатую ярмарку, собиравшуюся въ Юрьевѣ (Джурджево) подѣ Бѣлгородомъ, ограбилъ самый городъ и прошелъ по-татарски загонами по окрестностямъ. Слава Лободы выросла соотвѣтственно его добычѣ. Наливайко воспламенился жаждою подобной славы. Есть основаніе думать, что онъ завидовалъ и самому Косинскому. Не даромъ же князь Василій писалъ о немъ своему зятю: „Господь попускаетъ на меня другаго Косинскаго“. По закону подражательности злѣму подѣ видомъ чего-то добраго, Наливайко шелъ погибельнымъ путемъ пана Криштофа, не зная и не заботясь, къ чему приведетъ его соревнованіе пану Григорію, такому же шляхтичу, какимъ былъ и Косинскій.

Новую карьеру свою началъ онъ поступкомъ предательскимъ. Забывая, что подѣ крыломъ князя Василія выросла его сила, онъ обратился къ врагу его Замоискому съ представленіемъ, будто бы милостивый его панъ, князь Острожскій, дозволилъ ему собрать, сколько сможетъ, товарищей для войны съ непріателемъ Св. Креста, но что онъ признаетъ себя и свою дружину болѣе подчиненными ему, Замоискому, на котораго взираетъ, какъ на монарха, и такъ какъ эта дружина состоитъ изъ людей, которые всю жизнь и все свое время обыкли посвящать службѣ *его панской милости и всей Речи Посполитой*, то онъ ищетъ его покровительства противъ тѣхъ людей, которымъ за обычай уменьшать козацкую славу (намекъ на битву подѣ Пяткомъ), и проситъ указать, гдѣ бы его дружина могла добывать себѣ живность, готовясь къ выступленію въ походъ.

Острожскій враждовалъ съ Замоискимъ за назначеніе жолнерскихъ стоянокъ въ его владѣніяхъ. Наливайко, прося короннаго гетмана узаконить его гостеванье въ Острожчичѣ съ толпою мародеровъ, рассчитывалъ на усиленіе вражды между двумя магнатами. Но вооруженный издавна противъ козачины Замоискій не удостоилъ отвѣта его представленію,—тѣмъ больше, что онъ титуловалъ себя въ немъ запорожскимъ гетманомъ *), тогда какъ за Порогами существовалъ терпимый поневолѣ правительствомъ *гетманъ* Григорій Лобода и въ Украинѣ правительство признавало козацкимъ *старшимъ* сихтынскаго старосту Николая Язловецкаго.

Неразборчивый въ дѣлѣ вѣры, національности и чести, прототипъ козачества, Наливайко, повелъ свою дружину за Днѣстръ (весною 1594 года), и вернулся съ добычей, а потому и со славой; превзошедшей самую гордую надежду его. Но палладіумъ козацкой славы

*) Собственноручная подпись церковно-славянскими буквами.

былъ не въ магнатскомъ дворѣ, гдѣ онъ служилъ недавно по найму, не на вольной Волини, гдѣ *юстевалъ* въ панскихъ имѣніяхъ своевольно, даже не въ Украинѣ, гдѣ козаки не признавалъ никакихъ властей, а въ „преславномъ“ Запорожскомъ Войскѣ: надобно было такъ или иначе предвосхитить козацкую *честь-славу, войсковую справу* у Лободы. И вотъ онъ отправляетъ извѣстное уже намъ посольство въ низовой лугъ Базавлукъ, на урочище Чортомлыкѣ, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь.

Волюшское Задніѣстріе было населено почти исключительно православными христианами. Богатая добыча была взята Наливайкомъ не у Турокъ, сидѣвшихъ тамъ въ укрѣпленныхъ городахъ, не у Буджацкихъ Татаръ, умѣвшихъ брать ясырь среди рыцарской шляхты и угонять къ себѣ подолюскія, брацлавскія, червоннорусскія стада; но Наливайко вернулся въ Брацлавщину, какъ воинъ, подвизавшійся противъ „непріятелей Св. Креста“, и потому распредѣлялъ универсалами своими, какія *стачии* должны были давать его войску жители городовъ и сель, сгонялъ въ свой кошъ табуны лошадей, стада воловъ и „яловиць“, словомъ—дѣлалъ то самое, что дѣлала на кресахъ и татарская орда во время своихъ набѣговъ.

Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. По непонятному въ наше время равнодушію тогдашнихъ обитателей Малороссіи къ личнымъ насиліямъ, лучше сказать—по ихъ обыкновенности, даже судебные позывовіиали больше объ утратахъ имущественныхъ. Но извѣстно и изъ актовъ Центрального Архива и изъ такихъ записокъ, какъ названная мною *Боркулабовская Хроника*, что запорожскіе рыцари—а ихъ у Наливайка было много—не только „поганили“ женщинъ и даже дѣтей, но и уводили съ собой каждый по восьми, десяти, двѣнадцати лошадей, „по трое, четверо хлопять, по двѣ или три жонки и дѣвки“. Какъ бы то ни было, только Наливайко прославился до такой степени, что его величали царемъ Наливаемъ во всѣхъ козацкихъ „кабакахъ“, какъ назывались тогдашніе притоны пьянства и распутства.

Королевскому правительству было въ то время не до кресовъ. „Стражъ коронной границы“, коронный полевой гетманъ Жовковскій, былъ озабоченъ въ Русскомъ воеводствѣ грабежами собственнаго козачества, какъ слѣдуетъ разумѣть жолнерство; а жолнерство потому считало себя въ правѣ промышлять козацкими грабежами, что ему не былъ заплаченъ *жолдъ*, по-русски жалованье. Между тѣмъ вниманіе фельдмаршала, короннаго великаго гетмана и вмѣстѣ канцлера, Яна Замойскаго, было поглощено сосѣднею *Волюшиною*, какъ называли Поляки и наши козаки Молдавію. Затруднительное положеніе, въ ко-

торомъ находилась тогда Турція, представляло возможность возвратить польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство волошскаго господара.

Когда, въ числѣ панскаго контингента для похода за Днѣстръ, явился подъ Жванцемъ, съ малочисленнымъ почтомъ, и брацлавскій староста Струсъ, Жовковскій принялъ спокойно его жалобу на „своевольство и бунты злыхъ хлоповъ“, которые не дають ему отправлять правосудіе въ мѣстномъ грѣдѣ,—принялъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бискупъ Верещинскій писалъ къ нему о столкновеніи низовцевъ съ кievскимъ урядомъ. Онъ совѣтовалъ пану старостѣ умѣренность, ограничился донесеніемъ по начальству, и замѣтилъ въ донесеніи успокоительнымъ тономъ о своевольникахъ, что сила у нихъ слаба, велика только завзятость (*urog wielki*). „Однакожь—продолжалъ онъ—я попытаюсь найти способы умиротворить ихъ добрыми средствами“.

Неизвѣстно, что дѣлалъ онъ для умиротворенія „своевольниковъ“; только Наливайко, въ іюнѣ 1594 года, предводительствуя дружиною „почти однихъ банитовъ“, углубился въ Туретчину и Татарчину, какъ называли козаки безразлично все Заднѣстріе, прошелъ (по собственному его сказанію) „между Течини и Бѣлгорода къ Пресканамъ взялъ непріятельскій городъ, и десятка полтора сельъ вокругъ него выжегъ“.

Однакожь добычу, взятую въ этомъ походѣ, отбили у Наливайка не Турки и Татары, а единовѣрцы его, Волохи, подъ предводительствомъ своего православнаго господара. Наливайко потерялъ полторы тысячи соучастниковъ набѣга, и вернулся въ Брацлавъ, преслѣдуемый голодомъ. Распустивъ обнищавшую дружину, пріютился онъ у мѣстнаго войта, шляхтича Тиковича, съ горстью „приблочниковъ“, которые, въ качествѣ тѣлохранителей, были необходимы для каждаго козацкаго гетмана и ватажка.

Въ это время брацлавскіе землевладѣльцы съѣхались въ „столичный“ свой городъ на рочки, но, предупрежденные гродскимъ писаремъ, Байбузою, разѣхались по домамъ: такъ былъ страшенъ Царь Наливай и въ своемъ упадкѣ. Землевладѣльцы рѣшились отправлять судебныя рочки въ Винницѣ. Наконецъ осмѣлились воспріять гражданскія права свои, и двинулись полнымъ собраніемъ въ Брацлавъ. На бѣду мирныхъ единовѣрцевъ защитника Св. Креста обозъ ихъ, подъ самимъ Брацлавомъ, захватила темная октябрьская ночь. Передъ разсвѣтомъ напалъ на нихъ Наливайко вмѣстѣ съ брацлавскимъ войтомъ и толпою заднѣстровскихъ героевъ. Они убили пана Ивана Мивулашскаго, побили много служилой шляхты, а все добро судеб-

наго общества, одежды, бумаги, наличныя деньги, лошадей, забрали, чтобы „полатать свои злы дни“, какъ выразился русскій лѣтописецъ.

Этотъ козацкій разбой записанъ со всѣми подробностями, какъ общественный протестъ, въ лухихъ актовыхъ книгахъ; но и онъ остался ненаказаннымъ.

Однакожъ титулярный гетманъ Наливайко нашелся вынужденнымъ искать, на всякій случай, покровительства у дѣйствительнаго запорожскаго гетмана, Лободы, съ которымъ соперничалъ до погибельнаго для нихъ обоихъ побоища за Сулою. Къ страху беззащитности примѣшивалось у него и чувство мести къ волошскому господарю,—чувство, съ которымъ Косинскій напалъ на Вишневецкаго въ Черкасахъ. Во время своего бѣгства изъ-за Днѣстра, онъ обѣщалъ господарю побывать у него въ гостяхъ, и звалъ теперь лободинцевъ на богатую добычу въ Яссы. Лободинцы откликнулись на зовъ наливайцевъ, какъ орлы къ орламъ, или вороны къ воронамъ. Тутъ, конечно, поддержала Царя Наливая и брацлавская добыча, такъ какъ, безъ поощренія гостинцами, энтузіазмъ сѣчевыхъ рыцарей не двигалъ ихъ къ отважнымъ предпріятіямъ.

Низовцы появились въ Брацлавщинѣ, и вмѣстѣ съ „охочекомонниками“ наливайцами составили больше 12,000. Все войско дѣлилось на двѣнадцать хоругвей, въ числѣ которыхъ двѣ были украшены императорскими гербами. „Затяжцы“ объявили мирнымъ жителямъ, что, по просьбѣ христіанскаго императора Рудольфа и съ дозволенія преславной рады Запорожскаго Войска, оставшейся на днѣпровскихъ островахъ, идутъ противъ невѣрныхъ. Торжественное объявленіе уполномочивало ихъ, какъ воителей Св. Креста, взимать со всѣхъ сословій и состояній то, что въ другихъ странахъ называлось черною данью, подъ видомъ стацій. Быстро снялась козацкая орда съ мѣста своихъ лежъ, и очутилась въ гостяхъ у волошскаго господаря, въ Яссахъ. Только трои сутки гостевали козаки, но черезъ годъ послѣ того столица Молдавіи показалась Яну Замойскому сплошною руиною, среди которой „уцѣлѣлъ только мурованный господарскій дворецъ“.

Разбивши господарское войско въ трехъ мѣстахъ, козаки „пустили на пожаръ“ все, чего загоны ихъ не могли взять съ собою, и не прошло мѣсяца послѣ ночнаго разбоя подъ Брацлавомъ, какъ они заняли уже подъ свои лежи многолюдный городъ Баръ.

Тамъ захватила ихъ ранняя и необыкновенно снѣжная зима. Подъ защитой страшныхъ мятелей и глубокихъ заносовъ, побѣдители Волоховъ не боялись ни короля съ его жолнерами, ни пановъ съ ихъ ополченіями. Да и не было въ краѣ никакихъ боевыхъ силъ, если не

считать человекъ пятнадцати вооруженныхъ людей въ Межибожѣ, Каменецкій каштелянъ Яковъ Претвичъ, соратникъ Якуша Острожскаго подѣ Пяткомъ, проживалъ въ Шаравѣ, миляхъ въ шести отъ Бара, съ горстью служилой шляхты своей. Онъ отослалъ женщинъ, дѣтей и движимость въ Терембовлю, мѣсто, нагрѣтое знаменитымъ отцемъ его, Бернардомъ, предводителемъ козацкихъ дружинъ Константина I Острожскаго; а самъ, по долгу службы, оставался на мѣстѣ, собирая тревожныя вѣсти о козакахъ. Все зажиточное бѣжало съ движимостью во Львовъ и въ другія безопасныя мѣста. Были козаки грозой для знатныхъ и незнатныхъ людей. „Подуванивши въ Барѣ дуванъ“ (подѣливъ между собой добычу) и расквартировавши товарищество свое широко вокругъ Бара, они простерли свои лежи до самой Винницы. Именемъ Запорожскаго Войска были разосланы универсалы, предписывавшіе мѣстнымъ властямъ доставить „реестръ всѣхъ провьянтовъ“, а между тѣмъ барская „генеральная“ рада постановила „допевняться“ у Рѣчи Посполитой жолду за походъ въ „Туретчину“.

Здѣсь надобно вспомнить, что весною 1594 года запорожцы были призваны въ Венгрію довольно представительнымъ посольствомъ отъ императора Рудольфа II для помощи ему противъ Турокъ. Съ того времени козаки стали смотрѣть на себя какъ на воиновъ „христіанскаго цесаря“. Козацкіе сотники играли даже роли агентовъ въ сношеніяхъ придунайскаго князька съ императоромъ. Сохранилось письмо сотника Демковича къ князю Константину II Острожскому, изъ Бара, отъ 3 февраля 1595 года, въ которомъ онъ говоритъ (польски): „Когда я былъ посланъ отъ пановъ козаковъ въ мултянскому (валахскому) господарю для слушанія присяги, которую господарь его милость, какъ съ духовною, такъ и съ свѣтскою радю, учинилъ съ панами своими и съ гетманомъ своимъ, за моимъ пріводомъ, въ томъ, что дѣйствительно отвергся цесаря турецкаго и поддался цесарю христіанскому,—послѣ этого получилъ онъ отъ его милости цесаря привилегію и закрытый листъ, чтобы вошелъ въ соглашеніе съ козаками, что все намъ онъ показывалъ для большаго удостовѣренія“ и т. д.

Послѣ Косинщины, надѣлавшей много хлопотъ старому „доматору“, князю Василю, „святопамятный“ нашъ устранялся отъ всякаго вмѣшательства въ подавленіе Наливайщины. Меньшимъ изъ золъ приходилъ онъ оставаться съ козаками въ миру. По старой памяти, онъ игралъ роль ихъ благодѣтеля, роль ихъ защитника передъ правительствомъ, хотя въ секретныхъ письмахъ къ зятю проклиналъ козачество и называлъ козаковъ поганцами (язычниками). Онъ былъ готовъ

играть самыя противоположныя роли, лишь бы умножить, или сберечь, свои богатства, лишь бы одни его чествовали, а другіе боялись. Отсюда между доброжелателями и врагами эквилибриста-богача пошла молва, будто онъ поощряетъ козаковъ къ бунтамъ, будто онъ устраиваетъ ихъ грабежи въ имѣніяхъ поборниковъ въ уніи, и, на основаніи такой молвы, малорусскія лѣтописи вписали имя козацкаго гетмана Наливайко вмѣстѣ съ именемъ князя Острожскаго въ небывалую войну за православіе.

Сношенія козаковъ съ нѣмецкимъ императоромъ, безъ сомнѣнія, возымѣли извѣстное вліяніе на отношенія князя Василя къ козачеству. Онъ, котораго передъ избраніемъ Сигизмунда Вазы, объявляли кандидатомъ на польскій престолъ вмѣстѣ съ сыномъ Янушемъ, могъ имѣть особыя виды на козаковъ, подобно Рудольфу II въ борьбѣ съ Турками, и потому, глядя сквозъ пальцы на Наливайко, привлекалъ къ себѣ козаковъ молчаливыми вой въ чемъ потачками. Онъ, очевидно, выжидалъ такого, или иного конца *трагедіи*, какъ называлъ онъ въ письмѣ къ зятю борьбу козачества съ королевскимъ войскомъ.

Съ своей стороны и представитель солиднѣйшихъ „пановъ-козаковъ“, Лобода, старался приобрѣсть благосклонность магната изъ магнатовъ, щадилъ его имѣнія отъ козацкихъ лежъ, и сообщалъ ему письменно разныя новости, съ выраженіемъ „униженнѣйшей службы“ и пр. Такія отношенія козацкаго демагога къ польско-русскому можновладнику объясняютъ романомъ, разыгравшимся, въ зимнюю стоянку, между запорожскимъ *лицаремъ* и красивою панною, проживавшею недалеко отъ Бара, въ хуторѣ Шершняхъ.

О Лободѣ сохранилось преданіе, что это былъ *козарлюга* великанскаго роста, необычайной силы, плечистый, мускулистый, со взглядомъ и выраженіемъ лица, поражающими своею дивостью. Умъ его, склонный къ великодушію, заставлялъ его держать свое слово крѣпко. Онъ охранялъ по своему общественное спокойствіе, отличался строгостью съ подчиненными и не разъ рисковалъ изъ-за этого жизнью. Въ хуторѣ Шершняхъ жила вдова, какая-то пани Оборская, которой покойный мужъ отличался, въ царствованіе Стефана Баторія, воинскими подвигами и, по королевской милости, былъ обезпеченъ значительнымъ вознагражденіемъ. Въ скромномъ, но поставленномъ на панскую ногу, домѣ вдовы Оборской процвѣтала ея воспитанница и родственница, дѣвица замѣчательной красоты. Когда сосѣдняя шляхта, испугавшись козацкаго хозяйничанья въ край, разѣхалась въ разныя стороны, пани Оборская, взрослая на вресахъ и привыкшая къ бурямъ украинной жизни, осталась героически въ своемъ хуторѣ. Вѣроятно, ея питомица отличалась тою же смѣлостью, и, можетъ быть, это въ ней больше всего

понравилось козацкому Аяксу. Какъ бы то ни было, только романъ свой съ прелестною панною Лобода закончилъ тѣмъ самымъ обычаемъ, какой призналъ наилучшимъ самъ князь Василій въ насильственномъ сочетаніи племянницы съ княземъ Сангушкомъ *). Одинъ изъ вѣстовщиковъ старика-феодала доносилъ ему лаконически: что панянка шла замужъ по неволѣ: „такъ было угодно его милости; вѣнчалъ же ихъ попъ. Но Господь знаетъ, надолго ли“ (dlugo li tego)?

Женидба деспота-козака была въ самомъ дѣлѣ неудачна, какъ и та, которую устроилъ деспотъ-магнатъ. Но мы знаемъ о судьбѣ несчастной женщины только то, что когда Жовковскій, въ слѣдующемъ году, гнался за Наливайкомъ, Лобода наткнулся было на него съ отрядомъ „комоннива“ въ семьсотъ человѣкъ. Онъ летѣлъ къ Вару, чтобъ ограбить Подолію и схватить вдову Оборскую, „великую свою непріятельницу“, но принужденъ былъ вернуться въ Бѣлоцерковщину. Такъ рассказываетъ мимоходомъ современный историкъ, не придавая этому характеристическому факту никакой важности.

Въ концѣ февраля 1595 года, еще не возмущенный семейною исторіей Лобода писалъ изъ Брацлава къ своему „милостивому пану“, что, съ помощію Божию, выступаетъ противъ непріятеля Св. Креста на „Бѣлгородское Поле“, моля Господа Бога, чтобы, „за счастьемъ его милости (князя Василя), этотъ поганецъ упалъ подъ наши ноги“, и просилъ его княжескую милость предстательствовать за козаковъ во всякомъ дѣлѣ.

Дѣлая, въ письмѣ къ зятю, выписку изъ письма Лободы, Острожскій называетъ его паномъ Лободою и хвалится, что онъ во всемъ держалъ себя къ нему (князю) и къ его подданнымъ спокойно, заискивая его „пріязни“.—„А этотъ негодяй Наливайко (продолжаетъ онъ), оторвавшись отъ прочихъ съ тысячею человѣкъ, не пошелъ къ Волохамъ, и теперь гоститъ въ Острополѣ, моемъ имѣніи. Кажется (прибавляетъ онъ своимъ таинственнымъ языкомъ), что мнѣ придется поступить съ нимъ, какъ на рынкѣ“ (jako na targu).

Надобно думать, что Наливайко былъ недоволенъ произведеннымъ въ Барѣ дѣлежемъ заднѣстровской добычи, а, можетъ быть, ему было тягостно повиноваться Лободѣ въ качествѣ полугетмана. Во всякомъ случаѣ, онъ задумалъ поискать „козацкаго хлѣба“ самостоятельно. Въ оправдательномъ письмѣ своемъ къ Сигизмунду III онъ описываетъ новые подвиги свои слѣдующими словами:

*) Объ этомъ рассказано подробно въ „Исторіи Возсоединенія Руси“, I, 266—272.

„Получивъ письменный зазывъ отъ его цесарской милости, а также и отъ ихъ милостей пановъ воеводъ седмиградскаго, мултанскаго и волошскаго, по просьбѣ этихъ пановъ христіанскихъ, какъ подобало намъ, людямъ рыцарскимъ, отправились мы въ непріятельскія земли. Тамъ, соединясь и присягнувши взаимно съ волошскимъ войскомъ подъ Тегинею, пошли мы подъ замокъ. Не могли его взять, повернули къ Бѣлгороду, взяли городъ, съ непріателемъ нѣсколько разъ бились, селъ очень много подъ Бѣлгородомъ пожгли, но, не взявши замка, направили войска къ Книіи, городъ сожгли, селъ также не мало въ устьяхъ Дуная выжгли; замокъ сильно штурмовали; могли бы его и взять, еслибъ не опасались волошской и венгерской измѣны, которая вездѣ намъ была великимъ препятствіемъ. Опасаясь ихъ предательства, повернули мы домой, въ землю вашей королевской милости, и на долинѣ Ялпугѣ праздновали Великдень христіанскимъ обычаемъ. Проведа тамъ святки, въѣхали мы благополучно въ свою землю панства вашей королевской милости, и дали конямъ въ Пиковѣ трехнедѣльный отдыхъ. Но, не имѣя занятія въ панствѣ вашей королевской милости, и праздно проводить время не привыкнувъ, пустились мы въ цесарскую землю по письменному призыву его милости христіанскаго цесаря. Послуживъ тамъ немалое время, безъ всякой платы, изъ одной рыцарской охоты, и свѣдавъ, что Мамутеля съ седмиградскимъ воеводою дѣлаетъ *практики* противъ вашей королевской милости, и что они послали войско короля Максимилиана воеводѣ седмиградскому въ Волощину противъ его милости пана канцлера (Замойскаго), я, какъ подданный вашей королевской милости, не могъ дольше оставаться въ томъ государствѣ, не приложилъ моего сердца никакимъ подаркамъ, не соблазнился никакимъ *лакомствомъ*. Напротивъ, зная достовѣрно, что его милость панъ гетманъ (Замойскій) пошелъ съ войскомъ въ Волощину, я поспѣшилъ туда, не медля ни мало, будучи обязанъ вездѣ служить моей отчизнѣ. Прямо съ горь я написалъ о себѣ его милости пану гетману, не нуженъ ли я его милости въ томъ краѣ. Но его милость панъ гетманъ отписалъ намъ, что онъ шель въ Волошскую землю не для войны, а для иныхъ надобностей, почему мы двинулись мимо Львова, покупая все и конямъ, и себѣ за деньги; а для военныхъ запасовъ, завернули въ Луцкъ, такъ какъ очень нуждались въ порохѣ и огнестрѣльныхъ снарядахъ. Оттуда, цемного отдохнувъ и исполнивъ свои надобности, выѣхали мы на третій день“.

Реляція Наливайка характеризуетъ его кипящую босвой дѣятельностью природу, его двусмысленный классъ общества и самый духъ, господствовавшій на польскихъ кресахъ. Этотъ козакующій витязь въ

оправдательномъ письмѣ не считалъ нужнымъ упоминать о козацкомъ самоуправствѣ въ Пиковѣ, Брацлавѣ, Барѣ, Луцкѣ и всюду, гдѣ побывали козаки. Самоуправство ихъ считалъ онъ чѣмъ-то законнымъ. Даже личную свою месть надъ паномъ Калиновскимъ описываетъ онъ въ слѣдующихъ полунаивныхъ выраженіяхъ:

„Что касается пана Калиновскаго, то мнѣ извѣстно, что ваша королевская милость изволили прогнѣваться на меня, слугу вашей королевской милости. Это я долженъ былъ сдѣлать по уважительной причинѣ: мнѣ было больно, что панъ Калиновскій отцу моему, который былъ у меня *одинъ*, безъ всякой причины переломалъ ребра и такимъ мучительствомъ согналъ отца моего со свѣта. Не зная, какъ поступить съ нимъ по закону за столь великую кривду, больше которой, думаю, ничто никого изъ насъ и постигнуть не можетъ, и не имѣя средствъ на издержки, которыхъ требуетъ судопроизводство, яко чловѣкъ убогій (*chudy rascholak*), прибѣгнувъ я къ тому, во чтѣ гораздъ (*znam się do tego*): помстился надъ нимъ худопахольскимъ способомъ. Но, такъ какъ ему въ то время послужило счастье (Наливайко не захватилъ Калиновскаго въ его имѣніи), то я, не думая мстить ему за всю мою кривду, полагаюсь исполнѣ, ничего себѣ не предоставляя, на Господа Бога и на милосердіе вашей королевской милости. И хотя онъ овладѣлъ всею моею землею, какъ ни мало ее у меня было, и нынѣ владѣеть, я ужъ не хочу и не буду отъ него домогаться моего имущества, не гоняясь насколько за прибылью. Этотъ поступокъ, какъ всякій иной, такъ и ваша королевская милость, мой милостивый панъ, принимая во вниманіе и уважительность дѣла, и побудительную причину, не изволите считать за своевольство съ моей стороны, разсудивъ при этомъ и то, что мы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, не имѣя ни къ кому такой причины, не осмѣливались больше такъ поступить, и такимъ своевольствомъ, къ которому не обыкли, не занимались“.

Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, что Наливайко сжегъ мимоходомъ замокъ пана Каниповскаго и разорилъ его мѣстечко, Гусятинъ. Послѣ такой бездѣлицы, не стоило оправдываться въ томъ, что, гостя въ Брацлавѣ, онъ „полаталъ свои злы дни“ на счетъ судебного общества или, отдыхая въ Луцкѣ, ограбилъ городъ. Воителямъ Св. Креста надобно же было вознаградить походныя утраты если не королевскимъ жолдомъ, то чѣмъ-то такимъ, чтѣ приходило и скорѣе, и исправнѣе. Правда, король своимъ декретомъ осудилъ войта Тиковича съ его соучастниками на смертную казнь, а Луцкихъ мѣщанъ освободилъ отъ взиманія съ нихъ чопового налога въ уваженіе того, что они „отъ своевольнаго козацтва релми на маетностяхъ своихъ пошкожоны и

шарпаны суть“; но наливаевцы смотрѣли на шкоды и шарпанье, какъ защитники края отъ непріятелей Св. Креста.

Изъ Луцка пустились козаки перелетными птицами въ Бѣлорусію— „отдыхать надъ обычнымъ козацкимъ шляхомъ, надъ Днѣпромъ, пока не представится новый случай для службы Рѣчи Посполитой“, какъ изъяснялъ этотъ отдыхъ Наливайко въ томъ же оправдательномъ письмѣ къ королю. „Но едва мы ступили въ Литву, какъ говорится, одной ногою (жаловался онъ), литовскіе паны, безъ всякой съ нашей стороны причины и безъ вины, только за кусокъ хлѣба, въ ихъ маестностяхъ съѣденнаго, а пожалуй, еще и не съѣденнаго, обрушились на насъ съ гайдуками“, и т. д.

Кусокъ хлѣба состоялъ въ томъ, что Наливайко овладѣлъ панскимъ городомъ Слуцкомъ и забралъ въ городскомъ замкѣ всю артиллерию (12 пушекъ, 80 гаковницъ и 70 ружей), а съ мѣщанъ взялъ 5,000 копъ грошей литовскихъ въ видѣ разбойной черной дани, или татарскаго гарача.

Изъ-подъ Луцка козаки ходили отрядами добывать свой кусокъ хлѣба къ Копылу и Бобруйску, наконецъ двинулись всею массою къ королевскому городу Могилеву на Днѣпрѣ. Здѣсь мѣщане вздумали было защищаться, но заплатились сожженіемъ своихъ домовъ и крашнихъ коморъ, которые дали наливайцамъ богатую добычу; а поданная Сигизмунду III петиція отъ могилевскихъ поповъ, съ ихъ протопопомъ, говоритъ, что козаки ограбили въ Могилевѣ и приходскія церкви.

Современный священникъ, авторъ „Боркулабовской Хроники“, описывая походенія наливайцевъ, изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣлорусскихъ борцовъ за общественную безопасность такими чертами, которыя больше, нежели что-либо, объясняетъ возможность Наливайчины въ Рѣчи Посполитой Польской.

„Лѣта Божого нарощенья 1595, мѣсяца ноября 30 дня, въ понедѣлокъ, за тиждень передъ Святимъ Николою, (пришелъ) Северинъ Наливайко. При немъ было козаковъ 2,000, дѣлъ (пушекъ) 14, гаковницъ . . . . *). Мѣсто славное Могилевъ, мѣсто побожное, дома, храмы, острогъ, выжгли: домовъ всѣхъ яко 500, а храмовъ зъ великими скарбами 400. Мѣщанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и женъ, дѣтей малыхъ побили, порубили, попогачили; скарбовъ тожъ незличонныхъ побрала“.

---

*) Пробѣлъ.

Въ виду важности записокъ Боркулабовскаго очевидца привожу его свидѣтельство подлинными словами:

„Тутъ же войско литовское Радзивила *) троцкого, гетмана литовского (зятя князя Василя), до Могилева у погоню за козаками притягнуло, люду рыцарского конного, збройного Татаръ 4000, Литвы 14,000. Надъ тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. Въ той часъ Наливайко лежалъ (на *лежалъ*) у Могилевъ двѣ недѣли. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ (что) гетманъ зъ великимъ людомъ и зъ дѣлами до Могилева тягнетъ, тогда Наливайкой зъ могилевского замку на гору Илинскую, где теперь церковь Святаго Георгія стоитъ: бо на тотъ часъ не было, выѣхалъ. А такъ войско литовское на поли Буйницомъ, именью вельможного его милости князя Богдана Соломерецкаго, старосты кричевскаго и олучицеого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ оступили. Тамъ же зъ ранку ажъ до вечера, якобы вже къ вечерни звонити часъ, межи собою битву мѣли; якожь Литва, зъ войскомъ великимъ, натисками на войско Наливайкино. Предсе (однакожь) одинъ другому войску мало шкودی учинили: бо армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ весьми при собѣ множество мѣлъ; такъ же людъ свой стаборивъ коньми, возами, людомъ шолъ моцно (сильно). Якожь зъ дѣла съ табору Наливайкины козаки пана зацного, пана Григорія Лнюховскаго, забили. Первѣй коня подъ нимъ застрѣлили, а потомъ, выпавши съ табору, козаки его самого розсѣвали. Теперь же Литва, *отъ козаковъ отступивши, до Могилева на большій лупъ* (грабежъ) *поѣхали*; а козаки на всю ночь ѣхали до Бихова ажъ на низъ. Литва за козаками гналася ажъ до Рогачева, да ничѣго згола (вовсе) не вчинили козакомъ; а Литва и Татары рупили до Менска, Новгорода и до Вильны, *набравшия туташняго краю лупу* **).

Другой очевидецъ Наливайщины, новгородскій подсудокъ и ходатай по дѣламъ князя Радзивила Перуна и его теста, Князя Василя,

*) Не пишеть онъ *Радзивиль* по польскому произношенію, какъ дѣлають наши историки.

***) Слова боркулабовскаго самовидца о хищничествѣ литовскаго войска подтверждаетъ князь Василя въ письмѣ къ зятю отъ 7 января 1597 года: „Жолнеры (пишеть онъ по-польски), а особливо изъ Княжества Литовскаго, равняются у насъ иноземному неприятелю въ опустошеніи нашихъ имѣній. Не только тѣхъ подданныхъ, которыхъ не дограбляли въ Подоліи козаки и Татары, они дограблываютъ, но, наконецъ, насмлюють почтенныхъ женщинъ и панянокъ, а подданныхъ убиваютъ“.

Федоръ Евлашевскій, говоритъ въ своихъ запискахъ, что жители Луцка встрѣтили Наливайку съ подаркомъ въ нѣсколько тысячъ злотыхъ, но что это не спасло ихъ отъ разоренія. Съ того времени (продолжаетъ новгородскій подсудокъ), проходя Полѣсьемъ до самихъ Петриковичъ, разсылалъ онъ кругомъ универсалы съ повелѣніемъ давать ему подарки, чтò и исполнялось безпрекословно. На Слуцкъ напалъ онъ потому, что оттуда замедлили выслать ему черную дань. Эпизодъ записокъ Евлашевскаго о козацкомъ загопѣ, ходившемъ подъ Копыль, объясняетъ, почему Наливайко, въ своемъ оправдательномъ письмѣ, жалуется на панскихъ гайдуковъ. Привожу этотъ характеристическій эпизодъ цѣликомъ.

„Между тѣмъ Наливайко послалъ было подъ Копыль съ пятью сотнями козаковъ полковника Мартина, на котораго вполнѣ полагался, такъ какъ это былъ человекъ великаго сердца. Случайно наткнулись они на гайдуковъ его милости воеводы виленскаго (Геронима Ходковича, по-польски Ходѣвича), которые, бросившись въ водяную мельницу и въ спустъ подъ городомъ, не давали (козакамъ) войти въ него, убили Мартина и настрѣляли козаковъ столько, что множество ихъ осталось на мѣстѣ; остальные, въ отступленіи, оставили многихъ изреди себя по дорогѣ и заросляхъ. Нѣкоторые, будучи подстрѣлены, бросались въ огонь и горѣли, такъ какъ была подождена дворовая конюшня, находившаяся у той мельницы, и немного ихъ вернулось въ Слуцкъ“.

Встревоженный этимъ Наливайко (разсказываетъ Евлашевскій) вообразилъ, что паны соберутся послѣ того и тотчасъ попытаются напасть на него изъ Клецка, чтобъ и въ Слуцкѣ перебить козаковъ такъ, какъ Копыль. Онъ выбрался на третій день изъ Слуцка и прошелъ обратно къ Полѣсью до Олиховичъ, а потомъ взялъ приступомъ Могилевъ, и т. д.

О литовскомъ ополченіи новгородскій подсудокъ и повѣренный литовскаго гетмана выразился осторожно, что оно отличалось *непослушаніемъ* своему предводителю. По его разсказу, Наливайко, идучи внизъ Днѣпра, бросился изъ Рогачева по какимъ-то совѣтамъ и опять явился въ Петриковичахъ, изъ Петриковичъ выступилъ въ Туровъ, потомъ въ Городокъ и вернулся на Волинь *).

---

*) Автографъ записокъ Евлашевскаго, писанныхъ по-русски, хранится въ Виляновской бібліотекѣ графовъ Потоцкихъ.

Ни боркулабовскій священникъ, ни новгородскій подсудокъ не упоминають о пребываніи Наливайка въ Рѣчицѣ надъ Днѣпромъ, откуда, въ январѣ 1596 года, послалъ онъ къ Сигизмунду III жалобу на панскую неподѣльчивость кускомъ хлѣба. Къ жалобѣ подохотилъ козацкаго „царя“ шляхтичъ Нишкевскій, самозванный королевскій посоль къ бѣлорусскому герою. Оставляя въ сторонѣ рассказъ о представителѣ „Шляхетскаго Народа“, ревностномъ пособникѣ „Народу Козацкому“, приведу здѣсь только *Кондиціи*, которыя онъ подалъ королю отъ имени Наливайка.

Подъ такимъ названіемъ сохранился документъ, обнародованный печатью въ 1858 году и до сихъ поръ игнорируемый малорусскою историографіею. Въ этомъ полуграмотно составленномъ документѣ читаемъ слѣдующее:

„Чтобы прекратить козацкое своевольство, необходимо положить конецъ раздѣленію козаковъ подъ различными гетманами въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, отъ чего происходитъ больше вреда, нежели отъ непріятели, владѣніямъ „короля его милости и убытка сварбу, а республикѣ королевской великая неслава“.

Поэтому Наливайко просить короля „прежде всего о пустынѣ, отстоящей на 20 украинскихъ миль отъ Брацлава, между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, на Татарскомъ и Турецкомъ Шляху между Тегеню и Очаковомъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ“.

На этомъ Шляху вызывался онъ построить городъ и замокъ, чтобы тамъ жить со всѣми козаками, сколько король назначитъ козацкаго войска. За Порогами не будетъ онъ держать гетмана, а только намѣстника. Всѣхъ своевольныхъ козаковъ, которыхъ не будетъ у него въ реестрѣ подъ его юрисдикціею, онъ „уничтожить, бросаясь на нихъ своею силою и давши имъ битву“ (na onychъ тоса swojа rzuciwszy się, bitwę imъ даć i w niweczъ obrócić ma), а нѣкоторыхъ знатныхъ будетъ посылать къ королю на казнь, незнатныхъ же, яко хлопамъ, носъ и уши обрѣзавши, въ свое войско допускать не будетъ.

Въ награду просить онъ выдавать ему то, что отпускается на 2,000 старыхъ жолнеровъ, или что будетъ угодно королю, „особливо какъ сукнами, такъ и деньгами“ (поясняетъ Наливайко козацкую нужду).

„А мы за это (пишетъ онъ въ заключеніе своихъ *Кондицій*) по каждому повелѣнію его королевской милости и пановъ гетмановъ

обоихъ государствъ, гдѣ уважаетъ надобность, какъ на непріятеля Св. Креста, такъ и на великаго князя московскаго, готовы съ войскомъ своимъ и съ арматою двинуться скорѣе, нежели кто-либо въ королевствѣ“.

Наливайковы „вольные люди“ умножались въ Бѣлоруссіи по мѣрѣ его успѣховъ. Погода, не смотря на глубокую зиму, благопріятствовала козацкому шумному рою. Боркулабовскій лѣтописецъ говорить, что, по выстуПЛеніи козаковъ изъ Литвы, была ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна.

Если разбойный элементъ польско-русскаго края, съ одной стороны, увеличивалъ боевыя средства строителей „королевской республики“, то съ другой—тотъ же элементъ, развитой преимущественно въ сословіи шляхетскомъ, постоянно доставлялъ контингентъ ея разрушителямъ. Косинщина и Наливайщина тѣмъ для насъ и занимательны въ забвенныхъ исторію чертахъ своихъ, что онѣ были предвѣстниками Хмельнитчины. *Приманка и Терроръ* были двойнымъ девизомъ, написаннымъ на знаменахъ Криптофа Косинскаго, Северина Наливайка и Богдана Хмельницкаго съ одинаковой выразительностью. Мы, напримѣръ, знаемъ (и скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), что даже изъ-подъ хоругвей короннаго войска цѣлыя роты переходили подъ бунчуки царя Наливая. Нераздѣльно съ этимъ фактомъ знаемъ, что Наливайко вернулся изъ бѣлорусскаго набѣга съ двадцатью пушками, къ вторымъ пушкарѣ были прикованы цѣпями.

Когда соберемъ въ умѣ и взвѣсимъ значеніе всего, что происходило въ Королевской Республикѣ отъ начала козакопанскаго междоусобія до великаго Польскаго Разоренія, затмившаго въ нашей памяти Разореніе Московское; когда мы потомъ оглянемся на оправдательное письмо козацкаго демагога,—намъ не покажется бессмысленнымъ бравурствомъ этотъ манифестъ полудикаго царя банитовъ и инфамисовъ къ монарху, вѣнчанному высоко-цивилизованною по своему времени націею. То былъ—конечно, бессознательный—вызовъ на борьбу, въ которой представлялось больше шансовъ на успѣхъ со стороны царя Северина, нежели со стороны короля Сигизмунда.

Передъ такими геніальными людьми, какимъ былъ ополяченный Русинъ *Жовковскій*, переименованный *Жуктвскимъ*, трагическая будущность польской цивилизаціи рисовалась по временамъ чертами почти осязательными. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ коронному великому гетману онъ говорить, что посылаетъ одного изъ нужнѣй-

шихъ ему въ походѣ пановъ, галицкаго каштеляна Станислава Гойскаго (опять Русинъ, котораго Поляки звали Gólsky), для того чтобы онъ, какъ опытный и очевидный всего свидѣтель, толковалъ бы королю и правительственнымъ панамъ, „изъ какихъ источниковъ происходитъ это своевольство, и что они могутъ себѣ предсказывать (obieczowasz)“. Дѣло въ томъ, что вся шляхта готова была, подобно украинскимъ мѣщанамъ, разложиться на *послушныхъ* и *непослушныхъ*, то-есть на пановъ и козаковъ, какъ она уже и разлагалась.

Глава IV.

Крестовые походы на иновѣрцевъ.—„Начало Трагедіи“.—Гонитва жолнеровъ за козаками.—Козаки бѣгутъ за Сулу.—Блокада козацкаго становища на Соловнцѣ.—Гибель козаковъ.

Успѣхи Наливайка въ Бѣлой Руси, а, можетъ быть, и предательскій относительно Запорожской Сѣчи проектъ его возбудили противъ него зависть, или негодованіе Лободы. Вернувшись изъ-подъ Очакова въ Кіевщину, онъ писалъ коронному великому гетману, что „своевольный Наливайко—человѣкъ безбожный, пренебрегающій всѣмъ на свѣтѣ, что, собравши „по своей мысли“ (ku mysli swej) такихъ же своевольныхъ людей, совершалъ великія преступленія въ Польской Коронѣ, и что онъ (Лобода) съ козаками своими о немъ „никогда не зналъ и знать не хотѣлъ“.

Это былъ отвѣтъ на полученное имъ повелѣніе короннаго великаго гетмана—не входить въ границы Великаго Княжества Литовскаго къ Мозырю, такъ какъ и тамъ, и во всей Рѣчи Посполитой нѣтъ надобности въ козацкой службѣ по причинѣ наступившаго мира со всѣми державами.

Лобода умалчивалъ, что запорожскій на то время гетманъ (гетманы смѣнялись у козаковъ часто), Матвѣй Савула, находится уже съ арміею въ Мозырщинѣ, самъ же де онъ расположился въ Кіевщинѣ, ожидая повелѣнія идти на непріятелей Св. Креста, и теперь не знаетъ, какъ ему быть. Козаковъ де захватила въ Украинѣ зима съ своими непогодами, а ихъ высылаютъ изъ королевскихъ владѣній, и потому онъ всепокорнѣйше проситъ не воспрепятствовать козакамъ хлѣба-соли въ этой области.

Между тѣмъ Севериня, какъ называли добычники своего царя Наливая съ разбойницею нѣжностью, подѣлился съ товарищами бѣлорусскимъ *лупомъ*, распустилъ козацкую орду по ея зимнимъ притокамъ, оставилъ у себя только прибочную дружину и гостевалъ въ городѣ Острогѣ, гдѣ не такъ давно напечаталась церковнославянская

Библия стараніемъ бѣлаго московскаго типографа, знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія Федорова, и подъ надзоромъ „ученаго по-гречески“ духовника князя Василя, протопопа Демяна, старшаго брата Северини.

Теперь въ резиденціи „святопамятнаго“ и въ ея окрестностяхъ совершалось, изъ-за различія вѣрѣ, то, что Евлашевскій, въ своихъ запискахъ, оплакиваетъ какъ явленіе, во времена доуніятскія небывалое. Этотъ протестантъ Русинъ евангелическаго исповѣданія изобразилъ весьма наглядно замѣшательство, произведенное въ польскорусскомъ обществѣ церковною униєю.

„Въ 1565 году (писалъ онъ спустя лѣтъ сорокъ) жилъ я въ городѣ Вильнѣ, собирая налогъ, называемый *поголовное*. Великимъ мнѣ было мнѣ утѣшеніемъ слушать слово Божіе въ христіанскомъ *зборѣ* изъ устъ ученыхъ пасторовъ, Вѣндрогурскаго и Костенецкаго. Пользовался я также благосклонностію людей и противнаго исповѣданія, въ особенноти же достопамятнаго мужа, ксендза Яна Маковецкаго, архидіакона варшавскаго, кустоша и каноника виленскаго, писаря въ скарбѣ короля его милости, который меня еще больше усовершенствовалъ въ счетоводствѣ, увеличилъ мои доходы и многимъ людямъ сдѣлалъ меня извѣстнымъ и рекомендовалъ. Ибо въ то время несогласія въ вѣрѣ не производили никакого разлада въ дружеской любви. По этому самому относительно нынѣшняго вѣка, когда даже и между людьми одной и той же вѣры все уже заступила мѣсто всегда готовая фальшь, тотъ вѣкъ представляется мнѣ золотымъ. Теперь между разновѣрными хоть и не спрашивай о любви, искренности и истинно добрыхъ отношеніяхъ, особенно между сословіями свѣтскими. Помню еще не такъ давнее время. Когда нынѣшній папа Клеменсъ, будучи еще кардиналомъ, находился у короля его милости Стефана въ Вильнѣ, сидѣлъ я за столомъ у ксендза Варооломея Недзвѣдзкаго, виленскаго каноника, съ главными слугами кардинала, Итальянцами. Тѣ, когда узнали, что я евангеликъ, дивились крайне, какъ смѣлъ меня ксендзъ каноникъ приглашать къ обѣду; а когда онъ объяснилъ имъ, что у насъ въ этомъ отношеніи никакой ненависти не бываетъ, и мы любимъ другъ друга, какъ добрые пріятели, хвалили это Итальянцы, говоря, что тутъ Богъ живетъ у насъ, и порицали свои домашнія права и распри въ совѣтахъ. „О, когда бы далъ Богъ, чтобъ и нынѣ наступило болѣе согласное время“! напрасно восклицаетъ кроткій евангеликъ вмѣстѣ съ тысячами подобныхъ ему людей.

Напрасно!... Дикія страсти были возбуждены дикими въ своей якобы христіолюбивой культурѣ іезуитами, при посредствѣ измышлен-

ной ими церковной униі. Такъ и въ Острожчинѣ люди различныхъ вѣроисповѣданій были свидѣтелями самой грубой религіозной демонстраціи. „Ученый по-гречески“ протопопъ, духовникъ престарѣлаго князя Василя, корректоръ церковнославянской Библии и, какъ надобно думать, издатель полемическихъ сочиненій въ защиту православія, устроилъ католическую процессію, въ которой большая хоругвь была сдѣлана изъ простыни, а меньшія—изъ мужицкихъ мѣшковъ; роль „дисциплинъ“ играли въ ней лисьи хвосты, а вмѣсто набожнаго пѣнія слышны были „рыки да крики“. И эта процессія, къ религіозному ужасу зрителей католиковъ, ходила вокругъ Острога по лѣснымъ острожскимъ поселеніямъ, которыя, вмѣстѣ съ окрестными болотами, служили гнѣзду князей Острожскихъ защитою отъ азійскихъ и домашнихъ ордъ.

При такомъ настроеніи ума и сердца, старшій братъ воспользовался козацкою готовностью къ услугамъ младшаго, и они вдводемъ совершили два крестовые похода противъ поклонниковъ римскаго папы.

Первый изъ этихъ незабвенныхъ въ исторіи русской церкви походовъ былъ направленъ противъ отступника православія, уніятскаго епископа Кирилла Терлецкаго; другой—противъ брацлавскаго каштеляна и луцкаго старосты, православнаго по предкамъ католика Александра Сѣмашка, который своими грабежами и притѣсненіями приспѣшилъ отступничество Терлецкаго.

Изъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ Центрального Архива, мы знаемъ слѣдующіе факты.

Проживалъ въ резиденціи князя Василя бывшій дворянинъ, или рукодажный слуга Терлецкаго, Флоріанъ Гедройць, иначе Гедроти. Наливайко принялъ его, очевидно, какъ знатока мѣстности, въ составъ своего „злого собранія людей“ и, вмѣстѣ съ братомъ протопопомъ, повелъ эту дружину въ окрестности того Пинска, куда удалась отъ козавовъ и Татаръ наслѣдница послѣдняго удѣльнаго князя кievскаго. Цѣлью разбойнаго похода были два села, Дубуя и Отовчичи, принадлежавшія родному брату епископа, Ярошу Терлецкому. Отъѣзжая въ Римъ, не придумалъ владыка луцкій и острожскій лучшаго способа обезопасить свою драгоценную движимость, какъ препроводить на сохраненіе къ брату. Въ половинѣ февраля памятнаго въ исторіи 1596 года, банда наѣздниковъ, по пустыннымъ дорогамъ, достигла пинской труппы безпрещатственно. Брата владыки не было дома. Бумаги Кирилла, исчисленные въ жалобѣ Яроша, составляли главную цѣнность хранимаго имъ скарба; потомъ слѣдовали наличныя

деньги, золотыя цѣпи, серебряныя роструханы и чары, „золотистые“ пояса, бархатныя и „фалендишовыя“ (fein holländisch) жупаны, соболя, бобровыя, куньи шубы, оправленныя костью пулгакъ (ружья полугакъ), „гвинтованныя рушницы“ (винтовки) и т. п. Все это забрала вооруженная шайка, перекалѣчивъ челядь, и увезла часть въ резиденцію князя Василя, а часть, для дѣлежа между наѣздицкою братією, въ принадлежавшій ему городъ Степань.

Напрасно вельможный отступникъ, Кирилль Терлецкій, домогался судомъ удовлетворенія отъ князя Острожскаго. Не помогъ ему и королевскій листъ, предписывавшій феодалу можновладциу выдать Гедроты, находившагося при его особѣ. Исполнительною властью въ этомъ случаѣ былъ луцкій войскій и острожскій ключевой староста, Жданъ Боровицкій. Но онъ сперва грозилъ предъявителямъ королевскаго листа отдубасить ихъ постромками, а потомъ посадилъ въ тюрьму, морилъ голодомъ и „на большее еще поруганіе (взгарду) общественнаго права и шляхетской вольности, перевязавъ, какъ злодѣевъ, отправилъ на коняхъ въ Кременецкій замокъ“.

О другомъ крестовомъ походѣ разсказываютъ намъ тѣ же архивныя документы еще большіе ужасы польско-русскаго феодализма, совершившіеся подъ широкой полой „святопамятнаго“.

Уже въ началѣ января 1596 года брацлавскій каштелянъ и луцкій староста, Александръ Сѣмашко, былъ осажденъ въ своемъ Хунковскомъ замкѣ, какъ онъ протестовалъ, „своевольными людьми, разбойниками войска Григорія Лободы“. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, напалъ на имѣніе Сѣмашко, Коростанинъ, какой-то Остафій Слуцкій, называя себя сотникомъ гетмана Лободы. Онъ вербовалъ себѣ дружину въ Омеляникѣхъ подъ Луцкомъ, проживая у князя Януша Вороницкаго; потомъ буйствовалъ съ новобранцами своими по-козацки и по-жолнерски въ Луцкѣ; изъ Луцка вторгнулся въ добра Андрея Одица, потомъ бушевалъ въ имѣніи пана Прилуцкаго, Житилъ, и наконецъ перешелъ въ Коростатинъ. Но здѣсь мужики дали ему отпоръ: самого Слуцкаго убили топоромъ, восьмерыхъ изъ его соучастниковъ переловили. Остальная козацкая купа разсѣялась во всѣ стороны. Эти злодѣи въ городѣ грабили мѣщанъ, въ селахъ—мужиковъ и низшую шляхту: похищали и отнимали у мирныхъ жителей не только деньги, лошадей, оружіе, жупаны, напитки и всякія вещи, но даже и женскую одежду, не оставляли и самихъ сорочекъ.

Это были въ самомъ дѣлѣ „разбойники войска Григорія Лободы“, какъ называлъ ихъ Сѣмашко; но не Лобода послалъ ихъ на веровство и грабежъ, а сами они составили сотню всякой сволочи, убѣдивъ

Остафія Слуцкаго быть ихъ сотникомъ, съ тѣмъ чтобы, обзаведясь всѣмъ необходимымъ для козацкаго промысла, ѣхать въ войско гетмана Лободы. Интересно, однакожъ, что вслѣдъ за ними явились на томъ же поприщѣ какъ бы мстители за ихъ неудачу. Во главѣ новыхъ витязей своевольства, сдѣлавшагося наконецъ историческимъ, подвизался воинственный протопопъ Наливайко, въ сотовариществѣ князя Петра Вороницкаго, пана Александра Гулевича и самого Северини, остававшася покамѣсть въ арріергардѣ. Они напали сперва на Сѣмашово же мѣстечко Тучинъ, а потомъ и на село Коростятиннѣ. Въ мѣстечкѣ появился сначала Демянъ Наливайко, съ отрядомъ человѣкъ въ сто „разбойниковъ и грабителей“, которые конвоировали одинъ скарбный возъ въ шесть коней, два скарбные же воза по четыре коня и девяти возковъ купеческихъ по два коня, какъ сказано въ жалобѣ, „съ лупами и скарбами“, безъ означенія, гдѣ добытыми. Демянъ Наливайко объявилъ панскому дворецкому, что Северинъ вовсе не думаетъ идти на добра пана его. Успокоенный этимъ дворецкій не выслалъ въ безопасное мѣсто ни ѣздовыхъ лошадей, ни жеребцовъ, ни скота панскаго, какъ въ сумерки пришелъ съ арріергардомъ братъ „острожскаго пона“. Тогда въѣхали они со всѣми возами въ панскій дворъ и забрали съ фольварка ѣздовыхъ лошадей 17 жеребцовъ и рогатый скотъ. Отецъ Демянъ отправился съ добычею домой, а товарищи его грабили мѣрныхъ жителей, въ томъ числѣ и мѣстнаго „пона“ цѣлую ночь и въ Тучинѣ, и въ Коростятинѣ: забирали лошадей, воловъ, коровъ, шкуры, медъ, зерновой хлѣбъ, сѣдла, сабли, рушницы, хозяйственныя орудія, кожухи, обувь, бѣлье и т. д. Въ мѣстечкѣ и въ селѣ наливайцы изнасиловали одиннадцать замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, а одиннадцати мужчинамъ обрѣзали уши. Какъ за турецкое правительство отвѣчали передъ козаками единовѣрные Волохи, такъ за католика пана пострадали здѣсь православные подданные. За что страдалъ православный городъ Могилевъ со множествомъ другихъ православныхъ бѣлорусцевъ, объ этомъ знаютъ козацкіе панегиристы.

Производившій слѣдствіе „возный генералъ“ не упоминаетъ, кто изнасиловалъ женщинъ (видно, это было тогда дѣло обыкновенное), а тираннію надъ мужчинами приписываетъ, главнымъ образомъ, дворянамъ князя Василія, соучастникамъ наливайскаго набѣга. Когда онъ, въ сопровожденіи свидѣтелей шляхтичей, явился къ извѣстному намъ уже Ждану Боровицкому и объявилъ, что напелъ нѣсколько Сѣмашкиныхъ лошадей у протопопа Демяна, Жданъ отвѣчалъ благо-

душно и внушительно: „совѣтую вамъ, убирайтесь отсюда, а то всё погибнете“.

То былъ вѣкъ, завѣщавшій польско-русскому потомству добытую опытомъ пословицу: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Силенъ былъ каптелянъ-католикъ Сѣмашко въ своемъ ругательствѣ надъ Кирилломъ Терлецкимъ, но противъ православника Острожскаго всё его позы и протесты остались безсильными. Поплатились головами только мелкіе феодалы, которыхъ переловили мужики. Слѣдствие обнаружило, что пять изъ нихъ принадлежало къ сословію шляхетскому, и въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что нѣкоторые изъ пановъ-ассистентовъ гродскаго суда подали голосъ въ пользу помилованія преступниковъ, такъ какъ они сознались добровольно въ своемъ грабежѣ, лишь бы вознаградили потерпѣвшихъ утраты платою по оцѣнкѣ за то, что взяли. Но лучшіе мѣщане, терпѣвшіе не разъ уже такіе грабежи, настояли на смертной казни злодѣевъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялся декретъ гродскаго суда. Однакожь были казнены только трое, „яко люди народу простого“; о прочихъ же пяти, яко происходившихъ изъ „народу шляхетского“, декретъ былъ представленъ королю на утвержденіе, и судьба ихъ осталась намъ неизвѣстною.

Во вниманіе къ Народу Шляхетскому, эксплуатировавшему силы и средства всего, что было *пониже*, начиная съ наибольшаго мѣстнаго владника, привожу изъ тѣхъ же документовъ нѣсколько характеристическихъ чертъ Народа Козацкаго, въ соотвѣтственной эксплуатаціи всего, что было *повыше*, начиная съ послѣдняго „козака-ветѣги“.

Когда сотниязъ Остафій Слудкій и его сотенный атаманъ, Андрей Ганскій, подговаривали шляхтича Прилудцаго посодѣйствовать имъ въ вербовкѣ войска для Лободы, и Прилудцкій отказалъ имъ въ такомъ содѣйствіи, то они „тамъ же его жестоко, немилосердно и даже тирански поторопками и ногайками избивали, измучили, изранили“.

Одинъ изъ подсудимыхъ, шляхтичъ Пясецкій, объявилъ на судѣ, что „Ганскій убѣдилъ покойнаго Слудцаго сдѣлаться сотникомъ и, снарядясь, ѣхать въ Лободино войско, съ тѣмъ чтобы взять нѣсколько сотенъ изъ Лободина войска, наѣхать на домъ какого-то шляхтича въ Кіевской землѣ, и отомстить за какое-то *побранье почту своею*“.

Тотъ же подсудимый разсказалъ, что „Ганскій, яко атаманъ ихъ, съ покойнымъ Слудцимъ, сотникомъ ихъ постановили, дабы, въ случаѣ, когда бы кто-либо изъ завербованныхъ ушелъ, или уходилъ, такого разстрѣлять“, и что поэтому ихъ „пильновали“ (крѣпко сторожили).

Крестовые походы братьевъ Наливайковъ совершились въ февралѣ 1596 года, а еще въ январѣ король универсаломъ своимъ, писаннымъ по-русски (какъ и вся процедура судебной возни Кирилла Терлецкаго съ Сѣмашкомъ, а потомъ ихъ обоихъ съ княземъ Острожскимъ), объявилъ „всякаго сословія и достоинства рыцарскимъ людямъ“, что королевское войско вскорѣ двинется противъ „украинной своеволи, которая, не довольствуясь злодѣйствами, какія до сихъ подъ чипила на Украинѣ, уже и далѣе въ королевскихъ владѣніяхъ города, мѣстечка, шляхетскіе дома беретъ, грабитъ, жжетъ, неисчислимыя врижды дѣлаетъ“, и убѣждалъ, чтобы всѣ „не по обязанности своей, а изъ любви къ отчизнѣ и для собственной безопасности, какъ можно скорѣе присоединялись въ его войску для похода противъ этихъ своевольныхъ людей, яко противниковъ права и непріятелей общаго всѣхъ отечества“.

Но этотъ спѣшный универсалъ только черезъ мѣсяць по подписаніи дошелъ до рукъ брацлавскаго каштеляна, который тотчасъ и вписалъ его въ луцкія гродскія книги.

Козачина, подъ названіемъ украинной своеволи (swawola ukraïinna), названіемъ конкретнымъ, строго историческимъ, сдѣлалась наконецъ вопросомъ первостепенной важности. Домашняя орда, этотъ продуктъ польско-русскаго можновладства, напирала уже на центральныя области государства и, по свойству формации своей, отъ предложенія дѣлать услуги правительству переходила къ другой крайности, къ угрозамъ уничтожить короля во имя гайдамацкаго царя Наливая, разорить Краковъ, истребить шляхетское сословіе. Побитые подъ Пяткомъ и Черкасами драконы польско-русской жизни посѣяли на кресахъ зубы свои, и они начали уже давать смертоносные ростки.

Дѣло подавленія темной силы, возставшей противъ гражданскаго общества съ его культурой, коронный великій гетманъ и канцлеръ возложилъ на своего товарища по должности фельдмаршала и родственника по женѣ, Станислава Жовковскаго.

Жовковскій былъ уроженецъ выставленныхъ на татарскіе набѣги окрестностей Львова, и, хотя, подобно Замойскому, получилъ образованіе классическое, но провелъ много лѣтъ въ козацкой гонитвѣ за Татарами, и приемы скиѣской войны изучилъ практически. Козаковъ зналъ онъ съ дѣтства, зналъ, изъ какихъ людей состоятъ ихъ кадры, видѣлъ, какъ трудно участвовавшую въ козацкомъ промыслѣ шляхту разъединить со всякими другими „вольными людьми“, составлявшими козацкую массу, и долго смотрѣлъ на козацкія походженія глазами кievскаго бискупа Верещинскаго. Незадолго передъ боемъ

подъ Пяткомъ, пытался онъ склонить князя Василія къ уступкамъ, которыя бы могли дать козакопанской усобицѣ мирный исходъ; но тотъ не хотѣлъ слышать о примиреніи съ Косинскимъ. Теперь онъ явился исполнителемъ королевской воли, и выполнялъ ее съ холодною энергіей, отличавшею этого великаго война и гражданина.

Финансовая неурядица въ Польшѣ послужила уже поводомъ къ увеличенію толпы, называвшей себя Запорожскимъ войскомъ. Жовковскому предстояла двойная задача: привлечь къ себѣ самоуправныхъ жолнеровъ, неисправно получавшихъ жондъ, и подавить подобное жолнерскому самоуправство козацкое. Онъ только что вернулся изъ Волоцины, гдѣ коронный великій гетманъ посадилъ на господарскій престолъ дядю будущаго кievскаго митрополита, Петра Могила, и возвратилъ польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство заднѣстровскаго князька. Полевой гетманъ коронный стоялъ теперь у западной границы Волинскаго воеводства, въ Кременцѣ, и было у него подъ командою всего 1.000 воиновъ. Видѣлъ онъ самъ, какъ мало этого войска для подавленія украиннаго своевольства, и потому писалъ къ кievскому и брацлавскому воеводамъ о грозящей обществу и государству опасности, оповѣщаль землевладѣльцевъ перемышльскаго, львовскаго, галицкаго Подгорья, просилъ помочь ему въ крайне затруднительномъ положеніи. Всѣ отвѣчали молчаніемъ, какъ потентаты, которыхъ самъ король, вмѣсто призыва къ долгу вѣрноподданнаго и гражданина, увѣщевалъ явить любовь къ отчизнѣ и позаботиться о собственной безопасности. „Вижу (доносилъ Жовковскій грустно Замойскому), что во всемъ этомъ, кромѣ жолнера, мало надежды, но и тотъ изнуренный, оборванный, незаплаченный“.

„Было, однакожь, это — явленіе повседневное (говорить откровенно излѣдователь польской старины). Избалованные успѣхами, пренебрегали мы все и всѣхъ. Теперь очевидная опасность будила насъ отъ этой безпечности, и потому-то, при началѣ похода, предводитель его долженъ былъ преодолевать тысячи препятствій, идти въ огонь съ малыми силами“.

Наливайко зналъ, во чтò играетъ. Онъ держалъ наготовѣ свое сбродное войско въ окрестностяхъ Стараго Константинава и Острополя, а двѣ сотни его размѣстилъ по селамъ, входившимъ когда-то въ составъ Острожчины, а теперь выдѣленныхъ князю Криштофу Радивилу Перуну, какъ „вѣпо“ жены его, Катерины Острожской. Царь Наливай, очевидно, щадилъ князя Василія, и потому престарѣлый магнатъ спокойно проживалъ въ староконстантиновскомъ замкѣ, какъ равнодушный, повидимому, зритель начавшейся борьбы.

Лобода съ запорожцами лежалъ на лежахъ въ Кіевщинѣ, и собралъ подъ своимъ бунчукомъ до 3.000 козаковъ. У него въ таборѣ находились и женщины, которыхъ не дозволялось держать въ Сѣчи, жены и дѣти козаціи. Титулъ гетмана принадлежалъ, однакожь, въ это время Матвѣю Савулѣ, хотя гетманомъ величалъ себя тогда каждый предводитель отдѣльной козацкой орды. Этотъ старшій между козацкими гетманами гостевалъ въ Мозырщинѣ, и, вызванный оттуда, остановился съ „сильною арматою“, въ Пропойскѣ.

Достоинно замѣчанія, что „пропойскій подстаростичъ“, Оришевскій, бывшій королевскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, теперь водилъ за собой отдѣльный козацкій полкъ, и мы знаемъ, что онъ *дуванилъ дувани* съ Наливайкомъ и Лободою въ Барѣ, а потомъ занялъ подъ свои лежи Зѣньковщину. Теперь волынскіе козаки не имѣли ничего общаго съ запорожцами, и Оришевскій держался также особнякомъ.

Это было на руку малочисленнымъ жовковцамъ, которыхъ предводитель постоянно имѣлъ въ виду классическое правило: *divide et impera**). Предубѣждая неизбежное сліянiе орды съ ордою, рванулся Жовковскій съ мѣста по снѣгамъ и ростани. День и ночь спѣшилъ онъ въ Острополю, и неожиданно напалъ на первыя стоянки наливайцевъ.

Севериня зналъ о королевскомъ универсалѣ, но, полагаясь на свою способность „двигаться съ войскомъ и съ арматою скорѣе, нежели кто-либо въ королевствѣ“, не былъ готовъ къ отраженію жолнеровъ. Февраля 28 Жовковскій былъ уже въ Матерницахъ, гдѣ сотниковали надъ козаками Марко Дурный и Татаринъ. Ударъ былъ до того внезапенъ, что отъ двухъ сотенъ осталось только нѣсколько человекъ, „и то раненныхъ“. Какой завзятый народъ были наливайцы, мы знаемъ по отряду полковника Мартина, бросавшемуся въ пламя. Такъ и здѣсь, по разсказу очевидцевъ, наливайцы оборонялись отъ жовковцевъ сперва въ улицахъ, потомъ въ пылающихъ хатахъ, но не сдавался ни одинъ. Наливайко, предупрежденный о налетѣ Жовковскаго въ Лабуні отъ измѣнника жолнера, съ удивительной быстротой соединилъ свои дружины въ сосѣднихъ Чернавкахъ, и ушелъ со всей арматою по направленію къ Пикову.

Жовковскій перевелъ духъ въ Райкахъ подъ Острополемъ, и рано утромъ преслѣдовалъ уже знаменитаго бѣглеца.

---

*) Раздѣлай и властвуй.

Здѣсь на кровавой сценѣ козакопанской усобицы является типическая фигура феодала доматора. Московскіе странники времени Г'ришки Отрепьева, въ своемъ „сказаніи“ изобразили намъ князя Василія въ видѣ какого-то патріарха, съ величественной бородой, подѣ которую онъ подстилалъ „платъ“ возсѣдая на „мѣстѣ своемъ“ передѣ благоговѣйными скитальцами *). Мы видимъ этого патріарха среди дымящихся послѣ пожара сель, въ сопровожденіи конной лейбгвардіи. Въ письмѣ къ возлюбленному и почитаемому зятю престарѣлый князь рассказываетъ о себѣ слѣдующее:

„Вчера, черезъ слугу пана Броницкаго (Бронскаго?) **) сообщилъ я вашей княжеской милости кратко о *началѣ трагедіи* между панами-жолнерами и паномъ Наливайкомъ. Но такъ уже мало вѣрю я разсказать, что выбѣгалъ самъ въ нѣсколько десятковъ коней ради болѣе точнаго увѣдомленія вашей княжеской милости“, и т. д.

О Наливайкѣ сообщаетъ онъ слѣдующія вѣсти:

„Наливайко на то время въ Чернавѣ такъ былъ *убезпеченъ*, что при себѣ больше двадцати человекъ не имѣлъ, только потомъ изъ Луцкаго ***) и другихъ сель, именно изъ Пустовець, изъ Голубца и другихъ, пришло къ нему нѣсколько сотенъ; послѣ чего, тотчасъ вышедши изъ села таборомъ, пошелъ къ Острѣполю; только человекъ тридцать тамъ же въ Чернавѣ убито, да живьемъ шестерыхъ поймано, которыхъ однакожь въ Райцахъ изловили“.

Пиша, очевидно, второпяхъ, патріархъ-можновладимъ противорѣчить себѣ тѣмъ, что сказалъ въ началѣ своего письма и что слѣдовало бы сказать въ концѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ слѣдующее:

„Во вторникъ, часа за два передъ вечеромъ, Наливайко вышелъ съ лупами ****) и со всею арматою; къ ночи поспѣлъ въ Чернавы,

*) И видѣхъ благовѣрнаго князя, сѣдая на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суца, браду нѣтя до земли, на колѣняхъ же его посланъ бысть платъ, на немже лежаше его брада.

**) Письмо списано съ копія, снятой въ Несвижской библіотекѣ. Коніиписьмъ Острожскаго оставилъ кое что и непрочтаннымъ. Поэтому здѣсь оказывается даже противорѣчіе (можетъ быть, происшедшее и отъ забывчивости князя). Сперва князь говоритъ, что Наливайко былъ тогда въ Чернавцахъ, а потомъ—что онъ прибылъ въ Чернавы. Это противорѣчіе авторъ пытался исправить съ помощью позднѣйшей реляціи Жовковскаго.

***) Въ копія, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, написано *Stuckiem*, отъ чего выходитъ безсмыслица.

****) Въ коніи—z łapani.

расположивши по селамъ въ сторонѣ полки. Послѣ того утромъ, около часу до полудня, наступило нѣсколько жолнерскихъ ротъ, при которыхъ, говорятъ, была и часть войска сборнаго. Въ Материнцахъ пана Кевличовича, слуги вашей милости, застали двѣ сотни: сотню Марка Дурнаго и Татаряицову, которыя, вѣроятно, только на то были посланы, чтобы пану Кевличу какъ можно больше шкодъ надѣлали. Даже, слышать, и село хотѣли сжечь *), только горѣлка имъ помѣшала, которой бочку застали во дворѣ арендатора. Почему такъ врасплохъ жолнеры ихъ **) захвативши, обѣ сотни положили почти на голову и съ сотниками.

„Наливайко же (оканчиваетъ свои вѣсти князь Острожскій), не останавливаясь, пошелъ черезъ Острополь въ поля къ Пикову. Однакожь доходятъ до меня такіе слухи, якобы уже въ Пиковѣ передъ нимъ заперли ворота и по всѣмъ другимъ городамъ украиннымъ, даже и народъ украинный якобы весь готовъ ***). Неизвѣстно, куда бы онъ далѣе могъ обратиться. Людей при себѣ больше тысячи не имѣетъ, а побито до трехсотъ.

Къ этимъ рѣзкимъ чертамъ боровшихся между собой элементовъ Жовковскій прибавляетъ самую рѣзкую и уже не для козаковъ зловшую. Его жолнеры, „оборванные и незаплаченные“, готовы были присоединиться къ козакамъ. Онъ выразилъ это опасеніе въ письмѣ къ Замойскому съ похода, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ уже коронному великому гетману. Прося оставить на службѣ нѣкоторыя роты жолнеровъ, которымъ платить было нечѣмъ, онъ открываетъ намъ шаткость польскаго правованья въ Малороссіи слѣдующими, къ сожалѣнію, лаконическими словами:

„Отъ распущенія этихъ ротъ увеличилось бы товарищество козацкое, какъ сдѣлали роты Плоскаго и Чонганскаго, что присоединились къ Наливайку (*że się do Nalewaika wnieśli*). Да и самъ Плоскій, какъ это я знаю отъ плѣнниковъ, предостерегъ Наливайка обо мнѣ. Засталъ бы я его какъ разъ въ Лабуні, когда бы не предостереженіе Плоскаго“.

Но чтó поражаетъ въ этомъ насъ, то вовсе не пора жало современниковъ, барахтавшихся въ пропасти кулачнаго права. Князь Василій писалъ къ зятю: „Неисчислимыя шкгоды подѣлали (здѣсь) сперва козаки, а потомъ (идущіе для ихъ усмиренія) жолнеры. Рѣдко въ ко-

*) Очевидно, въ отищеніе Радивилу за изгнаніе изъ Бѣлороссіи.

**) Въ копіи пробѣлъ.

***) Неясность въ рукописи.

торомъ селѣ вашей княжеской милости найдешь коня: ибо чего козаки не взяли, то до остатка забрали жолнеры“.

Дѣла, однакожь, какъ-то дѣлались и при такихъ обстоятельствахъ. Энергія полководца торжествовала и надъ скарбовой неурядицей, и надъ жолнерской деморализаціей. Не останавливали Жовковскаго ни дурныя малорусскія дороги, ни грозныя матели, ни темныя ночи, ни *мановцы*, которыми, точно лѣсной звѣрь, уходилъ Северина. Какъ привидѣнія, двигались его хоругви передъ глазами малочисленныхъ колонистовъ, съ гикомъ и лязгомъ, безъ пѣсенъ, безъ радостныхъ криковъ—Наливайко былъ закаленъ въ бояхъ и наѣздахъ. Никто не превосходилъ его гибкостью, ловкостью, изворотливостью; а мѣстность изучилъ онъ въ совершенствѣ. Но Жовковскій не уступалъ ему ни въ чемъ, точно какъ бы въ его жилахъ текла козацкая кровь.

И началась отважная, почти полугодовая гонитва на пространствахъ въ двѣсти миль, началась борьба упорная, остервенѣлая, беспощадная. Предводитель вольницы прибѣгалъ къ разнообразнымъ ухищреніямъ, лишь бы только выскользнуть изъ желѣзныхъ рукъ Жовковскаго, который, провидя его замыслы, напрягалъ всѣ силы, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ дальнѣйшимъ боямъ. Полевому коронному гетману надобно было во что бы то ни стало умиротворить кресы, ввести порядокъ на пограничныхъ устояхъ, которыхъ онъ былъ „стражемъ“, и постановилъ онъ—или *положить голову*, или довести дѣло до желаннаго конца... Это былъ рыцарь старой школы. Терпѣливостью и мудрой медлительностію не уступалъ онъ своему наставнику, Замойскому; но, разъ поднявшись на борьбу, не допускалъ уже никакихъ разсужденій, не вступалъ ни въ какой компромиссъ: или пускай дерзостный козакъ бьется съ нимъ до конца, или пускай отдастся на его милость и немилость.

Но Наливайко, съ своей стороны, выказывалъ ему козацкую завзятость, которая вошла на Руси въ пословицу. Какъ разъяренный вепрь, окруженный въ родной тущобѣ, оборонялся онъ свирѣпо. Не подавило диваго духа его и то, что одноплеменники мѣщане, до сихъ поръ его поклонники и побратимы, запирали передъ нимъ ворота. Когда достигъ онъ Пиковы, не пустили его въ городъ. Онъ перевелъ духъ на голомъ полѣ, на тающемъ снѣгу, и помчался въ Брацлаву. Полевой гетманъ не спускалъ его съ глазъ: одинъ только часъ пути отдѣлялъ непріятельскія силы. Брацлавяне поступили такъ же, какъ и Пиковцы. Пронюхалъ царь Наливай *зраду* издали, запелъ, что называется, въ сердцѣ обиду, и круто повернулъ вправо къ Прилукамъ, селу, лежащему подъ Собомъ, въ нынѣшней Киевской губер-

ніи. Эта колонія, въ концѣ XVI вѣка, стояла на рубежѣ заселеннаго края: за нею къ востоку и югу простиралась пустыня.

„Наливайко укрылся въ дубровѣ за селомъ. Выслѣдилъ и тамъ его Жовковскій. Уже миль 30 бился онъ по весенней ростани, однакожь наступилъ на козаковъ тотчасъ же. Битва продолжалась безъ видимой пользы до ночи. Противники были одинаково сильны и одинаково надорваны. На другой день передъ свѣтомъ Северинъ былъ уже далеко, мчался въ ту сторону, гдѣ лежатъ Синія Воды, и исчезъ въ Дикихъ Поляхъ безъ вѣсти.

Компанія продолжалась уже двѣ недѣли, и переходила въ новую фазу. Наливайко почти выскользнулъ изъ рукъ у Жовковского. Быстрота передвиженія оказалась безуспѣшною. Предстояло испытать иные способы. Но прежде всего Жовковскому былъ нуженъ нѣскольконедельный отдыхъ, — не для себя лично и не для людей, а для несчастныхъ лошадей, которыя выбились изъ послѣднихъ силъ въ бѣшеной гонитвѣ. Кромѣ того, надобно было ждать подкрѣпленій: тысячью измученныхъ жолнеровъ трудно было побѣдить летучаго и стойкаго противника.

Отъ наступленія на козаковъ удерживало Жовковского такъ долго то, что ни венгерская пѣхота, ни королевскіе жолнеры не получили жалованья за службу въ Волощинѣ. Отчаянное положеніе, въ какое поставили полеваго гетмана „скарбовые люди“, вѣчно тормазившіе въ Польнѣ военное дѣло, заставило его броситься въ походъ совершенно по-козацки — на удачу, чтобы, какъ говоритъ украинская боевая пословица: „аби добути, аби дома не бути“. Гопя изо дня въ день домашнюю орду, полевой гетманъ просилъ у великаго гетмана королевскихъ универсаловъ къ панамъ „горныхъ земель“, Перемышльской, Львовской, Галицкой, а также земель Кіевской, Волынской, Брацлавской чтобы шли противъ *своєвольниковъ* (подъ которыми разумѣлись не одни запорожцы, не одни собственно такъ называемые козаки). Просилъ также и „позвоу“ на соучастниковъ Наливайка и Лободы. Какъ тѣ, такъ и другіе документы долженствовали быть писаны „русскимъ письмомъ“, согласно мѣстному обычаю, подобно предъидущимъ, уже разосланнымъ. Боролось, какъ это мы видимъ, русское населеніе края съ разбойнымъ элементомъ своимъ, а не Поляки съ Русью, какъ у насъ представляютъ. Всего яснѣе засвидѣтельствовали это приманенные къ козацкому промыслу и подверженные козацкому террору города, запирая ворота свои передъ бѣгущимъ царемъ Наливаемъ.

Съ загнанными до упаду конями, при недостаткѣ въ огнестрѣльномъ оружїи, только съ шестью фальконетами и нѣсколькими куле-

вринами, не рѣшался Жовковскій продолжать скняскую гопитву за рѣку Собъ, въ таинственную *Уманію*, съ ея полусказочными Синими Водами. При томъ же ему хотѣлось упредить въ Кіевщинѣ Савулу, о которомъ узналъ, что онъ готовится соединиться съ Саскомъ и Лободою, хотѣлось также захватить челны и живность, которую возаки „призапасли себѣ на Днѣпрѣ“. Всего больше рассчитывалъ польскій полководецъ на православнаго магната, князя Михаила Вишневецкаго, который владѣлъ въ Кіевщинѣ многими имѣніями и развѣдывалъ о намѣреніяхъ своевольниковъ посредствомъ своихъ слугъ и подданныхъ.

Войско Жовковскаго увеличивалось медленно сверхъ квартирной кавалеріи, которой было у него теперь 1500 человекъ, въ числѣ которыхъ двѣ роты, Темрюкова (татарская) и Бекешова, пользовались установившеюся славою. Было у него также 300 человекъ венгерской пѣхоты и кромѣ того нѣсколько сотъ охотниковъ изъ Бара, Константинова и Хмельника.

Отдохнувши, двинулся Жовковскій къ Винницѣ, и послалъ оттуда одну хоругвь въ Брацлавъ. Славетники-мѣщане, освободясь отъ козакаго террора, воспреобладали надъ своими анархистами, и выражали полную покорность представителямъ порядка. Имъ предъявили королевскій декретъ, которымъ войтъ ихъ, Тиковичъ, и еще одинъ изъ зачинщиковъ бунта осуждались на смертную казнь. Эти наливайцы были выданы, отправлены въ Винницу и тамъ обезглавлены „для примѣра“.

Коронный полевой гетманъ подвигался къ востоку черезъ Пиковъ и Погребиче. Входилъ онъ въ самое жерло украиннаго своевольства. Противники его также готовились къ борьбѣ, и безпрестанно перемѣняли позиціи, стремясь, подъ вліяніемъ общей бѣды, къ соединенію своихъ силъ. Въ такъ называемой *Уманіи*, то-есть въ пустыняхъ за Бѣлою Церквою, скрывался Наливайко. Въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви лежалъ на лежахъ Лобода. Въ Кіевѣ хозяйничалъ полковникъ Саско, а по сосѣдству съ нимъ расположился Савула „со всею арматою запорожскою“. Не удалось Жовковскому разъединить ихъ силою; оставалась надежда на искусные переговоры.

Наливайко прислалъ изъ-за Синихъ Водъ козака къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося его склонить коронаго полеваго гетмана къ помилованію, и обѣщая возвратить пушки, захваченныя, какъ въ брацлавскомъ, такъ и въ другихъ замкахъ. „Я отвѣчалъ (доносилъ полевой гетманъ великому), что не жажду ни его крови, ни его соучастниковъ“. Это онъ можетъ видѣть изъ того, что, имѣя въ рукахъ не мало его товарищества, не свирѣпствую (*nie pastwię się*) надъ ними.

Пускай только распуститъ свою купу да отдастъ Максимилианово знамя и пушки. Если это сдѣлаетъ, обѣщаль ему ходатайствовать у его королевской милости о пощадѣ его жизни. Раскаяніе произошло въ немъ не отъ честности: привели Наливайка къ нему, какъ донесено мнѣ, бунты дружины. Нѣсколько разъ едва не убили его. Укоряютъ его, что погубилъ много людей своимъ неумѣньемъ гетманить (za swazłą sprawa), всѣхъ довелъ до голоду и подѣлалъ пѣшими. Въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ Жовковскій) не подлежитъ сомнѣнію, что бунтъ имъ надобѣль, и немного съ нимъ осталось козаковъ; разбѣгаются отъ него безпрестанно. Не думаю, однакожь, чтобъ его раскаяніе возымѣло послѣдствія. Стелеть себѣ онъ дорогу и на другую сторону. Гораздо вѣроятнѣе, что подобный подобному скорѣе будутъ (взаимно) вѣрять (taki s takim richley sobie będa wierzyć), нежели отдаться на милосердіе его королевской милости, зная за собой столько злодѣяній. Но, съ другой стороны, онъ и козакамъ не довѣряетъ: боится, чтобы отобравъ у него все, не выкупились его горломъ: этимъ давно уже ему грозили“.

Таковы были паны-козаки, какъ называлъ ихъ князь Острожскій. Но не лучше ихъ были и паны-жолнеры, которыхъ, въ томъ же донесеніи, Жовковскій проситъ Замойскаго не распускать за недостаткомъ жалованья, чтобъ они не присоединились къ товариществу козацкому, какъ это сдѣлали роты Плоскаго и Чонганскаго.

Безразличіе знамени, подъ казимъ шляхта и всѣ вольные люди искали боеваго заработка, равно какъ и желаніе разобцять непріятелей, заставили полеваго гетмана писать въ Бѣлую Церковь къ Лободѣ, взваливая всю бѣду на Наливайка и обѣщая лободинцамъ исходатайствовать у короля прощеніе, елибы они прибѣгнули къ его милосердію, выдали Наливайка и жили на прежнихъ мѣстахъ „стародавнимъ способомъ“.

Въ таборѣ Лободы знали уже о „погромѣ наливайцевъ“, знали все, что произошло съ Наливайкомъ. Козацкая чернь хотѣла убить подателя письма, говоря, что онъ пріѣхалъ на соглядатайство. Лобода также досадовалъ при черни и говорилъ посланцу: „Развѣ не могъ вашъ гетманъ прислать какого-нибудь знатнаго шляхтича, а не тебя, точно свазалъ этимъ, что негодяя къ негодяямъ посылаетъ“? Однакожь отпустилъ его съ миромъ и далъ ему червонецъ, а письмо оставилъ безъ отвѣта. Отъ этого посланца и отъ шпіона, который находился среди козаковъ, Жовковскій узналъ, что они намѣрены выступить изъ Бѣлой Церкви къ Кіеву. Чернь настаивала, чтобы Бѣлую

Церковь разграбить и выжечь. Но Лобода, вмѣстѣ съ Саксомъ и Шостакомъ, отвлекъ руинниковъ отъ ихъ намѣренія.

Въ это время у Жовковскаго образовался родъ авангарда изъ дружины мѣстныхъ жителей, предводительствуемой православнымъ украинскимъ землевладѣльцемъ, княземъ Рожинскимъ, товарищемъ нынѣшнихъ бунтовщиковъ по козацкому ремеслу, и пріятелемъ памятнаго козакамъ бискупа Верещинскаго, весьма популярнымъ въ ихъ средѣ подъ именемъ князя Кирика. Мелкіе и потому темные въ исторіи князья Рожинскіе дѣлаются извѣстны только въ царствованіе Стефана Баторія. Въ 1580 годахъ Остафій Рожинскій является владѣльцемъ Коростышева. Одинъ изъ его сыновей, Михайло, былъ державцемъ Рублевки, села князя Януша Острожскаго (1587), и владѣльцемъ Паволочи, перешедшей по его смерти къ брату Николаю. Третій сынъ Остафія, Кириакъ, былъ паномъ на Рожинѣ и Котельнѣ, пожалованной ему за козацкую службу Стефаномъ Багоріемъ въ 1581 году. Предпріимчивый характеръ этого популярнаго князя Кирика виденъ изъ того, что онъ всю жизнь граничился и тягался съ сосѣдями панами, Котлубаями, Ильяшевскими, Горностаями, а также и съ магнатами Типкевичемъ воденскимъ и княземъ Янушемъ Острожскимъ, что и заставляло его быть ревностнымъ королевскимъ слугою-партизаномъ, вѣрнѣе сказать, аристократомъ-козакомъ. Человѣкъ завзятый и хорошо знающій Украину, князь Кирикъ былъ своего рода гетманомъ пятисотъ украинцевъ, и обладалъ весьма значительною для пустынной страны артиллерією. Помогая теперь Жовковскому, онъ „разрывалъ“ козацкія купы, подходилъ къ нимъ „фортелемъ“, нанедалѣ неожиданно, и у него въ рукахъ было всегда множество плѣнниковъ-языковъ.

По словамъ Жовковскаго, козаки не смѣли оставаться въ Бѣлой Церкви. Онъ послалъ туда князя Рожинскаго, придавъ къ нему нѣсколько сотенъ своего войска, для увеличенія страха и собиранія вѣстей, а Рожинскій, сдѣлавшись изъ феодальнаго барона предводителемъ легкой кавалеріи, представилъ въ распоряженіе короннаго гетмана штукъ пятнадцать своихъ пупекъ со всеми принадлежностями.

Теперь весь интересъ похода сосредоточился на томъ, чтобы не допустить Лободу соединиться съ Савулою. Но для насъ важнѣе многихъ подробностей войны кроткій взглядъ великаго полководца на составъ Наливайщины. „Здѣсь между плѣнныхъ наливайцевъ (писалъ онъ Замоискому) есть пѣкто Каменскій. Слуга вашъ Высоцкій, будучи его родственникомъ, просилъ меня отпустить его. Не могъ я доставить это удовольствіе Высоцкому. Пускай онъ тамъ просить васъ о немъ самъ. По-моему, сдѣлавши ему карбачемъ наставленіе, такъ

какъ онъ еще молоденскъ (młodzieńczy), можно бы отпустить его, авось исправится, и будетъ изъ него что-нибудь хорошее“.

Голодъ заставилъ Наливайка идти „съ поля“ къ Корсуню. Увѣдомляя объ этомъ Замойскаго, черезъ восемь дней послѣ предыдущаго, Жовковскій пишетъ: „Князь Рожинскій наловилъ неожиданно подъ Наволочью гультаевъ изъ Саскова полка, и велѣлъ ихъ обезглавить больше пятидесяти. Я до сихъ поръ, кромѣ падшихъ въ бою, сохранилъ мои руки чистыми отъ ихъ крови. Желалъ бы я, когда бъ это было возможно, лечить putrida membra *), а не отсѣвывать“.

Во всю кампанію совершилъ Жовковскій только двѣ смертныя казни, да и то въ исполненіе прошлогодняго королевскаго декрета: одну надъ брацлавскимъ войтомъ Тиковичемъ, другую надъ означеннымъ въ томъ же декретѣ преступникомъ, „которыхъ выдали (доносили онъ) сами мѣщане“.

Малочисленность войска и недостатокъ въ военныхъ снарядахъ лишили короннаго полеваго гетмана возможности разъединить непріятельскія силы. Но и казаки колебались въ своихъ намѣреніяхъ: то ихъ брала охота ударить общими силами и подавить многолюдствомъ искусное въ бояхъ панское ополченіе, то утѣшали они себя мечтою о бѣгствѣ за московскій рубежъ, куда еще волынцы Дашковичъ и князь Вишневецкій-Байда проторили имъ дорогу, гдѣ у нихъ были знакомцы по Днѣпру и Дону, подобные славному козацкому предводителю Данилу Адашеву, и гдѣ сѣвернорусское козачество процвѣтало и буйствовало по-своему со времени отважныхъ новгородскихъ ушкуйниковъ.

Гетманъ Матвѣй Савула безпрепятственно вступилъ въ Кіевъ. Отсюда вошелъ онъ въ переговоры съ давнишнимъ товарищемъ по ремеслу, княземъ Кирикомъ. Всего лучше подобало бы ему избрать посредника православнаго, какъ „борцу за вѣру“ etc., согласно проповѣдуемой у насъ выдумкѣ. Нѣтъ, онъ послалъ доминиканскаго пріора съ письмомъ къ единовѣрному козаку—князю. Изъ устъ въ уста, черезъ доминиканца, Савула предлагалъ выдать панамъ готоваго присягнуть вновь запорожцамъ Наливайка, чего тотъ уже и боялся, и что наконецъ таки совершилось, а въ письмѣ спрашивалъ, можетъ быть, для прикрытія цѣли посольства: за что паны собираются на козаковъ? Обо всемъ этомъ князь Рожинскій донесъ немедленно коронному полевому гетману.

---

*) Зараженные члены.

Жовковскій стоялъ еще въ Погребищахъ. Онъ, какъ мы видѣли, хлопоталъ всячески о разбѣденіи козацкихъ ордъ. Козацкія орды, повидимому, сами распались. Еще не вернулся посланный имъ къ Лободѣ „козачекъ“, какъ привели къ нему и другаго посланца. Тотъ привезъ письмо отъ Наливайка къ находившемуся при полевомъ гетманѣ брацлавскому старостѣ Струсю. Севериня просилъ черезъ него помилованія; писалъ, что томится голодомъ, что товарищи покинули его, и онъ, какъ дивій звѣрь, принужденъ скрываться въ дѣбряхъ.

Жовковскій, подумавъ немного, отвѣчалъ Струсю: „Богъ съ нимъ! пускай отдастся въ наши руки. Я даю слово, что не будетъ наказанъ смертію, лишь бы возвратилъ коронныя и забранныя въ панскихъ замкахъ пушки, а также Максимилиановы знамена“.

Но Наливайко, по козацкому обычаю, „стлалъ себѣ дорогу на обѣ стороны“, какъ сдѣлалъ черезъ 58 лѣтъ Хмельницкій, присягнувъ явно московскому царю, а тайно турецкому султану, и какъ дѣлали слѣдовавшіе за нимъ козацкіе гетманы, переходившіе отъ Русскихъ къ Ляхамъ, отъ Ляховъ къ Татарамъ, Туркамъ, Шведамъ.

Оправдывая стихъ украинской пѣсни, по которому запорожцы „повдавались одинъ въ одного“, какъ родные братья, Савула, Лобода и Наливайко, въ концѣ концовъ, соединились, и двинулись безъ шума къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскій замокъ занималъ тогда князь Рожинскій. Жовковскій освѣдомился уже о движеніи непріятелей, зналъ, что у нихъ 7000 войска, и спѣшилъ на соединеніе съ авангардомъ своимъ изъ Ходоркова по топкой мартовской дорогѣ, съвозъ ужасный снѣгъ, какого не бывало во всю зиму...

Но намъ интересно читать реляцію самого полководца.

„Князь Рожинскій (писалъ онъ) зналъ, что я такъ близко, и хотъ во вторникъ, немного позже полудня, получилъ извѣстіе, что козаки идутъ къ Бѣлой Церкви, хотъ ихъ уже было и видать, но знатъ мнѣ о томъ не далъ. Въ среду рано утромъ услышалъ я боевой гулъ, и поспѣшилъ на мѣсто. Бились наши съ козаками отъ полуночи, и могли бы дожидаться меня въ замкѣ безопасно; замокъ здѣсь не изъ худшихъ, и съ такимъ гарнизономъ, какой былъ у Рожинскаго, неодолимый. Однакожъ, пренебрегая козаками и не освѣдомившись ночью, чтѣ за войско, (бросились) къ нимъ въ поле, а козаки вошли другими воротами въ городъ. Побили наши въ полѣ козаковъ, такъ что легло ихъ до тысячи, но, когда вернулись въ городъ, тотчасъ потеряли больше полсотни пѣхоты, а прочихъ много было переранено. Козаки, услышавъ о приближеніи войска, двинулись обратно къ Триполю. Были уже въ доброй полумилѣ, когда я пришелъ подъ Бѣлую Церковь. Тамъ всѣ

рѣшили преслѣдовать ихъ тотчасъ. Настигли мы козаковъ за Бѣлою Церковью въ одной милѣ. Шли не снѣша въ таборѣ, пустивши въ пять рядовъ возы и телѣги (wozy i kolasy). Пушекъ у нихъ было больше двадцати. Часа три смотрѣли мы такъ одни на другихъ, подвигаясь медленно впередъ, такъ какъ я поджидалъ людей, оставшихся сзади. Потомъ, когда уже склонялось къ вечеру, ушло отъ нихъ двое съ поля, и одинъ, который служилъ покойному пану подкоморію. Они донесли, что между козаками тревога. Тогда оставалось уже только попытать счастья. Построивши войско, ударилъ я на нихъ съ фронта и въ тылъ, и съ обѣихъ сторонъ. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ, такъ какъ я выдержалъ бой до удобной позиціи. По милости Божіей, стрѣльба ихъ не сдѣлала намъ совсѣмъ никакого вреда. Рукопашная битва кипѣла въ таборѣ. Однакожъ разорвать ихъ, хоть и очень было на то похоже, Господь Богъ не судилъ. Побили же мы ихъ столько, что и сами они говорятъ, что никогда не понесли такой потери, какъ въ этихъ (двухъ) сраженіяхъ. Савулъ отшибло ядромъ локоть; Саско убитъ на повалъ, и другихъ знатныхъ между ними легло множество. Но и намъ не безъ крови обошлась эта драка (burda). Убитъ ротмистръ Вѣрнекъ *): въ таборѣ конь подъ нимъ упалъ, не перескочивъ черезъ телегу (kon' z niem przez kolasę szwankował), а товарищей въ нѣкоторыхъ ротахъ легло трупомъ 32 **). Козаки тотчасъ выбрали на мѣсто Савулы Наливайка, также раненаго, и двинулись на всю ночь къ Триполюю. А мы расположились на ночлегъ тамъ же, гдѣ была битва, сегодня же пришли сюда, въ Бѣлую Церковь. Ночи очень морозныя, и людямъ и конямъ великая бѣда, что дѣлаетъ большое *ad rem gerendam impedimentum* ***).

Что Наливайко былъ избранъ гетманомъ предпочтительно передъ Лободою, прославившимся на сушѣ и на морѣ, это показываетъ, что на его сторонѣ была масса, цѣнившая въ предводителѣ больше всего умѣнье ретироваться да отсиживаться въ окопахъ среди зарослей и топей, — умѣньемъ, доведеннымъ въ послѣдствіи козаками до совершенства изумительнаго. Онъ повелъ войско къ Кіеву и переправился за Днѣпръ; не остановилъ его и весенній ледоходъ. Туда Карпъ Подвисоцкій, козакъ-шляхтичъ, доставилъ ему челны изъ-за Пороговъ. Въ

*) По другимъ извѣстіямъ, убиты были еще: Дульскій, герба Налѣчъ, радомскій; Станиславъ Лашъ, герба Правдичъ, белзскій; Пелчовскій, герба Орелъ, заторскій.

***) По другимъ извѣстіямъ, 300.

***) Въ военномъ дѣлѣ препятствіе.

козацкихъ кунахъ, по извѣстіямъ Жовковскаго, преобладали два мнѣнія: одни хотѣли бѣжать за московскій рубежъ, другіе—къ татарскому хану, съ тѣмъ чтобы, отдавшись на „его ласку“, воевать съ Татарами Польшу. Не смотря на выраженную королю готовность ходить войною на Москаля такъ же, какъ и на Татарина, Наливайко направилъ общее бѣгство за Днѣпръ къ Сулѣ, которой роменскіе берега Москва называла своими.

Къ Жовковскому пришли между тѣмъ контингенты пановъ Потоцкихъ и Ходковичей. Молодой Ходковичъ, въ то время еще православный, въ сообществѣ православнаго князя Кирика, захватилъ задній козацкій полкъ шляхтича Кремпскаго въ Каневѣ, въ день Воскресенія Христова, и такъ какъ опустошители Волощины и другихъ православныхъ областей праздновали свѣтлый праздникъ пьянствомъ темнымъ, какъ ночь *), то православные ходковичане и кириковцы перебили и перетопили въ Днѣпрѣ православныхъ наливайцевъ. Въра здѣсь, какъ и во всѣхъ козаконанскихъ усобицахъ, были ни при чемъ.

Жовковскій уже и тогда зналъ, что козаки побѣгутъ въ Лубны, хотя они стояли еще на Днѣпрѣ въ нерѣшимости, броситься ли имъ въ счастливую для наливайцевъ Бѣлоруссію, или въ старинную Половецкую землю, въ „поле незнаемое“, по выраженію варяжскаго пѣвца. Козаки позаботились о томъ, чтобы отнять у своихъ преслѣдователей всѣ средства къ переправѣ, и нѣсколько перевозныхъ суденъ затопили въ Днѣпрѣ. Но лишь только направились къ Переяславу, кievскіе мѣщане указали панамъ затопленные козаками судна и предложили Жовковскому свои услуги. Козаки вернулись, подъ предводительствомъ Лободы, отрядомъ, довольно сильнымъ для наказанія „кiянъ“ за измену козацкому дѣлу; но было уже поздно. Тогда Лобода вступилъ въ словесные переговоры съ Жовковскимъ, сидя въ челнѣ на Днѣпрѣ. Жовковскій согласился пощадить козаковъ только подъ условіемъ выдачи Наливайка и его сообщниковъ. Наливайцы были въ козацкомъ войскѣ сильнѣе лободинцевъ, и переговоры не привели ни къ чему. Зато старый сѣчевикъ, шляхтичъ Кремпскій, съ пятью сотнями запорожцевъ, послушался совѣта Жовковскаго и держался въ сторонѣ отъ Наливайкова бунта, пока наконецъ былъ вынужденъ присоединиться въ заднѣпровскимъ бѣглецамъ. Другой шляхтичъ, Подвысоцкій, запорожскій адмиралъ, не согласился оставить наливайцевъ безъ опоры и держался съ морскими чайками на Днѣпрѣ, готовый къ ихъ услугамъ.

*) Украинская пословица: „пьяный, якъ ніч“.

Для наблюденія за нимъ, коронный полевой гетманъ оставилъ на Русскомъ берегу Днѣпра каменецкаго старосту, Яна Потоцкаго, а самъ перешелъ на *Татарскій*. Въ Переяславлѣ былъ замокъ, построенный уже давно кievскимъ воеводою Константиномъ II Острожскимъ. Но пограничныя замки, подъ вѣдомствомъ князя Василія, какъ извѣстно, пришли въ крайній упадокъ. Городъ, лежавшій между болотистыхъ рѣчекъ, Алты и Трубежа, могъ бы служить, пожалуй, точкой опоры для козацкой орды; но Жовковскій съ каждымъ днемъ увеличивалъ свое войско прибывавшими къ нему въ помощь панами, а козаки побросали склады припасовъ позади себя на Русской сторонѣ Днѣпра и набрали съ собой козацкихъ женъ съ дѣтьми. Осада для нихъ была бы гибельна. Наливайко и Лобода бѣжали далѣе, къ рѣкѣ Сулѣ.

Истребленные на Днѣпрѣ паромы и байдаки, сверхъ затопленныхъ, не скоро могли быть восполнены новыми. Жовковскій, какъ по этой, такъ и по другимъ причинамъ, простоялъ на кievскихъ высотахъ нѣсколько недѣль, наконецъ переправился черезъ Днѣпръ, и не засталъ уже въ Переяславѣ козаковъ.

Тогда Лубны были еще молодою, едва шестилѣтнею колошею. Основалъ ее, на старинномъ урочищѣ, воевавшій съ Косинскимъ князь Александръ Вишневецкій, и наименовалъ, по своему имени, Александровымъ. Не трудно было вытѣснить козаковъ изъ новой колоніи; но за мѣстечкомъ Александровымъ текла обильная затопами и мочарами рѣка Сула, а черезъ нее шелъ длинный деревянный мостъ, перемежаемый „грѣблями“ и дивившій тогдашнихъ инженеровъ, какъ чудо строительнаго искусства. Козаки рѣшили — перейти за рѣку, сжечь позади себя мостъ, воспользоваться замедленіемъ пановъ для дальнѣйшихъ своихъ „утѣковъ“. Изъ-за Сулы легко было имъ направиться и въ московскія придонецкія пустыни, куда черезъ 42 года бѣжалъ прославленный у насъ Острица, и въ пизовья Днѣпра, куда мужественно ретировались его дѣйствительно славные соратники. Но Жовковскій изъ своего становища подъ Супосемъ, писалъ, въ половинѣ мая, что будетъ преслѣдовать козаковъ хоть бы „за московскимъ рубежемъ, хоть бы и подъ Чернымъ моремъ. Онъ просилъ только королевскаго на то соизволенія. Не скоро пришло оно къ нему; но достойно замѣчалія, что реляцію о своей рѣшимости Жовковскій послалъ опять черезъ того Русина, галицкаго каштеляна Гойскаго, на устное донесеніе котораго такъ много разсчитывалъ при началѣ своей гонимы, и котораго родной братъ сражался вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и другими панами противъ Косинскаго подъ Пяткомъ.

Коропный полевой гетманъ настигъ козаковъ еще въ Лубнахъ. Зная всѣ ихъ замыслы, искуснымъ распоряженіемъ перевелъ за рѣку Сулу, черезъ незабываемый тогда еще *Витовтовъ бродъ*, часть артиллеріи и конницы, подъ начальствомъ того Струся, которому было такъ тѣсно отъ Наливайка въ его староствѣ, и перегородилъ „утікачамъ“ дорогу, какъ въ Московію, такъ и въ Татарію. Между тѣмъ какъ потомокъ воспѣтыхъ въ древнихъ думахъ братьевъ Струсей совершалъ отважное, крайне рискованное дѣло свое, Жовковскій занималъ въ Лубнахъ козаковъ заманчивыми для нихъ переговорами; потомъ вытѣснилъ ихъ изъ мѣстечка на лѣвый берегъ Сулы, не далъ имъ при этомъ зажечь моста и, преслѣдуя по пятамъ, поставилъ бѣгущихъ между двухъ своихъ лагерей. Волей и неволей должны были они оконаться на урочищѣ Солоницѣ, верстахъ въ пяти отъ Лубенъ. Одной стороною своего табора примкнули козаки къ болотистому берегу Сулы; три остальные стороны четверугольника выходили къ чистое поле.

Въ концѣ русскаго мая борющіяся силы стояли одна противъ другой во всеоружіи боевыхъ средствъ и были готовы съ обѣихъ сторонъ на подвиги выносливости, которою козакъ бралъ больше всего, по которой у соратниковъ Жовковскаго было столько же, какъ и боеваго искусства. Наливайко, Лобода и присоединившійся къ нимъ Кремпскій насчитывали у себя до 8,000 народу, кромѣ женщинъ и дѣтей. Но Жовковскій утверждалъ, что въ козацкихъ окопахъ не больше 2,000 добрыхъ воиновъ; остальныхъ называлъ онъ кашею. Коней боевыхъ и ѣздовыхъ было у нихъ 10,000, пушекъ 21; большой запасъ оружія и амуниціи. У пановъ набралось до 5,000 пѣхоты и кавалеріи съ 15 пушками: войско сравнительно многочисленное.

Задача осаждающихъ состояла въ томъ, чтобы лишить козаковъ продовольствія и принудить голодомъ къ покорности; задача осажденныхъ—въ томъ, чтобъ утомить непріятеля вылазками, обмануть его бдительность и выскользнуть изъ панскихъ рукъ, подобно тому, какъ Наливайко, царь козацкой завзятости и геній козацкихъ „утѣковъ“, выскользнулъ изъ рукъ Жовковскаго въ прилуцкой дубровѣ.

На Солоницѣ, въ томъ и другомъ становищѣ, собрался цвѣтъ нашего малорусскаго рыцарства, составлявшаго польскую славу и польское безславіе. На Солоницѣ среди насъ было весьма мало коренныхъ Поляковъ, за исключеніемъ людей, ополячившихся посредствомъ вѣры. Къ числу такихъ Полонусовъ принадлежалъ и самъ панскій фельдмаршалъ. Подъ его предводительствомъ лучшіе изъ насъ бились противъ худшихъ за древнюю культуру днѣпровскихъ Полянъ, под-

нятую изъ упадка политическимъ слияніемъ ихъ съ Поляками привилегіями, озаренную просвѣщеніемъ Италіи и Германіи, стремившуюся къ высшимъ идеаламъ общественной свободы. Подъ знаменемъ конституціоннаго государства и цивилизованнаго общества стояли здѣсь противъ домашней орды люди обѣихъ національностей, дослужившіея въ послѣдствіи до высшихъ дигнитарствъ. Были среди нихъ и православные строители (или ктиторы) церквей и монастырей, этихъ единственныхъ тогда устоевъ русскаго элемента въ борьбѣ съ объединителями двухъ несоединимыхъ вѣръ, оказавшейся гибельною для Польши.

Какъ въ началѣ знаменитаго похода отвѣчали паны на зызывъ полководца равнодушнымъ молчаніемъ, такъ подѣ конецъ спѣшили къ нему съ контингентами своими, уразумѣвъ ясно, чего должны ожидать въ будущемъ отъ „украинскаго своевольства“... Только князья Острожскіе не прислали сюда своихъ всегда многочисленныхъ почтовъ, находя, вѣроятно, что достаточно послужили королевской республикѣ пораженіемъ перваго бунтовщика, грозившаго разореніемъ Кракова, истребленіемъ шляхетскаго сословія, опустошеніемъ панскихъ домовъ и хозяйствъ съ помощью азіатской дичи, а можетъ быть, изъ практическаго соображенія, что въ феодальной Рѣчи Посполитой Польской ни одинъ панскій домъ не могъ обойтись безъ готоваго безразлично къ услугамъ козачества, а то, пожалуй, и изъ политическаго расчета, что „Польша стоитъ неурядицею“, что польскій престоль, можетъ быть, очень скоро персядетъ въ другую династію, и что въ этомъ весьма возможномъ переворотѣ, козаки пригодятся князьямъ Острожскимъ, какъ пригодились они Яну Замоискому подѣ Бычиною...

Долго держались козаки въ блокадѣ, „законавшись по уши въ землю“, питаясь кониною безъ соли, глядя на гибель своихъ женъ и дѣтей отъ панской артиллеріи. Приступомъ невозможно было взять отчаянныхъ. Между волчьимъ бѣгствомъ и медвѣжьимъ отпоромъ средины у нихъ не было. Много пановъ поплатилось головой за отважныя попытки. Наконецъ усмирители бунта „обступили таборъ на коняхъ и цѣлую недѣлю, не слѣзая съ коней, сторожили козаковъ“, постоянно готовившихся къ бѣгству.

Не помогала панамъ и такая блокада, пока не привезли изъ Кіева тяжелой артиллеріи. Тогда открылась по козакамъ убійственная пальба, продолжавшаяся безъ перерыва четыре часа. Козаки выдержали и канонаду. Отняли у нихъ воду, — они утоляли жажду въ болотныхъ кдпанвахъ. Не стало у нихъ топлива, — они превращали свои возы въ дрова. Не стало, наконецъ, муки, соли и, что всего важнѣе,

паши для лошадей. Падали кони съ голоду сотнями. Привычныя ко всякой нуждѣ козацкія жены и дѣти умирали поминутно. Ворочавшимся въ дымномъ аду козакамъ было не до погребенія мертвыхъ. Разлагающіеся подъ жгучимъ лѣтнимъ солнцемъ трупы заражали воздухъ. Но козаки соперничали гордо съ панами въ боевой выносливости, не хотѣли уступить имъ рыцарскаго превосходства, — презирая страхъ смерти, стыдились подчиниться побѣдителямъ.

И однакожь не устояли въ гордомъ соперничествѣ, признали за панами превосходство рѣшающаго боя, со стыдомъ, горшимъ самой смерти, подчинились побѣдителямъ, — все это потому, что наслѣдственный со времянь варягорусскихъ разладъ преобладалъ въ ихъ дикой вольницѣ еще больше, нежели въ панскомъ феодальномъ обществѣ.

Цѣня своихъ предводителей только по мѣрѣ успѣха, козаки перестали довѣрять „счастью“ царя Наливая, и поставили гетманомъ затмеваемаго имъ Лободу. Малочисленные теперь приверженцы Северини видѣли въ Лободѣ завистливаго соперника, подковавшагося подъ ихъ божка, и заподозрили его въ расположенности къ „панамъ Ляхамъ“. Въ такой толпѣ, какъ солоницкіе козаки, отъ подозрѣнія до убійства былъ только одинъ шагъ. Лобода палъ жертвою соревнованія въ „козацкой славѣ“, которое не давало покоя царю Наливаю.

Но царь Наливай обнаружилъ предательскую мысль — воспользо-ваться своимъ талантомъ къ бѣгству, — обнаружилъ себя такимъ героемъ, какимъ являлся передъ королемъ въ своемъ проектѣ уничтожить запорожцевъ. Поэтому гетманская булава перешла къ старому сѣчеву, Кремпскому.

Дѣла, однакожь, не пошли отъ этого лучше. Доведенные до послѣдней крайности, козаки просили пощады у Жовковскаго. Снисходительный къ козакамъ больше всѣхъ своихъ сподвижниковъ, Жовковскій готовъ былъ пощадить ихъ, но требовалъ безусловной выдачи Наливайка съ главными зачинщиками бунта. Козаки на это не согласились.

При всемъ упадкѣ ихъ мужества и силы, между ними много было такихъ людей, какъ тѣ, которые, подъ предводительствомъ полковника Мартина, будучи ранены, бросались въ пылающее пламя. Рѣшимость ихъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ поддерживала презрѣніе къ смерти въ тысячахъ людей. Это были такъ называемые *козаки не-вмиракки*, о которыхъ сохранилось у Поляковъ народное повѣрье, будто бы каждый изъ нихъ, убитый на повалъ, вставалъ и сражался вновь до девяти разъ. Напрасно жолнеры побивали солоняцкихъ невмиракъ. Не разъ уже казалось имъ, что только ночь не дала по-

бѣдить завзятыхъ окончателно; но утро слѣдующаго дня являло передъ ними какъ бы воскреснувшія силы козацкаго духа и тѣла.

Боясь довести панское войско до отчаянія, Жовковскій спѣшилъ значительную часть конницы, чтобы въ слѣдующее утро вести ее въ атаку вмѣстѣ съ пѣхотою. Во всю ночь въ панскомъ стану никто не смыкалъ глазъ: Жовковскій стоялъ на томъ, чтобы не выпустить изъ обложеннаго табора ни одного человѣка. А въ козацкомъ таборѣ разыгралась между тѣмъ отчаянная драма. Наливайко, съ дружиною отважнѣйшихъ людей, хотѣлъ пробиться съвозъ козаковъ и пановъ на степной просторъ. Но попытка не удалась. Панскіе ведеты слышали крики: „Не пѣстимо! Ты насъ довѣвъ до такогo лиха, до й терпѣ егo вкупи“.

На разсвѣтѣ панскія хоругви почти безъ сопротивленія заняли козацкій таборъ. Тамъ открылось передъ ними страшное зрѣлище: только ничтожные остатки десятитысячнаго войска стояли колеблясь на горахъ падшихъ. Теперь уже не встали козаки-невмираки приѣтствовать гостей. Жовковскому выдали Наливайка, Шостака, Савулу, Панчоху и Мазепу, какъ творцовъ и главныхъ *акторовъ* разыгранной трагедіи. Достались ему также пушки, знамена, булава, которую такъ долго царь Наливай оспаривалъ у Лободы, серебряные бубны и литавры. Но въ кассѣ грабителей столькохъ городовъ и областей, къ огорченію жолнеровъ, нашли едва 4.000 злотыхъ.

Между жолнерами вспыхнулъ бунтъ: хотѣли истребить осажденныхъ до ночи. Жовковскій, всегда снисходительный относительно собственныхъ и непріятельскихъ воиновъ, показалъ себя львомъ въ усмирненіи зѣбрскаго бунта. Казня его зачинщиковъ, онъ въ то же время приказалъ Кремпекому спастись съ „недобитками“ бѣгствомъ.

Окончательный результатъ борьбы пановъ съ ихъ ненавистниками былъ ужасенъ. Изъ кроваваго солоницкаго табора, по сказанію современниковъ, преемникъ Наливайка вывелъ всего на всего мужчинъ и женщинъ 1.500 душъ.

Адмиралъ запорожской флотиліи, Подвысоцкій, покорился правительству, и удалился къ низовымъ лугарямъ, среди которыхъ проживалъ уже пятнадцать лѣтъ въ отчужденіи отъ правоправящаго соловія.

До новгородскаго подсудка, свидѣтеля Наливайщины въ Бѣлоруссіи, дошла только глухая молва, что Лобода, отдѣлившись отъ Саска, шелъ черезъ Кіевщину къ Наливайку. Солоницкое побоище со всѣми своими ужасами и доблестями не заняло вниманія ни лучшаго изъ Наливайковыхъ земляковъ, Евлашевскаго, ни худшаго изъ нихъ,

князя Василя. По крайней мѣрѣ послѣ обоихъ представителей своего вѣка и общества не осталось никакихъ въ этомъ отношеніи извѣстій.

Молва о знаменитомъ походѣ усыновленнаго Польшею Русина, Жовковскаго, столь же глухо коснулась уха, и другой свѣтлой личности среди тогдашней русской тьмы, боркулабовскаго священника. Онъ равнодушно и разсѣянно записалъ въ своей хроникѣ слѣдующее:

„А ижъ (а такъ какъ) козаки Наливайкинаго войска пачали творити шкоду великую замкамъ и панамъ украинаго *зѣмлю* (очевидная описка), того жъ року 1595 (1596) съ войскомъ литовскимъ (слѣдовало бы написать *короннымъ*) погонивши, въ селѣ Лубны, на рѣцѣ Сулѣ, козаковъ побили. Первѣй Савуду стяли, Панчоку четверовали, а Наливайка Северина поймавши, по сѣмой суботѣ до короля послали. Тамъ же его замурававши, держали ажъ до осени, Святаго Покрова. Тамъ же его четверовано.“

Ни люди чувствительные къ страданіямъ ближняго, какъ Евлашевскій и Боркулабовець, ни люди, сконлявшіе милліоны съ разсчитливымъ эгоизмомъ, какъ нашъ „святонаматный“, не подозрѣвали, что у нихъ подъ ногами разразился вулканъ, который черезъ полстолѣтія произведетъ великую Руйну на обширномъ пространствѣ между Ворскломъ и Вислою.

Но зачѣмъ не казнили Наливайка столько мѣсяцевъ? На этотъ вопросъ могли бы отвѣчать клерикалы Сигизмундовы, прозававшіе малорусское православіе *Наливайковой сектою*, воображая, какъ и наши историки, что у панскихъ злодѣевъ были на умѣ только церкви да вѣра. Безъ сомнѣнія, производились разслѣдованія помимо обоихъ коронныхъ гетмановъ, отличавшихся вѣротерпимостію. Дорогая королю да іезуитамъ унія имѣла столько противниковъ между католиками, что полевой гетманъ незадолго передъ „берестовскимъ синодомъ“, писалъ къ великому: „Ксензъ архіепископъ гвѣзненскій (примасъ королевства), которому сообщилъ было (объ унії) іезуитъ Касперъ Татаринъ, *contempsit* *) это дѣло и не захотѣлъ въ него вдаваться“.

Значеніе Наливайщины въ будущемъ почуяли мстительнымъ сердцемъ гораздо вѣрнѣе тѣ, которые больше кого либо страдали отъ „римской вѣры“, унії. Они выдумали, будто бы Наливайка, Лахи сожгли живьемъ въ мѣдномъ бычѣ, въ отмщеніе за защиту православія. Кто первый прикрѣпилъ къ бумагѣ эту позорную выдумку, не извѣстно; но ее подхватили сочинители даже самыхъ краткихъ „козацкихъ хроничекъ“, и она упорно держится въ русской письменности до нашего времени.

*) Презрѣлъ.

Глава V.

Сіяющая перспектива Польши.—Затменіе этой перспективы со стороны Рима.—Развитіе польскорусскаго козачества по поводу московскихъ смуть.—Козаки недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ.—Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ.—Возстановленіе православной іерархіи въ Кіевѣ.—Значеніе царскихъ подавій „на церковное строеніе“.—Насущные интересы массы.

Рѣшительное подавленіе козацкаго мятежа устранило одно изъ главныхъ препятствій къ успѣхамъ колонизаціи малорусскихъ пустынь. Благодаря подвигамъ великихъ полководцевъ, представителей прикарпатской Руси, надъ Польшей засіяло безоблачное небо вѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Если бъ эта составная нація, эта оригинальная „королевская республика“, слѣдовала той *мгддности*, той *зажылости* и *людскости*, которыми отличались домовитые представители собственно польскаго элемента,—ея владѣнія сдѣлались бы благословеннымъ краемъ гражданской свободы, какою не пользовалась въ то время ниодна изъ сосѣдственныхъ націй. Она бы раньше всѣхъ европейскихъ государствъ перетравила въ себѣ феодальныя начала, возвышавшія одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ, и выработала бы могущественную силу внутренняго благоустройства — общественное мнѣніе, которое каждому члену польской семьи, независимо отъ законовъ и вопреки старыхъ обычаевъ, обезпечило бы свободное пользованіе плодами трудовъ его. Въ ея безпримѣрной въ томъ вѣкѣ вѣротерпимости и въ ея предупредившей другія гражданскія общества шляхетской конституціи были для этого весьма почтенные задатки.

Упершись однимъ краемъ земли своей въ Балтійское море, она прокладывала себѣ путь къ Черному морю, какъ это свидѣтельствуютъ намъ и ея своевольные добычники, помогавшіе козакамъ въ ихъ набѣгахъ, и болѣе серьезные люди, рисковавшіе всѣмъ своимъ состояніемъ для завоеванія Крыма. Она заводила уже торговый флотъ на Балтійскомъ морѣ. Съ успѣхами колонизаціи, она спустила бы по Днѣпру и Днѣстру свои суда въ Гостепріимный Понтъ, и ея черноморская торговля

далеко превзошла бы балтійскую. Богатая продуктами своей разнообразной почвы, доступная народамъ всей Европы и Азии, не стѣсняющая никого въ умственной работѣ и религіозной совѣсти, Польша сдѣлалась бы опасна для Москвы не оружіемъ, а стремленіемъ цѣлыхъ массъ, по слѣдамъ князя Курбскаго, Ивана Федорова и Петра Мстиславскаго, въ ея свободныя отъ дикаго произвола, въ ея плодородныя, согрѣваемые полуденнымъ солнцемъ области. Симпатіи всѣхъ славянскихъ народовъ стремились бы въ тотъ край, гдѣ и Турокъ, и Армянинъ, и Сербъ, и Нѣмецъ безразлично находили убѣжище отъ угрожавшихъ имъ дома гоненій сильнаго, жаднаго и свирѣпаго.

Но еще до татарскаго погрома Руси, апостолы всемірнаго господства, папы раздѣлили Полянь днѣпровскихъ отъ Полянь привислянскихъ до такой степени, что, по словамъ Кадлубка, „Русины не упустили никакого случая и не останавливались ни передъ какою трудностью, чтобы бѣшеную свою ненависть и застарѣлую жажду мести угасить польскою кровью“.

Мы вѣримъ этому страшному свидѣтельству XI-го, или, пожалуй, XII столѣтія, зная, что Византія, съ своей стороны, проповѣдывала у насъ не столько религію любви, сколько религію вражды. По-ссорившійся съ нею Римъ не могъ вносить лучшую проповѣдь христіанства въ полудикую Польшу Мечиславовъ и Болеславовъ. Военныя столкновенія двухъ варварскихъ народовъ сопровождались внушеніями двухъ варварскихъ миссій и, при отсутствіи того, что можно бы назвать общественнымъ просвѣщеніемъ, располагали родственныя націи къ уничтоженію другъ друга.

Батыевы Татары явились примирителями нашей Руси съ Польшею, уничтоживъ боевую русскую силу и придавивъ сословіе черноризцевъ, проповѣдывавшее непримиримую ненависть къ латинцамъ, яко къ „врагамъ Божиимъ, держащимъ кривую вѣру“. Но латинцы раздули сами искру этой ненависти, тлѣвшую подъ пепломъ опустошенной Татарами Малороссіи, и всего больше тѣмъ, что, отнимая духовныя хлѣбы у ставленниковъ константинопольскаго патріарха, передавали ихъ ставленникамъ римскаго первосвященника. Въ эпоху брестскаго собора 1596 года эта искра разгоралась пламенемъ зловѣщимъ, но оно пылало только внутри монастырей, остававшихся вѣрными ученію о „Божіихъ врагахъ“, да въ предѣлахъ церковныхъ братствъ, которыя протестанты прямо направляли противъ папистовъ, а косвенно — противъ православной іерархіи.

Ни строительная республика панская, ни разрушительная республика козацкая, въ своемъ кровавомъ столкновеніи, не брали знамени

вѣры. Паны творили вооруженный судъ надъ козаками въ виду православныхъ дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ, какъ падъ людьми, не имѣющими общихъ интересовъ ни съ которымъ сословіемъ. Но съ одной стороны католическіе проповѣдники прозвали православіе *Наливайковой сектою*, издавали противъ него памфлеты подъ заглавіемъ *Воскресійи Наливайко*, и научили свою чернь уличному крику противъ нашихъ монаховъ: *Гуру, Наливайко! Господи помилуй! Люпусь релія* (волчья религія)! а съ другой, наши черноризцы записали въ своихъ невѣжественныхъ „хроничвахъ“, будто бы Косинскій и Наливайко воевали за вѣру, и будто бы одного изъ нихъ замуровали живымъ въ каменномъ столбѣ, а другаго сожгли торжественно среди Варшавы въ мѣдномъ быкѣ.

Эти ничтожныя и смѣшныя проявленія поповскаго соперничества были пророчествомъ событій грозныхъ. Козаки, черезъ подтолбтїя, дѣйствительно явились въ той роли, которую приписывали имъ современники Косинскаго и Наливайка. Русская вѣра въ самомъ дѣлѣ превратилась у нихъ въ *люпусь релію*, вопіявшую *Господи помилуй*, и не миловавшую ни католиковъ, ни православныхъ. Но для того, чтобы совершилась такая метаморфоза на русскомъ Югѣ, надобно было русскому Сѣверу сдѣлаться для козаковъ практическою школою лицемѣрія, предательства и безпощадности. Эту школу устроила тамъ, съ церковными цѣлями, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ іезуитская политика Христова намѣстника.

Еще при наслѣдникѣ Іоанна Грознаго, царѣ Θεодорѣ, проживавшіе въ Москвѣ иностранцы замѣчали, что Римская Курія рассчитываетъ на смуты, долженствующія возникнуть въ Московскомъ Царствѣ вслѣдствіе высокаго и опаснаго положенія Бориса Годунова, которому предстоитъ—или проложить себѣ дорогу въ престолу убійствомъ малолѣтняго царевича Димитрія, законнаго наслѣдника послѣ бездѣтнаго брата, Θεодора, или сдѣлаться жертвою боярской зависти и мести. Предсказанія стороннихъ наблюдателей московской жизни оправдались, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдались подозрѣнія непріязненныхъ Риму иностранцевъ, что латинскіе прелаты, появляющіеся въ Москвѣ подъ разными предлогами, имѣютъ въ виду изученіе опасныхъ сторонъ московской государственности. Царевичъ Димитрій былъ убитъ подсланными въ Угличъ злодѣями, а его имя принялъ на себя въ Польшѣ какой-то проходимецъ, очевидно подставленный тѣми людьми, которые возбуждали въ Москвѣ пророческіе толки задолго до кровавыхъ событій.

Эту загадочную личность приняли подъ свое покровительство вѣ-

сколько знатныхъ представителей польскорусской республики, и самъ король Сигизмундъ III благопріятствовалъ обманщику. Названнаго царевича Дмитрія повели въ Москву подъ прикрытіемъ вольнонаемныхъ панскихъ дружинъ. Были въ Польшѣ честные патріоты, называвшіе такое нарушеніе мира съ Москвою вѣроломствомъ; но ихъ не послушались. Разбойный элементъ польскорусскаго общества нашель въ томъ походѣ работу какъ разъ по себѣ. Онъ увлекъ за собой и Запорожцевъ, успѣвшихъ уже оправиться отъ нанесеннаго имъ, лѣтъ восемь тому назадъ, удара. Такимъ образомъ наше днѣпровское козачество попало на широкій путь развитія своей Косинщины и Наливайщины.

Московское Царство было въ то время отдѣлено отъ Польши и Малороссіи пустынными пространствами, которыя назывались въ немъ полевыми или польскими украинями. Эти украинны служили убѣжищемъ всякаго рода безземельникамъ, называвшимся, такъ же какъ и въ Польшѣ, козаками. Одни изъ нихъ отправляли сторожевую службу и состояли въ вѣдомствѣ пограничныхъ воеводъ; другіе проживали, въ качествѣ вольныхъ сторожей и работниковъ, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ; третьи промышляли обыкновеннымъ и въ московскихъ и въ польскихъ украиняхъ воровствомъ, перекочевывая изъ притона въ притонъ; и всѣ имѣли ту общую черту, что легко переходили изъ осѣдлаго быта въ кочевой, изъ кочеваго въ осѣдлый, мѣняя роль благонадежныхъ людей на разбойно-хищническую, а изъ разбойниковъ и хищниковъ дѣлаясь опять людьми благонадежными.

Осѣдлое населеніе пограничнаго московскаго края, вмѣстѣ съ воеводскимъ управленіемъ своимъ, иной разъ трепетало передъ этимъ анархическимъ классомъ, страшнымъ именно потому, что его „не по чемъ было сыскивать“; но, задабривая однихъ и стращая другихъ козаковъ, удерживало зыбку въ своихъ правилахъ орду отъ крупныхъ и мелкихъ посягательствъ на имущество классовъ торговыхъ и промышленныхъ.

Лишь только вольнонаемная шляхта, заодно съ запорожскими добычниками, пришла въ московскія владѣнія, всѣ люди, которыхъ не по чемъ было сыскивать, заговорили громко въ украинскихъ городахъ и посадахъ о царевичѣ Дмитрія. Воеводы, съ малочисленными своими стрѣльцами, и заставные головы, съ разбѣзжими козаками, трусили. Обширный пограничный край въ короткое время призналъ самозванца законнымъ наслѣдникомъ царскаго престола, а Бориса Годунова похитителемъ и лиходѣемъ. Въ теченіе осени и зимы успѣхи самозванца въ такъ называемой Сѣверницѣ еще колебались. Къ

веснѣ молва о дивномъ спасеніи зарѣзаннаго будто бы въ Угличѣ царевича облетѣла Россію. Недовольная своимъ правительствомъ чернь обрадовалась возможности переимѣнить одно царствованіе на другое. Подъ грозой повсемѣстнаго мятежа, дворяне и самое духовенство не смѣли стать противъ толпы искателей легкой поживы. Москва, приченная къ предательству двуличной политикой самого Годунова, готова была выдать его названному царевичу. Но царь Борисъ внезапно умеръ. Выдали клеветамъ самозванца только 16-ти лѣтнаго сына Борисова.

На престолѣ высоко заслуженныхъ передъ потомствомъ собирателей Русской Земли сѣлъ темный бродяга, и приступилъ было уже къ преобразованію самобытной Россіи въ духѣ западныхъ державъ, изъ которыхъ лучшею, въ его глазахъ, была Польша. Его крутые и непослѣдовательные приемы въ замѣнѣ старыхъ порядковъ новыми, его презрѣніе къ русскимъ обычаямъ, крайнее пристрастіе къ иноземцамъ вообще, а къ польщизинѣ въ особенности, и наглое самохвалство передъ сановитыми москвичами — помогли боярской партіи подорвать въ обществѣ служилыхъ и торговыхъ людей вѣру, что въ Москвѣ царствуетъ государь законный. Князь Василій Шуйскій соединилъ въ одну мятежную толпу и тѣхъ, которые были вооружены противъ самозванца лично, и тѣхъ, которыхъ раздражало нахальство окружавшей его толпы Поляковъ. Самозванецъ погибъ со множествомъ знатной и низшей шляхты.

На опозоренное царское сѣдалище Москвичи возвели Василя Шуйскаго. Но разбойная масса, поживившаяся изъ-за спины своего Дмитрія богатою добычею, распустила слухъ о его спасеніи и завела съ людьми порядка и мирнаго труда широкую войну. Россія, столь недавно еще сплотившаяся въ одно цѣлое искуснымъ, хотя подчасъ и жестокимъ, самодержавіемъ государей своихъ, раздѣлилась теперь на ся. Одна половина народа стояла за царя Василя; другая провозглашала спасавшагося якобы отъ бунтовщиковъ царя Дмитрія.

Душею партіи, отстаивавшей самозванца даже и послѣ его смерти, была добычная шляхта въ союзѣ съ донскими и дѣпровскими козаками. Эти *воры*, какъ прозвалъ ихъ Московскій народъ, нашли въ Бѣлороссіи подходящаго человѣка для сочиненной ими роли, и ввели его въ поколебленное смутами государство съ новыми охотниками до „козацкаго хлѣба“. Разбойный элементъ польско-русскаго общества соединился съ разбойнымъ элементомъ общества москворусскаго, развивая свою хищную дѣятельность на счетъ классовъ экономическихъ. Ратные люди царя Василя стояли слабо противъ втораго

Лжедимитрія, измѣняли потерявшемуся правительству и увеличивали массу людей, разорявшихъ Россію во имя измышленнаго царя. Москва была обложена со всѣхъ сторонъ добычниками; ея пути сообщенія съ дальними областями прерваны, и казалось возможнымъ, что новый бродяга заставитъ ее признать себя царемъ, какъ и первый Лжедимитрій.

Но успѣхи своевольныхъ представителей польскорусской воинственности подохотили къ войнѣ съ Москвой и тѣхъ пановъ, которые до сихъ поръ смотрѣли изчужа на предпріятіе своихъ менѣ разборчивыхъ собратій. Избіеніе множества Поляковъ, которые гостили, или служили у перваго Лжедимитрія, дало благовидный предлогъ къ нарушенію мира, заключеннаго Сигизмундомъ III еще съ царемъ Борисомъ. Польское войско, подъ предводительствомъ самого короля, идетъ къ Смоленску, осаждаеть этотъ пограничный въ то время городъ, сливается въ одно съ добычными купами шляхты и козаковъ; второй самозванецъ погибаетъ въ своемъ бѣгствѣ; солоницкій побѣдитель, коронный гетманъ Жовковскій, ведетъ къ Москвѣ лучшія польскія хоругви, разбиваетъ у Клушина царскую рать; Москва, обезсиленная смутами, признаетъ своимъ царемъ королевича Владислава; Жовковскій занимаетъ столицу во имя новаго царя, и уводитъ изъ нея братьевъ Шуйскихъ плѣнными, подъ оскорбительнымъ для націи названіемъ „русскихъ царей“.

Но Сигизмундъ желалъ царствовать въ Москвѣ лично, и не пустилъ на царство малолѣтняго сына своего. Отсюда возгорѣлась новая война, получившая у современниковъ выразительное прозвище — Московское Разореніе. Сѣверная Русь обратилась въ широкое поприще грабежа и разбоя со стороны людей, представлявшихъ воинственный и добычный элементъ въ населеніи Руси Южной. Здѣсь была вся Литва и вся Галичина въ лицѣ своихъ окатоличившихся, оеретичившихся и оставшихся въ предковскомъ православіи воиновъ. Взятая вмѣстѣ, эти страны составляли громадное большинство населенія Рѣчи Посполитой Польской вообще, а въ личномъ составѣ ходившихъ на Москву войскъ Русины различныхъ исповѣданій фигурировали почти исключительно. Такимъ образомъ Южная Русь разоряла Сѣверную; Русь, подчиненная королю-католику, уничтожала Русь, созданную изъ удѣльно-вѣчеваго хаоса православными государями, — и въ этомъ заключался наибольшій успѣхъ римской политики.

Но въ томъ же самомъ узлѣ событій таилась комбинація, обратившая въ ничто планы римскаго папы на счетъ Россіи и погубившая Польшу.

Москва отвергла желаніе Сигизмунда царствовать вмѣсто его сына, Владислава. Сигизмундъ хотѣлъ принудить ее къ повиновенію вооруженною силою. Его войско, занимавшее столицу во имя королевицы, очутилось въ ней запертымъ, и въ 1612 году, подвергшись, въ осадномъ сидѣніи, неслыханнымъ ужасамъ голода, сдѣлалось наконецъ ополченію царя Михаила Феодоровича, избраннаго изъ древняго рода бояръ Романовыхъ. Польша оказалась безсильною продолжать послѣдовательно войну съ надломленнымъ его царствомъ. Москва оправилась и поднялась изъ упадка очистительнымъ дѣйствіемъ своихъ бѣдствій. Когда, черезъ шесть лѣтъ, королевичъ Владиславъ, уже взрослый, привелъ въ Россію новое шляхетское и козацкое войско, домогаясь московскаго престола, его притязанія оказались мечтательными. Было заключено 14-лѣтнее, такъ названное Деулинское перемиріе. Москва поступилась Польшѣ Смоленскомъ и частью Сѣверщины, но сохранила права своего русскаго царя неприкосновенными.

Вслѣдъ за этимъ начинается съ ея стороны нѣчто подобное той политикѣ, посредствомъ которой пыталась воспреобладать надъ нею Польша: *wet za wet*, какъ говорятъ Поляки. Но у Москвы политика была собственная, не навязанная со стороны и не имѣвшая въ виду иныхъ цѣлей, кромѣ своихъ народныхъ и государственныхъ. Предметомъ этой политики было возстановленіе въ Южной Руси православія, гѣснимаго со временъ Ягайла католичествомъ, уничтожаемаго со временъ Сигизмунда Августа протестантствомъ, подавленнаго при Сигизмундѣ III церковною униєю.

Дѣло было трудное. Архіереевъ православныхъ уже не было въ Малороссіи кромѣ ничтожнаго, презираемаго и самими папистами львовскаго епископа, Іереміи Тисаровскаго. Несогласившіеся на унию перемерли, и кафедры ихъ были замѣщены ставленниками римскаго папы, униятами. По смерти „святопамятнаго“ князя Василія, всѣ вѣщныя и помѣстныя имѣнія дома Острожскихъ, простиравшіяся по рѣкѣ Росъ на правой сторонѣ Днѣпра и по рѣкѣ Альту на лѣвой, очутились въ распоряженіи католиковъ, что повліяло, въ пользу папы, и на тѣхъ православныхъ пановъ, которые были связаны съ этимъ домомъ родствомъ, или вассальствомъ.

Изъ тузовъ польско-русскаго можновладства, равныхъ князю Василію, одинъ только князь Іеремія Вишневецкій оставался въ православіи, но, будучи несовершеннолѣтнимъ, находился въ рукахъ своихъ наставниковъ, іезуитовъ, которые ожидали только смерти его благочестивой матери, чтобы сдѣлать его ренегатомъ.

Былъ и еще одинъ магнатъ, защитникъ православниковъ, изъ

стариннаго русскаго рода Радивиловъ, князь Христофоръ, сынъ извѣстнаго уже намъ Радивила Перуна; но этотъ, какъ и его отецъ, исповѣдывалъ вѣру Кальвина.

Прочіе потомки древней варяжской Руси, напримѣръ, князья Чорторыйскіе (по-польски Чарторизкіе), Корецкіе, Четвертинскіе, Пузыны и равные этимъ князьямъ по родовому вельможеству паны Русичи стояли между католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ на распутіи, подобно недавно исчезнувшему для православія роду князей Острожскихъ, такъ что представители одного и того же панскаго дома принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и если не были еще католиками или протестантами, то, пройдя школу воспитанія и родственнаго общенія съ иновѣрцами, сохранили за собой только имя православныхъ.

Московскіе государственники считали этихъ Русскихъ людей потерянными для своего правительства, да и сами они относились къ Москвѣ, если не враждебно, то съ пренебреженіемъ, яко къ націи невѣжественной и подавленной царскимъ деспотизмомъ. Самое православіе московское заподозривали они, называя *тѣрою царскою*, что въ послѣдствіи отозвалось и на козакахъ Богдана Хмельницкаго. Православные же вассалы и слуги великихъ панскихъ домовъ, какова бы ни была ихъ личная приверженность къ отеческой вѣрѣ, не смѣли и не могли имѣть отдѣльной политики.

За православными панами, по политическому значенію, слѣдовало православное духовенство. Оно искони пополнялось младшими членами панскихъ домовъ, или же панскими кліентами, возводимыми обыкновенно на владычества, архимандріи и протопоіи, которыхъ подаванье принадлежало не одному королю, но часто и можновладникамъ. Теперь этотъ высшій слой духовенства отошелъ въ унию; если же имѣлъ нѣсколькихъ представителей своихъ на архимандріяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ уніятскаго захвата, то Московская война прервала всякія сношенія между царскимъ правительствомъ и малорусскими архимандритами.

За мѣщанъ и поселянъ московская политика могла бы ухватиться только чрезъ посредство дворянства и духовенства, а какъ оба эти представители малорусской народности въ Польшѣ были парализованы для Москвы политикой Рима, то Малорусская земля являлась отрѣзанною отъ Великорусской еще больше, нежели въ тѣ времена, когда панская нунціатура работала въ Польсколитовскомъ государствѣ одной пропагандой католичества, и епископскія кафедръ въ Малороссіи замѣщались архіереями православными. Такъ предусмотрительность просвѣтителей Поль-

ши заградила путь собирателямъ Русской Земли, которые устами Іоанна III торжественно объявили, что будутъ искать Кіева и другихъ отчинъ предковъ своихъ Рюриковичей, прибрежавшихъ великими князьями литовскими къ землѣ Пястовъ.

Но малорусское дворянство имѣло своихъ представителей не въ однихъ монастыряхъ и церквахъ. Кадры Запорожскаго войска состояли изъ людей шляхетскаго происхожденія, и верховодами его были покамѣсть одни члены панскихъ домовъ, такъ точно, какъ и верховниками духовенства. Правда, это были блудные сыновья, бѣгавшіе въ козаки или отъ горькой въ тѣ времена „школьной части“, или отъ суровой родительской власти, или же потому, что ни одинъ панскій домъ не давалъ имъ такого положенія, какимъ пользовался у князя Острожскаго Наливайко. Но зато козаки имѣли собственную политику и въ старыя времена независимыя дружины ихъ служили московскимъ государямъ подъ предводительствомъ Евстафія Дашковича и князя Дмитрія Вишневецкаго. Теперь козаки сдѣлались разорителями Московскаго Царства въ пользу римской политики, ради хищной добычи и рыцарской славы своей. Но приближалось время, когда имъ сдѣлалось тѣсно въ „Королевской Землѣ“, и когда дивія доблести, которыми они отличались въ „Землѣ Восточнаго Царя“, обратились въ страшилище для ихъ старшихъ братій, польскорусскихъ помѣщиковъ. Можно сказать, что московская политика предусматривала такое положеніе дѣлъ въ польскорусской республикѣ и ждала удобнаго момента, чтобы воспользоваться козаками для своего великаго предпріятія.

Несчастныя для Москвы и постыдныя для Польши событія, послѣдовавшія за объявленіемъ, что сынъ Ивана Грознаго, Дмитрій, живъ, призвали козаковъ къ новой разбойной дѣятельности. Не имѣя столько денегъ, чтобы снаряжать правильныя арміи для одолѣнія надломанной уже Стефаномъ Ваторіемъ державы, королевское правительство дозволяло такъ называемому Запорожскому войску увеличить число *охочихъ* козаковъ по мѣрѣ возможности. Напрактиковавшись въ московскихъ походахъ и размножась до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, эти ученики старинныхъ запорожцевъ стали заодно съ ними предпринимать морскіе походы все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Въ 1614 году разграбили они торговую пристань Синопъ; въ 1615-мъ сожгли двѣ пристани, Мизевлу и Ахіоку, недалеко отъ Царьграда; разбили турецкій флотъ, привели взятая въ бою галеры въ днѣпровскій Лиманъ и сожгли въ виду Очакова; въ 1616-мъ разбили вновь турецкій флотъ на Лиманѣ, разорили турецкій невольничій рынокъ Кафу въ Крыму и опустошили черноморскія побережья.

Турки были раздражены козацкими набѣгами до крайности, и готовились выместить свою досаду на Польшѣ. Напрасно коронный гетманъ Жовковскій увѣрялъ ихъ, что козаки состоятъ лишь въ нѣ-которой части изъ польскихъ подданныхъ, да и то непослушныхъ королю и осужденныхъ на казнь. Напрасно писалъ онъ, что это не войско и не народъ, а скопище забродниковъ изъ всѣхъ народовъ; что днѣпровскіе Пороги съ незапамятныхъ временъ служили притономъ хищной толпѣ, нападавшей на купеческіе караваны и промышлявшей разбоемъ во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Султанское правительство не хотѣло слышать никакихъ оправданій.

Козаки, въ самомъ дѣлѣ, на добрую половину, были, что называется по-малорусски, *заволдками* въ странѣ дававшей имъ пристанище. Попадая въ руки кануданъ-башей, они совсѣмъ изучаа внушали имъ, что единственный способъ вытѣснить запорожцевъ изъ ихъ логовища, это—заселить Волощину Турками, овладѣть Подольскимъ Камянецемъ, русскіе края занять по Кіевъ и основаться прочными осадами подъ самимъ Днѣстромъ. Планъ этотъ былъ принятъ въ верховномъ Диванѣ, и только Персидская война не дала осуществить его. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, было рѣшено воевать Лехистанъ энергически, и въ 1617 году сильное турецко-татарское войско придвинулось къ Днѣстру. Съ великимъ мужествомъ и неменьшимъ искусствомъ Жовковскій отвелъ отъ Польши грозу, но былъ вынужденъ уступить султану королевское сюзеренство надъ Молдавіею и заключилъ съ Турками миръ, подъ условіемъ уничтожить козаковъ, то есть привести ихъ въ такое состояніе, чтобы сухопутныя границы турецкихъ владѣній и черноморскія побережья были отъ нихъ безопасны.

Для этого столь же важнаго, сколько и труднаго дѣла были двинуты въ Украину всѣ коронныя и панскія силы, защитившія Поднѣстріе отъ мусульманскаго нашествія. Они предназначались для подкрѣпленія требованій такъ называемой козацкой комиссіи, назначенной королемъ и состоявшей изъ первенствующихъ пановъ Кіевскаго воеводства, подъ предводительствомъ великаго короннаго гетмана и канцлера, всѣ того же Станислава Жовковскаго. Комиссія собралась, во всеоружіи своемъ, надъ рѣкой Росью у села Ольшанки, близъ Паволочи.

Она вытребовала къ себѣ уполномоченныхъ Запорожскаго Войска, и поставила имъ на видъ, что козаки большими купами и цѣлыми войсками вторгаются въ сосѣднія земли, что, „выходя на влостъ“ (то есть въ королевскія и панскія имѣнія), притѣсняютъ и разоряютъ людей всякаго состоянія. По мнѣнію королевскихъ комиссаровъ, при-

чиною всему этому было то, что козаки принимаютъ къ себѣ множество всякаго народа, при которомъ и сами не могутъ устроить между собой надлежащаго порядка; а потому комиссары требовали: чтобы людей, называющихся запорожскими козаками, не было больше одной тысячи; чтобы эти люди „жили на обычныхъ мѣстахъ, данныхъ кородемъ ихъ старшиимъ, и на влость отнюдь не выходили“. Для поддержки ихъ военнаго быта, имъ было обѣщано установленное Стефаномъ Баторіемъ жалованье—по червонцу и по поставу сукна карази на каждаго. Прочіе же (сказано въ актѣ комиссіи), гдѣ бы ни находились въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ, чтобы козаками съ этого времени больше не назывались и никакихъ юрисдикцій себѣ не присвоивали, а были бы во всемъ послушны панамъ, начальству своему, наравнѣ съ другими подданными. Если же окажутся непослушные, то на такихъ землевладѣльцы Кіевскаго воеводства немедленно вооружаются и настоящее свое постановленіе приведуть въ дѣйствіе. А чтобы гасить огонь въ искрахъ (сказано далѣе) и не дать ему запылать пламенемъ, всѣ державцы и паны обязаны хватать каждаго, кто бы кликнулъ влечь для сбора народа, и безъ всякаго милосердія карать смертью. Кто же изъ державцевъ или пановъ сталъ бы смотрѣть сквозь пальцы на сборъ такихъ купъ въ своихъ помѣстьяхъ, а пожалуй, и самъ сталъ собирать въ купы разныхъ буяновъ, такой будетъ позванъ въ трибуналъ, наказанъ смертью, а еслибы не явился для оправданія, то—лишеніемъ чести. Даже и за доставку на Низъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ шляхтичъ будетъ наказанъ смертью по разсмотрѣніи уликъ, а простолюдинъ—непремѣнно тотчасъ же.

Въ заключеніе акта Ольшанской козацкой комиссіи сказано: „Монастырь Трахтомировскій, яко недавно пожалованный козакамъ отъ короля и Рѣчи Посполитой, остается при нихъ,—впрочемъ не для чего либо другаго, какъ для того, чтобы онъ былъ убѣжищемъ старымъ, больнымъ, раненымъ для проживанья до смерти; собирать же и сзывать въ купы, какъ гдѣ-либо, такъ и тамъ, воспрещается. Въ противномъ случаѣ, это пожалованье будетъ ими утрачено“.

Козаки смиренно согласились на все, чего комиссія отъ нихъ потребовала, и обѣщали подчиниться новой регуляціи Запорожскаго Войска, но выговорили себѣ право—обратиться на ближайшемъ сеймѣ и королю и Рѣчи Посполитой съ просьбою о трехъ пунктахъ: 1) о томъ, въ которомъ сказано, что нынѣшніе козаки и ихъ потомки не должны ничего такого дѣлать, что причиняло бы кому-нибудь убытокъ, обиду или притѣсненіе; 2) о томъ, по которому не должны они вторгаться во владѣнія „турецкаго императора“, и безъ воли и пове-

лѣнія короля и Рѣчи Посполитой, и 3) о томъ, по которому число запорожскихъ козаковъ ограничено только тысячею человекъ.

Козаки знали, что королю безъ нихъ не обойтись; знали, что совладать съ ними панамъ теперь уже очень трудно, и выжидали благоприятныхъ для своего промысла событій.

Дѣйствительно, не прошло году, какъ то самое правительство, которое повелѣвало козакамъ переписаться въ одну тысячу, призвало ихъ къ оружію въ произвольномъ числѣ. Для поддержки королевича Владислава въ его Московскомъ походѣ, знаменитый морскими набѣгами Петръ Конашевичъ Сагайдачный привелъ къ Можайску, подъ именемъ Запорожскаго Войска, 20,000 добычниковъ. Распуская во всѣ стороны „загоны“ свои, козацкая орда отъ самой границы проложила къ центру Московскаго Царства широкую полосу, подобную тѣмъ пустыннымъ пространствамъ родной Подолии, Червонной Руси и Волыни, которыя назывались „татарскими шляхами“. Взятые „взятые“ города, поплѣненные воеводы, повыщенные села говорили краснорѣчиво, какая губительная сила выросла вновь изъ тѣхъ наѣздниковъ, которыя, тому назадъ двадцать два года, были обезоружены погромомъ за Сулюю. Эти 20,000 полукочевыхъ воиновъ были тѣсно связаны между собой добычнымъ промысломъ, и не хотѣли знать интересовъ быта осѣдлаго. Ремеслами и хлѣбопашествомъ они тяготились, „крамарство“ презирали; ни къ какой правильной и послѣдовательной работѣ способны не были. Имъ приходилась по душѣ одна рискованная жизнь, которой отраду составляла добыча, а поэзію разбойно-рыцарская слава.

Сословіе землевладѣльцевъ стояло въ несогласномъ противорѣчьи съ этимъ обществомъ чужаеядниковъ, и дальновидные люди уже въ актѣ Ольшанской комиссіи выразили необходимость „гасить огонь въ искрахъ, чтобъ не дать ему запылать пламенемъ“. Но большинство шляхетчины, удручаемое правомъ сильного, пришло къ печальному убѣжденію, что Польша стоитъ неурядицею (Polska bezrzadem stoi). Даже въ сеймовыхъ собраніяхъ проповѣдывалась мысль: что уничтожить козаковъ было бы, во-первыхъ, безчестно,—во вторыхъ, бесполезно,—въ третьихъ, невозможно, и королевское правительство, въ пропозиціи на сеймъ 1618 года, находило это предпріятіе „дѣломъ труднымъ“. Тѣмъ не менѣе, однакожь, оно твердило о необходимости обуздать козацкое своеволие, и вопіяло къ сейму и къ малорусскимъ панамъ, чтобъ они „единодушно согласились гасить этотъ страшный огонь“.

Здѣсь разнородная Польская нація, при всемъ своемъ превосходствѣ въ культурности, не выдерживаетъ сравненія съ простоватою

Московіей по отношенію къ государственности, обезпечивающей политическую независимость народа. Въмѣсто рѣшительныхъ мѣръ, какими царское правительство клало предѣлъ разбоямъ своихъ косолаповцевъ и воровъ смутнаго времени, представители польско-русской республики для обузданія воскреснувшихъ Наливайцевъ, прибѣгнули къ полумѣрамъ. Въ 1619 году, по примѣру Ольшанской, собралась новая козацкая комиссія надъ рѣчкою Раставицею (ниже Паволочи). Въ виду этой вооруженной, какъ и прежняя, комиссіи, на рѣчкѣ Узени (за Бѣлою Церквою) стояли, по выраженію акта, „запорожскія войска“. Обѣ стороны молча грозили другъ другу боемъ, но съ обѣихъ сторонъ рѣшеніе спорнаго дѣла боевою силою представлялось великимъ рискомъ, и оно снова было рѣшено только на бумагѣ.

„За прошлый годъ (говорили королевскіе комиссары козацкимъ уполномоченнымъ) козаки, согласно Ольшанскому постановленію, получили 10,000 злотыхъ и 700 поставовъ каразіи; и за нынѣшній годъ отдали мы имъ такую же сумму деньгами да сукномъ; потомъ уже будутъ они получать не сукномъ, а наличными деньгами по 40.000 злотыхъ ежегодно въ Кіевѣ на св. Ілью русскаго“.

Въ благодарность за это, комиссары требовали, чтобы козаки дали рыцарское слово и присягнули, что не только тѣ, которые получаютъ жалованье, не будутъ беспокоить турецкаго императора“ своими набѣгами, но и другихъ, въ случаѣ оказались бы такіе своевольники, всячески будутъ отъ того удерживать, а тѣхъ, которые недавно, въ противность запрещенію, ходили на море, покараютъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ козаки должны были уничтожить морскіе челны, которыхъ часть (сказано въ актѣ) уже уничтожена,—дабы своевольнымъ не было искушенія; оставить лишь необходимые для перевоза на Днѣпрѣ, по будутъ содержать при нихъ надежную сторожу, чтобы своевольные не выкрадались на этихъ челнахъ въ море.

Далѣе, комиссары требовали, чтобъ отъ козаковъ не было больше никакихъ непріятностей людямъ въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣніяхъ. Для этого изъ козацкаго ресстра должны быть выписаны прочь всѣ ремесленники, шинкари, войты, бурмистры, торговцы, рѣзники, вообще всѣ занимающіеся какимъ-либо ремесломъ, и иные празднопатающіеся люди, которые до пяти лѣтъ назывались козаками. „Ибо мы (говорили составлявшіе комиссію землевладѣльцы) ни подъ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“. Эти выписанные должныствовали начинаться старостамъ, державцамъ, ихъ намѣстникамъ и другимъ па-

намъ, кто подѣ кѣмъ живетъ, не отзываясь къ войсковому суду, а „паны-молодцы“ вступаться за нихъ не должны.

Всего же больше настаивали комиссары на томъ, чтобы „паны молодцы запорожцы“ или вовсе не жили въ имѣніяхъ земскихъ, духовныхъ, свѣтскихъ, дѣдичныхъ, или же, если будутъ имѣть въ нихъ дома и осѣдность, то чтобы оказывали послушаніе дѣдичнымъ панамъ, подѣ которыми будутъ имѣть свои маенности, чтобы изъ подданства не выламывались и къ инымъ „присудамъ“ не отказывались.

Крайнимъ срокомъ, къ которому козаки были обязаны привести въ исполненіе свои обѣщанія, назначался св. Илья русскій 1620 года. Къ этому сроку всѣ тѣ, которые не хотятъ подѣ кѣмъ-нибудь жить и быть своему пану подданными, должны были удалиться изъ его имѣнія и жить гдѣ угодно. Тѣ же, которые будутъ проживать въ украинскихъ королевскихъ городахъ, должны оказывать всяческое почтеніе своимъ старостамъ и въ случаѣ надобности, „яко на Украинѣ“, дѣйствовать противъ непріятелей св. Креста, подѣ предводительствомъ пановъ-старость, или ихъ намѣстниковъ.

Въ заключеніе, комиссары требовали, чтобы козаки, согласно Ольшанскому постановленію, приняли себѣ „старшаго“ изъ руки короннаго гетмана, по образцу того, какъ при королѣ Стефанѣ Баторіи былъ старшимъ Орышевскій.

Козаки, какъ и въ прошломъ году, подчинились королевской волѣ, и благодарили за назначеніе имъ жалованья, но не могли опредѣлить немедленно свое число, такъ какъ бракъ и выпись ремесленниковъ, торговцевъ, шинварей и тому подобныхъ людей потребуетъ немало времени. „Это надобно дѣлать по городамъ (извѣстны писемно ихъ уполномоченные): такихъ людей, не принадлежащихъ къ рыцарскимъ запятіямъ, каковы эти шипкари, кравцы, торговцы и всякіе ремесленники, кафанники, балакезы, рыбалты, *) и тѣхъ, которые, выломавшись лѣтъ пять назадъ изъ присуду своихъ пановъ, подѣлались козаками, мы отъ себя повыпишемъ и повыпремъ. Пусть они не прикрываются нашими вольностями, пускай подчиняются власти своихъ пановъ-старость и ихъ намѣстниковъ, гдѣ кто будетъ жить. А какое число насъ останется, мы доложимъ его королевской милости съ просьбою о ненарушеніи этихъ вольностей, но покамѣстъ, постановили такъ: кто хочетъ оставаться съ нами на службѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, то, хотя это сильно нарушаетъ наши воль-

*) Въ комиссіонныхъ актахъ упоминаются въ числѣ ремесленниковъ и торговцевъ еще *былаччи* и *канкачки*.

ности, пожалованныя намъ привилегіями паяснѣйшихъ королей, нашихъ почивающихъ въ Божѣ государей *), и хотя мы должны будемъ обратиться къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, но, если его королевской милости не будетъ угодно оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и правахъ, чтобъ выходилъ изъ шляхетскихъ имѣній и искалъ себѣ спокойнаго жительства въ имѣніяхъ королевскихъ, гдѣ кому любо; но гдѣ имѣть или будетъ имѣть оскѣдность, тамъ будемъ оказывать старостамъ, подстаростіямъ и ихъ намѣстникамъ надлежащее почтеніе. Въ случаѣ вторженія непріятеля св. Креста должны мы дѣйствовать противъ него, какъ подобаеть намъ, подѣ начальствомъ старосты, подстаростія или своего атамана, и все то дѣлать, что намъ будетъ слѣдовать. Не сопротивляемся и пазначенію надъ нами старшаго, въ родѣ того какъ былъ нѣкогда Орышевскій. Но такъ какъ нынѣ его милость пацъ-капцлеръ и коронный гетманъ не паименовалъ старшаго и отложилъ его назначеніе до ближайшаго сейма, то и мы пришлемъ туда пословъ своихъ съ нашими просьбами, отдаваясь на волю его королевской милости. Мы только просимъ, чтобъ надъ нами былъ старшимъ такой человѣкъ, который былъ бы способенъ воевать вмѣстѣ съ нами противъ короннаго непріятеля, къ славѣ и пользѣ короля и Рѣчи Посполитой, и умѣлъ бы исходатайствовать у его королевской милости все, что намъ нужно“.

Коммиссія приложила петицію козаковъ къ своему акту въ знакъ готовности правительства выслушать отъ ихъ пословъ на сеймѣ и такіа заявленія, которыа противорѣчили государственному праву польскому.

Дѣйствія Ольшанской и Растваицкой комиссій вообще отличались кротостью, непонятною для насъ въ предводителѣ обѣихъ этихъ комиссій, Жовковскомъ, который уже въ 1596 году доносилъ о во-закахъ Сигизмунду III, что они мечтали о разореніи Кракова, умышляли низложить короля и грозили истребить шляхетское сословіе. Турецкая война, навликанная козаками, съ трудомъ была отклонена Жовковскимъ въ 1617 году. Въ прошломъ 1618-мъ турецко-татарское вторженіе изъ-за козаковъ повторилось нѣсколько разъ, и обошлось не дешево, какъ защитникамъ Червоннорусскаго края, такъ и мирнымъ

---

*) Достоинно замѣчанія, что козаки никогда не указали, кѣмъ именно и что было имъ пожаловано, равно какъ и козацкіе исторвики, кромѣ тѣхъ, которые, какъ профессоръ Антоновичъ, основываясь на Лѣтописи Грабянки, объявляютъ, будто бы Сигизмундъ I „призналъ ихъ вѣчною собственностью тѣ земли, на которыхъ они были поселены по обомъ берегамъ Днѣпра“.

жителямъ, которыхъ множество уведено въ неволю. Война съ мусульманами предвидѣлась и въ недалекомъ будущемъ. Недавно воцарившійся султанъ Османъ II мечталъ расширить на счетъ Польши Оттоманскую Имперію, и готовился къ походу въ небывалыхъ размѣрахъ.

Но не одни запорожскіе козаки возбуждали Турокъ противъ Польши. У подольскихъ, брацлавскихъ и червонпорусскихъ пановъ завелось издавна свое домашнее козачество, отличавшееся отъ запорожскаго только тѣмъ, что содержалось на счетъ панскихъ, а не королевскихъ имѣній. Образчикъ такого козачества видѣли мы въ дружинѣ Наливайка, служившей князю Острожскому и потомъ присоединившейся къ запорожцамъ.

Пограничные паны малорусскаго Юга были мельче, но воинственнѣе князя Василя: они гетманили сами своими козаками, большею частью шляхтичами, и Подолія относительно польскорусскихъ южныхъ окраинъ была то самое, что была Кіевщина относительно польскорусскихъ восточныхъ. Ее даже на сеймѣ пазывали вооруженнымъ панцемъ.

Совершенно справедливо говорить одинъ изъ польскихъ историковъ: что въ этой пограничной области Рѣчи Посполитой столько было гетмановъ, сколько старостъ, сколько поселившихся здѣсь коронныхъ пановъ, сколько военныхъ геніевъ. Много панскихъ именъ вписано въ хронику мелкихъ и крупныхъ битвъ, которыми сдерживался напоръ азіятчины на Европу. Эти битвы имѣли характеръ самозащиты и потому не нарушали мира съ Турціей; но Молдавское Государство, колебавшееся, въ своемъ вассальствѣ, между турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ, вызывало походы козакующей шляхты со временъ Сигизмунда Августа.

Князь Димитрій Вишневецкій, погубившій себя однимъ изъ такихъ походовъ (1564), показываетъ намъ, какъ много было общаго между рыцарствомъ днѣстровскимъ и днѣпровскимъ. Ходить за Днѣстръ на разореніе турецкихъ городовъ и татарскихъ уймаковъ, — было въ обычаѣ, какъ у днѣстровскихъ, такъ и у днѣпровскихъ козаковъ не только въ эпоху Жовковскаго, но и въ послѣдовавшее за нею время.

Послѣ Московскихъ походовъ, днѣпровскіе козаки пристрастились къ морскому *гостеванью*, къ „верстанью добычнаго пути“ по Черному морю, и правда, что возбуждали Турокъ на войну съ Польшею. Но въ то самое время, когда горѣлъ Синопъ и падала руиною Кафа, князя Корецкіе и паны Потоцкіе, съ козаками днѣпровскими, вторгались, вопреки мирнымъ договорамъ, въ такъ называемую Волощину, и король Сигизмундъ III давалъ имъ на то свое тайное доз-

воленіе, совершенно такъ, какъ это дѣлалъ онъ относительно пановъ, провожавшихъ названнаго Димитрія въ Московію. Онъ слѣдовалъ правилу: чего нельзя воспретить, то надобно дозволить, а смыслъ этого правила былъ тотъ, что, въ случаѣ успѣха предпріятія, правительство могло имъ воспользоваться, въ случаѣ же неудачи, нарушеніе мира можно было взвалить на людей своевольныхъ.

Зная это и даже служа посредникомъ въ сообщеніи королевской воли вельможнымъ пограничникамъ, предводитель козацкой комиссіи не могъ обращаться съ днѣпровскими добычниками, въ виду козачества днѣстровскаго, ни слишкомъ сурово, ни слишкомъ требовательно. Они же притомъ сослужили службу польскому оружію въ тяжкое для Москвы время внутреннихъ смуть, и не дальше какъ въ прошломъ 1618 году помогли королевичу Владиславу примезевать къ Польшѣ Смоленскъ и часть Сѣверщины. Въ предстоявшемъ отраженіи Турокъ надобно было опять на нихъ рассчитывать. И такимъ образомъ комиссія, долженствовавшая погасить страшный домашній огонь, въ искрахъ, только присыпала искры пепломъ.

Но казаки были недовольны панами. Еще до столкновенія съ землевладѣльцами подъ предводительствомъ Косинскаго и Наливайка, еще до 1590 года, когда правительство заявило свою рѣшимость не терпѣть козацкихъ вторженій въ сосѣднія государства, козацкихъ разбоевъ и грабежей надъ купеческими караванами, козацкаго покровительства злодѣямъ и государственнымъ преступникамъ, запорожцы называли пановъ неблагогодарными.

Съ кочевой точки зрѣнія, они были правы. Пограничные паны въ началѣ были не что иное, какъ мелкіе и крупныя козацкіе вожаки, и въ панской средѣ было много такихъ, которые посвящали себя войнѣ съ невѣрными „на вѣчную память козацкаго имени“. Польско-чешскій геральдикъ XVI вѣка говоритъ о нихъ, точно о религіозныхъ подвижникахъ, которые „презрѣли богатство и возлюбили славу защиты границъ. Оставивъ земныя блага (пишетъ онъ), претерпѣвая голодъ и жажду, стояли они, какъ мужественныя львы, и жаждали только кровавой бесѣды съ невѣрными“.

Потомки рыцарей, внушившихъ Папроцеому краснорѣчивое сравненіе, явились въ эпоху московскихъ смуть предводителями разбойниковъ, но, воспитанные въ однихъ бояхъ и набѣгахъ, не признавали себя ниже предковъ, а заслуги ихъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою были между тѣмъ очевидны.

Въ результатъ опустошительнаго козацкаго промысла получались такія событія, какъ занятіе московской столицы польскимъ войскомъ

и примежеваніе къ Польшѣ московскихъ областей. Въ награду за это паны предлагали тысячѣ козаковъ по червонцу да по поставу карасіи на человѣка, и повелѣвали имъ выписать изъ козацкаго реестра всѣхъ ремесленниковъ и торговцевъ, состоявшихъ въ помѣщичьемъ подданствѣ или у самого короля съ его старостами да державцами, или у *королятъ*, какъ называли козаки товарищей его правительственной власти.

Исполнивъ это повелѣніе, козаки поставили бы себя въ невозможность продолжать промыселъ, который обезпечивалъ ихъ насущныя потребности, и по-неволѣ должны были бы претерпѣвать голодъ и нужду, которымъ славные предшественники ихъ подвергали себя добровольно. Придавленные самою малочисленностью своею, козаки еще больше были бы стѣснены запрещеніемъ проживать, въ качествѣ самосудныхъ людей, въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Имъ не было дѣла до вреда, который вѣчно терпѣла бы шляхта, допустивъ козацкую республику гнѣздиться въ нѣдрахъ республики шляхетской. Наливайковъ „кусокъ хлѣба“, который они имѣли бы въ панскихъ мѣстностяхъ на правахъ никому неподвластнаго рыцарства, по ихъ возрѣнію на собственность, не долженъ былъ даже ставиться въ счетъ, а отзывать-ся къ войсковому суду въ своихъ обидахъ со стороны пановъ, это казалось имъ столь же естественнымъ, какъ сами паны находили естественнымъ составлять вооруженные съѣзды противъ экзорбитанцій своихъ собратій.

Что въ XVII столѣтіи панскія хозяйства держались уже не отдачею въ аренду дубовыхъ лѣсовъ для выпаса свиней, не конскими табунами, не стадами и отарами, не пасѣками, бобровыми гонами да рыбными входами, какъ въ XV-мъ и XVI-мъ,—этого козаки не соображали, и хотя видѣли, что продукты земледѣлія перевѣсили въ панскихъ имѣніяхъ всѣ прочія статьи дохода, но это имъ не нравилось. „Эй вы дуки, дуки! позабирали всѣ луги и луки (говорили они): негдѣ бѣдному козаку-нетягѣ и вояя попасти“ *). А надобность въ оборонѣ границъ была еще такъ велика, что наполнять житомъ гумна казалось имъ столь же недостойнымъ рыцаря, какъ это герольдикъ Папроцкій находилъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда кололъ глаза зажиточнымъ польскимъ панамъ убогою воинственностью пановъ русскихъ.

Наконецъ, миръ съ Турками, заключенный подъ условіемъ уничто-

*) Изъ старинной козацкой пѣсни.

женія козаковъ, казался имъ повтореніемъ панской лиги съ Крымцами, устроенной противъ низовцовъ Стефаномъ Баторіемъ. Если панскими силами предводительствовалъ не такой искусный гетманъ, какъ Жовковскій, казаки навѣрное попытались бы завоевать себѣ то положеніе, въ которомъ паны отказывали имъ при Наливайкѣ. Но, какъ имъ ни было досадно панское полноправство на отвоеванной у Татаръ сообца землѣ, не смѣли они ринуться на полководца, который съ малыми силами побѣждалъ массы Москалей и отражалъ турецко-татарскія полчища. „Мы ни подъ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“, говорили имъ на послѣдней комиссіи землевладѣльцы устами короннаго гетмана, а онъ былъ способенъ подтвердить рѣшительное слово желѣзными доказательствами (żelazne gasye).

За невозможностью поставить на своемъ въ Королевской Землѣ, казаки обратились туда, гдѣ въ ихъ услугахъ нуждались больше. Мѣсяца черезъ два послѣ Раставицкой комиссіи, атаманъ Одионецъ съ 15 товарищами повезъ въ Москву татарскихъ языковъ и, отъ имени Запорожскаго Войска вмѣстѣ съ гетманомъ его Сагайдачнымъ, представилъ царю: что казаки „всѣ хотятъ ему служить головами своими по-прежнему, какъ они служили прежнимъ російскимъ государямъ и въ ихъ повелѣніяхъ были, на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили. А нынѣ (докладывалъ царю думный дьякъ) ходили они изъ Запорогъ на крымскіе улусы, а было ихъ съ пять тысячъ человекъ, и было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи, и Божіею милостію, а государевымъ счастьемъ, Татаръ они многихъ побили, и народъ крестьянской многой изъ рукъ татарскихъ высвободили, и съ тою службою и съ языки прислапы они къ государю, и въ томъ воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ. А они вмѣстѣ головами своими хотятъ служить его царскому величеству, и его царскія милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ“.

Къ чести Москвы и ея государственной политики надобно сказать, что боярская душа ни при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, ни при его сынѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, не переманивала къ себѣ козаковъ изъ польскихъ владѣній: она желала, чтобы Южная Русь пришла къ самоуразумѣнію всею землею. Путивльскіе воеводы получили даже выговоръ за пропускъ Одинца къ столицѣ безъ испрошенія царскаго на то указа. Но предложенія со стороны недавнихъ своихъ разорителей служить великому государю по-старинѣ Москва не отвергла.

Что касается козаковъ, то они виновными въ Московскомъ Разореньѣ себя не признавали. Они были добычники, терпимые всѣми сосѣдними народами, какъ и Татары, по невозможности ихъ уничтожить. Они служили изъ-за добычи каждому, кто ее за ними обезпечивалъ. Опустошивъ государство ради своего козацкаго промысла, они теперь были готовы промыслять въ его пользу, все равно какъ промыслили бы въ пользу его враговъ, даже въ пользу самихъ Татаръ и Турокъ, еслибы благосклонность крымскаго хана и турецкаго султана понадобилась имъ такъ, какъ черезъ двадцать восемь лѣтъ при польскомъ Янѣ Казимирѣ и черезъ восемьдесятъ девять лѣтъ при нашемъ Петрѣ Великомъ.

Такъ и смотрѣла на нихъ Москва. Еще задолго до своего Смутнаго Времени, въ эпоху между бунтомъ Косинскаго и бунтомъ Наливайка, она высказала императорскому посланнику свое мнѣніе о малорусскихъ козакахъ. „Это люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя разсчитывать“, говорилъ тогда думные дяки въ Посольскомъ Приказѣ. Во времена московскихъ смуть и бѣдствій, запорожскіе козаки, наравнѣ съ польскими лисовчиками, московскою сѣверскою вольницею и не признававшими еще московскаго подданства донцами, назывались у Москвичей ворами, а 1618 годъ не возвысилъ составившагося тогда о нихъ понятія.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, Москва должна была имѣть въ виду, что Запорожское Войско состояло преимущественно изъ людей православныхъ, были ли то бѣглецы сѣверно-русскихъ, или же южно-русскихъ украинъ, была ли то дворянская молодежь, или же была то кабацкая голь всѣхъ племенъ и состояній. Днѣпровскіе козаки, со временъ героя Данила Адашева, часто избирали своими атаманами людей происхожденія московскаго, и въ свитѣ атамана Одинца могли находиться такіе люди. Во всякомъ случаѣ царскимъ совѣтникамъ слѣдовало предполагать, что запорожское товарищество относится не совсѣмъ равнодушно къ событіямъ уни, которая православные церкви и монастыри передавала въ руки папистовъ. Поэтому, похваливъ козаковъ за то, что они ищутъ царской милости, думные дяки спросили Одинца и его товарищей: нѣтъ ли отъ польскаго короля какаго посягательства на ихъ вѣру?

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ дошедшими до Москвы слухами, что польскій король примирился съ турецкимъ султаномъ. Въ Москвѣ знали, что Сигизмундъ III состоитъ въ дружбѣ съ нѣмецкимъ императоромъ Фердинандомъ II, великимъ поклонникомъ римскаго папы, и что Фердинандъ началъ тѣснить у себя иновѣрцевъ. Поэтому думали: не находится ли въ связи съ начавшеюся въ Чехіи религіозною

войною окончательное подавленіе православія въ Польшѣ? Но козаки отвѣчали, что „про цесаря и про папу ничего имъ невѣдомо, и отъ нихъ тотъ край отдаленъ, а посяганья на нихъ отъ польскаго короля никотораго не бывало“.

Такой отвѣтъ долженъ былъ поразить думныхъ дьяковъ Посольскаго Приказа, то есть членовъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ. Имъ было извѣстно, что по смерти отступника Михаила Рогозы кievскимъ митрополитомъ сдѣланъ Ипатій Потѣй; что по смерти Потѣя митрополія, съ приписанными къ ней имуществами, предоставлена такому же уніату, Іосифу Велямину Рутскому, и что при этомъ митрополитѣ, Полотской архіепископіи, обрѣзанной въ пользу іезуитовъ еще Стефаномъ Баторіемъ, грозило окончательное совращеніе въ унію. Недавняя уступка Польшѣ Смоленска сдѣлала Москву больше прежняго чувствительною къ успѣхамъ папизма на древней русской почвѣ.

Съ своей стороны паписты направляли всѣ усилія свои преимущественно къ тому, чтобы на границахъ Польши съ Московскимъ Царствомъ поставить крѣпкіе устои завоевательной римской церкви. Съ этою цѣлью для кievской митрополіи былъ воспитанъ спеціально въ Римѣ сынъ московскаго подданнаго Велямина, взятаго плѣнникомъ въ 1578 году, подъ рѣкою Улоу, и поселеннаго въ Литвѣ на правахъ шляхтича, а для полотской архіепископіи образованъ мѣстными средствами іезуитовъ сынъ новоградъ-волинскаго мѣщанина, Іосафатъ Кунцевичъ.

Превращеніе православія въ уніатство велось чрезъ посредство этихъ агентовъ двумя различными, но параллельно идущими путями. Рутскій, пребывая на Волыни, въ Червонной Руси и въ Кіевщинѣ, привлекалъ къ уніи основаніемъ народныхъ школъ, образованіемъ трезвыхъ и набожныхъ монаховъ базилянъ, дружескимъ общеніемъ съ православными и кроткою проповѣдью домашняго благоустройства. Этимъ онъ уничтожалъ, въ глазахъ порядочныхъ шляхтичей и мѣщанъ, невѣжественную и запальчивую толпу православныхъ монаховъ и поповъ, заключавшую въ своемъ составѣ чрезвычайно мало людей, не то что благовоспитанныхъ, но хотя бы чуждыхъ общему на пограничьяхъ пороку пьянства.

Напротивъ Кунцевичъ апостольствовалъ въ Бѣлоруссіи посредствомъ казуистическаго принужденія къ переимѣнѣ вѣры. Іезуиты поддерживали при дворѣ его казуистику и подавали королю къ подписанію мандаты противъ мѣщанъ, сопротивлявшихся введенію уніи, какъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія. Съ нимъ было страшно

состязаться на судѣ и мірянамъ, и духовенству. Всюду имѣлъ онъ благопріятелей, задобренныхъ, или же фанатизованныхъ іезуитами. Искусно и вмѣстѣ дерзостно „подводилъ онъ подъ криминалы“ непослушныхъ своимъ распоряженіямъ, по внѣшности законнымъ. Даже православная проповѣдь, утверждавшая народъ въ религіи предковъ, истолковывалась имъ, какъ поджиганье черни къ мятежу. Искренно вѣруя въ святость римскаго папы, какъ Христова намѣстника и главы церкви, онъ, какъ бы въ подражаніе политикѣ нѣмецкаго императора, домогался изгнанія изъ государства всѣхъ отвергающихъ единство двухъ церквей.

Ни православная, ни союзная съ нею протестантская шляхта не смѣла тягаться съ Кунцевичемъ за церковныя имущества. Правда, земскіе послы вопіяли на сеймахъ, что приходскія церкви противившихся уніи мѣщанъ стояли запечатанными; что изгнанные изъ приходовъ священники скитаются въ нищенствѣ; что православное богослуженіе отправляется въ шалашахъ; что и самые шалаша подвергаются разрушенію отъ уніатовъ; что городской народъ, разлученный съ приходскими священниками, собирается для общественной молитвы подъ открытымъ небомъ въ полѣ; что православнымъ мѣщанамъ запрещаютъ рыть могилы рядомъ съ могилами предковъ; что погребенныхъ по православному, безъ уніатскаго священника, выбрасываютъ изъ гробовъ; что многіе, изъ-за гоненій на православный обрядъ, остаются некрещенными, и вступаютъ въ брачное сожителство безъ церковнаго благословенія. Но королевская партія отдѣлывалась — то отсрочками, то обѣщаніями, то публикаціею сеймовыхъ постановленій, которыя по-старому оставались мертвою буквою, а православная церковь между тѣмъ пустѣла и уничтожалась.

Полотскъ, древнерусскій Полтескъ, сдѣлавшійся притономъ іезуитовъ еще во времена Іоанна Грознаго, сильно пропагандировалъ сочиненную іезуитами унію, и въ Смоленскѣ, уступленномъ Польшѣ царемъ Михаиломъ, появились уже православные попы, готовые идти по слѣдамъ отступника Кунцевича.

Въ этотъ критическій моментъ малоросскаго православія, когда знаменитыя слова Іоанна III о Кіевѣ и другихъ отчинахъ московскихъ государей обращались въ ничто, Москва была поддержана въ своей церковно-государственной политикѣ появленіемъ среди царскихъ совѣтниковъ двухъ важныхъ дѣятелей. Съ Запада прибылъ въ столицу ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, съ Востока — іерусалимскій патріархъ Теофанъ.

Отецъ избраннаго на царство въ 1612 году Михаила Романова,

въ монашествѣ Филаретъ, сдѣлался польскимъ плѣнникомъ въ 1609 году вмѣстѣ съ братьями Шуйскими и другими знатными московскими людьми. Онъ былъ заключенъ въ Маріенбургской крѣпости, и только по Деулинскому договору получилъ наконецъ свободу. Одинъ изъ нашихъ историковъ, повторяя письменныя преданія Смутнаго Времени, выставляетъ въ характерѣ ростовскаго митрополита черты двуличности и измѣнчивости, которыхъ отнюдь не замѣчаетъ въ „святопамятномъ“ князѣ Василии. Но онъ забылъ упомянуть, что въ 1618 году, когда въ Деулинѣ шли переговоры съ польскими уполномоченными, Филаретъ Никитичъ прислалъ изъ своего заточенія наказъ: чтобы для освобожденія его изъ плѣна не уступали Полякамъ ни одной пяди русской земли. На нашъ взглядъ, одинъ этотъ поступокъ достаточно говорить о нравственномъ темпераментѣ церковно-государственнаго подвижника. Филаретъ Романовъ, послѣ девятилѣтняго плѣна, воспользовался перемѣною обстоятельствъ не такъ, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ, способный къ двуличности и измѣнчивости. Онъ помышлялъ не о собственномъ благоденствіи, а о такихъ великихъ дѣлахъ, какъ подъемъ на русскомъ Югѣ приниженой папистами православной церкви. Проведя столько времени среди иновѣрцевъ, онъ лучше прежняго зналъ, какъ поддержать падающее въ землѣ Мономаха православіе.

Событія церковной уніи въ Польшѣ и Смутнаго Времени въ Московскомъ Царствѣ разобщили было Русскій міръ съ восточными патріархами. Но лишь только Москва оправилась послѣ своего Разоренія, снова сдѣлалась она упованіемъ турецкихъ Славянъ и Грековъ, а восточные патріархи опять стали помышлять о возобновленіи съ нею сношеній. Общимъ соборомъ избрали они іерусалимскаго патріарха Теофана для путешествія къ „единому православному царю“ и для устройства „обоихъ предѣловъ“ (Русской Земли), какъ говорится объ этомъ въ современномъ московскомъ сказаніи. Опасно было путешествіе, какъ это мы видѣли на Грекѣ Никифорѣ, и трудно было выполнить задачу его. Но, по словамъ московскаго сказанія, товарищи патріарха видѣли въ Теофанѣ „воеводу крѣпка и сильна, могуща тещи путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди неодоливаемыя“. — Неодоливаемыми для Москвы твердями были, въ данномъ случаѣ, іезуитскіе происки, отдѣлившіе посредствомъ уніи одну русскую церковь отъ другой и устремившіе южныхъ Русичей, подъ польскими знаменами, на Русичей сѣверныхъ.

Первымъ дѣломъ Теофана было замѣстить московскій патріаршій престолъ, остававшійся празднымъ съ 1612 года послѣ Гермогена, о

которомъ, какъ и о Филаретѣ, тотъ же историкъ собралъ въ одно мѣсиво современныя розказни, по который явилъ себя героемъ-мученикомъ въры и народности въ самый опасный для Россіи моментъ ея борьбы съ Польшею. Никто не могъ наследовать великодушному Гермогену достойнѣе того, кто, будучи царскимъ отцомъ, готовъ былъ скорѣе умереть въ заточеніи, нежели купить свободу уступкою врагамъ хотя бы одной пяди Русской земли. Возсѣвъ на патріаршемъ престолѣ, Филаретъ Романовъ сдѣлался новымъ органомъ великой мысли русскаго воссоединенія, которая проявилась уже во времена Іоанна III такъ выразительно, что не могла исчезнуть ни въ эпоху безумія Грознаго, ни въ Смутное Время, порожденное кознями Бориса Годунова съ одной стороны и Римской Куріи съ другой.

Утраченные документы тогдашней дѣятельности Москвы по этому предмету, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ указанія на способы, которыми была обновлена связь, державшая въ совокупности всю древнюю Русь, разъединенную удѣлами. Уцѣлѣло только свидѣтельство, что малорусскихъ козаковъ разспрашивали въ Москвѣ о работѣ римской политики. Для насъ очевидно, откуда шли разспросы. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича имѣло характеръ теократическій. Патріаршій престолъ стоялъ тогда рядомъ съ царскимъ, и вопросы иностранной политики дѣлались вопросами церкви. Начавшаяся въ Западной Европѣ тридцатилѣтняя война не могла оставить безъ своего вліянія Москву Романовыхъ. Погромъ Чеховъ на Бѣлой Горѣ, публичныя казни чешскихъ борцовъ за въру, сожженіе всѣхъ чешскихъ книгъ и рукописей среди Праги, запечатаніе всѣхъ иновѣрческихъ церквей въ годовщину сожженія Гуса и многочисленная эмиграція чешскихъ утравкистовъ по фанатическимъ узаконеніямъ Фердинанда II — должны были вдохновлять вернушагося изъ польскаго плѣна Филарета на противодѣйствіе папскому главенству въ Малороссіи.

Хотя козаки отозвались о королевской нетерпимости изчужа, но къ нимъ, какъ видно изъ послѣдовавшихъ явленій, приступили съ новыми разспросами и къ разспросамъ, безъ сомнѣнія, присовокупили внушенія. Козацкія сердца были доступны, если не той религіи, которая выражаетъ себя дѣлами милосердія, то — религіи ужаса передъ карающимъ Божествомъ. На нихъ, какъ мы догадываемся, подѣйствовали въ Москвѣ съ *этой* стороны. Окруженный почетомъ въ царскомъ обществѣ, Ѳеофанъ могъ возимѣть на атамана Одицца и его товарищей такое могущественное вліяніе, какое римскій первосвященникъ оказывалъ на жестокосердыхъ рыцарей католичества. Еще вчера

чуждый интересамъ православной церкви полудикій наѣздникъ могъ сдѣлаться сегодня ревностнымъ ея слугою и козацкіе послы, хлопотавшіе въ Москвѣ о войсковыхъ интересахъ своихъ, могли вернуться къ своему гетману съ миссією церковною, а недовольные королевскимъ правительствомъ козаки-шляхтичи, на зло правительственнымъ панамъ и официальнымъ пастырямъ ихъ душъ, могли заговорить о своей вѣрѣ, на которую, по словамъ Одинца и его товарищей, отъ короля никотораго посяганья не бывало.

Мы ничего не знаемъ объ этомъ положительно; но намъ извѣстно, что въ 1618 году козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, ради польскаго королевича, разорялъ Московское Царство, не щада въ немъ ни церквей, ни монастырей, а въ 1620-мъ сдѣлался въ Польскомъ Королевствѣ передовикомъ православнаго движенія.

Онъ былъ воспитанникъ Острожскаго училища, и хотя бѣжалъ въ козаки отъ горькой въ тѣ времена „школьной чаши“, но хлопоты православниковъ при дворѣ князя Василя могли заронить въ душу юноши мысль о бѣдственномъ положеніи отеческой церкви, и эта мысль выразилась теперь дѣятельнымъ покаянiемъ. Обратный путь свой Теофанъ направилъ черезъ Малороссію и былъ конвоированъ козаками Сагайдачнаго отъ ближайшаго къ московскому рубежу Густынскаго монастыря до Кіева. Въ Кіевѣ Сагайдачный, въ противоположность князю Острожскому относительно Грека Никифора, дѣлалъ долгое пребываніе патріарха совершенно безопаснымъ отъ всякихъ посягательствъ королевской партіи, которая готова была объявить его какъ Никифора, да и объявила таки въ послѣдствіи, турецкимъ шпиономъ.

Теофанъ медлилъ возвращеніемъ въ Грецію. Онъ, очевидно, имѣлъ въ виду смѣлое дѣло, обезсмертившее его въ исторіи, и выжидалъ только событій.

Событія сложились благоприятно для его важной миссіи. Военственная часть польскорусскаго общества, подкураженная недавними успѣхами Московскаго похода, побудила Сигизмунда III предупредить войну, которою грозилъ ему молодой Османъ и вооружить противъ Турокъ „Волощину“, съ тѣмъ чтобы, поддерживая господара своимъ войскомъ, защитить Польшу его княжествомъ, точно щитомъ. Къ воинственнымъ мечтаніямъ однихъ пановъ присоединились интриги противъ Жовковскаго другихъ. Король настоятельно потребовалъ отъ него похода, обѣщая прислать ему подкрѣпленіе. Но подкрѣпленія посланы не были. Турки и Татары окружили коронное и панское войско во время его отступленія съ долины Цецоры и разбили па

голову. Знаменитый полководец палъ въ битвѣ; его товарищъ, полевой коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Стамбуль. Миръ съ Турціей Польша нарушила, а продолжать войну было ей нечѣмъ. Изъ Царьграда приходили между тѣмъ вѣсти о громадныхъ приготовленіяхъ Османа II къ походу. Рѣчь Посполитая находилась подъ гнетомъ страха. Присмирѣла и королевская партія, добывавшая малорусское православіе посредствомъ уніятскихъ іерарховъ.

Этимъ моментомъ воспользовался Теофанъ, и съ сентября 1620 года началъ посвящать ревностныхъ къ отеческой вѣрѣ архимандритовъ и игуменовъ на опустѣвшія для православныхъ владычества. Октября 6 посвященъ имъ на перемышльское епископство Исаія Копинскій; октября 9 — на кievскую митрополию Іовъ Борецкій, а на епископство туровское и пинское Грекъ Аврамій; въ началѣ декабря — на полоцкую архіепископію Мелетій Смогрицкій; наконецъ, въ январѣ 1621 года — на епископство владиміское и берестовское Іосифъ Курцевичъ, на епископство луцкое и острожское Исакій Борисковичъ, а на епископство холмское и бѣльское Паисій Ишполитовичъ.

Всѣ эти каедры были заняты панскими ставленниками, архіереями уніятскими, во владѣніи которыхъ находились и приписныя къ владычествамъ церковныя имущества. Православные архіереи оставались всё тѣми же архимандритами и игуменами убогихъ монастырей, которыхъ не захватили еще уніаты. Но іезуиты были сильно встревожены появленіемъ православной іерархіи въ виду созданной ими іерархіи уніятской. Не успѣлъ патріархъ Теофанъ удалиться изъ предѣловъ Польши, какъ они заставили короля подписать универсалъ объ изловленіи и преданіи суду самозванныхъ архіереевъ, нарушителей общественнаго спокойствія. Великое дѣло возстановленія кievской митрополи готово было рухнуть столь же внезапно, какъ внезапно совершено оно.

Но движеніе турецкихъ силъ къ Днѣстру представлялось правительству, по преувеличеннымъ слухамъ, повтореніемъ Ксерксова похода въ Грецію, и въ самомъ дѣлѣ Османъ II грозилъ стереть Польшу съ лица земли. Опасность была велика. Король съ большимъ трудомъ собралъ тысячъ тридцать защитниковъ днѣстровской границы. Этого войска было недостаточно. Пришлось обратиться къ козакамъ.

Козаки, какъ и Татары, съ начала и до конца своего существованія, раздѣлялись на нѣсколько не только независимыхъ одна отъ другой, но и враждебныхъ ордъ. Соединить ихъ и направить къ одной цѣли могъ только популярный и вмѣстѣ грозный для соперниковъ

атаманъ-предводитель, какимъ былъ Сагайдачный. Онъ это зналъ. Знали это и королевскіе агенты, трудившіеся въ Украинѣ надъ вербовкою Запорожскаго Войска. Когда имъ было объявлено, что козаки не пойдутъ на Турокъ, если мандаты противъ новыхъ архіереевъ не будутъ отбѣнены, король нашелся вынужденнымъ сдѣлать попятный шагъ въ церковной униі, которая была его гордостью, его любимую мечтою.

Такъ уцѣлѣла кievская митрополія, противозаконная въ глазахъ правительства и не поддерживаемая ниоднимъ польскорусскимъ магнатомъ, хотя многіе великіе паны исповѣдывали еще православную вѣру. Только глава протестантовъ, князь Христофоръ Радивиль, сынъ Христофора, прозваннаго Перуномъ, по фамильной политикѣ своей, оказалъ покровительство новому кievскому митрополиту, Іову Борецкому, — и замѣчательно, что Іовъ Борецкій, въ письмахъ къ Радивилу, называетъ его заступничество такимъ подвигомъ, который „достоинъ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ“.

Но положеніе православной іерархіи въ Малороссіи было крайне затруднительнымъ. Даже тѣ малорусскіе паны, которые строили еще монастыри, или давали ихъ строить подъ обороной своихъ привилегій, даже тѣ сеймовые ораторы, которые въ церковныхъ братствахъ носили званіе старшихъ братчиковъ и старость, отступились отъ іерархіи, возставшей съ очевидною помощью иноземной власти, подъ козацкою охраною. Іовъ Борецкій и его убогіе товарищи-архіереи вопіяли въ Москву, что имъ прибѣгнуть не къ кому: что у нихъ нѣтъ ни царей, ни князей, ни бояръ благочестивыхъ; что *все* бывшіе созидатели и благодѣтели святыхъ церквей отступили отъ православной вѣры: одни превратились въ „Ляховъ“, другіе въ уніатовъ, третьи въ еретиковъ.

И все-таки еретики, то-есть протестанты, представлялись новымъ іерархамъ единственнымъ прибѣжищемъ въ напастяхъ и гоненіяхъ со стороны панствъ. Самъ Іовъ Борецкій, молчаливо отвергаемый панами, остававшимися, повидимому, въ благочестіи, старшаго изъ двоихъ сыновей своихъ, Стефана, помѣстилъ при дворѣ князя Христофора II Радивиля (1629), а младшаго, Андрея, послалъ на службу къ царю Михаилу Ѳедоровичу (1630).

Польско-русскіе протестанты всё еще не теряли изъ виду презираемаго ими православія. Политика велѣла имъ поддерживать и самихъ козаковъ, какъ людей, прикоснувшихся къ интересамъ церкви. До самой смерти Іова Борецкаго (1631) не переставали козацкіе вожди обращаться къ сыну Христофора Радивиля-Перуна съ просьбами о ходатайствѣ передъ королемъ.

Та же самая, но болѣе осмысленная, политика заставляла и Москвичей заботиться о малорусской церкви со всею ея паствою. Благочестивыя и вмѣстѣ дальновидныя заботы этихъ собирателей Русской Земли, можно сказать, спасли будущность Малороссіи. Убожество и беспомощность нашего высшаго духовенства были такъ велики, что, по словамъ новаго митрополита, только царскія подаванія удерживали его отъ разсѣянія по свѣту. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени сохранилось множество игуменскихъ просьбъ о дозволеніи монастырской братіи переселиться въ московскіе предѣлы. Одинъ изъ товарищей Іова Борецкаго, по архіерейству Іосифъ Курцевичъ, былъ даже перемѣщенъ царемъ на суздальскую архіепископію. Другіе просители получали въ Москвѣ пособія деньгами и церковною утварью, причѣмъ внушалось имъ стоять при своей вѣрѣ до конца.

Царскія подаванія не могли быть очень щедрыми, но при убожествѣ нашихъ церквей и монастырей, удержавшихся въ православіи среди латинства, протестантства и униі, дѣйствовали на духовенство ободрительно. Малорусскіе монастыри, сколько ихъ ни было, съ возстановленіемъ православной митрополіи, стали посылать къ царю просителей „милостыни на церковное строеніе“. Эти просители были угощаемы въ Москвѣ отъ царскаго стола, допускались видѣть „пресвѣтлыя царскія очи“, удостоивались благословенія отъ царскаго отца, „святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси“, и приносили домой рассказы о Московскомъ Царствѣ, какъ о „странѣ тихой“, представлявшей рѣзкую противоположность съ Королевскою Землею, въ которой, по словамъ кобзарской думы, не было добра.

Естественно, что Москву стали у насъ превозносить по монастырямъ, какъ „второй Іерусалимъ“, а царя уподобляли прекрасному Іосифу, готовому призрѣть оскудѣвшій родъ свой среди благоденственнаго царства. Наивная пропаганда обобраннаго униятами духовенства дѣйствовала сильно на умы простонародья, остававшагося внѣ политическихъ вліяній польской интеллигенціи. Тѣснимые своими соперниками архіереи не колебались писать въ Москву, что „отступники святой восточной вѣры, униаты“, дѣйствуютъ за одно съ ихъ „царемъ, гонителемъ на благочестіе“, и что власть этого царя есть не чтѣ иное, какъ Господне поущеніе. Еще меньше колебались убогіе, раздраженные противниками монахи и попы внушать прихожанамъ, что истинный царь ихъ возсѣдаетъ на московскомъ престолѣ, а польскій король малымъ чѣмъ лучше гонителя и мучителя Фараона. Благоговѣніе къ верховной власти, въ которой народъ желаетъ видѣть нелицепріятную правду и милость, переносили изъ Варшавы въ Москву. Оставивъ па-

новъ и уніятскихъ іерарховъ съ ихъ надеждами и искательствомъ, устремленными къ центру польскому, православное духовенство и находившіеся подъ его вліяніемъ міряне обратили свои неясныя покаянствѣ упованія къ центру московскому. Задача будущаго воссоединенія Русской Земли была рѣшена во многихъ умахъ задолго до событій, утвердившихъ это рѣшеніе.

Но слѣдуетъ помнить, что подъ религіозными стремленіями высшихъ представителей церкви и влерикальными интересами низшихъ — у всѣхъ народовъ скрывалась насущная жизнь массы, которою церковь руководить, яко интеллигенція божественная. Эта насущная жизнь весьма часто перерѣшала рѣшенія церкви, и въ настоящемъ случаѣ не торжествовать бы православію въ международной политикѣ надъ католичествомъ, когда бы громадное большинство Рѣчи Посполитой было защищено въ своемъ быту и имуществѣ больше населенія Царства Московскаго.

Изъ ста польско-русскихъ помѣщиковъ, можетъ быть, всего дватри человѣка относительно чернорабочаго класса были безсмысленнѣе и безсердечнѣе помѣщиковъ московскихъ; другіе ни въ какихъ домашнихъ и общественныхъ добродѣтеляхъ не уступали москвитянамъ, а многіе далеко ихъ превосходили. Но въ Московскомъ Царствѣ, при его деспотическомъ правленіи, дворянинъ надъ дворяниномъ, говоря вообще, не могъ совершать безнаказанно такихъ беззаконій, какими была преисполнена конституціонная жизнь общества польскаго; а московской мѣщанинъ и крестьянинъ не подвергались ни жолнерскимъ, ни бозацкимъ, ни татарскимъ грабежамъ, отъ которыхъ мѣщане и крестьяне польско-русскіе страдали такъ же незащитно, какъ и отъ безпрестанныхъ панскихъ усобицъ. Вотъ чтò давало силу внушеніямъ нашихъ поповъ и монаховъ, обиженныхъ паче всего покровительствомъ, которое король оказывалъ отступникамъ древнерусской вѣры. Вотъ чтò дѣлало ихъ похвалы московскому царю и его верховной правдѣ побѣдительно краснорѣчивыми.

Глава VI.

Хотинская война.—Козаки и татары.—Отношенія малорусскаго козачества къ церкви.—Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви.—Усиѣхи церковной уни.—„Совѣтованіе о благочестіи“.—Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству.—Козако-панская усобица 1625 года.

Обративъ Сагайдачнаго къ покаянію вмѣстѣ съ его товарищами-атаманами, Теофанъ заставилъ ихъ „принести плодъ, достойный покаянія“. Этимъ плодомъ было, во первыхъ, обѣщаніе идти въ помощь коронному войску противъ Османа, вовторыхъ, обѣщаніе не ходить войною на Москву, „на христіанскій родъ“.

Въ то время, какъ Сагайдачный договорился съ королевскими агентами о неприкосновенности митрополита и владыкъ, поставленныхъ имъ при жизни тѣхъ, которыхъ правительство считало занимающими свои должности законно, козаки были раздроблены своимъ добычнымъ промысломъ на нѣсколько хищныхъ компаній. Одни, пользуясь отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, оживились опустошеніемъ панскихъ имѣній дома; другіе „верстали добычную дорогу“ по Черному морю; третьи „плюндровали“ православную Волошину, яко землю турецкую, а были и такіе, что гайдамачили въ Нѣмецкой Имперіи подъ шумъ религіозныхъ войнъ, или же, не смотря на свое православіе, участвовали въ бояхъ лисовчиковъ противъ чешскихъ уtrakвистовъ, подъ знаменемъ фанатическаго панскаго угодника, Фердинанда II.

Кличъ Сагайдачнаго былъ услышанъ не скоро, тѣмъ болѣе, что не онъ былъ избранъ гетманомъ. Это званіе козаки, а, можетъ быть, и паны, нашли полезнѣйшимъ предоставить какому-то Бородавкѣ. Сагайдачный кипѣлъ скрытою досадою на дерзновеннаго козака, осмѣливагося взять гетманскую булаву при его жизни. Онъ углубился съ своею дружиною въ поднѣпровскія пустыни, перегороженныя уже татарскими кочевьями, предвѣстниками турецкаго нашествія. Созывая козаковъ посредствомъ гонцовъ и универсаловъ, онъ въ то же время бился съ Татарами и, раненный въ руку, прибылъ къ становищу

короннаго войска на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Хотина. Когда наконецъ собралось къ нему войско, носившее противозаконно названіе Запорожскаго, но теперь признанное таковымъ, не смотря на свою многочисленность, Сагайдачный отсѣлъ Бородавкѣ голову по приговору войскаго круга.

Этотъ человѣкъ умѣлъ править воинственными номадами. Онъ зналъ, что „вольный козакъ“ подчиняется только деспотической, повергающей на землю силѣ. Ни подъ чьимъ предводительствомъ казаки наши не дѣйствовали такъ единодушно, какъ подъ бунчукомъ этого свирѣпо-геніальнаго наѣздника. И на Черномъ морѣ, и въ Московщинѣ совершали они съ нимъ чудеса боеваго мужества. Подъ Хотиномъ новые Торки и Берендей подвизались не хуже. По признанію шляхетныхъ представителей Польши, здѣсь эти „хлопы“ были розовымъ вѣнкомъ на головахъ побѣдителей Османа. Правда, Турки шли неохотно на войну, будучи испорчены подкупкою администраціей серала. Роскошная громоздкость Османова лагеря затрудняла движенія турецкой арміи. Суровость нашего климата въ осеннее ненастье парализовала азіятскихъ воиновъ, а неудержимое никакими строгостями дезертирство новобранцевъ ослабляло мужество ветерановъ. Но еслибы казаки не были соединены въ одно цѣлое подъ желѣзною рукою своего вождя, не вернулся бы новый Ксерксъ отъ береговъ Днѣстра съ позоромъ, и угрозы, съ которыми онъ выступилъ въ походъ, не оставались бы праздными словами.

Польша освободилась отъ опасности, какая когда-либо ей угрожала. Неудачный походъ Османа произвелъ въ Стамбулѣ бунтъ. Османъ погибъ насильственною смертью, и на мѣсто его воцарился султанъ, одинаково неспособный ни къ военнымъ, ни къ мирнымъ распоряженіямъ. Правленіе перешло въ руки женщинъ и евнуховъ, а бунты и междоусобія областныхъ начальниковъ довершали внутреннее разстройство государства. Но приниженная Османомъ II слава турецкаго оружія требовала восстановленія. Патріоты домогались отъ своего безглаваго правительства продолженія войны съ Лехистаномъ. Заключить съ Турціей миръ оказалось для Польши дѣломъ чрезвычайной трудности. Великій посолъ Рѣчи Посполитой, князь Христофоръ Збаражскій, жилъ весьма долго въ Царьградѣ, то подкупая членовъ дивана, то дѣйствуя на него чрезъ посредство другихъ евронеискихъ пословъ. Его старанія оставались безуспѣшными, и всего больше вредили дѣлу морскіе набѣги днѣпровской вольницы.

Вернувшись изъ похода къ Хотину, Сагайдачный прожилъ всего мѣсяцевъ шесть, и умеръ отъ ранъ въ началѣ 1622 года. По проло-

женной его удачными набѣгами дорогѣ козаки ходили на море большими и малыми флотиліями, можно сказать, безпрестанно. Для Турецкой Имперіи настало время великаго упадка. Добычники это чуали и, повидимому, были готовы докончить колеблющееся государство. Папскіе нунціи, въ видахъ торжества католичества на Востокаѣ, совѣтовали Польшѣ не препятствовать ни козакамъ, ни другимъ смѣлымъ людямъ вторгаться въ турецкія владѣнія и основывать въ нихъ отдѣльныя царства.

Но слабость пошатнувшейся Турціи все еще была для Польши силою грозною. Одни Буджацкіе Татары, кочевавшіе въ окрестностяхъ Килів, Бѣлгорода, Тегини, причиняли ей своими набѣгами столько же горя и тревоги, сколько терпѣла Турція отъ козакковъ. Надобно было, во что бы то ни стало, заключить съ Турками миръ. Збаражскій употребилъ всѣ усилія для достиженія этой цѣли, и наконецъ миръ былъ заключенъ въ 1623 году.

Всѣ предыдущіе и послѣдующіе переговоры Польши съ Турціей вертѣлись на Козакахъ и Татарахъ. Всѣ польско-турецкія войны были ссорами за козацкія съ одной и татарскія съ другой стороны вторженія. Оба сосѣднія государства, поражая другъ друга, выѣзжали на пограничныхъ ордахъ, съ этой стороны христіанскихъ, съ той — магометанскихъ; оба терпѣли ихъ изъ горькой необходимости, и оба рады были бы отдѣлаться отъ нихъ навѣки. Но что оказалось въ послѣдствіи возможнымъ для Россіи, было не по силамъ ни Польшѣ, ни Турціи.

Въ польскорусской республикѣ вопросъ козачества соединился теперь съ вопросомъ церкви самымъ зловѣщимъ для пановъ образомъ, а между тѣмъ козачество приняло новый, весьма опасный характеръ.

До Хотинской войны, какъ это видно изъ актовъ Ольшанской и Раставицкой комиссій, козацующая шляхта допускала въ свое товарищество только *ремесленниковъ* да *торговцевъ*. Но когда этимъ королевскимъ и панскимъ подданнымъ велѣли выписаться изъ козаковъ, а потомъ снова позвали на войну, „выписанные запорожскіе козаки“ увеличили число свое цѣлыми десятками тысячъ „бѣглецовъ отъ *пуга*“, дабы тѣмъ прочнѣе вкорениться подъ войсковымъ присудомъ своимъ тамъ, гдѣ отъ нихъ требовали вѣрнопостной зависимости.

Подобно тому, какъ по козацкому вопросу королевское правительство сдѣлало уступку, обнаружившую слабость преобладающей власти, оно сдѣлало такую же уступку и по вопросу церковному. При жизни архіереевъ, занимавшихъ мѣста свои законно, оно дозволило противозаконно умножившемуся войску, или старшинѣ этого войска, поставить

на тѣ самыя мѣста твердыхъ въ предковской вѣрѣ и въ русской старинѣ людей, называемыхъ схизматиками, то-есть раскольниковыми.

Козацкіе предводители сблизились такимъ образомъ съ верховниками анти-уніатской церкви, и въ свои петиціи на сеймъ, сверхъ трехъ головоломныхъ пунктовъ (о дозволеніи козакамъ пребывать самосудно въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, гостевать на Черномъ морѣ и увеличить число Запорожскаго Войска), стали вписывать еще просьбы о томъ, чтобы король низложилъ ставленниковъ римскаго папы и утвердилъ ставленниковъ патриаршихъ.

Еслибы въ Избѣ сеймовыхъ пословъ отъ земства и въ Избѣ сенаторской хлопотали о томъ же и польсворусскіе землевладѣльцы православнаго исповѣданія, это было бы весьма прискорбное для королевской партіи явленіе; но оно не разыгралось бы такими ужасами въ будущемъ, какъ разномысліе съ козаками Древинскихъ, Киселей и всѣхъ тѣхъ ораторовъ, которые вопіяли на сеймахъ о претерпѣваемыхъ православными гоненіяхъ, но ни разу не заикнулись о томъ, чего домогались козаки со словъ Іова Борецкаго и Христофора II Радивиля.

Законность церковной уніи была признана, если не одобреніемъ, то молчаніемъ православнаго дворянства польскаго, и тѣмъ же молчаніемъ признавалась противозаконность новыхъ православныхъ архіереевъ. Между тѣмъ православные паны являлись весьма часто земскими послами на сеймѣ, имъ принадлежало veto римскихъ трибуновъ и, произнеся его, каждый изъ нихъ могъ бы уничтожить всѣ текуція постановленія шляхетскаго государственнаго собранія. Но ниодинъ сеймъ не былъ что называется сорванъ изъ-за того, что отступившіе отъ православія владыки признали главенство римскаго папы. Такъ тѣсно православные паны были связаны другими, болѣе важными для нихъ интересами съ панами католическими.

Эта тѣсная связь давала въ руки козакамъ весьма опасное оружіе, хотя силу его козаки поняли только въ послѣдствіи, — именно: что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у нихъ однозначными.

Покамѣсть, козачество находилось еще въ томъ періодѣ своего развитія, который соотвѣтствуетъ беззаботному дѣтству и отрочеству. Козаковъ занималъ, покамѣсть, одинъ широкій произволъ ссориться и мириться съ кѣмъ угодно и какъ угодно. Они вмѣшивались въ уличныя драки, не какъ представители цѣлой корпораціи, а какъ пріятели однихъ и враги другихъ личностей. Такимъ образомъ, въ 1618 году, былъ ими утопленъ въ проруби подъ Выдубицкимъ монастыремъ намѣстникъ, то-есть экономя уніатскаго митрополита Іосифа Велямина

Рутскаго, Антоній Грековичъ, нѣбогда членъ виленскаго церковнаго братства. Такимъ образомъ были ими избиты и ограблены въ Богусловѣ Жиды, проливавшіе, по ихъ словамъ, христіанскую кровь. Такимъ образомъ, на походѣ къ Хотину, ограбили они богатаго Жида въ Бѣлой Церкви, будто бы за то, что у него въ подвалѣ нашли образъ Христа Спасителя, прибитый къ полу гвоздями. Такимъ образомъ занимались они въ граничники къ одному пану противъ другаго, и помогали имъ во взаимныхъ наѣздахъ, не обращая вниманія на то, который изъ нихъ былъ католикъ и который—православникъ, или же дрались въ панскихъ ссорахъ изъ-за собаки, причемъ, въ видѣ панскаго имущества, грабили и православные храмы.

Самымъ выразительнымъ доказательствомъ ихъ невниманія къ дѣлу вѣры и церкви могутъ служить уніятскіе подвиги полотскаго архіепископа Юсафата Кунцевича, возбудившіе уже въ 1618 году громкіе протесты православныхъ сеймовыхъ ораторовъ и повсемѣстные вопли малорусскаго духовенства. Козаки, въ лицѣ атамана Одицца и его 15-ти товарищей, не считали этихъ подвиговъ посягательствомъ на свою вѣру до конца жизни Кунцевича (1623), и не сдѣлали ему ни одной укоризны. Между тѣмъ исторія знаетъ, что печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, еще въ 1594 году ходилъ съ наемными козаками въ Новогрудскій повѣтъ, и отвоевалъ у каштеляна Полубенскаго нѣсколько захваченныхъ имъ у Кіевопечерской лавры деревень; а о козакахъ Сагайдачнаго пишетъ участникъ Хотинской войны, Яковъ Собѣскій, что они вооруженными толпами бродили для грабежа по всей Бѣлоруссіи. Кстати вспомнить и секретное донесеніе королевскаго агента Оборницкаго, подкупавшаго козаковъ для войны противъ Османа II: что они, во время похода къ Днѣстру, столько надѣлали разореній въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, что едва ли Турки и Татары сдѣлали бы больше.

Вопреки заявленію козацкаго историка *), будто бы, по отпаденіи пановъ отъ малорусскихъ народныхъ интересовъ, козаки взяли знамя вѣры и были единственными борцами за православную церковь и русскую народность, товарищи Іова Борецкаго, спасенные Сагайдачнымъ отъ королевскихъ мандатовъ, не смѣли иначе появляться въ своихъ епархіяхъ, какъ тайкомъ—то въ средѣ церковнаго братства, то въ какомъ-нибудь монашескомъ общежитіи. Новый кіевскій митрополитъ возлагалъ надежды всего больше на ученаго Мелетія Смотриц-

*) Востомарова.

каго, титулярнаго архіепископа полоцкаго, въ виду мало образованнаго, хоть и краснорѣчиваго Кунцевича. Смотрицкій воспитывался за-границею по протекціи князя Василя, у котораго отецъ его служилъ дворяниномъ. Покровительствуемое протестантами Радивилами братство Св. Духа хлопотало у патриарха Теофана объ его посвященіи, и дало ему пристанище въ своемъ монастырѣ. Отсюда разсылалъ онъ монаховъ и священниковъ для поддержанія въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ городовъ приверженности къ древней греческой вѣрѣ, которой противопоставлялась унія, какъ „вѣра новая“, иначе „вѣра римская“. Неприязнь всѣхъ сносила бремя новой вѣры жители города Витебска, въ которомъ Кунцевичъ имѣлъ свою резиденцію. Они были стѣснены до такой степени, что совершали богослуженіе только въ шалашѣ, построенномъ внѣ города, за рѣкой Двиной. Въ положеніи Витебска находились и другіе бѣлорусскіе города, но случаю было угодно вызвать въ немъ, помимо козаковъ, катастрофу, незабвенную ни для восточной, ни для западной церкви.

Утромъ 12 ноября 1623 года, въ воскресенье, православный священникъ, поуніятски раскольникъ, переправлялся тайкомъ изъ города на противоположный берегъ Двины для богослуженія въ „зарѣчной будкѣ“, какъ называли уніаты молельню православныхъ. Архидіаконъ Кунцевича схватилъ его, какъ злодѣя, избилъ до полусмерти и заперъ въ архіепископской кухнѣ. Эта инквизиціонная сцена взволновала весь городъ, присмирѣвшій, какъ и другіе города, передъ закономъ о церковной уніи, который примѣнялся въ православнымъ мѣстностямъ съ казуистическою послѣдовательностью. Загудѣлъ древній вѣчевой колоколъ. Кунцевича вытащили изъ архіерейской палаты, убили тутъ же топорами и бросили въ рѣку.

Кровавое событіе навело ужасъ на королевскую партію. Вообразили, что началась религиозная война, какъ въ Нѣмецкой Имперіи. Имя Наливайка, зловѣщее въ устахъ папистовъ имя, воскресло въ фантастическихъ потемкахъ, какъ вампирь, которому суждено было пить благороднѣйшую кровь націи. Подозрѣвали, что Витебскъ состоитъ въ заговорѣ со всѣми малорусскими городами, что душой заговора были схизматики архіерея, Борецкій и Смотрицкій, а его тѣломъ — запорожское козачество.

Но прошелъ одинъ, прошелъ и другой мѣсяцъ. Волненіе въ обществѣ поповъ и монаховъ продолжалось по-прежнему, мѣстами больше прежняго, но мѣщанскія общины не предпринимали ничего враждебнаго въ качествѣ оскорбленныхъ религіантовъ. Подъ конецъ 1624 года правительство прислало въ Витебскъ военную комис-

сію. Она отсѣкла головы нѣсколькимъ десяткамъ витебскихъ мѣщанъ, конфисковала имущество, какъ тѣхъ, которые попали подъ королевскій мечъ, такъ и тѣхъ, которые успѣли бѣжать въ недоступную для уніятской дѣятельности возацкую Украину, но не открыла ни заговора между малорусскими городами, ни стачки витебскихъ мѣщанъ съ козаками.

Опасныя въ глазахъ трусливыхъ клерикаловъ, наши мѣщанскія муниципіи, въ настоящемъ случаѣ, оказались ничтожными. Они были деморализованы и старою іерархіею своею, и своими пришлыми членами, представлявшими грязный осадокъ заграничнаго протестантства. За весьма рѣдкими исключеніями, безъ которыхъ не могло бы существовать ниодно общество, это была нравственная гниль, выдѣлавшая изъ себя козачество и торгашество, взаимно другъ другу нужныя, но не способныя къ послѣдовательной дѣятельности въ столь важномъ вопросѣ, какъ защита вѣры и церкви. Раздѣленное на соперничавшіе между собою города и соперничавшіе въ самихъ городахъ цехи, малорусское мѣщанство могло только вскипать мѣстами по случаю какой-нибудь кровавой сцены, но для интриги и заговора противъ иновѣрнаго правительства стояло на слишкомъ низкомъ уровнѣ гражданственности. Невѣжливое, завистливое и жадное къ нечистой поживѣ, оно представляло довольно легкую добычу для своихъ соблазнительей и, вдаваясь, изъ меркантильныхъ интересовъ, въ уличныя драки съ иновѣрцами, торговало подъ рукой съ іезуитами запечатываніемъ православныхъ церквей. Образовавшись изъ смѣшенія протестантскихъ забродниковъ съ тѣми горожанами, которые были поставкою развратныхъ доуніятскихъ архіереевъ и вѣчно пьяныхъ поповъ, не могло наше мѣщанство почерпнуть отъ нихъ ни великодушной твердости, ни задушевной преданности національной вѣрѣ и церкви, а покровительство шаткаго въ своихъ убѣжденіяхъ дома князей Острожскихъ не сообщило кліентамъ этого дома ни единства дѣйствій, ни благородства поступковъ.

Какова была нравственная атмосфера этого прославленнаго нашими историками дома, показалъ на себѣ, въ числѣ прочихъ, и питомецъ его Мелетій Смотрицкій, ученѣйшій и талантливѣйшій человекъ своей среды. Онъ мужествовалъ до тѣхъ поръ, пока попутный вѣтеръ дулъ въ его парусъ. Но лишь только церковный горизонтъ затмился грозными тучами, онъ малодушно покинулъ безпомощную родину и бѣжалъ на греко-русскій Востокъ. Вернувшись оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ, заговорилъ онъ въ духѣ своихъ гонителей, продалъ православіе наслѣднику князей Острожскихъ, князю Заславскому, за Дерманскій

монастырь, и занялся въ немъ полемическими сочиненіями въ пользу папскаго главенства.

То было время общаго переполоха Малоруссовъ, которымъ Москва указала путь къ спасенію къ древней вѣрѣ, но которыхъ руководить и оборонять не была еще въ силахъ. Подобно тому, какъ сторонники уніятской проповѣди перетрусили отъ слуховъ про витебскій бунтъ, поборники церковнаго единенія съ Москвою, въ свою очередь, вообразили, что Сигизмундъ III послѣдуетъ примѣру своего пріятеля, Фердинанда II, и начнетъ у себя въ Польшѣ такія гоненія, какимъ въ Нѣмецкой Имперіи подвергались Чехи.

Въ самомъ дѣлѣ королевская партія, застрашавъ бѣлорусскихъ мѣщанъ розысками и казною Витебцевъ, въ видахъ общественнаго спокойствія, то-есть покорности „римской вѣрѣ“, воспретила „греческую схизму“, и ввела унію не только въ самомъ Витебскѣ, но и въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ. Наконецъ королевскимъ декретомъ повелѣно было принять унію и всѣмъ вообще нешляхетнымъ жителямъ Бѣлоруссіи.

Слухи, какъ водится, предупреждали событія. Кіевская земля, въ которую до селѣ не было хода новозобрѣтенной папистами вѣрѣ, ожидала со дня на день подобнаго же декрета. Всѣ такія исторіи, какъ утопленіе уніята Грековича въ проруби и нападеніе на Жидовъ, сдѣлались предметомъ страха для прикосновенныхъ къ нимъ такъ или иначе людей. Вѣроятность религіознаго переворота была несомнѣнна, и мѣстичи „матери русскихъ городовъ“, не смотря на свои связи съ отважными запорожцами, показали, что они такіе же торгаши, какъ и бѣлорусцы. У нихъ рядомъ съ церковными братчиками, опиравшимися на мужественныхъ иноковъ, существовала партія, предпочитавшая милости иновѣрнаго короля внушеніямъ своего духовенства. Эта партія выступила теперь на сцену дѣйствія, подъ предводительствомъ кіевского войта, Ходыки. Оказался и въ средѣ самого духовенства искатель мірскихъ благъ паче царствія Божія, которое проповѣдывалъ,—священникъ церкви Св. Василя, Иванъ Юзефовичъ. Предупреждая королевскій декретъ, эти достойные люди объявили митрополита Юва Борецкаго бунтовщикомъ, позорили его всякими словами, и принялись запечатывать приходскія церкви.

Подъ влияніемъ общаго негодованія православниковъ, были призваны къ-то готовые ко всякимъ услугамъ запорожцы. Они распечатали церкви, схватили Ходыку съ его соумышленниками, а предателю Юзефовичу отсѣкли голову. Молва приписывала призваніе козаковъ самому Борецкому, но въ этомъ не заподозрило его ни слѣдствіе,

произведенное мѣстными властями, ни военносудная коммиссія, поваравшая козаковъ черезъ годъ за ихъ грабежи и разбой.

Характеръ дѣятельности Іова Борецкаго былъ совсѣмъ иной. Это былъ ревностный и вмѣстѣ кроткій пастырь церкви. Будучи еще приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ, онъ прославился рѣдкимъ въ тотъ вѣкъ милосердіемъ къ сиротамъ и вдовицамъ, безкорыстными трудами на пользу просвѣщенія и евангельскою щедростью къ убогимъ; а когда изъ игуменовъ Михайловскаго монастыря, по общему желанію жителей Кіева, былъ возведенъ въ санъ митрополита, первымъ его дѣломъ было—созвать соборъ для начертанія программы дѣйствій въ духѣ всепобѣждающаго христіанскаго терпѣнія. Въ этомъ достопамятномъ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Совѣтованія о Благочестіи“, возстановленная православная іерархія, между прочимъ, постановила:

отвергнуть сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя, да будетъ по апостолу: „вы есте чисти“, и да не будетъ: „но не вси“;

хвала вѣру и обряды восточной церкви, порицать и обличать всякіе другіе, но дѣлать это духовно, разсудительно, согласно съ писаніемъ и безъ злорѣчія;

терпѣливо и покорно сносить всѣ обиды, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей, не мстя за себя ни словами, ни проклятіями, ни иными какими-либо средствами;

возбуждать и готовить къ святому мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и сердца народа, дабы каждый радостно переносилъ расхищеніе и грабежъ своего имущества, и терпѣлъ отъ властей притѣсненія пѣнями, узничество, наконецъ, охотно шелъ бы и на смерть зная, что вѣра наша основана кровью, что кровью охраняла она себя отъ всѣхъ ересей, и что тѣ пункты вѣры и тѣ догматы, для соблюденія которыхъ мы не хотимъ соединяться съ римскою церковью, облиты кровью;

хотя бы на православныхъ низвергались отнынѣ стрѣлы, мечи, огонь и воды, но епископы должны одинъ другому преемствовать, и чины церковныя не должны прекращаться;

призвать изъ Святой Аѳонской Горы и привести преподобныхъ мужей Россовъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріяна и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, вмѣстѣ съ прочими тамъ обрѣтающимися (Россами), житіемъ и богословіемъ цвѣтущими.

Несомнѣнно (сказано въ заключеніе „Совѣтованія о Благочестіи“), что только такими поступками и способами мы привлечемъ къ себѣ и убѣдимъ, какъ городской и сельскій народъ, такъ и дворянство. Тогда

исчезнуть и выдумки, которыя противъ насъ изображаютъ, тогда и тираннія должна прекратиться, и унія уничтожиться.

Стоя на такой высотѣ христіанскаго пастырства, слагатели соборнаго акта могли только удерживать козаковъ отъ уличной расправы, а не прибѣгать къ подобной защитѣ „древняго русскаго благочестія“. Тѣмъ не менѣе, однакожь, утопленіе одного уніата въ проруби, убійство другаго среди Витебска и незаконная казнь третьяго въ Кіевѣ бросали на православную церковь нѣкоторую тѣнь. Если подозрительность папистовъ соединяла дѣло Наливайка съ дѣломъ православія, назвавъ православіе Наливайковой сектою, то теперь участіе Борецкаго въ козацкихъ походахъ не подлежало, въ устахъ молвы, никакому сомнѣнію, и сама паства его охотно тому вѣрила. Чего боялся Борецкій во время своего совѣтованія о благочестіи, то и случилось. О православныхъ руководителяхъ народа нельзя было теперь сказать: „вы есте чисти“, безъ прибавки: „но не вси“. Безъ умысла очутились они какъ бы въ кровавомъ союзѣ съ руководителями запорожскаго козачества. Ихъ дѣло сдѣлалось теперь какъ бы общимъ; ихъ отношенія къ правительству—какъ бы одинаковыми.

Правительство и безъ того уже досадовало на козацкія петціи въ пользу противозаконной іерархіи. Теперь оно стало придумывать средства, какимъ бы способомъ разлучить военную корпорацію съ церковною. Между тѣмъ страхъ отвѣтственности за козацкое самоуправство привелъ православныхъ архіереевъ къ поступку, который могъ остаться безнаказаннымъ только въ странѣ, державшейся, какъ говорилось, неурядицею.

Изъ Цсарской Земли прибылъ въ Кіевъ нѣкто Александръ Оттоманусъ, иначе султанъ Ахія или турецкій царевичъ, крещенный въ православную вѣру и называвшій себя законнымъ наследникомъ турецкаго престола. Этого самозванца поддерживали, съ одной стороны, католическіе паны, прикосновенные къ козакамъ Лисовскаго, служившимъ тогда Фердинанду II, а съ другой — православные шляхтичи, связанные добычнымъ промысломъ съ „козаками Сагайдачнаго“, какъ назывались Запорожцы и по смерти знаменитаго своего предводителя. Съ помощію послѣднихъ, Александръ Оттоманусъ проникнулъ къ Іову Борецкому, вкрался къ нему въ довѣріе и склонилъ его сперва благословить запорожскихъ атамановъ на завоспаніе Царьграда, а потомъ—ходатайствовать у московскаго царя о пособіи ему (Ахіи) деньгами и людьми для войны съ турецкимъ султаномъ.

Слухъ о готовности козаковъ вести самозванца въ Турцію, какъ это они дѣлали съ Москвою и Молдавіей, встревожилъ королевское

правительство. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій вернулся уже изъ турецкаго плѣна. Онъ одинъ былъ способенъ положить конецъ козацкому своевольству. Онъ успѣлъ уже разбить на голову Буджацкихъ Татаръ, которые вторгнулись въ польскіе предѣлы подъ султанскимъ знаменемъ, въ отмщеніе за новыя морскіе набѣги козаковъ. Теперь ему предстояло расправиться съ неугомонными пиратами и нарушителями общественнаго спокойствія.

Въ началѣ 1625 года козаки получили отъ него строгій универсалъ. Именемъ короля и Республики, Конецпольскій требовалъ, чтобы Запорожское войско переписалось въ шесть тысячъ реестровиковъ, какъ это было имъ дозволено за ихъ услуги, а всю заштатную массу распустили бы и ничего общаго съ нею не имѣли. Если же этого не сдѣлаютъ, то онъ придетъ къ нимъ съ военною комиссіею для разбора, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права на козацкія вольности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для кары виновныхъ за все, что они сдѣлали со смерти Сагайдачнаго.

Въ какихъ бы видахъ ни дѣйствовала Борецкій, благословляя козаковъ на завоеваніе Царьграда въ пользу крещеннаго султанича и сносясь объ этомъ съ московскимъ царемъ, но онъ испугался послѣдствій своего вмѣшательства въ козацкія дѣла.

Козаки, съ своей стороны, видѣли, что играть роль независимой республики въ республикѣ панской имъ больше нельзя, и что придется наконецъ свести счеты съ землевладѣльцами. Конецпольскаго знали они, какъ искуснаго полководца, который изучалъ за-границею изобрѣтенныя Нѣмцами боевыя хитрости, и соединялъ съ ними умѣнье вести степную татарскую войну, какъ и покойный Жовковскій. Задорные въ уличныхъ дракахъ и въ наѣздахъ на панскія маетности, отважные и равнодушные къ смерти въ морскихъ набѣгахъ, они боялись Конецпольскаго не меньше, какъ и монахи, которые не знали еще его религіозной терпимости, его независимости отъ іезуитскихъ котерій, его умѣренности въ дѣлахъ войны и политики, и составляли свои сужденія о немъ по угрозамъ своихъ соперниковъ, уніатовъ.

Общимъ совѣтомъ было положено снарядить къ московскому царю посольство, съ луцкимъ епископомъ Исаіемъ Борисковичемъ во главѣ, и просить царя, чтобъ онъ принялъ Малороссію со всѣми Божіими церквами подъ свою высокую руку, а козаки-де готовы ему въ томъ помогать. Если же того сдѣлать нельзя, то далъ бы въ своей землѣ убѣжище всему днѣпровскому козачеству, а вмѣстѣ съ нимъ и православнымъ аріереямъ, такъ какъ ставленникамъ іерусалимскаго па-

тріарха Теофана угрожаетъ „великое гоненіе отъ Поляковъ“, а „козакамъ кромѣ царскаго величества негдѣ дѣться“.

Въ Москвѣ было не ново слышать заявленіе о готовности Малоруссовъ поддаться Восточному Царю, какъ называли Михаила Теодоровича. Объ этомъ хлопотали монахи издавна, и не дальше какъ въ 1622 году, одинъ изъ новыхъ архіереевъ, Исаія Копинскій, согласилъ многихъ козаковъ и другихъ жителей лѣваго берега Днѣпра, „въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ“, переселиться въ Московское Царство, о чемъ была послана имъ и челобитная въ Москву. Но гостепріимная и щедрая по-своему Москва на подобныя просьбы отвѣчала благоразумнымъ молчаніемъ. Ходатайство Борецкаго объ Ахіи отбыла она небольшимъ подаркомъ и пожеланіемъ Оттоманусу всѣхъ благъ въ его намѣреніи возстановитъ православное царство на мѣстѣ Турціи, а предложеніе присоединиться къ Россіи со всѣми Божиими церквями отклонила замѣчаніемъ, что эта мысль еще въ самихъ Малоруссахъ не утвердилась. „Но если вамъ и впредь отъ Поляковъ будетъ утѣсненіе въ вѣрѣ, а у васъ будетъ противъ ихъ соединеніе и укрѣпленіе, говорили собиратели Русской Земли, вы объ этомъ снова увѣдомьте великаго государя и святѣйшаго патріарха; тогда его царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленіи видѣть“.

Незрѣлъ еще былъ плодъ великой мысли Іоанна III, возобновленный Филаретомъ Романовымъ, да и сама Москва не встала еще изъ разоренья, въ которое повергли было ее омороченные иновѣрцами Русичи. Не могъ еще озабоченный широкимъ хозяйствомъ своимъ домъ Романовыхъ взяться за продолженіе дѣла Рюриквичей. Рано еще было московскому царю объявить себя собственникомъ, отчичемъ и дѣдичемъ Русской Земли, захваченной Литвою и Ляхвою. Не пришло еще для него время явиться, подобно вѣятелю на гумнѣ, между смѣшанныхъ элементовъ Рѣчи Посполитой и отвѣять польскій элементъ отъ русскаго на древнемъ нашемъ займищѣ. Онъ далъ только понять своимъ просителямъ, что *будетъ* мыслить о томъ, какъ освободить малорусское православіе отъ латинскихъ и нѣмецкихъ еретиковъ, которые, вооружаясь одни на другихъ за обладаніе Русской Землею, въ то же самое время вооружали Русскую Землю на самое себя.

Между тѣмъ Конецпольскій употреблялъ всѣ старанія, чтобы козацкихъ интересовъ не смѣшивать съ интересами прочихъ классовъ.

Малорусское духовенство, тѣснимое уніятами, не только грозило имъ козаками, не только укрывалось отъ судебныхъ преслѣдованій

Кунцевичей въ странѣ, переполненной козацкими жилищами, но иногда, подъ гнетомъ безпомощности, бросая попичество, и само вступало въ козаки. Поэтому въ козацкихъ бунтахъ, демонстраціяхъ и притязаніяхъ нерѣдко слышался еривкальный голосъ. Оно, разумѣется, въ лицѣ худшихъ представителей своихъ, подучивало козаковъ на кровавую расправу съ отступниками православія. Оно внушало козакамъ (а козаки, въ свою очередь, внушали запуганнымъ православникамъ), что король со всѣми своими панами о томъ только и думаетъ, чтобъ уничтожить православныя церкви. Оно (также сообщая съ козацкими бунтовщиками) пускало въ ходъ нелѣпный, но въ тѣ тревожныя времена казавшійся вѣроятнымъ слухомъ, что правительство намѣрено выгубить весь Русскій народъ въ Украинѣ и заселить ее Полявами да Нѣмцами.

И поборники православной самобытности, и поборники соединенія двухъ церквей подъ папскимъ главенствомъ были раздражены взаимными обидами до крайности. Самъ князь Збаражскій, которому такъ трудно было исполнить роль великаго посла въ Царьградѣ, заподозривалъ наше духовенство (не указывая лицъ) въ подучиваніи козаковъ на самоуправство и называлъ его *genus scelestae hominum* *). Не могъ имѣть о немъ лучшаго понятія и Конецпольскій, какъ человѣкъ, воспитанный въ образованномъ обществѣ и возвышенный своимъ положеніемъ надъ поповскими дразгами. Да и въ самомъ дѣлѣ странно было бы предполагать въ большинствѣ нашихъ поповъ и монаховъ такія чистыя мысли о призваніи православнаго духовенства, какія выражены его верховниками въ „Совѣтованіи о Благочестіи“. Но политика велѣла Конецпольскому и предводительствуемой имъ комиссіи игнорировать прикосновенность духовныхъ лицъ къ самоуправству добычниковъ.

Конецпольскій обращался къ козакамъ, какъ римскій полководецъ къ мятежному легиону, строго внушая имъ, чтобъ они не мѣшались въ дѣла, не относящіяся къ войску, и во все время своего гетманства не привлекъ ни одного попа и монаха къ суду по подозрѣнію въ стачкахъ съ бунтовщиками. Точно такъ поступалъ онъ и съ мѣщанами, которые больше всякаго другаго сословія пользовались козацкою добычею въ качествѣ шинкарей и торговцевъ, между тѣмъ какъ ихъ молодежь, бѣгая отъ отцовъ и мастеровъ въ запорожскую вольницу, заставляла даже правительство называть козаковъ, панами *молдцями*.

*) Проклятый родъ людей.

Козаки гнѣздились по всей Кіевщинѣ. Съ каждымъ монастыремъ, съ каждой городской общиной, съ каждымъ панскимъ дворомъ завязывались у нихъ полупріятельскія, полувраждебныя связи, смотря по ихъ услугамъ и по ихъ беспорядочной, цыганской жизни. Наступить на козаковъ значило—наступить на всю Кіевскую Украину. Потребовать козаковъ къ отвѣту предъ военносудною комиссію со всѣми прикосновенными къ ихъ преступленіямъ лицами значило — перетревожить всѣхъ осѣдлыхъ жителей. Конецпольскій зналъ, что этимъ онъ поднялъ бы на себя не только православныхъ людей, но и мѣстныхъ пановъ другихъ вѣроисповѣданій. Поэтому онъ выгородилъ изъ козакаго самоуправства всѣхъ шляхтичей, которые дѣлали козакамъ какія-либо *adminicula* *), нужды нѣтъ, что на эти *adminicula* указывали даже сеймовыя постановленія; выгородилъ всѣхъ мѣщанъ, которые подерживали козачество не изъ одного страха передъ его терроромъ, и все духовенство, о которомъ со временъ Наливайка не переставали носиться слухи, какъ о козацкихъ наушникахъ.

Разосланные короннымъ гетманомъ универсалы такъ успокоили всѣхъ козацкихъ сообщниковъ, что козаки оставили украинскіе города, какъ иноплеменики, какъ случайные завоеватели, какъ безнаказанные притѣснители, а мирные жители всѣхъ вѣроисповѣданій спѣшили заявить свою покорность правительству, умывая руки отъ какой-либо солидарности съ Запорожскимъ войскомъ. Наконецъ и самый крайній изъ такъ называемыхъ козацкихъ городовъ, Крыловъ, былъ оставленъ людьми, которые не хотѣли подчиниться мѣстнымъ властямъ и, въ качествѣ подсудимыхъ только Запорожскому Войску, хозяйничали въ Украинѣ по мѣрѣ господствовавшей здѣсь неурядицы.

Навстрѣчу козацкимъ отрядамъ, подвигавшимся внизъ Днѣпра по правой сторонѣ его, вышелъ изъ Запорожья козацкій гетманъ Жмайло, съ такъ называемою арматою, подъ которою разумѣлся подвижной капитулъ запорожскаго рыцарства вмѣстѣ съ артиллерією.

Жмайло былъ диктаторъ, избранный голотою для устрашенія сравнительно зажиточныхъ и осѣдлыхъ козаковъ. До сихъ поръ козаки уклонялись отъ отвѣта передъ военносудною комиссією Конецпольскаго, ссылаясь на отсутствіе своего запорожскаго гетмана. Безъ него-де не смѣли они ни покориться коронному гетману, ни защищать оружіемъ козацкія вольности. Теперь собралось ихъ до сорока тысячъ въ виду королевскихъ комиссаровъ, сопровождаемыхъ тридцатитысячнымъ войскомъ.

---

*) вспомоцествованія.

Соперники шляхетской республики рѣшились помѣриться съ нею силою. Таково было ихъ оправданіе передъ королемъ и Рѣчью Посполитою. Но первый день битвы, которая со стороны Конецпольскаго была только рекогносцировкой, заставилъ козаковъ отступить. Выкравшись изъ-подъ наблюдательныхъ пунктовъ короннаго и пансаго войска, козаки Жмайла, съ необыкновеннымъ искусствомъ бѣгства, углубились въ лѣсную и болотистую трущобу, называемую Медвѣжьими Лозами. Позади себя оставили они нѣсколько трудныхъ переправъ черезъ двѣйровскіе „затоны“, и прикрыли ихъ сильными отрядами конницы. Конецпольскій овладевалъ одной переправой за другою съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ козаки ихъ защищали, и достигнулъ козацкій таборъ у Курукова озера, откуда Жмайлу некуда было двинуться далѣе. Произошелъ ожесточенный бой, въ которомъ Конецпольскій лично ходилъ въ атаку, и едва не погибъ въ устроенной ему засадѣ. Козаки дрались отчаянно; но перевѣсъ военнаго искусства съ противной стороны былъ слишкомъ великъ. Въ распоряженіи Конецпольскаго находились иноземные артиллеристы. Они устроили въ разныхъ пунктахъ нидерландскіе шанцы, и мѣткими выстрѣлами наносили козакамъ страшныя потери. Жмайло попросилъ пощады.

Пощада была дана козакамъ тотчасъ, но подъ условіемъ переписаться въ шесть тысячъ реестровиковъ и сжечь морскіе челны въ присутствіи коронныхъ чиновниковъ.

Здѣсь украинскіе землевладѣльцы, между которыми были и православыя, поставили козакамъ на видъ ихъ преступленія, которыхъ не могло бы терпѣть, говорили они, ниодно правительство. Козаковъ корили всего больше за морскіе походы, которыми они навлекали на государство опасную Турецкую войну, и въ особенности за морской набѣгъ во время пребыванія въ Царьградѣ великаго посла. Ихъ обвиняли въ томъ:

что они вели переговоры съ московскимъ царемъ, и помогали крымскому хану въ его бунтѣ противъ турецкаго султана;

что давали у себя пріютъ разнымъ самозванцамъ и другимъ вреднымъ для государства лицамъ;

что самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство признаетъ законно занимающими эти должности;

что бунтовали подданныхъ противъ сельскихъ хозяевъ и разоряли съ ними шляхетскія имѣнія;

что нападали на староства, а недавно напали на Кіевъ, убивали, грабили, брали въ неволю, оскорбили подвоеводія, налагали на города

поборы, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ званія шляхетскаго, духовныхъ и жидовъ замучили съ неслыханнымъ варварствомъ.

Козаки оправдывались, какъ ордынцы, чуждые гражданственныхъ понятій, съ примѣсю небывальщины, а въ церковномъ дѣлѣ сослались на „духовныхъ старшихъ“, которые-де имѣли о томъ переговоры съ коронными властями. При этомъ они повторяли ходячія въ то время фразы о великомъ утѣшеніи Божіихъ церквей во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ,—повторяли все то, что кievское духовенство, поддерживаемое магнатами-протестантами, вписывало въ ихъ сеймовыя петиціи, но подъ чѣмъ ниодинъ изъ православныхъ земскихъ пословъ и магнатовъ не смѣлъ и не захотѣлъ бы подписать свое имя.

Видя, что ихъ слушаютъ безъ гнѣва и нетерпѣнія, козаки Жмайла забыли, что подняли оружіе противъ государственнаго ополченія, и стали домогаться невозможнаго:

чтобы имъ дозволили жить въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ; судиться повсемѣстно собственнымъ козацкимъ судомъ;

оставить за собой забранныя въ королевскихъ городахъ пушки, и—

чтобы греческая вѣра не терпѣла никакихъ притѣсненій (а это значило: чтобы ставленники римскаго папы, утвержденные королемъ и сенатомъ, были низложены, а ихъ мѣста отданы ставленникамъ патріаршимъ, поддержаннымъ иноземнымъ правительствомъ чрезъ посредство Запорожскаго войска).

На всѣ козацкія просьбы королевскіе комиссары повторяли, что терпѣніе Рѣчи Посполитой возбуждаетъ удивленіе всего свѣта, и прибавили слѣдующія интересныя для исторіи днѣпровскаго козачества слова:

„Хотя большая часть васъ не принадлежитъ къ шляхетству, но свободой жизни и великими преимуществами вы были поставлены наравнѣ съ господствующимъ въ Республикѣ сословіемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ козаковъ до того щадили, какъ людей заслуженныхъ и для государства необходимыхъ, что самъ Конецпольскій медлил своимъ походомъ противъ нихъ. Онъ всё надѣялся, что козаки образумятся, вѣрнѣе связать, что лучшая часть Запорожскаго войска, имѣющая законное право на это имя, обрѣтетъ въ себѣ столько силы и рѣшимости, чтобы порвать связи съ кочевниками и присоединиться къ обществу культурному. Онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ крайнемъ нежеланіи наступать на нихъ, восхвалялъ ихъ боевое мужество, котораго былъ свидѣтелемъ въ войнахъ съ врагами отечества много

разъ; наконецъ, писалъ въ своихъ предупредительныхъ универсалахъ, что, „нося и самъ на боку саблю, умѣть цѣнить людей воинственныхъ“. Онъ доносилъ королю, что дѣйствовать противъ козаковъ по-непріятельски всего больше заставило его то обстоятельство, что козаки нѣсколько разъ посылали къ татарскому калгѣ (соправителю хана), Шагивъ-Гирею, просить помощи противъ короннаго войска.

Какъ, однакожъ, ни снисходительно отнеслись побѣдители къ мятежной вольницѣ, но не могли они подвергать себя новой войнѣ съ нею, новому риску, новымъ утратамъ. По заключенному въ Медвѣжьихъ Лозахъ, у Курукова озера договору, Запорожское войско должно было отнынѣ состоять всего изъ шести тысячъ человѣкъ, и во всемъ подчиняться распоряженіямъ короннаго гетмана. Спеціальное дѣло его должно было заключаться въ томъ, чтобы по старинѣ не допускать Татаръ къ переправамъ черезъ Днѣпръ ниже Пороговъ, чередуясь полками, которые по мѣсту разселенія козаковъ среди королевскихъ подданныхъ, назывались: Переяславскимъ, Черкасскимъ, Чигиринскимъ, Канавскимъ, Корсунскимъ, Бѣлоцерковскимъ. Выписанные же изъ реестра козаки обязывались вернуться къ мирнымъ занятіямъ и состоять подъ старостинскимъ присудомъ въ имѣніяхъ королевскихъ, или же подъ панскимъ. На мѣсто Жмайла козацкимъ „старшимъ“ былъ поставленъ Михайло Дорошенко, отличавшійся усердіемъ и храбростью въ Хотинскую войну. Дорошенку было вѣнено въ обязанность объѣхать мѣста козацкихъ поселеній, и вмѣстѣ съ подстаростіемъ каждаго изъ нихъ выбрать болѣе надежныхъ и заслуженныхъ людей для вписанія въ козацкій реестръ, что и было исполнено.

По сказанію московскихъ вѣстовщиковъ, козаки по городамъ слушали Дорошенка потому, что къ нему пристали „лучшіе люди козаки“. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, козацкая голота шумѣла въ кабакахъ по-прежнему, похвалялась уйти въ числѣ сорока тысячъ за Пороги, грозила отправить къ московскому царю носольство съ предложеніемъ—очищать на его имя города, и распространяла слухъ, будто у Конецпольскаго и у Поляковъ задумано, уменьшивъ козаковъ, ввести въ Кіевъ и во всѣхъ „литовскихъ“ городахъ „римскую вѣру“, то есть унію.

Обезпечивъ себя до поры до времени со стороны домашней орды, Конецпольскій получилъ возможность оборонить сѣверныя области Польши отъ Густава Адольфа, который въ это время напалъ съ новоустроенною имъ шведскою арміею на Лифляндію и Померанію. Но знаменитая борьба польскаго фельдмаршала съ лучшимъ полководцемъ

его времени отвлекла къ сѣверу боевыя силы, которыми Польша до сихъ поръ прикрывала себя отъ азіятскихъ хищниковъ.

Хотя Поляки и успокоили турецкое правительство увѣдомленіемъ, что казаки побиты и морскіе челны ихъ сожжены, но своевольная козацкая голота, поддерживаемая своими благопріятелями, не замедлила снарядить новыя чайки, и появилась на Черномъ морѣ, къ ужасу торговыхъ кораблей, кому бы они ни принадлежали. Это дало Туркамъ предлогъ, или, пожалуй, право развязать руки Татарамъ, которымъ обыкновенно запрещалось опустошать польско-русскія области, доколѣ король держалъ въ уздѣ козацкую орду. Война съ Густавомъ Адольфомъ тянулась до 1629 года, и во все это время юговосточныя окраины Польши были выставляемы на добычу народа, существовавшего набѣгами.

Отъ мѣстной шляхты требовалось не только крайнее напряженіе силъ, но и единодушіе въ самой системѣ отраженія хищниковъ. Эту задачу выполнила она блистательно. Въ исключительномъ своемъ положеніи она доказала, что козачество, подчиненное интересамъ общественнымъ, можетъ внушать историку такое же сочувствіе, какъ и все, чѣмъ обезпечивается цѣлость общества. Виѣсть съ тѣмъ она представляла еще одно свидѣтельство,—что козацкій героизмъ ведетъ свое начало не отъ тѣхъ личностей, которыя стяжали Запорожскому войску поблажливый титулъ пановъ-молодцовъ, а отъ тѣхъ, которые черпали боевое мужество въ защитѣ домашнихъ очаговъ и общественныхъ святилищъ. Здѣсь козаками, то-есть наѣздинками, выступавшими противъ наѣздиновъ, являлись не „выпорошки“ семейнаго и общественнаго быта, а крупныя и мелкія землевладѣльцы, въ сопровожденіи тѣхъ вооруженныхъ дружинъ, безъ которыхъ не могъ тогда существовать ни одинъ панскій и шляхетскій домъ, и подъ начальствомъ панскихъ „почтовъ“, которые заключали въ себѣ и опытныхъ наѣздиновъ, и опытныхъ вождей.

Изъ числа предводителей таковыхъ почтовъ, или дружинъ, выдавался тогда военными способностями „рукодажный слуга“ дома Замойскихъ и „регентаръ“ охранной силы его, Стефанъ Хмелецкій, носившій титулъ брацлавскаго хорунжаго. Занимая въ этомъ домѣ такое мѣсто, какое занималъ сперва Косинскій, а потомъ Наливайко въ домѣ Острожскихъ, онъ игралъ важную роль въ побѣдѣ Конецпольскаго надъ Татарами въ 1624-мъ и въ его походѣ на козаковъ Жмайла въ 1625 году. За свою сторожевую и охранную службу получалъ онъ отъ Гоми Замойскаго содержаніе, которое далеко превосходило жалованье, отпускаемое королемъ всей запорожской старшинѣ съ ея гетманомъ, или „старшимъ“, что показываетъ сравнительную благонадежность

панскихъ и запорожскихъ полководцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и запорожскій бытъ, основанный, какъ у Татаръ, на произвольной добычѣ.

Когда было рѣшено двинуть коронныя силы противъ Шведовъ, мѣстные землевладѣльцы, по соглашенію съ короннымъ гетманомъ, сдѣлали Хмелецкаго гетманскимъ намѣстникомъ по охраненію границъ отъ Буджацкихъ Татаръ, которыхъ вождь Кантемиръ, или Кровавый Мечъ, не могъ забыть пораженія, нанесеннаго ему Конецпольскимъ, и готовился къ новому вторженію въ Мехистанъ. Но въ 1626 году опасность грозила Хмелецкому разомъ и со стороны Буджаковъ, и со стороны Крыма.

Толпы запорожскихъ добычниковъ пограбили степные улусы Крымскихъ Татаръ. Крымцы рѣшились отомстить козакамъ, вѣрнѣе сказать — панамъ за козаковъ, и пришли „великою ордою“ подъ Бѣлую Церковь. Къ счастью, реестровики состояли въ дружескихъ сношеніяхъ съ Хмелецкимъ, подобно тому, какъ низовцы прежняго времени имѣли свои связи съ панскими дружинниками Косинскимъ и Наливайкомъ. Хмелецкій приспѣлъ къ нимъ въ-время на помощь, и поразилъ Крымцевъ такъ, какъ бивалъ ихъ во времена оны литовскій гетманъ, князь Острожскій.

Никто изъ предводителей пограничныхъ ополченій, ниже самъ Конецпольскій, не усвоилъ себѣ татарской тактики и стратегіи въ такой степени, какъ Стефанъ Хмелецкій. По отзывамъ современниковъ, онъ первый показалъ свѣту, что Орду можно не только настичь, но и принудить къ битвѣ въ открытомъ полѣ. Популярность Хмелецкаго, какъ охранителя границъ, возросла до баснословности, и дала ему средства соединить подъ своимъ предводительствомъ всѣ наличныя средства защиты польскорусской колонизаціи отъ азійскихъ чужездниковъ.

Напрасно Кантемиръ выжидалъ возможности обновить свою наѣздническую славу. Наконецъ ему показалось, что благопріятное для того время наступило. Въ 1629 году Конецпольскій былъ поглощенъ борьбой съ Густавомъ Адольфомъ больше, нежели когда-либо, а реестровые козаки, оставшіеся въ Украинѣ подъ старшинствомъ Михайла Дорошенка, снова поладили съ Крымцами, и собравъ толпу выписанной изъ реестра голоты, пошли въ Крымъ на помощь одному Гирею противъ другаго. Они явили себя тамъ героями, достойными лучшаго дѣла, но были разбиты Турками, принявшими участіе въ крымской усобицѣ, и голова падшаго въ битвѣ Дорошенка была взоткнута на стѣнахъ Кафы, разоренной, лѣтъ восемь тому назадъ, Са-

гайдачнымъ. Хмелецкій лишился въ дѣпровскихъ козакахъ важной поддержки; но и безъ нихъ отразилъ Кантемира такъ блистательно, что затмилъ славу самого Конецпольскаго.

Побѣда знаменитаго короаннаго гетмана подъ Кровавымъ Мечомъ въ 1624 году была прославляема въ современныхъ „новинахъ“, какъ въ Россіи—Мамаево побоище. Важность оказанной Хмелецкимъ польско-русскому краю услуги засвидѣтельствована современниками еще выразительнѣе. Исторія „шляхетскаго народа“ не представляетъ другаго подобнаго примѣра общественной награды за военные подвиги. Въ это время кievскій воевода Тома Замойскій занялъ постъ короннаго канцлера, и предложилъ въ сенатѣ сдѣлать его руководянаго слугу, Хмелецкаго, вмѣсто самого себя, кievскимъ воеводою. Предложеніе было необычайное; но паны рады, всегда дѣлившіеся на партіи въ вопросахъ о дигнитарствахъ, не воспротивились тому, чтобы „панскаго слугу“ посадить, яко воеводу, въ сенаторскія кресла.

То былъ самый разумный политическій шагъ. Одинъ Хмелецкій былъ способенъ воеводскій постъ въ Кіевскомъ краѣ сдѣлать устоемъ козакошляхетской взаимности. Козакъ по ремеслу, онъ былъ талантомъ война равенъ Сагайдачному, котораго превосходилъ мягкостью сердца и умственнымъ развитіемъ. Своею популярностью и своимъ умѣньемъ соединять въ одно предпріятіе дикіе элементы общества съ элементами культурными, онъ могъ бы совершить подвиги, превосходящіе все, чѣмъ былъ полезенъ Польшѣ геніальный наѣздникъ. Но гибельная судьба аристократической республики не дала шляхетскому народу видѣть результаты его истинно гражданственнаго отношенія къ талантамъ панскаго слуги и прославить отечество той *людскостью*, которою была пронивнута польская жизнь, пока не исказили ея клерикалы. Хмелецкій скопчался, не успѣвши вступить въ свою должность.

Съ его смертью польскій горизонтъ затмился снова тучею, которая была разогнана Конецпольскимъ у Курукова Озера. Блестящія дѣйствія короннаго гетмана противъ Шведовъ заставили Густава Адольфа просить у Польши мира; но Шведскій походъ повлекъ за собой новый походъ противъ козаковъ.

Это великое для Польши несчастье произошло, главнымъ образомъ, изъ того источника, изъ котораго вытекли самыя гибельныя политическія и общественныя бѣдствія польско-русской республики.

При неограниченной почти свободѣ каждой шляхетской личности, государственные доходы въ Польшѣ собирались безпорядочно, а контролировались еще безпорядочнѣе. Королевская казна никогда не имѣла средствъ, которыя были бы достаточны для веденія съ кѣмъ

бы то ни было войны, а правительственные лица всячески противодѣйствовали королю въ учрежденіи постоянного войска. Они заставляли короля дѣлить между собой государственныя имущества въ видѣ староствъ и вѣчистыхъ пожалованій, съ обязательствомъ помогать государству, какъ деньгами, такъ и людьми,—съ обязательствомъ, которое было гарантировано только общественнымъ мнѣніемъ. Деньги собирались въ казну съ королевскихъ и панскихъ имѣній не иначе, какъ по приговору земскихъ пословъ. Тѣмъ же приговоромъ опредѣлялось и количество такъ называемаго *платнаго* или *грошеваго* войска. Въ поддержку набираемой въ короткое время арміи, землевладѣльцы снаряжали на собственный счетъ военныхъ людей, подъ именемъ панскихъ почтовъ, надворныхъ козаковъ, драгунъ, рейтаръ, которыми паны нерѣдко предводительствовали лично, въ качествѣ вольныхъ гетмановъ. Эти дружины вербовались изъ безземельной шляхты, которая, по ремеслу своему, составляла въ польскорусскомъ обществѣ самое древнее, исконное козачество, но большею частью—изъ настоящихъ козаковъ, именно тѣхъ, которые находили болѣе для себя выгоднымъ служить въ надворномъ панскомъ войскѣ, нежели въ такъ называемомъ Запорожскомъ. Подобно тому, какъ члены шляхетскаго общества, обдѣлывъ, или провинясь передъ королемъ и республикой, вступали въ козацкое товарищество, члены этого товарищества, будучи выписаны изъ козацкаго реестра, искали службы панской. Такимъ образомъ число козакующаго народа никогда не уменьшалось въ Польшѣ, напротивъ, постоянно увеличивалось, грозя подавить классы экономическіе, какъ это наконецъ и случилось.

Побѣжденные въ Медвѣжьихъ Лозахъ козаки показывали число своего боеваго и добычнаго класса въ 50.000 человекъ. Варшава полагала, что козаковъ на Украинѣ и на Запорожьѣ не меньше 60.000. Но это число далеко не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые кормились въ Польскомъ государствѣ мечомъ и грабежомъ подъ именемъ реестровыхъ и выписанныхъ козаковъ, или подъ именемъ послушныхъ и непослушныхъ мѣщанъ, подъ именемъ платныхъ надворныхъ козаковъ, чабановъ, будняковъ, могильниковъ, винниковъ, броварниковъ и всякаго рода гультаевъ-незягъ. Многіе изъ мѣстныхъ уроженцевъ и забродниковъ турецкихъ, греческихъ, славянскихъ, прошедши ускусь украинскаго наѣздника, гайдамака, грабителя, вора, служили дунайскимъ князьямъ; другіе проживали утѣкачами, заводками и ренегатами-потурнаками въ крымскихъ улусахъ, въ буджацкихъ уймакахъ; третьи гостили на Дону, или промышляли въ Сѣверчинѣ. Множество козаковъ можно было встрѣтить въ арміяхъ Тилли и Валленштейна,

не говоря ужъ о козакахъ Лисовскаго, въ сообществѣ которыхъ бывали козаки Сагайдачнаго, донцы и даже герои воровскаго Тушинскаго лагеря, кровные Москвичи. Невыносимые для голышей порядки турецкіе, нѣмецкіе, польскіе и московскіе созидали антикультурное скопище чужаидныхъ номадовъ, которые, въ качествѣ христіанъ и мусульманъ, долго нарушало равновѣсіе между двумя половинами сѣверной Славянщины, склоняясь то на одну, то на другую сторону со временъ Менгли-Гиреевскихъ, и наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка, дало перевѣсъ половинѣ московской.

Полагаясь на свои шляхетскіе ресурсы, и съ высоты культурнаго величія презирая безземельниковъ и бездомовниковъ, именитые Поляко-Руссы воспитывали хищный духъ козачества въ такихъ войнахъ, какъ Московская, Турецкая, Шведская, и воспитали его наконецъ до отваги — ринуться заодно съ мусульманами-ордынцами на безпорядочное, но цвѣтущее сельскимъ хозяйствомъ государство.

Война съ Густавомъ Адольфомъ заставила шляхетныхъ обладателей Малороссіи вывести въ поле всѣхъ, которые, въ силу Куруковскаго договора, были (разумѣется, только на бумагѣ) возвращены къ промысламъ мирнымъ. Съ другой стороны, необходимость отражать Татаръ панскими почтами дома принудила землевладѣльцевъ снаряжать въ козаки и тѣхъ подданныхъ, которые когда-либо участвовали въ запорожскомъ промыслѣ, или только мечтали о козачествѣ. Крымскія усобицы давали между тѣмъ работу корчемной голотѣ, а старья связи съ донцами и сѣверяками поддерживали разбойно-героическое настроеніе во всѣхъ тяготившихся ремесленнымъ и земледѣльческимъ бытомъ. Такъ сельско-хозяйственная республика, чрезъ посредство самихъ же сельскихъ хозяевъ, претворялась въ республику воинственную, и производительныя силы польскорусскаго общества терялись въ массахъ чужаидниковъ.

Со смертію Стефана Хмелецкаго и Михаила Дорошенка и съ благополучнымъ окончаніемъ Шведской войны многія тысячи гулящаго народа наполнили городскія и сельскія общины, пропивая свою добычу, снискивая себѣ пропитаніе тягостною для война и мародера работою и поэтизируя въ хмѣльныхъ пѣсняхъ своихъ козацкое житье, на соблазнъ и развратъ мечтательныхъ умовъ.

Между тѣмъ Конецпольскій былъ поставленъ своимъ правительствомъ въ обычное для польскаго фельдмаршала затрудненіе: ему нечѣмъ было выплатить жалованье войску, на вербованному для войны съ Густавомъ Адольфомъ. Чтобы не допустить жолнеровъ до неизбежнаго въ такихъ случаяхъ бунта, коронный гетманъ расквартировалъ ихъ

по Кіевской Украинѣ такимъ образомъ, чтобы хоругвь отъ хоругви была отдѣлена значительнымъ разстояніемъ. Онъ предпочелъ бы расквартировать свое войско въ болѣе населенныхъ и спокойныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ эта вѣчно волнующаяся страна, богатая отъ природы и бѣдная отъ татарскихъ набѣговъ и козацкаго буйства. Но внутреннія области польскорусской республики были истощены постоями и переходами жолнеровъ, которые въ буйствѣ не уступали козакамъ.

Жолнеры были здѣсь, какъ всегда и вездѣ, крайне обременительны для занимаемыхъ ихъ постоями имѣній. Но жаловались на нихъ не столько землевладѣльцы и державцы, не столько даже беззащитные ратаи и мужики, сколько тѣ люди, которые, побывавши въ козацкомъ товариществѣ, смотрѣли на себя, какъ на свободную отъ всякихъ повинностей шляхту. Хотя ихъ дворы, грунты, займища составляли собственность панскую, хотя часто они колебались между выходомъ въ новыя слободы и выгодами старой осады, но присутствіе нахальныхъ вояковъ возмущало въ этихъ праздныхъ бѣднякахъ чувство собственности еще больше, нежели въ людяхъ трудолюбивыхъ и зажиточныхъ.

Исконное соперничество двухъ церквей проявило себя въ этомъ случаѣ какъ нельзя вредоноснѣе. Участники Шведскаго похода, „выписанные запорожскіе козаки“, наслушавшись въ Бѣлоруссіи воплей мѣщанъ и поповъ на уніятскіе захваты и прижимки, распустили по городамъ и селамъ слухъ, будто бы Ляхи пришли съ цѣлю вырѣзать всю Русь вплоть до московской границы и заселять Украину польскимъ да нѣмецкимъ народомъ.

Къ этому присоединилась обычная тревога поповъ и чернецовъ, которымъ вѣчно грезилось, что всѣ безъ исключенія Ляхи о томъ только и думаютъ, какъ бы на мѣсто православія ввести „вѣру римскую“. Пугая чернорабочую массу, козаки пугали вмѣстѣ съ тѣмъ и ея почти столь же невѣжественное духовенство. Въ Кіевѣ по базарамъ ходили ложные слухи о томъ, что дѣлается въ панскихъ селахъ, а въ панскихъ селахъ рассказывали, будто бы Кіевъ сдѣлается вскорѣ другимъ Витебскомъ. Въ простомъ народѣ и въ поповскихъ семьяхъ вѣрили, что жолнеры сбьютъ головы митрополичьимъ служкамъ, и что одинъ жолнеръ, будучи Русиномъ, предостерегъ митрополита о ляшескомъ замыслѣ вырѣзать сперва козаковъ, а потомъ поголовно и всю Русь.

Именемъ вѣры и личной безопасности козаки возбуждали сельскій народъ къ избіенію жолнеровъ, сопровождая свои внушенія обычными попойками. Ихъ не по чемъ было сыскивать, имъ нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта; но въ случаѣ удачи, они очутились бы

въ завидномъ положеніи пановъ жолнеровъ и мѣстныхъ шляхтичей.

Злоумышленная агитація шла изъ Запорожья, въ которомъ вѣчно гнѣздились ненавистники украинскихъ порядковъ, и для котораго спокойное состояніе роднаго края было томительно, какъ для всякой эмиграціи. Затѣвая повтореніе усобицы, разыгранной столь неудачно въ 1625 году, проповѣдники козацкой вольницы старались втянуть осѣдлыхъ жителей въ свое разбойное дѣло и рядомъ съ бунчуками козацкими выставить знамя церкви.

Элементъ религіи поддерживался въ козацкихъ мятежахъ, безъ сомнѣнія, не такими людьми, какъ составители „Совѣтованія о Благочестіи“. Тѣ, въ борьбѣ съ уніей, выразительно возлагали надежду на устраненіе всякой мстительности и на святое мученичество за свои православныя убѣжденія. Кіевскія убійства 1625 года можно всего скорѣе приписать внушеніямъ поповъ, которыхъ крайняя бѣдность и наслія со стороны уніатовъ заставили перемѣнить рясу на козацкій кожухъ-казанѣкъ. Но въ 1630 году обнаружилось и внѣшнее подучиванье козаковъ на кровавую расправу съ ихъ противниками во имя вѣры и церкви.

Вскорѣ послѣ побоища въ Медвѣжьихъ Лозахъ, Густавъ Адольфъ присылалъ въ Бѣлую Русь и къ запорожскимъ козакамъ состоявшаго у него на службѣ Москвича, Рубца, въ качествѣ великаго посла, для какихъ-то „добрыхъ дѣлъ своихъ“. Этотъ великій посолъ просилъ у московскаго царя провозятыхъ, и подговаривалъ его къ отпущенію польскимъ людямъ за великую неправду, которую они учинили Царской землѣ и царскимъ подданнымъ. Рубцу отвѣчали тогда въ Москвѣ что время мести еще не настало; но въ архивныхъ бумагахъ 1630 года сохранился слѣдъ совмѣстнаго возбужденія козаковъ противъ польскаго правительства со стороны шведскихъ и московскихъ людей. Утраченная переписка Посольскаго Приказа по этому предмету оставила его въ тѣни. Но еѣмъ бы ни были возбуждены сами запорожцы извнѣ, они своими розказнями о задуманномъ Ляхами ломанѣй вѣры въ Малороссіи довели дѣло до того, что нѣсколько хоругвей, захваченныхъ врасплохъ, было перебито.

Слухъ объ этомъ не замедлилъ дойти до коронаго гетмана, и онъ тотчасъ послалъ въ украину коронаго стражника, Самуила Лаца Тучанскаго, съ его дружиною.

Этотъ сановникъ былъ тотъ же козаекъ, но козаекъ съ панской стороны, или съ изнанки, наѣздникъ-аристократъ, терпимый одними потому, что не было никакихъ средствъ оставовить его безчинства, и

покровительствуемый другими потому, что онъ защищалъ ихъ имѣнія отъ людей, еще болѣе вредныхъ. Къ числу покровителей пана Лаца принадлежалъ и самъ коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій. Мѣстные гродскіе книги и суды давно были полны жалобами на вторженія самого Лаца и его дикой дружины въ панскіе дома, на грабежъ панскихъ имѣній и на разбои по большимъ дорогамъ. Нѣсколько разъ уже сеймовыя собранія присудили его къ изгнанію и лишенію чести, то-есть объявили *банитомъ* и *пифамисомъ*. Но въ гонитвѣ за Татарами и въ усмиреніи козацкихъ бунтовъ онъ былъ незамѣнимъ, и Конецпольскій охранялъ его отъ исполнительной власти обычными въ панской республикѣ военными *экземптами*. Лаца, съ его домашнимъ ополченіемъ можно было послать въ самый отчаянный „подъездъ“ и въ самую гибельную свалку скорѣе, нежели всякаго другаго. Рискованныя предпріятія были отрадою этого рыцаря шляхетской украины, преслѣдуемаго законами и угрожаемаго мщеніемъ за оскорбленіе не однихъ мелкихъ и великихъ панскихъ домовъ. Ему не доставало только случая, чтобъ изъ украинской шляхетчины перейти въ украинскую козачину, и разыграть въ ней роль пана Косинскаго. Этимъ больше, нежели чѣмъ-либо другимъ, надобно объяснять поблажку, которую давалъ ему коронный гетманъ вмѣстѣ съ той партией, которая поддерживала его самого въ панской республикѣ.

Козаки знали Лаца хорошо, и столько же его боялись, сколько ненавидѣли, а ненавидѣли его тѣмъ болѣе, что онъ съ гайдамацкимъ своимъ характеромъ соединялъ католическую набожность: въ послѣдніе дни масляницы запирался онъ въ монастырѣ и предавался дисциплинарному поканію въ старыхъ грѣхахъ, чтобы смѣло дѣлать новыя. Слухъ о его походѣ въ Украину встревожилъ заговорщиковъ, и они, для умноженія числа отчаянныхъ людей, сочинили легенду, будто бы Лацъ, прійдя въ мѣстечко Лысянку на самый Великдень, вырѣзалъ всѣхъ его жителей до ноги, мужей, женъ и дѣтей, собравшихся въ церкви, — даже и самого священника вмѣстѣ съ прихожанами. Наши ученые историки принимаютъ этотъ грубый вымыселъ за несомнѣнный фактъ, и тѣмъ самымъ показываютъ намъ, какъ было естественно со стороны безграмотныхъ людей онаго темнаго времени вѣрить возацкимъ вѣстямъ.

Масса бунтовщиковъ увеличилась быстро. Но то были одни вписчики. Реестровые козаки, освобожденные, тому назадъ пять лѣтъ, отъ террора голоты, предводимой Жмайломъ, не хотѣли очутиться снова подъ громами артиллеріи Конецпольскаго.

По смерти Дорошенка, старшимъ надъ ними былъ поставленъ

Григорій Саввичъ Чорный. Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не позволялъ имъ пиратствовать на морѣ, отвергалъ посулы и услуги добычниковъ, желавшихъ пользоваться правами реестровиковъ, и строго наказывалъ тѣхъ, которые участвовали въ морскихъ набѣгахъ.

Но успѣвъ склонить Чорнаго на свою сторону, заговорщики выставили противъ него новаго Жмайла, носившаго имя Тараса Ѳеодорвича. Этотъ „озвался гетманомъ“ за Порогами по примѣру предшествовавшаго ему избранника голоты, и привлекалъ къ себѣ гультаевъ изъ всей Украины. Гультаи вооружились, какъ могли, на счетъ побитыхъ жолнеровъ да ограбленныхъ земляковъ, и направлялись въ недоступныя для правосудія низовья, грозя расправиться съ реестровиками, какъ съ измѣнниками. Напрасно Чорный посылалъ за Пороги увѣщательные универсалы. Запорожская голота, съ своей стороны, распространяла универсалы Тараса Ѳеодорвича по Украинѣ, доказывая въ нихъ колеблющимся между двухъ предводителей, что у кого въ рукахъ армата, при томъ остается и войсковая власть. Этотъ аргументъ дѣйствовалъ на козацкую логику сильно, и тѣ изъ реестровиковъ, которыхъ не по чемъ было сыскивать, перебѣгали цѣлыми купами въ избранному демагогамъ гетману.

Весной 1630 года Конецпольскій пришелъ въ Украину слѣдомъ за Лашемъ. Онъ уже не засталъ Чорнаго въ живыхъ: запорожцы погубили его обманомъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія преданныхъ правительству козаковъ, низовые бунтовщики обѣщали наконецъ покориться, но только тогда, когда въ Украину придетъ изъ Запорожья армата. Чорный повѣрилъ имъ, не принявъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ, былъ схваченъ и казненъ варварскимъ способомъ: ему отрубили сперва руки, а потомъ голову.

Терроръ обладателей войсковой арматы повліялъ окончательно на вѣрныхъ правительству козаковъ. Только третья часть ихъ, въ числѣ двухъ тысячъ, дождалась Конецпольскаго. Коронный гетманъ примкнулъ эти двѣ тысячи къ своему войску, и занялся умиротвореніемъ края, взволнованнаго *выписанными запорожскими козаками* какъ называли ихъ современные Великоруссы, или *выписчиками*, какъ называли ихъ Поляки.

Подъ вліяніемъ лѣтописныхъ вымысловъ, козакопанскую усобицу 1630 года у насъ обыкновенно представляютъ религіозною борьбою, въ которой козаки играли роль защитниковъ православія. Но Конецпольскій и его ротмистры-католики охраняли отъ козацкаго буйства даже такіе монастыри, какъ Печерскій. Украинскія лѣтописи, съ го-

лоса запорожскихъ интригановъ, повѣствуютъ, а наши историки вторятъ имъ, будто бы и старшій сынъ Іова Борецкаго, Стефанъ, въ званіи сотника взбунтовавшихся козаковъ, палъ въ битвѣ съ войскомъ Конецпольскаго, тогда какъ онъ благополучно состоялъ въ домашнемъ почтѣ князя Радивиля, а самъ Іовъ Борецкій такъ былъ далекъ отъ участія въ козацкомъ бунтѣ, что, по его усмиреніи, московскіе вѣстовщики видали его среди козацкой антиреволюціонной рады въ качествѣ просителя милостыни на церковное строеніе.

Конецпольскій прогналъ козаковъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, заперъ въ Переяславѣ и, послѣ трехнедѣльной блокады, принудилъ покориться на Куруковскихъ пунктахъ. Странное пристрастіе къ одной воюющей сторонѣ и еще болѣе странная неприязнь къ другой, при вопіющемъ у насъ отсутствіи исторической критики, завели нашихъ историковъ такъ далеко, что они представляютъ Конецпольскаго побѣжденнымъ въ „Переяславской войнѣ“. Но въ „Павтахъ съ Запорожскими Козаками“ коронный гетманъ обращаетъ къ своимъ побѣдителямъ такое слово:

„Глубоко оскорбленъ маестать его королевской милости, нашего милостиваго государя, Запорожскимъ Войскомъ, которое Тарасъ вывелъ на власти. Великое преступленіе совершили козаки тѣмъ, что Чернаго Грицька Савича, поставленнаго надъ ними отъ его королевской милости старшимъ, не только за таковаго не признали, но, набѣжавъ на него неожиданно и поймавъ, жестокосердо замучили. Не простительно виновны они въ томъ, что въ прошломъ году, втогнувшись въ Черное море, надѣлали много вреда въ турецкихъ владѣніяхъ. Еще преступнѣе поступили они, когда однихъ принудили насиліемъ, а другихъ мнимымъ ломаньемъ вѣры, въ которой никому не сдѣлано никакой кривды, подвели къ нападенію на королевскія хоругви, стоявшія по квартирамъ.

„Но, такъ какъ, признавъ себя виновными, они столько разъ и письменно, и чрезъ пословъ униженно просили насъ о пощадѣ; имѣя, кромѣ того, въ виду, что немалая часть Запорожскаго Войска пребыла непоколебимо въ своей вѣрности и послушаніи при королевскомъ войскѣ, и не желая, чтобы погибли запорожскіе козаки, оказавшіе такъ много услугъ королю и Рѣчи Посполитой и покрывшіе себя славою,—отпускаю нынѣ всѣмъ имъ вину ихъ, но подъ слѣдующимъ условіемъ.

„Хотя всѣ они называютъ себя виновными, и всѣ просятъ помилованія за произведенное кровопролитіе, считая заслуженнымъ наказаніемъ понесенныя ими утраты; но Тарасъ Федоръвичъ, будучи ихъ

предводителемъ, оказывается виновнѣ всѣхъ: ибо, по его внушенію и отъ его имени, начали твориться всѣ эти злодѣйства. Поэтому, не отрицая его виновности, Запорожское Войско питаетъ надежду на милосердіе его королевской милости, что, отпустивъ козакамъ чрезъ меня вину, нашъ милостивый государь проститъ и того, который долженъ былъ исполнять то, чего желало все войско, и просило меня оставить его подъ войсковымъ секвестромъ до дальнѣйшаго объявленія королевской воли. На что я, по горячей просьбѣ обѣихъ частей Запорожскаго Войска, согласился, съ тѣмъ чтобъ онѣ обязались немедленно исполнить рѣшеніе его королевской милости, лишь только оно восплѣдуетъ.

„Постановленія Курувовской комиссіи должны остаться неизмѣнными во всѣхъ пунктахъ своихъ. Запорожскіе козаки обязались тѣмъ, которые теперь, не взирая на запрещеніе его королевской милости и волю старшихъ, пошли на море, строго наказать, предводителей похода выдать и челны сжечь. Обязались также отдавать всякое уваженіе тѣмъ, которые остались вѣрны своему долгу, сражаясь вмѣстѣ съ войскомъ его королевской милости, такъ какъ ради ихъ заслугъ оказано помилованіе и прочимъ“ *).

Покоренные панскимъ оружіемъ козаки снова принесли, какъ и пять лѣтъ назадъ, торжественную присягу на вѣрность королю и республикѣ. Послѣ присяги вписаны были въ шеститысячный реестръ заслуженные козаки, которыхъ исключили было изъ него за ихъ вины. Войско Запорожское взялось наблюдать, чтобы всѣ выписчики разошлись по своимъ домамъ. Старшимъ козацкимъ коронный гетманъ приказалъ быть Тимошу Михайловичу (козаки называли его Тимошемъ Орендою, или Арендаренкомъ), какъ человѣку, по словамъ документа, доказавшему свою вѣрность, мужество и опытность въ рыцарскихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой. Этотъ старшій произнесъ отдѣльную присягу, которою обязывался воспрепятствовать хожденію на Запорожьскіе козакамъ, не состоящимъ на королевской службѣ, не сзывать въ купы ни охотниковъ, ни выписчиковъ, напротивъ карать всѣхъ, кто бы отважился это дѣлать. Вслѣдъ за своимъ старшимъ, войско присягнуло сжечь всѣ морскіе челны, и тѣхъ, которые не состояли на королевской службѣ, не принимать къ себѣ ни на Запорожьѣ, ни на Украинѣ.

---

*) Достоинно замѣчанія, что авторъ „Богдана Хмельницкаго“, въ 4-мъ изданіи этой книги, игнорируетъ „Пакты съ Запорожскими Козаками“, обнародованные мною въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, и что козаки остаются у него попрежнему побѣдителями Конецпольскаго.

Такъ было уничтожено польскорусскою республикою четвертое посягательство добычниковъ на овладѣніе продуктами чужаго труда.

Не можетъ быть, чтобы защитнику ея домовитыхъ и промышленныхъ классовъ не было извѣстно, что козацкій мятежъ поддерживался отчасти и православнымъ духовенствомъ.

Дошедшая до насъ „Львовская Лѣтопись“, писанная однимъ изъ современныхъ священниковъ, свидѣтельствуесть, что тогдашнее духовенство наше имѣло превратное понятіе о характерѣ государственныхъ дѣятелей съ одной стороны и козацкихъ демагоговъ съ другой. Въ ней, напримѣръ, говорится, будто бы коронное войско, на походѣ въ Украину, избивало всѣхъ Малоруссовъ безъ разбора, единственно за то, что они—Русь; будто бы Конецпольскій прибылъ въ Украину съ великимъ гнѣвомъ на козаковъ и на всѣхъ Малоруссовъ; будто бы доминиканцы освятили ему мечъ на искорененіе Руси, и будто бы онъ выпросилъ у козаковъ миръ, подъ условіемъ, чтобы козаковъ было хоть сто тысячъ.

Эти и другія сказки, повторяемыя донынѣ, какъ достовѣрные факты, въ свое время должны были сильно дѣйствовать на образованіе мнѣній въ малорусскомъ невѣжественномъ обществѣ. Ихъ, безъ сомнѣнія, фабриковали не одни козаки, но и приходскіе попы заодно съ монахами.

О подучиваньѣ козаковъ противъ шляхты со стороны поповъ и монаховъ сохранились извѣстія въ перепискѣ весьма почтенныхъ представителей землевладѣльческаго класса въ Малороссіи, и козацкія петиціи на сеймъ, сочиняемыя духовными лицами, если не протестантами, козацкія посольства въ Москву, направляемыя и даже сопровождаемыя духовными людьми, говорятъ намъ, что эти извѣстія заключаютъ въ себѣ добрую долю правды. Но въ современныхъ письменахъ не сохранилось, даже и въ видѣ клеветы, свидѣтельство, чтобы Конецпольскій, въ качествѣ усмирителя козацкаго бунта, принималъ карательныя мѣры противъ православнаго духовенства. Напротивъ, по сказанію того же львовскаго лѣтописца, при особѣ короннаго гетмана находилось пять православныхъ священниковъ, очевидно, для успокоенія умовъ на счетъ его прибытія въ Украину *). Далѣе львовскій лѣтописецъ представляетъ Конецпольскаго явнымъ противникомъ церковной уніи (какимъ былъ и его современникъ Левъ Сопіга). По дошедшему

---

*) Есть основаніе думать, что эти пять священниковъ придалъ Конецпольскому Петръ Могила, бывшій архимандритомъ Печерской Лавры.

о него слуху, коронный гетманъ, осматривая кровавое поле битвы, говорилъ со слезами: „Вотъ она унія: лежитъ Русь вмѣстѣ съ Поляками“!

Козаки были такъ рѣшительно направлены духовенствомъ къ исканію московскаго подданства, что, по заключеніи Переяславскихъ актовъ, сдѣлали новую попытку перейти подъ высокую царскую руку. Но Москва въ то время не довела еще своихъ донцовъ до пріязни на подданство царю: ей было бы не по силамъ перерабатывать разомъ двѣ вольницы въ полезныя для государства орудія, и она отклонила искушение дѣлпривцевъ, какъ и въ 1625 году. Будь она такъ неосторожна и самоувѣренна, какъ Польша, разбойный элементъ, выработанный свирѣпымъ деспотизмомъ Грознаго съ одной стороны и феодальными порядками Польши съ другой, воспреобладалъ бы въ ней надъ элементомъ государственно-хозяйственнымъ, и навѣрное бунтъ Стеньки Разина сопровождался бы въ Царской Землѣ руиною, какую устроилъ въ Землѣ Королевской Богданъ Хмельницкій.

Глава VII.

Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенной по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.—Тяготѣніе малорусской массы къ Московскому Царству.—Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи.—Преобладаніе польской идеи въ эпоху возстановленія православной іерархіи.

Между тѣмъ какъ происходили новыя ссылки козаковъ съ московскимъ правительствомъ, весною 1631 года скончался Іовъ Борецкій. Съ Борецкимъ прекращается политическая дѣятельность убогихъ, но дерзновенныхъ иноковъ, отважившихся подражать первымъ апостоламъ христіанства, которые своей готовностью умереть за вѣру обезоруживали классическихъ преслѣдователей своихъ.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки нашей церковной политики, но эти загнанные уніятами и отвергнутые православными панамы люди разграничили у насъ рѣзко „древнее русское благочестіе“ и съ папствомъ и съ протестантствомъ. Они выработали истинно-христіанскую программу дѣйствій, до какой никогда не возвышался Намѣстникъ Христа, принизившій божественное къ человѣческому,—не возвышались и нѣмецкіе реформаторы церкви, низведшіе высокіе идеалы Евангелія къ уровню добродѣтелей посредственныхъ.

Родъ этихъ смиренныхъ, 'но великихъ людей восходить, можно сказать, къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси. Не тѣ изъ нашихъ предковъ, которые подражали Византійцамъ въ созиданіи храмовъ, и не тѣ, которыхъ имена прославились защитой нашихъ городовъ отъ кочевыхъ язычниковъ, завѣщали намъ стойкость въ чувствѣ нашей народности, основою котораго сдѣлалось православіе. Варягорусскій міръ сознавалъ весьма грубо внушенную ему духовными его вождями задачу — „побороть за христіанъ на поганые поля“. Въ числѣ этихъ вождей находились люди, которыхъ идеалъ былъ выше воинственной борьбы съ иновѣрцами. Чуждаясь радостей, достигнутыхъ торжествомъ надъ „погаными“, они скрывались отъ своихъ буйныхъ почитателей въ

ископанныхъ собственными руками пещерахъ, и всю жизнь упражнялись въ христіанской кротости, которой больше, нежели чего-либо другаго, недоставало въ быту варягорусскаго воина. Безсознательно восполняли они своимъ подвижничествомъ русскую жизнь, слишкомъ низменную и матеріальную при всей своей свѣжести, которою дышетъ дошедшій до насъ обломокъ ея эпоса. Они, въ эпоху юности русскаго общества, были то самое, что нынѣ составляютъ въ немъ проповѣдники высшихъ идеаловъ жизни—люди науки и литературы. Они были религіозно-философскимъ проявленіемъ народнаго духа, и представляли въ себѣ зачатки будущаго его развитія.

Когда кипучіе Игорі, Всеволоды, Олеги погибли одинъ за другимъ вмѣстѣ съ храбрыми дружинами своими, какъ войны, несостоятельные граждански въ борьбѣ за христіантъ,—беззащитныя пещеры отшельниковъ уцѣлѣли надъ рѣкой Славутомъ какъ бы чудомъ, и сохранили въ новомъ, разноплеменномъ обществѣ нетронутымъ и нерушимымъ лучшее, что выработала наша старина. Но волна за волной набѣгала съ Запада на русскую развалину, и заносила нашу родную почву соромъ жизни чуждой.

Только обычный сборъ медовой дани на Печерскій монастырь соединялъ между собой далеко разбросанные остатки былаго строенія Руси. Только этимъ чисто-экономическимъ способомъ узнавала погруженная въ невѣжество масса, гдѣ находится среда земли ея.

Добродѣтели пещерныхъ подвижниковъ совершались безмолвно и, по христіанскому смиренію, скрывались даже отъ братіи; и пороки и преступленія покупателей хлѣбовъ духовныхъ были между тѣмъ на виду у всѣхъ мірянъ, и наполняли города позорными сценами.

Самому непредубѣжденному историку можетъ казаться иногда, что малорусская церковь не поддерживала мѣстной народности въ ея упадѣ; что наше бѣлое духовенство принизилось къ самой землѣ подъ управленіемъ безчинствующей іерархіи, а наши черноризцы закопались въ общежительскихъ интересахъ своихъ, и равнодушно предоставили міру вязнуть въ глубочайшихъ колеяхъ его безпутства.

Но въ то время, когда нравственная немочь вельможъ, умственная потьма приходскихъ поповъ и подстреканное протестантами стремленіе церковныхъ братствъ къ религіозной гегемоніи вели малорусскую народность къ самоуничтоженію, въ то самое время наше монашество, подъ покровомъ аскетическаго отвращенія ко всему мірскому, хранило въ своей отособленной средѣ непоколебимыхъ никакими пришлыми ученіями представителей русскаго элемента, и незримо для міра поддерживали нашу древнерусскую народность въ новомъ

русскомъ обществѣ. Между тѣмъ какъ на исторической сценѣ этого общества появлялись религіозные борцы, руководимые съ одной стороны латинцами, съ другой—протестантами, съ третьей—подавленными Турціей Греками, за его сценой едва слышны были голоса людей, не нуждавшихся для своей дѣятельности ни въ покровительствѣ, ни въ милостяхъ такихъ вельможъ, какъ Василій Острожскій и Радивилъ Перунъ. Это были именно тѣ люди, которые не довѣряли просвѣщенію, приходившему къ намъ съ Запада, и въ отособленной средѣ своей разрабатывали науку восточнаго исповѣданія вѣры, науку „истиннаго благочестія“.

Лучшею школою духовнаго здравомыслія почитали они Аѳонъ, гдѣ преданія и обычаи древняго христіанства хранились въ строгой неизмѣнности. Съ этой горы павиенованной Святою и, при невѣжествѣ Грековъ XVI вѣка, составлявшей единственное убѣжище восточнаго просвѣщенія, съ этой знаменитой горы не переставали приходять къ намъ люди, вооруженные глубокимъ разумніемъ тѣхъ пунктовъ православной вѣры, которые, по словамъ „Совѣтованія о Благочестіи“, были облиты кровью. При самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, они продолжали дѣло основателей Печерскаго монастыря, и, такъ сказать, поддерживали на маякѣ огонь, когда весь Малорусскій край былъ объятъ бурей и мракомъ. Не знаемые ни міромъ, ни его бытописаніемъ, они тѣмъ не менѣе имѣли многихъ послѣдователей своего богомыслія, и въ общеніи съ ними хранили цѣлость восточной церкви въ нашей землѣ, наполненной иновѣрными пришельцами.

Въ эпоху церковной неурядицы, когда между православными и протестантами происходили конфедераціи и съѣзды, когда между хранителями и отрицателями древнихъ церковныхъ преданій заключались письменные договоры о взаимной оборонѣ отъ папистовъ, и когда имена вельможныхъ руководителей православнаго движенія были въ устахъ у каждаго гонимаго или тѣснимаго за стойкость въ древнемъ русскомъ благочестіи,—существовало въ Малороссіи цѣлое общество людей, которые на панскія конфедераціи и съѣзды смотрѣли, какъ на дѣла еретическія; для которыхъ искать у протестантовъ обороны отъ папистовъ значило спастись отъ одного нечистаго духа посредствомъ другаго, и которые мнимыхъ протекторовъ православія давно уже считали людьми оеретиченными.

Во главѣ этого общества стояли тихіе, молчаливые иноки, которыхъ Аѳонъ живымъ примѣромъ своихъ подвижниковъ воспитывалъ помимо науки, созерцавшей христіанство сквозь медіумъ образованности языческой. Иноки эти выдѣлялись изъ того же шляхетнаго

класса, который волею и неволею поддерживалъ у насъ польское можновладство, но отличались отъ своихъ собратій тѣмъ, что не шли въ панскіе осадчіе, не дѣлались вельможескими креатурами въ качествѣ искателей дигнитарскаго хлѣба, не „доматорствовали“, въ духовномъ бездѣйствіи, на родовыхъ участкахъ земли, отдавъ себя подъ щитъ одного или другаго пана, и даже не вдавались въ военное ремесло, которое въ тѣ времена было самымъ почетнымъ, по его крайней необходимости, самымъ свободнымъ, по невозможности его регулировать, и самымъ грубымъ, по отчужденію отъ сферъ семейной и общественной дѣятельности. Они удалялись въ монастырь—или потому, что сознавали свою неспособность къ практической предпримчивости, или потому, что, будучи одарены характерами крутыми, отрицали все, что не было согласно съ преданіями русской церкви и старины. Невѣжество въ утонченности общественнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ области академической науки, было естественнымъ ихъ достояніемъ. Борьба съ нуждой и горемъ, котораго было много и внутри монастырскихъ стѣнъ, не всегда развивала лучшія стороны ихъ природы. Но они стояли къ чернорабочей массѣ ближе тѣхъ, чѣмъ ею правили. Они внушали ей довѣріе своей неприкосновенностью къ выгодамъ правленія. Они знали простой народъ во всѣхъ его слояхъ, и умѣли покорять дивій духъ украинскаго ремесленника и украинскаго хлѣборода вроткимъ внушеніямъ вѣры.

Была у этихъ проповѣдниковъ публика и за чертой чернорабочей массы. Ихъ слушались во многомъ, если не во всемъ, „славные мѣщане“, которые соответствовали высшимъ почетнымъ гражданамъ, а съ ними и богатые купцы. Ихъ вліяніе простиралось и на тѣ шляхетскіе дома, которые оставались внѣ широкаго круга власти магнатовъ. Объ одномъ изъ такихъ домовъ даетъ намъ понятіе „Боркулабовская Хроника“, изображающая зажиточную и даже знатную захолустную шляхту въ тѣсной связи съ просвѣщеннымъ домашними средствами приходскимъ духовенствомъ и въ то же время съ монахами, которые являются среди мірянъ въ качествѣ энергическихъ исправителей общественной нравственности.

Но сами они, эти крутые, неуживчивые характеры, эти суровые противники всего иновѣрнаго, иноплеменнаго, иноземнаго, все-таки сознавали невозможность выдержать, въ своихъ иноческихъ общестіяхъ, развѣдающее дѣйствіе польскоиѣмецкаго новаторства и, спасаясь отъ его „сатанинскаго обаянія“, удалялись даже изъ Печерскаго монастыря на Аѳонъ, „яко въ духовную школу“. Тамъ проживали они по многу лѣтъ, утверждаясь въ незыблемости православія, и дѣ-

лались наконецъ образцами христіанскаго здравомыслія. Объ нихъ-то, объ этихъ строгихъ аскетахъ, по близкимъ и далекимъ обителямъ, шла усладительная для добрыхъ иноковъ молва, какъ о „преподобныхъ мужахъ Россаяхъ, житіемъ и богословіемъ цвѣтущихъ“. Ихъ словесныя и письменныя наставленія дѣйствовали тѣмъ шире, чѣмъ больше былъ сосредоточенъ въ богомысліи пламенный духъ ихъ. Они являлись достойными подражателями тѣхъ малосвѣдущихъ въ академической наукѣ искателяхъ Божіа царства и Божіей правды, которыхъ здоровый умъ, въ полномъ согласіи съ непорочною совѣстью, восторжествовалъ надъ „премудрыми и разумными“ грекоримскаго міра.

Одинъ изъ такихъ преподобныхъ мужей Россавъ, упомянутый въ „Совѣтованіи о Благочестіи“, Іоаннъ Вишенскій, долженъ былъ имѣть особенно сильное вліяніе на соотечественниковъ, судя по самородному краснорѣчію его посланій, приносимыхъ въ малорусскіе монастыри питомцами аеонской школы, а равно и потому, что эти посланія сохранились въ рукописяхъ до нашего времени, не смотря на превратности человѣческихъ мнѣній и судебъ. Появиться имъ въ тогдашней печатной полемикѣ, заправляемой протестантами, было невозможно, такъ какъ Іоаннъ Вишенскій, со всею рѣзкостью врожденнаго ему сарказма и грозой духовнаго обличенія, возсталъ противъ сближенія съ образованными по иноземному панами, которое привело въ нашу Южную Русь латинскую, и вслѣдъ за нею и протестантскую проповѣдь. Для приданія большей цѣны ходившей по рукамъ рукописи, одно изъ аеонскихъ посланій было даже адресовано (вѣроятно, переписчикомъ) въ начальника православія, князю Острожскому. Но попасть подъ типографскій станокъ его двора могло оно всего менѣе, потому что именно въ этомъ посланіи говорится, что „нынѣ русскіе князья всѣ оеретичились между Ляхами, и отступили отъ христіанства, отъ истинной вѣры“.

Не входя здѣсь въ обзоръ вдохновенныхъ воззваній аеонскаго аскета, скажемъ, что его изображеніе мірской и монашеской жизни объясняетъ намъ больше, нежели всѣ другіе документы, какимъ образомъ невѣжественная русская партія, примкнувшая къ монастырямъ, устояла въ своихъ православныхъ воззрѣніяхъ противъ просвѣщенной западною наукою партіи, которая опиралась на православныхъ Острожскихъ и протестантовъ Радивиловъ.

Борьба между ними шла втихомолку: ибо малоученые, убогіе и въ быту своемъ мужиковатые иноки не имѣли возможности ни препираться съ образованными въ панскихъ кругахъ богословами, ни писать противъ нихъ доказательно, какъ писалъ противъ папистовъ

главнѣйшій авторъ „Апокрисиса“, ни даже печатать написанное. Но еслибъ эта борьба со стороны людей малосвѣдующихъ велась въ гнѣсномъ пространствѣ и не охватывала круга, описываемаго радіусомъ иноческаго скитанія за сборомъ медовой дани и за милостынею на церковное строеніе, — дѣло малорусскаго православія было бы проиграно.

Аеонъ постоянно поддерживалъ Печерскую обитель въ строгомъ храненіи унаслѣдованной отъ временъ апостольскихъ вѣры, и постоянно снабжалъ его братію своими питомцами, подобными Іоанну Вишенскому, который поверсталъ въ еретики всѣхъ русскіхъ князей задолго до формальнаго ихъ отступничества. Даже въ тѣ времена упадка церкви и народной нравственности, когда иновѣрная власть, не стѣсняемая вельможными православниками, вводила въ обитель преподобнаго Θεодосія архимандритовъ Вассіановъ, эта обитель заключила въ своихъ стѣнахъ такихъ иноковъ, которые своими тихими добродѣтелями продолжали дѣйствовать на современный русскій міръ такъ вліятельно, какъ дѣйствовали Антоній и Θεодосій Печерскіе на древній. Они-то, эти молчаливники, эти покорные всякимъ властямъ затворники, эти безоружные борцы за православную церковь, противопоставляя всякому насилію одну готовность терпѣть лишенія, истязанія и самую смерть, царили у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ побѣдительно, и правили народными симпатіями могущественно.

Когда „святопамятный“ князь Острожскій отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ-либо фундушемъ ниодного церковнаго братства, ниодного училища, ниодной типографіи, ни даже какаго-нибудь испытаннаго ревнителя народнаго просвѣщенія, — изъ Печерскаго монастыря вышелъ убогій инокъ Исаія Копинскій, или Купинскій, въ видѣ попрошайки, и замѣнилъ широкопомѣстнаго магната въ поддержкѣ малорусской церкви съ неизмѣримымъ превосходствомъ.

Копинскій вовсе не готовился къ общественной дѣятельности. По характеру и по монастырскому воспитанію своему, онъ былъ аскетъ; а представители нашего Малорусскаго племени, способные къ аскетизму, не имѣли иной задачи своего подвижничества, кромѣ внутренняго, молчаливаго самоудовлетворенія красотою христіанской любви, основанной на самоотреченіи въ пользу ближняго. Они жаждали одного блага въ жизни, — чтобы сдѣлаться преподобными по примѣру тѣхъ двухъ подвижниковъ, которыхъ наша церковь поминаетъ въ заключеніе каждаго богослуженія.

Что Исаія Копинскій этого достигнулъ во мнѣніи спасающейся братіи, свидѣтельствуетъ намъ слѣдующее характеристическое назва-

ніе, данное почитателями его духовныхъ подвиговъ сочиненію, которое написалъ онъ въ руководство монашествующимъ: „Мѣстница духовнаго въ Бозѣ житія христіанскаго, трудолюбивѣ составлена и въ Пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постническому Житію написана преподобнымъ Отцемъ нашимъ Исаіею Копинскимъ, иже постничества и Безмолвія путь проходя при пещерѣ Отца нашего Антонія иже въ Кіевѣ, послѣди же бывша митрополитомъ того же богоспасаемаго града Кіева“.

Какъ много значилъ въ тѣ времена строгій монашескій аскетизмъ для жизни практической, показываетъ фактъ, что постника и молчальника Исаію вызвало для своего назиданія и руководства Богоявленское церковное братство, возникшее въ Кіевѣ по примѣру братства Львовскаго.

То было время исполненія католико - религіозныхъ чаяній папскаго легата Пизона, напрасно хлопотавшаго о привлеченіи на лоно римской церкви Константина Ивановича Острожскаго, отца князя Василя. Съ окончательнымъ переходомъ въ католичество возвѣличенаго литовскимъ гетманомъ дома, многія православныя фамиліи подѣлались католическими. Но нѣкоторыя держались еще православія, и какъ будто находились подъ вліяніемъ грозной правды, высказанной Іоанномъ Вишневскимъ: „Когда бы не было между вами этихъ влобуконосцевъ, то давно бы вы уже погибли, давно бы утратили свои высокія мѣста, давно бы совершился надъ вами приговоръ: *„се оставляетъ вамъ домъ вашъ пустъ“*“.

Къ числу вѣрныхъ покамѣсть православію фамилій принадлежали паны Ложки въ Мозырскомъ повѣтѣ, надъ Припетью, князя Вишневецкіе, распространившіе свои владѣнія отъ Горыни до Сулы и Сейма. Исаія Копинскій пользовался въ отживающемъ свой вѣкъ поколѣніи православнаго дворянства особеннымъ уваженіемъ за свою постническую и молчальническую жизнь. Онъ выпросилъ у пановъ Ложекъ привилегированное, то-есть не подлежащее королевскому праву мѣсто въ Кіевѣ, близъ церкви Богоявленія, и основалъ на немъ, съ помощію церковнаго Братства, монастырь, извѣстный донинѣ подъ именемъ Братскаго, съ цѣлью доставить въ немъ пріютъ убогому духовенству, вмѣстѣ съ грекославянскимъ училищемъ для распространенія въ народѣ православнаго просвѣщенія.

Къ подобнымъ же пожертвованіямъ расположилъ онъ и домъ князей Вишневецкихъ. Юный наслѣдникъ этого дома, знаменитый въ послѣдствіи отступникъ православія, князь Іеремія, находился уже, какъ это случилось со многими княжичами и панчиками, въ рукахъ

тѣхъ просвѣтителей польскорусской республики, которые, не трогая даже вѣры, претворяли русскій элементъ въ польскій и православное воззрѣніе въ католическое. Но зато его мать, княгиня Раина, хваталась обѣими руками за людей, которые одни были способны предохранить великихъ малорусскихъ пановъ отъ исполненія надъ ними угрозы Іоанна Вишенскаго. Она дала Исаіи Копинскому всѣ средства возстановить древній Густынской монастырь, близъ Прилукъ, обезпечить устроенный имъ подъ Лубнами монастырь Мгарскій и основать Ладинскій, невдалекѣ отъ Густынскаго.

Путешествіе патріарха Теофана въ Кіевъ черезъ Густыню заставляетъ насъ вспомнить, что Густынской монастырь служилъ для Москвы искони передаточнымъ пунктомъ ея политики относительно Польши, Молдавіи и Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратитъ вниманіе и на то обстоятельство, что Исаія Копинскій былъ посвященъ Теофаномъ въ архіереи первый.

Какъ будто изъ смиренія уступилъ Исаія санъ митрополита посвященному вслѣдъ за нимъ Іову Борецкому, будучи уже извѣстенъ въ Кіевѣ и своимъ житіемъ, и богословіемъ, и церковностроительными подвигами. Имя епископа перемышльскаго принадлежало ему только титулярно. Онъ поселился въ Ладинскомъ скитѣ съ однимъ только послушникомъ, ископалъ вмѣстѣ съ нимъ собственноручно пещеру и собственноручно же построилъ кельи для превращенія скита въ женскій монастырь, который существуетъ и нынѣ.

Но видно, что эта энергическая, пламенная духомъ натура не чужда была тѣхъ недостатковъ, которые неразлучны съ пустынножительствомъ и удаленіемъ отъ разнообразной сцены человѣческихъ дѣлъ. Сохранилось извѣстіе, что, будучи призванъ игуменствовать въ Межигорскій монастырь, Исаія Копинскій не поладилъ съ братією, избралъ изъ нея двѣнадцать человѣкъ такихъ аскетовъ, какимъ былъ самъ, и перевелъ въ свою пустынную Густыню. Тамъ опять не поладилъ онъ за что-то и съ Іовомъ Борецкимъ,—можетъ быть, за его общительность, за его сношенія съ иновѣрцами. Самая просьба его къ московскому царю заставляетъ предполагать, что молчаливикъ Исаія питалъ въ душѣ какія-то мрачныя мысли. Въ одно время онъ разсылалъ по нашей Руси предостерегательное посланіе, въ которомъ заподозривалъ Борецкаго и другихъ архіереевъ въ расположенности къ униі. Но причины разлада, предосудительнаго въ нѣкоторомъ смыслѣ для обоихъ подвижниковъ, надобно искать не столько въ нихъ самихъ, сколько въ новомъ поворотѣ нашей церковной политики, подъ вліяніемъ польскорусскаго панства.

Мы уже знаемъ, что въ высшемъ обществѣ, созданномъ на русской почвѣ иноземною образованностію, не сочувствовали возстановленію православной митрополіи въ виду іерархіи уніятской. Реакція дѣлу, справедливому исторически, но смущающему польскорусскую государственность, выражалась въ пачалѣ только общимъ молчаніемъ, которымъ земскіе послы и вообще члены сейма покрывали нынѣ славныя, но тогда ничтожныя имена Борецкаго, Копинскаго и другихъ православныхъ архіереевъ. Потомъ она выразилась такимъ же *coup d'état*, какимъ со стороны противодѣйственнаго общества было посвященіе владыкъ и архимандритовъ на мѣсто признанныхъ законными.

Дѣло въ томъ, что этимъ самовольнымъ посвященіемъ у великихъ пановъ, окружавшихъ передовой нѣкогда у насъ на Руси домъ князей Острожскихъ, похищала ихъ наслѣдственное право патроната какая-то смѣшанная, иногда безпутная и часто дикая масса народа, тяготѣвшая къ чужому государству. Эти великіе паны, въ поколѣніи, образовавшемся по обнародованіи церковной уніи, сдѣлались изъ православныхъ, а нѣкоторые даже изъ протестантовъ, католиками; но тѣмъ не менѣе именовали себя, какъ и прежніе отступники, *Русью*. Хотя простонародная Русь, воспитываемая нашимъ духовенствомъ въ православіи, именовала *Ляхами* даже и тѣхъ польскорусскихъ пановъ, которые перешли въ католичество, и тѣхъ, которые измѣнили древнеку русскому благочестію ради нововѣрія нѣмецкаго, но на это зловѣщее обстоятельство въ высшемъ обществѣ не обращалось вниманія. Аристократы католики и протестанты, заодно съ православною братією своею, вознамѣрились присвоить своему классу кievскую митрополію и вмѣстѣ съ нею „Царствующую Лавру“ по старинѣ. И государственная политика, и сословный антагонизмъ не позволяли имъ терпѣть, чтобы преемникомъ Борецкаго и Турова преемника, Плетенецкаго, сдѣлался демагогъ, сынъ темной толпы монаховъ, мѣщанъ, „низшей шляхты“ и мужиковъ, опирающейся на вооруженное вмѣшательство запорожскихъ лугарей въ церковныя дѣла.

Знаменитый домъ Замойскихъ, нѣкогда православный, теперь католическій, озаботился этимъ дѣломъ. Ему помогали окатоличенные Русины Потоцкіе, готовые окатоличиться литворусскіе князья Корбуты Вишневецкіе, такіе же князья Радивилы и многіе православные паны, отличавшіеся отъ Поляковъ только вѣрою, которую въ душѣ признавали полугересью, или „вѣрою хлопскою“, но съ которою не хотѣли, покамѣстъ, разставаться. Русскіе протестанты, терпящіе, со временъ Сварги, одного знатнаго представителя своего за другимъ,

присоединились охотно къ этой церковно-соціальной лигѣ, и общими стараніями возвели въ санъ архимандрита Кіевопечерской Лавры Петра Могила, состоявшаго въ родствѣ съ Вишневецкими, Потоцкими, Корецкими, Радивилами и другими первенствующими польскорусскими домами.

Представитель молдавскаго или румунскаго дома Могила, Іеремія Могила былъ одинъ изъ тѣхъ богачей, которымъ турецкій диванъ обыкновенно продавалъ господарскій престолъ, подъ которыхъ обыкновенно подкапывались въ султанскомъ сералѣ другіе денежные люди. Обезпечивая себя на всякій случай дружбою польскихъ пановъ, родъ Могила всегда отличался особенною преданностью Польской Коронѣ. Іеремія Могила и его братъ Симеонъ, отецъ Петра Могила, устроились въ русинской Польшѣ, какъ въ другомъ отечествѣ, купили себѣ значительныя имѣнія и, по ходатайству Яна Замойскаго, получили въ 1593 году *индигенатъ*, въ актѣ котораго сказано, что онъ даруется Могиламъ за особенную приверженность къ Полякамъ. Въ 1595 году Янъ Замойскій, въ качествѣ великаго короннаго гетмана и канцлера, посадилъ Іеремію на господарскомъ престолѣ въ Яссахъ, какъ польскаго вассала. Но подарилъ Іеремія недолго. Мѣсто его занялъ братъ его, Симеонъ. Но и тотъ былъ вытѣсненъ интригами откупщиковъ, какъ слѣдуетъ, по существу дѣла, назвать тогдашнихъ господарей обоихъ дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи. Могила окончательно переселились въ Польшу, которая въ неурядицѣ превосходила Турцію, но все-таки представляла больше безопасности личной.

Современная переписка панскихъ нунціевъ съ Римскою Куріей представляетъ намъ отца и дядю Петра Могила въ такой же связи съ предводителями польскихъ іезуитовъ, въ какой состоялъ съ ними и домъ князя Василя. Напримѣръ, въ наставленіи, данномъ нунціемъ Маласпиною преемнику его въ Польшѣ 1598 года, говорится, что „папа установилъ въ Молдавіи и Валахіи епископа, который недавно прибылъ въ свою резиденцію“; а въ инструкціи, полученной изъ Рима нунціемъ Симонеттою 1606 года, сказано уже прямо: „Хотя господарь Симеонъ исповѣданія греческаго, не смотря на то, весьма расположенъ къ католикамъ, равно какъ и братъ его Іеремія, послѣ котораго вступилъ онъ на господарство. Вы будете поддерживать пріятельскія отношенія съ нимъ и съ его секретаремъ, добрымъ, какъ говорятъ, католикомъ“, и пр. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще господарь Петръ Хромой трактовалъ съ нунціемъ Аннибаломъ изъ Капуи (1587—1590) о введеніи въ его краѣ католичества, и что посредни-

комъ между ними былъ извѣстный іезуитъ Стапиславъ Варпевицкій. Словомъ, Римская Курія ухаживала за властителями православныхъ Волоховъ, какъ и за польскорусскими православниками. Самъ Петръ Могила получилъ воспитаніе, какъ и князь Василій, при содѣйствіи іезуитовъ.

На сколько впечатлѣнія дѣтства отразились въ зрѣлыхъ лѣтахъ Петра Могилы, невозможно опредѣлить покамѣстъ; но свидѣтельства современниковъ не всё говорятъ въ пользу его православности, и еще меньше обнаруживаютъ въ немъ русскую идею, которою были преисполнены Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій.

Петръ Могила отличался жизнью трезвою и набожною, подобно своему совмѣстнику по митрополіи, Іосифу Рутскому и паперенику князя Василя, Ипатію Потѣю, подобно фанатику папскаго главенства Іосафату Кунцевичу, и, въ періоды покаяній, коронному стражнику Самуилу Ланцу, подобно, наконецъ, іезуиту Петру Скаргѣ, добродѣтельному, въ своемъ родѣ, человѣку, и многому множеству другихъ личностей того вѣка, которыхъ никакія насилія надъ ближнимъ не лишали благочестія и богоугодности, усвоенныхъ въ регулированномъ по извѣстному способу обществѣ. Онъ былъ ревнителемъ того, что въ его время называлось просвѣщеніемъ, какъ и всё польскорусскіе магнаты, считавшіе дѣломъ чести и долга, или побуждаемые тщеславіемъ и расчетомъ, основывать училища, типографіи, монастыри, госпитали. Онъ былъ возобновителемъ церквей, издателемъ церковныхъ книгъ и духовныхъ сочиненій, исправителемъ обрядовъ богослуженія, защитникомъ интересовъ своей митрополіи, воспитателемъ за-границей молодыхъ людей, наконецъ, основателемъ латинско-греческой коллегіи, изъ которой въ послѣдствіи образовалась Кіевская духовная академія. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы наша исторіографія вписала его имя въ лѣтопись русскихъ доблестей, наравнѣ съ великимъ и святымъ именемъ Борецкаго. Поразительной разницы между ними она не замѣтила.

Борецкій былъ созданіе русскомосковскаго, Могила — русскопольскаго единства. Сдѣлавшись въ началѣ іеромонахомъ, а потомъ архимандритомъ Печерскаго монастыря, Могила велъ себя такъ благочестиво и дѣятельно, что православный кіевскій митрополитъ не усумнился видѣть въ немъ достойнаго себѣ преемника. Однакожъ подобно помнить, что этого митрополита и проходимецъ Ахія умѣлъ увѣрить въ святости своихъ стремленій и правдѣ своей царственности. Могила сзумѣлъ не хуже Ахія сыскать благоволеніе къ себѣ наивнаго въ своей святости Іова Борецкаго, и сдѣлался его душеприказ-

чикомъ. Но не осталось никакого свидѣтельства, чтобы богатый архимандритъ Кіевонечерской Лавры когда-либо помогъ убогому митрополиту въ церковномъ строеніи или въ дѣлахъ милосердія и просвѣщенія.

Сдѣлавшись митрополитомъ въ свою очередь, Могила спосился съ московскимъ царемъ по предметамъ церковныхъ украшеній, выписывалъ отъ него мастеровъ сусальниковъ, предлагалъ ему къ услугамъ своихъ ученыхъ монаховъ, и посылалъ ему весьма цѣнные подарки; но когда братъ усопшаго митрополита, Андрей Борецкій, намекнулъ ему о воссоединеніи Руси съ Русью, онъ отвѣчалъ не обинуясь, что за это стоило бы посадить его на колъ. Одною этого свидѣтельства, сохранившагося въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, достаточно для того, чтобы знать, кто былъ Могила. Но я представляю и другія.

Противъ избранія Петра Могилы архимандритомъ печерская братія возставала всѣми своими силами. Пря о немъ продолжалась два года. Въ этой прѣ Копинскій, какъ и ему подобныя ревнители древняго русскаго благочестія, могъ играть важную роль. Можетъ быть, потому разошелся онъ и съ самимъ Борецкимъ, что между начинателей русскаго воссоединенія очутился челоуѣкъ инаго воспитанія, иной среды, инаго политическаго стремленія.

Могила восторжествовалъ наконецъ надъ оппозиціей; но его поддержалъ канцлеръ Замоискій, по его собственныхъ словамъ, „своею презентаціею, залечаньемъ и милостивою интерцессіею“,—восторжествовалъ такъ побѣдительно, что сдѣлался митрополитомъ, не проходя иноческаго искуса (какъ объ этомъ свидѣтельствуесть преданный ему монахъ Кальнофойскій).

Основанное Могилою сперва въ самой Лаврѣ училище вызвало также упорное противодѣйствіе со стороны соборныхъ старцевъ, и сохранилось преданіе о жестокихъ мѣрахъ, которыми оно было подавлено со стороны можновладника архимандрита.

Перемѣщенія этого училища въ Братскій монастырь домогался отъ Могилы Борецкій, чтобы поставить его подъ контроль паствы своей, и на кіевскомъ Подолѣ опять доходило дѣло до того, что Могила и его воспитаннымъ за-границею преподавателямъ латиногреческой коллегіи бозаки, безъ сомнѣнія, подкупленные монахами, грозили смертию уніата Грековича.

Противники Петра Могилы въ этомъ случаѣ были, конечно, неучи; но схоластическая наука, начажденная имъ въ Кіевѣ, произвела рабское подражаніе польщизнѣ, не вдохновила Малоруссовъ ниоднимъ

поэтическимъ стихомъ, а только сблизила малорусское общество съ польскимъ до неразличимости. Невѣжды въ схоластической мудрости были по своему правы, когда на попеченія новаго митрополита взирали съ тѣмъ же недовѣріемъ, съ какимъ относились и къ педагогическимъ ухаживаньямъ іезуитовъ.

Превозносятъ Петра Могилу за образованіе въ заграничныхъ академіяхъ наставниковъ его коллегіума, въ числѣ которыхъ былъ и его преемникъ по митрополіи, Сильвестръ Коссовъ. Но мы знаемъ, что князь Василій съ такимъ же усердіемъ къ распространенію наукъ доставилъ заграничное образованіе отступнику Мелегію Смотрицкому, а благочестивый домъ Киселей—другому отступнику, Кассіану Соковичу. Митрополитъ Коссовъ не могъ, подобно Смотрицкому и Соковичу, отвергнуться православія; но стоя на высотѣ схоластической науки, не впускалъ уваженія къ себѣ въ той средѣ, которая произвела Іоанна Вишенскаго, Іова Борецкаго и Исаію Копинскаго.

Одинъ изъ родственныхъ имъ по духу вѣры и по ревности къ русскому православію представителей тогдашняго духовенства, брестовскій игуменъ Аѳанасій Филиповичъ, въ дневникѣ своемъ, представляетъ Коссова искателемъ собственныхъ приватъ подъ архіерейскою рясою, наравнѣ съ прочими сановниками Могилына кружка, которые, по его словамъ, то покупали себѣ привилегіи на архимандріи и игуменства, то продавали себя уніатамъ и іезуитамъ, то собирали деньги на снятіе съ себя банниці. Пламенный вѣрою до изступленія, Филиповичъ относится ко всей Могилынской іерархіи въ томъ духѣ, въ какомъ Іоаннъ Вишенскій отнесся къ панамъ православникамъ. Изобразивъ безсиліе свое въ борьбѣ съ равнодушіемъ вельможъ, которыхъ напрасно убѣждалъ въ зловредности уніи, Филиповичъ говорить, что унія погибнетъ неперемѣнно, но что ее поддерживаютъ покамѣстъ наши старшіе духовные, если не словомъ, то самимъ дѣломъ, а это, замѣчаетъ онъ, еще хуже.

Немудрено, что Копинскій, питавшій ту же самую недовѣрчивость къ воспитанникамъ латинскихъ академій, заподозрилъ было и самого Іова Борецкаго въ склонности къ отступничеству. Исаію Копинскаго представляютъ завистникомъ, сварливымъ иповомъ, честолюбивымъ святошею; но все это лишь для того, чтобы придать сіяніе достоинствамъ Петра Могилы. Между тѣмъ въ поступкахъ молдавскаго господаря мы замѣчаемъ возмутительное для простосердечныхъ отшельниковъ искусство составлять себѣ партію и проводить своихъ кліентовъ на высшія духовныя должности.

Два убогіе черноризца, Копинскій и Борецкій, взяли на себя дѣло церкви и народнаго просвѣщенія, уроненное ополяченнымиъ доможъ князей Острожскихъ; но между нихъ втерся можлиовладный родственникъ Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Корецкихъ, Радивилловъ, и сдѣлался душеприказчикомъ нищаго митрополита. Очевидно, Могила билъ на то, чтобы по смерти Борецкаго тотчасъ возсѣсть на митрополию. Но его подозрѣвали въ стачкахъ съ папистами на счетъ православія, и на мѣсто Борецкаго былъ посвященъ путешествовавшимъ въ Москву греческимъ митрополитомъ Кирилломъ отгертый Могилою суровый товарищъ Борецкаго, Исаія Копинскій. Занимаемое Борецкимъ до смерти игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ также было предоставлено партією строгихъ православниковъ Копинскому.

Что Могила противодѣйствовалъ ему въ занятіи мѣста Борецкаго, видно изъ попытки нѣсколькихъ михайловскихъ монаховъ объявить своимъ игуменомъ придвѣрнаго Могилы, Филатія Кезаревича. Волненіе въ средѣ избирателей заставило Кезаревича отказаться отъ своей роли, которая могла сдѣлаться для него небезопасною, такъ какъ михайловская братія имѣла дружескія связи съ запорожцами. Могила не смѣлъ дѣйствовать открыто, и Копинскій утвердился на митрополи и архимандріи покажѣсть невозбранно.

Въ то время король Сигизмундъ III былъ уже дряхлъ. Въ Москвѣ носились даже слухи о его смерти и о возшествіи на престолъ Владислава IV. Иезуиты приутихли съ своею казуистикой. Протестанты и съ ними православные стали надѣяться на уничтоженіе уни, которая опротивѣла и самимъ католикамъ, какъ это всего яснѣе видно изъ письменныхъ упрековъ Льва Сопіги Иосафату Кунцевичу. Но дѣло, освященное Римомъ, было неприкосновенно для католической Польши. Все, чтд возможно было сдѣлать для успокоенія религиозныхъ раздоровъ, этс—вернуться къ тому порядку вещей, какой существовалъ до поѣздки Терлецкаго и Потѣя въ Римъ, но вернуться безъ всякой ломки и суматохи.

Малорусскіе паны, воспитанные польскою цивилизаціей, всѣ были болѣе или менѣе похожи на князя Василія. Сближеніе восточной церкви съ западною было ихъ общею мыслью. Они подготовлялись всею своею жизнію къ тому, чтобы соединить оказавшееся несоединимымъ. Самые протестанты, подъ конецъ жизни Сигизмунда III, начали уступать общему направленію церковносоціальной политики. Ихъ поголовное обращеніе къ папству было только вопросомъ времени, а королевичъ Владиславъ своею вѣротерпимостью ослаблялъ въ нихъ и послѣдній задоръ сектантовъ. Поэтому стоянье Копинскаго на древ-

нихъ преданіяхъ церкви не находило сочувствія въ высшемъ кругу, тѣмъ болѣе, что было поддерживаемо низшими классами, опиралось на козацкую силу и, что было всего возмутительнѣе для польскихъ государственныхниковъ, было освящено московскимъ кліентомъ, заѣзжимъ изъ Турціи митрополитомъ. Напротивъ Могила былъ такой человекъ въ глазахъ южнорусскихъ магнатовъ, котораго нельзя было попрекнуть ни происхожденіемъ, ни убожествомъ, ни искательствомъ у ненавистой для нихъ Москвы.

Могила уже при жизни Борецкаго, по словамъ папистовъ, „подавалъ наилучшія надежды“ на примиреніе несогласій между двумя вѣроисповѣданіями, и едва не предупредилъ витебской трагедіи устройствомъ малорусскаго патріархата. По проекту Смотрицкаго, обласканнаго Могилою, только что вступившимъ тогда въ монашество, православные и уніаты должны были собраться на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха, которымъ, судя по смыслу проекта, долженъ былъ сдѣлаться не кто другой, какъ Могила. Партія Кошинскаго воспротивилась этому дѣлу съ одной стороны, а Римъ взглянулъ на нее недовѣрчиво съ другой, и малорусскій патріархатъ не состоялся.

Гибель Купцевича и отступничество Смотрицкаго могли послужить Петру Могила предостереженіями и со стороны раздраженной папсты, и со стороны подозрительныхъ ея руководителей. Волей и неволей онъ долженъ былъ играть роль строгаго послѣдователя преданій русской церкви: только этимъ и было возможно ему обезоружить опаснаго ревностью къ Божію дому Кошинскаго. Онъ ждалъ своего времени, и время его настало въ 1632 году, когда скончался Сигизмундъ III.

Прежде всего сочиняетъ онъ козакамъ петицію, въ которой, наперекоръ фактамъ, говорится, будто бы козаки уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молятъ и слезно просятъ объ успокоеніи ихъ древней греческой церкви; потомъ собираетъ въ свою пользу голоса православныхъ пановъ, заручается ходатайствомъ протестантовъ Радвильовъ и католиковъ Замойскихъ, получаетъ отъ новоизбраннаго короля привилегію на кievскую митрополию, принимаетъ посвященіе въ митрополита въ Львовѣ отъ ничтожнаго архіерея, Іереміи Тисаровскаго, торжественно, въ преднесеніи митрополичьяго креста, возвращается въ Кіевъ и принимаетъ польское можновладство къ соглашенію несогласной папсты своей.

Въ кievскомъ обществѣ повторяется процессъ образованія панской республики. Мы ужъ и прежде, въ качествѣ православниковъ,

то группировались вокруг Острожскихъ и Радвильовъ, то замыкались въ предѣлахъ городскихъ общинъ и цеховъ, и между тѣмъ давленіе иновѣрной политики на папу религиозную совѣсть было таково, что, достигши теперь, въ лицѣ Петра Могилы, церковнаго самосуда и самоуправленія, мы очутились въ болѣе странномъ положеніи, чѣмъ въ какомъ были подъ властью доуніятскихъ нашихъ архіереевъ, ознаменовавшихъ себя въ исторіи святокупствомъ и распущенностію жизни.

Потеря нашихъ церковныхъ имуществъ, бессиліе нашихъ петицій на государственномъ сеймѣ, наша нищета, наше невѣжество и политическое разномысліе — заставляли и самыхъ смѣлыхъ изъ насъ, каковы были составители „Совѣтованія о Благочестіи“, впадать въ уныніе и безнадежность. Вдругъ среди насъ появляется человекъ, обещающій намъ возвращеніе потеряннаго, приобрѣтеніе религиозной равноправности, обиліе необходимыхъ для просвѣщенія средствъ и единеніе умовъ подъ авторитетомъ знатнаго происхожденія, широкаго родства съ патентами Рѣчи Посполитой, умѣнья властвовать и высокой по тогдашнему научной образованности. Наши церковные борцы, уповавшіе то на козацкую подмогу, то на высокую руку московскаго царя, видя, что козацкая подмога оказывается разбоемъ и грабежемъ, роняющимъ достоинство православія, а царская высокая рука не рѣшается простереться надъ ними, по недостатку въ малорусскомъ обществѣ соединенія и крѣпкаго стоянья, пошли толпой подъ щитъ можновладнѣка митрополита, и оставили убогаго подвижника Копинскаго въ положеніи, напоминающемъ неопредѣленность, двусмысліе и рискъ непризнаваемыхъ правительствомъ гетмановъ Запорожскаго Войска. Одни изъ нашихъ поповъ и монаховъ заняли подъ щитомъ законеннаго митрополита позиціи реестровиковъ, усердствовавшихъ коронному гетману; другіе окружали митрополита самовольнаго въ видѣ какихъ-то выписчиковъ, противившихся предержавшей власти.

Могила и въ званіи печерскаго архимандрита умѣлъ тѣснить Копинскаго своими Кезаревичами. Облекшись теперь во всеоружіе церковнаго верховенства, онъ пустилъ въ ходъ правило древняго Рима — „раздѣлай и властвуй“, вмѣстѣ съ правиломъ Рима новаго — „цѣль оправдываетъ средства“. Основателя Братскаго монастыря, страннопріимнаго дома при немъ для пристановища гонимому духовенству и вмѣстѣ греко-славянскаго училища для образованія борцовъ за православіе — тѣснилъ въ виду священства и монашества тотъ, кто воспользовался готовымъ фундаментомъ для возведенія на немъ полуезуитскаго коллегіума, тотъ, кто и самой митрополіи съ печерскою архимандріей достигъ по дорогѣ, проторенной Копинскими, Горецкими, Никифорами

Турапи, Плетенецкими. Предвосхитивъ у Копинскаго старѣйшинство въ православной церкви, Могила исключилъ даже имя его изъ печатнаго списка кievскихъ митрополитовъ, а созданное имъ изъ ничего училище переименовалъ въ коллегіумъ своего имени.

Оскорбленный до глубины души измѣнчивостью собратій, удручаемый нуждой и старостью Копинскій все-таки продолжалъ писаться кievскимъ митрополитомъ и проводилъ скитальческую жизнь, ища людей, способныхъ чувствовать по православному, какъ онъ. Но Могила и тутъ преслѣдовалъ его своими Кезаревичами, вписывавшими въ гродскія книги протестаціи о его самозванномъ будто бы игуменствѣ въ Михайловскомъ монастырѣ.

Даже московскій царь пересталъ для Копинскаго быть предметомъ упованія. Могила протѣснился между нимъ и Копинскимъ такъ, какъ прежде между Копинскимъ и Борецкимъ. Посылая царю въ подарокъ цуги лошадей и предлагая свои услуги для просвѣщенія народа по принятому отъ него молдавскимъ господаремъ способу, Могила затеръ при московскомъ дворѣ память о томъ архіереѣ, который первый изъ Малоруссовъ высказалъ великую мысль о возсоединеніи Русскаго міра.

Еслибы польскорусская республика одолѣла и переработала свои разбойные элементы (аристократическій и демократическій) такъ, какъ это сдѣлало у себя Московское Царство,—она бы вѣчно помнила услуги, оказанныя ей приемышемъ ея Петромъ Могилою. Хотя кievскія волненія, свидѣтели глухой борьбы съ нимъ приверженцевъ Копинскаго, и заставили его принять на себя образъ древняго русскаго благочестія во всемъ, чтò видитъ и смекаетъ малообразованное общество, но онъ до такой степени повернулъ церковную іерархію вспять отъ Москвы къ Польшѣ, что преемникъ, Сильвестръ Коссовъ, и послѣ формальнаго присоединенія Малороссіи къ Московскому Царству уклонился отъ присяги на подданство московскому царю.

Заслуги Петра Могилы по народному просвѣщенію, въ смыслѣ доставленія учебныхъ средствъ, и по малорусскому православію, въ качествѣ завоевателя похищенныхъ уніятами церковныхъ имуществъ, преувеличиваются у насъ, какъ и многое въ излюбленныхъ личностяхъ. Молдавскій господаричъ хлопоталъ вовсе не о пробужденіи русскаго самосознанія, не о томъ, чтò проповѣдывалъ Іоаннъ Вишенскій. Могилнская литература была водою на латинопольскія колеса. Могилнское просвѣщеніе было наивнымъ, если не умышленнымъ продолженіемъ іезуитской работы надъ выдѣлкой „добрыхъ католиковъ“ изъ закоренѣлыхъ въ своей малограмотности схизматиковъ. Вся жизнь Петра

Могилы и вся его политическая дѣятельность была такимъ же при-
тупляющимъ русское сознаніе явленіемъ, какъ и жизнь князя Василя
со множествомъ другихъ жизней, выдѣланныхъ іезуитами въ право-
славной средѣ по образу своему и по подобію.

Не Острожскіе и не Могилы привели великій Русскій міръ къ
единству дѣйствій путемъ православія, а именно тѣ люди, которые
незримо для польскихъ политиковъ противодѣйствовали острожанамъ
и могилинцамъ. Нищій митрополитъ Исаія Копинскій не напрасно
скитался изъ монастыря въ монастырь, изъ дома въ домъ, изъ города
въ городъ. Какъ ни громки были слова и дѣла, которыми митропо-
литъ богачъ и магнатъ, со многочисленною кликою своихъ панегири-
стовъ, заглушалъ его негодующій голосъ, но вопли великаго подвижника-
аскета дошли даже и до насъ, пробившись сквозь лукавыя рукописи
современниковъ и забытыя буквою головы потомковъ.

Вытѣсненный изъ украинской обители Іова Борецкаго, Копинскій
дважды проникалъ въ столицу къ правосудному, но безсильному „ко-
ролю королей“, къ безпомощному отцу польскорусскихъ „королятъ“,
Владиславу IV. Владиславъ не сомнѣвался въ справедливости жалобъ
Копинскаго и поставилъ можновладнику митрополиту на видъ, что
онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „наступалъ гвалтомъ на жизнь и
имущество сѣверскаго архіепископа, игумена Святаго Михаила Золото-
верхаго Кіевскаго; что онъ пограбилъ его имущество, документы, се-
ребро, церковные и его собственные аппараты; что и самого его
(Копинскаго) онъ билъ, оковывалъ, держалъ въ темницѣ, присваи-
вая себѣ его доходы“.

Не могъ и, конечно, не желалъ Владиславъ возстановить Копин-
скаго въ достоинствѣ кіевскаго митрополита, но повелѣлъ возвратить
ему Михайловскій монастырь со всѣми принадлежащими къ нему
имуществами и назначилъ по этому дѣлу особую комиссію изъ вое-
водъ, духовныхъ лицъ, судей, коморниковъ. Однакожь монастырь воз-
вращенъ ему не былъ, и Копинскаго прогнали даже изъ Мгарской
обители. Она была передана въ распоряженіе Могилъ племянникомъ
его, по двоюродной сестрѣ, Іереміею Вишневецкимъ, который тогда
объявилъ себя католикомъ.

Въ глазахъ отвергнувшихся православія, или готовыхъ отвергнуться
его при обстоятельствахъ благопріятныхъ, Могила былъ правъ, даже
захватывая монастыри у подвижника, истратившаго жизнь на ихъ
устройство, а Копинскій и въ своихъ жалобахъ на грабежъ, побои,
заключеніе въ темницу былъ безпокойнымъ кляузникомъ, полупомѣшан-
нымъ аскетомъ, отсталымъ противникомъ просвѣщенія, заимствован-

наго изъ „лучшаго его источника“. Но такихъ неугомонныхъ жалобщиковъ, такихъ засидѣвшихъ въ монастыряхъ аскетовъ и отсталыхъ противниковъ западной науки было у насъ много, и они громкимъ хоромъ приписывали всѣ бѣдствія, постигшія и постигавшія православную церковь, именно тому просвѣщенію, которое приходило къ намъ съ Запада чрезъ посредство иновѣрцевъ. Простодушно, неловко, иногда крайне грубо и невѣжественно проповѣдывали они: что „западнымъ хитроуміемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится“; что „философствующіе по западнымъ образцамъ отъ благочестія мнѣніями своими устраиваются“; что „паученный богомыслию завѣтами церкви безъ книгъ премудрѣетъ, простотою философы посмѣваетъ, смиреніемъ гордость потачмаетъ“, — и однакожь ихъ странная проповѣдь проникла въ Малорусскій народъ глубоко. Слушатели ихъ слова и свидѣтели ихъ страданій переводили не совсѣмъ ясныя мысли огорченныхъ апостоловъ на языкъ обыденной жизни своей. Толки о Ляхахъ, поступающихъ на православіе, ширились по всѣмъ путямъ, которыми странствовали подобные Копинскому скитальцы. Убѣжденіе, что унія должна погибнуть, становилось общимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось въ народѣ убѣжденіе и о неизбежной гибели всего ляхескаго. Возникшая у монаховъ эпохи Іова Борецкаго потребность искать убѣжища въ Московскомъ Царствѣ—въ эпоху Петра Могилы увеличилась. Цѣлые монастыри снимались таборомъ и бѣжали къ московскому рубежу „на царское имя“ отъ однихъ слуховъ о стачкахъ митрополита Петра Могилы съ папистами. Эти бѣгавья перепуганныхъ монаховъ за московскій рубежъ, гоньба за ними со стороны мѣстныхъ властей, какъ за похитителями чужой, принадлежащей монастырю, а не монахамъ, собственности и производимые надъ ними въ дорогѣ грабежи, наполняли тревогою весь пограничный край, и отзывались въ малорусскихъ захолустьяхъ чудовищными слухами о наступленіи Ляховъ на христіанскую вѣру. Невѣжественная чернь принимала эти слухи безъ всякой повѣрки, безъ всякой сообразительности, и на днѣ ея души залегала неясная покамѣсть мысль о поголовномъ истребленіи Ляховъ. Это религіозно-національное истребленіе Ляховъ предуготовлялъ не меньше самихъ іезуитовъ Петръ Могила, вопреки своему задушевному желанію — принадлежавшую Польшѣ Русскую землю соединить съ нею неразрывно.

Глава VIII.

Искатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства.— Паны строятъ на Дибѣрѣ крѣпость Бодакъ; козаки ее разрушаютъ.— Происхожденіе козацкаго своевольства отъ панскаго.— Крымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства.— Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья.— Запорожцы и городовики.

Историческій характеръ Петра Могила извращенъ у насъ до такой степени, что этого Поляка въ православномъ облаченіи противопоставляютъ польскорусскимъ панамъ, и утверждаютъ, въ „ученыхъ“ монографіяхъ, будто бы онъ былъ „благосклоненъ къ козакамъ, постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ“ и незадолго до смерти „ободрилъ“ Хмельницкаго въ его замыслѣ, „даже прибавилъ, что того постигнетъ клятва, кто въ такомъ дѣлѣ не приметъ участія, будучи способенъ помогать разсудкомъ или оружіемъ“ *).

Было совсѣмъ напротивъ. Могила, какъ это мы знаемъ документально, погрозилъ брату Юва Борецкаго страшною казнью за одинъ намекъ о возможности перехода Малороссіи подъ московскую державу. Благосклонность его въ козакамъ ограничивалась только наймомъ ихъ къ себѣ на службу для набѣговъ на сосѣднія имѣнія, а пріязненныя къ нимъ отношенія опровергаются однимъ уже тѣмъ, что его кліенты въ своихъ книгахъ называли козаковъ „дерзкими ребеллиантами“ **). Въ 1630 году Могила жаловался Концнопольскому па грабежи, которые терпятъ отъ нихъ монастырскія имѣнія; въ 1636 году послалъ въ павлюковцамъ своихъ игуменовъ съ увѣщаніемъ покориться панскому правительству, а въ началѣ 1638-го привѣтствовалъ въ Кіевѣ усмирителя ихъ, Николая Потоцкаго, отъ имени всего духовенства. Когда же дѣло козачества было проиграно и на Масловомъ Ставу козакамъ объявили рѣшеніе Рѣчи Посполитой, которое уничижало

---

*) Костомаровъ.

***) Бальиофойскій, „Тератургима“.

ихъ окончательно, присланный отъ Петра Могилы проповѣдникъ увѣщевалъ ихъ евангельскими изреченіями покориться приговору пановъ безропотно.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія и на то обстоятельство, что питомецъ Петра Могилы, кѣвopечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синописисѣ“ исчислилъ всѣхъ кѣвopскихъ воеводъ, въ томъ числѣ и католиковъ, но не упомянулъ въ этой первоначальной исторіи Малороссіи ни о мнимыхъ борцахъ за вѣру и присоединителяхъ къ Россіи нашего края, ни объ ихъ славныхъ гетманахъ.

Козаки готовы были сражаться противъ кого угодно и за кого угодно, какъ ремесленники боеваго дѣла. Одни изъ нихъ служили Могилѣ для захвата монастырскихъ имуществъ даже у такихъ людей, какъ Исаія Копинскій, а другіе служили самому Копинскому, пока онъ имѣлъ чѣмъ имъ платить, для обороны отъ такихъ напастниковъ, какъ могилинскій Кезаревичъ. Но была существенная разница между отношеніями къ Запорожскому Войску одного и другаго митрополита. Старый митрополитъ готовъ былъ во всякое время повторять козакамъ увѣщаніе восточнаго патріарха Теофана, чтобъ они не ходили войною на христіанскій родъ, Москву. Напротивъ новый, состоя въ родствѣ и дружбѣ съ вельможными отступниками православія, могъ только желать, чтобъ они во всемъ слѣдовали руководителямъ польской интеллигенціи и политики, іезуитамъ. Это подтверждается исторически извѣстными событіями.

До вступленія Могилы на митрополию, козаки были въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ московскимъ царемъ. Царь „отпустилъ имъ вину ихъ и преступленіе, дерзнутое ими противъ его благочестиваго государствія“. Козаки, съ своей стороны, ходатайствовали о дозволеніи быть подъ государевою высокою рукою, такъ какъ имъ „кромѣ государевой милости дѣться негдѣ“.

Понимая религію и церковь не лучше мусульманъ, козаки, въ 1630 году, пытались поднять малорусское простонародье на повсемѣстное избіеніе Ляховъ и Поляковъ. Подобно тому, какъ Наливайко готовъ былъ прислужиться Сигизмунду III рѣзаньемъ ушей и носовъ сверхштатнымъ добычникамъ, Тарасъ Федоровичъ хотѣлъ угодить Михаилу Федоровичу украинскимъ разбоемъ. Ничего лучшаго отъ козаковъ нельзя было ждать, какъ отъ „людей (по отзыву Посольскаго Приказа) дивихъ, необузданныхъ, не имѣющихъ страха Божія“. Но политика Петра Могилы низвела козачество еще одной ступенью ниже. Въ Тарасовщинѣ было хоть такое оправданіе разбоя, къ какому прибѣгаютъ иногда Жиды, нападаая среди базара на мужика съ

крикомъ *валть!* „Ляхи наступаютъ на христіанскую вѣру“, твердили козаки вмѣстѣ съ раздраженными монахами. Они выступали здѣсь въ роли защитниковъ Руси, которую жолнеры, по ихъ словамъ, пришли вырѣзать поголовно до московской границы, выступали въ роли мстителей за истребленіе цѣлыхъ мѣстечекъ съ женщинами, дѣтьми и попами, какъ объ этомъ распускали они слухи. Но вторгнуться въ православное царство, гдѣ не было ни Ляховъ, ни жолнеровъ, ни церковной уніи, было гораздо хуже. Однакожь такое вторженіе совершилось въ 1633 году, какъ въ 1618-мъ, и новый митрополить не сталъ отвлекать козаковъ отъ братоубійственнаго предпріятія, тогда какъ Польшу охранялъ отъ нихъ всячески.

При такомъ поддерживанѣи православной вѣры, которой „Знамя“, по словамъ извѣстнаго историка, „взяли козаки“, король Владиславъ IV призвалъ подъ свои знамена 15.000 воиновъ, недавно предлагавшихъ „единому православному царю“ службу свою, и пустилъ ихъ впереди шляхетскихъ дружинъ своихъ прокладывать татарскіе шляхи отъ Смоленска къ Москвѣ.

И польскіе, и иноземные наблюдатели возобновленной войны съ Московскимъ Царствомъ приписываютъ ея успѣхъ блистательной отвагѣ и опустошительнымъ подвигамъ днѣпровской орды, какъ и въ походѣ Сагайдачнаго. Отступление знаменитаго московскаго воеводы Шеина отъ Смоленска, его капитуляція и заключеніе вѣчнаго мира съ уступкою Польшѣ нѣсколькихъ удѣльныхъ когда-то княжествъ возвысили Рѣчь Посполитую въ глазахъ сосѣдей, запугали грозную для нея Турцію и заставили Крымскихъ Татаръ искать у короля вассальства, съ обѣщаніемъ завоевать ему Буджаки и всю Волощину до самого Дуная. Таковы были косвенные результаты произведенной Петромъ Могилою перемѣны въ нашей церковной политикѣ.

Всѣ приходскіе попы, ставленники Борецкаго и Кошинскаго, подъ разными предлогами, были смѣщены; архимандріи и игуменства раздавались тѣмъ лицамъ, которыхъ вопіавшій точно въ пустынѣ Филипovichъ осуждаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ пособниковъ уніи. Въ козацкія петиціи на сеймъ, казавшіяся грозными и самому Льву Сопігѣ, никто уже не вписывалъ церковныхъ домогательствъ, и козацкіе исповѣдники перестали внушать войсковой старшинѣ, что ходитъ на христіанскій родъ, Москву, великій грѣхъ. Теперь представители церковной іерархіи, съ Могилою во главѣ, стали внушать, что церковь католическая отличается отъ православной только нѣкоторыми обрядами. Это отличіе Могила всячески сглаживалъ въ издаваемыхъ имъ требникахъ, приспособляя православное богослуженіе

въ католическому, а чтобы дѣйствовать еще сильнѣе на умы въ духѣ единенія нашей Руси съ Польшею, поставилъ по всей Кіевщинѣ, Сѣверщинѣ и Полтавщинѣ такъ называемыя фигуры, или распятія, на подобіе католическихъ. Такъ какъ московское богослуженіе и напѣвомъ, и нѣкоторыми формальностями отличалось отъ установленнаго Могилою, и фигуръ, или распятій, по московскимъ дорогамъ не видать было вовсе, то и получалось для наблюдателя такое впечатлѣніе, какъ будто *русская* вѣра—одно, а *московская*—другое.

Но козаки не сдѣлались ни лучше отъ сближенія своей старшины съ „духовными старшими“ при Іовѣ Борецкомъ, ни хуже отъ разъединенія съ ними при Петрѣ Могилѣ. Ихъ происхожденіе, изъ соціальное развитіе и самое паденіе ихъ Запорожскаго Коша (при Евлатеринѣ II) зависѣли отъ ихъ добычнаго промысла, противоположнаго общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Не разставались они съ этимъ промысломъ никогда, какъ не разстается животный организмъ съ естественнымъ своимъ питаніемъ. Такъ и въ Московскую войну 1633—1634 года, когда 15.000 отборныхъ козаковъ обновили дикую славу Сагайдачнаго въ Великороссіи, громадна козацкія купы разбойничали по старому на Черномъ морѣ. Повторялась всё та же исторія, которой начало мы видѣли въ царствованіе Стефана Баторія. Никакія угрозы, просьбы и обѣщанія не могли удержать пограничныхъ добычниковъ отъ грабежа турецкихъ владѣній и черноморскихъ купцовъ въ то время, когда Баторію всего нужнѣе былъ миръ съ повелителемъ правовѣрныхъ. Еще Владиславъ IV стоялъ подъ Москвою, а своевольные козаки подняли Турокъ на Польшу по-прежнему. Султанъ Мурадъ IV выступилъ было уже къ Адрианополю. Но блистательный для Польши и унижительный для Россіи Поляновскій миръ сдѣлалъ его сговорчивымъ. Турки обѣщали обуздать Татаръ, Поляки—козаковъ.

Въ исполненіе новаго договора, Конецпольскій построилъ на Днѣпрѣ, выше Пороговъ крѣпость Кодакъ, и снабдилъ ее сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ львовскаго жителя, Француза Маріона. Маріонъ долженъ былъ наблюдать строго, чтобы по Днѣпру не гнали липъ для выдѣлки за Порогами морскихъ челновъ; чтобы изъ городовъ не доставляли на Запорожье съѣстныхъ и военныхъ припасовъ; чтобы никто безъ билета отъ украинскаго начальства не ходилъ въ днѣпровскія низовья ни водой, ни сухимъ путемъ.

Крѣпость на урочищѣ Кодакъ была окончена, и возымѣла дѣйствіе свое въ 1535 году. Въ это время „пофортунило“ одному изъ запорожскихъ пиратовъ, черкасскому козаку Сулимѣ. Былъ онъ въ

плѣну у Турокъ, и какимъ-то способомъ освободился отъ галерной каторги, овладѣлъ самой галерой, подобно кобзарскому Самуилу Кішкѣ, и положилъ триста Турокъ. Это случилось не на Русскомъ Черномъ, а на Греческомъ Бѣломъ морѣ Архипелагѣ. Сулима направился съ своей добычей въ Римъ, и представилъ свой призъ святому отцу, Павлу V.

Неизвѣстно, какимъ путемъ вернулся онъ въ Черное море, только слава его гремѣла среди добычнаго рыцарства. Охотники до козацкаго хлѣба, не давашіе сложиться и окрѣпнуть польскорусской республикѣ, рвались на Запорожье къ счастливому атаману. Но Кодакъ останавливалъ многихъ, если не всѣхъ, и двадцать отважныхъ молодцовъ сидѣло уже у Маріона въ кандалахъ. Сулима, предводительствуя шестью тысячами пиратовъ, овладѣлъ крѣпостью, вырѣзалъ гарнизонъ до ноги, а самого Маріона казнилъ смертью. Одинъ изъ пановъ королевской рады пишетъ въ своемъ дневникѣ, что Сулима разстрѣлялъ Маріона. Но авторъ „Львовской Лѣтописи“, характеризуя козаковъ своимъ вымысломъ, или ихъ собственнымъ хвастовствомъ, говоритъ, что несчастному Французу сперва отсѣкли руки и положили за пазуху, потомъ привязали его къ столбу, насыпали въ штаны пороху и взорвали на воздухъ.

Вернувшись въ Украину, Сулима хотѣлъ повторить попытку Жмайла и Тараса. Но въ это время калужскій и переяславскій староста Лукашъ Жовковскій, родной братъ великаго полководца, жилъ въ Переяславѣ по должности королевскаго комиссара. Онъ пользовался репутаціей „добраго пана“ даже у православныхъ священниковъ*), и умѣлъ расположить въ пользу правительства реестровыхъ козаковъ. По его совѣту, реестровики овладѣли копей бунтовщиковъ, схватили Сулиму съ пятью главными заговорщиками, забрали его артиллерію, пожгли морскіе челны, а схваченныхъ зачинщиковъ бунта привезли на сеймъ въ Варшаву.

Король отнесся снисходительно къ преступленію Сулимы, и готовъ былъ помиловать его. Онъ помнилъ козацкіе подвиги, нуждался въ боевомъ пародѣ и на будущее время. Коронный гетманъ и паны королевской рады, съ своей стороны, искали смягчающихъ вину обстоятельствъ, и хлопотали на сеймѣ о помилованіи преступниковъ. Но турецкій и татарскій послы представляли тутъ же, что въ этомъ году

---

*) Запѣски приходскаго священника въ Хмельникѣ, названныя мною „Хмельницкою Лѣтописью“.

козаки пять разъ выходили въ море для разбоя. Они настояли на казни Сулимы и его товарищей атамановъ. Сулимъ отсѣкъ голову, потомъ разсѣкли его тѣло на-четверо и развѣсили на четырехъ концахъ Варшавы, къ омерзѣнію зрителей (замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Альбрехтъ Радивиль, ревностный католикъ). Передъ казнию Сулима принялъ католическую вѣру и просилъ положить ему въ гробъ золотую медаль, съ изображеніемъ папы Павла V, пожалованную ему святымъ отцомъ за его рыцарскій подвигъ.

Когда пришла очередь казнить пятерыхъ товарищей Сулимы, и они стояли уже на эшафотѣ, коронный канцлеръ, Тома Замойскій, выпросилъ у короля помилованіе одному изъ нихъ Павлу Михновичу Буту, иначе Павлюку. По расчету ли, или по наследственной терпимости, дѣйствовалъ сынъ знаменитаго Яна Замойскаго, но онъ сдѣлалъ такую же ошибку, пощадивши Павлюка, какъ и Острожскій, помиловавъ Косинскаго. Вернувшись на родину Буть*), или Павлюкъ, поступилъ по пословицѣ о волкѣ, который никогда не перестаетъ смотрѣть въ лѣсъ. Онъ сдѣлался ватажкомъ выписчиковъ и возмутителемъ реестровиковъ.

Между тѣмъ казнь, отъ которой спасло его ходатайство короннаго канцлера, послужила украинскимъ лѣтописцамъ темою для сочиненія публичной инквизиціи надъ мнимыми героями національной свободы. Сами ли Павлюки сочиняли варшавскіе ужасы, или имъ служили своею грамотностію озлобленные попы и монахи, только въ Малороссіи, вмѣстѣ съ козацкими бунтами совершалась революція мѣстной, имѣвшая гибельное вліяніе на судьбу ея обитателей, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Наша Малорусская нація, въ цѣломъ своемъ составѣ, очутилась тогда въ Польскомъ государствѣ между двухъ противоположныхъ теченій. Верхнее увлекало ее къ Западу, нижнее — къ Востоку, и въ обоихъ теченіяхъ участвовали люди, усвоившіе іезуитскую манеру морочить общество. Но мороченье современниковъ, съ одной стороны, посредствомъ выдумокъ въ пользу папства, а съ другой — посредствомъ басенъ, ложныхъ слуховъ и представленія козацкихъ разбоевъ войною за вѣру, служить потомству объясненіемъ событій, въ силу которыхъ совершилось отпаденіе Малороссіи отъ Польши.

Въ то время, когда умы пановъ, мѣщанъ, самихъ козаковъ, чернорабочихъ сельскихъ жителей, бѣлаго и чернаго духовенства нахо-

*) Слово *буть* по-украински значило толмачъ, по-польски (bót) — сапогъ.

дѣлись подѣ вліяніемъ одного или другаго морочепья,—разбойный элементъ польскорусской республики продолжалъ развиваться на счетъ хозяйственнаго и промышленнаго общества.

За Московской войною 1633 — 1634 года послѣдовала новая Шведская война. Въ этой войнѣ казаки, недавно еще направляемые Шведами противъ Польши, подвизались мужественно противъ Швеціи. Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радивиль, въ своемъ дневникѣ, рассказываетъ о чудесахъ ихъ отваги и искусства. Отрядъ, состоявшій изъ 1.500 человекъ, подѣ предводительствомъ атамана Вовка, нанятый товарищемъ канцлера, Павломъ Сопігою, сѣлъ на заготовленные для него подѣ Юрбургомъ чайки. Самъ канцлеръ угощалъ козацкую старшину водкой и медомъ, а мѣщане снабдили весь отрядъ пищею и напитками. Появившись на Балтійскомъ морѣ подѣ Пипявою, казаки озадачили Шведовъ певиданной здѣсь со временъ Кацута и Нингальда флотиліей, овладѣли кораблемъ, нагруженнымъ сѣбственными припасами, аммуниціей, и ужасали шведскихъ моряковъ больше всего тѣмъ, что, разбросанные бурей по морю, появлялись передѣ ними, съ возвратомъ тишины, въ прежнемъ числѣ и порядкѣ.

Тѣ же самые казаки, или ихъ товарищи, разорили, какъ уже сказано, королевскую крѣпость на Днѣпрѣ, а турецкаго султана и крымскаго хана, обезпеченныхъ мирнымъ договоромъ съ Польшею, вооружили своимъ пиратствомъ противъ Поляковъ до такой степени, что королевскому послу въ Стамбулѣ не дозволяли видѣться ни съ какими другими послами, требовали, чтобы Поляки приняли магометанскую вѣру, чтобы платили ежегодную дань Портѣ и истребили козаковъ. Въ противномъ случаѣ, Турки грозили опустошить Польшу огнемъ и мечемъ.

Такое оскорбительное для польскорусской республики требованіе заявляли въ Стамбулѣ уже нѣсколько разъ, и всегда изъ-за повои *swawoli ukraiņnej*, которая еще въ концѣ XVI вѣка озабочивала государственные сѣймы. Сводъ польскихъ законовъ (*Volumina Legum*) долго не называлъ этой *swawoli* козаками; и въ самомъ дѣлѣ, не одни казаки, но вся шляхта, мѣщане, даже католическое и православное духовенство, имѣли въ своемъ составѣ разбойный элементъ, не дававшій ни частнымъ хозяйствамъ, ни хозяйству государственному пользоваться тѣми богатыми средствами для преуспѣванія, какія представляли польскія и русскія провинціи королевства. Въ козацкомъ своевольствѣ и въ козацкихъ набѣгахъ разрушительный элементъ разбоя нашелъ только самое безобразное и вопіющее выраженіе свое. Но это произошло не отъ чего инаго, (повторяю въ сотый разъ), какъ

отъ своевольства шляхетскаго и отъ наѣздовъ одного пана на владѣнія другаго.

Еслибы по крайней мѣрѣ государственное казначейство польское было въ порядкѣ! Тогда бы и король и республика имѣли средства подавлять козацкіе бунты во-время, останавливать охотниковъ до козацкаго хлѣба въ стремленіи къ легкимъ заработкамъ, которое убивало въ Поляко-Руссахъ всякую привычку къ постоянному и настойчивому труду. Но, ассигнуя весьма скудные средства въ распоряженіе короля и короннаго гетмана изъ описаній къ одному и другому, законодатели республики давали обыкновенно козацкимъ разбоямъ дойти до невыносимости, и только тогда, когда „страшный домашній огонь“ охватывалъ цѣлыя области, принимались гасить его собранными второпяхъ средствами.

Павлюкъ, желая стать на мѣсто предводителя реестровиковъ, Василія Томиленка, началъ съ того, что представилъ имъ козацкую старшину панскими потаповниками и заѣдателями козацкаго жалованья, которымъ-де она дѣлится съ панами.

За участіе въ Московскомъ походѣ козакамъ дозволили вписать въ шеститысячный реестръ еще одну тысячу козаковъ, освобожаемыхъ такимъ образомъ отъ старостинской и панской юрисдикціи. Но жалованья, опредѣленнаго Запорожскому Войску, всё-таки изъ „королевскаго скарба“ не присылали. Когда реестровые козаки привезли Сулиму въ Варшаву, они просили короля заплатить ихъ войску давно уже неполучаемый *жолдъ*. Король и въ этомъ важномъ случаѣ очутился въ необходимости отсрочить исполненіе козацкой просьбы, отговариваясь—чѣмъ же? тѣмъ, что и кватряное или коронное войско не получило еще заслуженнаго жолду, „по недостатку денегъ въ скарбѣ“.

Козаки просили позволенія расположить свою армату въ шляхетскихъ имѣніяхъ, во вниманіе къ оскудѣнію ихъ средствъ. Но королевская власть на шляхетскія имѣнія не простиралась, а законодательное собраніе не могло отдать пограничную шляхту на съѣденіе козакамъ, которые уничтожали всякую доходность имѣнія, лишь только въ немъ поселялись. Это значило бы собственными руками рушить стѣну, сдерживавшую напоръ Азии на Европу.

Такимъ образомъ реестровые козаки ни за то, что выдали Сулиму, ни за то, что сожгли его челны, разорили кошъ и забрали артиллерію, не получили никакой награды. Послы ихъ привезли только обѣщаніе, что жалованье будетъ выплачено не позже Рождественскихъ святокъ. Но наступилъ новый 1636 годъ; прошла въ

напрасныхъ ожиданіяхъ зима; приближался уже и лѣтній срокъ полученія жолда, день св. Іліи, а деньги изъ Варшавы не приходили.

Нѣсколькихъ мѣсяцевъ проволочки было достаточно для Павлюка, чтобы поднять въ сулиминцахъ подавленный козацкій духъ. Недовольные правительствомъ реестровые казаки, въ свою очередь, не могли противиться убѣжденіямъ людей, бредившихъ вольною волею.

Бунтъ обнаружился прежде всего въ Переяславлѣ, котораго населеніе заключало въ себѣ козаковъ больше, чѣмъ всѣ другіе такъ называемые козацкіе города. Это былъ бунтъ козацкой черни, всегда готовой броситься на козацкую знать, которую она называла *дуками срубляниками* съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ низшая шляхта называла вельможныхъ пановъ *королятами*. Для собственнаго спасенія, „значные казаки“ прикинулись такими же бунтовщиками, въ ожиданіи выручки отъ короннаго гетмана.

На первый разъ отвелъ грозившую имъ бурю пріѣздъ въ Переяславъ королевскаго комиссара Луваша Жовковскаго. Онъ убѣдилъ козаковъ отсрочить назначенную ими на день св. Ільи войсковую раду, увѣряя, что скарбовый писарь ѣдетъ уже въ Украину съ козацкимъ жолдомъ. Но козацкая чернь, подзадориваемая сулиминцами, продолжала твердить о недоплаченномъ жалованьѣ, другими словами — давать бунтовщикамъ предлогъ къ террору надъ старшиною. На бѣду, скарбовый писарь съ измышленными деньгами не явился, а между тѣмъ одинъ изъ червонорусскихъ пановъ подалъ козакамъ новый поводъ къ волненіямъ.

Это былъ единственный сынъ русскаго воеводы, Яна Даниловича, и внукъ (по дочери) великаго Жовковскаго, Станиславъ Даниловичъ, владѣвшій широкимъ пространствомъ пустынной земли между Русью, Днѣпромъ и Тясминомъ, въ качествѣ корсунскаго старосты. Прибывши въ свой старостинскій городъ Корсунъ въ сопровожденіи обычнаго у знатныхъ пановъ почта, русскій воеводичъ, какъ его титуловали, расквартировалъ свою челядь въ домахъ реестровыхъ козаковъ. За постомъ панскихъ служебниковъ и коронныхъ жолнеровъ казаки обижались больше всего, какъ люди, освобожденные отъ всякихъ повинностей, и этотъ щекотливый пунктъ надлежало бы пану старостѣ обойти. Но не таковъ былъ русскій воеводичъ. Славный военными своими подвигами, онъ отличался такимъ буйствомъ, какъ любой козакъ во время кипѣнья козацкаго своевольства. Въ 1631 году, на сеймовомъ съѣздѣ, „безъ всякой вины“, какъ пишетъ очевидецъ, искалѣчилъ онъ винницкаго старосту Калиновскаго, отсѣкъ ему три пальца на правой рукѣ, равиль лѣвую и сверхъ того нанесъ

еще пятнадцать ранъ. Маршалковскій сеймовый судъ объявилъ его лишеннымъ чести, или инфамисомъ. По обычаю всѣхъ знатныхъ преступниковъ, Данилѡвичъ старался смыть съ себя инфамію усердною общественною службою. Когда новый король предпринялъ походъ въ Смоленщину, Данилѡвичъ явился къ нему съ контингентомъ, содержимымъ на собственный счетъ, и много ему содѣйствовалъ въ одолѣніи Шеина. Теперь онъ прибылъ изъ червоннорусскихъ имѣній своихъ въ Корсунь вербовать выписанныхъ изъ реестра козаковъ для похода на Татаръ, которые угрожали украиннымъ поселеніямъ со стороны очаковскихъ степей. Здѣсь ему доложили, что монахи Никольскаго монастыря самовольно основали на его старостинской землѣ мѣстечки Бужинъ, Вороны, Лозы и Пива. Данилѡвичъ велѣлъ прогнать чернецовъ изъ устроенныхъ имъ хозяйствъ, а новозаложенное ими мѣстечко приписать къ старѡству.

Этимъ были затронуты интересы козаковъ, присосѣдившихся къ осадамъ, не подлежащимъ старостинскому присуду. Старыя тяжбы Никольскаго монастыря съ низовцами за днѣпровскія угодія и недавнія жалобы монастыря Печерскаго на козацкіе грабежи свидѣлствуютъ, что козаки были тяжелы для монашескихъ хозяйствъ не меньше шляхты; но раздосадованные постоемъ корсунцы стали вопіять, что Ляхи наступаютъ на христіанскую вѣру. Вопли ихъ сдѣлаются еще характеристичнѣе, когда мы скажемъ, что Данилѡвичъ, навербовавши отрядъ выписчиковъ, пытался отразить съ нимъ татарскій набѣгъ, и погибъ въ отважномъ бою за безопасность Украины.

Ничто подобное не входило въ расчетъ пресловутыхъ борцовъ „за вѣру, честь, имущество и самую жизнь обитателей Малороссійской Украины“. Они имѣли въ виду лишь новый бунтъ, который долженъ былъ доставить имъ права, равныя шляхетскимъ. Общественное мнѣніе козацкихъ поселковъ терроризовало старшихъ козаковъ такъ сильно, что во всѣ полки разсланъ былъ, по выраженію комиссарской реляціи, очень горячій универсалъ, въ которомъ козацкій гетманъ Томиленко повелѣвалъ, подь смертною казнью, чтобы всѣ полки днемъ и ночью собирались „какъ на гвалтъ“, и прибывали къ арматѣ, которая выступитъ къ Русавѣ для генеральной рады.

Жовковскій былъ въ это время боленъ и чувствовалъ приближеніе смерти. По его представленію былъ назначенъ ему въ помощь другой комиссаръ, черниговскій подкоморій, Адамъ Свѣнтольдовичъ Кисель изъ Брусилова.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ Малоруссовъ, которые строили и охраняли Польшу заботливѣе самихъ Поляковъ. По сомнительности его

отношеній къ другимъ борющимся народностямъ, его можно назвать роднымъ сыномъ князя Василя и роднымъ братомъ Петра Могилы; но по искусству лавировать между противодѣйственными силами онъ превзошелъ ихъ обоихъ. Когда внутренняя политика Сигизмунда III преграждала дорогу къ возвышенію всѣмъ православнымъ, онъ умѣлъ получать королевскія пожалованія за одно то, что, ораторствуя на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры, позволялъ считать и называть себя уніятюмъ. По смерти Сигизмунда онъ принялъ сторону Петра Могилы, но постоянно возбуждалъ въ папистахъ надежды на примиреніе малорусской церкви съ римскою, и дѣлался необходимымъ какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, какъ для свѣтскихъ властей, такъ и для духовныхъ. Украинскія волненія послужили Киселю къ возвышенію, какъ человѣку вліятельному въ средѣ бунтовщиковъ. Они, эти волненія, заставили играть столько ролей, сколько существовало партій, желавшихъ видѣть въ немъ своего благопріятеля.

Въ качествѣ новаго комиссара, Адамъ Кисель явился лично въ козацкую раду. Тамъ голоса раздѣлились надвое. Одни требовали морскаго похода, другіе домогались наступленія на города, чтобы помститься надъ тѣми властями, отъ которыхъ казаки терпятъ обиды, засѣсть въ панскихъ имѣніяхъ и ждать уплаты жолда на готовомъ хлѣбѣ, какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ жолнеры.

Киселю удалось уговорить козаковъ пождать по крайней мѣрѣ до праздника Рождества Богородицы, и, пока наступилъ обѣщанный имъ срокъ, онъ такъ искусно подѣлилъ козаковъ на партіи, что одна партія мѣшала другой дѣйствовать въ видахъ задуманнаго бунта. Для этого принялъ онъ систему подкупа, на который козацкая старшина пошла безъ исключеній, а въ подкупу присоединилъ шпіонство, отъ котораго также не отказались члены козацкаго товарищества.

Здѣсь онъ весьма ловко воспользовался тѣми козаками, которые отличались богобоязливостью. Съѣздивъ въ Кіевъ къ своему пріятелю, Петру Могилѣ, и попросилъ его послать въ козацкій боишъ двухъ игуменовъ. Игуменамъ была вручена письменная инструкція, какъ они должны были дѣйствовать на козацкіе умы. Наконецъ, прикинулся больнымъ, прощался письменно съ единовѣрцами до загробнаго свиданія, а между тѣмъ сочинилъ фальшивое письмо къ себѣ отъ короля и, въ видѣ особенной расположенности къ знатымъ козакамъ, послалъ его секретно Томиленку. Въ письмѣ король выражалъ свое огорченіе, что казаки не вѣрятъ его обѣщаніямъ, что собрались устроить черную раду (совѣтъ войсковою черни), идти на Запорожье и опустошать панскія имѣнія; потомъ увѣрялъ Киселя, что деньги будутъ высланы не-

премѣнно, и грозилъ козакамъ своимъ гнѣвомъ, если они будутъ упорствовать въ мятежныхъ замыслахъ.

Между тѣмъ въ официальныхъ донесеніяхъ своихъ Кисель называлъ козаковъ людьми *religionis nullius, bellua sine capite* (не имѣющими никакой вѣры, безголовымъ чудовищемъ), дикарями, на которыхъ всего лучше дѣйствовать страхомъ. „Они уважаютъ духовныхъ греческой религии и любятъ богослуженіе“, писалъ онъ въ Конецпольскому: „но сами похожи больше на Татаръ, чѣмъ на христіанъ“. Козацкій бунтъ уподоблялъ онъ вереду, который лопнетъ только тогда, когда нарветъ, и вообще относился къ козакамъ съ отчужденіемъ и презрѣніемъ, вовсе не такъ, какъ иновѣрецъ Конецпольскій, который уважалъ въ нихъ рыцарскій духъ, третировалъ ихъ какъ шляхтичъ шляхтичей, предстательствовалъ за нихъ у короля, скорбѣлъ о нихъ, осматривая поле битвы.

То подкупая козаковъ, то мороча ихъ своими выдумками, то дѣйствуя на почитателей духовенства и любителей православнаго богослуженія, Кисель держалъ Запорожское Войско въ нерѣшимости отъ августа 1636-го до апрѣля 1637 года, и уже хвалился своимъ успѣхомъ въ разрушеніи запорожской крामолы. Но козаки охладѣли на время къ бунту по другимъ, болѣе сильнымъ вліяніямъ.

Крымскіе ханы давно уже рвались изъ-подъ султанскаго вассальства, подобно дунайскимъ князькамъ, и готовы были сдѣлаться польскими пограничниками. Уже въ 1597 году Крымцамъ было такъ тѣсно въ обѣднѣлой Тавридѣ, что они предлагали Сигизмунду III свое подданство. Но Сигизмундъ польскій домогался въ то время шведской короны, и оставилъ ихъ посольство безъ отвѣта. Въмѣсто того, чтобъ обратить свой добычный промыселъ на турецкія владѣнія, Татары продолжали существовать на счетъ Польши, и пограничныя польскорусскія области, за политическую несостоятельность правительства, заплатились многими и многими тысячами асыра. Теперь еще однажды представился Польшѣ случай сдѣлать изъ Крымцевъ относительно Турціи то, что сдѣлала изъ козаковъ Москва относительно Польши.

Разобиженный турецкимъ султаномъ Инаетъ-Гирей предлагалъ польскому королю свое вассальство. Онъ просилъ у Владислава хоть небольшой помощи, чтобъ уничтожить своихъ измѣнниковъ, Буджацкихъ Татаръ, и завоевать всѣ заднѣстровскія турецкія колоніи до самаго Дуная. На свою долю крымскій ханъ бралъ одну добычу; города и землю предоставлялъ королю. Конецпольскій сильно настаивалъ на принятіи ханскаго предложенія, представляя Владиславу IV, что по-

добный случай успокоить Польшу со стороны Азии никогда не повторится. Но въ Варшавѣ боялись новыхъ успѣховъ предприимчиваго короля. Въ Варшавѣ боялись даже той популярности, которою онъ пользовался у своихъ сподвижниковъ, козаковъ. Татарское присоединеніе къ Коронѣ, вмѣстѣ съ готовностью днѣпровской вольницы идти войной подъ самый Царьградъ, сдѣлало бы короля независимымъ отъ шляхты; а еслибы Владиславу удалось образовать въ Турціи отдѣльное царство, какъ объ этомъ была у многихъ мысль послѣ Хотинской войны, тогда бы польскій король явился такимъ же неограниченнымъ государемъ среди „королятъ“, каковымъ былъ московскій самодержецъ среди потомковъ удѣльныхъ князей. Законодательное собраніе шляхты не дало Владиславу денегъ для поддержки турецко-татарскихъ смуть и помѣшало набирать войско для занятія турецкихъ кресовъ, или украинъ. Между тѣмъ въ переговорахъ съ представителями шляхетскихъ партій ушло драгоценное время. Щедрый на обѣщанія, мечтательный и вмѣстѣ безстыдный Владиславъ обнадежилъ Инаеть-Гирея своею помощію, но ограничилъ ее тѣмъ, что, тайкомъ отъ своихъ пановъ рады, дозволилъ козакамъ идти съ Крымской Ордой за Днѣстръ.

Предводителемъ козацкаго контингента былъ не кто другой, какъ Павлюкъ. Онъ увлекъ за собой самую буйную часть Запорожскаго Войска, и вотъ почему дипломатія Киселя представлялась успѣшною. Но козаки, безо всякой дипломатіи, сдѣлали напрасными всѣ ухищренія королевскаго комиссара по козацкому вопросу и всѣ старанія короннаго гетмана по вопросу татарскому. Въ то время, когда павлюковцы геройствовали подъ ханскимъ бунчукомъ въ Буджакахъ, менѣе доблестные товарищи ихъ воспользовались отсутствіемъ боеваго народа изъ Крыма, и сдѣлали опустошительный набѣгъ на очаковскіе улусы. Ханскій походъ увѣнчался было успѣхомъ. Буджацкая Орда была разбита, разогнана, ограблена, и покорившіеся уймаки нашлись вынужденными переселиться въ Крымъ. Но вѣсти о козацкомъ набѣгѣ на очаковскія кочевья заставили Инаеть-Гирея поспѣшить возвращеніемъ въ свой Крымскій Юртъ, а въ его отсутствіе покорившіеся ему буджацкіе мурзы взбунтовались, побили на переправахъ султановъ, какъ титуловались ханскіе принцы, и вернули свою Орду съ ея стадами на Буджаки.

Такимъ образомъ крымскій ханъ изъ друга снова сдѣлался врагомъ Польши, а вредоносная Буджацкая Орда угнѣздилась за Днѣстромъ по-прежнему. Между тѣмъ Турки, зная, что козаки помогали хаву опустошать султанскія владѣнія, считали себя въ правѣ разрывать съ Польшею миръ, а наши добычники, ходившіе въ Буджаки,

съ соизволенія короля и въ очаковскія степи вопреки его волѣ, подняли снова въ Украинѣ мятежь, который началъ было утихать.

Къ прежнимъ неудовольствіямъ козаковъ прибавилось теперь новое. Въ отсутствіе Павлюка, козацкая старшина отправила на сеймъ просьбу объ уплатѣ задержаннаго за четыре года жалованья. При этомъ козаки просили, чтобы въ козацкій реестръ на вакантныя мѣста вписывали только тѣхъ, кого желаетъ войско, чтобы войсковая армата содержалась на счетъ королевскаго скарба, а скарбовыя рудокопни и селитренныя заводы отпускали, сколько понадобится ей, желѣза и пороку. Выѣстъ съ тѣмъ козаки жаловались на королевскихъ чиновниковъ, которые не только выгоняютъ козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній, но не допускаютъ ихъ жить и въ имѣніяхъ королевскихъ, такъ что множество козаковъ выселилось уже съ женами и дѣтьми къ московскому Бѣлгороду.

„Это потому (писали козаки), что намъ не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не дозволяютъ торговать горѣлкою, пивомъ, медомъ; даже на свадьбы и крестины не позволяютъ намъ курить и варить напитковъ. А тутъ еще паны старосты, поссорившись, наѣзжаютъ одинъ на другаго, и въ своихъ наѣздахъ бьютъ козаковъ. Между тѣмъ дворы, оставшіеся по смерти козаковъ, умершихъ на королевской службѣ, поступаютъ въ распоряженіе пановъ старостъ и подстаростіевъ, которые грабятъ козацкое имущество, выгоняютъ козацкихъ вдовъ, и даже престарѣлыхъ, неспособныхъ уже къ службѣ стариковъ бранятъ, грабятъ и обижаютъ“.

То было время преслѣдованія стараго митрополита молодымъ, убогаго инока богатымъ паномъ въ бѣломъ клобукѣ. Исаія Копинскій, вытѣсненный изъ Михайловскаго и Мгарскаго монастырей, скитался уже, преогорченный и безпомощный, среди того народа, которому онъ отдалъ всю жизнь, и своими сѣтованіями будилъ недовольство сильными міра сего въ сердцахъ не только обиженныхъ ими, но и завистливыхъ къ нимъ людей.

Одновременно съ нимъ странствовалъ берестовскій игумень, Аванасій Филипovichъ, на большихъ разстояніяхъ между Варшавою, Москвою, Киевомъ и Литовскою Брестью. Этотъ инокъ, полупомѣшанный на нынѣшній взглядъ, но вдохновенный свыше на тогдашній, видѣлъ небесныя знаменія, предвѣщавшія гибель уни, которой онъ приписывалъ всѣ ссоры пановъ съ панами, мѣщанъ съ мѣщанами, жолнеровъ съ жолнерами, и заподозривалъ въ пристрастїи къ ней даже тѣхъ, которые, подъ предводительствомъ Петра Могилы, отвоевали у униатовъ нѣсколько церквей и монастырей.

И тѣми же самыми дорогами скиталось безъ пристанища по всей Малороссіи множество низшаго духовенства, „удеспектованнаго“, какъ выразился Филипovichъ, новымъ митрополитомъ, и за кусокъ хлѣба платило самыми возмутительными слухами объ утѣсненіи православія. Умы неученыхъ, но тѣмъ еще больше приверженныхъ къ старымъ порядкамъ поповъ, монаховъ и набожныхъ мірянъ были раздражены переворотомъ въ церковной іерархіи, который намъ представляютъ продолженіемъ дѣятельности Борецкаго и его аеонской школы. Православная шляхта не называла Петра Могилу митрополитомъ до самой смерти Копинскаго; а между тѣмъ о немъ повторялись вездѣ такіе рассказы: что онъ бралъ приступомъ православные монастыри, точно иповѣрецъ; что, выхлопотавъ себѣ привилегію на монастырь и вломившись въ него съ пушками, какъ въ непріятельскую крѣпость, допытывался у монаховъ денегъ побоями; что престарѣлыхъ и слѣпыхъ игуменовъ, послѣ побоевъ, клалъ живыми въ гроба, и позволялъ себѣ надъ непокорными его вельнѣямъ чернецами такую тиранию, какую когда-либо видывали въ монастыряхъ. Одинъ изъ православныхъ пановъ, спасавшійся отъ Хмельнитчины въ Печерскомъ монастырѣ, вписалъ въ свой дневникъ мѣстное преданіе, что слуги Петра Могилы схватили въ Михайловскомъ монастырѣ самого Копинскаго и, перекинувъ, точно какой мѣшокъ, черезъ коня, привезли въ Печерскій монастырь.

Больше изъ ненависти къ иноплеменному владыкѣ, господствовавшему открытою силою, нежели на основаніи точныхъ извѣстій, попы и чернецы шумѣли по всей Малороссіи, что Могила идетъ путемъ Рогозы, Терлецкаго, Потѣя, а полубезумный отъ огорченій, дряхлости и нищеты Копинскій писалъ къ разлученной съ нимъ братіи Мгарскаго монастыря, — будто-бы польскій король съ панами своей радѣ и арцыбискупами постановилъ на сеймѣ уничтожить православную вѣру въ Польской и Литовской землѣ, обратить православныя церкви въ римскіе костелы, упразднить монастыри и вывести русскія книги: будто бы Петръ Могила отпалъ отъ христіанской вѣры и благословленъ отъ римскаго папы въ патриархи; причемъ будто бы Могила далъ польскимъ панамъ и арцыбискупамъ клятву сохранять одинъ видъ христіанской вѣры, а между тѣмъ христіанскую вѣру своимъ ученіемъ попать и всю службу церковную вмѣстѣ съ римскою вѣрою оставить по наказу римскаго папы.

Казалось бы, козакамъ, столь тѣсно связаннымъ, судя по нѣкоторымъ ихъ демонстраціямъ, съ церковью, слѣдовало бы, при семъ удобномъ случаѣ, упомянуть объ опасности, грозившей православію.

Но они, во всю войну 1637 и 1638 годовъ, ни въ просьбахъ на сеймъ, ни въ жалобахъ, подаваемыхъ королю и коронному гетману, ни даже въ сношеніяхъ съ частными лицами, не обозначили черты, которою обыкновенно характеризуютъ у насъ козацкіе бунты. Между тѣмъ это была первая козакошляхетская усобица, о которой дошла до насъ, игрою случая, весьма обильная переписка не только козаковъ съ ихъ противниками, но также и людей, постороннихъ козацкимъ интересамъ, однакожъ интересовавшихся вопросами церкви и экономическимъ бытомъ польскорусскаго общества въ Малороссіи.

Совокупность всѣхъ официальныхъ и частныхъ писемъ десятилѣтней эпохи, предшествовавшей бунту Хмельницкаго, представляетъ борьбу малорусскаго духовенства и малорусскихъ мѣщанъ съ папистами за религіозные и экономическіе интересы церкви съ одной стороны и борьбу землевладѣльцевъ съ разбойно-номаднымъ элементомъ за успѣхи сельскаго хозяйства—съ другой. Козаки въ глазахъ не только католической, но и православной шляхты, являются, если не наемниками воюющихъ между собою свѣтскихъ и духовныхъ пановъ, то партизанами какого-нибудь атамана, который сзывалъ ихъ подъ свой бунчукъ, то противъ оплошныхъ Татаръ и Турокъ, то противъ тѣхъ властей, которыя не давали имъ свободно заниматься добычнымъ промысломъ. По отношенію къ Польшѣ, они являются такими точно удальцами и разбойниками, какими были Хлопки Косолапы по отношенію къ Москвѣ, съ тою только разницею, что единоначальный характеръ московскаго общества не допускалъ домашней орды образоваться въ подобіе вольнаго рыцарства ни по украинамъ государства, ни на Дону.

На просьбу реестроваго козачества о расширеніи правъ его послѣдовало рѣшеніе, показывавшее, что правительство не намѣрено потворствовать ему ни въ чемъ. По исчисленію „сварбовыхъ людей“, козакамъ слѣдовало доплатить жолдъ за три, а не за четыре года. Именемъ короля имъ отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, отказывали въ правѣ покупать въ городахъ мѣста для поселенія и въ правѣ заводить собственныя винокурни и пивоварни; наконецъ, объявили, что въ козацкій реестръ будутъ вписываемы только люди, аттестованные панами старостами, и сдѣлали козакамъ выговоръ за то, что они своевольно селятся въ Корсуни, возбуждая въ своемъ войскѣ неудовольствія на распоряженія мѣстнаго старосты.

Озлобленные такимъ рѣшеніемъ козаки собрали въ апрѣлѣ 1637 года раду между Русавою и Кагарлыккомъ. Передъ созваніемъ рады

пущена была по всѣмъ козацкимъ околицамъ „поголоска“, будто бы король будетъ воевать съ турецкимъ султаномъ, и для того призываетъ на службу всѣхъ желающихъ сдѣлаться козаками. Охотниковъ до козацкаго промысла было въ Малороссіи такъ много, что въ раду собралось болѣе 10.000 человекъ, и эти десять тысячъ угрожали превратиться въ двадцать, въ тридцать и болѣе.

Королевскіе комиссары, подольскій воевода Станиславъ Потоцкій и черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, предупреждая разливы возмущенія, поспѣшили явиться среди рады съ скарбовымъ писаремъ, который привезъ наконецъ козакамъ жолдъ. Но они тотчасъ замѣтили, что недоплата жолда служила расстроивкамъ только предлогомъ къ бунту. Козаки грозили двинуться всею своею массою на Запорожье. Козаки готовились оставить Королевскую Землю совсѣмъ и переселиться въ Землю Царскую. Козаки требовали, чтобъ имъ вернули Корсунъ для помѣщенія войсковой арматы, и не хотѣли возвратитъ четырехъ захваченныхъ въ Кіевѣ пушекъ.

Комиссары отклонили ихъ требованіе совѣтомъ — обратиться вновь въ королю съ просьбою объ ихъ нуждахъ на ближайшемъ сеймѣ, такъ какъ инструкція уполномочивала ихъ (комиссаровъ) только на приведеніе Запорожскаго Войска въ порядокъ. Они показывали козакамъ отсчитанныя уже деньги, и велѣли произнести присягу согласно Куруковской комиссіи. Но тутъ поднялся новый ропоть. „Довольно уже мы присягали!“ кричали козаки. „Довольно уже мы выполняли всего такого и теперь выполняемъ!“

„Паны молодцы“ (сказалъ имъ тогда Потоцкій) „не доводите Рѣчь Посполитую до крайности. Если еще однажды обнажить она противъ васъ мечъ, то обнажить его съ тѣмъ, чтобъ изгладить и самое имя ваше. Пускай лучше эта земля заляжетъ у нея пустыремъ, пускай лучше водятся здѣсь дикіе звѣри, чѣмъ бунтующая чернь. Начать мятежь вы, пожалуй, начнете, но до предполагаемой цѣли не доведете никогда. Не грозите намъ тѣмъ, что уйдете на Запорожье. Здѣсь въ Украинѣ останутся ваши жены и дѣти, да и сами вы долго оставаться за Порогами не можете. Рано или поздно, но принесете наконецъ головы подъ саблю Рѣчи Посполитой. Напрасно также грозите вы измѣнить королю и переселиться въ другія мѣста. Отчизна ваша — Днѣпръ. Нигдѣ вы не найдете другой такой. Дона и сравнивать нельзя съ Днѣпромъ, равно какъ и тамошней неволи съ здѣшнею свободой. Что рыбъ безъ воды, то козакамъ безъ Днѣпра; и чей Днѣпръ, того и козаки должны быть вѣчно“.

Послѣ такой рѣчи, комиссары попрощались съ козаками, и объявили, что возвращаются къ королю съ деньгами и съ донесеніемъ объ ихъ бунтѣ.

„Это убѣжденіе“, писали они въ своей реляціи, „такъ размягчило варварскія сердца, что у многихъ козаковъ полились слезы. Одни пьяницы остались непреклонными. Старшій ихъ, хотя простой, но трезвый и скромный человѣкъ, положилъ булаву и комышину, знаки своей власти, поклонился всему войску, пожелалъ ему лучшаго согласія подъ начальствомъ болѣе счастливаго вождя, и удалился изъ рады“.

Козаки раздѣлились на партіи, и спорили одни съ другими отъ утра до вечера. Наконецъ упростили Томиленка вернуться на свой постъ, присягнули по всей формѣ, и тотчасъ же одного бунтовщика, какаго-то Грибовскаго, приковали къ пушкѣ. Но сторожа освободила узника и вмѣстѣ съ нимъ ушла за Пороги.

Тамъ находился глава мятежной партіи, Павлюкъ, дававшій камертонъ козацкой радѣ. Недѣли черезъ двѣ онъ сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, овладѣлъ войсковою арматою, и увезъ ее на Запорожье. Такимъ образомъ уплата козакамъ жолда и торжественная присяга на основаніи Куруковской комиссіи не послужили ни къ чему.

Узнавъ о похищеніи арматы, Томиленко послалъ къ Павлюку двухъ козаковъ съ обѣщаніемъ образумиться и вернуть армату Запорожскому Войску. Но титулъ Запорожскаго Войска павлюковцы присвоили себѣ, и, въ качествѣ главныхъ представителей козачества, увѣдомили реестровиковъ изъ Микитина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь, о своемъ намѣреніи исправить безпорядки, произведенные будто-бы козацкою старшиною въ Украинѣ во время ихъ пребыванія у крымскаго хана.

Это увѣдомленіе было не что иное, какъ прокламація, вооружавшая войсковую чернь противъ старшины и вызывавшая ее изъ Украины за Пороги. Въ виду апокрифическихъ прокламацій, принятыхъ у насъ за автентичныя, и въ виду невозможности положенія, какое даютъ у насъ козакамъ въ исторіи Малороссіи, мы этотъ документъ, писанный козаками къ козакамъ на польскомъ языкѣ, прочтемъ съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ него видно, какимъ тономъ надобно было павлюковцамъ говорить съ людьми невѣжественными и чѣмъ возможно было подвинуть на первый революціонный шагъ покорную правительству массу. Онъ перебираетъ всѣ чувствительныя струны въ козацкихъ сердцахъ; но между этими струнами не оказывается въ немъ ни приверженности къ церкви, ни патріотизма, которыми отличаются козакъ, изображенные нашею историографіею.

.....„Услыхавъ о такомъ безславіи войсковой арматы“ (писали павлюковцы), „что она не имѣетъ уже мѣста на власти, мы этимъ очень огорчились, и наплысь вынужденными выйти изъ Запорожья, чтобы взять ее къ себѣ. Причемъ, по милости Божіей, не сдѣлано нами никакого насилія ни товарищамъ нашимъ, козакамъ, ни панамъ-урядникамъ. Никого нигдѣ не *росквиливши* (не доведя до вопля), мы взяли армату, какъ собственные клейноты и скарбы. Теперь—хвалимъ Бога и его святую милость—войсковая армата поставлена на обычномъ мѣстѣ, въ которомъ она явилась во времена славной памяти предковъ козацкихъ, старинныхъ добрыхъ молодцовъ Запорожскаго Войска. Каковыя козацкіе предки, старинные добрые молодцы, стояли за нее грудью и проливали кровь въ разнообразной службѣ королямъ, милостивымъ панамъ своимъ, и всей Рѣчи Посполитой. Выходя изъ Запорожья съ арматою, для славы королей, милостивыхъ пановъ своихъ, козаки, подъ ихъ предводительствомъ, добывали славу и корысть Запорожскому Войску и никогда не лежали на власти, никакой кривды не дѣлали подданнымъ его королевской милости, равно какъ и въ имѣніяхъ шляхетскихъ; а побывавши гдѣ-нибудь на королевской службѣ и получивъ за свои заслуги кровавыя жѣлты, обыкновенно ставили армату на Запорожьѣ. И такъ было хорошо; такъ не надобно было имъ обращаться съ плачемъ и жалобами къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и къ панамъ урядникамъ украиннымъ. До сихъ поръ много есть въ Запорожскомъ Войскѣ старинныхъ добрыхъ молодцовъ, которые помнятъ, какъ водилось прежде.

„Но теперь“ (продолжаютъ павлюковцы) „одинъ только Богъ Святый можетъ знать, что въ этомъ Войскѣ дѣлается. Козацкіе старшіе—да благословить ихъ Богъ—не оглядываются на предковъ и не соревнуютъ тѣмъ панамъ-гетманамъ Войска его королевской милости Запорожскаго, которые подвизались для доброй славы съ арматою и клейнотами войсковыми,—тѣмъ гетманамъ, которые постоянно пребывали съ войскомъ на Запорожьѣ. вмѣсто того, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, помѣстивши армату и войсковый скарбъ на власти, не могли почему-то идти за Пороги. Точно медвѣдя изъ лозъ, такъ трудно было сорвать коньми армату обратно на обычныя мѣста, гдѣ и кони бывали не нужны. Богъ Милосердый вѣдаетъ, что это такое. Видно, отяжелѣла и, по причинѣ великой тяжести, не имѣла мѣста на власти. Поставили было армату въ Корсуни, такъ паны жолнеры выгоняли, а въ Кіевъ и въ Бѣлую Церковь, откуда получала она содержаніе, нечего было и думать. Неужели вы забыли Куруковскую комиссію, а равно и то, что по Кіевъ и Бѣлую Церковь паны-жолнеры не долж-

ны были ступить и ногою по сю сторону? *) Потомъ они измѣнили данную имъ присягу, и дали намъ на содержаніе войсковой арматы только Черкасы, Чигиринъ и Крыловъ **), гдѣ уже и людей нѣтъ, съ которыхъ бы армата могла имѣть содержаніе. Но и оттуда паны урядники повыгоняли насъ. Не обвиняйте же насъ за то, что мы, взявши армату, поставили ее на обычномъ мѣстѣ. Сами вы должны согласиться съ нами, что пока армата стояла на власти, то и выписи многократно бывали, за то что паны-урядники клеветали на насъ передъ его королевскою милостью. По этой причинѣ перестали насъ уважать и повыгоняли нашихъ товарищей изъ шляхетскихъ имѣній, а заслуженныхъ козаковъ грабили и повернули подъ свои права, и вновь ограбили“.

Оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ всѣ вопросы малорусской общественности, чуждые козакамъ по существу дѣла, представляя Курковскую комиссію въ превратномъ видѣ, говоря небывальщину о козацкихъ правахъ и сосредоточивая вниманіе массы на обидахъ отъ старшины и мѣстныхъ властей во вкусѣ простонароднаго многословія, павлюковскій универсалъ переходитъ къ прямому вооруженію войсковою черни противъ старшины.

„Все это сталося потому, что наши старшіе въ панскихъ имѣніяхъ на власти брали частыя и нестерпимыя *стации*, и обращали въ свою корысть. Вотъ за что нашихъ товарищей повыгоняли изъ шляхетскихъ имѣній и имущества ихъ пограбили. Ибо паны-урядники, хотя бы провинился и не товарищъ нашъ, тотчасъ клеветали пану коронному гетману на все войско, а панъ коронный гетманъ доносилъ его королевской милости, и отъ того войско наше подвергалось безвинно немилости и неудовольствію короля, нашего пана; отъ того и заслуженный жолдъ не доходилъ до нашего войска. Поэтому было бы гораздо лучше, когда бы козаки составляли одну компанію, одно войско, и у нихъ былъ бы одинъ старшій, а не два. Жили бы мы тамъ заодно, при войсковомъ скарбѣ, какъ братъ съ братомъ, въ страхѣ Божіемъ и въ добродѣтели и въ вѣрѣ, одинъ другаго почитая, какъ дѣлали наши предки, не давая своимъ врагамъ радоваться и топча ихъ подъ ноги.

„Напрасно вы называете насъ измѣнниками и грозите панамъ жолнерами; напрасно требуете, чтобы мы вернулись назадъ съ арματοю. Мертвый не встанетъ изъ гроба: такъ и мы не думаемъ о возвращеніи арматы. Нѣтъ, лучше вы смягчите сердце ваше и приби-

*) Ничего подобнаго нѣтъ въ Курковскихъ пунктахъ.

**) Такой же вымыселъ.

вайте къ намъ охотно и одностайно съ остальными воссѣвными влей-нотами. Будемъ жить вмѣстѣ при войсковомъ скарбѣ; а если его королевской милости, нашему милостивому пану, понадобится войско, то можетъ онъ и здѣсь насъ найти и повелѣтъ намъ своимъ милостивымъ писаньемъ идти на его непріятели. Такъ предки наши хаживали изъ Запорожья на коронную службу. Но еслибы наша земля жила въ покоѣ и намъ бы не было повелѣно ходить ни на море, ни на поле, тогда бы мы всѣ одностайно жили здѣсь на обычныхъ мѣстахъ, сторожа непріятели и не допуская вторгнуться въ нашу землю. А то вырвется изъ города какой-нибудь вотаждокъ на море, а на все войско падаетъ худая слава и королевская немилость, и отъ того пылаетъ разгорѣвшійся огонь. Вы пишете, будто бы этотъ огонь разрастается отъ насъ. Нѣтъ, мы въ томъ не виноваты. Соединимтесь-ка въ одну компанію, погасимъ этотъ огонь и пошлемъ общихъ пословъ къ его королевской милости съ объявленіемъ, почему армата не имѣетъ мѣста на власти. Кто опасается наказанія за свой проступокъ, пусть успокоится: войско присягнуло на томъ, чтобы жить по-братски и про шлага никогда не вспоминать. Но, еслибы, сохрани Боже, вы вздумали быть нашими врагами и въ одной компаніи съ панами-жолнерами поднялись на наше имущество, на нашихъ женъ и дѣтей, то вашимъ женамъ, имуществамъ и дѣтямъ достанется отъ насъ скорѣе. Только мы далеки отъ этой мысли. Мила намъ ваша родная земля, такъ же, какъ и вамъ, только не хочетъ она къ намъ прихилиться и жить съ нами въ согласіи“.

Универсалъ оканчивается угрозой тѣмъ, которые правила общественнымъ мнѣніемъ реестровиковъ.

„Слышали мы, что ваша милость, панъ-гетманъ, хотѣли идти на Запорожье, да только нѣкто изъ вашихъ совѣтниковъ не пустилъ васъ, именно панъ Опушкевичъ, этотъ високоумный писарь. Былъ уже такой премудрый писарь, Вовкъ, что сбивалъ войско съ толку, да и самъ измѣнилъ намъ. Пускай же бережется, чтобы и ему не было того, что Вовку“.

Глава IX.

Козакопанская усобица 1637 года.—Реестровики и выписчики?—Лѣвая сторона Дя́пра встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коронное войско идетъ на козаковъ.— Битва подъ Кумейками.—Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта.

Предводители реестроваго козачества видѣли, что Павлюкъ идетъ по слѣдамъ Жмайла и Тараса Федоровича. Они умоляли короннаго гетмана спасти ихъ отъ участи Саввича Чорнаго. Оправдывая свою оплошность относительно войсковой арматы, они увѣряли Конецпольскаго въ непоколебимой рѣшимости своей сохранить постановленіе Куруковской комиссіи и Переяславскихъ пактовъ, а о Павлюкѣ доносили, что онъ своими универсалами бунтуетъ противъ земледѣльцевъ (rolników) и пановъ служилую чернь, освобождая каждаго, кто назоветъ себя козакомъ, отъ какихъ-либо обязательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хлопотали, чтобъ украиннымъ властямъ было строго запрещено допускать подвозъ съѣстныхъ припасовъ на Низъ, а помѣщикамъ и ихъ намѣстникамъ было наказано удерживать своихъ подданныхъ отъ побѣговъ за Пороги.

Но реестровики, въ свою очередь, раздѣлились на двѣ партіи: одни были готовы идти къ Павлюку; другіе видѣли въ его бунтѣ бѣду для всего Запорожскаго Войска. Томиленко долго колебался между революціонерами и консерваторами, наконецъ поддался страху козацкаго террора, отъ котораго не спасли Саввича Чорнаго приверженцы Конецпольскаго. Тогда консерваторы собрали раду на рѣкѣ Русавѣ, низложили Томиленка, какъ человѣка ненадежнаго, и вѣрили старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ Великоруссу. Смѣстили вмѣстѣ съ нимъ и заподозрѣнныхъ войскомъ старшинъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Конецпольскій сдѣлалъ козакамъ выговоръ за самоуправство, однакожь оставилъ новый персоналъ ихъ управленія безъ перемѣны. Павлюкъ между тѣмъ воспользовался переворотомъ весьма искусно.

Возвышеніе Саввы Кононовича и другихъ знатныхъ козаковъ на степень войсковой старшины произошло не безъ интригъ и соперничества въ козацкомъ товариществѣ. Это было Павлюку на руку. Переяславцы давно уже вооружили противъ себя общественное мнѣніе суровыхъ низовцевъ. Слава ихъ за Порогами стала „недоброю“ еще въ то время, когда Лукашъ Жовковскій проживалъ въ Переяславѣ. Онъ задавалъ значнымъ козакамъ банкеты, слѣдуя примѣру Оомы Замойскаго, который, будучи кievскимъ воеводою, угощалъ козаковъ, по выраженію его біографа, *humanissime*. Расположивъ къ себѣ вліятельныхъ между козаками людей, Жовковскій пріобрѣлъ въ нихъ орудія для подавленія бунта, который долженствовалъ охватить козачество вслѣдъ за разореніемъ Кодака. Переяславцы нашли способъ овладѣть кошемъ Сулимы, и отдали въ руки пану комиссару схваченныхъ ими бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ, какъ мы знаемъ, были представлены самими козаками на сеймъ, а другіе отправлены Жовковскимъ сыпать валы въ пограничномъ тогда замкѣ Гадячѣ, принадлежавшемъ коронному гетману. Эту кару низовцы приняли къ сердцу ближе, нежели самую казнь Сулимы. Въ козацкой перенискѣ говорится, что разорителей Кодака употребляли на земляную работу съ обрѣзанными ушами. Зная, что и при Петрѣ Великомъ, при пасынкѣ Кіевопечерской крѣпости, козаки доводили его инженеровъ до того, что имъ обрѣкали шпагами уши, мы понимаемъ, какъ это дѣлалось 70 лѣтъ назадъ. Во всякомъ случаѣ, для козацкой расправы съ переяславцами представился теперь удобный случай. Составилась компанія людей, готовыхъ на все, и съ быстротой татарскаго налета, появилась, подъ предводительствомъ самого Павлюка, въ Украинѣ. Ставши кошемъ въ Боровицѣ, городкѣ, основанномъ Вишневецкимъ, Павлюкъ отправилъ летучій отрядъ, подобный тому, который овладѣлъ въ Черкасахъ войсковою арматою. Запорожцы схватили Савву Кононовича вмѣстѣ съ писаремъ Онушкевичемъ и новопоставленными старшинами, забрали все ихъ имущество, заключавшееся, какъ водилось у козаковъ, въ одной подвижности, и доставили въ Боровицу. Здѣсь козацкіе измѣнники были осуждены на смерть и казнены предъ глазами мѣстныхъ жителей.

Но запорожцы, рыскавшіе по переяславскимъ хуторамъ, для грабежа и ареста старшинъ, были обмануты въ своей гонитвѣ реестровымъ товарищемъ, Ильяшемъ Караимовичемъ. Этотъ Армянинъ, или, какъ пишутъ иные, крещеный Жидъ, умудрился схватить двухъ Павлюковыхъ атамановъ, Ганжу и Смолягу, иначе Смольчугу, потомъ, забравши свою подвижность и окруживши себя дружиною пріятелей ко-

заковъ, пробрался къ коронному гетману въ Баръ, и принесъ ему вѣсти о новомъ переворотѣ въ козацкой Украинѣ. Подобно тому, какъ въ 1630 году, по смерти Саввича Чорнаго, запорожскій революціонеръ Тарасъ восторжествовалъ надъ партією консерваторовъ,—Павлюкъ господствовалъ теперь надъ всѣми козаками, и провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ нимъ заодно дѣйствовалъ и низвергнутый переяславцами Томиленко. Но въ Украинѣ Павлюкъ не остался. Онъ сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ новаго чигиринскаго полковника, Карпа Павловича Скидана, иначе Гудзана, поручивъ ему приготовить украинскую чернь къ общему бунту, а самъ отправился за Пороги для окончательнаго устройства своего войска.

Павлюковскій бунтъ могъ быть подавленъ посредствомъ самихъ козаковъ, какъ и Сулиминскій; но въ это время Польша находилась въ такомъ положеніи, что правительство нашлось вынужденнымъ смотрѣть на козацкія злодѣяства сквозь пальцы, какъ войсковую усобицу, и готово было признать за Павлюкомъ старшинство, какъ признано за Кононовичемъ.

Турки не простили Полякамъ поддержки крымскаго хана. Кромѣ того, ихъ раздражало появленіе на Черномъ морѣ новыхъ чаекъ изъ Запорожья. Они готовились къ войнѣ, и, какъ было слышно, наводили уже два моста на Дунаѣ. Ханъ между тѣмъ игралъ двусмысленную роль, то подговаривая Поляковъ къ общей войнѣ съ Турками, то входя съ турецкимъ диваномъ въ условія на счетъ переселенія Бужацкой Орды, и угрожая Польшѣ вторженіемъ. 1637-й годъ былъ неурожайный. Дороговизна возросла до небывалой степени. Денегъ въ королевскомъ скарбѣ не было вовсе. Не на что было снарядить и одного новаго полка; а старыя кварталныя хоругви, не получая жалованья, жили въ долгъ и закладывали ростовщикамъ даже свое вооруженіе. Въмѣсто повиновенія ротмистрамъ, жолнеры бунтовали, подобно козакамъ, и, въ видѣ реквизиціи, грабили королевскія, шляхетскія и духовныя имуществва.

Правительственная неурядица дошла до того, что коронный гетманъ Конецпольскій сдѣлалъ манифестацію передъ Рѣчью Посполитою, слагая съ себя отвѣтственность въ томъ, что войско не выведено въ поле. При такихъ обстоятельствахъ ему было не до козаковъ. Видя отечество въ томъ положеніи, въ какомъ оно было передъ Хотинскою войной, онъ снизошелъ до того, что послалъ къ Павлюку двухъ ротмистровъ съ зазывомъ на войну съ Турками. Но Павлюкъ отвѣчалъ, что козацкія знамена обветшали, что казаки отказываются ходить въ битву за *шматъемъ*, и просилъ прислать Запорожскому Войску новое

знамя вмѣстѣ съ другими войсковыми знаками. На такое униженіе передъ бунтовщикомъ Конецпольскій согласиться не могъ. Онъ обратился къ частнымъ средствамъ, которыми польскорусскіе паны обыкновенно выручали свое отечество въ его опасныхъ столкновеніяхъ съ азійцами.

Между тѣмъ недавно прибрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался новымъ источникомъ бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ со стороны ея общественной разладицы. Онъ отличался издавна пустынною, какъ вообще были пустыни и польскія, и московскія окраины. Война 1633—1634 года заставила убраться отсюда все зажиточное, все прочно осѣдлое и хозяйственное. Остались одни тѣ подонки населенія, изъ которыхъ обыкновенно вырабатывались козаки. Но лишь только польскія власти заняли города отъ имени своего короля, казенныя, боярскія и монастырскія *сѣмща* стали наполняться пришельцами.

Тѣснимые другъ другомъ паны выпрашивали здѣсь вѣчистыя и доживотныя пожалованія, а мелкая шляхта съ откупщиками и арендаторами, Жидами, Армянами, Греками, Волохами, искала у новыхъ помѣщиковъ и державцевъ выгодной переуступки владѣльческихъ правъ. Черноработіе сосѣднихъ областей, привычные наслѣдственно къ переселенію въ просторныя, малогосподныя мѣста на новыя *воли*, хлынули отовсюду въ эту Канаду Рѣчи Посполитой, ища любезной всѣмъ бродягамъ украинской свободы и того хлѣба, который называется лежачимъ. Правительственные паны и самъ король, въ качествѣ новыхъ землевладѣльцевъ, покровительствовали эмиграціи тѣмъ, что не давали ходу жалобамъ старыхъ землевладѣльцевъ на зловердныя для нихъ зазвы со стороны заднѣпровской братіи.

Неизбѣжное въ польскорусскомъ обществѣ и зловердное можно-владство готовили такимъ образомъ новую область простонародныхъ волненій, въ придачу къ давнишнимъ малорусскимъ пустынямъ, колонизованнымъ панами по принципу личной свободы, которую рано или поздно приходилось имъ же самимъ ограничивать. Эти волненія сдѣлались тѣмъ опаснѣе для польскорусской республики, что къ бѣглецамъ изъ Земли Королевской присоединились въ Сѣверщинѣ бѣглецы изъ Земли Царской. Великорусскіе крестьяне, слыша о безгосподномъ бытѣ зарубежниковъ, и зная прецеденты завиднаго ихъ положенія, забирали у своихъ помѣщиковъ скоть, грабили всякую движимость, иногда убивали самихъ господъ, и перебѣгали къ сосѣдней шляхтѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, прибрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался разсадникомъ будущихъ опустошителей Польши, а съ

другой— старыя польскорусскія хозяйства теряли рабочую силу и приходили въ разстройство по мѣрѣ того, какъ поселяне находили для себя выгоднымъ и безопаснымъ оставлять прежнихъ помѣщиковъ для перехода въ новыя панскія осады. Отъ эмиграціонныхъ замѣшательствъ и убытковъ, высокія цѣны на сѣяныя припасы сдѣлались чувствительнѣе. Тѣсно связанныя съ этимъ финансовыя затрудненія правительства отражались на сборахъ къ войнѣ съ Турками, медленныхъ, разорительныхъ въ своей неправильности для всего края, и ободрили подобныхъ Павлюку демагоговъ къ такимъ предпріятіямъ, о которыхъ въ Московскомъ Царствѣ было не слыхать со времени изгнанія Поляковъ.

Руководители польской цивилизаціи, римскіе клерикалы, прибавляли къ этому нестройному хору общественной жизни свою рѣзкую ноту. Они продолжали распространять въ Малороссіи господство папы, не смущаясь никакими препятствіями. Уже въ 1620 году возникнулъ было въ Кіевѣ іезуитскій коллегіумъ, точно редутъ противъ Москвы, напоминавшей о древней отчинѣ своихъ государей самимъ вопросомъ атаману Сагайдачнаго, Одинцу. Появленіе восточнаго патріарха Теофана съ его московскою миссією и смѣлое возстановленіе православной митрополіи въ виду уніятской заставили іезуитовъ отступить въ ранговое имѣніе кіевскихъ бискуповъ, Хвастовъ, чтобы оттуда вновь шагнуть на кіевскія высоты въ 40-хъ годахъ того же столѣтія. Но зато городъ эпическаго русскаго князя Игоря, отбитый у Москвы Владиславомъ IV, показался имъ столь же удобнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ и древній Полтескъ, отнятый у нея Стефаномъ Баторіемъ. Іезуитскій коллегіумъ, памятный донинѣ въ названіи урочища Кляшторомъ, украсилъ живописный нашъ Новгородъ-Сѣверскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтители Польши нашли возможнымъ завести такую же фабрику папистовъ и на древнерусскихъ берегахъ Альты, въ столицѣ поваго козачества, Переяславѣ.

Съ 1631 года обширная Вишневетчина, обнимавшая Малороссію цѣпью городовъ и селъ отъ Карпатъ до Путивля, сдѣлалась такимъ же достояніемъ римскаго папы, какъ и владѣнія наслѣдниковъ Князя Василя. Князь Іеремія Корибутъ Вишневецкій, въ качествѣ просвѣщеннаго католика, презиралъ монаховъ и монахинь, которыхъ бывшій печерскій молчальникъ, Исаія Копинскій, водворялъ въ его задѣпровскихъ владѣніяхъ, но предвидя его ренегатства, Вишневецкій терпѣлъ ихъ только ради своего родственника Петра Могилы, который для Римской Куріи былъ *spes magna futuri* *). Когда честные игумены

*) Великая надежда будущаго.

обращались къ нему съ просьбами и жалобами, онъ отвѣчалъ имъ съ пренебреженіемъ, и давалъ чувствовать близость насильственного ихъ перехода подъ главенство римскаго папы. Зато въ Лубнахъ, Ромнѣ, Хоролѣ и другихъ городахъ своихъ строилъ онъ костелы, и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны.

О притѣсненіи православныхъ жителей этимъ, покамѣстъ, очень слабымъ оккупационнымъ корпусомъ, раскиданнымъ среди широкихъ займищъ, и о защитѣ русской цѣркви козаками не можетъ быть здѣсь и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ это у насъ принято говорить въ печати. Но форпосты католичества тѣмъ не менѣе томили многія сердца, сознававшія себя русскими, и привлекали грозу, готовую разразиться надъ польскими владѣніями.

Подобно тому, какъ іезуиты незримо для гражданской власти направляли уличныхъ бундовъ на разореніе иновѣрческихъ цѣрвей, наши монахи и попы, въ свою очередь, пользовались козаками - гультаями для уничтоженія маяковъ, направляющихъ движеніе въ Русскую Землю папистовъ. Говоря вообще, эти поклонники восточныхъ патріарховъ были никакъ не хуже, но и не лучше, своихъ братій по ремеслу, поклонниковъ римскаго первосвященника. Они были только невѣжественнѣе, и потому менѣе способны организовать въ сокрушительный заговоръ противъ свободы совѣсти, но проповѣдывать религію вражды готовы были точно такъ, какъ и тѣ, которые похищали у нихъ духовные хлѣбы.

Лишь только анархисты павлюковцы одолѣли козацкую партію порядка, тотчасъ же вся кабацкая голь, всѣ голодные и лѣнныя бѣдныяки, призванные запорожцами къ праздной и пьяной свободѣ, накинулись на королевскіе и панскіе города, отмѣченные католическими сооруженіями. Начали жечь костелы, убивать католическихъ духовныхъ и грабить ихъ имущества. Потомъ принялись и за шляхту. Требовали отъ нея лошадей, оружія, одежды, съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для козацкаго войска. При малѣйшемъ сопротивленіи грабили, разоряли, подвергали насиліямъ, убивали. По мѣрѣ возможности, шляхта давала гультаямъ отпоръ. Въ такихъ случаяхъ козацкая голода нападала на панскіе дворы громадными кучами, брала ихъ приступомъ, расхищала панское добро и предавалась всяческимъ ругательствамъ надъ побѣжденными.

Пожары, грабежи, убійства, захватившіе польскорусскую республику въ такой голодный годъ и при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, распространили страхъ и смятеніе по всѣмъ старымъ и но-

вымъ окраинамъ королевства. Адамъ Кисель, а за нимъ и другіе паны, проживавшіе въ своихъ сѣверскихъ имѣніяхъ, бѣжали съ лѣваго берега Днѣпра на правый, взывая къ своей шляхетской братіи о помощи противъ козацкаго разбоя. Остальные урядники и землевладѣльцы запирались въ укрѣпленныхъ городахъ, и дѣлали оттуда вылазки на Павлюковыхъ гайдамакъ, разорвавшихъ безоборонныя имѣнія.

Между тѣмъ намѣстникъ Павлюка, Скиданъ, иначе Гудзанъ, рассыпалъ по заднѣпровской Вишневетчинѣ и Сѣверчинѣ универсалы, призывая подъ свой бунчукъ всѣхъ, кто когда-либо участвовалъ въ козацкомъ промыслѣ, и грозя тѣмъ помѣщикамъ, которые бы осмѣлились не пускать своихъ подданныхъ въ козацкое войско, или воспрещать имъ продажу ихъ имущества. Этимъ онъ расторгалъ тѣ обязательства, на которыхъ ихъ паны и панскіе рольники держали при себѣ рабочей народъ, колебавшійся въ Украинѣ между добычнымъ и сельскохозяйственнымъ бытомъ. Населенію, устроившемуся здѣсь по закону взаимныхъ услугъ и нуждъ, угрожало паденіе до низшей ступени ассоціаціи, до ступени ордынской.

Князь Іеремія Вишневецкій былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ колонизаторовъ Украины. Основанныя имъ на Посулѣи и на Поднѣпріи слободы останавливали напоръ татарской дичи на всю польскую и московскую Сѣверію. Наслѣдникъ онаго славнаго Вишневецкаго, котораго народъ воспѣваетъ и нынѣ, правда, въ уродливой пѣснѣ, подъ именемъ Байды, онъ, подобно Конецпольскому, умѣлъ относительно козаковъ держаться въ равновѣсіи между грозою къ нимъ и милостью. Козаки ютились густо въ его украинныхъ осадахъ, и хаживали вмѣстѣ съ нимъ въ бывшую Половецкую Землю отлугивать къ Перекопу татарскія ватаги, но не смѣли буянить противъ его осадчихъ и намѣстниковъ. Онъ удержалъ бы гультаевъ и теперь отъ разрушенія костеловъ, отъ грабежа и разбоя; но гроза турецкой войны вызвала князя въ его волинскія имѣнія, а послѣ бѣгства Киселя и другихъ пановъ за Днѣпръ, Вишневетчина, со всею Нѣжинщиною и Черниговщиною, пришла въ такое хаотическое состояніе, какъ будто польскимъ Заднѣпріемъ овладѣли Татары.

Предоставивъ покамѣсть эту часть королевства собственной ея участи, колонизаторы малорусскихъ пустынь напрягали всѣ усилія къ отраженію турецкаго нашествія на Поднѣстрія. Татары прорывались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сквозь линію подольскихъ и брацлавскихъ колоній. Мелкая съ ними война и гонитва за ихъ летучими отрядами предвѣщали войну великую и опасную. Но, къ счастью Рѣчи Посполитой, весь придунайскій край бѣдствовалъ въ этомъ году отъ

неурожая травъ такъ точно, какъ и владѣнія польскія. Турки маневрировали по берегамъ Дуная, но не рѣшались двинуться по слѣдамъ несчастнаго Османа въ Днѣстру. Противъ нихъ дѣлалъ такую же демонстрацію вдоль Днѣстра Конецпольскій, съ малочисленнымъ короннымъ войскомъ, которое онъ умудрился таки вывести въ поле. Къ нему примкнуло нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ съ домашними своими ополченіями. Задача состояла только въ томъ, чтобы непріагелъ видѣлъ готовность короля къ войнѣ, и въ этомъ отношеніи расчетъ Конецпольскаго былъ вѣренъ. Турецкая война отодвинулась въ будущее. Прикарпатская Русь и ея защитники вздохнули свободнѣе. Паны стали подумывать о томъ, какъ бы имъ обуздать козаковъ.

Но король медлилъ съ универсаломъ о походѣ въ Украину. Онъ всё еще рассчитывалъ на возможность турецкой войны, которая дала бы ходъ его боевымъ способностямъ и облегчила бы тяготѣвшее надъ нимъ бремя панской опеки. Конецпольскій настаивалъ на необходимости обуздать запорожскую вольницу, но представлялъ, что выставить противъ нея недостаточныя силы значило бы рисковать и честью и безопасностью государства. Слухи о разореніи костеловъ и гибели католическаго духовенства тревожили правительство гораздо меньше, чѣмъ возмущенія рабочаго народа въ королевщинахъ и панскихъ имѣніяхъ. Не смотря на церковный задоръ со стороны козаковъ, борьба съ ними имѣла характеръ все еще чисто экономическій, и въ этомъ исключительномъ смыслѣ велись у Конецпольскаго переговоры съ Запорожскимъ Войскомъ.

Въ концѣ октября 1637 года коронный гетманъ послалъ къ своимъ ослушникамъ послѣдній увѣщательный универсалъ.

„Если вы забыли Курувовскій договоръ,“ писалъ онъ, „то прочитайте сызнова, и если не хотите его понять, то я вамъ объясню. На Запорожьѣ должна находиться обычная стража для наблюденія за переправами и добыванія вѣстей о Татарахъ. Старшій козацкій должень находится при полкахъ и сотняхъ, поселенныхъ въ королевскихъ городахъ и имѣніяхъ. Ему ввѣрена армата; ему предоставлена всякая власть надъ войскомъ. Желаніе ваше имѣть одного старшаго похвально; но я хочу, чтобъ онъ былъ у васъ не на одинъ мѣсяць и не на два, но утвержденный и поставленный королемъ, оставался бы до тѣхъ поръ, пока будетъ того заслуживать, стараясь о славѣ его королевской милости. Обагрятъ такъ часто руки кровью вашихъ старшихъ, вы оскорбляете величество вашего государя, а пролитая вами неповинная кровь должна вопіять о мщеніи и привести васъ такъ или иначе къ погибели.“

„Войсковые знаки и пословъ“ (продолжаетъ универсалъ), „могъ бы послать къ вамъ его милость король, но требовать этого подданнымъ отъ государя—дѣло не только непристойное, но и вредоносное. Кто монарху и пану своему предписываетъ законы? Кто можетъ ему повелѣвать? Получая ежегодный жолдъ, вы обязаны служить республикѣ во всякое время. А если станете ожидать пословъ, знаковъ, литавръ, то будете видѣть непріятеля развѣ только изъ-за частокола.

„До сихъ поръ государство смотрѣло сквозь пальцы на ваши разбои, грабежи, хищничество, но больше терпѣть ихъ не станетъ. Хоть бы и вся Украина стала разбойничать за одно съ вами, не думайте, что у республики не хватитъ силъ унять васъ и даже истребить. По милости Божіей, она до сихъ поръ не только давала отпоръ великимъ монархамъ, но и ставила ихъ въ трудное положеніе. Она и эти народы покорила мечемъ своимъ. Знайте же, что, если не оставите своего бунта и не подчинитесь Куруковскому постановленію, то вся Рѣчь Посполитая займется тѣмъ, чтобы не только прекратить своеволие, но потребить и самое имя козаковъ. Припомните себѣ Куруковщину, Переяславщину, которыя изъ-за небольшого числа вихреватыхъ головъ пожрали столько добрыхъ молодцовъ. Сабля у короля длинная: достигнетъ она васъ и на лѣсистыхъ дорогахъ. Опомнитесь, пощадите ваши вольности, не губите вашихъ достатковъ, прибрѣтеній и, что всего дороже, вашей жизни. Пускай злостный бунтовщикъ, которому не нравится господство его королевской милости, ищетъ себѣ иной земли, инаго государя, а васъ, добрыхъ воиновъ, въ послѣдней гибели не приводитъ“.

Но ждать отъ козаковъ покорности было напрасно. Реестровое войско находилось подъ терроромъ выписчиковъ, которые ограбили уже многихъ козацкихъ дукъ, и грозили каждому шляхтичу, мѣщанину и мужику не только разореньемъ, но и смертью. Собравшаяся за Порогами голода надѣялась на помощь крымскаго хана, Павлюкова пріятеля, и грозила „городовикамъ“ помститься, съ помощью Татаръ, надъ всѣми „ворогами“ своими. Это пахло каждому татарскою неволею и турецкою каторгою. Реестровики ужасались одинаково и прихода жолнеровъ для расправы съ бунтовщиками, и появленія бунтовщиковъ, сопровождаемыхъ Ордою.

Дѣйствительно Павлюкъ ухаживалъ за ханомъ, и подговаривалъ его къ совмѣстному походу въ панскія имѣнія. Сперва ханъ обнадѣживалъ его въ этомъ, рассчитывая на козацкую помощь въ борьбѣ съ предводителемъ Буджацкихъ Татаръ, Кантемиромъ. Но въ концѣ 1637 года Кантемиръ потерялъ то положеніе въ обществѣ турецкихъ башей,

которое дѣлало его опаснымъ для Инаеть-Гирей. Тогда Инаеть-Гирей заговорилъ съ козаками другимъ языкомъ. „Вы не что иное, какъ тѣло безъ головы“ (сказалъ овъ запорожскимъ посламъ). „Для такихъ своевольниковъ у всѣхъ монарховъ ворота настежь. Ступайте на всѣ четыре стороны, а воевать за васъ я не намѣренъ“.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ судьбу Павлюка. Но его неудача была для „городовиковъ“ тайною. Къ нимъ, однакожь, доходили слухи, что гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра находится не въ блестящемъ положеніи за Порогами: что ему не на что снарядить свое войско; что голодъ и дороговизна бунтуютъ противъ него голоду, а между тѣмъ къ нему нахлынули изъ Украины такіе козаки, которымъ не на что купить себѣ даже татарскаго лука; что Павлюкъ отказывался сажать безоружныхъ голышей на чайки для морскихъ разбоевъ, и пытался сдѣлать между козаками *руж*, съ тѣмъ, чтобы неспособныхъ къ войнѣ отослать въ Украину, но голыши грозили утопить своего гетмана въ Днѣпрѣ и составляли противъ него черныя рады.

Павлюкъ очутился въ такомъ положеніи за Порогами, въ какомъ находилась бывшая войсковая старшина среди взбунтованныхъ имъ рестровниковъ. Полагаясь на обѣщанія хана идти вмѣстѣ съ нимъ на разореніе панскихъ имѣній, онъ пропустилъ самое удобное время для морскихъ разбоевъ. Осенью Черное море сдѣлалось опаснымъ для козацкаго „гостеванья“, а идти въ Украину безъ хана Павлюкъ не смѣлъ. Между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе за Порогами угрожало ему голодомъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда бы паны остановили подвозъ такъ называемаго борошна *) изъ верхней Украины, не объятый еще козацкимъ бунтомъ. Всѣ-таки зимовать на Запорожьѣ казалось болѣе безопаснымъ, нежели стать лицомъ къ лицу съ той силою, которую паны успѣли наконецъ собрать противъ Турокъ. Дождавшись „весняного пролѣтя“, или „весенней воды“, самаго лучшаго времени для „верстанья добычной дороги“ по Черному морю, Павлюкъ надѣялся добыть необходимыя для своего предпріятія средства, и въ то же время поднять на Польшу Турокъ, а когда паны будутъ заняты защитою Днѣстра, вторгнуться въ Поднѣпріе и утвердить за собой титулъ гетмана навсегда.

Все это было извѣстно Конечпольскому отъ самихъ же сообщниковъ Павлюка, которые заискивали панской благосклонности на тотъ

---

*) *Борошно* у Запорожцевъ составляли: овесъ, сѣно, тютюнь, сало, сухари, шука разнаго рода, медь, соль, мясо, рыба, деготь, наличныя деньги на порохъ, возы, полотно, платки, чоботы и т. д.

случай, если бунтъ его окажется неудачнымъ. Зима была самое удобное время для подавленія козацкаго бунта, потому что козаць браць не столько силою, сколько искусствомъ зарываться въ землю и забираться въ недоступныя для преслѣдователей топи. Наступить на „городовыхъ“ козаковъ прежде, чѣмъ они соединятся съ запорожскими, Конецпольскій могъ и съ малымъ войскомъ, а когда реестровики отдѣлятся отъ выписчиковъ, то этимъ самымъ силы козацкія уменьшатся на столько, на сколько панскія увеличатся. Потомъ предполагалось возстановить разрушенный Сулимою Кодакъ, и навсегда прервать своевольное сообщеніе Украины съ Запорожьемъ.

Но объявленный жолнерамъ походъ былъ соединенъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое составляло въ Польшѣ вѣчное препятствіе къ развитію государственной дѣятельности. Срокъ, на который были наняты жолнеры, оканчивался 1 декабря. Жалованье не было имъ выплачено и за предыдущую четверть года. Жолнеры не могли отказать отъ похода, но пошли неохотно, съ тѣмъ чтобы, дослуживъ четверти, составить *związek* (революціонную сходку) и постоять за свои права противъ правительства. Они готовились къ бунту въ виду бунтовщиковъ, которыхъ должны были усмирять.

Эти чернорабочіе военнаго ремесла питали къ можновладникамъ ту самую зависть, что и козаки. Задолго до появленія мятежнаго козачества, они упражнялись въ мятежахъ, называвшихся звѣонками, рокошами, конфедераціями, и само правительство учило ихъ своевольничать, не платя имъ во-время жолла. Козаковъ они ненавидѣли, какъ людей, оспаривавшихъ у нихъ права постоя на украинскихъ пограничьяхъ, и презирали, какъ людей омужичившихся; но, въ массѣ своей, были готовы занять ихъ мѣсто и испровергнуть существующій порядокъ вещей со всеѣмъ, что было дорого и свято для націи.

Еслибы не домашнія панскія ополченія, кадры которыхъ составляла родовитая шляхта, то наемное, или квартанное, войско давно бы разыграло съ Польшей трагедію, которую готовили ей козаки. Въ бунтахъ своихъ оно не останавливалось ни передъ чѣмъ, разоряло и грабило костелы такъ точно, какъ и дивпровскіе добычники, и хотя большею частію принадлежало къ римской церкви, но, смѣшанное съ иновѣрцами, вообще презирало есензодовъ, и многіе католики жолнеры по пяти и больше лѣтъ не бывали у исповѣди. Рѣдкій изъ нихъ не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за грабежи и насилія, которые они позволяли себѣ въ видѣ привилегіи военнаго быта. Все города и все королевскія, панскія, духовныя имѣнія сторожились ихъ, какъ Татарь: поднимали передъ ними подъемные мосты, запирали съ прибли-

женіемъ жолнерской хоругви ворота, выставляли на валахъ и за частокколами вооруженныхъ людей, часто вступали съ ними даже въ бой, когда проигравшаяся, промотавшаяся и сердитая на все осѣдлое толпа требовала насильственно постоа.

Какъ между козаками, такъ и между жолнерами были трезвые, сдержанные и даже набожные предводители; но вообще ротмистры, поручики или намѣстники ротмистровъ, хорунжіе и товарищи предавались грабежу во время постоевъ и переходовъ до такого безобразія, что за жолнерскою хоругвию весьма часто тянулся обозъ всякой добычи, сопровождаемый забранными у мирныхъ жителей лошадьми, коровами, волами, а красой дикой сцены жолнерской жизни были непотребныя женщины, помѣшавшіяся даже въ такихъ лагеряхъ, какъ тотъ, который стоялъ противъ Османа II съ опасностію потерять независимость отечества. Это то своевольное войско, вмѣстѣ съ панскими ополченіями, уступавшими ему немногимъ, и козаками, въ которыхъ оно находило себѣ достойныхъ подражателей, было главною причиною той бѣдности панскихъ и королевскихъ крестьянъ, которая поражала наблюдателей помѣщичьяго, старостинскаго и державскаго быта польскаго. Оно же распространяло въ малорусскихъ провинціяхъ Польши и ту ненависть къ *Ляхамъ*, которою пользовались для своихъ военныхъ цѣлей козаки, происшедшіе въ значительной мѣрѣ отъ промотавшихся, или же наказанныхъ баниціею да инфаміею жолнеровъ.

Теперь эти рыцари, проведя лѣто въ сторожевой службѣ на турецко-татарской границѣ, охотно вернулись бы въ свои дома и пристановища на зиму; но ихъ вели въ украинскія пустыни воевать съ народомъ, у котораго, кромѣ коня да оружія, нечѣмъ было поживиться даже послѣ побѣды. Правда, козацкія жилища часто бывали полны скота и меду, главныхъ продуктовъ номаднаго хозяйства, а козацкія жены и дочки составляли для жолнеровъ самый пріятный предметъ завоеванія; но эти блага не всегда доставались имъ дешево.

„Косо поглядывали жолнеры на дорогу отъ Днѣстра къ Днѣпру“ (говорить въ походномъ дневникѣ войсковой проповѣдникъ ихъ). „Одни припоминали себѣ, *experientia docti*,*) Куруковщину, Медвѣжьи Лозы и многократныя битвы подъ Переяславомъ, зная, что съ этими бунтовщиками война не очень легка, не очень коротка и безопасна. Другіе размышляли о недавнемъ сеймовомъ рѣшеніи—распустить ихъ отъ колесъ изъ обоза **). Третьи не желали служить далѣе конца четверти,

*) Наученные опытомъ.

***) Изъ лагеря.

и заявили объ этомъ пану полевому гетману въ генеральномъ сборѣ передъ выступленіемъ изъ лагеря. Всю надежду возлагали паны на Божіе покровительство, которое можетъ послать современемъ спасительное средство въ безнадежномъ положеніи дѣль“.

Званіе полеваго короннаго гетмана въ это время послылъ чело-вѣкъ, весьма вліятельный по обширности своихъ владѣній, воевода брацлавскій Николай Потоцкій. Вся подольская шляхта называлась хлѣбоядцами дома Потоцкихъ, которому принадлежали многія старѣства и надъ Днѣпромъ, и въ Сѣверщинѣ. Ради собственныхъ интересовъ, люди мелкіе, вассальствовавшіе такъ или иначе въ этомъ домѣ, должны были поддержать щитъ, подъ который себя отдавали. Ради собственныхъ имущественныхъ и политикопанскихъ интересовъ, долженъ былъ и самъ полевой гетманъ взять на себя дѣло, требовавшее столько же боевой опытности, сколько и мужества. Надобно было выслужиться передъ шляхтою въ обстоятельствахъ трудныхъ и опасныхъ, чтобы доказать магнатскую готовность жертвовать имуществомъ и жизнью для общаго блага шляхетской братіи.

Когда кварталные жолперы, не выходящіе никогда изъ долговъ и потому расположенные ко всему отчаянному, стали отказываться отъ продолженія службы, Потоцкій склонялъ ихъ къ уступчивости то просьбами, то различными обѣщаніями, то ручательствомъ, что на ближайшемъ сеймѣ они будутъ освобождены отъ отвѣтственности за буйства и грабежи. Этакъ онъ привлекъ многихъ надежныхъ вояковъ на свою сторону. Но голодные, оборванные, проигравшіеся въ карты и въ кости жолперы бушевали въ „рыцарскомъ кругу“ своемъ передъ послами полеваго гетмана. „Рѣчь Посполитая неблагодарна къ намъ!“ кричали они, какъ-бы повторяя упрекъ запорожскихъ рыцарей. „Столько сеймовъ занимается она только постановленіями противъ жолперовъ да выдумываньемъ, какимъ бы способомъ стѣснить военныхъ людей. Трибуналы за вязанку сѣна лишаютъ насъ права на полученіе почетныхъ должностей. Панскіе банкеты начинаются и оканчиваются нашимъ униженіемъ. Называютъ насъ нищими да бродягами. У колесъ въ обозѣ даютъ намъ отставку, и велятъ разлетаться во-свояси по воздуху. По землѣ возвращаться намъ нельзя: надобно миновать панскія имѣнія изъ почтенія къ панамъ, а хоть и не изъ почтенія, такъ по-неволѣ, потому что вездѣ разосланы универсалы, чтобы съ нами поступали, какъ съ непріятелями. Духовныя имущества ограждены отъ насъ церковнымъ проклятіемъ, а королевскія находятся въ панскомъ владѣніи, какъ ранговыя. Проси и грози, какъ хочешь, только уважай давныя панамъ права, милуй ихъ владѣнія, умирай съ голоду,

ходи въ лохмотьяхъ, служи въ долгъ, и жди послѣдняго разоренія, пока не снесетъ голову острая смерть“!

Такія пререканія происходили между полевымъ короннымъ гетманомъ и квартанымъ войскомъ у самаго входа въ область козацкаго мятежа и въ тотъ именно моментъ, когда быстрымъ наступленіемъ на городовыхъ козаковъ можно было оторвать ихъ отъ запорожской голоты, которая, представляясь издали грозною силою, поддерживала украинскихъ гультаевъ насчетъ работающихъ людей всякаго званія.

Срокъ обязательный для жолнеровъ службы между тѣмъ истекъ. Павлюковцы это знали, и воспользовались усобицей своихъ противниковъ по-козацки. Они распустили въ Украинѣ слухъ, что король ничего не знаетъ о предпринятомъ Потоцкимъ походѣ; что король самъ борется съ панами; что онъ бѣжалъ изъ Польши въ Литву; что онъ зоветъ къ себѣ жолнеровъ на помощь, и оттого не хотятъ они идти на козаковъ съ Потоцкимъ.

Заслуга этой выдумки принадлежитъ Карлу Павловичу Скидану-Гудзану, который именовалъ себя „полковникомъ Войска его королевской милости Запорожскаго на всей Украинѣ“, а иногда—„он куномъ Украины“. Онъ обѣщаль мѣстнымъ землевладѣльцамъ всяческое вознагражденіе за дозволеніе проживающимъ въ ихъ имѣніяхъ товарищамъ Запорожскаго Войска продавать свою „худобу“ для немедленнаго вступленія въ его ополченіе, а козакамъ повелѣвалъ, подь страхомъ смертной казни, вооружаться и запасаться лошадьми и провизіей противъ пановъ жолнеровъ, которыхъ называлъ непріятелями греческой вѣры и душманами. Когда же грабежъ и разбой распространились по беззащитной Украинѣ, старался успокоить великаго короннаго гетмана, Конецпольскаго, что козаковъ несправедливо обвиняютъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою въ бунтахъ, воззваніяхъ къ своевольнымъ людямъ, наѣздахъ на замки и шляхетскіе дома, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ приходили вопіющія донесенія мѣстныхъ чиновниковъ и жалобы сельскихъ хозяевъ, страдавшихъ отъ козацкаго гайдамачества.

Стоя въ Бѣлой Церкви, на самомъ порогѣ окозаченной Украины, Николай Потоцкій съ одной стороны слышалъ революціонныя угрозы панамъ жолнерамъ, „непріятелямъ греческой вѣры и душманамъ“, а съ другой—топотъ удаляющихся отъ него хоругвей, которыя повидали горсть его приверженцевъ передъ глазами непріятеля, и возвращались въ центральную Польшу съ намѣреніемъ засѣсть въ одномъ изъ королевскихъ имѣній, и домогаться наградъ за свои заслуги, какъ они выражались подь бовомъ у короля. Нѣкоторыя хоругви были уже въ

18 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, въ Коростышовѣ, и поджидали только своихъ уполномоченныхъ, которые, вмѣстѣ съ послами прочихъ хоругвей, должны были рѣшить въ „генеральномъ кдлѣ“ (кругу): драться ли имъ съ козаками, или же идти терзать, какъ тогда говорилось, *vissega reipublicae**).

Это кдло собралось невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви, въ Хвастовѣ. Потоцкій, въ сопровожденіи преданныхъ ему ротмистровъ, явился среди шумящихъ представителей жолнерства и объявилъ рѣшительно, — что отступить отъ Бѣлой Церкви значило бы ободрить козаковъ на самыя дерзкія предпріятія, и потому онъ идетъ на нихъ съ нѣсколькими хоругвями да съ наемными Нѣмцами, предпочитая смерть столь постыдному отступленію.

Въ послѣднее время пришелъ къ Потоцкому съ небольшимъ ополченіемъ Адамъ Кисель. За нимъ прибыло еще нѣсколько пановъ. Другіе увѣдомляли, что спѣшать къ нему на помощь. Въ случаѣ торжества надъ козаками, взбунтовавшихся жолнеровъ ждала война съ магнатами, и имъ бы было не одобровать. Буяны пошумѣли еще немного, потомъ опомнились, и прислали къ пану гетману декларацію, что обязываются прослужить подъ его предводительствомъ еще три недѣли, но поклялись на сабляхъ — по истеченіи этого срока, избрать себѣ вольными голосами старшаго, и общими силами добиваться у короля справедливости.

Потоцкій обѣщалъ не допустить ихъ до этой крайности: по его ходатайству, правительство, безъ сомнѣнія, проститъ имъ все, что ими сдѣлано противузаконнаго, удовлетворитъ заслуженнымъ жалованьемъ и дозволитъ достойнымъ въ ихъ средѣ людямъ занимать почетныя должности.

Въ началѣ декабря полевой коронный гетманъ двинулся въ козацкую Украину.

Голодь въ 1637 году была такъ велика, что жолнеры, не привыкшіе уважать право собственности во время своихъ походовъ, часто принуждены были довольствоваться хлѣбомъ, спеченнымъ пополамъ съ желудями. Съ наступленіемъ Филиппова поста, наши священники разрѣшили прихожанамъ ѣсть мясо. Замедливъ походомъ въ глубяну Украины, Потоцкій далъ козакамъ время перемолотить хлѣбъ отъ прежнихъ урожаевъ и спрятать въ пашенныхъ ямахъ по полямъ и лѣсамъ.

*) Нѣдра республики.

Начались уже довольно крѣпкіе морозы, но снѣгу не было. Колоть и гололедаца затрудняли движеніе войска. Но пограничные паны, равно какъ и ихъ жолнеры, были тѣ же козаки по своей выносливости. Устроивъ колонизацію малорусскихъ пустынь при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, они выработали въ себѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе способность бороться за свое созданіе и съ людьми и съ природою. Война 1637—1638 годовъ доказала, что польскорусскимъ витязямъ недоставало только государственной соподчиненности, для исполненія угрозы, которую сдѣлалъ козакамъ Конецпольскій.

Главнымъ сдѣлаищемъ своего бунта козаки избрали Заднѣпріе и Оѵверцину. Тамъ съ октября читались по кабакамъ и базарамъ универсалы Скидана-Гудаана, которыми онъ возвѣщалъ „всѣмъ вообще посполитымъ людямъ христіанскаго роду“, что „враги Русскаго народа и старожитной греческой вѣры, Ляхи, идутъ въ Украину за Днѣпръ, чтобъ истребить Запорожское Войско и паненскихъ подданныхъ, и совершивъ тиранство надъ женами и дѣтьми, отдать всѣхъ въ неволю“; поэтому-де онъ призываетъ къ оружію всѣхъ, „кто только называется товарищемъ и остается при благочестіи и истинной вѣрѣ“.

Отдѣляя такимъ образомъ благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, Скидановы универсалы отдѣляли все вообще посольство отъ пановъ, которые, въ простонародномъ, усвоенномъ отъ ревностныхъ борцовъ за православіе возрѣніи, смѣшивались безразлично съ Ляхами; а что Ляхи были способны рѣшиться на истребленіе своевольныхъ подданныхъ, въ этомъ украинская чернь сомнѣвалась еще меньше львовскаго лѣтописца. Что попы да монахи шептали на ухо, то козаки, можно сказать, проповѣдывали съ кровель. Подготавливаемые съ 1630 года разсказами о повсемѣстномъ избіеніи Руси, объ умышеніи короля и сенаторовъ на русскія церкви, объ ихъ намѣреніи вывести русскія книги, мужики вѣрили, что козачество поднимается вновь на панство изъ-за того, чтобы не было въ Украинѣ какой-то невѣдомой имъ, но ненавистой по одному имени своему римской вѣры, уни. Толки о ломанѣ древней вѣры, вмѣстѣ съ голодомъ и безнаказанностью за грабежъ, вывели на попріще гайдамачества всѣхъ, кому нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта,—и проповѣдавшее козаками благочестіе сдѣлало быстрые успѣхи.

Въ городахъ князя Вишневецкаго Ромнѣ, Лохвицѣ, Прилуки, Лубнахъ, собирались громадныя купы бунтовщиковъ для опустошенія панскихъ имѣній, подъ видомъ защиты посполитыхъ людей отъ истребленія, а ихъ женъ и дѣтей—отъ татарской и турецкой неволи. Въ одномъ Галячѣ, принадлежавшемъ Конецпольскому, вписалось въ козаки до

2,000 человекъ. Въ Переяславѣ служилая шляхта была осаждена козаками въ замѣѣ, и томилась голодомъ. Полтавщина взбунтовалась подъ предводительствомъ популярнаго между козаками Остриянина, иначе Острияницы. Наконецъ, и Нѣжинъ, старѣство самого Потоцкаго, присоединился къ мятежу. Вообще на Заднѣпріи считалось болѣе 20,000 народу, вписавшагося въ козаки. Замѣна экономическихъ порядковъ порядками жизни номадной понравилась ему. Козацкіе новобранцы чуяли силу своего многолюдства, и хвалились, что не дадутъ Ляхамъ перейти на ту сторону Днѣпра.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ убѣжище на случай неудачнаго столкновенія съ панами жолнерами, Скиданъ появился на Польшѣ и сталъ сзывать козацкую раду въ Корсуни. Но Предднѣпріе, не отгороженное ничѣмъ отъ внутреннихъ провинцій Королевской Земли, вставало на землевладѣльцевъ осторожно. Служилая шляхта и мелкіе помѣшники удерживали еще здѣсь не только въ городахъ, но и въ селахъ установившійся порядокъ жизни. Осѣдлые козаки-реестровики показывали даже расположенность къ мѣстной шляхтѣ. Имъ не вѣрили, не находили между ними ни одного *интимнаго* (добродѣтельнаго), знали, что они подговариваютъ мужиковъ къ предательству; но, трепеща за свою жизнь, оставались на своихъ мѣстахъ, и колебанье чернорабочихъ между панскою и козацкою силою склонялось въ пользу повиновенія панамъ.

Еще въ то время, когда жолнеры были далеко отъ Роси, по этому рубежу козачины ходили тревожныя слухи, будто бы Лашъ заходить козацкимъ поселеніямъ въ бокъ со стороны степей вмѣстѣ съ наемными Татарами, а Потоцкій приближается къ нимъ прямымъ путемъ. Жолнерскія волненія заставили Потоцкаго простоять надъ Росью цѣлыя двѣ недѣли въ бездѣйствіи. Въ то время страхъ панскаго имени началъ было уступать страху имени козацкаго. Но изъ Запорожья стали приходять вѣсти, что Павлюкъ находится въ опасномъ положеніи среди бунтующей голоты. Одно время его считали даже низложеннымъ. Подъ влияніемъ такихъ вѣстей, оставшіеся дома реестровики дотого охладѣли къ бунту, что Скиданъ, созвавши раду въ Корсуни, не дождался ея рѣшенія, и ушелъ въ Мошны.

Въ это время Павлюкъ, державшійся недалеко за рѣчкой Тясминомъ въ выжидательномъ положеніи, получилъ извѣстіе, что хоругви уходятъ отъ Потоцкаго въ Польшу, и что Потоцкій только съ горстью отважныхъ людей, не зная о близости Низоваго Войска, рѣшился вторгнуться въ Украину. Моментъ показался ему счастливымъ. Онъ быстро двинулся впередъ, чтобъ не дать жолнерамъ спрятаться въ Мошнахъ, выбивъ оттуда Ски дана.

Съ своей стороны Потоцкій спѣшилъ покончить съ малочисленной толпою скидановцевъ, пока они не соединились еще съ павлюковцами и не подняли на него всѣхъ присмирѣвшихъ реестровиковъ.

Павлюкъ принялъ всѣ мѣры, чтобы походъ его оставался для пановъ жолнеровъ тайною. Поэтому передовые развѣзды панскіе не привозили Потоцкому никакихъ вѣстей о низовцахъ. Остановясь у села Кумеекъ, Потоцкій послалъ короннаго стражника Лаща Тучапскаго выбить Скидана изъ Мошенъ; но въ этотъ самый день, именно 5 (15) декабря, Павлюкъ подошелъ къ Мошнамъ.

Отрядъ Лаща, состоявшій изъ разновѣрной шляхты, Татаръ, Волоховъ и украинскихъ козаковъ, оказалъ важную услугу Потоцкому, опредѣлявъ силы непріятеля и давши знать о его намѣреніяхъ.

Ночуя съ 5-го на 6 декабря въ Мошнахъ, Павлюкъ разослалъ во всѣ стороны универсалы къ своей возачествующей братіи, увѣдомляя, будто бы жолнеры въ Корсуни и въ другихъ мѣстахъ поразорали церкви, а по селамъ повырѣзывали женщинъ и дѣтей. Онъ повелѣвалъ козакамъ, подъ строгою карою, спѣшить къ нему днемъ и ночью — воевать за христіанскую вѣру и золотыя вольности козацкія.

Лащъ, между тѣмъ, ночевалъ въ полѣ, не снимая панцыря, равно какъ и весь его полкъ, а утромъ подступилъ къ Мошнамъ.

Вообразивъ, что подъ Мошнами самъ Потоцкій, Павлюкъ наступилъ на жолнеровъ Лаща съ таборомъ и пушками. Здѣсь-то разбойники лащовщики показали, за что прощались имъ всѣ ихъ злодѣйства. Они, какъ выразился авторъ походнаго дневника, принесли павлюковцевъ на своихъ плечахъ къ полемому коронному гетману, занявшему боевую позицію подъ Кумейками. Стократно инфамизованный банить находился въ своей стихіи. Онъ такъ искусно раззадорилъ павлюковцевъ, что, даже наткнувшись на стоящее въ боевомъ порядкѣ войско Потоцкаго, павлюковцы ломились впередъ, очертя голову. Во всю дорогу, разъяренная толпа сопровождала стрѣльбу и гарцовыя схватки дикимъ крикомъ, крупною бранью, насмѣшками, и сквернословіемъ не только противъ коронныхъ гетмановъ, но и противъ самого короля.

Реестровые козаки, составлявшіе Павлюкову конницу, знали, что съ Потоцкимъ не легко будетъ управиться, и держались поодаль. Зналъ отъ нихъ, безъ сомнѣнія, и самъ Павлюкъ, что главныя непріятельскія силы стоятъ передъ нимъ, но раздумывать было поздно: предводимая имъ орда могла сломить Потоцкаго только первымъ напоромъ. „А чи далѣко панъ гетьманъ почувати ме?“ (кричали передовые бойцы его, размахивая значками). „Лащикю, Лапикю!“ (грозили другіе), „побіжишь ты до хайцику“ (то-есть: спрячешься въ густыхъ кустахъ).

Но уже гремѣли съ разныхъ сторонъ пушки. Уже нѣмецкая пѣхота открыла такъ называемый нидерландскій бой, и тотъ самый Лаць, который бѣжалъ, огрызаясь передъ козаками, точно волкъ передъ собаками, ломился теперь, какъ медвѣдь, въ козацкій таборъ, на челѣ своихъ панцырныхъ ротъ.

Военное искусство Потоцкаго оказалось гибельнымъ для павлюковцевъ, рассчитывавшихъ на свое многолюдство. Реестровики, наблюдавшіе бой издали, бѣжали въ самомъ его началѣ. Но Потоцкій напрасно ждалъ, что выписчики, очутясь подъ огнемъ и желѣзомъ, точно въ адской кузницѣ, попросятъ пощады. „Это хлонство было такъ ожесточено“ (писалъ онъ въ своей реляціи), „что мы только и слышали выраженіе ихъ рѣшимости лечь одному на другомъ; а когда кто изъ нашихъ падалъ съ коня, они бросались на него, и рвали трупъ на куски, пока мы не покрывали его грудю козацкихъ труповъ“.

Таковъ былъ результатъ сочиненныхъ Павлюками да Гудзанами вѣстей о разореніи церковей православныхъ, объ истребленіи по селамъ женъ и дѣтей козацкихъ. Углубляясь въ таинственный козацкій край, Потоцкій даровалъ жизнь всѣмъ пойманнымъ „языкамъ“, не тронулъ ниодного козацкаго жилища, а приводимые къ нему встрѣчные попы, ободренные подарками, свидѣтельствовали на разспросахъ, что козаки не терпятъ ихъ присутствія въ своихъ кошахъ и таборахъ. Но люди, выдавшіе разореніе католическихъ костеловъ и участвовавшіе въ избіеніи всендзовъ, твердили съ умысломъ, что войско, предводимое Коцеполюскими да Потоцкими, вырѣзываетъ прихожапъ до ноги вмѣстѣ съ ихъ священниками, выдавлиываетъ женщинамъ деревомъ груди, варить козацкихъ дѣтей въ котлахъ, а когда схватить обманомъ козацкихъ вождей, то сжигаетъ ихъ въ присутствіи сенаторовъ среди Варшавы, пригвоздивши къ смолянымъ доскамъ, ломаетъ на рукахъ и ногахъ кости, тянетъ колесомъ жилы и распинаемыхъ такимъ образомъ борцовъ за православіе бьетъ по лицу грудю, отрѣзанною тутъ же у жены.

Самая звѣрская битва кипѣла подъ Кумейками отъ полудня до ночи. Но обезумленные Запорожцами выписчики гибли напрасно. Передъ вечеромъ, въ самый критическій моментъ, когда одинъ еще часъ упорнаго боя стоилъ бы, можетъ быть, Лацкамъ и Потоцкимъ безславной гибели, Павлюкъ и главные сообщники его исчезли незамѣтно со сцены кровавыхъ подвиговъ, какъ и реестровая конница. Но и послѣ бѣгства вождей, мужа и отцы мнимо истребленныхъ женщинъ и дѣтей, поклонники мнимо поруганныхъ святилицъ, защитники тѣхъ силъ, которыя будутъ вырѣзаны до ноги, и тѣхъ людей, кото-

рыхъ отдадутъ невѣрнымъ въ неволю, продолжали сражаться,—нѣтъ, они продолжали гибнуть! Они, къ прискорбію, и, можетъ быть, къ ужасу пановъ, валялись кучами одни на другихъ.

Въ это время изъ толпы добычниковъ выдвинулся дикій талантъ, блистательно поддержавшій низкое по средствамъ и цѣлямъ, но героическое по рѣшимости дѣло Павлюка и Скидана. Нѣкто Дмитрій Томашевичъ Гуня *) сдумалъ во время крушенія козацкаго табора, состоявшаго изъ многихъ тысячъ возовъ, устроить позади бойни другой воевой таборъ, вооруженный двумя пушками. Гона въ сумеркахъ разсѣянное наконецъ полчище выписчиковъ, жолнеры Потоцкаго наткнулись на новый вагенбургъ, такъ же крѣпко сдѣленный, какъ и тотъ, который стоилъ имъ потери множества храбрыхъ воиновъ. Его окружили со всѣхъ сторонъ и до поздней ночи стрѣляли изъ пушекъ, отъ чего козаки, по словамъ очевидцевъ, переворачивались, точно въ кипящемъ котлѣ. Оставалось только дожидаться утра, чтобъ истребить остатки павлюковцевъ. Но Гуня, какъ бы волшебствомъ, какъ бы прославленнымъ *характерствомъ* запорожскимъ, провелъ козаковъ своихъ между оцѣпившихъ его ведетовъ, и исчезъ, не повинувъ позади себя не только пушекъ, но и ниодного цѣлаго воза.

Потоцкій напрягалъ послѣднія силы своего изнуреннаго и перекалѣченнаго войска, чтобы не дать козакамъ уйти за Пороги, или переправиться съ Русскаго берега Днѣпра на Татарскій. Къ его счастью, широкая рѣка покрылась пловучимъ льдомъ, и не представляла бѣглецамъ никакой возможности спастись отъ преслѣдованія.

Павлюкъ и Скиданъ заперлись, вмѣстѣ съ характерникомъ Гунею, въ мѣстечкѣ Боровицѣ. Потоцкій прискакалъ сюда по свѣжимъ слѣдамъ выписчиковъ. Начали готовиться къ приступу. Закипѣли мелкія битвы. Козаки были все еще опасны въ виду Днѣпра, который могъ въ одну морозную ночь сдѣлаться мостомъ для соединенія павлюковцевъ со скидановцами. Слышно было, будто бы на Заднѣпріе переправился какъ-то кievскій полковникъ Кизимъ съ сыномъ. Въ довершеніе безповойства кумейскихъ побѣдителей, Гуня и Скиданъ умудрились ночью пробиться сквозь блокаду.

Опасаясь бѣдственнаго поворота военнаго счастья, Адамъ Кисцаль, какъ единовѣрецъ козаковъ, открылъ съ ними переговоры, представилъ имъ, что виновность Павлюка и прежняго козацкаго старшаго, Томиленка, могутъ имѣть оправданіе въ глазахъ снисходительнаго къ За-

---

*) Слово *гуня*—синонимъ слова *кобильякъ*.

порожскому Войску короля, и, присагнувши передъ козацкими уполномоченными, что жизнь обоихъ будетъ пощажена, склонилъ козаковъ выдать своихъ предводителей, въ знакъ покорности. Такъ несчастные представители Рѣчи Посполитой, не обеспеченные въ своей государственной дѣятельности соответственными средствами, должны были вѣчно играть въ рискованную игру, выпутываясь изъ затруднительныхъ обстоятельствъ не только рискованными, но часто безчестными и потому вредоносными поступками.

Покорившіеся козаки были призваны панскими литаврами въ раду. Королевскіе комиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, осыпали ихъ упреками за ихъ измѣну и, что хуже самой измѣны, за попытки призвать подъ свои бунчуки противъ христіанъ татарскую орду; а козаки, по волѣ побѣдителя, представили имъ письменное обязательство, въ которомъ говорилось:

что они (козаки) забыли Куруковскую комиссію, писанную ихъ кровью, забыли свою присягу, умертвили старшину свою, приняли въ себѣ простой народъ сверхъ семитысячнаго числа козаковъ, напали на коронное войско (объ Ордѣ, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“, говоритъ реляція, въ обязательствѣ не упоминалось); но святымъ и справедливымъ судомъ Божиимъ, коронное войско разорвало козацкій таборъ, овладѣло арматою, хоругвями, бунчуками и всѣми украшеніями, заслуженными съ давнихъ временъ отъ королей и Рѣчи Посполитой, а большую часть положило трупомъ;

что остатки Запорожскаго Войска полевой гетманъ настигъ въ Боровицѣ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ козаки умертвили свою старшину, окружилъ ихъ шанцами и хотѣлъ взять приступомъ, но они выпросили себѣ у ясновельможнаго пана гетмана помилованіе, и выдали своихъ старшинъ, которые вовлекли ихъ въ такой упадокъ и во все злое, Павлюка, Томиленка и нѣсколько другихъ, а зачинщика бунта, Свидана, обязались всѣ вмѣстѣ найти и также выдать;

что имъ не дозволено избрать старшаго, а только полковниковъ, старшинство же ввѣрено пану Ильяшу, переяславскому полковнику, который постоянно находился при коронномъ войскѣ, не участвуя въ бунтахъ;

что козаки обязываются идти на Запорожье, сжечь морскіе челны и выпроводить изъ Запорожья чернь, которая окажется лишнею противъ количества, назначеннаго для сторожи.

„Относительно реестровиковъ“ (сказано въ заключеніе унижительнаго обязательства) „отдается на милосердіе и волю его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и обѣщаемся быть въ такомъ комнугѣ,

какой ихъ милости паны комиссары намъ оставили, и въ такомъ устройствѣ, какое укажетъ намъ самое милосердіе его королевской милости, нашего милостиваго пана, и пребывать въ полной вѣрности, *цнотъ* и подданствѣ Рѣчи Посполитой на всѣ грядущія времена. Въ чемъ во всемъ, поднявши руку, присягаемъ, и на то все для вѣчной и безсмертной памяти о карѣ надъ нами за наши преступленія, чтобы на будущія времена не было больше подобныхъ бунтовъ, а равно и объ оказанномъ намъ помилованіи, даемъ сіе писаніе и кровавое наше обязательство подъ войсковою печатью и за подписью нашего войсковаго писаря“.

Этимъ писаремъ и составителемъ обязательства былъ Богданъ Хмельницкій, воспользовавшійся, черезъ десять лѣтъ, бунтомъ Павлюка и Скидана, какъ программу для одолѣнія польско-русскихъ пановъ съ помощью татаръ.

Глава X.

Скитальческій бытъ малорусскихъ поселянъ.—Запугиванье бунтовщиковъ казнями.—Триумфъ, устроенный кievскими мѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Попытка козаковъ призвать на помощь Татарь.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единодушія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца“.—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителя.

Между тѣмъ какъ на Русской сторонѣ Днѣпра была рѣшена судьба павлюковцевъ, на Татарской ничего о томъ не знали. Въ отсутствіе Скидана, тамъ властвовалъ полковникъ кievскихъ козаковъ, Кизимъ. Торжество надъ мѣстною шляхтою, безнаказанные разбои и насилія надъ козацкими врагами, а ими были всѣ зажиточные люди, даже поны и монахи, непробудное пьянство въ кабакахъ, оглашаемыхъ звономъ кобзъ и пропительнымъ крикомъ кобзарей, до того поглащали умственную энергію безпутной толпы, что она и не думала устроить правильное сообщеніе съ Русскимъ берегомъ, а плывущій по Днѣпру ледъ отбивалъ у нея и послѣднюю къ тому охоту.

Притомъ же въ козацкихъ купахъ, титуловавшихъ себя Запорожскимъ Войскомъ, кромѣ вражды въ панамъ, не было ничего общаго. Не только новобранцы козачества, но и выписчики, называвшіе себя старинными козаками,—въ самомъ началѣ Павлюковщины, въ случаѣ неудачи затѣяннаго бунта, имѣли въ виду или Донъ, или бѣлгородскія пустыни Московскаго Царства, гдѣ уже много панскихъ и королевскихъ подданныхъ поселилось на вѣчной, какъ имъ казалось, „волѣ“. Кромѣ того, они легко могли найти пріютъ въ новыхъ панскихъ осадахъ по рѣкѣ Ворскло, за которою къ востоку шли уже необитаемыя стени. Новыя Санжары, Кобыляки, Лучки, Переволочня и другія *слободы*, или *волы*, противъ запрета самихъ осадчихъ и собственниковъ, служили убѣжищемъ тысячамъ голышей, оставлявшихъ полуопустѣлыми сравнительно старыя *осады*, изъ одной мечты о полной независимости. Поэтому воспреобладать надъ панями для заднѣ-

провскаго скопища значило пьянствовать на счетъ зажиточныхъ людей, а быть побѣжденными значило разбѣжаться по своимъ притонамъ и перебиваться кой-какъ до новой усобицы съ украинскими землевладельцами.

Не дорожить ничѣмъ, кромѣ движимости, было тогда свойственно не только козакамъ, и Татарамъ, но и многому множеству шляхты. Стихъ украинской пѣсни:

Ой мала я журитися,—
Нехай на Петрівку:
Та заберу дітей въ торбу
Та пійду въ мадрівку.

или такой стихъ:

Ой весна красна, ой весна красна:
Та изъ стріхъ вода капає.
Ой уже жь тому та козаченьку
Та мандрівочка пахне,—

выражаетъ бытовую дѣйствительность украинской массы. Цѣлый народъ, на пространствѣ отъ Вислы до Сейма, отъ псковской и смоленской границы до Днѣстра *мандровалъ* *), переселяясь безпрестанно изъ одной осады въ другую **). Но больше всякаго инаго сословія *мандрівка* была свойственна козакамъ. Германія, Швеція, Сибирь, Персія, Римъ—вотъ кругъ, описываемый радіусами козацкаго забродничества. Отсюда вѣчная готовность козаковъ къ бунту и дракѣ; отсюда ихъ сторожевая и боевая служба вотчинникамъ и помѣстнымъ владѣльцамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ; отсюда ихъ продажность не только единовѣрцамъ, но католикамъ и протестантамъ, не только государямъ христіанскимъ, но и магометанскимъ. Побитые подъ Кумейками и втоптаные въ землю подъ Боровицею, казаки мало дорожили тѣмъ, что дѣлаетъ насъ осмотрительными въ словахъ и поступкахъ,—до того мало, что Потоцкій не позволилъ своимъ жолне-

*) Извращенное wandern, странствовать, бродить.

***) Въ „Наставленіи выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Комиссію о Сочиненіи Проекта Новаго Уложенія“ (пунктъ 18) говорится: „Простой народъ минимъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадія отъ своей собственной лѣности и распутства, ибо многіе, оставляя свои пахотныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе проводить жизнь праздную и разгульную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подеусѣдговъ, работая лѣнливо за коржъ и напою виномъ“.

рамъ вѣзжать въ мѣстечко изъ опасенія новаго бунта, а чтобы никому не было повадно, не вѣжалъ самъ, и встрѣтилъ рождественскія святки среди лагеря.

Слыша о походе козацкой орды за Днѣпромъ, онъ порывался спасать отъ послѣдняго разоренія свое нѣжинское старѣство и прислужиться королю да коронному великому гетману возстановленіемъ порядка въ ихъ заднѣпровщинѣ. Но переправа черезъ „козацкій пляхъ“ была крайне затруднительна. Наконецъ ледоходъ на Днѣпрѣ превратился въ плотную массу, и далъ полковому коронному гетману возможность, въ самый день польскаго Рождества Христова, выслать въ одну сторону полковника Станислава Потоцкаго съ легкими хоругвами, а въ другую—Ильяша Караимовича съ покорившимися козаками.

Козаки выступили за Днѣпръ въ числѣ трехъ тысячъ, и такой имѣли видъ, какъ будто надъ ними не совершилось никакой катастрофы. Это была реестровая конница, которая подъ Кумейками загребла жаръ чужими руками. Это были тѣ люди, которые завидовали домовитой шляхтѣ и ухищрялись вырвать у нея господство надъ Украиной, подучивая на пановъ *Ляховъ* лѣнливую и пьяную голоту. Это были отцы тѣхъ, которые, чрезъ двадцать лѣтъ по отпаденіи Малороссіи отъ Польши, вписывали въ свои мѣстности сыновей той голоты, которая съ такимъ самоубиеніемъ гибла для нихъ подъ нидерландскимъ огнемъ и шляхетскими саблями.

Глядя теперъ на нихъ, не одинъ землевладѣлецъ, по словамъ участника похода, видѣлъ въ нихъ новыхъ бунтовщиковъ. Но слѣдомъ за реестровиками переправился по льду Потоцкій съ артиллерією, которая дала себя козакамъ знать и въ Медвѣжьихъ Лозахъ, и подъ Переяславомъ и, наконецъ, подъ Кумейками. Хотя козаки и сами были недурные пушкари, но стратегія и тактика шляхетскаго рыцарства торжествовала надъ ихъ боевою рутинною, а недостатокъ единства дѣйствій уничтожалъ ихъ численное превосходство.

Двадцатитысячное войско, которымъ павлюковцы давно уже хвалились на Татарской сторонѣ Днѣпра, раздѣлялось на нѣсколько самовольныхъ ордъ, изъ которыхъ каждая имѣла въ виду собственную добычу. Еще не зная, что постигло ихъ сообщниковъ на Русской сторонѣ, Павлюковцы, подъ предводительствомъ Кизименка, овладѣли Лубенскимъ замкомъ, разграбили имущество князя Вишневецкаго, вырѣзали его слугъ шляхтичей и шляхтянокъ вмѣстѣ съ торговцами Жидами, сожгли костель, пили горѣлку изъ его престольной чаши, а состоявшихъ при костелѣ бернардиновъ обезглавили, и бросили тѣла

ихъ на съѣденіе собакамъ, строго запретивши погребать ихъ. Священническіе аппараты и церковная утварь изъ другихъ костеловъ безпрестанно попадались Потоцкому въ кабакахъ. Содержатели кабаковъ приносили ихъ сами, какъ товаръ, отъ принятія котораго за пропой было и страшно отказываться, и соблазнительно.

При наступленіи жолнеровъ на козація купы, засѣвшія въ такихъ замкахъ, какъ Лубенскій, не было встрѣчено отпора нигдѣ; напротивъ, и Кизименко, и множество другихъ ватажковъ были выданы жолнерамъ самими козаками, старавшимися принять видъ людей благомыслящихъ, но запуганныхъ запорожцами. Схваченъ былъ и самъ Кизимъ среди его сообщниковъ.

Имѣя на своей сторонѣ реестровиковъ, Потоцкій хотѣлъ показать заднѣпровскимъ гайдамакамъ наглядно, что эти соблазнитель не только не защитятъ ихъ отъ заслуженной кары, но еще будутъ присутствовать при ихъ казни. Онъ рѣшился поступить съ пойманными разбойниками такъ строго, какъ поступлено было съ Карвацкимъ и другими зачинщиками жолнерскаго бунта въ 1613 году: велѣлъ всѣхъ безъ пощады сажать на колья по городскимъ рывкамъ и на перекрестныхъ дорогахъ.

Но онъ ошибся въ своемъ разчетѣ. Въ глазахъ поповъ и монаховъ, которымъ было всё тѣснѣе и тѣснѣе въ Малороссіи отъ папистовъ, сидящіе на кольяхъ мертвецы были не разбойники и святотатцы: они были мстители за поруганное благочестіе. Такъ смотрѣли на нихъ и многіе міряне. При всей очевидности истинны, упорно держался въ Малороссіи слухъ, что козаки воюють изъ-за уніи. Даже такіе люди, какъ игуменъ Филипъвичъ, твердили всюду, что „козацкая война была за унію“. Даже лучший изъ украинскихъ лѣтописцевъ, названный мною самовидцемъ, говоря, что посольство въ Украинѣ жило во всемъ обильно, тѣмъ не менѣе приписываетъ начало и причину войны Хмельницкаго только гоненію отъ Ляховъ на православіе и отягощенію козаковъ.

Только монахи могилинскихъ монастырей, или вѣрнѣе сказать — поставленные Петромъ Могилою игумены, не участвовали въ распространеніи такого слуха. На разспросы Москвичей: за что Поляки побиваютъ Черкасъ и грабятъ ихъ животы? они отвѣчали, что козаки стали своевольничать, побивали по городамъ урядниковъ да Ляховъ да Жидовъ, да стали жечь костелы, — „за то-де ихъ, козаковъ, и побиваютъ, а не за вѣру“ (записали Москвичи въ своихъ свиткахъ-столбцахъ, для свѣдѣнія).

Въ устахъ антимогилинской партіи (а къ ней принадлежало все убогое, невѣжественное, загнанное духовенство) козаки были борцами за православіе и за то, что мы теперь называемъ русскою народностью. По ихъ воззрѣнію, въ Украинѣ боролась вѣра съ вѣрою, а не козаки съ панами, не номады съ колонизаторами пустынь, не чужездники да голыши съ людьми трудолюбивыми и запасливыми. По одной украинской легендѣ, грѣхи нѣкоторыхъ гайдамакъ были такъ велики, что, когда покаявшійся разбойникъ причащался, такъ два человекѣ должны были держать подъ руки пона, чтобы не упалъ отъ гайдамацкаго духу. По другой легендѣ, гайдамака перебилъ нѣсколькихъ поповъ одного послѣ другаго за то, что они не находили *покуты* соотвѣтственной великости его злодѣяній. Изъ монастырскихъ сочиненій Павлюкова времени мы знаемъ, что монахи исповѣдывали не одного козацкаго вождя, обремененнаго грѣхами чрезвычайными, и не сомнѣваемся, что ввухали имъ то самое, что столѣтніе старики сообщали мнѣ самому о монахахъ-исповѣдникахъ эпохи Желѣзняка и Голты.*).

Жолнерскіе вожди, преслѣдуя разбойниковъ, считали нужнымъ заворачивать въ мѣстные монастыри „для молитвы“, несмотря даже на свое католичество, и, помолясь, твердили монахамъ, что побиваютъ козаковъ совсѣмъ не за вѣру, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла, а за грабежи, убійства, за сожженіе костеловъ, за поруганіе святыни. Ихъ, очевидно, беспокоила молва, распускаемая въ Украинѣ то простодушно, то злобно. Они щупали пульсъ простонародной жизни, и своимъ почитаніемъ православныхъ святылицъ старались усюконтить лихорадочное возбужденіе умовъ. Но и тутъ имъ портили дѣло просвѣтители польскорусской республики. Съ ревнивою подозрительностью походные капелланы и мѣстные ксендзы нашептывали имъ, будто монахи снабжаютъ козаковъ порохомъ, а козаки рассылаютъ монаховъ и монахинь по всей польской Руси, чтобы они возбуждали противъ Ляховъ не только простой народъ, но и шляхту греческой вѣры.

Это заставило Николая Потоцкаго призвать къ себѣ игумена Мгарскаго монастыря съ десятью монахами для допроса. Онъ отпустилъ пеповипныхъ иноковъ, не сдѣлавъ имъ никакой неспріятности; но монашеское перо вписало по сему случаю въ Густынскую лѣтопись такія слова, которыя, въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ, выместили сугубо за переполахъ честной братіи не на однихъ ксендзахъ,

*) См. „Записки о Южной Руси“.

но и на людяхъ, вовсе не причастныхъ церковной политики Рима: „Тогда попусти Богъ въ землѣ гнѣвъ свой, си есть междуособная рать: восташа бо Ляхи на родъ Россійскій, глаголемыхъ козаковъ, и нещадно рѣзашу мечи своими благочестивыхъ и невинныхъ человекъ, а наипаче же вооружи ихъ Сатана на иноческій родъ: глаголаша бо вси, яко калугоры исполняютъ козакомъ своимъ порохи, и ярыхуса зѣло“.

Раздуваемое церковнымъ соперничествомъ съ одной стороны, а разбойничаньемъ „благочестивыхъ и невинныхъ человекъ“ съ другой, пламя соціальной усобицы достигло уже въ то время такихъ размѣровъ, что погасить его могло бы только возвращеніе всей русской шляхты съ ея магнатами изъ католическихъ костеловъ и протестантскихъ „зборовъ“ къ заброшеннымъ въ теченіе столѣтія или преданнымъ въ руки иновѣрцевъ древнерусскимъ церквамъ. Днѣпровскіе и днѣстровскіе Русины низшихъ классовъ стали смотрѣть на всѣхъ польскорусскихъ землевладѣльцевъ, каковы бы ни были ихъ вѣрованія и добродѣтели, какъ на враговъ своего племени, *Ляховъ*, а представителямъ высшихъ классовъ польскорусскаго общества, съ ихъ депендентами, весь оказаченный и добровольно и насильственно людъ представлялся заговорщиками противъ короля и республики, противъ установленнаго вѣками права, противъ всего благороднаго и священнаго.

И тамъ и здѣсь работали не столько явно, сколько келейно, люди, обидчивые по самой профессіи своей и вліявшіе на мнѣнія мірянъ освященнымъ церковію авторитетомъ своимъ. Одни, повторяя съ ненавистью и злобой роковое слово *Ляхи*, придавали ему значеніе иновѣрнаго деспота и вмѣстѣ отступника, предателя роднаго племени своего; а другіе, не зная, чѣмъ объяснить упорство нашего духовенства въ принятіи такой благословенной по ихъ воззрѣнію выдумки, какъ соединеніе подъ главенствомъ папы церквей, прозвали наше православіе Наливайковой сектою, волчьей религіей, и внушали шляхетно урожденнымъ питомцамъ своимъ свойственную фанатикамъ и деспотамъ подозрительность.

Какъ ни воздержны были побѣдители козаковъ подъ Кумейками въ обвиненіи сословія, которое князь Збаражскій называлъ *genus scelesti hominum*, но внушенія католическихъ патеровъ, безъ сомнѣнія, возымѣли свое вліяніе на расположеніе духа полеваго короннаго гетмана относительно заднѣпровскихъ павлюковцевъ и скидановцевъ.

„Не для чего инаго пріѣхалъ я въ Нѣжпѣ“, писалъ онъ къ великому коронному гетману, „какъ для того, чтобы видѣть этихъ зло-

дѣвъ на кольяхъ собственными глазами. Не стѣитъ ихъ возить въ Варшаву: пусть возьмутъ плату въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заслужили. Но эта плата не соотвѣтствуетъ тому, что у меня передъ глазами. Какіе тиранства, убійства, грабежи! Еслибъ я казнилъ всѣхъ виновныхъ такъ, какъ они заслуживаютъ, то пришлось бы все Поднѣпріе и Заднѣпріе безъ изыятія вырубить въ пень. Но казнь немногихъ поразить ужасомъ толпу. Разставивъ по дорогамъ сторожами перекрестковъ десять сотенъ казенныхъ, я покажу на нихъ примѣръ сотнѣ тысячъ. Теперь такое время, что изъ нихъ можно вылѣпить, что угодно, какъ изъ воску, чтобъ ужъ больше это зло не появилось въ нѣдрахъ Рѣчи Посполитой“.

Онъ ошибался горестно. Въ его время статистика не сдѣлала еще поучительнаго наблюденія, что большая часть уголовныхъ преступниковъ совершала свои злодѣянія непосредственно послѣ казней, которыхъ они были свидѣтелями.

Усмиривъ Заднѣпріе, Николай Потоцкій распредѣлилъ своимъ жолнерамъ зимнія квартиры, ввѣрилъ надъ ними главное начальство племяннику своему, Станиславу Потоцкому, а самъ поспѣшилъ на контрактную ярмарку въ Кіевъ, чтобы отдать въ аренду нѣкоторыя имѣнія и, „уплативъ старые долги, искать новыхъ кредиторовъ“. Это его собственныя слова.

Можновладные паны были постоянно въ долгахъ, исключая такихъ „доматоровъ“, какимъ былъ князь Василій, и это не отъ страсти къ роскоши, въ которой обвиняютъ ихъ у насъ поголовно. Они были государи въ своихъ владѣніяхъ, и несли государственные расходы не только по дѣламъ военнымъ, политическимъ, административнымъ, но и по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Имъ дорого стоила независимость, которой завидовали мелкіе шляхтичи и козаки, а еще дороже—та зависимость, въ которой они были принуждены держать своихъ вассаловъ, во что бы то ни стало. Обширныя владѣнія принадлежали имъ только юридически. За громкіе титулы и за вліяніе въ Польской и въ Сенаторской Избахъ они нуждались въ деньгахъ больше своихъ посессоровъ, и подвергались такимъ безпокойствамъ, какихъ не зналъ ниодинъ изъ ихъ вліентовъ.

Въ то время, какъ панегиристы свивали Потоцкому вѣнки безсмертной славы, онъ видѣлъ всю шаткость устроеннаго имъ компромисса съ козаками и все безсиліе свое довершить побѣду, отъ которой зависѣла цѣлость республики. По выраженію современнаго наблюдателя Украины, умигновенные и приведенные къ сознанію своего долга козаки смотрѣли на жолнеровъ такъ поворно, какъ волкъ, по-

павшій въ западию. Между тѣмъ въ новыхъ осадахъ надъ Ворскломъ, въ этихъ „разсадникахъ козацкихъ бунтовъ“, какъ называли ихъ самъ Потоцкій, сидѣли люди, бѣжавшіе изъ старыхъ слободъ послѣ паденія Павлюка и Скидана. Въ порубежныхъ московскихъ городахъ также было много козаковъ, пріютившихся до новаго случая „варить съ Ляхами пиво“. Потоцкій сознавалъ необходимость идти на Ворскло, въ притоны мятежной черни, прямо изъ-подъ Боровицы, тѣмъ болѣе, что для всего войска въ голодной и обобранной Украинѣ не хватало сытныхъ стоянокъ, но не пошелъ потому, что не осмѣлился сдѣлать этого безъ разрѣшенія короннаго великаго гетмана; а коронный великій гетманъ не могъ дать ему разрѣшенія потому, что Варшава понимала вещи иначе, не такъ какъ тѣ, которыя по самому положенію своему въ виду козацкихъ и татарскихъ кочевьевъ, чуяли, откуда придетъ великая бѣда для государства.

Король, между тѣмъ, продолжалъ мечтать о Турецкой войнѣ, и давалъ завистникамъ короннаго гетмана надежный способъ останавливать его распоряженія относительно козаковъ. Легкомысленно зловредные люди не хотѣли принять во вниманіе, что эта была та пора года, въ которую представлялась возможность подавить окончательно козацкій мятежъ. Отложить расправу съ бунтовщиками до весны—значило увеличить ихъ военныя средства въ сто кратъ.

Потоцкій понималъ это лучше, нежели кто-либо другой, и въ письмѣ къ Конецпольскому говорилъ, что необходимо разогнать скопища черни изъ новыхъ осадъ, пока у него подъ рукой войско, и пока не наступила весна; а его походный капелланъ, въ дневникѣ похода, объяснилъ намъ, почему именно слѣдовало предупредить наступленіе весенняго времени. „Военные люди“, пишетъ онъ, „прибѣгаютъ къ разнообразнымъ средствамъ для торжества надъ непріятельскими силами. Одни возлагаютъ свои надежды на стѣны и окопы, другіе на запасы и огнестрѣльное оружіе; но надежды и мужество козаковъ, живущихъ на Дону и на Днѣпрѣ, поддерживаютъ вода, рѣка, болото. Гдѣ у козака нѣтъ болота или яра, тамъ ему бѣда. Много можетъ онъ сдѣлать при этихъ условіяхъ; много у него тутъ искусства, мужества. Въ противномъ случаѣ онъ—глухой нѣмецъ, ничего не умѣетъ, и гибнетъ, какъ муха. Потому-то зима—жестокій врагъ его: зимой нельзя ужь ему ни рыть окоповъ, ни уходить водою. Плохо ему воевать въ эту пору года. Но весна, лѣто и отчасти осень—это его хлѣбъ, его скарбъ, его достатки и всяческая фортуна“.

Но землевладѣльческая, хозяйственная Украина была въ восторгѣ отъ быстрыхъ успѣховъ Потоцкаго, и всѣхъ больше радовался

самъ великій коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій. На его колонизаторскій взглядъ, Потоцкій сдѣлалъ для общаго блага столько же, сколько, на взглядъ Юмы Замойскаго, сдѣлалъ, въ отсутствіе Конецпольскаго, Стефанъ Хмельницкій, и даже больше. Чуждый того славолубія, который заставляетъ быть скучнымъ на похвалы товарищу, онъ объявилъ, что полевой коронный гетманъ великимъ своимъ подвигомъ проложилъ себѣ дорогу не только къ высшимъ наградамъ изъ королевской руки, но и къ безсмертной славѣ, которая не умолкнетъ“ (прибавилъ онъ съ безсознательной ироніей) „до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая“.

Одно только десятилѣтіе суждено еще существовать славобивой республикѣ шляхты до того роковаго момента, когда она, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ побѣдителемъ, пала во прахъ передъ козакотатарскою ордою, чтобы не встать уже изъ своего позорнаго упадка.

Въ Кіевѣ предводителя козаковъ и творца широкой, небывалой еще въ Королевской Землѣ казни встрѣтили мѣщане и шляхта со всевозможною торжественностію. Кіевскіе мѣщане вѣчно враждовали съ окрестными помѣщиками въ силу стариннаго антагонизма между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, вѣчно съ ними тягались, какъ и другіе города, за обширныя нѣкогда мѣщанскія займища, но въ козачинѣ видѣли они такое же разлагающее начало общественной и экономической жизни, какъ и хозяйственная шляхта. Они привѣтствовали Потоцкаго искренно.

Съ одинаковою искренностію привѣтствовалъ его и митрополитъ Петръ Могила, въ качествѣ архипастыря, но нуждающагося больше въ козацкихъ „слезныхъ мольбахъ объ успокоеніи древней греческой церкви“, и въ качествѣ хозяина, терпѣвшаго въ наслѣдственныхъ и ранго-церковныхъ имѣніяхъ своихъ козацкія буйства наравнѣ съ экономистами свѣтскими. Могила поспѣшилъ поздравить короннаго полевого гетмана съ побѣдой у него на дому, а могилинскіе коллегіанты сочинили въ честь кумейскаго героя латинскую орацію, превративъ Павлюка въ Катилину.

Въ слѣдующее затѣмъ утро, схваченные за Днѣпромъ бунтовщики, Кизимъ и его сынъ, были посажены на колъ среди кіевского рынка, а ихъ сообщнику, Куцу, отрублена голова. Павлюка и Томиленка Потоцкій отослалъ въ Варшаву.

По праву побѣдителя, онъ отправилъ въ свои замки взятія у козаковъ пушки, въ числѣ которыхъ находились и заслуженныя нѣкогда козаками у нѣмецкихъ императоровъ. На одной изъ нихъ была надпись: *Ferdinandus me fecit* (можетъ быть, памятникъ пораженію,

въ сообществѣ лисовчиковъ, чешскихъ утраввистовъ); на другой: Rudolphus Secyndus Imper.; на третьей: Rudolphus Secundus Imperator, Bogemiae Rex etc.; на четвертой была арабская надпись; на пятой не было никакой надписи. Шестую пушку Потоцкій возвратилъ кievской мѣщанской муниципіи, такъ какъ она была изъ числа кievскихъ, захваченныхъ козаками на Кодакѣ; седьмую подарилъ своему сподвижнику, коронному стражнику Лащу Тучапскому, а восьмую позволилъ удержать у себя реестровикамъ.

Но безпокойства, возникшія за Днѣпромъ, показывали, что торжество противниковъ козачины было преждевременное. Королевскіе комиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, съ нетерпѣніемъ дожидались вѣрныхъ вѣстей изъ Запорожья. Туда давно уже было послано нѣсколько чигиринскихъ козаковъ съ универсаломъ, который объявлялъ о пораженіи бунтовщиковъ подъ Кумейками, объ осадѣ Боровицы, о выдачѣ Павлюка и Томиленка съ двумя другими козацкими вождями, и приглашалъ всѣхъ, кто дорожитъ козацкимъ званіемъ, покориться правительству, по примѣру городовыхъ реестровиковъ. Посланцы не возвращались. Отправлены были другіе,—и другіе пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ по Украинѣ разпелся слухъ, что Скиданъ и Чечуга собрали вокругъ себя тысячъ пять отважныхъ людей на днѣпровскихъ островахъ, и готовились къ морскому походу по первой весенней водѣ, съ тѣмъ, чтобы, вернувшись изъ похода, вторгнуться въ королевскія и панскія имѣнія. Поразили эти слухи Кисѣля и Станислава Потоцкаго, тѣмъ болѣе, что, какъ они писали, „еще не слеглись могилы кумейскія, и въ нѣдрахъ Украины сидѣли творцы этихъ могилъ, готовые подавить всякое волненіе черни“.

Но причины глухаго вниманія оказанной массы были очевидны. Съ одной стороны наши монахи, пугаемые сомнительными дѣйствіями Петра Могилы и подстрекаемые партією Копинскаго, готовились уходить за московскій рубежъ со всею подвижностью и даже съ монастырскими крестьянами, чтобы спастись отъ насильственнаго обращенія въ унию и латинство. Съ другой, раздраженное козацкими разбоями и святотатствами католическое духовенство, предупреждая событія, хвалилось недалекимъ торжествомъ „истинной“ вѣры надъ греческою схизмою, и ободряло такое же бравурство со стороны расквартированныхъ по Заднѣпрію жолнеровъ, которые, въ своихъ попойкахъ и въ дракахъ съ козаками, являлись борцами за католичество, тогда какъ наши пьяницы горланили про свое „благочестіе“.

Сидящіе на колыяхъ мертвецы отнюдь не уменьшали раздраженія ни въ духовенствѣ, ни въ мірянахъ, — тѣмъ болѣе, что настроенные своими исповѣдниками жолнеры указывали на нихъ православникамъ, какъ на вывѣску зловредной схизмы. На свою бѣду, всендзы и ярые палисты вообще своими розказнями дѣлали изъ казенныхъ злодѣевъ, въ глазахъ нашей черни, праведныхъ мучениковъ. Во многихъ городахъ, козацкія головы, выставленныя на позорныхъ столбахъ, среди рынка, неизвѣстно какъ исчезали. Розыски и допросы по такимъ случаямъ вели вовсе не къ тому, къ чему были направляемы. Но королевскіе комиссары поняли это только весною 1638 года. Покамѣсть, они все еще надѣялись уладить дѣло посредствомъ преслѣдованія строптивыхъ и благосклоннаго обращенія съ людьми покорными.

Произведя тщательную ревизію по всѣмъ семи полкамъ, такъ чтобы никто не вписался подъ именемъ убитаго, или чтобы сынъ падшаго бунтовщика не занялъ мѣста своего отца, комиссары открыли, что число реестровиковъ убыло съ прошлаго года всего только на 1.200. Реестровики воспользовались этимъ отерптіемъ, чтобы весь бунтъ взвалить на выписчиковъ, которые де насильно вовлекли ихъ въ войну съ папами. „Нѣтъ“, отвѣчали имъ комиссары, „мужики не бунтовали бы, когда бы вы ихъ къ тому не подстрекали. Поднявши мужиковъ, одни изъ васъ поджидали дома, какъ имъ послужить счастье, а другіе, явившись на коняхъ подъ Кумейками, разбѣжались въ нашихъ глазахъ“.

Уличенные въ недавней измѣнѣ реестровики кричали, что не желаютъ больше подвергаться кровавой карѣ и докорамъ изъ-за измѣнниковъ и своевольниковъ и дали новую торжественную присягу въ томъ:

чтобы не измѣнять правительству и не поднимать на него руки; не посягать на жизнь старшинъ, и не сзывать козаковъ въ черную раду;

не ходить за Пороги и на Черное море безъ воли коронныхъ гетмановъ, сжечь всѣ чайки и истреблять всѣхъ бунтовщиковъ.

Последняя статья присяги была всего важнѣе для правительства. Немедленно были разосланы приказанія схватить мятежниковъ, укрывающихся въ Полтавщинѣ, и въ томъ числѣ славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ Остряницу. Но Остряница подкупилъ и мѣстныхъ урядниковъ и прикомандированныхъ къ нимъ козаковъ. Его представляли умирающимъ, даже покойникомъ, и дали ему возможность выйти за московскій рубежъ со всѣмъ родомъ своимъ и со всѣми своими соумышленниками, причемъ бунтовщики угнали въ придонекія пу-

стыни и всю слободу, въ которой гнѣздились. А сыщики, понадѣлавши тревоги среди мѣстнаго населенія и вынудивъ у многихъ зажиточныхъ людей окупъ, расположили умы вовсе не въ пользу правительства.

Между тѣмъ комиссары, воображая, что рѣшимость козаковъ разорвать связи съ мятежниками, не уступить новымъ соблазнамъ, отправили ихъ на Запорожье, подъ начальствомъ Ильяша Караимовича и полковника короннаго войска, Мелецкаго, придавъ послѣднему значеніе королевскаго комиссара. Въ городахъ оставили на стражѣ только по сотнѣ козаковъ изъ каждаго полка. Полки Чигиринскій и Бѣлоцерковскій предназначались оставаться за Порогами для содержанія очередной стражи; но голодъ не позволялъ собрать съѣстныхъ припасовъ разомъ на все время очередной стоянки, то есть на три мѣсяца, и потому было приказано имъ явиться подъ Крыловъ только въ половинномъ составѣ.

Прибывъ къ ознаменованному уже Павлюковщипою Микитину Рогу, гдѣ кочевала запорожская вольница, Мелецкій послалъ въ Сѣчь универсалъ, приглашавшій проживающихъ тамъ ресетровиковъ воспользоваться королевскою милостью, по примѣру ихъ украинскихъ братьевъ, а окозаченной черни, бѣжавшей изъ королевскихъ и папскихъ имѣній, позволявшій свободно вернуться домой со всею своею добычей. Въ противномъ случаѣ универсалъ грозилъ лишить жизни оставленныхъ ими въ Украинѣ женъ и дѣтей.

Сколько извѣстно изъ актовыхъ книгъ и другихъ точныхъ свидѣтельствъ, подобныя угрозы никогда не были приводимы въ исполненіе; но они давали такое убѣдительное основаніе для сочинителей ложныхъ слуховъ о ляхской тиранніи, что эти слухи и теперь еще кажутся справедливыми людямъ несвѣдущимъ и несообразительнымъ.

Въ настоящемъ случаѣ они оправдывали распространяемые умышленно за Порогами рассказы объ избіеніи козацкихъ поселеній въ Корсуни и другихъ городахъ и селахъ по рѣкѣ Роси. Озлобленные и безъ того сѣчевики приняли универсалъ Мелецкаго съ яростью, изорвали въ клочки, и приковали посланцевъ къ нупкамъ.

Прождавъ нѣсколько дней отвѣта въ своемъ стану, Мелецкій напелъ однажды утромъ на берегу Днѣпра угрожающее письмо. Оно подѣйствовало, точно чары, на ресетровиковъ, боявшихся запорожскаго террора пуще всякой грозы со стороны правительства. Ресетровики перебѣгали въ Сѣчь толпами, а въ стану Мелецкаго происходило такое волненіе, что онъ и его товарищъ Ильяшъ боялись очутиться въ плѣну у собственныхъ подчиненныхъ.

Воду въ Днѣпрѣ между тѣмъ „пустило“, а съ весеннею водою ожили самыя дерзкія надежды запорожской вольницы. Мелецкій отъ 28 февраля (10 марта) писалъ къ Станиславу Потоцкому, чтобъ онъ разослалъ по украинскимъ городамъ предостерегательные универсалы и снабдилъ города стражею, которая бы не пускала къ низовцамъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни вспоможеній, „потому что тѣ, которые кочуютъ за Порогами“ (говорилъ онъ), „руководятъ всѣмъ бунтомъ“.

Съ своей стороны Ильяшъ Караимовичъ послалъ гонца „вскачь“ съ универсаломъ ко всѣмъ атаманамъ и товариществу, оставшимся дома, чтобъ они, подъ опасеніемъ смертной казни, до возвращенія войска изъ похода, ни одного человѣка не пускали для рыбнаго промысла ни за Пороги, ни на Донъ, ни на другія рѣчки. Въ то же время онъ умолялъ гетманскаго намѣстника въ Украинѣ, чтобъ онъ приказалъ всѣмъ старостамъ и подстаростіямъ удерживать народъ отъ побѣговъ на Запорожье, и не пропускать туда никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ былъ увѣренъ, что запорожцы измѣнятъ сами себѣ, когда у нихъ не станетъ чѣмъ питаться.

Станиславъ Потоцкій немедленно разослалъ строгіе универсалы, грозившіе конфискаціей имущества и смертною казнію тѣмъ, кто будетъ посылать на Низъ борошно и другіе нужные для войска припасы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ сильную стражу въ Чигиринѣ и въ Кременчугѣ, котораго никто не могъ миновать, идучи за Пороги ни водою, ни сухимъ путемъ: ибо тамъ Днѣпръ“ (писалъ онъ въ реляціи) „идетъ уже въ рѣчки“. Одна была бѣда, что на вопросы, какъ поступать здѣсь въ предстоящихъ событіяхъ, отъ коронныхъ гетмановъ получались отвѣты весьма нескоро. Тамъ были свои причины медленности, о которыхъ было неудобно даже выражаться иначе, какъ по-словницами.

Между тѣмъ по Украинѣ разнеслась (распущенная, безъ сомнѣнія, съ умысломъ) молва о пораженіи вѣрныхъ правительству козачковъ на Низу, и долетѣла въ одну сторону до пограничныхъ московскихъ воеводъ, которые увѣдомили о томъ своего царя, а въ другую—до коронныхъ гетмановъ. Всего сильнѣе дѣйствовала она на украинскихъ мѣщанъ и мужиковъ, которые страдали отъ жолнерскихъ постоевъ. Охранители безопасности Рѣчи Посполитой, своимъ самоуправствомъ, бравурствомъ, своими упреками въ измѣнѣ, придирками въ заподозрѣннымъ людямъ ради подарковъ и въ особенности „непочестными рѣчами“ съ женщинами (въ которыхъ издавна были грѣшныя и запорожцы) наеживали на свое государство опасность горше прежней.

Кто прежде и не думалъ бунтовать, и тотъ желалъ теперь низовцамъ успѣха, склонялъ въ ихъ пользу мнѣніе близкихъ къ себѣ людей, и уходилъ за Пороги отъ дѣйствительной или кажущейся бѣды. Озлобленныхъ людей въ Украинѣ прибавлялось; расположенныхъ въ пользу порядка и закона уменьшалось. Передъ жолнерами и мѣстными властями всѣ сохраняли видъ покорности. Передъ вѣчными панями, старостами, державцами и дозорцами разныхъ имѣній чернорабочіе не высказывались. Но бѣгство на Запорожьѣ усиливалось; безпокойство шляхетскаго сословія вмѣстѣ съ духовными папистами возрастало, и, можно сказать, въ самомъ воздухѣ ощущалось уже дыханіе новаго бунта.

Возвращеніе реестровиковъ изъ похода не возстановило въ простомъ народѣ ни охоты къ мирнымъ занятіямъ, ни увѣренности, что села и города, объѣдаемые жолнерами, не подвергнутся мстительному набѣгу Запорожцевъ. Тревожные слухи предупреждали событія. Начальники военныхъ отрядовъ, разбросанныхъ по зимнимъ стоянкамъ между Нѣжиномъ и Чигириномъ, бросались опростыю защищать пограничье отъ вторженія козацкой орды. Но козацкая орда нигдѣ, покажѣсть, не появлялась.

Въ началѣ апрѣля, Станиславъ Потоцкій получилъ извѣстіе, что за Ворскломъ собралось до 3000 низовцевъ, и покушается на пограничную отъ Московскаго царства крѣпость Гадячь, чтобъ овладѣть тамошними пушками. Гадяцкіе урядники умоляли Потоцкаго спасти ихъ городъ. Потоцкій поднялъ на ноги всѣ свои хоругви; велѣлъ и Ильяшу двинуться съ реестровиками къ Гадячу. Но оказалось, что нѣсколько десятковъ козаковъ, бѣжавшихъ за московскій рубежъ, угнали въ Вишневечинѣ стадо рогатаго скота, и вѣсть объ этомъ, переходя изъ устъ въ уста, выросла до громадныхъ размѣровъ.

Но въ отсутствіе Станислава Потоцкаго, Нѣжинѣ обнаружили, что въ немъ сгѣ люди, готовые затѣять новый бунтъ. На рынокѣ передъ замкомъ, выставлено было на столбахъ нѣсколько козацкихъ головъ. Ночью кто-то снялъ эти головы, и замковая сторожа слышала, какъ бунтовщики, вмѣсто бубновъ, стучали въ пустыя бочки. По слухамъ, въ ту же ночь собралось 200 гультаяевъ, и вышли было на грабежъ панскихъ имѣній, но, заслышавъ о возвращеніи Потоцкаго, вернулись въ городъ „мелькими червячками“. Велѣдствіе розысковъ о похищенныхъ головахъ и злонамѣренныхъ гультаяхъ, было набито биткомъ три тюрьмы подозрительнымъ народомъ. Неизвѣстно, какъ съ этимъ народомъ поступлено, но достойно замѣчавія, что одинъ при-

ходскій дьякъ, обвиненный въ похищеніи козацкихъ головъ, оправданъ только потому, что присягнулъ въ своей неповинности.

Адамъ Кисѣль ѣздилъ въ это время въ Варшаву на сеймъ, передъ который былъ представленъ знакомый уже сеймующимъ панамъ Павлюкъ вмѣстѣ съ Томилецкомъ и еще двумя соучастниками козацкаго бунта, которыхъ имена остаются намъ неизвѣстными. Кисѣль напрасно твердилъ земскимъ посламъ и сенаторамъ, что эти старшины выданы за его ручательствомъ; напрасно предостерегалъ, что ихъ казнь породитъ недовѣріе къ представителямъ правительственной власти, и раздражитъ козаковъ пуще прежняго. Его не слушали, ходатайства его не уважили. Слухи о сожженныхъ костелахъ, о поруганіи священныхъ сосудовъ и аппаратовъ, объ избіеніи апостоловъ „единой спасающей церкви“ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставили невѣжественную Наливайкову секту и волчью религію ради вѣры, вносящей въ общество просвѣщеніе и человѣчность, — эти слухи дали римской партіи рѣшительный перевѣсъ надъ польскою и русскою, — клерикаламъ католикамъ надъ протестантами и дисуитами, — иноземному фанатизму надъ національною терпимостью. Общественное мнѣніе правительственной шляхты было слишкомъ сильно раздражено противъ козаковъ. Самъ король, помиловавшій Павлюка по просьбѣ короннаго канцлера, долженъ былъ теперь согласиться съ рѣшеніями національнаго собранія, каковы бы они ни были. Поэтому онъ утвердилъ и всѣ прочія мѣры принятія сеймомъ для предупрежденія козацкихъ бунтовъ на будущее время.

Реестровые козаки представили королю и его раднымъ панамъ просьбу о возвращеніи прежнихъ правъ, которыя, по ихъ словамъ, были имъ пожалованы за ихъ „кровавыя услуги“. Они просили также о защитѣ козацкихъ вдовъ отъ притѣсненій украинскихъ урядниковъ, и жаловались на короннаго стражника, Лаца Тучапскаго, завладѣвшаго тремя селами Трахтомировскаго монастыря, да на кіевскаго земскаго писаря, православнаго пана Прѣскуру, присвоившаго четвертое село того же монастыря. „Упомянутая церковь Божія“, сказано было въ козацкой инструкціи на сеймѣ, „терпитъ множество обидъ отъ этихъ двухъ пановъ, и потому послы должны горячо и со слезами просить его королевскую милость, чтобы всѣ оныя села были возвращены“.

Но на горячія просьбы послѣдовалъ холодный отвѣтъ, или вѣрнѣе — выговоръ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что козачество не вырвано съ корнемъ только по особенной сердечной добротѣ его

королевской милости. А въ сеймовой конституціи 1638 года о козакахъ постановлено слѣдующее:

„..... разгромивъ ихъ и отвративъ отъ Рѣчи Посполитой *imminens periculum*, *) отнимасмъ у нихъ на вѣчныя времена всѣ ихъ давнія юрисдикціи, почетныя званія, прерогативы, доходы и иныя отличія, заслуженныя ими отъ нашихъ предковъ, а нынѣ уграченныя ихъ бунтомъ, и будемъ считать уцѣлѣвшихъ отъ гибели на войнѣ посольствомъ, обращеннымъ въ мужиковъ.

Что касается трахтомировскихъ сель, то они не только не возвращены козакамъ, напротивъ, сеймовая конституція назначила особыхъ комиссаровъ, которые бы сдѣлали розыскъ, что отнято козаками у шляхты въ сосѣдствѣ Трахтомирова, и все то возвратить старымъ владѣльцамъ.

Жестоко отомстили козаки правительствующей шляхтѣ въ томъ же году за ея строгость; но ихъ тайные сообщники, попы и монахи, безсильные въ борьбѣ съ панами современниками, надѣлали еще горшей бѣды панскимъ потомкамъ. Они въ своихъ лѣтописяхъ заставили польскихъ пановъ, на варшавскомъ сеймѣ 1638 года, казнить съ Нероновскою свирѣпостью тѣхъ козаковъ, которые въ то самое время угоняли въ Московщину полтавскихъ слобожанъ, потомъ пытались, какъ увидимъ, повторить въ Украинѣ Павликовщину и, наконецъ, были побиты товарищами въ домашнихъ дракахъ за рубежемъ Королевской Земли. Лѣтописные ужасы переходили въ видѣ историческихъ фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспроизводились литературными талаптами въ стихахъ и въ прозѣ, давали работу казуистикѣ русскихъ историковъ, и воспитывали въ русскомъ обществѣ умственную козачину, которая до сихъ поръ не перестала дѣйствовать на множество честныхъ и добрыхъ отъ природы сердецъ крайне зловредно.

Въ дѣйствительности казненъ былъ за бунты 1637—1638 года только Павликъ съ тремя его сообщниками, но ихъ не терзали инквизиторски, какъ это было нужно украинскимъ лѣтописцамъ. Правда, злой геній Польской націи, воплотясь въ какого-то ксендза, предлагалъ сейму своею возбуждительною брошюрою — надѣть Павлику на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленный желѣзный скипетръ. Но позорный для государства и общества ксендзовскій проектъ былъ отвергнутъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что преступникамъ отсѣкли головы и взоткнули на колья.

---

*) Погибельную опасность.

Между тѣмъ погибельная для Польши мысль, заявленная первымъ возмутителемъ козачества, Криштофомъ Косинскимъ, продолжала свое темное дѣло въ козацкой средѣ. Враги польской гражданственности дѣлали новыя попытки уничтожить ее съ помощью своихъ товарищей по ремеслу, Татаръ.

Преемникъ Павлюка, гениальный варваръ Дмитрій Гуня, еще въ февралѣ 1638 года, просилъ помощи у ханскаго соправителя, султанъ-калги, противъ своихъ „непріятелей“, готовящихся, какъ онъ зналъ, къ походу на Запорожье. Но въ помощи ему, какъ и Павлюку, было отказано, потому что козаки, которыхъ крымскій ханъ въ своей жалобѣ королю назвалъ „пограничными“, панами на его пословъ между Бѣлгородомъ и Очаковомъ, на урочищѣ Кочубей (гдѣ нынѣ Одесса) и двоихъ убили, а двоихъ взяли въ неволю.

Получивъ отказъ въ Крыму, запорожцы звали къ себѣ на помощь Донцовъ. Но въ это время Донцы, вмѣстѣ съ 6.000 выписчиковъ, которые пробирались на службу къ персидскому шаху, овладѣли Азовомъ, и были въ немъ осаждены Турками. По выраженію походнаго канцеляна Николая Потоцкаго, „козаки готовы были звать о помощи даже къ Плутону, лишь бы только воскресить свою славу, погребенную подъ Кумейками, и спасти свою честь, придавленную намогильнымъ курганомъ“. Не являлись къ нимъ на помощь ни мусульманскіе, ни христіанскіе товарищи по ремеслу. Пришлось еще однажды стоять съ новобранцами-гультаями противъ пановъ.

Въ первой половинѣ апрѣля 1638 года запорожцы приплыли челнами въ Кременчугъ, а сухимъ путемъ, подъ предводительствомъ Скидапа-Гудзана, явились неожиданно въ Чигиринъ (два стратегическіе пункта, замѣнявшіе панамъ Кодакъ). Еще вѣсть объ этомъ не дошла до ближайшей жолнерской стоянки, Иркліева, какъ Максимовва, Пива, Черная Дуброва, вмѣстѣ съ Кременчугомъ, были заняты выписчиками, и панское добро въ этихъ новыхъ осадахъ было обращено въ войсковую собственность.

Въ Пивахъ, одинъ изъ украинскихъ монаховъ, названный въ реліціи „добрымъ шляхтичемъ“, попалъ случайно между торжествующихъ козаковъ, и видѣлъ, какъ Скиданъ персправлялся на Татарскую сторону Днѣпра, веза съ собой связаннаго чигиринскаго полковника. Монахъ узналъ, что у козаковъ на байдакахъ пять пушекъ, выведалъ объ ихъ намѣреніяхъ, выкрался отъ нихъ, и далъ знать жолнерамъ, стоявшимъ въ Иркліевѣ, что козаки хотятъ ударить на нихъ всѣми своими силами, потомъ идти на Переяславъ и перехватать поставлен-

ную коронными гетманами козацкую старшину, какъ это сдѣлалъ въ прошломъ году Павлюкъ.

Нашествію новыхъ Торковъ и Берендеевъ, Черныхъ Клобуковъ, предшествовали распущенные ими вѣсти о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ украинскими жителями отъ своихъ постояльцевъ, жолнеровъ, за то, что держатся старой греческой вѣры, и за ихъ русское происхожденіе.

Хотя жолнеры не наругались ни надъ одной церковью, и заключали въ своемъ личномъ составѣ множество, если не большую часть, людей православнаго исповѣданія, но жители какого-нибудь Нѣжина вѣрили, что въ Прилукѣ, Ромнѣ, или Лубнахъ совершаются такіа-то насилія, святотатства, кощунства, а въ этихъ городахъ рассказывали то самое про Нѣжинъ. Этимъ способомъ пропаганда ненависти къ такъ называемымъ *панамъ Ляхамъ* усиливалась по мѣрѣ того, какъ она представляла выгоды для тѣхъ, которые были себѣ на умѣ, и въ мутной водѣ ловили рыбу.

Представители польскихъ порядковъ среди малорусскаго хаоса были обречены бороться, можно сказать, съ воздухомъ, наполненнымъ заразительными міазмами вражды, которую породили сперва тѣ, кого они признавали своими просвѣтителями, а потомъ и тѣ, кого они отвергли за отсутствіе у нихъ наукъ и за „умножившееся у нихъ отъ того грубіанство“. Вотъ въ чемъ собственно заключалось трагическое польскопанской усьобицы, а вовсе не въ томъ, кто кого побивалъ, или вырѣзывалъ до ноги. Это была не столько видимая борьба людей съ людьми, сколько незримый бой боговъ съ богами,—боговъ, посягающихъ взаимно на приносимыя имъ жертвы, и, для достиженія эгонистическихъ цѣлей своихъ, не колеблющихся съ обѣихъ сторонъ въ выборѣ средствъ.

Въ Иркліевѣ и въ Переяславѣ были приняты всѣ мѣры предосторожности со стороны жолнеровъ и остававшихся вѣрными правительству реестровиковъ. По слухамъ, низовыхъ козаковъ накопилось уже до шести тысячъ. Было получено извѣстіе, что 2.000 мятожниковъ переправились у Кременчуга черезъ Устье Пела и пошли, какъ можно было догадываться, къ Хоролу и Миргороду.

Между городами, охраняемыми коронными и козацкими отрядами, сообщеніе сдѣлалось затруднительнымъ, и отъ этого распускаемые запорожцами слухи дѣйствовали на приверженцевъ правительства еще тревожнѣе. Было слышно, что атаманъ Сухій стоитъ надъ Сулою въ Жовнинѣ, верстахъ въ 20 отъ Иркліева. Между тѣмъ знали, что козаки Гуни овладѣли четырьмя перевозами черезъ Днѣпръ, именно: въ

Кременчугъ, Максимовкѣ, Бужинѣ и Чигринѣ-Дубровѣ, или Черной Дубровѣ. То же самое старались они сдѣлать и по всему Днѣпру, чтобы прервать сообщеніе между коронными гетманами и ихъ украинскимъ войскомъ.

Шляхта боялась, чтобы низовцы не подплыли въ Кіеву, и не овладѣли стоявшею тамъ коронною артиллеріею. Положеніе жолнеровъ, квартировавшихъ въ Украинѣ, представлялось отчаяннымъ. Край былъ до того голоденъ, что охранители городовъ больше страшились осады, нежели приступа. Подвергаясь лишеніямъ, жолнеры тѣмъ безцеремоннѣе обирали мужиковъ, и этимъ вооружили противъ себя все простонародье, можетъ быть, еще больше, чѣмъ измышленнымъ на ихъ счетъ поруганіемъ церквей, до котораго не допустилъ бы ихъ ни одинъ изъ тогдашнихъ ротмистровъ, питомцевъ Конецпольскаго. Теперь имъ предстояла расплата за всякую курицу, что была припуждена стготовить своему постояльцу жена какого-нибудь сіромахи, которому волей и неволей пришлось на Запарожьѣ „луги потирати, своимъ тіломъ комарівъ, якъ ведмедівъ, годувати“. Теперь предстояло имъ сводить съ козаками счеты за всѣ ласки, похищенныя у ихъ женъ и дочерей насиліемъ, или соблазномъ. Постонародная память сохранила въ кобзарскихъ думахъ до нашего времени память объ этомъ наравнѣ съ ненавистными козьякамъ жидовскими арендами и съ козацкими вымыслами о поруганіи церквей.

Предчувствуя бѣду, жолнеры каялись, что, имѣя въ виду зимнюю стоянку, записались въ квартирное войско до самаго лѣта. „Мудрено воевать съ непріателемъ“, разсуждали они, „который, если только захочетъ, легко можетъ увеличить силы свои,—которому ничего не стоитъ добыть себѣ оружіе, и котораго не вдругъ испугаешь, когда у него есть хоть небольшая защита—какая-нибудь заросль, или болото. Не даромъ говорятъ: берегись примиреннаго врага! а нашъ врагъ умѣетъ выдержать татарскія атаки, привыкъ переносить жажду и голодъ, зной и стужу, неутомимъ въ нападеніяхъ, и не остановится даже передъ нидерландскими батареями, парапстами, валами и шанцами. А на морѣ что онъ дѣлаетъ! Посреди волнъ нападаетъ легкими чайками своими на суда, искусныя въ чужеземныхъ оборотахъ, и побѣждаетъ всѣ ихъ военныя хитрости. Изволь воевать съ такимъ непріателемъ на тощій желудокъ!“

Но козаки, кромѣ самыхъ завзятыхъ, сомнѣвались въ успѣхѣхъ своего предпріятія. Ихъ предводители, какъ Острианица, вывели даже своихъ женъ и все свое имущество за московскій рубежъ. Задача ихъ состояла въ опустошеніи, а не въ завоеваніи края; опустошать же

Безнаказанно край можно было въ такомъ только случаѣ, когда бы лѣвобережные жолнеры были отрѣзаны отъ правобережныхъ. Для этого предположено было держаться главными силами вдоль „Обычнаго Козацкаго Шляху“ и овладѣть во что бы то ни стало Кіевомъ.

Но привычные къ стройнымъ движеніямъ реестровики, утративъ вѣсколько сотенъ, перебѣжавшихъ къ запорожцамъ, оставались на сторонѣ панской. Въ ополченіяхъ Гуни, Скидана и Острияницы немного было людей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Большею частью они состояли изъ новобранцевъ, которымъ старые козаки наобѣщали шубъ, серебра, коней и всякой добычи; а было много въ этихъ ополченіяхъ и такихъ *нетінгъ*, которыхъ выписчики и взбунтовавшіеся козаки заставили силою участвовать въ войнѣ противъ пановъ. Козацкія купы были вооружены плохо. Значительная часть скидановцевъ имѣла однѣ дубины да косы. Надѣяться на удачное столкновеніе съ коронными силами было нельзя. Приходилось бороться съ жолнерами только выносливостью, искусными передвиженіями да сидѣніемъ въ недоступныхъ окопахъ.

Захвативъ на Днѣпрѣ переправы, пивовцы поплыли байдаками къ Кіеву, а сухопутное войско ихъ открыло свои дѣйствія противъ пановъ между рѣками Псломъ и Ворскломъ. Это междурѣчье изобиловало въ то время обширными лѣсами и болотами, которые представляли для козацкой стратегіи множество неприступныхъ позицій. Здѣсь козаки добывали и выпасывали коней для войны. Здѣсь у нихъ были невѣдомыя жолнерамъ пастбища для скота, угоняемаго изъ богатой Вишневетчины. Воюя и вмѣстѣ кочуя по окраинамъ панскихъ владѣній, они усиливали себя новыми бѣглецами, и заготовляли въ лѣсахъ запасы селитры, въ которой жолнеры часто нуждались въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ Острияница, вмѣстѣ со Скиданомъ, занялъ городъ князя Вишневецкаго, Голтву, отличавшійся крѣпкой позиціей надъ рѣкой Псломъ. Станиславъ Потоцкій соединилъ главные отряды своего войска и посѣдѣлъ на берега Псла. Не было никакой возможности пробиться въ городъ обыкновеннымъ боемъ. Надобно было противъ козацкихъ пасыпей сдѣлать собственныя. Заявивъ здѣсь непріятеля атакою, Потоцкій устроилъ шпанды противъ города съ другой стороны рѣки, и подъ ихъ прикрытіемъ перебросилъ черезъ рѣку мостъ, по которому пытался вломиться къ Голтву. Козаки оборонялись бѣшено, отбили нападеніе, сожгли мостъ. На другой день, снова началась постройка моста, подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ эйлеровъ. Предвидя это, козаки переправились ночью въ лѣсъ, завалили дорогу, по которой

могло бы прійти къ Нѣмцамъ подкрѣпленіе, открыли по нимъ изъ-за пней пальбу и, когда Нѣмцы выстрѣляли заряды, истребили всѣхъ до одного.

Въ это время Станиславъ Потоцкій ударилъ всѣми силами на козацкія укрѣпленія. Но, когда жолнеры и реестровые козаки были заняты приступомъ, бунтовщики, засѣвши ночью въ байракахъ, ринулись на сего станъ. Только превосходство вооруженія и боеваго искусства помогло Потоцкому устоять на позиціи. Онъ отступилъ къ Лубнамъ и рѣшилъ ждать подкрѣпленія изъ-за Днѣпра.

Острианица и Скиданъ вообразили, что Ляхи намѣрены бѣжать за Днѣпръ, и выступили изъ Голтвы по слѣдамъ Потоцкаго. Они получили вѣсти о движеніи къ нимъ новыхъ козацкихъ купъ, навербовали ихъ тутъ же въ Заднѣпріи, и надѣялись охватить Потоцкаго со всѣхъ сторонъ. Но, къ удивленію своему, паткнулись на Ляховъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Сулы.

Полагаясь на свою численность, бунтовщики смѣло ударили на Потоцкаго и реестровиковъ. Жолнеры не дрогнули. Ихъ артиллерія и нѣмецкая пѣхота наносили козакамъ сильный вредъ. Конница разорвала таборъ Острианицы и овладѣла двумястами возовъ. Реестровые козаки, зная, что съ ними будетъ въ случаѣ успѣха бунтовщиковъ, помогали жолнерамъ усердно. Битва кипѣла цѣлый день.

Вечеромъ Острианица выгналъ въ полѣ почти всѣхъ коней, и заставилъ Потоцкаго думать, что къ низовцамъ пришло свѣжее войско. Онъ обратилъ въ ту сторону пушечную пальбу; а Острианица, пользуясь клубами дыма и облаками пыли, началъ отступленіе вверхъ по Сулѣ. Наступившія сумерки спасли его отъ преслѣдованія. Впрочемъ Потоцкій былъ обезсиленъ битвою. Войско его крайне нуждалось въ отдыхѣ. По слѣдамъ Острианицы отправилъ онъ только нѣсколько хоругвей да нѣсколько сотенъ реестровыхъ козаковъ, чтобъ онѣ, какъ выражался Поляки, вѣшались на хвостахъ у неприятеля.

Не успѣлъ Станиславъ Потоцкій привести въ порядокъ свой обозъ и артиллерію, какъ открыто было въ степи больше двухъ тысячъ козаковъ, идущихъ на соединеніе съ Острианицею подъ начальствомъ Путивльца. Добытые языки объявили, что эти козаки навербованы на запорожскомъ пограничѣ, что въ числѣ ихъ находится 500 донцовъ, что всѣ они хорошо вооружены и большею частью отличные стрѣлки.

Потоцкому удалось захватить это войско въ безводномъ полѣ и, послѣ упорнаго боя, длившагося цѣлый день, принудить къ покорности. Козаки отъ крайней завзятости перешли къ крайней низости:

выдали Потоцкому своихъ вождей, Путивльца и Рѣпеу, а сами изъявили готовность сражаться, вмѣстѣ съ реестровиками, противъ бунтовщиковъ. Но жолнеры дотога были раздражены своими потерями, что, во время переговоровъ, бросились на побѣжденныхъ и перебили до остатка, какъ бы въ доказательство, что одни воины стоили другихъ. Уцѣлѣли только тѣ козаки, которые попадали между труповъ и притворились мертвыми.

Эта побѣда еще больше обезсилила Потоцкаго. Теперь онъ совѣмъ отказался отъ преслѣдованія Острианицы. Зато получилъ возможность подрѣпить кievскій замокъ нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и обезпечить такимъ образомъ сообщеніе лѣваго берега Днѣпра съ правымъ.

Низовцы въ это время, подъ предводительствомъ Бардаченка, занимались разрушеніемъ панскихъ замковъ по Днѣпру, опустошеніемъ панскихъ имѣній, вербовкою въ нихъ войска, и опоздали прійти во время къ ожидавшимъ ихъ кievскимъ козакамъ.

Во время осады кievскаго замка, на нихъ ударилъ неожиданно коронный стражникъ Лащъ, грозный предтеча панскихъ силъ. Кіевъ былъ для низовцевъ потерянъ. Бардаченко держался еще нѣсколько дней на днѣпровскихъ островахъ. Но 20 (30) мая прибылъ къ Днѣпру князь Іеремія Вишневецкій, и Бардаченко поспѣшилъ спуститься къ Черкасамъ.

Между тѣмъ Острианица сзывалъ къ себѣ кабацкую голоту по верховьямъ Сулы, вооружилъ противъ пановъ Роменщину, и съ новымъ „комонникомъ“ (коннымъ войскомъ) отъ Сенчи, что на Сулѣ, пошелъ къ Миргороду; оттуда двинулся на Хороль, и, перерѣзавъ степное междурѣчье, остановился подъ Сулой, въ 25 верстахъ ниже Лубенъ, у мѣстечка Лѹкомья, оттуда разсылалъ козаковъ своихъ малыми купами для пресѣченія сообщеній между городами и для возмущенія мѣстныхъ жителей противъ правительства—то ложными слухами, то приманкою, то тираніею.

Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что князь Вишневецкій переправляется подъ Кіевомъ черезъ Днѣпръ, въ сопровожденіи сборныхъ панскихъ дружинъ. Онъ отправилъ гонца къ Станиславу Потоцкому съ притворнымъ предложеніемъ покорности, а самъ поспѣшилъ заградить уже и тогда страшному „князю Яремѣ“ путь къ Сулѣ.

Съ своей стороны Скиданъ и войсковою писарь мятежниковъ (на то время уже не Богданъ Хмельницкій) старались ослабить развѣдочную дѣятельность Потоцкаго своими письмами, въ которыхъ выражали раскаяніе низоваго Войска въ поднятомъ бунтѣ.

Но Вишневецкій прошелъ переяславскія степи скорѣе, чѣмъ казаки разсчитывали, и привелъ въ Лубны 4000 хорошо вооруженныхъ воиновъ съ 15-ю легкими пушками.

Острианица попалъ самъ въ такое положеніе, въ какое хотѣлъ поставить князя Ярему. Всѣ коронныя силы двинулись противъ него къ рѣчкѣ Слѣпороду. Бросивъ на мѣстѣ часть походныхъ возовъ своихъ, Острианица успѣшилъ вернуться въ Лукомье.

Между тѣмъ отряды мятежниковъ, призванные Острианицею для пораженія князя Яремы на его походѣ, одинъ за другимъ стали впадались въ долину рѣчки Слѣпорода съ превосходными силами своихъ противниковъ. Гоинтва за добычками отняла у коронныхъ вождей цѣлыя сутки, и спасла Острианицу отъ дальнѣйшихъ потерь.

Воображая, что за нимъ гонятся Ляхи въ полномъ своемъ составѣ, этотъ герой лѣтописныхъ вымысловъ уже готовился бѣжать съ комонникомъ своимъ за московскій рубежъ. Но пѣшіе гультан заставили его идти внизъ по Сулѣ къ Днѣпру на соединеніе съ низовцами. Сильный отрядъ, оставленный имъ для защиты лужкомской переправы, задержалъ наступленіе Станислава Потоцкаго и князя Вишневецкаго лишь на короткое время.

Ведя передовые полки, князь Іеремія догналъ Острианицу въ двухъ миляхъ отъ Днѣпра, ниже мельницъ села Жовнина, лежащаго на правомъ берегу Сулы. Остановился тогда Острианица, и началъ отабориваться. Мѣстность ему благоприятствовала, потому что Сула, вмѣстѣ съ лѣвобережнымъ своимъ притокомъ, составляла „вилы“, въ которыхъ оны были защищены водою, болотомъ и зарослями съ трехъ сторонъ: позиція истинно козацкая.

Не давая Острианицѣ построить возы въ боевой порядокъ, Вишневецкій стремительнымъ напоромъ сбилъ козацкую пѣхоту, прирывавшую постройку возоваго табора. Панская конница вломилась въ таборъ, и разорвала его надвое. Всѣ козацкіе возы съ порохожъ, всѣ съѣстные припасы и четыре пушки очутились въ рукахъ у князя Яремы. Напрасно комонникъ, предводимый Острианицею, усиливался возвратить эту страшную потерю. Козаки по всему табору были опрокидываемы.

Падъ Острианицей развивался уже только одинъ бунчукъ. Часть козацкой пѣхоты, выбитая изъ возовой крѣпости, начала ованываться надъ водою въ заросли. Часть козацкой конницы, разорванной на отдѣльныя куны, перебралась черезъ Сулу, и бѣжала къ Днѣпру по правому берегу. Острианица вообразилъ, что все потеряно, бросился съ остальнымъ комонникомъ вплавъ черезъ притокъ Сулы, и спасался

бѣгствомъ въ московскому рубежу, гдѣ этого дерзкаго и трусливаго добычника ждала безславная смерть въ домашней дракѣ съ козаками.

Но потеряно было еще далеко не все. Въ козацкомъ вагенбургѣ находились люди, не теряющіеся ни въ какой опасности,—люди, доказавшіе своими дикими доблестями высокую талантливость племени, которому не доставало только благопріятныхъ обстоятельствъ для участія въ благороднѣйшихъ трудахъ человечества. Они обладали великимъ искусствомъ—удержать войско отъ начавшейся паники и, въ моментъ пораженія, поставить оробѣлыя дружины въ боевой порядокъ. Славу этого весьма и весьма рѣдко встрѣчаемаго въ воспоминаніи подвига польскіе ротмистры приписываютъ, въ настоящемъ случаѣ, запорожскимъ полковникамъ Кудрѣ и Пештѣ.

Оставивъ кипящую внутри табора битву, Кудря и Пешта выдвинули въ поле ряды возовъ на подобіе клешней рака, и сомкнули ихъ позади жолнеровъ. Почти всѣ хоругви, вломившіяся въ козацкій таборъ, очутились въ немъ запертыми. Паникскія знамена падали одно за другимъ подъ козацкими ударами. Пробриться обратно сквозь возы не было никакой возможности. Къ счастью пановъ, князь Вишневецкій не попалъ въ западню, и съ паружной стороны старался разорвать сомкнутые цѣпами возы. Два раза наступалъ онъ на замкнутый таборъ. Козаки густо и мѣтко стрѣляли изъ-за возовъ. Наемные Венгры, драгуны и выбранцы Вишневецкаго пятились передъ козацкими мушкетами, самопалами, семипядными пищалями, Гакковницами, несмотря на всѣ его убѣжденія, на всѣ угрозы. Наконецъ ему удалось-таки вломиться въ походный замокъ, и перекалѣченные паны выскочили изъ козацкой ловушки.

Авторъ войсковаго дневника называетъ эту битву самую ожесточенною и кровопролитною, какую только можно вообразить. „Съ обѣихъ сторонъ“ (говоритъ онъ) „сердца были такъ разъярены, такъ горячо жаждали гибели одинъ другаго, что никто не уступалъ врагу ни одного шагу. Легло здѣсь такое множество знаменитыхъ ротмистровъ и товарищей, что великая горестъ останавливаетъ перо мое, и не позволяетъ мнѣ перечислять падшихъ“.

Хотя славу гибельнаго для пановъ таборнаго маневра знаменитые ротмистры приписывали Кудрѣ да Пештѣ; но едва ли дѣло не въ томъ, что, послѣ бѣгства Острияницы, на сценѣ дѣйствія появился тотъ самый Димитрій Гуня, который подъ Кумейками разыгралъ самую трудную часть боевой трагедіи—отступленіе. Избранный гетманомъ на Сулѣ въ тревогѣ катастрофы, онъ тотчасъ далъ другое направленіе битвѣ, съ могуществомъ генія, которому гомеровскіе воины при-

писывали божественность, а наши Запорожцы—характерство. Оттѣснилъ Гуна временныхъ побѣдителей съ поля битвы; захватилъ у нихъ четыре пушки, утраченныя Острианицю; отнялъ и всзы, которыхъ они не успѣли еще разграбить, или увезти отступая. Къ вечеру подошлѣлъ главный панскій обозъ съ артиллеріею и пѣхотою; но уже козаки заняли крѣпкую позицію въ вилахъ Сулы, и начали окапываться рвомъ и валомъ отъ воды до воды. Сколько ни усиливались паны съ вечера помѣшпать этой работѣ, всѣ ихъ попытки были напрасны.

Паны насыпали съ своей стороны параллельный валъ отъ воды до воды, и цѣлый день стрѣляли изъ пушекъ по козацкому табору. Козаки отвѣчали тѣмъ же. Отъ смрада едва можно было дышать. Но бой продолжался съ ожесточеніемъ. Кромѣ земляныхъ укрѣпленій, паны устроили на обѣ стороны мосты, чтобы поражать козаковъ съ разныхъ сторонъ и возбратить имъ отступление. Не дешево обошлись имъ эти работы, козаки осыпали мостовыхъ строителей градомъ пуль и картечь. Но мосты были кончены, и козакамъ сдѣлалось тѣсно.

5-го (15) іюня козаки попросили пощады. Побѣдители отправили къ нимъ для переговоровъ пана Дива. Но козаки получили между тѣмъ извѣстіе, что Скиданъ идетъ къ нимъ изъ Черкасъ, и ободрились. Когда панъ Дивъ подѣхалъ къ ихъ окопамъ, они потребовали, чтобъ имъ сперва выдали Пльша Караимовича съ шестью другими полковниками, но потомъ, чтобъ дали имъ новыя знамена, возвратили артиллерию, взятую подъ Кумейками, и утвердили козацкимъ гетманомъ того, кого сами они выберутъ. Панскій уполномоченный возразилъ на это, что пріѣхалъ трактовать съ побѣжденными. Тогда ему закричали: „Пане Диву! вертайся борзій, щобъ не було съ тебе дикѣвини“. Едва онъ отѣхалъ на выстрѣлъ изъ лука, козаки снова открыли пальбу, и подъ однимъ изъ его товарищей убили коня.

День и ночь съ обѣихъ сторонъ продолжалась боевая тревога. Козаки были намѣрены перенести свой таборъ къ устью Сулы, гдѣ рукавъ этой рѣки, или дѣпровскій затоу, называемый Старцемъ, образовалъ, вмѣстѣ съ русломъ Дѣпра, островъ, покрытый болотистыми зарослями. Поэтому они безпрестанно занимали пановъ смѣлыми вылазками, а между тѣмъ переправляли черезъ Сулу свои возы, и отсылали ихъ къ такъ называемому Устью Старца.

Съ своей стороны паны усиливались задержать козаковъ подъ Жовниномъ до прихода Николая Потоцкаго, котораго ожидали къ себѣ со дня на день. Между тѣмъ Скиданъ прислалъ къ Устью Старца передовые байдаки свои, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда. Паны послали къ Дѣпру реестровыхъ козаковъ съ нѣсколькими хоругвами

жолнеровъ. Но гдѣ были топи и заросли, тамъ козаки сидѣль крѣпко, какъ медвѣдь въ своемъ логовѣ.

Въ это время въ панскомъ стану были получены извѣстія, что коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, уже въ Кіевѣ, и что вслѣдъ за нимъ двинется изъ Бара самъ Конецпольскій, одно имя котораго, какъ думали, удерживало тысячи козаковъ отъ бунта.

Не замедлили узнать объ этомъ и завзятые. Судьба ихъ зависѣла теперь отъ того, чтобы до прихода Николая Потоцкаго отступить въ Устью Старца. Панскія силы были истощены, а къ козакамъ съ разныхъ сторонъ являлись подкрѣпленія. Когда война перешла изъ-подъ Лубенъ къ Жовнину, Украина освободилась отъ сторожевыхъ жолнерскихъ разѣздовъ, и теперь изъ всѣхъ мѣстъ, пощаженныхъ голодомъ, шли возы съ хлѣбомъ и новыя дружины отважныхъ людей въ тому пункту, на которомъ, повидимому, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: кому владѣть Украиной, колонизаторамъ ли пустынь, или добычникамъ-номадамъ?

Напротивъ паны, вскорѣ послѣ прихода князя Вишневецкаго въ опустошенную бунтомъ Лубенщину, стали пуждаться не только въ людяхъ, но и въ огнестрѣльныхъ снарядахъ. Чѣмъ больше были они козаковъ, тѣмъ больше умножались козацкія купы. Удерживать характерника Гуню отъ перенесенія табора на другую, болѣе крѣпкую позицію не хватало силъ; отрѣзывать идущія къ нему подкрѣпленія было нехѣмъ; даже отражать козацкія вылазки становилось для пановъ съ каждымъ днемъ труднѣе.

Николай Потоцкій давно уже порывался за Днѣпръ, но паны, жившіе въ глубинѣ шляхетчины, не придавали особенной важности украинской войнѣ съ хлопами, смотрѣли на нее, какъ на предметъ интересовъ мѣстныхъ, заподозривали колонизаторовъ пустынь въ жадности къ обогащенію, часто даже радовались ихъ упадку, и не давали короннымъ гетманамъ средствъ подавить козацкій бунтъ энергическими мѣрами. Ко 2-му іюня ст. ст. подъ начальствомъ у Николая Потоцкаго было только три хоругви сборнаго войска. Пороху, свинцу и пушечныхъ ядеръ собралъ онъ только 30 центнеровъ, однакожь двинулся къ Кіеву, и 7-го іюня стоялъ уже обозомъ на Лыбеди.

Не сомнѣвался Потоцкій въ успѣхъ своего похода, зная, что вслѣдъ за нимъ пойдетъ самъ Конецпольскій, по видѣль ясно, что ему предстоитъ весьма трудное дѣло. Изъ пограничныхъ слободъ, раскинутыхъ на большомъ протяженіи отъ Кременчуга до Уманя, слободъ, возникшихъ на мѣстахъ, по которымъ кочевалъ Наливайко послѣ гонитвы за нимъ Жовковскаго, поднялось и тянулось въ козацкія ста-

новища все своевольное и пьяное, все ожесточенное въ своемъ лѣнивомъ и безпутномъ убожествѣ, наконецъ, все легковѣрное и напуганное козацкою расправою.

Коронный полевой гетманъ зналъ уже о битвахъ, происходившихъ подъ Жовниномъ, и извѣщалъ Конецпольскаго изъ-подъ Кіева: что панскому войску „душно“ надъ Сулою; что много „добрыхъ юнаковъ“ побито и много пало коней; что лѣто сухое, и не только въ травахъ чувствуется великій недостатокъ, но и люди терпятъ сильный голодь, который между тѣмъ благоприятствуетъ козакамъ, потому что сельская голода, не имѣя, чѣмъ прокормиться дома, идетъ въ войско, богатое хлѣбными подвозами.

Не дожидаясь подтвержденій, Николай Потоцкій двинулся изъ Кіева, чтобы захватить козаковъ на старомъ становищѣ. Юня 9 поспѣлъ онъ съ нѣсколькими хоругвями въ Персяславъ къ ночи, и чуть свѣтъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Въ то же самое время наемные люди великаго короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ шли правымъ берегомъ Днѣпра къ Черкасамъ.

Но запорожскій характерникъ Гуня никому не далъ превзойти себя въ искусствѣ передвиженій. Ночью съ 10-го на 11-е число юня онъ умудрился перекинуть черезъ Сулу мостъ, и исчезъ со всѣмъ своимъ таборомъ, какъ и подъ Кумейками. Полевой коронный гетманъ засталъ панское войско уже на походѣ къ Устью Старца, и узналъ, что бунтовщики заняли крѣпкую позицію надъ Днѣпромъ, надъ этимъ Обычнымъ Козацкимъ Шляхомъ, по которому и теперь къ нимъ подошло на байдакахъ нѣсколько тысячъ свѣжаго боеваго народа.

Островъ на Устьѣ Старца, по современному разсказу козацкихъ старожилотъ, служилъ уже однажды для козаковъ убѣжищемъ отъ панской силы. Еще въ половинѣ XVI вѣка, козаки, взбунтовавшіеся противъ князя Вишневецкаго, окопались на этомъ островѣ и защищались отъ его войска. Высокіе валы въ углу острова свидѣтельствовали, что борьба между ними была упорная. Гуня прибавилъ къ этимъ валамъ новыя и до того сознавалъ свою безопасность, что во время наступившей блокады часто оставлялъ ворота въ теченіе цѣлаго дня отворенными. Низменная почва, поросшая дубровами, благоприятствовала козацкимъ вылазкамъ и ополченіямъ.

Николай Потоцкій подоспѣлъ къ этому мѣсту 12 юня, когда козаки не успѣли еще все войти въ окопы. Не дожидаясь нападенія, они привѣтствовали его стремительнымъ ударомъ, и, по выраженію очевидца, здоровались съ короннымъ гетманомъ до поздней ночи.

Ночью пришелъ панскій обозъ. Коронное войско расположилось длинной полосой напротивъ козацкихъ окоповъ. Николай Потоцкій занималъ козаковъ мелкими битвами и приступами день и ночь, въ ожиданіи своей „арматы“, которая шла по его слѣдамъ изъ Кіева.

Она пришла подѣ конецъ іюня. вмѣстѣ съ нею, въ числѣ другихъ пановъ, явился и знаменитый банить Лацъ, ведя за собой 400 отважныхъ воиновъ. Козацкое гайдамачество, разлившееся отъ Гадяча на лѣвой сторонѣ Днѣпра, до Умапя и Дымера, на правой, заставило украинскихъ пановъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для охраненія ихъ имуществъ. Паны нанимали людей, способныхъ къ войнѣ по всей Руси и Польшѣ, дѣлали изъ нихъ, по легкому вооруженію, „козаковъ“, или по тяжелому „драгунъ“, разгоняли гайдамацкія купы, и потомъ отправляли свои ополченія въ помощь коронному полевому гетману на берега Сулы.

Духовные паны подражали свѣтскимъ. Различіе вѣроисповѣданій и сословныхъ интересовъ исчезло въ виду общей бѣды. Кіевскій бискупъ прислалъ къ Потоцкому свою хоругвь, которая разбила подт. Дымеромъ болѣе тысячи гайдамакъ, и представилъ ему самого ватажка гайдамацкой купы, какого-то Пожарскаго, судя по фамиліи шляхтича. Іезуитъ Елецъ лично привелъ къ Устью Старца 70 православныхъ всадниковъ, нанявшихся для обороны іезуитскихъ имѣній. Аріанинъ Юрій Немиричъ разѣзжалъ съ православными подданными своими по правому берегу Днѣпра, разговяля ополченія взбунтованной черни, и не допускалъ ихъ соединиться съ низовцами. То же самое дѣлали князья Четвертинскіе; то же дѣлали Прѣскуры, Авсаки и другіе православные паны.

Эти разѣздныя команды захватили, въ числѣ прочихъ Запорожскихъ возмутителей и раненнаго на Устьѣ Старца „опекуна Украинъ“, Скидана Гудзана, ѣхавшаго въ Чигиринъ. Онъ былъ доставленъ въ лагерь Потоцкаго, и въ послѣдствіи казненъ вмѣстѣ съ Путивльцемъ и другими бунтовщиками.

И всё-таки, умиряя бунтовщиковъ, паны готовили въ будущемъ новые бунты. Переходы всѣхъ вообще ополченій, хотя бы и козацкихъ, были крайне обременительны для мѣщанъ и поселянъ во всякое время. Теперь своевольство приверженцевъ правительства давало себя чувствовать всюду, гдѣ можно было попрекнуть мѣстныхъ жителей участіемъ въ бунтѣ. А какъ смотрѣли жолнеры въ этомъ отношеніи на панскихъ подданныхъ, видно изъ отзыва самого Потоцкаго о виновности въ бунтахъ всего Поднѣпрія и Заднѣпрія. Походы Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Лацей Тучапскихъ, необходимые и разумные въ глазахъ

людей зажиточныхъ, были непріятельскимъ нашествіемъ въ глазахъ бѣдняковъ. Забывая, что козаки только въ такомъ случаѣ не грабили ихъ, когда они сами дѣлались козаками, бѣдняки вопіяли противъ Ляховъ, руйнующихъ Украину, и такимъ образомъ ширилась пропаганда будущей руины всего того, что не принадлежало ея дѣтелямъ. Запорожскіе добычники съ одной стороны, а украинскіе попы и монахи съ другой, каждый въ своихъ отдѣльныхъ видахъ, направляли эту пропаганду къ ея истребительной цѣли.

Въ довершеніе бѣдствій, предстоявшихъ польскорусскому обществу, а съ нимъ и всему Русскому народу, не исключая и Московскаго, разбойный элементъ самой шляхты, неодолимый для лучшихъ ея представителей, польскихъ и русскихъ, продолжалъ развиваться на счетъ людей порядка и благоустройства. Подобно тому, какъ низовцы съ украинскими гайдамаками изображали собою въ Польшѣ домашнюю татарщину, буяны и хищники шляхтичи были въ этомъ жалкомъ государствѣ собственною, домашнею козачщиною. Подъ шумъ общей тревоги, произведенной гонитвою за низовцами и за проповѣдуемымъ ими гайдамачествомъ, мѣстные шляхтичи, какъ и во времена Косинскаго, грабили другъ друга, а нѣкоторые изъ польскорусскихъ дворянъ обратили грабежи и насилія въ постоянный источникъ доходовъ, подобно Лашу Тучапскому. Зло было такъ велико, что сеймовая конституція 1638 года объявила на всю Польшу (не умалчивая уже, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“) слѣдующее:

„Есть у насъ такіе люди, которые, не обращая вниманія на общіе войсковые законы, собираютъ вокругъ себя купы изъ разнаго рода неосѣдлыхъ людей, какъ-то: Волоховъ, Сербовъ, Татаръ, лишешныхъ чести шляхтичей, наконецъ, изъ собственныхъ своихъ подданныхъ, и съ этими купами расхаживаютъ изъ села въ село по шляхетскимъ имѣніямъ, разоряя убогихъ людей постоянно и ночлегами, къ великому обремененію шляхетскаго сословія“, и т. д.

Положеніе польскаго правительства было тѣмъ трагичнѣе, что, страдая отъ разнузданности шляхты вообще и жолнерскаго неистовства въ особенности, оно, въ глазахъ козаковъ и тѣхъ, которые сочувствовали козачеству, представлялось не миротворцемъ и защитникомъ, а губителемъ несчастнаго края, возмущеннаго Запорожскою интригою. Димитрій Гуня, сидя въ своихъ окопахъ, дѣлалъ вотъ какія внушенія панамъ, которые рѣшились положить конецъ украинскому севольству:

„Мы думали“, (писалъ онъ къ Николаю Потоцкому), „что ваша милость, яко панъ христіанскій, сжалится надъ пролітіемъ такого

множества невинной крови, и какъ-нибудь положишь конецъ этимъ смутамъ. Но, видно, не для мира и благоустройства пришли вы въ эти плавни, подъ Запорожское Войско, со всѣми своими силами, а съ тѣмъ, чтобы до конца насъ выгубить, распустивъ свои отряды, которые свирѣпствуютъ надъ невинною христіанскою кровью хуже какихъ-нибудь непріателей Св. Креста. Будучи жестокими тиранами, не имѣете, видно, вы ни правды, ни страха Божія. Пускай бы уже вовели вы съ нами, козаками, которые обрели на то свою жизнь и возложили на Бога упованіе свое. Нѣтъ, вы нападаете на убогихъ людей, которыхъ голосъ и невинно пролитая вами кровь вопіютъ къ Богу о мщеніи, и возбуждаютъ насъ къ нему. Теперь уже мы рѣшились одинъ на другомъ положить свои головы, стоя за свои кровавыя заслуги, за права и вольности, данныя намъ издавна святой памяти польскими королями и уничтоженныя нашими измѣнниками, но не примемъ такого мира, какъ подъ Кумейками“.

Если бы было справедливо то, что пишутъ псевдоисторички о стоянѣ козаковъ за вѣру, о гоненіи польскими панами православія и о жидовскомъ глумленіи надъ церквами, попами и прихожанами среди козацкаго края, то Гуня непременно попрекнулъ бы этимъ Потоцкаго, и ухватился бы за ляшеское поруганіе религіи, какъ за главное оправданіе козацкаго бунта. Но онъ говоритъ объ однихъ войсковыхъ интересахъ. Козаки разглагольствовали только передъ *своею* публикою о наступленіи Ляховъ на православную вѣру. Для возбужденія дикихъ страстей, они сочиняли даже рассудин о томъ, какъ покровительствуемые панами Ляхами Жиды-рандари вмѣшивались въ церковные обряды. Ничего подобнаго не могли они написать къ Потоцкому и его соратникамъ, въ числѣ которыхъ было множество людей православныхъ.

На письмо Гуни Потоцкій отвѣчалъ, что козаки потеряли свои старинныя права, вооружаясь противъ маестата его королевской милости, и должны довольствоваться правами, данными имъ теперь отъ короля и Рѣчи Посполитой.

Козаки стояли на своемъ, — что иначе не положатъ оружія, какъ возвративъ себѣ старыя права.

Потоцкій повелъ свое войско на приступъ (это было 1-го іюля ст. ст.), а между тѣмъ его артиллерія дѣйствовала съ двухъ пункетовъ. Козаки оборонялись цѣлый день, а на другой день опять прислали просьбу о подтвержденіи имъ старыхъ правъ. Чтобы не ожесточать ихъ противъ себя лично, Потоцкій отправилъ къ нимъ пословъ съ

конституціей прошлаго сейма и съ увѣреніемъ, что онъ исполняетъ лишь волю правительства, но отнюдь не посягаетъ на ихъ вольности.

Чтеніе конституціи было заглушено криками верховодовъ бунта. Гуна просилъ пословъ обождать отвѣта до утра. Но прошло утро, а козаки не давали отвѣта. Накопецъ Потоцкій потерялъ терпѣніе, тѣмъ больше, что кони у него въ стапу изнемогали отъ недостатка корма. Козаки также терпѣли голодъ. Потоцкій разослалъ отряды по ближайшимъ селамъ, изъ которыхъ они добывали себѣ съѣстные припасы, и велѣлъ выжечь все до тла. Тогда осажденные взмолились о пощадѣ; но покорности, которой отъ нихъ домогались, не выражали.

Началась опять пальба съ разныхъ сторонъ по козацкимъ окопамъ; начались попытки вторгнуться въ обложенный блокадою таборъ. Козаки отражали приступы, и хитрыми вылазками держали панское войско въ постоянной тревогѣ. Послѣ утомительнаго, исполненнаго опасностей дня, наступила такая же ночь. Никто въ панскомъ ставу не снималъ съ себя панцыря и оружія.

Іюля 5 произошла кровопролитная битва, но она не перемѣнила затруднительныхъ обстоятельствъ той и другой стороны. Оба войска были одинаково сильны своими преимуществами и одинаково слабы недостатками. Старые окопы, усовершенствованные козаками, защищали ихъ отъ пораженія, подобнаго Кумейскому. Козаковъ было такъ много, что они могли оборонять свою земляную крѣпость на всѣхъ доступныхъ пунктахъ. Но ихъ многочисленность быстро приближало время голода; а подвозъ хлѣба и сѣна сдѣлался теперь очень затруднителенъ для мелкихъ партій. Ни мужество козаковъ въ оборонѣ своей позиціи, ни искусство, съ которымъ они добывали себѣ продовольствіе, не могли спасти ихъ.

У нихъ было въ виду другое спасеніе. Просьбами о пощадѣ они только манили „Ляховъ“; вылазками они только развлекали ихъ вниманіе, а кровопролитными битвами ослабили малочисленнаго непріателя, въ ожиданіи подкрѣпленія отъ кореунскаго полковника Филоенка, который давно уже вербовалъ новое ополченіе вверху Днѣпра, съ цѣлью пробиться въ козацкіе окопы съ огромнымъ запасомъ заготовленнаго продовольствія. Но Филоенко не давалъ еще о себѣ вѣсти.

О расправѣ съ „Ляхами“ въ открытой битвѣ напрасно было думать. Въ борьбѣ пановъ съ козаками болѣе, нежели гдѣ-либо, оправдывалась истина, что ни тѣлесная сила воиновъ, ни патріотическій энтузіазмъ (котораго козаки не имѣли) не могутъ устоять въ битвѣ противъ хорошо обученнаго войска; а панское войско въ сравненіи съ козацкимъ было почти то же, что римскіе легіоны въ сравненіи съ

толпами варваровъ. Нѣмецкая пѣхота, составлявшая опору этого войска, никогда не показала спины козакамъ, никогда не сдалась имъ въ плѣнъ, и лежала трупомъ до послѣдняго человѣка на мѣстѣ, какъ это случилось подъ Голтвою. Артиллерією завѣдывали у пановъ лучшіе заграничные практики. Квартаное войско вербовалось изъ людей, которые не знали другаго ремесла, кромѣ войны, и перепробовали всѣ способы драки, отъ „татарскаго танца“ и „козацкаго веремія“ до приемовъ, изобрѣтенныхъ Густавомъ Адольфомъ. Даже панскія ополченія, состоявшія на половину изъ низшей шляхты, старались вести себя на полѣ битвы, какъ подобаетъ истиннымъ рыцарямъ, а нѣкоторыя, набранныя изъ наемныхъ Татаръ, Волоховъ, Сербовъ и выписанныхъ изъ ресстра козаковъ, готовы были идти за своими „рейментарями“ въ какой-угодно огонь, какъ это доказывали „лащовщики“.

Но въ настоящемъ случаѣ голодный, ограбленный и почти опустошенный край вдоль береговъ Днѣпра, Сулы и пограничнаго отъ запорожскихъ Дивыхъ Полей Тясмина представлялъ слишкомъ скудные средства для содержанія многочисленной, сравнительно съ пѣхотою, конницы, да и люди не роскошничали въ стану Потоцкаго. Козаки сидѣли за высокими валами и дѣлали безпрестанныя вылазки. Отраженіе вылазовъ не обходилось для пановъ безъ несчастій, потому что все пространство вдоль окоповъ было изрыто круглыми ямеами, на которыхъ кони спотыкались, ломали ноги и опрокидывали всадниковъ, а козаки, лежа въ такъ называемыхъ долкахъ, или просто на землѣ, мѣтко стрѣляли по всадникамъ.

Паны, приводя лично, или присылая подѣ начальствомъ ротмистровъ и поручиковъ (намѣстниковъ) свои ополченія, воображали войну съ козаками чѣмъ-то въ родѣ прошлагодней „Кумейщины“, гдѣ были нужны только—сильный напоръ для расторженія козацкаго табора и достаточное количество рукъ для наказанія хлоповъ. Разочарованіе въ мечтахъ о рыцарской славѣ, добываемой въ нѣсколько дней, охладило ихъ энтузіазмъ, и они, подѣ тѣмъ предлогомъ, что козаки просятъ уже помилованія, начали поворачивать во-свои. Между тѣмъ битвы подѣ окопами происходили почти ежедневно, и рѣдко проходила ночь, въ которую бы козаки не сдѣлали дерзкой вылазки. Потоцкій находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ.

Но положеніе козацкаго вождя было гораздо хуже. Голодъ въ его окопахъ началъ дѣлаться чувствительнымъ. Козаки пытались уже одною ковиной, употребляя муку только для приправы. Позволились новыя депутаціи въ панскомъ стану. Но всѣ онѣ твердили одно и то

же,—что козакамъ не возможно иначе быть, какъ при старинныхъ своихъ правахъ.

Напрасно полевой коронный гетманъ твердилъ имъ, что король назначилъ имъ комиссара и полковниковъ изъ шляхты въ видахъ охраненія ихъ имущества и личной безопасности отъ выписчиковъ и отъ самихъ жолнеровъ. Козаки жаловались на реестровиковъ, преданныхъ интересамъ короны, что они, вода съ ними хлѣбъ-соль, изменили имъ и уронили ихъ достоинство. Козаки совѣтовали и короннымъ гетманамъ беречься ихъ измены; выражали желаніе послать отъ себя къ королю пословъ, и просили Потоцкаго объ одномъ,—чтобъ онъ не приводилъ въ исполненіе постановленія послѣдняго сейма, пока не вернуться ихъ послы отъ короля, и оставилъ бы ихъ до слѣдующаго сейма при тѣхъ правахъ, какія признаны за ними Куруковскою комиссією.

Среди переговоровъ и убѣжденій получено было извѣстіе, что Филоненко плыветъ съ Верху Днѣпра на выручку осажденнымъ. Потоцкій обратилъ на него всю свою энергію.

Козацкая флотилія должна была причалить къ берегу черезъ нѣсколько дней. Непреклонному Гунъ представлялось два выхода изъ его положенія: или, въ соединеніи съ Филоненкомъ, одолѣть „Ляховъ“ превосходствомъ силъ, или, безъ дальнѣйшихъ потерь, удалиться на Запорожье. Если же не удастся ни то, ни другое, тогда будетъ онъ держаться на Устьѣ Старца до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ Потоцкаго снять осаду.

Съ своей стороны Потоцкій, въ случаѣ неудачнаго отраженія идущихъ съ Верху Днѣпра козаковъ, рѣшилъ зимовать на мѣстѣ и заложить здѣсь новую колонію. Событія припоминали подобіе Троянской войны, и этимъ самымъ свидѣтельствовали, что усмиреніе козаковъ—задача слишкомъ трудная для обладателей Королевской Земли.

Предупреждая походъ Филоненка шляхетскій Агамемнонъ сдѣлалъ еще одинъ приступъ къ окопамъ, продолжавшійся цѣлыя сутки. Много было явлено съ обѣихъ сторонъ гекторовскаго мужества, ахилловской завзятости и одиссеевскихъ ухищреній; но обоюдные подвиги не привели ни ту, ни другую сторону ровно ни къ чему. Каждая изъ нихъ, рассчитывая на прибытіе Филоненка по-своему, старалась ослабить непріятеля, чтобы легче было поставить на своемъ съ наступленіемъ этого важнаго событія. Въ обоихъ войскахъ истощались огнестрѣльные снаряды; оба войска теряли лучшихъ воиновъ; оба, уничтожая и надрывая другъ друга, оставались по-прежнему въ равновѣснн силъ и безсилія. Въ жару соціальной усобицы, воспламененные тяж-

кими ударами врага, войны забывали цѣль кроваваго спора. Бились уже не за привилегіи, добытыя заслугами и происками многихъ поколѣній, не за равенство съ тѣми, которые, на поверхностный взглядъ, блаженствовали, точно въ раю, на счетъ мучимыхъ, точно въ пеклѣ. Бились уже не паны съ хлопами и не мнимыя жертвы съ мнимыми тиранами, а рыцари своего грубаго, но кипучаго физическаго и нравственнаго энергіею вѣка съ одинаково доблестными и свирѣпыми рыцарями. Битва была страшная. Но она предвѣщала еще болѣе кровавый споръ, въ которомъ обѣ великія силы должны были взаимно истощиться, чтобы подпасть подъ господство болѣе полезной для человечества силы.

Свѣдѣнія, добытыя отъ языковъ среди боя, опечалили Потоцкаго. Преданные ему реестровики подтверждали ихъ справедливость, и были такого мѣннія, что, еслибы и удалось панамъ взять козацкія окопы, то дѣлу былъ бы еще далеко не конецъ. Внутри окоповъ были такіе блокгаузы, обезпеченные водою, что только голодомъ было возможно одолѣть завзятыхъ.

Наконецъ въ панскомъ стану свѣдали, что Филоненка ожидаютъ къ Устью Старца 27 русскаго іюля, въ день „Палѣя“ (Пантелеймона),—день, по примѣтамъ хлѣборобовъ, особенно громоносный и зажигательный. Козаки разставили на валахъ пушки, наготовили при нихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, перечистили свой „огнестрѣльный бой“ отъ копоти, подкормили коней, и рѣшились прикрывать высадку, во чтò бы то ни обошлось имъ. Но лащовщики и хоругви великаго короннаго гетмана сдѣлали на противоположной сторонѣ Днѣпра засаду противъ Филоненки, который часть войска велъ берегомъ, а другую часть посадилъ на байдаки.

Наступилъ таинственно грозный день Палѣя. Филоненко былъ въ самомъ дѣлѣ близко. Но встрѣча съ лащовщиками и съ контингентомъ Конецпольскаго обошлась ему не дешево. Много пало у него людей, много потерялъ онъ и запасовъ. Долго провожали его жолнеры, „вѣшаясь“ на его хвостовыхъ отрядахъ, забѣгая впередъ „голови“ и стрѣлая по его судамъ изъ пушекъ и гаковницъ. Громъ пальбы доносился къ Устью Старца, и волновалъ то страхомъ, то надеждою, какъ осажденныхъ, такъ и осаждающихъ. Наконецъ пальба утихла, потому что Филоненко освободился отъ своихъ преслѣдователей, добравшись до острововъ, до неприступныхъ для непріятеля днѣпровскихъ луговинъ и непроходимыхъ затоновъ. Къ полуночи онъ былъ у пристани, отъ которой козацкіе окопы отдѣлялись только небольшимъ

пространствомъ. На этомъ пространствѣ должна была рѣшиться судьба долгой и мучительной для обѣихъ сторонъ осады.

Ночь была темная. Стрѣльба помогала дѣлу немного. Пошло въ ходъ оружіе холодное—среди мрака, соотвѣтствовавшаго тому, который напустили въ умы и сердца сражающихся римляне и византійцы.

Главными панскими силами предводительствовали Николай Потоцкій и князь Вишневецкій, Агамемнонъ и Ахиллъ знаменитой борьбы на Устьѣ Старца. Паны вывели въ ночную битву изъ обоза всѣ свои хоругви, такъ что въ обозѣ некому было даже сторожить плѣнныхъ, которыхъ было 70 человекъ. Ротмистръ венгерской королевской пѣхоты, панъ Загурскій, выдѣлил нѣсколько важнѣйшихъ сѣромахъ изъ толпы, а остальныхъ велѣлъ венгерцамъ изрубить.

Отъ полуночи до поздняго утра стояли паны нерушимою стѣною между войскомъ Филоненка, пробивавшимся къ окопамъ, и войскомъ Гуни, которое силилось проложить ему дорогу. Ворота въ окопы не были защищены: они манили пановъ на козацкія засады. Козаки, лежа сплошнымъ помостомъ подъ панскими колоннами, осыпали ихъ смертоноснымъ градомъ пуль. Этихъ отчаянныхъ людей приходилось безпрестанно отпугивать быстрымъ напускомъ конницы. Гибли сѣромахи тысячами, но не уступали шляхетникамъ ни въ горячей завязности, ни въ холодной рѣшимости. Наконецъ шляхетники изнемогли, и Филоненко пробился въ окопы.

Но побѣдители были печальны. Большая часть навербованнаго знаменитымъ корсунскимъ полковникомъ войска пала въ битвахъ. Съѣстныхъ припасовъ уцѣлѣло для всѣхъ козаковъ только на два дня. Когда то и другое сдѣлалось извѣстнымъ, печаль козацкой черни перешла въ ярость. Филоненка, прославившагося еще въ 1628 г. походами въ заднѣпровскую Туретчину, называли измѣнникомъ. Забыты были его подвиги въ бояхъ съ Татарами и Турками, воспѣты въ кобзарскихъ думахъ; не приняты въ соображеніе препятствія, которыя преодолѣлъ онъ въ своей экспедиціи; ни во что поставлено геройство, съ какимъ онъ пробился на помощь къ осажденнымъ. Повлонница только успѣха, козацкая чернь судила его въ „чернецкой“, или черной радѣ безъ старшины, и приговорила къ публичному наказанію кіями у позорнаго столба.

Здѣсь варварское состояніе нравовъ и обычаевъ козацкихъ обозначилось рѣзко, въ сравненіи съ нравами и обычаями шляхты. „Если бы къ его милости пану гетману“ (пишетъ походный капелланъ Потоцкаго) „пробился такимъ образомъ какой-нибудь ротмистръ, хотя бы только съ одною сотнею коней, то навѣрное панъ гетманъ принялъ

бы его съ веселымъ видомъ, съ распростертыми объятіями и ободрительными словами“.

Послѣ крайняго напряженія силъ, осажденные упали духомъ, и поплы на мировую съ „Ляхами“. Волей и неволей Потоцкій долженъ былъ оставить козаковъ при ихъ арматѣ и войсковыхъ знакахъ, до тѣхъ поръ пока возвратятся ихъ послы отъ короля. Тогда козаки обѣщали передать свою армату и войсковые клейноды комиссару, и принять полковниковъ, какіе будутъ назначены правительствомъ. Какъ сидѣвшіе въ осадѣ козаки выписчики, такъ и послушные панамъ реестровые, взаимно присягнули—не обижать другъ друга, не укорять мнвовавшею войною, и удалить отъ себя оказаченныхъ панскихъ подданныхъ. Забранныя у шляхты пушки и пушки кievскія рѣшено было возвратить по принадлежности немедленно. Козацкія вдовы были признаны въ своихъ правахъ неприкосновенными. Трахтомировскимъ монахамъ (инвалидамъ Запорожскаго Войска) было обѣщано покровительство. Захваченный реестровиками монастырскій скарбъ имѣлъ быть возвращенъ. Выходъ на рѣчки для рыболовства и въ Дикія Поля для звѣрнаго промысла дозволенъ былъ по-прежнему.

Договоръ этотъ подписалъ, въ качествѣ войскаго писаря, уже не Богданъ Хмельницкій (какъ Боровицкое обязательство), а какой-то Мартыпъ Незнанскій. Богданъ Хмельницкій на сей разъ держалъ сторону панскую, и вмѣстѣ съ панами каралъ такихъ людей, какииъ въ прошломъ году былъ самъ и какииъ черезъ десять лѣтъ сдѣлался опять.

Іюля 29 походные ксензы шѣли въ панскомъ стану *Te Deum laudamus* *). Козаки молились Богу безъ попа, такъ какъ у нихъ по-пу не было мѣста ни въ походахъ, ни въ копахъ. Загремѣли въ обонхъ становищахъ торжественныя пушки, началось общее пиршество и взаимное угощеніе, хотя ни той, ни другой сторонѣ радоваться было печему. Козаки оставались по-прежнему въ ограниченномъ числѣ, которому „длинная“ королевская сабля смѣло могла предписывать законы; а паны потеряли на Устьѣ Старца больше мужественныхъ ветерановъ, нежели въ войнѣ съ Густавомъ Адольфомъ.

Теперь свободно расхаживали соратники Гуни по становищу Потоцкаго, а паны—по козацкимъ окопамъ. „Дивился не одинъ инженеръ“ (говоритъ авторъ походнаго дневника) „трусамъ и изобрѣтательности грубаго хлопа, осматривая валы, шанцы, батареи и куртины.

---

*) Тебѣ Бога хвалимъ.

Хотя бы коронное войско и проникло въ козацкіе рвы, валы, привалки и дубовые частоколы, но еще большихъ силъ нужно было бы на то, чтобы взять козаковъ приступомъ среди ихъ окоповъ“.

И однакожь козаки были побѣждены. Не превосходство короннаго войска, не изнеможеніе силъ и не голодъ одолѣли ихъ: одолѣла ихъ малорусская неурядица, происходившая отъ ревниваго чувства личной свободы,— чувства, воспитаннаго весь такъ-называемый козацкій народъ, эту сбродную націю утікачей; одолѣла ихъ взаимная недобвѣрчивость между голотою и людьми зажиточными, между войсковою чернью и старшиною. Козаки были не способны ни къ строенію, ни къ разрушенію государства. Строить государство могли они только подъ стягомъ Собирателей Русской Земли, разрушать — только подъ бунчукомъ Чингисхановичей.

Іюля 30 козаки получили дозволеніе разойтись по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы, въ назначенное время, собраться на раду въ Каневѣ, какъ тѣмъ, которые воевали подъ знаменами правительства, такъ и тѣмъ, которые сражались за приводомъ запорожской вольницы. На этой радѣ козаки должны были выбрать изъ среды себя пословъ въ королю, а пока воротятся послы, сдѣлать новую реестровку.

Не у всѣхъ козаковъ были теперь дома и пристановища. Не только хутора и села, цѣлые города исчезли, переходя отъ панскихъ ополченій къ запорожскимъ и обратно. Козаки-зимовчаки по-неволѣ превратились теперь въ безхатниковъ, козаки-дуки—въ нетягъ. Оббившіеся, точно кремень, сѣромахи не всѣ пошли въ броварники, давнишники, будники, не всѣ искали рабочаго куска хлѣба въ панскихъ и королевскихъ селахъ. Большею частью разбрелись они по „низовымъ рѣчкамъ, Днѣпровымъ помощницамъ“, на рыбные и звѣринные промыслы, отъ которыхъ былъ одинъ только шагъ до промысла добычнаго. Многіе очутились на Дону; другіе бѣжали въ московскую Бѣлогородчину и Сѣверщину; а нѣкоторые—даже въ Крымъ, на Буджаки и въ Добруджу.

Къ панамъ вернулись немногіе изъ охотниковъ до *лежащаю* хлѣба, выписчиковъ, потому что у пановъ ожидала ихъ та самая работа и та зависимость, отъ которыхъ они уходили все въ крайнія и крайнія осады. Страна замѣтно опустѣла. Множество лановъ оставалось незасѣянными, такъ какъ оказаченные поселяне съ осени 1637 года готовились къ жатвѣ инаго рода. Дороговизна воелѣ Кіева и на Заднѣпріи была неслыханная. Маца (4 четверика) жита продавалось на рынкѣ по 40 злотыхъ. Промыслы и торговля были приостановлены, такъ что даже соль добывалась только изъ-за московскаго рубежа. Сель-

ское хозяйство пришло въ такой упадокъ, что Николой Потоцкій, зимою 1638 года, не находилъ способовъ прокормить людей и лошадей во время переѣздовъ для обозначенія границъ козацкимъ поселеніямъ.

При такихъ обстоятельствахъ, оба коронные гетмана не знали, куда имъ дѣваться съ квартянымъ и ипоземнымъ войскомъ; переводили его съ одного мѣста на другое, разоряя до остатка королевскія и мимоходомъ шляхетскія имѣнія. Въ Подоліи былъ такой же голодъ, какъ и въ Украинѣ, хотя тамъ и не стояло коронное войско; а вывести его изъ украинскихъ провинцій значило бы—нарушить недавно составленный планъ обезпеченія Рѣчи Посполитой со стороны границъ, и рисковать новымъ козацкимъ бунтомъ.

Счеты у козаковъ съ панами жолнерами пикогда не могли быть кончены. Заключало мировую съ Потоцкимъ покоренное войско; заставляло козаковъ присягать отчаявшемуся въ успѣхъ товарищество. Но изъ окоповъ при Устьѣ Старца разошлось много людей съ неутоимой жаждою мщенія за дѣла, которыя оправдываются государственнымъ правомъ, но которыхъ не признавала правыми козачина, выработавшая себѣ юрисдикцію антигосударственную и антиобщественную—разбойную. Во время осаднаго сидѣнья на Сулѣ подъ Жовниномъ, эти люди находили дикое наслажденіе въ томъ, чтобы добывать убитыхъ шляхтичей изъ могилъ и издѣваться надъ ихъ трупами. Легко вообразить, на чтѣ они были способны и готовы при благоприятныхъ обстоятельствахъ. А паны жолнеры, съ своей стороны, были не такіе воины, чтобы, послѣ всего прошлаго, не давать козакамъ новыхъ поводовъ къ волненіямъ.

За предстоящую зиму коронные гетманы были еще спокойны; но весна грозила имъ новыми тревогами. Съ весной проснутся, точно пчелы въ ульѣ, низовые камышники и лугари, готовые къ морскому разбою. Съ весной поплыветъ къ нимъ Днѣпромъ и побредетъ степью все, чтѣ будетъ въ силахъ вырваться за черту королевскихъ и панскихъ сторожъ. Вернувшись изъ морскаго набѣга, добывъ отъ Татаръ, Турокъ, Армянъ, Грековъ, Румуновъ, Болгаръ разбосмъ, грабежемъ и мѣновымъ торгомъ оружія, пороху, свища, низовая голота можетъ опять вторгнуться въ Вишневщину, или въ панскую Сѣверщину. Если же этого не будетъ, то она сдѣлается на Низу готовыми кадрами для новыхъ утѣчачей изъ пожизненныхъ и вѣчныхъ панскихъ добръ, и будетъ юртоваться за Порогами противоположное „городовому“ и соблазнительное для него козачество до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ силу, или не пайдетъ себѣ предводителей, подобныхъ Павлюку, Свидану, Кизиму, Острианицѣ, Гуни, Филоненку. Еслибы не

безденежье, крѣпость на Кодакѣ возстановилась бы безостановочно во все это время. Но скарбовые люди постоянно обманывали ожиданія коронныхъ гетмановъ, и заставляли ихъ дѣлать займы на собственный страхъ, лишь бы не уронить своей славы, какъ охранителей безопасности республики.

А между тѣмъ надъ Польшей висѣла туча, требовавшая новаго громоотвода. Коронные гетманы получили извѣстіе, что Острианица, послѣ бѣгства съ поля битвы, ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи многихъ тысячъ народа, изъ которыхъ одни послѣдовали за нимъ съ испуга добровольно, а другіе были угнаны силою. Знали также коронные гетманы, что и послѣ Кумейскаго погрома, и послѣ осаднаго сидѣнья на Устьѣ Старца, пограничные города московскіе, Рыльскъ, Сѣвскъ, Путивль, и бѣлогородскіе степные поселки были переполнены украинскими козаками. Они были убѣждены, что виною козацкихъ бунтовъ—сосѣдство благопріятствующей козакамъ державы: „ибо не украдетъ воръ, когда негдѣ спрятать, и не станетъ бунтовать мятежникъ, когда ему негдѣ укрыться отъ преслѣдованія“, писалъ Потоцкій къ Копецпольскому, и настаивалъ, чтобъ онъ повторилъ свои просьбы царю о выдачѣ Острианицы и другихъ зачищиковъ бунта, бѣжавшихъ въ московскія земли.

Къ сожалѣнію, бумаги Посольскаго Приказа, относяціяся къ этому предмету, утрачены; но мы знаемъ, что никто изъ козаковъ, наводнившихъ московскую Сѣверщину и Бѣлогородчину, не былъ выданъ Полякамъ; и, по всей вѣроятности, въ Москвѣ смотрѣли не безъ удовольствія на козакопанскія усобицы, вспоминая недавнія вторженія пановъ и козаковъ совместно въ Московское Царство. Какъ бы то ни было, но коронные гетманы съ безпокойствомъ поглядывали на сѣверо-востокъ, откуда, по ихъ справедливому опасенію, новые бунтовщики могли получить сильную помощь.

Таково было положеніе дѣлъ, когда козацкіе уполномоченные (въ числѣ которыхъ находился и будущій Геростратъ Польской Руси, Богданъ Хмельницкій) явились къ королю и сенату съ выраженіемъ раскаянія Запорожскаго Войска въ бунтахъ и съ просьбою о помилованіи. Надѣясь на ходатайство Потоцкаго, они изъявляли полную готовность подчиниться ограниченію козацкихъ вольностей, какое угодно будетъ сдѣлать его королевской милости и Рѣчи Посполитой.

Какъ письмо къ королю, такъ и инструкція, данная козакамъ своимъ посламъ, были надиктованы, очевидно, Потоцкимъ. Но королевскій отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Паны давали козакамъ остыть, раздѣлиться порѣже на козаковъ старинныхъ и новыхъ, на зимов-

чаковъ и безхатниковъ, на рыцарей по наслѣдству и окозаченныхъ мѣщанъ, хлѣборобовъ, чабановъ. Давали паны и шляхетской сторонѣ оправиться послѣ опустошеній и потерь, пополнить свои надворныя дружины, упрочить оборону своихъ замковъ. Давали они время и жолнерамъ угнѣздиться въ такихъ опасныхъ сѣдалищахъ мятежей, какъ Роменщина, Хорольщина, Лубенщина, Полтавщина, чтобы, въ случаѣ новой попытки къ бунту, остановить завязтыхъ и зимнимъ временемъ, самымъ неудобнымъ для козацкой стратегіи, и перевѣсомъ умѣрспной, сравнительно миролюбивой части козаковъ, и готовностью шляхты оборонять свои имѣнія въ самомъ нѣдрѣ козачины, и пресѣченіемъ путей къ побѣгу панскихъ подданныхъ въ козацкія купы.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ. Наступилъ конецъ Ноября. Тогда только было оповѣщено козакамъ, чтобы они собрались на Масловомъ Ставу (между Каневомъ и Богуславомъ), пады рѣкой Росью, для выслушанія королевскаго рѣшенія.

Занимая до времени собственною особою мѣсто запорожскаго гетмана, Николай Потоцкій послалъ предварительно къ козакамъ своего намѣстника, Станислава Потоцкаго, для наблюденія за порядкомъ. Онъ опасался, чтобы во время кочеванья у Маслова Става не возникло между козацкими полковниками соперничества, и не повело все войско къ бунту.

Станиславъ Потоцкій былъ принятъ въ козацкомъ таборѣ почти тельно. Ему, безъ замедленія и отговорокъ, было предоставлено начальство надъ всѣми полками и надъ арматою. Онъ учредилъ собственные *варты* (караулы) и принялъ мѣры къ удержанію войска въ порядкѣ, пока мѣсть соберутся недостающіе полки и сотни.

Полевой коронный гетманъ стоялъ между тѣмъ въ Бѣлой Церквѣ съ охранительными своими хоругвами и членами Маслоставской комиссіи. Освѣдомясь наконецъ, что все обстоитъ благополучно, онъ выступилъ въ Рокитну, а оттуда па ночлегъ въ Микитинки.

Козаки двинулись къ нему навстрѣчу и, пройдя добрыхъ двѣ мили, увидѣли въ чистомъ полѣ коронныя хоругви, на челѣ которыхъ, вокругъ полеваго гетмана, стояли знатные паны, явившіеся на комиссію съ своими надворными ротами. Въ стройномъ порядкѣ приблизились козакъ съ таборомъ своимъ и арматою, какъ обыкновенно хаживали въ битву, и остановились въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ лука отъ папскаго войска, выстроеннаго также въ боевой порядокъ. Тогда старшина, въ сопровожденіи почетнаго конвоя товарищей реестровиковъ, отдѣлилась отъ козацкаго войска, и, пады предводитель-

ствомъ Станислава Потоцкаго, подъѣхала къ полевому коронному гетману. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, коронный гетманъ велѣлъ представителямъ Запорожскаго Войска спѣшиться и сойтись въ коло на срединѣ пространства между двухъ войскъ.

Члены комиссіи, войдя къ рыцарскій козацкій кругъ, говорили собранію о казни, постигшей Сьядана, Путивильца и другихъ зачинщиковъ бунта, и о врожденной добротѣ его королевской милости, по которой даровано козакамъ прощеніе, по предстательству обоихъ коронныхъ гетмановъ.

„Хотя и подвергся гнѣву его королевской милости“ (прибавилъ Николай Потоцкій) „за то, что поступилъ съ вами слишкомъ милостиво, но перенесъ я этотъ гнѣвъ съ радостью, имѣя въ виду, что не лилась и не льется больше христіанская кровь, а тѣмъ паче, что козаки, въ знакъ своего раскаянія, присягнули подчиниться вполне королевской волѣ. Теперь-то“ (заключилъ онъ) „предстоитъ вамъ подтвердить самымъ дѣломъ вашу присягу, принявъ порядокъ, какой его королевской милости угодно будетъ даровать вамъ, въ избѣжаніе кровопролитія на будущее время“.

Послѣ того былъ прочитанъ актъ комиссіи; а потомъ заготовленный Николаемъ Потоцкимъ совмѣстно съ митрополитомъ Петромъ Могилою проповѣдникъ произнесъ козакамъ увѣщаніе, опираясь на евангельскія слова.

Козаки слушали проповѣдь съ тяжелыми вздохами, и было отъ чего вздыхать имъ. Король и паны его рады отнимали у козаковъ все ихъ самоуправленіе, всѣ знаки ихъ войсковаго достоинства и всѣ земли, захваченныя ими у шляхты. Козаки должны были отдать панамъ свою артиллерию тутъ же среди рыцарскаго круга и положить къ ногамъ короннаго гетмана свои знаки, булавы и всѣ войсковые клейноды. Никто не осмѣлился высказать негодованія. Слышны были только вздохи и сожалѣнія о безразсудствѣ, которое довело Запорожское Войско до такого униженія.

Наконецъ было спрошено у козаковъ, желаютъ ли они принять отъ короля и Рѣчи Посполитой комиссара, вмѣсто гетмана, и полковниковъ-шляхтичей, вмѣсто тѣхъ, которые были избраны ими изъ среды себя?

Отвѣтъ былъ утвердительный, и коронный гетманъ объявилъ королевскимъ комиссарамъ по козацкимъ дѣламъ пана Коморовскаго, которому тутъ же были переданы козацкія пушки и войсковые знаки, а полковниками назначилъ мѣстныхъ шляхтичей. Эти полковники избрали себѣ шесть полковыхъ асаудовъ, въ числѣ которыхъ чигирин-

скимъ асауломъ сдѣланъ Романъ Пешта, напоминающій своимъ именемъ прославившагося на Сулѣ Пешту. Самимъ козакамъ было предоставлено избрать вольными голосами только сотниковъ да сотенныхъ атамановъ, и по этому избранію, однимъ изъ чигиринскихъ сотниковъ явился Богданъ Хмельницкій, войсковою писарь Павлюковщины, сторонникъ панскокозацкой партіи послѣ паденія Павлюка и козацкій посолъ къ королю отъ смиренной каневской рады.

Войсковымъ асауламъ назначено жалованье по 600 злотыхъ, полковымъ асауламъ—по 350, сотникамъ—по 200, а сотеннымъ атаманамъ по 60.

Такъ какъ Трахтомировъ былъ выжженъ до тла во время войны, то резиденціею козацкому комиссару назначенъ Корсунъ, впродъ до особаго распоряженія.

Отъ опредѣленія границъ земли, на которой дозволялось козакамъ заводить свои поселки, Потоцкій уклонился, по причинѣ разоренія края обими воевавшими войсками и невозможности добыть корму ни для лошадей, ни для людей во время объѣзда границъ. Что касается козацкихъ жалобъ на захватъ имѣній, принадлежавшихъ Трахтомировскому монастырю, то онъ объявилъ, что Лацъ получилъ на эти имѣнія королевскую привилегію, основанную на гайдуковомъ правѣ и на правѣ конфискаціи мятежническихъ имуществъ.

Такимъ образомъ коронный полевой гетманъ искусными военными дѣйствіями и ловкою политикою упрочилъ за панами обладаніе Украиной еще на десять лѣтъ, не подозрѣвая, какая разрушительная сила таится въ наименованіи всѣхъ ихъ Ляхами.

Перечитывая документы, относящіяся къ мировой сдѣлкѣ на Устьѣ Старца, къ Каневской радѣ и, наконецъ, къ комиссіи на Масловоу Ставу, мы напрасно искали въ нихъ имени козацкаго вождя, затмившаго своею геніальностію военную славу панскихъ полководцевъ подъ Кумейками, на Сулѣ у Жовнина и на кровавомъ Устьѣ Старца. Лишь только между козаками и панами пошло дѣло на мировую, имя необоримаго Дмитрія Томашевича Гуни исчезаетъ въ козакопанскихъ травзакціяхъ. Гуня—или самъ отказался отъ предводительства, или былъ низложенъ чернецкою радюю, осудившею на позорную кару заслуженнаго полковника Филоненка,—не извѣстно. Знаемъ только, что онъ оставался въ Украинѣ, или за Порогами, до 1639 года, и тогда ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи трехсотъ всадниковъ. Объ этомъ донесъ королю великій коронный гетманъ, говоря, что Гуня бѣжалъ въ Московщину, „безъ всякой причины“, хотя причина для насъ очевидна.

Паны полковники, проживая поочередно за Порогами со своими полями, старались прибрать къ рукамъ предводителей новыхъ морскихъ набѣговъ, за которые Турки уже сажали подъ стражу польскихъ посланцевъ. Къ войсковой черни, остававшейся по-старому на волѣ въ такъ называемыхъ двѣнровскихъ входахъ, они обращались въ ласковыхъ словахъ, приглашая этихъ полудикарей воспользоваться королевскою милостью. Вольные лугари и камышники, съ своей стороны, показывали видъ, что готовы предоставить себя великодушію короля и панской республики, но не выходили изъ Запорожья и, крѣясь по луговымъ дубровамъ, нѣтрамъ и камышамъ, заготавливали „бѣрошно“ для поваго морскаго набѣга. Преданные панамъ реестровики схватили кой-кого изъ ватажковъ. Та же участь, вѣроятно, предстояла и геніальному „козармогѣ“, Гуцѣ.

Видя предводителей подавленнаго бунта на свободѣ въ непріязненномъ царствѣ, коронные гетманы, съ каждой весной, опасались новаго козацкаго мятежа. Первая весна обошлась безъ волненій въ Украинѣ. Но опасность была до того велика, что Станиславъ Конецпольскій, не дождавшись ассигновки изъ королевскаго скарба, занявъ значительную сумму на собственный кредитъ и отправился съ 4000 воиновъ лично достраивать возобновленную на урочищѣ Кодацкѣ крѣпость. При немъ валы были возведены на вѣскольکو локтей кругомъ. Дальнѣйшія укрѣпленія предоставилъ онъ доканчивать Станиславу Потоцкому съ короткимъ войскомъ и двумя полками реестровыхъ козаковъ.

Какую важность придавалъ коронный великій гетманъ Кодацкой крѣпости, видно изъ инструкціи, которую онъ оставилъ ей „губернатору“, пану Жолтовскому. Вѣрившій этому преемнику несчастнаго Маріона сторожевой полкъ состоялъ изъ пяти ротъ, въ которыхъ всегда должно было быть полное количество офицеровъ, на томъ основаніи, что чѣмъ больше въ полку офицеровъ, тѣмъ онъ сильнѣе. Никакихъ людей, кромѣ Поляковъ и Нѣмцевъ, не дозволялось принимать въ Кодацкій гарнизонъ. Такъ какъ Рѣчь Посполитая желала обратить его въ школу нѣхоты, изъ которой бы она могла брать капитановъ и другихъ офицеровъ для прочихъ войскъ, то Жолтовскому вмѣнялось въ обязанность постоянно занимать служащихъ воинскими упражненіями. Кромѣ карауловъ на волахъ, установлена была полевая сторожа, подъ названіемъ козацкой хоругви, набранной изъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Ворота въ крѣпость должны быть постоянно закрыты. Калитку запираеть за часъ до солнечнаго захода, а отпирать за часъ до восхода, когда дневная сторожа займетъ свои мѣста

по всѣмъ „балкамъ“ и долинамъ. Изъ людей прїѣзжихъ никого не дозволялось впускать въ крѣпость; всѣ сдѣлки съ ними производить передъ крѣпостью. Входить въ крѣпость дозволялось только знатымъ особамъ, но безъ всякой свиты. „Такъ какъ главная цѣль основанія крѣпости“ (сказано далѣе въ инструкціи) „состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать козацкіе морскіе походы и свосвольства, то наблюдать, чтобы за Пороги не прошло ни души, кромѣ тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за своими полками съ *бірошномъ*; но и они должны имѣть паспортъ отъ своего полковника. Людей же, которыхъ разные украинскіе паны обыкновенно посылають для рыболовства и звѣриваго промысла въ пизовыя рѣчки, возвращать вспять, не взирая ни на какіе листы, потому что изъ такихъ людей и накопляются мятежныя купы“. Наконецъ, предписывалось не пропускать по Днѣпру лицъ дѣлать въ степи частыя разѣзды, и еслибы украинскимъ обгледцамъ удалось какъ-нибудь пробраться за Пороги, то свѣдавъ объ этомъ, тотчасъ давать знать находящемуся на Запорожьѣ полковнику, которому вмѣнялось въ обязанность держать сторожу не только по Днѣпру, но также на рѣчкахъ Ингулѣ и Ингульцѣ, сливающихся съ Днѣпромъ у входа въ Черное море.

Обезпечить такимъ образомъ границы Рѣчи Посполитой отъ домашнихъ враговъ и татарскихъ вторженій, коронныя гетманы могли бы, повидимому, сидѣть спокойно въ своихъ резиденціяхъ. Но пограничныя дѣла были приведены въ порядокъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности здѣсь продолжалась неурядица, прогрессивно соответствовавшая той, которою отличались всѣ внутреннія провинціи польско-русской республики безъ исключенія.

Размѣстивъ по опаснѣйшимъ пунктамъ 3000 постоянного квартанаго войска, независимо отъ козацкаго гарнизона и гвардіи при новой козацкой старшинѣ, правительство съ 1 сентября 1638 года не заплатило ему ни гроша жалованья въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, или четырехъ четвертей, да задолжало и за прошлый годъ, за самое трудное походное и боевое время, пушкарямъ и драгунамъ. Войско вознаграждало себя, по обычаю, грабежомъ королевскихъ и панскихъ имѣній, а паны старосты, державцы; ихъ намѣстники и паны вѣчистые обороняли свои города и села вооруженною рукою.

Переходы жолнеровъ съ мѣста на мѣсто уподоблялись походамъ черезъ непріятельскую землю. Города и мѣстечки, села и слободы за-

пирали передъ ними ворота и ломали на рѣчкахъ мосты, чтобъ заставить королевское войско идти другою дорогою. При этомъ завязывались драки, похожія на настоящіе сраженія и приступы. Военные суды и гражданскіе трибуналы были полны жалобами на жолнерскіе грабежи, насилія, разбой. Но трудно было судить и карать виновныхъ за преступленія, такъ какъ жолнеры, въ свою очередь, жаловались на пановъ, которые „не обуздывають своихъ подданныхъ“, и позволяютъ имъ безнаказанно обгагрять руки шляхетскою кровью“.

Въ самомъ дѣлѣ, разоряемые жолнерами паны пользовались ненавистью поселянъ къ „войсковымъ людямъ“, и предоставляли подданнымъ своимъ свободу нападать на буйныхъ охранителей „шляхетскаго народа“: до такой дикости дошло разединеніе между сословіями, даже между представителями одного и того же сословія, въ силу событий, сопровождавшихъ колонизацію малорусскихъ пустынь. Каждый великій панъ согласовался здѣсь въ дѣлахъ войны и мира съ другими великими панами на столько, на сколько это было ему нужно для его экономическихъ или фамилльныхъ интересовъ.

Посредствующая власть правительства не имѣла въ такъ называемыхъ крѣсахъ никакой силы. Отдавая панамъ въ вѣчное владѣніе украинскія пустыни, короли имѣли о нихъ самыя неясныя понятія,— до того, что, напримѣръ, земля, на которой, въ теченіе полустолѣтія, образовалось цѣлое княжество подъ именемъ Вишневетчины, въ сеймовомъ постановленіи 1590 года названа „пустынею рѣки Сулы, лежащею за Черкасами“. На сеймѣ 1590 года было рѣшено, чтобы коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые козаками. Но этого невозможно было сдѣлать до 1638 года. Въ числѣ выгодъ кампаніи 1638 года считалось немалою выгодною то, что правительство узнало „всѣ важнѣйшія мѣста, входы и укрѣпленіе—отъ Двѣпра до Муравскаго Шляху“. Въ старину (писали паны) все это было извѣстно только самоуправному козаку, и за знаніе такихъ мѣстъ козаки получали въ награду полковничество, или другое старшинство. Поэтому-то магнаты не всегда знали, что за земли они себѣ выпросили, и какъ велико ихъ пространство. Они обозначали предѣлы своихъ займищъ тѣмъ самымъ способомъ, какъ испанскіе *conquerados* въ Новомъ Свѣтѣ.

Панскія владѣнія въ Малороссійской Украинѣ были, можно сказать, отдѣльными царствами, въ которыхъ выше всѣхъ законовъ стоя-

ла неподчинимая законамъ воля самого пана. Такія царства занимали въ XVII вѣкѣ все пограничье Рѣчи Посполитой Польской, составлявшее до нашествія Батыевыхъ Татаръ Землю Сѣверскую, Землю Черниговскую, Переяславскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, и поддерживали свое существованіе тѣми самыми средствами, какими выросли, именно — переизвомъ чужихъ людей въ свои воли, слободы, осады, села, мѣстечки, города да паѣздами на владѣнія малолѣтковъ, или людей безоборонныхъ.

Законъ, только для сохраненія своего достоинства въ глазахъ публики, прикрывалъ установленными формальностями переходъ владѣній отъ одного пана къ другому, совершавшійся по праву сильного и по девизу *beati possidentes* *). Королевскія и ранговыя имущества считались также панскою собственностью и были также предметомъ панскихъ интригъ, панскихъ паѣздовъ. Увеличеніе одного панскаго царства на счетъ другихъ зависѣло отъ стяжательности владѣльца, или отъ его завзятости.

По замѣчанію лучшаго изъ польскихъ историковъ, въ спорахъ о поземельной собственности, для магнатовъ значили не столько самыя имѣнія, сколько то, чтобы поставить на своемъ. „Заспоривъ о чемъ-нибудь“ (говорить онъ), „надобно было уже упорствовать до конца, не обращая вниманія на всѣ могущія пронзойти отъ того опасности для себя лично, а хоть бы даже и для отечества“.

Заложить осаду на чужой землѣ считалось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Голоса слабыхъ собственниковъ не дошли до насъ чрезъ посредство письменности; но, какъ велико было число взаимныхъ панскихъ захватовъ и какъ трудно было бороться за свое право землевладѣльцамъ средней руки, можно видѣть изъ того, что самъ великій коронный гетманъ Конецпольскій до конца жизни тягался съ княземъ Теремією Вишневецкимъ за сорокъ мѣстечекъ, основанныхъ его соперникомъ колонизаторомъ на земляхъ, принадлежавшихъ къ переяславскому староству.

Войны пановъ съ панами выполняли всѣ промежутки между войнами внѣшними да борьбой съ козацкимъ и жолнерскимъ своевольствомъ. Самые сеймы, имѣвшіе въ виду общественное и государственное благоустройство, дѣлались весьма часто сценою шумныхъ споровъ за притя-

---

*) Блаженны владѣющіе.

занія магнатовъ; не разъ они грозили превратиться въ кровавое побоище изъ-за оскорбленной гордости одного человѣка; и такое явленіе не считалось ни невозможнымъ, ни даже чрезвычайнымъ въ польскомъ обществѣ.

На взглядъ человѣка русскаго, Польша была край, чужой каждому изъ гражданъ за предѣлами его личныхъ интересовъ. Этотъ край былъ обреченъ издавна на расторженіе.

Конецъ перваго тома.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Стр.

- Глава I.** Соединеніе Малоруссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ. — Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ. — Расположенность Поляковъ къ русскому элементу. — Какъ завладѣли іезуиты общественнымъ воспитаніемъ въ Польшѣ. — Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью. — Церковныя братства и церковная унія..... 3
- Глава II.** Польскіе мѣщане и польская шляхта. — Земледѣліе и городская промышленность. — Польскорусскіе крестьяне. — Столкновеніе европейскаго хозяйства съ азіатскимъ. — Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ. — Соперничества между мѣщанами и шляхтою. — Колонизація малорусскихъ пустынь. — Украинные города. — Зарожденіе козачества. — Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству. — Мысль объ уничтоженіи козачества..... 33
- Глава III.** Свобода вѣры и совѣсти въ козачествѣ. — Первая козакопанская усобица. — Три характеристическія черты козацкихъ бунтовъ. — Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Киевомъ. — Признаки разложенія Польши. — Вторая козакопанская усобица..... 57
- Глава IV.** Крестовые походы на иновѣрцевъ. — „Начало Трагедіи“. — Гонимства жолнеровъ за козаками. — Козаки бѣгутъ за Сулу. — Блокада козацкаго войска на Солоницѣ. — Гибель козаковъ..... 83
- Глава V.** Сіяющая перспектива Польши. — Затменіе этой перспективы со стороны Рима. — Развитіе польскорусскаго козачества по поводу московскихъ смуть. — Козаки, недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ. — Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ. — Возстановленіе православной іерархіи въ Киевѣ. — Значеніе царскихъ подаваній „на церковное строеніе“. — Насущные интересы массы..... 109
- Глава VI.** Хотинская война. — Козаки и татары. — Отношенія малорусскаго козачества къ церкви. — Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви. — Усиѣхи церковной уніи. — „Совѣтованіе о Благочестіи“. — Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству. — Козакопанская усобица 1625 года. Образецъ вѣрнаго панской республикѣ козака. — Умноженіе козачества на счетъ экономическихъ классовъ. — Соперничество двухъ церквей. — Козакопанская усобица 1630 года 138

- Глава VII.** Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенной по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.— Тяготѣніе малорусской массы къ Московскому Царству.— Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи. 168
- Глава VIII.** Искатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства.—Паны строятъ на Днѣпрѣ крѣпость Бодакъ; козаки ее разрушаютъ.—Происхожденіе козацкаго своевольства отъ панскаго.—Брымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства.—Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья.—Запорожцы и городовики. 186
- Глава IX.** Козакопанская усобица 1637 года.—Ресетровики и выписчики?—Лѣвая сторона Днѣпра встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коронное войско идетъ на козаковъ.—Битва подъ Кумойками.—Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта. 208
- Глава X.** Скитальческій бытъ малорусскихъ поселенцевъ.—Запугиванье бунтовщиковъ казнями.—Триумфъ, устроенный киевскими мѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Поштыка козаковъ призвать на помощь Татарь.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единодушія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца“.—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителей. 230

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
16	38	іезуиты	іезуита
23	31	церкви, и не такого	церкви. Не такого характера и не такого
27	15	въ Львовѣ	во Львовѣ
31	2	до упадка	до упаду
—	36	слово	словомъ
33	37	Остальное	Отстало
34	9	сель	сель
35	25	старину	страну
37	13	передъ нами	передъ ними
—	24	развить	развлечь
38	5	Амуратомъ	Амуратомъ
—	16	Тегиль	Тегиль
39	4	а подъ	и педъ
—	31	показывались	наказывались
45	6	<i>ришманомъ</i>	<i>рамманомъ</i>
51	21	Течиню	Тегвию
52	35	нашею Русью	съ нашею Русью
54	36	пановъ	лановъ
55	22	роль въ	роль и въ
61	5	не совпадаетъ	не совпадаетъ
—	36	текстахъ	текстѣ
62	30	эти	бы эти
—	40	не проливалъ	проливалъ
64	7	значить	значило
67	38	Лобода	Григорій Лобода
68	33	Сытынскаго	Снятынскаго
69	24	названная	изданная
72	21	цесаря. Козацкіе	и здѣсь-то козацкіе сотники играли роль

77	20	крашнихъ	кранныхъ
—	34	храмовъ	крановъ
78	16	натисками	натискали
—	18	весьми	вельми
—	19	стаборивъ	отаборивъ
—	27	<i>тутатмяю</i>	<i>тутешмяю</i>
84	12	Великимъ мнѣ	Великимъ было
86	22	Хунковскомъ	Хупковскомъ
—	25	Коростянинъ	Коростятинъ
87	12	въ сто	во сто
88	30	поторонками	посторонками
90	9	жондъ	жолдъ
91	8	предубѣждая	предупреждая
—	25	Матерницахъ	Матерницахъ
93	28	Чонганскаго	Чолганскаго
94	22	положить	наложить
—	40	подъ Собомъ	надъ Собомъ
103	32	подъ Супоемъ	надъ Супоемъ
104	20	по поторой	по которой
—	23	затопаи	затонаи
107	24	до ночи	до ноги
108	18	разразился	разверзался
110	12	раздѣляли	отдѣляли
112	7	томъ	этомъ
—	10	части	чаши
113	31	спасавшагося	спасшагося
117	36	Ахіоку	Архіоку
—	—	Мизеву	Мизеву
119	15	вооружаются	вооружатся
—	40	и безъ воли	безъ воли
120	25	несогласномъ	несогласномъ
122	8	отказывались	отзывались
124	37	днѣпровскими	днѣстровскими
127	33	душа	дума
129	3	отдаленъ	отдалѣлъ
—	22	шляхтича	шляхтича, Велянинъ Рутскій
134	19	панскими	папскими
135	30	панствъ	папистовъ
137	10	договорился	договаривался
138	15	оживились	живились
—	21	панскаго	папскаго
—	27	поддѣпровскія	поддѣстровскія
142	3	Богусловъ	Богуславъ

144	20	Невѣжливое	Невѣжественное
—	—	поживѣ	наживѣ
—	25	поставою	паствою
147	1	изображаютъ	изобрѣтаютъ
154	17	Банавскимъ	Баневскимъ
157	4	подъ Кржавымъ	надъ Кржавымъ
158	10	въ короткое	на короткое
—	35	ускусь	искусь
161	5	вольницы	вольности
—	36	Тучанскаго	Тучапскаго
162	8	<i>нифамисовъ</i>	<i>инфамисовъ</i>
—	16	и великихъ	но и великихъ
163	6	Но успѣвъ	Не успѣвъ
164	20	власти	влости
—	24	они въ томъ	они и въ томъ
165	14	тѣмъ	тѣхъ
166	38	бывшій тогда	бывшій
168	28	поборотъ	поборать
169	24	и пороки	а пороки
171	21	хлѣборода	хлѣбороба
172	8	искателяхъ	искателей
—	21	которое привело	которые привели
—	22	и вслѣдъ	а вслѣдъ
173	14	заключила	заключала
—	18	дѣйствовалъ	дѣйствовали
174	5	Копинскимъ	Копинскимъ
—	26	князья	и князья
177	8	подъ которыхъ	и подъ которыхъ
—	26	папскихъ	папскихъ
179	23	собственныхъ	собственнымъ
180	11	Соковичу	Саковичу
183	2	и между	а между
184	28	преемникъ	преемникъ его
—	37	была	была
190	6	и фигуръ	а фигуръ
191	4	положилъ	положилъ на мѣстѣ
—	22	калужскій	калускій
193	13	Пилявою	Пилявою
195	28	Русью	Росью
197	14	заставили	заставили его
—	38	собрались	собирались
207	1	восковыми	войсковыми
—	29	Олушкевичъ	Олушкевичъ

212	37	но предвидя	не предвидя
213	28	зловредное	зловторное
230	6	побѣдителя	побѣдителей
238	11	суждено	суждено было
239	28	вниманія	волневія
246	11	панами	напали
250	13	навербовали ихъ	навербованныхъ
263	7	физическаго и нравственнаго	физическою и нравственною
265	38	Тебѣ	Тебе
267	15	неутоминою	неутолимою
268	40	портѣже	портѣче
271	20	гайдуковомъ	кадубовомъ
272	13	козарюгѣ	козарлюгѣ
273	13	лицѣ	лицѣ

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекція о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-ій, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Довскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я М. 1848-г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ М. 1879. ц. 3 р.

Пословіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 (1846—1843) по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

Съ 1887 г. каждая книга «Чтеній» продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. За 1888 г. кн. 1 и 2 по 2 рубля за книгу.

В Р Е М Е Н Н И К Ъ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе *четыре* книгъ въ годъ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Книги продаются безъ подписки, каждая отдѣльно, по назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛІ СТВУЮЩІЙ

Георгій Дмитріевичъ Филмоновъ.

въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ дворцовомъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ.

Малая Бронная, д. Ермолаева, кв. № 4.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филмоновъ.

въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Федоровичъ Карповъ.

на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АРХИВАРІУСЪ

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ,

на Шварской, въ Борисо-Глебскомъ пер., въ д. Зиновьевой.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ Мамонтовъ.

Книжный магазинъ: въ *Москвѣ*, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.